This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

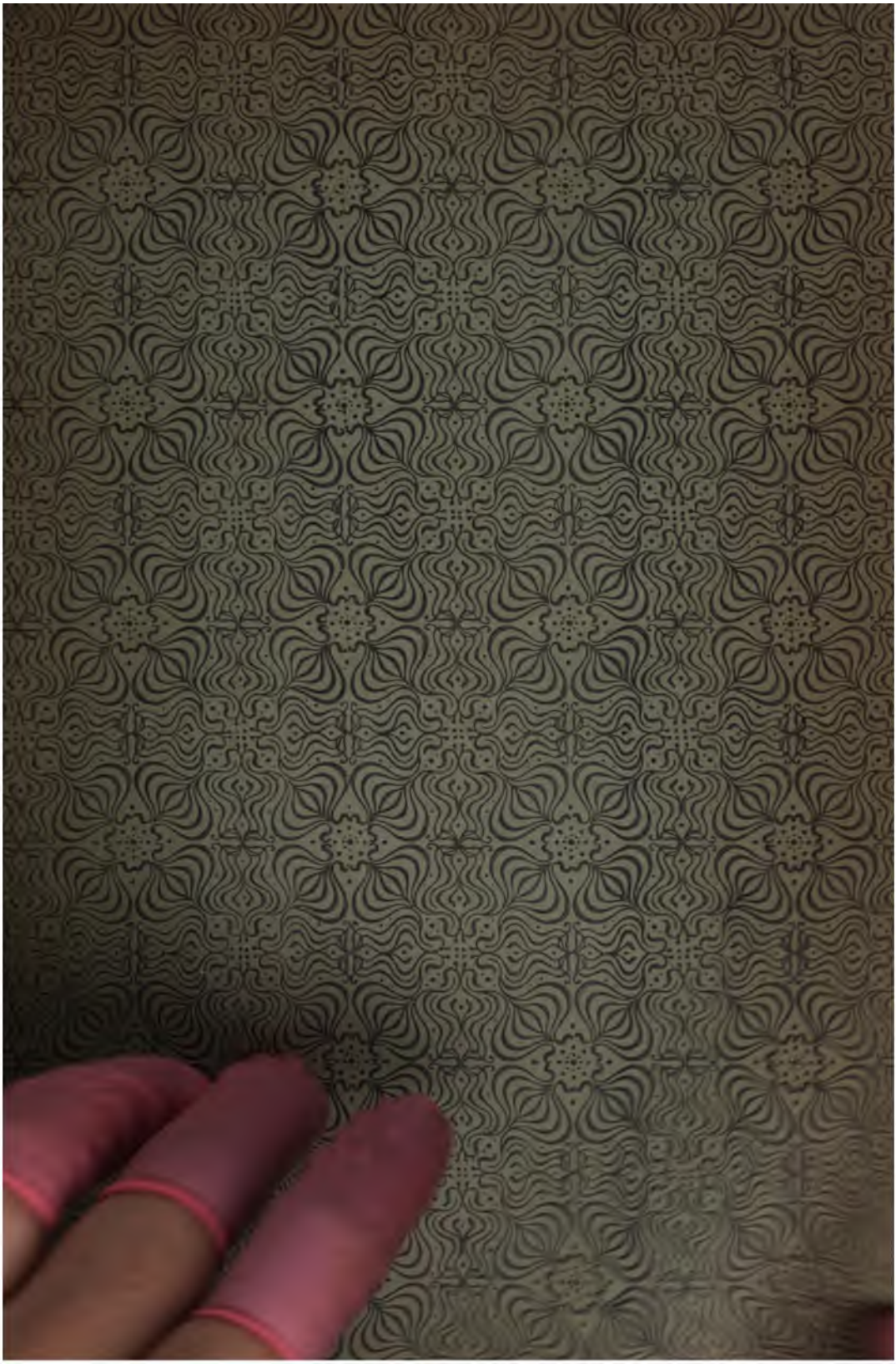
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

В.А.ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
Exchange
Account



Z651

Гравюра с Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Печ. въ Артистическомъ зав. А. Ф. Маркса. Измайл. ПР. № 23

Ч. ЖУКОВСКАГО

I.

1902.

Жуковский, В. А.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

I.

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

320350

Типографія А. Ф. МАРКСА, Измайловскій просп., № 29.

Предисловіе.

Настоящее изданіе сочиненій Жуковскаго, преслѣдуя преимущественно популярныя задачи,—имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дать своимъ читателямъ, по возможности, полный, фактически провѣренный по первоисточникамъ текстъ сочиненій нашего знаменитаго писателя.

Въ основу изданія положено послѣднее, пятое изданіе сочиненій Жуковскаго, вышедшее при его жизни и редактированное имъ самимъ: *Стихотворенія В. Жуковскаго. Изданіе пятое, т. I—IX. СПБ. (Карлсруэ). 1849.* Произведенія, не вошедшія сюда, но уже бывшія до этого времени напечатанными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ, печатаются по тѣмъ изданіямъ, гдѣ каждое изъ этихъ произведеній въ свое время было помѣщено. Произведенія, напечатанныя лишь послѣ смерти поэта, печатаются по рукописямъ, автографамъ или имѣющимся спискамъ, въ которыхъ остались послѣ смерти автора, или—при неимѣніи подъ руками редактора такихъ подлинниковъ (для нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ)—по тѣмъ первопечатнымъ текстамъ, въ которыхъ произведенія эти были обнародованы. Въ отношеніи къ рукописнымъ первоисточникамъ, редакторъ настоящаго изданія пользуется исключительно собраніемъ бумагъ Жуковскаго, находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Главная, основная часть этого собранія принесена въ даръ Библіотекѣ сыномъ покойнаго писателя П. В. Жуковскимъ и подробно описана И. А. Бычковымъ, въ приложеніи къ «Отчету» Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ (СПБ., 1887; и отдѣльно: Бумаги В. А. Жуковскаго, принесенныя въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1884 году. СПБ., 1887).

Ставя себѣ главной задачей фактическую полноту и провѣрку текста, настоящее изданіе оставляетъ совершенно въ сторонѣ варіанты и исторію текста произведеній.

Въ отношеніи внѣшняго расположенія матеріала, сочиненія Жуковскаго въ настоящемъ изданіи распредѣлены на нѣсколько наиболѣе крупныхъ отдѣловъ. Въ первый внесены лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки, посланія и др., сравнительно небольшія по объему стихотворенія. Во второй—болѣе крупныя поэтическія произведенія: поэмы, драмы, такіе обширные переводы

какъ *Наль и Дамаянти, Одиссея* и т. п.; сюда же отнесена впервые печатаемая въ настоящемъ изданіи «комическая опера» *Алеша Поповичъ*. Въ концѣ второго отдѣла, въ особой группѣ, помѣщены нѣкоторыя произведенія изъ неизданныхъ и вообще черновыхъ рукописей поэта. Въ отдѣлъ третій войдутъ сочиненія прозаическія. Четвертый и послѣдній отдѣлъ будетъ посвященъ письмамъ Жуковскаго и отрывкамъ изъ дневника поэта. Въ каждомъ изъ отдѣловъ произведенія распредѣляются въ хронологическомъ порядкѣ. Соотвѣтственно порядку произведеній, въ концѣ каждаго тома помѣщаются относящіяся къ нимъ примѣчанія. Біографическій очеркъ писателя помѣщается въ самомъ началѣ изданія.

Въ отношеніи орѳографіи настоящее изданіе въ общемъ слѣдуетъ тому же изданію 1849 года, но съ соблюденіемъ слѣдующаго основного правила Ломоносова: «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ, чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему россійской грамотѣ...» Посему, сохраняя въ общемъ орѳографію изданія 1849 года, редакція однако устраняетъ изъ нея всѣ тѣ (сравнительно очень немногія) ея особенности, которыя слишкомъ бы противорѣчили обычнымъ привычкамъ современнаго средняго читателя, не вынуждаясь при этомъ никакими требованіями и со стороны языка. Особенности, касающіяся собственно послѣдняго, строго сохраняются въ изданіи.

А. А.

В. А. Жуковскій.

Біографическій очеркъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, знаменитый русскій писатель, одинъ изъ ближайшихъ предшественниковъ Пушкина, родился 29-го янв. 1783 г., въ селѣ Мишенскомъ, въ 3 вер. отъ Бѣлева, города Тульской губ. Отцомъ его былъ старшекъ-помѣщикъ этой деревни, Аѳ. Ив. Бунинъ, а матерью—плѣнная турецкая дѣвушка Сальха, въ крещеніи получившая имя Елизаветы Дементьевны. Отъ воспріемника своего, бѣднаго дворянина Андрея Григорьевича Жуковскаго, друга Буниныхъ, нерѣдко проживавшаго въ ихъ домѣ, новорожденный получилъ свое отчество и фамилію. Отецъ ребенка, помѣщикъ Бунинъ, былъ въ это время уже не молодыхъ лѣтъ. Отъ своей жены, Марьи Григорьевны, у него было уже одиннадцать человѣкъ дѣтей; изъ нихъ старшая дочь имѣла уже около 30 лѣтъ, а младшей, Екатеринѣ—игравшей впослѣдствіи столь роковую роль въ жизни поэта—было лѣтъ 12-ть. Какъ разъ передъ рожденіемъ будущаго поэта семью Бунина постигло страшное горе: изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей въ короткое время умерло шестеро, и между ними единственный сынъ, студентъ лейпцигскаго университета. Убитая горемъ Марья Григорьевна, въ память объ умершемъ сынѣ, рѣшила взять въ свою семью новорожденнаго ребенка и воспитать его, какъ роднаго. Маленькій Васенька сдѣлался любимцемъ всей семьи.

Намъ слишкомъ мало извѣстны духовныя свойства родителей поэта, чтобы говорить о ихъ вліяніи на его будущій характеръ. Впрочемъ, сердечная мягкость, доброта были, кажется, отличительными свойствами старика Бунина, и въ этомъ отношеніи будущій поэтъ, вѣроятно, многимъ былъ обязанъ своему отцу. «Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ, по словамъ всѣхъ знавшихъ его,— говоритъ д-ръ Зейдлицъ, біографъ и другъ поэта:— былъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ...» Что касается матери, то, можетъ быть, уже отъ нея поэтъ получилъ столь свойственныя турецкому племени задатки той меланхоліи, наклонности къ грустной мечтательности, нѣкоторой апатіи и лѣни, которыя впослѣдствіи являются господствующими чертами его характера...

Первоначальное ученіе мальчика шло очень туго, и у него быстро смѣнилось нѣсколько первыхъ домашнихъ учителей. Лѣтъ 8—9, когда семейство Буниныхъ должно было переселиться въ Тулу, мальчика помѣстили въ тульскій пансіонъ; но и здѣсь ученіе подвигалось плохо. Еще хуже оно пошло, когда, по закрытіи пансіона, 10-лѣтняго Жуковскаго включили въ тульское народное училище; отсюда его прямо исключаютъ въ скоромъ времени «за неспособность». Учителя говорили, что «изъ него никакого толку не будетъ...» Между тѣмъ, это былъ ребенокъ—кроткій, тихій, задумчивый; за его доброту и ласковость его всѣ любили и баловали. При нѣкоторой апатичности и лѣни, природа наградила его необыкновенно мягкимъ, любящимъ сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то врожденной грустью. Послѣдующее воспитаніе и обстоятельства жизни еще болѣе развили эти врожденныя черты.

Духовное развитіе ребенка, кажется, гораздо плодотворнѣе пошло, когда маленькій Жуковскій окончательно поселился въ семействѣ своей крестной матери—третьей дочери Аѳанасія Ивановича Бунина—Варвары Аѳанасьевны, которая въ 1785 году вышла замужъ за П. И. Юшкова и поселилась въ Тулѣ, гдѣ служилъ ея мужъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ въ пансіонѣ и училищѣ,— Варвара Аѳанасьевна окончательно взяла крестника къ себѣ и рѣшилась дать ему воспитаніе домашнее, въ кругу своихъ дочерей-сверстницъ Жуковскаго. Общество маленькаго поэта состояло теперь исключительно изъ дѣвочекъ,— и это, конечно, не могло не имѣть также своей доли вліянія на еще большее развитіе природной мягкости его характера.

Ученье теперь, разумѣется, еще менѣе могло быть систематическимъ и серьезнымъ,

какъ *Наль и Дамаянти, Одиссея* и т. п.; сюда же отнесена впервые печатаемая въ настоящемъ изданіи «комическая опера» *Алеша Поповичъ*. Въ концѣ второго отдѣла, въ особой группѣ, помѣщены нѣкоторыя произведенія изъ неизданныхъ и вообще черновыхъ рукописей поэта. Въ отдѣлъ третій войдутъ сочиненія прозаическія. Четвертый и послѣдній отдѣлъ будетъ посвященъ письмамъ Жуковскаго и отрывкамъ изъ дневника поэта. Въ каждомъ изъ отдѣловъ произведенія распредѣляются въ хронологическомъ порядкѣ. Соотвѣтственно порядку произведеній, въ концѣ каждаго тома помѣщаются относящіяся къ нимъ примѣчанія. Біографическій очеркъ писателя помѣщается въ самомъ началѣ изданія.

Въ отношеніи орѳографіи настоящее изданіе въ общемъ слѣдуетъ тому же изданію 1849 года, но съ соблюденіемъ слѣдующаго основного правила Ломоносова: «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ, чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему россійской грамотѣ...» Посему, сохраняя въ общемъ орѳографію изданія 1849 года, редакція однако устраняетъ изъ нея всѣ тѣ (сравнительно очень немногія) ея особенности, которыя слишкомъ бы противорѣчили обычнымъ привычкамъ современнаго средняго читателя, не вынуждаясь при этомъ никакими требованіями и со стороны языка. Особенности, касающіяся собственно послѣдняго, строго сохраняются въ изданіи. **А. А.**

В. А. Жуковскій.

Біографическій очеркъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, знаменитый русскій писатель, одинъ изъ ближайшихъ предшественниковъ Пушкина, родился 29-го янв. 1783 г., въ селѣ Мишенскомъ, въ 3 вер. отъ Бѣлева, города Тульской губ. Отцомъ его былъ старикъ-помѣщикъ этой деревни, Аѳ. Ив. Бунинъ, а матерью — плѣнная турецкая дѣвушка Сальха, въ крещеніи получившая имя Елизаветы Дементьевны. Отъ воспріемника своего, бѣднаго дворянина Андрея Григорьевича Жуковскаго, друга Буниныхъ, нерѣдко проживавшаго въ ихъ домѣ, новорожденный получилъ свое отчество и фамилію. Отецъ ребенка, помѣщикъ Бунинъ, былъ въ это время уже не молодыхъ лѣтъ. Отъ своей жены, Маріи Григорьевны, у него было уже одиннадцать человѣкъ дѣтей; изъ нихъ старшая дочь имѣла уже около 30 лѣтъ, а младшей, Екатеринѣ—игравшей впослѣдствіи столь роковую роль въ жизни поэта—было лѣтъ 12-ть. Какъ разъ передъ рожденіемъ будущаго поэта семью Бунина постигло страшное горе: изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей въ короткое время умерло шестеро, и между ними единственный сынъ, студентъ лейпцигскаго университета. Убитая горемъ Марья Григорьевна, въ память объ умершемъ сынѣ, рѣшила взять въ свою семью новорожденнаго ребенка и воспитать его, какъ родного. Маленькій Васенька сдѣлался любимцемъ всей семьи.

Намъ слишкомъ мало извѣстны духовныя свойства родителей поэта, чтобы говорить о ихъ вліяніи на его будущій характеръ. Впрочемъ, сердечная мягкость, доброта были, кажется, отличительными свойствами старика Бунина, и въ этомъ отношеніи будущій поэтъ, вѣроятно, многимъ былъ обязанъ своему отцу. «Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ, по словамъ всѣхъ знавшихъ его,— говоритъ д-ръ Зейдлицъ, біографъ и другъ поэта:— былъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ...» Что касается матери, то, можетъ быть, уже отъ нея поэтъ получилъ столь свойственныя турецкому племени задатки той меланхоліи, наклонности къ грустной мечтательности, нѣкоторой апатіи и лѣни, которыя впослѣдствіи являются господствующими чертами его характера...

Первоначальное ученіе мальчика шло очень туго, и у него быстро смѣнилось нѣсколько первыхъ домашнихъ учителей. Лѣтъ 8—9, когда семейство Буниныхъ должно было переселиться въ Тулу, мальчика помѣстили въ тульскій пансіонъ; но и здѣсь ученіе подвигалось плохо. Еще хуже оно пошло, когда, по закрытіи пансіона, 10-лѣтняго Жуковскаго включили въ тульское народное училище; отсюда его прямо исключаютъ въ скоромъ времени «за неспособность». Учителя говорили, что «изъ него никакого толку не будетъ...» Между тѣмъ, это былъ ребенокъ— кроткій, тихій, задумчивый; за его доброту и ласковость его всѣ любили и баловали. При нѣкоторой апатичности и лѣни, природа наградила его необыкновенно мягкимъ, любящимъ сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то врожденной грустью. Послѣдующее воспитаніе и обстоятельства жизни еще болѣе развили эти врожденныя черты.

Духовное развитіе ребенка, кажется, гораздо плодотворнѣе пошло, когда маленькій Жуковскій окончательно поселился въ семействѣ своей крестной матери—третьей дочери Аѳанасія Ивановича Бунина—Варвары Аѳанасьевны, которая въ 1785 году вышла замужъ за П. И. Юшкова и поселилась въ Тулѣ, гдѣ служилъ ея мужъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ въ пансіонѣ и училищѣ,— Варвара Аѳанасьевна окончательно взяла крестника къ себѣ и рѣшилась дать ему воспитаніе домашнее, въ кругу своихъ дочерей-сверстницъ Жуковскаго. Общество маленькаго поэта состояло теперь исключительно изъ дѣвочекъ,— и это, конечно, не могло не имѣть также своей доли вліянія на [illegible] большее развитіе природной мягкости его характера.

Ученье теперь, разумѣется, еще [illegible] могло быть систематическимъ и [illegible].

хотя въ домѣ Варвары Аѳанасьевны и было много разныхъ учителей и гувернантокъ. Но въ то же время домъ Юшковыхъ былъ главнымъ центромъ мѣстной провинціальной умственной жизни. Здѣсь собирались всѣ лучшія силы — литературныя и музыкальныя— какія только находились въ городѣ. Вокругъ образованной и любезной хозяйки составился цѣлый кружокъ, преданный исключительно литературнымъ и музыкальнымъ интересамъ. Всѣ, кто интересовался современной поэзіей, литературой, русской и иностранной, кто любилъ музыку—всѣ собирались въ домѣ Варвары Аѳанасьевны. Она была душой всего общества. «Варвара Аѳанасьевна,—говоритъ біографъ Жуковскаго и его современникъ:— устроила у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ чтеній и разсужденій. Тутъ собственно:—прибавляетъ біографъ: — литературное настроеніе привилось къ Жуковскому». Художественнымъ дарованіямъ и литературно - поэтическимъ вкусамъ будущаго поэта, дѣйствительно, было гдѣ развиться. Чтобы видѣть, насколько сильно были привиты въ семействѣ Юшковыхъ умственные интересы, — достаточно припомнить, что одна изъ дочерей Варвары Аѳанасьевны, Анна Петровна, въ замужествѣ Зонтагъ, въ свое время извѣстна была многими прекрасными книгами для дѣтскаго чтенія. Сдѣланное ею изложеніе для дѣтей *священной исторіи* до сихъ поръ не потеряло своего значенія; другая, Авдотья Петровна, бывшая въ замужествѣ сначала за Кирѣевскимъ, потомъ за Елагинымъ, была вообще одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, — и домъ ея, когда она жила съ мужемъ Елагинымъ въ Москвѣ, былъ однимъ изъ главныхъ центровъ московскихъ литературныхъ кружковъ 30—40 гг. Столь извѣстные въ исторіи нашей литературы и всей умственной жизни — Иванъ и Петръ Кирѣевскіе были ея дѣти...

Въ такой обстановкѣ прошли наиболѣе ранніе годы нашего поэта. Въ 1797 году 14-лѣтняго Жуковскаго отвозятъ въ Москву и опредѣляютъ въ московскій благородный университетскій пансіонъ, гдѣ онъ остается четыре года (1797—1801). Для будущаго поэта наступилъ новый періодъ жизни, пора серьезнаго ученья, которому отдается теперь Жуковскій со всѣмъ жаромъ юношескаго одушевленія. Общество дѣвочекъ замѣнилось кругомъ товарищей, въ которыхъ Жуковскому особенно посчастливилось; быстро возникли и укрѣпились новыя симпатіи, новыя сердечныя связи.

Московскій университетскій пансіонъ, возникшій *въ 1779 году*, былъ въ свое время едва ли не лучшимъ у насъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ къ университету. Впрочемъ пансіонъ былъ совершенно самостоятельнымъ заведеніемъ, и многіе воспитанники ограничивались только имъ. Съ учебнымъ характеромъ и цѣлями этого заведенія отчасти знакомитъ насъ *объявленіе*, напечатанное отъ пансіона въ 1783 году, передъ пріемомъ воспитанниковъ, гдѣ читаемъ: «При семъ университетскомъ, преимущественно для благородныхъ учрежденномъ, вольномъ пансіонѣ за главную цѣль взяты три предмета: 1) научить дѣтей, просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями; 2) вкоренить въ сердца ихъ благонравіе и 3) сохранить ихъ здравіе...» И далѣе, относительно самаго преподаванія: «Императорскій московскій университетъ въ пансіонѣ своемъ пріемлетъ на себя обучать питомцевъ во-первыхъ, основательному познанію христіанскаго закона, потомъ самонужнѣйшимъ свѣтскимъ наукамъ, какъ-то всей чистой математикѣ, т. е. ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, нѣкоторымъ частямъ смѣшанной математики и въ особенности артиллеріи и фортификаціи; тако жъ философіи, особливо нравственной (моральной), исторіи и географіи, и россійскому стилю, присовокупя къ тому искусство рисовать карандашомъ, тушью и сухими красками, танцевать, фехтовать и музыкѣ; а наконецъ и разнымъ языкамъ, яко нужнымъ орудіямъ учености, какъ-то: россійскому, нѣмецкому, французскому, англійскому и итальянскому, а кому угодно будетъ — тако жъ латинскому и греческому...» Пансіонъ сложился не вдругъ. Въ его внутренней исторіи, въ характерѣ ученья и всего строя, особенно важнымъ фактомъ было назначеніе сюда въ 1791 году сначала инспекторомъ, а потомъ директоромъ— А. А. Прокоповича-Антонскаго: пансіонъ получаетъ съ этого времени совершенно самостоятельное существованіе, и общее направленіе его внутренней жизни значительно мѣняется. Необходимо остановиться съ нѣкоторою подробностью на общемъ характерѣ московскаго университетскаго пансіона въ послѣдніе годы XVIII ст.: время пребыванія здѣсь Жуковскаго было важнѣйшей эпохой его жизни, и здѣсь, въ пансіонѣ, въ его духовномъ развитіи заложено и укрѣплено было многое, что сказывается потомъ во всемъ нравственномъ характерѣ нашего писателя.

Строй преподаванія и воспитанія, господствовавшій въ пансіонѣ, литературные вкусы, которые прививались здѣсь воспитанникамъ, общая духовная атмосфера, царствовавшая въ пансіонѣ — являются для насъ тѣмъ болѣе важными и заслуживающими вниманія, что все это является и вообще чрезвычайно типичнымъ для характеристики господствовавшихъ въ концѣ XVIII и нач. XIX в. нашихъ

умственныхъ теченій и въ литературѣ, и въ самомъ обществѣ. По общимъ, наиболѣе господствовавшимъ чертамъ, это былъ отчасти карамзинскій сентиментализмъ, отчасти—отзвуки стараго екатерининскаго масонства, на почвѣ начинавшей тогда уже усиливаться реакціи французскимъ освободительнымъ идеямъ. Между прочимъ, въ числѣ образцовыхъ книгъ чтенія для воспитанниковъ здѣсь были такія книги, какъ *Утреннія и вечернія размышленія на каждый день* Хр. Штурма, извѣстнаго мистическаго протестантскаго проповѣдника и слагателя духовныхъ пѣсень,—названная книга его не задолго передъ тѣмъ была переведена и издана Новиковымъ (М., 12 частей, 1787—1789),—*Книга премудрости и добродѣтели* нѣкоего Додслея (Dodsley)—сборникъ нравственныхъ правилъ, выданныхъ авторомъ за переводъ съ какой-то древней индійской рукописи—также не задолго передъ тѣмъ переведенная въ Москвѣ (3 ч., 1794) и др. т. п. произведенія. По отзыву руководителя пансіона Антонскаго, это были «хорошія нравственныя книги...» Многія изъ нихъ, какъ сейчасъ названныя, носили на себѣ рѣзкій отпечатокъ мистически-масонскихъ воззрѣній. Сильнымъ патетическимъ словомъ старается напримѣръ Штурмъ подѣйствовать на чувства читателя. Его «Размышленія» представляютъ какъ бы популярную естественно-историческую энциклопедію, проникнутую отъ начала до конца религіозною мыслью; книга согрѣта благочестивымъ чувствомъ автора, богата многими поэтическими страницами, хотя вообще чрезъ все проходитъ мѣстами весьма замѣтный мистицизмъ. Авторъ указываетъ на природу, какъ на живую свидѣтельницу могущества и благости Творца. «Ты видишь темное облако,—говоритъ онъ, обращаясь къ читателю:—но въ немъ сокровенно пребываетъ великій Богъ. Облака преклоняются къ землѣ, Господь же преклоняетъ небо и нисходитъ...» Картина жатвы пробуждаетъ въ читателѣ мысль о смерти, и эта мысль не представляетъ ему ничего ужаснаго...

Такъ, уже въ школѣ религіозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго. Не лишне припомнить, что старшимъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону былъ пріобрѣвшій столь печальную извѣстность впослѣдствіи, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій...

Въ сферѣ собственно учебнаго преподаванія, въ пансіонѣ господствовали отчасти еще старые ложно-классическіе вкусы, отчасти новые, только-что вводившіеся въ литературу Карамзинымъ. Учителемъ словесности въ пансіонѣ былъ нѣкто М. Боккаревичъ,—восторженный почитатель Ломоносова; какъ на идеалъ, онъ указывалъ воспитанникамъ на «златострунную лиру сего наперстника небесъ»... Неудивительно поэтому, если въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго мы услышимъ потомъ отголоски этой «лиры»,—встрѣчаемъ въ нихъ такое обиліе славянскихъ выраженій—эту необходимую принадлежность «высокаго штиля». Въ такой же, если еще не большей степени, воспитанники пансіона восхищались, по указаніямъ учителя, твореніями Державина: отголоски ихъ также весьма замѣтны въ первыхъ произведеніяхъ Жуковскаго...

Умственная обстановка пансіона весьма много способствовала поэтическому развитію Жуковскаго, и пансіону онъ былъ вообще обязанъ очень многимъ. Въ пансіонѣ вполнѣ окрѣпли и развились литературные вкусы нашего поэта, пользовавшіеся, какъ мы видѣли, и передъ этимъ весьма благопріятной семейной обстановкой. Правда, пансіонъ не обогатилъ поэта большими серьезными знаніями; но духовная атмосфера пансіона какъ нельзя лучше содѣйствовала общему развитію его умственныхъ способностей, и въ частности его поэтическихъ дарованій. Интересы литературные были сильно развиты среди учениковъ пансіона. Сочиненія и переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ были любимымъ ихъ занятіемъ. Подъ руководствомъ преподавателей ученики нерѣдко собирались читать свои оригинальные и переводные опыты,—подвергая ихъ здѣсь же товарищеской, безпристрастной критикѣ. Лучшіе изъ такихъ опытовъ потомъ печатались въ особыхъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ при пансіонѣ. Пансіонъ вообще развилъ его литературные интересы,—и вмѣстѣ съ этимъ пріохотилъ поэта къ труду. Наконецъ, помимо всего, пансіонъ далъ будущему писателю общество молодыхъ, даровитыхъ товарищей,—со многими изъ нихъ Жуковскій навсегда остался связаннымъ самыми тѣсными нравственными связями. Съ самаго поступленія Жуковскаго въ пансіонъ,—въ печати появляются его первые литературные опыты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда, въ томъ же 1797 году, скончалась его крестная мать и воспитательница, Варвара Аоанасьевна Юшкова; подъ вліяніемъ этого горя, Жуковскій написалъ свой первый печатный опытъ: *Мысли при гробницѣ*, тогда же напечатанный... Уже здѣсь, въ этомъ первомъ опытѣ, нельзя не замѣтить предвѣстниковъ будущаго направленія всей его поэзіи. «Живо почувствовалъ я,—говоритъ здѣсь 14-лѣтній авторъ: — ничтожность всего подлуннаго; вселенная представилась мнѣ гробомъ... Смерть, лютая смерть, когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей,—когда, когда престанешь ты посѣкать все живущее, какъ злаки дубравные?.. Все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы

хотя въ домѣ Варвары Аѳанасьевны и было много разныхъ учителей и гувернантокъ. Но въ то же время домъ Юшковыхъ былъ главнымъ центромъ мѣстной провинціальной умственной жизни. Здѣсь собирались всѣ лучшія силы — литературныя и музыкальныя— какія только находились въ городѣ. Вокругъ образованной и любезной хозяйки составился цѣлый кружокъ, преданный исключительно литературнымъ и музыкальнымъ интересамъ. Всѣ, кто интересовался современной поэзіей, литературой, русской и иностранной, кто любилъ музыку—всѣ собирались въ домѣ Варвары Аѳанасьевны. Она была душой всего общества. «Варвара Аѳанасьевна,—говоритъ біографъ Жуковскаго и его современникъ:— устроила у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ чтеній и разсужденій. Тутъ собственно:—прибавляетъ біографъ: — литературное настроеніе привилось къ Жуковскому». Художественнымъ дарованіямъ и литературно-поэтическимъ вкусамъ будущаго поэта, дѣйствительно, было гдѣ развиться. Чтобы видѣть, насколько сильно были привиты въ семействѣ Юшковыхъ умственные интересы, — достаточно припомнить, что одна изъ дочерей Варвары Аѳанасьевны, Анна Петровна, въ замужествѣ Зонтагъ, въ свое время извѣстна была многими прекрасными книгами для дѣтскаго чтенія. Сдѣланное ею изложеніе для дѣтей *священной исторіи* до сихъ поръ не потеряло своего значенія; другая, Авдотья Петровна, бывшая въ замужествѣ сначала за Кирѣевскимъ, потомъ за Елагинымъ, была вообще одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, — и домъ ея, когда она жила съ мужемъ Елагинымъ въ Москвѣ, былъ однимъ изъ главныхъ центровъ московскихъ литературныхъ кружковъ 30—40 гг. Столь извѣстные въ исторіи нашей литературы и всей умственной жизни — Иванъ и Петръ Кирѣевскіе были ея дѣти...

Въ такой обстановкѣ прошли наиболѣе ранніе годы нашего поэта. Въ 1797 году 14-лѣтняго Жуковскаго отвозятъ въ Москву и опредѣляютъ въ московскій благородный университетскій пансіонъ, гдѣ онъ остается четыре года (1797—1801). Для будущаго поэта наступилъ новый періодъ жизни, пора серьезнаго ученья, которому отдается теперь Жуковскій со всѣмъ жаромъ юношескаго одушевленія. Общество дѣвочекъ замѣнилось кругомъ товарищей, въ которыхъ Жуковскому особенно посчастливилось; быстро возникли и укрѣпились новыя симпатіи, новыя сердечныя связи.

Московскій университетскій пансіонъ, *возникшій въ 1779 году*, былъ въ свое время едва ли не лучшимъ у насъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ къ университету. Впрочемъ пансіонъ былъ совершенно самостоятельнымъ заведеніемъ, и многіе воспитанники ограничивались только имъ. Съ учебнымъ характеромъ и цѣлями этого заведенія отчасти знакомитъ насъ *объявленіе*, напечатанное отъ пансіона въ 1783 году, передъ пріемомъ воспитанниковъ, гдѣ читаемъ: «При семъ университетскомъ, преимущественно для благородныхъ учрежденномъ, вольномъ пансіонѣ за главную цѣль взяты три предмета: 1) научить дѣтей, просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями; 2) вкоренить въ сердца ихъ благонравіе и 3) сохранить ихъ здравіе...» И далѣе, относительно самаго преподаванія: «Императорскій московскій университетъ въ пансіонѣ своемъ пріемлетъ на себя обучать питомцевъ во-первыхъ, основательному познанію христіанскаго закона, потомъ самонужнѣйшимъ свѣтскимъ наукамъ, какъ-то всей чистой математикѣ, т. е. ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, нѣкоторымъ частямъ смѣшанной математики и въ особенности артиллеріи и фортификаціи; тако жъ философіи, особливо нравственной (моральной), исторіи и географіи, и россійскому стилю, присовокупя къ тому искусство рисовать карандашомъ, тушью и сухими красками, танцевать, фехтовать и музыкѣ; а наконецъ и разнымъ языкамъ, яко нужнымъ орудіямъ учености, какъ-то: россійскому, нѣмецкому, французскому, англійскому и итальянскому, а кому угодно будетъ — тако жъ латинскому и греческому...» Пансіонъ сложился не вдругъ. Въ его внутренней исторіи, въ характерѣ ученья и всего строя, особенно важнымъ фактомъ было назначеніе сюда въ 1791 году сначала инспекторомъ, а потомъ директоромъ— А. А. Прокоповича-Антонскаго: пансіонъ получаетъ съ этого времени совершенно самостоятельное существованіе, и общее направленіе его внутренней жизни значительно мѣняется. Необходимо остановиться съ нѣкоторою подробностью на общемъ характерѣ московскаго университетскаго пансіона въ послѣдніе годы XVIII ст.: время пребыванія здѣсь Жуковскаго было важнѣйшей эпохой его жизни, и здѣсь, въ пансіонѣ, въ его духовномъ развитіи заложено и укрѣплено было многое, что сказывается потомъ во всемъ нравственномъ характерѣ нашего писателя.

Строй преподаванія и воспитанія, господствовавшій въ пансіонѣ, литературные вкусы, которые прививались здѣсь воспитанникамъ, общая духовная атмосфера, царствовавшая въ пансіонѣ — являются для насъ тѣмъ болѣе важными и заслуживающими вниманія, что все это является и вообще чрезвычайно типичнымъ для характеристики господствовавшихъ въ концѣ XVIII и нач. XIX в. нашихъ

умственныхъ теченій и въ литературѣ, и въ самомъ обществѣ. По общимъ, наиболѣе господствовавшимъ чертамъ, это былъ отчасти карамзинскій сентиментализмъ, отчасти—отзвуки стараго екатерининскаго масонства, на почвѣ начинавшей тогда уже усиливаться реакціи французскимъ освободительнымъ идеямъ. Между прочимъ, въ числѣ образцовыхъ книгъ чтенія для воспитанниковъ здѣсь были такія книги, какъ *Утреннія и вечернія размышленія на каждый день* Хр. Штурма, извѣстнаго мистическаго протестантскаго проповѣдника и слагателя духовныхъ пѣсенъ,—названная книга его не задолго передъ тѣмъ была переведена и издана Новиковымъ (М., 12 частей, 1787—1789),—*Книга премудрости и добродѣтели* нѣкоего Додслея (Dodsley)—сборникъ нравственныхъ правилъ, выданныхъ авторомъ за переводъ съ какой-то древней индійской рукописи—также не задолго передъ тѣмъ переведенная въ Москвѣ (3 ч., 1794) и др. т. п. произведенія. По отзыву руководителя пансіона Антонскаго, это были «хорошія нравственныя книги...» Многія изъ нихъ, какъ сейчасъ названныя, носили на себѣ рѣзкій отпечатокъ мистически-масонскихъ воззрѣній. Сильнымъ патетическимъ словомъ старается напримѣръ Штурмъ подѣйствовать на чувства читателя. Его «Размышленія» представляютъ какъ бы популярную естественно-историческую энциклопедію, проникнутую отъ начала до конца религіозною мыслью; книга согрѣта благочестивымъ чувствомъ автора, богата многими поэтическими страницами, хотя вообще чрезъ все проходитъ мѣстами весьма замѣтный мистицизмъ. Авторъ указываетъ на природу, какъ на живую свидѣтельницу могущества и благости Творца. «Ты видишь темное облако,—говоритъ онъ, обращаясь къ читателю:—но въ немъ сокровенно пребываетъ великій Богъ. Облака преклоняются къ землѣ, Господь же преклоняетъ небо и нисходитъ...» Картина жатвы пробуждаетъ въ читателѣ мысль о смерти, и эта мысль не представляетъ ему ничего ужаснаго...

Такъ, уже въ школѣ религіозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго. Не лишне припомнить, что старшимъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону былъ пріобрѣвшій столь печальную извѣстность впослѣдствіи, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій...

Въ сферѣ собственно учебнаго преподаванія, въ пансіонѣ господствовали отчасти еще старые ложно-классическіе вкусы, отчасти новые, только-что вводившіеся въ литературу Карамзинымъ. Учителемъ словесности въ пансіонѣ былъ нѣкто М. Боккаревичъ,—восторженный почитатель Ломоносова; какъ на идеалъ, онъ указывалъ воспитанникамъ на «златострунную лиру сего наперстника небесъ»... Неудивительно поэтому, если въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго мы услышимъ потомъ отголоски этой «лиры»,—встрѣчаемъ въ нихъ такое обиліе славянскихъ выраженій—эту необходимую принадлежность «высокаго штиля». Въ такой же, если еще не большей степени, воспитанники пансіона восхищались, по указаніямъ учителя, твореніями Державина: отголоски ихъ также весьма замѣтны въ первыхъ произведеніяхъ Жуковскаго...

Умственная обстановка пансіона весьма много способствовала поэтическому развитію Жуковскаго, и пансіону онъ былъ вообще обязанъ очень многимъ. Въ пансіонѣ вполнѣ окрѣпли и развились литературные вкусы нашего поэта, пользовавшіеся, какъ мы видѣли, и передъ этимъ весьма благопріятной семейной обстановкой. Правда, пансіонъ не обогатилъ поэта большими серьезными знаніями; но духовная атмосфера пансіона какъ нельзя лучше содѣйствовала общему развитію его умственныхъ способностей, и въ частности его поэтическихъ дарованій. Интересы литературные были сильно развиты среди учениковъ пансіона. Сочиненія и переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ были любимымъ ихъ занятіемъ. Подъ руководствомъ преподавателей ученики нерѣдко собирались читать свои оригинальные и переводные опыты,—подвергая ихъ здѣсь же товарищеской, безпристрастной критикѣ. Лучшіе изъ такихъ опытовъ потомъ печатались въ особыхъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ при пансіонѣ. Пансіонъ вообще развилъ его литературные интересы,—и вмѣстѣ съ этимъ пріохотилъ поэта къ труду. Наконецъ, помимо всего, пансіонъ далъ будущему писателю общество молодыхъ, даровитыхъ товарищей,—со многими изъ нихъ Жуковскій навсегда остался связаннымъ самыми тѣсными нравственными связями. Съ самаго поступленія Жуковскаго въ пансіонъ,—въ печати появляются его первые литературные опыты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда, въ томъ же 1797 году, скончалась его крестная мать и воспитательница, Варвара Аѳанасьевна Юшкова; подъ вліяніемъ этого горя, Жуковскій написалъ свой первый печатный опытъ: *Мысли при гробницѣ*, тогда же напечатанный... Уже здѣсь, въ этомъ первомъ опытѣ, нельзя не замѣтить предвѣстниковъ будущаго направленія всей его поэзіи. «Живо почувствовалъ я,—говоритъ здѣсь 14-лѣтній авторъ: — ничтожность всего подлуннаго; вселенная представилась мнѣ гробомъ... Смерть, лютая смерть, когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей,—когда, когда престанешь ты посѣкать все живущее, какъ злаки дубравные?.. Все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы

твоей...» Впрочемъ, юноша-писатель находитъ себѣ утѣшеніе: «Но почто смущаться сею мыслью,—продолжаетъ онъ:—развѣ нѣтъ оплотовъ противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревый сводъ, тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ Отецъ любви... Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ и на кого горькая слеза сироты не вопіяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по возможности старался дѣлать добро,—тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжествомъ...»

За первымъ опытомъ непосредственно послѣдовали другіе. Съ 1797 года по 1801 годъ, въ продолженіе четырехлѣтней пансіонской жизни, Жуковскимъ были написаны (и тогда же напечатаны): *Майское утро* (1797), *Добродѣтель* (1798), *Міръ* (1800), *Къ Тибуллу* (1800), *Къ Человѣку* (1801) и нѣк. др. Эти первые литературные опыты весьма интересны для изученія только-что начинавшагося слагаться міросозерцанія юноши-поэта. Молодую головку начинаютъ все чаще и чаще посѣщать невеселыя мысли. Юношу поражаетъ непрочность жизни, быстротечность всего земного: жизнь кажется ему «бездной слезъ и страданій». «Счастливъ тотъ,—говоритъ онъ:—кто, достигнувъ мирнаго берега, вѣчнымъ спитъ сномъ...» Меланхолическая печаль поэта о скоротечности жизни, о ея горестяхъ, не переходитъ однако въ пессимизмъ: юноша никакъ не хочетъ допустить,—

чтобы природа
Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, проживши два, три года,
Прешедъ сквозь мрачны дебри зла,—
Съ лица земли, какъ тѣни, скрылись!
Себя мы можемъ пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть,—
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!..

Указывая въ другомъ стихотвореніи на всесильное могущество времени, уничтожающаго все живое, на тлѣнность и разрушаемость самыхъ памятниковъ, воздвигаемыхъ героямъ, юноша-поэтъ спрашиваетъ,—

что-жъ покажетъ, что мы жили,
Когда все время рушитъ такъ?

и отвѣчаетъ, что не камень и не обелиски прославятъ насъ—

останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить!

Стихотвореніе *Человѣкъ* (1801) хорошо рисуетъ общее міровоззрѣніе 17-лѣтняго поэта, съ которымъ онъ оставлялъ пансіонъ:

Ничтожный человѣкъ! Что жизнь твоя? Мгновенье!
Взглянулъ на дневный лучъ—и нѣтъ тебя—пропалъ.
Изъ тьмы небытія злой рокъ тебя призвалъ
На то лишь, чтобы предать въ добычу разрушенья;
Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!
Игралище судьбы, волнуемый страстями...—
Что твой парящій умъ? Что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка—и гдѣ ты прахъ надменный,
Гдѣ жизни твоея слѣды?
Чего жъ искать тебѣ въ сей пропасти мученій?
Скорѣй, скорѣй въ ничто!..
Твое убѣжище лишь смерть!..»—

Такъ въ гордости своей,—говоритъ поэтъ:—безумецъ возстаетъ на небо. Поэтъ не соглашается съ такимъ взглядомъ на судьбу человѣка: при всей скоротечности человѣческой жизни,—для человѣка есть высокая цѣль: Творецъ твой не тиранъ,—возражаетъ поэтъ пессимисту:—ты страждешь отъ себя!

Онъ благъ; для счастія онъ въ жизнь призвалъ тебя,—
Изъ чаши радостей ты горесть испиваешь:
Ужели рокъ виновенъ въ томъ?
Безумецъ, пробудись! воззри на міръ пространный:
Все дышитъ счастіемъ, все славитъ жребій свой...
Ужели ты одинъ, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвенъ?
Познай себя, познай! Коль въ дерзкомъ ослѣпленьи
Захочешь ты себя за край міровъ вознесть,
Сравниться со Творцомъ,—ты непримѣтна персть!
Но ты великъ собой, сей міръ твое владѣнье,
Мужайся!
Твой рай и адъ—въ тебѣ! Брань, брань твоимъ страстямъ!
Передъ тобой отверстъ безсмертья вѣчный храмъ,
Ты смерти сломишь серпъ могучею рукою:
Могила—къ вѣчной жизни путь!..

Эти мысли пансіонскихъ стихотвореній уже вполнѣ опредѣленно намѣчали философское міровоззрѣніе будущей поэзіи только-что начинавшаго сознавать себя молодого поэта.

Ко времени пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ относится и начало его переводческой дѣятельности. Жуковскій рано научился иностраннымъ языкамъ, и переводы были для него дѣломъ нетруднымъ. Первымъ переводомъ Жуковскаго былъ переводъ романа Коцебу, самаго моднаго тогдашняго писателя: *Die jüngsten Kinder meiner Laune*, назван-

ный Жуковскимъ въ переводѣ: *Мальчикъ у ручья* (4 ч., М., 1801 г.). За свои переводы Жуковскій, кромѣ денегъ, сталъ получать отъ книгопродавцевъ по тогдашнему обычаю и книги. Къ концу пансіонской жизни у него составилась изъ нихъ цѣлая библіотека.

По выходѣ изъ пансіона (1801), Жуковскій началъ было служить; но служба пришлась не по немъ. Черезъ годъ онъ ее бросаетъ,— и весною 1802 года переселяется на житье въ Мишенское, въ кругъ своихъ родныхъ и друзей.

Поэтъ покинулъ службу и уѣхалъ въ деревню—съ цѣлью продолжать свое образованіе. Уѣзжая изъ Москвы, Жуковскій захватилъ съ собою всѣ свои книги, запасся новыми, и привезъ въ деревню цѣлую библіотеку. «Ему хотѣлось,— говоритъ его другъ и біографъ: — самостоятельными упражненіями приготовить себя къ литературному поприщу, и библіотека, пріобрѣтенная въ Москвѣ, оказала ему въ этомъ отношеніи существенную услугу. Въ спискѣ книгъ его мы видимъ, кромѣ большой французской энциклопедіи Дидро, множество французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ историческихъ сочиненій, переводы греческихъ и латинскихъ классиковъ, стихотворенія и другія произведенія изящной словесности на иностранныхъ языкахъ, полныя изданія: Шиллера, Гердера, Лессинга и проч. Все это,—прибавляетъ современникъ: — давало матеріалъ для дальнѣйшаго его самообразованія». Въ 1805 году, въ письмѣ къ Ѳ. Г. Вендриху, своему сосѣду по деревнѣ, Жуковскій сообщаетъ ему о своихъ занятіяхъ: «Принялся читать Виланда, вашего пріятеля»,—пишетъ онъ ему и прибавляетъ при этомъ, что онъ еще «прежде, давно» ознакомился съ нимъ во французскомъ переводѣ, но теперь читаетъ въ подлинникѣ. Поэтъ проситъ Вендриха— человѣка весьма образованнаго—быть его руководителемъ въ нѣмецкой литературѣ. «Я желалъ бы, — пишетъ Жуковскій: — чтобы вы назначили мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги во всѣхъ родахъ литературы; нѣмецкая литература мнѣ мало знакома; но я, конечно, не имѣю нужды искать лучше васъ совѣтника въ выборѣ книгъ нѣмецкихъ».

Повѣсть *Вадимъ Новгородскій*, напечатанная уже въ 1803 г., правда всецѣло внушенная тѣми иностранными авторами, которые являются теперь главными духовными руководителями Жуковскаго, все же отчасти, самымъ сюжетомъ своимъ, можетъ свидѣтельствовать объ особенномъ пробужденіи въ поэтѣ уже теперь историческихъ интересовъ, хотя болѣе спеціальныя занятія поэта въ области исторіи обнаруживаются нѣсколько позднѣе... Поэтъ мечтаетъ о путешествіи за границу,—онъ хочетъ «годъ учиться» въ Геттингенѣ, «еще годъ въ Парижѣ»; потомъ «годъ ѣздить по Европѣ,— если же обстоятельства не позволятъ, то все время посвятить ученью». «Возвратясь, посвящу себя совершенно литературѣ»,—прибавляетъ онъ. И далѣе, здѣсь же формулируетъ свой нравственный идеалъ жизни:

«Надобно сдѣлаться человѣкомъ, надобно прожить не даромъ, съ пользою, какъ можно лучше... Эта мысль меня оживляетъ, братъ!.. Я нынче гораздо сильнѣе чувствую, что я не долженъ пресмыкаться въ этой жизни, что долженъ возвысить, образовать свою душу и сдѣлать все, что могу для другихъ. Мы можемъ быть полезны перомъ своимъ,—не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ, кто захотятъ насъ понять... Наше счастіе въ насъ самихъ!.. (Письмо къ А. И. Тургеневу,—во втор. пол. августа 1805). Поэтъ «радуется заранѣе тому, что сдѣлаетъ для него путешествіе»; «всѣ эти животворныя идеи во мнѣ усилятся»,—прибавляетъ онъ въ томъ же письмѣ. Возможность «быть полезнымъ перомъ» — наступила для него гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ.

На самыхъ первыхъ же порахъ своей деревенской жизни, среди тихой сельской обстановки, окруженный родными и друзьями, въ многочисленномъ кругу молодыхъ, прекрасно образованныхъ своихъ сверстницъ-племянницъ, Жуковскій перевелъ, или вѣрнѣе, передѣлалъ изъ Грея свое «первое», какъ онъ любилъ говорить, литературное произведеніе: *Сельское кладбище*. Пансіонскіе опыты Жуковскаго были печатаемы въ мелкихъ журналахъ; новое стихотвореніе онъ рѣшилъ послать въ самый авторитетный тогдашній журналъ—«Вѣстникъ Европы», издававшійся Карамзинымъ. «Все Мишенское общество дѣвушекъ,—разсказываетъ д-ръ Зейдлицъ:—съ біеніемъ сердца ожидало, приметъ ли Карамзинъ это стихотвореніе для напечатанія въ журналѣ, или нѣтъ. Элегія была написана на ихъ глазахъ: холмъ, на которомъ Жуковскій черпалъ свои вдохновенія, сдѣлался для нихъ Парнасомъ; стихи вызвали ихъ безусловное одобреніе; недоставало одного—благопріятнаго отзыва Карамзина, «этого Зевеса на литературномъ Олимпѣ»... Наконецъ, отъ Карамзина полученъ былъ отвѣтъ: Карамзинъ похвалилъ стихотвореніе и напечаталъ его въ ближайшей книжкѣ своего журнала! Восторгамъ не было предѣловъ. Одобреніе Карамзина, авторитетъ его «Вѣстника Европы»,—все это вдругъ поставило Жуковскаго въ ряды лучшихъ русскихъ поэтовъ.

Сравнительно съ прежними литературными произведеніями Жуковскаго элегія эта, впрочемъ, ничего не представляла. Передъ нами въ сущности тѣ же мотивы,—правда, выраженные сильнѣе, рельефнѣе,—которые уже

довольно ясно обозначились, какъ мы видѣли, и въ пансіонскихъ произведеніяхъ нашего поэта. Но одобренное Карамзинымъ стихотвореніе это доставило начинающему поэту такую славу, что всѣ прежнія его произведенія какъ бы перестали для него существовать.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на самой элегіи,—она слишкомъ извѣстна; но мы остановимся теперь—когда литературное направленіе поэта вполнѣ выяснилось и онъ какъ бы окончательно выступилъ на свою литературную дорогу, — на общемъ вопросѣ: откуда эта меланхолическая нота въ поэзіи молодого поэта? Гдѣ лежали причины той грусти, той неясной тоски, которая наполняетъ и эту элегію и всѣ его болѣе раннія, еще пансіонскія произведенія? Чѣмъ вызывалась эта тоска, щемившая сердце поэта, только-что начинавшаго жить?

Весьма многое здѣсь зависѣло отъ самыхъ литературныхъ вкусовъ того времени.—отъ сентиментальнаго духа самой эпохи. Нужно припомнить господствующее направленіе, передъ тѣмъ развившееся и въ заграничной, и въ нашей литературахъ.

Съ половины, и особенно съ конца XVIII ст., во всѣхъ литературахъ западной Европы начинается чрезвычайно сложное, богатое самыми разнообразными элементами, движеніе.

Исходнымъ пунктомъ этого движенія была борьба противъ устарѣлыхъ ложно-классическихъ формъ, все еще господствовавшихъ въ литературѣ. Борьба эта рѣзче и сильнѣе всего выразилась въ Германіи, въ дѣятельности Лессинга (1729—1781). Главнѣйшей задачей его поэтической и критической дѣятельности была борьба съ безусловнымъ господствомъ французской литературы, стремленіе пріобрѣсти самостоятельную почву для самобытно-нѣмецкой поэзіи. Лессингъ преимущественно былъ критикомъ; его поэтическія произведенія были лишь иллюстраціями къ его критическимъ статьямъ и изслѣдованіямъ. Указывая, какъ на образецъ, на болѣе близкую къ реальной жизни мѣщанскую поэзію англичанъ, на ихъ Шекспира, на творенія самихъ древнихъ классическихъ поэтовъ, наконецъ, на самую природу, — Лессингъ объявилъ безпощадную войну бездарному кропанію многочисленныхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ піитовъ, риторически-напыщенному, условному содержанію ихъ ложно-классическихъ произведеній, равно и всей нѣмецкой критикѣ, слишкомъ робкой и безпринципной, — и тѣмъ самымъ положилъ прочныя теоретическія основы и для новой нѣмецкой поэзіи, и для новой критики. Его *Лаокоонъ* (1766) и *Гамбургская Драматургія* (1767—1768) во всей полнотѣ развернули глубокое пониманіе авторомъ задачъ и цѣлей поэтическаго творчества, придали пониманію послѣдняго небывалую дотолѣ широту, и черезъ это окончательно свели счеты съ ложно-классической французской драмой и мертвыми, формальными правилами французской піитики. Разомъ и навсегда своей геніальной критикой Лессингъ «вспугнулъ французскій классицизмъ изъ его спокойствія и его обезпеченнаго господства».

Одновременно съ критикою Лессинга, въ нѣмецкой литературѣ возникаютъ первые опыты истинной поэзіи. Съ появленіемъ Клопштока (1724 — 1809), «стало для всѣхъ ясно, что поэзія прежде всего требуетъ геніальнаго дарованія и что ей нельзя научиться съ помощью теоріи». Это былъ первый истинный поэтъ въ нѣмецкой литературѣ. Его *Мессіада* (1748—1773) и нѣкоторыя изъ его одъ совершили въ ней рѣшительную реформу въ смыслѣ искренности и силы поэтическаго творчества. Его «небесная» муза, «серафимскій» тонъ его поэзіи позднѣе вызвали утрировку; но въ его собственныхъ рукахъ они были для современниковъ откровеніемъ и встрѣтили общій восторгъ... Что сдѣлалъ Клопштокъ для одной области поэзіи, то сдѣлалъ одновременно Виландъ (1733—1813) для другой. Онъ былъ сначала въ числѣ многочисленныхъ подражателей Клопштока, но скоро перешелъ на самостоятельную дорогу и открылъ совершенно новую сферу поэтическому творчеству. Вмѣсто неба онъ сталъ воспѣвать землю. Переведя Шекспира, (въ 1762—1766 г.), онъ сталъ развивать въ многочисленныхъ своихъ романахъ, всякаго рода стихотвореніяхъ и передѣлкахъ—свѣтлый, реальный взглядъ на жизнь. Тонъ его поэзіи часто дѣлается фривольнымъ, иногда даже скабрезнымъ; но вообще здоровая веселость его поэзіи, реальность его картинъ были большой новостью для тогдашней нѣмецкой литературы. Художественное направленіе Клопштока и Виланда поддержано было самимъ Лессингомъ,—предтечею Гете и Шиллера... Почти одновременно въ англійской литературѣ раздаются пѣсни В. Купера (1731—1800), Роберта Бернса (1759—1796), во Франціи Э. Парни (1753—1814), П. Беранже (1780—1859).

Если Германія, въ лицѣ Лессинга, больше всего способствовала выясненію теоретическихъ представленій объ искусствѣ и въ частности о поэтическомъ творчествѣ, о задачахъ и цѣляхъ литературы, то Англія раньше всѣхъ другихъ націй въ Европѣ выступила съ практическимъ осуществленіемъ всего этого. Въ своей критикѣ Лессингъ часто указывалъ, какъ на образецъ, на англійскую мѣщанскую драму и англійскій семейный романъ. Дѣйствительно, въ англійской литературѣ раньше всѣхъ другихъ европейскихъ литературъ пробудилось стремленіе къ боль-

шей жизненной правдѣ, къ большей реальности въ литературныхъ произведеніяхъ.

«Искусственность свѣтской жизни, въ томъ видѣ, въ какомъ Людовикъ XIV ввелъ ее въ моду, начинала уже сильно надоѣдать европейскому обществу. Сухость и безсодержательность ея сдѣлались для каждаго очевидны. Общество чувствовало усталость отъ необходимости быть всегда на вытяжкѣ, заботиться о представительности, подчиняться этикету. Люди начали догадываться, что любезность не есть еще любовь, что мадригалъ не исчерпываетъ всей поэзіи, а развлеченіе не составляетъ счастья, стали понимать, что человѣкъ—не элегантная кукла, а свѣтскій петиметръ—не совершенство природы, и что есть свѣтъ внѣ салоннаго міра. И вотъ, является новый типъ, кумиръ и образецъ своей эпохи—чувствительный человѣкъ, по серьезности своего характера и любви къ природѣ, рѣзкая противоположность придворнаго человѣка... Онъ изысканъ и притороненъ, готовъ расчувствоваться при видѣ ягнятъ, пощипывающихъ молодую травку, благословлять птичекъ, празднующихъ свое счастье щебетливымъ пѣніемъ. Онъ напыщенъ и фразеръ, сочиняетъ длинныя тирады о чувствахъ, возстаетъ противъ испорченности вѣка, взываетъ къ «добродѣтели», «добру», «истинѣ»... По поводу малѣйшаго облачка, онъ начинаетъ мечтать о жизни человѣческой, и говоритъ фразы... Исходя изъ Англіи, по всѣмъ литературамъ Европы быстро разливается широкій потокъ сентиментализма. Возникшее направленіе находитъ для себя выраженіе въ періодическихъ изданіяхъ Аддиссона (1672—1719), въ знаменитомъ *Робинзонѣ* Дефо (1663—1731), въ романахъ Ричардсона (1689—1761), — *Памелѣ* (1740), *Клариссѣ* (1748), *Грандиссонѣ* (1753),—появляющихся какъ разъ въ срединѣ столѣтія,—въ *Сентиментальномъ путешествіи* Стерна (1713—1768), давшемъ собою названіе всему направленію, наконецъ и даже, пожалуй, главнымъ образомъ—въ неудержимомъ потокѣ чувствительной лирики. Во главѣ этой послѣдней стоятъ такіе поэты, какъ *Дж. Томсонъ* (1700—1748), *Томасъ Грей* (1716—1771), *Эд. Юнгъ* (1681—1765)... Новыя произведенія англійской литературы быстро облетаютъ всѣ страны Европы, и всюду вызываютъ подражанія. Нужно имѣть въ виду характеръ и содержаніе европейской беллетристики до этого времени, чтобы вполнѣ понять тотъ всеобщій восторгъ, съ которымъ встрѣчено было въ Европѣ новое литературное направленіе. Европейское читающее общество слишкомъ ужъ утомлено было безконечными, однообразными исторіями о разныхъ приключеніяхъ и похожденіяхъ принцевъ и принцессъ, странствованіяхъ и подвигахъ многочисленныхъ рыцарей и другихъ подобныхъ великихъ героевъ, которымъ посвящались прежнія беллетристическія произведенія, безконечное число разъ варьировавшіяся и составлявшія чуть не все содержаніе тогдашней европейской поэзіи. Отъ слишкомъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же мотивовъ, поэзія, беллетристика пріобрѣла какой-то шаблонный характеръ, — помимо того, что все это чаще всего писалось необыкновенно вычурнымъ, напыщеннымъ языкомъ. Это была какая-то ходульная литература, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни и естественности. Читатель не видѣлъ передъ собой живыхъ чувствъ, живыхъ людей: передъ нимъ двигались маски... Журналы Аддиссона, романы Ричардсона, путешествія Стерна, меланхолически-мечтательная, всегда грустная и задумчивая лирика Томсона, Грея ввели европейскаго читателя въ совершенно особый, невѣдомый ему дотолѣ, по книгѣ, міръ. Новыя произведенія англійской литературы открывали передъ читателями новую невѣдомую страну—внутренній міръ души, міръ сердечныхъ ощущеній и чувствъ. Въ этомъ отношеніи они впервые ставили читателей на почву дѣйствительности. Міръ чуждыхъ рыцарей и принцессъ впервые замѣнялся близкой читателю, тихой семейной обстановкой средняго класса общества, читатель и за книгой оставался въ знакомой его средѣ: и здѣсь его окружали дяди, тетки, братья, кузины, дѣды съ отцовской стороны, дѣды съ материней стороны, разные пріятели и пріятельницы, — словомъ, вся та родня, весь тотъ міръ повседневной, будничной жизни, которымъ онъ жилъ и въ дѣйствительности. Читателя поражала эта необычная близость книги къ жизни, — и онъ не могъ оторваться отъ ея чтенія. Онъ не замѣчалъ, что въ новыхъ произведеніяхъ ужъ слишкомъ много мѣста отводится чувству, лиризму, слишкомъ много нравоученія и чувствительности: въ сравненіи съ предшествовавшей вычурностью, все это казалось естественнымъ, живымъ... Мимоходомъ замѣтимъ: стремленіе литературы къ бо́льшей жизненной правдѣ, переселеніе ея изъ міра героевъ-принцевъ въ среду средняго сословія едва ли не было въ извѣстной степени и результатомъ возникновенія около этого времени въ европейскомъ обществѣ буржуазіи, средняго сословія, роста и усиленія его въ общественной жизни. Съ конца XVII и нач. XVIII в. среднее сословіе вездѣ начинаетъ чувствовать могущество своего богатства, своего образованія, сознавать свое государственное, общественное и экономическое значеніе, свою болѣе чистую нравственность,—и все громче начинаетъ требовать себѣ правъ на существованіе. Выросшая буржуазія создастъ и буржуазную литературу...

Двумя, тремя десятками лѣтъ позднѣе, точно такое же, аналогичное явленіе совершилось и въ нашей литературѣ. У насъ, правда, мало было романовъ о рыцаряхъ и принцессахъ,—хотя подобныя произведенія, съ конца XVI вѣка, начинали уже и къ намъ проникать; но зато болѣе чѣмъ съ избыткомъ было всякаго рода торжественныхъ одъ. Эти оды, особенно подъ конецъ, своею крайнею неестественностью, своимъ убійственнымъ языкомъ — производили на русскихъ читателей точно такое же впечатлѣніе, какое испытывали западно-европейскіе отъ своихъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей XVI—XVII вѣка. И тамъ и здѣсь въ литературныхъ произведеніяхъ не было жизни: были только—«слова, слова и слова...» Оды Ломоносова и Державина исчерпали всю область торжественной лирики; ихъ подражатели начинали уже утомлять. Безчисленный же рой бездарныхъ кропателей-стихоплетовъ, явившихся затѣмъ въ нашей литературѣ, окончательно уничтожили въ ней всякое содержаніе. Поэтическое творчество было низведено на степень ремесла. Литература всецѣло перешла въ вѣдѣніе авторовъ-піитовъ, высшія, конечныя стремленія которыхъ были—

награда перстенькомъ,
Нерѣдко—сто рублей, иль дружество съ княземъ
Иль—похвала своихъ пріятелей... [комъ...

Литература сдѣлалась какой-то мертвой, деревянной... Таковъ былъ характеръ нашей литературы, когда въ ней явилась *Бѣдная Лиза* (1792) Карамзина. Небольшая повѣсть разомъ создаетъ цѣлую литературную эпоху,—предшествовавшее направленіе исчезаетъ навсегда... Въ литературѣ быстро возникаетъ и развивается новое теченіе...

Для характеристики этихъ, быстро усиливающихся у насъ къ концу столѣтія литературныхъ вкусовъ, чрезвычайно типичнымъ является направленіе нашей тогдашней только-что возникавшей журналистики. Для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно важны тѣ періодическіе сборники, которые издаются около этого времени при московскомъ благородномъ пансіонѣ. Журналы эти начальствомъ пансіона рекомендуются для чтенія воспитанникамъ, и ихъ чтеніе, конечно, не могло не имѣть весьма значительнаго вліянія на развитіе вкусовъ и талантовъ питомцевъ. Эта журналистика была здѣсь проводникомъ того новаго могучаго литературнаго потока, который съ такою силою разливается теперь въ нашей литературѣ... Въ этихъ, издаваемыхъ пансіономъ, журналахъ, да и вообще въ лучшихъ изданіяхъ тогдашней періодической печати отмѣтимъ журналы: *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, 1791—1797; *Иппокрена*, 1798—1801; *Утренняя Заря*, 1801—1808; *И отдыхъ въ пользу*, 1804 и т. д. Въ нихъ господствуетъ всецѣло карамзинская сентиментальность. Карамзинъ называется здѣсь «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ нашимъ Стерномъ» и т. п. Сотрудниками «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» и «Иппокрены», являются сотрудники *Аонидъ* Карамзина... Въ статьѣ «Пріятн. и полезн. препровожд. времени», озаглавленной *Къ сердцу*, авторъ напр. восклицаетъ: «Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! Для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ разумъ? Для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя?..» Въ другой, обращенной къ «чувству», читаемъ: «Какого ангела, какого Бога дѣлаешь ты изъ человѣка, когда онъ въ уединенные часы свои, въ тихомъ кабинетѣ, въ объятіяхъ сельской натуры почерпаетъ божественныя твои вдохновенія въ тайныхъ изгибахъ своего сердца, изливаетъ ихъ на бумагу или читаетъ Гесснера, Руссо, Стерна, Петрарка...» «Уединеніе» называется «отрадою чистѣйшихъ душъ», «природа» — «другомъ, матерью, вождемъ». Съ идиллическими мечтаніями обращаются сотрудники журнала къ пастушескому вѣку.—передъ нами фигурируютъ имена пастушковъ Аркаса, Дафниса, Пазмона и т. д. Рядомъ съ идиллическими картинами сентиментализма, здѣсь же нерѣдко является и кладбище: оно служитъ любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній.

Чрезвычайно характернымъ является въ нашихъ тогдашнихъ журналахъ выборъ переводовъ. Выборъ этотъ является краснорѣчивымъ показателемъ народившихся въ обществѣ новыхъ вкусовъ. Эти переводы отчасти продолжаютъ Карамзина, отчасти предупреждаютъ Жуковскаго... Переводы берутся изъ всѣхъ литературъ Европы,—но на первомъ мѣстѣ стоитъ литература нѣмецкая и англійская.

Тогдашніе журналы наши вообще хорошо знакомятъ своихъ читателей съ лучшими явленіями современныхъ западныхъ литературъ,—и въ этомъ отношеніи являются какъ бы ближайшими предвѣстниками дѣятельности Жуковскаго...

Таковы были собственно литературныя вліянія, окружавшія начинавшаго писателя. Вліяніе литературы какъ нельзя болѣе усиливалось и упрочивалось непосредственнымъ вліяніемъ окружающаго общества, — вліяніемъ тѣхъ людей, тѣхъ кружковъ, съ которыми рано сближается Жуковскій. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ для Жуковскаго молодой кружокъ семьи И. П. Тургенева, съ которымъ поэтъ нашъ сближается уже въ періодъ своей пансіонской жизни. «Черты нравственной физіономіи Жу-

ковскаго,—замѣчаетъ по этому поводу Тихонравовъ:—слагались подъ вліяніемъ тѣхъ же людей, которыми образованъ былъ Карамзинъ, и подъ вліяніемъ самого Карамзина». По мѣткому выраженію изслѣдователя, семья Тургенева и тѣсный кружокъ, къ ней примыкавшій, кружокъ лицъ, проникнутыхъ высшими нравственными и литературными интересами,—представляли изъ себя кружокъ нашихъ идеалистовъ второй половины XVIII в. Въ центрѣ этого кружка идеалистовъ стоялъ И. П. Тургеневъ и его молодые даровитые сыновья,—Андрей, Александръ, Николай, изъ которыхъ два послѣдніе (первый рано умеръ) составили себѣ потомъ почетные имена въ нашей литературѣ и общественной мысли... Старикъ Тургеневъ былъ довольно близокъ къ лучшимъ представителямъ нашего масонства второй половины XVIII в., перевелъ нѣсколько масонскихъ книгъ,—но, повидимому, удержался отъ крайностей масонства, симпатизировалъ ему лишь въ предѣлахъ вообще болѣе свободныхъ и широкихъ духовныхъ стремленій и идеаловъ... Во всякомъ случаѣ, не менѣе, нежели масонству, Тургеневъ отдавался вообще интересамъ просвѣщенія и литературы,—и въ этомъ отношеніи домъ его былъ центромъ, гдѣ группировались и старыя, заслуженныя литературныя знаменитости, какъ Херасковъ, и новыя, только-что возникавшія молодыя литературныя силы и таланты, какъ Карамзинъ. Старикъ Тургеневъ вообще до конца жизни,—замѣчаетъ Тихонравовъ:—оставался преданнымъ литературѣ и искусствамъ—умѣлъ замѣчать даровитыхъ людей и привлекать ихъ къ дѣлу литературы и просвѣщенія»... Чѣмъ былъ И. П. Тургеневъ и вся его семья для Жуковскаго,—объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстное обращеніе послѣдняго къ старшему сыну Тургенева, Андрею, въ предисловіи къ *Вадиму Новгородскому*. Обращеніе это и само по себѣ весьма характерно. «Тѣнь веселая и мирная! — взываетъ Жуковскій. — Мы—твои, твои несомнѣнно... Тѣнь твоя надо мною,—она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца.. Въ ея священномъ присутствіи клянусь—быть другомъ добродѣтели...» Послѣднее какъ нельзя лучше,—замѣчаетъ изслѣдователь: — оттѣняетъ передъ нами характеръ вліянія кружка Тургенева: здѣсь сказывались старыя связи Тургеневской семьи и его самого съ масонствомъ, вліяніе котораго такимъ образомъ достигло и до Жуковскаго. Кружокъ Тургенева, отраженіе лучшихъ стремленій масонства, работалъ прежде всего и именно надъ созданіемъ внутренняго человѣка. Въ этомъ отношеніи или, точнѣе говоря, этимъ самымъ кружокъ Тургенева, вліяя на поэта, воспитывалъ въ Жуковскомъ прежде всего вообще человѣка... Подъ вліяніемъ, можетъ-быть, именно этого кружка, и въ частности семьи Тургенева, въ глубину души Жуковскаго залегли тѣ нравственныя начала, тѣ живыя дѣятельныя религіозныя вѣрованія,—которыя такъ осязательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго и съ новой силой возрождаются въ послѣдніе годы его жизни, въ мелкихъ статьяхъ теологическаго характера...

Обстановка первоначальнаго воспитанія, литературные вкусы, господствовавшіе уже во многихъ журналахъ, широкимъ потокомъ развитые и въ самомъ обществѣ, частныя связи и отношенія,—все это, уже и помимо природныхъ наклонностей и обстоятельствъ личной жизни, самымъ рѣшительнымъ образомъ и на первыхъ же порахъ опредѣляло характеръ и направленіе литературной дѣятельности Жуковскаго, его наиболѣе раннія литературныя симпатіи и вкусы. Но литературной модой не объяснялось все: весьма существенную роль играли здѣсь упомянутыя сейчасъ личныя обстоятельства жизни начинавшаго поэта: былъ другой, болѣе близкій поэту и болѣе постоянный, источникъ его меланхолической грусти. Новое литературное направленіе, какъ нельзя лучше, подошло къ собственному, личному настроенію Жуковскаго,—къ обстоятельствамъ его личной жизни... Кромѣ литературной моды, болѣе понятными комментаріями меланхолической поэзіи Жуковскаго — и перваго и послѣдующаго времени—являются тѣ особыя жизненныя обстоятельства, въ которыхъ провелъ свою первую молодость Жуковскій, и которыя и впослѣдствіи — еще долгое время—имѣли мѣсто въ его жизни.

Прежде всего мы не должны забывать особенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе Жуковскаго: ихъ не забывалъ ни онъ самъ, ни другіе. «Положеніе его въ свѣтѣ,—говоритъ одинъ изъ друзей поэта:—и отношенія къ семейству Буниныхъ тяжело ложились на его душу. Въ обширномъ кругу своихъ родныхъ онъ не могъ забыть, что онъ для нихъ—все-таки чужой:

Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я—

говоритъ двадцатилѣтній поэтъ. Его положеніе въ семействѣ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ, было какое-то ложное. Его мать, какъ ни была любима въ семьѣ, все же должна была стоя выслушивать приказанія и не могла считать себя равноправною съ другими членами семьи. Одно время и онъ самъ вмѣстѣ съ пріемнымъ отцомъ, Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, живетъ отдѣльно отъ семьи Буниныхъ,—«на чердачкѣ флигеля»... Дѣтство и первые годы юности поэта въ

дѣйствительности были не такъ счастливы, какъ казалось. Въ 1824 году, поэтъ съ грустью вспоминаетъ о прошедшемъ:

Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,—

говоритъ онъ о себѣ въ *Посланіи къ Филарету*:

Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!

Нѣтъ! Счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ...

Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (1810 года), поэтъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, относительно наиболѣе существенной черты его поэзіи — меланхолической любви: «Не подумай,—пишетъ Жуковскій Тургеневу:—чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была общею мыслью, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства, она справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и двухъ тѣхъ (отца и мать), которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали»... У нашего поэта не было своей родной семьи. Въ родной матери ему тяжело было видѣть что-то среднее между госпожею и служанкой. Отца своего онъ почти совсѣмъ не зналъ. Жуковскій никогда не говорилъ о немъ. Только однажды,—разсказываютъ:—за дружеской бесѣдой кто-то, жалуясь на своего отца, случайно сказалъ Жуковскому: «тебѣ хорошо! у тебя нѣтъ такого отца!»—«О! воскликнулъ Жуковскій: если бы я имѣлъ отца!»... Эти-то «нѣкоторыя особыя обстоятельства», касавшіяся лично поэта, сильнѣе всякихъ литературныхъ модъ и вкусовъ поддерживали и развивали въ немъ, уже съ раннихъ лѣтъ, грустное меланхолическое настроеніе... Къ нимъ вскорѣ присоединилась—мечтательная, несчастная, обставленная особыми обстоятельствами, любовь, разразившаяся подъ конецъ «сердечной катастрофой»...

Возвращаемся къ прерванному изложенію литературной дѣятельности нашего писателя.

Сельское кладбище обратило на себя общее вниманіе. Простота и естественность стихотворенія были лучшимъ отвѣтомъ уже зародившимся и сильно бродившимъ въ обществѣ и литературѣ новымъ стремленіямъ... Послѣ «Сельскаго кладбища» поэтическая дѣятельность Жуковскаго какъ бы пріостанавливается, — во весь шестилѣтній періодъ своей деревенской жизни, съ выхода изъ пансіона по 1808 годъ, Жуковскій пишетъ сравнительно мало, ограничивается преимущественно мелочами; переводитъ басни и мелкія стихотворенія, болѣе крупныя не доканчиваетъ... Только въ 1806 году поэтическая лира Жуковскаго отозвалась на патріотическое настроеніе общества *Пѣснью Барда* надъ гробомъ славянъ побѣдителей, — доставившею, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, громкую извѣстность молодому поэту. Личное настроеніе, насколько оно отражается въ немногихъ болѣе оригинальныхъ его стихотвореніяхъ (элегіи *Вечеръ* и др.), по-прежнему грустное, меланхолическое... У поэта идетъ усиленная внутренняя, подготовительная работа. Онъ продолжаетъ изучать иностранныхъ писателей, готовится къ продолжительнымъ занятіямъ за границей, къ путешествію по Европѣ съ цѣлью самообразованія, издаетъ журналъ...

Общее его міросозерцаніе — всецѣло Карамзинское. Карамзинъ — его учитель, образецъ, руководитель... Подобно Карамзину, молодой писатель мечтаетъ о тихомъ, укромномъ уголкѣ «на лонѣ прелестной натуры», приглашаетъ друзей въ свою «хижину», какъ и Карамзину въ дни юности, лучшей усладой ему служитъ поэзія:

О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души очарованье,—
Поэзія! Съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ
Другъ Феба, съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей
Забывши рокъ, забвенный роком.—
Поетъ, мечтаетъ... и блаженъ...

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ писателей молодого Жуковскаго является идиллистъ Флоріанъ (1755 — 1794), только-что нѣсколько оживившій передъ тѣмъ пасторальную поэзію Европы. Жуковскій усердно переводитъ сочиненія этого французскаго писателя—довольно замѣтно подчиняется ему и въ собственныхъ произведеніяхъ. Прототипомъ повѣсти *Вадимъ Новгородскій* (1803) служитъ «Вильгельмъ Телль» Флоріана... Въ 1804 г. Жуковскій переводитъ его *Донъ-Кихота* (Don Quichotte). Флоріанъ, вообще, очень занимаетъ Жуковскаго. Русскій поэтъ слѣдуетъ ему даже въ выработкѣ своихъ теоретическихъ взглядовъ на обязанности переводчика, — тѣхъ взглядовъ, которымъ Жуковскій, въ сущности, и остался вѣрнымъ навсегда... По мнѣнію Флоріана, переводчикъ долженъ стремиться не столько къ тому, чтобы быть вѣрнымъ оригиналу, сколько къ тому, чтобы дать въ своемъ трудѣ, вообще, произведеніе пріятное... «Самый простой переводъ, замѣчаетъ Флоріанъ, есть въ то же время и самый вѣрный... Переводчикъ, сохраняя мысль автора, можетъ ослабить нѣкоторыя его выраженія, иное смягчать,—от-

брасывать могущія встрѣтиться въ оригиналѣ черты худого вкуса, заботиться, вообще преимущественно, о плавности и чистотѣ языка и т. д.» Именно такъ и переведенъ Флоріаномъ Донъ-Кихотъ: это не столько переводъ, сколько передѣлка... Жуковскій вполнѣ усваиваетъ эту теорію. Флоріановская манера переводить весьма замѣтна у Жуковскаго даже въ такихъ его переводахъ, какъ *Рустемъ* и *Зорабъ*... Другимъ столь же рѣшительнымъ авторитетомъ въ сферѣ теоретическихъ литературныхъ взглядовъ долгое время служитъ для Жуковскаго *Лагарпъ* (1729—1803). Жуковскій долго, приблизительно до 1810—1812 гг., остается на почвѣ литературныхъ вкусовъ этого французскаго критика, т. е. на почвѣ старыхъ, ложно-классическихъ воззрѣній. Редактируя «Вѣстн. Евр.» въ 1808—1810 гг., Жуковскій почти исключительно наполняетъ его переводами съ французскаго, — излагая въ своихъ критическихъ статьяхъ взгляды Лагарпа. Вообще, и въ переводахъ, и въ собственныхъ статьяхъ Жуковскій очень долгое время—усердный ученикъ Лагарпа. Правда, Жуковскій уже и теперь знакомъ и съ другими литературными взглядами, съ принципами критики Лессинга: послѣдняго въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ даже рядомъ съ своимъ французскимъ авторитетомъ; но, вообще, литературные вкусы и симпатіи нашего поэта гораздо больше склоняются къ послѣднему, чѣмъ къ первому... Лессингъ заслоненъ предъ нимъ авторитетомъ ложно-классической школы. Въ критическихъ статьяхъ своихъ Жуковскій вполнѣ стоитъ на почвѣ взглядовъ и требованій послѣдней... Разбирая, напр., въ 1809 г. басни Крылова, Жуковскій находитъ въ нихъ мѣстами выраженія, противныя вкусу, грубыя,—къ такимъ онъ относитъ, напр., слѣдующія: *Вышунькина съ похвалы вскружилась голова, отъ радости въ зобу духъ сперло*... «Едва ли,—замѣчаетъ Жуковскій:—это непріятное выраженіе: *«въ зобу духъ сперло»*—понравится людямъ, привыкшимъ къ языку хорошаго общества...» Отмѣченныя сейчасъ ложно-классическія симпатіи молодого Жуковскаго открываютъ передъ нами одну изъ весьма замѣтныхъ еще чертъ тогдашней нашей литературы — довольно прочное еще существованіе въ ней старыхъ ложно-классическихъ традицій. Въ отношеніи къ Жуковскому, эти традиціи раньше всего были привиты ему еще его пансіонскихъ наставниковъ, Боккаревичемъ; и, позднѣе, они поддерживаются такими его ближайшими друзьями, какъ Мерзляковъ, и, въ особенности, Блудовъ. Литературные вкусы Блудова были вполнѣ еще старые, ложно-классическіе, законодателемъ и для него былъ Лагарпъ... Блудовъ, вообще, имѣлъ значительное вліяніе на Жуковскаго въ выработкѣ литературныхъ взглядовъ и симпатій послѣдняго,—какъ на это указываетъ и самъ поэтъ, посвящая ему своего *Вадима:*

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ:
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель...

Таковы литературныя симпатіи и взгляды Жуковскаго до 1808—1812 гг.; идеи «романтизма» еще почти совершенно незнакомы ему, — по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не отражаются ни въ его переводахъ, ни въ оригинальныхъ пьесахъ...

Въ 1808 г. въ печати появляется его *Людмила* «русская баллада», «подражаніе Бюргеровой Леонорѣ», нѣсколько позднѣе за нею слѣдуетъ рядъ новыхъ произведеній, вносившихъ съ еще бо́льшей опредѣленностью новое содержаніе въ поэзію Жуковскаго... Литературные вкусы и симпатіи поэта значительно видоизмѣняются; старые авторитеты отчасти замѣняются, отчасти дополняются новыми,—и поэтъ съ рѣшительностью выступаетъ на путь такъ-называемаго р о м а н т и з м а.

Новое направленіе въ поэзіи Жуковскаго особенно замѣтнымъ дѣлается къ 1816 — 1817 гг., и, повидимому, стояло въ ближайшей связи съ частыми поѣздками Жуковскаго въ періодъ 1815—1816 гг. въ Дерптъ, а равно съ самыми обстоятельствами чисто личными, которыми вызывались эти поѣздки...

Прежде чѣмъ перейти къ этимъ біографическимъ подробностямъ, останавливаемся на самомъ движеніи, съ которымъ связано было новое направленіе въ произведеніяхъ нашего поэта.

Въ сферѣ собственно литературной р о м а н т и ч е с к о е теченіе многими отдѣльными пунктами было тѣсно связано съ предшествовавшимъ сентиментализмомъ. Сентиментально-меланхолическое настроеніе европейскихъ литературъ средины XVIII в. было предвѣстникомъ быстро приближавшихся новыхъ литературныхъ формъ; но, вообще, движеніе было явленіемъ чрезвычайно сложнымъ. Исходная точка его коренилась въ томъ общеевропейскомъ возбужденіи умовъ, которое наполняло собой всю вторую половину XVIII в. Возбужденіе XVIII в. охватывало всю умственную жизнь европейскаго человѣка, во всѣхъ ея сферахъ: политической, естественно-научной, нравственной, религіозной... При своей всеобщности и всеобъемлемости, движеніе заключало въ себѣ самые противорѣчивые элементы: вся умственная жизнь Европы превратилась въ какой-то хаосъ переходной эпохи. Передъ нами какое-то общее недовольство старымъ порядкомъ вещей, старыми вѣрованіями, убѣжденіями, понятіями,— и неясное стремленіе къ чему-то новому, стремленіе, выражающееся самыми разно-

образными формами. Рядомъ съ Вольтеромъ и энциклопедистами стоитъ Руссо; скептицизмъ и самыя грубыя матеріалистическія теоріи идутъ рядомъ съ требованіями идеалистическаго чувства... Происходитъ общее броженіе идей и понятій, въ которомъ заключались элементы прогресса и элементы будущей реакціи. Романтическое движеніе выражается, главнымъ образомъ, въ двухъ формахъ: въ стремленіяхъ къ новымъ свободнымъ идеямъ и понятіямъ, къ свободной философіи, свободной поэзіи, выработавшимся французскимъ просвѣщеніемъ XVIII вѣка, и—какъ это на первый взглядъ ни кажется страннымъ,—въ еще болѣе сильномъ стремленіи къ старому, въ стремленіи въ давнопрошедшую даль среднихъ вѣковъ, въ давно-исчезнувшій міръ средневѣковыхъ сказаній и вѣрованій,—въ стремленіи къ своей родной старинѣ, къ своимъ національнымъ преданіямъ минувшаго прошлаго. Въ одно и то же время романтическое движеніе заключало въ себѣ и мотивы новаго, приближеніе котораго давно инстинктивно чувствовалось, и — симпатіи къ старому, быстро и навсегда теперь исчезавшему. Европейская мысль въ одно и то же время идетъ двумя путями — представляетъ два противоположныхъ теченія. Свободныя идеи XVIII вѣка идутъ рядомъ съ старыми и какъ бы снова возрождающимися представленіями среднихъ вѣковъ. Рядомъ съ преклоненіемъ передъ новыми идеями,—передъ нами воскрешается въ поэзіи весь міръ средневѣковыхъ преданій. Большинство поэтовъ и писателей съ неподдѣльной искренностью и теплотою чувства устремляются въ романтическую средневѣковую даль, въ страну средневѣковыхъ рыцарей и балладъ. «Всѣмъ хотѣлось мечтаній, опьяненія и воодушевленія, всѣ хотѣли снова вѣрить, какъ дѣти, ощущать сумасбродство рыцаря и экстазы монаха, всѣ хотѣли поэтически неистовствовать, мелодически мечтать, всѣ хотѣли окунаться въ море луннаго свѣта и мистически внимать паренію духовъ на млечномъ пути...» Поэзія, въ цѣломъ рядѣ своихъ лучшихъ представителей, переселяется въ средніе вѣка, въ далекую даль родного прошлаго, хочетъ жить прежнею, уже умершею жизнью. Возникаетъ очаровавшій міръ романтики, романтической поэзіи,—быстро охватывающей собою всѣ литературы Европы... Какъ мы сейчасъ замѣтили, стремленіе къ старинѣ, въ давно исчезнувшій міръ среднихъ вѣковъ, соединялось чаще всего съ стремленіемъ къ родной старинѣ, къ народнымъ, національнымъ преданіямъ прошедшаго. Это было наиболѣе важной и плодотворной стороной происходившаго движенія. Романтическое обращеніе къ прошлому, къ народной старинѣ—дало начало первымъ стремленіямъ къ народности. Съ теоретической стороны, стремленія эти были многимъ обязаны еще Лессингу и особенно Гердеру (1744—1803). Критика Лессинга «дала могущественный толчокъ развитію нѣмецкаго духа; она раскрыла передъ нимъ его собственныя сокровища, зародила въ немъ сознаніе своей силы и достоинства»; главнѣйшей цѣлью его критики было «отучить нѣмцевъ отъ рабскаго подражанія иностранцамъ и заставить ихъ полюбить свое родное, нѣмецкое». Что касается Гердера, то это былъ вообще однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ представителей совершавшагося духовнаго переворота. Разнообразныя и многочисленныя произведенія Гердера имѣли какое-то общее возбуждающее значеніе, были полны энергіи. Онъ говорилъ о возвратѣ къ природѣ, о простотѣ чувствъ, о правахъ на существованіе каждой народности, каждой національности; благодаря ему, стало общимъ достояніемъ понятіе народной и національной поэзіи,—долженствующей быть, доказывалъ онъ, основнымъ и господствующимъ элементомъ искусства. Гердеръ однимъ изъ первыхъ обратился и къ непосредственному изученію безыскусственной народной поэзіи: его извѣстные *Голоса народовъ въ пѣсняхъ* вышли въ 1778—1779 гг. Въ смыслѣ общаго возстановленія, оживленія забытой народной старины, чрезвычайно важными фактами были появленіе въ Англіи сборника старыхъ англійскихъ балладъ и пѣсенъ Томаса Перси (около 1765 г.) и особенно появленіе знаменитыхъ *Пѣсенъ Оссіана* Макферсона (1758—1796), быстро обошедшихъ всѣ литературы Европы. Картины простыхъ, суровыхъ «первобытныхъ» нравовъ, столь непохожихъ на современную цивилизацію, неподдѣльное чувство суровой природы, картины величественнаго холоднаго и угрюмаго шотландскаго пейзажа, этотъ холмъ, омываемый дождемъ, береза, дрожащая отъ порывистаго осенняго вѣтра, туманъ, окутывающій небо, эти величавые, суровые люди, столь цѣльные по своей природѣ, хотя и полные романтическихъ думъ и томленій—все это производило необычайно освѣжающее дѣйствіе, отражая въ то же время во многомъ общее настроеніе...

Свобода литературныхъ формъ, свобода поэтическаго творчества, обращеніе къ исторіи, народнымъ преданіямъ, элементы народности,—все это были лучшія, наиболѣе цѣнныя стороны происходившаго литературнаго движенія. Но рядомъ съ ними были и другія. Рядомъ съ отмѣченными элементами и особенно вслѣдъ за ними,—шли уродливыя уклоненія въ сторону, тѣ или другія крайности, часто столь широкія и сильныя, что превращали и лучшія стороны движенія въ какія-то

болѣзненныя явленія человѣческой мысли... Эти крайности особенно сказывались въ нѣмецкой «романтикѣ».

Важнѣйшими представителями нѣмецкаго романтизма были братья Шлегели, Августъ (1767—1845) и Фридрихъ (1772—1829), Людвигъ Тикъ (1773—1853), Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ (1772—1801), извѣстный подъ именемъ Новалиса, Амедей Гофманъ (1781—1831), де-ла-Мотъ Фуке (1777—1843), фонъ-Клейстъ (1777—1811), Теодоръ Кернеръ (1781—1813), далѣе Клеменсъ Брентано (1777—1842), фонъ-Арнимъ (1787—1831) и др. Къ романтикамъ отчасти принадлежали Уландъ (1787—1862), Гебель (1760—1821), хотя оба эти писателя далеко стояли отъ крайностей романтизма. Гебеля едва ли можно даже и вообще считать представителемъ романтизма въ строгомъ смыслѣ... Наиболѣе даровитымъ и разностороннимъ романтическимъ писателемъ былъ Л. Тикъ, впрочемъ, уже скоро покидающій знамя романтизма: около 1820 г. повѣсти его окончательно очищаются отъ всякаго мистико-романтическаго тумана... Л. Тикъ служилъ болѣе общимъ чертамъ романтизма, отражая въ своихъ произведеніяхъ общія черты всего направленія; другіе изъ названныхъ писателей сосредоточиваются чаще всего исключительно на той или другой сторонѣ романтическаго движенія, чаще всего доводя ее до полной утрировки. Такими болѣе исключительными сторонами нѣмецкой «романтики» являются увлеченія въ поэзіи религіозной мистикой, у Новалиса; средневѣковымъ рыцарствомъ, у де-ла-Мотъ Фуке, фантастическимъ элементомъ у Гоффмана, фатализмомъ у Грильпарцера и т. д. Еще дальше, прямо уже въ область патологіи ведутъ романтику такіе писатели, какъ Брентано, фонъ-Арнимъ,—«въ произведеніяхъ которыхъ все бѣснуется въ упоительномъ хаосѣ, самые сумасбродные каламбуры скачутъ, какъ арлекины, горбатыя остроты проскальзываютъ на коротких ножкахъ, какъ полишинели, слова любви вѣтренно порхаютъ, какъ насмѣшливыя коломбины съ горемъ въ сердцѣ, изрѣдка выступаетъ, какъ бы запинаясь, и серьезная рѣчь,—по громче всего надъ всей этой суматохой звучатъ трубы вакхальной жажды разрушенія...» Несомнѣнно, болѣе свѣжей и здоровой струей была патріотическая лирика романтизма, представителемъ которой выступаетъ фонъ-Клейстъ, и достойнымъ продолжателемъ котораго былъ Теодоръ Кёрнеръ...

Такова была по своему литературному содержанію та новая область, въ которую отъ сентиментализма постепенно перешла поэзія Жуковскаго. Заимствовала она, впрочемъ, сравнительно очень немного изъ своего новаго источника.

Достаточно взглянуть на одни заглавія новыхъ поэтическихъ произведеній Жуковскаго, чтобы видѣть, какіе собственно представители западно-европейскаго романтизма, и въ частности нѣмецкой романтики, привлекли вниманіе нашего поэта. Изъ всего ряда «романтическихъ» писателей имъ почти исключительно переводятся произведенія Уланда и Гебеля. Но, какъ уже выше замѣчено, писатели эти къ романтикамъ могутъ быть причислены лишь весьма относительно,—и, во всякомъ случаѣ, они являются представителями лучшихъ, болѣе умѣренныхъ сторонъ романтизма и совершенно чужды его уродливыхъ крайностей. Людвигъ Уландъ (1787—1862) историками нѣмецкой литературы признается однимъ изъ популярнѣйшихъ, послѣ Шиллера, нѣмецкихъ поэтовъ. Его баллады и романсы, по отзыву историковъ—«самый здоровый и прекрасный плодъ романтизма...» Оригинальность Уланда была не велика. Онъ излагаетъ въ пѣснѣ только небольшое число предметовъ. «Мы находимъ въ нихъ,—говоритъ Шереръ,—сравнительно мало любви, больше—пейзажъ, времена дня и года, путешествія и разныя разности, страсти нѣтъ, только мягкіе звуки. Его мотивы повторяются; мысли о смерти, по крайней мѣрѣ меланхолическая струнка—всегда близка ему. Онъ особенно хорошо развилъ балладу, для которой его обширная ученость доставляла прелестнѣйшія темы. Сначала Уландъ исходитъ отъ Клопштока, Маттиссона, Оссіана; сѣверная сага доставляетъ ему нѣсколько своихъ древнѣйшихъ сюжетовъ. Потомъ онъ предается изнѣженной, банальной, полной самоотреченія романтикѣ,—въ его произведеніяхъ появляются король и королева, въ красныхъ мантіяхъ, золотыхъ коронахъ, дочь короля и прекрасный пастухъ, арфистъ, монахъ и монахиня. Но Уландъ уже скоро чувствуетъ вліяніе Гете, и съ 1807 г. *Wunderhorn* далъ ему мотивы, а народная пѣсня, пѣсня о Нибелунгахъ и испанскіе романсы опредѣлили его стиль и его языкъ; сентиментальность кончилась, въ его балладахъ выступили жаждущій подвиговъ рыцарь, страсти, месть и убійство; являлись народныя фигуры — солдатъ, подлѣ котораго падаетъ товарищъ, три парня, которые заходятъ къ трактирщицѣ, дочка кузнеца, которая дѣлается женой рыцаря; и веселыя сцены оживали въ его пѣсняхъ. Въ 1810 году Уландъ ѣдетъ года на два въ Парижъ, пріобрѣтаетъ универсальный взглядъ на средніе вѣка, — который отражается въ новыхъ балладахъ: автору служатъ нѣмецкая и французская героическая сага, нормандскія преданія, біографіи трубадуровъ; поэтъ умѣетъ твердой рукою изображать какъ изящное, такъ и героическое — ему удавался

даже юмористическій жанръ. Въ 1813—1817 гг. его поэзія стала почти исключительно отечественной,—его баллада приняла мѣстно-патріотическій характеръ...

Во всѣхъ стихотвореніяхъ Уланда «очень велико достоинство изложенія. Обычное легкое изложеніе вскорѣ замѣнилось лаконичностью... Въ балладахъ въ его полномъ распоряженіи всѣ метры и стили, краткость намека, такъ же какъ эпическая полнота. Всякій сюжетъ нашелъ свою соотвѣтственную форму, всѣ цѣли достигнуты. Онъ простъ или великолѣпенъ, какъ онъ найдетъ нужнымъ; очень рѣдко онъ туманенъ или фразистъ, но и тогда всегда правиленъ»... Романтика не придавала большого значенія стилю, слогу; но Уландъ «возвратилъ ей строгость формы и поэтому сдѣлался образцомъ для молодыхъ и старшихъ современныхъ лириковъ, какъ Шамиссо»...

Что касается Гебеля, то этотъ поэтъ далекъ отъ романтизма. Это идилликъ чистой воды, полный, однако, въ то же время самаго непосредственнаго реализма. Родомъ изъ деревни въ баденскомъ оберландѣ, пасторъ по профессіи, Гебель въ своихъ произведеніяхъ исключительно поэтъ родной ему крестьянской среды: изъ нея заимствуетъ онъ и содержаніе, и всю обстановку своихъ стихотвореній, изъ той же родной деревни заимствованы имъ и всѣ дѣйствующія лица, и, наконецъ, самый языкъ, — свои стихотворенія онъ пишетъ на томъ же швабскомъ нарѣчіи, на которомъ говорилъ въ дѣтствѣ. «Ни одинъ новый идиллистъ, — замѣчаетъ о Гебелѣ историкъ:—не сравнится съ нимъ въ вѣрности природѣ, наивности, свѣжести и задушевности...» Таковы два романтика, которыми больше всего увлекается нашъ поэтъ,—и послѣднимъ съ особымъ одушевленіемъ. Въ апрѣлѣ 1816 г., сообщая о своихъ литературныхъ занятіяхъ А. И. Тургеневу, Жуковскій пишетъ ему изъ Дерпта:

«Написалъ, т. е. перевелъ съ нѣмецкаго, піесу подъ титуломъ: *Овсяный кисель*; не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для «Арзамаса»; но, надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для арзамасцевъ, хоть и не разведенъ на безсмыслицѣ. Это переводъ изъ Гебеля, вѣроятно тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ»... Что привлекало нашего поэта въ «романтизмѣ» главнымъ образомъ — показываетъ это восторженное восклицаніе, обращенное къ поэзіи Гебеля: «Я лучше ничего не знаю!» Романтики вообще не производятъ *на Жуковскаго* особенно глубокаго, захватывающаго вліянія. Односторонности и крайности романтизма остались Жуковскому совершенно чуждыми; онъ сумѣлъ уберечь себя отъ нихъ,—какъ уберегся отъ нихъ и Уландъ, и Гебель. Въ свободѣ поэзіи Жуковскаго отъ романтическихъ крайностей нельзя не видѣть проявленія, главнымъ образомъ, могучей силы его личнаго художественнаго чутья. Съ самой школой, ея представителями, Жуковскій хорошо знакомъ не только въ области собственно поэтическихъ произведеній, но и теоретически; для доказательства достаточно упомянуть объ извѣстномъ письмѣ его къ Дашкову, относящемся къ этому же времени (1816—1817 гг.). Предлагая Дашкову принять участіе въ задуманномъ изданіи и набрасывая его программу, Жуковскій перечисляетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ писателей, съ указаніемъ, что можно изъ каждаго взять для изданія: всѣ перечисляемые имъ писатели, поэты, ученые — принадлежатъ къ направленію романтическому, и труды каждаго изъ нихъ, какъ показываетъ письмо, нашъ поэтъ хорошо знаетъ...

Что касается вліяній, которыя послужили поэту въ извѣстной степени противовѣсомъ противъ излишнихъ романтическихъ увлеченій,—вліянія эти нашъ поэтъ нашелъ частью въ томъ же Дерптѣ, который и сблизилъ его съ романтиками, частью въ средѣ своихъ петербургскихъ друзей...

Если дерптскіе друзья Жуковскаго познакомили его съ нѣмецкимъ романтизмомъ—то здѣсь же, среди тѣхъ же своихъ дерптскихъ друзей, нашъ поэтъ нашелъ и людей, которые далеко не увлекались его крайностями. Къ числу такихъ принадлежалъ дерптскій проф. Густавъ Эверсъ (1781—1830), у котораго Жуковскій одно время слушаетъ лекціи, и Т. Е. Бокъ, воспитанникъ академика Лерберга, поклонникъ Шиллера. Вліяніе въ этомъ случаѣ Эверса было особенно важно. Жуковскій слушалъ лекціи Эверса по средневѣковой исторіи,—и взгляды Эверса на средніе вѣка не могли остаться безъ вліяній на нашего поэта. «Эверсъ, — замѣчаетъ одинъ изслѣдователь: — считалъ полезными занятія среднею исторіей для той же самой цѣли, для которой посвящали имъ свою дѣятельность романтики: они напоминали о древнихъ германцахъ, о рыцаряхъ, о религіозномъ характерѣ среднихъ вѣковъ, — единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побудить современниковъ перенести поэтическіе элементы юности человѣчества въ ихъ одряхлѣвшую сферу. Впрочемъ, онъ далекъ былъ отъ того, чтобы, на подобіе многихъ современныхъ ему писателей, находить все прекраснымъ въ среднихъ вѣкахъ.

Вліяніе Эверса какъ нельзя лучше поддерживалось и вліяніемъ петербургскихъ дру-

зей, къ этому времени сплотившихся въ особый кружокъ «Арзамаса»...

Въ ряду литературныхъ обществъ, возникшихъ у насъ въ разсматриваемый періодъ, въ которыхъ съ особой наглядностью сказывались новыя, болѣе широкія литературныя и общественныя потребности,—наиболѣе виднымъ является Арзамасъ. Около «Арзамаса» сгруппировались лучшія, болѣе молодыя и свѣжія силы нашей тогдашней литературы,—Жуковскій, кн. Вяземскій, Батюшковъ, вообще «Карамзинисты»; скоро въ ряду членовъ «Арзамаса» появляется и имя Пушкина. «Арзамасцы» выступили ближайшими преемниками литературныхъ традицій Карамзина,—и многіе изъ членовъ его вскорѣ являются главными дѣятелями послѣдующаго періода нашей литературы, въ томъ числѣ и Пушкинъ. Карамзинъ, пріѣхавши въ 1816 г. въ Петербургъ, ближе всего сходится съ «Арзамасцами»: «Здѣсь, — пишетъ онъ изъ Петербурга женѣ:—всѣхъ любезнѣе для меня «арзамасцы»... Помимо такихъ видныхъ дѣятелей литературы, какъ Жуковскій, Батюшковъ, стоявшихъ во главѣ «Арзамаса» — это былъ вообще кружокъ молодыхъ, даровитыхъ, хорошо образованныхъ людей, любившихъ литературу, но въ большинствѣ занимавшихся ею лишь «въ свободное отъ дѣлъ» время и не желавшихъ жертвовать ей своими официальными обязанностями.

Собранія «арзамасцевъ» были очень шумны, веселы,—и всегда заканчивались хорошимъ ужиномъ. На всей жизни кружка лежалъ отпечатокъ шутовства и беззавѣтнаго веселья. Эмблемой общества служилъ мерзлый арзамасскій гусь, члены носили шутливыя прозванія, заимствованныя изъ балладъ Жуковскаго: «Свѣтлана» (Жуковскій), «Ахиллъ» (Батюшковъ), «Дымная печурка» (Воейковъ), «Зозова арфа» (А. И. Тургеневъ), «Вотъ я васъ» (В. А. Пушкинъ), «Сверчокъ» (А. С. Пушкинъ), «Чу!» (Дашковъ) и т. д.,—и общій титулъ: «его превосходительство, геній Арзамаса». Пріемъ въ члены сопровождался аллегорическо-шутовскими церемоніями, являвшимися однако не лишенными значенія пародіями на обряды масонства...» По примѣру другихъ обществъ, говорится въ уставѣ общества, каждому новопоступающему члену «Арзамаса» надлежало бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены «Арзамаса»—безсмертны, и потому, за неимѣніемъ собственныхъ покойниковъ, а также въ доказательство благороднаго своего безпристрастія и еще болѣе въ доказательство, что ненависть ихъ не простирается за предѣлы гроба, арзамасцы положили для вступительныхъ рѣчей брать напрокатъ покойниковъ между «халдеями»—«Бесѣды» и «Академіи»—дабы воздавать имъ по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства». Очередной предсѣдатель долженъ отвѣчать оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, искусно соединяя похвалы ему съ похвалами усопшему... Какъ рѣчи, такъ и отвѣты, при серьезно-торжественномъ тонѣ, были содержанія комическаго. Чего-либо особенно серьезнаго кружокъ вообще не преслѣдовалъ и не хотѣлъ преслѣдовать: когда, нѣсколько позднѣе, одинъ изъ членовъ его высказалъ призывъ къ стремленіямъ болѣе серьезнымъ и широкимъ, къ идеямъ и дѣятельности болѣе общественнаго характера,—призывъ этотъ мало встрѣтилъ здѣсь сочувствія, остался одинокимъ... Да общество вскорѣ и распалось,—наиболѣе видные члены его разъѣхались изъ Петербурга по своимъ служебнымъ обязанностямъ. При всей ограниченности литературныхъ занятій и стремленій «арзамасцевъ», кружокъ этотъ однако былъ весьма важнымъ фактомъ нашей тогдашней литературной жизни, являлся характернымъ показателемъ народившихся въ обществѣ и въ литературѣ болѣе свѣжихъ стремленій. Кружокъ былъ хотя и скромнымъ, но рѣшительнымъ протестомъ противъ всего стараго, уже отжившаго въ литературѣ, противъ старыхъ литературныхъ традицій, все еще старавшихся удержать за собою первенствующее положеніе и въ обществѣ и въ литературѣ, а отчасти и дѣйствительно продолжавшихъ еще удерживать его. Главной, существенной стороной дѣятельности «Арзамаса» была его борьба противъ традицій «Бесѣды» и «Академіи», этихъ обломковъ стараго псевдо-классицизма... Орудіемъ борьбы выбрана была насмѣшка,—пародія, эпиграмма, шутка... Одинъ изъ главныхъ членовъ кружка, С. С. Уваровъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ слѣдующую характеристику «Арзамаса». «Арзамасъ» не имѣлъ собственно никакой опредѣленной формы. Это было общество молодыхъ людей, связанныхъ между собою однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи и собиравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признавали путеводителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого общества, или лучше сказать этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно критическое. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и пр. Подъ вліяніемъ «Арзамаса» писали стихи Жуковскій, Батюшковъ, А. Пушкинъ, и это вліяніе отразилось, можетъ-быть, и на иныхъ страницахъ «Исторіи» Карамзина...»

Въ отношеніи собственно къ нашему по-

эту, въ исторіи развитія литературныхъ симпатій самого Жуковскаго, господствовавшій въ «Арзамасѣ» тонъ пародіи и шутки не могъ не имѣть своего весьма благотворнаго значенія. Арзамасскіе друзья Жуковскаго не могли сочувствовать вычурнымъ крайностямъ нѣмецкой романтики, и своимъ авторитетомъ, конечно, въ значительной степени должны были предостеречь поэта отъ излишнихъ увлеченій ею.

Новое романтическое направленіе поэтической дѣятельности Жуковскаго — если не самымъ возникновеніемъ своимъ, то во всякомъ случаѣ своимъ быстрымъ усиленіемъ и развитіемъ въ значительной степени зависѣло отъ особыхъ, чисто личныхъ обстоятельствъ за это время жизни поэта. Многое, что́ для посторонняго читателя въ новыхъ произведеніяхъ нашего поэта казалось «романтикой» — имѣло реальное, положительное значеніе.

Новыя романтическія струны, особенно выступающія теперь въ поэзіи Жуковскаго,— въ значительной степени объяснялись совершившеюся около этого времени въ его жизни «сердечной катастрофой».

Мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

Еще въ 1805 году у 22-лѣтняго Жуковскаго начались педагогическія занятія съ его племянницами—Протасовыми. Незадолго передъ этимъ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова овдовѣла, и, вслѣдствіе разстроенныхъ обстоятельствъ, поселилась съ двумя своими дочерьми въ Бѣлевѣ, уѣздномъ городкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Мишенскаго, гдѣ жило семейство Буниныхъ и Жуковскій. Дочерямъ Протасовой, Маріи и Александрѣ, было 10—12 лѣтъ; мать хотѣла дать имъ домашнее образованіе. Видя разстроенныя дѣла Протасовой, Жуковскій вызвался давать уроки своимъ племянницамъ. Это было въ 1805 году. Поэтъ принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ; въ дневникѣ поэта сохранился отрывокъ программы этихъ занятій. Онъ говоритъ тутъ и о серьезности, съ какой смотрѣлъ на свое дѣло. Но, на самомъ дѣлѣ, преподаваніе уже скоро приняло «поэтическій характеръ»: поэтъ-учитель скоро страстно полюбилъ свою старшую ученицу... Новыя чувства какъ нельзя лучше подходили къ общему тону его поэзіи,—и скоро самымъ рѣшительнымъ образомъ начинаютъ сказываться въ его произведеніяхъ.

Уѣзжая въ 1808 году изъ деревни въ Москву, для изданія журнала, молодой редакторъ, на прощаніе съ своими ученицами, написалъ ко дню рожденія старшей изъ нихъ, Маріи Андреевны Протасовой, аллегорическую повѣсть. «Въ этомъ подаркѣ ко дню рожденія— замѣчаетъ д-ръ Зейдлицъ:—виднѣлась заря восходящаго солнца любви. Поэтъ намекаетъ на счастіе, не обозначая его точнѣе...» Статьи, написанныя Жуковскимъ въ это же время и напечатанныя въ первыхъ книжкахъ его журнала, вполнѣ объясняютъ намъ новыя чувства автора. Разумѣемъ два его этюда: *Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?* и *Писатель въ обществѣ.* Содержаніе статей имѣетъ непосредственный біографическій интересъ.

«Одинъ тотъ,—начинаетъ свою первую статью Жуковскій: — кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ... Быть счастливымъ, есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества,—продолжаетъ авторъ:—но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя?.. Въ семейныхъ чувствахъ человѣка хранится источникъ и его гражданскихъ добродѣтелей: какъ можетъ онъ не дорожить непорочностью своего имени,—котораго слава есть слава его любезныхъ?» Въ статьѣ *Писатель въ обществѣ* авторъ, разсуждая объ общественномъ положеніи писателя, доказываетъ, что для писателя, больше чѣмъ для кого другого, необходимо вліяніе семьи, — «семейственныя связи». «Привязанный къ одному мѣсту своими упражненіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой,—въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго исканія, онъ долженъ вблизи, около себя соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца,—вселенная со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ...»

Съ такими чувствами поэтъ отправился въ Москву. Двухлѣтнее занятіе журналомъ не измѣнило ихъ, и, по возвращеніи въ 1810 г. въ деревню, мечты о счастіи семейной жизни становятся любимыми мечтами поэта, все сильнѣе начинаютъ сказываться въ его произведеніяхъ этого времени... Любовь поэта была обставлена особыми, исключительными условіями. «Тѣсныя связи родства усиливали чувство всею близостью родственной привя-

занности; въ то же время эти самыя связи дѣлали любовь невозможною, въ глазахъ тѣхъ людей, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе вопроса...» Поэту приходилось скрывать свою любовь,—и она находитъ себѣ выходъ только въ поэтическихъ паліяніяхъ, еще болѣе увеличивая грустный, меланхолическій тонъ его поэзіи.

Онъ пѣлъ любовь—говоритъ поэтъ о себѣ —
но былъ печаленъ гласъ;
Увы! Онъ зналъ любви одну лишь муку...

Поэтъ жалуется, что любовь принесла ему одну «мечту»,

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье...

Тоска эта тѣмъ сильнѣе, что нельзя даже заикнуться о своемъ чувствѣ:

О, незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!—

обращается поэтъ къ предмету своей любви:

Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ
ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
Все въ жертву за нее. Вся жизнь моя предъ
вами,
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?..

Въ 1809 г., въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», молодой редакторъ печатаетъ стихотвореніе: *Пѣснь* — безъ подписи, но съ краснорѣчивой помѣтой: *1-го апрѣля*. 1-е апрѣля было днемъ рожденія Маріи Протасовой. Стихотвореніе выражало всю силу юношескаго чувства:

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой!..
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю,
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.
Беру перо—имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной,
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить—одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли,
Ты сердцу—жизнь, ты жизни—сладость!..
Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый.
Молчишь—мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ непзъяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ,
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ!..
Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь!..

По прекращеніи, въ 1810 году, редакторской дѣятельности и по возвращеніи въ деревню,—поэтъ снова увидѣлъ предметъ своей любви. Къ этому времени относится стихотвореніе Жуковскаго, озаглавленное *Къ ней*, не вносившееся поэтомъ въ собраніе его сочиненій, и найденное въ портфелѣ Маріи Протасовой послѣ ея смерти:

Имя гдѣ для тебя?
Несильно смертныхъ искусство—
Выразить прелесть твою!
Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? Отзывъ невѣрный
Поздней молвы объ тебѣ.
Если бы сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы—гимномъ тебѣ!!..

Повидимому, къ 1810 году относилось первое объясненіе Жуковскаго съ Екатериной Аѳанасьевной Протасовой,—встрѣтившее самый рѣшительный отказъ. Причиной отказа Протасова выставляла родственныя отношенія. При этомъ Екатерина Аѳанасьевна самымъ рѣшительнымъ образомъ запретила поэту говорить о его любви кому бы то ни было, особенно ея дочерямъ...

Невеселые дни наступили для поэта. Онъ еще нѣсколько разъ возобновлялъ свои исканія и пытался смягчить сердце Екатерины Аѳанасьевны, но напрасно. Между тѣмъ, Марья Андреевна Протасова вполнѣ раздѣляла чувства къ ней Жуковскаго, и когда узнала о всемъ происшедшемъ между Жуковскимъ и ея матерью (это относилось уже къ началу 1813 года)—она опасно заболѣла. Еще больше страдалъ поэтъ. Его дневникъ отчасти открываетъ передъ нами то тягостное душевное состояніе, которое онъ переживалъ за это время. Надежда смѣнялась отчаяніемъ и обратно. Черезъ мѣсяцъ, по выходѣ изъ военной службы, Жуковскій рѣшился посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ съ Ив. Вл. Лопухинымъ, извѣстнымъ масономъ, къ которому съ большимъ уваженіемъ относилась и Екатерина Аѳанасьевна. «Я ѣхалъ, — пишетъ поэтъ въ дневникѣ объ этой поѣздкѣ:— съ веселыми мыслями. Болѣе, нежели когда-нибудь, мнѣ весело было смотрѣть на ясное небо... О! я въ эту минуту только чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ этой жизни. Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе—быть Его достойнымъ своею жизнью... Другая мысль несказанно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизъяснимое счастье принадлежать ей, дѣлить съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, — лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ. То счастье, которое даетъ мнѣ она — совсѣмъ должно меня преобразовать... Эта надежда нѣкогда уви-

эту, въ исторіи развитія литературныхъ симпатій самого Жуковскаго, господствовавшій въ «Арзамасѣ» тонъ пародіи и шутки не могъ не имѣть своего весьма благотворнаго значенія. Арзамасскіе друзья Жуковскаго не могли сочувствовать вычурнымъ крайностямъ нѣмецкой романтики, и своимъ авторитетомъ, конечно, въ значительной степени должны были предостеречь поэта отъ излишнихъ увлеченій ею.

Новое романтическое направленіе поэтической дѣятельности Жуковскаго — если не самымъ возникновеніемъ своимъ, то во всякомъ случаѣ своимъ быстрымъ усиленіемъ и развитіемъ въ значительной степени зависѣло отъ особыхъ, чисто личныхъ обстоятельствъ за это время жизни поэта. Многое, что для посторонняго читателя въ новыхъ произведеніяхъ нашего поэта казалось «романтикой» — имѣло реальное, положительное значеніе.

Новыя романтическія струны, особенно выступающія теперь въ поэзіи Жуковскаго,— въ значительной степени объяснялись совершившеюся около этого времени въ его жизни «сердечной катастрофой».

Мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

Еще въ 1805 году у 22-лѣтняго Жуковскаго начались педагогическія занятія съ его племянницами—Протасовыми. Незадолго передъ этимъ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова овдовѣла, и, вслѣдствіе разстроенныхъ обстоятельствъ, поселилась съ двумя своими дочерьми въ Бѣлевѣ, уѣздномъ городкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Мишенскаго, гдѣ жило семейство Буниныхъ и Жуковскій. Дочерямъ Протасовой, Маріи и Александрѣ, было 10—12 лѣтъ; мать хотѣла дать имъ домашнее образованіе. Видя разстроенныя дѣла Протасовой, Жуковскій вызвался давать уроки своимъ племянницамъ. Это было въ 1805 году. Поэтъ принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ; въ дневникѣ поэта сохранился отрывокъ программы этихъ занятій. Онъ говоритъ тутъ и о серьезности, съ какой смотрѣлъ на свое дѣло. Но, на самомъ дѣлѣ, преподаваніе уже скоро приняло «поэтическій характеръ»: поэтъ-учитель скоро страстно полюбилъ свою старшую ученицу... Новыя чувства какъ нельзя лучше подходили къ общему тону его поэзіи,—и скоро самымъ рѣшительнымъ образомъ начинаютъ сказываться въ его произведеніяхъ.

Уѣзжая въ 1808 году изъ деревни въ Москву, для изданія журнала, молодой редакторъ, на прощаніе съ своими ученицами, написалъ ко дню рожденія старшей изъ нихъ, Марьи Андреевны Протасовой, аллегорическую повѣсть. «Въ этомъ подаркѣ ко дню рожденія— замѣчаетъ д-ръ Зейдлицъ:—виднѣлась заря восходящаго солнца любви. Поэтъ намекаетъ на счастіе, не обозначая его точнѣе...» Статьи, написанныя Жуковскимъ въ это же время и напечатанныя въ первыхъ книжкахъ его журнала, вполнѣ объясняютъ намъ новыя чувства автора. Разумѣемъ два его этюда: *Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?* и *Писатель въ обществѣ*. Содержаніе статей имѣетъ непосредственный біографическій интересъ.

«Одинъ тотъ,—начинаетъ свою первую статью Жуковскій: — кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ... Быть счастливымъ, есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества,—продолжаетъ авторъ:—но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя?.. Въ семейныхъ чувствахъ человѣка хранится источникъ и его гражданскихъ добродѣтелей: какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени,—котораго слава есть слава его любезныхъ?» Въ статьѣ *Писатель въ обществѣ* авторъ, разсуждая объ общественномъ положеніи писателя, доказываетъ, что для писателя, больше чѣмъ для кого другого, необходимо вліяніе семьи, — «семейственныя связи». «Привязанный къ одному мѣсту своими упражненіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой,—въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго исканія, онъ долженъ вблизи, около себя соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца,—вселенная со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ...»

Съ такими чувствами поэтъ отправился въ Москву. Двухлѣтнее занятіе журналомъ не измѣнило ихъ, и, по возвращеніи въ 1810 г. въ деревню, мечты о счастіи семейной жизни становятся любимыми мечтами поэта, все сильнѣе начинаютъ сказываться въ его произведеніяхъ этого времени... Любовь поэта была обставлена особыми, исключительными условіями. «Тѣсныя связи родства усиливали чувство всею близостью родственной приви-

дѣть самого себя лучшимъ,—восхитительна... Съ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда счастіе дастъ мнѣ новую жизнь. Это возможное преобразованіе самого себя радуетъ меня наравнѣ съ тою надеждой, которая представляетъ мою Машу ангеломъ-спутникомъ, участникомъ чистой, невинной жизни... Такъ, ангелъ Маша, вѣра — источникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастія. Что сравнится съ такимъ пріобрѣтеніемъ? И какъ не обожать того, кому будешь имъ обязанъ, а это—ты...» Уже изъ этого отрывка—а такихъ можно найти въ его дневникѣ нѣсколько — нельзя не видѣть, что реальная любовь поэта уже теперь начинала принимать характеръ какого-то мистическаго поклоненія. Лопухинъ вполнѣ одобрилъ намѣренія Жуковскаго,—хотя и это одобреніе со стороны человѣка, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, не помогло... Тщетны были попытки друзей помочь Жуковскому; тщетно самъ московскій митрополитъ Филаретъ заявлялъ, что, по церковнымъ книгамъ, нѣтъ причины не допускать брака. Екатерина Аѳанасьевна оставалась непреклонной... Поэтъ продолжалъ жить въ томительномъ ожиданіи. «Будущее пугаетъ меня неизвѣстностью,—пишетъ онъ въ дневникѣ.—Спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность мнѣ свойственная, самая религія—все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! Что иное можетъ быть мнѣ замѣною?.. Самъ бросить своего счастія не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ; тогда, по крайней мѣрѣ, не буду причиной своей утраты...» Поэтъ иногда груститъ о своемъ счастіи, какъ уже о навсегда потерянномъ,—онъ какъ бы предчувствуетъ его несбыточность: «Исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастіе — зависитъ не отъ меня. Но я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни. Жаль жизни такой, какою я ее представилъ себѣ — тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру... Другимъ нужно несчастіе, чтобы привести въ силу ихъ душевныя качества; мнѣ, напротивъ, нужно счастіе, — то счастіе, которое, можетъ быть моимъ...» Въ борьбѣ съ неодолимыми препятствіями, не имѣя силъ и не желая ихъ разрушить насильственно, любовь поэта принимаетъ постепенно все болѣе и болѣе платоническій характеръ. «Развѣ мы съ Машей,—пишетъ поэтъ въ 1814 году:—не на одной землѣ?.. Развѣ не можемъ другъ для друга жить и имѣть всегда въ виду другъ друга? Одинъ домъ—одинъ свѣтъ; одна кровля—одно небо. Не все ли равно?»

Поэтъ переживаетъ періодъ сердечныхъ томленій, а вскорѣ и скитальческой жизни... Правда, онъ не рѣдко окруженъ родными и близкими друзьями, принимаетъ участіе въ ихъ праздникахъ и увеселеніяхъ,—около этого времени онъ особенно сближается съ Плещеевыми,—у которыхъ концерты чередовались съ театральными представленіями и литературными вечерами,—но вообще душа поэта болитъ и сердце ноетъ. Новое объясненіе съ Екатериной Аѳанасьевной заставляетъ его въ 1812 году поступить въ военное ополченіе. Во время своей жизни въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный всеобщимъ, господствовавшимъ и въ арміи, и въ обществѣ, патріотическимъ воодушевленіемъ, Жуковскій пишетъ своего знаменитаго *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ*. Новое произведеніе доставило ему несравненно бо́льшую извѣстность, чѣмъ вся предшествовавшая его литературная дѣятельность. Въ тысячахъ списковъ стихотвореніе разошлось по арміи и всей Россіи. Императрица выразила желаніе видѣть поэта... Военная жизнь Жуковскаго однако продолжается недолго: въ концѣ того же года онъ заболѣлъ тифомъ, — а въ первыхъ числахъ января 1813 года былъ уже на родинѣ. Два слѣдующіе года мы видимъ его то въ Мишенскомъ, то въ Долбинѣ; съ 1815 года, когда Протасовы по семейнымъ обстоятельствамъ, переселялись въ Дерптъ,—за Воейкова, бывшаго въ Дерптѣ профессоромъ, вышла замужъ вторая племянница Жуковскаго, А. А. Протасова, — мы видимъ Жуковскаго въ постоянныхъ поѣздкахъ сюда, — уѣзжая изъ Петербурга, гдѣ съ 1815 года онъ имѣетъ офиціальное положеніе чтеца при императрицѣ, Жуковскій въ періодъ 1815—1816 гг. живетъ въ Дерптѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ... Незадолго передъ этимъ патріотическое возбужденіе еще разъ охватываетъ Жуковскаго: въ 1814 г. имъ написано было извѣстное *посланіе Императору Александру* (1814 г.). Тогда же императрица поручила Тургеневу и Уварову—«подумать, что́ сдѣлать для поэта». Въ 1815 г. онъ представляется императрицѣ, и вскорѣ получаетъ назначеніе при дворѣ. Періодъ деревенскаго уединенія для нашего поэта долженъ былъ скоро и навсегда окончится... Въ 1815—1816 гг. выходитъ первое собраніе «стихотвореній» Жуковскаго; министръ народнаго просвѣщенія представилъ изданіе императору,—и поэту назначена была пенсія въ 4000 р.

Въ 1816—1817 гг. заканчивается и романъ Жуковскаго. Уже въ ноябрѣ 1815 года Маріи Протасовой сдѣлалъ предложеніе проф. Мойеръ. Екатерина Аѳанасьевна благосклонно приняла его искательство, а дочь попросила нѣсколько времени на размышленіе; она написала Жуковскому и попросила его совѣта: «Я рѣшаюсь писать къ тебѣ,—обращается она

къ нему:—просить у тебя совѣта, какъ у самаго лучшаго друга. О, мой добрый Жуковскій! Я у тебя прошу совѣта, какъ у отца,—прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобой съ первымъ послѣ маменьки хочу говорить объ этомъ и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души, своего спокойствія, счастія и всего добраго»... Еще за полгода до этого, въ мартѣ 1815 года, попытавши передъ этимъ еще разъ и тщетно говорить съ Екатериной Аѳанасьевной, Жуковскій писалъ Маріѣ Андреевнѣ, повидимому теперь уже вполнѣ примирившись съ своей судьбой: «Милый другъ, Маша! Надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ. У тебя есть добрый товарищъ—твоя смиренная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ... Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастіемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою... Въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои дѣятельности... Въ мысляхъ и чувствахъ постараюсь быть тебя достойнымъ. Все въ жизни—къ прекрасному средство. Я прошу тебя только одного: не позволяй тобою жертвовать. Этимъ не обмани меня... Мои тетради береги. Въ нихъ ничего не перемѣнять, кромѣ развѣ одного—вездѣ: сестра. Помни же своего брата, своего истиннаго друга; но помни такъ, какъ онъ того требуетъ, т. е. знай, что онъ, во всѣ минуты жизни, если не живетъ, то по крайней мѣрѣ желаетъ жить такъ, какъ велитъ ему его привязанность къ тебѣ—теперь вѣчная и болѣе, нежели когда-нибудь, чистая и сильная. Не бойся... Жизнь моя будетъ тебя достойна!»...—Какъ ни готовилъ однако себя поэтъ къ подобному исходу,—письмо Протасовой его поразило; онъ не вѣрилъ тому, чтобы его Маша рѣшилась идти замужъ добровольно, безъ принужденія; онъ подозрѣвалъ Екатерину Аѳанасьевну, что она неволитъ дочь. Жуковскій тотчасъ же отправился въ Дерптъ, гдѣ жили въ это время Протасовы, чтобы лично удостовѣриться въ случившемся. Въ январѣ онъ пріѣхалъ туда—и разувѣрился въ своихъ подозрѣніяхъ... Послѣ долгой и тяжелой внутренней борьбы, послѣ различныхъ колебаній и сомнѣній,—поэтъ согласился на бракъ Маріи Андреевны съ Мойеромъ... Въ 1817 году Марія Протасова вышла замужъ.

«Романъ моей жизни конченъ, начну ея исторію»—говорилъ поэтъ друзьямъ, вернувшись послѣ свадьбы изъ Дерпта. Но поэтъ ошибся. Окончившись въ дѣйствительности, въ поэтической дѣятельности поэта «романъ» продолжался долгое время, — даже послѣ смерти предмета его любви... Мечты любви—грустной меланхолической—долго еще продолжаютъ звучать въ его поэзіи. Какъ мы уже замѣтили, любовь поэта постепенно преображалась: вначалѣ вполнѣ реальная, она подъ конецъ дѣлалась все болѣе и болѣе мистической. Съ любовью Жуковскаго совершилось отчасти то же, что нѣкогда произошло съ любовью Данта: подобно тому, какъ Беатриче изъ флорентинской дѣвушки мало-по-малу превратилась въ высокое олицетвореніе католическаго богословія,—такъ и здѣсь: предметъ любви Жуковскаго все болѣе и болѣе терялъ свою тѣлесность, пока не сдѣлался для поэта символомъ всего высокаго, идеальнаго:

Скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томленіе разлуки—

продолжаютъ оставаться надолго существенными нотами его поэзіи...

Новая дѣятельность была по сердцу Жуковскому; «онъ не только нашелъ себѣ,—замѣчаетъ его біографъ:—дѣятельность, соотвѣтствовавшую его вкусамъ, дававшую ему довольно времени предаваться и поэтическому творчеству,—но нашелъ еще и то, чего тщетно искалъ въ семьѣ Екатерины Аѳанасьевны Протасовой—искренность семейнаго круга, теплое расположеніе къ себѣ...» Мало того: по свидѣтельству того же біографа, близкаго друга поэта, послѣдній здѣсь же, въ новой своей дѣятельности, нашелъ нѣкоторую поддержку для своей поэзіи: «въ своей высокой ученицѣ,—замѣчаетъ біографъ:—поэтъ встрѣтилъ такую же поэтическую и романтическую душу». «По ея желанію» Жуковскій переводитъ многія стихотворенія Шиллера, Гете, Уланда, Гебеля на русскій языкъ. Переводы печатались въ особомъ изданіи, выходившемъ маленькими брошюрами, лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ: *Für Wenige. Для немногихъ* (вышло шесть книжекъ). Но вообще у поэта теперь уже мало оставалось времени для чисто поэтической дѣятельности... Вмѣстѣ съ царской семьей зиму 1817—1818 г. Жуковскій проводитъ въ Москвѣ,—и здѣсь, въ апрѣлѣ 1818 г., привѣтствуетъ своими знаменитыми словами рожденіе великаго князя Александра Николаевича, своего будущаго питомца:

Да! Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ—
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!..

По совѣту врачей, на зиму 1820 г. великая княгиня Александра Ѳеодоровна должна была ѣхать заграницу; сопровождать свою ученицу

долженъ былъ и Жуковскій. Такъ только теперь впервые осуществились мечты его юности... Въ сентябрѣ 1820 г. онъ выѣхалъ изъ Берлина. Онъ ѣхалъ съ восторгомъ. «Порадуйтесь за меня, и благословите меня дружескою рукою,—пишетъ онъ А. П. Кирѣевской:—наконецъ, нѣкоторыя желанія сбываются: увижу прекрасныя стороны, въ которыхъ иногда бѣгало воображеніе... Путешествіе оживитъ и расширитъ душу,—будетъ и физически, и нравственно полезнымъ: можетъ-быть, вялость душевная поубавится, и я опять освѣжусь и примусь за свою поэзію...» Эти надежды вполнѣ оправдались. Съ періодомъ этого заграничнаго путешествія Жуковскаго связанъ, отчасти или вполнѣ, цѣлый рядъ его поэтическихъ произведеній: *Орлеанская дѣва* Шиллера, *Шильонскій узникъ* Байрона, *Пери и ангелъ* Мура, переводы изъ Вальтеръ-Скотта, Уланда,—поэтъ готовится къ переводу *Вильгельма Телля* Шиллера и т. д. Путешествіе дѣйствительно «оживляетъ и расширяетъ» его душу,—онъ знакомится съ лучшими произведеніями западно-европейскаго искусства, испытываетъ цѣлый рядъ недоступныхъ для него прежде умственныхъ наслажденій. «Самая лучшая эпоха моей жизни, послѣ моей разлуки съ вами,—пишетъ поэтъ одной изъ подругъ своего дѣтства:—есть 1821 годъ. Я пространствовалъ по Европѣ: провелъ веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ, съ его живописными окрестностями; обошелъ пѣшкомъ Швейцарію; прошелъ черезъ Сенъ-Готардъ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago Madgiore; черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Montblanc, видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками—и все это оставило на душѣ то волненіе, какое оставляетъ быстрый сонъ, исчезающій въ минуту удовлетворенія... Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ, также au trait»... Обширныя письма, которыя Жуковскій пишетъ въ это время (отрывки изъ нихъ тогда же печатались въ журналахъ, напр. Рафаэлева Мадонна и др.)—показываютъ, какой полной и широкой жизнью онъ жилъ за это время...

Но и среди новыхъ обстоятельствъ жизни, потока новыхъ впечатлѣній,—воспоминанья о прошломъ не покидаютъ поэта: Эльба напоминаетъ ему иногда Оку при Бѣлевѣ, и при этомъ передъ поэтомъ много встаетъ милыхъ тѣней этого прошлаго... Отголоски сердечныхъ томленій по временамъ продолжаютъ отзываться и теперь въ произведеніяхъ нашего поэта,—воспоминанія о ней продолжаютъ его посѣщать.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ [сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней—
Явилася она передо мною...

Вскорѣ, по возвращеніи въ Россію, поэту суждено было перенести и послѣднее сердечное потрясеніе, связанное съ его несчастной любовью: 19-го марта 1823 г. въ родахъ неожиданно скончалась Марья Андреевна Протасова. «Событіе это,—замѣчаетъ д-ръ Зейдлицъ:—потрясло душу Жуковскаго и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Нельзя описать словами того, что происходило въ душѣ несчастнаго поэта...» Приводимъ относящееся къ этому моменту его письмо къ Кирѣевской, писанное изъ Дерпта, куда по полученіи извѣстія, Жуковскій немедленно отправился: «Кому могу уступить святое право, милый другъ, милая сестра (и теперь—вдвое противъ прежняго), говорить о послѣднихъ минутахъ нашего земного ангела, теперь небеснаго, вѣчно, безъ измѣненія, нашего... Съ ея святымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость, прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новой силой. Она съ нами—пока здѣсь еще пробудемъ, не видя глазами ея; она съ нами, и болѣе наша—наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія! Дуняша, другъ!—Дайте мнѣ руку во имя Маши, которая для насъ все существуетъ. Не будемъ говорить: ея нѣтъ! «Это богохульство!» Слезы льются, когда мы вмѣстѣ и не видимъ ея между нами; но эти слезы по себѣ... 10 числа (марта; Жуковскій, передъ этимъ, проводивши А. А. Воейкову съ дѣтьми въ Дерптъ, пробылъ здѣсь двѣ недѣли и 10-го марта вернулся въ Петербургъ) я съ ними простился, безъ всякаго предчувствія, съ какою-то непонятной безпечностью... Я пробылъ съ ними двѣ недѣли, недѣлю лишнюю противъ даннаго мнѣ срока: должно было уѣхать. Но, Боже мой! я могъ бы остаться еще 10 дней: эти дни были послѣдніе здѣшніе дни для Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли. Бываютъ предчувствія для того, чтобы мутить душу: для чего же здѣсь не было никакого милосерднаго предчувствія!.. Было поздно, когда я выѣхалъ изъ Дерпта,—долго ждалъ лошадей, всѣхъ клонилъ сонъ. Я сказалъ имъ, чтобы разошлись, что я засну самъ. Маша пошла наверхъ съ мужемъ. Сашу (А. А. Воейкову) я проводилъ до ея дома,—услышалъ еще голосъ ея; когда готовъ былъ опять войти въ дверь, услышалъ въ темнотѣ: «прости!» Возвратясь, проводилъ Машу до ея горницы; они взяли съ меня слово разбудить ихъ въ минуту отъѣзда. И я заснулъ. Черезъ пол-

часа все готово къ отъѣзду,—встаю, подхожу къ ея лѣстницѣ, думаю—идти ли? хотѣлъ даже не идти, но пошелъ. Она спала, но мой приходъ ее разбудилъ; хотѣла встать, но я ее удержалъ. Мы простились; она просила, чтобъ я ее перекрестилъ, и спрятала лицо въ подушку,—и это было послѣднее на этомъ свѣтѣ!.. И черезъ десять дней я опять на той же дорогѣ, по которой мы вмѣстѣ съ Сашей ѣхали—и съ чѣмъ же я ѣхалъ?.. Ея могила недалеко отъ дороги, — и ее первую посѣтилъ я... Покой божественный, — вотъ встрѣча Маши! Право, въ небѣ, которое было ясно, было что-то живое. Я смотрѣлъ на небо другими глазами: это было милое, утѣшительное, Машино небо. Ея могила будетъ для насъ мѣстомъ молитвы... Послѣдніе дни ея были веселы и счастливы. Но не пережить родинъ своихъ было ей назначено, и ничто не должно было ее спасти. Въ субботу 17-го марта она почувствовала приближеніе рѣшительной минуты. Ребенокъ родился мертвый, мальчикъ. Она потеряла память, пришла черезъ нѣсколько времени въ себя; но силы истощились и черезъ полчаса все кончилось. Они всѣ сидѣли подлѣ нея, смотрѣли на ангельское спящее помолодѣвшее лицо, и никто не смѣлъ четыре часа признаться, что она скончалась. Боже мой! а меня не было!.. Въ эти минуты была вся жизнь,—и я долженъ былъ не видать ея лица,—яснаго, милаго, веселаго, увѣряющаго въ безсмертіи, ободряющаго на всю жизнь!.. Саша говоритъ, что она не могла на нее наглядѣться. «Это была прелестная головка спящаго ангела, существа неземного!..» Она казалась точно такою, какова была 17-ти лѣтъ: въ голубомъ платьѣ,—подлѣ нея младенецъ, миловидный, точно заснувшій... Знакомый и незнакомый прислали цвѣты, чтобы украсить столъ, на которомъ лежали наши два ангела, и жившіи, и не жившіи! Она казалась спящей въ цвѣтахъ. Всѣ проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ. Ангелъ мой! Дуняша! подумайте,—обо всемъ этомъ пишу къ вамъ *я*, и поберегите свою жизнь! Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь — святыня. Увѣряю васъ, что это для меня теперь понятнѣе; мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія; нѣтъ, это опытъ! Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и ободрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ, какъ будто бы не существуетъ, и прежнее яснѣе, ближе. Время ничего не сдѣлаетъ, развѣ только одно: нашъ милый товарищъ будетъ часъ отъ часу все ощутительнѣе своимъ присутствіемъ, я въ этомъ увѣренъ. Мысль о ней, полная ободренія для будущаго, полная благодарности за прошедшее, словомъ,—религія!..» «Муза поэта умолкла на цѣлые шесть лѣтъ» — прибавляетъ къ этому письму его другъ и біографъ.

За длинный послѣдующій періодъ 1823—1828 гг. Жуковскій почти ничего не пишетъ. Его душевное настроеніе этого времени съ необычайной силой вылилось въ извѣстномъ, превосходномъ стихотвореніи его, написанномъ при посвященіи вышедшаго около этого времени собранія его сочиненій своей ученицѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ:

Я Музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія—одно.

Но дарователь нѣспонѣжній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ!
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священный,
О, геній чистой красоты!..

Не знаю,—свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда;
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда!
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать,—
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять!..

Въ 1825 году Жуковскій назначается наставникомъ и воспитателемъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ этомъ высокомъ назначеніи, отъ котораго долго отказывался,—принявши его на себя, Жуковскій увидѣлъ окончательную цѣль своей жизни. «Можетъ-быть, послѣ добродѣтельнаго Фенелона,—замѣчаетъ одинъ изъ близкихъ друзей Жуковскаго:—ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковскій».

«Въ головѣ—одна мысль, въ душѣ—одно желаніе!», пишетъ онъ Кирѣевской. «Цѣль для цѣлой остальной жизни!.. Прощай навсегда поэзія съ риѳмами! Поэзія другого рода со мною, — мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь...»—«Счастью я давно далъ другое имя, замѣчаетъ по тому же поводу поэтъ въ другомъ письмѣ: я называю его: должность!..» Жуковскому было поручено общее руководительство всего хода ученья и воспитанія; другіе преподаватели были назначены по его выбору. Извѣстно, какъ выполнилъ Жуковскій свое великое дѣло. «Воспитаніе наслѣдника престола—многозначительная страница изъ исторіи не только русскаго народа, но и человѣчества, по торжеству тѣхъ общечеловѣческихъ началъ, которое для Россіи представляетъ царствованіе Царя-Освободителя,—замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей.—Любовь, состраданіе къ падшимъ и несчастнымъ, уваженіе къ свободѣ, наконецъ, этотъ великій актъ освобожденія 19-го февраля 1861 года и реформы, сулившія странѣ такое широкое общечеловѣческое развитіе въ будущемъ, весь этотъ радостный и дѣятельный порывъ къ жизни,—это, по выраженію Пушкина, «дней Александровыхъ прекрасное начало»—находится въ непосредственной связи съ воспитаніемъ, какое дано было будущему императору Жуковскимъ...» Вліяніе послѣдняго изъ царской учебной комнаты самымъ могущественнымъ образомъ сказалось на цѣломъ двадцатипятилѣтіи въ жизни русскаго народа...

Въ 1837 г. Жуковскій въ свитѣ наслѣдника-цесаревича совершилъ поѣздку по Россіи, захватывая и Сибирь; годъ 1838—1839 проводитъ съ нимъ въ путешествіи по Западной Европѣ. Около этого времени, въ Римѣ, Жуковскій сближается съ Гоголемъ: обстоятельство это не осталось, повидимому, безъ своей доли вліянія на развитіе все болѣе усиливавшагося теперь въ нашемъ поэтѣ мистическаго настроенія.

Собственно поэтическая дѣятельность Жуковскаго въ это время имѣетъ по-прежнему болѣе или менѣе случайный характеръ. Особенно плодотворными, въ смыслѣ поэтическаго творчества, были для нашего поэта годы 1831—1832. Къ началу 1831 г. относится цѣлый рядъ превосходныхъ переводовъ Жуковскаго изъ Гердера, Шиллера, Гебеля, Саути, Уланда... Около этого же времени мы видимъ сближеніе Жуковскаго съ Пушкинымъ: они вмѣстѣ проводятъ лѣто 1831 г. на дачѣ въ Царскомъ Селѣ,—и общество «ученика» нѣсколько оживляетъ его стараго «учителя»; въ Жуковскомъ съ особой силой пробуждается врожденный его юморъ и влеченіе къ творчеству. Къ этому времени относятся: *Спящая Царевна*, *Война мышей и лягушекъ*, *Сказка о царѣ Берендеѣ*. Въ 1833—1836 гг. Жуковскій оканчиваетъ *Ундину*, начатую еще въ 1817 г. Къ 1839 г. относится переводъ драматической поэмы Ф. Гальма *Камоэнсъ*, — не столько, впрочемъ, переведенной, сколько передѣланной нашимъ поэтомъ; къ 1837—1841 гг.—переводы *Наль и Дамаянти*. Изрѣдка отзывается въ своихъ стихахъ поэтъ и на различныя событія и обстоятельства окружающаго времени,—таковы его произведенія: *Народный гимнъ*, *Бородинская годовщина*, *На взятіе Варшавы* и др.

Въ 1839—1840 гг. заканчивается дѣятельность Жуковскаго по воспитанію наслѣдника. Награды царя превзошли всѣ ожиданія. Государь соизволилъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ пользовался онъ по должности наставника — 10,000 жалованья, обращеннаго въ пенсіонъ, окладъ по мѣсту — 18,000 и 4,000 р., которые были пожалованы Жуковскому еще Императоромъ Александромъ. Жуковскому позволено жить тамъ, гдѣ онъ найдетъ лучшимъ,—съ оставленіемъ «на службѣ» при Цесаревичѣ...

Кончивши свое великое дѣло, Жуковскій около этого времени навсегда покидаетъ самую Россію: 21-го мая 1841 года въ Штутгардѣ совершается бракосочетаніе его съ дочерью нѣмецкаго живописца Е. А. Рейтернъ, и послѣднія 12 лѣтъ своей жизни нашъ поэтъ проводитъ въ Германіи, въ кругу новыхъ родныхъ своей жены. Художникъ Г. Р. Рейтернъ, жившій въ Дюссельдорфѣ, былъ давнишній пріятель Жуковскаго. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ, поэтъ нерѣдко у него останавливался, считаясь въ этой семьѣ какъ бы роднымъ. «Жуковскій,— разсказываетъ его другъ, д-ръ Зейдлицъ:— познакомился съ дѣвицей Рейтернъ зимою 1832—1833 года, когда Елизаветѣ Алексѣевнѣ было всего 11—12 лѣтъ. Поэтъ жилъ тогда, полубольной на берегу Женевскаго озера, въ Верне, вмѣстѣ съ семействомъ Рейтерна. Проѣзжая лѣтомъ 1840 года изъ Дармштадта въ Дюссельдорфъ, для свиданія съ Рейтерномъ, Жуковскій, въ минуту поэтическаго воодушевленія, забылъ прежнія свои мечты, забылъ свое прошедшее, и обручился съ прекрасною восемнадцатилѣтнею дочерью своего друга...» Жуковскому въ это время было 58 лѣтъ. Вотъ что писалъ онъ самъ, въ письмѣ къ А. П. Зонтагъ, по поводу этого событія въ своей жизни: «Благословите вашего стараго товарища съ колыбели вашей! Счастье жизни, наконецъ, съ нимъ встрѣтилось, хотя поздно, но такое, какого онъ желалъ, о какомъ мечталъ такъ часто и о ко-

торомъ переставъ мечтать. Это счастье нашло его само. Онъ видѣлъ его мимоходомъ, плѣнился имъ мимоходомъ, и не позволялъ себѣ ни искать его, ни желать его! А милостивый Богъ далъ ему это счастіе безъ его исканія. Помолитесь же, чтобы Онъ благоволилъ и сохранить ему!.. За годъ передъ этимъ мы были вмѣстѣ въ Москвѣ. Мнѣ между вами было такъ пріятно, какъ дома! Теперь я на чужбинѣ; но мнѣ и теперь такъ же пріятно, какъ было тогда,—съ тою только разницею, что вся моя личная жизнь помолодѣла, и въ душу мою влилось никогда не испытанное чувство двойной жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ настоящее значеніе и достоинство. Я теперь въ Дюссельдорфѣ, подлѣ моей невѣсты. Die Seele ist getheit. Это слово—которое нельзя ни на русскій, ни на французскій перевести—довольно вѣрно выражаетъ мое теперешнее положеніе...» «За четверть часа до рѣшенія судьбы моей,—пишетъ Жуковскій къ Екатеринѣ Ивановнѣ Мойеръ, дочери его «Маши»:—черезъ нѣсколько лѣтъ позднѣе у меня и въ умѣ не было почитать возможнымъ, а потому и желать того, что̀ теперь составляетъ мое истинное счастіе. Оно подошло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія, послано свыше,—и я съ полною вѣрою въ него, безъ всякаго колебанія, подалъ ему руку...»

«Грустное чувство овладѣваетъ нами,—пишетъ д-ръ Зейдлицъ:—когда мы перечитываемъ письма, писанныя нашимъ другомъ на родину, въ теченіе двѣнадцати послѣднихъ лѣтъ его жизни—съ береговъ Рейна и Майна. Мы не должны вдаваться въ обманъ, читая нѣкоторыя изъ этихъ писемъ. Жуковскій гдѣ-либо старался оправдывать любимое свое изреченіе: «Все въ жизни къ прекрасному средство...» Скоро почувствовалъ поэтъ разладъ съ самимъ собою. Новая жизнь не вязалась съ тѣмъ, что̀ составляло внутренній его міръ, не шла къ тому, что̀ выработалось въ немъ, съ чѣмъ онъ сжился—она отрывала его отъ прежнихъ образовъ, связей и мечтаній. Сколько ни старался онъ увѣрить себя и друзей своихъ, что именно теперь счастливъ, и въ семейныхъ заботахъ умиротворилъ свой духъ, узналъ, что̀ такое истинное счастіе на землѣ,—сквозь подобныя увѣренія всегда слышалось, что счастіе, имъ достигнутое, не есть вполнѣ то, къ которому онъ стремился въ своей молодости...»

Готовясь къ свадьбѣ, Жуковскій, изъ Дюссельдорфа отправился въ Петербуръ, чтобы затѣмъ проѣхать въ Москву,—гдѣ къ этому времени условились собраться всѣ его близкіе и родные. Въ январѣ 1841 года онъ былъ уже въ Москвѣ,—свиданіе это было уже послѣднимъ. Весной 1841 года, Жуковскій, спѣша къ ожидавшей его въ Дюссельдорфѣ невѣстѣ, навсегда покинулъ Россію... «Приближался день отъѣзда Жуковскаго, — разсказываетъ д-ръ Зейдлицъ.—Въ послѣдній разъ хотѣлъ онъ отобѣдать у меня и отвѣдать своего любимаго блюда, крутой гречневой каши. Послѣ обѣда, подошелъ онъ грустный къ своему письменному столу (Жуковскій незадолго передъ этимъ продалъ Зейдлицу свое имѣнье и съ нимъ всю свою домашнюю обстановку, которую Зейдлицъ немедленно перевезъ въ свою петербургскую квартиру).—«Вотъ,—сказалъ онъ:—мѣсто, обожженное свѣчей, когда я писалъ пятую главу *Ундины*.—Здѣсь я пролилъ чернила, именно оканчивая послѣднія слова *Леоноры*: «Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь!»—И въ его глазахъ навернулись слезы. Вынувъ изъ бокового кармана бумагу, онъ сказалъ: «Вотъ, старый другъ, подпиши здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, какъ свидѣтель, мое заявленіе, что я обязываюсь крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лонѣ православной церкви... Дѣтей моихъ! Странно!..» — «Пока я подписывалъ эту бумагу,—продолжаетъ Зейдлицъ: — Жуковскій, опершись на руку, задумчиво смотрѣлъ на три картины, которыя всегда висѣли у него надъ письменнымъ столомъ, и которыя и здѣсь, какъ прежде, занимали то же мѣсто... Это были: превосходный портретъ Марьи Андреевны Протасовой, гробница ея на Дерптскомъ кладбищѣ и гробница покойной А. А. Воейковой... Вдругъ онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, я съ вами не разстанусь!» И съ этими словами вынулъ ихъ изъ рамъ, сложилъ вмѣстѣ и велѣлъ отнести въ свою карету. При прощаніи онъ подарилъ мнѣ рельефный свой портретъ, который былъ сдѣланъ въ 1833 году, въ Римѣ. «Береги его,—сказалъ онъ:—и повѣрь словамъ, которыя я вырѣзалъ на немъ:

Для сердца прошедшее вѣчно!»

Несмотря на приведенныя выше слова его друга, мы должны все же признать, что семейная жизнь поэта все же дала ему нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, и онъ не безъ основанія иногда въ своихъ произведеніяхъ украшаетъ такимъ поэтическимъ ореоломъ свою жизнь «на берегахъ Рейна и Майна»... Не можемъ не привести нѣсколькихъ строкъ изъ одного его произведенія этого періода,—отрывокъ имѣетъ непосредственное автобіографическое значеніе:

... Я увидѣлъ,—
говоритъ поэтъ:—
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на дорогѣ
Его дверей хозяйка молодая,

Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ, стояла...
И то была—моя жена съ моею
Малюткой дочерью...
И нынѣ тихо, безъ волненья, льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, *вѣруй въ Бога, вѣруй*
Въ меня...

Литературная дѣятельность Жуковскаго за послѣднія 12 лѣтъ значительно усиливается. Въ первые же мѣсяцы своей брачной жизни онъ оканчиваетъ *Наль и Дамаянти*, начатую еще въ 1836 г., и немедленно, въ 1842 г. приступаетъ къ своему гигантскому труду, переводу *Одиссеи*, надъ которымъ работаетъ съ перерывами шесть лѣтъ (1842—1848). Почти одновременно оканчивается Жуковскимъ и другой обширный трудъ—переводъ *Рустема и Зораба* (1846 — 1847). Уже давно начата была Жуковскимъ поэма, къ созданію которой онъ подготовлялъ себя продолжительнымъ и усерднымъ чтеніемъ,—*Странствующій Жидъ*— ей посвящаетъ онъ послѣдніе годы, даже дни своей жизни. Первая мысль объ этой поэмѣ у поэта зародилась еще въ 1831 г.; въ началѣ 40-хъ годовъ Жуковскій вернулся къ ней было,—но скоро оставилъ; труды по переводу «Одиссеи» надолго отвлекаютъ его отъ всѣхъ другихъ работъ. Окончательно поэтъ принимается за поэму лишь за годъ до своей смерти,—и она остается не оконченной... Среди другихъ трудовъ въ эти же 12 лѣтъ поэтъ съ особой любовью занимается работами педагогическаго характера. «Я теперь имѣю на рукахъ большую работу,—пишетъ Жуковскій пріятелю въ февралѣ 1851 года.—Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ—за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариѳметики: за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома, отъ самихъ родителей...» Къ сожалѣнію эти педагогическія работы не были доведены до конца. Къ послѣднимъ годамъ жизни поэта относится попытка поэтическаго пересказа *Апокалипсиса*; около этого же времени, нѣсколько ранѣе, поэтомъ совершается еще особый трудъ—переводъ на русскій языкъ *Новаго Завѣта*... «Всего изумительнѣе,—замѣчаетъ его другъ и біографъ Плетневъ, говоря объ этомъ послѣднемъ періодѣ жизни Жуковскаго:—быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ, неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ...» И дѣйствительно, относящіяся къ этому времени письма поэта къ друзьямъ ярко рисуютъ передъ нами необычайную умственную энергію, не покидающую поэта до самыхъ послѣднихъ моментовъ жизни... Если буду здоровъ,—пишетъ поэтъ въ концѣ 1848 г.:—и ничего не случится въ моей семьѣ, кончу *Одиссею*. Работа пошла живо... По окончаніи *Одиссеи* примусь за прозу... Будущія прозаическія занятія мнѣ улыбаются. Уже у меня готово на цѣлый толстый томъ. Матеріаловъ довольно для будущаго—и есть великій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велитъ свидѣться. И еще для одного поэтическаго созданія есть планъ (поэтъ говоритъ о поэмѣ *Вѣчный Жидъ*). Онъ былъ бы достойнымъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности... Приходило въ голову не разъ, искушеніе приняться за *Иліаду*,—здѣсь же прибавляетъ поэтъ:—дабы оставить по себѣ, полнаго собственнаго Гомера». «Скажите мнѣ,—пишетъ онъ тому же другу, въ октябрѣ 1849 г., когда только-что окончился печатаніемъ второй томъ «Одиссеи»:—слова два о второй части; я переводилъ ее con amore... Менѣе, нежели въ сто дней, переведены были и даже отпечатаны всѣ двѣнадцать пѣсней...» И далѣе, въ томъ же письмѣ: «Съ поэзіей пора проститься. Надобно приниматься за прозу. У меня довольно написано философскихъ отрывковъ: они могутъ составить толстый томъ—и еще многое хочется написать. На это можетъ быть употреблена нынѣшняя зима, если только Богъ дастъ здоровья...»

Здоровье однако уже замѣтно стало измѣнять маститому писателю. Уже съ 1848 г. у него начали сильно болѣть глаза; одно время болѣзнь заключила его даже на нѣсколько мѣсяцевъ въ темную комнату,—хотя и въ ней поэтъ не хотѣлъ совершенно разстаться съ умственнымъ трудомъ. «Вотъ уже болѣе осьми недѣль, какъ сижу въ заперти въ темницѣ,—пишетъ онъ одному изъ друзей въ сентябрѣ 1851 г.:—не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться воздухомъ... И странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни загомозилась во мнѣ поэзія,—и я принялся за поэму, которой первые стихи были мною написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ не развитая, и которой созданіе я от-

загалъ до возвращенія на родину (разумѣется упоминавшаяся выше поэма *Вѣчный Жидъ*)... Полуслѣпой больной почти семидесятилѣтній поэтъ однако не падаетъ духомъ, и въ томъ же письмѣ полуиронически продолжаетъ: «Моя болѣзнь можетъ продолжиться еще недѣли; постараюсь взять противъ этого мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный,—я давно уже приготовилъ машинку для писанія на случай угрожающей мнѣ слѣпоты. Эта машинка пригодилась мнѣ полуслѣпому. Могу писать съ закрытыми глазами. Правда, написанное мнѣ трудно самому читать. Въ этомъ мнѣ помогаетъ мой камердинеръ... Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію... Въ связи же читать не могу безъ него...» Старцу стали напоминать о себѣ и другія немощи,—но энергія не оставляетъ его,—и въ одномъ изъ писемъ къ этому же другу онъ опять иронически замѣчаетъ: «Я уже выдумалъ себѣ машину для писанія на случай слѣпоты. Надобно придумать отводъ и отъ глухоты... Постараюсь воспользоваться,—прибавляетъ онъ далѣе совершенно серьезно: — сколько можно собою, пока еще цѣлъ... Надобно строго экономить временемъ...»

Живя на чужбинѣ, поэтъ сердцемъ тосковалъ по родинѣ и стремился вернуться въ Россію; но болѣзнь жены, а потомъ начавшіеся усиливаться припадки и собственнаго нездоровья—изъ года въ годъ заставляли откладывать выполненіе завѣтнаго желанія. Но сборы были почти непрерывные. Весной 1851 г. поэтъ поручаетъ даже одному изъ друзей заказать мебель къ его пріѣзду,—но упомянутая выше продолжительная болѣзнь глазъ разстроила планы... «Моя заграничная жизнь—невеселая,—горько замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:—невеселая уже и потому, что не произвольная...»

Жуковскому не суждено было увидѣть Россію. Онъ скончался въ Баденъ-Баденѣ 12-го апрѣля 1852 г. Передъ своею смертью поэтъ оставилъ прощальное письмо къ своей женѣ, въ которомъ писалъ: «Въ мысли, что мой послѣдній часъ, можетъ быть близокъ, я пишу тебѣ и хочу сказать нѣсколько словъ. Изъ глубины моей души благодарю тебя за то, что ты пожелала стать моей женой: время, которое я провелъ въ нашемъ союзѣ, было счастливѣйшимъ и лучшимъ въ моей жизни. Несмотря на многія грустныя минуты, происшедшія отъ внѣшнихъ причинъ или отъ насъ самихъ,—и отъ которыхъ не можетъ быть свободна ничья жизнь, ибо онѣ служатъ для нея благодѣтельными испытаніями, — я съ тобою наслаждался жизнью, въ полномъ смыслѣ этого слова: я лучше понялъ ея цѣну и становился все тверже въ стремленіи къ ея цѣли, которая состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы научиться повиноваться волѣ Господней. Этимъ я обязанъ тебѣ, прими же мою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреніе, что я любилъ тебя, какъ лучшее сокровище души моей... Полагайся на Бога и заботься о нашихъ дѣтяхъ; въ ихъ сердцахъ я завѣщаю тебѣ свое,—прочее же въ рукѣ Божіей. Благословляю тебя, думай обо мнѣ безъ печали, и въ разлукѣ со мною утѣшай себя мыслью, что я съ тобою ежеминутно и дѣлю съ тобою все, что происходитъ въ твоей душѣ»...

Въ томъ же году, по повелѣнію императора Николая Павловича, тѣло Жуковскаго было перевезено въ Россію и положено въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ могилою Карамзина.

Жуковскій былъ и остался по преимуществу поэтомъ субъективнаго чувства. Характеръ всей его поэзіи—какъ въ началѣ, такъ и до самаго конца — почти исключительно зависѣлъ отъ личнаго, идеально-мистическаго настроенія поэта. Природная предрасположенность къ меланхоліи, семейныя обстоятельства первыхъ лѣтъ жизни, наконецъ, неосуществившіяся мечты любви, въ связи съ общей глубокой религіозностью поэта—все это самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣляло направленіе и оригинальной и переводной его поэтической дѣятельности. Обстоятельства времени, сентиментально-меланхолическіе литературные вкусы, развившіеся въ нашемъ обществѣ къ этому времени,—какъ нельзя лучше пришлись къ субъективному, личному настроенію поэзіи Жуковскаго. Внесеніемъ романтическаго содержанія въ свою поэзію Жуковскій значительно расширилъ утвердившійся до него сентиментализмъ нашей литературы; но, и развивая романтическіе мотивы, Жуковскій слѣдовалъ, главнымъ образомъ и больше всего, указаніямъ того же субъективнаго чувства. Содержаніе средневѣковаго романтизма лучше всего отвѣчало его собственнымъ идеально-мистическимъ стремленіямъ и чаяніямъ... Въ общемъ ходѣ нашего литературнаго развитія великое значеніе поэзіи Жуковскаго состояло въ томъ, что поэзія его, служа его личнымъ чувствамъ, оставаясь почти исключительно субъективною, въ то же время, этимъ самымъ служила общимъ интересамъ нашего умственнаго развитія. Его субъективно-романтическая поэзія значительно расширяла содержаніе литературныхъ идей, какъ онѣ были внесены Карамзинымъ: была важнымъ шагомъ впередъ по пути отрѣшенія русской литературы отъ холода псевдо-классицизма. Идеальная поэзія Жуковскаго вносила въ содержаніе русской литературы цѣлый новый—мало извѣстный у

насъ дотолѣ — міръ ощущеній внутренней жизни. Въ меланхолическомъ тонѣ его поэзіи высказывалась мягкая человѣчность, задушевное чувство, необычайно возвышавшее нравственныя требованія и идеалы. Эта дорога была отчасти уже открыта сентиментальностью карамзинскаго направленія; но тамъ еще слишкомъ часто слышалась натянутая искусственность,—потребность чувства переходила въ плаксивость или въ приторную чувствительность... У Жуковскаго это чувство, правда, иногда слишкомъ исключительное, выражалось съ такой полнотой искренности, исходило изъ такихъ глубокихъ тайниковъ души, принимало при своемъ выраженіи такое изящество внѣшней формы, что здѣсь поэзія внутренняго чувства—впервые у насъ—вполнѣ вступала въ свои права...

Общій субъективно-романтическій характеръ поэзіи Жуковскаго совершенно опредѣленно выяснился уже въ ранній періодъ его поэтической дѣятельности, приблизительно къ 1815—17 гг.; позднѣе его оригинальное творчество почти изсякаетъ, и воздѣйствіе его на русскую литературу выражается почти исключительно въ переводахъ. Здѣсь была другая, чрезвычайно важная—въ общемъ ходѣ нашихъ литературныхъ идей—сторона его поэтической дѣятельности. Переводы Жуковскаго, правда, чаще всего носили тотъ же субъективный характеръ; Жуковскій не столько переводилъ, сколько самъ создавалъ въ томъ направленіи, къ которому принадлежало переводимое имъ литературное произведеніе; тѣмъ же личнымъ, субъективнымъ настроеніемъ часто руководился онъ и въ самомъ выборѣ переводимаго матеріала,—изъ неисчерпаемыхъ богатствъ иноземныхъ литературъ Жуковскій чаще всего бралъ то, что ближе подходило къ его собственному душевному чувству; тѣмъ не менѣе, и то, что бралось имъ оттуда, при всей субъективности, заключало въ себѣ чрезвычайно много цѣннаго обще-культурнаго, гуманизирующаго, содержанія, — необыкновенно расширявшаго наши прежнія, старыя литературныя рамки, могущественно подвигая впередъ дѣло, начатое Карамзинымъ. Жуковскій внесъ въ нашу литературу такую массу свѣжаго матеріала, какъ никто до него; своими переводами онъ фактически помогъ русскимъ читателямъ сблизиться съ тѣми крупнѣйшими фактами западно-европейскихъ, а частью и другихъ, литературъ, о которыхъ они раньше только слышали или были знакомы отрывочно, случайно. Съ другой стороны, самая субъективность переводовъ, близость переводныхъ произведеній душѣ переводчика, придавала имъ особенное совершенство: она дѣлала ихъ образцовыми,—не въ смыслѣ вѣрности самымъ оригиналамъ, которые переводились, а тому общему литературному теченію, выраженіемъ котораго были эти оригиналы. Въ этомъ отношеніи переводы Жуковскаго являлись какъ бы оригинальными произведеніями,—въ томъ стилѣ, жанрѣ, къ которому принадлежали оригиналы... Замѣчаніе Бѣлинскаго: «Благодаря Жуковскому, нѣмецкая поэзія — намъ родная», можетъ быть принято въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ: переводы Жуковскаго сдѣлали намъ «родною» не одну нѣмецкую литературу; въ извѣстной степени они сроднили русскаго читателя съ цѣлой литературной эпохой западно-европейскаго духовнаго развитія... По своему времени, это была высокая задача и еще болѣе великая заслуга...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

I.

1797.

—

ОДА. БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССІИ, УСТРОЯЕМОЕ ВЕЛИКИМЪ ЕЯ САМОДЕРЖЦЕМЪ ПАВЛОМЪ ПЕРВЫМЪ.

Peuple! à vos intérêts je soumettrai les miens,
Et les besoins du trône à ceux des citoyens.
Si mes soins vigilans vous font des jours propices,
Je serai trop payé des tous mes sacrifices.

Откуда тишина златая
Въ блаженной сѣверной странѣ?
Чьей мощною рукой покрыта,
Ликуетъ въ радости она?
Въ ней воздухъ свѣтелъ, небо ясно;
Не видно тучъ, не слышно бурь.
Какъ рѣки въ долахъ тихо льются:
Такъ счастья льются въ ней струи.

Умолкла брань, престали сѣчи;
Россъ на трофеяхъ опочилъ;
Тамъ щитъ, и мечъ, и шлемъ пернатый,
И булава его лежитъ...
Съ улыбкой ангельской, прелестной,
Въ вѣнцѣ, сплетенномъ изъ оливъ,
Нисшелъ отъ горнихъ странъ эѳира
Сынъ неба, животворный миръ.

Нисшелъ—Россія восплескала,
Пресвѣтлый зря его приходъ;
И милліоны погрузились
Въ восторгъ, въ забвенье, въ тишину.
Спокоились моря пространны;
Съ весельемъ рѣки потекли;
Зіять престали жерла мѣдны;
Молчитъ все, тихо. Громъ заснулъ.

И кто же сей—вѣщай, Россія!—
Кто сей, творящій чудеса?
Кто долу миръ съ небесъ низводитъ
И нову жизнь тебѣ дастъ?—
«То Павелъ, ангелъ мой храпитель,
Примѣръ, краса вѣнчанныхъ главъ;
Покровъ мой, щитъ мой и отрада,
Владыка, пастырь, іерархъ.»

Рекла—и пѣрстомъ указуетъ
Одѣянъ славой мирной тронъ.
О, коль видѣніе прекрасно
Открылось взору моему!...
Тамъ возсѣдитъ, въ сіяньи солнца,
Великій Павелъ, будто Богъ.
Престолъ его поставленъ твердо
На россіихъ пламенныхъ сердцахъ.

Блестящимъ служитъ балдахиномъ
Ему святой его законъ;
Его скиптръ—кротость, а держава
Есть благо подданныхъ его.
Вѣнецъ—премудрость составляетъ,
Блистая ярко на главѣ;
Ея лучами освѣщаетъ
Полсвѣта Павелъ съ высоты.

Въ его десницѣ зрится чаша,
Изъ коей милости онъ льетъ,
Она во вѣкъ не истощится:
Источникъ то воды живой.
Какъ тихій дождь, шумя въ день знойный,
Собой тварь жаждущу свѣжитъ:
Такъ онъ струитъ токъ благотворный
Въ сердца приверженны къ нему.

Его чертогъ есть храмъ священный,
Храмъ правосудія, любви.
Вельможа въ золотой одеждѣ,
И бѣдный въ рубищѣ простомъ,

Герой съ побѣдоноснымъ лавромъ,
Вдова съ горящею слезой,
Невинный, сильными гнетомый —
Всѣ, всѣ равно къ нему текутъ.

Его недремлющее око
Всегда на чадъ устремлено.
О ихъ блаженствѣ онъ печется
И славу возвышаетъ ихъ.
Онъ все содержитъ, устрояетъ,
Хранитъ все; движитъ и живитъ;
Онъ сердце, онъ душа Россіи;
Для ней онъ жертвуетъ собой.

И музы Павломъ не забыты:
Онъ имъ отрада и покровъ.
Его порфирой осѣненны,
Онѣ ликуютъ въ тишинѣ.
Ихъ гласы стройны раздаются,
Златыя лиры ихъ звучатъ;
Онѣ свой жребій ублажаютъ,
Въ восторгѣ сладостномъ поютъ:

«О Павелъ! о монархъ любезный!
Подъ сильною твоей рукой
Мы не страшимся бурь, непастья:
Спокойны и блаженны мы.
Ты царствуй—мы дѣла прославимъ
Твои въ грядущи времена;
Изъ лучезарныхъ звѣздъ созиждемъ
Безсмертія тебѣ вѣнецъ.»—

И Павелъ кротко пѣсни внемлетъ,
Склоняя къ нимъ съ престола слухъ.
«Такъ, юны музы,—онъ вѣщаетъ:—
Я буду царствовать; а вы
Скажите позднему потомству:
— Онъ подъ вѣнцомъ былъ человѣкъ;
О подданныхъ, какъ чадахъ, пекся;
Для нихъ, для нихъ лишь онъ и жилъ.

Гнушался лести и коварства;
На тронѣ истинѣ внималъ;
Для блага общаго покоемъ
Онъ собственнымъ не дорожилъ.»—
Вѣщалъ—и новыя щедроты
Рѣкою шумной полились;
Вѣщалъ—и новые законы
Сама премудрость изрекла.

О россы! о дражайши россы!
Какихъ блаженныхъ, красныхъ дней,
Какихъ отрадъ, какихъ восторговъ
Не можете вы ожидать?
Не царь—отецъ, отецъ вамъ Павелъ;
Ко благу, къ славѣ вѣрный вождь.
Ступайте вслѣдъ за нимъ, спѣшите:
Онъ въ храмъ безсмертья васъ введетъ!

А вы, избранныхъ россовъ чада!
Отечества надежда, цвѣтъ!
Растите, въ силахъ укрѣпляйтесь;
Учитесь сердцемъ Павла чтить;
Питайте огнь къ нему любови,
Питайте съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Чтобъ послѣ быть его сынами,
И жизнью жертвовать ему.

МАЙСКОЕ УТРО.

Бѣлорумяна
Всходитъ заря,
И разгоняетъ
Блескомъ своимъ
Мрачную тьму
Черныя ночи.

Фебъ златозарной,
Ликъ свой явивши,
Все оживилъ.
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась,
И процвѣла.

Сонъ встрепенулся,
И отлетаетъ
Въ царство свое.
Грезы, мечтанья,
Рой какъ пчелиный,
Мчатся за нимъ.

Смертны, вспряните!
Съ благоговѣньемъ,
Съ чистой душой,
Падъ предъ Всевышнимъ,
Пламень сердечный
Мы изліемъ.

Радужны крылья
Распростирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится,
И лобызаетъ
Нѣжно цвѣтки.

Трудолюбива
Пчелка златая
Мчится, жужжитъ.
Все, что безплодно,
То оставляетъ—
Къ розѣ спѣшитъ.

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать, любезна,
Сердцу драгова,
Съ ней уже нѣтъ! —

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ,
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благѣ
Плакать другого?...
Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, мой другъ, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

1798.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ,
Порфиромъ, златомъ обложенны;
Тамъ мраморны столпы стоятъ.

Обитель смерти тамъ—покоя;
Усопшихъ прахи тамъ лежатъ;
Ничто ихъ сна не прерываетъ;
Ничто не грезится во снѣ...

Но всѣ ль такъ мирно почиваютъ,
И всѣ ли такъ покойно спятъ?...
Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ!

Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды—
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи,
И царь сравняется съ убогимъ,
Герой тамъ станетъ, гдѣ пастухъ.

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ—и груды оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.

Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горъ предъ нимъ сердца,
Трещатъ забрала и твердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны, и начальства,
Истлѣетъ посохъ, какъ и скиптръ;
Вѣнцы лавровые поблекнутъ,
Трофеи гордые сгніютъ.

Стоялъ гдѣ памятникъ герою,
Увы! что видимъ мы теперь?—
Однѣ развалины ужасны,
Шипятъ межъ кони змѣи,
Остались вмѣсто обелиска,
Что гордо высился за вѣкъ,
За вѣкъ предъ симъ—и нѣтъ его...
И слава тщетная молчитъ.

И что жъ покажетъ, что мы жили,
Когда все время рушитъ такъ?—
Не камень гибнущій величья
Въ потомствѣ поздномъ намъ придастъ;
И не порфирны обелиски
Прославятъ насъ, превознесутъ.
Увы! несчастенъ, кто оставилъ
Лишь ихъ—и болѣ ничего!

Исчезнутъ тщетны украшенья,
Когда застонетъ вся земля,

Какъ заревутъ ужасны громы,
Падетъ, разрушится сей міръ.
И тѣни ихъ тогда не будетъ,
И самый прахъ ихъ пропадетъ.
Все, все развѣется, погибнетъ,
Какъ пыль, какъ дымъ, какъ тѣнь, какъ сонъ!

Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемощнаго Творца.

О сколь священна, добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить...
На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ—все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ прахъ лежитъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился,
И добродѣтель родилась!—
Въ тьмѣ міръ дремавшій пробудился,
Земля весельемъ облеклась;
Въ священномъ торжествѣ природа
Объемлетъ даръ для смертныхъ рода;
Отъ горнихъ, свѣтлыхъ странъ небесъ
Златый, блаженный вѣкъ спустился,
Восторгъ божественный вселился
Во глубинѣ святыхъ сердецъ.

На землю дщерь Творца предстала,
Твореній хоръ ей гимнъ воспѣлъ;
Пустыня свѣтлымъ раемъ стала;
Какъ кринъ, повсюду миръ процвѣлъ;
Любовь, невинность, кротость нравовъ;
Безъ строгости и безъ уставовъ,
Правдивость, честность всѣмъ эгидъ;
Повсюду дружба водворилась,
Повсюду истина явилась,
Преданность, вѣрность, совѣсть, стыдъ.

Дохнула злоба—и родился
Кровавый, яростный раздоръ;
Вздохнулъ онъ—вздохъ сей повторился
Среди сердецъ кремнистыхъ горъ;
Ужасный ядъ—его дыханье,
Убійство, смерть—его желанье,
И мракъ—блистаніе очей.
Взглянулъ—и брани воспылали,
Несчастны жертвы застонали,
Кровь быстрой полилась струей.

Одѣянъ бурей вѣкъ желѣзный,
Потрясши кругъ земли, предсталъ;
Померкъ натуры видъ любезный,
И смертный счастливъ быть престалъ.
Съ цѣпей своихъ Борей сорвался,
Въ поляхъ небесныхъ громъ раздался,
Завылъ и лѣсъ и сонмъ морей!
Съ луговъ зефиры улетѣли,
По рощамъ птицы онѣмѣли,
И свѣтлый не журчитъ ручей.

Дщерь ада, злоба есть содѣтель
Безчисленныхъ, лютѣйшихъ бѣдъ;
Но не исчезла добродѣтель!
Она еще, еще живетъ,—
Еще ей созидаютъ храмы,
Еще курятъ ей ѳиміамы;
Но, ахъ! златой ужъ вѣкъ исчезъ,
Въ пучинѣ вѣчности сокрылся,
Одинъ лишь лучъ къ намъ отдѣлился,
И добрымъ миръ съ собой принесъ!

Иной гордыни чтитъ законы,
Идетъ неправды по стезямъ;
Иной коварству зиждетъ троны
И дышетъ лестію къ царямъ;
Иной за славою стремится;
Тотъ злата алчностью томится,
Тотъ ратуетъ съ врагомъ своимъ..
И всякъ путь ложный избираетъ,
Въ нощи какъ будто бы блуждаетъ;
Его дѣла—ничтожный дымъ.

И мужъ, премудростью почтенный,
Во испытаньяхъ посѣдѣвъ,
Мужъ праведный и просвѣщенный
Вздохнетъ, на все сіе воззрѣвъ;
Въ мечтаньяхъ сихъ онъ глупость видитъ,
Порокъ и зло онъ ненавидитъ,
А добродѣтели кумиръ
Въ своей душѣ онъ обожаетъ,

Свою всю жизнь ей посвящаетъ,
Его чертогъ—пространный міръ...

Кто правды, честности уставы,
Въ теченьи дней своихъ блюдетъ,
Тотъ къ счастью обрѣтетъ путь правый,
Корабль свой въ пристань приведетъ;
Среди опъ бѣдствій не погибнетъ,
Въ гоненьи рока опъ возникнетъ,
Его перунъ не устрашитъ!
Когда и смерть къ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству спѣшно полетитъ.

О вы, подобье юныхъ криновъ!
Въ васъ пламень бодрости горитъ,
Въ васъ зрю я доблесть славянииовъ—
Учитесь добродѣтель чтить;
Въ душѣ ей храмъ соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите;
Стремитесь мудрыхъ по стезямъ!
Кругъ жизни вашей совершится,
Но солнце вашихъ дней затмится,—
Зарю оставя по слѣдамъ.

1799.

Его превосходительству, господину тайному совѣтнику, Императорскаго Московскаго университета куратору и кавалеру, МИХАЙЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ, на случай полученія имъ ордена св. Анны 1-ой степени, отъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона.

Еще, Херасковъ, другъ Минервы!
Еще вѣнецъ ты получилъ!
Сердца въ восторгѣ пламенѣютъ
Приверженныхъ къ тебѣ дѣтей,
Которыхъ нѣжною рукою
Ведешь ты въ храмъ святой наукъ,—
Въ тотъ храмъ, гдѣ муза озарила
Тебя безсмертія лучомъ.
Дѣла благія вѣчно-живы;
Плоды ихъ зрѣютъ въ небесахъ;
И здѣсь и тамъ ихъ ждетъ паграда:
Здѣсь царь вѣнчаетъ ихъ, тамъ—Богъ!

1799 года, марта 16 дня.

МОГУЩЕСТВО, СЛАВА И БЛАГОДЕЯНСТВІЕ РОССІИ.

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ—
Златый шеломъ, огнепернатый
Блистаетъ на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Расширивши крылѣ свои,
У ногъ ея орелъ полночный
Почіетъ—громъ его молчитъ.

Окрестъ блестящаго престола,
Въ безчисленный собравшись сонмъ,
Стоятъ полночные народы,
Съ почтеньемъ долу преклонясь:
Славянинъ въ шлемѣ златовидномъ,
Татаръ съ свинцовой булавой,
Черкесъ въ булатныхъ, тяжкихъ латахъ,
Бобромъ одѣтый камчадалъ,
Съ сѣтями финнъ, живущій въ нордѣ,
Съ сѣкирой острой алеутъ,
Киргизецъ съ лукомъ напряженнымъ,
Съ стальною саблею сармат.

Она сидитъ и свѣтлымъ окомъ
Зритъ на владычество свое;
Прелестный юноша предъ нею,
Склоняющъ слухъ къ ея словамъ:
«Мой сынъ!—гласитъ ему Россія: —
Простри свой взоръ окрестъ себя;
Простри, и виждь страны цвѣтущи,
Подвластны скиптру моему:
Ты въ нѣдрѣ ихъ рожденъ, воспитанъ,
Въ ихъ нѣдрѣ счастье—жребій твой;
Въ ихъ нѣдрѣ ты свое теченье
Со славой долженъ совершать!

«Воззри, и въ радостномъ восторгѣ
Клянись и сердцемъ и душой
Быть сыномъ мнѣ нѣжнѣйшимъ, вѣрнымъ,
Мнѣ жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища исчисль;
Смотри: тамъ Бельтъ пространный вестъ;
Тамъ нѣнится шумящій Понтъ;
Тамъ льдистый океанъ волнится,

Въ себя пріемлющъ сонмы рѣкъ;
Тамъ бурный океанъ Восточный
Камчатскій опѣняетъ брегъ.

«Здѣсь Волга бѣлыми струями
Катится по полямъ, лугамъ,
Благословенье изливаетъ
И радость на хребтѣ несетъ;
Тамъ Донъ клубится, Днѣпръ бунтуетъ;
Уральскихъ исполиновъ рядъ
Дѣлитъ тамъ Азію съ Европой,
И подпираетъ небеса;
Сибирь, хранилище сокровищъ,
Здѣсь возвышаетъ свой хребетъ;
Херсонъ гордится тамъ плодами,
Прельщающими взоры, вкусъ.

«Цвѣтетъ обиліе повсюду!—
На тучныхъ пажитяхъ, лугахъ
Стада безчисленны пасутся;
Покрыты класами, поля
Струятся, какъ моря златыя;
Веселымъ дышущъ земледѣлъ
При полныхъ житницахъ ликуетъ.
Тамъ села мирныя мои;
Тамъ грады крѣпкіе, цвѣтущи;
Москва, Петрополь и Казань,
На брегѣ быстрыхъ рѣкъ, пѣнистыхъ,
Главы подъемлютъ къ облакамъ.

«Повсюду, въ ратномъ украшеньи,
Блистаютъ воинства ряды;
На шлемахъ перья развѣваютъ,
На копьяхъ солнца лучъ горитъ;
Мечи гремятъ въ десницахъ мощныхъ;
Копи, гордяся, гриву вверхъ
Вздымаютъ, ржутъ, біютъ ногами,
Крутятъ песокъ, вьютъ прахъ столбомъ;
Огонь летитъ багрянымъ вихремъ
Изъ мѣдныхъ челюстей, гремя;
Долины грохотъ повторяютъ,
И эхо предаютъ горамъ.

«На влагѣ бурныхъ океановъ,
Расширивъ бѣлыя крылѣ,
Летаютъ въ грозныхъ строяхъ флоты,
Нося во мрачныхъ нѣдрахъ смерть;
Пѣнятъ и Бельтъ и Понтъ въ стремленьи;
Предъ ними ужасъ, громъ летитъ...
Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли,
И, пристаней моихъ достигнувъ,
Тягчатъ сокровищами брегъ:
Богатый Альбіонъ приноситъ
Своихъ избытковъ лучшу часть;

«Волнисту шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ Востока оттоманъ;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ приноситъ;
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ;
Іемень даритъ свой кофе вкусный;
Какъ горы, по полямъ идутъ
Верблюды съ перскими коврами—
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани;
Цари сокровища мнѣ шлютъ...

«Тамъ въ храмахъ, музамъ посвященныхъ,
Текутъ для юношей струи
Премудрости, нравоученья;
Тамъ въ кроткой, мирной тишинѣ,
Исполнясь духомъ Аполлона,
Поэтъ восторгъ небесный свой
Чертами пламенными пишетъ;
Тамъ Праксителевъ ученикъ
Влагаетъ жизнь во хладный мраморъ,
Велитъ молчанью говорить;
Тамъ мѣдь являетъ зракъ героя—
Въ немъ пламень мужества горитъ;

«Тамъ холстъ подъ кистью Апеллеса,
Рождаетъ тысячи красотъ;
Тамъ новаго Орфея лира
Струнами сладкими звучитъ...
Вездѣ блеститъ лучъ просвѣщенья!
И благотворный свѣтъ его,
Съ лучемъ религіи сливаясь,
Все кроткой теплотой живитъ,
И тронъ мой блескомъ одѣваетъ...
Мой сынъ! кто въ свѣтѣ равенъ мнѣ?
Какое царство въ поднебесной
Блаженнѣй царства моего?»—

Се образъ радостной Россіи!
Но нѣкогда густая тьма,
Какъ ночь, поверхъ ея носилась;
Язычество свой ѳиміамъ
На жертвенникахъ воскуряло,
И кровь подъ жреческимъ ножомъ
Дымилась въ честь нѣмыхъ кумировъ...

Съ престола Святославовъ сынъ
Простеръ свой скиптръ державный, мощный—
И кроткій христіанства лучъ
Блеснулъ во всѣхъ концахъ Россіи:
Къ Творцу моленья вознеслись.

Стенала нѣкогда въ оковахъ
Россія, подъ пятой враговъ
Неистовыхъ, кичливыхъ, злобныхъ...
Ее сарматъ и скандинавъ
Тягчили скипетромъ желѣзнымъ;
Москва, съ поникшею главой,
Подъ игомъ рабства унывала,
Затмилась красота ея,—
И россъ слезящими очами
Взиралъ на бѣдства вкругъ себя,
На грады, въ пепелъ обращенны,
На кровь, кипящу по полямъ.

Явился Петръ—и иго бѣдствій
Престало россовъ отягчать;
Какъ холмъ, одѣтый тѣнью ночи,
Являющійся съ юнымъ днемъ:
Такъ все весельемъ озарилось;
Главу Россія подняла;
Престолъ ея, вознесшись къ небу,
Разсыпалъ на вселенну тѣнь;
Ея Алкиды загремѣли;
Кичливый врагъ упалъ, исчезъ,—
И се! во славу облеченна,
Она блаженствуетъ, цвѣтетъ!

Се Павелъ съ трона славы, правды,
Простерши милосердья длань,
Блаженство милліоновъ зиждетъ,
Струями радость, счастье льетъ,
И царства падшія подъемлетъ! *)
Се новый россій Геркулесъ,
Возникшу *гидру* поражая,
Тягчитъ пятой стоглавый Альпъ,
Щитомъ вселенну осѣняетъ!
Се знамя росское шумитъ
Средь троновъ, въ прахѣ низложенныхъ!
И се грядетъ къ намъ новый вѣкъ!

Падите, россы, на колѣна!
Молите съ пламенной душой:
«Да Управляяй царствъ судьбами
«Хранитъ, любовію своей,
«Отъ бѣдъ Россію въ вѣкъ грядущій,
«И новымъ свѣтомъ облечетъ!
«Да снидетъ миръ къ намъ благодатный,
«И міру радость принесетъ!
«Да лучъ премудрости разсѣетъ
«Невѣжества послѣдній мракъ,
«И да всеобщее блаженство
«Вселенну въ рай преобразитъ!!!»

*) «Это писано около того времени, когда войска россійскія одерживали побѣды въ Италіи, подъ командою Генералиссимуса.»

1800.

СТИХИ НА НОВЫЙ 1800 ГОДЪ.

Изъ нѣдра вѣчности рожденный,
Паритъ къ намъ юный сынъ вѣковъ;
Сотканна изъ зарей порфира
Струится на плечахъ его;
Лучи главу его вѣнчаютъ,
Простертъ о чреслахъ зодіакъ,
Въ его десницѣ зрится чаша,
Гдѣ скрыты жребіи судьбы,
Изъ коей вѣчными струями
Блаженство и бѣды текутъ.

Летитъ—предъ нимъ часы, минуты,
Ліются быстрою струей;
Сопутницы, его подруги,
Несутъ вселенной благодать:
Зима въ своей коронѣ ледяной,
Въ сотканной ризѣ изъ снѣговъ;
Весна съ цвѣточными коврами;
Съ плодами осень для древесъ,
Съ снопами лѣто золотыми
И благотворной теплотой.

Летитъ—во срѣтенье вселенна
Ему благословенья шлетъ;
Желанья, робкія надежды
Несутся сонмами къ нему;
Къ нему стремится гласъ хвалебный,
Къ нему летитъ слеза и вздохъ;
Монархъ съ блестящаго престола,
И нищій съ бѣднаго одра
Къ нему возводятъ взоръ молящій,
Благодѣяній ждутъ его...

Лети, сынъ вѣчности желанный,
Лети, и по слѣдамъ своимъ

Цвѣты блаженства вожделѣнны
И кротку радость насаждай...
Пускай полетъ твой благодатный,
Какъ зѣфиръ, землю освѣжитъ;
Любовь, согласіе священно,
Во всей вселенной утвердитъ.

КЪ ТИБУЛЛУ.

на прошедшій вѣкъ.

Онъ совершилъ свое теченье,
И въ безднѣ вѣчности исчезъ...
Могилы, пепелъ, разрушенье,
Пучина бѣдствій, крови, слезъ —
Вотъ путь его и обелиски!

Тибуллъ! все подъ луною тлѣнно!
Давно ль на холмѣ семъ стоялъ
Столѣтній дубъ, густой, надменной,
И долъ вѣтвями осѣнялъ?
Ударилъ громъ—и дубъ поверженъ!

Давно ли и любимецъ славы
Народовъ жребіемъ игралъ,
Вселенной подавалъ уставы,
И небо къ распрѣ вызывалъ?
Дохнула смерть — что онъ? — горсть пыли.

Тибуллъ! намъ въ мірѣ жить не вѣчно:
Вся наша жизнь лишь только мигъ.
Какъ молнья, время скоротечно!—
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Оно летитъ, и все съ нимъ гибнетъ.

Едва на дневный свѣтъ мы взглянемъ,
Едва себя мы ощутимъ,
И жизнью радоваться станемъ:
Уже въ сырой землѣ лежимъ,
Ужъ мы добыча разрушенья!

Тибуллъ! нельзя, чтобы природа
Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, прожившіи два, три года,
Прешедъ сквозь мрачны дебри зла,
Съ лица земли, какъ тѣни, скрылись!

На что винить боговъ напрасно?
Себя мы можемъ пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть—
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!..

— —

МИРЪ.

Проснись, ипѳійскаго поэта древняя лира,
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани, мира!
Проснись — и новый звукъ отъ струнъ твоихъ издай,
И сладкою своей игрою насъ плѣняй—
Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орфея,
Гремишь ли битвы ты—наперсники Ареа
Берутся за мечи и взорами грозятъ;
Ихъ бурные кони ярятся и кипятъ,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину—громъ Зевса потухаетъ;
Орелъ, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,
Вздымая медленно пернатый свой хребетъ;
Ужасный Марсъ свой мечъ убійственный кладетъ
И кротость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись! и миръ весной блаженный, благодатный;
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ нѣкій богъ крылатый,
Вѣчно-зеленою оливою махнетъ,
Брань страшную съ лица вселенной изженетъ,
И примиритъ земные роды!

Гдѣ онъ — тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человѣчество свободно процвѣтаетъ,
Питаясь щедростью природы и боговъ;
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ оковъ,
И слезы горести не льются.

Тамъ нивы жатвою покрыты золотою;
Тамъ въ селахъ царствуетъ довольство съ тишиною;
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь;
Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь:
Оно лишь съ міромъ сопряженно.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ веселится,
Могилы на краю—неволи не страшится;
Ступя ногою въ гробъ—онъ смотритъ со слезой
Унылой, горестной, на путь скончанный свой,
И жить еще — еще желаетъ!

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться пріученный,
Смягчается—и мечъ, къ убійству изощренный,
Въ отеческомъ дому подъ миртами кладетъ;
Блаженство тишины и дружбы познаетъ,
Союзъ съ природой обновляетъ.

Тамъ музы чистыя, увѣнчанны оливой,
Веселымъ пѣніемъ возносятъ дни счастливы;
Ихъ лиры стройныя согласнѣе звучатъ;
Онѣ спокойствіе, не страшну брань гласятъ,
Святую добродѣтель славятъ!

Слети, блаженный миръ!—вселенная взываетъ—
Туда, гдѣ бранныя знамена развѣваютъ;
Гдѣ мертвъ природы гласъ, и гдѣ ея сыны
На персяхъ матери сражаются, какъ львы;
Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ!... Какъ яростно другъ на́ друга стремятся!
Копи въ пыли, въ поту свирѣпствуютъ, ярятся,
И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во прахъ;
Оружія гремятъ, кровь льется на мечахъ,
И стоны къ небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился...
Скажите, кто перунъ безумцу въ руки
И жизни моея владыкою назвалъ, [далъ,
Надъ коей я и самъ не властенъ?

А слава?... Нѣтъ!—Ея злодѣй лишь въ брани ищетъ;
Лишь онъ въ стенаніяхъ побѣдны гимны слышитъ;
Въ кровавыхъ грудахъ тѣлъ трофеи чести зритъ;
Потомство извергу проклятіе гласитъ,
И лавръ его, поблекши, тлѣетъ.

А твой всегда цвѣтетъ, о россъ великосердый,
Въ примѣръ земнымъ родамъ судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полетъ;
Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не
Чего жъ еще желать осталось? [падетъ:

Ты славы путь протекъ Алкидовой стопою,
Полсвѣта покорилъ могучею рукою;
Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны нѣтъ:
Но стой, россъ! опочій—се новый вѣкъ грядетъ! *)
Онъ миртъ, не лавръ тебѣ приноситъ.

Возьми сей миртъ, возьми, и снова будь героемъ —
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Брось палицу свою и щитъ необоримый,
Преобрази во плугъ свой мечъ несокрушимый;
Пусть роетъ онъ поля отчизны твоея;
Прямая слава въ ней, лишь въ ней ищи ея;
Лишь въ ней ее обрѣсть ты можешь.

На персяхъ [тишины, въ спокойствіи блаженномъ,
Цвѣти, съ народами земными примиренный!
Цвѣти, великій россъ!—лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани—только съ ними.

ПЛАТОНУ

неподражаемому, достойно славящему господа.

Платонъ, великій мужъ! когда ты прославлялъ
Намъ кроткаго отца въ Зиждителѣ вселенной,
Тогда я съ пламенной душою, восхищенной,
Къ Творцу всемощному моленье возсылалъ:
Да благостью своей Платона сохранитъ,
И драгоцѣнны дни великаго продлитъ.

Виѳанія, 25 декабря, 1800.

---

*) «Стихи эти читаны въ декабрѣ 1800 года на публичномъ актѣ въ Пансіонѣ».

ГЕРОЙ.

I.

На лонѣ облаковъ румяныхъ
Явилась скромная заря;
Предъ нею рѣзвые зефиры,
А позади блестящій Ѳебъ,
Одѣтый въ пышну багряницу,
Летитъ по синевѣ небесъ—
Природу снова оживляетъ
И щедро теплоту ліетъ.

II.

Явилось зрѣлище прекрасно
Моимъ блуждающимъ очамъ:
Среди красотъ неизъяснимыхъ,
Мой взоръ не зритъ себѣ границъ,
Мою всю душу восхищаетъ,
Въ пес восторга чувства льетъ,
Вдыхаетъ ей благоговѣнье—
И я блажу свѣтилъ Творца.

III.

Но тамо—что предъ взоръ явилось!
Какія солнца тамъ горятъ?
То славы храмъ чело вздымаетъ—
Вокругъ его вѣнецъ лучей;
Утесъ, висящій надъ валами
Морскихъ безчисленныхъ пучинъ,
Вѣковъ теченьемъ посѣдѣвшій,
Его подъемлетъ на хребтѣ.

IV.

Дерзнулъ рукой покровъ священный,
Молвы богиня, твой поднять!
Дерзнулъ святилище проникнуть,—
Гдѣ лавръ съ оливою цвѣтетъ!
Къ тебѣ всѣ смертные стремятся
Путями крови и добра;
Но рѣдко, рѣдко достигаютъ
Подъ сѣнь престола твоего!

V.

Завѣса вскрылась—созерцаю:
Се, вижу, сердцу милый Титъ,
Се Антонины, Адріаны;
Но Александровъ—нѣтъ нигдѣ!
Главы ихъ лавръ не осѣняетъ,
Въ кровавой пѣнѣ онъ погрязъ,
Онъ бременемъ вѣковъ подавленъ—
Но цвѣлъ ли въ мірѣ онъ когда?

VI.

О, Александръ, тщеславный, буйный—
Стремился ино наложить
И тяжки узы ты вселенной!
Твой мечъ былъ грозенъ, какъ перунъ;
Твой шагъ былъ шагомъ исполина;
Твоя мысль—молній скорыхъ бѣгъ;
Предѣловъ гордость не имѣла;
Но цѣль—была лишь только дымъ!!..

VII.

Къ чему мечтою ты прельщался?
Какой ты славѣ вслѣдъ бѣжалъ?
Гдѣ замыслъ твой имѣлъ предѣлы?
Гдѣ пунктъ конца желаньямъ былъ?
Алкалъ ты славы—и въ безумствѣ
Себя ты богомъ чтить дерзалъ;
Хотѣлъ ты бранями быть громокъ,—
Но звукъ оставилъ лишь пустой.

VIII.

Героя званіемъ священнымъ
Хотѣлъ себя украсить ты;
Ахъ, что герой,—когда лишь кровью
Его написаны дѣла?
Когда лишь звуками сраженій
Онъ въ краткій вѣкъ свой знатенъ былъ?
Когда лишь мужествомъ и силой
Онъ путь свой къ славѣ отверзалъ?

IX.

Но что герой?—неужто бранью
Единой будетъ славенъ онъ?
Неужто кровію омытый,
Его вѣнецъ пребудетъ свѣжъ?
Ахъ, нѣтъ! засохнетъ и поблекнетъ
И обелискъ его падетъ;
Онъ порастетъ мхомъ и травою,
И съ нимъ вся память пропадетъ.

X.

Герои свѣта,—вы дерзали
Себѣ сей титулъ присвоять;
Но кто, какое сердце скажетъ,
Что вы достойны были впрямь
Сего названія почтенна?
Никто—ползуща токмо лесть,
Віясь у ногъ, васъ прославляетъ!
Но что—не искренія хвала?..

XI.

Героемъ тотъ лишь назовется,
Кто добродѣтель красну чтитъ,
Кто лишь изъ должности біется,
Не жаждетъ кровь рѣками лить;
Кто побѣждаетъ—побѣдивши
Врага лобзаетъ своего,

И руку дружбы простираетъ
Къ нему, во знакъ союза съ нимъ.

XII.

Кто сирымъ—нѣжный покровитель;
Кто слезъ потокъ спѣшитъ отерть
Благодѣянія струями;
Кто ближнихъ любитъ, какъ себя;
Кто благъ въ дѣяньяхъ, непорочепъ,
Кого и врагъ возмогъ бы чтить,—
Единымъ словомъ: кто душою
Такъ чистъ и свѣтлъ, какъ божество.

XIII.

Вѣнцовъ оливныхъ—тотъ достоинъ,
И лавръ его всегда цвѣтетъ;
Тотъ храма славы лишь достигнетъ,
Въ потомствѣ вѣчно будетъ жить,—
И человѣчество воздвигнетъ
Ему сердечный мавзолей,
И слезы жаркія польются
Къ нему на милый сердцу прахъ

XIV.

Я въ кущѣ тихой, безмятежной,
Героемъ также быть могу:
Мое тутъ поле брани будетъ—
Несчастныхъ сонмъ, гонимъ судьбою;
И мечъ мой острый, мечъ огнистый—
Благодѣянья будетъ лучъ;
Онъ потечетъ—и побѣждастъ
Сердца и душу всѣхъ людей.

XV.

Мой обелискъ тогда нетлѣнный
Косою время не сразитъ;
Мой славы храмъ не сокрушится:
Онъ будетъ изсѣченъ въ сердцахъ.
Меня мечтанья не коснутся,
Я тѣнямъ вслѣдъ не побѣгу,
И солнце дней моихъ затмится,—
Зарю оставя по себѣ.

1801.

ЧЕЛОВѢКЪ.

A Worm! a God!—Young.

«Ничтожный человѣкъ! что жизнь твоя?
—Мгновенье.
Взглянулъ на дневный лучъ — и нѣтъ тебя—пропалъ!
Изъ тьмы небытія злой рокъ тебя призвалъ
На то лишь, чтобъ предать въ добычу разрушенья;
Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!

«Игралище судьбы, волнуемый страстями,
Какъ ярымъ вихремъ листъ—ужасный жребій твой
Бороться съ горестью, болѣзньми и собой!
Несчастный, поглощенъ могучими волнами,
Ты страшну смерть находишь въ нихъ.

«Въ безсиліи своемъ, пристанища лишенный,
Гонимъ со всѣхъ сторонъ, ты странникъ на земли!
Что твой парящій умъ? что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка,—и гдѣ ты, прахъ надменный?
Гдѣ жизни твоея слѣды?

«Ты дерзкой мыслію за небеса стремишься!—
Сей низложенный кедръ соперникъ былъ громамъ;
Но онъ разбитъ, въ пыли, добыча онъ червямъ.
Гдѣ мощь корней его?... Престань, безумецъ, льститься;
Тебѣ ли гордымъ, сильнымъ быть?

«Ты нынѣ, обольщенъ надеждой, зиждешь стѣны,—
Заутра же онѣ, разсыпавшись, падутъ;
И персти твоея подъ ними не найдутъ...
Сынъ разрушенія! мечта протекшей тѣни!
И настоящій мигъ не твой.

«Ты веселишь себя надеждой наслажденій:
Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!—Сей міръ вертепъ страданій, слезъ;
Ты съ жизнію въ него блаженства не принесъ;
Терзайся, рвись, и будь игрою заблужденій,
Влачи до гроба цѣпи золъ!

«Такъ—въ гробѣ лишь твое спокойство и отрада;
Могила—тихій сонъ; а жизнь—съ бѣдами брань; *)
Судьба—невидимый, безчувственный ти-

*) «Юнгъ».

Несоборимая ко счастію преграда! [рапъ.
Ничтожность страшный твой удѣлъ!
«Чего жъ искать тебѣ въ сей пропасти мученій?
Скорѣй, скорѣй въ ничто! Ты Небомъ позабытъ,
Одинъ перунъ его лишь надъ тобой гре-
Его проклятіемъ навѣки отягченный, [митъ;
Твое убѣжище лишь смерть!» —

Такъ въ гордости своей, слѣпой, неправосудной,
Безумецъ возстаетъ на Небо и на рокъ.
Всемощный! гнѣвъ твой спитъ!... Сотри кичливый рогъ,
Воздвигнись, облеченъ во славѣ неприступной,
Грянь, грянь! — и дерзкій станетъ пылъ.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный!
Что непримѣтный червь, сокрывшійся во прахъ,
И дерзостный орелъ, парящій въ небесахъ,
Превыше черныхъ тучъ и молній вознесен-
Предъ взоромъ Вѣчнаго ничто?.. [ный,

Тебѣ ли обвинять премудрость Провидѣнья?
Иль таинства его открыты предъ тобой?
Или въ дѣлахъ его ты избранъ судіей?
Иль знаешь ты вещей конецъ, опредѣленье,
И взоромъ будущность проникъ?

Въ страданіяхъ своихъ ты Небо укоряешь—
Творецъ твой не тиранъ: ты страждешь отъ себя;
Онъ благъ: для счастія онъ въ міръ призвалъ тебя;
Изъ чаши радостей ты горесть испиваешь:
Ужели рокъ виновенъ въ томъ?

Безумецъ, пробудись!—Воззри на міръ пространный!
Все дышетъ счастіемъ, все славитъ жребій свой;
Всему начертанъ кругъ Предвѣчнаго рукой,—
Ужели ты одинъ, природы царь избран-
Краса всего, судьбой забвенъ? [ный,

Познай себя, познай!—Коль въ дерзкомъ ослѣпленьи
Захочешь ты себя за край міровъ вознесть,
Сравниться со Творцомъ—ты непримѣтна персть!
Но ты великъ собой; сей міръ твое владѣнье,
Ты духомъ тварей властелинъ!

Тебѣ послушно все—ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ,
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ;
Подоблачны скалы валятся предъ тобою;
Твое велѣніе—законъ!

Всѣ бѣдствія твои—мечты воображенья;
Оружія на нихъ судьбой тебѣ даны!
Воздвигнись въ крѣпости—и всѣ побѣждены!
Великимъ, мудрымъ быть—твое опредѣле-
А ты—ничтожны слезы льешь! [нье;

Сей дерзостный утесъ гранитными плечами
Подперши небеса, и вихрямъ и громамъ
Смѣется, и одинъ противится вѣкамъ;
У ногъ его клубитъ ревущими волнами
Угрюмый, грозный океанъ.

Орелъ, ужаленный зміею раздраженной,
Терзаетъ, рветъ ее въ своихъ крутыхъ когтяхъ,
И члены разметавъ, со пламенемъ въ очахъ,
Расширивши крылѣ, весь кровью обагрен-
Парить съ побѣдой къ небесамъ! [ный,

Мужайся! — и попрешь противниковъ стопою;
Твой рай и адъ въ тебѣ!.. Брань, брань твоимъ страстямъ! —
Передъ тобой отверстъ безсмертья вѣчный храмъ;
Ты смерти сломишь серпъ могучею рукою,—
Могила — къ вѣчной жизни путь!

ФІАЛКА.

Не прекрасна ли фіалка?
Не прельщаетъ ли собой?
Не амброзіей ли дышетъ
Утромъ, расцвѣтя весной?

То алѣетъ, то блѣднѣетъ

Сей цвѣточекъ въ красный день;
Сладкій духъ свой изливаетъ,
Кроясь въ травкѣ подъ кустомъ.
Что же съ нѣжною фіалкой,
Что же будетъ наконецъ?
Ахъ, несчастная томится,
Сохнетъ и увянетъ вдругъ.
1801 г

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

[ИЗЪ ГРЕЯ].

I.

Full many a gem of purest ray serene,
The dark unfathom'd caves of ocean bear:
Full many a flower is born to blush unseen,
And waste its sweetnefs on the desert air.
Gray *Elegy*.

Вечерній колоколъ печально завываетъ.
Блѣднѣющаго дня послѣдній часъ біетъ,
Блеящія стада долины оставляютъ,
Усталый земледѣлъ задумчиво идетъ
Въ шалашъ спокойный свой.---Въ объятіяхъ свободы,
Подъ кровомъ тишины я буду размышлять.
Въ туманномъ сумракѣ таятся горы, воды;
Все тихо---лишь въ кустахъ кузнечики стучатъ,
Лишь слышится вдали пастушій рогъ унылый;
На древней башнѣ сей, плющомъ и мхомъ покрытой,
Пустынныя совы я дикій слышу вой,—
Она гласъ жалобный къ лунѣ возноситъ свой
На тѣхъ, которые, блуждая, возмущаютъ
Жилища тайнаго ея безмолвный сонъ
И древнюю ея обитель посѣщаютъ...
Тамъ, гдѣ молчаніе воздвигло мрачный тронъ,
Гдѣ вѣчные дубы, рукою лѣтъ согбенны,
Изъ вѣтвей лиственныхъ сплетаютъ кровъ священный,
Гдѣ ивы дряхлыя, изсохшія стоятъ,
Гдѣ дерномъ устланы цвѣтущія могилы—
Тамъ праотцы села, въ безмолвіи уныломъ,
Почивши навсегда глубокимъ сномъ, ледыханье свѣжее рождающагося дня, [жатъ.
Ни крики ласточки, въ гнѣздѣ своемъ сидящей,
Ни голосъ пѣтуха, ни стонъ роговъ звучащій—
Ничто не возоветъ отъ тяжкаго ихъ сна.
Пылающій огонь, въ горнилахъ извиваясь,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ согрѣвать,
Не будутъ болѣе сыновъ своихъ лобзать,
Отъ тягостныхъ трудовъ въ шалашъ свой возвращаясь...
Какъ часто ихъ рука блистающей косой
Сѣкала тонкій класъ на нивѣ золотой!
Какъ часто острый плугъ, ихъ мышцей напряженный,
Взрывалъ съ усиліемъ упорныя поля,—
Какъ часто крѣпкія, корнистыя древа
Валилися, подъ ихъ сѣкирой сокрушенны!..
Пускай сынъ роскоши, богатствомъ возгордясь,
Надъ скромной нищетой кичливо возносясь,
Труды полезные и санъ ихъ презираетъ,—
Съ улыбкой хладныя надменности внимаетъ
Таящимся во тьмѣ, незвучнымъ ихъ дѣламъ:
Часа ужаснаго нельзя избѣгнуть намъ!
На всѣхъ ярится смерть—любимца громкой славы,
Невольника, царя, дающаго уставы,
Всѣхъ ищетъ грозная и нѣкогда найдетъ!
Путь славы и честей ко гробу насъ ведетъ...
Судьбы и счастія наперсники надменны,
Не смѣйте спящихъ здѣсь безумно укорять
За то, что кости ихъ въ забвеніи лежатъ,
Что въ сей обители, молитвамъ посвященной—
Гдѣ, въ тихомъ пѣніи, святомъ, благоговѣйномъ,
Несется къ небесамъ моленій гласъ святыхъ—
Гробницъ не вознесли надъ скромной перстью ихъ!
Зачѣмъ надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Писать надгробія и камни воздвигать?..
Души въ холодный прахъ намъ вѣчно не призвать!
И гимны почестей, гремящи надъ гробами,
Нѣмого тлѣнія не властны оживить!—
Неумолиму смерть хвала не обольститъ!
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И кровожадный червь здѣсь въ черепѣ гнѣздится,

Который нѣкогда корону бъ могъ носить,
Иль восхищаться лиръ гармоніей чудес-
Науки свѣтлыя, питомицы вѣковъ [ной!—
Не озарили ихъ свѣтильникомъ небеснымъ!
Согбенны тягостью невольничьихъ оковъ,
Въ забвенной нищетѣ они свой вѣкъ
влачили,
И огнь сердецъ своихъ безплодно исто-
щили...
Какъ часто рѣдкій перлъ таится въ нѣдрѣ
волнъ!
Какъ часто лилія въ пустынѣ расцвѣтаетъ,
Незримая никѣмъ, безвѣстно увядаетъ!..
Тамъ, можетъ быть, лежитъ невѣдомый
Мильтонъ,
И въ узахъ гробовыхъ безмолвствуя хла-
дѣетъ;
Тамъ, можетъ быть, Кромвель неукротимый
тлѣетъ,
Что кровью согражданъ еще не обагрялъ
Полей отечества и власти не искалъ—
Сенатомъ управлять державною рукою,
Сражаться съ вихремъ бѣдъ и грозною
судьбою,
Странамъ обиліе и счастье изливать,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои
читать—
Сего ихъ рокъ лишилъ своимъ опредѣ-
леньемъ!
Но если путь добра для нихъ онъ сократилъ,
То онъ пресѣкъ для нихъ пути ко пре-
ступленьямъ,—
Онъ имъ стезей убійствъ стремиться за-
претилъ
Къ престоламъ, пышностью и славой окру-
женнымъ.
Простыя ихъ сердца умѣли сострадать
Несчастнымъ, злобною судьбою угнетен-
нымъ;
Они въ душѣ своей не тщились сокрывать
Волненія страстей, крутыхъ, неутоли-
мыхъ,—
Ланиты ихъ могли стыдливостью пылать,
На лести алтаряхъ, гордынѣ возносимыхъ,
Небесныхъ музъ они не смѣли обожать...
Не зная суетныхъ, обманчивыхъ желаній,
Рождающихъ бѣды и горькія страданья,
Съ забвеніемъ всего—въ долинѣ жизни сей,
Спокойно шли они тропинкою своей...

Въ семъ мѣстѣ, гдѣ ихъ персть лежитъ
уединенно,
Простою рѣзьбою, не златомъ, украшенный
Воздвигнутъ монументъ костямъ безмолв-
нымъ ихъ.
Здѣсь труднымъ шествіемъ прохожій уто-
мленный
Возсядетъ и почтитъ слезою память ихъ—
Нѣтъ пышной надписи надъ скромною
могилой!
Чистосердечіе на ней рукой нельстивой
Ихъ лѣта, имена потщилось начертать,
Евангельску мораль вокругъ изобразило,
Въ которой мы должны учиться умирать!..
Ахъ! кто съ сей жизнію безъ горя раз-
лучился?
Кто прахъ свой вѣчному забвенью оста-
влялъ?
Безъ сожалѣнія съ симъ міромъ разставался,
И взора горькаго назадъ не обращалъ?
Ахъ, сердце нѣжное, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой!
И взоры тусклые, на вѣки угасая,
Хотятъ взглянуть на нихъ съ послѣднею
слезой!
Для нихъ гласъ нѣжности въ могилѣ на-
шей слышенъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ и въ са-
момъ гробѣ дышетъ!..
А ты, природы сынъ, чувствительный
душой,
Который спящимъ здѣсь свой голосъ по-
свящаешь,
И скромны ихъ дѣла потомкамъ возвѣ-
щаешь,—
Быть можетъ нѣкогда, что другъ, любим-
ецъ твой,
Сюда задумчивой тоскою заведенный,
Захочетъ о судьбѣ любезнаго узнать:
Сѣдой поселянинъ, лѣтами удрученный,
Воспомнитъ о тебѣ и будетъ отвѣчать:
«Онъ часто, на зарѣ, въ долинѣ мнѣ
встрѣчался,
Когда, въ часъ утренній, спѣшилъ на
холмъ взойтить,
Чтобъ солнечный восходъ на немъ преду-
предить;
Тамъ въ рощѣ иногда уединенъ скитался
И горести свои безмолвію повѣрялъ;

Тамъ, въ полѣ, въ знойный часъ полудня, отдыхалъ
Подъ ивой лиственной, вершиною согбенной,
Которыя корни сухіе, искривленны
Выходятъ изъ земли, вѣясь въ травѣ густой;
Здѣсь часто онъ сидѣлъ вечернею порой,
Небрежно голову на руку наклонивши,
И взоры томные въ источникъ устремивши,
Который въ тростникѣ задумчиво журчитъ...
Онъ часто слезы лилъ, какъ будто странникъ бѣдный,
Отчизны милыя, друзей, всего лишенный,
Котораго и жизнь несносно тяготитъ!
Онъ сохнулъ и—увялъ!..—Напрасно я въ долинѣ,
Подъ ивой, на холму несчастнаго искалъ:
Увы! нигдѣ его ужъ больше не встрѣчалъ!—
На утро колоколъ послышался унылый,
Надгробно пѣніе раздалось—я узрѣлъ
Страдальца бѣднаго, который ужъ отцвѣлъ!

II.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Дѣвицы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ:

На всѣхъ ярится смерть—царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величія ко гробу часъ ведетъ.

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами—
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится

Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, или мыслями парить!

По просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ, теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ сограждапъ, тиранства смѣлый врагъ;
Или кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать—

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ;

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надежды, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей.

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ сосенъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Подпявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей. [очами

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной
Которому ничѣмъ души не усладить.

«Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ нивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить».

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ тѣловно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

1803.

—

СТИХИ,

сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ.

О лира, другъ мой неизмѣнной,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей!
Съ тобой всегда я неразлученъ,
О лира милая моя!
Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудитъ что-то рокъ!
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю:
Пусть будетъ то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьба меня не устрашить.

Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной;
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Простой, укромный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бы свободно я дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой услаждалъ...

Вотъ все—я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю.—
О лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи;
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей.

Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ.
Когда къ намъ придетъ разставаться
Не будемъ слезъ мы проливать;
Недолго на землѣ скитаться:
Друзья! увидимся опять.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА.

О, другъ мой! неужли твой гробъ передо мною!
Того ль, несчастный, я отъ рока ожидалъ!
Забывшись, я тебя безсмертнымъ почиталъ...
Святая благодать, да будетъ надъ тобою!
Покойся, милый прахъ; твой сонъ завиденъ мнѣ!
Въ семъ мірѣ безъ тебя, оставленный, забвенный,
Я буду странствовать, какъ въ чуждой сторонѣ,
И въ горѣ слезы лить на пепелъ твой священный!
Прости! не вѣчно жить! Увидимся опять;
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая! пріятно ожиданье!—
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!

КЪ К. М. С—НОЙ.

Протекшихъ радостей уже не возвратить;
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая Рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями;
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ—
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ Небо одарило.

1804.

КЪ ***.

Увы! протекъ свинцовый годъ,
Годъ тяжкій горя, испытанья;
Но безразсудный, злобный рокъ
Не облегчилъ твои страданья.

Напрасно жалобной слезой
Смягчить старался Провидѣнье!
Оно не тронулось мольбой
И не смягчило чувствъ томленье.

Какъ хладной осени рука
Съ опустошительной грозою
Лишаетъ прелести цвѣтка
Своей безжалостной косою,—

Такъ ты безжалостной судьбой
Лишенъ веселья въ жизни бренной.
Цвѣтокъ заблещетъ вновь весной,
Твое жъ страданье неизмѣнно!

1804 г.

---

19. ИЗЪ «ДОНЪ-КИШОТА».

I.

Кто счастливѣе въ подсолнечной
Донъ-Кишота и коня его!—
Позавидуйте мнѣ, рыцари!
Здѣсь прелестнымъ я красавицамъ
Отдаю свои оружія!
Здѣсь прелестныя красавицы
О конѣ моемъ заботятся!

II.

Красавица, я умираю!—
Ахъ, сжалься надъ моей судьбой!
Тебя въ часъ смерти призываю!
Блаженъ, когда любимъ тобой!
Почтенный рыцарь Мантуанскій—
Родня и благодѣтель мой...

III.

Что пользы, Инса, притворяться?
Твое презрѣніе—любовь!
Кто любитъ, какъ тому скрываться!
Онъ скажетъ все, не тратя словъ!
Встрѣчаюсь ли когда съ тобою,
Не смотришь на меня, молчишь!
Иду ли прочь, ты вслѣдъ за мною
Украдкой, милая, глядишь!
Мою ли пѣсенку читаешь,
Не скажешь ничего объ ней!
Себѣ лишь только измѣняешь:
О чемъ молчимъ, то намъ милѣй!
Всегда находишь извиненье,
Чтобъ не плясать нигдѣ со мной!
Не вѣрю, Инса—принужденье!
Въ душѣ я предпочтенъ тобой!
Какая жъ польза притворяться,
И сердце безъ любви морить,

Заранѣ съ жизнью разставаться?—
Намъ дважды, милый другъ, не жить!

IV.

Какъ счастливъ тотъ, кто въ бурномъ свѣтѣ,
Найдя спокойный уголокъ,
Имѣетъ тишину въ предметѣ;
Кому не страшенъ грозный рокъ!
Онъ солнце радостно встрѣчаетъ;
Не видитъ ночью страшныхъ сновъ,
Заботъ и горя не впускаетъ
Подъ свой уединенный кровъ!
Онъ веселъ; онъ не знаетъ скуки;
Науками питаетъ духъ;
Мірскихъ сиренъ волшебны звуки
Его не обольщаютъ слухъ;
Его владычество—природа!
Безмолвный лѣсъ—его чертогъ;
Его сокровище—свобода!
Бесѣда—тишина и Богъ!
И я симъ раемъ наслаждался,
Безпечно вѣкъ свой провождалъ,
Природой, тишиной плѣнялся,
И друга къ сердцу прижималъ...
По, ахъ! я съ счастіемъ простился!
Узналъ любовь съ ея тоской,—
И съ миромъ сердца разлучился!
Люблю—и гробъ передо мной...

V.

Сія холодная могила
Здѣсь прахъ любовника сокрыла;
Прохожій, плачь; но—удались;
Марселла близко!—берегись.

VI.

Надежда, говорятъ, любовь животворитъ
И вѣрность подкрѣпляетъ:
Часъ-отъ-часу сильнѣй любовь моя горитъ,
Надежды никакой не знаетъ.—
По, можетъ быть... Ахъ, нѣтъ! любви твоей желать
Твой плѣнникъ, Хлоя, не дерзаетъ;
Любить и слезы проливать,
Жестокая, и то блаженствомъ онъ считаетъ!

VII.

Долины, мирные луга,
Пещеры дикія, пустыя,
Скалы угрюмыя, сѣдыя,
Потоковъ быстрыхъ берега,—
Моимъ стенаніямъ *внимайте!*
О нѣжные друзья мои,
Печальнымъ эхомъ повторяйте
Упреки страждущей любви—
Тиранкѣ Дульцинеѣ!
Я міръ въ оковы заключилъ!
Гремѣлъ великими дѣлами!
Дивилъ геройства чудесами,
Но, ахъ, жестокой не смягчилъ!
Жестокая—любви не знаетъ!
У ногъ ея лежитъ герой—
Она героя презираетъ,
Гнушается его тоской!
Тиранка Дульцинея!..

VIII.

Голубокъ уединенный,
Что такъ невеселъ, унылъ?
Знать, съ подружкой разлученный,
Жизнь печальну полюбилъ!
Мы равны, мой другъ, съ тобою!
То же сердце, тотъ же рокъ!
Въ мірѣ я одинъ съ тоскою,—
Ты грустишь и одинокъ!
Ты покинулъ лѣсъ зеленой,
Ты въ пустынѣ слезы льешь;
На скалѣ уединенной,
Другъ унылый, смерти ждешь;
Ахъ! и я въ тоскѣ сердечной
Жду ее и не дождусь!
Рокъ, тиранъ безчеловѣчной,
Скоро ль съ жизнью разлучусь?
Голубокъ, куда жъ ты скрылся?
Знать, тебѣ наскучилъ я?
Ты сюда уединился,
Я вздохнулъ—ужъ нѣтъ тебя!
Завтра, какъ заря настанетъ,
Другъ мой, прилети сюда!
Взоръ твой друга не застанетъ:
Я увяну—навсегда!

IX.

Вотще бѣжитъ злодѣй, вотще онъ жизнь [скрываетъ!
Терзаемъ лютою тоской—
Несчастный страждетъ, восклицаетъ:
Доколѣ съ сердцемъ я, мой судія со мной!

X.

Ладьею легкой управляя,
Блуждалъ я по морю любви,
То страхъ, то смѣлость ощущая,
Нигдѣ не открывалъ земли!
Одно прелестное свѣтило,

Сіяло на пути моемъ;
Оно моей надеждой было,
Я видѣлъ путь, я плылъ по немъ.
Но, ахъ! съ тѣхъ поръ, какъ туча скрыла
Его сіянье отъ меня,
Съ тѣхъ поръ на небѣ нѣтъ свѣтила,
Съ тѣхъ поръ лишенъ надежды я!
Взойди опять, звѣзда златая,
И путь мой снова озаряй,
Меня отъ бури сохраняя,
Во вѣкъ, во вѣкъ не покидай!

XI.

О ночь, какъ ты была прекрасна,
Когда подъ тѣнію твоей
Клялся я пламенно и страстно
Въ любви красавицѣ моей!
Но кратокъ сонъ любви счастливой!
Мнѣ день разстаться съ ней велѣлъ!
Подъ кровомъ ночи молчаливой
Я былъ и говорливъ и смѣлъ!
Сколь мракъ таинственный, священный,
Для сердца былъ краснорѣчивъ!
Я мнилъ, душою восхищенный,—
Все спитъ, лишь я одинъ счастливъ!
Теперь, о ночь, я содрогаюсь
Подъ сѣнью тишины твоей!
Мнѣ кажется, одинъ скитаюсь
Я въ мирѣ съ мертвою душой.

XII.

Залоги нѣжности моей,
Смотрю на васъ—и вспоминаю
О счастіи протекшихъ дней;
Смотрю—и слезы проливаю!

XIII.

Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны:
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ!»
Толпы искателей, мечтами ослѣпленны,
За счастіемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для нихъ!
Блаженнѣе стократъ я въ горестяхъ монхъ:
«Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!»
Мнѣ тихой уголъ мой отъ бурь и бѣдъ покровъ!—
Мірскія радости, какъ тѣни, пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
«Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!»
Дѣлить съ тобою жизнь, Эльвира, другъ безцѣнный,
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастья ждать:
«Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны!»
Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ цвѣтовъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно протекаетъ!
Чего желать тому, кто вами обладаетъ?
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ!...»

XIV.

Великій Донъ-Кишотъ, Мерлинъ передъ тобой!
Весь тартаръ возмущенъ судьбою Дульцинеи!
Всѣ силы вышнія, волшебники и феи
По ней терзаются тоской!
Совѣтъ ихъ наконецъ изрекъ опредѣленье!
Внимай и принеси богамъ благодаренье!
«Пусть Санко длинную ременну плеть возметъ
И, задницы своей обширной не жалѣя,
По ней три тысячи пятьсотъ ударовъ отсчетъ:
Тогда великая принцесса Дульцинея,
Принявъ свой прежній видъ и съ прежней красотой,
Явится предъ тобой!»

XV.

Что дѣлать, сердце, мнѣ съ тобою?
Какъ тайну мнѣ свою сокрыть?
Куда бѣжать съ моей тоскою?
Въ моей ли власти не любить?
Могу ль надеждой не плѣняться?
И душу радостей лишать?
Могу ль отъ милой отказаться?
Любить—и ненависть казать?
Напрасно! Свѣтъ всѣ тайны знаетъ!
А я притворству не ученъ!
Таись иль нѣтъ—все увѣрятъ,
Что я Эльвирою плѣненъ!
Хочу ли не встрѣчаться съ нею,

Всегда навстрѣчу къ ней лечу;
Скажу ль ей слово,—покраснѣю,
Глаза потуплю, замолчу!
Скрывать любовь—одно страданье!
Но пользы нѣтъ въ томъ никакой!
Во всемъ, во всемъ—ея признанье!
Любовь сама предатель свой!

XVI.

Лишь только роза расцвѣла,
Уже поблекла, опадаетъ!
Лишь только жить я начала,
Ужъ горе дни мои снѣдаетъ!
О дружба, миръ души моей,
Часы отрадные, прелестны,
Безпечность, рай протекшихъ дней,
Ужъ мнѣ вы болѣ неизвѣстны!
Онъ здѣсь, сей витязь, сей герой;
Но, ахъ! не рыцарская сила
Могла разрушить мой покой,
Меня души моей лишила!
Прелестный, мужественный взоръ,
Ума, души образованье,
Пріятность, нѣжный разговоръ,
Вотъ все его очарованье!
Могу ль, о лучшій изъ людей!
Молчать, таить свое мученье?
Одной отрадою моей
Твое осталось сожалѣнье!

XVII.

Однажды богъ любви, съ Кипридой разлученный,
У свѣтлаго ручья въ лѣсочкѣ отдыхалъ.
Ребенокъ, случаемъ къ потоку приведенный,
Увидя спящаго, колчанъ его укралъ!
Добычею гордясь, и богомъ слыть желая,
Съ тѣхъ поръ себя вездѣ Амуромъ онъ зоветъ;
Толпой безсмысленныхъ кокетокъ управляя,
Онъ мыслитъ, что ему покоренъ цѣлый свѣтъ.
Но, ахъ, съ Амуромъ онъ и сходства не имѣетъ!
Онъ нѣтренъ и жестокъ, и любитъ лишь себя!
Амуръ есть царь сердецъ; онъ ихъ судьбой владѣетъ!
Амуръ—безсмертный богъ! а этотъ—лишь дитя!
Тотъ стрѣлы мѣткою рукою направляетъ
И въ сердцѣ вѣчный огнь прямой любви родитъ!
А сей не цѣлится и на-вѣтеръ стрѣляетъ!
Отъ легкихъ ранъ его минута исцѣлитъ!
Я бога богомъ чту, ребенка не страшуся!
Вѣдь богъ хранитель мой, такъ страшенъ ли дитя?
Амуру вѣрнымъ быть Клименѣ я клянуся!
Когда ее люблю, то богомъ раненъ я!

XVIII.

Прости, герой, прости, любезной!
Бѣги, оставь сіи края!
О страшный часъ разлуки слезной!—
Съ тобою жизнь теряю я!
Прошли минуты наслажденій!
Ужъ болѣ счастья не видать!
О, время сладкихъ восхищеній!
Придешь ли ты когда опять?
Ахъ, нѣтъ! не буду веселиться
Ничѣмъ ужъ въ бѣдной жизни сей!
На вѣкъ съ нимъ должно разлучиться,
Но онъ не зритъ любви моей!
Не зритъ сердечнаго терзанья!
Любовь героя не смягчитъ!
Съ холодностью, безъ состраданья
Меня покинуть онъ спѣшитъ!
Покинь меня, покинь, жестокой!
Погибели моей творецъ!
Мое спокойство не далеко!
Увы, страданьямъ смерть конецъ!

XIX.

Здѣсь тотъ покоится, кто цѣлый вѣкъ скитался.
Былъ добрый человѣкъ, и свято чтилъ законъ!
Когда бъ забавнѣйшимъ безумцемъ не былъ онъ,
Тогда бъ изъ мудрецовъ мудрѣйшимъ почитался!

1805.

КЪ ПОЭЗІИ.

Чудесный даръ боговъ!
О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души очарованье—
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье—
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,

Другъ Феба, съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
Поетъ, мечтаетъ и—блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискусственной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И дымный свой шалашъ, и хладъ, и шумъ
И быстрый бѣгъ саней, [морей,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроно-
Счастливый жребіемъ убогимъ, [гимъ.
Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами—
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы, скрипящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ бле-
Въ кругу своихъ сыновъ, [стящимъ,
Съ наниткомъ пѣнным и кипящимъ,
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ...
Но вы, которыхъ лучъ небесный оживляетъ,
Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ странствіи минутной жизни
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте, [сей
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!
Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
Герой, ко славѣ пробужденный,
Дивитъ и потрясаетъ міръ!
Да юноша воспламененный
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Алтарь отечества лобзаетъ,
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
Но да обрушится вашъ громъ
На сихъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые, въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,
Невинность, доблести и честь поправъ ногами,
Дерзаютъ величать себя полубогами!—
Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся ль суетой?
Презрѣвъ минутные успѣхи—
Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный [звонъ пустой—
Презрѣвши роскоши утѣхи,
Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!—
Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою,—
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться,
И униженіемъ Фортуну обольщать?
Потомство раздаетъ вѣнцы и посрамленье:
Дерзнемъ свой мавзолей въ алтарь преобра-
О, слава, сердца восхищенье! [тить!
О, жребій сладостный—въ любви потом-
[ства жить!

ОПУСТѢВШАЯ ДЕРЕВНЯ.

[переводъ].

О родина моя, Обурнъ благословенный!
Страна, гдѣ селянинъ, трудами утомленный,
Свой тягостный удѣлъ обильемъ услаждалъ,
Гдѣ ранній лучъ весны пріятнѣе блисталъ,
Гдѣ лѣто медлило разлукою съ полями!
Дубравы тихія съ тѣнистыми главами!
О, сѣни счастія, друзья весны моей,—
Ужель не возвращу блаженства оныхъ дней,
Волшебныхъ, райскихъ дней, когда, судьбой [забвенный,
Я міромъ почиталъ сей край уединенный!
О сладостный Обурнъ! какъ здѣсь я счастливъ былъ!
Какія прелести во всемъ я находилъ!
Какъ все казалось мнѣ всегда во цвѣтѣ новомъ!..
Рыбачья хижина съ соломеннымъ покровомъ,
Крылатыхъ мельницъ рядъ, въ кустарникѣ ручей;
Густой, согбенный дубъ съ дерновою скамьей,
Любимый старцами, любовникамъ знакомый;
И церковь на холмѣ, и скромны сельски домы,
Все мой плѣняло взоръ, все духъ питало мой!
Когда жъ, въ досужный часъ, шумящею толпой,
Всѣ жители села подъ древній вязъ стекались,—

Какія тьмы утѣхъ очамъ моимъ являлись!
Веселый хороводъ, звучащая свирѣль,
Сраженья, споpный бѣгъ, стрѣльба въ далеку
Проворства чудеса и силы испытанье, [цѣль,
Всеобщій крикъ и плескъ — побѣды въ воздаянье,
Отважные скачки, искусство плясуновъ,
Свобода, рѣзвость, смѣхъ, хоръ пѣсней, гулъ роговъ,
Красавицъ робкій видъ и тайное волненье,
Старушекъ бдительныхъ угрюмость, подозрѣнье,
И шутки юношей надъ бѣднымъ пастухомъ,
Который весь въ пыли, съ уродливымъ лицомъ,
Стоя въ кругу, смѣшилъ своею простотою,
И живость стариковъ за чашей круговою—
Вотъ прежнія твои утѣхи, мирный край!
Но гдѣ они? Гдѣ вы, луга, цвѣтущій рай?
Гдѣ игры посланъ, веселъемъ оживленныхъ?
Гдѣ пышность и краса полей одушевленныхъ?
Гдѣ счастье? гдѣ любовь? Исчезло все— ихъ нѣтъ!..
О, родина моя, о, сладость прежнихъ лѣтъ!
О, нивы, о, поля, добычи запустѣнья!
О, виды скорбные развалинъ, разрушенья!
Въ пустыню обращенъ природы пышный садъ!
На тучныхъ пажитяхъ не вижу рѣзвыхъ стадъ!
Унылость на холмахъ! Въ окрестности молчанье!
Потока быстрый бѣгъ, прозрачность и сверканье
Исчезли въ густотѣ болотныхъ дикихъ травъ!
Ни тропки, ни слѣда, подъ сѣнями дубравъ!
Все тихо! все мертво! замолкли пѣсней клики!
Лишь цапли въ пустырѣ пронзительные крики,
Лишь чибиса въ глуши печальный, рѣдкій стонъ,
Лишь тихій вдалекѣ звонковъ овечьихъ звонъ,
Попеременно сіе молчанье нарушаютъ!
Но гдѣ твои сыны, о край утѣхъ, блуждаютъ?
Увы! отчуждены отъ родины своей!
Далеко странствуютъ! Ихъ путь среди степей!
Ихъ бѣдственный удѣлъ—скитаться безъ покрова!..
Погибель той странѣ конечная готова,
Гдѣ злато множится и вянетъ цвѣтъ людей!
Презрѣнно счастіе вельможей и князей!—
Ихъ мигъ одинъ творитъ и мигъ уничтожаетъ!
Но счастье поселянъ съ вѣками возрастаетъ;
Разрушившись, оно разрушится на вѣкъ!..
Гдѣ дни, о Альбіонъ, гдѣ сельскій человѣкъ,
Подъ сѣнью твоего могущества почтенный,
Владѣлецъ нивъ своихъ, въ трудахъ не угнетенный,
Природы гордый сынъ, взлелѣянъ простотой,
Богатый здравіемъ и чистою душой,—
Убожества не зналъ, не льстился благъ стяжаньемъ,
И былъ стократъ блаженъ сокровищей незнаньемъ?
Дни счастія! Ихъ нѣтъ! Корыстною рукой
Оратай отчужденъ отъ хижины родной!
Гдѣ прежде нивъ моря, блистая, волновались,
Гдѣ рощи и холмы стадами оглашались,
Тамъ нынѣ хищниковъ владычество одно!
Тамъ все подъ грудами богатствъ погребено!
Тамъ муками сустъ безуміе страдаетъ!
Тамъ роскошь посреди сокровищъ издыхаетъ!
А вы, часы отрадъ, невинность, тихій сонъ!
Желанья скромныя! надежды безъ препонъ!
Златое здравіе, трудовъ благословенье!
Безпечность! миръ души! въ заботахъ наслажденье!—
Гдѣ вы, прелестные? Гдѣ вашъ цвѣтущій слѣдъ?
Въ какой далекій край направленъ вашъ полетъ?
Ахъ! съ вами сельскихъ благъ и доблестей не стало!..
О, родина моя, гдѣ счастье процвѣтало!
Прошли, навѣкъ, прошли твои златые дни!
Смотрю—лишь пустыри заглохшіе одни,
Лишь дичь безмолвную, лишь тундры обрѣтаю!
Лишь вѣтру, въ осокѣ свистящему, внимаю!

Скитаюсь по полямъ — все пусто, все молчитъ!
Къ минувшимъ ли часамъ душа моя летитъ?
Ищу ли хижины рыбачьей надъ рѣкою,
Иль дуба на холмѣ съ дерновою скамьею,
Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо мной!
И вспоминаніе смѣняется тоской!..

. . . . . .

Я въ свѣтѣ странникъ былъ, пѣшецъ уединенный!
Влача участокъ бѣдъ, Творцомъ мнѣ удѣленный,
Я сладкою себя надеждой обольщалъ
Тамъ кончить мирно вѣкъ, гдѣ жизни даръ пріялъ!
Въ странѣ моихъ отцовъ, подъ сѣнью древъ знакомыхъ,
Исторгшись изъ толпы заботами гнетомыхъ,
Свой тусклый пламенникъ отъ траты сохранить
И дни отшествія покоемъ озлатить!
О, гордость!.. Я мечталъ, въ сихъ хижинахъ забвенныхъ,
Слыть чудомъ посреди оратаевъ смиренныхъ;
За чарой, у огня, въ кругу ихъ толковать
О томъ, что въ долгій вѣкъ могъ слышать и видать!
Такъ заяцъ, по полямъ станицей псовъ гонимый,
Измученный бѣжитъ опять въ лѣсокъ родимый!
Такъ мнилъ я, переждавъ изгнанничества срокъ,
Придти, съ остаткомъ дней, въ свой отчій уголокъ!
О, дни преклонные въ тѣни уединенья!
Блаженъ, кто юныхъ лѣтъ заботы и волненья
Вѣнчаетъ въ старости безпечной тишиной!..

ДРУЖБА.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его [обвитый...
О, дружба, это ты!

1806.

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ—тебя не устрашитъ!
Душа твоя чиста! ты счастія достойна!
Тебя Всевышній наградитъ!

---

24. ПОСЛАНІЕ ЭЛОИЗЫ КЪ АБЕЛЯРУ.

[съ англійскаго].

Въ сихъ мрачныхъ келіяхъ обители святой,
Гдѣ вѣчно царствуетъ задумчивый покой,
Гдѣ, умиленная надъ хладными гробами,
Душа бесѣдуетъ, забывшись, съ небесами,
Гдѣ вѣра въ тишинѣ святыя слезы льетъ
И меланхолія печальная живетъ,—
Что сердце мирныя весталки возмутило?
Что въ немъ потухшій огнь опять воспламенило?
Какой волшебный гласъ, какой прелестный видъ
Увядшую въ тоскѣ опять животворитъ?
Увы! еще люблю!.. Исчезни заблужденье!
Сей трепетъ внутренній, сіе души волненье
При видѣ милыхъ строкъ знакомыя руки,
Сіе смѣшеніе восторга и тоски—
Не суть ли признаки любви не побѣжденной?
Супругъ мой, Абеляръ! О, имя незабвенно!
Дерзну ль священный храмъ тобою огласить?
Дерзну ли съ Творческимъ тебя совокупить,
Простертая въ пыли, молясь предъ алтарями?
О, страшныя черты! да смою ихъ слезами!
Преступница! къ кому, что смѣешь ты писать?
Кого въ обителяхъ святыни призывать?
Небесный твой супругъ во гнѣвѣ предъ тобою!
Творецъ, Творецъ! смягчись! вотще борюсь съ собою!
Гдѣ власть противъ любви? Чѣмъ сердце укротить?
Какимъ могуществомъ сей пламень потушить?
О, стѣпы мрачныя! о, скорбныхъ заточенье!
Пустыней страшный видъ! лѣсовъ уеди[неньe!
О, дикія скалы, изрытыя мольбой!
О, храмъ, гдѣ близъ мощей, съ лампадой гробовой,
И юность и краса угаснуть осужденны!

О, лики хладные, слезами орошенны!
Могу ль, подобно вамъ, въ душѣ окаменѣть?
Могу ль, огнемъ любви сгорая, охладѣть?
Ахъ, нѣтъ! не божество душой моей владѣетъ!
Она тобой, тобой, супругъ мой, пламенѣетъ!
Къ тебѣ, мой Абеляръ, съ молитвами летитъ!
Тебя въ жару, въ тоскѣ, зоветъ, боготворитъ!..
Ахъ, тщетно рвать себя, вотще томить слезами!
Когда руки твоей столь милыми чертами
Мой взоръ былъ пораженъ—вся сладость прежнихъ дней,
Всѣ незабвенные часы любви твоей
Воскресли предо мной!—О, чувствъ очарованье!
О, невозвратнаго блаженства вспоминанье!
О, дни волшебные, которыхъ больше нѣтъ!
Вотще, мой Абеляръ, твой гласъ меня зоветъ—
Простись—навѣкъ, навѣкъ!—съ погибшей Элоизой!
Во мглѣ монастыря, подъ иноческой ризой,
Въ кипѣньи пылкихъ лѣтъ, съ толь пламенной душой,
Томиться, увядать, угаснуть—жребій мой!
Здѣсь вѣра грозная всѣ чувства умерщвлятъ!
Здѣсь славы и любви свѣтильникъ не пылаетъ!
Но, нѣтъ!..пиши ко мнѣ! пиши! Соединимъ
Мученіе мое съ мученіемъ твоимъ!
О, мысль отрадная! о, сладкое мечтанье!
Съ тобою духомъ жить! съ тобой дѣлить страданье!
Дѣлить?—Почто жъ дѣлить?—Пусть буду я одна,
Мой другъ, мой Абеляръ, страдать осуждена!
Пиши ко мнѣ! Писать—небесъ изобрѣтенье!
Любовница въ тоскѣ, любовникъ въ заточеньѣ,—
Быть можетъ, нѣкогда нашли блаженство въ немъ!
Какъ сладко, разлучась, бесѣдовать съ перомъ!
Черты волшебныя, черты одушевленны!
Черты, святымъ огнемъ любви воспламененны!
Имъ страстная душа вѣряетъ жребій свой!
Въ нихъ дѣва робкая, съ сердечной простотой,
Всѣ тайны пылкихъ чувствъ, весь жаръ свой изливаетъ!
Въ нихъ все протекшее для сердца оживаетъ!
Почто жъ протекшихъ дней ничто не возвратитъ?
Когда любовь твоя, принявши дружбы видъ,
Въ небесной красотѣ очамъ моимъ явилась—
Съ какой невинностью душа моя плѣнилась!
Ты мнѣ представился несмертнымъ существомъ!
Какимъ твой взоръ сіялъ плѣнительнымъ лучомъ!
Сколь былъ краснорѣчивъ, любовью озаренной!
Земля казалось мнѣ со мною обновленной!
Я въ сладкой нѣгѣ чувствъ, съ открытою душой,
Безъ страха, все забывъ, стояла предъ тобой;
Ты съ силой божества, съ небеснымъ убѣжденьемъ,
Любовь изображалъ всѣхъ благъ соединеньемъ!
Твой гласъ довѣренность во грудь мою вливалъ!
Ахъ! какъ легко меня сей гласъ очаровалъ!
Въ объятіяхъ твоихъ, въ сладчайшемъ изступленьи,
Въ непостигаемомъ блаженства упоеньи,
Могла ль я небесамъ не предпочесть тебя!
Могла ли не забыть людей, Творца, себя!
. . . . . .

ОТРЫВОКЪ ПЕРЕВОДА ЭЛЕГІИ.

[изъ парни].

Въ разлукѣ я искалъ смягченья тяжкихъ бѣдъ;
Бѣжалъ отъ милыхъ странъ, тобою озаренныхъ,
Бродилъ во мглѣ пустынь, ужасныхъ и забвенныхъ...
Повсюду тишина! Нигдѣ покоя нѣтъ!
По ребрамъ дикихъ скалъ, извитою тропою
Всхожу на сей утесъ со мшистою главою,—
Какимъ видѣніемъ внезапно пораженъ!
Какая дивная безмѣрности картина!
Сей древній океанъ въ брегахъ не заключенъ!
Вдали сліялась съ нимъ лазурная пучина!

То свѣжій вѣтерокъ здѣсь вѣетъ надо мной—
То вихрей и громовъ внимаю трескъ и вой!
Горѣ, на грудахъ льдовъ, чертогъ зимы блистаетъ—
А долу ярый зной поля опустошаетъ!
Пылающій волканъ пожралъ сіи страны!
Я зрѣлъ его слѣды на камняхъ опаленныхъ!
Умолкли хоры птицъ! Поля обнажены!
Нѣтъ сѣни на древахъ, на пепелъ наклоненныхъ!
Въ ужасный, мнится, гробъ весь міръ преображенъ!
Все пусто! все мертво!—Умри же страстный стонъ!

Умрите, сладки вспоминанья,
Влекущія мой духъ въ протекши времена!
Умрите, буйныя желанья,—
Или мѣняйтесь, какъ она!
Вотще во тьмѣ лѣсовъ скрываюсь!
И здѣсь могучей красотой
Она блистаетъ предо мной!
И здѣсь слезами обливаюсь,
Стремясь душою къ ней одной!

О небо, ниспошли страданьямъ утоленье!
Погибни, страстный жаръ! Смирись, души волненье!
Умри, умри, любовь, воскресшая опять!
О, вспоминаніе жестокой перемѣны!
Ахъ! если бъ мы могли невѣрныхъ забывать
Въ минуту ихъ измѣны!

. . . . . .

Природа, предъ тобой восторженный смиряюсь!
Коль страшенъ мракъ лѣсовъ! коль дикъ пустыней видъ!
Какъ все, могущая, тебя благовѣститъ!
О, грозныя красы! Дивлюсь и содрогаюсь!
. . . . . .

ПѢСНЯ.

[подражаніе].

Когда я былъ любимъ—въ восторгахъ, въ наслажденьѣ,
Какъ сонъ плѣнительный, вся жизнь моя текла;
Но я тобой забытъ—гдѣ счастья привидѣнье?
Ахъ! счастіемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ—тобою вдохновенный,
Я пѣлъ; моя душа хвалой твоей жила!
Но я тобой забытъ — погибъ мой даръ мгновенный:
Ахъ! геніемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ—дары благодѣянья
Въ обитель нищеты рука моя несла!
Но я тобой забытъ—нѣтъ въ сердцѣ состраданья!
Ахъ! благостью моей любовь твоя была!

ОТРЫВОКЪ.

[подражаніе].

О, счастье дней моихъ! Куда, куда стремишься?
Златая, быстрая фантазія, постой!
Неумолимая! ужель не возвратишься?
Ужель навѣкъ?.. Летитъ, все манитъ за собой!
Сокрылись сердца привидѣнья! [собой!
Сокрылись сладкія души моей мечты!
Надежды смѣлыя, въ надеждахъ наслажденья!
Увы! прелестный міръ, разрушился и ты!
Гдѣ лучъ, которымъ озарялся
Путь юноши среди весеннихъ пылкихъ дней,
Гдѣ идеалъ святый, которымъ я плѣнялся?
О, вы, творенія фантазіи моей!
Васъ нѣтъ, васъ нѣтъ! Существенностью злою
Что нѣкогда цвѣло столь пышно предо мною,
Что я божественнымъ, безсмертнымъ почиталъ,—
На вѣкъ разрушено!.. Стремленіе къ блаженству,
О, вѣра, сладкая земному совершенству,
О, жизнь, которою весь міръ я наполнялъ,
Гдѣ вы? Погибло все! погибъ творящій геній!
Погибли призраки волшебныхъ заблужденій!..
Какъ нѣкогда Пигмаліонъ,
Съ надеждой и тоской объемля хладный камень,

Мечтал слышать въ немъ любви унылый стонъ,
Стремился перелить весь жаръ, весь страстный пламень,
Всю жизнь своей души въ созданіе рѣзца,
Такъ я, воспитанникъ свободы,
Съ любовью, съ радостнымъ волненіемъ
Дышалъ въ объятіяхъ природы [пѣвца,
И мнилъ бездушную согрѣть, одушевить!
Она подвиглась, воспылала!
Безмолвная могла со мною говорить,
И пламеннымъ моимъ лобзаньямъ отвѣчала!
. . . . . .

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пылаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обвороженъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхи-
Съ богами онъ сравненъ! [щаетъ,—
Когда ты предо мной, въ душѣ моей волненье,
Въ крови палящій огнь! въ очахъ померкнулъ свѣтъ!
Въ трепещущей груди и скорбь и на-
Ни словъ, ни чувства нѣтъ! [слажденье!
Лежу у милыхъ ногъ, горю огнемъ желанья!
Блаженствомъ страстныя тоски утомлена!
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы,
И жизни лишена! [безъ дыханья!

ИДИЛЛІЯ.

[ПОДРАЖАНІЕ].

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой,
И кудри свѣтлые цвѣтами убирала—
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей до-
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей, [лины,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ Алины.
Теперь... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье;
Увы! окружена ласкателей толпой,
За лесть ихъ отдала любви боготворенье,
За пышный злата блескъ душистые цвѣты;
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству—суеты;
Собою занята, меня въ лицо не знаетъ.

ПРОЩАНЬЕ СТАРИКА.

[ПЕРЕВОДЪ].

Прости, мятежное души моей волненье,
Прости, палящій огнь цвѣтущихъ жизни лѣтъ,
Прости, безумное за славою стремленье!
Для васъ въ моей душѣ ни слезъ, ни вздоха нѣтъ!
Мечты разрушены! исчезло привидѣнье!
Но ты, восторгъ души, всѣхъ буйныхъ чувствъ покой,
О, сладость тихая, о, сердца восхищенье!
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

ВЕЧЕРЪ.

ЭЛЕГІЯ.

Ручей, вiющійся по свѣтлому песку,
Какъ тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ
Приди, о муза благодатна, [рѣку!..
Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ съ цѣвницею златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей природы.

Какъ солнца за горой плѣнительнъ закатъ—
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
Багряным блескомъ озаренны;

Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ,
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами;
И, сѣти склавъ, рыбакъ на легкомъ чел-
Плыветъ у брега межъ кустами; [нокѣ

Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ;
И, плуги обративъ, по глыбистымъ бразъ-
Съ полей оратаи съѣзжаютъ... [дамъ

Ужъ вечеръ... облаковъ померкнули края;
Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ;
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.

Все тихо: рощи спятъ; въ окрестности покой;
Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ
Потокъ, кустами осѣненной. [рѣкой,
Какъ слитъ съ прохладою растеній ѳиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!
Чуть слышно надъ ручьемъ колышется тростникъ;
Гласъ пѣтела вдали уснувши будитъ селы;
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу стенанье Филомелы...
Но что?.. Какой вдали мелькнулъ волшебный лучъ?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламенились;
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчащій ключъ;
Въ рѣкѣ дубравы отразились.
Луны ущербный ликъ встаетъ изъ-за холмовъ...
О, тихое небесъ задумчивыхъ свѣтило,
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило! [лѣсовъ!

Сижу, задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ...
О, дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зрѣть соединенья?
Ужель изсякнули всѣхъ радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О, братья! о, друзья! гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?
Гдѣ вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя природѣ,

Хранить съ огнемъ души нетлѣнность братскихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья?.. Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душою,

Тащиться осужденъ до бездны гробовой?..
Одинъ—минутный цвѣтъ—почилъ, и непробудно,
И гробъ безвременный любовь кропитъ
Другой... о, небо правосудно!.. [слезой.
А мы... ужель дерзнемъ другъ другу чужды быть?
Ужель красавицъ взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь пріятнымъ въ свѣтѣ слыть
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье
О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ, и любви и музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ вослѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ...
Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О, пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!
Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!
Такъ, нѣтъ есть мой удѣлъ... но долго ль?..
Какъ узнать?..

Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера
Надъ тихой юноши могилой! [мечтать

КЪ ЭДВИНУ.

[м. п. ю.].

[съ англійскаго].

О юноша! лети, подъ зоной отдаленной,
Иныхъ друзей, надеждъ и радостей искать!
Ищи побѣдъ, толпой прелестной окруженной;
Оставь, оставь меня въ печаляхъ увядать!
Ахъ! жить, дѣлясь съ тобой и сердцемъ и судьбою,
Сей жребій сладостный, сей даръ не для меня!..
Но если не совсѣмъ отринута тобою,
Эдвинъ, не позабудь, не позабудь меня!
Когда жъ—быть можетъ!—видъ любовницы въ страданьѣ
Нарушитъ тишину, мой другъ, души твоей;
Тогда протекшаго загладь воспоминанье,
Тогда спокой себя, тогда забудь о ней!
Но можетъ быть и то,—что, въ ужасахъ мученья,
Какъ блага будешь ждать рѣшительнаго дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и услажденья,
Тогда—не позабудь, не позабудь меня!

ОТРЫВОКЪ

изъ делилева «диѳирамба на безсмертіе души».

На лонѣ вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, мощнаго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ!
Такъ, молній Вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель!
Страшись: безсмертье жребій твой.
А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О, жертва мирная, минутный гость земной,
Ты, странникъ, тайною рукою огражденный,
Страдалецъ! ободрись: безсмертье жребій твой!

РАЗГОВОРЪ.

[изъ парни].

— Какъ звать тебя, чудакъ? Кто ты?
— «Я богъ Амуръ!»
— Обманывай другихъ! Ты шутишь, балагуръ!
— «Ничуть! Свидѣтель Богъ! Амуромъ называюсь!»
— Быть такъ! Но кто тебѣ далъ странный сей уборъ?
— «Кто далъ? Весь Божій свѣтъ! Обычай, городъ, дворъ!»
— Какой безстыдный взглядъ! нахальность! Удивляюсь!
— «Простакъ! невинности ужъ нынче негдѣ взять!»
— Куда ты дѣлъ свой лукъ, колчанъ, свѣтильникъ, стрѣлы?
— «На что они! безъ нихъ могу торжествовать!
«Упорныхъ больше нѣтъ! Мужчины стали смѣлы!»
— Какой переворотъ!.. А гдѣ же твой покровъ,
Омытый иногда прелестныхъ глазъ слезами?
— «Хватился!.. Потерялъ». — О жалкій изъ боговъ!
Но что? Ты весь въ шерсти! съ козлиными ногами,
Съ гремушкой! маскою! въ дурацкомъ шушунѣ!
Зачѣмъ такой нарядъ? пожалуй объяснися!
— «По милости его весь міръ подвластенъ мнѣ!»
— Ты царь? — «Я богъ!» — Не мой!— «Всевѣчный!»—Отвяжися!

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.

басня

[изъ флоріана].

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкій слогъ пугаетъ весь Парнасъ,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой разсказъ!

Одинъ фигляръ въ Москвѣ показывалъ мартышку,
Съ волшебнымъ фонаремъ. На картахъ ли гадать,
Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувыркаться и въ присядку плясать
По гибкому канату,
Или спичкой выпрямясь, подъ шляпою съ перомъ,
На задни лапки ставъ, ружьемъ,
Какъ должно прусскому солдату,
Метать по слову артикулъ:
Потапъ всему городу. Не звѣрь, а утѣшенье!
Однажды въ воскресенье
Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ заснулъ.
Потапкѣ торжество.—«Ужъ то-то погуляю!
И я штукарь! И я, народъ какъ тѣшить,
Бѣжитъ, зоветъ гостей: знаю!»
Мышенокъ, поросятъ, собакъ, котятъ, гусей!
Сошлись.—«Сюда! Сюда! скорѣй скамьи,
Въ закуту господамъ! подушки
Добро пожаловать; у входа ни полушки,
Изъ чести игрище!»—Ужъ гости по мѣстамъ,
Приносится фонарь, всѣ окна затворились,
И свѣчи потушились.
Потапъ, въ суконномъ кафтанѣ,
Съ указкою въ рукѣ,
Съ жеманной харею, явился предъ собою,
Пренизкій всѣмъ поклонъ;
Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ Цицеронъ:
Заставилъ всѣхъ зѣвать, и хлопать цѣлымъ хоромъ!
Довольный похвалой,
Съ картинкою стекло тотчасъ въ фонарь вставляетъ!
—«Смотрите: вотъ луна, вотъ солнце!—возглашаетъ:
Вотъ съ Евою Адамъ, скоты, ковчегъ и Ной!
Вотъ славный царь-горохъ съ морковною царицей!
Вотъ журка-долгоносъ обѣзжаетъ съ лисицей!
Вотъ небо, вотъ земля... Что? видно ли?»—
Моргаютъ, морщатся, кряхтятъ! Глядятъ.
Напрасно! Нѣтъ слѣда великолѣпной сцены!—
«По чести, котъ шепнулъ, кудрявыхъ много словъ!
Но, Богъ съ нимъ, гдѣ онъ взялъ царей, царицъ, сколовъ!
Зги Божьей не видать! одни въ потемкахъ стѣны!»
— Темно, сосѣдушка, скажу и я:
Примолвила свинья.—
«Мнѣ видится! вотъ!... вотъ!... я, правда, близорука!
Но что-то хорошо! Ой старость! то-то скука!
Ужъ было бы о чемъ съ дѣтьми поговорить!»
Индѣйка крякала, хлопъ-хлопъ сквозь сонъ глазами.
А нашъ Потапъ? Бричитъ, гремитъ, стучитъ ногами!
Одно лишь позабылъ: фонарь свой освѣтить!

СОКОЛЪ И ГОЛУБКА.

БАСНЯ
[изъ Флоріана].

Голубку соколъ драть въ когтяхъ.
«Попалась! ну, теперь оставь свои затѣи!
Плутовка! знаю васъ! ругательницы, змѣи!
Вашъ родъ сокольи вѣчный врагъ!
Есть боги-мстители!»—Ахъ, я бъ того желала!
Голубка, чуть дыша, измятая стенала.—
«Какъ! какъ! отступница! невѣровать богамъ!
Не вѣрить силѣ Провидѣнья!
Хотѣлъ тебя пустить; не стоишь; вижу самъ.
Умри! безбожникамъ нѣтъ прощенья!»

МАРТЫШКИ И ЛЕВЪ.

БАСНЯ
[изъ Флоріана].

Мартышки тѣшились лапшой;
Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сидя на пнѣ, держала
Въ колѣняхъ голову другой;
Та, лапки на спину, зажмурясь, узнавала,
Кто билъ.—Хлопъ-хлопъ! «Потапъ, проворнѣй! Кто?»—Мирошка!
«Соврала!»—и всѣ, какъ бѣсы, врозь!
Прыжки; кувырканье впередъ, и взадъ, и вкось;
Бранъ, хохотъ, писку! Одна мяукаетъ, какъ кошка,
Другая, ноги вверхъ, повисла на суку;
А третья ну сказать сорокой по песку!
Такого попискать веселья!
Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ левъ,
Ученый, смирный принцъ, братъ внучатный царевъ:

Ботанизировалъ по рощѣ отъ бездѣлья.
Мартышкамъ матъ;
Ни пикнутъ, струсили, дрожатъ!
«Здѣсь праздникъ! Левъ сказалъ: Что жъ тихо? Забавляйтесь!
Играйте, дѣтушки, не опасайтесь!
Я добръ! хотите ли и самъ въ игру войду!»
—Ахъ! милостивый князь, какое снисхожденье!
Какъ вашей свѣтлости быть съ нами наряду!
Съ мартышками играть! вашъ санъ! нашъ долгъ! почтенье!..—
«Пустое! что за долгъ! я такъ хочу! смѣлѣй!
Не всѣ ли мы равны! Вы бъ сами то жъ сказали,
Когда бы такъ, какъ я, философовъ читали!
Я, дѣтушки, не чванъ! Вы знатности моей
Не трусьте! Ну, начнемъ!» Мартышки верть глазами,
И, вѣря [какъ и всѣ] привѣтника словамъ,
Опять играть; гвоздятъ другъ друга по рукамъ.
Братъ царскій хлопъ! и вдругъ подъ царскими когтями
Изъ лапки брызжетъ кровь ключомъ!
Мартышка—ой!—и прочь, тряся хвостомъ,
Кто билъ, не думавъ, отгадала;
Однако промолчала.
Хохочетъ князь; другіе, ротъ скривя,
Туда жъ за бариномъ смѣются,
Хотя отъ смѣха слезы льются;
И задомъ, задомъ, въ лѣсъ! Бѣгутъ и про себя
Бормочутъ: не играй съ большими господами!
Добрѣйшіе изъ нихъ—съ когтями!

ССОРА ПЛѢШИВЫХЪ.

БАСНЯ
[ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Два кума лысые дорогой шли,
И видятъ, что-то на травѣ блистаетъ.
Ну!—думаютъ—мы кладъ нашли!
«Моя находка!»—Вздоръ!—Ужъ кума кумъ
И въ спину и въ бока! [толкаетъ
Увы! послѣдняго сѣдого хохолка
На гладкихъ лысинахъ не стало!
За что же дѣло стало?
За что свирѣпый бой?—
За гребень роговой!

КОТЪ И ЗЕРКАЛО.

БАСНЯ
[ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Невѣжды-мудрецы, которыхъ вѣкъ проходитъ
Въ исканіи такихъ вещей,
Какихъ никто никакъ въ семъ мірѣ не находитъ,
Послѣдуйте коту, и будьте поумнѣй!

На дамскомъ туалетѣ
Сидѣлъ Федотка котъ,
И чистилъ морду... Вдругъ, глядь въ зеркало: Федотъ
И тамъ. Точь въ точь! сходнѣй двухъ харей нѣтъ на свѣтѣ.
Шерсть дыбомъ, прыгъ къ нему, и мордой щелкъ въ стекло,
Мяукнулъ, фыркнулъ!...«Понимаю!
Стекло прозрачное! онъ тамъ! поймаю!»
Бѣжитъ... О чудо!—никого.
Задумался: куда бъ такъ скоро провалиться?
Бѣжитъ назадъ! Опять Федотка передъ нимъ!
«Постой, я знаю какъ! ужъ быть тебѣ моимъ!»
Нашъ умница верхомъ на зеркало садится,
Боясь, чтобъ, ходя вкругъ, кота не упустить,
Или чтобъ тамъ и тутъ въ одну минуту быть!
Припалъ, какъ воръ, вертитъ глазами;
Двѣ лапки здѣсь, двѣ лапки тамъ;
Весь вытянутъ, мурчитъ, глядитъ по сторонамъ;
Нагнулся... Вотъ опять хвостъ, лапки, носъ съ усами.
Хвать-хвать! когтями цапъ-царапъ!
Далъ промахъ, сорвался и бухъ на столикъ съ рамы;
Кота же нѣтъ какъ нѣтъ. Тогда, жалѣя лапъ—
[Замѣтьте, мудрецы упрямы!]—
И вѣдать не хотя, чего нельзя понять,
Федотъ нашъ зеркалу поклонъ отвѣсилъ низкій;
А самъ отправился съ мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не всѣ къ намъ вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!»

ГОЛУБКА И СОРОКА.

БАСНЯ

[изъ ФЛОРІАНА].

Голубка дворъ объ дворъ съ сорокою жила,
Сокровищемъ, а не сосѣдкой.
Въ гнѣздѣ одной любовь цвѣла;
У той, напротивъ, день безъ шума рѣдкой,
Битье яицъ, ворчанье, споръ!
Лишь только пьяный мужъ сороку поколотитъ,
Она тотчасъ летѣть къ сосѣдушкѣ во дворъ,
Щебечетъ, брехчетъ, вопитъ:
«Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ чашу пить!
Ужъ видно такъ и вѣкъ прожить!
Далъ Богъ мнѣ муженька! мучитель, окаянной!
Житья нѣтъ! бьетъ меня безпошлинно, безданно!
Ревнивецъ! а какъ самъ—таскаться за
Голубка слушала, качая головой. [совой!»
—И ты, примолвила, сосѣдка, не святая!—
«То такъ, не безъ грѣха! Случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ
Признаться не хотѣть, неправду утверждая;
Но это все пустякъ!» — И, нѣтъ! какой пустякъ?
Напротивъ, мой совѣтъ: когда не любишь дракъ,
Исправь себя!—«А въ чемъ прикажете исправить?
Исправь! Совѣтница! Смѣшна съ своимъ умомъ!
Взялась другихъ учить; собой не смысля
Сиди-ка надъ гнѣздомъ!» [править!

СУРКИ И КРОТЪ.

БАСНЯ

[изъ ФЛОРІАНА].

Свои намъ недостатки знать,
И въ недостаткахъ признаваться—
Какъ небо и земля: скорѣй отъ бѣдъ страдать,
Чѣмъ бѣдъ виною называться!
Въ примѣръ вамъ разскажу не басенку, а быль.
Чудна, но справедлива.
Я очевидецъ самъ такого дива,
И, право, не хочу пускать въ глаза вамъ пыль!

Однажды на лужокъ, лишь только солнце сѣло,
Проказники сурки
Сошлись играть въ ѣзду, въ гулючки, въ уголки
И въ жмурки!—Да, и въ жмурки! Это дѣло
Такъ вѣрно, какъ я здѣсь, и вотъ какъ: осокой
Тому, кому ловить, завязывались глазки,
Концы жъ повязки
Подъ морду въ узелокъ; а тамъ — бреди слѣпой!
Слѣпой бредетъ! другіе же бѣсятся,
Кувыркаться, скакать кругомъ;
Тотъ подъ носъ шишь ему, тотъ въ задъ его пинкомъ;
Тотъ на ухо свиститъ, а тотъ предъ нимъ [вертится,
Коверкаясь, какъ бѣсъ!
Бѣдняжка, лапки вверхъ, хвать-хвать, не тутъ-то было!
И гдѣ поймать такихъ увертливыхъ повѣсъ!
Ловить бы до утра! но счастье пособило.
Возню услышавъ подъ землей,
Изъ норки вылѣзъ кротъ, монахъ слѣпой;
Туда жъ играть съ сурками!
Растѣшился, катитъ и прямо брякъ въ Сурки [силки.
Сошлись и говорятъ: «Онъ слѣпъ, а мы съ глазами!
Не лучше ли его...»—И, братцы, что за срамъ!
Ворчитъ надувшись кротъ: игра игрою!
Я пойманъ! мнѣ ловить, съ повязкой, какъ и вамъ.
«Пожалуй! по съ твоей, пріятель, слѣпотою
Не будетъ ли намъ грѣхъ давить тебя
— О, это ужъ обидно! [узломъ?»
Какъ будто и играть невмѣстно мнѣ съ суркомъ!
Стяни, сударь! еще! еще стяни! мнѣ видно!

ИСТИНА И БАСНЯ.

БАСНЯ

[изъ ФЛОРІАНА].

Однажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой, на бѣлый вышла свѣтъ.
Богъ съ ней! не пригожа, какъ смерть худая,
Лицомъ угрюмая, съ сутулиной отъ лѣтъ.
Стукъ-стукъ у всѣхъ воротъ: «Пустите, ради Бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, вѣтренно, иззябла и дрожу!»

— Нѣтъ мѣста, матушка! счастливая до-
Вездѣ ей былъ отвѣтъ. [рога!—
Что дѣлать? на бокъ лечь, пусть снѣгомъ
занесетъ!
Присѣла на сугробъ, стучитъ зубами!
Вдругъ Басня, въ золотѣ, облитая парчой,
А правду молвить—мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся въ камняхъ дорогихъ,
Блистающихъ, какъ жаръ, хотя фальши-
На санкахъ золотыхъ, [выхъ,
На тройкѣ рысаковъ красивыхъ
Катитъ, и прямо къ ней.—«Зачѣмъ ты
здѣсь, сестра?
Одна! въ такой морозъ! прогулкамъ не пора!»
— Ты видишь, зябну! люди глухи:
Никто мнѣ не даетъ пріюта ни на часъ.
Я всѣмъ страшна! мы жалкій людъ,
старухи:
Какъ будто отъ чумы, всѣ бѣгаютъ отъ
«А ты вѣдь мнѣ большая, [насъ!—
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дѣло я?
Весь міръ моя семья!
И кто жъ виной? Зачѣмъ таскаешься нагая?
Тебѣ ль не знать, мой другъ, что маску
любитъ свѣтъ?
Изволь-ка выслушать мой сестринскій со-
вѣтъ:
Намъ должно быть дружнѣй, и жить не
такъ, какъ прежде,
Жить вмѣстѣ; а тебѣ въ моей ходить одеждѣ.
Съ тобой — и для меня отворитъ дверь
мудрецъ,
Со мною—и тебя не выгонитъ глупецъ;
А глупымъ нынче родъ—и родъ весьма
Тутъ Истина, умильный [обильный!»
На Басню обративши взоръ,
Къ ней въ сани прыгъ... летятъ и слѣду
нѣтъ!—Съ тѣхъ поръ
Вездѣ сестрицы неразлучно:
И Басня не глупа, и съ Истиной не скучно!

СМЕРТЬ.

[переводъ].

Однажды смерть послала въ адъ указъ,
Чтобъ весь подземный дворъ, не болѣе
какъ въ часъ
На выборъ собрался въ сенатѣ,—
А засѣданью быть въ аудіенцъ-палатѣ.
Ея величеству былъ пуженъ фаворитъ,
Обычнѣе—министръ. Давно ужъ ей каза-
лось—
Какъ и исторія то ясно говоритъ—
Что адскихъ жителей въ приходѣ умень-
шалось.
Идутъ предъ страшный тронъ владычицы
своей—
Горячка блѣдная, со впалыми щеками,
Подагра, чуть тащась на парѣ костылей,
И жадная война, съ кровавыми глазами.
За ловкость снхъ бояръ поруки міръ и адъ,
И смерть ихъ приняла съ уклонкой ува-
женья!
За ними, опустивъ смиренно-постный
взглядъ,
Подъ мышкою таща бичи опустошенья,
Является чума;
Грѣхъ молвить, чтобъ и въ ней достоинствъ
не сыскалось:
Запасъ порядочный ума!
Собранье всколебалось:
«Ну!—шепчутъ—быть министромъ ей!»—
Но сценка новая: полсотни лѣкарей
Попарно, въ шагъ, идутъ и, ставъ предъ
смертью рядомъ,
Поклонъ ей!—«Здравствовать царицѣ много
лѣтъ!»—
Чтобъ лучше видѣть, смерть берется за
лорнетъ.
Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взля-
домъ.
Въ сомнѣньи адъ!—какъ вдругъ пороковъ
шумный входъ
Отвлекъ монархини вниманье.
«Какъ рада!—говоритъ.—Теперь я безъ
И выбрала невоздержанье. [хлопотъ!»

СОНЕТЪ.

[переводъ].

За нѣжный поцѣлуй ты требуешь сонета!
Но шутка ль быть творцомъ четырнадцати
строкъ
На двѣ лишь чётки риемъ! Скажи сама,
Лилета?—
«А развѣ поцѣлуй бездѣлка?»—Дай мнѣ
срокъ!
Четыре есть стиха, осталось три куплета;

О, Фебъ! о, добрый Фебъ! не будь ко мнѣ жестокъ!
Хотя на мигъ одинъ парнасскаго мнѣ свѣта!—
Еще строфа! Смѣлѣй! Ужъ берегъ недалекъ!
Но вотъ ужъ и усталъ! О, мука! о, досада!
Здѣсь Лилла—поцѣлуй! тамъ риѳмы — и надсада!
Какъ быть... Но Богъ помогъ! еще готовъ терцетъ!
Еще бъ одинъ—и все! Пишу! хоть до-упада!
Вотъ... вотъ... почти совсѣмъ!.. О, радость, о, награда!
Мой, Лилла, поцѣлуй, и вотъ тебѣ сонетъ!

ЭПИТАФІЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Здѣсь кончилъ вѣкъ Памфилъ, безъ толку одъ пѣвецъ!
Сей грѣшный человѣкъ — прости ему Твореце!
Но смерти жить сбирался, [цъ! —
Но заживо скончался!

ЦАПЛЯ.

БАСНЯ
[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Однажды цапля-долгошея
На парѣ длинныхъ ногъ путемъ-дорогой шла;
Дорога путницу къ потоку привела.
День красный былъ; вода, на солнышкѣ свѣтлѣя,
Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ стекломъ;
Въ ней щука-кумушка за карпомъ-кумомъ-куманькомъ
У берега рѣзвясь гонялась. [
Что жъ цапля? носомъ ихъ?—Ни крошки: зазѣвалась,
Изволитъ отдыхать, глазѣть по сторонамъ,
И аппетита дожидаться:
Ея обычай былъ обѣдать по часамъ,
И дietетики Тиссотовой держаться.
Приходитъ аппетитъ; причудница къ потокъ;
Глядитъ: вдругъ видитъ, линь, виль-вильнетъ, со дна поднялся!
То вверхъ на солнышко, то книзу на песокъ!
Сластёнѣ этотъ кусъ несладкимъ показался: [
Скривила шею, носомъ щолкъ: «Мнѣ, цаплѣ, ѣсть линя! мнѣ челядью такою
Себя кормить? И впрямъ! хорошъ въ нихъ толкъ!
Я и трески клевнуть не удостою!»
Но вотъ и линь уплылъ, пожаловалъ пискарь.
«Пискарь? ну, что за стать! такую удить тварь
Поганить только посъ! избави Богъ отъ срама!»
Ой ты, разборчивая дама! [
Приструнилъ голодъ! Что? Глядишь туда-сюда?
И лягушоночекъ теперь тебѣ ѣда!—

Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы!
Кто льстился много взять, тотъ часто все терялъ;
Одною скромностью желаній мы счастливы!
Никто, никто изъ насъ всего не получалъ.

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

БАСНЯ
[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Однажды доброму могольцу снился сонъ,
Ужъ подлинно чудесной:
Вдругъ видитъ, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной,
Въ обитель вознесенъ Всевышняго Царя,
И тамъ—подумайте —находитъ визиря.
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Кого жъ — прошу сказать — узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша... да, дервишъ, служитель Орозмада,
Въ котлѣ, [
Въ клокочущей смолѣ
На ужинъ дьяволамъ варился.
Могольцъ въ страхѣ пробудился;
Скорѣй бѣжать за колдуномъ;
Поклоны въ поясъ; бьетъ челомъ:
—Отецъ мой, изъясни чудесное видѣнье.—
«Твой сонъ есть Божій гласъ—колдунъ ему въ отвѣтъ—
Визирь въ раю за то, что въ области суетъ,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье.
Дервишу жъ подѣломъ; не будь онъ суесвятъ;
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ;
Не суйся къ визирямъ ходить на поклоненье».

Когда бъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда смиренно васъ молилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите сѣнь родительскаго крова;
Гдѣ жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
О, блага чистыя, о, сладкій даръ природы!
Гдѣ вы, мои поля? Гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я расцвѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
О, рощи, о, друзья, когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
При нихъ мои часы весельемъ окрыленны;
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И выспреннихъ свѣтилъ стези неокровенны.
Когда жъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ;
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ,
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій токъ!
Нить для меня совьется не изъ злата;
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля не богата:
Но меньше ль бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ?
И меньше ль онъ души невинной услажденье?
Ему преображу мою пустыню въ храмъ;
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ—
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть успокоенье.

СТАРЫЙ КОТЪ И МОЛОДОЙ МЫШОНОКЪ.

БАСНЯ

[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Одинъ неопытный мышонокъ
У стараго кота подъ лапою пищалъ,
И такъ его, въ слезахъ, на жалость преклонялъ:
Помилуй, дѣдушка! Вѣдь я еще ребенокъ!
Какъ можно крошечкѣ такой, какъ я,
Твоимъ домашнимъ быть въ отягощенье?
Твоя хозяюшка и вся ея семья
Придутъ ли отъ меня, малютки, въ разоренье?
И въ чемъ же мой обѣдъ? Зерно, а много два!
Орѣхъ мнѣ—на недѣлю!
Къ тому жъ теперь я худъ! Едва, едва
Могу дышать! Вчера оставилъ лишь постелю;
Былъ боленъ! Потерпи! Пусти меня пожить!
Пусть дѣточки твои меня изволятъ скушать!—
«Молчи, молокососъ! тебѣ ль меня учить?
И мнѣ ли старику такихъ разсказовъ слушать!
Я котъ и старъ, мой другъ! прощенія не жди,
А лучше безъ хлопотъ, поди
Къ Плутону, милости его отвѣдать!
Моимъ же дѣточкамъ всегда есть что обѣдать!»—
Сказалъ, мышонка цапъ; тотъ пискнулъ и припалъ.
А котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бывалъ.
Ужель разсказъ безъ поученья? [Ужель!
Никакъ, читатель, есть!
Всѣмъ юность льститъ себя! все мыслитъ пріобрѣсть!
А старость иногда не знаетъ сожалѣнья!

КАПЛУНЪ И СОКОЛЪ.

БАСНЯ

[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.
Одинъ
Московскій гражданинъ,
Пришлецъ изъ Арзамаса,
Матюшка-долгохвостъ, по промыслу каплунъ,
На кухню долженъ былъ явиться,
И тамъ на очагѣ съ кухмистеромъ судиться.
Вся дворня взбѣгалась: цыпь-цыпь! цыпь-цыпь!
Проворно, [цыпь!—Шалунъ,
Смекнувши, что бѣда,
Давай Богъ ноги!—«Господа,
Слуга покорной!
По мнѣ хотя весь день извольте горло драть,

Меня такъ не прельстить учтивыми словами!
Теперь: цыпь-цыпь! а тамъ меня щипать,
Да въ печку! да сморчами
Набивши брюхо мнѣ, на столъ меня! а тамъ
И поминай какъ звали!» —
Тутъ соколъ-крутопосъ, котораго считали
По всей окружности примѣромъ всѣмъ бойцамъ,
Который на жерди, со спесью соколиной,
Раздувши зобъ, сидѣлъ,
И съ смѣхомъ на гоньбу глядѣлъ,
Сказалъ: «дуракъ, каплунъ! съ такой,
какъ ты, скотиной
Изъ силы выбился честной породъ!
Тебя зовутъ; а ты, уродъ,
И носъ отворотилъ, оглохъ ко всѣмъ спиною!
Смотри пожалуй! я тебѣ ль чета? по такъ
Не гордъ! лечу на свистъ! глухарь, дуракъ,
Постой! хозяинъ ждетъ! вся дворня за тобою!» —
Каплунъ, кряхтя, пыхтя, совѣтнику въ отвѣтъ:
«Князь-соколъ, я не глухъ! меня хозяинъ ждетъ?
Но знать хочу, зачѣмъ? А этотъ твой пріятель,
Который въ фартукѣ, какъ воръ съ ножомъ,
Такъ чванится своимъ узорнымъ колпакомъ,
Конечно, каплуновъ усердный почитатель.
Прогнѣвался, что я не падокъ къ ихъ
Но если бъ соколамъ, [словамъ!
Какъ нашей братьѣ, каплунамъ,
На кухнѣ заглянуть случилось
Въ горшокъ, гдѣ бъ въ кипяткѣ ихъ
княжество варилось,
Тогда холяйскій свистъ и ихъ бы не провелъ:
Тогда бъ, какъ скотъ-каплунъ, чернулъ
и князь-соколъ!»

КОТЪ И МЫШЬ.

БАСНЯ
[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Случилось такъ, что котъ Федотка-сы-
Сова Трофимовна-сопунья. [роѣдъ,
И мышка-хлѣбница, и ласточка-прыгунья,
Всѣ плуты, сколько-то не помню лѣтъ,
Не вмѣстѣ, но въ одной дуплистой, дряхлой ели
Пристанище имѣли.
Подмѣтилъ ихъ стрѣлокъ, и сѣтку на дупло.
Лишь только ночь отъ дня свой сумракъ отдѣлила
[Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни темно, ни свѣтло,
Когда, не видя, ждешь небеснаго свѣтила],
Нашъ котъ изъ норки шасть, и прямо брякъ подъ сѣть.
Бѣда Федотушкѣ! приходитъ умереть!
Копышется, хлопочетъ,
Взмяукался мой котъ.
А мышка воръ — какъ тутъ! ей пиръ, въ ладоши бьетъ,
Хохочетъ.
«Сосѣдушка, нельзя ль помочь мнѣ?» — изъ сѣтей
Сказалъ умильно узникъ ей:
Богъ добрымъ воздаянье!
Ты жъ, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мнѣ такъ мила,
Какъ свѣтъ монхъ очей! какъ дневное сіянье!
Я нынче къ завтрепѣ спѣшилъ
[Всѣхъ набожныхъ котовъ обыкновенье],
Но, знать, невѣдѣньемъ предъ Богомъ погрѣшилъ,
Знать, окаянному за дѣло искушенье!
По волѣ Вышняго подъ сѣть попалъ!
Но гнѣвный милуетъ: несчастному въ спасенье
Тебя мнѣ Богъ сюда послалъ!
Сосѣдка, помоги!» — «Помочь тебѣ! злодѣю!
Мышатнику! Коту! съ ума ли я сошла!
Избавь его, себѣ на шею!» —
«Ахъ, мышка!» — молвилъ котъ: тебѣ ль хочу я зла?
Напротивъ, я съ тобой сейчасъ въ союзъ вступаю!
Сова и ласточка твои враги:
Прикажешь? въ мигъ ихъ уберу!» —
«Я знаю,
Что ты сластёна-котъ! но словъ не береги:
Меня не обмануть такимъ красивымъ слогомъ!
Глуха я! оставайся съ Богомъ!» —
Лишь хлѣбница домой,

А ласточка ужъ тамъ: назадъ! на ель взбираться!
Тутъ новая бѣда: столкнулася съ совой.
Куда дѣваться?
Опять къ коту; грызть, грызть тенета!
Благочестивый распутлялся; [удалось!
Вдругъ ловчій изъ лѣсу съ дубиной показался,
Союзники скорѣй давай Богъ ноги, врозь!
И тѣмъ все дѣло заключилось.
Потомъ опять коту увидѣть мышь случилось.
«Ахъ! другъ мой, дай себя обнять!
Боишься? Постыдись; твой страхъ мнѣ оскорбленье!
Грѣшно союзника врагомъ своимъ считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?»
— «А я могу ль не знать,
Что ты котинце-обѣдало?
Что кошка съ мышкою не ладятъ никогда!
Что благодарности въ васъ духу не бывало!
И что по нуждѣ связь не можетъ быть тверда?»

ОРЕЛЪ И ЖУКЪ.

БАСНЯ

[изъ ЛАФОНТЕНА].

Орелъ, пустясь изъ тучъ, на кролика напалъ.
Бѣднякъ, безъ памяти, куда бы пріютиться,
На норку жука набѣжалъ;
Не норка, щель: ему ли въ ней укрыться?
И лапкѣ мѣста нѣтъ! Нашъ кроликъ такъ
Свернувшися въ кулакъ, [и сякъ,
Прилегъ, дрожитъ. Орелъ за нимъ стрѣлою,
И хочетъ драть. Жучокъ приползъ къ его ногамъ:
«Царь птицъ! и я, и онъ—ничто передъ тобою!
Но сжалься, пощади! позоръ обоимъ намъ,
Когда въ моей норѣ невинность растерзаешь!
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ! мы старые друзья!
Ты самъ, мой царь, права гостепріимства знаешь;
Смягчись, или пускай погибну съ нимъ и я!»
Орелъ съ улыбкою надменной,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ жучка крыломъ,
Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума смявши въ комъ,
Какъ не бывалъ!— Жучокъ жестоко оскорбленной,
Въ гнѣздо къ Орлу! и въ мигъ яички всѣ побилъ:
Яички, даръ любви, надежду, утѣшенье!
Хотя въ одно, хотя въ одно онъ попадилъ!
Царь птицъ, узря въ гнѣздѣ такое ра-
Наполнилъ крикомъ лѣсъ; [зоренье,
Стенаетъ:
О, ярость! Кто сей врагъ? Кому отмстить?..
Не знаетъ!
Напрасно сѣтуетъ: среди пустыхъ небесъ
Отчаяннаго стонъ безплодно исчезаетъ.
Что дѣлать! до весны утѣхи отложить,
Гнѣздо жъ повыше свить.
Пришла весна! въ гнѣздѣ яички! матка сѣла.
Но жукъ не спитъ, опять къ гнѣзду,— яичекъ нѣтъ!
Увы! едва ль взглянуть на нихъ она успѣла!
Страданье выше мѣръ! грустить! противенъ свѣтъ!
И эхо цѣлой годъ не стихнуло въ дубравѣ!
Отчаянный орелъ
Къ престолу Зевса полетѣлъ
И мыслитъ: «Кто дерзнетъ къ сѣдящему во славѣ
Съ злодѣйской мыслью приступить!
Днесь будетъ богъ боговъ дѣтей моихъ хранить!
Гдѣ мѣсто безопаснѣй въ мірѣ?
Осмѣльтесь, хищники, подняться къ небесамъ!»
И яица кладетъ на Зевсовой порфирѣ.
Но жукъ—проворъ и самъ,
На хитрости пустился:
Онъ платье Вѣчнаго закапалъ грязью.
Богъ—
Который пятнышка на немъ терпѣть не могъ—
Тряхнулся, яйца хлопъ! Орелъ взбѣсился,
На Зевса окрикъ: «Я сейчасъ съ небесъ долой!
Оставлю и тебя, и громъ, и нектаръ твой!

Въ пустыню спрячусь! Богъ съ тобою!» —
Всевышній струсилъ; звать жучка; жучокъ предсталъ;
Что было, гдѣ и какъ, Зевесу разсказалъ.
И вышло, что орелъ одинъ всему виною.
Мирить ихъ: кстати ли! и слышать не хотятъ!
Что жъ сдѣлалъ царь вселенной?
Нарушилъ ходъ вещей, отъ вѣка утвержденной:
Съ тѣхъ поръ, когда орлы на яицахъ сидятъ,
Родъ жучій, вмѣстѣ съ байбаками,
Не видя свѣта, скрытъ подъ снѣжными буграми.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Не знаю почему, по дружбѣ или такъ,
Папурѣ вздумалось меня визитомъ мучить!
Папура истинный чудакъ:
Скучаетъ самъ, чтобъ мнѣ наскучить.

II.

Съ повязкой на глазахъ за шалости Ѳемида!—
Ужъ наказаніе! ужъ подлинно обида!
Когда вамъ хочется проказницу унять,
Такъ руки ей связать.

III.

О, непостижное злорѣчіе уму!
Повѣрю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю самъ, что ты ихъ черные купила.

IV.

Для Клима все какъ дважды два!
Горацій, Ксенофонтъ, Бова.
Лаландъ и Гершель астрономы,
И Мирамондъ *) и Мушенброкъ
Ему, какъ носъ его, знакомы.
О всемъ кричитъ, во всемъ знатокъ!
Судить о музыкѣ начните:
Нашъ Климъ первѣйшій музыкантъ!
О торгѣ рѣчь съ нимъ заведите:
Онъ въ мигъ торгашъ и фабрикантъ!
Чего въ немъ нѣтъ? Онъ метафизикъ,
Платоникъ, коновалъ, маляръ,
Статистикъ, журналистъ, бочаръ,
Хирургусъ, проповѣдникъ, физикъ,
Поэтъ, каретникъ, то и то,
Климъ, словомъ, все! и Климъ — ничто!

*) «Старинный русскій романъ».

V.

Сей камень надъ моей возлюбленной женой!
Ей тамъ, мнѣ здѣсь покой!

VI.

Тримъ счастія искалъ ползкомъ и тихомолкомъ;
Нашелъ—и грудь впередъ, носъ вздернулъ, весь иной!—
Кто втерся въ чинъ лисой,
Тотъ въ чинѣ будетъ волкомъ.

VII.

Ты сердишься за то, пріятель мой Гарпасъ,
Что сынъ твой по ночамъ сундукъ твой посѣщаетъ!
И философія издревле учитъ насъ,
Что скупость воровство рождаетъ.

VIII.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать —
Есть—цѣлъ плоду предпочитать!

IX. новопожалованный.

—Пріятель, отчего присѣлъ?—
«Злодѣй корону на меня надѣлъ!»
—Что жъ, я не вижу въ этомъ зла!—
«Охъ, тяжела!»

X.

Румянъ французскихъ штукатура;
Шатеръ, не шляпа на плечахъ;
Подъ шалью тощая фигура,
Вихры на лбу и на щекахъ,
Одежды легкой подозрѣнье;
На перстнѣ въ десять кратъ алмазъ—
Все это, смертнымъ въ удивленье,
По свѣту возятъ на показъ
Въ каретѣ модно-золочёной,
И называютъ—Альцидоной!

XI.

У насъ въ провинціи нарядовъ нѣтъ любови!
По модѣ съ ногъ до головы:
Наколки, цвѣтъ лица, помаду, зубы, брови—
Все получаемъ изъ Москвы.

XII.

Пускай бы за грѣхи доходъ нашъ убавлялся!
Такой переворотъ для Хама не печаль:
Онъ въ петлю собирался—
Попалъ бы въ госпиталь.

XIII.

Ты драму, Фефилъ, написалъ?—

«Да! какъ же удалась! какъ сыграна! не чаешь!
Хотя бы кто-нибудь для смѣха просвисталъ!»—
И! Фефилъ, Фефилъ! какъ свистать, когда зѣваешь?

XIV.

«Скажи, чтобъ тамъ потише были!»
Кричитъ повытчику судья.
«Уже съ десятокъ дѣлъ рѣшили,
А ни единаго изъ нихъ не слышалъ я!»

XV. НОВЫЙ СТИХОТВОРЕЦЪ И ДРЕВНОСТЬ.

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ Древность заворчитъ съ досадой: «что
Я то же до тебя сказала и давно!» [за диво!
Смѣшна беззубая! Вольно
Ей послѣ не придти къ певѣждѣ!
Тогда бъ сказалъ я то же прежде.

XVI.

Дидона! какъ тобой рука судьбы играла!
Какихъ любовниковъ тебѣ она дала!
Одинъ скончался—ты бѣжала;
Другой бѣжалъ—ты умерла!

XVII.

Барма, нашедъ Ѳому чуть жива, на отходѣ,
— Скорѣе! закричалъ, изволь мнѣ долгъ платить!
Ужъ завтраковъ теперь не будешь мнѣ сулить!—
«Охъ! братъ, хоть умереть ты дай мнѣ на свободѣ!»
—Вотъ, право, хорошо! хочу я посмотрѣть,
Какъ ты, не заплативъ, изволишь умереть!

XVIII. НА ЧИЧЕРИНА.

Сибири управленьемъ
Мой предокъ славенъ былъ,—
А я, судьбы велѣньемъ,
Дормезъ себѣ купилъ.

XIX. НА ПРОСЛАВИТЕЛЯ РУССКИХЪ ГЕРОЕВЪ, ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ КОТОРАГО НѢТЪ НИ НАЧАЛА, НИ КОНЦА, НИ СВЯЗИ.

Миронъ схватилъ перо, надулся, пишетъ, пишетъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
«Пожарскій! Филаретъ! отечества отецъ!»
Поставилъ точку—и конецъ!

———

СТАРИКЪ КЪ МОЛОДОЙ И ПРЕКРАСНОЙ ДѢВУШКѢ.

МАДРИГАЛЪ.

Какъ сладостно твоимъ присутствіемъ плѣняться!
И какъ опасно мнѣ словамъ твоимъ внимать!
Ахъ, поздно старику надеждой обольщаться;
Но поздно ль, не имѣвъ надежды, обожать?

АМИНА И ЭНДИМІОНЪ.

[ПЕРЕВОДЪ].

Амина, пріунывъ, сидѣла надъ рѣкою.
Подходитъ къ ней Эндиміонъ.
«Амина—говоритъ пастушкѣ нѣжно онъ:
Ты страждешь тайною тоскою!
Иль чувствуешь сію невѣдомую боль,
Души восторгъ и упоенье,
Съ которою ничто, ничто нейдетъ въ сравненье,
Ни самый Божій рай? Любезная, позволь,
Невинности твоей неопытной въ спасенье,
Тебя, которою душа моя живетъ,
Заранѣ охранить отъ сей приманки лестной.
Зовутъ ее—любовь; подверженъ ей весь свѣтъ!
И ты—съ душой твоей прелестной!»
—«Безъ шутокъ? страхъ какой!
Скажи жъ, Эндиміонъ, что чувствуетъ
—«Мученье несравненно! [больной?»
Мученье,—рай души, предъ коимъ тронъ вселенной
Теряетъ весь свой блескъ, всѣ прелести свои:
Ты забываешься, ты въ сладостномъ волненьи;
Подъ сѣнію лѣсовъ, мечтаешь въ упоеньи;
Глядишь ли въ тихія источника струи,
Ты видишь не себя, ты видишь образъ тайной,
Всегда присутственный, повсюду спутникъ твой,
Единственный, весь міръ украсившій собой...
Въ деревнѣ есть пастухъ: увидясь съ нимъ случайно,
Краснѣешь, страстный жаръ въ душѣ твоей горитъ;
Отъ имени его, отъ пламеннаго взора,
Отъ приближенія, улыбки, разговора,

Смущаешься! молчишь, по взоръ твой говоритъ.
Не видясь съ нимъ, невольно унываешь!
Боишься встрѣтиться, и встрѣчи тайно ждешь;
Вздыхаешь—отъ чего, не зная—но вздыхаешь...»—
«Такъ эту-то болѣзнь любовью ты зовешь?
Воскликнула Амина:
О я знакома съ ней! Прошедшею весной,
Что ты ни говорилъ, точь въ точь сбылось со мной,
Когда узнала я Эсхина!»—
Какъ быть, Эндиміонъ! Не рѣдкость жребій твой!
Нашъ духъ желаніемъ ко счастію влечется.
Но счастіе другимъ при насъ же достается.

ЭЛЬМИНА КЪ ПОРТРЕТУ СВОЕЙ МАТЕРИ,

ПИСАННОМУ ЕЯ ДОЧЕРЬЮ, КОТОРЫХЪ ОНА ВЪ ОДНО ВРЕМЯ ЛИШИЛАСЬ.

[ПЕРЕВОДЪ].

Мой жребій прежде былъ ихъ страстно обожать;
Теперь при сладостномъ душѣ изображеньи—
Подобіи одной—другой произведеньи—
Живу, чтобы по нихъ погибшихъ унывать.
Священный, милый слѣдъ двухъ сердцу незабвенныхъ,
Послѣдній памятникъ столь ясныхъ жизни лѣтъ!
Питая скорбь объ нихъ, толь быстро похищенныхъ,
Ты счастье замѣнишь, котораго ужъ нѣтъ.

РУШЕ КЪ СВОЕЙ ЖЕНѢ И ДѢТЯМЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ,

ПОСЫЛАЯ КЪ НИМЪ СВОЙ ПОРТРЕТЪ.

[ПЕРЕВОДЪ].

О вы, которыя въ душѣ моей хранились!
Хотите ль знать, почто мой скорбный взоръ угасъ?
Когда подъ кистію черты сіи творились,
Я шелъ на эшафотъ, но сердцемъ былъ у васъ!

---

* * *

Плѣнять, а не любить я нѣкогда искалъ,
Одно разсѣянье въ любви меня прельщало;
Но я съ разсѣяньемъ веселье чувствъ узналъ,
И чувствъ веселіе моимъ блаженствомъ стало!

СОКОЛЪ И ФИЛОМЕЛА.

БАСНЯ

[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Летѣлъ соколъ. Всѣ куры всхлопотались
Скликать цыплятъ; бѣгутъ цыпляточки, прижались
Подъ крылья къ маткамъ; ждутъ, чтобы [напасть прошла.
Пѣвица Филомела,
Которая въ лѣсу пустынницей жила,
И въ тотъ часъ, на бѣду, къ подружкѣ полетѣла
Въ сосѣдственный лѣсокъ,
Попалась къ соколу.—«Помилуй, умоляетъ:
Ужели соловьевъ соколій родъ не знаетъ!
Какой въ нихъ вкусъ! одинъ лишь звонкій голосокъ,
И только! Вамъ, бойцы, грѣшно насъ пѣвчихъ кушать!
Не лучше ль пѣсенки моей послушать?
Прикажешь ли? спою
Про ласточку, сестру мою...
Какъ я досталася безбожнику Терею...»—
«Терей! Терей! я дамъ тебѣ Терея, тварь!
Годится ль твой Терей на ужинъ?»—Нѣтъ,
Увы! сему злодѣю [онъ царь?
Я вмѣстѣ съ Прогною сестрой
На жертву отдана безжалостной судьбой!
Склони соколій слухъ къ несчастной горемыкѣ!
Гармонія мила чувствительнымъ сердцамъ!..—
«Конечно! натощакъ и думать о музыкѣ!
Другому пой! я глухъ!»—Я нравлюсь и
«Царь дѣло, я другое! [царямъ!
Пусть царь и тѣшится музыкою твоей!
Для насъ, охотниковъ, она—пустое!
Желудокъ тощій—безъ ушей!»

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ.

БАСНЯ
[ИЗЪ ЛАФОНТЕНА].

Въ лѣсу скончалась львица.
Тотчасъ ко всѣмъ звѣрямъ повѣстка.
Дворъ и знать
Стеклись послѣдній долгъ покойницѣ отдать.
Усопшая царица
Лежала посреди пещеры на одрѣ,
Покрытомъ кожею звѣриной;
Въ углу, на алтарѣ
Жги ладанъ, и Потапъ съ смиренной образиной—
Потапъ мартышка, вашъ знакомецъ—въ посъ гнуся,
Съ запинкой, заунывнымъ тономъ,
Молитвы бормоталъ. Всѣ звѣри, принося
Царицѣ скорби дань, къ одру, съ земнымъ поклономъ,
По очереди шли и, каждый въ лапу чмокъ;
Потомъ поклонъ царю, который надъ женою,
Какъ каменный, сидя, и давъ свободный токъ
Слезамъ, кивалъ лишь молча головою
На всѣ поклонниковъ привѣтствія [въ] отвѣтъ.
Потомъ и выпосъ. Царь вылъ голосомъ, катался
Отъ горя по землѣ, а дворъ за нимъ во слѣдъ
Ревѣлъ, и такъ ревѣлъ, что гуломъ возмущался
Весь дикій и обширный лѣсъ;
Еще къ свидѣтели съ божбой насъ увѣряли,
Что суслякъ-каммергеръ безъ чувствъ упалъ отъ слезъ,
И что лисицу съ часъ мартышки оттирали!
Я дворъ зову страной, гдѣ чудный родъ людей:
Печальны, веселы, привѣтливы, суровы;
По виду пламенны, какъ ледъ въ душѣ своей:
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народъ хамелеонъ;
Монарха обезьяны;
Ты скажешь, что во всѣхъ единый духъ вселенъ;
Не люди, сущіе органы:
Завелъ—поютъ; забылъ завесть—молчатъ...
Итакъ, за гробомъ всѣ и воютъ и мычатъ,
Не плачетъ лишь олень. Причина? Львица съѣла
Жену его и дочь. Онъ смерть ея считалъ
Отмщеніемъ небесъ. Короче, онъ молчалъ.
Тотчасъ къ царю лиса-лестюха подлетѣла,
И шепчетъ, что олень, безсовѣстная тварь,
Смѣялся подъ рукою.
Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ царь!
А какъ былъ царь и левъ,—онъ гривою
Затрясъ, хвостомъ забилъ... [густою
«Смѣяться—возопилъ—
Тебѣ, червякъ? тебѣ! надъ ихъ степаньемъ!
Когтей не посрамлю преступника терзаньемъ;
Къ волкамъ его! къ волкамъ!
Да въ мигъ расторгнется ругатель по частямъ;
Да казнь его смиритъ, въ обителяхъ
Царицы оскорбленной тѣнь!» [Плутона,
Олень,
Который не читалъ пророка Соломона,
Царю въ отвѣтъ: «Не сѣтуй, государь,
Часы стенаній миновались!
Да жертву радости положимъ на алтарь!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣри собирались,
И я за ними вслѣдъ бѣжалъ,
Царица предъ меня въ сіяньи вдругъ предстала;
Хоть былъ я ослѣпленъ, но вмигъ ее узналъ.
«Олень!—святая мнѣ сказала—
Не плачь! я въ области боговъ,
Бесѣдую въ кругу звѣрей преображенныхъ!
Утѣшь со мною разлученныхъ!
Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему готовъ!»
И скрылась».—«Чудо! откровенье!»
Воскликнулъ хоромъ дворъ.
А царь, осклабя взоръ,
Сказалъ: «Оленю въ награжденье
Даемъ два луга, чинъ и лань!»

Не правда ли, что лесть всегда пріятна дань?

МЛАДЕНЕЦЪ.

Се онъ, на жизни путь судьбою приведенной!
Безпеченъ, веселъ, тихъ, играетъ на цвѣтахъ!
О, чистая краса невинности священной!..
Предъ нимъ веселіе на радужныхъ крылахъ

Летитъ и дольный міръ сіяньемъ украшаетъ!
Онъ радость бытія изъ полной чаши пьетъ!
Онъ въ даль сокрытую очей не устремляетъ!
Готовъ къ безвѣстный путь! Готовъ—куда влечетъ
Незримая судьба таинственной рукою!
Увы! Что рокъ ему обрѣсть опредѣлилъ?
Къ блаженству ль онъ придетъ начертанной стезею?
Иль скорбь ему въ удѣлъ Могучій положилъ?
Невинность мирная! блаженъ своимъ незнаньемъ...
Гряди съ надеждою, съ душевной чистотой,
Съ непотрясаемымъ на благость упованьемъ!
Довольно: есть Творецъ, и счастье—жребій твой.

Декабря 21-го.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ СЛАВЯНЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь ополченны!
Умолкла брань – враги утихли расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ сѣлъ густой:
Лишь волкъ, сокрытый ночи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный:
Зажжемъ костеръ дубовъ: изройте ровъ могильный:
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ.
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священной!»
Гремитъ... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной!
Стеклися: вождей и ратныхъ сонмъ:
Глухой полночи тьма кругомъ:
Предъ нами вѣщій бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И пламенъ страшный разъ, простертыхъ на щитахъ,
Объемлетъ думою, съ поникнутой главою:
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ:
На всѣхъ отверзлися среди нихъ костеръ пылаетъ.
И съ свистомъ хладный вѣтръ изъ кудри воскрыляетъ.
И се! воздвигся холмъ, и камень водруженъ;
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу надъ нимъ, потокомъ орошенъ;
И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
Одушевленны забряцали!
Воспѣлъ—дубравы застенали,
И гулъ помчался по горамъ:

«О, сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ священна,
О, бардовъ лира вдохновенна!
Проснись—да оживетъ хвала въ твоихъ струнахъ!
Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ по тучамъ златорунным,
Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пепломъ ихъ,
Обвороженныя бряцаньемъ тихострунным.—
Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ утихъ?
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? Гдѣ славныхъ воевъ сила?
Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ могила!..
Какъ орлій со скалы пустившійся птенецъ,
Впервые вострепетъ отважными крылами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Паритъ, превыспренній, и вдругъ, небесъ громами
Сраженный посреди стремленья къ высотамъ,
Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ...
Такъ палъ съ побѣдой россъ! паденье—страхъ врагамъ.
«О, битвы грозный вихрь! смотри! перунъ сверкаетъ!
Се мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Среди дымныхъ вихрей бой и громъ;
По шлемамъ звукъ мечей: коней пронзенныхъ ржанье.
И трубъ стозвучный трескъ. Отъ топота копытъ,
Отъ ратныхъ бойцовъ, отъ кликовъ и стенанья
Смятенный весь боръ, и долъ гремя дрожитъ.

О, страшный видъ попранныхъ боемъ!
Тотъ зыблется въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ!
Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ впереди;
Тотъ шуйцей рану сжавъ, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди;
Тотъ страшно возстеналъ, на копья восхищенной,
И, сверженный во прахъ, дымясь, оцѣпенѣлъ...
О, мужество славянъ! о, витязей предѣлъ!

«Хвала на жертву принесеннымъ
За родныхъ, братій и супругъ;
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!
Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ!
Пускай безвѣстный погибаетъ,
Сей житель праха—червь душой;
Пусть въ дольномъ мракѣ жизнь годами исчисляетъ...
Безсмертья сынъ, твой рокъ громовой течь стезей;
Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь въ высотѣ—весь міръ твой мавзолей;
Безславный ждетъ, томясь, кончины вялыхъ дней;
До времени во мглѣ могилы погребенный;
Равны концомъ и часъ и вѣкъ;
Разлука съ жизнью мигъ, заутра или нынѣ;
Перуномъ ли угасъ, незримый ли протекъ;
Царемъ, или рабомъ судьбинѣ.

«Блаженъ почившій на громахъ
Въ виду отчизны благодарной,
И въ гробѣ супротивнымъ страхъ,
И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной;
Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ...
О, юноша, о, ты, безсмертью пріобщенный!
Коль быстро совершенъ твой вышенній полетъ;
Вотъ онъ, низринутый на щитъ окровавленный,
Поникъ геройскою главой; [
Надъ нимъ кончины часъ; ужъ взоръ недвижный тмится...
Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ родинѣ святой,
Еще съ лучомъ любви, еще съ тоской стремится;
Не сѣтуй, славы сынъ; оставь сей жизни брегъ;
Ты смерть предупредилъ, на одръ честей возлегъ;
Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ.
Увы! завидна ль часть веригой лѣтъ томимыхъ?
Герой, одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій къ костылю израненнымъ челомъ,
Могучихъ переживъ, оставленный друзьями,
Отвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждетъ конца—и смерть ему покой:
Блаженъ, кто славный путь со славой довершаетъ;
Когда вѣнки и честь беретъ во прахъ съ собой,
И, въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ угасаетъ!

«Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы!
Почійте сладко, незабвенны!
О, вы—ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши львы!
О, спутники побѣдъ, коварствомъ низложенны!
Безстрашныхъ персть—потомству даръ.
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣками:
Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ пали вы съ громами;
Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родить ко славѣ жаръ.

«Здѣсь бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глубокой думой,
Въ тотъ часъ, какъ всюду мракъ полуночи угрюмой,
Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-за тучъ
Повременно свой ликъ задумчивый являетъ,
И серна, прискакавъ на шумный въ камняхъ ключъ,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимаетъ—
Къ протекшимъ воспарить вѣкамъ,

Пробудить звономъ струнъ насупленну дубраву,
И, мыслію стремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ
Здѣсь, въ сумракѣ возсѣвъ, [славу.
Пришедъ изъ края дальна,
Краса славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольетъ въ слезахъ,
И, грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы міръ священной
Рыданьемъ возмутитъ.
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелестный спитъ;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснутъ вспоминанья
О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой:
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда, летящій въ бой,
Пріемля громы въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,
Красою образъ Дида,
Съ унынiемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовида,
Сказалъ: прости навѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранной,
Вздохнулъ, какъ вихрь потекъ,
И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали туманной.
Сюда придетъ отчизны сынъ,
Героевъ племя, славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный;
Обыметъ падшихъ гробъ, и вонметъ гласъ священный.
Къ нему изъ глубины рекущій: будь великъ!
Предстанутъ предъ него протекшихъ ратей бои
И въ молнiйныхъ браздахъ вождей побѣды ликъ!..
Почiйте! мирный сонъ, о, братья, о, герои!»...

Умолкъ... и струнъ печезъ въ пустынномъ небѣ звонъ;
И отзывъ по горамъ и дебри усыпились:
Сонмъ бранныхъ скорбью осѣненъ:
Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;
Безгласны, въ грозной тишинѣ;
На лицахъ мщенья жаръ—ихъ груди гнѣвъ спираетъ,
И ярости нѣмой въ зѣницахъ огнь пылаетъ.
Молчатъ—окрестъ покой—надъ ними въ вышинѣ,
Изъ тучъ, влекущихся грядою,
Бросая тихій блескъ на дебрь, и долъ, и лѣсъ,
Луна невидимой стезею
Среди полуночныхъ небесъ
Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный.
Но се! таинственнымъ видѣнiемъ во мглѣ
Пѣвецъ воспрянулъ пораженный;
Сѣдины дыбомъ на челѣ;
Смятенiе въ очахъ и въ членахъ трепетанье;
Какъ вихорь на курганъ онъ съ лирой возлетѣлъ...
Волшебной раздалось бряцанье...
И снова мощный гласъ пророка загремѣлъ:

«Не вы ль, низверженныхъ полуночные лики,
Не вы ли, призраки могучихъ предо мной?
Они! средь бурныхъ тучъ! сплелись рука съ рукой!
О, страшный сонмъ! о, страшны клики!
Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устремленъ?
Надъ кѣмъ воздушный мечъ вождя ихъ вознесенъ?
Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
Внимай! внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ.
Отмщенья! крови! вопiютъ,
Сверкая изъ-за тучъ ужасными очами.
Отмщенья, витязи, отмщенья! громъ во длань!
Воздвигнись, духъ славянъ! воздвигнись, месть и брань!
Се ярый исполинъ, побѣдами надменный!
Постигну! поражу! разсыплю ихъ полки!
Имъ рабство—даръ моей руки!—
Гремитъ, на гибель ополченный!
Друзья! се часъ побѣдъ! славяне, возгремимъ!
Прострите взоръ окрестъ: лишь дебри запустѣлы.
Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радостныя селы?

И гдѣ тевтоновъ мощь, низринувшая Римъ?
Тамъ мать голодная изсякшими сосцами,
Простертая на прахъ, въ младенца кровь ліетъ;
Тамъ къ пеплу хижины приникшій сѣдинами,
Недугомъ изнуренъ, кончины старецъ ждетъ;
Тамъ чада нищеты—убійство и хищенье;
Тамъ, рабства первенецъ, неистовый развратъ.
О, ясный миръ семей! о, правовъ оскверненье!
О, доблесть прежнихъ лѣтъ! лишь цѣпи тамъ звучатъ;
Лишь хищниковъ бичи подъяты надъ рабами;
Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ падшаго отечества рыдаютъ.
«О, братья, о, сыны возвышенныхъ славянъ,
Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше данъ.
Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ,
Да въ прахъ, да въ прахъ падутъ погибели творцы!...
Воззрите вспять... Тамъ сонмъ священный,
Тамъ счастья нашихъ дней залоги драгоцѣнны,
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы,
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ.
О, витязи! за вами вслѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье:
Да боги ихъ души съ трофеями побѣдъ
По браняхъ притекутъ, отмстивъ, непосрамленны.
За вами ихъ мольбы летятъ воспламененны.
Вонмите и супругъ, и чадъ, и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье;
Воззрите на отцовъ колѣнопреклоненье;
Во славѣ, посреди могучихъ посѣдѣвъ,
Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани,
И молятъ: Царь судебъ, за нихъ, за нихъ во брани!
О, сколь возвышенны спасающіе насъ!
[Въ восторгѣ сердца восклицаютъ
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ васъ]
Какія молніи во взорѣ ихъ блистаютъ!
Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О, сколь плѣнительны, неся во дланяхъ громъ!
Они ль не полетятъ на крыльяхъ мести къ бою,
Они ль, оставивши всѣ блага за собою?
О незабвенные, о, слава нашихъ дней,
Грядите—благодать самихъ Небесъ надъ вами;
Враги да будутъ снѣдь мечей;
Да вскорѣ бранными вѣнками
Священныя главы отмстившихъ обовьемъ.
О, часъ блаженнѣйшій свиданья!
Летятъ—въ крови, въ пыли, тѣснятся въ отчій домъ!
Благословенья, лобызанья!
Восторгъ души, лишенной словъ!
Супруги, въ Божій храмъ; встрѣчайте жениховъ
Въ одеждѣ брачной, обрученны;
Да льется слезъ бальзамъ на раны ихъ священны;
Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ;
Да видомъ не страшатъ, ни грозными бронями
Отцы, на колыбель склоненны надъ сынами.
А вы, недвижные предъ нами на щитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О, падшіе друзья, о, прахъ полубоговъ,
Примите скорбный даръ и стоновъ и лобзаній
Отъ женъ рыдающихъ, отъ родшихъ и сыновъ.—
Могущественный гласъ, мы ль хладны предъ тобою?
Копье во длань! воздвигни щитъ!
Впередъ на огнь и мечъ громовою стѣною!
Ужъ горній нашъ орелъ перунами гремитъ;
Ужъ гордо распростеръ крылѣ передъ полками.
Внимайте... Супостатъ съ погибелью течетъ;
Земля трясется подъ конями;
«Попру стопою!» вопіетъ.
Ударимъ! упредимъ! не россу посрамленье!
Кто смерти предпочесть дерзнетъ порабощенье?
Кто согражданъ и стыдъ и плѣнъ?
Отъ родины святой бѣглецъ отриновенъ;

Страшись онъ отческія сѣни;
Ему ли осязать родителя колѣни?
Ему ли старца грудь священную лобзать?
Онъ врагъ своихъ друзей; онъ низкій
жизни тать.
Нѣтъ! нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, россы, на враговъ!
Не намъ, не намъ стенать подъ бремененъ оковъ!
Не намъ предать и женъ и чадъ на
развращенье!
Отчизнѣ ль нашей быть добычей ихъ
когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ?
О, россъ, о, ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать, гдѣ мощь руки
Уснули ль полчища орлины, [твоей,
Которыхъ громъ возжегъ эвксинскія пучины,
И скандинавскаго на прахъ повергнулъ
льва?
Явись, сразившая сарматовъ булава!»—
Умолкъ... и сонмы всколебались...
Щитами грянули... чрезъ холмъ, сквозь
дебрь и лѣсъ,
Воспламененные помчались...
И праха черный вихрь вознесся до небесъ.

Опять вы, птички, прилетѣли
Съ весною на кусточекъ мой,
Опять вы веселы, запѣли.
А я... все съ прежнею тоской!
Ахъ, птички, сжальтесь, замолчите!
Уже со мною друга нѣтъ!
Или его мнѣ возвратите
Или за нимъ пуститесь вслѣдъ.
Меня оставилъ онъ, жестокой,
И въ край безвѣстный улетѣлъ!
Чего искать въ странѣ далекой,
Когда въ своей онъ все нашелъ?..

1807.

М* НА НОВЫЙ ГОДЪ

при подаркѣ книги.

На новый годъ въ воспоминанье
О томъ, кто всякій часъ мечтаетъ о тебѣ!
Кто счастье дней своихъ, кто радостей
исканье
Въ твоей лишь заключилъ, безцѣнный
другъ, судьбѣ!

1808.

при посылкѣ альбома.

Невинность мирная, краса души твоей,
Подъ сѣнью матери съ тобой да сохранится!
О, небо, пусть идетъ веселія стезей!
Да скорбью никогда сей взоръ не помрачится!

Собой счастливить всѣхъ — прелестный
жребій твой!
Счастливыхъ близъ тебя внимай благословенье!
Невинный, милый другъ, храни души
покой!
Да сохранитъ тебя святое Провидѣнье!

СТИХИ,

сочиненные для альбома м. в. п.

Давно унизился поэзіи кредитъ!
И свѣтъ, безсмысленный правдивыхъ музъ
ругатель,
Нескладной прозою давно намъ говоритъ:
«Поэтъ — и хитрый лжецъ, и ложный
предсказатель!»
Филлида, свѣтъ—софистъ! слова его—
обманъ!
Дерзаю оправдать поэта важный санъ!

Когда пельстивыми, свободными стихами
Скажу, что милой быть имѣешь рѣдкій даръ;
Что граціи нѣжными украшена цвѣтами;
Что блескъ твоихъ очей есть чувства
тайный жаръ;
Что взглядъ твой — милыя души изображенье;
Что ты не хитростью плѣняешь—простотой;
Что непритворное немногихъ удивленье
Пріятнѣй для тебя блистанья предъ
толпой;
Что искренней любви ты знаешь постоянство;
Что прелести твои, опасныя сердцамъ,

Лишь непорочности наружное убранство;
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнамъ;
Что въ танцахъ ты—зефиръ, весельемъ окрыленный;
Что въ пѣньи побѣжденъ тобой весны пѣвецъ—
Тогда, гармоніей стиховъ моихъ плѣненный,
Свѣтъ скажетъ: онъ поэтъ! Итакъ—поэтъ не лжецъ!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою
И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
Я прорицателемъ предстану предъ тобою,
И смѣло предскажу, по праву всѣхъ пѣвцовъ:
«Достойной счастья быть—твое опредѣленье,
И розы для тебя безъ терна расцвѣтутъ!
Филлида, не страшись Сатурнова стремленья:
Пріятностей души лѣта не унесутъ!
Краса своей семьи, любимая друзьями,
Въ нихъ счастье ты найдешь, ихъ счастьемъ наградишь!
Ты состраданія всесильными слезами
Съ противною судьбой страдальца примиришь!
Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
И тамъ, гдѣ нищета въ терзаньяхъ жизнь клянетъ,
Приходъ твой съ именемъ Творца благословится!
Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный вѣкъ пройдетъ!
И въ часъ послѣдняго съ друзьями разставанья,
Когда душа полна лишь скорбію одной,
Лишь упованіемъ на близкое свиданье,
Ты ясный кинешь взоръ на путь минувшій свой
И жизнь благословишь, какъ милость Провидѣнья,
Гдѣ все вело къ добру—и радость, и тоска;
Гдѣ все Творцомъ любви дано для наслажденья...
И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
И меланхоліей задумчивой хранимый
[Какъ розы ароматъ, когда ужъ розы нѣтъ,
Какъ нѣжный блескъ зари, на тихомъ небѣ зримый]—
Для нихъ не отцвѣтетъ твой милый, милый слѣдъ!....»
Тогда лишь истины пристрастный порицатель
Дерзнетъ сказать: поэтъ, ты ложный предсказатель!

ПѢСНЯ.

«Роза, весенній цвѣтъ,
Скройся подъ тѣнь
Рощи развѣсистой!
Бойся лучей
Солнца палящаго,
Нѣжный цвѣтокъ!»
Такъ мотылёкъ златой
Розѣ шепталъ.

Розѣ не внятенъ былъ
Скромный совѣтъ!
Роза плѣняется
Блескомъ однимъ!
«Солнце блестящее
Любитъ меня!
Мнѣ ли, красавицѣ,
Тѣни искать!»

Гордость безумная!
Бѣдный цвѣтокъ!
Солнце разсыпало
Гибельный лучъ:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули,
Запахъ исчезъ.

Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ!
Розы надменныя
Помни примѣръ.
Маткиной-душкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невинностью,
Цвѣтомъ души.

Данный судьбиною
Скромный удѣлъ,
Дѣвица красная,
Счастье твое!
Въ рощѣ скрывайся,

Ясный ручей,
Бури не вѣдая,
Мирно журчитъ!

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

ПѢСНЯ.

[Подражаніе Шиллеру].

Дубрава шумитъ;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

«Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду—мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ наслаждалась:
Жила, и любила ... и друга лишилась.

«Теките струёй
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Ужъ болѣ не встрѣтить мнѣ радостныхъ дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моей:
Мой другъ не воскреснетъ; что было, не будетъ...
И бывшаго сердце вовѣкъ не забудетъ?

«Ахъ! скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною—природы
Красы расцвѣтутъ..
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

МОНАХЪ.

Тамъ, гдѣ бьетъ источникъ чистый
Въ берегъ свѣтлою волной,—
Тамъ, подъ рощею тѣнистой,
Съ томной, томною душой,
Я грустилъ уединенный!
Тамъ прекрасную узрѣлъ!—
Призракъ милый, но мгновенный,
Чуть блеснулъ и улетѣлъ!
Вслѣдъ за нимъ душа умчалась!
Съ той поры, прости, покой!
Жизнь изгнаніемъ казалась,—
Келья бездной гробовой!
О, страданье! О, мученье!
Сладкій сонъ, возобновись!
Гдѣ ты, райское видѣнье?..
Ангелъ Божій, воротись!..
Міръ лѣсовъ, дубравны сѣни,
Вѣчный мракъ ужасныхъ стѣнъ,
Старцы-горестныя тѣни,
Крестъ, обѣты, сердца плѣнъ,—
Вы ли страсти усмиренье?..
Здѣсь, въ могилѣ дней монхъ,
Въ божества изображеньѣ,
На обломкахъ гробовыхъ,
Предъ святыней преклоненный,
Въ самый жертвы страшный часъ,
Вижу образъ незабвенный,
Слышу милый, милый гласъ!..
. . . . . .

МАЛЬВИНА.

ПѢСНЯ.

[съ французскаго].

Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другі
Мальвина вянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою;
Теперь—прости, прелестный свѣтъ!
Ахъ! не отринь любви моленья:
Приди... не сердце мнѣ отдать,
Но взоръ потухшій мой принять
Въ минуту смертнаго томленья.

Спѣши, спѣши! близка кончина;
Смотри, какъ въ часъ послѣдній сво
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безотвѣтный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье.

Ахъ, нѣтъ!.. когда жъ Мальвины муку
Не услаждаетъ твой приходъ;
Когда хладѣющую руку
Она тебѣ не подаетъ;
Когда забытъ мой другъ единый,
Мой взоръ престалъ его искать,
Душа престала обожать:
Тогда—тогда ужъ нѣтъ Мальвины.

КЪ НИНѢ.

[съ англійскаго].

О, Нина, о, мой другъ! ужель безъ сожалѣнья
Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?
И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
На сельскій промѣнявъ блестящій свой нарядъ,
Неукрашенная ни златомъ, ни парчою,
Сіяя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелесть слыла?

Ужель, направя путь въ далекую долину,
Назадъ не обратишь очей своихъ съ тоской?
Готова ль перенесть убожества судьбину,
Зимы жестокій хладъ, палящій лѣта зной?
О, ты, рожденная быть прелестью природы!
Ужель, затворница, въ весенни жизни годы
Не вспомнишь сладкихъ дней, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелесть слыла?

Ахъ! будешь ли въ бѣдахъ мнѣ вѣрная подруга?
Опасности со мной дерзнешь ли раздѣлить?
И, въ горькій жизни часъ, прискорбнаго супруга
Улыбкою любви придешь ли оживить?
Ужель, во глубинѣ души тая страданья,
О Нина! въ страшную минуту испытанья,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелесть слыла?

Въ послѣднее любви и радостей мгновенье,
Когда мой Нину взоръ уже не различитъ,
Утѣшитъ ли меня твое благословенье,
И смертную мою постелю усладитъ?
Придешь ли украшать мой тихій гробъ цвѣтами?
Ужель, простертая на прахъ мой со слезами,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелесть слыла?

СТИХИ, ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ А. Ѳ. С—ой.

О вы, которые въ молитвахъ и слезахъ
Тѣснились вкругъ моей страдальческой постели,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
О дѣти, о друзья! на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ!
Въ семъ гробѣ тишина; мой спящій взоръ закрытъ;
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни мученьемъ,
И жизни тяжкій крестъ меня не бременитъ.
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель;
Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба тихій гласъ,
Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣшитель!
Открыто мнѣ теперь все, тайное для васъ!
Стремитесь мнѣ вослѣдъ съ сердечнымъ упованьемъ,
Хранимы Промысла невидимой рукой:
Онъ съ жизнью насъ миритъ безсмертья воздаяньемъ!
За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной!

ГИМНЪ.

[изъ томпсона].

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье,
О благости Его исполненный Имъ годъ.
Творецъ! весна Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля; цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ желаній тихій жаръ.
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
То мирный, благостный, несешь намъ зрѣлость въ хлѣбъ,

То намъ благотворишь, сокрытый тучъ громадой.
И въ полдень пламенный, и ночи въ тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, источниковъ съ прохладой,
Не Твой ли къ намъ летитъ любови полный гласъ?
Ты въ осень общій пиръ готовишь для творенья;
И въ зиму, гнѣвный Богъ, на бурныхъ облакахъ,
Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
Паришь, погибельный... какъ дольный гонишь прахъ,
И вьюгу, и мятель, и вихорь предъ Собою;
Въ развалинахъ земля; природы страшенъ видъ;
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильнаго рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благовѣститъ.
О, таинственный кругъ! какихъ законовъ сила
Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье?
Почто жъ ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окресть себя Руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ
И строемъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой.
Она весной красу низводитъ на поля;
Ей жертва дымъ горы, перунами дробимой;
Предъ нею въ трепетѣ веселія земля.
Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!..
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ;
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою;
О Немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,
И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ листъ;
Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебрей величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегъ пышный градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь Тому, чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велитъ—и зыбь горой; велитъ—и зыбь равнина.
Вы, злаки, вы, цвѣты, лети къ Нему отъ васъ
Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
Онъ далъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кропитъ росой,
Изъ радужныхъ лучей соткалъ вамъ одѣянье;
Предъ Нимъ утихни, долъ; поникни, боръ, главой;
И, жатва, трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ, при лунѣ, вдоль рощи осребренной,
Идетъ задумчивый, и тѣнь вослѣдъ за нимъ;
Луна, по облакамъ разлей струи златыя,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ спятъ;
Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ превыспреннихъ звучать
Воспламененные любовью серафимы; [
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ тучъ,
Будь щедротіи ликъ Творца боготворимый,
Ему живописуй хвалу твой каждый лучъ...
Се громъ!.. Владыки гласъ!.. Безмолвствуй, міръ смятенный.
Внуши... Изъ края въ край по тучамъ гулъ гремитъ;
Разрушена скала; дымится дубъ сраженный;
И гимнъ торжественный чрезъ дебри вдаль паритъ...
Утихъ... Красуйся, лугъ... привѣтственное пѣнье,
Изникни изъ лѣсовъ; и ты, любовь весны—
Лишь полночь принесетъ перлатыхъ усыпленье,

И тихій отъ холма возстанетъ рогъ лупы—
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела.
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалой воспламененный.
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небесамъ;
Да грады воспумятъ, мольбами оглашенны;
Да въ храмахъ съ алтарей возстанетъ ѳиміамъ;
Да грянутъ съ звономъ арфъ и съ ликами органы;
Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Одинъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ: слава!
Будь, каждый звукъ, хвала; будь, каждый холмъ, алтарь;
Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ природы Царь,
И вѣютъ въ вѣткахъ душистыхъ серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льетъ.

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Неиспытанный! мой пламень предъ Тобою!
Куда бъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу—
Тебя и въ знойный день, покрытый рощи тѣнью,
И въ ночь, задумчивый, потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Куда бъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,
И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья—
Тебя велю искать и сердцу и очамъ.
Постигнешь ли меня гоненія рукою—
Тебя жъ благословитъ тоски молящій гласъ;
Тебя же обрѣту подъ грозной жизни мглою.
Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣдѣнія тѣнь!
Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

ЛЮДМИЛА.

БАЛЛАДА.

[ПОДРАЖАНІЕ БЮРГЕРОВОЙ «ЛЕНОРѢ»].

— «Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Илъ безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила».
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
— «Возвратится ль онъ—мечтала—
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?»
Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!»...
А Людмила?... Ждетъ пождетъ...
— «Тамъ дружину онъ ведетъ;

«Сладкій часъ соединенья!»...
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй...

Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
«Разступись, моя могила;
Гробъ, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».
— «Что съ тобой, моя Людмила?
Мать со страхомъ возопила.
«О, спокой тебя Творецъ!»
— Милый другъ; всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ...
Мнѣ ль онъ счастья не судилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости; всему конецъ.—

«О Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ».
— Ахъ! родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.
Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?—
«Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ;
Краткой жизни сей страданье;
Рай — смиреннымъ воздаянье.
Ахъ — бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ».

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ — всюду рай;
Съ милымъ розно — райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь клияла,
Такъ Творца на судъ звала...
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ, и мраченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...

Чу!.. полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ...
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ... идутъ... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихимъ шопотомъ сказали...
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
— Спитъ, или нѣтъ, моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ.—
«Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?»

— Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ полнебесный
Надъ долиною взойдетъ,

Лишь полночный часъ пробьетъ —
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.—
«Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ».
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далёкъ. —

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только-что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ».
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.—
«Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?»
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далёкъ.—
Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Приклонясь къ нему главой.
Скокомъ, лётомъ по долинамъ,
По бугramъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
— Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
«Чу! въ лѣсу потрясся листъ.
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонёкъ».
— Близко ль, милый?—«Путь далёкъ».—
Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ павилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеёкъ.

«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
— Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
«Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися;
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ».
—Близко ль, милый?—«Вотъ примчались»
Слышутъ: сосны зашатались;
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди нихъ Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ;
И въ травѣ чуть слышный шопотъ,
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ дѣвица занялась.

Что же чудится Людмилѣ?...
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ.

Вдругъ — глухой подземный громъ;
Страшно доски затрещали;
Кости въ кости застучали;
Пыль взвилася; обручь хлопъ;
Тихо, тихо вскрылся гробъ...
Что же, что въ очахъ Людмилы?...
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ; женихъ — мертвецъ.
Видитъ трупъ оцѣпенѣлый:
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ;
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ...
«Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила;
Намъ постель — темна могила;
Завѣсъ — савванъ гробовой;
Сладко спать въ землѣ сырой».

Что жъ Людмила?... Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ;
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
«Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ;
Часъ твой билъ, насталъ конецъ».

РАЗСТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННАГО СОГЛАСІЯ.

Жилъ мужъ въ согласіи съ женой,
И въ домѣ ихъ ничто любви не нарушало.
Ребенокъ, моська, котъ, сурокъ и чижъ
ручной
Въ такомъ ладу, какого не бывало
И въ самомъ Ноевомъ ковчегѣ никогда!
Но вотъ бѣда!
Случился праздникъ, мужъ хлебнулъ, и
въ споръ съ женою!
Чѣмъ кончилось? Онъ далъ возлюбленной
толчка!
Жена — сѣчь сына; сынъ — бить моську;
моська съ бою —
Душить и мять кота; котъ лапкою — сурка;
Сурокъ перекусилъ чижу съ досады шею!

Нерѣдко цѣлый край одинъ глупецъ смущалъ!
Нерѣдко безъ вины безсильный погибалъ
Во изду могучему злодѣю!

ПѢСНЯ.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу — въ нихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынѣ въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается;
Проснусь — и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ...
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой, и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
Въ тебѣ природѣ удивляюсь.

И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь—ахъ! я любить
Еще стократъ желалъ бы болѣ.

КЪ НИНѢ.

ПОСЛАНІЕ.

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?
Душа, отлетая въ незнаемый край,
Ужели во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?
Ужели въ минуту боренья съ кончиной—
Когда ужъ не буду горящей рукой
Въ слезахъ упоенья къ трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный—примѣта любви,
И тайныя страсти во взорахъ сіянье,
И тихіе вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣсненье—
Ужели, о Нина, всѣмъ чувствамъ конецъ?
Ужели ни тѣни земного блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возьмемъ?
Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко тропу Любови?
И то, что питало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Ужели то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь;
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать;
Я съ завистью буду—какъ бѣдный затворникъ
Во мракѣ темницы о нѣжной семьѣ,
О прежнихъ веселыхъ родительской сѣни,
Прискорбный, тоскуетъ, на цѣпи склонясь—
Смотрѣть, унывая, на милую землю.
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О! первыя встрѣчи небесная сладость—
Какъ тайныя, сердца созданья, мечты,
Въ единый сліявшись плѣнительный образъ,
Являются смутной веселью душѣ—
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость, и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ—души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Ужель невозвратно васъ съ жизнью терять?
Ужели, приближась къ безмолвному гробу,
Гдѣ хладный, навѣки безчувственный прахъ
Горѣвшаго прежде любовію сердца,
Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
И прежде весильнымъ любви призываньемъ
Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживлять?
Ужель изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Ужель переживній одинъ сохранитъ
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился,
А прежній сопутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
Исчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ
Съ лучомъ, озлатившимъ его, исчезаетъ,
Развѣянный легкимъ зефира крыломъ?...
О, Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ—
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.
О, Нина, быть можетъ, торжественный часъ,
Посланникъ разлуки, уже надо мною;
Ахъ! скоро, быть можетъ, погаснетъ мой взоръ,
Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ блистаньемъ,
Съ послѣднею лаской утихнетъ мой гласъ,
И сердце забудетъ свой сладостный трепетъ—
Не сѣтуй, и вѣрой себя услаждай,
Что чувства нетлѣнны, что духъ мой съ тобою;
О сладость! о смертный, блаженнѣйшій часъ!
Съ тобою, о Нина, тѣснѣйшимъ союзомъ
Онъ страстную душу мою сопряжетъ.
Спокойся, другъ милый, и въ самой разлукѣ
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной надежды,

Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,
Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
Отраду въ обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутникъ, я буду съ тобой
Дѣлиться священнымъ добра наслажденьемъ;
И въ тихій, священный моленія часъ,
Когда на колѣняхъ, съ блистающимъ взоромъ,
Ты будешь свой пламень къ Творцу возсылать,
Быть можетъ, тоскуя о другѣ погибшемъ,
Я буду молитвы невинной души
Носить въ умиленьи къ небесному трону.
О, другъ незабвенный, тебя окруживъ
Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ движеньямъ
Души твоей буду въ весельи внимать;
Когда ты—плѣнившись потока журчаньемъ,
Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня
(Какъ холмы объемлетъ задумчивый сумракъ,
И, съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ, въ душѣ
О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ),
Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
Иль вѣющимъ съ луга душистымъ зефиромъ,
Несущимъ свирѣли далекія звукъ,
Иль стройнымъ бряцаньемъ полупочной арфы—
Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ощутишь,
Исполнишься тихимъ, унылымъ мечтаньемъ,
И, въ міръ сокровенный душою стремясь,
Присутствіе Бога, безсмертья награду,
И съ милымъ свиданье въ безвѣстной странѣ
Яснѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,
Съ живѣйшей надеждой отъ сердца вздохнешь...
Знай, Нина, что друга ты голосъ внимаешь,
Что онъ и въ весельѣ и въ тихой тоскѣ
Съ твоею душою сливается тайно.
Мой другъ, не страшися минуты конца:
Посланникомъ мира, съ лучомъ утѣшенья
Ко смертной постели приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой;
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій.

1808—1809.

КЪ ЭРМИНІИ.

[ПОДРАЖАНІЕ].

Трехъ грацій древность признавала!
Тебя жъ, Эрминія, природа создала
На то, чтобъ грацій ты собою затмѣвала,—
Для грацій—граціей была!

КЪ А* ПРИ ПОДАРКѢ АПОЛЛОНА.

Дарю небеснаго патрона моего
Патрону моему земному!
Да будетъ онъ покровъ хозяину и дому!
Да лирой звучною его
Сосѣдъ мой восхищенный
Сперва его сестеръ, небесныхъ, чистыхъ музъ
Полюбитъ и введетъ въ свой домъ уединенный;
Потомъ съ харитами заключитъ свой союзъ;
Потомъ, привыкнувши красавицъ не чуждаться,
На мать всѣхъ радостей, Киприду, броситъ взоръ;
Потомъ?.. Потомъ съ женой всѣхъ радостей соборъ
Къ себѣ переселитъ—какъ знать, что можетъ статься!..

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Когда неопытной рукою
Играть на лирѣ я дерзалъ,
Ужель безсмертіемъ себя я обольщалъ?
Ахъ! нѣтъ—я лишь друзей хотѣлъ плѣнять игрою!
Но жребій мнѣ судилъ быть счастливымъ пѣвцомъ!
Не будетъ и моя теперь презрѣнна лира!
Незнаемымъ досель стихамъ моимъ, Темира,
Дастъ жизнь и славу твой альбомъ!

* *
*

Прельщать поэзіей я дара не имѣю;
Другихъ бы могъ хвалить, тебя хвалить—
не смѣю!

---

* *
*

Ты правъ, мой другъ, ты правъ—хвалить ее не смѣй!
Кто прелестей ея прямую цѣну знаетъ,
Тотъ можетъ ли найти языкъ приличный ей?
Онъ все—стихи, свой даръ, себя позабываетъ!

ПЛАЧЪ ЛЮДМИЛЫ.

Ангелъ былъ онъ красотою!
Маемъ кроткій взоръ блисталъ!
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлуи—сладость рая,
Слитыхъ пламеней струя,
Горнихъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою
Распалялись—все цвѣло!
Міръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сліянье
Восхищенья и тоски,
Нѣжныхъ ласкъ очарованье,
Огнь сжимающей руки!

Сердца сладостныя муки—
Все прости!... его ужъ нѣтъ!
Ахъ! прерви жъ печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ!

ПѢСНЯ.

[подражаніе нѣмецкой].

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье—какъ и прежде;
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, вѣряся надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

Такъ вилясть по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылекъ;
Лишь къ цвѣтку—прильнулъ къ листочкамъ,
Полетѣлъ—забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея—
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его—то и милѣе,
Грусть забвеньемъ лѣчитъ онъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье—такъ, какъ прежде;
Кто улыбку позабылъ;
Кто, сказавъ: прости! надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный;
Я сорвать... но что же рокъ?
«Не тебѣ имъ насладиться;
Не твоимъ ему доцвѣсть!»
Ахъ, жестокій! чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

КАССАНДРА.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера].

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ,
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
Щитъ, и мечъ, и конь забытъ,
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Стогны дышутъ ѳиміамомъ;
Въ злато царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ...
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,

Нелюдима и одна,
Дочь Пріама въ Аполлоновъ
Древній лѣсъ удалена.
Сводомъ лавровъ осѣненна,
Сбросивъ жрическій покровъ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ:

«Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надеждой полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишенна;
Ужасъ мнѣ—что радость тамъ;
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится гибель на Пергамъ.

Вижу факелъ—онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ рукахъ;
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье...
Но... горѣ, по небесамъ
Слышно бога приближенье,
Предлетящаго бѣдамъ.

«И вотще мое стенанье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданье
Сердце сирое дѣлитъ.
Отъ счастливыхъ отчужденна,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишенна,
О, предвѣдѣнія взоръ!

«Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ
Безмятежнаго незнанья,
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ! почто она предвидитъ
То, чего не отвратитъ?...
Неизбѣжное пріидетъ,
И грозящее сразитъ.

«И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье жизнь прямая;
Знанье смерть прямая намъ.
Фебъ, возьми твой даръ опасной,
Очи мнѣ спѣши затмить,
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть.

«Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей.
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отнялъ.

«Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не осѣнитъ:
Вижу факелъ погребальный;
Вижу: ранній гробъ открытъ.
Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ—
Ахъ, могла ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

«Ихъ ласкаетъ ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье—
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ...
Ахъ! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

«Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ:
Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

«И моей любви открылся
Тотъ, кого мы ждемъ душой:
Милый взоръ ко мнѣ стремился
Полный страстною тоской...
Но—для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ;
Вижу: грозно между нами
Тѣнь стигійская стоитъ.

«Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо мною,
Неотступные летятъ:
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой;
Внемля радостные клики,

Внемлю ихъ надгробный вой.

«Тамъ сокрытый блескъ кинжала;
Тамъ убійцы взоръ горитъ;
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ.
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я въ чужбинѣ гробъ найду»...

И слова еще звучали...
Вдругъ... шумитъ священный лѣсъ...
И зефиры гласъ примчали:
«Палъ великій Ахиллесъ»!
Машутъ фуріи зміями,
Боги мчатся къ небесамъ...
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ.

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

посланіе.

Гдѣ ты, далекій другъ? Когда прервемъ разлуку?
Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ встрѣтить твой душѣ понятный взглядъ,
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священной?...
Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты назадъ,
О, время прежнее, о, время незабвенно?
Или веселіе навѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ протекшимъ протекло?...
Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,
Конецъ всему—души покой,
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой...
Ахъ! время, Филалетъ, свершиться ожиданьямъ.
Не знаю... но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
Зоветъ меня... зоветъ..... куда зоветъ?... не знаю;
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачитъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима—
Повсюду вѣстники могилы предо мной.
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ—
Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру ль преклонясь, гармоніи внимаю—
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.
Иль предвѣщаніе въ унынін моемъ?
Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни
Сокрывшись въ мракѣ гробовомъ, [годы
Покинуть и поля и отческія воды,
И міръ, гдѣ жизнь моя безплодно расцвѣла?...
Скажу ль?... Мнѣ ужасовъ могила не являетъ;
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же!... предо мной увядшаго могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Изслякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно.

Мой другъ, о нѣжный другъ, когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна,
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна,
Почто жъ, увы! почто судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну?
Почто (дерзну ль спросить?) отъялъ у насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ о сладкій сонъ!—той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!...
Когда бъ стократными и скорбью и мученьемъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ:
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ,
И дни, какъ дара, ждалъ, къ страданью пробуждаясь:
Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я бъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы могилы.
О, незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
«Все въ жертву за нее! вся жизнь моя
Есть ваша!»
Почто и небеса не могутъ взять пощады
И безразсудныя желанія мои?
Отъ нихъ, отъ нихъ одно святое благодѣянье
За милыхъ сохранить, отдать и умирать
Для всѣхъ, кто въ мірѣ ей милъ
Счесть высочайшею изъ всѣхъ земныхъ
Кто въ томъ нашелъ

СЧАСТІЕ.

[изъ шиллера].

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ;
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца.
Великій, божественный жребій счастливца постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ;
Любимецъ хариты, плѣняетъ, труда не пріемля.
Великимъ да будетъ, кто, собственной силы созданье,
Душою превыше и тайныя парки и рока;
Но счастье и граціи улыбка не силѣ подвластны.
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ нисходитъ;
Какъ сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Такъ всѣ громовержца дары неподкупны; единый
Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота и Зевса;
И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу:
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, отѣнившихъ челo иланиты.
Бесмертному чувствовать радость; слѣпымъ, а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открывать:
Имъ милъ красоты безсмертный дѣвственный образъ;
И въ смертныхъ смутѣ небесное любитъ скрываться;
Презрѣнныхъ [illegible] гордыни
смиряютъ;
[illegible] и тому волѣ не подвластны.

Лишь къ избраннымъ съ неба орлу-громоносцу Кроніонъ
Велитъ виспускаться—да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа;
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку;
Лишь имъ предлетитъ стрѣлоносный сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эротъ златокрылый, сердецъ повелитель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ брегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ, изъемлетъ.
Надъ всѣмъ красота повелитель рожденный; подобіе Бога,
Единымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ.
Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ вѣнчаютъ,
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенный Кипридой,
Исходитъ безвредно изъ битвы, летя насладиться любовью;
И менѣе ль славы Ахиллу, что онъ огражденъ невредимымъ
Щитомъ, нескованьемъ Ифестова дивнаго млата,
Что смертный единый все древнее небо въ смятенье приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ въ союзѣ,
Что, гнѣвомъ его распаляся, любимцу во славу,
Элленовъ избраннѣйшихъ въ бездну Тепера низводятъ.
Пусть будетъ красою краса—не завидуй, что прелесть ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой;
Пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняйся—тебѣ наслажденье.
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на избранныхъ сходитъ;
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой арфы наполненъ:
Скрывающій бога въ душѣ претворенъ и для внемлющихъ въ бога;
Онъ счастливъ собою—ты, имъ наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай предъ зерцаломъ Ѳемиды вѣнокъ отдается заслугѣ —
Но радость лишь боги на смертное око низводятъ.
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца.
Все смертное прежде родится, растетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ;
Но счастія мы и красы никогда въ созрѣваньи не видимъ:
Отъ вѣка онѣ совершенны во всемъ совершенствѣ созданья;
Не зримъ ни единой земныя Веперы, какъ прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря;
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца родится.

НА СМЕРТЬ

ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО.

Еще великій прахъ... Неизбѣжимый рокъ!
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила;
О, сколь разительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!

Не ты ль, грядущее предъ нимъ окинувъ мглой,
Открылъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не ты ль его хранилъ невидимой рукой,
Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть и брань;

Сомкнутые мечи на грудь его стремились—
Вотще! твоя надъ нимъ горѣ носилась длань...
Мечи хранимаго страшились.

И мнили мы, что онъ послѣдній встрѣтитъ
часъ,
Простертый на щитѣ, въ виду побѣдныхъ
строевъ,
И угасающій съ улыбкой вонметъ гласъ
О немъ рыдающихъ героевъ.

Сѣнцы!.. сей славы блескъ лишь бездну
украшалъ;
Сей битвы страшный видъ и ратей низ-
ложенья,
Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье...

Куда жъ твой тайный путь Каменскаго
привелъ?
Куда, могучихъ вождь, тобой руководимый,
Онъ быстро посреди побѣдныхъ кликовъ
шелъ?...
Увы!.. предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ
твой обиталъ,
Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокро-
венный,
Гдѣ избранный тобой, добычи грозно жадалъ
Теперь разбойника презрѣнный...

ПѢСНЯ

ВЪ ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Кто къ намъ совѣтъ, мои друзья!
Наполнимъ вдругъ, до дна, стаканы!
Съ одной изъ нихъ за славу я!
Съ другою умремъ пьяный!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель супостатъ!
А намъ вѣнецъ побѣды!

Такъ [illegible]

[illegible]

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! и пр.

Не воинъ тотъ въ моихъ глазахъ,
Кому бутылка не по нраву!
Онъ видитъ лишь въ сраженьи страхъ!
А пьяный въ немъ лишь видитъ славу!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! и пр.

Друзья! вселенная красна!
Но ежели разсудимъ строго,
Найдемъ, что мало въ ней вина,
И что воды ужъ слишкомъ много!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! и пр.

Такъ! если Богъ не сотворилъ
Стихіей влагу драгоцѣнну,
Онъ осторожно поступилъ—
Мы осушили бы вселенну!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель супостатъ!
А намъ вѣнецъ побѣды!

КЪ ДЕЛІЮ.

[изъ горація].

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На нитъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣхъ путь къ Тенару проложенъ.
Хотя бъ заботы насъ томили,
Хотя бъ токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили—
Умремъ: такъ Діемъ суждено.
Неси жъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій сплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ бреговъ,
Вина, и масти ароматны,
И розы, [illegible]
О Делій, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дернового стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье;
Играй—таковъ есть мой совѣтъ;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ, то-
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ; [комъ
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но *нежданый* другъ.

МОЯ БОГИНЯ.

[изъ гете].

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими;
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову
Богиню-фантазію.
Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,
Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подъ часъ утѣшается
Онъ въ скукѣ безсмертія;
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею-радостью.
То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ,
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное,
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя;
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣнолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
(Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ)
Играетъ съ наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И, струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль, быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ

Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ,
Воздушною цѣпію
Вія́сь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима-видима,
По облакамъ носится
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепещущей.—
Прославимъ Создателя
Могучаго, древняго,
Зевеса, пославшаго
Намъ радость-фантазію;
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя—лучъ полніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную,
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною.
«Да будешь—сказалъ онъ ей—
И въ счастьи, и въ горести,
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище.»

Другія творенія,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя.
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью!...
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-фантазію!
Ласкайте прелестную;
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитается
Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтобъ вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками;
Я знаю сестру ея
Степенную, тихую...
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество,
И силу дающая,
Надежда отрадная!..

НА СМЕРТЬ

СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

[ПОДРАЖАНІЕ].

Едва съ младенчествомъ разсталась;
Едва для жизни расцвѣла;
Какъ непорочность улыбалась,
И ангелъ красотой была.
Въ душѣ ея, какъ утро, ясной,
Уже рождался чувства жаръ.....
Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ приготовилъ въ даръ.
И дни Творцу она вручила;
И очи свѣтлыя закрыла,
Не свѣтя на смертный часъ.
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный Филомелы гласъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПѢСНЯ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;

Все забыто было мною—
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой
Я пошелъ путемъ-дорогой—
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался не далекъ.
«Странникъ—слышалось—терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.

Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности *небесной*
Все *земное* обрѣтешь».

Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Незавѣстное скрывалось;
Я искалъ—не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь—высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьи;
Все, что мило—мнится—тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по-прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далекъ.

И вовѣки надо мною
Не сольется, какъ подпесь,
Небо свѣтлое съ землею...
Тамъ не будетъ вѣчно *здѣсь*.

БРУТОВА СМЕРТЬ.

Бомбастофилъ, творецъ трагическихъ уродовъ,
Изъ смерти Брутовой трагедію создалъ.
«Не правда ли, мой другъ,—Тиманту онъ сказалъ—
Что этотъ Брутъ дойдетъ и до чужихъ народовъ?»
«Избави Богъ! Твой Брутъ—примѣрный патріотъ—
Въ отечествѣ умретъ!»

МОЯ ТАЙНА.

Вамъ чудно, отчего во всю я жизнь мою
Такъ веселъ? Вотъ секретъ: вчера дарю
Покою—нынѣ отдаю, [забвенью,
А завтра—Провидѣнью!

1810.

КЪ БЛУДОВУ,
ПОСЛАНІЕ.

Веселаго пути
Любезному желаю,
Ко древнему Дунаю;
Забудь покой, лети
За русскими орлами;
Но въ полѣ, подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель-ангелъ твой....
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной,
Гдѣ, съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она одна вздыхаетъ,
И Промыслъ умоляетъ:
Да будетъ твой покровъ
Въ обители враговъ.
Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишетъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Души ея печаль.
Лети въ безвѣстну даль;
Твой геній надъ тобою;

Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя пріосѣнитъ—
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ! скоро ль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?...
Для скорби утоленья,
Податель благъ, Зевесъ,
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.
«Да будутъ, рекъ, они,
Одинъ—посолъ разлуки,
Свиданія—другой!»
И въ часъ сердечной муки,
Когда, рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги,
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ
Послѣднее прощанье
Другъ другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,
И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, оснротѣлы,
Въ свой теремъ опустѣлый;
Сынъ Дія Абеонъ,
Задумчивый, безкрылый,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ,
Спускается съ небесъ,
Вѣдомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце упованье
На близкое свиданье.
Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою:
Съ надеждою другой.
Прости, мой другъ нелестной!
Надолго ль? неизвѣстно.
Но вѣрою душой
(И вѣра не обманетъ):
Желанный день настанетъ —
Мы свидимся съ тобой.
Или.... увы! незримо
Грядущее для насъ!...
Быть можетъ—въ оный часъ,
Когда ты, невредимо
Свершивъ опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь въ странѣ родимой
Съ Людмилою своей—
Ты спросишь и друзей:
«Гдѣ скрылся другъ любимой?»
И что жъ тебѣ въ отвѣтъ?
«Его ужъ въ мірѣ нѣтъ....»
Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возьметъ могила,
И участь присудила,
Чтобъ первый я исчезъ
Изъ милаго мнѣ круга—
Друзья, безъ скорбныхъ слезъ
На прахъ взирайте друга.
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извилистый ручей,
Гдѣ сѣнистые клены
Сплетаютъ изъ вѣтвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ:
Туда—лишь надъ холмомъ
Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
Въ мое воспоминанье.
Надъ вами буду я,
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать, рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ.
Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами;
Увлаженте сердцами
Въ незримой дали
Отечество желанно,

Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

ПѢСНЬ АРАБА НАДЪ МОГИЛОЮ КОНЯ.

[изъ мильвуа].

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О, путникъ, со мною страданья дѣли:
Царь быстраго бѣга простертъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышетъ;
И грознаго ржанья пустыня не слышитъ;
Въ стремленьи погибель его нагнала;
Вонзенная въ шею дрожала стрѣла;
И кровь благородна струею бѣжала;
И влагу потока струя обагряла.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣленна скатилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И трупъ истлѣваетъ въ пустынѣ безъ славы...
Но спитъ онъ, со мною летавшій на брань;
Трикраты воззвалъ я: сопутникъ мой, встань!
Воззвалъ... безотвѣтенъ... угаснула сила...
И бранныя кости одѣла могила.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Съ того ненавистнаго, страшнаго дня
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня;
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣтъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;
Іемена доселѣ драгіе края
Уже не отчизна—могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой;
И мавра топтали могучи копыта;
И грудь отъ противныхъ была мнѣ защита;
Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
Онъ, бодрый, при первыхъ денницы лучахъ,
Стрѣлою, покоренъ велѣнію длани,
Леталъ на свиданья любови и брани.

О другъ! кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Ты видѣлъ и Зару—блаженны часы!—
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вѣроломны тебя величали,
И нѣжныя длани хребетъ твой ласкали;
Ахъ! Зара, какъ серна, стыдлива была;
Какъ юная пальма долины, цвѣла;
Но Зара пришельца плѣнилась красою,
И скрылась... ты, спутникъ, остался со мною.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О, спутникъ! тоскуетъ твой другъ надъ тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ отрады;
Надъ нами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при гласѣ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба исторгнувъ меня,
Величественъ, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезёю.

МИЛОСЕРДІЕ.

БАСНЯ.

«Перунъ мой изострн», сказалъ Юпитеръ Мщеный:
«Усталъ я миловать! погибель преступленью!»
Но Милосердіе, услышавъ приговоръ,
Украдкой остріе перуна притупляетъ.
Съ тѣхъ поръ
Онъ только лишь страшитъ, но рѣдко поражаетъ.

КЪ НЕИ.

Имя гдѣ для тебя?
Не сильно смертныхъ искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? Отзывъ невѣрный
Поздней молвы объ тебѣ!

Коли бы сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ!

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный,—
Въ сердцѣ, какъ тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна!

1808—1812.

СВѢТЛАНА.

БАЛЛАДА.

А. А. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Сѣкъ полови: подъ окномъ
Слушали: кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Кляли перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въladъ
Цѣлыми полками.

Грустно свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
Что, задумалась съ тоской?
Вѣщая душонка,
Слушай гдѣ-то кукушкой,
Какъ сова каркнетъ,
Вой, [illegible]
Скуй изъ злата и изъ серебра
Скуй кольцо златое;
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ.»

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далёко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель.—

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою:
Упадетъ съ дверей запоръ:
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою».

Вотъ красавица одна:
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ кругомъ
Мертвое молчанье:
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть льетъ сіянье...
Робость въ ней вызоветъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ тихимъ шелестомъ слезы
Будто изъ жемчужной [illegible]
Катятся [illegible]

Послышался [illegible]

Чуть Свѣтлана дышетъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами».
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ;
Виденъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ,
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ...
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ...
Дверь шатнулася... скрипитъ...
Тихо растворилась.
Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ; накрытъ

Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой...
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;

И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги пѣтъ...
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ
Легкое журчанье...
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится...
Сорвался покровъ: мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ:
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?.. Дрожитъ...
Гибель близко... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы:
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей движенный силы,
Простеналъ, затрепеталъ
Страшно онъ зубами.
И на [illegible]
Грозные очами...
Сонъ [illegible]
Въ [illegible]
[illegible]
Вдругъ Свѣтлана [illegible]
Милый [illegible]
[illegible]

Тѣ же [illegible]
[illegible]

Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко поетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!.. вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?.. Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрны обѣты:
Соберитесь старъ и младъ:
Сядемъ [illegible]
Пейте: наши лѣты!

—

Улыбнись, мой [illegible]
Въ ней [illegible]
Въ ней [illegible]
[illegible]
Жаркимъ счастіемъ [illegible]
[illegible]
Сны - [illegible]

Свѣтъ судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.»

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа—какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

1810—1817.

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ
ВЪ ДВУХЪ БАЛЛАДАХЪ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей...
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдох-
Минувшею мнѣ жизнію повѣй, [новеній,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могучій духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ опый таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОБОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.
Schiller.

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ
ВОЙКОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты—
Желанье исполняю;
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ.
Еще жъ одно желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостію свѣта;
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ него дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой,
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!

Кляну судьбу угрюму:
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь—
А мнѣ сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды...
Усталъ я, въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды».

Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье,
Старикъ съ шершавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу сомкнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою...
И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый спросилъ.—
«Въ волнахъ скончать мученья.»
— Почто жъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?—
«Кто ты?» воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея.—
«Творецъ небесный!»—Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады:
Забудь о Богѣ—мнѣ молись:
Мои вѣрнѣй награды.

— Прочь отъ дружбы, Громобой,
Полезно ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье:
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способъ имѣю:
Къ тебѣ благосклонивъ Творецъ —
Прими[illegible] къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать
И мочь и власть злыхъ
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

— Боюсь... скажи, за что, за что,
Что взять ты можешь съ меня?
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.—
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится;
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
— О чемъ задумался, глупецъ?—
«Страшусь мученій ада.»
— Но рано ль, поздно ль... наконецъ
Все адъ твоя награда.

— Тебѣ на свѣтѣ жить—бѣда;
Покинуть свѣтъ—другая;
Останься здѣсь—поди туда—
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ—бредни; веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ
И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
И все предъ тобою.
И вотъ въ запасѣ кошелекъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ—не болѣ—срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

— Бога въ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою:
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,
И обольстительной душой
За адъ [illegible]
Разрѣзавъ руку, написалъ
Отъ крови обязанье:
Лукавый [illegible]—и пропалъ
Сказанье, не сказанье!

И [illegible] Громобой—

Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
Съ богатствомъ полилося;
Какъ княжескій, разубранъ домъ;
Подвалы полны злата;
Съ заморскимъ выходы виномъ
И рѣдкостей палата;
Пиры—хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
Музыка роговая;
Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ
И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
И хищникъ, и грабитель,
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
И родственниковъ пени;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ
Былъ ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань—Божій домъ,
Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
Невинныхъ устъ мольбами.
И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыя,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмъ;
На клиросъ, предъ алтаремъ,
Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ,
Ихъ слышалося пѣнье—
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье.

И слезы нѣжныхъ матерей
Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмѣ близъ мощей
Онѣ распростирались.
«О! дай имъ кровъ, небесный Царь
(То было ихъ моленье);
Да будетъ твой святой алтарь
Незлобныхъ душъ спасенье;
Покинулъ ихъ родной отецъ,
Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй...»

Но вотъ... насталъ десятый годъ;
Ужс онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льётъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны селы;
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Дѣвица ль красная взойдетъ —
«Прости, гласитъ, дѣвица».
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ —
«Прости, весны пѣвица...
Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя».
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: онѣ Творца смягчатъ:
Невиннымъ Богъ внимаетъ.

И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою,
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;

И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю—
«Увы! молитесь (вопіялъ),
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились;
Но вдругъ... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ;
И мчится прахъ летучій.
Увы!.. послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою;
Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ;
Пришелъ я за тобою.—
«О! дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ.»
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.—
«Минуту!»—Слышишь? Цѣпь звучитъ.—
«О страшный часъ! помилуй!»
— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужъ могилу.

— Завтра день взойдетъ во мглѣ:
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья;
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя зарутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно застукъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время... идутъ... часъ приспѣлъ.
Внимай ихъ завыванье;
Сошлись... призывный слышу кличъ...
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ... свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.—
«Спаситель-Царь, воньми слезамъ!»
— Напрасное моленье!—
«Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье».

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ—
Сверкнули страшно очи!
— Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи...
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.—
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:
— Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
На скорби и мученья.

—Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.—
«Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!»
—Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: «страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!»

І скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...
І страхъ! свершилось... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

ы казнь отсрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
) жить, погибнувши душой—
Коль страшная отрада!
ачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;
селья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья;
ы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы;
ь въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ вживѣ снѣдь могилы.

ірасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины;
свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темны липъ вершины;
ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
роща въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ;
шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ,
Съ пастушьими рогами
ерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами...

) доселѣ свѣтлый домъ
Ужъ сумрака обитель.
юмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Пировъ веселыхъ зритель,
пьетъ кипящаго вина
Изъ чаши круговыя...
страшенъ день; и ночь страшна;
И тѣни гробовыя
ь всюду слышитъ грозный вой;
И въ часъ глубокой ночи
житъ одра его покой;
И сонъ забыли очи.

тьмы лѣсовъ страшится онъ:
Тамъ бродитъ привидѣнье;
чудится полночный звонъ,
То погребально пѣнье;
рашитъ его и бури свистъ,
И грозныхъ тучъ молчанье,
съ шорохомъ падущій листъ,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу громъ—
Блѣднѣетъ, дыбомъ волосъ;
«То мститель, посланъ Божествомъ;
То казни страшный голосъ».

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье.
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса-веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубятъ муки.
Какъ роза—благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной,
Онѣ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ;
Ихъ сердце безмятежно.

А онъ?... Преступникъ... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подъемля очи,
Отверсту видитъ вдалекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ; онъ судьбу клянетъ;
«О, милыя творенья,
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса;
Напрасно сердцу милы;
Закрытъ вамъ путь на небеса;
Цвѣтете для могилы.

«Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ она украситъ свѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленныя душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

«И дни блаженства не придутъ;
Страшитесь милой встрѣчи;
Для васъ не брачныя зажгутъ,
А погребальны свѣчи.
Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ
Пойдете съ женихами...

Ужасный гробъ готовятъ намъ;
Прокляты небесами.
И нашъ удѣлъ тоска и стонъ
Въ обителяхъ геэнны...
О, грозный жребія законъ,
О, жертвы драгоцѣнны!»...

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ: «самъ Богъ вѣщаетъ намъ—
Въ раскаяньи спасенье.
Возносятся предъ вышній тронъ
Преступниковъ степанья...»
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ
Служитель на сторожѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зоветъ:
«Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе.»
И вотъ уже изъ всѣхъ краёвъ,
Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою;
И всѣхъ пріемлетъ Громобой,
Всѣмъ дань его готова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ;
Подобье свѣтла рая,
Обитель иноковъ при немъ
Является святая;
И въ той обители святой,
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый и больной,
И скорбью убіенный
Пріемлютъ, именемъ Творца,
Отраду, исцѣленье:
Да воскреснемы сердца
Узнаютъ Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ города чужого;
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Угодника святого;
На той иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ:
Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,
И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
Полнеба лишь объемлетъ;
И въ часъ вечерней тишины—
Когда вездѣ молчанье,
И свѣчи, въ храмѣ возжены,
Льютъ тихое сіянье—
Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченной...

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды—
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.
Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ—
И будто не бывало;
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
Всему конецъ! твой близокъ часъ!
Погибель надъ тобою!

И вотъ... недугъ повергнулъ злой
Его на одръ мученья.
Растерзанъ лютою рукой,
Не чая исцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зритъ
Отверсту дверь могилы;
И у возглавія сидитъ
Надъ нимъ призракъ унылый.
И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
Къ иконѣ чудотворной—
Лишь взоръ стремитъ онъ къ небесамъ,
Молящій, но покорный.

Увы! ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;

Все тихо, весело, свѣтло;
Все нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье,
Къ цвѣтку прилинулъ мотылекъ
И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами.
«О, рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!
Сойдитесь, дѣти, одръ отца
Съ молитвой окружите,
И предъ судилище Творца
Стенанія пошлите.
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
Взывайте: Искупитель,
Смягчи грозящій гнѣва зракъ;
Не будь намъ строгій мститель!»

И страшнаго одра кругомъ—
Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
Съ утра до поздней ночи—
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
На небо устремили,
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
Сердца совокупили.

О, видъ, угодный небесамъ!
Такъ ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
Предшественники Бога
Къ одру болѣзни въ смертный часъ...
И, утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
Отыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
Сіянія денницы...
Но взоръ недвижный угасалъ,
Смыкалися зѣницы.

«О, дѣти, дѣти, гаснетъ день.»
— Нѣтъ, утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась;
И нивы пусты... въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьется.—
«Увы! заутра въ красотѣ
Опять сей день проснется!
Но мы... ужъ скрылись отъ земли;
Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

«Несчастныя, дерзну ль на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье,
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу;
Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный, помилуй!»
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

«О, дѣти, дѣти, ночь близка.»
— Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля; въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно.—
«Мнѣ чудится надгробный стонъ.»
— Все тихо и спокойно;
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ.—

«О, дѣти, свѣтлый день угасъ.»
— Ужъ солнце за горою;

Ужъ по закату разлилась
Багряною струею
Зари, и съ пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходитъ,
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинѣ сумракъ бродитъ.—
«О, вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли, взоръ не узритъ мой
Тебя ужъ въ поднебесной!...

«О, дѣти, дѣти, ночь близка.»
Заря ужъ догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка:
Окрестность побѣдѣла;
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью. —
«Спасите! полночь бьетъ!» — Звонятъ
Въ обители къ моленью:
Отцы поютъ хвалебный гласъ;
Огнями храмъ блистаетъ.—
«При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!..

«Не тянется ль дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьется ль прахъ летучій?»
Все тихо... служба отошла;
Обитель засыпаетъ:
Луна полнеба протекла:
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ:
Луна, вся безмолвны:
Огни потухли въ селѣ:
И рощи спятъ и волны. —

И всюду тишина была;
И все природа мнилась
Крутостремительная жила,
Что-то совершилось...
И вдруг — какъ будто вѣтеръ
Пробѣжалъ с востока,
Что-то грозно-громкій листъ
Что-то тронулъ какъ потокъ.
И какъ-то мимо мчался съ нимъ.
Какъ будто кто крылами
Коснулся слухъ мой
[illegible]

[illegible]

Отверзся... Неизвѣстный
Явился старецъ дѣвъ очамъ;
И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей
Рождали упованье;
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ...
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ...
«Кто этотъ, въ славѣ зримый?»
Но близъ одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый.
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Полой своей одежды:
И тихій во мгновенье сонъ
На ихъ простерся вѣжды.
На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора:
И трепетъ въ грѣшника проникъ
Отъ пламеннаго взора.

«О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
Твой взоръ мнѣ наказанье.»
Но страшный строгостью очесъ
Пришлецъ хранитъ молчанье...
«О, дай, молю, твой слышать гласъ!
Одно надежды слово!
Идетъ неотразимый часъ!
Событіе готово!»
— Въ ликъ во храмѣ чтили мой;
И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье.—

«Ахъ! что жъ Могучій повелѣлъ?»
Надѣйся и страшися.—
«Ужъ какой часъ жить удѣлъ?
Что жребій мой?» — Молися.—
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

...руть началъ тмиться неба сводъ —
...рачнѣе и мрачнѣе;
...тучей грозною ползетъ
...ругая вслѣдъ грознѣе;
...трашно сшиблись надъ главой;
...небо заклубилось;
...вдругъ... повсюду съ черной мглой
...олчанье воцарилось...
...лизокъ часъ полночи былъ...
...ризою святою
...ликъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
...тступника десною.

...устремленны на востокъ,
...орѣли старца очи...
...вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
...ъ пучинѣ черной ночи,
...ылъ протяжно вѣщій бой —
...крестность съ нимъ завыла;
...угъ... страшной молніи струей
...водъ неба раздвоила,
...тучамъ вихорь пробѣжалъ,
...съ сильнымъ грома трескомъ,
...щей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
...дѣянъ адскимъ блескомъ.

...мѣи въ пламенныхъ власахъ —
...убясь, шипятъ и свищутъ;
...радость злобная въ очахъ —
...ругомъ, сверкая, рыщутъ;
...гяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —
...лечь добычу льстился;
...старца грознаго узрѣлъ —
...тихнулъ и смирился;
...мигъ гордыни блескъ угасъ;
...смутенъ, вопрошаетъ:
Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
...ъ симъ падшимъ призываетъ? —

...зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой».
— Они мое стяжанье.—
...редъ Небеснымъ Судіей
...всесильно покаянье».
И часъ суда Его притекъ:
...хъ жребій совершися.—
...це ко Благости не рекъ
...нъ въ гнѣвѣ: удалися!»
Онъ правъ — и я владыка имъ.—
«Онъ благъ — я ихъ хранитель.»
Исчезни! адъ неотразимъ.—
«Отвѣтствуй, Искупитель!» —

И громъ съ востока полетѣлъ;
И бездну тучъ трикраты
Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый;
И небо съ края въ край зажглось,
И застонало въ страхѣ;
И дрогнула земная ось...
И, воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ;
И молится хранитель...
И сталъ на высотѣ небесъ
Средь молній ангелъ-мститель.

«Гряду! и вѣчный Божій судъ
Несетъ моя десница!
Мнѣ казнь и благость предтекутъ...
Во прахъ, чадоубійца!»
О, всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнье;
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;
И ликъ кончиной искаженъ;
И сердце охладѣло;
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло.

«И праху обладатель адъ,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье.
И чадамъ непробудный сонъ;
И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель;
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.

«И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся;
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо; и проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной;
И низойдетъ тогда покой
Къ могилѣ искупленной;
И будетъ миръ въ его костяхъ;
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть Благость!..»

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ;
И слышенъ громкій пѣтелъ;
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣтелъ...
Узрѣли дѣвъ, объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли;
И мертвый страшенъ былъ лицомъ
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ будто страждущъ, прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его роптало,
Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій ангелъ облачилъ;
И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ;
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворенъ,
Какъ розъ благоуханьемъ;
И расцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота
Въ спокойствіи небесной.

Но вотъ —ужъ гробъ одѣтъ парчой;
Отверзлася могила;
И слышенъ колокола вой;
И теплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
Подъемлется рыданье;
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный младъ;
И взятъ ужъ гробъ землею;
И ликъ весѣлъ: усопшій брегъ
Навѣки мирь съ тобою!

И вотъ и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали;
Но вдругъ средь нихъ изъ земли
Кругомъ дома громко встали
Гранитны стѣны верхъ зубчатъ
Бока одѣты лѣсомъ
И, спрянувшись, затворы врать
Задвинулись утесомъ
И всякъ могилы пришельцевъ страхъ:
Бѣгутъ не озираясь.
«Нечистый духъ на сихъ стѣнахъ»
Вещаютъ содрогаясь.—

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья;
Поля покрылъ дремучій боръ;
Разсыпались селенья.
И человѣчій гласъ умолкъ—
Лишь филинъ на утесѣ,
И въ ночь осеннюю гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
Отшельниковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ—
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;
Лишь, отторгаяся отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробужденъ,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тьмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвитъ
Листами павлики:
На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
Могилы сторожъ дикій.
И все, какъ мертвое окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ—
Вранъ черный встрепенется,
Защелчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется:
И видима бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи:
Какъ блѣдный на гуляньѣ день,
Ея сіяютъ очи:
Съ воемъ возносится къ небесамъ
Съ злымъ тяжкой муки.
Въ непроходимыхъ стѣнамъ
Мать ломаетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ—ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья,
Безвѣстно, близокъ иль далёкъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта,
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта)
Одна изъ спящихъ возстаетъ—
И, странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ вдаль, и ждетъ съ тоской:
«Приди, приди, спаситель!»
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!

Когда жъ испознится луна,
Чреда приходитъ смѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается, и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
А та печально по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ.

И скоро ль? Долго ль?.. Какъ узнать?
Гдѣ вѣстникъ искупленья?
Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
Кто могъ бы, чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
Непобѣдимъ земною,
Все предстоящее презрѣть,
И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, вдаль летѣть
Къ наградѣ сокровенной?..

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.
Schiller.

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ
БЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ—
И другу посвященье;
Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ
Будь дружбы одобренье.
Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь-хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ.
Но въ пользу ли услуга?
Не знаю.... Дѣвъ я разбудилъ,
Не усыпить бы друга.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою,
И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
И сердца простотою.
Его утѣха—по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣтній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему постелей—мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайнаго полна,
Душа въ немъ унывала.
«Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?»
Но все—и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакѣ небесномъ,
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомлённ,
Близъ Волхова на брегѣ
Онъ погрузился въ легкій сонъ....
Струи въ свободномъ бѣгѣ
Шумѣли, по корнямъ древесъ,
Съ плесканьемъ разливаясь;
Душой весны былъ полонъ лѣсъ;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было....
И солнце съ тверди голубой
Къ холмамъ ужъ нисходило.

И къ утру видитъ сонъ Вадимъ:
Одѣянъ ризой бѣлой,
Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ—
Во взорѣ лучъ веселой,
Ликъ важный свѣтелъ, станъ высокъ,
На сѣдинахъ блистанье,
Въ рукѣ серебряный звонокъ,
На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
Онъ шелъ, какъ будто бы летѣлъ,
И, осѣнивъ перстами,
Благовѣстящими воззрѣлъ
На юношу очами.

«Вадимъ, желанное вдали;
Вѣрь небу; жди смиренно;
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно;
Стремись, я провожатый твой!»
Сказалъ—и въ то жъ мгновенье
Вдали явилось голубой
Прелестное видѣнье:
Младая дѣва, ликъ закрытъ
Завѣсою туманной,
И на главѣ ея лежитъ
Вѣнокъ благоуханной.

Какая жалость, грусть и
Милое приниженье
Идутъ Вадима за собой...
И вмигъ въ смятеньѣ
Къ ней, стремясь всѣмъ помышленъ, полетѣлъ...
Ея вдругъ... призракъ скрылся
Вмигъ звонокъ слабѣ грянулъ,
И бѣлый лучъ свѣтилъ:
И вмѣстѣ съ тѣмъ крикнулъ
Старикъ въ одеждѣ бѣлой...
Разлилъ хлопушки: все слилъ
А въ вышинѣ... звѣзды.

Онъ смотритъ вдаль на свѣтный югъ:
Тамъ ясно все и чисто;
Оттоль черезъ обширный лугъ
Струею серебристой
Катился Волховъ; небеса
Сливались тамъ съ землею;
Туда, за холмы, за лѣса,
Мчалъ облака толпою
Летучій, вешній вѣтерокъ...
Смятенный, въ ожиданьѣ,
Онъ смотритъ, слушаетъ... звонокъ
Умолкъ—и все въ молчаньѣ.

Три сряду утра тотъ же сонъ;
Душа его въ волненьѣ.
«О, что же ты, взываетъ онъ,
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный гласъ?
Кто ты, пришлецъ священный?
Ахъ! гдѣ она? Увижу ль васъ?
И сердцу откровенный
Предѣлъ откроется ль очамъ?»...
Но тщетно онъ очами
Летитъ къ далекимъ небесамъ...
Туманъ подъ небесами.

И цѣлый міръ его мечтой
Предъ нимъ одушевился.
Востокъ ли свѣжею красой
Денницы золотился—
Ему являлся тамъ покровъ
На образѣ прелестномъ.
Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ—
Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томленіе разлуки;
И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
Звучали призывны звуки.

И онъ, невѣстный побѣдить
Мечтами стремленья,
Къ отцу и къ матери просить
Идетъ благословенья.
Куда (печальная въ слезахъ
Сказала матерь сыну?
Въ [illegible] испытывать странахъ
[illegible] судьбину?
[illegible] на рукахъ твоей
[illegible] безопасный:
[illegible] любовь друзей;
[illegible] милы прекрасны.»

—Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
Спокой себя, родная;
Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведетъ рука святая.
И не задремлетъ ни на часъ
Хранитель постоянный.
Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
Кто вождь сей безымянный?
Куда ведетъ? Какой стезей?
Не знаю—и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ... живъ спутникъ мой;
Путь вѣры безопасенъ.—

Надѣвъ на сына крестъ златой,
Отвѣтствуетъ родная:
«Прости, да будетъ надъ тобой
Его любовь святая!»
Снимаетъ со стѣны отецъ
Свои доспѣхи ратны:
«Прости, вотъ мечъ мой кладенецъ,
Мой щитъ и шлемъ булатный.»
Сынъ въ землю матери, отцу;
Цѣлуетъ образъ; плачетъ;
Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
Онъ сѣлъ—онъ крикнулъ—скачетъ...

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
Поднялъ конь быстроногой;
Но вотъ уже и слѣду нѣтъ;
И пыль слилась съ дорогой...
Вздохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
Пошла въ свою свѣтлицу;
Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
Въ слезахъ встрѣчать денницу;
Передъ Владычицей зажгла
Съ молитвою лампаду:
Чтобы ему покровъ была,
Чтобъ ей дала отраду.

Вотъ на распутіи Вадимъ.
Весь міръ неизмѣримый
Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ
Поля необозримы;
Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
Невѣдома дорога.
«Что жъ медлишь? Вѣрь—не выбирай;
Впередъ, во имя Бога;
Куда и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ.»
Такъ онъ подумалъ—и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь какъ будто самъ
Свою дорогу знаетъ;
Онъ все на югъ; онъ по полямъ
Путь новый пробиваетъ;
Потокъ ли встрѣтитъ—и въ потокъ;
Лишь только пѣна прыщетъ.
Ко рву ль примчится—разомъ скокъ,
Лишь только воздухъ свищетъ.
Заглохъ ли лѣсъ—съ нимъ широка
Дорога въ чащѣ лѣса;
Утесъ ли крутъ— онъ сѣдока
Стрѣлой на кругъ утеса.

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
Все далѣ; конь послушный
Не устаётъ; и всюду имъ
Въ пути пріемъ радушный:
Ко граду ль случай заведётъ,
Къ селу ль, къ лачужкѣ ль дымной—
Вездѣ пришельцу у воротъ
Привѣтъ гостепріимной;
Вездѣ заботливо даютъ
Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье,
На темну ночь святой пріютъ,
На путь благословенье.

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
Въ лѣсу, иль въ полѣ чистомъ—
Нашъ витязь, щитъ подъ головой,
Спитъ на коврѣ росистомъ
Благоуханной муравы;
Надъ нимъ катясь, сіяютъ
Ночныя звѣзды; вкругъ главы
Младые сны летаютъ;
И конь, не дремля, сторожитъ;
И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй проползть боится.

И дни бѣгутъ—весна прошла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ зацвѣла,
И нивы пожелтѣли.
Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ
Широкій Днѣпръ сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ златоверхій городъ, тамъ
Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды вечеръ знойный рдѣлъ
На небѣ; лѣсъ дремучій
Сквозь пламень зарева синѣлъ,
И громовыя тучи,
Вездѣ за багровою луной,
Съ востока поднимались,
И яркой молніи змѣей
Въ нихъ нѣдрѣ извивались —
Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
Тамъ все въ тѣни молчало;
Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвозвѣщало.

И дичь явилася кругомъ:
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучомъ;
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ развертыми вѣтвями.
Вадимъ впередъ — хрустятъ кусты
Подъ конскими ногами;
Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ...
Но имъ мечомъ крушитъ Вадимъ,
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
Вдругъ — жалобные крики:
То нѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій.
Зажглась въ немъ кровь: на вопли онъ
Сквозь чащу вѣтвей рвется:
Конь пышетъ, лѣсъ трещитъ, и стонъ
Все ближе раздается:
И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,
Чуть освѣщенная луной,
Открылася поляна.

И что жъ у витязя въ глазахъ?
Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ
Съ дубиной за плечами,
Отчаянный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ
Красавицу младую мститъ
Онъ [illegible]
То скачетъ быстро съ горы,
То скоро вертитъ въ [illegible]
«Стой — кричитъ онъ — [illegible] Вадимъ
И [illegible]

Ни слова тотъ на грозну рѣчь;
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ...
Конь легкій отшатнулся,
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
И дубъ, треща, погнулся;
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ въ исполина —
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами;
Рванулся встать; оцѣпенѣлъ,
И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла
Уста, вопить отверсты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинувъ персты.
Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ;
Она, какъ листъ, дрожала,
И, сѣвши на коня за нимъ,
Въ слезахъ къ нему припала
«Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей дѣвичьей красоты?
И гдѣ твоя обитель?»
— Князь кіевскій родитель мой;
Градъ Кіевъ недалеко;
Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ бретъ высокой:
Подъ бретомъ тѣнь кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На бретѣ томъ и Кіевъ-градъ,
Омоченны кровы.

— Я тамъ [illegible] мирные вела,
Не зная съ кручиной.
И въ старости отцу была
Утѣхою единой.
Но въ [illegible] часъ литовскій князь,
Врагъ [illegible] православной,
Меня увезъ и, разлучась
[illegible]
[illegible] къ нимъ въ Кіевъ-градъ гонцы
[illegible]
[illegible]
Увезъ въ Литву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
Въ лѣсномъ уединеньи,
Отъ Кіева невдалекѣ;
О дерзкомъ замышленьи
Никто и сонный не мечталъ;
Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ
Добычи и—дождался. [ждалъ
Я нынче раннею порой
Въ лугъ вышла, полевые
Собирать цвѣтки; пошли со мной
Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ
И громко окликались.
Ужъ солнце жгло съ полунебесъ;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка: темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Вдругъ шумъ... смотрю... злодѣй за мной;
Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
Онъ сильною меня рукой
Схватилъ—и въ лѣсъ съ дороги.

— Ахъ! что бъ въ удѣлъ досталось мнѣ,
Что было бы со мною,
Когда бъ не ты? Въ чужой странѣ
Изныла бъ сиротою.
Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость;
И съ горемъ дряхлый мой отецъ
Повлекся бы ко гробу...
Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышій злобу.—

Межъ тѣмъ, съ поляны въ гущину
Въѣзжаетъ витязь; тучи,
Толпясь, заволокли лупу;
Сталъ душенъ лѣсъ дремучій...
Гроза сбиралась; межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И шумъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался...
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой;
Громъ страшный, трескъ за трескомъ;
И шумъ воды, и вихря вой;
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ;
И встрѣчу, справа, слѣва
Ряды валящихся древесъ;
Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
И, заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ,
Гдѣ бъ пріютиться... по кругомъ
Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ;
Стѣна изъ камней мшистыхъ;
Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ
И молніи горѣли,
И въ безднѣ бури груды скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ.... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала;
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ,
Окрестность заблистала.

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.
Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ сопутницу съ коня,
Сложилъ съ раменъ кольчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Внявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій;
Поверхъ пещеры громъ леталъ,
И бунтовали тучи.

И, приклонивъ къ груди своей
Вадимъ княжну младую,
Изъ золотыхъ ея кудрей
Жалъ влагу дождевую;
И, къ перснямъ дѣвственнымъ уста
Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
И въ нихъ вливалась теплота;
И съ тихимъ трепетаньемъ
Онѣ касалися устамъ;
И дѣвица молчала;
И, къ юноши прильнувъ плечамъ,
Рука ея пылала.

Лазурны очи опустя,
  Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
  Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
  Сбылось—не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
  Вся вспыхнувъ, трепетала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
  Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
  Изъ устъ воспламененныхъ.

А витязь?.... Что съ его душой?....
  Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
  Горящихъ, персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
  По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланитъ младыхъ,
  И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихій гласъ,
  И милое смятенье,
И ночи таинственный часъ,
  И вкругъ уединенье

Все чувства разжигало въ немъ....
  О, власть очарованья!
Уже, исполненъ огнемъ
  Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
  Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
  Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все.... то вкругъ смутился онъ,
  И въ радостномъ волненьи
Затрепеталъ.... знакомый звонъ
  Раздался въ отдаленьи.

И волкъ жалобно завылъ
  Онъ въ долинѣ дикой;
И кто-то пронесся летучъ
  Незримый, но извѣстной.
И взоръ, исполненный тоской,
  Невольно обратилъ
И вдругъ [illegible]
  [illegible]
[illegible]

И вслѣдъ за милою мечтой
  Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
  Едва, едва курится
Въ кострѣ огонь; на небесахъ
  Нѣтъ тучъ, не слышно рева;
Небрежно на его рукахъ,
  Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
Младенческій вкушаетъ сонъ,
  И тихо, тихо дышетъ,
И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
  Не видитъ и не слышитъ.

Сталъ вѣять свѣжій вѣтерокъ,
  Взошла звѣзда денницы,
И обагрянулся востокъ,
  И пробудились птицы;
Копытомъ топнувъ, конь заржалъ;
  Вадимъ очнулся—ясно
Все было вкругъ; но сонъ смыкалъ
  Глаза княжны прекрасной;
Къ ней тихо прикоснулся онъ;
  Вздохнувъ, она одѣла
Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
  Взглянула—покраснѣла.

И витязь въ шлемѣ и бронѣ
  Изъ-подъ скалы съ княжною
Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
  Горѣло подъ горою,
Сіяя, пѣну разстилалъ
  По камнямъ Днѣпръ широкій;
И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
  И благовѣстъ далекій
Былъ слышенъ. На конѣ Вадимъ,
  Перекрестясь, садится;
Бѣжитъ по-прежнему за нимъ;
  И конь по брегу мчится.

Кругомъ [illegible]
  [illegible]
И [illegible]
  [illegible]
[illegible]
  [illegible]

| смѣлыхъ вызываетъ онъ
| Въ погоню за княжною,
| избавителю свой тронъ
| Судить съ ея рукою.
| топотъ слышенъ въ тишинѣ;
| Густая пыль клубится;
| видять, съ дѣвой на конѣ
| Красивый всадникъ мчится.
| родъ отхлынулъ, какъ волна;
| Дружина разступилась;
| на рукахъ отца княжна
| При кликахъ очутилась.

| нявъ Вадима, князь сказалъ:
| «Я не нарушу слова;
| тебѣ Господь мнѣ сына далъ
| Замѣною родного.
| старъ: будь хилыхъ старца дней
| Опорой и усладой;
| смѣлой доблести твоей
| Будь дочь моя наградой.
| да жъ наступитъ мой конецъ,
| Тогда мою державу
| снѣтлый княжескій вѣнецъ
| Наслѣдуй въ честь и славу».

| громко, громко раздалось
| Дружины восклицанье;
| зашумѣло, полилось
| По граду ликованье;
| атый пиръ на весь народъ;
| Весь городъ изукрашенъ;
| нитъ въ заздравныхъ кружкахъ медъ,
| Столы трещатъ отъ брашенъ;
| ютъ пѣвцы; колокола
| Гудятъ, не умолкая;
| отъ огней потѣшныхъ мгла
| Зардѣлася ночная.

| селье всѣмъ; одинъ Вадимъ
| Не веселъ—мысль далеко.
| дечной думою томимъ,
| Безмолвенъ, одинокой,
| пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
| Не внемлетъ равнодушный;
| ъ ступитъ шагъ—и слышитъ звонъ;
| Подыметъ взоръ—воздушный
| изракъ летаетъ передъ нимъ
| Въ знакомомъ покрывалѣ;
| иклонитъ слухъ—твердитъ: «Вадимъ,
| Не забывайся, далѣ!»

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ
Онъ тихими шагами,
И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ...
Небесная съ звѣздами
Была въ нихъ твердь отражена;
Вдали, противъ заката,
Всходила полная луна;
Вадимъ глядитъ... межъ злата
Осыпанныхъ луною волнъ
Какъ будто бы чернѣетъ,
Въ зыбяхъ ныряя, легкій челнъ,
За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ... челнокъ плыветъ...
Натянуто вѣтрило;
Но безъ гребца весло гребетъ;
Безъ кормщика кормило;
Вадимъ къ нему... къ Вадиму онъ...
Садится... челнъ помчало...
И вдругъ... какъ будто съ юга звонъ;
И вдругъ.... все замолчало....
Плыветъ челнокъ; Вадимъ глядитъ;
Сверкая, волны плещутъ;
Лѣсистый брегъ назадъ бѣжитъ;
Ночныя звѣзды блещутъ.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна;
Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;
Свѣтлѣе на небѣ луна;
На брегѣ лѣсъ темнѣе.
И далѣ, далѣ.... все кругомъ
Молчитъ.... какъ великаны,
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
И, черенъ, сквозь туманы
Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
Съ утѣсистой стремнины;
И ужъ луна почти небесъ
Дошла до половины.

Сидитъ, задумавшись, Вадимъ;
Вдругъ.... что-то пролетѣло;
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна посмеркла; по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По брегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнулъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился,
Ко брегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился.

Вадимъ на брегъ; отъ брега чолнъ;
Вѣтрило заиграло;
И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣніи Вадимъ;
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до брега вышины
Восходитъ; все въ молчаньѣ....
И тускло падаетъ луны
На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
Влекомый тайной силой,
Наверхъ взбирается Вадимъ.
Онъ смотритъ—все уныло;
Какъ трупы, сосны подъ травой
Обрушенныя тлѣютъ;
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
Разинувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дуплистыхъ пней,
И въ нихъ глазами блещетъ
Сова, иль чешуями змѣй,
Ворочаясь, трепещетъ.

И, мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкій топотъ.
Уже Вадимъ на вышинѣ:
Вдругъ боръ рѣдѣетъ тёмный;
Раздвинулся.... и при лунѣ
Явился холмъ огромный.

И на вершинѣ древній храмъ;
Блестящими крестами
Увѣнчаны главы, къ дверямъ
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
Вкругъ храма переходы,
Столбы, обрушенный заборъ,
Растреснутые своды
Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынь, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни.

Вадимъ подходитъ: невдали
Могильный виденъ камень,
Крестъ наклонился до земли,
И легкій, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка, теплится надъ нимъ;
И воронъ, птица ночи,
На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился.... и на небѣ пустомъ,
Трикраты крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоумѣньѣ—
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье:
Онъ видитъ, нѣкто приподнялъ
Изсохшими руками
Могильный камень, блѣденъ всталъ,
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ будто бы моляся,
Пошелъ, стучаться началъ въ храмъ....
Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ,
И тихій подъ стопами
Былъ слышенъ шумъ, и долго, стонъ
Пуская, межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь.... вдругъ межъ кустовъ
Вдали она пропала.
Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
Явилися кровы башенъ.

Вадимъ туда: уединенъ
На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
Стоитъ тамъ замокъ, тихъ, какъ сна
Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
Угрюма, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
Какъ призраки, сѣдыя,
И огромоздилися у вратъ
Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
Смятеннымъ ожиданьемъ—
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь облако сіяньемъ.
Но вдругъ.... слетѣлъ съ луны туманъ,
И боръ засеребрился,
И замокъ весь, какъ великанъ,
Надъ боромъ освѣтился;
И отъ востока вѣтерокъ
Подулъ передразсвѣтный,
И чу!.... изъ-за стѣны звонокъ
Послышался привѣтный.

И что жъ онъ видитъ? По стѣнѣ
Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
Навстрѣчу къ ней другая;
И та, приближась, подастъ
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
На западъ продолжаетъ;
Другая жъ, къ замку съ вышины
Спустившись, исчезаетъ.

И за идущею во слѣдъ
Вадимъ летитъ очами;
Ужъ ясенъ молодой разсвѣтъ
Встаетъ межъ облаками;
Ужъ загорается востокъ...
Она всё далѣ, далѣ;
И тихо ранній вѣтерокъ
Играетъ въ покрывалѣ;
Идетъ—глаза опущены,
Глава на грудь склонилась—
Пришла на поворотъ стѣны;
Поворотилась; скрылась.

Стоитъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
Душа въ немъ замираетъ:
Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
Судьба разоблачаетъ.
Блѣднѣе тусклая луна;
Свѣтлѣй востокъ багровый;
И озаряется стѣна,
И ярко блещутъ кровы;
Къ восточной обратясь странѣ,
Ждетъ витязь.... вдругъ вспылала
Въ немъ кровь.... глядитъ.... тамъ на стѣнѣ
Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотритъ боръ;
Какъ будто ждетъ въ волненьѣ;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
Въ пустынномъ отдаленьѣ....
Вдругъ солнце въ пламени лучей
На краѣ неба стало....
И витязь въ блескѣ передъ ней!
Какъ облакъ, покрывало
Слетѣло съ юнаго чела—
Ихъ встрѣтилися взоры;
И пала отъ воротъ скала,
И раздались ихъ створы.

Стремится на ограду онъ;
Идетъ она съ ограды;
Сошлись.... о, вѣщій, вѣрный сонъ!
О, часъ святой награды!
Свершилось! все—и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто—
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
Въ единый образъ слито!

Глядятъ на небо, слезы льютъ,
Восторгомъ словъ лишенны....
И вдругъ изъ терема идутъ
Къ нимъ дѣвы пробужденны:
Какъ звѣзды, блещутъ очеса;
На ясныхъ лицахъ радость,
И искупленія краса,
И новой жизни младость.
О сладкій воскресенья часъ!
Имъ мнилось: міръ рождался!
Вдругъ.... звучно благовѣста гласъ
Въ тиши небесъ раздался.

И что жъ? Храмъ Божій отворенъ;
Тамъ слышится моленье;
Они туда: храмъ освѣщенъ;
Въ кадильницахъ куренье;
Передъ Угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда;
И пѣкто, свѣтелъ, въ алтарѣ
Простертъ передъ потиромъ,
И возглашается горѣ
Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
Предъ царскими дверями,
И вдругъ.... святой налой предъ нимъ;
Главы ихъ подъ вѣнцами;
Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены;
И кольца обручальны
На персты ихъ возложены;
И слышенъ гимнъ вѣнчальный....
И вдругъ.... все тихо! гимнъ молчитъ;
Безмолвны своды храма;
Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
Алтарь средь ѳміама.

И въ семъ молчаньи кто-то къ нимъ
Привѣтный подлетаетъ,
Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
Ихъ нѣжно отзываетъ....
Куда же?.... о, священный видъ!
Могила передъ ними;
И въ ней спокойно; деритъ покрытъ
Цвѣтами молодыми;
И дышетъ вѣтерокъ окрестъ,
Какъ духъ безплотный, вѣя;
И обвиваетъ свѣтлый крестъ
Прекрасная лилея.

Они упали ницъ въ слезахъ;
Ихъ сердце вѣсти ждало
И трепетомъ священный прахъ
Могилы вопрошало....
И было всё для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенны древеса
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними.....

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ....
Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?
Гдѣ чудомъ освященный храмъ?
Все скрылось.... лишь, хранитель
Давно-минувшаго, живетъ
На прахѣ ихъ преданье.
Есть мѣсто.... тамъ игривыхъ водъ
Плѣнительно сверканье;
Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ;
Тамъ сладокъ вѣтра шопотъ,
И съ тихимъ говоромъ древесъ
Волны сліянный рокотъ.

На мѣстѣ оном—такъ гласитъ
Правдивое преданье—
Былъ пепелъ инокинь сокрытъ:
Въ постѣ и покаяньѣ
При гробѣ грѣшника-отца
Онѣ кончины ждали,
И примиреннаго Творца
Въ молитвахъ прославляли....
И улетѣла къ небесамъ
Съ земли ихъ жизнь святая,
Какъ улетаетъ ѳміамъ
Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ оном—въ свѣтлый часъ
Земли преображенья—
Когда, послышавъ утра гласъ,
Съ звѣздою пробужденья,
Востока ангелъ въ тишинѣ
На край небесъ взлетаетъ,
И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ,
Когда и холмъ, и лугъ, и лѣсъ,
Все оживленнымъ зрится
И предъ святилищемъ небесъ,
Какъ жертва все дымится.—

Бываютъ тайны чудеса,
Невиданныя взоромъ:
Отшельницъ слышны голоса;
Горѣ хвалебнымъ хоромъ
Поютъ; сквозь занавѣсъ зари
Блистаетъ крестъ; сліянны
Изъ свѣта зрятся алтари;
И, яркими вѣнчанны
Звѣздами, дѣвы предстоятъ
Съ молитвой ихъ святынѣ,
И серафимовъ тьмы кипятъ
Въ пылающей пучинѣ.

1811.

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ міръ ее послалъ,
Себѣ не прославленье.
«Будь скорбнымъ Провидѣнье!»
Создавъ ее, сказалъ:
«Кто, счастія лишенъ,
Наскалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ».

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Ея не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
Не скрывайся! я взывалъ;
Непреклонная сокрылась;
Якорь былъ—и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалися валы;
Бездны въ мракѣ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы.
«Нѣтъ надежды на спасенье!»
Я роптalъ, унывъ душой...
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы,
Мощный велъ меня Хранитель.
Вдругъ—все тихо! мракъ исчезъ;
Вижу райскую обитель...
Въ ней трехъ ангеловъ небесъ.

О Спаситель-Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣняхъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость—
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О, судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость—мнѣ страданье;
Но... не дай ихъ пережить.

ПѢСНЯ.

[ПОДРАЖАНІЕ НѢМЕЦКОМУ].

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь...
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабудь.

НАДПИСЬ

КЪ СОЛНЕЧНЫМЪ ЧАСАМЪ
ВЪ САДУ И. И. ДМИТРІЕВА.

И часъ, и день, и жизнь мелькаютъ быстрой тѣнью!
Прошла моя весна съ минутной красотой!

Прости, любовь! конецъ мечтамъ и заблужденью!
Лишь дружба мирная съ улыбкой предо мной!

ЦВѢТОКЪ.

РОМАНСЪ.

[съ ФРАНЦУЗСКАГО].

Минутная краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,
Лишенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ:
Съ тебя листочекъ облетѣлъ —
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нѣтъ;
Звѣзда надежды угасаетъ...
Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ исчезаетъ?

ЖАЛОБА.

РОМАНСЪ.

[изъ ШИЛЛЕРА].

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ всѣ радости земныя
Цвѣтъ увядшій полевой.

«Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю — и холмъ веселой,
И поля омрачены;
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны.

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть *одна* во всей вселенной —
Къ *ней* душа, и мысль объ *ней*;
Къ *ней* стремлю, забывшись, руки —
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?»

ЖЕЛАНІЕ.

РОМАНСЪ.

[изъ ШИЛЛЕРА].

Озарися, долъ туманный;
Разступися, мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны лиры;
Тамъ обитель тишины;
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны;
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ;
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О, предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ;
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу... гдѣ жъ вожатый?
Ѣдемъ!... будь, что суждено...
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

ПѢВЕЦЪ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ бре
струя;

Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ...
Увы! друзья, сей холмъ—могила;
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою—
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
Едва расцвѣлъ—и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы...
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку—
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
«О красный міръ, гдѣ я вотще расцвѣлъ,
Прости навѣкъ; съ обманутой душою
Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ;
Погибло все; умолкни лира;
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!»

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой;
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...
О, пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?»

И нѣтъ пѣвца... его не слышно лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторить имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

* * *

Друзья! «прости»—словцо святое,
Оно не значитъ розно жить;
Напротивъ—неразлучнѣй быть
Воспоминаніемъ и старой дружбой вдвое!

Сказавъ «прости» моимъ друзьямъ,
Себя отъ нихъ не отдаляю,
Въ одномъ лишь словѣ заключаю
И благодарность къ нимъ, и вѣру къ ихъ сердцамъ!

«Прости!»—надежды милый гласъ,
Предвозвѣщающій свиданье!
Въ минуту скорби—упованье
На восхитительный вознагражденья часъ!

Того ужаснаго «прости»,
Которое жестокой силой
Творитъ чужимъ, что было мило,
Не дай намъ никогда, Творецъ, произнести!

«Прости!»—святое завѣщанье
Быть вмѣстѣ даже и вдали,
Залогъ бродящимъ на земли
Путями разными—на вѣрное свиданье.

Никто: «прости, и жизнь и свѣтъ!»
Сказать не можетъ безъ волненья,
Но то лишь знакъ переселенья,
Въ тотъ край, гдѣ о «прости» ужъ и помина нѣтъ!

СТИХИ,

ПРИСЛАННЫЕ СЪ КОМЕДІЯМИ, КОТОРЫЯ К*** ХОТѢЛИ ИГРАТЬ.

Вотъ вамъ, прелестныя сестрицы,
Дюваль, и съ нимъ какой-то *Госсъ-Сте-*
Взявъ на себя чужія лицы, [*панъ**);
На часъ введите насъ въ обманъ,
Что будто *вы* не *вы*; мы будемъ любоваться,
Увидя невзначай переодѣтыхъ васъ!
Но помните, что это лишь *для глазъ*,
И что вамъ надобно тѣмъ, что вы *есть*, остаться,
Чтобъ быть прелестными *для глазъ и для души!*

*) «Gausse-Etienne».

Аллегро милая, будь весела, какъ радость,
Храни безпечную, святую сердца младость,
И, горя не узнавъ, свой жребій соверши!
Смотря, какъ съ жизнію невинно ты играешь,
Невольно сердце вслѣдъ тебѣ увлечено;
Какъ будто самъ навѣрно знаешь,
Что жизнь и счастіе—одно!
О, *Пенсероза!* ты у входа въ свѣтъ, какъ геній,
Стоишь плѣнительна! Высокою душой
Цѣнишь манящіе призраки наслажденій!
И кажется, что все угадано тобой!
Ты создана быть выше свѣта!
И что̀ бъ не привели съ собой грядущи лѣта,
Не въ жизни будешь ты прекраснаго искать,
Но все прекрасное—ты жизни дашь собою!
«*Не измѣнись*»—тебѣ не нужно мнѣ сказать;
Твой *Ангелъ прелести*—съ тобою!

КОЛОВРАТНО-КУРЬЕЗНАЯ СЦЕНА МЕЖДУ ГОСПОДИНОМЪ ЛЕАНДРОМЪ, ПАЛЬЯСОМЪ И ВАЖНЫМЪ ГОСПОДИНОМЪ ДОКТОРОМЪ.

Леандръ *(съ отчаяніемъ).*

Что дѣлать! О Пальясъ! Подай мнѣ стулъ, скотина!

Пальясъ *(въ ужасѣ).*

О небо! стулъ!.. дерзну ль спросить у господина,
Что хочетъ онъ начать?

Леандръ.

Лить слезы и сидѣть!
О! Изабелла! о!..

Пальясъ.

О страхъ! о скорбь! о смерть!..
Но, государь, скрѣпись! всѣ гости наши въ сборѣ!
Скрѣпись! и, выгрузивъ на часъ изъ сердца горе,
Исторгнись изъ пещеръ унылости твоей,
Въ одежду облекись комическихъ затѣй
И смѣло устремись кобениться на сцену!

Леандръ *(не слушая его, погруженный въ задумчивость).*

Блаженъ, въ кого амуръ—такъ, какъ горохомъ въ стѣну,
Безъ пользы разбросалъ изъ тула ст
О, счастья баловень! коль сладокъ у
Проснулся—ѣшь за двухъ! поѣлъ—сыт
И, сонный, сладкою мечтой себя плѣн
Пойдешь гулять — въ лѣсу ты и лишь гр
Не думаешь вздыхать при гласѣ соло
Ни горестно грустить, смотря въ стру

А я, отчаянный огрызокъ злого ро
Что жизнь моя теперь? Гдѣ прежні
Увы! съ холодностью на окорокъ с
Смотрю, съѣвъ пять ломтей! а пр буле
А сальникъ, щи, каймакъ, лапша,
О! Изабелла! о!.. [пеня, р

Пальясъ.

Такъ! правда ваша!—о!
И даже—ахъ!

Леандръ.

Амуръ! Увы! Амуръ!.. Почто?
Доколѣ? Скоро ль? Какъ?..

Пальясъ.

Зачѣмъ? и поколику?..
Но, господинъ Леандръ! Забудьте скор
Вотъ вамъ россійскихъ драмъ, тра опер
Читайте, выберемъ, сыграемъ, дѣло съ
А тамъ—и за любовь!

Леандръ *(съ гнѣвом*

Мнѣ?! мнѣ идти на сцену?!.
Мнѣ!—скотъ, ослъ, болванъ,—забы изм
Увы!.. Въ болѣзненныхъ заклятіяхъ л
Съ ипохондрической горячкою въ
Я дни мерцаніемъ количества счит
И въ безотрадностяхъ лукавства пс
Вотъ—роля днесь моя!..

Пальясъ [*не слуша развертываетъ тетрадь титуль несенныхъ имъ*

Рекрутскій вотъ *наб*

Леандръ *(съ чувствомъ).*

О, скорбь!.. Когда пронзилъ мнѣ сердце милый взоръ,
Все, все сказало мнѣ: ты рекрутъ Изабеллы!
Тогда въ трескучіе моральности предѣлы
Я былъ парешемъ корыстнымъ вознесенъ!
Увы! мечта, мечта!.. Сей обоюдный плѣнъ,
Которымъ, такъ сказать, мой духъ колесовался,
Какъ милый сонъ исчезъ! я пѣшкою остался!..
Жестокая! почто, въ тотъ часъ, какъ самъ собой
Я мыслилъ въ рекруты записанъ быть тобой,
И радъ былъ кашицу ѣсть, безъ ножа и вилокъ,—
Измѣной ты своей мнѣ выбрила затылокъ?..
И, ахъ!.. почто, Пальясъ, дубина, дылда, скотъ,
О семъ наборѣ ты дерзнулъ разинуть ротъ!
(Отчаянно). Я не могу играть *Рекрутскаго набора!*

Пальясъ.

Ну, въ сторону его—еще есть много вздора!
Вотъ *благодарности* вамъ русской *торжество,*
То жъ *Лиза...* [*жество,*

Леандръ.

О, позоръ! о, злое ханжество!
Неблагодарная!.. Не я ль тобой казнился!
Не я ль до полюсовъ любовью громоздился!
Не я ль, исчахнувши, забвенья въ кандалахъ,
Катался день и ночь на пламенныхъ коньках?
И что же? Я забытъ!.. О, полъ неблагодарный!
Какою лейкою, какой трубой пожарной
Залить мнѣ пламень тотъ, которымъ я объятъ!..
О благодарности мнѣ женской здѣсь твердятъ!..
Нѣтъ благодарности! Нѣтъ торжества! Нѣтъ Лизы!
Одни лишь дымные и пухлые капризы...
Вотъ женщина!.. Увы!..

Пальясъ *(продолжаетъ читать).*

Электра и Орестъ
Трагедія въ пяти...

Леандръ.

Умолкни, грубый шестъ!..
(Въ бѣшенствѣ). Но что, какая тьма
мои покрыла очи?..
О, страхъ! вотъ фуріи! Богини мрачной ночи!
Свистятъ на ихъ главахъ бумажные ужи!
Ихъ страшные клыки, какъ тульскіе ножи!
Гдѣ ты, Пальясъ?.. Мой другъ, и ты меня покинулъ!

Пальясъ.

Я здѣсь!

Леандръ.

Ты здѣсь, Эгистъ! какой ты ротъ разинулъ!
Вѣщай мнѣ, гдѣ она?

Пальясъ.

Увы! ея здѣсь нѣтъ!

Леандръ *(въ изступленіи).*

Благодарю боговъ! свершилась мѣра бѣдъ!
Судьба! ты за себя изрядно постояла!
Все кстати, все!.. Конецъ, средина и начало!
Сперва быть влюблену и, какъ въ котлѣ, кипѣть!
Потомъ, женившися, рогами лобъ одѣть!
Что день, то новый рогъ, и, наконецъ, измѣна!
Увы! Изъ мирнаго супружескаго плѣна
Съ домашнимъ поваромъ преступница ушла,—
Обѣдъ мой, и любовь, и счастье унесла,
И солнце на меня навѣки закатилось!
(Приходитъ въ совершенное бѣшенство).
Но что?.. реветъ гроза? все небо возмутилось!
Какой повсюду мракъ! Небесный сводъ трещитъ!..
Кто тамъ съ кастрюлею и вертеломъ стоитъ?

Пальясъ.

Ахъ, господинъ Леандръ!..

Леандръ *(схвативъ его за хохолъ).*

Такъ это—ты предатель,
Ты хищникъ дерзостный, кастрюлей полователь?!.
Попался, наконецъ! въ моихъ теперь рукахъ!..
Но что,—о небеса, о жребій! новый страхъ!..
Безбожникъ!.. Въ фартукъ свой онъ спряталъ Изабеллу!
Ухъ! какъ набѣлена! о стыдъ! полпуда мѣлу
Истерла, чтобъ себѣ паштукатурить лобъ!
Злодѣйка! хищникъ твой сейчасъ сойдетъ во гробъ!

А ты, чумичка! нѣтъ! ужъ нѣтъ тебѣ спасенья!
Въ минуту закипишь въ кастрюлѣ разрушенья!
(*Сбиваетъ Пальяса съ ногъ и садится на него верхомъ*).
Пальясъ (*въ страшной трусости, лежа подъ нимъ*).
Безвинно виновать!.. Конечно, если бъ *онъ*
Былъ *я*!.. а я—не я, тогда бъ другой законъ!
Но, вы помилуйте... Богъ видитъ!... не взыщите!
Взгляните на меня... то есть... да!... такъ!... взгляните!
Я... видите ль? Пальясъ... а вы... а вы... —
Леандръ...
А тотъ отчаянный, кастрюльный саламандръ,
Кухмистеръ, сирѣчь тотъ, съ которымъ Изабелла
Рогатымъ парикомъ вашъ честный лобъ одѣла,
Вѣдь онъ — не я... а я...—не онъ... и, такъ сказать,
За шалости его—меня въ дугу сгибать
Грѣхъ! Самъ Галенъ за то въ Талмудѣ осуждаетъ!
А Изабелла—что? Вѣдь женщина!.. Всякъ знаетъ,
Что женщина... (о томъ такъ мыслили и встарь
И въ наши времена)... опаснѣйшая тварь!
А тварь есть тварь, была и будетъ тварью вѣчно;
Хотя бы жизнь ея тянулась безконечно.
Итакъ, не ясно ли, что женщина всегда—
Какъ ночью ночь, гора горой, водой вода—
Все будетъ женщиной до преставленья свѣта.
Хотите ль мнѣнье знать о томъ Аристетпета?
Умъ женскій зыбкая песчаная гора!
Не просто умъ одинъ, а умъ и полтора
Ума! Но такъ какъ умъ безъ головы хромаетъ—
А голова однимъ умомъ лишь разсуждаетъ —
То, заключаю я, что умъ безъ головы
Есть тоже какъ бишь? да!... Вотъ видите ли вы?
Я это докажу яснѣе вамъ сравненьемъ!
Сравните женщину... то есть... съ морскимъ волненьемъ!
Или... вы знаете, она, какъ барометръ!
То внизъ, то вверхъ!—То такъ, то инакъ!.. Дунетъ вѣтръ,
И повернулася вертушка!... Нынче холодъ,
А завтра зной!.. Тотъ старъ, а тотъ ей слишкомъ молодъ!
То кажется ей бѣлъ, то сизъ, то смуглъ, то сѣръ!
И словомъ, я скажу... Возьмите вы въ примѣръ
(Ибо примѣръ одно и то же, что сравненье,
А изъ сравненія выходитъ увѣренье)...
Когда начнетъ грозой вздыматься океанъ,
И небо, вздутое какъ будто барабанъ,
Гремитъ, и вихри всѣ толпятся на тревогу
И всюду трескъ и свистъ и пламень!
Страхъ, ей-Богу!
Все море кипятокъ, за валомъ грозный валъ!
Корабль то на чердакъ, то съ чердака въ подвалъ!—
Такъ точно женщина! Съ ней жить—какъ будто съ волкомъ!
Вы: *да*! она вамъ: *нѣтъ*!... А все вѣдь тихомолкомъ!...
Иль, такъ сказать, въ связи... то есть... ни дать, ни взять,
Какъ нѣчто... или вамъ яснѣй растолковать,
Вотъ такъ... какъ напримѣръ... Видали ль вы каклюшки?...
Ну право! женщина не стоитъ ни полушки.
Леандръ (*погружается въ продолженіе Пальясовой рѣчи въ задумчивость и во все это время держитъ его за виски, прижавъ головою къ полу. Потомъ съ чувствомъ и спокойно*)
О, философія! коль сладостенъ твой гласъ!
О, сколь краснорѣчивъ ты, нѣжный мой Пальясъ!
Я чувствую... въ душѣ моей утихла буря!
Любовь, — прости навѣкъ! Будь сердце лучше тюря,
Чѣмъ обиталище любовничьихъ заботъ!
Поздравь меня, Пальясъ, болванъ, дубина, скотъ!
Я возвратилъ покой, я плѣнъ свой уничтожилъ.

снова, какъ фениксъ, сгорѣвъ, изъ пепла ожилъ!

Докторъ (*входитъ*).

ужасъ! о позоръ! что дѣлаешь Леандръ?
альясъ не Буцефалъ, а ты не Александръ!
ь чему жъ толь гордая колеблемость мечтаній?
:зумцы краткіе! рабы сѣдыхъ страданій!
итѣмъ ли я сюда, статуи, васъ предслалъ?..
лицедѣйственныхъ причудъ отъ васъ алкалъ?
вы манежными коварствами прельстяся,
ь коня и рыцаря безумно обратяся,
оптитесь дерзостно въ бездѣйствіи глухомъ!..
вспять васъ обращу отселѣ голикомъ!
ли, геройственно снабдившись шаропехомъ,
ейчасъ наполню вашъ хребетъ стыдомъ
чиститесь отсель!— [и смѣхомъ!

Леандръ (*вставъ, гордо*).

Возстану, всталъ, пошелъ!
йди за мной, Пальясъ, дубина, скотъ, оселъ!

(*Уходитъ. Пальясъ за нимъ*).

Докторъ (*за ними, съ презрѣніемъ*).

Такъ! кислотворные потомковъ тухлыхъ чада!
Не вамъ принадлежитъ плесканій здѣсь награда!..
Четвероножный сынъ мистическихъ чудесъ,
И ты, о кабалистъ, иль паче дивный бѣсъ,
Предстаньте! Къ почестямъ хвалебнымъ взгромоздитесь!
А вы, сыны очесъ, взирайте и чудитесь!

(*Начинаетъ фокусъ-покусъ*).

---

* * *

Мой милой другъ,—
Знать недосугъ
Писать къ друзьямъ?
Присталъ къ мужьямъ!
И съ высока,
Какъ съ чердака,
На бѣдняковъ—
Холостяковъ—
Смѣясь глядишь:
И говоришь:
«Вы дураки!
«Какъ челноки,
«Игрою волнъ!..
«Мой мирный челнъ
«Нашелъ пріютъ!
«Старинный плутъ,
«Эротъ слѣпой—
«Былъ кормщикъ мой!..
«Ревѣлъ борей—
«И, какъ злодѣй,
«Сожрать грозилъ!
«Но вѣрой былъ
«Отъ бурь, друзья,
«Избавленъ я!
«Теперь мнѣ смѣхъ:
«Гляжу на всѣхъ
«Изъ уголка!
«Мнѣ жизнь легка,—
«Вамъ тяжкій грузъ;
«Безъ милыхъ узъ
«Что жизнь для насъ!..»—
Ну, въ добрый часъ!
Радъ отъ души!
Да—напиши,
Что, мужемъ ставъ,
Ты старый нравъ
Сберегъ друзьямъ!
Вѣдь по годамъ,—
Не по часамъ!—
Друзья растутъ!
Пусть Леля-плутъ
Или Эротъ
Свое возьметъ!
Но часть и—намъ,
Твоимъ друзьямъ!..
Апухтинъ правъ!
Вѣдь бѣсъ лукавъ:
Онъ всѣмъ вертитъ—
И твой піитъ
Лекенемъ сталъ!
Въ Орлѣ игралъ
Въ Филинѣ онъ!
И былъ смѣшонъ!
Подъ парикомъ,
Какъ подъ шатромъ,
На двухъ ногахъ,
Какъ на клюкахъ,
Онъ въ первый разъ
Для трехсотъ глазъ
(Хоть и не радъ)—
Былъ адвокатъ.

Зато ужъ онъ
Не селадонъ!
Роль волокитъ
Ему не льститъ!
Апухтинъ вралъ,
Когда сказалъ,
Что милый взоръ,
Какъ хитрый воръ,
Исподтишка
У чудака
Полсердца сжогъ!
Свидѣтель Богъ,—
Что это ложь!
Не дѣлай рожъ!..
Я—не въ Орлѣ!
Живу въ селѣ,
Земномъ раю;
И жизнь свою
Въ трудѣ, во снѣ
И въ тишинѣ,
Таясь, веду,—
И только жду,
Что стукнетъ въ дверь
Плѣшивый звѣрь,
Съ большой косой;
И скажетъ: «Стой!
Оконченъ путь;
Пора заснуть!
И—добра ночь!..»
Вотъ я—точь въ точь!..
Ты хочешь знать,
Позволю ль ждать
Меня зимой
Или весной
Въ Москву?—Отвѣтъ
Короткій: нѣтъ!..

1812.

КЪ БАТЮШКОВУ.

ПОСЛАНІЕ.

Сынъ нѣги и веселья,
По музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья
Лечу вкусить съ тобой;
Отдамъ поклонъ пенату,
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увей же скромну хату
Вѣнками изъ цвѣтовъ;
Узорнымъ покрываломъ
Свой шаткій столъ одѣнь,
Вооружись фіаломъ,
Шампанскаго напѣнь,
И стукнемъ въ чашу чашей,
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной музѣ нашей
Дань перваго вина.
Вхожу въ твою обитель:
Здѣсь веселъ ты съ собой,
И, лѣни другъ, покой
Дверей твоихъ хранитель.
Все ясно вкругъ меня;
Закатъ румяный дня
Живѣе здѣсь играетъ
На зелени луговъ,
И чище отражаетъ
Здѣсь виды береговъ
Источникъ тихоструйный;
Здѣсь кротокъ вихорь буйный;
Пріятнѣй сѣнь листовъ
Зефиры здѣсь колышутъ,
И слаще нѣгой дышутъ;
Укромный домикъ твой
Не златомъ—чистотой
И свѣтлостью плѣняетъ;
Въ окно твое влетаетъ
Цвѣтовъ пріятный духъ;
Терасъ, предъ нимъ дерновый
Узорный полукругъ;
Тамъ ландыши перловы,
Тамъ розовы кусты,
Тюльпанъ, нарцисъ душистой,
И тубероза—чистой
Эмблема красоты,
Съ роскошнымъ анемономъ;
Едва примѣтнымъ склономъ
Твой сходитъ садъ къ рѣкѣ;
Шумитъ не вдалекѣ
Тамъ мельница смиренна:
Съ колесъ жемчужна пѣна
И брызговъ дымъ сѣдой;
Мелькаетъ надъ рѣкой
Веселая купальня,
И, гость изъ края дальня,
Уютный домикъ свой
Тамъ швабскій гусь спесивой
На островѣ подъ ивой,

Межъ дикою крапивой
Безпечно заложилъ.
Такъ! здѣсь пріютъ поэта:
Душа моя согрѣта
Вліяньемъ горнихъ силъ,
И вся ничтожность свѣта
Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ...
Незримый Аполлонъ
Промчался надо мною;
Ликуй, мой другъ-поэтъ.
Довольнѣе судьбою
Поэтовъ подъ луною
И не было и нѣтъ.
Ихъ жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить въ удѣлы свѣтъ
Преемникъ древній Крона
Задумалъ искони.
«Дѣлитесь»!—съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроилися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ—
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиренный земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельный плодъ,
Могущество—владѣлецъ;
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями;
Взялъ откупъ арендарь,
А пастырь—душъ алтарь
И силу надъ умами
«Будь каждый при своемъ
(Рекъ царь земли и ада);
Вы сѣйте, добры чада;
Мнѣ жертвуйте плодомъ».
Но вотъ... съ земли предѣла
Приходитъ и поэтъ;
Увы! ему удѣла
Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ;
Къ Зевесу онъ съ мольбою:
—Отецъ и властелинъ,
За что забытъ тобою
Любимѣйшій твой сынъ?—
«Не я виной забвенья.
Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
Зачѣмъ ты уходилъ»?
—Увы! я былъ съ тобою
(Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ);
Величествомъ, красою
Небесъ твоихъ, отецъ,
Мои питались взоры;
Тамъ пѣли дивны хоры;
Я сердце возносилъ
Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ...
Но, ахъ! плѣненъ небеснымъ,
Земное позабылъ.—
«Мой сынъ, удѣлы взяты;
Мнѣ жаль твоей утраты;
Но рай передъ тобой;
Согласенъ ли со мной
Дѣлиться небесами?
Блаженствуя съ богами,
Ты презришь міръ земной.»
Съ тѣхъ поръ—необожатель
Подсолнечныхъ суетъ—
Сталъ вѣрный обитатель
Страны духовъ поэтъ,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпѣ дороги нѣтъ;
Тамъ чудотворны боги
Веселые чертоги
Сліяли изъ лучей,
Въ мерцающей долинѣ,
Любимицѣ своей
Фантазіи-богинѣ;
Ея *природа* мать;
Безпечно ей играть
Даетъ она собою;
Но, радуясь игрою,
Велитъ ее хранить
Тремъ чадамъ первороднымъ,
Чтобъ прихотямъ свободнымъ
Ее не заманить
Въ туманы заблужденій:
То съ пламенникомъ *геній*,
Наука съ свиткомъ музъ,
И съ легкою уздою
Очами зоркій *вкусъ*;
Съ веселою сестрою
Согласные, они
Тамъ нѣжными перстами
Віютъ златые дни;
Все ихъ горитъ лучами;
Во все духъ жизни влитъ:
Въ потокѣ тамъ журчитъ

Гармонія наяды;
Хранимъ Сильваномъ лѣсъ;
Грудь юныя Дріады
Подъ коркою древесъ
Незримая пылаетъ;
Зефиръ струи ласкаетъ
И вьется вкругъ лилей;
Нарцисъ глядитъ въ ручей;
Среди прозрачной пѣны
Летучихъ облаковъ
Мелькаетъ рогъ Селены,
И въ сумракѣ лѣсовъ
Тоскуетъ Филомела.
Хранятъ сего удѣла
Магическій покой
Невинность—геній милый
Съ *безпечностью*—сестрой:
И ихъ улыбки силой
Ни *скукою* унылой,
Ни мрачной *суетой*,
Ни *алчностью* угрюмой,
Ни *мести* грозной думой,
Ни *зависти* тоской
Тамъ свѣтлость не мрачится;
Тамъ ясная таится,
Веселью вѣрный другъ,
Гордынею забыта,
Посредственность—харита,
И ихъ согласный кругъ
Одушевляемъ *славой*—
Не той богиней бѣдъ,
Которая кровавой
Кладетъ вѣнецъ побѣдъ
Въ дымящіяся длани
Свирѣпостію брани—
Но милою, живой,
Небесною сестрой
Небесныя *надежды*;
Чужда порока, врагъ
Безумца и невѣжды,
Ея жилища прагъ
Ужасенъ недостойнымъ;
Но тѣмъ душамъ спокойнымъ,
Гдѣ чувство въ простотѣ
Какъ тихій день сіяетъ,
Въ могущей красотѣ
Она себя являетъ,
И, въ нихъ воспламенивъ
Къ великому порывъ,
Къ прекрасному стремленье,
Ко благу страстный жаръ,
Имъ оставляетъ въ даръ:
Собою наслажденье.
Мой другъ, и ты пѣвецъ;
И твой участокъ лира;
И ты въ мечтахъ жилецъ
Незнаемаго міра...
Въ мечтахъ? Почто жъ въ мечта
Почто мы не съ крылами,
И вольны лишь мечтами,
А наяву въ цѣпяхъ?
Почто сей тяжкій прахъ
Съ себя не можемъ сринуть,
И міръ совсѣмъ покинуть,
И намъ дороги нѣтъ
Изъ мрачнаго изгнанья
Въ страну очарованья?
Увы! мой другъ... поэтъ,
Призраками богатый,
Безпечностью дитя—
Онъ могъ бы жить, шутя;
Но горькія утраты
Живутъ и для него.
Хотя передъ слѣпою
Богинею, покою
Не тратитъ своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свѣтъ тайкомъ,
Въ своемъ углу знакомъ
Съ безславіемъ тщеславныхъ,
Съ печалями забавныхъ
Фигляровъ-остряковъ,
И съ мукою льстецовъ,
Предъ тронами ползущихъ
И съ бѣшенствомъ падущихъ
Въ изрытый ими ровъ—
Но тѣ живѣйши раны,
Которыя, какъ враны,
Вгрызаясь въ глубь сердецъ,
Въ нихъ радость истребляютъ
И жизнь ихъ пожираютъ,
Ихъ знаетъ и пѣвецъ.
Какими, другъ, мечтами
Сберечь души покой,
Когда передъ глазами,
Подъ дланью роковой,
Погибнетъ то, что мило,
И схваченный могилой

Исчезнетъ предъ тобой
Души твоей родной;
А ты, осиротѣлой,
Дорогой опустѣлой
Ко гробу осужденъ
Одинъ, снѣдая слезы,
Тащить свои желѣзы?
И много ли замѣнъ
Намъ дастъ мечта крылата
Тогда, какъ безъ возврата
Блаженство улетитъ,
Съ блаженствомъ упованье,
И въ сердцѣ замолчитъ
Унывшее желанье;
И ты, какъ палачомъ
Преступникъ раздробленный,
И къ плахѣ пригвожденный,
Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій-истребитель
Все то, чѣмъ ты дышалъ,
Что, сердцемъ увлеченный,
Въ надеждѣ восхищенной,
Своимъ ужъ называлъ,
Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ...
Тебѣ жъ одно терзанье
Надъ гробомъ милыхъ благъ?

Но полно!.. Муза съ нами;
Безсмертными богами
Не всѣмъ, мой другъ, она
Въ сопутницы дана.
Кто слышалъ въ часъ рожденья
Небесной дѣвы гласъ,
Въ комъ искра вдохновенья
Съ огнемъ души зажглась:
Тотъ вѣрный отъ судьбины
Найдетъ здѣсь уголокъ.
Въ покрыты мглой пучины
Замчался мой челнокъ...
Но свѣтитъ для унылой
Еще души моей
Поэзіи свѣтило.
Хоть прелестью лучей
Бунтующихъ зыбей
Оно не усмирило...
Но мгла озарена;
Но сладостнымъ сіяньемъ,
Какъ тайнымъ упованьемъ,
Душа ободрена,
И милая мелькаетъ
Въ дали моей мечта...
Доколь, мой другъ, плѣняетъ
Добро и красота,
Доколь огнемъ священнымъ
Душа еще полна,
И дверь растворена
Предъ взоромъ откровеннымъ
Въ святой природы храмъ,
Доколь хариты намъ
Веселыя послушны:
Дотоль еще къ бѣдамъ
Быть можемъ равнодушны.
О, добрый геній мой,
Послѣднихъ благъ спаситель
И жребія смиритель,
Да свѣтитъ надо мной,
Во мглѣ путеводитель,
Твой, муза, милый свѣтъ!

А ты, мой другъ-поэтъ,
Храни твой даръ безцѣнный;
То Весты огнь священный;
Пока онъ не угасъ—
Мы живы, невредимы,
И рокъ неумолимый
Свой громъ неотразимый
Бросаетъ мимо насъ.
Но пламень сей, лишь въ ясной
Душѣ неугасимъ.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующіе муки,
Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Несчастнаго дружимъ
Съ сокрытымъ Провидѣньемъ,
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать

Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать:
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой;
Когда къ дверямъ смиреннымъ
Обители твоей
Придетъ, съ толпою фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна-врагъ счастливыхъ:
Ты двери на замокъ;
Пускай толпа стучится;
Содомъ сей въ уголокъ
Поэта не вмѣстится,
Не вытѣснивъ харитъ.
Но если залетитъ
Веселій рой вертляный—
Дверь настежь, милый другъ.
Пускай въ ихъ шумный кругъ
Войдутъ: и *Вакхъ* румяный,
Украшенный вѣнкомъ,
Съ состарѣвшимъ виномъ,
Съ наслѣдственною кружкой,
И *шутка* съ погремушкой,
И *пляски* шумный хоръ—
Имъ радъ *досугъ* шутливый;
Они осклабятъ взоръ
Работы молчаливой.
Задумчивость подъ часъ
Впускай въ пріютъ укромный:
Ея чуть слышный гласъ
И взоръ пріятно-томный
Переливаютъ въ насъ
Покой и услажденье;
Она уединенье
Собой животворитъ;
Она за дальни горы
Насъ къ милому стремитъ—
И радостные взоры,
Согласные съ душой,
За синевой туманной
Встрѣчаются съ желанной
Возлюбленныхъ мечтой;
Ея волшебной силой
Въ гармоніи унылой
Осенняго листка
И въ тихомъ вѣтерка
Вдоль рощи трепетаньи,
И въ легкомъ содроганьи
Дремавшія волны,
Какъ будто съ вышины,
Спускается пріятный
Минувшаго привѣтъ,
И то, что невозвратно,
Чего навѣки нѣтъ,
Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни
Невозвратимыхъ тѣни.
Но, другъ мой, приготовь
Въ обители смиренной
Ты теремъ отдѣленной:
Имѣть постой безсмѣнной
И *дружба* и *любовь*
Привыкли у поэта;
Лишась блестящихъ свѣта
Отличій и даровъ,
Ему необходимо,
Подъ свой пустынный кровъ
Все то, что имъ любимо,
Собрать въ единый кругъ;
Съ кѣмъ милая и другъ,
Тотъ въ уголъ свой забвенный
Обширныя вселенны
Всю прелесть умѣстилъ;
Онъ міръ свой оградилъ
Заборомъ огорода,
И вдаль за густой
Не слѣдуетъ мечтой.
Посредственность, свобода,
Животворящій трудъ,
Веселіе досуга
Близъ милыя и друга,
И пѣнистый сосудъ

Въ часъ вечера пріятной
Подъ липой ароматной
Съ забвеніемъ сусть,
Вотъ все... Но, другъ-поэтъ,
Любовь—святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится...
И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При ней цвѣтемъ душой!
Она, какъ ангелъ милой,
Одной явленья силой,
Могучая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость!
Движеній тишина!
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна!
Рѣчей очарованье!
Безпечность простоты,
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ несказанной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена;
Вкушаетъ сладость рая;
Земное отвергая,
Небеснаго полна.
О другъ! доколѣ младость
Съ мечтами не ушла,
И жизнь не отцвѣла,
Спѣши любови сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда—всему конецъ;
Но буйностью развратной
Испорченныхъ сердецъ,
Мой другъ, да не сквернится
Твой непорочный жаръ:
Любовь есть неба даръ;
Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
Кто любитъ, тотъ душой,
Какъ день весенній, ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ...
Ахъ! въ мірѣ семъ—*она*...
Ея святымъ полна
Присутствіемъ природа;
Съ денницею со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,
И въ смутномъ пробужденья
Блаженствѣ говоритъ:
Я въ мірѣ! я съ тобою!
Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей,
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою ліется,
И мыслишь: ангелъ вьется
Незримый надъ тобой.
При ней—задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣлъ твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье,
И страстное мечтанье—
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,

Ты одинокъ съ толпой;
Она—въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя;
Съ ней розно—лишь въ уныломъ
Мечтаньи бытія
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою къ тѣмъ краямъ,
Гдѣ ангелъ твой прелестной;
Твое блаженство тамъ
За синевой небесной,
Въ туманной сей дали —
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой.
Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ,
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ.
Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ,
И тихихъ рощей сѣни,
И темный рядъ холмовъ—
Она передъ тобою;
Съ природы красотою,
Совсѣмъ въ душѣ слита
Любимая мечта.
Когда воспламененной
Ты мыслію летишь
Къ Правителю вселенной,
Или обѣтъ творишь—
Забыть стезю порока,
При всѣхъ измѣнахъ рока
Быть добрымъ и прямымъ,
И слѣдовать святымъ
Урокамъ и велѣньямъ
И тайнымъ утѣшеньямъ
Лишь совѣсти одной,
Когда, разсудка властью
Торжествовавъ надъ страстью,
Ты выше сталъ душой,
Иль сиротѣ, убитой
Страданіемъ, сокрытой
Благотворилъ рукой—
Кто, кто тогда съ тобой?
Кто чувствъ твоихъ свидѣтель?
Она!... твой другъ, твоя
Невинность, добродѣтель.
Лишь счастіемъ ея
Ты счастье измѣряешь,
Лишь въ немъ соединяешь
Всѣ блага бытія.
Любовь—себя забвенье!
Ты молишь Провидѣнье,
Чтобъ никогда тоской
Взоръ милый не затмился,
Чтобъ грозный лишь съ тобой
Судъ рока совершился.
Лить слезы, жертвой быть
За ту, кѣмъ сердце жило,
Погибнувъ, жизни милой
Спокойствіе купить—
Вотъ жребій драгоцѣнный!
О другъ! тогда для насъ
И бѣдствія священны.
И пусть тотъ лучъ угасъ,
Которымъ украшался
Путь жизни предъ тобой,
Пускай навѣкъ съ мечтой
Блаженства ты разстался—
Своихъ лишенныхъ благъ,
Ты живъ блаженствомъ милой:
Какъ тихое свѣтило,
Оно въ твоихъ глазахъ
Межъ тучами играетъ,
И духъ не унываетъ
При сладостныхъ лучахъ.

Прости жъ, поэтъ безцѣнной;
Пускай живутъ съ тобой,
Въ обители смиренной,
Посредственность, покой,
И музы, и харпты,
И лары домовиты;
Ты къ нимъ любовь питай,
Строй лиру для забавы,
И мимоходомъ славы
Жилище посѣщай;
И благодать святая
Ея съ тобою будь!

Но, съ музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
И матери заботъ
Фортунѣ поклонившись,
Куда глаза глядятъ,
Идетъ своей тропою
Безпечно за судьбою.
Хотя и не богатъ
Онъ милостями счастья,
Но муза отъ ненастья
Дала ему пріютъ;
Туда не забредутъ
Ни хитрости разврата,
Ни свѣта суеты;
Не зная нищеты,
Не знаетъ онъ и злата;
Мечты—его народъ:
Сбираетъ съ нихъ доходъ
Фантазія крылата.
Что ждетъ его вдали,
О томъ онъ забываетъ;
Давно не довѣряетъ
Онъ счастью на земли.
Но, другъ, куда бъ судьбою
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной;
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ—
Для нихъ стихи кропаетъ,
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ.

НИНА КЪ СВОЕМУ СУПРУГУ
ВЪ ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

Другъ! въ тотъ мигъ, какъ изъ безвѣстной стороны ты въ міръ вошелъ,
Мнѣ привидѣлся прелестный
Геній, Промысла посолъ.
Недозрѣвшая душою,
Я младенецъ лишь была—
Онъ предсталъ—и предо мною
Вся природа расцвѣла.

Онъ душѣ моей смятенной
Даль грядущаго открылъ,
И съ поры той незабвенной
Ясный лучъ мнѣ спутникъ былъ;
Никогда не отвращала
Отъ свѣтила я очей,
Сколь душа бы ни страдала,
Все жила надежда въ ней.

И всечасно сокровенной
Утѣшитель мнѣ твердилъ:
«Ты въ единой съ нимъ вселенной,
Жребій васъ ужъ обручилъ!
Ожидай, предстанетъ милой
Съ вѣрнымъ счастьемъ предъ тобой...»
Скоро ль? Долго ль? Тайно было,
Но я вѣрила душой!

Все сбылося! Провидѣнье
Свой исполнило обѣтъ!
Сердца стихнуло волненье,
Неизвѣстности ужъ нѣтъ!
Все, что въ жизни сей безцѣнно,
Все въ тебѣ судьбой дано!
Счастье мнѣ мое священно!
Плодъ твоей любви оно.

КЪ А. Н. АРБЕНЕВОЙ.

«Разсудку глазъ! другой воображенью!»
Такъ пишетъ мнѣ мой стародавній другъ.
По совѣсти, такому наставленью
Послѣдовать я соглашусь не вдругъ.
Не славно быть циклопомъ одноокимъ!
Но почему жъ славнѣе быть *косымъ*?
А на землѣ, гдѣ опытомъ жестокимъ
Мы учены лишь горестямъ однимъ,
Не лучшій ли намъ другъ воображенье?
И не оно ль волшебнымъ фонаремъ
Являетъ намъ на платѣ роковомъ
Блестящее блаженства привидѣнье?
О, другъ мой! Умъ всѣхъ радостей палачъ!
Лишь горькій сокъ даетъ сей грубый врачъ!
Онъ бытіе жестоко анатомитъ:
Едва плѣнилъ мечты *наружный* свѣтъ,
Уже злодѣй со *внутреннимъ* знакомитъ;
Призракъ исчезъ, и грація—скелетъ.
Оставимъ тѣмъ, кто благами богаты,
Ихъ обнажать, чтобъ рокъ предупредить;
Пускай спѣшатъ умомъ ихъ истребить,
Чтобъ не скорбѣть отъ горькой ихъ утраты.
Но у кого они наперечётъ,
Тому совѣтъ: держись воображенья!

Оно всегда въ печальный жизни счетъ
Веселыя припишетъ заблужденья!
А мой султанъ—султанамъ образецъ!
Не всѣ его придворные поэты
Награждены дипломами діэты
Иль вервіемъ... Для многихъ есть вѣнецъ.
Удавка тѣмъ, кто ищутъ славы низкой,
Кто безъ заслугъ, безкрылые, ползкомъ,
Вскарабкались къ вершинѣ Пинда склизкой—
И давитъ Фебъ лавровымъ ихъ вѣнкомъ.
Постъ не бѣда тому, кто пресыщенья
Не попыталъ, родяся бѣднякомъ;
Онъ съ алчностью желаній незнакомъ.
Въ поэтѣ нѣтъ къ излишнему стремленья!
Онъ не слуга *блистательнымъ* мечтамъ;
Онъ вѣрный другъ однѣмъ мечтамъ *счастливымъ*.
Давно сказалъ мудрецъ еврейскій намъ:
«*Все суета!*» Урокъ всѣмъ хлопотливымъ.
И суета, мой другъ, за суету—
Я милую печальной предпочту:
Подъ гибельной сатурновой косою
Возможно ли нетлѣннаго искать?
Оно насъ ждетъ за дверью гробовою;
А на землѣ всего вѣрнѣй—мечтать!
Плѣнительно твое изображенье!
Ты мнѣ судьбу завидную сулишь
И скромное мое воображенье
Высокою надеждой пламенишь.
Но жребій сей, прекрасный въ отдаленьѣ,
Сравнится ль съ тѣмъ, что вижу предъ собой?
Здѣсь мирный трудъ, свобода съ тишиной,
Посредственность и кругъ друзей священ-
И муза, вождь судьбы моей смиренной! [ной,
Я не рожденъ, мой другъ, подъ той звѣздой,
Которая влечетъ во храмъ Фортуны;
Мнѣ тяжелы Ареевы перуны.
Кого судьба для славы обрекла,
Тому она съ отважностью дала
И быстроту, и пламенное рвенье,
И даръ: ловить летящее мгновенье,
«Препятствія въ удачу обращать
И гибкостью упорство побѣждать!»
Ему всегда въ надеждѣ исполненье
Но что же есть подобное во мнѣ?
И тѣни нѣтъ сихъ рѣдкихъ дарованій!
Полжизни я истратилъ въ тишинѣ;
Застѣнчивость, умѣренность желаній,
Привычка жить всегда съ однимъ собой,
Довѣрчивость съ безпечной простотой—
Вотъ все, мой другъ! Увы! запасъ убогой!
Пойду ли съ нимъ той страшною дорогой,
Гдѣ гибелью грозитъ намъ каждый шагъ?
Кто чуждъ себѣ—себѣ тотъ первый врагъ:
Не за *своимъ* онъ счастіемъ помчится,
Но съ *собственнымъ* безумно разлучится.
Нельзя искать съ надеждой не обрѣсть.
И *неуспѣхъ* тяжелѣ *неисканья*.
А мнѣ на что всѣ счастія дарованья?
Съ кѣмъ ихъ дѣлить? Кому ихъ въ даръ принесть?...
«Полезенъ будь!»—Такъ! польза долгъ священный!
Но мнѣ твердитъ мой умъ не ослѣпленный:
Не зная звѣздъ, брегонъ не покидай!
И съ сильнымъ вслѣдъ, безсильный, не дерзай!
Имъ кругъ большой! ты дѣйствуй въ маломъ кругѣ!
Орелъ летитъ отважно въ горній край;
Пчела свой медъ на скромномъ копитъ лугѣ!
И, не входя съ моей судьбою въ споръ,
Безъ ропота иду вослѣдъ за нею!
Что отняла, о томъ не сожалѣю!
Чужимъ добромъ не обольщаю взоръ.
Богачъ ищи богатства быть достойнымъ;
Я обращу на *пользу* даръ пѣвца!
Кому дано бряцаньемъ лиры стройнымъ
Любовь къ добру переливать въ сердца,
Тотъ на землѣ не тщетный обитатель.
Но царь, судья, и воинъ, и писатель,
Не равные степенями, равны
Въ возвышенномъ къ прекрасному стре-
Всѣмъ на добро одни права даны! [мленьѣ!
Мой другъ! для всѣхъ одно здѣсь Провидѣнье!
Въ очахъ сего незримаго судьи
Мы можемъ всѣ быть равныхъ благъ достойны.
Среди земныхъ превратностей спокойны,
И чистыми сберечь сердца свои.
Я съ цѣлью сей, для всѣхъ единой въ мірѣ,
Соединю мнѣ сродный трудъ пѣвца.
Любить добро и пѣть его на лирѣ—
Вотъ все, мой другъ! Да будетъ власть Творца!

16 іюля 1812 г.

Vol. I

ПРИМѢЧАНІЯ.

Ода: Благоденствіе Россіи, устрояемое Великимъ ея Самодержцемъ Павломъ Первымъ.

Напечатано было въ изданіи: „Рѣчь, разговоръ и стихи, читанные въ публичномъ актѣ, бывшемъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, декабря 12 дня 1797 года“ въ приложеніи; въ собраніе сочиненій при жизни автора не вносилось. Къ вышеприведенному заглавію, въ изданіи прибавляется указаніе на автора: „Ода..., читанная сочинившимъ ее воспитанникомъ Василіемъ Жуковскимъ“.

М. М. Хераскову отъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона.

М. М. Херасковъ (1733—1807), бывшій въ теченіе 25 лѣтъ куратором (попечителемъ) московскаго университета и вмѣстѣ ближайшимъ начальникомъ благороднаго университетскаго пансіона, оставилъ по себѣ самую добрую память какъ въ студентахъ университета, такъ и въ воспитанникахъ пансіона. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—замѣчаетъ Лонгиновъ:— что всѣ они раздѣляли чувства, выраженныя Жуковскимъ въ приведенномъ стихотвореніи...“

Могущество, слава и благоденствіе Россіи.

Первоначально напечатано было въ изданіи: „Рѣчь, разговоръ, стихи“ и пр.; нѣсколько позднѣе—въ изданіи: „Утренняя Заря“, 1800 г., кн. I. Журналъ „Утренняя Заря“ принадлежалъ къ числу изданій, выходившихъ при пансіонѣ, и пополнявшихся главнымъ образомъ сочиненіями и переводами воспитанниковъ пансіона, какъ это и указывается въ самомъ заглавіи: „Утренняя Заря. Труды воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“. Сборникъ имѣлъ характеръ періодическаго изданія; но вышло всего шесть книжекъ (1800—1808). Первая книжка сборника сопровождается отъ издателей такимъ предисловіемъ: „Нѣсколько молодыхъ благородныхъ людей, воспитываемыхъ подъ надежнымъ руководствомъ благонамѣренныхъ попечителей, для успѣшнѣйшаго образованія своего вкуса и для большаго усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ, собираются однажды въ недѣлю читать свои сочиненія и переводы, сообщаютъ другъ другу свои о томъ мысли и замѣчанія, и общими взаимными усиліями исправляютъ свои упражненія. Число сихъ упражненій теперь довольно велико, и лучшія изъ нихъ рѣшились трудившіеся издать въ свѣтъ, подъ именемъ „Утренней Зари“. Такое заглавіе показалось имъ весьма прилично. Въ самомъ дѣлѣ, что лучше „Утренней Зари“ изображаетъ незрѣлость или способностей и ограниченность познаній?“

Герой.

Стихотвореніе это до сихъ поръ оставалось не напечатаннымъ. Читается въ черновыхъ бумагахъ поэта, въ собраніи И. П. Библіотеки по опис. И. А. Бычкова, папка № 12, л. I—4, въ спискѣ, набѣло переписанномъ неизвѣстною рукою, и съ подписью: „Василій Жуковскій“.

Сельское кладбище.

Томасъ Грей (Thomas Gray, 1716—1771) англійскій поэтъ, авторъ переведенной Жуковскимъ элегіи, какъ было замѣчено нами въ біографическомъ очеркѣ, былъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ и характерныхъ представителей новаго теченія въ европейской литературѣ, возникшемъ съ конца XVII ст., представлявшаго собою реакцію столь долго господствовавшему повсюду псевдо-классицизму. Переведенная Жуковскимъ элегія — лучшее произведеніе Грея. Элегія была написана въ 1751 г. и переведена была на всѣ европейскіе языки; авторъ болѣе всего обязанъ ей своей извѣстностью. Грей похороненъ въ Букингемширѣ, на живописномъ уединенномъ кладбищѣ, которое, по преданію, и описано въ его знаменитой „элегіи“.

На смерть Андрея Тургенева.

Андрей Тургеневъ былъ старшимъ сыномъ Ив. Петр. Тургенева, бывшаго въ періодъ пансіонской жизни Жуковскаго директоромъ пансіона, и съ домомъ его ранѣе всего сблизился Жуковскій, живя въ пансіонѣ. Изъ сыновей И. П. Тургенева особенно сдружился онъ съ старшимъ, Андреемъ, бывшимъ нѣсколько старше поэта (род. въ 1781 г.), и очень рано умершимъ. По замѣчанію Карамзина, это былъ молодой человѣкъ „рѣдкихъ достоинствъ“. Въ тогдашнихъ журналахъ встрѣчается нѣсколько его литературныхъ опытовъ. Товарищество Андрея Тургенева оказало, повидимому, могущественное вліяніе на личность и поэзію Жуковскаго; поэтъ навсегда сохранилъ о своемъ другѣ память самую восторженную.

Къ К. М. Соковниной.

Стихотвореніе посвящено умершей въ дѣвицахъ Ек. Мих. Соковниной, одной изъ сестеръ М. С. Соковнина, товарища Жуковскаго по моск. унив. пансіону. У Соковниныхъ было имѣнье невдалекѣ отъ Бѣлева, и домъ ихъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ Жуковскому въ періодъ наиболѣе ранней его молодости. Объ этой семьѣ поэтъ навсегда сохранилъ самыя теплыя воспоминанія.

Изъ „Донъ-Кишота“.

Ж. П. Флоріанъ (J. P. Florian, 1755—1794), о которомъ мы упоминали въ біографическомъ очеркѣ, какъ объ одномъ изъ представителей французскаго классицизма, свое литературное поприще началъ подражаніемъ испанской пастушеской повѣсти Сервантеса *Галатея;* окончилъ—передѣлкой его же знаменитаго романа *Донъ-Кихотъ (Don Quichotte)*. Писалъ басни, которыми пріобрѣлъ большую извѣстность, хотя нерѣдко подражалъ въ нихъ Лафонтену.

Лучшими, болѣе оригинальными литературными трудами Флоріана были романы: *Numa Pompilius* и *Gonzalve de Cordoue*; слабѣе ихъ Тель *Guillaume Tell*. Почти всѣ сочиненія Флоріана, кромѣ Донъ-Кихота, уже съ 80-хъ гг. XVIII ст. были переведены у насъ, и нерѣдко имѣли по нѣсколько изданій.

Посланіе Элоизы къ Абеляру.

Эпизодъ Абеляръ (Abelard 1079—1142), знаменитаго средневѣкового богослова, и Элоизы, его несчастной любовницы-жены болѣе чѣмъ хорошо извѣстенъ былъ въ литературѣ XVIII в. Не задолго до своей смерти больной, подавленный и разстроенный нравственно, Абеляръ описалъ несчастія своей жизни въ письмѣ къ одному другу подъ заглавіемъ: *Historia calamitatum mearum*. Онъ подробно и съ полной откровенностью разсказываетъ здѣсь исторію своихъ отношеній къ Элоизѣ. Послѣдняя въ это время, несмотря на свою молодость (ей было около 30 лѣтъ), была уже игуменьею одного монастыря; посланіе Абеляра дошло до нея и послужило поводомъ къ перепискѣ между Элоизой и Абеляромъ,—одному изъ достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой литературы (въ послѣднее время, впрочемъ, относительно своей подлинности нѣсколько заподозрѣнному), и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригиналомъ и источникомъ для множества разнаго рода литературныхъ передѣлокъ и подражаній. Въ XVIII в. она послужила, между прочимъ, оригиналомъ знаменитаго произведенія англійскаго поэта Попа (1668—1744): *Eloisa to Abelard*, а послѣднее—оригиналомъ для Жуковскаго.

Отрывокъ перевода элегіи изъ Парни.

Стихотвореніе до сихъ поръ оставалось не изданнымъ; читается въ собраніи бумагъ поэта, пожертвованныхъ сыномъ поэта И. П. Библіотекѣ,—въ автографѣ въ альбомѣ М. А. Протасовой (№ 14) и въ спискѣ А. А. Протасовой (№ 13); въ послѣднемъ съ собственноручной помѣткой рукой Протасовой: *1806 года, въ апрѣлѣ*. Издается нами по автографу (№ 14). Текстъ и здѣсь и въ спискѣ Протасовой (№ 13), почти тождественный. Оригиналъ стихотворенія указывается самимъ поэтомъ: „Изъ Парни".—Э. Д. Парни (E. D. Parny, 1753—1814) былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ французскихъ поэтовъ конца прошлаго вѣка; въ его прелестныхъ элегіяхъ французы впервые встрѣтились съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ глубоко прочувствованными стихами, свидѣтельствовавшими о дѣйствительныхъ, исходящихъ изъ сердца, чувствахъ и страсти поэта, хотя всѣ это и пересыпалось еще нерѣдко обычными любовными романсами на старый ладъ. Но изъ-за условныхъ формъ уже вездѣ сквозила истина. Чувства поэта имѣли реальную основу; но любовь была несчастна, — и это располагало поэта къ элегіи, мечтательности; отсюда же и обращеніе къ природѣ: въ безкорыстной природѣ поэтъ искалъ себѣ сочувствія...

Сафина ода.

Сафо, или вѣрнѣе Саппо (кон. VII—перв. пол. VI в. до Р. Хр.), — знаменитая древне-греческая поэтесса, уроженка Лесбоса, представительница такъ-называемой мелической, музыкально-пѣсенной лирики. Къ числу галантельныхъ эпизодовъ жизни Сафо относится ея любовь къ нѣкоему юношѣ Фаону, отказавшему поэтессѣ во взаимности, вслѣдствіе чего она бросилась съ Левкадской скалы (въ Акарнаніи) въ море.

Отрывокъ изъ Делилева „Дифирамба на безсмертіе души."

Аббатъ Жанъ Делиль (J. Delille, 1738—1813), въ свое время пользовавшійся большой извѣстностью французскій поэтъ и переводчикъ, началъ мелкими дидактическими стихотвореніями; изданный имъ въ 1769 г. стихотв. переводъ „Георгикъ" Виргилія, далъ ему извѣстность при дворѣ, кресло во французской академіи, и аббатство съ 30.000 франковъ ежегоднаго дохода. Изъ оригинальныхъ произведеній Делиля наибольшей извѣстностью пользовались дидактическія поэмы: *Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages, 1782.* („Сады, или искусство украшать пейзажи"), *L'Homme des champs, ou les Georgiques françaises, 1800.* („Земледѣлецъ, или французскія Георгики") и „Дифирамбъ на безсмертіе души" (Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme, 1800).

Сонъ Могольца.

Оригиналомъ Жуковскому послужило стихотвореніе Лафонтена: *Le songe d'un habitant du Mogol*. „Могольцемъ" названъ житель царства Великаго Могола.

Младенецъ.

Стихотвореніе это до сихъ поръ не было напечатано.

Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей.

Стихотвореніе было напеч. въ послѣдней книжкѣ „Вѣст. Евр." 1808 г., № 24, и затѣмъ въ слѣдующемъ же году вышло отдѣльной брошюрой (СПБ., 1807, 4°). На заглавномъ листѣ брошюры, послѣ заглавія, стоитъ: „Посвящается неустрашимымъ защитникамъ отечества". Въ изданіи имѣется слѣдующее пояснѣніе къ словамъ „пѣсни":

Тотъ шуйцей рану сжалъ, десной измемогденной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди—

Въ примѣчаніи читаемъ: „Извѣстный поступокъ солдата Емельянова. Покойный Императоръ Павелъ наградилъ его чиномъ подпоручика и тѣмъ самымъ знаменемъ, котораго спасеніе такъ много ему стоило. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, имѣвшій случай видѣть сего почтеннаго воина, приказалъ списать съ него портретъ, который выгравированъ и продается". Къ словамъ:

О, юноша, о, ты безсмертію пріобщенный—

въ примѣчаніи читаемъ: „Здѣсь авторъ думалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, Новосильцовѣ, который въ прошедшую войну былъ израненъ на сраженіи и умеръ отъ ранъ, разлученный съ своимъ отечествомъ, разлученный съ родными, которые и теперь оплакиваютъ его потерю. Авторъ желалъ бы именовать всѣхъ нашихъ героевъ, столь недавно пришесшихъ въ даръ отечеству и кровь свою и жизнь, но ихъ имена извѣстны, и благодарность сохранитъ объ нихъ вѣчное воспоминаніе".—Въ первомъ изданіи сочиненій (ч. 2, СПБ., 1816) въ примѣчаніи къ тексту произведенія указывается: „Эти стихи написаны въ концѣ 1806 года и относятся къ военнымъ обстоятельствамъ того времени".

Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С-ной.

Стихи, повидимому, посвящены Аннѣ Ѳеодоровнѣ Соковниной, матери пансіонскаго товарища Жуковскаго, С. М. Соковнина, и упоминавшихся выше Е. М. и А. М. Соковниныхъ.

Гимнъ. Изъ Томпсона.

Англійскій поэтъ Джемсъ Томсонъ (J. Thomson, 1700—1748), какъ уже было замѣчено въ біографич. очеркѣ, былъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ представителей такъ-наз. сентиментальнаго направленія въ западно-европейскихъ литературахъ XVIII в. Его знаменитая поэма *Времена года* (The Seasons) послужившая Жуковскому оригиналомъ, вышла въ 1730 г.

Людмила.

Напеч. было въ „В. Евр." 1808 г., № 9,—причемъ къ заглавію: *Людмила, русская баллада* въ сноскѣ прибавлено: „Подражаніе Бюргеровой Леонорѣ".—Г. А. Бюргеръ (1747—1794) былъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей, такъ-наз.: „Sturm und Drang-Periode" (періода „Бури и натиска") въ нѣмецкой литературѣ. *Ленора*, вышедшая въ 1774 г., была лучшимъ произведеніемъ Бюргера и принадлежала къ наиболѣе раннимъ вѣстникамъ вновь возрождавшейся нѣмецкой лирики. Сюжетъ ея взятъ изъ нѣмецкихъ народныхъ преданій: Бюргеръ подслушалъ основной мотивъ своей баллады въ народной пѣснѣ. Ленора его была первымъ наиболѣе оригинальнымъ и талантливымъ обращеніемъ—въ области нѣмецкой поэзіи—къ національной старинѣ, первымъ призывомъ въ нѣмецкой поэзіи къ народности,—призывъ, тѣсно связанный съ вліяніями, шедшими въ Германію изъ Англіи, съ увлеченіями англійскими балладами и *пѣснями Оссіана*... „Ленора" Бюргера быстро облетѣла всю Германію—и оказала

важнѣйшее вліяніе на послѣдующее развитіе нѣмецкой поэзіи...

Разстройна семейственнаго согласія.

Пьеса взята изъ Гофмана (1776—1822).

Къ Блудову, при отъѣздѣ его въ армію.

Д. Н. Блудовъ (1785—1864), двоюродный братъ извѣстнаго писателя В. А. Озерова, въ 1842 г. возведенный въ графское достоинство, съ 1855 года — президентъ Имп. Академіи Наукъ, съ 1862 г.—предсѣдатель Государственнаго Совѣта, — былъ однимъ изъ ближайшихъ и наиболѣе раннихъ друзей Жуковскаго, имѣвшій вначалѣ значительное вліяніе на складъ и образованіе литературныхъ вкусовъ нашего поэта. Благодаря заботамъ своей матери, умной, энергичной и весьма образованной женщины, рано оставшейся вдовою и всю свою жизнь отдавшей воспитанію сына, Блудовъ получилъ превосходное домашнее образованіе; онъ рано пріобрѣлъ основательное знаніе древнихъ языковъ; его учителями были лучшіе учителя Москвы,—куда съ цѣлью образованія сына и переѣхала его мать. Службу Блудовъ началъ въ Московскомъ Архивѣ,—гдѣ товарищами его были братья Тургеневы (Андрей и Александръ), Дашковъ, и др. Черезъ Дашкова Блудовъ сблизился съ Жуковскимъ (къ этому времени относится совмѣстное шуточное стихотвореніе Блудова и Жуковскаго: *Объясненіе портного въ любви*, — было напеч. въ „Благонамѣренномъ", 1821 г.),—а вскорѣ и вообще съ выдающимися представителями тогдашней литературы: Державинымъ, Озеровымъ, Карамзинымъ. При возникновеніи „Арзамаса", Блудовъ является однимъ изъ ближайшихъ его основателей, а потомъ—наиболѣе дѣятельнымъ его членомъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Къ самому основанію „Арзамаса" послужило поводомъ его шуточное *Видѣніе въ нѣкоторой оградѣ*. (Издано В. И. Саитовымъ въ примѣчаніяхъ къ „Ост. Архиву", I, СПБ., 1849, стр. 403—413). Помимо этого „Видѣнія", ему же принадлежитъ рядъ шуточныхъ рѣчей, эпиграммъ, небольшихъ стихотвореній и т. п., изъ нихъ нѣкоторыя напечатаны въ заграничныхъ изданіяхъ, но большая часть совсѣмъ не сохранилась... Широкое классическое образованіе, полученное Блудовымъ, давало ему уже рано самое рѣшительное вліяніе на такихъ молодыхъ друзей, какъ Жуковскій. Въ своемъ товарищескомъ кружкѣ Блудовъ пользовался репутаціей какъ бы прирожденнаго литературнаго критика. Въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ" Воейковъ называетъ Блудова „государственнымъ секретаремъ бога Вкуса"... Литературныя вкусы Блудова замѣтно отличались старыми традиціями французскаго классицизма; литературнымъ законодателемъ для Блудова былъ и навсегда остался Лагарпъ. Вліяніе Блудова на Жуковскаго было весьма значительно, на что указываетъ самъ поэтъ, посвящая ему своего *Вадима*:

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
Твой вкусъ былъ мой учитель!..

Въ 1814 г. Жуковскій пишетъ Тургеневу: „Ты, Карамзинъ, Виземскій, Блудовъ (и нѣсколько милыхъ женщинъ)—вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелляціи!..." Оттѣнокъ ложно-классическихъ симпатій Блудова замѣтно сказывается и въ болѣе раннихъ критическихъ взглядахъ Жуковскаго, — напр. въ статьѣ *О баснѣ и баснях Крылова*. За подчиненіе вкусамъ „маркиза" Блудова уже рано укоряетъ Жуковскаго Пушкинъ.

Пѣснь араба надъ могилою коня.

Мильвуа (Ch. Millevoye, 1782—1816) принадлежалъ къ группѣ французскихъ писателей конца XVIII—начала XIX вв., придерживавшихся еще старыхъ взглядовъ и традицій въ литературѣ; своимъ поэтическимъ талантомъ онъ рано обратилъ на себя вниманіе; его произведенія не разъ увѣнчивались наградами отъ французской академіи. Ранняя смерть бросаетъ еще болѣе симпатичный поэтическій оттѣнокъ и на его личность, и на его поэзію. Мильвуа напоминаетъ нѣсколько нашего Полежаева... Поэтическимъ призваніемъ Мильвуа была элегія,—она у него „не развитіе сильной чувственной страсти, въ различныхъ фазахъ, какъ у Парни, а пестрая смѣсь чувствованій и картинъ, на которыхъ лежитъ оттѣнокъ меланхоліи"...

Къ ней.

„Стихотвореніе это,—сообщаетъ Зейдлицъ:—было найдено въ портфелѣ Маріи Андреевны Протасовой послѣ ея смерти,—и относится къ періоду 1810—1811 гг."

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.

Первая часть поэмы—*Громобой* была напечат. въ „В. Евр." 1811 г., № 4 подъ общимъ заглавіемъ: *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Русская баллада* съ тѣмъ же общимъ заглавіемъ *„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ"* эта первая часть помѣщена въ первомъ собраніи сочиненій (ч. II, СПБ., 1816). Вторая часть, *Вадимъ*, начатая поэтомъ еще въ концѣ 1814 года, и называвшаяся первоначально *Искупленіемъ*, окончена и появилась въ свѣтъ въ 1817 году, въ первомъ отдѣльномъ изданіи всей поэмы (СПБ., 1817), съ посвященіемъ этой второй части Блудову. Въ первомъ отдѣльномъ изданіи поэмы было напечатано и общее послѣсловіе: *Опять ты здѣсь, мой благодатный геній*, написанное лишь около этого времени. Сюжетъ баллады заимствованъ изъ романа съ тѣмъ же заглавіемъ нѣмецкаго писателя Х. Г. Шписа († 1799): *Die zwölf Schlafenden Jungfraun, eine Geistergeschichte* (3 Th., Leipzig, 1795—1796). Романъ этотъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ романовъ „съ привидѣніями" (Geister-Romane), которые быстро размножаются въ нѣмецкой литературѣ послѣ появленія *Духовидца* Шиллера. Въ послѣднихъ годахъ XVIII и въ первомъ десятилѣтіи XIX ст. романы Шписа, а также родственнаго ему нѣмецкаго романиста Крамера († 1817), пользовались и у насъ необычайной популярностью.

Коловратно-курьезная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и важнымъ господиномъ докторомъ.

Произведеніе это до сихъ поръ не было напечатано. Списокъ писанъ объими племянницами Жуковскаго, Протасовыми, но имѣетъ немало собственноручныхъ поправокъ поэта. Самимъ поэтомъ собственноручно написано и заглавіе: *Коловратно-курьезная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и важнымъ господиномъ докторомъ*. Написано оно, повидимому, около 1810—1811 гг. Въ свое время оно было извѣстно друзьямъ поэта, — и въ одномъ мѣстѣ о немъ мы встрѣчаемъ упоминаніе у кн. Виземскаго. „Было время",—замѣчаетъ онъ по поводу вообще юмористическихъ произведеній Жуковскаго болѣе ранняго періода:—что Жуковскій живалъ у Плещеева въ орловской деревнѣ. Тутъ, вѣроятно, стихамъ и разнымъ литературнымъ проказамъ и шуткамъ былъ весенній и полный разливъ. Въ деревнѣ былъ домашній театръ: на немъ разыгрывались произведенія двухъ пріятелей. Помню, что Жуковскій говорилъ мнѣ о какой-то драмѣ своей: содержаніемъ ея были несчастныя любовныя похожденія влюбленнаго и обманутаго импрессаріо. Ему измѣнила любовница его. Режиссеръ труппы приходитъ къ нему и предлагаетъ репертуаръ къ слѣдующему представленію. Сердитый и грустный содержатель все отвергаетъ. Наконецъ, именуется извѣстная въ то время драма Ильина: *Лиза, или торжество благодарности*. На это импрессаріо восклицаетъ въ порывѣ отчаянія:

Нѣтъ благодарности! нѣтъ торжества!
Нѣтъ Лизы!
Всѣ женщины одни надутые капризы
и пр. и пр.

Тогда же разыграно было тутъ же драматическое представленіе его подъ заглавіемъ: *Скачетъ груздочекъ по ельничку*—изъ старинной русской пѣсни. Знаю объ этомъ произведеніи только по одному заглавію. Но можно представить себѣ, какое открывалось тутъ раздолье своевольному и юмористическому воображенію Жуковскаго. Надобно было видѣть и слышать, съ какою самоувѣренностью, съ какимъ самодовольствіемъ вообще скромный и смиренный Жуковскій говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребяческимъ

смѣхомъ пѣвецъ *Сельскаго кладбища*, меланхолія, всякихъ вѣдьмъ и привидѣній цитовалъ мѣста, которыя были особенно ему по сердцу. Жуковскій не только любилъ въ часы досуга и отдыха упражняться иногда въ забавномъ и геніальномъ вранъѣ, но уважалъ эту доблесть и въ другихъ. Въ нашемъ обществѣ былъ молодой человѣкъ, который также превосходно отличался по этой части. При встрѣчахъ съ нимъ онъ вызывалъ его на импровизацію и на представленіе въ лицахъ какой-нибудь комической сцены. Онъ заслушивался его, любовался имъ и въ восторгѣ вскрикивалъ, помирая со смѣху: „Да ты просто Шекспиръ!“ Жаль, если вся эта поэзія безвозвратно утрачена“... („Рус. Арх.“. 1866, стр. 875—876). Упоминаемая здѣсь пьеса: *Лиза, или торжество благодарности* написана была въ 1803 году. Она принадлежала Н. И. Ильину, одному не безизвѣстному въ свое время московскому литератору, — и, на ряду съ „Рекрутскимъ наборомъ“, была его лучшимъ произведеніемъ. „Драмы эти, — замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ: — при своемъ появленіи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ производили такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали старожилы-театралы. Я видѣлъ много разъ эти піесы на сценѣ, когда онѣ уже были не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала навзрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ на сцену авторовъ начался съ Ильина“...

Мой милый другъ...

Стихотвореніе это не было до сихъ поръ напечатано. Читается въ папкѣ черновыхъ автографовъ поэта, въ собраніи И. П. Библіотеки рукописей, пожертвованныхъ библіотекѣ сыномъ поэта, — въ ряду бумагъ, относящихся къ 1800—1810 гг. (по „опис.“ г. Бычкова, папка № 12, л. 7—8). Списокъ носитъ многочисленныя собственноручныя помарки поэта, и зачеркнутые, болѣе ранніе, варіанты. Стихотвореніе написано, повидимому, вскорѣ послѣ женитьбы князя П. А. Вяземскаго,—свадьба котораго была въ октябрѣ 1811 года.

Къ Батюшкову.

Напеч. въ „В. Евр.“ 1813 г., № 9—10, съ помѣткой при заглавіи: *„Въ мав 1812“*. Въ изд. 1849 г. отнесено къ 1810 году; въ болѣе раннихъ помѣчено 1811 годомъ. Автографъ посланія, съ болѣе поздними поправками автора, читается въ альбомѣ Протасовой (№ 14,—Заглавіе: *Къ Батюшкову*). Печатаемъ по изд. 1849 года. — Посланіе было отвѣтомъ со стороны Жуковскаго на стихотвореніе Батюшкова: *Мои Пенаты*, которое было написано во второй пол. 1811 г., но получено Жуковскимъ лишь въ апрѣлѣ 1812 года.

Къ А. Н. Арбеневой.

Авдотья Николаевна Арбенева была дочерью одной изъ старшихъ дочерей Ае. Ив. Бунина, Натальи Аванасьевны Вельяминовой, и так. обр. приходилась родной племянницей и Ек. Ае. Протасовой и Жуковскому; для послѣдняго она была и одной изъ дѣтскихъ сверстницъ. Въ періодъ времени нѣсколько болѣе поздній, чѣмъ къ какому относится это посланіе,—въ дѣлѣ сватовства Жуковскаго на М. А. Протасовой Арбенева, имѣя сильное вліяніе на Екатерину Аванасьевну, причинила немало горя нашему поэту.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ редакціи. 3
В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. 5
СТИХОТВОРЕНІЯ [1797—1812 гг.]. [1])

1797.

Ода. Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ 1
Майское утро. 2

1798.

Добродѣтель (Подъ звѣзднымъ кровомъ). . 3
Добродѣтель (Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился). 4

1799.

М. М. Хераскову. 5
Могущество, слава и благоденствіе Россіи. —

1800.

Стихи на новый 1800 годъ. 7
Къ Тибуллу. На прошедшій вѣкъ. . . . 8
Міръ. . . . . —
Платону неподражаемому... 9
**Герой. 10

1801.

Человѣкъ. 11
Фіялка. 12
Сельское кладбище. Элегія. *Изъ Грея.*
I. **Наиболѣе ранняя редакція. . . 13
II. Редакція позднѣйшая, по издан. 1849 года. 15

1803.

Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ. 17
На смерть Андрея Тургенева. 18
Къ К. М. С—ой (Протекшихъ радостей). —

1804.

Къ *** (Увы! протекъ свинцовый годъ. . —
Изъ «Донъ-Кишота» (19 стихотвореній). —

1805.

Къ поэзіи. 21
Опустѣвшая деревня. *Переводъ.* . . . 22
Дружба. 24

стр.

1806.

«Мой другъ безцѣнный». . . . . —
Посланіе Элоизы къ Абеляру. . . . . —
**Отрывокъ перевода элегіи. *Изъ Парни.* 25
Пѣсня (Когда я былъ любимъ). *Подражаніе.* 26
Отрывокъ. («О, счастье дней моихъ».) *Подражаніе.* . . . . . —
Сафина ода. *Переводъ.* 27
Идиллія. *Подражаніе.* . . . . . —
Прощанье старика. *Переводъ.* . . . . . —
Вечеръ. Элегія. . . . . —
Къ Эдвину. (М. П. Ю.) *Съ англійскаго.* . 29
Отрывокъ изъ Делилева «Діорамба на безсмертіе души». . . . . —
**Разговоръ. *Изъ Парни.* . . . . . —
Мартышка, показывающая китайскія тѣни. Басня. *Изъ Флоріана.* . . . . . —
Соколъ и голубка. Басня. *Изъ Флоріана.* 30
Мартышки и левъ. Басня. *Изъ Флоріана.* . . . . . —
Ссора плѣшивыхъ. Басня. *Изъ Флоріана.* 31
Котъ и зеркало. Басня. *Изъ Флоріана.* . —
Голубка и сорока. Басня. *Изъ Флоріана.* 32
Сурки и кротъ. Басня. *Изъ Флоріана.* . —
Истина и басня. *Изъ Флоріана.* . . . —
Смерть. *Переводъ.* 33
Сонетъ. *Переводъ.* . . . . . —
Эпитафія лирическому поэту. 34
Цапля. Басня. *Изъ Лафонтена.* . . . . —
Сонъ Могольца. Басня. *Изъ Лафонтена.* —
Старый котъ и молодой мышонокъ. Басня. *Изъ Лафонтена.* 35
Каплунъ и соколъ. Басня. *Изъ Лафонтена.* —
Котъ и мышь. Басня. *Изъ Лафонтена.* 36
Орелъ и жукъ. Басня. *Изъ Лафонтена.* 37
Эпиграммы.
I. «Не знаю, почему». 38
II. «Съ повязкой на глазахъ». . . . —
III. «О, непостижимое злорѣчіе уму». —
IV. «Для Клима все какъ дважды два». —
V. «Сей камень». . . . . —
VI. «Тримъ счастія искалъ». . . . —
VII. «Ты сердишься за то». . . . . —
VIII. «Испытанныхъ друзей». . . . . —
IX. Новопожалованный. . . . . —

[1]) *Звѣздочкой* [*] означаются стихотворенія и статьи, хотя уже напечатанныя ранѣе, но въ „собраніе сочиненій" Жуковскаго вносимыя лишь нами; *двумя звѣздочками* [**]—произведенія, оставшіяся доселѣ неизданными, появляющіяся въ печати въ настоящемъ изданіи впервые.

стр.

X. «Румянъ французскихъ штукатура». —
XI. «У насъ въ провинціи». . . . . —
XII. «Пускай бы за грѣхи». . . . . —
XIII. «Ты драму». . . . . —
XIV. «Скажи, чтобъ тамъ». 39
XV. Новый стихотворецъ и древность. —
XVI. «Дидона! какъ тобой». . . . . —
XVII. «Барма нашелъ Ѳому». . . . . —
XVIII. «Сибири управленьемъ». . . . . —
XIX. На прославителя русскихъ героевъ. —
Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ. Мадригалъ. . . . . —
Амина и Эндиміонъ. *Переводъ*. . . . . —
Эльмина къ портрету своей матери. *Переводъ*. 40
Руше къ своей женѣ и дѣтямъ, изъ тюрьмы. *Переводъ*. . . . . —
«Плѣнять, а не любить» . . . . . —
Соколъ и Филомела. Басня. *Изъ Лафонтена*. . . . . —
Похороны львицы. Басня. *Изъ Лафонтена* 41
**Младенецъ (Се онъ на жизни путь). . —
Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей 42
«Опять вы, птички, прилетѣли». . . . 46

1807.

М. *** на новый годъ, при подаркѣ книги (На новый годъ въ воспоминанье) . —

1808.

При посылкѣ альбома (Невинность мирная) . . . . . —
«Собой счастливить всѣхъ» . . . . . —
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П. —
Пѣсня (Роза, весенній цвѣтъ) 47
Тоска по миломъ. Пѣсня. *Подражаніе Шиллеру* 48
Монахъ . . . . . —
Мальвина. Пѣсня. *Съ французскаго* . . —
Къ Нинѣ (О Нина, о мой другъ, ужель безъ сожалѣнья). *Съ англійскаго* . . 49
Стихи. вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С—ой. —
Гимнъ. *Изъ Томпсона* . . . . . —
Людмила. Баллада. *Подражаніе Бюргеровой Ленорѣ* 51
Разстройка семейственнаго согласія . . 54
Пѣсня (Мой другъ, хранитель-ангелъ мой) —
Къ Нинѣ. Посланіе (О, Нина, о, Нина, сей пламень любви). 55

1808—1809.

Къ Эрминіи. Подражаніе (Трехъ грацій древность признавала). 56
Къ А. *** при подаркѣ Аполлона . . —
Въ альбомъ (Когда неопытной рукой). —
«Прельщать поэзіей» 57

стр.

«Ты правъ, мой другъ» . . . . .
Плачъ Людмилы . . . . . —
Пѣсня. (Счастливъ тотъ). *Подражаніе нѣмецкой* . . . . . —
Кассандра. Баллада. *Изъ Шиллера* . . —
Къ Филалету. Посланіе. 59
Счастіе. *Изъ Шиллера*. 60
На смерть фельдмаршала гр. Каменскаго 61
Пѣсня въ веселый часъ 62
Къ Делію. *Подражаніе Горацію* . . . —
Моя богиня. *Изъ Гёте* 63
На смерть 17-лѣтней Эрминіи. *Подражаніе* 64
Путешественникъ. Пѣсня. *Изъ Шиллера* —
Брутова смерть 65
Моя тайна . . . . . —

1810.

Къ Блудову. Посланіе . . . . . —
Пѣснь араба надъ могилою коня. *Изъ Мильвуа* 67
Милосердіе. Басня (Перунъ мой изостри) —
Къ ней (Имя гдѣ для тебя) 68

1808—1812.

Свѣтлана. Баллада . . . . . —

1810—1817.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная повѣсть въ двухъ баладахъ 71
I. Громобой . . . . . —
II. Вадимъ 81

1811.

Добрая мать 90
Пловецъ 91
Пѣсня (О милый другъ, теперь съ тобою радость). *Подражаніе нѣмецкой* . . —
Надпись къ солнечнымъ часамъ въ саду И. И. Дмитріева . . . . . —
Цвѣтокъ. Романсъ. *Съ французскаго* . . 92
Жалоба. Романсъ. *Изъ Шиллера* . . . —
Желаніе. Романсъ. *Изъ Шиллера* . . . —
Пѣвецъ . . . . . —
«Друзья! «прости» словцо святое». . . 93
Стихи, присланные съ комедіями, которыя К*** хотѣли играть . . . . . —
**Коловратно-курьезная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и важнымъ господиномъ, докторомъ . . 94
** «Мой милой другъ» 97

1812.

Къ Батюшкову. 98
Нина къ своему супругу въ день его рожденія 105
Къ А. Н. Арбеневой (Разсудку глазъ, другой воображенью) . . . . . —

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

II.

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. МАРКОА, Измайловскій просп., № 29.

1812.

ЗЕЦЪ ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

Пѣвецъ.

гѣ бранномъ тишина;
і между шатрами;
, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
ь кровъ небесъ надъ нами.
нимъ кубокъ круговой!
кнѣе! руку въ руку!
ъ виномъ кровавый бой
ь падшими разлуку.
обитъ видѣть въ чашахъ дно,
ь бодро ищетъ боя...
могущее вино,
ліе героя!

Воины.

обитъ видѣть въ чашахъ дно,
ь бодро ищетъ боя...
могущее вино,
ліе героя!

Пѣвецъ.

убокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
ъ слава, наши дѣды!
, уже могучихъ нѣтъ;
нѣтъ вождей побѣды;
омы вихорь разметалъ;
гробы срыли плуги;
мечь ржавчины сожралъ
шлемы и кольчуги;
ъ отцовъ воскресъ въ сынахъ;
поприще предъ нами...
мъ найдемъ ихъ славный прахъ
ихъ славными дѣлами.

ите, въ грозной красотѣ,
ушными полками,
ѣни мчатся въ высотѣ
ь нашими шатрами...

О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ сопенныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца спѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полупочи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ росмъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ восмъ;
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе! горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ вослѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится нашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;

Да сѣчь, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все—тамъ родныхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій ЦАРЬ!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О, ЦАРЬ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О ЦАРЬ! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть—все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И правовъ непритворство,
И смѣлость—бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность—твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь дастъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины

и ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
ѣмъ бодръ и съ сѣдиною;
знакомъ побѣды слѣдъ...
овѣренность къ герою!..
ъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье!
ь стѣны!.. въ россахъ вся она!
ы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

а сподвижникамъ-вождямъ!
рмоловъ, витязь юный,
ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
страхъ твои перуны!
вскій, слава нашихъ дней,
вала! передъ рядами
первый грудь противъ мечей
ь отважными сынами.
ъ Милорадовичъ, хвала!
гѣ онъ промчался съ бранью,
ь, мнится, смерть сама прошла
ь губительною дланью.

ъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
етрополя спаситель.
а!... Онъ щитъ странѣ родной,
гъ хищныхъ истребитель.
коль величественный видъ,
огда передъ рядами,
ъ, склонясь на твердый щитъ,
гъ грозными очами
етъ противниковъ полки,
гъ гибель устрояетъ.
другъ... движеніемъ руки
гъ сонмы разсыпаетъ.

а тебѣ, славянъ любовь,
шъ Коновницынъ смѣлый!...
о ему толпы враговъ,
что мечи и стрѣлы;
ь нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
пышетъ пламень боя...
веселъ, онъ на гибель зритъ
спокойствіемъ героя;
забылъ... однимъ врагамъ
говитъ истребленье;

Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ;
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсенъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь!

Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О, тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби—оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы!

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впереди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!
На конѣхъ окрыленныхъ
По долямъ скачутъ, по горамъ
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ вра-
Идетъ во мракѣ ночи; [говъ
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.

Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины.

Вожди славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ намъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ кѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелесть? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость!
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ—
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ—
Одушевлялись струны...
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взять могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтокъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинѣ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы, намъ! скоро грянетъ.»
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ.

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни!
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды:
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды!
При вашемъ имени вскипитъ
Къ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть!—нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья!
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ! грады въ прахъ!
Въ мечи—серпы и плуги!

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!»...
Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ заперъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ!.. мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?

Пришлецъ!.. мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Воины.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями!

Пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой.
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

О, сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
«Увы! не палъ ли въ битвѣ?»
И мыслитъ: «скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки!»

Друзья! блаженнѣйшая часть
Любезныхъ быть спасеньемъ!
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть,—
Погибнемъ съ паслажденьемъ!
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О, радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
Петру возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ—податель славы;
Честь Задунайскому Петровъ.
О, Камскія дубравы,
Гордитесь! вашъ Державинъ сынъ!

Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ —
Державинъ гряпетъ въ струны.

О, старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.

Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!...
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны!

Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть-можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ—паденье.
Но что жъ.. навѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава—
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

Воины.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подымемъ чашу!... Богу силъ!
О, братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было - Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой дверп гроба;
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность —въ паслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ—правота;
Въ могуществѣ—смиренье.

Обѣтамъ—вѣчность; честп—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели -спасенье;
Могущему пороку—брань;
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

О! будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!

Прострешь Твою десницу—
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...
О, страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли ихъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Воины.

Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли имъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Пѣвецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О, други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребій беретъ
Изъ таинственной урны.

О, новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!...
И опъ блеснулъ!... Чу!... вѣстовой
Перунъ по холмамъ гряпулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспряпулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которыхъ в вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ Промысла надъ вами!...
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

ПИСАНО ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ КРАСНЫМЪ.

О, вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ!..
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О, старецъ-вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною!

Закопъ судьбы для насъ неизъяснимъ!
Надменный сей не ею ль былъ хранимъ?
Вотще пески Ливійскіе пылали—
Опъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали—
Его промчалъ безвредно легкій челнъ!
Ступилъ на брегъ—въ рукѣ его корона!
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужъ опъ царей-рабовъ своихъ созвалъ!..
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Испаноль, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы!
Имъ пѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;

И порядъ и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю вослѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ — ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ...
О, замыслы! о, неба судъ ужасной!
О, хищный врагъ!... и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ!
Хвала, нашъ вождь! Едва дружины двинулъ —
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ;
Ихъ гонитъ страхъ; за ними мчится гладъ;
И щитъ и мечъ бросаютъ съ знаменами;
Вездѣ пути покрыты ихъ костями;
Ихъ волны жрутъ; ихъ губитъ огнь и хладъ;
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля!
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ Русская земля!
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
Посолъ судьбы явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Его ударъ — и всей землѣ свобода!
И нѣтъ слѣдовъ *великаго* народа!
О, сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ —
А ты ужъ здѣсь! ужъ родины спаситель!
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды;
И рядъ побѣдъ — полковъ твоихъ слѣды;
И самый врагъ, неволею гостомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!...
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ; къ тебѣ подъемлютъ длани;
«Вотъ онъ! вотъ онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ;
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!»
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ —
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила.
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила.
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье!
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье!

1812, октябрь.

КЪ N. N.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ПОРТРЕТА.

Вотъ вамъ стихи, и съ ними мой портретъ!
О, милые, сей бѣдный даръ примите
Въ залогъ любви. Меня ужъ съ вами нѣтъ!
Но вы мой путь, друзья, благословите.
Вы скажете: печаленъ образъ мой;
Увы! друзья, въ то самое мгновенье,
Какъ въ пламенномъ Маньяни вдохновенье
Преображалъ искусною рукой
Зеленевый листокъ въ лицо поэта,
Я мыслію печальной былъ при васъ,
Я проходилъ мечтами прежни лѣта
И предо мной мелькалъ разлуки часъ!
Куда ведетъ меня мой рокъ, не знаю;
И если бъ онъ мнѣ выбрать волю далъ
Мой путь, друзья,—не тотъ бы я избралъ;
Но съ Промысломъ судиться не дерзаю!
Пусть будетъ то, что свыше суждено!

Готовъ на все!.. Условіе одно:
Чтобъ вы, рукой Всесильнаго хранимы,
Въ сей бурѣ бѣдъ остались невредимы.

ЭЛИЗІУМЪ.

пѣсня

[изъ маттиссона].

Роща, гдѣ, податель мира.
Добрый геній смерти спитъ,
Гдѣ румяный блескъ эѳира
Съ тѣпью зыбкихъ сѣней слитъ,
Гдѣ источника журчанье,
Какъ далекій отзывъ лиръ,
Гдѣ печаль, забывъ роптанье,
Обрѣтаетъ сладкій міръ.

Съ тайнымъ трепетомъ, смятенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входитъ въ сумракъ твой Психея;
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенѣя,
Развила она крилѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣтѣ,
Съ обновленною красой,
Въ долъ туманный, къ тайной Летѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ея незримый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропимы
Очарованны брега.

Въ ней надежда, ожиданье;
Наклонилася къ водамъ,
Умиряющимъ страданье...
Ликъ простерся по струямъ;
Такъ безоблаченъ играетъ
Въ морѣ мѣсяцъ молодой;
Такъ въ источникѣ сверкаетъ
Факелъ Геспера златой.

Лишь фіалъ воды забвенья
Поднесла къ устамъ она —
Дней минувшихъ привидѣнья
Скрылись легкой тѣнью сна.
Заблистала, полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
Свѣтлы воды по цвѣтамъ.

Все въ торжественномъ молчаньѣ:
Притаились вѣтерки;
Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все твореньс—
Море, воздухъ, берегъ дикъ—
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры.
Никогда такой красой
Не сіяли рощи, горы,
Обновленныя весной;
Мирты съ зыбкими листами
Тонутъ въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
Отразились въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
Гдѣ, ловитвой утомленный,
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣсной ропотъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разлился въ лѣсѣ шопотъ:
«Пробудись, Эндиміонъ!»

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,

или

СИЛА ГАРМОНІИ.

(изъ дрейдена).

По страшной битвѣ той, гдѣ царь Персиды палъ,
Оставя рать, вѣнецъ и жизнь въ крова-
Возвышенъ возсѣдалъ, [вомъ полѣ,
Въ сіяньѣ на престолѣ,
Красою богъ, Филипповъ сынъ.
Кругомъ—вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты:
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани зна-
Таиса близъ царя сидитъ, [менитый!
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза,—юный цвѣтъ лапитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.
Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь браннону герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!
И зрѣлся Тимотей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ;

Какъ вихорь, мощный звонъ стремился
Звучала радостію лира. [къ небесамъ;
Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
«О, власть любви! Боговъ отецъ,
Свои покинувъ громы, съ трона,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ міръ; дугами вьетъ
Огнечешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ
Обвилъ трикраты станъ — и вотъ Зевесовъ ликъ!
Вотъ новый царь землѣ! Зевесово рожденье!»

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличъ шумный: Царь нашъ богъ! И старъ и младъ воспрянулъ.
И звучно: Царь нашъ богъ! по сводамъ отзывъ гряпулъ.
Царь славой упоенъ;
Зритъ звѣзды подъ стопою;
И мыслитъ: онъ—Зевесъ;
И движетъ онъ главою,
И мнитъ—подвигнулъ сводъ небесъ.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
«Грядетъ, грядетъ веселый богъ,
Всегда прекрасный, вѣчно-юный.
Звучи, кимвалъ; раздайся, рогъ;
Нашъ Бахусъ свѣтлый, сановитый;
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядетъ, грядетъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный.
Пей, воинъ! даръ тебѣ сосудъ.
О, Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ.»

И царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою;
Трикраты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Трикраты плѣнный брошенъ въ плѣнъ.

Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ;
И небу и землѣ грозящу ярость зритъ...
Опъ струны укротилъ; ихъ заунывно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.
Онъ Дарія поетъ: «Царь добрый! Царь великій!
Кто равенъ съ нимъ?... Но рокъ свой грозный судъ послалъ;
Опъ палъ, онъ страшно палъ;
Нѣтъ Дарія-владыки.
Въ кипящей зыблется крови;
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ;
Нѣтъ въ мірѣ для него любви;
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ — глаза ему смежитъ,
И прахомъ сирую главу его покрыть?»

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей царями;
За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ
Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья—
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья:
«Проснись, Лидійскій брачный гласъ;
Проникни душу, пламень сладкой;
О, витязь! жизнь — крылатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой;
Летучей пѣны клубъ златой,
Надутый пышно и пустой—
Вотъ честь, надменныхъ душъ забава;
Народамъ казнь героевъ слава.
Спѣши быть счастливъ, богъ земной;
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой;
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ,
И дышетъ страсть ея устами.
Вкуси любовь — безсмертныхъ даръ.»
Возсталъ отъ сонма кличъ и своды возстенали:
«Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!»
И полонъ сладостной печали,
Очей не можетъ царь задумчивыхъ отвесть
Отъ дѣвы, страстью распаленной;
Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то пѣжный вздохъ;

Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ напоенный,
И, томный, палъ на грудь Таисы полубогъ.
Но струны грянули подъ сильными перстами
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ падшій громъ;
Звучнѣй, звучнѣй... поднялся царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ нѣги сладкій сонъ;
Исчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стопъ:
«Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Покорствуй гнѣву Эвменидъ;
Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межъ волосами
Ихъ змѣи страшныя шипятъ,
Сверкаютъ грозными очами,
Зіяютъ, жалами блестятъ...
Но что? Тамъ блѣдныхъ тѣней лики;
Воздушный полкъ на облакахъ;
Несутся... свѣточи въ рукахъ;
Ихъ грозенъ видъ; ихъ взоры дики;
То воины твои... сраженнымъ въ битвѣ нѣтъ
Послѣдней дани погребенья;
Пустынный вранъ ихъ трупы рветъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!
Бѣжитъ отъ нихъ огней пожаръ по небесамъ;
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ;
Туда погибель мещутъ;
Къ мечамъ! Бойницы въ прахъ! Огню и домъ и храмъ!...»
И сонмы всколебались къ брани;
На щитъ и мечъ упали длани;
И царь погибельный свѣтильникъ воспалилъ.
О горе, Персеполь! грядетъ владыка силъ;
Таиса, вождь герою,
Елена новая, зажжетъ другую Трою.

Такъ древней лиры гласъ — когда еще
Органа мѣхъ чудесный — молчалъ
Перстамъ послушный, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства
жаръ прелестный.
По днесь другую жизнь гармонія дала
Сесилія, творецъ органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжность съ быстротой, звонъ лиры, громъ тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О, древнихъ лѣтъ пѣвецъ,
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣнецъ...
Но пѣтъ! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю ангелъ низведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ!

МЕЧТЫ.

пѣсня.

[Изъ Шиллера].

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!
О, дней моихъ весна златая,
Постой... тебѣ возврата нѣтъ...
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось вслѣдъ.

О! гдѣ ты, лучъ, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты...
Добыча пестрой унылой
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ —
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевленъ —
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Ныпающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но ахъ! сколь мало въ немъ развито!
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ.

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботъ не связанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было—исполненье;
Успѣхъ отвагу пламенилъ:
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ее воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ счастіе ключомъ,
И слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ истина лучомъ.

Но, ахъ!.. еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги...
За роемъ вслѣдъ умчался рой.
Украдкой счастіе сокрылось;
Измѣнной знаніе ушло;
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный славу похищалъ;
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ любви увялъ.
И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной!
Едва надежды лишь сіяло
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто жъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ вослѣдъ,
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ?..
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И, силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

ПУСТЫННИКЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ гольдсмита].

«Веди меня, пустыни житель,
Святой Анахоретъ;
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ.

«Усталъ я: тьма кругомъ густая;
Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ».

— Мой сынъ (въ отвѣтъ пустыни житель),
Ты призракомъ прельщенъ:
Опасенъ твой путеводитель—
Надъ бездной свѣтитъ онъ.

— Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверзта дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

— Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно съ жесткою постелью,
И сладкій мой покой.

— Есть стадо... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ:
Меня Творецъ своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

— Обѣдъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
Питье даетъ ручей.

— Войди жъ въ мой домъ—заботъ тамъ
Нѣтъ блага въ суетѣ: [чужды;

Намъ малыя даны здѣсь нужды,
На малый мигъ и тѣ.—

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ;
И робкій гость, склоня зѣницы,
Идетъ за старцемъ вслѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой
Его таился кровъ—
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

Непышны въ хижинѣ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зритъ гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огопекъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку ослащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними;
Въ углу кричитъ сверчокъ;
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огопекъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
Печаль въ его чертахъ;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазахъ.

Ему пустынникъ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О, юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

— Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

— Увы! спокой себя: презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

— Примапчивъ дружбы взоръ лукавой:
Но, ахъ! какъ тѣнь, во слѣдъ
Она за счастіемъ, за славой,
И прочь отъ хилыхъ бѣдъ.

— Любовь... любовь Прелесть игр
Отрава сладкихъ словъ;
Незрима въ мірѣ; лишь порою
Живетъ у голубковъ.

— Но, другъ, ты робостью стыдл
Свой нѣжный полъ открылъ.—
И очи странникъ торопливой,
Краснѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ;
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси; взоръ склопенны
Какъ роза, цвѣтъ ланитъ...
И дѣву-прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зритъ.

«Простишь ли, старецъ, дерзновен
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой?

«Любовь надеждъ моихъ губитель
Моихъ виновникъ бѣдъ;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслѣдъ.

«Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ;
Я дней его была забавой;
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

«И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ,
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душе
А тѣ притворный жаръ.

«И каждый лестью вѣроломной
Привлечь меня мечталъ...
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скр
Эдвинъ, любя, молчалъ.

«Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою;
И та моей была.

«Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой

Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.

Но цвѣтъ съ небесною росою
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я легкостію ихъ.

Я гордой, хладною казалась;
Но милъ онъ втайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья;
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья—
И тамъ въ слезахъ увялъ.

Но я виновна; мнѣ страданье;
Мнѣ увядать въ слезахъ;
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдвиновъ прахъ.

Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я—
Приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя».

Мальвина! старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея ногамъ...
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ,
Эдвинъ предъ нею самъ.

Другъ незабвенный, другъ единой!
Опять, навѣкъ я твой!
Вся душа моя Мальвиной—
И здѣсь дышалъ тобой.

Забудь о прошломъ; нѣтъ разлуки;
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Все въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ пополамъ.

Ахъ! будь и самый часъ кончины
Для двухъ сердецъ одинъ:
И съ милой жизнію Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ.

* * *

Хорошо, что ваше письмо *коротко*, но то худо, что оно *не ясно*; почему и не могу я
Сказать вамъ: *коротко да ясно!*
Истратили напрасно
Зеленыхъ вы чернилъ!
Какой вамъ злоязычникъ
Меня такъ очернилъ,
Что будто я—какъ въ птичникъ,
Кукушка иль сова—
Попался въ плѣнъ опасной
Красавицы прекрасной?!
Что будто голова
Моя совсѣмъ вскружилась
Отъ двухъ какихъ-то глазъ;
Что я забылъ Парнасъ,
Что муза раздружилась
И Фебъ въ враждѣ со мной?
Такою клеветой
Обиженъ я жестоко,
Изтките (пишутъ) *око*,
Смущающее васъ!
И былъ бы я циклопомъ,
Когда бъ хоть лепарокомъ
Отъ тѣхъ смутился глазъ,
Которымъ повелитель
Петръ Яковлевъ, правитель
Съ округами Орла!
Но къ счастью тутъ пашла
Коса на крѣпкій камень!
Не тронулъ сердца пламень!
Избавилось оно
Отъ новаго постоя!...
А служба!—вотъ иное!
Но я служу давно!
Кому?—Султану Фебу!
И лѣзу прямо къ небу,
Съ простыхъ чиновъ начавъ!
Я прежде былъ приставъ
Крылатаго Пегаса;
За стойлами Парнаса
Душистыми глядѣлъ.
Но вскорѣ произвелъ
Не въ очередь, за рвенье,
И прочимъ въ поощренье,
Державный Фебъ; потомъ
Меня истопникомъ
Своихъ племянницъ граціи,
Которымъ нашъ Горацій—
Державинъ такъ знакомъ;
Не торфомъ, не дровами,
Но глупыми стихами
У граціи топятъ печь!
Я, не жалѣя плечъ,
Таскалъ стихи Хлыстова!
Но какъ ни раздувалъ,

Костеръ мой не пылалъ...
Злодѣй водой писалъ!
И принужденъ бывалъ
Кубышкина сухова
Съ сырымъ Хлыстовымъ жечь,
Чтобъ хоть немного печь
Поразогрѣть харитамъ!
Досталось и другимъ,
И русскимъ и чужимъ,
Проказникамъ пѣтамъ!
Ахъ! часто и своимъ
Уродливымъ твореньемъ,
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ,
Я печку затоплялъ!
Мой чинъ на Пиндѣ малъ,
Но жду я повышенья!
Итакъ, за приглашенье
Идти служить царю
Я васъ благодарю,
Но съ Фебомъ не разстанусь!
Зато всегда останусь,
Такъ, какъ и прежде былъ,
Арбеневой я милъ,
За то, что самъ ей душу
Издѣтства подарилъ!
А разъ что̀ полюбилъ,
Къ тому ужъ не нарушу
Любви моей вовѣкъ!
Я, право, человѣкъ—
Когда судить не строго—
Какихъ на свѣтѣ много!...

ПОСЛАНІЕ КЪ ПЛЕЩЕЕВУ

ВЪ ДЕНЬ СВѢТЛАГО ВОСКРЕСЕНІЯ.

Ты правъ, любезный мой поэтъ!
Твое посланіе на русскомъ Геликонѣ,
При русскомъ мерзломъ Аполлонѣ,
Лишь именемъ моимъ безсмертіе найдетъ!
Но, ахъ! того себѣ я въ славу не вмѣняю!
А почему жъ?—Читай. И прозу и стихи
Я буду за грѣхи
Марать, марать, марать и много намараю,
Шесть томовъ, напримѣръ (а имъ, изволишь знать,
Готовы и титулъ и даже оглавленье);
Потомъ устану я марать,
Потомъ отправлюся въ тотъ міръ на по-
Съ фельдъегеремъ-попомъ, [селенье,
Одѣтый плотнымъ сундукомъ,
Который гробомъ здѣсь зовутъ отъ
Вотъ вздумаетъ какой-нибудь
Составить азбучный писателямъ в
Ясней: имъ лексикопъ. Пройде
азъ и
Пройдетъ *глаголь*, *добро* и
Дойдетъ онъ до *живете*;
А имя вѣдь мое, оставя лесть,
На этомъ свѣтѣ
Въ огромномъ спискѣ бытія
Ознаменовано сей буквой-раскоряк
Итакъ, мой біографъ, чтобъ знать,
Хорошимъ ль дурнымъ пи
Мои творенья развернетъ.
На первомъ томѣ онъ засне
Потомъ воскликнетъ: «Вралъ безчи
За то, что отъ него здѣсь мучились бе
И тотъ, кто вздоръ его чит
И тотъ, кто, не читавъ, въ убытокъ
За типографію, за то, что имъ набо
Корректоръ, цензоръ, перебо
Совсѣмъ почти лишились гла
Я не пущу его съ другими на Пар
Тогда какой-нибудь моей защитник
Шепнетъ зоилу: «Вы не пр
И вѣрно долженъ былъ
Имѣть сей авторъ дарованье
А доказательство—Плещеева посла
Посланье пробѣжавъ, суровый мой
Смягчится,—и прочтутъ потомки
«*Жуковскій.* Не весьма въ чес
Ап
Но болѣ славенъ тѣмъ, что изрѣдка п
Къ нему другой поэтъ, *Плещ*
На счастье русскихъ стихо
Не русскимъ языкомъ сей автор
Жилъ въ Болховѣ, съ шестью
съ
А въ домѣ у него жилъ Осипъ Буки.
Какъ жаль, что пренебрегъ язы
чизе
Пасъ могъ бы онъ ссудить богат
Вотъ такъ-то, но тебѣ, и я съ л
в

По «око за око, зубъ за зубъ» говорятъ,
Ссылаясь на писанье;
А я тебѣ скажу: посланье за посланье!..

Любезенъ твой конфектный Аполлонъ!
Но для чего жъ, богатый остротою,
Столь небогатъ разсудкомъ здравымъ онъ?
Какъ, милый другъ, съ чувствительной душою,
Завидовать, что мой кривой сосѣдъ
И плутъ, и глупъ, и любитъ всѣмъ во вредъ
Одну свою противную персону;
Что, богъ его—съ червонцами мѣшокъ;
Что, подражать поклявшись Гарпагону,
Онъ обратилъ и душу въ кошелекъ,—
Куда ничто: ни чувство сожалѣнья,
Ни дружество, ни жаръ благотворенья,
Какъ ангелъ въ адъ, не могутъ проникать;
Гдѣ мѣсто есть лишь векселямъ, пулямъ
Унизанымъ, какъ будто жемчугами!
Оставь его не живши умирать—
И съ общихъ бѣдъ проценты вычислять!
Безчувственность сама себѣ мучитель!
И зависть, слезъ чуждыхъ хладный зритель,
За этотъ хладъ блаженствомъ заплатилъ!
Прекраснъ міръ, но онъ прекраснъ нами!
Лишь добрый въ немъ съ отверстыми очами,
А злобный самъ очей себя лишилъ!
Не для него природа воскресаетъ,
Когда въ поля нисходитъ свѣтлый май;
Гдѣ другъ людей находитъ жизнь и рай,
Тамъ смерть и адъ порочный обрѣтаетъ!
Какъ древнія святой псалтыри звонъ,
Такъ скромнаго страдальца тихій стонъ
Чистѣйшу жизнь въ благой душѣ рожъ-
О, сладостный благотворенья жаръ! [даетъ!
Даръ нищетѣ—себѣ сторичный даръ!
Сокровищъ сихъ безчувственный не знаетъ!
Не для него послалъ Творецъ съ небесъ
Бальзамъ души, утѣху сладкихъ слезъ!
Ты скажешь: онъ не знаетъ и страданья!—
Но развѣ зло—страдать среди изгнанья,
Въ надеждѣ зрѣть отечественный край?..
Сія тоска и тайное стремленье—
Есть съ милыми вдали соединенье!
Безъ рѣдкихъ бѣдъ земля была бы рай!
Но что жъ бѣды для вѣры въ Провидѣнье?
Лишь вѣстники, что смотритъ съ высоты
На насъ святой, незримый Испытатель;
Лишь сердцу гласъ: крѣпись! Минутный ты
Жилецъ земли! Живъ Богъ и ждетъ Создатель.
Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ!
Но, другъ; для злыхъ есть зло и Провидѣнье!
Какъ страшное ночное привидѣнье, [даніе!
Оно родитъ въ нихъ трепетъ и боязнь,
И Божій судъ на языкѣ ихъ—казнь!
Самимъ собой подпоры сей лишенный,
Безъ всѣхъ надеждъ, безъ вѣры здѣсь злодѣй,
Какъ блѣдный татъ, бредетъ уединенно—
И гробъ вся цѣль его ужасныхъ дней!..
Ты сѣтуешь на нашъ климатъ печальный.
И я съ тобой готовъ его винить!
Шесть мѣсяцевъ въ одеждѣ погребальной
Зима у насъ привыкнула гостить!
Такъ! Черезчуръ въ дарахъ она богата!
Но... и зимой фантазія крылата!
Украсимъ то, чего не избѣжимъ,
Плѣнительной игрой воображенья,
Согрѣемъ міръ лучомъ стихотворенья
И на снѣгахъ Темпею насадимъ!
Томпсонъ и Клейстъ, друзья, пѣвцы природы,
Соединятъ вкругъ насъ ея красы! [Пускай молчатъ во льдахъ уснувши воды
И чуть бредутъ замерзлые часы,—
Спасенье есть отъ хлада и мороза:
Пушистый бобръ, сѣдой Камчатки даръ,
И камелекъ, откуда легкій жаръ
На насъ лѣтитъ трескучая береза.
Кто запретитъ въ медвѣжьихъ сапогахъ,
Закутавъ носъ въ обширную винчуру,
По холодку на лыжахъ, на конькахъ
Идти съ пѣвцомъ въ плѣнительныхъ мечтахъ
На снѣжный холмъ,—чтобъ зимнюю натуру
Въ ея красѣ весенней созерцать?
Твоя жъ жена пріятнѣй всякой музы
Тотъ милый край умѣетъ описать,
Гдѣ пѣлъ Маронъ, гдѣ воды Аретузы
Въ тѣни оливъ *стадамъ наводятъ сонъ*;
Гдѣ падшій Римъ, покрытый гордымъ прахомъ,
Являетъ свой одряхшій Пантеонъ
Близъ той скалы, куда народы съ страхомъ
И ихъ цари, отъ всѣхъ земныхъ концовъ,
Текли принять ужасный даръ оковъ...

Ясней блестятъ лазурные тамъ своды!
Я часто самъ, мой другъ, въ волшебномъ снѣ
Скитаюсь въ сей прелестной сторонѣ,
Подъ тѣнью миртъ, склонившихся на воды,
Или съ пѣвцомъ и Вакха и свободы,
Съ Гораціемъ, въ сабинскомъ уголкѣ,
Среди его простыхъ сосѣдей круга,
Въ глазахъ любовь и сердце на рукѣ
Дѣлю часы безпечнаго досуга!
Но... часто тамъ, гдѣ ручеекъ журчитъ
Подъ темною душистыхъ лавровъ сѣнью,
Гдѣ бъ мирному и быть уединенью,—
Остря кинжалъ, скрывается бандитъ,
И грозные въ даль устремленны очи
Среди листовъ, добычи ждя, горятъ,
Какъ тусклые огни осенней ночи;
Но... часто тамъ, гдѣ нивъ моря шумятъ,
Поля, холмы наводнены стадами,
И миръ въ лугахъ, усыпанныхъ цвѣтами,
Лишь гибели приманкой тишина,
И красотой цвѣтовъ облечена
Готовая раскрыться пасть волкана.
Мой другъ, взгляни на жребій Геркулана,
И не ропщи, что ты гиперборей...
Смотри,—сбѣжалъ послѣдній снѣгъ полей!
Лишь утренникъ, сынъ мраза недозрѣлый,
Да по верхамъ таящійся снѣжокъ,
Да сиверкій при солнцѣ вѣтерокъ—
Намъ о зимѣ вѣщаютъ отлетѣлой;
Но ледъ исчезъ, разбившись, какъ стекло,
Рѣка, смирясь, блеститъ между брегами,
Идутъ въ поля оратаи съ сохами,
Лишь мельница молчитъ—ее снесло!
Но что жъ? и здѣсь найдемъ добро и зло...
Ты знаешь самъ: у насъ отъ наводненья
Премножество случалось разоренья.
И пользою сихъ неизбѣжныхъ бѣдъ
Есть то, мой другъ, что мой кривой сосѣдъ
Чуть не уплылъ въ чистилище на льдинѣ!
Уже ревѣлъ окрестъ него потопъ;
Какъ Аріонъ чудесный на дельфинѣ,
Ужъ на икрѣ сидѣлъ верхомъ циклопъ;
Но въ этотъ часъ былъ неводъ между льдами
По берегамъ раскинутъ рыбаками—
И рыбакамъ прибытокъ былъ великъ:
Имъ съ щуками достался ростовщикъ!
Такъ, милый другъ, скажу я въ заключенье:
Пророчество для насъ твое сравненье!
Растаетъ врагъ, какъ хрупкій вешній ледъ!
Могущество оцѣпенѣлыхъ водъ,
Стѣсненное подъ тяжкимъ игомъ хлада,
Все то жъ, хотя незримо и молчитъ.
Спасительный духъ жизни пролетитъ —
И въ дребезги ничтожная преграда!
О, русскіе отмстители-орлы!
Уже взвились! Уже подъ облаками!
Ужъ небеса пылаютъ ихъ громами!
Ужъ огласилъ ихъ кличъ ту бездну мглы,
Гдѣ сдавлены, обвитые цѣпями,
Отмщенья ждя, народы и съ царями!
О, да грядетъ предъ ними Русскій Богъ!
Тотъ грозный Богъ, который на Эвксинѣ
Велѣлъ пылать трепещущей пучинѣ
И раздробилъ сармату гордый рогъ!
За ними вслѣдъ всѣхъ правыхъ душъ молитвы!
Да грянетъ часъ карающія битвы!
За падшихъ месть! Отмщенье за Тильзитъ!..
Но, милый другъ, вѣрнѣе долетитъ
Мольба души къ престолу Провидѣнья,
Въ сопутствіи летя благотворенья!
И въ свѣтлый день, когда воскресшій міръ
Поетъ хвалы Подателю спасенья,—
Ужель одинъ не вкуситъ наслажденья
Сынъ нищеты? Ужель, забытъ и сиръ,
Средь братіи, какъ въ горестномъ изгнаньѣ,
Онъ съ гимнами соединитъ стенанье
И лишь слезой на братское лобзанье,
Безрадостный, намъ будетъ отвѣчать?
Твоей душѣ легко меня понять!
Еще тотъ кровъ въ развалинахъ дымится,
Гдѣ нищая вдовица съ сиротой
Ждала въ тоскѣ минуты роковой:
На пепелъ семъ пускай благословится
Твоихъ щедротъ незримая рука!
Ахъ! милость намъ и тяжкая сладка!
Но ты—отецъ! Сбирай благословенья
Спасаемыхъ здѣсь благостью твоей
На юныя главы твоихъ дѣтей!
Ихъ отличатъ они для Провидѣнья!
Увы, мой другъ! что сихъ невинныхъ ждетъ
На томъ пути, гдѣ скрытъ отъ насъ вожатый,
Въ той жизни, гдѣ всего вѣрнѣй утраты,
Гдѣ скорбь безъ крилъ, а радости крилаты,
На то съ небесъ къ намъ голосъ не сойдетъ!
Но доблестью отцовъ хранимы чада!
Она для нихъ—твердѣйшая ограда!

СТИХИ НА ПОРТРЕТЪ А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Мой, нѣжной дружбою написанный, портретъ,
Тебѣ, какъ даръ любви, въ сей день я посвящаю;
Мой другъ, тобой однимъ я прелесть жизни знаю,
А безъ тебя — и счастья нѣтъ!

1813.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,

влетѣвшему въ его темницу.

[Изъ Местра].

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи, нежданый гость небесъ,
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда яспая влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой.

Скажи жъ, любимый другъ природы,
Всѣ тѣ же ль неба красоты?
По-прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По-прежнему ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все та же ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ въ старину?

Весна сихъ сводовъ не видала:
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети жъ, лети къ свободѣ въ поле;
Оставь сей бездны глубину;
Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылой,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ...
Быть-можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ! если бъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Монхъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть поймапъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать -
Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ:
Они страдальцу Провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы -
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры...
Но что?.. я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольститель;

Вспорхнулъ вѣрный посѣтитель...
Постой!.. но онъ ужъ улетѣлъ.

АДЕЛЬСТАНЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ саути].

День багряпилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ;
Рейнъ, въ зарѣ сіяя,
Пышетъ токъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема зубчаты стѣны
Онъ въ потокѣ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
Изъ растворчатыхъ воротъ
Вышли на берегъ — игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу пригнываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Распустилъ крилѣ свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходитъ изъ ладьи.

И по Рейну обратно,
Съ очарованной ладьей,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ:
Все въ немъ прелесть — взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ замкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ —
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищалъ;
Онъ вечерніи бесѣды
Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры —
Милый сталъ супругомъ ей.

Исчезаетъ сновидѣнье —
Вслѣдъ за днями мчатся дни:
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время — наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ! — онъ мыслитъ — ангелъ милъ
Для чего ты въ свѣтъ рожденъ?

И когда обрядъ крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омыть,—

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ;
Взоръ наполнился боязнью;
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
День обряда отложить.
«Силъ недугъ меня лишаетъ
Съ вами радость раздѣлить!»

Солнце спряталось за гору;
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

ъ младенецъ будетъ съ нами:
и дыханьѣ вѣтерка,
трудными волнами
шитъ его рѣка».

или рука съ рукою...
ь на холмахъ догоралъ;
, сумраченъ душою,
царь сына лобызалъ.

ужъ поздно; солнце сѣло;
манился потокъ;
ъ берегъ опустѣлой;
одѣетъ вѣтерокъ.

ь все молчитъ, печаленъ;
идетъ вдоль по рѣкѣ;
страшно; замокъ Алленъ
часъ, какъ скрылся вдалекѣ.

оздно, милый; ужъ сѣдѣетъ
а сырая надъ рѣкой;
дъ холодный вѣтеръ вѣетъ;
рожитъ младенецъ мой.—

е, тише! Пусть сѣдѣетъ
а сырая надъ рѣкой;
моя младенца грѣетъ;
дко спитъ младенецъ мой».

оздно, милый; поневолѣ
ахъ къ мою тѣснится грудь;
ъ блѣденъ; сыро въ полѣ;
огъ намъ до замка путь.—

лчитъ, какъ очарованъ,
царь, глядя на рѣку...
тамъ плыветъ, прикованъ
кой цѣпью къ челноку.

къ берегу — и съ сыномъ
царь сѣлъ въ челнокъ спѣшитъ;
вслѣдъ за паладиномъ...
млѣла и дрожитъ.

ился, лебедь статной
кой цѣпію повлёкъ
по Рейну обратно
рованный челнокъ.

въ Реинѣ дрожало,
туча изъ дымныхъ тучъ
дью сквозь парусъ алой
ливала темный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны;
Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчанье;
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора къ робкомъ ожиданьѣ;
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ ночи половина:
Вдругъ... младенецъ сталъ кричать.
— Адельстанъ, отдай мнѣ сына! —
Возопила въ страхѣ мать.

«Тише, тише; онъ съ тобою.
Скоро... ахъ! кто дастъ мнѣ силъ?
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

«Спи, невинное твореньe;
Мучитъ душу голосъ твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навѣкъ тебѣ покой».

Лодка къ брегу — рыцарь съ сыномъ
Выйти на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ,
Пуще млѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черенъ, дикъ, уединенный,
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою —
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань принесъ!

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына...
Цѣпенѣющая мать,
Возопивъ, у паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!...
Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
Ниспровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застонало
Въ грозныхъ сжавшихся когтяхъ...
Вдругъ все пусто, тихо стало
Въ глубинѣ и на скалахъ.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Мой слабый даръ царица ободряетъ!
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца!..
Могу ль желать славнѣйшія награды?
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель
И русскіе воспламенились грады,— [несъ,
Я съ трепетомъ зрѣлъ ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ открывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я старца зрѣлъ, избраннаго царемъ;
Я зрѣлъ славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечъ, и въ каждомъ взорѣ
мщенье—
И геніемъ мнѣ было восхищенье,
И я предрекъ губителю паденье,
И все сбылось—губитель гордый палъ!..
Но, ахъ! почто мнѣ жребій ниспослалъ
Столь бѣдный даръ?... Внимаемый царицей,
Отважно бъ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ месть и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ вслѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ;
Какъ подъ его обширными крылами
Спасенные народы отъ оковъ
Съ возникшими изъ низости царями
Воздвигнули свободы знамена.
Или, забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны:
Ахъ! сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для поэта?
Царица, мать, супруга, дочь царей,
Краса царицъ, веселіе полсвѣта...
О! кто найдетъ языкъ, приличный сей?
Почто лишенъ я силы вдохновенья?
Тогда бъ дерзнулъ я лирою моей
Тебя воспѣть, въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ—онѣ ласкаютъ мать;
Объ ней ихъ мысль, объ ней ихъ разговоры,
Объ ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
Одну ее съ небеснымъ Божествомъ
При алтарѣ поютъ ихъ сладки хоры.
Или, мечтой стремясь тебѣ вослѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спа- [сенья,
Туда, гдѣ ты, какъ ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья?
Какъ Божество невидимое, ты
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила —
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образѣ небесныя надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала;
Едва на міръ открыли слабы вѣжды,
Ужъ съ Творческимъ сліянный образъ твой
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за тобой.
И въ бурю бѣдъ ты мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ—
На ихъ главы ты свой простерла щитъ,
И задрожалъ свирѣпый истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей;
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ твоихъ обитель.
И днесь—когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ притѣснитель—
О, сколь предметъ высокій для пѣвца!
Владыки мать въ величествѣ царицы
И съ ней народъ, молящіе Творца:
Да подъ щитомъ всесильныя десницы
Дастъ миръ землѣ полсвѣта властелинъ!
Такъ, къ небесамъ дойдутъ твои молитвы;
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду
битвы,
Защитникъ царствъ, любовь царей, твой
Съ вѣнчанными побѣдою полками. [сынъ,
О, славный день! о, радостный возвратъ!

Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій спасителя громами;
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ орлами,
Пѣвающій величествомъ, красой!
И близъ него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ вослѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя славянскія дружины.
И ты спѣшишь съ супругою младой,
Въ кругу дѣтей, во срѣтенье желаннымъ...
Блаженный часъ! въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-сынъ предъ матерью-царицей,
Да славу ихъ любовь благословитъ—
И вкупѣ съ нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ твоей священною десницей!

КЪ ФИЛОНУ.

[ИЗЪ МАТТИССОНА].

Блаженъ, о Филонъ, кто харитамъ-богинямъ жертвы приноситъ.
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго мая въ блескѣ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озаренны улыбкой юнаго утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ.

И полный фіалъ, освященный устами дѣвъ полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окрыляемыхъ пляской фавновъ звѣняща,
Да будутъ отъ насъ, до исхода въ предѣлы тайнаго міра,
Граціямъ, дѣвамъ стыдливости, даръ.

И горе тому, кто харитамъ противенъ; низкія мысли
Кто отъ земли не восходятъ къ Олимпу; богъ пѣснопѣнья
И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; напрасно лиру онъ строитъ:
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

БАЛЛАДА.

[Изъ Шиллера].

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Геллы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ.
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужого брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы.»

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой..
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«Итакъ, погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплачетъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.»

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу.»

И трупъ узрѣли обнаженный·

Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я вознесъ торжественной рукою
Сосновый положилъ вѣнецъ.»

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ окружилъ народъ,
И вопитъ: «старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ-быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрыть въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жметъ заданъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ перстн чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: *каз*
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему вослѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя создапья тьмы.

«Не мните скрыться—мы съ крылами
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за ва
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье на
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.»

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,

Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель—зьблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Парѳеній, слышишь?.. Крикъ вдали:
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

«Что? Ивикъ!..» Все поколебалось—
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!..
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?»

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!»

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была имъ приговоръ.

ЭПИМЕСИДЪ.

[изъ парѳ.].

«О, жребій смертнаго унылый!
Твой путь—Зевесъ ему сказалъ—
Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ;
Его уноситъ быстро время;
Врага въ прошедшемъ видитъ онъ;
Влачитъ заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осуждёнъ:
А счастья будущаго сонъ
Все далѣ, далѣ улетаетъ,
И въ гробѣ съ жизнью исчезаетъ;
И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной—
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озаритъ.
О ты, который самовластно
Даришь насъ жизнію ужасной,
Зевесъ, къ тебѣ взываю я:
Пошли мнѣ даръ небытія.»
Въ странѣ, забвенной отъ природы,
Гдѣ мертвый разрушенья видъ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ...
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
«Ты лжешь, хулитель Провидѣнья,
Богамъ любезенъ человѣкъ:
Но благъ источникъ наслажденья;
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви Творца роптаньемъ.»
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутого.
Два мѣсяца не протекли—
На берегъ онъ приходитъ снова.
«О, небеса! вы отвели
Меня отъ страшной сей пучины;
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ.
О, сколь безумно я роптalъ!
Не дремлютъ очи Провидѣнья,
И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ;
Мы живы подъ Его рукою,
И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходитъ трудною стезёю».
Умолкъ—и видитъ: не вдали
Цвѣтетъ у брега миртъ зеленый,

На брата юнаго склонённый,
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ликъ *дружбы*, въ честь благимъ богамъ.

Проходитъ годъ — опять онъ тамъ;
Во взорахъ счастіе пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.
«И я вникнулъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Глисеру;
Люблю, о, сладкій жизни даръ!
О! какъ мнѣ весь передъ богами
Излить благодаренья жаръ?»
Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юными древами,
Гдѣ *дружбы* ликъ священный былъ,
Любви алтарь соорудилъ.

Свершился годъ — съ лучомъ авроры
Опять пришелъ онъ на утесъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ спокойствіемъ небесъ.
«Хвала вамъ, боги; вашей властью
Узналъ въ любви и въ дружбѣ я
Всѣ *наслажденья* бытія;
Но вы открыли путь ко *счастью*.
Проклятье дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье —
Но можемъ быть равны богамъ.»
И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помостъ изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью
Гдѣ былъ алтарь сооруженъ...
И на простомъ фронтонѣ онъ
Изобразилъ: *благотворенью*.

ТУРГЕНЕВУ,

въ отвѣтъ на его письмо.

Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ! рѣши мое сомнѣнье!
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю;
Увы! на немъ унынія печать;
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю
Такъ! и на твой досталося удѣлъ!
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной;
Ты въ заготѣ, другъ милый, жизнь узрѣлъ
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно—
И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ!
И, испытавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣтъ
Съ плѣнительнымъ простившись ожи
даньемъ
На прошлы дни ты обращаешь взглядъ
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ

О! не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,
Что было, есть и будетъ, заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостнымъ оно являлось намъ!
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали
Нѣтъ и слѣдовъ! Исчезло все — и сад
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хлад
Святой союзъ любви торжествовали,
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушал
Гдѣ время то, когда нашъ милый брат
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душо
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ в
разговор
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникал
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстро
взор
Бывало, онъ, съ отцомъ рука съ рукой
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость
нимъ являлас
Старикъ при немъ былъ юноша живо
Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О, нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собрат
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взгляд
И онъ друзей не розпиялъ съ сыновьями
Увы! ихъ нѣтъ!.. мы жъ каждый по тропа
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: *там*

Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ плѣнительный призракъ —
Насъ тайное къ нему стремленье мчало;
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль—и тамъ одинъ лишь мракъ!
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, оставшихъ назади,
На милую фантазію съ мечтами...
Измѣнница! навѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: *иди!*
Куда идти? что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать?
И можно ль, другъ, желаніе питать,
Когда для насъ столь бѣдно исполненье?
Мы разными дорогами пошли:
Но что жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье—заблужденье!
Сравни, сравни себя съ самимъ собой!
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?
Бывало, все—и солнце за горой
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ, струнмыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьемъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая —
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та жъ... но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ про-
Предъ опытомъ умолкло упованье! [палъ!
Что въ *оны дни* будило радость въ насъ,
То въ насъ *теперь* унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ. [гласъ,
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ!
О, бѣденъ, кто себя переживетъ!
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый!
Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И съ милыми веселья улетѣли!
Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ!
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы!

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ про-
Ихъ бытія... и скорбной нашей траты. [стой
Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды.
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ —
Гдѣ милаго столь много оставалось —
Что бытіе такъ рано прекращалось.
Но онъ и въ гробъ мечтой сопровожденъ!
Другой... старикъ!.. сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не роптalъ; но съ тихою тоской
Смотрѣлъ на прагъ покоя и могилы —
Увы! тамъ ждалъ его сопутникъ милый!
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла... и мы въ сей край незримой
Летимъ душой за милыми вослѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда жъ? когда?.. Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
За коимъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ! съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ;
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ;
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ;
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель;
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель!..
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится —
Но дружба намъ звѣздой отрады будь!
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: зато и мы—не вѣчны!

———

СИРОТКА.

РОМАНСЪ.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье—спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило...
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣнье!
Въ твоемъ младѣньи нѣтъ сирот!
Боязнь и ропотъ—заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой!

О, Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель...
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣнье!
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя! гроза прошла!
Ужасный громъ ударилъ мимо!
Тебя мать *добрая* нашла
На мѣсто матери *родимой:*
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта...
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ *той*, кто здѣсь хранитель твой!
Услышь младенца, Провидѣнье,
Прими *ее* подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье—
Ея дѣтей благослови.

ПѢСНЯ МАТЕРИ

НАДЪ КОЛЫБЕЛЬЮ СЫНА.

[Изъ Беркеня].

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Когда отецъ твой обольстилъ
Меня любви своей мечтою,
Какъ ты, плѣнялъ онъ красотою,
Какъ ты, онъ простъ, невиненъ былъ!
Вѣрялось сердце безъ защиты—
Но онъ невѣренъ; мы забыты.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Когда покинетъ легкій сонъ,
Утѣшь меня улыбкой милой;
Увы! такой же сладкой силой
Повелѣвалъ душѣ и онъ.
Но сколь онъ зналъ, къ моей напасти,
Что все его покорно власти!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Мое онъ сердце распалилъ,
Чтобы сразить его измѣной;
Почто жъ своею перемѣной
Онъ и его не измѣнилъ?
Моя тоска неутомима;
Люблю, хотя и не любима.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Его краса въ твоихъ чертахъ;
Открытый видъ, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоихъ устахъ!

Но, ахъ! красой очаровательь,
Мой сынъ, не будь, какъ онъ, предатель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Въ слезахъ у люльки я твоей—
А ты съ улыбкой почиваешь!
О, дай, Творецъ, да не узнаешь
Печаль подобную моей!
Отъ милыхъ горе нестерпимо!
Да пройдетъ страшный жребій мимо!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Навѣкъ для насъ пустыня свѣтъ!
Въ надеждѣ намъ пути закрыты!
Тогда единственнымъ забыты,
Намъ сердца здѣсь родного нѣтъ!
Не намъ веселіе земное;
О всей природѣ мы лишь двое!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Пойдемъ, мой сынъ, путемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны!
О! будемъ въ мірѣ неразлучны!
Страданье сподспѣе двоимъ!
И нѣжныхъ лѣтъ твоихъ хранитель!
Ты мнѣ на старость утѣшитель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВУ.

Итакъ—ея ужъ нѣтъ,
Сей пристани спокойной,
Гдѣ добрый нашъ поэтъ
Игралъ на лирѣ стройной,
И счастія достойный,
Пройдя стезю честей,
Мечталъ закатомъ дней
Веселымъ насладиться
И съ жизнію проститься,
Какъ ясный майскій день
Прощается съ природой!
Исчезла мирна сѣнь!
Съ харитами, свободой,
Въ семъ тихомъ уголкѣ
Веселость обитала,
И «съ сердцемъ на рукѣ» *)
Тамъ дружба угощала
Друзей по вечерамъ!
Но время все умчало,
И здѣсь—на вѣки тамъ!
Какъ весело бывало,
Когда своимъ друзьямъ,
Подъ липою вѣтвистой
Съ копьякомъ чай душистой
Хозяинъ разливалъ,
И кругъ нашъ оживлялъ
Веселымъ острымъ словомъ!
О, дерево друзей!
Сколь часто темнымъ кровомъ
Развѣсистыхъ вѣтвей
Ты добрыхъ осѣняло;
Сколь часто ты внимало
Веселымъ мудрецамъ,
Кудрявыхъ одъ разборамъ,
Шутливымъ, важнымъ спорамъ,
И Пушкина **) стихамъ!..
Сколь часто прохлажденный
Сей тѣнью Карамзинъ,
Нашъ Ливій-Славянинъ,
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!
И нашъ мудрецъ смиренный,

*) Взято изъ стиха И. И. Дмитріева: «Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не взятъ».

**) «Василій Львовичъ Пушкинъ, авторъ басенъ, посланій и пр.»

Козлятьевъ незабвенный *),
Оратору внималъ,
Съ улыбкой одобрялъ,
И взоромъ выражалъ
Въ молчаньѣ всѣ движенья
Души своей простой!
Онъ кончилъ путь земной!
Но какъ безъ восхищенья
О добромъ говорить!
О! можно ли забыть
Сей взоръ пріятный, ясной,
Органъ души прекрасной,
Сей тихій, скромный видъ,
Сердечную учтивость,
И старческихъ ланить
Прелестную стыдливость,
И простоту рѣчей!..
Покой сихъ мирныхъ дней
Смиренье ограждало;
Ничто ихъ не смущало
Сердечной чистоты;
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внималъ онъ со слезой;
Онъ скрытною рукой
Благотворилъ въ молчаньѣ!..
Увы! его ужъ нѣтъ,
И милой жизни слѣдъ
Хранитъ воспоминанье!
Но что жъ? очарованье
Сихъ дружескихъ бесѣдъ
Погибло ль безъ возврата?..
Пожаръ не пощадилъ
Ни добраго Сократа,
Которому грозилъ
Амуръ въ тѣни акацій,
Ни скромной урны грацій,
Ни тѣсной люльки той,
Гдѣ эгоистъ спокойный,
Подъ тѣнью въ полдень знойный,
Съ подругою-мечтой
Дѣлилъ уединенье!
Все грозною рукой
Постигло разрушенье!..

*) «Ген.-маіоръ Ѳедоръ Ильичъ Козлятьевъ, человѣкъ добродѣтельный, кроткій, умный, просвѣщенный и смиренный; добрый отецъ для своихъ крестьянъ и другъ бѣдныхъ; тайно благотворившій даже офицерамъ своего полка».

НИНА КЪ СУПРУГУ
въ день его рожденія.

Другъ, сопутникъ и хранит
Будь священный кубокъ сей
Днесь того изобразитель,
Что всегда въ душѣ моей!
Все въ одномъ соединяю
Несравненномъ чувствѣ я:
Что вкушала, что вкушаю
И надежды бытія.
Что *прошло*, то предо мною
Все теперь обновлено,
Восхитительной мечтою
Мнѣ является оно:
Годы, вмѣстѣ проведенны,
Жребій твой и мой въ одномъ
И залоги ихъ священны
Намъ ниспосланы Творцомъ!
Сколь пристрастно Провидѣн
Мнѣ удѣлъ избрало мой!
Проходило ли мгновенье,
Чтобы тайною мольбой
Передъ нимъ не изливалось
Сердце Нины?.. О! для насъ
Все прошедшее промчалось,
Какъ одинъ веселый часъ!
А *теперь*—о, другъ безцѣн
Что ни вижу предъ собой,—
Все свидѣтель мнѣ священный
Сколь прекраснъ жребій мой!
Ты—въ единомъ все, что мил
Дѣти—въ нихъ твои жъ черт
Все, что есть, что будетъ, бы
Все въ тебѣ и всюду ты!
И *грядущее* вручаю,
Другъ единственный, Тому,
Чья рука вела святая
Насъ ко счастью одному.
Я молюсь, чтобы Небесный
Ничего не измѣнилъ,
И протекши дни прелестны
Въ дняхъ грядущихъ обновил

РАЙ.

Есть старинное преданье,
Что навѣки рай земной
Загражденъ намъ въ наказань
Непреклонною судьбой!
Что дверей сего хранитель

Ангелъ съ пламеннымъ мечомъ;
Что путей въ сію обитель
Никогда мы не найдемъ.

Нѣтъ, друзья! вы въ заблужденьѣ!
Есть на свѣтѣ Божій рай!
Есть! и любитъ Провидѣнье
Сей подобный небу край!
Тамъ невидимъ грозный мститель
Ангелъ съ пламеннымъ мечомъ—
Тамъ трехъ ангеловъ обитель,
Данныхъ міру Божествомъ!

Не страшитъ, но привлекаетъ
Ихъ понятный сердцу взоръ!
Сколь улыбка ихъ пылаетъ!
Сколь ихъ сладокъ разговоръ!
Въ ихъ пріютѣ неизвѣстно—
Что порокъ, что суета!
Непорочностью небесной
Ихъ прекрасна красота!

Ты, который здѣсь уныло
Совершаешь путь земной,
Къ нимъ приди—ихъ образъ милой
Примиритъ тебя съ судьбой.
Ахъ! друзья, кто здѣсь ихъ знаетъ,
Кто имъ жертвуетъ душой,
Тотъ отдать не пожелаетъ
За небесный рай—земной!

КЪ ПЛЕЩЕЕВУ.

Напрасно я, другъ милый, говорилъ,
Что существъ, какъ вешній ледъ, растаетъ!..
Увы! грядущаго никто, никто не знаетъ!
Вѣдь не растаялъ онъ—застылъ!

СВѢТЛАНѢ.

Хочешь видѣть жребій свой
Въ зеркалѣ, Свѣтлана?
Ты спросись съ своей душой!
Скажетъ безъ обмана,
Что тебѣ здѣсь суждено!
Намъ душа—зерцало:
Все въ ней, все заключено,
Что намъ обѣщало
Провидѣнье въ жизни сей!
Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной,
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что *сходна* судьба твоя
Съ сей душой прекрасной!

Непорочность спутникъ твой
И веселость геній—
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.
Лишь тому, въ комъ чувства нѣтъ,
Путь земной ужасенъ!
Счастье въ насъ, и Божій свѣтъ
Нами лишь прекрасенъ.
Милый другъ, спокойна будь,
Безопасенъ твой здѣсь путь:
Сердце—твой хранитель!
Все судьбою въ немъ дано:
Будетъ здѣсь тебѣ оно
Къ счастью предводитель!

КЪ А. П. КИРѢЕВСКОЙ,

въ день рожденія Маши.

Вотще, вотще, невинной красотой
И нѣжностью младенецъ твой плѣняетъ;
Твой смутный взоръ ее не замѣчаетъ!
Ты съ хладною сдружилася тоской!
И рѣзвостью, и взоромъ, и улыбкой
Она тебя къ веселости зоветъ!..
Но для тебя въ семъ зовѣ смысла нѣтъ!
Веселіе считаешь ты ошибкой,
И мнишь, что скорбь есть долгъ священный твой!
Ахъ! откажись скорѣй отъ заблужденья!
Въ ея лицѣ надежда предъ тобой—
А ты печаль даришь ей въ день рожденья!
Увы! въ сей день восторженная мать
Спѣшитъ Творцу обѣтъ священный дать—
И свыше ей внимаетъ Провидѣнье—
Быть счастливой для счастія дѣтей!
Тебѣ жъ сей день другихъ грустнѣе дней.
Ты на себя крепъ черный надѣваешь,
И мыслію отъ радости бѣжишь!
Иль отвратить ее отъ жизни мнишь
И черную судьбу ей обѣщаешь?
Кто жъ счастія дерзнетъ здѣсь ожидать,
Когда въ кругу дѣтей прелестныхъ мать
Забывъ, что ей и мило и священно,
Межъ радостей груститъ уединенно,
И Промысла не мнитъ благословлять?
Приди жъ, дитя, посолъ прелестный Бога,
Приди сказать нѣмымъ ей языкомъ,
Что вамъ *одна* въ сей міръ лежитъ дорога,

Что ей твоимъ ко счастью быть вождемъ!
Прочтя свой долгъ въ твоемъ невинномъ взорѣ,
Она опять полюбитъ Божій свѣтъ,
И будетъ даръ тебѣ ея обѣтъ:
Не чтить за долгъ убійственное горе.

ОБѢТЪ.

Путь жизни мнѣ открытъ
И вождь мой Провидѣнье!
Твое благословенье
Надежнѣйшій мой щитъ!
Хранитель геній мой,
Другъ вѣрный, неизмѣнный!
Будь образъ твой священный
Повсюду предо мной!

Я съ именемъ твоимъ
Готовъ летѣть за славой!
Опасность чту забавой,
Тобой животворимъ!
Достойнымъ въ жизни быть
Любви твоей священной!
Обѣтъ сей неизмѣнный
Клянуся сохранить!

Ты будешь всѣхъ моихъ
Сокрытыхъ мыслей зритель,
Печалей ободритель,
Причина дѣлъ благихъ.
Какихъ искать паградъ?
Съ душою чистой, правой,
Мнѣ будь наградой, славой
Твой благодарный взглядъ.

* * *

Вспомни, вспомни, другъ мой милой,
Какъ сей день пріятенъ былъ!
Небо радостно свѣтило!
Мнилось, цѣлый міръ дѣлилъ
Наслажденіе со мною!
Годъ минувшій—тяжкій сонъ!
Смутной, горестной мечтою
Безъ возврата скрылся онъ.

Снова день сей возвратился,
Снова въ сердцѣ тишина!
Видъ природы обновился—
И душа обновлена!
Что прошло—тому забвенье!
Вѣрный другъ души моей,
Насъ хранило Провидѣнье!
Тотъ же съ нами кругъ друзей!
О, сопутникъ мой безцѣнный!
Мысль, что въ мірѣ ты со мной,
Неразлучный, неизмѣнный,—
Будь храпитель въ жизни мой!
Въ ней тобою все мнѣ мило!
Въ самой скорби страха нѣтъ!
Небо насъ соединило!
Мы вдвоемъ покинемъ свѣтъ!

1 іюня 1813 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЖИЗНИ.

Что когда въ одни влачились
Мы дорогою земной,
И нигдѣ на ней не льстились
Повстрѣчать души родной?..
И отъ странствія, друзья,
Отказался бъ лучше я!

Что тогда красы творенья
Въ нашихъ были бы глазахъ?
На источникъ наслажденья
Мы смотрѣли бы въ слезахъ!
И веселья милый гласъ
Былъ бы жалобенъ для насъ!

Кто бъ отрадными устами
Намъ «терпѣніе» сказалъ?
Кто бъ насъ братскими руками
Утомленныхъ поддержалъ?
Кто бъ въ опасный, страшный часъ
Былъ покровъ и щитъ для насъ?

И безрадостно бъ, уныло
Наша вся дорога шла!..
Отчего жъ намъ жить такъ мило?
Чѣмъ дорога весела?
О! друзья! то сердца гласъ:
Провожаютъ *братья* насъ!

НАДПИСЬ НА КАРТИНКѢ,

ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ *три радости* И ПОДАРЕННОЙ Е. И. П.

Прими сей даръ. Три радости небесны
Здѣсь для тебя изобразила я:
Однѣмъ простымъ душамъ онѣ извѣстны—
И знаетъ ихъ, мой другъ, душа твоя!
Ахъ! если бъ та, которой ликъ священно
Начертанъ здѣсь рукою дерзновенной,
Исполнила обѣтъ души моей—
Тебѣ бъ не знать на свѣтѣ черныхъ дне
Но для чего жъ къ любви ея сомнѣнь
Она благимъ заступница и щитъ!

Отринетъ ли столь правое моленье!
О, нѣтъ! она твой путь благословитъ.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

О! не отринь, Отецъ Небесный, насъ!
Всѣ объ одной Тебя мы умоляемъ!
Одно для насъ желанье въ этотъ часъ:
Храни ее! Тебѣ ее ввѣряемъ!

Твоей любви залогъ мы видимъ въ ней!
Ея любовь нашъ кругъ одушевляетъ!
И счастіе ея священныхъ дней
Сопутницей-звѣздой для насъ сіяетъ!

О, спутникъ нашъ, да Твой отрадный свѣтъ
Вовѣкъ, вовѣкъ надъ нами не затмится!
О, царь судьбы! одинъ отъ насъ обѣтъ:
Храни ее! въ ней наше *все* хранится!

КЪ ДОКТОРУ ФОРУ.

Сынъ Эскулапа, Фебовъ внукъ,
По платью врагъ, по сердцу другъ,
Тебѣ нескладными стихами
Я долженъ то изобразить,
Что ты умѣлъ въ насъ поселить
Пилюлями и порошками,
И хиной и исландскимъ мхомъ,
И добрымъ сердцемъ и умомъ.
Сперва судьбѣ благодаренье
За то, что въ области зимы
Ты отъ простудныя чумы
Столь чудное пріялъ спасенье.
Мой другъ, ея незримый перстъ,
Тебя чрезъ столько сотенъ верстъ
Межъ ратниками, казаками,
Сперва въ Рязань, потомъ въ Орелъ,
Потомъ и къ дружбѣ въ Черпь привелъ,
Потомъ и познакомилъ съ нами.
Могу сказать тебѣ въ стихахъ,
Что даръ пріятнымъ быть имѣешь,
Что сердцемъ добръ, какъ на словахъ,
И притворяться не умѣешь;
Что къ шахматамъ имѣешь страсть,
Хотя играешь очень худо;
Что для тебя совѣмъ не чудо,
Зажмуряясь, въ шаръ шаромъ попасть!
Что пишешь умные отвѣты,
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тѣхъ,
Кто былъ твоимъ оригиналомъ;
Что ты съ друзьями любишь смѣхъ
И не боишься за бокаломъ
Предъ ними сердце разстегнуть;
Что, выбравъ въ свѣтѣ вѣрный путь,
Идешь за счастьемъ осторожно,
И, чтобъ себя не обмануть,
Судьбу о томъ, что̀ невозможно,
Пренебрегаешь умолять;
Готовъ назначенное взять,
Къ отнятому жъ храня презрѣнье,
Благословляешь Провидѣнье!..
И прочее... Въ стихахъ писать
Объ этомъ я—хоть и безъ склада,
Согласенъ: муза будетъ рада!
Но какъ могу изобразить
Души растроганныя чувство,
Смотря, какъ дружбу и искусство
Спѣшишь на благо посвятить
Тѣхъ, кто и жизни мнѣ милѣе?
Здѣсь чувство языка сильнѣе,
И сердце не находитъ словъ!
Для той печали нѣтъ стиховъ,
Въ которой вяну я душою,
Смотря, какъ страждутъ предо мною
Всѣ тѣ, кѣмъ мой украшенъ свѣтъ!
И въ часъ—когда безъ утѣшенья,
Безсильный зритель ихъ мученья,
Творю напрасный я обѣтъ,
Чтобъ Провидѣніе пріяло
Въ залогъ всю жизнь мою за нихъ,
Иль мнѣ, какъ милость, ниспослало
И скорби и недуги ихъ;
Когда я бытіемъ скучаю
И радъ бы нить его порвать
И дни грядущаго считаю,
Страшася смертью опоздать...
Какъ выразить то восхищенье,
Когда, воскреснувшій душой,
Внимаю сладку вѣсть: спасенье!
Намъ приносимую тобой?
Когда однимъ небеснымъ словомъ—
О, слова радостнѣе нѣтъ!—
Мнѣ жизнь даешь, и вялый свѣтъ
Являешь мнѣ во цвѣтѣ новомъ!
О, сколь ничтоженъ здѣсь поэтъ
Съ своими бѣдными стихами!..
Мой другъ, бросаю лиру въ прахъ!
Сравнится ль что въ моихъ стихахъ
Съ нѣжнѣйшей матери слезами?..

УЕДИНЕНІЕ.

[отрывокъ].

Дружись съ *уединеньемъ*!
Изнѣженъ наслажденьемъ,
Сынъ свѣта незнакомъ
Съ симъ добрымъ божествомъ,
Ни труженикъ унылый,
Безмолвный рабъ могилы,
Презрѣвшій Божій свѣтъ
Степной анахоретъ.
Ужаснымъ привидѣньемъ
Предъ ихъ воображеньемъ
Является оно:
Какъ тьмой облечено,
Одеждою печальной
И къ урнѣ погребальной
Приникшее челомъ;
И въ сумракѣ кругомъ,
Объятъ безмолвной думой,
Совѣтъ его угрюмой:
Съ толпой видѣній *страхъ*,
Унылое *молчанье*,
И мрачное *мечтанье*
Съ безуміемъ въ очахъ,
И душъ холодныхъ мука,
Губитель жизни, *скука*.....
О! видъ совсѣмъ иной
Для тѣхъ оно пріемлетъ,
Кто зову сердца внемлетъ,
И съ мирною душой,
Младенецъ простотой,
Вслѣдъ Промысла стремится,
Ни свѣта, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
Отъ нихъ не ожидаетъ,
А въ сердце заключаетъ
Прямой источникъ благъ.
Съ улыбкой на устахъ,
На дружественномъ лонѣ
Подруги-*тишины*,
Въ сіяніи весны,
Простертая на тронѣ
Изъ лилій молодыхъ,
Какъ райское видѣнье,
Себя являетъ ихъ
Очамъ *уединенье!*
Вблизи подъ сѣнью миртъ
Кружится рой *харитъ*,
И пляску соглашаетъ
Съ струнами *аонидъ;*
Смотря на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ,
При ней сынъ размышленья
Съ веселымъ взглядомъ *труда*—
Въ рукѣ его сосудъ
Счастливаго забвенья
Сразившихъ душу бѣдъ,
И радостей минувшихъ,
И сердце обманувшихъ
Разрушенныхъ надеждъ;
Тамъ зрится *отдыхъ* ясный,
Труда веселый другъ,
И сладостный *досугъ*,
И три сестры, прекрасны,
Какъ юная весна:
Вчера-воспоминанье,
И *нынѣ*-тишина,
И *завтра*-упованье;
Сидятъ рука съ рукой,
Та съ розой молодой,
Та съ розой облетѣлой,
А та, мечтой веселой
Стремяся къ небесамъ,
Въ ихъ тайну проникаетъ,
И радуясь сливаетъ
Невѣдомое намъ
Въ магическое *тамъ!*

1814.

ПИСЬМО КЪ ***.

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
Какъ можно рѣдко такъ писать
Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
Которымъ все бы радъ отдать!...
Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
Бываю сердцемъ завсегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить перомъ—бѣда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги—чернильница съ перомъ!
Сидѣть согнувшись за столомъ
И, чтобъ открыть души движенья,
Перо въ чернила помакать,

писанное жъ засыпать
орѣй пескомъ для сбереженья—
это, признаюсь, мнѣ адъ!
о ясно выражаетъ взглядъ
ь голоса простые звуки,
на бумагѣ, невпопадъ,
я услажденія разлуки,
лжны въ опредѣленный день
выражать перомъ!... А лѣнь,
мрачное расположенье,
сердца тяжкое стѣсненье
егда ль даютъ свободу намъ
мертвымъ повѣрять строкамъ,
о въ глубинѣ души таится?
еволи мысль моя страшится:
авторъ—но писать лѣнивъ!
ато всегда, всегда болтливъ,
огда твои воображаю
толь драгоцѣнныя черты,
самъ себѣ изображаю,
коль нѣжно мной любима ты!
егда, всегда разгорячаешь
ы пламенной своей душой
сердце и разсудокъ мой!
, сколь ты даромъ обладаешь
ыть милой для твоихъ друзей!
огда письмо твое читаю,
ебя я лучшимъ ощущаю,
овольнѣй участью своей,
будущихъ картина дней
ередо мной животворится,
хоть на мигъ единый мнится,
то въ жизни *все* имѣю я:
юбовь друзей—судьба моя.
рани, о другъ мой неизмѣнный,
ей для меня залогъ священный!
ишн—когда же долго нѣтъ
исьма отъ твоего поэта,
е вѣрь, что другъ тебѣ поэтъ,—
жди съ терпѣніемъ отвѣта!

1811. генваря 4.

* *
*

Кто бъ ни былъ ты—зефиръ, пѣвецъ
иль чародѣй!
огда ей сыномъ быть лишь тотъ имѣетъ
Кто первою своей [право,
И радостью и славой
Считаетъ тишину ея священныхъ дней;
Въ комъ каждое души движенье
Любовью къ ней освящено,
И для кого надеждъ милѣйшихъ испол-
Въ ея желаніи одномъ заключено; [ненье
Кто цѣнитъ счастье жить, но съ нею,
И презритъ счастіе—одинъ:
То право на сіе названье я имѣю!
Ты не ошибся: я ей сынъ.

1814. 12 генваря

* *
*

Прелестный день, не обмани!
Тебя встрѣчаю я съ волненьемъ.
О, если бъ жизни приношеньемъ
Я сдѣлать могъ, чтобъ оны дни,
Летящи слѣдомъ за тобою,
Ей все съ собою принесли!...
Мой другъ, кто былъ любимъ судьбою
Тебя достойнѣй на земли?

Къ 16 генваря 1814 года.

* *
*

Когда бъ родиться въ свѣтъ и жить
Лишь значило: пойти въ далекій путь
безъ цѣли,
Искать безвѣстнаго, съ надеждой — не
найтить,
И отъ младенческой спокойной колыбели
До колыбели гробовой,
Стремясь за тщетною мечтой,
Остановиться вдругъ, и взоры обративши,
Спросить съ унынiемъ: зачѣмъ пускался
въ путь?
Потомъ, забвенію свой посохъ посвятивши,
На лонѣ тишины заснуть—
Тогда бы кто считалъ за праздникъ день
Но жребій мнѣ иной! [рожденья?
Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ, сказалъ: я другъ
навѣки твой!
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный
утѣшитель.
Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣ-
Благодарю за жизнь, Творецъ! [нецъ!

29 генваря 1814 года.

КЪ А. П. [КИРѢЕВСКОЙ].

Сей памятникъ о немъ мнѣ дорогъ въ
день рожденья!
Пусть нашу дружбу онъ тѣснѣе укрѣпитъ,

И насъ, до встрѣчи съ нимъ въ странѣ
соединенья,
Еще блаженныхъ здѣсь земнымъ блаженствомъ зритъ!

29 генваря 1814.

КЪ ВОЕЙКОВУ.

ПОСЛАНІЕ.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата!
Поставь въ мой уголъ посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго пената!
Садись—вотъ кубокъ! въ честь друзьямъ!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившимъ небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И, хлѣбъ водою запивая,
«Хвала, умѣренность златая!»
Съ пѣвцомъ Тибурскимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ ордынцевъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель;
Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Батыя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій.
Тамъ вѣчно *то же* и *одно*;
Всему свой часъ: труду, бездѣлью;
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, видя счастіе въ покоѣ,
Ты всѣ восторги отдавалъ
За нестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Хранимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы
Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ, вшедши въ Божій храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ Божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья...
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ чудо Искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ?..
Все тихо... полночь... нѣтъ движенья...
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ-благовѣститель
Провозгласитъ: воскресъ Спаситель!..
И вдругъ... во мглѣ... средь тишины,
Какъ будто съ горней вышины
Съ трубою ангелъ-пробудитель,
Нисходитъ гласъ... алтарь горитъ!
И братья пали на колѣни!
И гимнъ торжественный гремитъ!
И се! идутъ въ усопшихъ сѣни!
О, сердце трогающій видъ!
Подъ тѣнью тополей, вѣтвистыхъ
Березъ, дубовъ и шелковицъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ—
И вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила...
Идутъ къ возлюбленныхъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все—отверстый свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнится, тайна Искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный поющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье
(Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ),
И тихое гробовъ молчанье,
И сопричастныхъ небесъ
Незримое съ землей сліянье—
Все живо, полно Божества...

И пѣрныхъ братій торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: *воскресъ Спаситель!..*
Сердцамъ *во истину!* гласитъ,
И, самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель!..
И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ аркапомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой,
Ужасною и величавой
Тамъ всѣ блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ—среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ—
Гнѣздится и балкаръ, и бахъ,
И абазехъ, и камукинецъ,
И карбулакъ, и абазинецъ,
И чечереецъ, и шапсукъ.
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь-соратникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны, скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или, по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ.
Скалы свободы ихъ пріютъ;
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни;
Тамъ жизнь ихъ—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни,
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы...
Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами
Онъ, зеленѣя, протекалъ,
И ясной влагой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды стѣснившихся струговъ,
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ,
Спокойствіе станицъ счастливыхъ,
Вождей и коней ихъ ретивыхъ;
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу вихря-атамана
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою..
Теперь ты случая рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнишь призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы—гости молодые
У милой жизни на пиру—
Изъ полной чаши радость пили,
И *счастье наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару...
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?

Еще вдали и неизвѣстно...
Все то, что намъ здѣсь суждено...
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ;
Одинъ уходимъ за другимъ;
Другъ, оглянись... еще нѣтъ брата!
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами!

Но такъ и быть!.. здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной неленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко-краса
Владиміръ князь съ богатырями;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами;
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ;
И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ, дивной облеченъ бронеи,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Вослѣдъ ему летитъ душою;
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
«О, вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ косаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями—
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей.»
Краса-дѣвица поетъ, плачетъ;
А другъ по долямъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель;
Возглавье щитъ; ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-Ягой;
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражей змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня;
Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный!
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный;
Чѣмъ ближе онъ—тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня—
Дворецъ волшебный царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ;
И онъ... Но что? куда мечтами
Я залетѣлъ тебѣ вослѣдъ—
Ты чародѣй, а не поэтъ!
Ты всемогущими струнами
Мой падшій геній оживилъ!..
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?
Признаться ли?.. Смотрю съ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы,
И мнится, перстомъ невидимымъ
Свои невидимы черты
На нихъ судьба ужъ написала!
Что бъ ни было... сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала!
Она твоя!.. молись судьбѣ,
Чтобъ въ ней наполнились страницы!

Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ—
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной:
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый *здѣсь*, въ *томъ* міръ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный ангелъ вдохновенья!..
Но, другъ! быть-можетъ... какъ узнать?..
Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья!
Прими ее... и пожалѣй!

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты унываешь о дняхъ, невозвратно протекшихъ,
Горестной мыслью, тоской безнадежной ихъ призывая—
Будь настоящее твой утѣшительный геній!
Вѣря ему, свой день проводи безмятежно!
Легкимъ полетомъ несутся дни быстрые жизни!
Только успѣемъ достигнуть до полныя зрѣлости мыслей,
Только увидимъ достойную цѣль предъ очами—
Все ужъ для насъ и прошло, какъ мечта сповидѣнья,
Призракъ фантазіи, то представляющей взору
Лугъ, испещренный цвѣтами, веселые холмы, долины;
То пролетающей въ мрачной одеждѣ печали
Дикую степь, лѣса и ужасныя бездны.
Слѣдуй же мудрымъ! Всегда неизмѣнный душою,
Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно,
Скорбью безплодной о благѣ навѣки погибшемъ,
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!

КЪ ТУРГЕНЕВУ,

въ отвѣтъ на стихи, присланные имъ вмѣсто письма.

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di mel

Въ день счастья вспомнить о тебѣ—
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ повѣрять судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась,
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась—
Сколь бѣденъ сею былъ бы я!
Нѣтъ, нѣтъ, мой братъ, мой другъ-храни-
Воспоминаніемъ инымъ [тель;
Плачу тебѣ: я вѣчно съ нимъ;
Во дни печали ты со мной;
И, ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю;
О, что бы ни было—я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принесть,
И гдѣ любовь не измѣнится,
И гдѣ нѣжнѣйшее хранится
Участіе въ судьбѣ моей.
Дождусь иль нѣтъ счастливыхъ дней—
О томъ, мой милый другъ, ни слова;
Какимъ бы я ни шелъ путемъ—
Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ;
Со мной до камня гробового,
Не измѣняяся, иди;
Одна мольба: не упреди!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Въ альбомъ В. А. Азбукину.

Любовь, *надежда* и *терпѣнье*:
На жизнь порядочный запасъ.
Впередъ безъ страха; въ добрый часъ!
За все порука Провидѣнье.

Блаженъ, кому *любовь* вослѣдъ;
Она веселье въ жизнь вливаетъ,
И счастья радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла—
Безгрешенъ, хладенъ, тихъ Мемнонъ;
Заря взошла—и дышетъ онъ!
И радость въ мраморѣ взыграла!

Таковъ *любви* волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель!
Любви нѣтъ въ сердцѣ—жизни нѣтъ!

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ—вѣрь; но знай,
Что не земля, а небо рай;
Вѣрнѣй быть добрымъ безъ награды!

Когда жъ *надежда* улетитъ—
Взгляни на тихое *терпѣнье*;
Оно утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась намъ;
Достоинъ будь—а небесамъ
Оставь на волю остальное!

БИБЛІЯ.

[изъ Фонтана].

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ—
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Такъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣдинстаго Ливана
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣши, пѣвецъ;
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ...
И слова дивнаго прекрасное рожденье,
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный сонъ—
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ.
Поверженъ праведникъ—о, грозный Богъ!
о, мщенье!
Потоки хлынули... земли преступной нѣтъ;
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ,
Іаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать, могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумящихъ стадъ;
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ!
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ!..
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной?..
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила;
Напрасно злобы сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ—и онъ спасенъ. О! сладкія съ тобой,
Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
И нѣтъ тебя... увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ... но небеса склонились къ ихъ печали:
Кто ты, спокойное дитя средь шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дочь царей, спасай чудесный челнъ;
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель—
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ.
Раздвинься, море... пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ?
Не на твою ль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Скажу ль—и дивный столпъ, въ день мрачный, въ ночь горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее внезапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Самсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,

Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?..
Но что? рука судей Израиль утомила;
Неблагодарнымъ въ казнь, царей послалъ Творецъ;
Саулъ помазанъ, палъ— и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народомъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный строитель;
Стекались... о, торжество! храмъ вѣчный заложенъ.
Но что? ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!..
Падите, идолы! разсыпьтесь въ прахъ, божницы!
Въ блистаньи Илія на небо воспарилъ!..
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ...
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ—
И въ часъ показанный народы исчезаютъ.
Увы! Сидонъ, навѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!..
Какіе вопли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,
Іуда, ободрись; восходитъ день спасенья!
Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Тирану пишетъ казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эздра, Маккавей съ могучими сынами;
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ.

БЕЗПОДОБНАЯ ЗАПИСКА КЪ ТРЕМЪ СЕСТРИЦАМЪ ВЪ МОСКВУ.

Скажите, милыя сестрицы,
Доѣхали ль, здоровы ль вы?
И обгорѣлыя столицы
Сочли ли дымныя главы?
По Тулѣ много ли гуляли?
Все тѣ же ль тамъ—заводъ, ряды,
И всѣ ли тамъ пересчитали
Вы нашихъ прежнихъ лѣтъ слѣды?
Покрытая пожарнымъ прахомъ,
Москва, разбросанный скелетъ,
Вамъ душу охладила ль страхомъ?
А въ Тулѣ прахъ минувшихъ лѣтъ
Не возвратилъ ли вспоминанья
О томъ, что было въ *оны дни*,
Когда намъ юность лишь одни
Плѣнительныя обѣщанья
Давала на далекій путь,
Призвавъ неопытность въ поруку?..
Тогда, подавъ надеждѣ руку,
Не мнили мы, чтобъ обмануть
Могла спутница крылата!
Но время опытъ привело!
И многихъ, многихъ благъ утрата
Велитъ сквозь темное стекло
Смотрѣть на счастіе земное,
Чтобы сіяніе живое
Его плѣнительныхъ лучей
Намъ вовсе глазъ не заслѣпило!..
Друзья, что вѣрно въ жизни сей?
Что просто, но что сердцу мило,
Собравъ поближе въ малый кругъ
[Чтобъ взоръ нашъ могъ окинуть вдругъ].
Мечты уступимъ лишь начавшимъ
Идти дорогою земной
И жребія не испытавшимъ!
Для нихъ надежды сонъ златой!
А намъ будь въ пользу пробужденье!
И мы, не мѣтя больше вдаль,
Терпѣньемъ поделастимъ печаль,
Веселью вѣрой въ Провидѣнье
Неизмѣняемость дадимъ,
Сей день покоемъ озлатимъ,
Красою мыслей и желаній
И прелестью полезныхъ дѣлъ,
Чтобъ на невѣдомый предѣлъ
Сокровище воспоминаній
[Прекрасной жизни зрѣлый плодъ]
Намъ вынесть изъ жилища праха,
И зрѣть открытый намъ безъ страха
Страны обѣтованной входъ.

РОСПИСКА МАШИ КИРѢЕВСКОЙ.

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Идти—тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вмѣстѣ бы, лишь только бъ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна бы намъ могила!—

Что впрочемъ здѣсь ни встрѣтимъ — все равно!
Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила.

МОТЫЛЕКЪ.

Вчера я долго веселился,
Смотря, какъ мотылекъ
Мелькалъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.

И милый цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной,
То алой тѣнью отливался,
То нѣжной голубой.

Я вслѣдъ за нимъ!.. но онъ быстрѣе
Вилялъ и кружилъ!
И вижу, вдругъ прильнувъ въ лилеѣ,
Недвижимый блеститъ!

Бѣгу... и мой летунъ вертляной
Дрожитъ въ моихъ рукахъ.
Но гдѣ же блескъ его румяной?
Гдѣ краски на крылахъ?

Увы! коснувшись къ нимъ перстами,
Я стеръ ихъ нѣжный цвѣтъ!
И мотылекъ... онъ все съ крыла ми,
Но красоты ужъ нѣтъ!

«Такъ наслажденье измѣняетъ!» —
Вздохнувши я сказалъ:
«Пока не тронуто — блистаетъ!
Дотронься — блескъ пропалъ!»

ЭПИТАФІИ.

I. Моту.

Здѣсь Лакомкинъ лежитъ — онъ вѣчно жилъ по модѣ!
Зато и вѣчно долженъ былъ!
А заплатилъ
Одинъ лишь долгъ — природѣ!..

II. Хромому.

Дамонъ покинулъ свѣтъ;
На гробъ ему два слова:
Былъ хромъ и ковылялъ сто лѣтъ!
Довольно для хромова.

III. Пьяницѣ.

Подъ камнемъ симъ Бибрисъ лежитъ;
Онъ на землѣ въ такомъ раздорѣ былъ съ водою,
Что намъ и изъ земли кричитъ:
Не плачьте надо мною!

IV. Грамотѣю.

Здѣсь Буквинъ-грамотѣй. Но что жъ объ немъ сказать
Былъ сердцемъ добръ; имѣлъ смиренны желанья
И чести правила старался наблюдать,
Какъ правила правописанья!

V. Толстому эгоисту.

Здѣсь Никодимову похоронили тушу!
Къ себѣ онъ милостивъ, а къ ближнем былъ строг
Зато, когда отдать онъ вздумалъ Богу душу
Его души не принялъ Богъ!

VI. Завоевателямъ.

Гдѣ всемогущіе владыки,
Опустошители земли?
Ихъ повелительные лики
Смирились въ гробовой пыли.
И міръ надменныхъ забываетъ!
И время съ ихъ гробовъ стираетъ
Послѣдній титулъ ихъ и слѣдъ:
Слова ничтожныя: *ихъ нѣтъ!*

ЖЕЛАНІЕ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

«Что такъ, дружочекъ пріунылъ?
Что твой пріятный взоръ угасъ?» —
Такъ наслажденье говорило
Желанью въ добрый часъ:

«Приди! подѣлимся напастью!
Приди — я другъ давнишній твой!
Я покажу дорогу къ счастью
И помирю съ судьбой!» —

Желанье слезы отираетъ,
И мчится къ другу на крылахъ,
И — въ ту жъ минуту умираетъ
У друга на рукахъ.

КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона:
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой...
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?... Нынче вѣкъ иной.
И въ наши бѣдственныя лѣты

Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Въ виду пустого комелька.
О, Амфіонъ! благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой: говорить стѣнамъ,
Въ наслѣдство не достался намъ.
Славнѣе говорить сердцамъ,
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень,
И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону!
Склонись къ знакомой лиры звону;
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ—струны,
А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
И пышные дары фортуны.
Послушай повѣсти моей
(Здѣсь истина безъ украшенья):
Былъ пастырь образецъ смиренья;
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святого алтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель;
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель;
Невидимую добродѣтель
Его лишь тотъ, кто нагъ иль спръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узналъ по облегченью
Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды—
И нѣтъ въ излишнемъ знаньи нужды—
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ посилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подавать.
Не зналъ онъ гордаго искусства
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты:
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,
И міръ сей страшный украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!..
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ;
Судьба внезапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги;
Вдовы жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачъ семьи осиротѣлой...
Скажи, вотще ль ихъ жалкій стонъ?
О, нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ;
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье.
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!
Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ Провидѣнье!

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ и В. Л. ПУШКИНУ.

I.

Друзья, тотъ стихотворецъ—горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ *весь свѣтъ*,
Не то же ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который *всѣмъ* дается свѣтомъ;
Иная слава намъ предметомъ,

Иной награды ждетъ пѣвецъ.
Почто на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу ль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,
Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ! жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто поэтъ!
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой:
Его судьи лишь чада Феба!
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
Къ погамъ холодныхъ повергать,
И на колѣняхъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ,
Сѣдя съ возвышенной главою,
Молчитъ—лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ;
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ—
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья! Презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку!
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ—и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой!
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
Нѣтъ! въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои!
Такъ и поэтъ, друзья мои!
Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель.
Здѣсь славы чистой не найдемъ—
На что жъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства!..
Увы! «Димитрія» творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
Въ нихъ зависть тернія вплела!
И торжествуетъ! Растерзали
Ихъ иглы славное чело—
Простымъ сердцамъ смертельно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!
Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала—
Пѣвцу погибелью была...
Потомство грозное, отмщенья!..
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала—гулъ шумный и невнятный;
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный;
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей;
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ!
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ *свѣтъ*—
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться!
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;

Но намъ не въ-ней искать блаженства—
Въ трудѣ... О, благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтренной, и разногласной?
И тотъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, несраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія.
Спросите: для одной ли славы
Онъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прошли державы,
И чадамъ подвиги отцовъ
На прахѣ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда!
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Завистниковъ несправедливыхъ.
И имъ не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье;
Ихъ злоба—имъ однимъ страданье!
Но пусть и очарують свѣтъ—
Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ! ихъ зданья ломки!
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

II.

Милостивый государь Василій Львовичъ и ваше сіятельство, князь Петръ Андреевичъ!
Вотъ прямо одолжили,
Друзья! вы и меня писать стихи взманили.
Посланья ваши—въ добрый часъ сказать,
Въ худой же помолчать—
Прекрасныя; и вамъ ихъ граціи внушили.
Но вы желаете *жеровъ*,
И я хоть тысячу ихъ начеркать готовъ,
Но только съ тѣмъ, чтобы въ зоилы
И самозванцы-судіи
Меня не завели мои
Перо, бумага и чернилы.
Послушай, Пушкинъ другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ;
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой вкусъ не ковыляетъ.
Но, кажется, что ты подчасъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть
А выраженія короче и сильнѣе; [живѣе,
Еще же есть и то, что ты, мой другъ, подчасъ
Предметъ свой забываешь!
Твое *посланье* въ томъ живой примѣръ для насъ.
Въ началѣ ты *завистникамъ* пеняешь:
«Зоилы жить намъ не даютъ!»
Такъ пишешь ты:—«при нихъ нѣмѣетъ дарованье!
Отъ ихъ гоненія одинъ нѣвцу пріютъ—
Молчанье!»
Потомъ ты говоришь: «И я любилъ писать!
Противъ нелѣпости глупцовъ вооружался!
Но геній мой и гнѣвъ напрасно истощался:
Не могъ безумцевъ я унять!
Скорѣе бороды ихъ оды выростаютъ,
И бритву критики лишь только притупляютъ;
Итакъ, пришлось молчать!»—
Теперь скажи жъ мнѣ, что причиною молчанья
Должно быть для пѣвца? [
Гоненье ль зависти? Или *иносказанья*
Иль оды начкуновъ безъ смысла, безъ конца?..
Но тутъ и всѣ погрѣшности посланья—
На немъ лишь пятнышко одно,
А не пятно.
Разсказъ твой очень милъ; онъ кстати, легокъ, ясенъ!
Конецъ прекрасенъ!
Воображеніе мое онъ такъ кольнулъ,
Что я—передъ собой, увы! всѣхъ васъ увидя въ сборѣ,
Разинулъ ротъ, чтобы въ гремящемъ вашемъ хорѣ
Веселію кричать: ура! и протянулъ
Ужъ руку! не найду ль волшебнаго бокала!
Но, ахъ! моя рука поймала—
Лишь *Друга юности и всякихъ лѣтъ!*
А васъ, моихъ друзей, вина и счастья нѣтъ!..

Теперь ты, Вяземскій, безцѣнный мой поэтъ,
Передъ судилище явись съ твоимъ *посланьемъ!*

Мой другъ! твои стихи блистаютъ дарованьемъ,
Какъ дневный свѣтъ!
Характеръ въ слогѣ твой есть—точность выраженья!
Искусство—простоту съ убранствомъ соглашать,
Что должно въ двухъ словахъ, то въ двухъ словахъ сказать;
И красками воображенья
Простую мысль для чувства рисовать!
Къ чему жъ тебя твой даръ влечетъ, еще [не знаю.
Но увѣряю,
Что Фебова печать на всѣхъ твоихъ стихахъ!
Ты въ пѣсни [съ легкостью] порхаешь на цвѣтахъ,
Ты Ѳемина убить способенъ эпиграммой!
Но и высокое тебѣ не высоко,
Воображеніе съ тобою не упрямо!
И для тебя летать за нимъ легко,
Но высотамъ и по лугамъ Парнаса!
Пиши! тогда скажу точнѣй, какой твой родъ!
Но сомнѣваюсь, чтобы лѣнь, хромой уродъ,
Которая живетъ не для вѣковъ, для часа,
Тебѣ за «пѣсенку» перелетѣть дала,
А много, много за «посланье»!..
Но кстати о посланьѣ!
О немъ вѣдь, помнится, въ началѣ рѣчь была.
Посланіе твое—малютка, но прекрасно,
И все въ немъ коротко да ясно.
У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой! —
Прелестный стихъ и точно твой.
Языкъ ихъ — брань! искусство—
Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство;
А демонъ зависти — ихъ мрачный Аполлонъ!
Вотъ сила съ точностью и скромной простотою!
Послѣдній стихъ— огонь! Надъ трепетной толпою
Глупцовъ, какъ метеоръ, ужасно свѣтитъ онъ!
Но, другъ, не правда ли, что здѣсь твое *потомство*
Не къ смыслу привело, а къ риѳмѣ: *вѣроломство?*
Кто этому словцу отецъ и мать?
Извѣстно: дѣвственная *вѣра*,
И буйственный глаголъ—*ломать*.
[Смотри же, ни въ однихъ стихахъ твоихъ примѣра]
Такой ошибки нѣтъ! Вопросъ:
О комъ ты говоришь въ посланьѣ?
О глупыхъ судіяхъ, которыхъ толкованье
Лишь *косо* потому, что ихъ разсудокъ *косъ*.
Гдѣ жъ *вѣроломство* тутъ? Оно лишь тамъ бываетъ,
Гдѣ на довѣренность прекрасныя души
Предательствомъ злодѣй коварный отвѣчаетъ!
Хоть тысячу зоилъ пасквилей напиши,
Не вѣроломнымъ свѣтъ хулителя признаетъ,—
Но злымъ завистникомъ, иль попросту глупцомъ!
Позволь же заклеймить хоромъ
Твое мнѣ *вѣроломство!*
«Не трогай! ты кричишь: я вижу, ты хитрецъ!
Ты въ этой тяжбѣ самъ судья и самъ истецъ!
Ты изъ моихъ стиховъ *потомство*
Въ свои стихи отмежевалъ,
А въ утвержденіе изъ Фебова закона
Еще и добрую статейку пріискалъ!
Не тронь! иль къ самому престолу Апол-[лона
Я съ апелляціей пойду,
И въ мигъ съ тобой процессъ за риѳму заведу!»—
Не горячись! отдай мнѣ *вѣроломство*;
Грабитель ты, не я!
И умъ, правдивый судія,
Не на твое, а на мое потомство
Ему быть риѳмой далъ приказъ,
А Фебъ ужъ подписалъ и именной указъ!
Повѣрь, я стою не укора,
А похвалы.
Вотъ доказательство: *Какъ волны отъ скалы,*
Оно несется вспять! такой стишокъ умора!
А слѣдующій стихъ, блистательный на взглядъ:
Что вѣкъ зоила?—день! Вѣкъ генія—потомство!
Есть лишь безсмыслицы обманчивый нарядъ,

Есть настоящее разсудка *вѣроломство!*
Сначала обольстилъ и мой разсудокъ онъ;
Но... съ нами буди Аполлонъ!
И словомъ, какъ глупецъ надменный,
На высоту [честей] фортуной вознесенный,
Забылъ свой низкій родъ,
Дивить другихъ глупцовъ богатствомъ и чинами,—
Такъ этотъ стихъ-уродъ
Дивить невѣжество нарядными словами;
Но мигомъ можетъ *вкусъ* обманщика сразить,
Сказавъ *разсудку* въ подтвержденье:
«Нельзя потомству вѣкомъ быть!»
Но станется и то, что и мое рѣшенье
Своимъ «быть по сему»
Скрѣпить богъ Пинда не рѣшится!
Да, признаюсь, и самъ я радъ бы ошибиться!
Люблю я этотъ стихъ наперекоръ уму!
Еще одно пустое замѣчанье:
Укрывшихся вѣковъ—намъ укрываться страхъ
Велитъ; а *страха* нѣтъ *въ вѣкахъ*!
Итакъ *«укрывшихся»* — въ изгнанье!
Не вѣдаетъ враговъ—не знаетъ о врагахъ—
Такъ точность строгая писать повелѣваетъ,
И муза точности законъ принять должна.
Но лучше самого спроси Карамзина:
Кого не вѣдаетъ, или *о комъ* не знаетъ,
То самой точности точнѣй онъ долженъ знать!
Вотъ все, что о твоемъ посланьѣ,
Прелестный мой поэтъ, я могъ тебѣ сказать!
Чуръ не пенять за доброе желанье!
Когда жъ ошибся я, бѣды въ ошибкѣ нѣтъ;
При этой критикѣ есть и отвѣтъ!
Прочти и сдѣлай замѣчанье!
А въ заключеніе обоимъ вамъ совѣтъ:
«Когда завистниковъ свести съ ума хотите,
И вытащить глупцовъ изъ тьмы на бѣлый свѣтъ—
Пишите!»—

III.

На этой почтѣ все въ стихахъ,
А низкой прозою ни слова!
Вотъ два посланья вамъ!—Обнова,
Которую для музъ скроилъ я второпяхъ!
Одно изъ нихъ для васъ, а не для свѣта:
Въ немъ просто критика, и запросто одѣта,
Въ простой, нестихотворный слогъ!
Другимъ я отвѣчать хотѣлъ вамъ на «посланья»,
Въ надеждѣ заслужить рукоплесканья
Отъ всѣхъ, кому знакомъ парнасскій богъ.
Но вижу, что меня попутала поспѣшность;
Въ моемъ посланіи великая погрѣшность!
Слогъ правиленъ и чистъ—но въ этомъ славы нѣтъ!
При васъ, друзья, писать нечистымъ слогомъ стыдно,
Но связи въ немъ не видно,
И видно, что спѣшилъ поэтъ!
Нѣтъ въ мысляхъ полноты и нѣтъ соединенья,
А кое-гдѣ есть повторенья! [ненья,
Но такъ и быть!
«Бѣдой своей ума мы можемъ прикупить!»
Такъ Дмитріевъ, пророкъ и вкуса и Парнаса,
Сказалъ давно!
И аксіомой быть для насъ теперь должно:
Что въ часъ сотворено, то не живетъ и часа!
Лишь то, что писано съ трудомъ, читать легко;
Кто хочетъ вдругъ замчаться далеко,
Тотъ въ хлопотахъ умчитъ и глупость за собою!
Спѣши не торопясь, а твердою стопою,
И ни на шагъ впередъ,
Покуда тьмъ, что есть, не сдѣлался довольнымъ!
Пока назадъ смотрѣть не смѣешь съ духомъ вольнымъ,
Иначе отъ задовъ переднее умретъ,
Или напишутся одни иносказанья!
Простите. Ваши же «посланья»
Оставлю у себя, чтобы друзьямъ прочесть!
У васъ ихъ списокъ есть!
Къ тому же Вяземскій велитъ жить осторожно:
Онъ у меня свои стихи безбожно
На время выпросивъ, на вѣчность удержалъ!
Прислать ихъ обѣщалъ,—
Но все не присылаетъ!

Когда жъ пришлетъ,
Объ этомъ знаетъ тотъ,
Кто будущее знаетъ!

Милостивые государи, имѣю честь пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою В. Жуковскій.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Ты, Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и поэтъ!
Проблему, что въ тебѣ ни крошки дара нѣтъ,
Ты вздумалъ доказать посланьемъ,
Въ которомъ на бѣду стихъ каждый заклей-
Высокимъ дарованьемъ! [менъ
Притворство къ сторону! знай, другъ, что
Ты своенравными богами [осужденъ
На свѣтѣ жить и умереть съ стихами,
Такъ точно, какъ орелъ надъ тучами летать,
Какъ благородный конь кипѣть предъ знаменами,
Какъ роза на лугу весной благоухать!
Сноси жъ безъ ропота боговъ опредѣленье,
Не мысля почитать успѣхъ за обольщенье
И содрогаться отъ похвалъ!
Хвала друзей—поэту вдохновенье!
Хвала невѣждъ—брящающій кимвалъ!
Страшися, мой пѣвецъ, не смѣлости, но лѣни!
Подъ маской робости не скроешь ты свой даръ;
А тлѣющій въ твоей груди священный жаръ
Сильнѣе, чѣмъ друзей и *похвалы и пени*!
Пиши, когда писать внушаетъ Аполлонъ!
Къ святилищу, гдѣ скрытъ его незримый тронъ,
Извѣстно намъ, ведутъ безчисленны дороги;
Прямая же одна!
И только тѣхъ очамъ она, мой другъ, видна,
Которыхъ колыбель парнасскимъ лавромъ боги
Благоволили въ часъ рожденья осѣнить!
На славномъ семъ пути пѣвца встрѣчаетъ геній;
И, веселъ посреди божественныхъ явленій,
Онъ съ беззаботностью младенческой идетъ,
Куда рукой неодолимой,
Невидимый толпѣ, его лишь сердцу зримой,
Крылатый проводникъ влечетъ!
Блаженъ, когда, ступивъ на путь, онъ за собою
Покинулъ гордости угрюмой сует
И славолюбія убійственны мечты
Тогда съ свободною и ясною душ
Наслѣдіе свое, великолѣпный свѣ
Онъ быстро на крылахъ могучихъ об
И, вдохновенный, восклица
Повсюду зря красу и благо: я п
Но горе, горе тѣмъ, на коихъ Эв
За преступленья ихъ отцов
Наслали Фурію стиховъ!
Для нихъ страшилища и Фебъ и
И визгъ карающихъ свисти
Во снѣ и на яву ихъ робкій слухъ т
Ихъ жребій — пѣть на зло суров
ним
Чѣмъ громозвучнѣй смѣхъ, тѣмъ
ихъ з
И лира, наконецъ, къ перстамъ и
р
До Леты гонитъ ихъ свирѣпый А
Но и забвенія рѣка ихъ не спас
И на брегу ея, сквозь тяжкій смер
Ихъ тѣни борются съ безплотными

Но, другъ, не для тебя сей бѣдс

Природой наученъ, ты вѣрный путь
Летай не робкими перстам
По очарованнымъ струнамъ
И музы не страшись! Въ неруко

Стезей цвѣтущею, но скрытою от
Она ведетъ поэта!
Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа въ насъ пла
Лишь бы, минутное отринувъ, съ
Она къ безсмертному летѣ
И муза счастія богиней будетъ
Пускай слѣпцы ползутъ по праху
х
Вѣнцовъ презрѣнныхъ ищ

И, славу позабывъ, блѣднѣютъ
комъ
Чтобы прелестница-хвала,
Какъ облако, изъ ихъ объятій н
Имъ вѣчно не узнать тѣхъ чисть
сла
Которыя даетъ намъ безкорыстны

Природы властелинъ,
Парящій посреди безбрежнаго пучинъ,
Красы верховной созерцатель,
И въ чудномъ мірѣ семъ чудеснаго создатель!
Мой другъ, святыхъ добра законовъ толкователь,
Поэтъ на свѣтѣ семъ — всѣхъ добрыхъ семьянинъ!
И сладкою мечтой потомства оживленной...
Но нѣтъ! потомство не мечта!
Не мни, чтобъ для меня въ дали его священной
Однихъ лишь почестей блистала суета!
Пускай правдивый судъ потомствомъ раздается—
Ему внимать нашъ прахъ во гробѣ не проснется,
И не достигнетъ онъ къ безчувственнымъ костямъ!
Потомство говоритъ, мой другъ, однимъ гробамъ;
Хвалы жъ его въ гробахъ почіющимъ не внятны!
Но въ жизни мысль о немъ намъ спутникъ благодатный!
Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,
Надежда сладкая! она не заблужденье!
Пускай покроетъ лиру прахъ—
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Душой безсмертной полныхъ струнъ!
Нашъ геній будетъ, вѣчно юнъ,
Не утѣшимыми крылами
Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами!
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній!
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать!
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землей сравнявшейся могилой—
Что счастіемъ для насъ въ минутной жизни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ сердецъ
И долго послѣ насъ; грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой дланью...
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужъ надъ нимъ толпою пролетѣли—
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли!
И, мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Надъ коимъ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса!
Тамъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса
Съ роскошной свѣжестью на землю упадаетъ,
И мирты спящіе Селена серебрятъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ проЛетаетъ
По зыбкому зерцалу водъ! [
Нерѣдко, въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Лієтъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
И мирты темные дрожатъ при вѣткѣ,
На яркомъ отражансь златѣ—
Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ и струй журчанье утихаетъ,
Какъ бы незримый Аполлонъ
Полетомъ легкимъ пролетаетъ—
И путникъ, погруженъ въ унылость, слышитъ гласъ:
«О, смертный! жизнь стрѣлою мчится!
Лови, лови летящій часъ!
Онъ, улетѣвъ, не возвратится.»

ВЪ АЛЬБОМЪ.

[БАРОНЕССѢ Е. И. ЧЕРКАСОВОЙ].

Гдѣ искренность встрѣчать выходитъ на крыльцо,
И вмѣстѣ съ дружбой угощаетъ,
Гдѣ все, что говоритъ лицо,
И сердце молча повторяетъ,
Гдѣ за большимъ семейственнымъ столомъ
Сидитъ веселая свобода,
И гдѣ, подчасъ, когда нахмурится погода,

Передъ блестящимъ камелькомъ,
Въ непринужденности живого разговора
Позволено дойти до спора—
Зашедши въ уголокъ такой,
Я смѣло говорю, что я зашелъ домой!

ЗАПИСКА КЪ БАРОНЕССѢ.

[М. А. ЧЕРКАСОВОЙ].

И я прекрасное имѣю письмецо
Отъ нашей Долбинской Фелицы!
Приписываютъ въ немъ и двѣ ея сестрицы;
Ее же самое въ лицо
Не прежде середы увидѣть уповаю!
Итакъ, однимъ пораньше днемъ
Въ володьковской эдемъ,
То-есть во вторникъ, быть съ дѣтьми рас-
Обѣдать, почевать, [полагаю—
Чтобъ въ середу обнять
Свою летунью всѣмъ соборомъ
И ей навстрѣчу хоромъ
«Благословенъ грядый!» сказать.
Мои цыпляточки съ Натальею насѣдкой
Благодарятъ отъ сердца васъ
За то, что помните объ нихъ, то-есть объ
Своею долбинскою клѣткой [насъ!
[Для рифмы клѣтка здѣсь] весьма довольны
Безъ всякой суетной чумы [мы!
Живемъ да припѣваемъ!
Дѣтёнки учатся, подчасъ шалятъ,
А мы ихъ унимаемъ!
Но сами не умнѣй ребятъ!
По крайней мѣрѣ, я—межъ риѳмами во-
И надъ мечтой, [зиться
Какъ надъ задачею, трудиться!..
Но просимъ извинить; кто вправѣ по-
хвалиться,
Что онъ мечтѣ не жертвуетъ собой!
Все здѣсь мечта—вся разница въ на-
званьѣ!
Мечта—веселіе, мечта—страданье,
Мечта и красота!
И всякъ мечту зоветъ, какъ Донъ-Кишотъ
принцессу!
Но что володьковскую баронессу
Я всей душой люблю... вотъ это не мечта!

P. S. Во вторникъ ввечеру
Я буду [если не умру,
Иль не поссорюсь съ Аполлономъ]
Читать вамъ погребальнымъ т
Какъ вѣдьму чортъ унесъ,
И напугаю васъ до слезъ.

КЪ ПЛЕЩЕЕВУ.

Ну, какъ же вздумалъ ты, д
Что я забылъ тебя!—о, рожа!
Такая мысль весьма похожа
На тотъ кудрявый буеракъ,
Который—или нѣтъ!..—въ котор
Иль нѣтъ!.. ошибся: на которомъ
Но мы оставимъ буеракъ,
А лучше, не хитря, докажемъ,
То-есть простою прозой скажемъ
Что самъ кругомъ ты виноватъ!
Что ты писать и самъ не хват
Что неписанье и забвенье
Такъ точно то же и одно,
Какъ горькій уксусъ и вино,
Какъ вонь и сладкое куренье...
И какъ же мнѣ тебя забыть?
Ты не боишься бѣлой книги!
Итакъ, оставь свои интриги!
И не изволь меня рядить
Въ шуты предъ дружбою свяще
Скажу тебѣ, что я одинъ,
То-есть, что я уединенно
[И не для] собственныхъ причи
Живу въ сосѣдствѣ отъ Бѣлева
Подъ покровительствомъ Гринева
То-есть, что мнѣ своихъ дѣтей
Моя хозяйка поручила
И ихъ не оставлять просила,
И что честное слово ей
Я далъ, и вѣрно исполняю,
А безъ того бы, другъ мой, зна
Давно бы былъ я ужъ въ Чер
Мои уединенны дни
Довольно сладко протекаютъ!
Меня и музы посѣщаютъ,
И Аполлонъ доволенъ мной!
И подъ перомъ моимъ палой
Трещитъ—и планъ и мысли ес
И мнѣ осталось лишь присѣсть
Да и писать къ царю посланье!
Жди славнаго, мой милый другъ
И не обманетъ ожиданье!
Присыпало все къ сердцу вдруг
И напередъ я въ восхищеньѣ

Предчувствую то паслажденье,
Съ какимъ безъ лести, въ простотѣ,
Я буду говорить стихами
О той небесной красотѣ,
Которая въ вѣнцѣ предъ нами!
А ты меня благослови!
Но, ради Бога, оживи
О Гришиномъ выздоровленьѣ
Прекрасной вѣстію скорѣй!
А то растаетъ вдохновенье!
Прости же! Ниночкѣ моей
Любовь, и дружба, и почтенье;
Прошу отдать ихъ, не дѣля!
А Губареву—киселя!

ЗАПИСКА КЪ ПОЛОНСКИМЪ.

Обѣщанное исполнять
Есть долгъ священный христіанства,
И знаю точно я, что вы мнѣ не изъ
чванства
Четвероместную карету нынче дать
Въ четвергъ прошедшій обѣщали.
Вотъ мы за нею къ вамъ и лошадей
прислали.
Она не мнѣ, дѣтёночкамъ нужна,
Чтобы въ Володьково безвредно докатиться!
Линейка есть у насъ; но, знаете, она
Въ морозъ и вѣтеръ холодна:
И дѣти могутъ простудиться.
Къ тому же бѣдная больна:
Въ подагрѣ всѣ колеса
И шворень взволдырялъ!
А я извѣстнаго вамъ Аполлоса
Въ Бѣлевъ за лѣкаремъ еще не посылалъ.
Четвероместную карету мы имѣемъ;
Но сѣсть въ нее никакъ не смѣемъ!
Карета—инвалидъ!
И просится давно, давно уже на покаянье!
И вотъ ея вамъ описанье:
Она имѣетъ видъ
Какъ бы лукошка!
Кто выглянуть захочетъ изъ окошка,
Тотъ вѣрно загремитъ
Главою внизъ, горѣ ногами;
Понеже дверцы не крючками,
А лычками закрѣплены!
Сквозь древній верхъ ея днемъ солнце
проницаетъ,
А ночью блескъ луны!
А въ добрый часъ и дождикъ поливаетъ,
И такъ, что можете порой
Вы ѣхать въ ней и сушей и водой!
А козлы? Боже мой!
Когда на нихъ Григорій нашъ трясется,
То, кажется, душа въ немъ съ тѣломъ разстается!
Знать душу грѣшника за то, что здѣсь она
Шалила—
Рука Всевышняго въ Григорья нарядила,
И осужденная должна
Трястись на козлахъ тѣхъ, въ которыхъ
сатана
Съ компаніей сидитъ, до свѣтопреставленья!
Я много бъ могъ еще кое-чего сказать,
Чтобы живѣй мою чудиху описать
Для вашего воображенья!
Какъ, напримѣръ, колеса въ ней
Другъ съ другомъ въ безпрестанной
ссорѣ,
И на заказъ визжатъ! Какъ страненъ видъ
осей!
Какъ вѣчно клонится она къ одной рессорѣ,
И нечувствительна къ другой!
Короче: на землѣ кареты нѣтъ такой!
Но, несмотря на совершенство
Ея красотъ—сажать въ нее дѣтей
Я не считаю за блаженство!
И васъ прошу помочь мнѣ въ крайности
Чтобы унять чудиху эту, [моей!
Четвероместную пришлите мнѣ карету!
Не откажите въ томъ хоть нашимъ лоша-
Которыя васъ просятъ лично! [дямъ,
Для васъ быть добрыми—обычно,
И дѣло доброе наградой будетъ вамъ!

БАЛЛАДА.

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАКЪ ОДНА СТАРУШКА ѢХАЛА НА ЧЕРНОМЪ КОНѢ ВДВОЕМЪ, И КТО СИДѢЛЪ ВПЕРЕДИ.

[ПОДРАЖАНІЕ САУТИ].

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ:
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

И вопитъ скорбно: гдѣ мой сынъ чернецъ?
Ему сказать мнѣ слово дайте!

Увы! я гибну! близокъ мой конецъ!
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!

И къ матери идетъ чернецъ святой:
Ея услышать покаянье;
И тайные Дары несетъ съ собой,
Чтобъ утолить ея страданье.

Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами онъ,
Старушка въ трепетѣ завыла;
Какъ смерти крикъ, ея протяжный стонъ...
«Не приближайся:— возопила:—

Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ;
Уже не въ пользу покаянье!..»
Былъ страшенъ видъ ея сѣдыхъ власовъ
И страшно груди колыханье.

Дары святые сынъ отнесъ назадъ
И къ страждущей приходитъ снова;
Кругомъ бродилъ ея потухшій взглядъ;
Языкъ искалъ, нѣмѣя, слова.

«Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена,
Меня отвергнулъ Искупитель;
Твоя жъ душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

«Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла:
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.

«И казнь лукавый обольститель мой
Ужъ мнѣ готовитъ въ адской злобѣ;
И я, смутивъ чужихъ гробовъ покой,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.

«Ахъ! не забудь моихъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвитый пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ
Ты окропи святой водою.

«Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ
Семью окованъ обручами, [слитъ,
Во храмъ внесенъ, предъ алтаремъ прибитъ
Къ помосту крѣпкими цѣпями.

«И цѣпи окропи святой водой;
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мной
И пѣли панихиду хоромъ;

«Чтобъ пятьдесятъ на крылосахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ пѣли;
Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воску яраго горѣли;

«Чтобы звучнѣй во всѣ колокола
Съ молитвой день и ночь звонили;
Чтобъ заперта во храмѣ дверь была;
Чтобъ дьяконы предъ ней кадили;

«Чтобъ крѣпокъ былъ запоръ церковныхъ врата;
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья
Онъ ни на мигъ съ растворовъ не былъ спять
До солнечнаго восхожденья.

«Съ обрядомъ тѣмъ молится три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принятъ былъ землею.»

И гласъ ея быть слышенъ пересталъ;
Померкши очи закатились;
Послѣдній вздохъ въ груди затрепеталъ;
Уста, охолодѣвъ, раскрылись.

И хладный трупъ, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою
Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гробъ положены;
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ царскими дверями.

И вспрыснуты онѣ святой водой;
И всѣ священники въ собраньѣ:
Чтобъ день и ночь душѣ на упокой
Свершать во храмѣ поминанье.

Поютъ дьячки всѣ въ черныхъ стихаряхъ
Медлительными голосами;
Горятъ свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горятъ свѣчи предъ образами.

Протяжный гласъ, и блѣдный ликъ пѣвцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманѣ зыбкомъ ѳиміама,

И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высотѣ дрожащимъ свѣчъ огнемъ
Чуть озаренныя иконы...

Ужасный видъ! колокола звонятъ;
Ужъ часъ полуночнаго бдѣнья...

И заперлись затворы тяжкихъ врать
Передъ начатіемъ моленья.

И въ перву ночь отъ свѣчъ веселый блескъ.
И вдругъ... къ полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шумъ и трескъ;
И слышалось: гремятъ цѣпями.

Желѣзныхъ вратъ запоръ, стуча, дрожитъ;
Звонятъ на колокольнѣ звонче;
Молитву клиръ усерднѣе творитъ,
И пѣніе поющихъ громче.

Гудятъ колокола, дьячки поютъ,
Попы молитвы вслухъ читаютъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладанъ
И свѣчи яркія пылаютъ. [жгутъ,

Запѣлъ пѣтухъ... и смолкнувши бѣгутъ
Враги, не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ;
Смѣлѣй попы творятъ молитвы.

Въ другую ночь отъ свѣчъ темнѣе свѣтъ;
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣтъ:
Какъ будто встали изъ могилы.

И снова ревъ, и шумъ, и трескъ у врать;
Грызутъ замокъ, въ затворы рвутся;
Какъ будто вихрь, какъ будто шумный градъ,
Какъ будто воды съ горъ несутся.

Предъ алтаремъ чернецъ на землю палъ,
Священники творятъ поклоны,
И дымъ отъ свѣчъ туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.

Сильнѣе стукъ—звучнѣй колокола,
И трепетнѣй поющихъ голосъ:
Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи мгла,
Дрожатъ колѣна, дыбомъ волосъ.

Запѣлъ пѣтухъ... и прочь враги бѣгутъ,
Опять не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Попы смѣлѣй творятъ молитвы.

На третью ночь свѣчи едва горятъ;
И дымъ густой и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ тѣней, попы во мглѣ стоятъ;
Чуть виденъ гробъ во мракѣ черный.

И стукъ у врать: какъ будто океанъ
Подъ бурею ревѣтъ и воетъ,

Какъ будто степь песчаную оканъ
Свистящими крылами роетъ.

И звонари отъ страха чуть звонятъ,
И руки имъ служить невольны;
Часъ отъ часу страшнѣе громъ у врать,
И звонъ слабѣе колокольный.

Дрожа, упалъ чернецъ предъ алтаремъ;
Молиться силы нѣтъ; во прахѣ
Лежитъ, къ землѣ приникнувши лицомъ;
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ.

И пѣвчихъ хоръ, досель согласный, сталъ
Нестройнымъ крикомъ отъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землетрясенья.

Вдругъ затускнѣлъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;
И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ,
Всѣ трепетали, всѣ крестились.

И раздалось... какъ будто оный гласъ,
Который гряпетъ надъ гробами;
И храма дверь со стукомъ затряслась
И на полъ рухнула съ петлями.

И *онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ничьей не тронутый рукою;
И вмигъ на немъ не стало обручей...
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ. *Онъ* къ тѣлу вопіетъ:
Возстань! иди вослѣдъ владыкѣ!
И проступилъ отъ словъ сихъ хладный потъ
На мертвомъ, неподвижномъ ликѣ.

И тихо трупъ со стономъ тяжкимъ всталъ,
Покоренъ страшному призванью;
И никогда здѣсь смертный не слыхалъ
Подобнаго тому стенанью.

Шатаяся пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И, какъ пожарь, пылали очи.

И на коня съ добычей прянулъ врагъ;
И трупъ завылъ; и быстротечно

Конь полетѣлъ, взвивая дымъ и прахъ;
И слухъ объ ней пропалъ навѣчно.

Никто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался *онъ*...
Лишь страшный слѣдъ нашли на прахѣ;
Лишь внемля крикъ, всю ночь сквозь тяжкій
Младенцы вздрагивали въ страхѣ. [сонъ

ВАРВИКЪ.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ ОССІАНА.]

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ
Эдвина злой Варвикъ; [волны
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ—
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ береговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села
Дымились по утрамъ;
Отъ рѣзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Спѣшилъ, съ пути прохожій совратяся,
На Ирлингфоръ взглянуть,
И, красотой картинъ его плѣняся,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ при-
Вотще въ его глазахъ [роды:
Цвѣтутъ лѣса, віяся блещутъ воды,
И радость на лугахъ!

И устремить, трепещущій, не смѣетъ
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуно
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блистающія очи,
И блѣдный, странный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ брего
Пріюта въ мірѣ нѣтъ:
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть
Вездѣ за нимъ вослѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель—
Въ дому его чужой!

Часы стоятъ, оковапы тоскою;
А мѣсяцы бѣгутъ...
Бѣгутъ—и день убійства за собо
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ про
Варвикъ ночную тѣнь:
Дрожи! — ему гласъ совѣсти вѣщ
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: отъ молній небо б
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливмя льетъ; волнами с
Разлившійся Авонъ.

Вотще Варвикъ, среди веселій ш
Цѣдитъ въ бокалъ вино:
Съ нимъ за столомъ садится рядом
Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ
Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ; съ лица его не
Пронзительныхъ очей.

И день угасъ... Варвикъ спѣшитъ н
Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ то же:
Тамъ сонъ, а не покой!

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ
Тѣнь брата предъ собой!
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдны
И голосъ гробовой!

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ
И тотъ же слышенъ гласъ,

Какимъ молилъ онъ быть отцомъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ.

«Варвикъ, Варвикъ! свершилъ ли данно
Исполненъ ли обѣтъ? [слово?
Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
Готовъ ли твой отвѣтъ?»

Воспрянулъ онъ—гласъ смолкнулъ—разъ-
Одинъ во мглѣ ночной [яренно
Ревѣлъ Авонъ—но для души смятенной
Былъ сладокъ бури вой!

Но вдругъ—и въявь, средь шума и вол-
Раздался смутный крикъ: [неньи
«Спѣши, Варвикъ, спастись отъ потопленья;
Бѣги, бѣги, Варвикъ!»

И къ берегу онъ мчится—подъ стѣною
Уже Авонъ кипитъ;
Глухая ночь; одѣто небо мглою;
И мѣсяцъ въ тучахъ скрытъ.

И молитъ онъ съ подъятыми руками:
«Спаси, спаси, Творецъ!»
И вдругъ—мелькнулъ челнокъ между вол-
И въ челнокѣ пловецъ. [нами;

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою—
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И правитъ къ брегу челнъ.

И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ са-
Стрѣлой помчался онъ... [дится—
Молчитъ пловецъ... молчитъ Варвикъ...
[вотъ, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ!

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
«Не слышался ли крикъ?»
— Нѣтъ; просвисталъ въ твой парусъ вѣ-
Смутясь, сказалъ Варвикъ. [теръ ночи,

— Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ
Гроза со всѣхъ сторонъ!— [домчится:
Умолкнули... плывутъ... вотъ снова мнится
Имъ слышать тяжкій стонъ.

«Младенца крикъ! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ!»
— Правь, кормщикъ, правь, рѣка покрыта
Кто тамъ его найдетъ?— [мглою;

«Варвикъ, Варвикъ! часъ смертный зрѣть
Ужасно умирать! [ужасно;
Варвикъ, Варвикъ! младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?»

«Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще не видимъ мы очами;
Но онъ... нашъ видитъ челнъ!»

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока...
Вдругъ въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла;
Зрятъ на скалѣ дитя между волнами;
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ; челнокъ летитъ стрѣлою;
Въ смятеніи Варвикъ;
И озаренъ младенца ликъ луною;
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожитъ—и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ—
И, со скалы спрыгнувъ младенецъ въ волны,
Къ его рукѣ прильнулъ.

И вмигъ... дитя, челнокъ, пловецъ—
Въ рукахъ его мертвецъ: [незримы;
Эдвиновъ трупъ, холодный, недвижимый,
Тяжелый, какъ свинецъ.

Утихло все—и небеса и волны:
Исчезъ въ водахъ Варвикъ;
Лишь слышали одни брега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ МОНКРИФА.]

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали —
Всему конецъ.
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить!

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой
Ему: *ты будь моя на свѣтѣ!*

А ей: *ты мой!*
И вдругъ придется для другого
Любовь забыть—
Что жребія страшнѣй такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
«Мнѣ милъ Альсимъ!
Давно я втайнѣ помѣнялась
Душою съ нимъ;
Давно *люблю* ему сказала;
Дай счастье намъ!»
— Нѣтъ, дочь моя, за генерала
Тебя отдамъ!—

И въ монастырь святой Ирины
Отвозитъ дочь.
Тоска-печаль въ душѣ Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладилъ
Ни разу другъ ея страданье:
Но все онъ милъ.

Однажды... о! какъ свѣтъ коваренъ!..
Сказала мать:
«Любовникъ твой неблагодаренъ»,
И ей читать
Она даетъ письмо Альсима.
Его черты:
Прости! другая мной любима:
Свободна ты!

Готово все: женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ;
Вокругъ налоя ихъ обводитъ
Священникъ тамъ.
Увы! Алина, что съ тобою?
Кто твой супругъ?
Ты сердца не дала рукою—
Въ немъ прежній другъ!

Какъ смирный агнецъ на закланье,
Вся убрана;
Вокругъ веселье, ликованье—
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ:
Напрасно... прежняго веселья
Не возвратитъ.

Но какъ же дни свои смиренно
Ведетъ она!
Вся жизнь семьѣ уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбѣ своей;
Супругу жъ то, что сохранилось
Отъ сердца ей.

Но все, по-прежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встрѣчали —
Все мысль одна!
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его—страданье,
А пользы нѣтъ.
Все поневолѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ.
Купца къ ней вводитъ армянина
Ея супругъ.
«Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, кораллъ!
Они лѣкарство отъ печали:
Я такъ слыхалъ».

«На что намъ деньги? На веселье!
Кому ихъ жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье!
Цѣпочку, шаль,
Или жемчугъ у армянина:
Вотъ кошелёкъ!
Я скоро возвращусь, Алина!
Прости, дружокъ!»

Товары передъ ней открывши,
Купецъ молчитъ;
Алина, голову склонивши,
Какъ не глядитъ.
Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
Жемчугъ, алмазъ;
Подноситъ, молча; но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

истала красота младая
Въ его чертахъ;
» блѣденъ; борода густая;
Печаль въ глазахъ.
ила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
о блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

на не видитъ, не внимаетъ—
Мысль далеко!
о часто, часто онъ вздыхаетъ,
И глубоко.
то—мыслитъ—онъ такой унылой?
Чѣмъ огорченъ?
хъ! если потерялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
: отъ любви ль?.. Ахъ! всей душою
Тебя мнѣ жаль!»
Что пользы? Горя намъ словами
Не утолить!
невозвратнаго слезами
Не возвратить!

Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;
юбнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ!
я одно имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать!
то бы радъ былъ все на свѣтѣ—
И жизнь отдать!

Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
ъ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ!
року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
частіе мое другому
Съ нимъ подарить!

ахъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской
юбѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной:
ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.—

«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокалъ?»
— О нѣтъ: оно милѣе злата!—
«Рубинъ, кораллъ?»
— Не тяжко потерять ихъ!—«Что же?
Царевъ алмазъ?»
— Нѣтъ, нѣтъ! алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ!

— Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,
Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ!—

Алина слушала уныло
Его разсказъ.
«Могу ль на этотъ образъ милый
Взглянуть хоть разъ?»
Алинѣ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
Здѣсь все, что я осиротѣлой
Моимъ зову!
Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу!

Дощечку съ трепетомъ раскрыла—
И что же тамъ?
Что новое судьба явила
Ея очамъ?
Дрожитъ, дыханье прекратилось....
Какой предметъ!
И въ комъ бы сердце не смутилось?...
Ея портретъ.

— Алина, пробудись, другъ милой;
Съ тобою я!
Ничто души не измѣнило;
Она твоя!

Въ послѣдній разъ: люблю Алину!
Пришелъ сказать;
Тебя покинуть, жизнь покину,
Чтобъ не страдать.

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
«Альсимъ, я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ!
Хоть долгъ и тяжкій и постылый:
Все покорись;
А ты—не умирай, другъ милый;
Но.... удались!»

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ:
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Вонзилъ кинжалъ.

Альсима пѣтъ; Алина дышетъ:
— Невинна я!—
Такъ говоритъ:—Всевышній слышитъ
Насъ Судія.
За что жъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой; я все простила;
Ты все забудь!—

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь;
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрёкомъ:
— Невинна я!

ЭЛЬВИНА и ЭДВИНЪ.

БАЛЛАДА.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась—
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
«Всѣ блага жизни ей!»

Какъ лилія, была чиста душою,
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ—
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое.... [день!
Но ахъ! онѣ какъ тѣнь!

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердецъ.
«Разстаньтесь!» роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ
И ни одной нѣтъ силы побѣдить!.. [страсти!
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви—все было только сонъ!
Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осуждёнъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать, гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ;
Ихъ горе блѣдностью покрыло....
Несчастный увядалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!...
Всему, всему конецъ.

И молитъ онъ: «друзья, изъ сожалѣнья!...
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!...
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть!..

Она пришла; но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ:
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ!

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ!
Ни тѣни прежняго Эдвина;
Ликъ блѣдный, слабый гласъ!

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ!

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева;
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось—тѣнь его летала!
Казалось—онъ стоналъ!

Но.... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала:—
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
«Прости, все кончилось!—сказала:—
Мой ангелъ улетѣлъ!

«Благослови.... зовутъ.... иду къ Эдвину....
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ!..
Умолкла.... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

АХИЛЛЪ.

БАЛЛАДА.

Отуманилася Ида;
Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Виденъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана,
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль—тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
«Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха....
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

«И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,

Въ послѣдній разъ: люблю Алину!
Пришелъ сказать;
Тебя покинуть, жизнь покину,
Чтобъ не страдать.

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
«Альсимъ, я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ!
Хоть долгъ и тяжкій и постылый:
Все покорись;
А ты—не умирай, другъ милый;
Но.... удались!»

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ:
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Вонзилъ кинжалъ.

Альсима пѣтъ; Алина дышетъ:
— Невинна я!—
Такъ говоритъ:—Всевышній слышитъ
Насъ Судія.
За что жъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой; я все простила;
Ты все забудь!—

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь;
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрёкомъ:
— Невинна я!

ЭЛЬВИНА и ЭДВИНЪ.

БАЛЛАДА.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась—
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
«Всѣ блага жизни ей!»

Какъ лилія, была чиста душою,
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ—
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое.... [день!
Но ахъ! онѣ какъ тѣнь!

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердецъ.
«Разстаньтесь!» роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ
И ни одной пѣтъ силы побѣдить!.. [страсти!
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви—все было только сонъ!
Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осуждёнъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать, гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ;
Ихъ горе блѣдностью покрыло....
Несчастный увядалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!...
Всему, всему конецъ.

И молитъ онъ: «друзья, изъ сожалѣнья!...
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!...
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть!..

Она пришла; но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ:
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ!

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ!
Ни тѣни прежняго Эдвина;
Ликъ блѣдный, слабый гласъ!

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ!

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева;
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось—тѣнь его летала!
Казалось—онъ стоналъ!

Но.... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала:—
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
«Прости, все кончилось!—сказала:—
Мой ангелъ улетѣлъ!

«Благослови.... зовутъ.... иду къ Эдвину....
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ!..
Умолкла.... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

АХИЛЛЪ.

БАЛЛАДА.

Отуманилася Ида;
Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Виденъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана,
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль—тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
«Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ пошей милаго имъ праха....
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

«И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,

Огласятся погребальной
  Пѣснью каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
  Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
  Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

«О, Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
  Здѣсь во прахъ главу склонялъ;
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
  Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину!..
  Ахъ, не свѣтуй! гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
  И меня постигъ Зевесъ!

«Близокъ часъ мой! роковая
  Приготовлена стрѣла!
Парка, жребію внимая,
  Дни мои ужъ отвила!
И скрипятъ врата аида,
  И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида;
  Факелъ дней его угасъ!

«Вѣрный другъ мой взятъ могилой;
  Брата бой меня лишилъ —
Вслѣдъ за нимъ съ земли унылой
  Удалится и Ахиллъ!
Такъ судилъ мнѣ рокъ жестокой:
  Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далеко
  Отъ Пелеевыхъ очей.

«Ахъ! и сердце запрещаетъ
  Долѣ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не услаждаетъ
  Душу сирую мою!
Гекторъ палъ — его паденьемъ
  Тѣнь Патрокла я смирилъ;
Но себѣ за друга мщеньемъ
  Путь къ Тенару проложилъ!

«Ты не жди, Менетій, сына!
  Не придетъ онъ въ отчій домъ....
Здѣсь Эгейская пучина
  Предъ его шумитъ холмомъ!
Спитъ онъ.... смерть сковала длани,
  Позабылъ ко славѣ путь;
И призывный голосъ брани
  Не вздымаетъ хладну грудь.

«И Ахиллъ не возвратится!
  Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится....
  О, Пелей, ты сирота!
Пронесется буря брани —
  Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы ткани
  Для пріема убирать;

«Будешь съ берега уныло
  Ты смотрѣть, — въ пустой дал
Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
  Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои —
  А меня ни на одномъ!
Тамъ, гдѣ бились герои,
  Буду спать — и вѣчнымъ спом

«Тщетно, смертною борьбою
  Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
  Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
  Гласъ его не усладитъ;
И на брегъ воды забвенья
  Зовъ отца не долетитъ.

«Край отчизны! свѣтлы воды!
  Очарованны мѣста!
Миртъ, оливъ и лавровъ своды,
  Пышныхъ доловъ красота,
Расцвѣтайте, убирайтесь,
  Какъ и прежде, красотой;
Какъ и прежде, оглашайтесь
  Кликомъ радости одной;

«Но Патрокла и Ахилла
  Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
  Вамъ рука моя отдать
Волоса съ моей отъ брани
  Уцѣлѣвшей головы....
Всѣ Патроклу въ даръ! и дани
  Ужъ моей не ждите вы!

«Кони быстрые, изъ боя
  (Тайный рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя —
  И на щитъ онъ мертвый палъ!
Кони бодрые, ретивы,
  Что жъ теперь такъ мрачны вы

По землѣ клачатся гривы;
Наклонилися главы;
«Позабыта пища вами;
Груди мощныя дрожать;
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестять!
Знать, Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ;
Знать, внушенъ былъ вамъ судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ!..

«Скоро!... лукъ свой напрягаетъ
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ!
И Патроклъ съ береговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ!

«Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки....
Онъ во мглѣ пустой исчезъ!..

«Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ;
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ,
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ:—
«Вотъ Ахилловъ гробъ (онъ скажетъ);
«Тамъ вблизи былъ грековъ станъ.

«Тамъ, ужасный на оградѣ
«Намъ явился онъ въ ночи —
«Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
«Съ шлема грозные лучи —
«И трикраты звучнымъ кликомъ
«На врага онъ грянулъ страхъ,
«И троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ.

«Тамъ, Атриду давъ десницу,
«Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
«Тамъ гремящій, въ колесницу
«Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;

«Тамъ по праху за собою
Тѣло Гекторово мчалъ,
«И на трепетную Трою
«Взглядомъ мщенія сверкалъ!»

И сойдетъ на брегъ священный
Съ корабля Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечъ и шлемъ.
Вкругъ ужъ пусто.... смолкли бои;
Тихи Ксантъ и Симоисъ;
И уже на грудахъ Трои
Плющъ и терніе свились.

«Обойдешь равнину брани....
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ!
И услышишь надъ собою
Двухъ невидимыхъ полетъ...
Это мы!.. рука съ рукою!..
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ!

«Вспомяни тогда Ахилла!
Быстро въ мірѣ онъ протекъ!
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ!» —

Онъ умолкъ.... въ туманѣ Ида;
Отуманенъ Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ;
И курясь, едва сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близъ шатровъ.

ЭОЛОВА АРФА.

БАЛЛАДА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,

И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нару-
Рогатыхъ слесней [шалъ;
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ
Въ Морвену толпою [краяхъ;
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ!

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза-утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.—

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна;
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ—
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ—
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она!

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
«Какъ быстрыя воды
Потокъ свой лiютъ—
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ!»

— Что жъ сердце уныло?

Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О, вѣрный! о, милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ!—
«Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ!»
— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь—мой высокій, мой царскій вѣнецъ!
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ!
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть!—
«Минутная сладость
Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой!
Кто скажетъ, что радость
Навѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ!»
— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня!
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой!—
«Прости! ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ!»
— О, нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница!
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ!—
«Ужъ въ замкѣ проснулись!
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ!»
— О, нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ!
«Заря ужъ багряна!»
— О, милый, постой!—
«Минвана! Минвана!
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?»

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней!
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь!
«Когда же мой юный,
Убитый печалію, цвѣтъ опадетъ,—
О, вѣрныя струны!
Въ васъ съ прежней любовью душа пе-
Какъ прежде, взыграетъ [рейдетъ!
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
«И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,—
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ!
«Что, жизнь пережившій,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой!
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай!»
Умолкъ — и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
Какъ бы нензвѣстный
Въ немъ голосъ: *навьки прости!* говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удалился, какъ призракъ, пропалъ!...
Луна возсіяла....
Минвана у древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ!
Молва о свиданьѣ
Достигла отца....

И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младого пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ!

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шу-
И вѣтви колышетъ, [митъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ....
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана!

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ сипіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды;
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой вдалекѣ!..
И тихо все было....
Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось
И что-то шатнуло [щекѣ;
Безъ вѣтра листы;
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты!..

И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ!

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ стру-
Когда жъ возвратила [нахъ!
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина!..

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

«О, милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ недалекъ!
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ!
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ!»

И нѣтъ ужъ Минваны!..
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни....
И дубъ шевелится, и струны звучатъ!

АББАДОНА.

[изъ клопштока].

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго тропа
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:

Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомый, ужъ былъ далеко отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя и блистая;
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ—
Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдіила;
Тьмой божества отуманенный, взоровъ молящихъ не видитъ!
Другъ позабытъ; въ торжествѣ къ полкамъ сатаны онъ примчался.
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мыслях всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья!
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель.
Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь и зрѣлъ ли
Прежде меня? О! повѣдай, что мыслишь?
Намъ вмѣстѣ безсмертье!
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили: Создатель!..
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по вналымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы сатаны и воздвигся нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты—такъ въ битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьѣ кончины вздыхаютъ—
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ сатаны, онъ воскликнулъ:
Будь на меня вся неистовыхъ злоба—вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ! я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя! ненавижу, убійца! Вовѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное: *горе*!
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ! не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!... О, ничтожный! о комъ говоришь ты?
Онъ Всемогущій! а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный
Гордый невольникъ... Пошлетъ ли смертному Богъ искупленье,
Тлѣна ль оковы расторгнуть помыслитъ—тебѣ ль съ Нимъ бороться!
Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто Онъ? Не ты ль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка.... О, горе мнѣ, горе!
Я вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ ли возстать на Подателя жизни?
Сына Его громовержца хотимъ умертвить! о, безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами навѣки надежду
Прежняго счастія, мукъ утоленія мнимся разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ

Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ
изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ; столь вѣрно
и то, что сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ
въ свой адъ возвратишься.»
Бѣшенъ, киня нетерпѣньемъ, внималъ
сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить
огромной скалою—
Гнѣвъ обезсилилъ подъятую грозно съ
камнемъ десницу!
Топнулъ яряся ногой и трикраты отъ
бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ
онъ въ глаза Аббадоны
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ
бѣшенства ярокъ и мраченъ;
Но презирать былъ не властенъ. Ему
предстоялъ Аббадона,
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицомъ.
Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, сатаны и людей
ненавистникъ.
«Въ вихряхъ и буряхъ тебѣ я хочу отвѣ-
чать, малодушный!
Гряну грозою отвѣть! — сказалъ онъ. —
Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій
въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ сатану и меня оскорблять
замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни! казнь твоя — мыслей
безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались! удались, малодушный! прочь
отъ могущихъ!
Прочь отъ жилища царей! исчезай непри-
мѣтный въ пучинѣ!
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія
твой Вседержитель!
Тамъ проклинай безконечность! или, ничтож-
ности алчный,
Въ низкомъ безсиліи рабски предъ небомъ
глухимъ пресмыкайся!
Ты же, отважный! средь самаго неба па-
рекшійся Богомъ!
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань по-
летѣвшій съ Могущимъ!
Ты, обреченный въ грядущемъ несмі
міровъ пове.
О, сатана, полетимъ! да узрятъ н
могуществѣ
Да поразитъ ихъ, какъ буря, ном
нашихъ отва:
Всѣ лавиринѳы коварства предъ нам
ихъ мы
Въ мракѣ ихъ смерть! не найдет
изъ бѣдственной тьмы ихъ
Если жъ, наставленный небомъ, раз
Опъ хитрые
Пламенны бури пошлемъ, и Его не м
по
Горе, земля! мы грядемъ, опол
смертью и
Горе безумнымъ, кто насъ отрази
землѣ возмеч
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилос
буря, со
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся
дрожала; как
Съ громомъ утесъ за утесомъ вали
кликомъ и
Гордые славой грядущихъ побѣд
воздвиглися
Шумъ голосовъ поднялся, и отгря
востока на
Всѣ заревѣли: погибни, Мессія!
с
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣ
Адрам
Съ трона пошелъ сатана, и ступен
мѣдны
Тяжко подъ ними звенѣли; съ к
зовущимъ къ
Кинулись смутной толпой во врата
ренн
Издали, медленно, слѣдомъ за ними,
А
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необу
страшнаг
Вдругъ, перѣшимой стопою онъ къ ан
стражамъ
Робко подходитъ.... Кто же тебѣ пред
Аб
Онъ! Абдіилъ, непреклонный! нѣкогд
твой.... а

ı потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
одойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ,
тенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
но билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,
ламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
ними вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
гнымъ и въ самомъ борeньи съ концомъ неиспытанный, мучилъ
юбкомъ его приближеньи.... Но, ахъ! Абдіиловы взоры,
и и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
наго Бога; его жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
аго утра, какъ младость первой весны мірозданья,
серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба,
ь невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали къ Абдіилу:
Абдіилъ! мой братъ! иль навѣки меня ты отринулъ?
ь! навѣки я розно съ возлюбленнымъ... страшная вѣчность!
чь обо мнѣ, все твореніе! плачьте вы, первенцы свѣта!
не возлюбитъ уже никогда Аббадоны! о, плачьте!
но не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тайныя сѣни,
мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно сливались!
потоки небесъ, близъ которыхъ, сладко объемлясь,
воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
замолчите, изсякните! нѣтъ для меня Абдіила!
ть! и навѣки не будетъ! Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, упывайте вмѣстѣ со мною! навѣки
Нѣтъ Абдіила! вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ!»
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ входомъ въ созданье.
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устрашили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
«Сладостный входъ въ небеса, для чего загражденъ Аббадонѣ?
О! для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья!
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу — я былъ васъ прекраснѣй!
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Грустный, среди красоты мірозданья. О, небо родное!
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство!
Тамъ, отказавшись отъ Бога, сталъ грѣшникъ! О, міръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ небесныя славы
Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ — печальный остатокъ!
Ахъ! для чего я къ нему не дерзну возгласить: мой Создатель!
Радостно въ нѣжное имя Отца уступилъ непорочнымъ;
Пусть непзгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ! восклицаютъ.
О, Судія непреклонный! преступникъ молить не дерзаетъ,

Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пучинѣ!
Мрачныя, полныя ужаса, мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!... Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ!
Вѣчность! почто родила ты сей день? Почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Въ гнѣвѣ своемъ несказанномъ, Себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятый Создателемъ, весь обнаженъ отъ созданій?...
Что говорю?... О хулитель! Кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите! вы, звѣзды,
Гряньтесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья! О, Ты, Судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О, Судія! Ты Создатель! Отецъ!.. что сказалъ я, безумецъ!
Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель!
Ахъ! улетимъ; ужъ воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня... улетимъ!.. по куда?... гдѣ отрада?»
Быстро ударился онъ въ глубину безпредѣльныя бездны...
Громко кричалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огнь-разрушитель!
Крикъ въ безпредѣльномъ исчезъ... и огнь не притекъ разрушитель!

Смутный онъ снова помчался къ м
и приникъ утом
Къ новому пышно-блестящему солнц
толѣ на
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзд
пѣли, какъ свѣтлос
Вдругъ налетѣла на солнце заблуди
безднѣ пл
Часъ ей насталъ разрушенья... он
дымилась и р
Къ ней полетѣлъ Аббадона, разруш
вкупѣ над
Дымомъ она разлетѣлась, но, ахъ
погибъ Абб

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летящіе отвсюду шумны кл
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя
Ве
Что скажетъ лирою незнаемый пѣ
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ в
вплести в
Который для тебя вселенная сплета
О, Русскій Царь, прости! невольно увл
Могучая рука меня къ мольбѣ в
Гдѣ благодарностью возженный он
Стеклися въ даръ принесть тебѣ
И, радости полна, сама играетъ ли
Кто славныхъ дѣлъ твоихъ пост
кр
Съ благоговѣніемъ смотрю на высо
Которой ты достигъ по тернамъ испыт
Когда, исполнены любви и упован
Мы шумною толпой тотъ окружали
Гдѣ, вѣрнымъ быть царемъ клянясь
и
Ты клалъ на страшный крестъ держ
де
И плечи юныя склонялъ подъ багря
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ
твоя
Скажи, когда вѣнецъ рука твоя б
Что мыслилъ ты, вблизи послышавъ
А въ отдаленіи внимая, какъ дер

Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ,
брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Уже ль при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ!
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ себѣ весь свой народъ ты въ руку Провидѣнья
Съ спокойной на Него надеждой положилъ—
И Соприсутственный тебя благословилъ!
Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился—
О! сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ, лицомъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцомъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ твоей державѣ
Тогда весь твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души твоей горѣлъ,
Съ которымъ ты за насъ передъ алтарь явился—
О, царь! благодаримъ! обѣтъ сей совершился!..

И Призванный тобой тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья!
Ниспосылаемый Имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена—
И, обновленныя, пышнѣе расцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ!
Давно ль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій
Народы ликовать стекалися толпами!..[сѣнь,
И первый Лилій тронъ у галловъ надъ главами
Вспылалъ, разверзнувшись, какъ гибельный вулканъ!
Съ его дымящихся развалинъ великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани,
И взорами на міръ ужасно засверкалъ—
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ!
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ!
И Промыслъ, утаясь, послалъ къ нему
свой *страхъ!*
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ!
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ!
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: «мой престолъ престоломъ будь вселенны;
Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія — ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ!
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть сооружила—
Безсмертною моя останется могила!».
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани—
И стала Галлія сокровищницей брани!
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!

Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило!
Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И издой свою постель страданье выкупало!
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей;
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ—
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой!..
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла!
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И, хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за тропомъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою.
Отъ Рейнскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила!
Все смолкло... мрачная, съ кровавымъ взоромъ, сила
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ царей!
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все—окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы!
Унылость на сердца народовъ налегла—
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала
И взоры на востокъ съ надеждой обращала...
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ—
О, царь нашъ! твой народъ! — могучій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ царю и въ славѣ тишиной!
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы...
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крилы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ...
И злобой на него губитель закипѣлъ!
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага не оскверненныхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной...
О, Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда, въ молчаніи народномъ, царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О, гласъ царя! о, честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
И грозно въ бой пошла съ насиліемъ *свобода!*
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ.
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;

…мъ пустынь полки, и грозныя твер-
дыни,
… ревущія погибельной грозой —
…рецъ-вождь средь нихъ съ невиди-
мой судьбой!..
…Бородина, дымитесь жертвой славы!..
растерзанный, едва стопы кровавы
… по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
…ть, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ
твоимъ стѣнамъ!
…дость!... онъ вступилъ!... зажгись,
костеръ свободы!
…ть!... цѣпи въ прахъ! воскресните,
народы!
… стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась,
погребла,
… пеплѣ мщенія свобода ожила!
…и сверканія кремлевскаго пожара,
…азвалинъ вставшая, призракъ ужас-
ный, *кара*
…а по трепетнымъ губителя полкамъ,
…жасъ пригвоздивъ къ надменнымъ
знаменамъ,
… ними жалобно завыла: горе! горе!
…адъ, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ
во взорѣ,
…ѣный, бросился на ратныхъ и вождей...
…а помчались вспять; и грудами костей,
…ошенными въ прахъ потухшими гро-
мами
…чили свой слѣдъ предъ русскими пол-
ками;
…ѣманъ льдистый мостъ для бѣгства
ихъ сковалъ!..
…ь намъ величественъ ты, царь, тогда
предсталъ,
…мающій вождю, въ виду полковъ,
десницу,
…тарца на свою ведущій колесницу,
…ъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ от-
мщеньемъ вслѣдъ врагамъ.
…забвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
… отверзаешь путь властительной ру-
кою...
…а же двинулись дружины предъ Тобою,
…аздался стукъ помчавшихся громадъ.
…розно брегъ покрылъ коней и ратныхъ
…ѣваемыхъ парящими орлами... [рядъ,
… величіе окинувши очами,

Что ощутилъ, нашъ царь, тогда въ душѣ
своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще взывать не
смѣя;
И человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ
священный:
«Дерзай! и нареку тебя: Благословенный!»
И въ грозный между тѣмъ полки сліян-
ны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А ты?... Ты отъ Небесъ молилъ благо-
словенья...
И ангелъ ихъ, гремя, на щитъ твой низ-
летѣлъ,
И гибелью врагамъ твой щитъ запламенѣлъ,
И руку ты простеръ... и двинулися рати!
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье тебѣ народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвиглись веси,
грады;
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды!
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впереди твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется,
Младая старику во грудь надежда льется:
«Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный
гробъ отцовъ!»
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ
сыновъ.
И ты средь плесковъ сихъ — не гордый
побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершп-
тель —
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ,
Блескъ утѣшительный окрестъ тебѣ сіялъ,
И ликъ твой ясенъ былъ, какъ ясный
ликъ надежды!
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный
путь,
Въ который ты вступалъ уже не съ нимъ,
взглянуть,
И угасая дать царю благословенье!

Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать тебѣ
И ослабѣвшею рукою прижималъ [вручалъ,
Къ нѣмѣющей груди царя и друга руку —
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку!
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;

Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь—увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ!—
Нашъ царь, узнавъ тебя, на смерть онъ не ропталъ;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя,
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
Смягчившаго слезой его съ концомъ борьбу —
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу!..
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы —
Какъ всколебалися тевтоновъ племена!
Къ нимъ германъ съ норда несъ свободы знамена —
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы,
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,
И всѣхъ царей рука, нашъ царь, въ рукѣ твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О, славный Кульмскій бой! о, доблесть славянина!
Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ —
Все опрокинуто!—и русскій устоялъ!..
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу судьбины;
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой велъ
Ихъ неиспытанный по темной безднѣ волъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою.

Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явит
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшит
Не быть, иль быть царямъ; возстать, и пасть вселенной.
И все въ собраніи... о, часъ, вѣкамъ священной!.
Народы всѣхъ племенъ и всѣхъ племен
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари, [цар
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди перед полкам
И громы впереди съ подъятыми крылам
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щит склонен
Союза мстителей младой Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпо
Надъ свѣтозарною вождя царей главою..
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ...
И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Все держитель...
И загорѣлся день... Богъ грянулъ... пал губитель
Бѣгутъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, мечъ, и щит
Впереди, въ тылу, съ боковъ и рядом *страхъ* бѣжит
И жадною рукой *погибель* ихъ хватаетъ
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй
И Рейнъ воспрескалъ, послышавъ ликованья..
О, старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданы
Не зрѣвшій на брегу еще лица славянъ—
Ликуй! и отражай въ волнахъ славянскій станъ
И погрузился крестъ при громахъ в древни водъ
И Рейнъ, обновленъ, потекъ въ брегах свобод
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рог
И быстро ворвались полки въ тотъ страш ный лог
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковал имъ цѣпи плѣн
Вотще, вотще воздвигъ опъ черныя зн мена—
Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водр зилъ

Громъ русскій берега Секваны огласилъ —
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!...
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
О, Русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой царь къ низринувшимъ царей твоихъ столицу!
Онъ распростеръ на нихъ поницы багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
Но стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ—и тишина вослѣдъ имъ прилетаетъ...
Хвала! хвала, нашъ царь! стыдливо отклоняетъ
Рука твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О, незабвенный день! смотрите—побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцовъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную свободу возводило
И Бога поразить своей хулою мнило—
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!... подъемлется спасенія сосудъ...
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даетъ...
Свершилось!... освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцовъ грядетъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!...
Свершилось... Русскій Царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ непзреченнымъ,
И свой дадутъ отвѣтъ потомки современнымъ!...
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, ты въ путь летишь желанный —
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ ты скорбѣлъ —
И ты, невидимый, чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой!..
И все сіе, нашъ царь, дано землѣ тобой!
Но что жъ ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый,
Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святого Петрограда
Вдали передъ тобой возникнула громада;
Когда предъ матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ твой, герой спасенья спитъ?...
Россія, онъ грядетъ; уже алтарь горитъ,
Уже его принять отверзались двери храма

Ужъ благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за него взлетѣло къ небесамъ!
И се!.. приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!..
О, Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена...

Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромнымъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и Провидѣнье.
О, царь! въ сей важный часъ—когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей земныхъ учитель—
Я зрю тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія—
О, сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной—
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ!
Отечество, внимай: «Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ тобой.
Безстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ,
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ твоей вселенной!»...
Воньми жъ и ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время твой великолѣпный тронъ—
Хвалой невѣрною тронъ царскій окруженъ,—
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья
Одинъ въ толпу, и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ;
На праздникахъ семей украшенный твой ликъ—
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель—
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ расцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,

Въ которыхъ зрѣлъ тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ,
Понъ, какъ другая тѣнь, отрадный свѣтъ лiетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья!
Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья;
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертву жизнь принесть —
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье!
Но дань свободная, дань сердца — уваженье;
Не власти, не вѣнцу, по человѣку дань!
О, царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцовъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа!
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою;
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя, на все, на все готовый—
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты!
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Уже ль на краткій мигъ Онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны —
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный!
Прими жъ въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Столь древле славную отцовъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенной!
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной!
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя!

МОЛИТВА РУССКАГО НАРОДА.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

Перводержавную
Русь православную
Боже, храни!
Царство ей стройное
Въ силѣ спокойное! —
Все жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О, Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьѣ смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная,
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

СОВѢСТЬ.

Сколь неизбѣжна власть твоя,
Гроза преступниковъ, невинныхъ утѣшитель,
О, совѣсть! нашихъ дѣлъ законъ и обвинитель,
Свидѣтель и судья!

СМЕРТЬ.

То сказано глупцомъ и признано глупцами,
Что будто смерть для насъ творитъ ужаснымъ свѣтъ!
Пока на свѣтѣ *мы*, она еще не съ нами;
Когда жъ пришла *она*, то насъ на свѣтѣ нѣтъ!

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЪ?

Законъ—на улицѣ натянутый канатъ,
Чтобъ останавливать прохожихъ средь дороги,
Иль ихъ сворачивать назадъ,
Или имъ путать ноги!
Но что жъ? Напрасный трудъ! Никто назадъ нейдетъ!
Никто и подождать не хочетъ!
Кто ростомъ малъ—тотъ внизъ пр
А кто великъ—перешагнетъ! [скочит

БЕЗПОЛЕЗНАЯ СКРОМНОСТЬ.

Демидъ, подъ одою своей, боясь зоила,
Ты имени не подписалъ!
Но глупость за тебя къ ней руку пр
И свѣтъ тебя узналъ. [ложи

* * *

De Bouquillon
Je vais chanter la fête;
Je creuse dans ma tête,
Mais je me sens trop bête
Pour célébrer la fête
De Bouquillon.

Cher Bouquillon!
Je suis trop téméraire,
Je devrais bien me taire;
Mais comment ne pas braire,
Que ta fête m'est chère,
Cher Bouquillon!

Pour Bouquillon
Invoquons donc la rime!
Et grimpons sur la cime
De l'Olympe sublime!
La muse nous anime
Pour Bouquillon!

O, Bouquillon!
Ce jour, qui va paraître,
Il t'a déjà vu naître,
Mais il me fait connaître
Que tu n'es plus à naître,
O, Bouquillon!

Par Bouquillon
S'embellit la nature!
Son âme est bon et pure,
Je dis sans imposture,
Je l'aime, et je le jure
Par Bouquillon!

МАКСИМЪ.

Скажу вамъ сказку въ добрый часъ!
Друзья, извольте всѣ собраться!
Я разсмѣшу, навѣрно, васъ—
Какъ скоро станете смѣяться.

Жилъ-былъ Максимъ, онъ былъ не глупъ;
Прекрасенъ такъ, что заглядѣться!
Всегда онъ надѣвалъ тулупъ —
Когда въ тулупъ хотѣлъ одѣться.

Пилъ онъ очень скромный видъ;
Былъ вѣжливъ, не любилъ гордиться;
И лишь тогда бывалъ сердитъ —
Когда случалось разсердиться.

Максимъ за пятерыхъ ѣдалъ,
И болѣе всего окрошку:
И ротъ ужъ вѣрно раскрывалъ —
Когда въ него совалъ онъ ложку.

Онъ былъ кухмистеръ, господа,
Такой, какихъ на свѣтѣ мало,
И безъ яицъ ужъ никогда —
Его яичницъ не бывало.

Красавицъ восхищалъ Максимъ
Губами пухлыми своими;
Онѣ, бывало, всѣ за нимъ —
Когда гулялъ онъ передъ ними.

Максимъ жениться разсудилъ,
Чтобъ быть при случаѣ рогатымъ;
Но онъ до тѣхъ поръ холостъ былъ —
Пока не сдѣлался женатымъ.

Осьмое чудо былъ Максимъ,
Въ оригиналѣ и портретѣ;
Никто бъ не могъ сравниться съ нимъ —
Когда бъ онъ былъ одинъ на свѣтѣ.

Максимъ талантами блисталъ
И просвѣщенія дарами;
И вѣчно прозой сочинялъ —
Когда не сочинялъ стихами.

Онъ жизнь свободную любилъ,
Въ деревню часто удалялся;
Когда же онъ въ деревнѣ жилъ —
То въ городѣ не попадался.

Всегда учтивость сохранялъ,
Былъ обхожденія простова;
Когда онъ въ обществѣ молчалъ —
Тогда не говорилъ ни слова.

Онъ бѣгло по складамъ читалъ;
Читая, шевелилъ губами;
Когда же книгу въ руки бралъ —
То вѣчно бралъ се руками.

Однажды бодро поскакалъ
Онъ на конѣ по каруселн,
И тутъ себя онъ показалъ —
Всѣмъ тѣмъ, кто на него смотрѣлн.

Ни отъ кого не трепеталъ,
А къ трусости не зналъ и слѣду;
И вѣчно тѣхъ онъ побѣждалъ —
Надъ кѣмъ одерживалъ побѣду.

Онъ живъ еще, и проживетъ
На свѣтѣ, сколько самъ разсудитъ;
Когда жъ, друзья, Максимъ умретъ —
Тогда онъ, вѣрно, живъ не будетъ!

КЪ КАВЕЛИНУ.

Кавелинъ! другъ, поэтъ, директоръ
И медиковъ протекторъ,
Я съ просьбою къ тебѣ!
Угодно было такъ судьбѣ,
Чтобъ я въ Орлѣ узналъ Гаспари.
Природа не дала ему той важной хари,
Съ какою доктора
Одной чертой пера
Подписываютъ намъ патенты на могилу!
Нѣтъ! докторъ Антиной!
Какъ ртуть живой,
И смерть съ нимъ потеряла силу.
За то, что онъ въ Орлѣ
Съ извѣстнымъ генералъ-штабъ-докторомъ
Вицманомъ
Въ военномъ засѣдалъ госпиталѣ,
И докторскимъ своимъ фирманомъ
Надъ нимъ всѣхъ древнихъ правъ навѣки смерть лишилъ;
За то, что не далъ онъ потачки
Вербовщикамъ ея сестры — гнилой горячки;
За то, что во-время тѣ кратеры закрылъ,
Изъ коихъ къ намъ поносъ кровавой
Течетъ убійственною лавой,
Отъ коей гибнетъ все, и жизнь и красота,—
За это все, по праву,
Онъ получилъ ужъ славу!
Но для чего еще не получилъ креста?
Онъ Эскулаповъ сынъ! А за сію прижимку

Въ большой досадѣ Аполлонъ!
Итакъ, похлопочи, чтобъ онъ
Себѣ могъ получить скорѣе недоимку!

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...

Все тѣ жъ берега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ
Остался на брегѣ Алфея. [надеждъ,

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ

— Когда я съ тобой разлучался, Тео
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взгл
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ!

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣте
Что боги для счастья послали намъ жизн
Но съ нею печаль неразлучна.

«О! нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ зако
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложны
Я видѣлъ земное блаженство. [мечт

«Что можетъ разрушить въ минуту суд
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.—

«Вотъ счастье; о, другъ мой, оно не меч
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей
Яснѣе великость творенья; [зр
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по зе
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О! нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ сл
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любо
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхи
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной стра
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой
Уже одинокимъ не будетъ... [другъ,
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все *ея* онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою.

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что *вѣрно* желанное будетъ;

«Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь,
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О, другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и [свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

«*Все* небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу-Зевесу!»

ВЪ АЛЬБОМЪ.

БАРОНУ П. И. ЧЕРКАСОВУ.

Мой опытный старикъ Теонъ
Сказалъ: «прекраснѣ свѣтъ!» стоя съ душой унылой
Передъ безмолвною могилой.
Узнавъ несчастіе, все вѣрилъ жизни онъ!
А ты, мой милый другъ, лишь къ жизни приступаешь,
И свѣтъ сей по однимъ лишь обѣщаньямъ
Надежды молодой! [знаешь
Ахъ, вѣрь имъ! Съ ясною твоею, другъ, душой
Что бъ ни случилось здѣсь, все будетъ путь твой ясенъ!
Кто другъ прекраснаго, тому и свѣтъ
Я за тебя порукою тебѣ! [прекраснъ;
Ты добръ—тебѣ дана быть счастливымъ
Оставь проказничать судьбѣ; [свобода!
Тебя не выдастъ ей заступница природа!

АМУРЪ И МУДРОСТЬ.

Богиня мудрости на землю ниспустилась;
Но у людей она худой пріемъ нашла.
Однажды близъ рѣки она остановилась—
Погода бурная была;
У берега челнокъ, а въ челнокѣ малютка...
Не знаетъ, плыть иль нѣтъ?... А онъ ее манилъ!
Рѣшилась!—поплыли—но то была лишь шутка:
Плутишка мудрость утопилъ!

* * *

Счастливый путь на берега Фокиды!
Счастливый будь въ отечествѣ боговъ!
Но, другъ, ужель одной корысти виды
Влекутъ тебя къ странѣ твоихъ отцовъ?
Пускай вино и шелковыя ткани,
И ароматъ, и пламенный мака
Сбираютъ тамъ съ торговли жадной дани!
Твоя корысть—минувшіе вѣка!
Тамъ предъ тобой—отчизна вдохновенья,
И древности величественный храмъ!
Вослѣдъ тебѣ мечтой воображенья
Переношусь къ чудеснымъ симъ брегамъ!..
Вотъ на волнахъ разсыпанны циклады
И нифіевъ пророческій Делосъ!
Но что же тамъ твои встрѣчаютъ взгляды?
Пустыню! Храмъ терновникомъ оросъ!...

ПЛАЧЪ О ПИНДАРѢ.

БЫЛЬ.

Однажды нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ
И Аполлоновъ жрецъ упрямый,
Съ какою-то ученой дамой
Сидѣлъ, о рнемахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,—
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою,
И вздоръ свой клюквенной водою,
Кобенясь въ креслахъ, запивалъ.
Коснулось до Пиндара слово!
Друзья! хотя совсѣмъ не ново,
Что славный былъ Пиндаръ поэтъ,
И что онъ умеръ въ тридцать лѣтъ,
Но имъ Пиндара жалко стало!
Пиндаръ великій! грекъ! пѣвецъ!
Пиндаръ, высокихъ одъ творецъ!
Пиндаръ, какихъ и не бывало,
Который могъ бы мало-мало
Еще не томъ, не три, не пять,
А десять томовъ написать,—
Зачѣмъ такъ рано онъ скончался?
Зачѣмъ еще онъ не остался
Пожить, попѣть и побренчать?
Съ печали дама зарыдала,
Съ печали зарыдалъ поэтъ—
За что, за что судьба сослала
Пиндара къ Стиксу въ тридцать лѣтъ!
Лакей съ метлою тутъ случился,
Въ слезахъ ихъ видя, прослезился;
И въ дѣтской нянька стала выть;
Заплакалъ съ нянькою ребенокъ;
Заплакалъ поваръ, поваренокъ;
Буфетчикъ, бросивъ чашки мыть,
Заголосилъ при самоварѣ;
Въ конюшнѣ конюхъ зарыдалъ,—
И словомъ, цѣлый домъ стенялъ
О пѣснопѣвцѣ, о Пиндарѣ.
Да, признаться вамъ, друзья,
Едва и самъ не плачу я.
Что жъ вышло? Всѣ такъ громко выли,
Что все сосѣдство взгомозили!
Бѣжитъ сосѣдъ къ нимъ второпяхъ,
И вопитъ: «что случилось?
О чемъ вы всѣ въ такихъ слезахъ?»
Предъ нимъ все горе объяснилось
Въ немногихъ жалобныхъ словахъ.
«Да что за человѣкъ чудесный?
Откуда родомъ вашъ Пиндаръ?
Какихъ онъ лѣтъ былъ? молодъ? старъ
И что о немъ еще извѣстно?
Какого чину? гдѣ служилъ?
Женатъ былъ? вдовъ? хотѣлъ жениться
Чѣмъ умеръ? кто его лѣчилъ?
Имѣлъ ли время причаститься?
Или вдругъ свалилъ его ударъ?
И словомъ—кто таковъ Пиндаръ?»
Когда жъ узналъ онъ изъ отвѣта,
Что все несчастье отъ поэта,
Который между грековъ жилъ,
Который въ славны древни годы
Пѣвалъ на скачки грековъ оды,
Язычникъ, не католикъ былъ;
Что одами его плѣнялся,
Не понимая ихъ, весь свѣтъ,
Что болѣе трехъ тысячъ лѣтъ,
Какъ онъ во младости скончался—
Поджавъ бока свои, сосѣдъ
Смѣяться началъ, да смѣяться
Такъ, что отъ смѣха надорваться!
И смотримъ, за сосѣдомъ вслѣдъ
Всѣ— кучеръ, поваръ, поваренокъ,
Буфетчикъ, нянька и ребенокъ,
Лакей съ метлой и самъ поэтъ,
И дама—взапуски смѣяться!
Хотѣлъ и радъ бы удержаться,
Но, признаюся вамъ, друзья,
Смѣюсь за ними вслѣдъ и я!..

КЪ ВОЕЙКОВУ.

О, Воейковъ! видно, намъ
Помышлять объ исправленьѣ!
Если вѣрить должно снамъ,
Скоро Пиндопреставленье,
Скоро должно наступить!
Скоро, предлетящимъ громамъ,
Аполлонъ придетъ судить
По стихамъ, а не по томамъ!

Намъ извѣстно съ древнихъ лѣтъ,
Сны, чудовищей явленья,
Грозно-пламенныхъ кометъ
Предвѣщали измѣненья
Въ муравейникѣ земномъ!
И всегда бывали правы
Сны въ пророчествѣ своемъ.
Въ мірѣ Феба —тѣ жъ уставы!

в страшилищъ межъ стиховъ!
ъма чудесъ!... дрожу отъ страху!
ль обверткой пирюговъ
І недавно Андромаху!
ль, какъ нѣкій Асмодей
Назвалъ, видъ принявъ лакея,
зной кистію своей
На заклейку оконъ Грея!

ль недавно, какъ Пиндаръ,
Въ воду огнь свой обративши,
ушилъ въ Москвѣ пожаръ,
Всю дожечь ее грозившій!
ль, какъ Сафу билъ голикъ;
Какъ Расинъ кряхтѣлъ подъ тѣстомъ;
ль окутанный парикъ
І Электрой и Орестомъ.

ль въ ночи, какъ въ высотѣ
Кто-то грозный и унылый,
оченясь, на котѣ ,
Ѣхалъ рысью—въ шуйцѣ вилы,
ъ десницѣ грозный ножъ!
Іо-славянски котъ мяукалъ;
зимающій старикъ
Въ тактъ съ усмѣшкой икомъ тукалъ!

скакунъ по небесамъ
Прокатился метеоромъ;
утъ отверстый вижу храмъ,
І къ нему идутъ соборомъ
ъ и музы.... Что жъ? О, страхъ!
Фебъ въ ужасныхъ рукавицахъ,
русской шапкѣ и котахъ;
Ѣнчки на его сестрицахъ!

рика ввели во храмъ,
При печальныхъ Смѣховъ ликахъ.
стихаряхъ Амуры тамъ
І Харпты въ черевикахъ!
престолѣ золотомъ!
Старина сидитъ богиня;
сную Вкусъ съ бѣльмомъ,
Простофиля и розиня!

какъ будто близъ жены—
Поручивъ кота Эроту,
ъ старикъ близъ старины,
Ѣлясь скрыть свою перхоту!
ъ гудокъ для пришлеца
Фебъ ударилъ съ важнымъ топомъ,
И пустились голубца
Мельпомена съ Купидономъ.

Важно билъ каданъ старикъ
И подмигивалъ старушкѣ.
И его державный жезлъ
Передъ нимъ лежалъ въ кадушкѣ.
Тутъ къ престолу подошли
Стихотворцы для присяги.
Тѣ подъ-мышками несли
Расписныя съ квасомъ фляги;

Тотъ тащилъ кису морщинъ;
Тотъ прабабушкину мушку;
Тотъ старинныхъ словъ кувшинъ;
Тотъ кавыкъ и юсовъ кружку;
Тотъ перину изъ бородъ,
Древле бритыхъ въ Петроградѣ;
Тотъ славянскій переводъ
Басенъ Дмитрева въ окладѣ.

Всѣ, возрѣвъ на старину,
Персты вверхъ и ставши рядомъ,—
«Брань и смерть Карамзину!»
Грянули, сверкая взглядомъ.
«Зубы грѣшнику порвемъ!
Оскомимъ хребетъ строптивый,
Задъ во утро избіемъ,
Намъ обиды сотворивый!»

Вздрогнулъ я—призракъ исчезъ!..
Что жъ все это предвѣщаетъ?
Ахъ! мой другъ, то гласъ небесъ!
Полно медлить! наступаетъ
Аполлоновъ страшный судъ!
Дни послѣдніе Парнаса;
Насъ богини мщенья ждутъ;
Полно мучить намъ Пегаса!

Не покаяться ли намъ
Въ прегрѣшеньяхъ потаенныхъ?
Если вѣрить старикамъ,
Муки Фебомъ осужденныхъ
Неописанныя, другъ!
Поспѣшимъ же покаяньемъ,
Чтобъ и намъ за рифмы—крюкъ
Не былъ въ адѣ воздаяньемъ!

Мукъ тамъ бездна!.. Вотъ Хлыстовъ
Межъ огромными ушами,
Какъ Танталъ среди плодовъ,
Съ непрочтенными стихами;

Хочетъ ихъ читать ушамъ,
Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать просторъ стихамъ—
Уши разомъ всѣ свернутся.

Вотъ на плечи стихъ взгрузивъ,
На гору его волочитъ
Пустопузовъ, какъ Сизифъ;
Бьется, силится, хлопочетъ;
На верху горы вдовецъ—
Здравый смыслъ—торчитъ маякомъ;
Вотъ ужъ близко! вотъ конецъ!
Вотъ доползъ— и книзу ракомъ!..

Вотъ Груздочкинъ-траголюбъ
Убираетъ лобъ въ морщины,
И хитономъ свой тулупъ
Въ угожденье Прозерпины
Величаетъ невпопадъ!
Но хвастливость не у мѣста:
Всѣхъ смѣшитъ его нарядъ,
Даже фурій и Ореста.

Полонъ треску и огня,
И на смыслъ весьма убогій,
Вотъ на чахлаго коня
Лѣзетъ Фирсъ коротконогій;
Лишь усѣлся, конь распухъ;
Ножки вверхъ—нѣтъ силъ держаться:
Конь галономъ; рыцарь—бухъ!
Снова лѣзетъ—чтобъ сорваться!..

Ахъ! покаемся, мой другъ!
Исповѣдь—полъисправленья!
Мы достойны этихъ мукъ!
Я—за вѣдьмъ, за привидѣнья,
За чертей, за мертвецовъ;
Ты жъ—за то, что въ переводѣ
Очутился изъ «садовъ»
Подъ капустой въ огородѣ!..

ВЪ АЛЬБОМЪ

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ПРОТАСОВОЙ.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
Когда лелѣютъ насъ магическіе сны;
Тогда съ небесъ къ твоей спокойной колыбели
Святыя радости подругами слетѣли—
Ихъ рой сномъ утреннимъ круго

И ангелъ прелести, твоя родня, съ
Незримо къ твоему приникнулъ из
И никогда тебя съ тѣхъ поръ не п
Лѣта прошли—твои всѣ спутники с
У входа въ свѣтъ съ живой и

Ты въ ихъ кругу стоишь, прелест

А я, знакомецъ твой въ тѣ радост
Я на тебя смотрю съ веселіемъ у
Тѣснишься въ сердце ты изобра

Всего минувшаго, всего, чѣмъ жи
Такъ сладостно полна, такъ пламен
Что вдохновеніемъ всю душу зая
Всего, что лучшаго въ ней было и н
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! Желать—безжало

Не воскрешая, смерть мою трево
Въ могилѣ мертвеца ты чувством

* * *

Что дѣлаешь, Сандрокъ?
Кружишь ли, какъ сверчо
По стульямъ, по окошкам
Стрижешь ли морды кошк
Рисуешь ли усы,
Крючки и колбасы
На Вицмановой рожѣ?
Иль чортиковъ въ рогожѣ
Сажаешь на носы?
Иль мухъ сажаешь въ бан
Иль проповѣдь съ лежанки
Бутылкамъ, сундукамъ,
И рыжимъ парикамъ,
И разнымъ женихамъ
Разсказываешь съ жаромъ?
Иль рожами смѣшишь
И споришь съ самоваромъ
И чайники казнишь?
Ты милое твореньe;
Ты взглядомъ обратишь
И горе въ восхищенье;
Съ тобой явилась въ свѣт
Веселость, богъ крылатый;

Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ
ВЪ ИГРУ, НАЗЫВАЕМУЮ СЕКРЕТАРЬ.

В. Какая разница между *разноты* и *раз-*
О. Свѣтлана—ангелъ красоты, [*ности?*
Тутъ я не вижу разноты;
Свѣтлана—безобразность,
Тутъ все: и *разница*, и *разнота*, и
В. Что такое буква я? [*разность.*
О. Губительнаго я
Нѣтъ хуже въ мірѣ слова;
Мнѣ жизнь мила моя—
Коль можетъ жизнью быть другова.

* * *

Ноябрь, зимы посолъ, подчасъ лихой ста-
И очень страшный въ гнѣвѣ, [рикъ
Но милостивый къ намъ, напудрилъ свой
парикъ
И васъ уже встрѣчать готовится къ Бѣлевѣ;
Ужъ въ Долбинѣ давно,
Въ двойное мы смотря окно
На обнаженную природу,
Молились, чтобъ сѣдой Борей
Прислалъ къ намъ поскорѣй
Сестру свою метель и бѣглую бы воду
Въ оковы ледяныя сковалъ;
Борей услышалъ нашъ молебенъ: ужъ
крошится
На землю мелкій снѣгъ съ небесъ;
Ощипанный бѣлѣетъ лѣсъ,
Прозрачная рѣка ужъ болѣ не струится,
И растопорщивши оглобли, сани ждутъ,
Когда ихъ запрягутъ.
Иному будетъ жаль дней ясныхъ,—
А жду, не дождусь холодныхъ и ненастныхъ.
Милѣй мнѣ свѣтлаго природы мрачный видъ!
Пусть вьюга на полѣ кипитъ
И снѣгъ въ насъ шапками бросаетъ,
Пускай насъ за носы хватаетъ
Морозъ, зимы сердитой кумъ,—
Сквозь страшный вихрей шумъ
Внѣ голосъ сладостный взываетъ:
«Увидишь скоро ихъ! сей часъ не далеко!
И будетъ на душѣ легко!»
Ахъ! то знакомый гласъ надежды неизмѣнной!...
Какъ часто вьюгою несчастья окруженной,
Съ дороги сбившися, пришлецъ земной,
Пути не видя предъ собой
[*Передній* путь во мглѣ, покрытъ *обратный* мглой],
Робѣетъ, свѣта ждетъ, дождется ли, не знаетъ,
И въ нетерпѣньи унываетъ....
И вдругъ... надежды гласъ!.. душа ободрена!
Сталъ веселѣе мракъ ужасной
И ужъ незримая дорога не страшна!...
Онъ вѣритъ, что она проложена
Вождемъ всезнающимъ и къ кущѣ безопасной,
И съ милымъ ангеломъ-надеждой онъ идетъ,
И, не дойдя еще, ужъ счастливъ ожиданьемъ
Того, что въ пристани обѣтованной ждетъ!
Такъ для меня своимъ волшебнымъ обѣщаньемъ
Надежда и зимѣ красу весны даетъ!
О! жизнь моя вѣрна, и цѣль моя прекрасна,
И неизвѣстность мнѣ нимало не ужасна,
Когда все милое со мной!...
Но вотъ и утро встало!
О, радость! на землѣ изъ снѣга одѣяло!
Друзья, домой!

ФЕНИКСЪ И ГОЛУБКА.

«Я на кострѣ себя сжигаю!»
— И я горю, и въ сердцѣ пламень мой! —
«Я каждый вѣкъ, чтобы воскреснуть,
умираю!»
— Бываетъ то жъ, но чаще, и со мной! —
«Эмблема славы я!» — Я счастія простого. —
«Зевесъ мой другъ.» — А мой богиня красоты. —
«На свѣтѣ я одинъ! Нѣтъ Феникса другого!»
— Бѣднякъ безсмертный, жалокъ ты! —

КЪ АРФѢ.

Моя вторая мать, другъ юношескихъ лѣтъ,
На память о любви ее мнѣ подарила,
И я, какъ памятникъ любви, ее хранила,
И вѣчно сохранить дала себѣ обѣтъ,—
И нынѣ мысль перемѣняю!
Мой другъ, она—твоя!..
Но что жъ, ужели чѣмъ обѣтъ свой нарушаю?
Ты — та же *я!*

ЗАПИСКА КЪ СВѢЧИНУ.

Извольте, мой полковникъ, вѣдать,
Что въ завтрашній субботній день
Я буду лично къ вамъ обѣдать!
Теперь же недосугъ. Не лѣпь,
А Фебъ Зевесовичъ мѣшаетъ...
Но буду я не почевать,
А до вечерни поболтать,
Да выкурить двѣ трубки,
Да подсластить копьякомъ губки,
Да сотню прочитать
Кое-какихъ стишонокъ,—
Чтобъ могъ до утра безъ просонокъ
Полковникъ спать!

ЛЮБОВНАЯ КАРУСЕЛЬ.

ТУЛЬСКАЯ БАЛЛАДА.

Въ трактирѣ тульскомъ тишина,
И на столѣ ужъ свѣчки,
Като на канапе одна,
А Азбукинъ у печки!
Авдотья, Павловъ Николай
Тутъ съ ними—нѣтъ лишь Анны.
«О, другъ души моей, давай
Играть съ тобой въ Татьяны!»
Като сказала такъ дружку—
И милый приступаетъ
И проситъ скромно табачку,
И жгутъ крутой свиваетъ.

Катошка милаго комшитъ,
А онъ комшитъ Катошку;
Сердца ихъ таютъ—столъ накрытъ
И подаютъ окрошку.
Садятся рядомъ и ѣдятъ
Весьма, весьма прилежно.
За каждой ложкой поглядятъ
Въ глаза другъ другу нѣжно.
Едва возлюбленный чихнетъ—
Катоша тотчасъ: *здравствуй;*
А онъ ей головой кивнетъ
И нѣжно: *благодарствуй!*

Близъ нихъ Плезирка-песъ кружитъ
И моська ростомъ съ лось!
Плезирка! милый говоритъ;
Катоша кличетъ: *мось!*
И милому даетъ кольцо...
Но вдругъ стучитъ карета —
И на трактирное крыльцо
Идетъ сестра Анета!
Замѣтьте: Павловъ Николай
Давно ужъ провалился—
Анета входитъ невзначай—
И милый подавился!

—О, милый! милый! что съ тобой
Катоша закричала
«Такъ ничего, дружочекъ мой,
Мнѣ въ горло кость попала!»
Но то лишь выдумка— злодѣй!
Онъ струсилъ отъ Анеты!
Кольцо въ глаза мелькнуло ей
И прочіе конжеты!
И говоритъ: «Что за модель?
Извольте признаваться!»
Като въ отвѣтъ: «Ложись въ постель
И стала раздѣваться...

Надѣла спальный свой чепецъ
И ватошникъ свой алой,
И скомкалася накопецъ
Совсѣмъ подъ одѣяло!
Оттуда выставя носокъ,
Сказала: я пылаю!
Анета ей въ отвѣтъ: «Дружокъ,
Я васъ благословляю!
Что счастье вамъ, то счастье мнѣ!
Като не улежала,
И бросилась на шею къ ней,-
Авдотья заплясала.

А пламенный штабсъ-капитанъ
Лежалъ уже раздѣтый!
Авдотья въ дверь, какъ въ барабанъ
Стучитъ и кличетъ: «Гдѣ ты?»
А онъ въ отвѣтъ ей: Виноватъ!
— «Скорѣй!» кричитъ Анета.
И онъ надѣлъ, какъ на парадъ,
Мундиръ, два эполета,
Кресты и шпагу нацѣпилъ —
Забылъ лишь панталоны...
И важно двери растворилъ
И сталъ творить поклоны...

Какой же кончу я чертой?
Бездѣлкой: многи лѣта!
Тебѣ, Василій! вамъ, Като,
Авдотья и Анета!
Веселье стало веселѣй;
Печальное забыто;

И дружба сдѣлалась дружнѣй;
И сердце все открыто!
Кто нашъ—для счастья тотъ живи,
И въ землю Провидѣнью!
Ура! надеждѣ и любви
И киселя терпѣнью!

1815.

АРЕОПАГУ.

О, мой Ареопагъ священной,
Съ моею музою смиренной
Я преклоняюсь предъ тобой!
Публичный обвинитель твой,
Матютка-Батюшковъ, гигантъ по дарованью,
Ужъ судъ твой мосму «Посланью»
Въ парнасскій протоколъ вписалъ
За скрѣпой Аполлона,
И я къ подножію божественнаго трона
Съ повинной головой предсталъ,
Съ поправками «Посланья»
И парой словъ для оправданья!
Прошу, да предъ него и Аристархъ-пѣвецъ
Съ своею критикой предстанетъ,
И да небесный Фебъ, по Пинду нашъ отецъ,
На наше преніе не гнѣвнымъ взоромъ взглянетъ!
За что жъ о планѣ ты, мой грозный судія,
Ни слова не сказалъ? О, страшное молчанье!
Имъ муза робкая оглушена моя!
И ей теперь мое «Посланье»
Уродомъ кажется подъ маской красоты!
Злодѣй! молчаніемъ сказалъ мнѣ больше ты
Одинъ, чѣмъ критиковъ крикливое собранье
Разбора строгаго шумящею грозой!
Но такъ и быть, передъ тобой
Всѣ тайныя ошибки!
О чемъ молчишь—о томъ и я хочу молчать!..
Чтобъ безошибочно, мой милый другъ, писать,
На то талантъ твой нуженъ гибкій!
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ?
Ужасный стихъ! такъ ты воскликнулъ, мой пѣвецъ!
И музы всѣ съ тобой согласны!
Да я и самъ кричу, наморщившись: *ужасный!*
Вотще жую перо, вотще молюсь богамъ,
Чтобъ отъ сего стиха очистили «Посланье»!
Напрасное пера невинпаго жеванье,
Напрасныя мольбы!—поправь его ты самъ!
Не можешь? Пусть живетъ вѣкамъ на посмѣянье!
Кто славы твоея опишетъ красоту!
Ты правъ: *опишетъ*—вздоръ, написанный водою,
А *твоея*—уродъ! Готовъ одной чертою
Убить сей стихъ! Но, другъ! смиренную чету
Двухъ добрыхъ рифмъ кто разлучить рѣшится?
Да, можетъ-быть, моя поправка пригодится?..
Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?—
Не лучше ли? Прими жъ, мой другъ, сію поправку,
А прежній вздорный стихъ въ отставку.
Что далѣе?.. Увы! я слышу не впервой,
Что стихъ: *дробила надъ главой*
Земныхъ народовъ брань, и что жъ еще: *державы!*—
Смѣшной и темный стихъ! Быть-можетъ,
Монахъ балладъ герой, [бѣсъ лукавый,
Спутилъ такимъ стихомъ коварно надо мной.
Надъ искусителемъ себя мы позабавимъ
Балладой новою, а стихъ хоть такъ поправимъ:
Ниспровергала, враговъ земныхъ народовъ, брань!...
Нѣтъ! выше бурь вѣнца... Ты здѣсь, мой другъ, въ сомнѣньѣ;
Но *бури жизни* есть для всякаго пѣвца
Не запрещенное отъ Феба выраженье!
А *бури жизни*, другъ, чѣмъ лучше *бурь вѣнца*?
Итакъ, сомнѣніе принявъ за одобренье,
Я съ *бурями вѣнца* отважно остаюсь—
Вѣряясь твоему сомнѣнью,
Спокойно на брегу съ моей подругой лѣнью
Сижу и бурямъ критики смѣюсь.
Другой же стихъ — твоя, а не моя погрѣшность;
Затмила, кажется, разсудокъ твой поспѣшность:
Вѣдь *невнимательныхъ царей* [ность:
Въ посланьѣ нѣтъ! лишь ты, по милости
Былъ невнимательный читатель; [своей,

А можетъ-быть, и то, что мой переписатель
Царей не отдѣлилъ
Отъ ихъ народовъ занятою,
И такъ одной пера чертою
Земной порядокъ помутилъ.
Итакъ—здѣсь виноватъ не я, а запятая,
И критика твоя косая.—
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ и пр.— [По мнѣнью твоему туманъ].
Прости! но съ критикой твоей я несогласенъ,
И въ этихъ двухъ стихахъ смыслъ, кажется мнѣ, ясенъ!
Зато другіе два, какъ шумный барабанъ,
Разсудку чуждые, лишь только надъ ушами
Господствуютъ: мой *тронъ у палловъ надъ главами*
Разпрянувшись...
Своими страшными кусками
Подобенъ сухарю и такъ же сухъ, какъ онъ.
Словечко *вспыхнуть* мнѣ своею быстротою
Понравилось — вившись, смиряясь предъ тобою,
И робкою пишу рукою:
Вспыхнулъ, развернувшись, какъ пибельный волканъ.
Но чѣмъ же страненъ великанъ,
Съ развалинъ пламенныхъ ужасными очами
Сверкающій на блѣдный свѣтъ?—
Тутъ, право, милый другъ, карикатуры нѣтъ!
Вотъ ты бъ, малютка, былъ карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала съ развалинъ встать
И на вселенну посверкать.
А тѣнь огромная свирѣпаго тирана...
Нѣтъ... Я горой за великана!
Зато, мой другъ,
При стихъ забавныхъ трехъ стихахъ
Предъ критикой твоей бросаю лирой въ прахъ,
И радъ хоть казачка плясать надъ ихъ
Тамъ все...
И вотъ, какъ этотъ вздоръ поправилъ
Фебъ мой хилый:
Тамъ все—и весь, и градъ, и храмъ
взывало: брань!
Все, рабольствуя мечтамъ тирана,
дань
Къ сю ужасному престолу приносило...
Поправка—но вопросъ, удачна ли она?
И мздой свою постель страданье выкупало!
Конечно, здѣсь твой вкусъ надменный испугало
Словечко бѣдное: *постель?* Постель бѣдна
Для пышности стиховъ—не спорю я нимало;
Но если муза скажетъ намъ:
И мздой свой бѣдный одръ страданье выкупало,—
Такой стишокъ ея понравится ль ушамъ?
Какъ быть! но мой припѣвъ: поправь, какъ хочешь, самъ!
И дай вздохнуть моей ты лѣни—
Тѣмъ болѣ, что твои совсѣмъ не кстати пени—
За этотъ добрый стихъ, въ которомъ [смысла] нѣтъ:
И юность ихъ была, какъ на мигнлъ цвѣтъ!
Здѣсь свѣжесть юная и блескъ цвѣточка
Противоположенъ унынію могилы; [милый
На гробѣ расцвѣтя, цвѣтокъ своей красой
Намъ о ничтожности сильнѣй напоминаетъ:
Не украшаетъ онъ, а только обнажаетъ
Предъ нами ужасъ гробовой.
И гроба гость, цвѣтокъ—символъ для насъ унылый,
Что все живетъ здѣсь мигъ, и для одной
И хитростью... [могилы...
Мой другъ, я не коснусь до первыхъ двухъ стиховъ!
Въ нихъ вся политика видна Наполеона!
И всѣмъ извѣстно намъ, что неизбѣжный ковъ
Измѣны, хитрости разставивши близъ трона
Лишь только *добивалъ* его громами онъ.
Не будь Наполеонъ—
Разбитый громами охотно я бъ поставилъ!
Послѣдніе жъ стихи смиренно я поправилъ,
А можетъ-быть, еще поправкой и *добилъ:*
По нимъ свободы врагъ, отважною стопою,
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою!
Что скажешь? угодилъ?— [
А слѣдующій стихъ, на *ратей переходы*
Служащій риѳмою, я такъ перемѣнилъ:

Стѣнящихъ раздробитъ еще престолъ свободы.
Еще тремъ карачунъ; ихъ смуглый мой зоилъ
На смерть приговорилъ: [Воейковъ
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла—
И по слѣдамъ сю на мѣсто: *вслѣдъ всякъ часъ*
Поставить рожица мнѣ смуглая велѣла!
И я исполнилъ сей приказъ!
Ужъ указуешь путь державною рукой—
Приказано писать: *Ужъ отверзаешь путь.*
Передъ тобой весь міръ—писать: *передъ*
Міръ—весь же зачеркнуть... [*тобою*
Еще на многіе стихи онъ покосился,
Да я не согласился.

* * *

Предъ судилище Миноса
Собрался для допроса
Подлѣ стиксовыхъ брегонъ
Души блѣдныя скотонъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, баранъ, индюшка,
Соловей, пѣтухъ съ свиньей —
Стали предъ Миносомъ въ строй.

«Говорите, какъ вы жили?
Много ль въ свѣтѣ вы грѣшили?»
Такъ сказалъ имъ судія.
«Начинай хоть ты, свинья.»

—«Я нисколько не грѣшила;
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ семъ навозъ;
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!»

—«Я, баранъ, жилъ тихомолкомъ,
На бѣду столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ,—
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ.»

—«Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грѣхъ мой, право, не великъ,—
Ободралъ меня мясникъ.»

—«Хоть слыву я попугаемъ,
Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!»

—«Я котомъ служилъ на свѣтѣ,
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ;
Этотъ грѣхъ, по чести, малъ.»

—«Я, пичужка, вѣчно пѣла;
По-еллински Филомела,
А по-русски соловей;
Не грѣшна ни въ чемъ, ей-ей!»

—«Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ;
Пощади меня, Миносъ!»

—«Я пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи,
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку.»

—«Я индюшка хлопотунья,
Пустомеля и крикунья;
У меня махровый носъ;
Не покинь меня, Миносъ!»

—«Воронъ я, вѣщунъ и плакса;
Былъ я черенъ такъ, какъ вакса,
Каркалъ часто на бѣду;
Радъ я каркать и въ аду.»

Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ...
И — ни слова не сказалъ.

ПРОЩАНІЕ.

Воейковъ, этотъ день для сердца незаб- [венный!
Здѣсь возвращеніе мое
Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей семьѣ.
Какъ странникъ, въ кругъ ея случаемъ заведенный,
Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
Потомъ опять идти въ свой одинокій путь
Съ несовершившимся желаньемъ,
И съ темнымъ счастья ожиданьемъ!
Но здѣсь тебѣ твое *не дамъ* рокъ сказалъ...
И Провидѣніе здѣсь всѣмъ, что въ жизни мило,
Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило!
Другъ, благодарственный фіалъ
Незримому, Тому, Кто намъ не измѣняетъ,

Который всюду спутникъ намъ,
Который и самимъ бѣдамъ
Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ!
Ему повѣримъ ихъ! Ему отъ насъ обѣтъ—
Украсить жизнію Его прекрасный свѣтъ!
И быть въ кругу Его прекраснѣйшихъ созданій,
Достойнымъ всѣхъ Его святыхъ благодѣяній!

* * *

Вамъ, милая, нашъ другъ-благотворитель,
Отъ счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый часъ:
Вкушайте счастіе безпечно между насъ!
Покой вашъ нашего спокойствія хранитель!
Съ довѣріемъ подайте руку намъ,
И вѣрнымъ вашихъ чадъ сердцамъ
Себя съ надеждой поручите;
Ихъ на добро благословите,
А общій жребій свой—оставимъ небесамъ!

* * *

Друзья, въ сей день былъ мой возврать!
Но онъ для насъ и день разлуки;
На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки!
Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ!
О, нѣтъ! Не можетъ быть для дружбы разстоянья!
Вдали, какъ и вблизи, я буду вамъ родной,
А благодарныя объ васъ воспоминанья
Возьму на самый край земной!

* * *

Васъ, добрая сестра, на жизнь другъ вѣрный мой,
Всего, что здѣсь *мое*, со мною раздѣлитель!
Васъ братъ вашъ, долбинскій минутный житель,
Благодаритъ растроганной душой
За тѣ немногія мгновенья,
Которыя при васъ, въ тиши уединенья,
Спокойно музамъ онъ и дружбѣ посвятилъ!
Что бъ рокъ ни присудилъ,
Но съ долбинской моей семьею
Разлука самая меня не разлучитъ!
Она лишь дружескій союзъ нашъ утвердитъ!

* * *

Мой ангелъ, Ваничка, съ невинной красою
Съ улыбкой милой на устахъ, [тою,
Съ слезами на глазахъ,
Боясь со мной разлуки,
Ко мнѣ бросающійся въ руки,
И Машенька, и мой угрюмый Пѣтушокъ,
Мои друзья безцѣнны...
Могу ль когда забыть ихъ ласки незабвенны!
О, будь же, долбинскій мой уголокъ,
Спокоенъ, тихъ, хранимъ святыми небесами!
Будь радость ясная вашъ вѣрный семьянинъ.
И чтобъ изъ васъ въ сей жизни ни одинъ
Не познакомился съ бѣдами!
А если ужъ нельзя здѣсь горе не узнать,
Будь неизмѣнная надежда вамъ подруга!
Чтобъ вы при ней могли и горе забывать...
Что бъ ни было, не забывайте друга!..

6 генваря 1815 г.

КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ

Б. В. ПОЛУЕКТОВУ,

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ 1815 г. 17 февраля.

Нашъ кульмскій богатырь, ура! счастливый путь!
Лети съ полками въ поле брани,
Сбирай съ покорной славы дани,
И новые кресты нанизывай на грудь!
Твоя судьба — парить подъ небомъ за орлами,
А наша—за твое здоровье робко пить,
Хвалить исподтишка дѣла твои стихами,
И вслухъ тебя любить!

СТИХИ,

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ.

Какъ радость чистая, сердца влекла она;
Какъ непорочная надежда расцвѣтала!
Была невинность ей въ сопутницы дана
И младость ей свои всѣ блага обѣщала
Но жизнь ея—призракъ! Плѣнилъ насъ исчезн
Лишь плачущимъ о ней гласить ея могил
Что совершенное судьба опредѣлила
Не для земли, а для небесъ.

ФУРМАНУ.

Въ корыстолюбіи себя ты упрекаеш
Но безкорыстія являешь образецъ:

За бѣдные стихи ты щедро предлагаешь
Богатый *дружбы* даръ. Но знай, что твой пѣвецъ,
Тобою прозванный славянскимъ Оссіаномъ,
Любя небесныхъ музъ, не любитъ жить обманомъ:
Онъ дружбу добрую дастъ въ придачу самъ
Тебѣ къ дурнымъ своимъ стихамъ.

Дерптъ. 1815, апрѣля 11.

КЪ Т. Е. БОКУ.

I.

Мой другъ, въ тотъ часъ, когда луна
Взойдетъ надъ русскимъ станомъ,
Съ бутылкой свѣтлаго вина,
Съ заповѣднымъ стаканомъ,
Передъ дружиной у огня
Ты сядь на барабанѣ—
И въ сонмѣ храбрыхъ за меня
Прочти *Пѣвца во станѣ*.
Пѣснь брани вамъ зажжетъ сердца!
И, въ бой летя кровавый,
Про отдаленнаго пѣвца
Вспомянутъ чада славы!

1815, апрѣля 7.

II.

Любезный другъ, гусаръ и Бокъ!
Планетамъ измѣнять нимало намъ не стыдно!
Ихъ путь отъ насъ далекъ;
Къ тому жъ, мой другъ, для звѣздъ небесныхъ не обидно,
Когда забудешь ихъ на часъ для звѣздъ земныхъ!
Для безпредѣльности одной онѣ сіяютъ,
И въ гордости своей совсѣмъ не замѣчаютъ
Сѣтцовъ, которые изъ мрачности земной
Ихъ куртизируютъ подзорною трубой!
Хотя я и не гусаръ, но клясться радъ съ тобой,
Священнымъ именемъ пророка,
Что, встрѣтившись, какъ ты, съ прекрасною четой,
Забылъ бы звѣзды всѣ, Жуковскаго и Бока!
Въ осьмомъ часу тебя готовъ я ждать!
Но завяжи глаза, чтобъ къ намъ дойти вѣрнѣе,
Чтобы опять сирены не видать!
Близъ пропасти слѣпой всегда пройдетъ смѣлѣе.

III.

Мой милый Бокъ!
Не думай, чтобъ я былъ лѣнивый лежебокъ!
Или пренебрегалъ твоимъ кабріолетомъ—
Нѣтъ, нѣтъ! но какъ гусаръ ты поступилъ съ поэтомъ!
[Какъ другъ-гусаръ, прошу меня понять]:
Какъ *другъ*, ты, согласивъ съ своимъ мое
Спѣшишь скорѣй меня обнять, [желанье,
Скорѣе раздѣлить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своимъ присутствіемъ вокругъ насъ разливаетъ—
И дружба этому прямую цѣну знаетъ.
Но, какъ *гусаръ*, ты все смутилъ, душа моя:
Ты хочешь приступомъ взять мирнаго поэта;
Ты силою кабріолета
Затѣялъ, въ мигъ одинъ, весь планъ его взорвать!..
Послушай: снявъ мундиръ, привычку раз-
Оставь съ мундиромъ и усами! [рушать
Капитуляція была ужъ между нами;
Стояло въ ней: *тебѣ отъ друга вѣсти ждать;*
Дождавшись же, за нимъ, въ своемъ кабріолетѣ,
И налицо во весь опоръ скакать.
Но, видно, это все ты предалъ жадной Летѣ,
И въ памяти одну лишь дружбу сохранилъ!
Итакъ, чтобъ памяти ты вновь не утопилъ.
Вотъ для тебя рецептъ отъ сей чумы ужасной,
Вотъ планъ мой *письменный*, по пунктамъ, точный, ясный:
Пунктъ первый: подождать!
Ты знаешь, до Печеръ я ѣду провожать
Своихъ друзей— на то дней семь иль восемь сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчасъ записку къ Боку,
И въ этомъ *пунктѣ второй*—но какъ ее послать?
Не лучше ли тебѣ меня ужъ въ Дерптѣ
Мы *вмѣстѣ* славно прокатимся! [ждать?
Мой планъ не весь! еще есть пунктовъ пять,
Но на словахъ мы лучше объяснимся!
Прости! завидуя моимъ дурнымъ стихамъ,
На мѣстѣ ихъ теперь желалъ бы быть я самъ.

P. S. Когда ты черезъ десять дней,
По *обстоятельствамъ*, за другомъ и поэтомъ,
Не можешь самъ скакать, съ своимъ кабріолетомъ,
То хоть однихъ пришли съ нимъ лошадей.

СТАРЦУ ЭВЕРСУ. *)

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ — на мигъ товарищъ ихъ —
Съ веселыми весельемъ подѣлиться,
И юношей блаженствомъ насладиться..
Но въ семъ кругу меня мой геній ждалъ!
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ...
Благодарю, хранитель-Провидѣнье!
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,
Когда стоялъ ты, старецъ, предо мной
Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ!
О, старецъ мой, въ прекрасныхъ дняхъ твоихъ
Не пропадетъ и сей прекрасный мигъ,
Величіемъ души запечатлѣнный —
Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
Какъ другъ *всего*, и мнѣ ты другомъ былъ;
Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
Нечаянно въ сей жизни повстрѣчавши!
Уже отсель ты въ лучшій смотришь свѣтъ,
И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ!
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
Не съ лучшею, не съ легкою судьбою
(И можетъ-быть, путь долгій предо мною!),
Мысль о тебѣ, о, братъ священный мой,
Какъ Божій даръ, возьму на жизнь съ собой!
Братъ Эверса!.. такъ! я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цѣну знаю!
Въ семъ имени мой долгъ изображенъ!
Не бѣденъ тотъ, кто свойства не лишенъ
Предъ добрыми душою согрѣваться;
Кто мыслію способенъ возвышаться,
Зря благости величественный ликъ.
О! сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала!
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала,
Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ!
«Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному — *текущее мгновенье;*
Грядущее — безпечно небесамъ;
Что мрачно *здѣсь*, то будетъ ясно *тамъ!*
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ!»
Вотъ правила для Эверсова брата.

Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ Божество, насъ солнце покидало;
Свершивъ свой день, прощальный лучъ бросало
Оно съ высотъ на холмъ и долъ и лѣсъ,
И, тихій блескъ оставя на закатѣ,
Отъ насъ къ другимъ скатилось небесамъ...
О! сколько мнѣ красотъ явилось тамъ!
Я вспомянулъ о Небомъ данномъ братѣ;
О *днѣ* его, о ясной тишинѣ
И сладостномъ на *вечерѣ* сіяньѣ;
Я вспомянулъ о нѣжномъ завѣщаньѣ,
Оставленномъ въ названьѣ брата мнѣ —
И мужество мнѣ въ душу пробѣжало!..
Благослови жъ меня, священный другъ!
Что бъ на пути меня ни ожидало,
Отнынѣ мнѣ, какъ благотворный духъ,
Сопутникомъ твое воспоминанье.
Гдѣ бъ ни былъ я, мой старецъ-братъ со мной!
И тихое вечернее сіянье,
Съ моей о немъ бесѣдуя душой —
Таинственный символъ его завѣта —
Учителемъ отнынѣ будетъ мнѣ:
«Свой здѣшній путь окончить въ тишинѣ!»
И вѣстникомъ прекраснѣйшаго свѣта.

* * *

Здравствуй, новый гость земной!
Къ счастью въ міръ тебя встрѣчаемъ!
И въ восторгѣ надъ тобой
Небеса благословляемъ!

За минуту все въ слезахъ:
Мать растерзана страданьемъ!
Близъ нее безмолвный страхъ
Съ безнадежнымъ ожиданьемъ!

Вдругъ все тихо — все для насъ

*) «Писано послѣ праздника, даннаго студентами Дерптскаго университета».

Полно жизни и надежды;
Твой раздался первый гласъ;
И твои раскрылись вѣжды!..

Тамъ грядетъ съ востока къ намъ
Утро, гость небесъ прекрасный,
И спокойнымъ небесамъ
День пророчествуетъ ясный!

Ободримся! въ добрый часъ,
Новый жизни посѣтитель!
Небеса его—для насъ!
А надъ нами нашъ хранитель!

26 іюня 1815.

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ.

Благодарю, мой другъ, тебя за доставленье
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ!
На Волгѣ встрѣтилось съ тобою вдохновенье!
Ты, съ крутизны ея лѣсистыхъ береговъ
Смотря на пышныя окрестностей картины,
Съ природы списокъ намъ похожій написалъ.
И я тебѣ вослѣдъ мечтою пробѣгалъ
Прибрежныхъ скалъ вершины;
Смотрѣлъ, какъ быстрые крылатые струга,
Сокровищъ земледѣлья полны,
Рулями острыми разрѣзывали волны;
Какъ села между рощъ пестрили берега;
Какъ дымъ ихъ, тонкими подъемляся столбами,
Взвивался и бѣлѣлъ на синевѣ лѣсовъ
И медленно всходя, сливался съ облаками—
Вотъ что, по милости твоихъ, мой другъ, стиховъ,
Какъ на яву, я видѣлъ предъ собою.
Прочелъ я ихъ одинъ, потомъ прочли со мною
Тургеневъ съ Гнѣдичемъ, и Блудовъ, и Дашковъ.
Потомъ и критику-богиню пригласили
Ихъ съ хладнокровіемъ, ей сроднымъ, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои хвалили,
Тебѣ же по хвалѣ осталось поправлять!
Вотъ общій приговоръ богини безпристрастной:
«Вашъ Вяземскій прямой поэтъ! [ной:
«Онъ ищетъ простоты, но простоты прекрасной;
«И вялости въ его стихахъ признака нѣтъ.
«Даръ живописи онъ имѣетъ превосходный!
«Природу наблюдать его умѣетъ взоръ!
«Презрѣвши вымысловъ блистательный уборъ,
«Онъ въ скромной простотѣ, красамъ природы сродной,
«Живописуетъ намъ природы красоты!
«Онъ въ ней самой беретъ тѣ сильныя черты,
«Изъ коихъ создаетъ ея изображенья».
Такой былъ общій приговоръ!
Потомъ перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,
И вышелъ строгій переборъ!
Послушай и поправь, когда тебѣ угодно!
Благоухаетъ древъ
Трепещущая сынь. Богиня утверждаетъ
[Я повторяю то, поэту не во гнѣвъ],
Что худо дѣлаетъ, когда *благоухаетъ*
Твоя трепещущая *сынь!*
Переступившее жъ послѣднюю ступень
На небѣ пламенномъ вечернее свѣтило—
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ се переступило,
Да жаль, что въ точности пособилось на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойти,
Чтобъ съ нихъ по правиламъ грамматики спуститься,
Чтобъ было ясно все на небѣ и въ стихахъ?
И скатерть синихъ водъ сравнялась въ берегахъ:
Равняться въ берегахъ *твоихъ* ей не годится.
Когда въ *моихъ* она сравнялася давно
Не синей скатертью, а попросту рѣкою.
Мой стихъ передъ тобою,
Но красть у бѣдняка богатому грѣшно!
О семъ стихѣ, гдѣ живописи много:
Кто въ облачной дали конецъ тебѣ
Богиня говоритъ, [*прозритъ?*
И справедливо, хоть и строго:
Прозрѣть, предвидѣть—все равно!
Прозрѣть намъ можно то одно,
Что не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
Итакъ, сіе словцо не можетъ пригодиться
Къ *концу рѣки!* Онъ *есть* давно, хотя и скрытъ.
Ты вмѣсто вялаго словечка *различитъ*,

Великолѣпное *прозритъ* вклеилъ не къ мѣсту,
И безобразную съ нимъ сочеталъ невѣсту:
И неподвижный взоръ окованный стоитъ!
Какъ хочешь стой, но онъ въ жестокомъ положеньѣ!
Изъ одинакихъ весь сей стихъ лоскутьевъ сшитъ:
Стоитъ, оковы, недвиженье —
Одно! Такой халатъ читателя смѣшитъ!
Огромныя суда въ медлительномъ пареньѣ:
Запрещено, мой другъ — и нечѣмъ пособить! —
Указомъ критики *судамъ* твоимъ *парить*:
Имъ предоставлено смиренное *теченье*;
А странное: *столбы на нихъ* —
Простымъ словцомъ: *и мачты ихъ*
Сама своей рукой богиня замѣнила!
Но тѣ твои стихи она лишь похерила,
Въ которыхъ ты, *внимая гласу волнъ*,
Намъ говоришь: *люблю гнать рѣзво чолнъ*
По ропотнымъ твоимъ *зыбямъ* и *сердцемъ веселъ*,
Подъ шумомъ дружныхъ вёселъ
И прочее: *зво... чолнъ* — ей непріятный звукъ.
А *вёселъ* риѳма ли на *веселъ*, милый другъ?
Жаль! Вѣдь послѣдній стихъ разительно прекрасенъ!
Воображенію онъ сильно говоритъ;
Но риѳма вздорная косится и брюзжитъ!
Какъ быть? Она деспотъ, и гнѣвъ ея ужасенъ!
Нельзя ли риѳму намъ другую пріискать,
Не опасаяся, чтобъ вздорщицу смутили,
И также, чтобы насъ *воздушныя мечты*,
А не тяжелыя *златыя веселили*?..
Но наше дѣло — *херъ!* Поправки дѣлай ты.
Покаты горъ крутыхъ! — не лучше ли *пещеры?*
Воспрянувшихъ дубравъ! — *развѣсистыхъ дубравъ*,
Или *проснувшихся!* Слова такой же мѣры,
А лучше! Въ этомъ вкусъ богини нашей правъ!
Воспрянувшихъ, мой другъ, понятно,
Все прочее прекрасно! [да не ясно.
Но я бъ весьма желалъ, чтобъ *своды гласъ забавъ*
Не галлицизмами окрестности *ввѣряли*,
А русскимъ языкомъ *волнамъ передавали*.
Младое пѣнье ихъ — прекрасная черта!
Ихъ слава ясная, какъ водъ твоихъ зерцало!
Стихъ сильный, а нельзя не похерить начало!
Поставь, прошу тебя: *и слава ихъ чиста*,
Чтобъ слѣдующимъ тремъ былъ способъ пріютиться.
О двухъ другихъ стихахъ — прекрасныхъ, слова нѣтъ —
Ни я, ни критика не знаемъ, какъ рѣшиться:
Въ нихъ тьма, но въ этой тьмѣ скрывается поэтъ!
Гремящихъ бурь боецъ, онъ ярости упорной
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной!
Боецъ не то совсѣмъ, что ты хотѣлъ сказать.
Твой *геній, бурь боецъ* есть просто *бурь служитель*,
Наемный ихъ боецъ; а мнѣ бъ хотѣлось знать,
Что онъ ихъ *побѣдитель*!
Нельзя ли этотъ стихъ хоть такъ перемарать:
Презритель шумныхъ бурь, онъ злобѣ ихъ упорной
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной?
Презритель — новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я самъ принять рѣшусь!
Твоей, мой другъ, *Ѳетидѣ*...
Я радъ бы изъ стиховъ дорогу указать.
Въ пучину *Каспія* приличнѣй бы сказать.
Сравненіе полнѣй, и Каспій не въ обидѣ!
А *бѣгъ віющійся ручья* —
Неловко, власть твоя;
Я бъ смѣло написалъ: *журчащаго въ дубравѣ*.
Спроси о томъ хоть музу ты свою,
Віющійся идетъ не къ *бѣгу*, а къ *ручью*.
Вотъ все!.. Согласенъ будь иль нѣтъ, ты въ полномъ правѣ!

Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ.

Друзья, стаканъ къ стакану!
Парнаса капитану
Я, рядовой поэтъ,
Желаю многихъ лѣтъ!
Безсмертье ужъ имѣетъ
За пѣсни онъ давно,
И, въ свой чередъ, оно
За жизнію поспѣетъ!
Но въ свѣтѣ будетъ онъ
Жить долго намъ на радость!
Ему Анакреонъ
Души веселой младость
Съ струнами завѣщалъ!
Хоть Кронъ и насчиталъ
Ему съ тремя годами
Ужъ полныхъ шестьдесятъ!
Но все подъ сѣдинами
Глаза его блестятъ!
И въ сердце молодое
Хладъ жизни не проникъ:
Младой съ нимъ молодъ вдвое!
Старикъ съ нимъ не старикъ!
Для бога Аполлона
Стократъ Анакреона
Милѣй быть долженъ онъ!
И чѣмъ Анакреонъ
Извѣстенъ? Лишь стихами.
Онъ сладко ѣлъ и пилъ
И звонкими струнами
Въ хмелю сквозь сонъ хвалилъ
Вино, Киприду, радость
И быстротечну младость!
Но такъ ли добръ онъ былъ,
Какъ нашъ поэтъ безцѣнный?
Не вѣрится! Плѣненный
Той милой простотой,
Той нѣжностью родного,
Съ какой пѣвца младого,
Меня, сравнявъ съ собой!
Забывши санъ и лѣта,
Онъ былъ товарищъ мой
При входѣ скользкомъ свѣта:
За добраго поэта
Я душу радъ отдать!
Теперь же хоть сказать
Въ задатокъ: многи лѣта!

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

(изъ шиллера.)

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О, другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?..
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья
И знаю *здѣсь*, сколь *ваша* прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на *землѣ* великое не тщетно;
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ;
О, милый, *здѣсь* не будетъ безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши *одинъ* начатое *вдвоемъ*.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

ПѢСНЯ.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
Прошлою весною
Здѣсь поплъ ее потокъ
Свѣжею струею?..
Нѣтъ ея; весна прошла,
И фіалка отцвѣла.

Розы были тамъ въ сѣни
Рощицы тѣнистой;

Оживляли долъ они
Красотой душистой...
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривой
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой...
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Истощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ...
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь нерѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался...
Нѣтъ его; пѣвецъ увялъ;
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ

ПѢСНЯ.

Птичкой пѣвицею
Быть бы хотѣлъ:
Съ юной денницею
Я бъ прилетѣлъ
Первый къ твоимъ дверямъ;
Въ нихъ бы порхнулъ,
И къ молодымъ грудямъ
Милой прильнулъ.

Будь я сіяніемъ
Дневныхъ лучей,
Слитый съ пыланіемъ
Яркихъ очей,
Щеки бъ румяныя
Жарко лобзалъ,
Въ перси бы рдяныя
Вкравшись, пылалъ.

Если бъ я сладостнымъ
Былъ вѣтеркомъ,
Вѣяньемъ радостнымъ
Тайно кругомъ
Милой леталъ бы я;
Съ долинъ, съ луговъ
Къ ней привѣвалъ бы я
Запахъ цвѣтовъ.

Сталъ бы я, сталъ бы я
Эхомъ лѣсовъ;
Все повторялъ бы я
Милой: *любовь*...
Ахъ! но напрасное
Я загадалъ;
Тайное, страстное
Кто выражалъ?

Птичка, небесный цвѣтъ,
Бѣгъ вѣтерка,
Эха лѣсной привѣтъ
Издалека
Быстры, но ясное
Намъ безъ рѣчей,
Тайное, страстное
Все ихъ быстрѣй.

ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ
отъ его воиновъ.

Гряди, нашъ *царь*, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь цар

Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань—
Рѣшившему святую брань.

Нашъ *царь*, въ отчизну съ поля чес
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и ца

Младый наслѣдникъ полвселенны—
Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
Нашъ *царь* ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь ты былъ предтечей нам
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи жъ, о вождь, гдѣ измѣнилас

Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась—
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ *царя*, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.

Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окованна молчитъ.

Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ,
И сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И, казни вѣстникъ, грозный страхъ,
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ *царь*, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ *царь*, нашъ славный вождь царей.

СЛАВЯНКА.

ЭЛЕГІЯ.

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда, въ осенній день, въ твои глядятся
Холмы, одѣтые послѣднею красой [воды
Полуотцвѣтшія природы!

Спѣшу къ твоимъ брегамъ... сводъ неба тихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина!

То вдругъ, сквозь чащу древъ, мелькаетъ предо мной,
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

То вдругъ исчезло все... окрестъ сгустился лѣсъ;
Все дико вкругъ меня, и сумракъ и молчанье;
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Верхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуновеньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ...

И вдругъ пустынный храмъ въ дичи передо мной;
Заглохшая трона; кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ лишъ чернѣетъ дубъ густой
И дремлютъ ели гробовыя.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ!
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой главою,
Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Съ неизмѣняющей мечтою!

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ;
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно минувшаго внимаетъ.

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь блага нашихъ дней,
Сколь всѣ величія мгновенны!

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы:
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы...

О! сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для упывающей души краснорѣчивы:

Тоскуя ль полетитъ она за край земной—
Тамъ всѣ утраченные живы!

Къ землѣ ль наклонитъ взоръ—великій
рядъ чудесъ:
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ
славнымъ;
И міръ, воскресшувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ!..

По вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый
лѣсъ;
Опять рѣка вдали мелькаетъ средь долины,
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней ла-
зурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей оза-
Спокойное село надъ ясною рѣкой, [ренна;
Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ
цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ
бѣгущихъ;
Тамъ медленно, скрипя, тащится рядъ во-
зовъ,
Тяжелый грузъ сноповъ везущихъ.

Но солнце катится безпокойное съ небесъ;
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ;
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ темнѣетъ
надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами;
То нива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвями,

Сѣдинстую главу купаетъ въ ихъ струяхъ.
Здѣсь храмъ между березъ и яворовъ мель-
каетъ;
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка!
Сколь здѣсь ея береговъ плѣнительна картина!
Въ лазоревый кристаллъ сліясь вкругъ чел-
Яснѣетъ водъ ея равнина. [нока,

Но гаснетъ день... Въ тѣни склонился лѣсъ
къ водамъ;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряною полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ
облитъ,
И пышный домъ царей на скатѣ озлащен-
номъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ,
Въ величіи уединенномъ. [блеститъ

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой;
И рощи и брега, смѣшавшись, побѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарей,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина!
Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой тьмѣ
промчится
Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ... Окрестность вся мол-
читъ...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный
кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ
слышитъ:
Какъ бы эоирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышетъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою!

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лицо, и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.

ютрю... и, мнится, все, что было жертвой
лѣтъ,
нять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней
нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ!

гдѣ онъ?.. Скрылось все!.. лишь только въ
тишинѣ
акъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
акъ будто геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье.

кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ вослѣдъ!
кажи: безсмертный ли предѣловъ сихъ храни-
тель,
ль гость минутный ихъ? Скажи: земной ли
свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?..

ангелъ отъ земли въ сіяньѣ предо мной
летаетъ! на лицѣ величіе смиренья;
зоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ!
Младая жизнь въ слезахъ простерта предъ
тобою...
Но гдѣ я?..Все вокругъ молчитъ... призракъ
исчезъ,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобра-
тился;
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся!

СТАНСЫ.

Можно ль въ жизни молодой
Средце мучить лживой тѣнью?
Нѣтъ, считай мечту мечтой,
Остальное жъ—Провидѣнью!

Въ бурю въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною!

Буря вкругъ него кипѣла —
Челнъ ужасно колыхался-
Безъ заботно онъ сидѣлъ
И весломъ своимъ игрался.

Волны брызжутъ на челнокъ—
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у береговъ
Объ утесы, развалился,
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Челнъ забытъ!... А гибель страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ!
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ!

Вотъ примѣръ! Безъ страха въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ!
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье!

Здѣсь стезя твоя вѣрна!
Менѣй, чѣмъ другимъ, опасна!
Жизнь красой души красна—
А твоя душа прекрасна!

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ,

въ отвѣтъ на лестную отъ нея похвалу.

Хваля стихи пѣвца, ты насъ сама плѣ-
няешь
Гармоніей стиховъ;
И, славя скудный даръ его, лишь убѣ-
ждаешь,
Что твой, а не его родной языкъ боговъ.

ИРИНѢ ДМИТРІЕВНѢ ПОЛТОРАЦКОЙ.

(при посылкѣ стихотвореній въ первомъ изданіи 1815 г.).

Пѣвцомъ невинности, любви и красоты
Назвалъ меня поэтъ, къ стихамъ моимъ
пристрастной.
Когда бъ владѣлъ его я лирой сладкогласной,
Когда бъ моихъ стиховъ была предметомъ
ты—
Я пѣлъ бы, все забывъ, однимъ собой
счастливой,
И былъ бы нареченъ отъ славы справед-
ливой:
Пѣвцомъ невинности любви и красоты.

1814—1816.

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Пѣвецъ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды!
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый!
Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

Народъ.

Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья!

Пѣвецъ.

О, Кремль отеческій! твой прахъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой!
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
«Не будь Кремля!» изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ царей,
Убійцей осквернённый.

Но ты, царя вѣнчавшій храмъ!..
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей!..
О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Народъ.

О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Пѣвецъ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани!
Онъ здѣсь, въ Кремлѣ, себя явилъ
Ужаснымъ богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести!

И славою ему вослѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
И гимнъ его свободы!..
Греми жъ торжественно въ Кремлѣ
Днесь: «Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!»

Народъ.

Греми торжественно въ Кремлѣ
Днесь: «Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!»

Пѣвецъ.

Тебѣ Россію, царь земли!
Народъ твой уповаетъ!
Прими ее и повели,
Да славой процвѣтаетъ!
Да сила, иноземнымъ страхъ,
Брежетъ ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ миръ веселый;
Да нравовъ древнихъ чистотой
Союзъ семей хранится;
Да въ нихъ съ невинной простотой
Свѣтъ знаній водворится!

О! повели, чтобъ нашъ орелъ,
Вселенной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ;

ъ брани вражьи тучи,
ынѣ, грудью пробивалъ,
юдъ небесны своды
, при кликахъ возлеталъ
сенья и свободы!
да восшумятъ моря
ъ русскими рулями,
ва русскаго царя
царствуй надъ водами!.

да помнитъ славянинъ,
онъ наслѣдникъ славы,
нъ великихъ предковъ сынъ,
орыхъ мечъ кровавый
вле былъ противнымъ страхъ!..
зья! отцы предъ нами!
хъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
ъ тѣми жъ небесами,
ада славы расцвѣли;
дъ нами та жъ дорога,
ей дѣды протекли
Русь, царя и Бога!..
сь! да нашъ языкъ прильнетъ
охнувшій къ гортани!
ѣпость древняя спадетъ
увядшей нашей длани,
престанешь ты для насъ—
въ часъ борьбы кровавой,
ощь, и въ день, и къ смертный часъ—
ть радостью и славой!...
, Всевышній, нашъ обѣтъ
ими въ Твою десную,
ней благодати свѣтъ
олей на Русь святую!

Народъ.

и, Всевышній, нашъ обѣтъ,
ими въ Твою десную!
ней благодати свѣтъ
олей на Русь святую!

Пѣвецъ.

и царя! царю пошли
ое благословенье!
всѣ радости земли!
ѣ жъ благодаренье
арственную высоту
о души благія;
истой славы красоту,
какой имъ днесь Россія;
За первенство среди царей,
Отъятое не бранью,
Но искупленіемъ людей
И миротворной дланью;

За твердое презрѣнье бѣдъ;
За благость въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
И вѣрность царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ явить
Онъ доблесть славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
Какъ друга, властелина —
О, всемогущій Царь земли,
Тебѣ благодаренье!
Храни его, ему пошли
Твое благословенье!

Храни его! то общій кликъ
Съ Кремлевскія вершины!..
И угасающій старикъ,
Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ;
И брани сынъ ретивый,
Привыкшій, къ трепету врагамъ,
Знамена горделивы,
Царемъ ведомый, воздвизать;
И юноша цвѣтущій,
Минуты славой заблистать
Въ волненьѣ сердца ждущій;

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы;
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
Алкающій свободы
Воспламенить во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный—
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
Къ Тебѣ, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою!

Народъ.

Твою щедроту посели
Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою!

Пѣвецъ.

Тебѣ спасительную рать!

Тебѣ вождей спасенья!
На нихъ да снидетъ благодать!
На нихъ благословенья
Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣнъ!
Ихъ груди, какъ твердыни,
Отъ насъ отбили срамъ и плѣнъ,
И бѣшенство гордыни!
Москва! они твоимъ стѣнамъ
Рекли: «одѣньтесь въ пламень!
Взлетите гибелью врагамъ!
Будь ратникъ—каждый камень!»

И мщенье—грозный ихъ обѣтъ!
Ему не измѣнили!
Твоей дружиной, царь побѣдъ,
Они себя явили!
Безтрепетны сквозь зной и хладъ,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильныхъ рядъ,
Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
И брань самой природѣ,
Кровавый протоптали путь
И чести и свободѣ!

Вездѣ, во славу Бога силъ,
Воздвиглись ихъ знамена;
Орелъ свободныхъ—раздробилъ
Орла рабовъ, и Сена,
Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
Помчала обновленье—
И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье!
И се! на родину стеклись!
Въ ножнахъ ужъ мечъ кровавый!..
О, Кремль священный, оживись!
Яви имъ пепелъ славы!

Стекитесь, чада и отцы,
Младыя дѣвы, жены,
На ихъ главы надѣть вѣнцы,
Ихъ увѣнчать знамены,
Съ рамень могучихъ снять щиты,
Принять изъ рукъ ихъ громы,
Узрѣть возлюбленны черты,
Услышать гласъ знакомый!
Се на Кремлевской высотѣ,
Еще подъ прахомъ брани,
Стоятъ въ смиренной красотѣ,
И къ вамъ простерли длани...

Благославляемъ вашъ возвратъ
Въ отчизну съ поля чести!
Святое титло вѣрныхъ чадъ
Цѣной кровавой мести,
Цѣною ранъ купили вы!..
Здѣсь, на скалѣ пожарной,
На ваши бодрыя главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладетъ
Печать любви и славы,
И слезы исцѣленья льетъ
На раны ихъ кровавы!..

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щ
Склони, о, Вседержитель!
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель!

Народъ.

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щи
Склони, о, Вседержитель!
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель!

Пѣвецъ.

Простри, Всевышній, длань Твою
На бранныхъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ!
Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
Гдѣ миръ Твой обитаетъ,
Да Твой незаходимый день
Имъ радостью сіяетъ;
Да тамъ для нихъ о жизни сей
Живетъ воспоминанье;
Да будутъ родины своей
И щитъ и упованье!

Друзья! съ молитвою о немъ,
О старцѣ, о великомъ!...
О, нашъ герой! когда съ мечомъ,
Съ покойнымъ свѣтлымъ ликомъ,
Во храмѣ, объ руку царя,
Младый подъ сѣдинами,
Передъ святыней алтаря,
Внимаемъ небесами,
Обѣтъ спасенья ты изрекъ,
Мы мнили, ослѣпленны—
Забывъ, что вождь нашъ человѣкъ—
Что дни твои летлѣнны!..

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?
Мы гимнъ поемъ спасенья:

Почто жъ спасителя здѣсь нѣтъ?
На праздникъ Провидѣнья
Мы нынѣ въ Кремль свой притекли...
А нашъ герой не съ нами!
Здѣсь громы вражески въ пыли
Безмолвными рядами;
Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы;
Здѣсь наша слава!.. гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?...

Друзья! сей день да освятитъ
О немъ воспоминанье;
Да къ тѣни бранной долетитъ
Отечества призванье!
На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука судьбины,
При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины!
На немъ простертъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарной
И, угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной...

Почій же въ славѣ, нашъ герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечомъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего, сѣдитъ!
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый!
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь, сквозь самый бѣдствій мракъ,
Сіястъ во спасенье!

И вы, которыхъ бурный бой
Похитилъ средь полета,
Вы, быстро за рубежъ земной
Утекшіе изъ свѣта,
Друзья! благословенье вамъ!
Вы пали за отчизну!
Здѣсь, прискорбная, сынамъ
Она свершаетъ тризну!
Кремль ея преобращенъ
Въ алтарь благодаренья!
За немъ былъ первый воспаленъ
Свѣтильникъ Провидѣнья!

Вы, въ память чадамъ позднихъ лѣтъ,
Своимъ геройскимъ прахомъ
Спасенный одарили свѣтъ!
И врагъ свободы съ страхомъ
Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
Гдѣ пепелъ вашъ хранится,
Какъ отъ карающихъ боговъ,
Смятенный, отстранится!
Они народамъ будутъ вѣсть,
Сколь шатки зданья силы—
Вы проповѣдовать имъ: *честь*!
Оставили могилы.

Здѣсь все въ воспоминанье вамъ!
Сей пиръ Кремля священный;
Сей гимнами гремящій храмъ;
Сей градъ, за честь сожженный;
И сей народъ, толпа семей,
Ликующихъ въ покоѣ—
Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
Наслѣдіе святое!..
Простри жъ, Всевышній, длань Твою
На бранныхъ спомъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ!

Народъ.

Простри, Всевышній, длань Твою
На бранныхъ спомъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ.

Пѣвецъ.

Тебѣ Россіи вѣрныхъ чадъ,
Подпоръ могучихъ трону!..
О! какъ ихъ двинулъ царскій взглядъ
Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню домы, поля!
Перупамъ грудь и длани!
И грозно Русская земля
Встаетъ гигантомъ брани!
Гремитъ ея призывный щитъ...
И, гнѣвомъ мести рдѣя,
Войной Иртышъ и Донъ шумитъ,
Войной—скалы Рифея!

Калмыкъ, башкиръ, черкесъ и финнъ
Къ знаменамъ побѣжали,
И всѣ оградой изъ дружинъ
Кругомъ престола стали!..
Гдѣ жъ врагъ?... о, Русская земля!
Готовь твой пиръ священный!
И се! на высотѣ Кремля

И селянинъ смиренный,
И вѣрный славныхъ предковъ сынъ,
И алтаря служитель,
Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ,
Потомки знаменитыхъ!
Близъ ихъ изрубленныхъ щитовъ,
Близъ ихъ кольчугъ разбитыхъ,
Свои кольчуги и щиты
Повѣсьте въ отчемъ домѣ;
На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты,
Для чадъ, при бранномъ громѣ,
Мечомъ кровавымъ врѣзалъ врагъ!
Пускай на ихъ обломкахъ
Хранится повѣсть объ отцахъ
Великая въ потомкахъ!

Вамъ подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ!
Да сладкій миръ не измѣнитъ
Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ!
Да вкругъ васъ тишина цвѣтетъ,
Устройство и свобода;
Да вамъ покорная дастъ
Сторичну дань природа!
Къ зерцалу—совѣсть и законъ;
Въ семействѣ—чисты нравы;
Безъ рабства вѣрность—передъ тронъ;
Предъ Бога—души правы!

Ты жъ, чудо вѣрности, народъ!
Покорностью могущій,
Цвѣти! да заградится входъ
Въ твои смиренны кущи
Судьбы посланницамъ-бѣдамъ;
Да плугъ трудолюбивый
Даруетъ жизнь твоимъ полямъ!
Умѣреннымъ счастливый,
Чуждъ развратительныхъ сустъ,
Презрѣвъ роскошныхъ пѣгу,
Теки безпечно черезъ свѣтъ
Къ счастливѣйшему брегу!

А ты ихъ, Вышній, осѣни
Отеческой рукою!
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою!

Народъ.

Дѣтей, Всевышній, осѣни
Отеческой рукою!
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ тобою!

Пѣвецъ.

Тебѣ народовъ и царей!..
Да знаетъ всякъ властитель,
Что онъ лишь мудрости Твоей
Безвластный совершитель!..
Вы, неподвижные въ пыли,
Невольники могилы,
Цари—смутители земли!
Цари—земли свѣтилы!
Призраки! встаньте изъ гробовъ
На голосъ, къ вамъ зовущій!
Кто были вы: друзья боговъ?
Иль боги всемогущи?

О, нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ Провидѣнья!..
Внимай! внимай! летитъ Оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы!
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила? чья упорность?
Летитъ!.. а намъ Его урокъ:
«Умѣренность, покорность!»

О! совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари! въ одинъ отцовъ совѣтъ!
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Ц
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь,—повиновенье!

Утихни, ярый духъ войны!
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель!
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога.

Будь, вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты въ нерукотворный храмъ
Свѣти, звѣзда востока!

Пѣвецъ и народъ.

Свѣти, свѣти, звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсъ,
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ!
Рука съ рукой! вождю вослѣдъ!
Въ одну, друзья, дорогу!
И съ нами въ братскомъ хорѣ, свѣтъ,
Пой: слава въ вышнихъ Богу!

1816.

СОНЪ.

(изъ уланда).

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
Вблизи большой дороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся, наконецъ,
И смутно озирался:
Дорогой шелъ младой пѣвецъ
И съ пѣньемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ—
Но струны все звенѣли.
Ахъ! не онѣ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

(изъ уланда).

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе—спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ...
Моя жъ дорога мимо нихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши,
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О, щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабыть;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньѣ каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

(изъ уланда).

Дорогой шла дѣвица;
Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица;
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста—
И снова расцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ *кельѣ*;
Въ *тюрьмѣ* проснулся онъ.

МЩЕНІЕ.

БАЛЛАДА.

(изъ уланда).

Измѣной слуга паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

ГАРАЛЬДЪ.

БАЛЛАДА.

(ИЗЪ УЛАНДА).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины,
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То Феи... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ истлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ:
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

ТРИ ПѢСНИ.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Споетъ ли мнѣ пѣснію веселую сі
Спросилъ, озираясь, могучій Осва
И скальдъ выступаетъ на царскую
Подъ мышкою арфа, на поясѣ ме

«Три пѣсни я знаю: въ одной ст
«Тобою, могучій, забыта она;
«Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сл
«Та пѣсня: *отца моего ты уби*

«Есть пѣсня другая: ужасна она;
«И мною подъ бурей ночной слоя
«Пою ее ранней и поздней порой
«И пѣсня та: *бойся, убійца, со* .

Онъ въ сторону арфу, и мечъ на
И бѣшенство грозныя лица зажгл
Запрыгали искры по звонкимъ ме
И рухнулъ Освальдъ—голова поп

«Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня
«Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ
«Гремѣть не устану предъ дѣвой
«Та пѣсня: *убійца поверженъ въ*

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой

Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О, милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу ль тому, что было: *будь?*
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится;
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть *одинъ* жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

[изъ гевеля].

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавомъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь, васъ помилуй.
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну: безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ.
Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уполозъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Ростся вглубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же?.. Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... «Какъ бы провѣдать,
«Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?»...
Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь—Господь-Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
Пьетъ онъ... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Течетъ облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманять.
«Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.»
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь, васъ помилуй.
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Спѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.

Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ! какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?
«Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
«Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко? дома
«Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.»
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой...»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало-по-малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница и просо;
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налился и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьѣ головкой: я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: *многія лѣта*;
Въ сумерки жъ, только-что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь, васъ помилуй.
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно;
«Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
«Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили

Съ трёхъ часовъ по-утру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть; и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо.

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛЪ.

СКАЗКА.

(ИЗЪ ГЕБЕЛЯ).

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ нему подлетѣла
Съ видомъ умильнымъ Луиза. Дѣдушка, сядь къ намъ, голубчикъ;
Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда сестра Маргареta
Чуть не заснула. Вотъ Маргареta, Луиза и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и примолкли;
Фрицъ, наколовши лучины, придвинулъ къ подсвѣчнику лавку,
Сѣлъ и сказалъ: мнѣ смотрѣть за огнемъ; а Энни, на печкѣ
Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ: здѣсь мнѣ слышнѣе.
Вотъ, табаку накрошивши, дѣдушка вычистилъ трубку,
Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осторожно приставилъ
Трубку къ горящей лучинѣ, раза два пыхнулъ—струею
Легкій дымокъ побѣжалъ; онъ, пальцемъ огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ: послушайте, дѣти,
Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ—дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не докончу; а ты на печуркѣ
Полно валяться, лѣнивецъ; опять, какъ въ норѣ, закопался;
Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про *красный карбункулъ*.
Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не пашутъ, не сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивой заглохло;
Тамъ дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія пташки;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ, и уменъ, и проворенъ; но рано
Сталъ онъ трактиры любить; не псалтирь, не молитвенникъ—карты
Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда христіане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ страшно, что вѣдьма,
Сидя въ трубѣ, творила молитву, и звѣзды дрожали.
Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зеленомъ кафтанѣ,
Молча, смотрѣлъ на игру ихъ и слушалъ, съ какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывалъ бѣшеный Вальтеръ.
—Ты не уйдешь отъ меня!—проворчалъ, покосившись, Зеленый.
«Вѣрно рекрутскій наборщикъ?» шепнула хозяйка, подслушавъ.
Нѣтъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ, узнаете сами,
Только-что женится Вальтеръ и все промытаритъ на картахъ.—
Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласилась
Мина за Вальтера выйти; да! изъ любви... но къ нему ли?...
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери—имъ въ угожденье.
Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина съ печалью заснула;
Вотъ, ей страшный, пророческій сонъ къ полуночи приснился;
Видитъ, будто куда-то одна идетъ по дорогѣ;
Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и читаетъ молитву.

«Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ; я невѣста.
Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной непремѣнно сбыться.»
Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ мошонки
Горсть образочковъ досталъ онъ.—Сама выбирай—говоритъ ей.
Вотъ она вынула... что жъ ей, подумайте вынулось? Карта.
— Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо: вѣдь *красный карбункулъ*
Значитъ опъ... доля недобрая.—«Правда.» Мина сказала.
— Мой совѣтъ, говоритъ ей чернецъ, попытаться въ другой разъ.
Что? Семерка крестовая?—«Правда», сказала, вздохнувши,
Мина.– Господь защити и помилуй тебя! Вынь, дружочекъ,
Въ третій разъ; можетъ-быть, лучше удастся. Что тамъ? Червонный
Тузъ?.. Кровавое сердце.—«Ахъ, правда!» Мина сказала,
Карту изъ рукъ уронивши.—Послушай, отвѣдай еще разъ.
Что? Не тузъ ли винновый?—«Смотри, я не знаю.»—Онъ, точно!
Ахъ! невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;
Горе, горе! молися, дружокъ: онъ тебя закопаетъ.—
Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы приснилося Минѣ.
Что жъ, помогло предвѣщанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: «какъ Богу угодно!
Семь крестовъ, да кровавое сердце; а послѣ... что жъ послѣ?
Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ».
Дѣти, сначала было ей сносно: хоть Вальтеръ и часто
Пилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
Но случалось, что, тронутый горемъ ея и слезами,
Онъ утихалъ—и вотъ что однажд
залъ онъ ей: «с
Я отъ игры откажусь и карты
тыя
Душу возьми Сатана, какъ скор
пальцемъ ихъ
Но отстать отъ вина—и во снѣ
си; не о
Плачь и крушися, какъ хочешь;
горя умри; не помо
Ахъ! друзья, не сдержалъ одного,
жалъ онъ
Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ;
ный ужъ тамъ, и
Карты, сидя за столомъ самъ-тр
Вальтера к
«Вальтеръ, со мной пополамъ; сади
граемъ и
— Я не играю, Вальтеръ сказал
ва на
Полную кружку. —«Вздоръ!—воз
сдавая, Зеле
Мы играемъ не въ деньги, а даро
дись, не упр
— Что же? (думаетъ самъ въ себ
теръ) если не въ
То и игра не въ игру... и сади
домъ съ Зел
Вотъ бѣлокуренькій мальчикъ к
подошелъ и ст
Вальтеръ (кличетъ онъ), *Вальте*
слушай, выдь на с
Вальтеръ ни съ мѣста. Послѣ прид
ворите онъ.—Что коз
Взятку беретъ онъ за взяткой. «Ты
ливъ, замѣтилъ З
Дай, сыграемъ на крейцеръ; без
Задумался Ва
— Въ деньги иль даромъ... игра все
Согласенъ!—сказалъ
Вальтеръ (кличетъ мальчикъ о
пуще сту
Выдь на минуту; словечко, не б
Отстань же. не
Козырь!.. тузъ бубновый!.. семерка
вая!.. коз
Крейцеръ, да крейцеръ, а тамъ,
дишь, вынимай и д

Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: «Со мною
нѣтъ денегъ.
Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми:
онъ стоитъ дороже;
Камень рѣдкій, карбункулъ; въ немъ же
есть тайная сила.»
Въ третій разъ кличутъ въ окошко: *выдь,
Вальтеръ, пока еще время.*
«Пусть кричитъ,—Зеленый сказалъ:—
покричитъ и отстанетъ,
Что жъ, возьмешь ли мой перстень? Бери,
въ убыткѣ не будешь.
Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень
на палецъ, да смѣло
Руку въ карманъ—и вынется звонкій, се-
ребряный талеръ.
Но берегися... разъ на день не болѣ; и въ
будни, не въ праздникъ;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтеръ? Я
самъ не совѣтую въ праздникъ.
Если жъ нужда случится во мнѣ; ты крикни
лишь *Бука*!
(*Букой* слыву я въ народѣ) откликнусь
тотчасъ. До свиданья.»
Что-то дѣлаетъ Мина?.. Одна, запершися въ
каморкѣ,
Мина сидитъ надъ разодранной библіей въ
тяжкой печали.
Мужъ пришелъ и война поднялась. «Не-
насытная плакса,
Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда
ты уймешься?
Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ:
перстень карбункулъ.»
Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункулъ!
Творецъ милосердый,
Доля недобрая!.. сердце въ ней сжалось,
и замертво пала...
Бѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ
себя приходила?
Сколько бъ кручины жестокой тебя мино-
вало на свѣтѣ!
Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже; день ли въ
деревнѣ торговый,
Ярмарка ль въ праздникъ у церкви—Валь-
теръ нашъ тамъ. Кто заглянетъ
Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень,
иль въ три часа пополудни—
Вальтеръ сидитъ за столомъ и тасуетъ
крапленыя карты.
Брошены дѣти; что было, то сплыло; поле
за полемъ
Проданы всѣ съ молотка, и жена пропа-
даетъ отъ горя.
Дома же только и дѣла, что крикъ, да упре-
ки, да слезы;
Нынче драка, а завтра къ пастору, а тамъ
для отвѣта
Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбѣ
съ водой попоститься.
Плохъ онъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука
не дремлетъ;
Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь
подливаетъ.
Такъ проходятъ семь лѣтъ. Ну, послушай-
те жъ: Вальтера Бука
Вывелъ опять изъ тюрьмы. «Не зайти ль
по дорогѣ, сказалъ онъ,
Выпить чарку въ трактирѣ? Съ чѣмъ ты
покажешься дома?
Какъ тебя примутъ? Ты голоденъ, холо-
денъ, худъ и оборванъ.
Что на свиданье жена припасла, то тебя
не согрѣетъ.
Правду молвить, ты мученикъ; лопнуть
готовъ я съ досады,
Видя, какую ты отъ жены пьешь горькую
чашу.
Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то
талеръ, и даромъ.
Права пословица: счастливъ игрою, не-
счастливъ женою.
Будь ты одинъ—ни заботъ, ни хлопотъ;
женился—каковъ ты?
Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усопшій; кожа
да кости.
Выпей же чарку, дружокъ: авось, на душѣ
просвѣтлѣетъ.»
Мина, тѣмъ временемъ, руки къ сердцу
прижавши, въ потемкахъ
Дома сидитъ одинешенька, смотритъ сквозь
слезы на небо.
— Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ!.. (и
слезы ручьемъ полилися)
Все, какъ должно, сбылось; пошли же ко-
нецъ, мой Создатель!—

Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшемъ.
Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ безумный.
«Плачешь, змѣя? (загремѣлъ онъ) плачь! теперь не напрасно!
Ужинъ проворнѣе!»—Гдѣ взять? Все пусто; въ домѣ ни корки.—
Ужинъ, тебѣ ль говорятъ? Хоть тресни, иль ножъ тебѣ въ сердце!»
— Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; въ могилу снесутъ, да и только;
Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ.—
«Сгинь же! онъ гаркнулъ»... и Мина въ крови ударилась объ полъ.
— Ахъ! мое кровавое сердце (она простонала)!
Гдѣ ты, заступъ? Твоя череда: закопай меня въ землю.—
Ужасъ, какъ холодъ, облилъ убійцу... бѣжитъ неоглядкой;
Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.
«Бука, гдѣ ты?» онъ крикнулъ... Громко откликнулось въ полѣ.
Бука стоитъ за орѣшникомъ... выступилъ...—Что ты?—спросилъ онъ.
«Бука... я Мину зарѣзалъ...—скажи, присовѣтуй, что дѣлать?..»
— Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый?
Мину зарѣзалъ!.. великое диво! туда и дорога!
Но... послушай, здѣсь оставаться теперь не годится;
Будетъ плохо; Рейнъ близко—ступай, переѣдемъ.
Лодка у берега есть...—Садятся, плывутъ, переплыли,
На берегъ вышли, и по полю бѣгомъ. Въ сторонкѣ, въ трактирѣ
Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ: зайдемъ на минутку;
Тутъ есть добрые люди; помогутъ тебѣ разгуляться.—
Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ запоздалые, пьютъ и играютъ.
Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война закипѣла.
Бей! — кричатъ — «Подходи!» — Я лопнулъ!—«Козырь!»—«Зарѣзалъ!»—
Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходитъ да ходитъ.
Стрѣлка взошла на двѣнадцать... Ахъ! бѣлокуренькій мальчикъ,
Стукни въ окошко!.. Не стукнетъ: дѣло кончается, Вальтеръ.
Какъ же ты плохо играешь!... *зарѣзалъ*.— глубоко, глубоко
Въ сердце къ нему заронилось тяжелое слово; а Бука
Только-что взятку возьмутъ, повторитъ да на Вальтера взглянетъ—
Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ,
Все негодная сыплетъ; мѣломъ онъ проигрышъ пишетъ.
Вотъ... и перваго четверть. Съ перстнемъ на пальцѣ онъ руку
Всунулъ въ карманъ!—«Размѣняйте мнѣ талеръ».—Плохая монета,
Вальтеръ, плохая монета: въ карманѣ битыя стекла.
Руку отдернувъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку;
Бука сидитъ да винцо попиваетъ, и нѣтъ ему дѣла.
— Вальтеръ (допивши, сказалъ онъ), пора! хозяинъ ужъ дремлетъ.
Нынче праздникъ, двадцать пятое августа; много
Будетъ въ трактирѣ гостей; пойдемъ, зачѣмъ намъ тѣснить ся?
Полно перстнемъ вертѣть; не трудись, ничего не добудешь.—
Праздникъ!.. Ахъ! Вальтеръ, какъ бы ты радъ былъ ослышаться! какъ бы
Радъ былъ ногами къ столу прирасти, чтобъ не сдвинуться съ мѣста!
Поздно, поздно; ничто не поможетъ... Блѣденъ, какъ мертвый,
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное съ Букой—
Бука впередъ, а онъ позади—побрелъ, какъ ягненокъ

Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредетъ къ
кровавой колодѣ.
Бука ставитъ его на выстрѣлъ ружейный
отъ мѣста.
— Видишь, Вальтеръ (сказалъ онъ)? Звѣз-
ды на небѣ смеркли
Видишь? Тяжелыми тучами небо кругомъ
обложилось;
Воздухъ душенъ; вѣтка не тронется; ли-
стикъ не дрогнетъ.
Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ?.. Ужъ
не молишься ль, Вальтеръ?
Или считаешь свой проигрышъ? Все про-
игралъ невозвратно.
Какъ быть! а выборъ остался плохой, я
самъ признаюся.
Вотъ тебѣ ножъ.... я укралъ у убійцы,
когда обдиралъ онъ
Мертвое тѣло.... зарѣжь себя самъ, такъ
за трудъ не заплатишь.—
Такъ разсказывалъ дѣдушка внучкамъ.
Чуть смѣя дыханье
Въ страхѣ отвесть, говоритъ ему бабушка:
«скоро ль ты кончишь?
Дѣвки боятся; на что ихъ стращать не-
бывальщиной? Полно!»
— Я докончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ
лежитъ онъ и съ перстнемъ
Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и
не водятся пташки.—
Тутъ Луиза примолвила:—бабушка, кто же
боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки
добраться?
Я добралася: Бука есть *искушеніе злое.*
Развѣ не вводитъ оно насъ въ грѣхъ и
въ напасти, когда мы
Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ,
не дѣлаемъ дѣла?
Мальчикъ въ окошечкѣ.... кто онъ? Вѣр-
ный учитель нашъ, *совѣсть.*
О! я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его
мысли.»

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ
ВЪ ПОЛНОЧЬ.

[ИЗЪ ГЕБЕЛЯ.]

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.

Какъ все молчитъ!.. Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;
Нѣтъ шороху въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телѣга;
Не скрипнетъ дверь; дыханье не провѣетъ;
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ... не
знаю.
Но чу... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сопливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонаръ ночной, лупа
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки въ дали небесной брезжутъ...
Не такъ же ли, когда, осенней ночью,
Измокшувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
И огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?..
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онъ тамъ зажженъ.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище? Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли *полночь*
Покойникамъ?.. Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же... какъ узнать,
Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
Быть-можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ... ночь долга;

Быть-можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать, мертвые покойны?
Дай Богъ!.. Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ —
Окончины трясутся, и порой
Скрипитъ, качаясь, крестъ — здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней,
И на нее огни отчизны свѣтятъ.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... что жъ нужды! все мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній па землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ жъ... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище... Все покойно
И здѣсь и тамъ... И что жъ деревня въ полночь?
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?
А онъ ужъ недалеко... Какъ бы ноч
Ни длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду—
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться
И воздухъ утренній начнетъ въ лиц
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, от
Небесный занавѣсъ, и утро тихой [и
Струей прольется въ сумракъ; наконъ
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сія
Все встрепенулося; тамъ ставень вскры
Тамъ отворилась дверь; и все очну.
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ! Царь небесный, что за праздн
Когда послѣдняя промчится ночь! [бу
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ; с
До самой глубины могилъ прольется
И скажутъ матери младенцамъ: *утр*
И все отъ сна пробудится; тамъ дв
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!..
О! сколько бѣдъ забыто въ тихомъ
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ се
Исцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ
Имъ въ душу... Но когда жъ тому случи

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь; онъ знаетъ ср
Онъ вышлетъ утро на востокъ

ТЛѢННОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ БАЗЕЛЬ ВИДУ РАЗВАЛИНЪ ЗАМКА РЕТЛЕРА, ВЕЧЕРО

[ИЗЪ ГЕБЕЛЯ.]

Внукъ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый ра
Когда взгляну на этотъ замокъ Рет
Приходитъ въ мысль: что, если то жъ
И съ нашей хижинкой?.. Какъ страшно
Ты скажешь: смерть сидитъ на этихъ

А домикъ нашъ?.. Взгляни: какъ будто церковь,
Свѣлѣетъ на холмѣ, и окна блещутъ.
Скажи жъ, какъ можетъ быть, чтобы и съ нимъ
Случилось то жъ, что съ этимъ старымъ замкомъ?

Дѣдушка.

Какъ можетъ быть?.. Ахъ! другъ мой, это будетъ.
Всему чередъ: за молодостью вслѣдъ
Тащится старость: все идетъ къ концу,
И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:
Безумолку шумитъ вода; ты видишь:
Въ небесахъ сіяютъ звѣзды; можно
Подумать, что онѣ ни съ мѣста... пѣтъ!
Все движется, приходитъ и уходитъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
Теперь ужъ все иное... старость, старость!
И что жъ? Куда бы я ни шелъ—на пашню,
Въ деревню, въ Базель—все иду къ кладбищу!
Я не тужу... и ты, какъ я, созрѣешь.
Тогда посмотришь, гдѣ я?.. Нѣтъ меня!
Ужъ вкругъ моей могилы бродятъ козы;
А домикъ, между тѣмъ, дряхлѣй, дряхлѣй;
И дождь его сѣчетъ, и зной палитъ,
И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,
И въ кровлю течь, и въ щели свищетъ вѣтеръ...
А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
Смѣнили внуки; то чини, другое;
А тамъ и нечего чинить... все сгнило!
А поглядишь: лѣтъ тысяча прошло—
Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

Внукъ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

Дѣдушка.

Будетъ, будетъ!
Дивись, какъ хочешь, другъ; а это такъ!
Вотъ Базель нашъ... сказать, прекрасный городъ!
Домовъ не счесть—иной огромнѣй церкви;
Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
Домовъ; всѣ улицы кипятъ народомъ;
И сколько жъ добрыхъ тамъ людей!.. Но что же?
Какъ многихъ пѣтъ, которыхъ я, бывало,
Встрѣчалъ тамъ... гдѣ они? Лежатъ давно
За церковью и спятъ глубокимъ сномъ.
Но только ль, другъ? Ударитъ часъ—и Базель
Сойдетъ въ могилу; кое-гдѣ, какъ кости,
Выглядывать здѣсь будутъ изъ земли:
Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ упадшій;
На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кустъ,
И мохъ сѣдой, и въ немъ на гнѣздахъ цапли...
Жаль Базеля! А если люди будутъ
Все такъ же глупы и тогда, какъ нынче,
То заведутся здѣсь и привидѣнья,
И черный волкъ, и огненный медвѣдь,
И мало ли...

Внукъ.

Не громко говори;
Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
Въ кустарникѣ, прошедшею весной
Похоронецъ утопленникъ. Смотри,
Какъ пятится Гнѣдко, и уши поднялъ;
Глядитъ туда, какъ будто что-то видитъ.

Дѣдушка.

Молчи, глупецъ; Гнѣдко пужливъ; тамъ кустъ
Чернѣется—оставь въ покоѣ мертвыхъ:
Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умретъ.
И много, много лѣтъ спустя, быть-можетъ,
Здѣсь остановится прохожій: взглянетъ
Туда, гдѣ нынче городъ... тамъ все чисто,
Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ;
И спутнику онъ скажетъ: «въ старину
Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
Въ то время церковью Петра была...
Жаль Базеля.»

Внукъ.

Какъ можетъ это статься?

Дѣдушка.

Не вѣрь, иль вѣрь, а это не минуетъ.
Придетъ пора—сгоритъ и свѣтъ. Послушай:
Вдругъ о полуночи выходитъ сторожъ—
Кто онъ, не знаютъ—онъ не здѣшній; ярче
Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: *проснитесь!*
Проснитесь, скоро день!.. Вдругъ небо
И загорается, и громъ сначала [рдѣетъ
Едва стучитъ; потомъ сильнѣй, сильнѣй;

И вдругъ отвсюду загремѣло; страшно
Дрожитъ земля; колокола гудятъ,
И сами свѣтъ сзываютъ на молитву:
И вдругъ... все молится; и всходитъ день—
Ужасный день: безъ утра и безъ солнца;
Все небо въ молніяхъ, земля въ блистаньи;
И мало ль, что еще!.. Все, наконецъ,
Зажглось, горитъ, горитъ и прогоретъ
До дна, и некому тушить, и само
Потухнетъ... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

Внукъ.

Какъ страшно!
А что съ людьми, когда земля сгоритъ?

Дѣдушка.

Съ людьми?.. Людей давно ужъ нѣтъ: они...
Но гдѣ они?.. Будь добръ; смиреннымъ сердцемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность—
И все тутъ!.. Посмотри: тамъ свѣтятъ звѣзды;
И что звѣзда, то ясное селенье;
Надъ ними жъ, слышно, есть прекрасный городъ;
Онъ невидимъ... но будешь добръ, и будешь
Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ міръ съ тобою;
А если Богъ посудитъ, то найдешь
Тамъ и своихъ: отца и мать и... дѣда.
А можетъ-быть—когда идти случится
По млечному пути въ тотъ тайный городъ—
Ты вспомнишь о землѣ, посмотришь внизъ,
И что жъ внизу увидишь? *Замокъ Ретлеръ.*
Все въ уголь сожжено; а наши горы,
Какъ башни старыя, чернѣютъ; вкругъ
Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно
Осталося пустое—мертвый слѣдъ
Давнишняго потока; и все тихо,
Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:
«Смотри: тамъ встарину земля была;
«Близъ этихъ горъ и я живалъ въ ту пору,
«И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахалъ;
«Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;
«Былъ самъ отцомъ, и радостнаго въ жизни
«Мнѣ было много; и Господь мнѣ далъ
«Кончину мирную... и здѣсь мнѣ лучше.»

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ,
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный,
Край *желанный* сокрытъ?..

Кто жъ къ невѣдомымъ брегам
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скаже
Очарованное *тамъ?*

---

* * *

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогла
О, родина, всѣ дни твои прекрасн
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ т
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ г
Осеребряемый росою,
Свѣтился лучъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ—
Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спок
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня зн
И надъ водой отъ стада гулъ несп
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь ст
Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,—

уда душа моя летѣла:
ось сердцу и очамъ—
Все тамъ!..

НА СЛУЧАЙ ПЕРВАГО ОТРЕЧЕНІЯ БОНАПАРТА,

на праздникѣ, данномъ англійскимъ
инистромъ лордомъ Каткартомъ.

день есть день суда и мщенья!
зный день землѣ явилъ
имость Провидѣнья,
лхъ силу пристыдилъ.

тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
покорныхъ воздымать,
адья его летѣла
туной къ берегу пристать?

топамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
ъ съ царей красу порфиръ, *)
ъ народы въ легіоны
илъ весь заграбить міръ.

ѣ онъ?.. Міръ его не знаетъ!
разбитый истуканъ;
предъ изгнанникомъ зіяетъ
имый океанъ.

е, что рушилъ онъ, природа
расою облекла;
лѣдамъ его свобода
ами жизни протекла!

есть тому, кто вѣрный чести
ѣ мечъ свой посвятилъ,
грозную минуту мести
благодатью отомстилъ!

ь, честь ему: и міръ вселенной,
кія въ вѣнцахъ главы,
къ Лютеціи спасенной,
ъ низринутой Москвы!

емъ молитва Альбіона
ъ сыновъ его мольбой:
долго былъ красою трона
вѣчества красой!»

ерзость честолюбца, ему же въ казнь
вшаяся!»

ВОСПОМИНАНІЕ.

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья!
Ахъ! лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить!
Несчастіе—о васъ воспоминанье!
Но болѣе несчастье—васъ забыть!

О! будь же, грусть, замѣной упованья!
Отрада намъ—о счастьѣ слезы лить!
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить,—увы!—и позабыть!

* * *

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи, безсонный, не рыдалъ,—
Тотъ васъ не знаетъ, вышни Силы!

На жизнь мы брошены отъ васъ!
И вы жъ, давъ знаться намъ съ виною,
Страданью выдаете насъ,
Вину преслѣдуете мздою.

ПѢСНЯ.

Кольцо души-дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ, давъ его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искалъ... но гдѣ сыскать!..

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе!
Приду къ ней—не глядитъ!
Съ тѣхъ поръ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ!

О, вѣтеръ полуночный,
Проснися! будь мнѣ другъ!

Схвати со дна колечко,
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ!
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ!

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала;
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла!

На что твоя мнѣ ласка!
На что мнѣ твой привѣтъ!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ!

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей...
А мнѣ—мое колечко
Съ надеждою моей.

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;
Только-что Бахусъ придетъ говорливый;
Мчится Эротъ, благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись, слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чѣмъ угощу я,
Земли уроженецъ,
Вѣчныхъ боговъ?
Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вамъ?
Къ вашему небу возвысьте меня!
Прекрасная радость
Живетъ у Зевеса!
Гдѣ нектаръ? налейте,
Налейте мнѣ чашу!
Нектара чашу
Пѣвцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
Пусть онъ не зритъ ненавистнаго Стикса,
Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ!

Шумитъ, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

1817.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ
(изъ гете).

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣд
Ты, вѣрно, плакалъ, друг

«О чемъ грущу, то въ сердце м
«Запало глубоко;
«А слезы... слезы въ сладость
«Отъ нихъ душѣ легко».

Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И что бы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

«Какъ вамъ счастливцамъ то п
«Что понялъ я тоской?
«О чемъ... но нѣтъ! оно мое,
«Хотя и не со мной».

Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;
Ищи—найдешь: отважнымъ дру
Несбыточнаго нѣтъ.

«Увы! напрасныя слова!
«Найдешь—сказать легко;
«Мнѣ до него, какъ до звѣзды
«Небесной, далеко».

На что жъ искать далекихъ зв
Для неба ихъ краса;
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

«Ахъ! я любуюсь въ ясный ден
«Нѣтъ силъ и глазъ отве
«А ночью... ночью плакать мнѣ
«Покуда слезы есть».

КЪ МѢСЯЦУ.
(изъ гете).

Снова лѣсъ и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:

Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаритъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла;
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлитъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей.

ВЪ АЛЬБОМЪ

КНЯЖНЫ М. А. ЩЕРБАТОВОЙ.

Грустнымъ написать я долженъ въ
твой альбомъ.
Могу ль желанію такому покориться?
При мысли о тебѣ, невольно подъ перомъ
Одно веселое родится;
При мысли о тебѣ, невольно твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;
Былищемъ радости онъ видитъ здѣшній
И имя грусти забываетъ. [свѣтъ

КЪ ПОРТРЕТУ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Для насъ рука судьбы въ сей міръ ее ввела;
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
Какъ геній радости, она предъ нами стала,
И все прекрасное въ себѣ намъ отдала!
Съ веселой младостью мила, какъ упованье!
Въ ней духъ къ великому растетъ и
возрастетъ;
Она свой трудный путь съ достоинствомъ
пройдетъ:
Въ ней не обманется Россіи ожиданье!

ПРОТОКОЛЪ.

ДВАДЦАТАГО АРЗАМАССКАГО ЗАСѢДАНІЯ.

Мѣсяцъ Травный, нахмурясь, престолъ свой
отдалъ Изоку!
Пылкій Изокъ появился, но пасмуренъ,
хладенъ, насупленъ.
Былъ онъ отцомъ посаженымъ у мрачнаго
Грудня,—а Грудень, извѣстно,
Очень давно за Зимой волочился; теперь
ужъ они обвѣнчались!
Съ свадьбы Изокъ принесъ два дождя,
пять лужъ, три тумана!
Радъ ли, не радъ ли, а надобно было
принять ихъ въ подарокъ—
Онъ разложилъ предъ собою подарки и
фыркалъ! Межъ тѣмъ собирался
Тихо на берегѣ Карповки [славной рѣки,
гдѣ водятся карпы;
Гдѣ, по преданію, Карпъ-богатырь кавардакъ по субботамъ
Ѣлъ, отдыхая отъ славы], на берегѣ
Карповки славной
Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ двадесятый. Подъ сводомъ
Новосозданнаго храма, на космъ начертано имя
Вѣщаго Штейна, породой германца, душой
арзамасца.
Сѣлъ Арзамасъ за столомъ съ величавостью
скромной и мудрой насѣдки!
Сѣлъ Арзамасъ—и явилось въ тотъ мигъ
небывалое чудо:
Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное,
вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей
Арфы стало бурчанье.
Члены смутились: Ренинъ дернулъ за
кофту Старушку;
Съ страшной перхотой Старушка бросилась въ руки Варвику;

...ти со дна колечко,
...ыкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
...ла меня въ слезахъ!
что-то, какъ бывало,
...глось у ней въ глазахъ!

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала;
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла!

На что твоя мнѣ ласка!
На что мнѣ твой привѣтъ!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ!

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей...
А мнѣ—мое колечко
Съ надеждою моей.

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;
Только-что Бахусъ придетъ говорливый;
Мчится Эротъ, благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись, слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чѣмъ угощу я,
Земли уроженецъ,
Вѣчныхъ боговъ?
Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вамъ?
Къ вашему небу возвысьте меня!
Прекрасная радость
Живетъ у Зевеса!
Гдѣ нектаръ? налейте,
Налейте мнѣ чашу!
Нектара чашу
Пѣвцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
...не зритъ ненавистнаго Стикса,
...изъ боговъ!

Шумитъ, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

1817.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ.

(изъ гете).

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣдъ;
Ты, вѣрно, плакалъ, другъ?

«О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
«Запало глубоко;
«А слезы... слезы въ сладость намъ;
«Отъ нихъ душѣ легко».

Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И что бы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

«Какъ вамъ счастливцамъ то понять,
«Что понялъ я тоской?
«О чемъ... но нѣтъ! оно мое,
«Хотя и не со мной».

Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;
Ищи—найдешь; отважнымъ другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.

«Увы! напрасныя слова!
«Найдешь—сказать легко;
«Мнѣ до него, какъ до звѣзды
«Небесной, далеко».

На что жъ искать далекихъ зв...
Для неба ихъ краса;
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

«Ахъ! я любуюсь въ ясный ...
«Нѣтъ силъ и глазъ о...
«А ночью... ночью плакать ...
«Покуда слезы есть».

КЪ МѢСЯЦУ.

(изъ гете).

Снова лѣсъ и долъ пок...
Блескъ туманный

Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла;
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлитъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей.

ВЪ АЛЬБОМЪ

КНЯЖНЫ М. А. ЩЕРБАТОВОЙ.

О грустномъ написать я долженъ въ твой альбомъ.
Могу ль желанію такому покориться?
При мысли о тебѣ, невольно подъ перомъ
Одно веселое родится;
При мысли о тебѣ, невольно твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;
Жилищемъ радости онъ видитъ здѣшній свѣтъ
И имя грусти забываетъ.

КЪ ПОРТРЕТУ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Для насъ рука судьбы въ сей міръ ее ввела;
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
Какъ геній радости, она предъ нами стала,
И все прекрасное въ себѣ намъ отдала!
Съ веселой младостью мила, какъ упованье!
Въ ней духъ къ великому растетъ и возрастетъ;
Она свой трудный путь съ достоинствомъ пройдетъ:
Въ пей не обманется Россіи ожиданье!

ПРОТОКОЛЪ.

ДВАДЦАТАГО АРЗАМАССКАГО ЗАСѢДАНІЯ.

Мѣсяцъ Травный, нахмурясь, престолъ свой отдалъ Изоку!
Пылкій Изокъ появился, но насупренъ, хладенъ, насупленъ.
Былъ онъ отцомъ посаженымъ у мрачнаго Грудня,—а Грудень, извѣстно,
Очень давно за Зимой волочился; теперь ужъ они обвѣнчались!
Съ свадьбы Изокъ принесъ два дождя, пять лужъ, три тумана!
Радъ ли, не радъ ли, а надобно было принять ихъ въ подарокъ—
Онъ разложилъ предъ собою подарки и фыркалъ! Межъ тѣмъ собирался
Тихо на берегѣ Карповки [славной рѣки, гдѣ водятся карпы;
Гдѣ, по преданію, Карпъ-богатырь кавардакъ по субботамъ
Ѣлъ, отдыхая отъ славы], на берегѣ Карповки славной
Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ двадесятый. Подъ сводомъ
Новосозданнаго храма, на космъ начертано имя
Вѣщаго Штейна, породой германца, душой арзамасца.
Сѣлъ Арзамасъ за столомъ съ величавостью скромной и мудрой насѣдки!
Сѣлъ Арзамасъ—и явилось въ тотъ мигъ небывалое чудо:
Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное, вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы стало бурчанье.
Члены смутились: Реинъ дернулъ за кофту Старушку;
Съ страшной перхотой Старушка бросилась въ руки Варвику;

Журка клюнулъ Пустынника; тотъ за хвостъ Асмодея;
Началъ бодать Асмодей Громобоя; а этотъ облаялъ,
Сморщась, какъ дряхлый сморчокъ, Свѣтлану. Одна лишь Кассандра
Тихо и ясно, какъ пень благородный, съ своимъ протоколомъ,
Ушки сжавши и рыльце поднявъ къ милосердому небу,
Въ креслахъ сидѣла.—«Уймись, Арзамасъ! возгласила Кассандра:
Или гармонія пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно въ часы пресыщенья, когда имъ
Водка, селедка, конфекты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, какъ вѣчностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что нынѣ пузо бурчитъ и хлебещетъ недаромъ!
Мнѣ Дельфійскій треножникъ оно. Прорицаю, внимайте!»
Взлѣзла Кассандра на пузо, сѣла Кассандра на пузѣ;
Стала съ пуза Кассандра, какъ древле съ вершины Синая
Вождь Моисей ко евреямъ, громко вѣщать къ арзамасцамъ:
«Братья-друзья, арзамасцы! Въ пузѣ Эоловой Арфы
Много добра! Не одни въ немъ кишки и желудокъ!
Близко пуза, я чувствую, бьется, конышется сердце!
Это сердце, какъ Весты лампада, горитъ, не сгорая!
Бродитъ, я чувствую, въ темномъ Дедалѣ по близости пуза
Честный отшельникъ—душа; она въ своемъ заточеньи
Всѣ отразила прельщенья, бѣсовъ побѣдила! и душиста добротой!
[Такъ говоритъ объ ней Николай Карамзинъ, нашъ историкъ].
Слушайте жъ, вотъ что она изъ пуза инкогнито шепчетъ:
«Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльникомъ! Полно
Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на каткѣ и шить на халдеевъ,
Сгорбясь, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ;
Время проснуться! Я вамъ примѣръ! Я бурчу! забурчите жъ,
Братцы, и вы! и съ такой же гармоніей сладкой! Время,
Время летитъ! Насъ досель сбирала безпечная шутка;
Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у безплодной
Жизни. Но что же? Она ужъ устала, иль скоро устанетъ!
Смѣхъ безъ веселости только кривляпье! Старыя шутки—
Старыя дѣвки! Время прошло, когда по слѣдамъ ихъ
Рой обожателей мчался; теперь позабыты! въ морщинахъ,
Зубы считаютъ, съ собою въ разладѣ, мертвы не живши!
Бойся жъ и ты, Арзамасъ, чтобъ не сдѣлаться старою дѣвкой!
Слава — твой обожатель! Скорѣе бракомъ законнымъ
Съ ней сочетайся! иль будешь бездѣтенъ! иль, что еще хуже,
Будешь имѣть дѣтей незаконныхъ, не признанныхъ ею,
Свѣтомъ отверженныхъ, жалкихъ, тебѣ самому въ посрамленье!
О, арзамасцы! всѣ мы судьбу испытали! у всѣхъ насъ
Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго тайна! но каждый,
Жизнью своей охлажденный, къ сей тайнѣ ужъ вѣру теряетъ!
Въ каждомъ душа, какъ свѣтильникъ горящій въ пустынѣ,
Свѣтя одиноко, окрестныя мглы не освѣтитъ! Напрасно
Намъ онъ горитъ—онъ лишь мрачность для нашихъ очей озаряетъ.
Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то, въ такой же пустынѣ,

Также тускло и тщетно братскій пылаетъ свѣтильникъ!
Намъ отъ того не свѣтлѣе! Ближе, друзья! чтобъ другъ друга
Видѣть въ лицо! и сливши пламень души —неприступной
Хладу убійственной жизни,—достоинство, первое благо
[Если ужъ счастья нельзя] сохранить посреди измѣненья!
Вмѣстѣ великое слово! *Вмѣстѣ!* твердитъ унывая
Сердце, жадное жизни, томяся безплоднымъ стремленьемъ.
Вмѣстѣ! Оно воскреситъ намъ наши младыя надежды!
Что мы розно? Одинъ, увлекаемъ шумнымъ потокомъ
Скучной толпы, въ мелочныхъ затерялся заботахъ, напрасно
Ищетъ себя, но чуждъ и себѣ и другимъ, и хладѣетъ,
Къ мертвому рабству привыкнувъ, и, цѣпи свои ненавидя,
Ихъ и сорвать не стремится. Другой, потерявъ невозвратно
Въ мигъ единый все, что было душою полжизни,
Вдругъ межъ развалинъ одинъ очутился, и новаго зданья
Строить не смѣетъ; а если бъ и смѣлъ, то гдѣ жъ ободритель,
Дерзкій создатель-младость, сестра вдохновенья? Надъ грудой развалинъ
Молча стоитъ онъ и съ трепетомъ смотритъ, какъ геній, унывши,
Свой погашаетъ свѣтильникъ... Иной, самому себѣ незнакомецъ,
Полный жизни мертвецъ, и себя и свой даръ загвоздившій
Въ гробъ, имъ самимъ сотворенный, бьется въ своемъ заточеньѣ:
Силенъ свой гробъ разломить, но силѣ не вѣритъ—и гибнетъ.
Тотъ, великимъ желаньемъ волнуемый, силой богатый,
Радъ бы разлить по вселенной, въ сіяньѣ ль, въ пожарѣ ль, свой пламень;
Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но... голосъ въ пустынѣ,
Отзыва нѣтъ!.. О, братья! предъ нами во дни упованій
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали разстилалась!
Близкимъ стало далекое! Что же? Предъ темной завѣсой,
Вдругъ упавшей межъ нами и жизнію, каждый стоитъ безнадеженъ!
Часто трепещетъ завѣса: что-то живое за нею!
Но рука и поднять ужъ ее не стремится—нѣтъ вѣры!
Будемъ ли жъ, братья, стоять предъ нею съ ничтожнымъ покорствомъ?
Вмѣстѣ, друзья—и она разорвется, и путь намъ свободенъ!
Вмѣстѣ — нашъ геній-хранитель! при немъ благодатная бодрость!
Намъ безопасный оно пріютъ отъ судьбы вѣроломной:
Пусть налетятъ ея бури—оно для насъ уцѣлѣетъ!
Съ нимъ и слава—не рабскій криковъ толпы повторитель,
Но свободный судья современныхъ, потомства наставникъ!
Съ нимъ и награда—не шумная почесть, гремушка младенцевъ,
Но священное чувство достоинства, внятный немногимъ
Голосъ души, и съ голосомъ избранныхъ, лучшихъ согласный!
Съ нимъ жизнодательный трудъ съ безкорыстною цѣлью—для пользы!
Съ нимъ и великій геній: отечество! Такъ, арзамасцы!
Тамъ, гдѣ во имя отечества двѣ руки во едину
Слиты, тамъ и оно соприсутственно! слейте же руки!
Все минувшее—все, что въ честь ему нѣкогда жило,
Съ славнаго царскаго трона, изъ тихой обители сельской,
Съ поля, гдѣ жатва на пеплѣ падшихъ полковъ расцвѣтаетъ,

Съ гроба пѣвцовъ, съ великанскихъ кургановъ, свидѣтелей чести—
Все къ намъ голосъ знакомый возноситъ: *Мы нѣкогда жили!*
Вамъ мы готовили славу! вы приготовьте потомкамъ!..—
Вмѣстѣ, друзья! чтобъ потомству нашъ голосъ былъ слышенъ!»—
Такъ говорила Кассандра, холя десницею пузо.
Вдругъ наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, пошли приложиться съ почтеньемъ
Къ пузу въ томъ мѣстѣ, гдѣ пупъ цвѣтетъ лѣсной сыроѣжкой.
Тутъ осанистый Ренинъ, разгладивъ чело, отъ власовъ обнаженно,
Важно жезломъ волшебнымъ махнулъ—и явилося нѣчто,
Пышнымъ вратамъ подобное, къ свѣтлому зданью ведущимъ.—
Звѣздная надпись сіяла на нихъ: *Журналъ Арзамасскій.*
Мощной рукою врата растворилъ онъ: за ними кипѣли
Въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ; какъ гиганты, смотрѣли
Лики славныхъ изъ сей оживленныя тучи... Надъ нею
Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ носилось
Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ божество: *Просвѣщенье,* давъ руку
Грозной и мирной богинѣ *Свободѣ!*—И всѣ арзамасцы,
Пламень почуя въ душѣ, ко вратамъ побѣжали... Все скрылось!
Ренинъ сказалъ: «Потерпите, голубчики! Я не достроилъ!
Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ съ васъ довольно!»
Члены, зная, что Ренинъ искусный строитель, утихли,
Сѣли опять по мѣстамъ—и явился, клюкой подпираясь,
Самъ Асмодей. Погонялъ онъ бичомъ мерзопосовъ «Бесѣды».
Важенъ предъ стадомъ тащился старый баранъ, волокущій
Тяжкій курдюкъ на скрипящихъ колесахъ — Шишковъ сѣдорунный!
Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брюхатая, охалъ!
Важно везъ пазади оселъ Голенищевъ-Кутузовъ
Тяжкій со причтами возъ, а на козлахъ мартышка
Въ буркѣ, графъ Дмитрій Хвостовъ, тряслась, и, качаясь на дышлѣ
Скромно висѣлъ въ чемоданѣ домашній тушканчикъ Вздыхаловъ.
Стадо загнавши, воткнулъ Асмодей на вилы Шишкова,
Отдалъ честь Арзамасу, и началъ китайскія тѣни
Членамъ показывать. Въ первомъ явленьѣ предстала
Съ кипой журналовъ политика, роть зажимая цензурѣ,
Старой кокеткѣ, которую тощій гофмейстеръ Яценко
Вѣжливо подъ руку велъ, нестерпимый *Духъ* издавая!
Вслѣдъ за политикой вышла словесность! Платье богини
Радужнымъ цвѣтомъ сіяло, и слѣдомъ за ней ея дѣти:
Съ лирой, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и розъ, поэзія-дѣва
Шла впереди; вкругъ нея, какъ крылатыя звѣзды, летали
Свѣтлыя пчелы, медъ свой съ цвѣтовъ и чужихъ и домашнихъ
Въ даръ ей собравши. Объ руку съ нею поступью важной
Шла благородная проза, въ длинной одеждѣ; смиренно
Хвостъ ей несла грамматика, старая нянька! [которой,
Сѣвъ въ углу на словарь, Академія дѣлала рожи].
Свита ея была многочисленна; въ ней отличался
Важный маляръ Демидъ-арзамасецъ: онъ кистью, какъ древле

Тростью Цирцея, махалъ, и предъ нимъ, какъ изъ дыма, творились
Лица, изъ видовъ заемныхъ въ свои обращенныя виды!
Все покорялось его всемогуществу! даже «Бесѣда»
Вѣжливой чушкою лѣзла пыхтя изъ-подъ докторской ризы.
Третья дочь словесности: критика, съ плетью, съ метелкой,
Шла, опираясь, на *вкусъ* и на смѣлую *шутку*; за нею
Князь Тюфякинъ несъ на закоркахъ театръ, и нещадно
Кошками сѣкли его Піериды, твердя: *не дурачься!*
Вышла послѣдняя смѣсь. Передъ нею музы тащили
Чашу большую съ ботвиньей; тамъ все переболтано было:
Пушкина мысли, и вѣсти о курахъ съ лицомъ человѣчьимъ,
Письма о бѣдныхъ къ богатымъ, старое заново съ новымъ!
Быстро тѣни мелькали предъ взорами членовъ одна за другою!
Вдругъ все исчезло... Члены захлопали!
Вилы предъ ними
Важно склонилъ Асмодей, и стряхнувъ съ нихъ Шишкова,
Въ уголъ толкнулъ сего мериноса; онъ комомъ свернулся,
Къ стѣнкѣ прижался, и молча глазами вертѣлъ. — Совѣщанье
Начали члены. Пріятно было послушать, какъ вмѣстѣ
Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину. Бѣгло
Своимъ язычкомъ работала Кассандра. Репинъ
Громко шумѣлъ; Асмодей воевалъ на Свѣтлану; Свѣтлана
Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ; впившись въ Старушку,
Крикомъ кричалъ Громобой, упрямясь родить анекдотецъ;
Арфа курныкала пѣсни. Пустынникъ возился съ Варвикомъ...
Чѣмъ же сумятица кончилась? Дѣломъ: Журналъ состоялся.

1818.

—

ОТРЫВОКЪ РѢЧИ

ВЪ ЗАСѢДАНІИ «АРЗАМАСА».

Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать,
Вѣрно, надѣялись. Нѣтъ протокола! О чемъ протоколить!
Все позабылъ я, что было въ прошедшемъ у насъ засѣданьѣ!
Все! да и нечего помнить! Съ тѣхъ поръ, какъ за умъ мы взялися,
Умъ отъ насъ отступился! Мы перестали смѣяться—
Смѣхъ заступила зѣвота, чума окаянной «Бесѣды!»
Даромъ что эта «Бесѣда» давно околѣла— зараза
Все еще въ книжкахъ «Бесѣды» осталась— и нѣтъ карантиновъ!
Кто-нибудь, вѣрно, изъ насъ, не натершись *Опаснымъ сосѣдомъ*,
Голой рукой прикоснулся къ «Чтеньямъ» въ «Бесѣдѣ» или вытеръ,
Должной не взявъ осторожности, свой анфедронъ «Разсужденьемъ»
Дѣда сѣдого о слогѣ сѣдомъ— я не знаю! а знаю
Только, что мы ошалѣли! что лѣнь, какъ короста,
Насъ облѣпила! дѣло не любимъ! бездѣлья жъ бѣжимъ!
Мы написали законы; Зегельхенъ ихъ переплелъ и слупилъ
Восемь рублей и сорокъ копеекъ—и все тутъ! Законы
Спятъ въ своемъ переплетѣ, какъ мощи въ окованной ракѣ!
Мы отъ нихъ ожидаемъ чудесъ— но чудесъ не дождемся.
Между тѣмъ Репинъ усастый, насъ взбаламутивъ, далъ тягу
Въ Кіевъ и тамъ въ Днѣпрѣ утопилъ любовь къ Арзамасу!

Ренъ давно замолчалъ, да и мы не очень
воркусемъ!
Я, Свѣтлана, въ графахъ таблицъ, какъ
будто въ тенетахъ,
Скорчась сижу; Асмодей, распростившись
съ халатомъ свободы,
Лѣзетъ въ польское платье, поетъ мазурку
и учитъ
Польскую азбуку; Рѣзвый Котъ всѣхъ
умнѣй: мурлычитъ
Нѣжно: «люблю», и просится въ церковь
къ налою; Кассандра,
Сочнымъ бифштексомъ плѣняся, коляску
ставитъ на сани,
Скачетъ отъ русскихъ метелей къ
британскимъ туманамъ и гонитъ
Челнъ Очарованный къ квакерамъ за
море; Чу въ Цареградѣ
Сталъ не Чу, а чума, и молчитъ; Ахиллъ,
по привычкѣ,
Рыщетъ и мѣста нигдѣ не согрѣетъ;
Сверчокъ, закопавшись
Въ щелку проказы, оттуда кричитъ,
какъ въ стихахъ: я лѣнюся!
Арфа, всегда неизмѣнная Арфа, молча
жирѣетъ!
Только одинъ Вотъ я васъ! усердствуетъ
славѣ: къ безсмертью
Скачетъ онъ на рысяхъ; припрягъ въ
свою таратайку
Брата Кабуда къ Пегасу, и сей оселъ
вотъявасовъ
Скачетъ, свернувшись кольцомъ, какъ
будто въ *Опасномъ сосѣдѣ*...
Вслѣдъ за Кабудомъ, друзья! Перестанемъ
лѣниться! Быть худу!
Быть бычку на веревочкѣ! быть Арзамасу
«Бесѣдой»!
Вы же, почетный нашъ баснописецъ, вы,
намъ доселѣ
Бывшій прямымъ образцомъ и учителемъ
русскаго слога,
Вы, впервой засѣдающій съ нами подъ
знаменемъ гуся, —
О, помолитесь за насъ, погруженныхъ
безстыдно въ пакость «Бесѣды»!
Да спадетъ съ насъ «бесѣдная» пакость,
какъ съ гуся вода!.. Да воскреснемъ!..

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ПОСЛАНІЕ.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?..
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
И прелесть устъ, открывшихся дыханью...
О! какъ дерзну я мыслію моей
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость—покой,
И тишина исполненной надежды;
И, первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ ангелъ, спитъ твой сынъ передъ
О, Матерь, кто, какой языкъ земной [тобой...
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленье,
И ясное для сердца Провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала—
То все теперь безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный,
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный твой часъ?..
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О! какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ Благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Восходящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскресшувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари, зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ

Нетронутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святого торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко Провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ матери священное мученье
Свершалося, какъ жертва, въ оный часъ...
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоятъ въ невѣдѣньѣ, безгласны,
И робко ждутъ, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Ильжизнь иль смерть велитъ благовѣстить?..
О! что въ сей часъ сбывалось тамъ, подъ кровомъ
Царей, гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ Промысла памѣреніе тайно,
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
«Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно.»
И вѣрила безтрепетно душа.
Межъ тѣмъ, восходъ спокойно совершая,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ...
Казалось, все съ надеждой ожидало.
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало;
Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной;
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней, какъ дымъ, влетали предо мной;
Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликалъ полки Донской;
Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
Свободу въ Кремль по трупамъ поляковъ;
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы;
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
Чудесный Петръ въ столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцова съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
И, дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?.. Во прахѣ домъ царей;
Безславіе разбитыхъ алтарей;
Святилища, лишенныя святыни;
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что жъ теперь?.. Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуяся Москвою—
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О! сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ;
Уже Москва *своимъ* тебя зоветъ...
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
О! для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія зажглись въ ней упованья;
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебѣ днесь радости твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала:
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.

Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо, и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?..
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
Пускай тебѣ вослѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ*—*свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать;—
Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять;
Житейское отъ ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь—всевидящее око;
Въ твоей любви—святая благодать.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера].

Торжественнымъ Ахенъ веселіемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньѣ вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война,
Безцарственны грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекраснъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ...
Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
«О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»—

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душою
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собою
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ, [другъ
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ:
Идетъ изъ кустовъ понамарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, кто живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

«—Куда? — изумившійся графъ вопро-
Въ село; умирающій нищій [силъ.—
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его раз-
И алчетъ небесныя пищи. [рѣшилъ,
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мо-
Его разбросало водою; [стокъ—
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою. —

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Совершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«—Дерзну ли помыслить я,—графъ возгла-
Почтительно взоры склонивши,— [силъ,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье. —

Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіять твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды.» —

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устре-
И таинство словъ объяснилось: [милъ—
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи подняв.
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

БАЛЛАДА.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА).

«Сладко мнѣ твоей сестрою,
«Милый рыцарь, быть;
«Но любовію иною
«Не могу любить:
«При разлукѣ, при свиданьѣ,
«Сердце въ тишинѣ—
«И любви твоей страданье
«Непонятно мнѣ.»

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на рамепахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою,—
Сарацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.

Годъ прошелъ безъ утоленья:..
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ кормy волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигриммъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
«Узы вѣчнаго обѣта
«Приняла она;
«И, погибшая для свѣта,
«Богу отдана.»

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ—
Въ ожиданьѣ, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склони
Ангелъ тишины.

И дождавшися, на ложе
Простирался онъ;
И надежда: *завтра то жс!*
Услаждала сонъ.
Время годы уводило...
Для него жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у
Стукнуло окно;

Чтобъ прекрасная явилась;
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склони
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

(ИЗЪ КЕРНЕРА).

Младый Рогеръ свой острый мечъ б
За вѣру, честь и родину сразиться
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ
Въ послѣдній разъсъ прекрасною прост
«Не плачь: надъ нами щитъ Тв
«Еще насъ небо не забыло;
«Я буду вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой.»

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поск
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ
И скоро строй неустрашимыхъ ста
Передъ врагомъ необозримымъ стро
«Сей видъ не страшенъ для бои
«И смерть ли небо мнѣ судило—
«Останусь вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой.»

И, на врага взоръ мести бросивъ,
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-ис

И вспыхнулъ бой и врагъ ужъ потре
Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдит
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ

Изъ пѣснь твоя твоей судьбою стала?..
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

[изъ шиллера].

Надъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится;
Толпа великановъ ее сторожитъ;
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
Въ молчаньѣ пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ *мостъ* черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой—
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразитъ.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ *ворота;*
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ—долина, долинъ красота,
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре *потока* оттуда шумятъ—
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Рождаются вмѣстѣ; родясь, разстаются;
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два *утеса* стоятъ,
Превыше всего, что земное;
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Эолира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно-незыблемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиваетъ чело
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Баллада.

[изъ гете].

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
—О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О, нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять.»

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
—О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

ЛИСТОКЪ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;

«Гроза разбила дубъ родимый;
«Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
«По волѣ случая носимый,
«Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
«Куда на свѣтѣ *все* стремится,
«Куда и листъ лавровый мчится,
«И легкій розовый листокъ.»

МЕЧТА.

Ахъ! если бъ мой милый былъ роза-цвѣтокъ,
Его унесла бы я въ свой уголокъ;
И тамъ украшалъ бы мое онъ окно;
И съ нимъ я душой бы жила заодно.

Къ нему бы въ окно вѣтерокъ прилеталъ,
И свѣжій мнѣ запахъ на грудь навѣвалъ;
И я бъ унывала, имъ сладко дыша,
И съ милымъ бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порой
Я, нѣжа, поила струей ключевой;
Ко мнѣ прилипая, живые листы
Шептали бъ: я милый, а милая ты.

Не сѣла бы пчелка на милый мой цвѣтъ;
Сказала бъ я: меду для пчелки здѣсь нѣтъ;
Для пчелки-летуньи есть шелковый лугъ;
Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ.

Сильфиды бы легкой слетѣлись толпой
Къ нему любоваться его красотой;
И мнѣ бы шепнули, цѣлуя листы:
Мы любимъ, что мило, мы любимъ, какъ ты.

Тогда бъ встрепенулся мой милый цвѣтокъ,
Съ цвѣтка сорвался бы румяный листокъ,
Къ моей бы щекѣ распаленной приталъ,
И пурпурнымъ жаромъ на ней заигралъ.

Родная бъ спросила: что, другъ мой, съ тобой?
Ты вся разгорѣлась, какъ день молодой.
«Родная, родная,—сказала бы я,—
«Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя.»

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

[изъ гебеля].

Откуда, звѣздочка краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ, нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать,
Зато и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по утру—
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ:
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день.
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ;
«Твое владычество приди,
«Насъ въ искушенье не введи;
«На путь спасенія наставь
«И отъ лукаваго избавь.»

Зачѣмъ же звѣздочка-краса
Всегда такъ рано въ небеса?...
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою вослѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жъ? Увидѣться ли?... Нѣтъ.
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?... Ужъ не блеститъ;

Печально-блѣдная, бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ,
И въ небѣ ласточка кружитъ,
И дымъ клубится изъ печей,
И будитъ мельницу ручей,
И тихо рдѣетъ темный боръ,
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но, кто тамъ, въ утреннихъ лучахъ,
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой,
Моя звѣзда-подружка, ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты—
О, звѣздочка-душа моя,
Не испугался бъ солнца я.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

[изъ гебеля].

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучомъ
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ,—лѣтній дологъ путь.
Везде жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй; тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей;
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

Итакъ, совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И, намъ сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ.

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ;
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... Пора ко сну и намъ.

НЕВЫРАЗИМОЕ.

(отрывокъ).

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разновидное съ единствомъ согласила!
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва, едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли въ мертвое живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?...
Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
Не часто ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья—
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена—
Спирается въ груди болѣзненное чувство,
Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
Ненарсченному хотимъ названье дать,
И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката,
Сіи столь *яркія черты*;—
Легко ихъ ловитъ мысль крылата,
И есть *слова* для ихъ *блестящей* красоты.
Но то, что слито съ сей блестящей красотою—
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее внезапно дуновен
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цв
Святая молодость, гдѣ жило упован
Сіе, шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ стари
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ
Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа лет
Все необъятное въ единый вздохъ тѣсни
И лишь молчаніе понятно говоритъ.

УТѢШЕНІЕ.

(изъ уланда).

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладбищѣ
Дѣва въ черной власяницѣ
Одинокая стоитъ,
И слеза любви дрожитъ
На густой ея рѣсницѣ.

«Нѣтъ его; на томъ онъ свѣтѣ;
«Сердцу смерть его утѣшна:
«Онъ достался небесамъ,
«Будетъ чистый ангелъ тамъ—
«И любовь моя безгрѣшна.

Скорбь ее къ святому лику
Богоматери подводитъ:
Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,
И на дѣву изъ очей
Милость тихая нисходитъ.

Пала дѣва предъ иконой
И безмолвно упованья
Отъ Пречистыя ждала...
И душою перешла
Непримѣтно въ міръ свиданья.

РЫБАКЪ.

(баллада).

Бѣжитъ волна, шумитъ волна!
Задумчивъ, надъ рѣкой
Сидитъ рыбакъ; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;
Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ
И влажною всплыла главой
Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:
«Зачѣмъ ты мой народъ
Манишь, влечешь съ родного дна,
Въ кипучій жаръ изъ водъ?
Ахъ! если бъ зналъ, какъ рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

«Не часто ль солнце образъ свой
Купаетъ въ лонѣ водъ?
Не свѣжей ли горитъ красой
Его изъ нихъ исходъ?
Не съ ними ли сводъ неба слитъ
Прохладно-голубой?
Не въ лоно ль ихъ тебя манитъ
И ликъ твой молодой?»

Бѣжитъ волна, шумитъ волна...
На берегъ валъ плеснулъ!..
Въ немъ вся душа, тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ!
Она поетъ, она манитъ—
Знать, часъ его насталъ!
Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ...
И слѣдъ навѣкъ пропалъ.

МИНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ).

Я знаю край! тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ и гордо лавръ стоитъ...
Тамъ счастье, другъ! Туда!—туда
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

Тамъ свѣтлый домъ! на мраморныхъ столбахъ
Поставленъ сводъ; чертогъ горитъ въ лучахъ;
И ликовъ рядъ недвижимыхъ стоитъ;
И, мнится, ихъ молчанье говоритъ...
Тамъ счастье, другъ! Туда!—туда
Мечта зоветъ! Тамъ сердцемъ я всегда!

Гора тамъ есть съ заоблачной тропой!
Въ туманахъ мулъ тамъ путь находитъ свой;
Драконы тамъ мутятъ ночную мглу;
Летитъ скала, и воды на скалу!..
О, другъ, пойдемъ! Туда!—туда
Мечта зоветъ... Но быть ли тамъ когда?

ЖАЛОБА ПАСТУХА.

На ту знакомую гору
Сто разъ я въ день прихожу;
Стою, склоняся на посохъ,
И въ долъ съ вершины гляжу.

Вздохнувъ, медлительнымъ шагомъ
Иду вослѣдъ я овцамъ,
И часто, часто въ долину
Схожу, не чувствуя самъ.

Весь лугъ попрежнему полонъ
Младой цвѣтовъ красоты;
Я рву ихъ—самъ же не знаю,
Кому отдать мнѣ цвѣты.

Здѣсь часто въ дождикъ и въ грозу
Стою, къ землѣ пригвождёнъ;
Все жду, чтобъ дверь отворилась...
Но то обманчивый сонъ.

Надъ милой хижинкой свѣтитъ,
Видаю радуга мнѣ...
Къ чему? Она удалилась!
Она въ чужой сторонѣ!

Она все далѣ! все далѣ!
И скоро слухъ замолчитъ!
Бѣгите жъ, овцы, бѣгите!
Здѣсь горе душу томитъ!

НОВАЯ ЛЮБОВЬ—НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило!
Гдѣ безпечность? Гдѣ покой?..
Ахъ! что сдѣлалось съ тобой?
Расцвѣтающая ль младость,
Рѣчи ль, полныя душой,
Взора ль пламенная сладость,
Овладѣли такъ тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться—
Бросить томный, томный взглядъ...
Ахъ! я къ ней лечу назадъ!
Я неволенъ, очарованъ!
Я къ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной!

И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья!
Радъ тоскѣ! хочу любить!..
Видно, сердце, такъ и быть!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Будь, милая, съ тобой любовь Небесъ святая;
Иди безъ трепета, въ тебѣ—открытый свѣтъ!
Прекрасная душа! цвѣти, не увядая;
Для свѣтлыя души въ сей жизни мрака нѣтъ!
Все для души, сказалъ отецъ твой несравненный;
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ...
Они тебѣ—на жизнь завѣтъ священный.

24 ноября, 1818.

СМЕРТЬ ІИСУСА.

[КАНТАТА КАРЛА ВИЛЬГЕЛЬМА РАМЛЕРА].

Хоръ.

Ты, лившій отъ печали
Потоки горькихъ слезъ,
Воззрѣвъ на святотатный
И гибнущій Сіонъ,
Гдѣ сѣни, гдѣ пещера,
Сокрывшія Тебя?
Или уже губитель
Небеснаго сразилъ?

Речитативъ.

Святой пріютъ! гора Оливъ!
Кто подъ твоею сѣнью
Столь скорбенъ, столь покинутъ плачетъ?
Кто борется съ медлительнымъ концомъ?
Ужель Ісусъ мой?.. Лучшій! лучшій изъ рожденныхъ,
Дрожишь, метешься, какъ преступникъ,
Внимая смертный приговоръ!
Увы! Онъ палъ, обременяемый грѣхами
Преступныя земли!
И грудь Его разорвана тоскою;
Кровавый потъ бѣжитъ
Съ Его лица. Речетъ: «Прискорбна и печальна [па
Моя душа!»

Арія.

Герой, ты стрѣлы смерти
Безстрашно отразилъ;
Но смертью устрашеннымъ
Ты бодрость подаешь!
Ты былъ, ты будь всегда защита
Когда на краѣ смертной жизни
Узрю я бездны, и не будетъ
Отъ нихъ пріюта мнѣ;
Когда послышится Грядущій
Съ вѣсами, съ громомъ и природ
Встрепещетъ передъ нимъ...
О, кто тогда меня спасетъ?

Хоръ.

О, кто же? кто, когда не Ты,
Меня въ послѣдній, тяжкій час
Наставитъ, подкрѣпитъ, утѣшит
Кто силу дастъ моей душѣ,
Когда безъ силы будетъ жизнь,
Когда въ борьбѣ съ ужасной сме
Я буду крѣпости лишенъ?—
Не ты ли, Богъ, Спаситель мой

Речитативъ.

О, мой Эммануилъ! Терзаясь, опъ про
Во прахѣ; видитъ ужасъ смерти; и
Подъемля, вопіетъ: «Всевышній! стр
Вели, да пройдетъ онъ! [час
Прими, прими отъ устъ моихъ ужасну
Не внемлешь Ты?.. Отецъ! Твоя да (
)
И свѣтелъ возстаетъ съ земли Онъ изу
Подъятый ангела рукой!
И зритъ: учениковъ сонъ тяжкій об
Лежатъ; но смутенъ сонъ и лица их
Задумчиво Небесный говоритъ, [ча
На нихъ склоня съ любовью свѣ
скорбный
«Духъ бодръ и крѣпокъ; но безс
п.
«И ты, мой Петръ, заснулъ!
О, бодрствуйте! молитесь, братія!»

Арія.

Умиленная молитва
О свершеньѣ дѣлъ прекрасныхъ
Возлетаетъ къ небесамъ,
И Господь доступенъ ей!
Восхожу ль крутой дорогой
Къ добродѣтели святой—
О! на трудномъ семъ пути
Я, какъ странникъ утомленны
Ожидая, уповая
Скоро видѣть на вершинѣ
Благодатныя мѣста,
И молюсь и гимнъ пою!

Речитативъ.

Раздался топотъ; копья блещутъ при
полночныхъ; зрю толпу убійцъ; [огняхъ
Идутъ убійцы!.. Ахъ! Его судьба свершилась!..
Но Онъ, неустрашимый, приступилъ
Къ своимъ врагамъ; Онъ имъ вѣщаетъ:
Моихъ друзей не троньте!» [«Я готовъ!
Товарищи, смятенны, съ словомъ симъ
И въ узахъ Онъ; влекутъ Его; [бѣгутъ...
И Петръ за Нимъ, единственный изъ братій,
Идетъ, безъ силъ спасти, вдали.
За другомъ вслѣдъ къ Кайяфѣ онъ
Идетъ въ слезахъ. Что слышу я? Какое слово?
Ахъ! Петръ, ужели? Ты ль сказалъ:
«Не знаю, кто сей человѣкъ!»
Какъ низко ты съ величія упалъ, несчастный!
Онъ видитъ: кротко на него [
Іисусъ взглянулъ. Онъ понялъ взоръ;
И прочь идетъ;
И плачетъ горько онъ!

Арія.

О, вы, незлобны души,
Вашъ сонъ недолго длится!
Во слухъ вашъ загремитъ
Карающая совѣсть—
И васъ предастъ слезамъ.
А вы, злодѣи, трепещите!
Змѣей изъ вашихъ розъ подыметъ
Свою раскаянье главу
И угрызенья острымъ жаломъ
Изрѣжетъ душу вамъ.

Всѣ.

Скорбью сердце въ насъ объято; унываетъ!
О горе! горе намъ, преступникамъ злобнымъ!

Хоръ.

Я душу къ Богу вознесу
Съ покорнымъ покаяньемъ!
Ты Самъ и помощь и совѣтъ
Подашь мнѣ, Утѣшитель!
И мощный благодати духъ,
Въ насъ обновляющій сердца,
Пребудетъ надо мною!

Речитативъ.

Іерусалимъ убійственно возопіялъ:
«Будь кровь Его на насъ! на насъ и нашихъ чадахъ!»
Ликуй, Іерусалимъ! Его пролита кровь!
Поставленъ въ пурпурѣ толпѣ на поруганье,
Чтобъ утѣшителя въ мученьяхъ не имѣть,
Чтобъ духомъ пасть отъ посрамленья...
Но въ Немъ одна любовь; незлобенъ, предстоитъ
Съ вѣнцомъ, вонзившимся въ чело. И
Преступная рука Его разитъ [дерзновенно
Жезломъ въ главу; и кровь стремится по
«Се человѣкъ!..» Напрасно жалость [лицу.
Тирана гласомъ говоритъ:
«Се человѣкъ!» Іуда глухъ къ нему.
Окровавленному на плечи возложили
Уже тотъ крестъ, на коемъ въ мукахъ
Онъ умретъ!
Онъ принялъ крестъ свой, но безсильный палъ!
И добрыя сердца своей не скрыли скорби;
Давно таимы слезы льются;
А онъ, взглянувъ на плачущихъ, сказалъ:
«Друзья, не плачьте обо мнѣ!»

Арія.

Тверда гора Господня!
Стопой въ гремящей бурѣ,
Главой въ небесной славѣ...
Таковъ герой твой, Ханаанъ!
Пусть грозно смерть съ громами мчится,
Пускай изъ пѣнной бездны воетъ,
Пускай земную твердь ломаетъ—
Но правый мужъ неколебимъ.

Всѣ.

Свѣтлый намъ Онъ Свой образъ оставилъ,
Чтобъ мы имъ душу питали съ чистой любовью.

Хоръ.

На все дерзну я въ честь Твою и славу!
Что мнѣ страданья? Что мнѣ стыдъ и бѣдность?
Что мнѣ гоненье? Что мнѣ ужасъ смерти?
Тронутъ ли сердце?

Речитативъ.

Стоитъ погибельный, судьбами полный, крестъ!..
О, Праведный! Невинный! онъ ужъ наступилъ—
Сей неизбѣжный часъ для Тебя!.. Горе!
Не цѣпи вижу я! готовятъ [горе!
Ужасны гвозди!.. Руки Онъ имъ подаетъ,
Святыя руки, милость лившія на насъ!
И страшно грянулъ тяжкій млатъ; пронзилось

Святое тѣло жаднымъ остріемъ. Съ терпѣньемъ
Онъ сноситъ все; Онъ ясенъ; се подъятъ
Поруганный, въ крови, въ терзаньяхъ [смерти,
На страшный крестъ!..
Израиля сыны! воскликните къ страдальцу:
«Помилуй!» Мщенье смерть да усмиритъ!
Вотще! Ругаются надъ Нимъ
Съ холоднымъ смѣхомъ, съ дерзкимъ ликованьемъ злобы.
И молитъ онъ: «Отецъ мой! Ахъ! прости безумнымъ!
Они не знаютъ, что творятъ!»

Дуэтъ.

А. Врагъ мой, утѣснитель мой,
Зри, сколь я люблю тебя:
Все простить—мое отмщенье!
В. Ты, ругающійся мнѣ,
Я молюся небесамъ,
Да пошлютъ тебѣ всѣ блага!
А. В. Сей законъ намъ далъ Христосъ!
А. Царь, Іегова, трисвятый,
Ты виновнымъ отпускаешь
Ихъ вины!
В. Царь! Іегова! Богъ любви!
И порочнымъ и злодѣямъ
Ты любовь!
А. В. Счастливъ, кто тебѣ вослѣдъ!

Речитативъ.

О, кто сей праведный, висящій на крестѣ,
Межъ двухъ злодѣевъ, къ древу казни пригвожденный!
Узнайте въ благостяхъ Его.
Стыдъ, муку, смертный часъ забылъ Онъ;
въ мысляхъ видя,
Марія, твой печальный жребій, завѣщать
Спѣшитъ Онъ другу сердца должность драгоцѣнну:
«О, братъ мой! здѣсь свою зришь матерь!»
Вѣрный другъ
Идетъ учителя святой завѣтъ исполнить.
И зритъ его Іисусъ,—
И полнъ веселья Онъ, и ранъ своихъ не слышитъ.
Еще Его душа отраду въ часъ кончины
Томимому тоской преступнику даетъ:
Онъ, ликъ свой обративъ къ терзаемому смертью,
Распятому злодѣю, благостно прор
«Вѣщаю Я! со Мною, другъ Мой,
Со Мной днесь въ раѣ будешь ты

Арія.

Пой небеснаго пророка,
Утѣшеньемъ, упованьемъ
Возвышающаго душу,—
Пой въ восторгѣ, вся земля!
Ты, изъ праха улетѣвшій,
Ты, катящіяся звѣзды,
Низко подъ собою зрящій,
Наслаждайся новой жизнью,
Мчись по лѣствицѣ твореній
Къ серафимамъ! выше! выше,
Духъ мой... Богъ будь пѣснь т

Всѣ.

Радуйся, духомъ смиренный! Ч
сподь намъ рекъ, то свер
Что намъ онъ назначилъ, т
онъ по

Хоръ.

Создатель, сколь прекрасенъ Тв
Обѣтованный добрымъ свѣтъ!
Но кто къ нему достигнетъ?
О, Примиритель! Богъ любви!
Твоя рука туда ведетъ...
Простри, простри мнѣ руку!
Дай, единымъ
Сладкимъ взглядомъ
Въ міръ прекрасный,
Облегчить мнѣ разставанье
Съ жизнью здѣшней!

Речитативъ.

И силой вдругъ съ послѣдней мукой
Въ святую душу ворвалась; всю
Ему вздымаетъ боль; по жиламъ пр
Огонь; и тѣло на крестѣ
Все извилось... Тоскуетъ
Онъ въ тяжкомъ трепетѣ кончин
ль
Лежитъ на немъ—и Онъ, изнемож
Отъ мукъ, напавшихъ на Него,
Воззвалъ: «Отецъ! Отецъ! почто мен
И се... утихнулъ. Страшный часъ
Протекъ. Онъ возопилъ: «Я жажд
пор
Несутъ вино, отравленное желчью.
Уже молчитъ страданье въ Немъ,
И, торжествуя, Онъ воззвалъ:

«Свершилось!.. Прими, Всевышній, въ руцѣ духъ мой!»
И, преклонивъ главу на грудь—отшелъ!
Со всѣхъ слетѣли звѣздъ смятенны сера-
И вопіютъ: «Его ужъ нѣтъ!» [фимы,
И въ безднахъ грянуло подземныхъ:
Его ужъ нѣтъ!
Голгоѳа, трепещи! Ты кровь Его пріяла!
Затмися, день! и міру въ часъ сей не свѣти!
Ты разорвись, земля, убійцъ носяща!
Тьма гроба, разступись! воздвигнитесь, отцы!
Земля, гдѣ скрыты вы,
Вся кровью облита!
Его ужъ нѣтъ! Повѣдай
Въ печали утро утру:
Его ужъ нѣтъ!
И вѣчность, трепетно отвѣтствуй:
Его ужъ нѣтъ!

Хоръ.

Скорби, душа!
Ужъ другъ людей
Земную жизнь покинулъ!
Намъ ужъ болѣ не слыхать
Сладкихъ устъ ученья!

Соло.

Ободрись! Все ужъ ниспровергнулъ
Мощный левъ Іуды!

Хоръ.

Скорби, душа!
Гдѣ другъ людей?
Погибъ среди мученій!
Нѣжну грудь разорвала
Скорбь неодолима!

Соло.

Ободрись! и пр.

Хоръ.

Скорби душа!
Се другъ людей,
Смиренный, непорочный,
Въ поруганьѣ, въ униженьѣ,
Казнь рабовъ пріемлетъ!

Соло.

Ободрись! и пр.

Хоръ.

Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
Спаситель, предъ Тобой!
И наши слезы въ прахъ ліются,
Облитый кровію Твоей—
О, вѣчно славимъ будь!
Защитникъ, другъ и примиритель,
Ты вѣчные свои законы
Печатью смерти утвердилъ—
Прославленъ будь вовѣки!
Вовѣкъ боготворимъ!
Простерты и пр.

НАДГРОБІЕ

и. п. и а. и. тургеневымъ.

Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ:
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый другъ;
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
«Ихъ неутраченной любви не измѣнить;
«Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними, совершить—
«Чтобъ быть достойными о нихъ воспоминанья,
«Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ великій часъ свиданья».

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Напеч. въ первый разъ въ послѣдней книжкѣ „В. Евр.“ за 1812 г., № 23—24; въ слѣдующемъ, 1813 г., вышло двумя изданіями: первое помѣчено въ цензурѣ 24 января, второе—12 мая. Второе изданіе было сдѣлано по желанію самой императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ первыхъ, болѣе раннихъ, изданіяхъ сочиненій Жуковскаго „Пѣвецъ“ помѣченъ 1812 годомъ; въ изд. 1849 г. отнесенъ къ 1811 году[?..],—хотя здѣсь же, въ примѣчаніи, читается: „Авторъ писалъ сіи стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ...“ Сраженіе при Тарутинѣ происходило въ началѣ октября 1812 года.

Вождю побѣдителей.

Напеч. въ „В. Евр.“, 1812 г., № 21—22, и вслѣдъ затѣмъ въ „Сынѣ Отеч.“ 1813 г.; въ 1813 же году вышло отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Князю Смоленскому“ (СПБ., 1813). Въ первыхъ двухъ изданіяхъ помѣчено 1812 г.; въ изд. 1849 г. отнесено къ 1811 году (!),—хотя здѣсь же, въ самомъ заглавіи, удерживаются дополнительныя слова заглавія: „писано послѣ сраженія подъ Краснымъ“. Сраженіе подъ Краснымъ происходило 6 ноября 1812 года.

Элизіумъ.

Маттиссонъ (F. Matthisson, 1761—1831) принадлежалъ къ числу второстепенныхъ, но пользовавшихся чрезвычайною популярностью въ свое время нѣмецкихъ поэтовъ. Впрочемъ, о стихотвореніяхъ Маттиссона былъ очень высокаго мнѣнія и Шиллеръ, которому нравилась въ его поэзіи тихая меланхолія и мечтательность, соединявшіяся съ красивыми описаніями природы и плавностью языка. По общему своему міровоззрѣнію, Маттиссонъ принадлежалъ къ Руссо. Лучшимъ произведеніемъ Маттиссона была его *Klagie in den Ruinen eines alten Bergschlosses*,—переведенная Батюшковымъ (*На развалинахъ замка въ Швеціи*). Въ одномъ изъ своихъ писемъ Батюшковъ приводитъ характеристику, сдѣланную Шиллеромъ Маттиссоновской поэзіи: „Тѣсное обращеніе съ природою и съ классическими образцами напитало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его нравственную грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ человѣчеству одушевляетъ его произведенія, и всѣ явленія природы отражаются въ душѣ его со всѣми оттѣнками, какъ въ тихомъ зеркалѣ воды“ („Соч.“, II, 83—84).

Пиршество Александра, или сила гармоніи.

Англійскаго поэта Джона Драйдена (J. Dryden, 1631—1700) Шерръ называетъ „знаменитѣйшей одой англійской литературы“. Во всякомъ случаѣ, ода эта, написанная въ самые послѣдніе годы жизни поэта, обладаетъ несравненно бо́льшимъ поэтическимъ огнемъ, чѣмъ другія, болѣе ранніе, его произведенія. Д. Драйденъ принадлежалъ къ старому періоду англійской литературы и былъ однимъ изъ величайшихъ англійскихъ поэтовъ такъ.-наз. классической эпохи.

Пустынникъ.

Оливеръ Гольдсмитъ (O. Goldsmith, 1728—1774), знаменитый англійскій романистъ, авторъ столь извѣстнаго во всѣхъ европейскихъ литературахъ *Векфильдскаго Сельскаго* (Wicar of Wakefield, 1766), былъ замѣчательнымъ писателемъ также въ области пѣсни, баллады и описательной поэзіи.

Посланіе къ Плещееву въ день Свѣтлаго Воскресенья.

Посланіе это до сихъ поръ не было напечатано сполна,—лишь первая, сравнительно меньшая, часть его читается въ послѣд. изданіи г. Ефремова (СПБ., 1901); вторая, бо́льшая, часть стихотворенія, осталась ненапечатанной... Полный текстъ посланія читается въ автографѣ, въ альбомѣ М. А. Протасовой. (№ 14).

Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, страстный любитель музыки и театра, отчасти и самъ композиторъ, мастерски писавшій французскіе стихи, хорошо знакомый съ русской литературой (род. ок. 1775 г.; ум. въ 1827), родственникъ Карамзина, который родителямъ этого Плещеева писалъ свои знаменитыя *Письма русскаго путешественника*,—сначала служилъ въ гвардіи, потомъ, женившись на гр. А. И. Чернышевой, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Черни, верстахъ въ 40 отъ Муратова и Бѣлева, гдѣ жили Е. Ав. Протасова съ своимъ семействомъ и Жуковскій. Черни скоро сдѣлалась центромъ веселья на всю округу; — со всего уѣзда сюда съѣзжались гости, — сюрпризамъ, домашнимъ театрамъ, маскарадамъ и т. п. конца не было. Самъ хозяинъ былъ, по словамъ Жуковскаго, „неисчерпаемымъ источникомъ веселья“. Выше, по другому поводу, приводилось относящееся сюда свидѣтельство кн. Вяземскаго. На домашнемъ театрѣ Плещеева представлялись комедіи и оперы, имъ самимъ сочиненныя и положенныя на музыку. Плещеевъ, обладая прекраснымъ талантомъ читать и играть драматическія сочиненія, руководилъ театральными представленіями съ рѣдкимъ искусствомъ... По смерти своей жены, Плещеевъ переѣхалъ въ 1817 г. въ Петербургъ, и при посредствѣ Жуковскаго, имѣя славу отличнаго декламатора и вообще чтеца,—Плещеевъ вскорѣ былъ назначенъ чтецомъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Пѣсня матери надъ колыбелью сына.
(Изъ Беркена.)

Арно Беркенъ (Arnaud Berquin, 1749—1791), пріобрѣтшій особенную извѣстность своимъ сборникомъ дѣтскихъ разсказовъ (*L'ami des enfants*, 1784), за который получилъ премію отъ Французской Академіи,—принадлежалъ къ представителямъ французской сентиментально-буколической поэзіи; его назы-

вали французскимъ Геснеромъ. Переведенное Жуковскимъ стихотвореніе Беркеня: *Plaintes d'une femme, abandonnée par son amant* пользовалось большой извѣстностью у современниковъ.

Къ И. И. Дмитріеву. (Итакъ, ея ужъ нѣтъ.)

Напеч. въ „Москвитянинѣ", 1852, № 21. Стихотвореніе относится, повидимому, къ 1813 г.; изъ армія въ Муратово Жуковскій вернулся 6 января 1813 г. Печатаемъ по тексту названнаго журнала, гдѣ стихотвореніе сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи: „Редакторъ получилъ этотъ подарокъ отъ М. А. Дмитріева при слѣдующей запискѣ: „Вотъ стихи В. А. Жуковскаго, нигдѣ не напечатанные и никому неизвѣстные. Они написаны имъ были въ письмѣ къ моему дядѣ И. И. Дмитріеву, послѣ пожара Москвы 1812 года, въ которомъ сгорѣлъ его московскій домъ, бывшій у Харитонія, въ Огородникахъ. Посылаю ихъ для Москвитянина". „Москвитянинъ", 1852, т. VI, № 21, отд. I, стр. 6.—*Ив. Ив. Дмитріевъ*, другъ Карамзина, извѣстный русскій писатель (род. въ 1760 г.; ум. 3 окт. 1837). Съ Дмитріевымъ, „второю ипостасью" Карамзина, Жуковскій сближается уже на самыхъ первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности.

Свѣтланѣ.

Въ семейномъ кружкѣ „Свѣтланой" называлась вторая дочь Е. А. Протасовой, *Александра Андреевна*, вышедшая потомъ замужъ за *Воейкова*.

Къ А. П. Кирѣевской, въ день рожденія Маши.

Авдотья Петровна Кирѣевская, урожденная Юшкова, вторая дочь Варвары Аѳанасьевны Юшковой, племянница и сверстница Жуковскаго, оставшаяся навсегда однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей,—въ первомъ замужествѣ была за докторомъ Василіемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ; во второмъ—за А. А. Елагинымъ. В. И. Кирѣевскій скончался въ ноябрѣ 1812 года, заразившись тифомъ въ больницѣ, которою онъ завѣдывалъ и гдѣ выказалъ необыкновенную самоотверженность. Кромѣ двухъ сыновей, столь извѣстныхъ позднѣе, Ивана и Петра, Авдотья Петровна отъ брака съ Кирѣевскимъ имѣла еще дочь Марію, родившуюся 8 августа 1811 г. Скоропостижная смерть мужа на первыхъ порахъ страшно поразила Авд. П-ну; тѣ же мысли, которыя развиваетъ Жуковскій въ этомъ стихотвореніи, встрѣчаемъ и въ письмахъ его къ Кирѣевской за это время... Какъ уже замѣчено нами выше, въ біографіи поэта, Авд. П-на была одною изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ своего времени, и въ 30-хъ годахъ, когда она была замужемъ уже за А. А. Елагинымъ и жила въ Москвѣ, домъ ея служилъ однимъ изъ центровъ умственной жизни тогдашней Москвы. А. П. Кирѣевская скончалась въ Дерптѣ, въ 1878 г., переживъ всѣхъ своихъ близкихъ родныхъ.

Къ доктору Фору.

Д-ръ Форъ былъ взятъ въ плѣнъ подъ Малымъ Ярославцемъ и жилъ у Плещеевыхъ въ Черни. Въ началѣ 1813 г., когда М. А. Протасова, узнавши, что Жуковскій просилъ ея руки и получилъ отъ матери ея рѣшительный отказъ, сильно заболѣла, — д-ръ Форъ лѣчилъ ее. Стихотвореніе написано въ связи съ этими обстоятельствами.

Кто бъ ни былъ ты—зефиръ, пѣвецъ, иль чародѣй...

Стихотвореніе до сихъ поръ не было напечатано.

Къ Воейкову. (Добро пожаловать, пѣвецъ...)

Въ примѣчаніи къ стихотворенію читаемъ: „А. Ѳ. Воейковъ, извѣстный нашъ стихотворецъ, объѣздивъ нѣкоторыя южныя провинціи Россіи, посѣтилъ автора, живущаго въ деревнѣ (въ концѣ 1813). Онъ написалъ нѣсколько стиховъ въ похвалу поэмы его *Владиміръ*, существующей въ одномъ только воображеніи".

А. Ѳ. Воейковъ (1778—1839), небезызвѣстный въ свое время сатирич. поэтъ, критикъ и журналистъ, одно время занимавшій въ Дерптѣ каѳедру русской литературы (1815—1820 гг.), авторъ знаменитой въ свое время сатиры *Домъ Сумасшедшихъ* (написанной первоначально въ 1814 г. и потомъ, почти до самой смерти автора, постоянно имъ передѣлывавшейся и дополнявшейся),— былъ сотоварищемъ Жуковскаго по моск. Благор. пансіону. Въ концѣ 1813 г. Воейковъ, пользовавшійся уже нѣкоторой извѣстностью, по приглашенію Жуковскаго пріѣхалъ къ нему въ Муратово, познакомился съ семьей Протасовыхъ и въ слѣдующемъ же, 1814 г., женился на второй дочери Ек. Ав-ны, Александрѣ Андреевнѣ. Воейковъ очень скоро узналъ тайну Жуковскаго, любовь его къ М. А-нѣ, какъ-то проникнувъ тайно въ „Дневникъ" Жуковскаго, въ „книгу съ бѣлыми листами", и написалъ въ немъ нѣсколько стиховъ, касавшихся отношеній Жуковскаго къ его старшей племянницѣ. На это обстоятельство и указывается въ послѣднемъ изъ сейчасъ приведенныхъ примѣчаній... Жуковскій самымъ дружескимъ образомъ относился въ это время къ Воейкову, но послѣдній очень скоро заплатилъ за это гнусной неблагодарностью: втершись въ довѣренность Ек. А-ны Протасовой, а потомъ и женившись на ея дочери, Воейковъ уже очень скоро съ надменностью началъ преслѣдовать Жуковскаго, такъ что тотъ долженъ былъ даже покинуть Муратово, удалиться на время въ Черни, къ своимъ друзьямъ Плещеевымъ... Замужество А-ры Андреевны было крайне несчастливо, и Жуковскій позднѣе совершенно разошелся съ Воейковымъ.

Добрый совѣтъ. Въ альбомъ В. А. Азбукину.

В. А. Азбукинъ приходился родственникомъ Протасовымъ и былъ женатъ на младшей дочери Варвары Аѳанасьевны Юшковой, Екатеринѣ Петровнѣ. Въ 1812 г. Азбукинъ былъ начальникомъ Жуковскаго по ополченію. † ок. 1832 г. Въ собраніи бумагъ поэта, находящемся въ И. П. Библіотекѣ (въ пашкѣ по опис. С. Вычкова, № 77, л. 25), имѣется особый, составленный самимъ поэтомъ и собственноручно имъ написанный перечень стихотвореній его, написанныхъ въ теченіе октября, ноября и декабря 1814 г. Въ этомъ „перечнѣ" разсматриваемое стихотвореніе помѣчено *2 октября*. Какъ указывается г. Ефремовымъ, поводомъ къ составленію стихотворенія послужило слѣдующее четверостишіе самого Азбукина:

Живу безъ страха межъ людей,
Мой кровъ—святое Провидѣнье,
А спутники грядущихъ дней—
Любовь, надежда и терпѣнье.

(„Соч." Жуковскаго, I, СПБ., 1878, стр. 508). Къ браку Азбукина на Е. П. Юшковой относится печатаемое нами ниже шуточное стихотвореніе Жуковскаго: *Любовная Карусель... Тульская баллада.*

Библія.

Л. Фонтанъ (L. Fontanes, 1757—1821) принадлежалъ къ самымъ послѣднимъ представителямъ французскаго классицизма, хотя отъ природы обладалъ значительнымъ поэтическимъ чутьемъ; убѣжденный, что послѣ Расина поэзія не можетъ уже произвести ничего высокаго, Фонтанъ тѣмъ не менѣе съ восторгомъ относился къ произведеніямъ Шатобріана... Однимъ изъ удачнѣйшихъ стихотвореній было *Le jour des morts;* въ черновыхъ бумагахъ Жуковскаго мы находимъ указаніе, что онъ имѣлъ въ виду между прочимъ перевести и это стихотвореніе.

Безподобная записка къ тремъ сестрицамъ въ Москву.

Упоминаемыя здѣсь „три сестрицы"—кажется, баронесса М. А. Черкасова, жившая съ мужемъ въ своемъ имѣніи Володьковѣ, находящемся невдалекѣ отъ Долбина, и ея двѣ сестры.

Росписка Маши Кирѣевской.

Маша Кирѣевская—дочь упоминавшейся нами выше Авд. П. Кирѣевской, родившаяся 8 авг. 1811 г. († въ 1859 г., въ дѣвицахъ). Стихотвореніе въ концѣ, вѣроятно, шутливо намекаетъ на какую-нибудь дѣтскую подробность, связанную съ этимъ ребенкомъ, которому было въ это время около 3-хъ лѣтъ. Въ одномъ письмѣ 1814 года къ А. П. Кирѣевской Жуковскій, жалуясь на жестокость къ нему Е. А. Протасовой и съ горечью указывая, какъ легко могло бы быть

для него осуществленнымъ счастье,—приводитъ слова той же малютки Кирѣевской: „О, люди! люди! О, мода! мода!.."

Къ кн. Вяземскому.

(Намъ славитъ древность Амфіона.)

Амфіонъ—сынъ Зевса и Антіопы, дочери ѳивскаго царя,—славился своею игрою на лирѣ. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, близнецомъ Зефомъ, Амфіонъ во многихъ мѣстахъ Греціи является основателемъ городовъ. Говорятъ, при постройкѣ городовъ камни сами собой складывались, какъ нужно, подъ неотразимымъ вліяніемъ игры на лирѣ Амфіона...

Къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.

По указанію самого кн. Вяземскаго, три эти стихотворенія Жуковскаго стоятъ въ связи съ незадолго написанными передъ тѣмъ *Посланіемъ* къ кн. Вяземскому В. Л. Пушкина. [Соч. В. Л. Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, СПБ., 1893, стр. 80—82] и отвѣтнымъ *Посланіемъ* Пушкину кн. Вяземскаго [„Соч." кн. Вяземскаго, т. III, СПБ., 1880, стр. 73—74]. Въ своемъ посланіи Пушкинъ говоритъ о злобѣ критиковъ и невѣжествѣ завистниковъ,— и какъ трудно „всѣмъ нравиться, всѣмъ угодить"... Пушкинъ, между прочимъ, указываетъ на печальную участь Озерова († 1816), извѣстнаго нашего драматурга, который незадолго передъ тѣмъ, послѣ блестящаго успѣха своихъ трагедій, скоро долженъ былъ [вслѣдствіе не вполнѣ разъясненныхъ обстоятельствъ] оставить службу и удалиться въ свою казанскую деревню:

Давно ли, шествуя Корнелію вослѣдъ,
Поэтъ чувствительный, питомецъ Мельпомены,
Творецъ Димитрія, Фингала, Поликсены,
На Сѣверѣ блисталъ?.. И Озерова нѣтъ!
Завистниковъ-невѣждъ онъ учинился жертвой;
Въ уединеніи стенящій, полумертвой,
Успѣхи онъ свои и лиру позабылъ!.—

Вяземскій въ отвѣтномъ посланіи, соглашаясь съ Пушкинымъ, что „съ людьми ужиться въ снѣтѣ трудно, у каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой",—даетъ ему совѣтъ:

Ты смѣйся—и молчи... Роптанье безразсудно!..

И далѣе:

Грудистыхъ крикуновъ, въ которыхъ разумъ скудной
Запасомъ дерзости съ избыткомъ замѣненъ,
Перекричать нельзя: языкъ ихъ—брань, искусство—
Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство,
А демонъ зависти—ихъ мрачный Аполлонъ!
Но ихъ безвредное, смѣшное вѣроломство
Въ борьбѣ съ талантами не можетъ устоять;
Какъ волны отъ скалы, оно несется вспять!
Что вѣкъ зоила? день! Вѣкъ генія? потомство.
Учись! Здѣсь Карамзинъ—честь края своего...
Пускай дурачатся! Гордись рукоплесканьемъ
Сотрудниковъ своихъ...

Въ разсматриваемыхъ стихотвореніяхъ Жуковскій высказываетъ свой принципіальный взглядъ на поднятый друзьями вопросъ,— какъ относиться поэту къ „славѣ" и „хулѣ" современниковъ,— и мимоходомъ подвергаетъ оба произведенія своихъ друзей стилистической критикѣ.

Къ Плещееву. (Ну, какъ же вздумалъ ты, дуракъ...)

Гриневъ, Иванъ Никифоровичъ, — управляющій въ Долбинѣ, имѣньѣ Юшковыхъ, гдѣ жилъ Жуковскій. Раньше Гриневъ былъ учителемъ въ уѣздномъ училищѣ въ Бѣлевѣ и одно время давалъ уроки дочерямъ Ек. Ав. Протасовой.

Губаревъ былъ сотоварищемъ и сверстникомъ Жуковскаго и Тургенева по московскому Благородному пансіону; въ это время проживалъ въ Долбинѣ,—занимался, между прочимъ, перепиской сочиненій Жуковскаго.

Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.

Баллада эта первоначально носила заглавіе: *Старушка*. „Балладу *Старушку* въ Москвѣ не пропустили",—пишетъ въ апрѣлѣ 1815 г. Жуковскій Тургеневу:—„постарайся, чтобъ того же не сдѣлалось въ Петербургѣ!.." [Письма и пр., стр. 145]. Но то же „сдѣлалось" и въ Петербургѣ: петербургская цензура также балладу не пропустила... Баллада эта не могла войти ни въ первое (1815—1816 гг.), ни во второе (1818), ни въ третье (1824) изданія сочиненій,— долго ходила по рукамъ въ рукописи и была напечатана лишь въ 1831 г.

Алина и Альсимъ. [Баллада].

Монкрифъ [Fr. de Moncriff, 1687—1770], французскій поэтъ и академикъ, чтецъ королевы Маріи, супруги Людовика XV пользовался большою популярностью въ придворныхъ кружкахъ „какъ стихотворецъ, музыкантъ, актеръ и искусный боецъ на шпагахъ"... Какъ писатель, онъ былъ очень плодовитъ, писалъ романы, комедіи, балеты, и вообще былъ представителемъ такъ-назыв. „легкой поэзіи" (poésies fugitives); болѣе удачными были его пѣсни и романсы. Подражателемъ Монкрифа въ нѣмецкой литературѣ былъ Глеммъ (1719—1803).

Ахиллъ. [Баллада].

Стихотвореніе сопровождается здѣсь слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы, или умереть въ молодости со славою — онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его вскорѣ послѣдуетъ за смертью Гектора — и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду,—и въ шумный бой, и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ объ ней: наконецъ, онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему погибель.

Виденъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ.

Пріамъ приходилъ однажды ночью въ греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы сего старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою.

И скрипятъ врата Аида.

Аидомъ назывался у грековъ адъ; Плутонъ былъ именованъ Айдонеемъ.

Ты не жди, Менецій, сына.
Менецій отецъ Патрокла.
Отъ Скироса, вдаль влекомый,
Поплываетъ Неоптолемъ.

Пирръ сынъ Ахилла и Деидаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего, царя Ликомеда".—(Стихотворенія В. Жуковскаго, т. III, СПБ., 1849 г.).

Къ этому прибавимъ еще слѣдующія:

Отуманилася Ида...

Ида — горный хребетъ въ сѣверо-западной части Малой Азіи (въ Мизіи или Троадѣ); во времена Гомера былъ очень лѣсистъ и богатъ источниками.

Путь къ Тенару проложилъ...

Тенаръ, Тенаронъ (Ταίναρον)—древнее названіе мыса въ Лаконикѣ въ Пелопоннесѣ (нынѣ Матапанъ). Здѣсь, у подножія мыса, находится пещера, считавшаяся въ древности входомъ въ подземное царство, въ тартаръ. По греческимъ мнѣніямъ, Геракль вывелъ изъ ада Цербера черезъ эту пещеру; здѣсь же дельфинъ высадилъ на берегъ поэта Ариона...

Императору Александру.

Въ сентябрѣ 1814 г. изъ Долбина Жуковскій пишетъ А. И. Тургеневу: „...Между нами: я хочу писать *Посланіе къ Государю*. Принято ли это будетъ и не поздно ли? Оно давно было бы написано, но... Музѣ надобенъ покой! А у меня его не было..." Мѣсяцъ спустя, 20 октября, изъ Бѣлева, ему же: „Хочу приниматься за *Посланіе къ Государю*; планъ сдѣланъ, кажется, хорошо, а это для меня всего важнѣе. Онъ написанъ,—слѣдовательно, не могу бояться, чтобы мысли, записанныя въ минуту горячую, пропали изъ

головы въ минуту холодную. Мнѣ весело было писать этотъ планъ, и признаюсь, много обѣщаю себѣ наслажденія отъ самаго сочиненія"... И 1-го декабря того же года: „Ты ждешь отъ меня плана моего *Посланія къ Государю*, а я посылаю тебѣ его совсѣмъ написаннoe..." И далѣе: „Первое условіе: прочитать вмѣстѣ съ Батюшковымъ, съ Блудовымъ, съ Уваровымъ и, если онъ состоитъ налицо, съ Дашковымъ. Что найдете необходимымъ поправить, поправляйте; на меня въ этомъ случаѣ уже не надѣйтесь. Лучше написать новое, нежели поправлять. Пока пишу, по тѣхъ поръ мараю, сколько душѣ угодно, и могу марать; написалъ — всему конецъ! Судьбу этого посланія предаю въ руцѣ твои. Тургеневъ. Ты долженъ его переписать и доставить къ Государынѣ Императрицѣ, и, если можно, скорѣе. Прошу цензировать со всевозможной строгостью приложенное *письмо*, переписать его, подписать за меня и подать. Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Посланіе подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было. Поплины съ любви и съ выраженія любви къ нашему славному Царю сбирать не должно. Я многое писалъ съ восхищеніемъ, и за это счастливое чувство нечѣмъ наградить. Я такъ этого боюсь, что даже намекнулъ объ этомъ и въ своемъ *посвященіи*, во прилично ли? Суди самъ и сдѣлай, какъ посудишь. Изданіе поручаю тебѣ..." [Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 125, 126, 127, 130—131].

И чуждый вождь...
Узналъ тебя, на смерть онъ не роптalъ...

Разумѣется извѣстный французскій генералъ Моро, убитый подъ Дрезденомъ 15 августа 1813 г.

И гнусно грянуло: воспрянулъ Искупитель!..

„Извѣстно, что торжественное молебствіе россійской арміи совершено было въ день Свѣтлаго Воскресенія на той площади, гдѣ погибъ Людовикъ XVI".

Къ Букильону.—Мансимъ.

Букильонъ былъ управляющимъ А. А. Плещеева; *Мансимъ*—слуга Жуковскаго. Въ бумагахъ г. Ефремова имѣется еще небольшой набросокъ Жуковскаго, относящійся къ тому же Букильону и изданный г. Ефремовымъ въ Собр. Сочиненій; помѣщаемъ его здѣсь по этому тексту:

Былъ на свѣтѣ Букильонъ
И поэтъ Жуковскій,
Букильону снился сонъ
Про пожаръ московскій;
Видѣлъ также онъ во снѣ,
Что Пожарскій на конѣ
Ѣхалъ по Покровской.

О, ужасный, грозный сонъ.
Знать, передъ кручиной.
Вотъ проснулся Букильонъ,
Чиститъ зубы хиной.
Пробудился и поэтъ
И скорехонько одѣтъ
Онъ въ тулупъ овчинной...

Къ Кавелину. (Кавелинъ, другъ, поэтъ, директоръ).

Д. А. Кавелинъ (1779—1851) былъ товарищемъ Жуковскаго по москов. Благор. пансіону, хотя былъ значительно его старше; изъ пансіона вышелъ нѣсколькими годами ранѣе Жуковскаго. Въ небольшомъ стихотвореніи поэтъ хлопочетъ передъ своимъ старымъ сотоварищемъ за какого-то орловскаго доктора, — Гаспари: почему тотъ до сихъ поръ „не получилъ креста". Кавелинъ въ это время былъ директоромъ Медицинскаго департамента; позднѣе Кавелинъ былъ директоромъ Главнаго педагогическаго Института въ Петербургѣ.

Въ альбомъ барону П. Ив. Черкасову.

Баронъ *Петръ Ивановичъ Черкасовъ* (1797—1867) былъ пасынкомъ бар. М. А. Черкасовой, жившей въ Володьковомъ, сыномъ Ив. П. Черкасова отъ перваго брака. Впослѣдствіи онъ былъ замѣшанъ въ дѣло декабристовъ и сосланъ въ Ялуторовскъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Жуковскій вспоминаетъ о немъ: „Черкасова я зналъ ребенкомъ; его погубила молодость..." (Письмо къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 24 іюня 1837 г.).

Къ Воейкову.

Упоминаемый въ посланіи Жуковскаго *ижъ* — названіе славянской буквы Ѵ; въ нашихъ алфавитахъ XVII вѣка этимъ словомъ называлась также буква *И*.

И пустились голубца
Мельпомена съ Купидономъ...

Голубецъ — народная пляска, хороводная игра, въ которой изображается размолвка и примиреніе двухъ влюбленныхъ.

На заклейку оконъ Грея...
Зрѣлъ недавно, какъ Пиндаръ...
Зрѣлъ, какъ Сафу билъ голикъ...

Повидимому разумѣются бездарные переводы и подражанія изъ Грея, Пиндара и Сафо — Голенищева-Кутузова, выходившіе въ 1803—1805 гг. отдѣльными изданіями.

Мукъ тамъ бездна! Вотъ Хлыстовъ...
Вотъ Груздочкинъ—траголюбъ...

„Хлыстовъ"—гр. Д. И. Хвостовъ; подъ „Груздочкинымъ" едва ли не разумѣется А. Н. Грузинцевъ, одинъ изъ бездарныхъ, хотя очень трудолюбивыхъ нашихъ писателей начала XIX в. Изъ его твореній, помимо трагедіи *Электра и Орестъ*, болѣе значительными были: *Одинъ-царь*, представленная въ первый разъ въ Петербургѣ въ октябрѣ 1811 г. поэма *Петріада*, шестилѣтній трудъ, вышедшій въ 1812 г. и доставившій автору отъ императора Александра 2000 р. и брилліантовый перстень. *Спасенная и побѣдоносная Россія* (1813), трагедіи *Ираклиды или Спасенныя Аѳины* (1814) много др.

Трудно сказать, кто разумѣется изъ тогдашнихъ дѣятелей нашей литературы подъ именемъ Фирса... Было высказано предположеніе, не разумѣется ли здѣсь одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ дѣятелей „Бесѣды"—Ѳ. П. Львовъ. (Соч. Батюшкова I, 337). Это названіе встрѣчается также въ эпиграммѣ Батюшкова: *Истинный патріотъ*.

Въ альбомъ А. А. Протасовой.

Въ 1814 г. А. А. Протасова вышла замужъ за Воейкова; едва ли стихи не были написаны по этому поводу.

Любовная карусель. Тульская баллада.

Стихотвореніе до сихъ поръ не было напечатано. Выведенныя здѣсь лица, Катоша—Ек. П. Юшкова, вышедшая замужъ за В. А. Азбукина; Анета—ея старшая сестра, Анна Петровна Юшкова, въ замужествѣ Зонтагъ; Авдотья — другая ея сестра, А. П. Кирѣевская-Елагина. О В. А. Азбукинѣ мы упоминали выше. О той нравственной атмосферѣ, въ которой жилъ Азбукинъ, находясь на службѣ (что, можетъ-быть, косвенно и послужило поводомъ къ настоящему шутливому изображенію его семейнаго времяпрепровожденія, — М. А. Протасова-Мойеръ въ одномъ изъ своихъ .болѣе позднихъ писемъ замѣчаетъ: „Мой дѣятельный Мойеръ не можетъ понять, какъ могутъ люди жить такъ... Цѣлый день они на охотѣ, ночи за картами, а утромъ спятъ. Шампанское тянутъ, какъ квасъ, — а по дорогамъ валяются нищіе..." (Zeidlitz, W. A. Joukowsky, 129. Загарина, 327). По времени происхожденія, произведеніе относится, кажется, къ числу такъ-наз. „долбинскихъ" стихотвореній Жуковскаго 1814—1815 гг., когда онъ подолгу живалъ въ Долбинѣ, имѣньѣ Юшковыхъ, селѣ калужской губерніи, находящемся недалекѣ отъ Бѣлева, а по своему характеру — къ разряду тѣхъ шутливыхъ произведеній нашего писателя, которыхъ вообще у Жуковскаго было не мало, хотя они и вращались исключительно въ дружескомъ, семейномъ кружкѣ автора...

Не совсѣмъ понятное упоминаніе въ заглавіи о „*каруселѣ*", можетъ-быть, просто случайно вызвано было происходившимъ въ Москвѣ въ 1811 г. въ іюнѣ, каруселемъ. Въ „Вѣстникѣ Европы" этого года

(1811 года, въ іюльской книжкѣ, стр. 62—63), мы находимъ слѣдующее описаніе этого празднества:

„Въ послѣдней половинѣ минувшаго іюня въ Москвѣ, у Калужской заставы, посреди нарочно устроеннаго обширнаго амфитеатра, два раза дано было прекрасное и великолѣпнѣйшее зрѣлище каруселя. По Высочайшему дозволенію Государя Императора составилось здѣсь благородное каруселное собраніе подъ главнымъ распоряженіемъ его высокопревосходительства Степана Степановича Апраксина, который именованъ главнымъ учредителемъ всего каруселя. Стеченіе зрителей было чрезвычайное: въ первый разъ, іюня 20-го, для входа въ ложи и амфитеатръ розданы были зрителямъ билеты; а 25-го числа, для дня рожденія Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Павловича, данъ былъ подобный первому карусель въ пользу бѣдныхъ. Благородные рыцари показывали искусство свое въ верховой ѣздѣ, мѣткость рукъ и умѣнье управлять оружіемъ. Богатый уборъ церемоніймейстеровъ и кавалеровъ, устройство кадрилей, порядокъ шествія, самыя игры, восхитительные звуки четырехъ хоровъ военной музыки, все это выше всякаго описанія, все достойно обширности, многолюдства и пышности древней столицы величайшей въ мірѣ Имперіи"... Пышный праздникъ далъ поводъ В. Л. Пушкину къ изданію особой брошюры: *О каруселяхъ. Благородному московскому обоего пола собранію посвящаетъ кавалерскаго каруселнаго собранія членъ Василій Пушкинъ* (Москва, 1811 года, іюня 20 дня). Въ брошюрѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о каруселяхъ и турнирахъ,—причемъ къ числу послѣднихъ отнесенъ и поединокъ Яна Усмошвеца съ печенѣжскимъ богатыремъ; далѣе описываются карусель, бывшій въ Петербургѣ въ 1766 году, московскіе карусели 1784 и 1803 гг.; наконецъ, представляется списокъ членовъ „каруселънаго собранія" 1811 года, въ которомъ находимъ фамиліи многихъ представителей высшаго тогдашняго московскаго общества. Въ „запискахъ" С. Н. Глинки („Русскій Вѣстникъ", 1866 года, № 5, стр. 212) есть также свѣдѣнія объ этомъ каруселѣ,—кажется, къ репетиціямъ того же каруселя относится и слѣдующая замѣтка Батюшкова въ письмѣ къ Гнѣдичу (отъ 6 мая 1811 года): „У насъ карусель,—и всякій день кому носъ на сторону, кому зубъ вонъ"... (Соч. Батюшкова, II, 391—392).

Къ генералъ-маіору Б. В. Полуектову на выступленіе въ походъ 1815 года 17 февраля.

Б. Вл. Полуектовъ († 1843)—одинъ изъ генераловъ, отличившихся въ отечественную войну 1812 года.

Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой.

Ал. Дм. Полторацкая—дочь Дм. Марк. Полторацкаго († 1818), „любезнаго пріятеля" Карамзина, владѣльца обширной библіотеки, † 24 марта 1815 г., 18-ти лѣтъ.

Фурману.

Фурманъ—лицо очень мало извѣстное. Съ нимъ познакомился Жуковскій, очевидно, въ періодъ своей деритской жизни; къ этому времени, какъ видимъ, относится и посвященное ему стихотвореніе. Съ какимъ-то Фурманомъ Жуковскій позднѣе, въ 1820 г., видится за границей, въ Берлинѣ.

Къ Т. Е. Боку.

Т. Е. Бокъ, лифляндскій дворянинъ, былъ пріятель Жуковскаго. Онъ участвовалъ въ военныхъ походахъ 1805, 1807 и 1813—1815 гг., — отличался выдающимися качествами ума и сердца, — и среди деритскихъ пріятелей Жуковскаго былъ однимъ изъ выдающихся представителей новыхъ романтическихъ стремленій, распространявшихся тогда изъ Германіи...

Старцу Эверсу.

„Старецъ-Эверсъ"—*Лоренцъ Эверсъ* (1742—1830), извѣстный профессоръ богословія въ деритскомъ университетѣ. Обстоятельства, вызвавшія это стихотвореніе, указываются самимъ Жуковскимъ въ одномъ изъ писемъ его къ А. П. Кирѣевской: „Эверсъ, осьмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ: онъ живетъ для добра, и со всѣмъ этимъ—простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души и... я отъ всей души поцѣловалъ братскую руку.—На другой день послѣ студенческаго праздника отправился я вечеру... за городъ. Солнце заходило самымъ прекраснымъ образомъ, и я вспомнилъ объ Эверсѣ и о занѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Мой добрый шегтунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ. Я написалъ стихи къ старцу Эверсу... они должны быть деритскія повторенія моего Теоса и Эсхина. Въ обоихъ много для меня добра"...

Здравствуй, новый гость земной...

Стихотвореніе написано на рожденіе старшей дочери Александры Андреевны Воейковой, *Екатерины* († 1844). Въ послѣднихъ числахъ іюня или первыхъ числахъ іюля 1815 г. изъ Дерпта Жуковскій пишетъ Тургеневу: ....„Радость!.. Моя крестница родила мнѣ крестницу!.. Любо смотрѣть на счастье матери..."

Къ кн. Вяземскому.

По указанію Вяземскаго, стихотвореніе написано по поводу его стихотворенія *„Вечеръ на Волгѣ"* („Рус. Арх." 1866, стр. 869). Стихотвореніе это принадлежитъ къ довольно раннимъ произведеніямъ Вяземскаго, хотя напечатано было лишь въ 1821 году.

Къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому.

Ю. А. Нелединскому-Мелецкому (род. въ 1752 г.; † 1828), небезызвѣстному въ свое время поэту и вообще принадлежавшему къ лучшимъ представителямъ нашего образованія и литературы конца XVIII и нач. XIX в. Нелединскій-Мелецкій не былъ присяжнымъ литераторомъ, но былъ человѣкъ даровитый и образованный, не лишенный къ тому же оригинальнаго поэтическаго дарованія; его разнообразныя произведенія, особенно „вдохновенныя страстью" (по выраженію Батюшкова) пѣсни въ народномъ духѣ многими цѣнились очень высоко и доставили автору широкую извѣстность. По свидѣтельству современниковъ, его пѣсню: *Выйду ль я на рѣченьку*— „пѣли и красавицы высшаго общества, и поселянки среди полевыхъ трудовъ..." Батюшковъ называлъ Нелединскаго-Мелецкаго „русскимъ Шолье", а Пушкинъ ставилъ его выше Дмитріева...

Славянка.

Стихотвореніе сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Славянка — рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ и въ особенности два памятника, произведеніе знаменитаго Матроса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ государынею вдовствующею императрицею въ честь покойнаго императора Павла. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ Павла; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на пьедесталѣ изображено въ барельефѣ Семейство Императорское: Государь Александръ представленъ сидящимъ; голова его склонилась на правую руку и лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ, навстрѣчу первой.—Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ (впадающейся передъ самымъ дворцомъ въ небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется семейственною, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое-нибудь радостное происшествіе въ Высокомъ Семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная урна Судьбы. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревьевъ, воздвигнуты прекрасный памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ, и безвременный ко-

вы видите молодую женщину, существо
сное, нежели земное; она готова покинуть
она еще не улетѣла, но душа ея смиренно
призывающему ее гласу; и взоры, и рука
ые къ небесамъ, какъ будто говорятъ: „да
ля Твоя“. Жизнь, въ видѣ юнаго генія,
ся у ея ногъ и хочетъ удержать летящую,
не замѣчаетъ; она повинуется одному
ке надъ головой ея сіяетъ звѣзда новой

Пѣвецъ въ Кремлѣ.

реніе издано было отдѣльной брошюрой
ду съ такой замѣткой отъ издателей: „Сіи
писаны въ концѣ 1814 года“. Авторъ
етъ пѣвца русскихъ воиновъ, возвратив-
родину и поющаго пѣснь освобожденія
, среди гражданъ московскихъ, въ виду
принесенной за отчизну, и въ тотъ самый
екабря), когда торжествующая Россія пре-
съ благодарностью колѣна предъ Промы-
асшимъ черезъ нея всѣ народы Европы и
свободы и просвѣщенія“.

Овсяный кисель.

реніе сопровождается слѣдующимъ примѣ-
Опытъ перевода съ аллеманскаго нарѣчія.
оворитъ Гете объ авторѣ *Аллеманскихъ Сти-*
: — изображая свѣжими, яркими красками
ѣнную природу, умѣетъ оживотворить ее
легоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ
ли наполняли ее существами идеальными:
іады, ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ
. Гебель, напротивъ, видитъ во всѣхъ сихъ
ъ однихъ знакомцевъ своихъ, *поселянъ*, и
тихотворные вымыслы самымъ пріятнымъ
напоминаютъ намъ о сельской жизни, о
рѣнномъ земледѣльца и пастуха. Онъ вы-
мирной своей Музы прекрасный уголокъ
котораго никогда съ нею не покидаетъ:
ъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля,
Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое
ще, обращается къ сѣверу. Ясность неба,
земли, разнообразіе мѣстоположеній, жи-
ы, веселость жителей и милая простота
збраннаго поэтомъ, весьма благопріятны
ѣсному, оригинальному таланту. Во всемъ,—
ѣ, и на небесахъ,—онъ видитъ своего сель-
еля; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ
ъ онъ его полевые труды, его семействен-
сти и печали; особенно удаются ему изобра-
мѣны дня и года; онъ даетъ душу расте-
влекательно изображаетъ все чистое, прав-
и радуетъ сердце картинами ясно-беззас-
изни. Но такъ же просто и разительно
ъ онъ и ужасное и нерѣдко съ тою же
простотою говоритъ о предметахъ болѣе
о смерти, о тлѣнности земного, о неизмѣ-
небеснаго, о жизни за гробомъ — и языкъ
реставая ни на минуту быть непосредствен-
икомъ поселянина, безъ всякаго усилія
тся вмѣстѣ съ предметами, выражая равно
и высокое, и меланхолическое. Нарѣчіе,
Гебелемъ, есть такъ-называемое *алеман-*
ребляемое въ окрестностяхъ Базеля“.

Весеннее чувство.

мъ изъ дополнительныхъ томовъ къ изд.
XII, 1857) стихотвореніе это напечатано
ніемъ: *Вольное подражаніе романсу Ша-*
Combien j'ai douce souvenance (XII, стр.

альбомъ кн. М. А. Щербатовой.

ндреева Поликарпова была въ то время,
стихи были къ ней написаны (ок. 1817 г.),
ной *Щербатовой* и, будучи фрейлиной при
государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, имѣла
чай видаться съ Жуковскимъ...“ „Москвит.“,
21.

въ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія.

ѣданіе „Арзамаса“ происходило въ іюнѣ

Мѣсяцъ Травный,... Пылкій Изокъ... у Мрачнаго Грудня...

Травный (Травнъ), *Изокъ*, *Груденъ* (Груденъ)—славянскія названія мѣсяцевъ мая, іюня и ноября; арзамасцы нерѣдко употребляли славянскія слова, выраженія, названія—пародируя любовь къ славянщинѣ членовъ „Бесѣды“.

На берегѣ Карповки славной...
Подъ сводомъ
Новосозданнаго храма, на коемъ начертано имя
Вѣщаго Штейна...

Разумѣется дача С. С. Уварова, вблизи Петербурга. „Новосозданный храмъ“ — особый павильонъ, который здѣсь былъ построенъ въ память пребыванія барона Штейна († 1831), знаменитаго политическаго дѣятеля Германіи, бывшаго на русской службѣ, въ это время сблизившагося съ Уваровымъ и потомъ находившагося съ нимъ въ перепискѣ.

Упоминаемые далѣе члены „Арзамаса“:
Рейнъ—М. Ѳ. Орловъ.
Старушка—С. С. Уваровъ.
Варвикъ—Н. И. Тургеневъ.
Журка (сокращ. изъ *Ивиковъ журавль*)—Ф. Ф. Вигель.
Пустынникъ—Д. А. Кавелинъ.
Асмодей—кн. П. А. Вяземскій.
Громобой—С. П. Жихаревъ.
Свѣтлана—Жуковскій.
Кассандра—Д. Н. Блудовъ.
Эолова арфа—А. И. Тургеневъ.

Нѣчто пугообразное, пупомъ впячанное, вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы стало
бурчанье...

Арзамасское прозваніе Эолова Арфа дано было А. И. Тургеневу вслѣдствіе постояннаго бурчанія въ его животѣ. Тургеневъ отличался тучностью и неумѣренностью въ ѣдѣ. По словамъ его пріятеля, кн. Вяземскаго,—Тургеневъ „былъ не гастрономъ, не лакомка, а просто обжерливъ. Вмѣстимость его желудка была изумительна“... („Полн. собр. соч.“, VIII, 284).

Тутъ осанистый Рейнъ разгладилъ чело...
Звѣздная надпись сіяла... Журналъ Арзамасскій...

М. Ѳ. Орловъ († 1842), блестящій аристократъ, извѣстный въ свое время генералъ, членъ „Союза Благоденствія“, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ кружку „Арзамаса“,—членомъ котораго онъ сдѣлался въ 1817 г., принявъ имя „Рейна“. Орловъ не былъ доволенъ полушутливыми, полусерьезными перебранками съ „Бесѣдой“ и вообще всѣмъ характеромъ арзамасскихъ засѣданій,—и при первомъ же вступленіи своемъ сюда сдѣлалъ попытку обратить занятія кружка къ болѣе серьезнымъ цѣлямъ и предметамъ... „Вмѣсто того, чтобы, по принятому обычаю, произнести пародію надгробнаго слова какому-нибудь живому академику, онъ произнесъ серьезную рѣчь, въ которой указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками, тогда какъ положеніе отечества представляло такое обширное поприще уму всякаго человѣка, преданнаго общественному благу. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе; всѣ почувствовали справедливость и упрековъ и совѣтовъ новопринятаго. Но если пустого и неразумнаго стало потомъ меньше въ этомъ обществѣ, то полезнаго и разумнаго все-таки не прибавилось“ (Н. Тургенева, La Russie, 173. А. Н. Пыпина, Очерки общественнаго движенія въ Россіи при Александрѣ I, СПБ., 1885, стр. 405).

Рядомъ съ нимъ Шутовской...

„Шутовской“—кн. А. А. Шаховской (1777—1846), въ свое время весьма извѣстный и чрезвычайно плодовитый драматическій писатель. Прозвище это

дано было Шаховскому въ эпиграммахъ на него кн. Вяземскаго,—и навсегда осталось за нимъ въ кружкѣ „Арзамаса“. Позднѣе, въ своихъ комедіяхъ, драмахъ, трагедіяхъ — Шаховской перешелъ къ „романтическимъ“ сюжетамъ,—но на первыхъ порахъ, въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, былъ строгимъ „классикомъ“, ближайшимъ послѣдователемъ теоріи Шишкова и „Бесѣды“.

Тяжкій съ притчами возъ, а на козлахъ...
Въ буркѣ, графъ Дмитрій Хвостовъ...

Разумѣются *избранныя притчи* (СПБ., 1802) гр. Д. И. Хвостова, знаменитаго въ своемъ родѣ метромана... „Эта книга, замѣчаетъ кн. Вяземскій, была нашею настольною и потѣшною книгою въ „Арзамасѣ“. Жуковскій всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней нерѣдко свои арзамасскія вдохновенія. Она послужила ему и темою для вступительной „рѣчи“, при назначеніи его членомъ арзамаскаго общества. Жуковскій имѣлъ особый даръ отыскивать книги подобнаго рода и наслаждаться ими. Онѣ служили ему врачебнымъ пособіемъ для возбужденія здороваго смѣха“... („Рус. Арх.“, 1866, стр. 481).

...Тушканчикъ Вздыхаловъ...

Разумѣется—Е. И. Станевичъ (1775—1835), членъ „Бесѣды“, дѣятельный сотрудникъ ея чтеній, бездарный поэтъ („Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ“. СПБ., 1804), сторонникъ Шишкова и противникъ „карамзинистовъ“... Ничтожная книга его: *Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души*— какъ извѣстно, благодаря особымъ обстоятельствамъ времени, нѣсколько позднѣе вызвала цѣлую бурю...

Тюфякинъ, кн. Петръ Ивановичъ († 1845), съ конца 1814 г. былъ вице-директоромъ Императорскихъ театровъ. Послѣдними онъ, впрочемъ, занимался мало, такъ какъ, по свидѣтельству Вигеля—„вечеромъ никогда не бывалъ въ трезвомъ видѣ“... По свидѣтельству того же современника—„Тюфякинъ былъ скученъ, несносенъ, своенравенъ и зналъ одни только чувственныя наслажденія“... (Вигеля, Воспоминанія, ч. V, М., 1892, стр. 35—36).

Гр. М. Яценко былъ цензоромъ и въ то же время издателемъ журнала, выходившаго въ 1815—1820 гг. подъ заглавіемъ: *Духъ Журналовъ*, или собраніе всего, что есть лучшаго и любопытнѣйшаго во всѣхъ другихъ журналахъ, по части исторіи, политики, государственнаго хозяйства, литературы, разныхъ искусствъ, сельскаго домоводства и пр. Журналъ выходилъ сначала ежемѣсячно, два послѣдніе года—два раза въ мѣсяцъ, въ Петербургѣ. Вопреки сдѣланному здѣсь насмѣшливому отзыву, „Духъ Журналовъ“ былъ однимъ изъ лучшихъ, наиболѣе замѣтныхъ тогдашнихъ у насъ періодическихъ изданій—по строго опредѣленному и довольно удачно составленному плану, а равно общей серьезности содержанія. Несмотря на то, что издатель былъ самъ цензоромъ — журналу приходилось вести безполезныя пререканія съ цензурой. Въ борьбѣ съ цензурой журналъ и палъ...

Піеридами въ древности назывались то настоящія музы, то—дочери нѣкоего Эмотійскаго царя Піероса, который своимъ девяти дочерямъ далъ имена девяти музъ. Дочери затѣяли состязаніе съ музами въ пѣніи и остались побѣжденными,—за что въ наказаніе были превращены въ сорокъ... По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, почитаніе музъ первоначально явилось у древняго племени эллійскихъ пѣвцовъ, которые жили въ Піеріи, у Олимпа, и потомъ переселились въ Беотію, на Геликонъ. Изъ Беотіи культъ музъ мало-по-малу распространился по всей Греціи... — Мимоходомъ замѣтимъ, что въ 1802 г., въ Петербургѣ выходилъ беллетристическій сборникъ *Піерриды*, издававшійся студентомъ Горнаго Института Н. Яковлевымъ (вышло 2 книжки).

...Вѣсти о курахъ съ лицомъ человѣчьимъ...

Разумѣется незадолго передъ тѣмъ вышедшая книжка: *Описаніе курицы, имѣющей въ профиль фигуру человѣка, изд. Фишеромъ* (М., 1815).

Рѣчь въ засѣданіи „Арзамаса“.

Въ „Рѣчи“ изображается печальное положеніе „Арзамаса“ въ послѣднее время его существованія; едва ли „рѣчь“ Жуковскаго не была послѣдней „арзамасской рѣчью“. По замѣчанію современника, къ концу 1818 года „Арзамасъ“ оказался уже „на боку“,—и „тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ...“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1812.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. . 3
Вождю побѣдителей. 10
Къ N. N. при посылкѣ портрета. . . 11
Элизіумъ. Пѣсня. *Изъ Маттиссона.* . 12
Пиршество Александра, или сила гармоніи. *Изъ Дрейдена.* . . . . . —
Мечты. Пѣсня. *Изъ Шиллера.* . . . 14
Пустынникъ. Баллада. *Изъ Гольдсмита.* 15
«Хорошо, что ваше письмо короткое!..» . 17
**Посланіе къ Плещееву въ день Свѣтлаго Воскресенія. 18
Стихи на портретѣ А. И. Плещеевой. . 21

1813.

Узникъ къ мотыльку, влетѣвшему въ его темницу. Пѣсня. *Изъ Местра.* . . —
Адельстанъ. Баллада. *Изъ Саути.* . . 22
Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 24
Къ Филону. *Изъ Маттиссона.* . . . 25
Ивиковы журавли. Баллада. *Изъ Шиллера.* —
Эпимесидъ. *Изъ Парни.* 27
Тургеневу, въ отвѣтъ на его письмо (Другъ, отчего печаленъ голосъ твой). 28
Сиротка. Романсъ. 30
Пѣсня матери надъ колыбелью сына. *Изъ Беркеня.* . . . . . —
Къ И. И. Дмитріеву. 31
Нина къ супругу въ день его рожденія. 32
Рай. . . . . —
Къ Плещееву (Напрасно я, другъ милый). 33
Свѣтланѣ. . . . . —
Къ А. П. Кирѣевской, въ день рожденія Маши. . . . . —
Обѣтъ. 34
«Вспомни, вспомни...» . . . . . —
Путешествіе жизни. . . . . —
Надпись на картинкѣ, изображающей «три радости». . . . . —
Молитва дѣтей. 35
Къ доктору Фору. . . . . —
Уединеніе. Отрывокъ. 36

1814.

Письмо къ *** (Я самъ, мой другъ, не понимаю). . . . . —
**«Кто бъ ни былъ ты...» 37
«Прелестный день, не обмани...» . . . —
«Когда бъ родиться въ свѣтъ и жить...». —
Къ А. П. (Кирѣевской). . . . . —

стр.

Къ Воейкову (Добро пожаловать, пѣвецъ). 38
Къ самому себѣ (Ты унываешь о дняхъ, невозвратно протекшихъ). 41
Къ Тургеневу, въ отвѣтъ на стихи, присланные имъ вмѣсто письма (Въ день счастья). . . . . —
Добрый совѣтъ. Въ альбомъ В. А. Азбукину. . . . . —
Библія. *Изъ Фонтана.* 42
Безподобная записка къ тремъ сестрицамъ въ Москву. 43
Росписка Маши Кирѣевской. . . . . —
Мотылекъ. 44
Эпитафіи—моту, хромому, пьяницѣ, грамотѣю, толстому эгоисту, завоевателямъ. —
Желаніе и наслажденіе. . . . . —
Къ кн. Вяземскому (Намъ славить древность Амфіона). . . . . —
Къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.
I. «Друзья, тотъ стихотворецъ горе...». 45
II. «Вотъ прямо одолжили...». . . . 47
III. «На этой почтѣ все въ стихахъ...». 49
Къ кн. Вяземскому. Отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ (Ты, Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и поэтъ). 50
Въ альбомъ [баронессѣ Е. И. Черкасовой]. 51
Записка къ баронессѣ [М. А. Черкасовой]. 52
Къ Плещееву (Ну, какъ же вздумалъ ты). —
Записка къ Полонскимъ. 53
Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди. *Подражаніе Саути.* . . . . . —
Варвикъ. Баллада. *Изъ Саути.* . . . 56
Алина и Альсимъ. Баллада. *Изъ Монкрифа.* 57
Эльвина и Эдвинъ. Баллада. 60
Ахиллъ. Баллада. 61
Эолова арфа. Баллада. 63
Аббадона. *Изъ Клопштока.* 66
Императору Александру. 70
Молитва русскаго народа. 77
Совѣсть. 78
Смерть. . . . . —
Что такое законъ? . . . . . —
Безполезная скромность. . . . . —
«De Bouquillon...» . . . . . —
Максимъ. 79
Къ Кавелину. . . . . —

стр.

Теонъ и Эсхинъ 80
Въ альбомъ барону П. И. Черкасову. . 81
Амуръ и Мудрость. . . . . —
«Счастливый путь на берега Фокиды!». . —
Плачъ о Пиндарѣ. Быль. 82
Къ Воейкову (О, Воейковъ! видно, намъ). —
Въ альбомъ А. А. Протасовой. . . . 84
«Что дѣлаешь, Сандрокъ?» . . . . . —
Отвѣты на вопросы въ игрѣ «секретарь». 85
«Ноябрь, зимы посолъ...» . . . . . —
Фениксъ и голубка. . . . . —
Къ арфѣ. . . . . —
Записка къ Свѣчину. 86
**Любовная карусель. Тульская баллада. —

1815.

Ареопагу. 87
«Предъ судилище Миноса...» 89
Прощаніе. . . . . —
Къ генералъ-маіору Б. В. Полуектову . 90
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой. . . . . —
Фурману. . . . . —
Къ Т. Е. Боку. 91
Старцу Эверсу. 92
«Здравствуй, новый гость земной!..» . . —
Къ кн. Вяземскому (Благодарю, мой другъ). 93
Ю. А. Нелединскому-Мелецкому (Друзья, стаканъ къ стакану). 95
Голосъ съ того свѣта. *Изъ Шиллера.* . —
Ночь. . . . . —
Пѣсня (Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ). . . —
Пѣсня (Птичкой пѣвицею). 96
Пѣснь русскому царю отъ его воиновъ. —
Славянка. Элегія. 97
Стансы. 99
Къ неизвѣстной дамѣ, въ отвѣтъ на лестную отъ нея похвалу . . . . . —
Ир. Д. Полторацкой, при посылкѣ стихотвореній въ первомъ изданіи. . . . —

1814—1816.

Пѣвецъ въ Кремлѣ 100

1816.

Сонъ. *Изъ Уланда* 105
Пѣсня бѣдняка. *Изъ Уланда.* . . . . —
Счастіе во снѣ. *Изъ Уланда* . . . . —
Мщеніе. Баллада. *Изъ Уланда* . . . . —
Гаральдъ. Баллада. *Изъ Уланда* . . . 106
Три пѣсни. Баллада. *Изъ Уланда* . . . —
Пѣсня (Минувшихъ дней очарованье) . —
Овсяный кисель. *Изъ Гебеля.* 107

стр.

Красный карбункулъ. Сказка. *Изъ Гебеля.* 109
Деревенскій сторожъ въ полночь. *Изъ Гебеля* 113
Тлѣнность. *Изъ Гебеля.* 114
Весеннее чувство. 116
«Тамъ небеса и воды ясны...» . . . . —
Стихи, на случай перваго отреченія Бонапарта, пѣтые на праздникѣ, даномъ англійскимъ посломъ лордомъ Каткартомъ 117
Воспоминаніе (Прошли, прошли вы, дни очарованья) . . . . . —
«Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ...». —
Пѣсня (Кольцо души дѣвицы). . . . . —
Явленіе боговъ 118

1817.

Утѣшеніе въ слезахъ. *Изъ Гете.* . . . —
Къ мѣсяцу. *Изъ Гете* . . . . . —
Въ альбомъ кн. М. А. Щербатовой. . . 119
Къ портрету в. кн. Александры Ѳеодоровны . . . . . —

1818.

Протоколъ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія . . . . . —
Отрывокъ рѣчи въ засѣданіи «Арзамаса». 123
Государынѣ в. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ. На рожденіе вел. кн. Александра Николаевича. Посланіе 124
Графъ Габсбургскій. Баллада. *Изъ Шиллера* 126
Рыцарь Тогенбургъ. Баллада. *Изъ Шиллера.* 127
Вѣрность до гроба. *Изъ Кернера.* . . . 128
Горная дорога. *Изъ Шиллера* 129
Лѣсной царь. Баллада. *Изъ Гете* . . . —
Листокъ . . . . . —
Мечта 130
Утренняя звѣзда. *Изъ Гебеля* . . . . —
Лѣтній вечеръ. *Изъ Гебеля* 131
Невыразимое. Отрывокъ 132
Утѣшеніе. *Изъ Уланда* . . . . . —
Рыбакъ. Баллада. *Подражаніе Гете.* . . —
Мина. *Подражаніе Гете.* 133
Жалоба пастуха . . . . . —
Новая любовь—новая жизнь. . . . . —
Въ альбомъ Е. Н. Карамзиной 134
Смерть Іисуса. *Кантата К. В. Рамлера.* —
Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ (Судьба на мѣстѣ семъ) 137
Примѣчанія. 138

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

III.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. МАРКОА, Измайловскій просп., № 29.

1819.

—

НЧИНУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, КОРО-ЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

ЭЛЕГІЯ.

тѣлъ, небесный посѣтитель;
остилъ недолго на земли;
ось намъ, что *здѣсь* твоя обитель;
своимъ тебя мы нарекли...
судьба, свирѣпый истребитель,
гъ слѣдовъ твоихъ ужъ не нашли:
сное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...
удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

емъ, неслышнымъ и незримымъ,
хъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ;
нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
была, тамъ будетъ и сразитъ.
дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
каго никто не побѣдитъ;
ы всѣ единой грозной силой;
всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ:
было!

сной чередъ съ деревьевъ обветша-
лыхъ
й листъ, отвянувши, падетъ;
жизнь старикъ съ раменъ усталыхъ,
къ долгъ, могилѣ отдаетъ;
адальцу смерть на прахъ надеждъ
увялыхъ,
ованый другъ, желанная, идетъ...
а здѣсь вѣрна стезѣ привычной:
жаса беремъ удѣлъ обычный.

и вдругъ, нежданная, вбѣгаетъ
ъ семью играющихъ надеждъ;
и жизнь измѣною слетаетъ
елыхъ, ей лишь мигъ знакомыхъ
тіе младое умираетъ, [вѣждъ,
е снявъ и праздничныхъ одеждъ...

Тогда нашъ духъ объемлетъ трепетанье,
И силой въ грудь врывается роптанье.

О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Кого спѣшишь ты, прелесть молодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?
Куда бѣжишь, ужаснаго не чая,
Привыкшая съ сей жизнью лишь играть?
Не радость—вѣсть стучится гробовая...
О! подожди сей прагъ переступать;
Пока ты здѣсь—ничто не умирало;
Переступи—и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая всѣ таинства утрать,
И ты спѣшишь съ надеждой на свиданье...
Ахъ! удались отъ входа сихъ палатъ;
Отложено навѣкъ торжествованье;
Счастливцы тамъ тебя не угостятъ;
Ты посѣтишь обитель ужъ пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
Страшилищемъ скитается молва;
Ужъ прорвалась къ убѣжищу царицы;
Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
Трепещетъ все, печалью блѣдны лицы...
Но мертвая для матери жива;
Въ ея душѣ спокойствіе незнанья;
Предъ ней мечта недавняго свиданья.

О, счастіе, почто же на отлетѣ
Ты намъ въ лицо умильно такъ глядишь?
Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
Спѣша отъ насъ: *я вѣчно*! говоришь;

И къ милому, ужъ *бывшему* на свѣтѣ,
Насъ прелестью нѣжнѣйшею манишь?..
Увы! въ тотъ часъ, какъ матерь ты плѣняло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, насъ губя съ холодностью ужасной,
Еще судьба смѣяться любитъ намъ;
Ея ужъ нѣтъ, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь къ обманчивымъ листамъ,
Въ нихъ видитъ дочь надеждою напрасной,
Даруетъ жизнь безжизненнымъ чертамъ,
Въ нихъ голосу умолкшему внимаетъ,
Въ нихъ воскресить умершую мечтаетъ.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣлый,
Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?
Съ ея лица привѣтное слетѣло;
Въ ея глазахъ узнанья не найдешь;
И въ руку ей рукой оцѣпенѣлой
Отвѣтнаго движенья не вожмешь.
На голосъ чадъ зовущихъ недвижима...
О! вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
Гдѣ спутникъ твой тебѣ минуту жилъ;
Твоей души свидѣтель и хранитель,
Съ кѣмъ жизни долгъ не столько бременилъ,
Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлитель,
Слабѣющихъ очарователь силъ —
Съ полупути ушелъ онъ отъ земного,
Отъ бытія прелестно-молодого.

И вотъ — сія минутная царица,
Какою смерть ее намъ отдала;
Отторгнута отъ скипетра десница;
Развѣнчано величіе чела;
На страшный гробъ упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
Въ минуту все, что было такъ прекрасно,
Что всѣхъ влекло и такъ влекло напрасно.

Супругъ, зовутъ! иди на разставанье!
Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,
Въ послѣднее земное провожанье
Веди сиротъ за матерью, вдовецъ;
Послѣднее отдайте ей лобзанье;
И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ конецъ,
Невнемлющей *прости* свое скажите,
И въ землю съ ней всѣ блага положите.

Прости жъ, нашъ цвѣтъ, столь пышно восходившій —
Едва зарю успѣлъ ты перецвѣсть.
Ты, жизнь, прости, красавецъ не доживши;
Какъ радости обманчивая вѣсть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не давъ и дня надеждѣ перечесть.
Простите вы, благія начинанья,
Вы, славныхъ дѣлъ напрасны упованья...

Но мы... смотря, какъ наше счастье тлѣнно,
Мы жизнь свою дерзнемъ ли презирать?
О, нѣтъ, главу подставивши смиренно,
Чтобъ ношу бѣдъ отъ Промысла принять,
Себя отдавъ рукѣ неотвратимой,
Не мни Творца, страдалецъ, вопрошать;
Слѣпцомъ иди къ концу стези ужасной...
Въ послѣдній часъ слѣпцу все будетъ ясно.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ;
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ объ руку на тайный жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами,
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости — не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный — страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ;
Земная жизнь — страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!
Когда, простясь свободно съ упованьемъ,
Въ величіи покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
Тогда... тогда съ сей свѣтлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятнаго ей Бога.

О! Матери печаль непостижима,
Смиряются всѣ мысли предъ тобой!
Какъ милое сокровище, таима,
Какъ бытіе, сліянная съ душой,
Она съ одпимъ лишь небомъ раздѣлима...
Что ей сказать дерзнетъ языкъ земной?
Что міръ съ своимъ преврѣннымъ утѣшеньемъ
Передъ ея великимъ вдохновеньемъ? [емъ

стишь, о матерь, одинока,
ебѣ не слышится ли гласъ,
е несущій издалека,
страны, куда все манитъ насъ,
скрывается до срока,
атимъ отнятое на часъ?
ъ ли къ душѣ благовѣститель,
утратъ и неба изъяснитель?

нее унынiемъ влекома,
ль душа твоя полна?
я ль ей, что отческаго дома
ько входъ земная сторона?
я небесная знакома,
о семьей населена?
е не зрится ль откровеннымъ,
еликимъ и священнымъ?

ъ: когда молчитъ во храмѣ пѣнье,
хъ силъ мы чувствуемъ нисходъ;
алтарь на жертвосовершенье
обви сіяющій грядетъ;
я съ дѣтьми благословенье
нно мольба съ небесъ зоветъ;
таинства, когда союзомъ тѣснымъ
житейскій міръ съ небеснымъ,—

ей часъ не будетъ, какъ бывало,
твоя наречена;
вѣкъ земное замолчало;
она передана;
сь за нею покрывало...
гвенномъ святилищѣ она,
намъ, но, видя насъ оттолѣ,
вуетъ при жертвенномъ престолѣ.

имволъ надеждъ и утѣшенья!
стоимъ у таинственныхъ вратъ;
завѣса Провидѣнья;
кать ее дерзаетъ взглядъ;
крытъ предѣлъ соединенья;
я, мы слышимъ, говорятъ:
ся; душою не скорбите!
ждою и съ вѣрой приступите!

ОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ
РІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

[въ іюнѣ 1819 года].

шего величества давно
йшее имѣю повелѣнье—
ской лунѣ представить донесенье.
Спѣша исполнить то, что мнѣ повелѣно,
И надлежащее окончивъ обозрѣнье,
Я всеподданнѣйше теперь имѣю честь
Стихами вашему величеству донесть
О томъ, чтб прозой скудной
Описывать и совѣстно и трудно.

Съ послушной музою, съ усердною мечтой
По берегамъ Славянки я скитался,
И ночью за луной
Присматривать старался;
Но съ горемъ долженъ я признаться, что луна
Лишь для небесъ теперь сіяетъ красотою!
Знать, исключительно желаетъ быть она
Небесною, а не земной луною;
Иль солнце, можетъ-быть, въ досадѣ, что для насъ
Она плѣнительнѣй своей красой заемной,
Чѣмъ пышный блескъ его столь тягостный для глазъ,
Преобратило ночь въ прозрачную изъ темной,
Дабы чрезъ то лишить всей яркости луну.
Изгнанница луна теперь на вышину
Восходитъ нехотя, однѣмъ звѣздамъ блистаетъ,
И, величаяся прозрачностью ночей,
Неблагодарная земля ея лучей
Совсѣмъ не замѣчаетъ;
Едва, едва при нихъ отъ сосенъ и дубовъ
Ложатся на траву сомнительныя тѣни;
Едва трепещетъ блескъ на зелени луговъ,
Едва сквозь зыбкія, рѣшетчатыя сѣни
Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
Печальный полусвѣтъ невѣрно проникаетъ,
Едва туманитъ онъ верхи густыхъ древесъ;
И словомъ, жить лунѣ мѣшаетъ
Ревнивый свѣтъ ночныхъ небесъ!
Не измѣнили ей однѣ лишь только воды;
Въ нихъ отражается попрежнему она:
То полумѣсяцемъ всходя на тихи своды;
То пламеннымъ щитомъ катясь, окружена
Разорванными облаками;
То одинокая, то съ яркими звѣздами;
Попрежнему она—то въ зеркалѣ рѣки
Недвижима сіяетъ,
И въ ней нагбенный лѣсъ, прибрежны челноки
И тихо шепчущій тростникъ изображаетъ;

То вдругъ, когда порхнетъ надъ спящею волной
Пролетный вѣтерокъ, съ волною затре-
И воды огненной подернетъ чешуёй, [пещетъ,
Иль ярко въ нихъ блеснётъ излучистой
Иль раздробленная заблещетъ! [змѣёй,
Короче: на водахъ плѣнительна она,
А на землѣ какъ будто не луна,
И солнце гордое, затмивъ ее собою,
Тирански властвуетъ и небомъ и землёю.
Но какъ ни жаль луны, а надобно отдать
И солнцу справедливость!
Не безразсудная хвастливость
И не надменное желаніе блистать
Теченьемъ пылкаго свѣтила управляютъ:
Прямымъ достоинствомъ оно
На небесахъ воцарено,—
Его лучи палятъ, но вмѣстѣ и плѣняютъ.
Свидѣтелемъ тому сама Славянка намъ;
И если вашего величества желанье
Исполнить я не могъ, представивъ описанье
Прекрасной Павловской луны, то смѣю вамъ
О солнцѣ Павловскомъ прекрасномъ
Въ изображеньѣ безпристрастномъ
Стихами вѣрными донесть!
Оно привѣтливо [за то ему и честь!]
Къ пріятной Павловской природѣ.
Я здѣсь его видалъ и въ пламенномъ восходѣ,
И на полдневной вышинѣ,
И въ свѣтозарной тишинѣ
Великолѣпнаго съ лазури снисхожденья.
Какія пышныя творитъ оно явленья
На очарованныхъ Славянки берегахъ!
Но величавое въ младыхъ лучахъ разсвѣта
И неприступное въ полуденныхъ лучахъ,
Въ спокойномъ вечерѣ оно съ душой поэта
Краснорѣчивѣй говоритъ.
Сколь милы въ Павловскѣ вечернія картины!
Люблю, когда закатъ безоблачный горитъ;
Пылая, зыблются древесныя вершины,
И яркимъ заревомъ осыпанный дворецъ,
Глядясь съ полугоры въ водахъ, покры-
тыхъ тѣнью,
Мрачится медленно, и куполъ, какъ вѣнецъ,
Надъ потемнѣвшею деревъ окрестныхъ
сѣнью
Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ заката угасаетъ.

Люблю смотрѣть, когда дерновый ска
въ ог
И сѣть багряная во мракѣ лишь сіяет
Когда на падшій храмъ, прорѣзавъ тка
листо
Лучи бросаются златыми полосами,
Горятъ на бѣлизнѣ разрушенныхъ столпов
И пѣной огненной съ кипящими волна
По камнямъ прядаютъ и гаснутъ на лет
Разнообразнѣе становятся картины,
Когда идемъ рѣкой вдоль К р а с н ы
Такъ названной за красоту. [д о л и н
То рощей молодой веселыя осины
Столпились на брегу, и легкіе листы,
Завѣсой рѣдкою задернувъ солнце, блещу
И неколеблемы трепещутъ;
То воду зеленятъ прибрежные кусты,
И пламень запада, сквозь чащу ихъ п
рвавши
Въ ихъ лиственной сѣти сверкаетъ изъ рѣ
То ива, разметавшись,
И вѣтви дряхлыя оперши на клюки,
Потокъ завѣсила своей обширной сѣн
То одинокій вязъ съ холма черезъ р
Огромною перетянулся тѣнью;
То, парусъ свой отдавъ на волю вѣтр
Между зелеными брегами
Плыветъ сіяющій челнокъ,
Куда несетъ его потокъ
Одушевленными волнами,
И воздухъ флагомъ шевелитъ,
И рядомъ тѣнь его бѣжитъ,
И струйка слѣдомъ за кормою
Блестящей тянется змѣёю;
Тамъ свѣтится въ кустахъ полусокрыт
хра
И тѣнь младыхъ березъ, рѣшеткой
Раскинувшись, чернѣетъ; [стѣна
А тамъ у башни мостъ, отважною ду
Рѣку пересекочивъ, на зыби водъ бѣлѣет
Но мѣсто есть—туда вечернею порой
Приходишь слѣдомъ за мечтой
Влекомъ неволей сладкой;
Порхаетъ тамъ украдкой
Съ листочка на листокъ
Вечерній вѣтерокъ.
Тамъ тихо волны плещутъ,
И трепетные блещутъ
Сквозь тѣнь лучи небесъ;

Тамъ что-то есть живое,
Тамъ что-то неземное
За тайну занавѣсъ,
Невидимой рукою
Опущенныхъ, манитъ:
Надъ юной сей главою
Пророчески горитъ
Звѣзда огнемъ заката;
А жизнь сія крылата,
Молящая въ слезахъ
Невнемлющую младость,
А тихой вѣры сладость
Въ сихъ пламенныхъ очахъ,
И вечера молчанье,
И мирное сліянье
Сихъ гаснущихъ небесъ
Съ задумчивою тѣнью
Недвижимыхъ древесъ...
Какъ все воображенью
Здѣсь душу придаетъ!
Ей слышится полетъ
Недвижимыхъ прелестныхъ—
Однихъ уже небесныхъ,
Другихъ еще земныхъ;
И блага лѣтъ младыхъ,
И позднихъ лѣтъ утраты,
Товарищи крылаты—
Въ бывалой красотѣ
Слетаются къ мечтѣ!

Но чувствую, что я забылся,
И что мой вашему величеству отчетъ
Изъ описанія въ поэму превратился;
Напомнить смѣю вамъ: о солнцѣ рѣчь идетъ,
Итакъ, немудрено, что мысль имъ разогрѣта,
Что пламенный предметъ воспламенилъ [поэта.
Меня еще картина ждетъ:
Сей павильонъ уединенный,
Мечтѣ безмолвной посвященный,
Столь милый именемъ своимъ.—
Какъ онъ приманчивъ красотою,
Когда вечернею порою
Долина блещетъ передъ нимъ!
Когда багряными водами,
Равна съ отлогими брегами,
Сверкаетъ тихая рѣка,
Прибрежный бархатъ тростника
На солнцѣ ярко отливаетъ,
И, приливая, онѣмяетъ
Его веселая волна,
И въ лонѣ водъ лазурь видна,
И по лазури тихо рѣя,
То загораясь, то блѣднѣя,
Какъ дымъ, вечерни облака
Минуту на небѣ играютъ!
Играя съ неба улетаютъ
За дуновеньемъ вѣтерка.
Здѣсь милы вечера картины!
Въ концѣ раздавшейся долины,
Сквозь пламень запада, село
Глядится въ зыбкое стекло
Рѣки, извившейся дугою;
Тамъ чолнъ, качаемый волною
У брега въ чащѣ тростника,
Мелькаетъ съ тѣнью рыбака;
Тамъ, на дорогѣ, возъ скрипучій,
Передвигаяся, пылитъ;
Тамъ, надъ рѣкою, мостъ зыбучій;
А здѣсь, подъ сводами ракитъ,
Каскадъ дымится и шумитъ,
Разбрызнувъ млечной пѣной воды!
Пріятно здѣсь въ вечерній часъ
Подслушивать послѣдній гласъ
Полузаснувшія природы,
Когда шептанье вѣтерка,
Иль звучный рогъ издалека,
Иль говоръ птицъ, иль шумъ отъ стада
Перезываются порой
Съ унылымъ шумомъ водопада;
Пріятно объ-руку съ мечтой
Здѣсь, на площадкѣ павильона,
Прохладой вечера дышать
И солнце взоромъ провожать
Въ его исходѣ съ небосклона,
Когда безоблачно оно!
Предъ нимъ полнеба зажжено,
Земля въ лучахъ благоухаетъ,
И мнится, ангелъ отверзаетъ
Ему спокойствія чертогъ;
Оно, взглянувъ, какъ свѣтлый Богъ,
На тихое уединенье
Имъ покидаемыхъ небесъ,
Послѣднее благословенье
Изъ-за таинственныхъ завѣсъ
Имъ, исчезая, посылаетъ,
И долго сладостно сіяетъ
Воспоминаніемъ святымъ
Его, оставленная имъ

Въ залогъ возврата багряница...
Не благотворная ль царица
Тогда является мечтѣ?
Ты видишь день ея прекрасной,
Всходящій прелестію ясной
И заходящій въ красотѣ!
Его веселіе встрѣчаетъ,
Его надежда провожаетъ,
И провожающая ждетъ,
Что онъ попрежнему взойдетъ
Для уповающихъ усладой,
Для сирыхъ вѣрною отрадой,
Для всѣхъ привѣтной красотой;
И всѣ съ молитвою одной:
Не измѣняйся, день прекрасный!
Будь долго радостью очесъ
И, вѣчно тихій, вѣчно ясный,
Не покидай родныхъ небесъ!

Post-scriptum. Вашему величеству въ отчетѣ
Представилъ съ точностью я то, что видѣлъ самъ;
И ежели моимъ стихамъ
Не много удалось сказать о лунномъ свѣтѣ,
То не моя вина:
Въ іюнѣ мѣсяцѣ луна,
Какъ я уже донесъ, едва-едва сіяетъ;
Ея сонливый свѣтъ
Воображенія совсѣмъ не пробуждаетъ,
И, глядя на нее, лишь сердится поэтъ.
Но то, что нынѣ *да*, бываетъ завтра *нѣтъ*,
И строгая велитъ признаться справедливость,
Что поубавилась уже луны сонливость,
Что донесеніе мое десяткомъ дней
И болѣ опоздало;
Пришелъ іюль; лѣнивѣй солнце стало,
А ночи сдѣлались темнѣй.
Вчера, имѣя честь въ саду быть вмѣстѣ съ вами,
Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками,
И смѣю утвердить, что сдѣлалась она
Почти по-старому луна,
И что по-старому кругомъ ея поспились
Младыя облака воздушною толпой,
То, разлетаясь, серебрялись,
То вдругъ, сліянныя, тянулися грядой,
То волновалися, то рдѣлись, то дымились.
А должно вспомнить, что она
Едва лишь только рождена,
И что лишь мигъ—тогда, какъ зап
догораетъ
Серпомъ серебрянымъ на западѣ сіяет
Когда же полною заблещетъ красотой,
То будетъ, какъ была, и музѣ вдох
венье
И ночи милымъ украшеньемъ,
И Павловскихъ небесъ достойною лун

Еще post-scriptum. Я, сбирая замѣча
Для составленія отчета о лунѣ,
Нашелъ, чего не ждалъ: счастлив
случай
Открылъ забытый слѣдъ старинпаго п
дан
Однажды позднею порой
Я къ павильону шелъ рѣкой.
Ужъ все въ окрестности дремало,
И день давно уже погасъ;
Я былъ одинъ... вдругъ прозвучало
На крѣпости пробило часъ!
Иду... къ развалинамъ дорожка
Вдоль брега привела меня.
Взглянулъ... и что жъ увидѣлъ?... Кош
Въ дуплѣ растресиутаго пня
Между упадшими столпами,
Какъ привидѣніе, сидитъ
И блещетъ яркими глазами,
И ярко на меня глядитъ;
Я отъ нее—она за мною;
Назадъ я—и она назадъ;
И все попрежнему звѣздою
Сверкаетъ неподвижный взглядъ!
Но я къ дуплу—и легкой тѣнью
Она пропала предо мной!
Лишь искры брызнули струёй.
Чудяся страшному видѣнью,
«Тутъ тайна есть», подумалъ я;
Не безъ труда рука моя
Большой корпистый пень разрыла..
И что же, что же наконецъ,
Его разрывъ, она открыла?
Не тяжкій кованый ларецъ,
Не золота огромный слитокъ—
Пергаментный истлѣвшій свитокъ,
И что-то писано на немъ
Славянскимъ древнимъ языкомъ,

Но разобрать рукописанье
До сихъ поръ я еще не могъ;
Языкъ старинный, грубый слогъ...
Однако, знаю, въ немъ преданье
Какое-то заключено
О князѣ древнія Герсики,
Котораго Альбертъ Великій,
Епископъ, сжегъ [какъ то давно
Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно];
Еще упоминаютъ въ немъ
О сынѣ князя молодомъ,
О розѣ, о любви чудесной
Какой-то дѣвы поземной,
И прочее... Итакъ, быть-можетъ,
Когда фантазія поможетъ
Мнѣ подружиться съ стариной,
Я разгадаю списокъ мой,
Быль небылицею приправлю.
И всеподданнѣйше представлю
Вамъ, государыня, въ стихахъ,
О томъ, что было въ древни лѣты
На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
Гдѣ павильонъ Елизаветы.

---

29 іюля.

долженъ вашему величеству признаться:
ь неудовольствіи большомъ я на луну.
озможно ли? Вчера ее на вышину
а фермѣ ждали мы и не могли дождаться!
Упрямство вижу лишь одно.
По небесамъ ночной порою
Съ своею прежней красотою
Она гуляетъ ужъ давно,
И я довольно часто въ садѣ
Встрѣчался съ нею по ночамъ;
Мнѣ кажется, она въ досадѣ
За то, что въ донесеньи вамъ
Не помѣстилъ я грубой лести
И ей незаслуженной чести
Не отдалъ, совѣсть позабывъ;
И, солнцу лиру посвятивъ,
Его прославилъ въ воздаяньe
За постоянное сіянье...
Еще догадка есть вѣрнѣй:
Ей показаться было стыдно
Въ одеждѣ скромной и невидной
Послѣдней четверти своей;
Къ тому жъ, и свѣтъ ея не ярокъ:
Вчерашній день былъ очень жарокъ,
Сквозь душный дымъ паровъ она
Едва туманисто сіяетъ
И, знойнымъ днемъ распалена,
Во мглѣ туманной исчезаетъ
Съ своей напрасной красотой.
Но если истинной луной
[Застѣнчивой или упорной]
Мы любоваться не могли,
Зато замѣну мы нашли
Въ лунѣ прекрасной стихотворной.
Небесную, въ небесной мглѣ
Оставивъ странствовать съ звѣздами,
Мы стихотворную въ столѣ,
Между летучими листками
Открывши, вызвали на свѣтъ.
Любезный граціямъ поэтъ
Ей прелесть милыми стихами
Неизмѣняемую далъ
И тайны всѣ ея сказалъ
Душѣ немногими словами;
Какъ вѣрно онъ изобразилъ
Лучей плѣнительныхъ сіянье!
Онъ съ милой кротостью сравнилъ
Ихъ животворное вліяньe!
Какъ на лазурной вышинѣ
Къ очаровательной лунѣ,
Манимы свѣтлой красотою,
Младой игривою семьею
Бѣгутъ, летятъ издалека
Одушевленны облака:
Такъ все неволею пріятной
Летитъ къ богинѣ благодатной.
Съ веселой нѣжностью въ очахъ,
Съ пріятной лаской на устахъ,
Давъ руку молодой свободѣ,
Она привѣтная стоитъ,
И радость вкругъ нея шумитъ
Въ непринужденномъ хороводѣ.
Какъ жаль, что нашъ Анакреонъ,
Парнасскій баловень, счастливецъ,
Не въ пору сдѣлался лѣнивецъ,
И къ вѣрной музѣ на поклонъ
Стиховъ плѣнительныхъ не носитъ,
Какъ то бывало встарину,
И что на Пинда вышину
Его и случай не заброситъ:
Ему бы пѣть намъ про луну,
Мое же бѣдно дарованье.
Когда бъ меня онъ научилъ,

Я то бъ воспѣлъ, что онъ забылъ:
Священное воспоминанье!
«Какъ на душу его привѣтъ
Унылой думою находитъ,
Когда безмолвная наводитъ
Луна свой робкій полусвѣтъ
На ликъ уснувшія природы,
Какъ сладостно средь тишины
Изъ блеска трепетной луны
На насъ глядятъ минувши годы—
Бывалыхъ радостей земныхъ
Умчавшееся поколѣнье!
Какъ узнаетъ воображенье
Тамъ лица милыя родныхъ,
Когда-то міръ нашъ украшавшихъ,
И вмѣстѣ съ нами въ немъ видавшихъ,
Что видимъ мы теперь безъ нихъ».

---

3 Августа.

Считаю должностью святой
Вамъ, государыня, признаться,
Что я одинъ не могъ добраться
До смысла рукописи той,
Которую судьба зарыла
Таинственно подъ древній пепь,
И гдѣ ее доныне тѣнь
Волшебной кошки сторожила;
Но Лювій Сѣвера помогъ
Понять мнѣ непонятный слогъ
И выбрать золото изъ сора;
При свѣтѣ опытнаго взора
Проникнутъ сумракъ старины,
И силою воображенья
Изъ сей священной глубины
Исторгнуть древнія видѣнья.
И вотъ я сдѣлалъ переводъ
Старинпаго рукописанья...

---

* * *

Я съ благодарностью сердечной извѣщаю,
Что, выпивши у васъ три полныхъ чашки чаю,
И съѣвъ полдюжины тартинъ и сухарей,—
Не умеръ я, а сдѣлался живѣй,
И, сверхъ того, мнѣ сонъ привидѣлся чудесной...
Мнѣ снилось: будто я сталъ мужъ жены прелестной,
Что будто счастливо съ ней прожилъ я сто лѣтъ,
И что когда пришло покинуть

Мы умереть, какъ должно, полѣ
А такъ, какъ Филемонъ съ Бавки
в
Въ двѣ липы свѣжія, у васъ перед

И что подъ нашими согласными
За круглымъ, дружескимъ столо
Сидите весело вы въ лѣтній жаръ съ
И пьете крѣпкій чай съ *сало* и с

27 іюня.

---

* * *

Я только-что хотѣлъ гонца къ вамъ
Чтобъ попросить у васъ условн
Для вашего сосѣда—
Какъ вашъ гонецъ пришелъ меня

Вашъ даръ: въ любезности друг
уг
И я, благодаря любезность вашу
Въ исходѣ трехъ часовъ явлюсь
Чтобы, отвѣдавъ кашу, [
Сказать, сидя близъ васъ: *я счас*

P. S. Прошу васъ извинить разс

Я такъ былъ радъ тому, что буду вид
Что проглядѣлъ въ запискѣ ваш
И вѣтрено, въ концѣ отвѣта,
Назначилъ свой,
[Не справясь съ стрѣлкою дв
Что мы, поэты, всѣ хвораемъ г
Вы знаете; по вамъ и то уже
Что, если видѣть васъ—
Какой часъ ни пошелъ, все будет

---

* * *

Считаю вызовъ вашъ я милостью
Какъ отказаться отъ обѣда,
Къ которому зоветъ сосѣда—
Любезность милая на *дружбу* с

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМЪ СЕРДЦАМЪ, ВЪ КОТОРОМЪ ИЗОБРАЖАЕТСЯ ГОРЕСТНОЕ СОСТОЯНІЕ НѢКОЕГО СТИХОТВОРЦА, ПРИНУЖДЕННАГО УПОТРЕБИТЬ СОБСТВЕННЫЯ ДВѢ НОГИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ЖАРКОЕ ВРЕМЯ НА ЗВАНЫЙ ОБѢДЪ И ЖЕЛАЮЩАГО ПЕРЕМѢНИТЬ СІЕ ГОРЕСТНОЕ СОСТОЯНІЕ НА РАДОСТНОЕ, И РОСКОШНО ПРОКАТИТЬСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЛИНЕЙКѢ, УСЛАЖДАЯСЬ, ВЪ ОЖИДАНІИ ЗЕМНАГО ОБѢДА, НЕБЕСНЫМЪ ЗАВТРАКОМЪ РАЗГОВОРА СЪ ЛЮБЕЗНЫМИ ГРАЦІЯМИ ДВОРА ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ И ВЫСОЧЕСТВЪ.

Извѣстно всѣмъ, что Аполлонъ
Все вѣдаетъ, все хочетъ вѣдать:
Теперь узнать желаетъ онъ,
Званы ли фрейлины обѣдать
Къ графинѣ Бобринской? и въ чемъ
Сбираются туда: въ каретѣ,
Въ линейкѣ, дрожкахъ иль верхомъ?
И проситъ ихъ онъ о поэтѣ,—
Которому въ жары пѣшкомъ
На званый пиръ идти накладно!
Ему отъ рюмъ довольно чадно;
Имъ поэтическій угаръ
Давно владѣетъ своевольно;
Одной горячки ужъ довольно,
И солнечный не нуженъ жаръ.
Надежду робкую приноситъ
Онъ къ нѣжнымъ фрейлинскимъ сердцамъ
И мѣста на линейкѣ проситъ,
Когда найдется мѣсто тамъ!
Земныя милыя богини,
Хариты царскаго дворца,
Возьмете ль вы съ собой пѣвца
На дачу Бобринской графини?
Скажите въ двухъ словахъ отвѣтъ.
Когда нельзя, то просто: *нѣтъ*!
Но если можетъ рокъ рѣшиться
Изъ тайной урны вынуть *да*,
Тогда примолвите: *когда*
Поэтъ вашъ долженъ къ вамъ явиться,
Чтобъ граній не заставить ждать
И на обѣдъ не опоздать?..

ГР. С. А. САМОЙЛОВОЙ.

Графиня, признаюсь, большой бѣды въ томъ
Что я, вашъ Павловскій поэтъ, [нѣтъ,
На взморьѣ съ вами не катался,
А скромно въ Колпинѣ спасался
Отъ искушенія той прелести живой,
Которою непобѣдимо
Плѣнилъ бы душу мнѣ вечернею порой
И вмѣстѣ съ вами зримой,
Подъ очарованной луной,
Безмолвный берегъ Монплезира!
Воскреснула бъ моя покинутая лира...
Но что бы сдѣлалось съ душой?
Не знаю! да и радъ, признаться, что не знаю!
И безъ опасности все то воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ:
Какъ полная луна, въ величественный часъ
Всемірнаго успокоенья,
Надъ спящею морской равниною взошла
И въ тихомъ блескѣ потекла
Среди священнаго небесъ уединенья!
Съ какою прелестью по дремлющимъ бре-
Со тьмою свѣтъ ея мѣшался, [гамъ
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на землю про-
бирался
И ярко въ темнотѣ свѣтился на корняхъ;
Какъ вы на камняхъ надъ водою
Сидѣли, трепетный подслушивая шумъ
Волны, дробимыя предъ вашею ногою,
И какъ толпы крылатыхъ думъ
Летали въ этотъ часъ надъ вашей головою...
Все это вижу я и видѣть не боюсь,
И даже въ шлюпку къ вамъ сажусь
Неустрашимою мечтою!
И мой безпечно взоръ летаетъ по волнамъ!
Любуюсь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ,
Какъ прядаютъ лучи по зыбкимъ ихъ вер-
хамъ!
Какъ звучно веслами гребцы ихъ расши-
баютъ,
Какъ брызги легкія взлетаютъ жемчугомъ,
И, въ воздухѣ блеснувъ, въ паденьи уга-
О, мой пріятный уголокъ! [саютъ!
Сей прелестью въ тебѣ я мирно усладился!
Меня мой геній спасъ. Графиня, страшный
рокъ
Неизбѣжимо бы со мною совершился
Въ тотъ часъ, какъ измѣнилъ невѣрный
вамъ платокъ!
Забывъ себя, за нимъ я кинулся бъ въ
пучину
И утонулъ. И что жъ? Теперь бы вашъ
пѣвецъ
Пугалъ падпѣ морскомъ балладами Ундину,
И сонный дядя Студенецъ,
Склонивши голову на влажную подушку,
Зѣвалъ бы, слушая Старушку!

Платокъ, спасенный мной въ подводной глубинѣ,
Надводныхъ прелестей не замѣнилъ бы онъ.
Пускай бы всякій часъ я могъ имъ любоваться,
Но все бы о землѣ грустилъ исподтишка;
Платокъ вашъ очень милъ, но сами вы, прилѣе вашего платка! [знаться,
Но только ль?.. Можетъ-быть, подводные на- [Которые въ своей студеной глубинѣ [роды
Не зная перемѣнъ роскошныя природы,
Въ однообразіи, во скукѣ и во снѣ
• Туманные проводятъ годы],
Въ моихъ рукахъ увидя вашъ платокъ,
Со всѣхъ сторонъ столпились бы въ кружокъ
И стали бъ моему сокровищу дивиться,
И вѣрно бъ вздумали сокровище отнять!
А я?.. Чтобъ хитростью отъ силы защититься,
Чтобъ шуткой чудаковъ чешуйчатыхъ занять,
Я вызвалъ бы ихъ всѣхъ играть со мною въ жмурки,
Да самому себѣ глаза бъ и завязалъ!
Такой бы выдумкой платокъ я удержалъ,
Да всѣ бы вдругъ моря мой вызовъ взбунтовалъ!
Стеклось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Морской бы вышелъ ракъ, кобенясь на клешняхъ;
Явился бы и китъ съ огромными усами,
И нильскій крокодилъ въ узорныхъ чешуяхъ,
И выдра, и мокой, сверкающій зубами,
И каракатицы, и устрицы съ сельдями,
Короче—весь морской содомъ!
И начали бъ они кругомъ меня рѣзвиться
И щекотать меня, кто зубомъ, кто хвостомъ,
А я—чтобы съ моимъ сокровищемъ-платкомъ
На мигъ одинъ не разлучиться, [комъ
Чтобъ не досталось мнѣ глаза имъ завязать,
Ни каракатицѣ, ни раку, ни мокою—
Для вида только бы на нихъ махалъ рукою,
И не ловилъ бы ихъ, а только что пугалъ.
И такъ—теперь легко дойти до заключенья—
Я въ жмурки бы игралъ
До свѣтопреставленья;
И развѣ только въ часъ всѣхъ мертвыхъ воскресенья,
Платокъ сорвавши съ глазъ, воскликнулъ бы: поймалъ!
По счастью, жребій сей поэта миновалъ!
Платокъ вашъ странствуетъ по царству Аквилона
Но знайте, для него не страшенъ Аквилонъ,—
И сухъ и невредимъ на влагѣ будетъ онъ!
Вы сами знаете, поэта Аріона
Услужливый дельфинъ донесъ до береговъ,
И не воздвигнулась на жизнь пѣвца пучина!
И нынче внукъ того чудеснаго дельфина
Лелѣетъ на спинѣ красу земныхъ платковъ!
Пусть буря бездны колыхаетъ,
Пусть рушитъ корабли и рветъ ихъ паруса,
Вокругъ него ея свирѣпость утихаетъ
Сквозь тучи на него сіяютъ небеса
Благотворящей теплотою;
Онъ скоро пышный Бельтъ покинетъ за собою.
И скоро донесутъ покорные валы [Его до тѣхъ краевъ, гдѣ треснули скалы
Передъ могущею десницей Геркулеса,
Минуетъ онъ брега стариннаго Гадеса,
И—слушайте жъ, къ чему назначилъ тайный рокъ,
Графиня, дивный вашъ платокъ!—
Благочестивая красавица принцесса,
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его увидитъ, имъ плѣнится,
И ношу милую поднесть прекрасной въ даръ
Дельфинъ услужливый въ минуту согласится.
Но здѣсь неясное предъ нами объяснится.
Натуралистъ Бомаръ
Въ ученомъ словарѣ ученыхъ увѣряетъ,
Что никогда дельфиновъ не бываетъ
У Петергофскихъ береговъ,
И что поэтому потеряныхъ платковъ
Никакъ не можетъ тамъ ловить спина дельфина!
И это въ самомъ дѣлѣ такъ! [фина!
Но знайте: нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ—башмакъ!
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина
Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ!
Но что же? Оттого дельфинъ совсѣмъ не хуже,
Что счастіе имѣлъ онъ башмакомъ служить
Ея сіятельству, и что угодно было

Такъ жёстоко играть ей жизнью башмака!
Предназначеніе судьбы его хранило!
Башмакъ дельфиномъ сталъ для вашего платка!
Воротимся жъ къ платку. Вы слышали,
Красавица, у береговъ Гадеса, [принцесса,
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его получитъ отъ дельфина;.
Красавицу съ платкомъ умчитъ въ Алжиръ корсаръ;
Продастъ ее пашѣ; паша назначитъ въ даръ
Для императорова сына!
А этотъ Деевъ сынъ—не варваръ, а герой,
Душой Малекъ-Адель, учтивѣй Солимана;
Принцесса же умомъ другая Роксолана
И точь-въ-точь милая Матильда красотой!
Не трудно угадать, чѣмъ это все рѣшится!
Принцессой Деевъ сынъ плѣнится;
Принцесса въ знакъ любви отдастъ ему платокъ;
Руки жъ ему отдать она не согласится,
Пока не будетъ имъ отвергнутъ Лжепророкъ,
Пока онъ не крестится,
Не сниметъ съ христіанъ невольничьихъ цѣпей [ней,
И не предстанетъ ей
Геройской славой озаренный.
Алжирскій витязь нашъ терять не станетъ словъ:
Онъ вмигъ на все готовъ—
Крестился, иго снялъ невольничьихъ оковъ
Съ несчастныхъ христіанъ, и крикнулъ кличъ военный!
Платокъ красавицы, ко древку пригвожденный,
Сталъ гордымъ знаменемъ, предшествующимъ въ бой!
И Африка зажглась священною войной!
Египетъ, Фецъ, Марокъ, Стамбулъ, страны Востока—
Все завоевано крестившимся вождемъ,
И пала предъ его карающимъ мечомъ
Имперія Пророка!
И славно совершивъ святой любви завѣтъ,
Низринувъ алтари безумія во пламя
И Богу покоривъ весь мусульманскій свѣтъ,
Спѣшитъ герой принесть торжественное знамя,
То есть платокъ, къ ногамъ красавицы своей!
И здѣсь легко намъ предузнать развязку:
Перевѣнчаются, велятъ созвать гостей,
Подымутъ пляску,
И счастливой четѣ
Воскликнутъ: многи лѣта!
А нашъ платокъ? Платокъ давно ужъ въ высотѣ!
Взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета,
Первостепенная въ сословіи кометъ!
Ея вліяніе преобразуетъ свѣтъ!
Увидимъ мы другія
Благословенны времена!
И будетъ на землѣ навѣкъ воцарена
Премудрость—а сказать по-гречески: Софія!

28—29 іюня, 1819 г. Павловскъ.

ЦВѢТЪ ЗАВѢТА.

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой:
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселѣ ты съ непышной красотой
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
Чужда любви и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ очарованье;
Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ милое цвѣтетъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною слетѣлося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всѣхъ друзей душа моя узнала...
Но гдѣ жъ они? На мигъ съ путей земныхъ
На сѣверъ мой мечта васъ прикликала,
Сопутниковъ младенчества родныхъ...
Васъ жадная рука не удержала,
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.
О, будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья!

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный,
Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
О, сладкій часъ! о, вечеръ незабвенный!
Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
И свѣжая на землю тишина,

Какъ ясное предчувствіе, сходила;
Природа вся съ душою говорила.

И къ намъ тогда, какъ геній, прилетало
За пѣснію веселой старины,
Прекрасное, что нѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее намъ снова оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
И время намъ казалось нелетящимъ.

И *Вѣрная* была незримо съ нами...
Сіи окрестъ волшебныя мѣста,
Сей тихій блескъ заката за горами,
Сія небесъ вечернихъ чистота,
Сей міръ души, согласный съ небесами,
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, но сердцемъ откровеннымъ.

И насъ *ея* любовь благословляла;
И ободрялъ на благо тихій гласъ...
Друзья, тогда судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбранны, на днѣ ея фіала
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
Тогда былъ данъ вамъ мною *цвѣтъ завѣта*.

И гдѣ же вы?.. Разрозненъ кругъ нашъ тѣс-
Разлучена веселая семья; [ный;
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ розные края...
Но розно ль мы? Повсюду въ поднебесной,
О, вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
Для насъ цвѣтетъ нашъ милый цвѣтъ завѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный;
Что младости мечты совершены;
Что невотще довѣренность къ надеждѣ,
И что *теперь* плѣнительно, какъ *прежде*.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ пре-
Еще одинъ товарищъ приведенъ... [красной
На путь земной изъ люльки безопасной
Намъ подастъ младую руку онъ;
Его лицо невинностію ясно,
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта:
Младенчества веселый сонъ промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести...

О! да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна!
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Что бъ ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освящена!..
Вы жъ, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внимаемый душой,
О, вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами
О томъ, чего не выразить словами.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ ВЪ ИГРѢ, НАЗЫВАЕМОЙ СЕКРЕТАРЬ.

I. *Звѣзда* и *корабль*.

Звѣзда небесъ—плыветъ пучиною небесной,
Пучиной бурныхъ волнъ—земной корабль плыветъ!
Кто по небу ведетъ звѣзду,—намъ неизвѣстно;
Но по морю корабль—звѣзда небесъ ведетъ!

II. *Быкъ* и *Роза*.

Задача трудная для бѣднаго поэта:
У розы иглы есть, рога есть у быка.
Вотъ сходство. Разница жъ: легко любви рука
Совьетъ изъ розъ букетъ для милаго предмета;
А изъ быковъ никакъ нельзя связать букета!

ходительству, ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ
, ИХЪ СІятельствамъ, ГРАФИНѢ
й, ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНѢ
й и КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ, ОТЪ
ожалкаго стихотворца прошеніе.

й, покинутый поэтъ
ь о себѣ дерзаетъ.
ей, похожихъ на шесть лѣтъ,
упрямая мѣшаетъ
имъ быть ему столомъ.
мка, какъ всѣ поэты;
аповымъ жрецомъ
ы ему конфекты;
олены плоды.
прошедшей середы
онъ не видалъ клубники,
запахъ земляники
его унылый носъ.
инъ? а абрикосъ?
теперь и не узнаетъ!
миренно умоляетъ
ной гошпитали онъ
Павловну, княженъ,
здоровья имъ желая,
ъ объ участи его,
ислать того-сего
каго земного рая:
вишенъ *въ башмакѣ*,
въ *носовомъ платкѣ*,
ъ *лайковой перчаткѣ*,
на тарелкѣ сливъ.
алость получивъ,
двери лихорадкѣ,
ъ вылѣчится онъ.
искусенъ нашъ Крейтонъ—
честь его латыни!—
йно славитъ свѣтъ,
поэта факультетъ
днѣ милыя графини,
одушныя княжны,
Павловна. Властны
й своей подачкой,
ецептамъ, побѣдить
съ желчною горячкой
мертвыхъ воскресить!..

Гр. С. А. САМОЙЛОВОЙ.

Ужъ думалъ я, что я забытъ,
Что риомы жалкаго посланья
Не пробудили состраданья,
И что пора мнѣ за Коцитъ,
Сказавъ «прости» земному свѣту,
Гдѣ нѣтъ и жалости къ поэту!..
Съ тоски я потащился въ садъ,—
А скука прогнала назадъ;
Но подхожу къ дверямъ съ кручиной,
А у дверей ужъ радость ждетъ,
И съ очарованной корзиной
Мнѣ, улыбаясь, подаетъ
Здоровье, силы, вдохновенье!
Не думайте, чтобъ сновидѣнье
Смутило такъ съ душой моей,
И чтобъ придворный вашъ лакей,
Отправленный съ корзиной вами,
Моими принятъ былъ глазами
За милую царицу фей,
За жизнодательную *радость!*
Нѣтъ! не обманчивая сладость
Мечты плѣнила душу мнѣ!
Могу ль такъ грубо обмануться?
Когда бъ случилось то во снѣ—
Я не подумалъ бы проснуться!
Сама богиня то была!
Сосудъ судьбы она дала
Мнѣ въ скромномъ образѣ корзины!
Въ задатокъ всѣхъ житейскихъ благъ,
Въ бумажкѣ свернуты, въ листахъ,
Въ ней золотые апельсины,
Янтарный, сочный виноградъ,
Душистыхъ абрикосовъ рядъ,
И ананасы съ земляникой,
И сливы пухлыя съ клубникой
Явились въ блескѣ предо мной!
Я принялъ трепетной рукой—
И мнилось, таинство судьбины
На днѣ лубочныя корзины
Разоблачилось для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка!
О, ты, прелестная *перчатка*,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею, въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,

Когда, гордясь сама собою,
И въ ссорѣ съ милою рукою,
На волю рока отдана,
Глядѣлась въ зеркало она!
А ты, *башмакъ*, ты братъ Дельфину!
Отправивъ брата-близнеца
За странникомъ-платкомъ въ пучину,
Найди для странника-пѣвца
На сушѣ вѣрную дорогу,
Хотя и сшитъ для красоты,
Хотя ему не въ пору ты,
Хотя пожмешь немного ногу!
Но какъ тебя назвать, *платокъ?*
Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!
Я знаю, тотъ непостоянный
Платокъ-измѣнникъ и бѣглецъ,
Не можетъ быть твоей роднею!
Пускай сіяетъ онъ звѣздою,—
Ты будь *моимъ!* тебѣ пѣвецъ
Себя отнынѣ повѣряетъ!
Когда онъ жизнью заскучаетъ,
И мрачнымъ путь найдетъ земной —
Лицо закроетъ онъ тобой;
Подъ сей завѣсою чудесной
Все станетъ вдругъ опять прелестно
Для добровольнаго слѣпца!
А все, что оскорбляетъ око,—
Незримо будетъ и далёко
Отъ покровеннаго лица!
Когда жъ въ страну воображенья
Сберется полетѣть поэтъ,
А рифмъ и жаркихъ мыслей нѣтъ,
И вялы крылья вдохновенья—
Тебя лишь только разостлать,
Ты будешь коврикъ окрыленной,
И можешь за предѣлъ вселенной
Пѣвца и музу перемчать!

9 іюля.

* * *

Варвара Павловна, Элиза и Лизета,
Не позабыла васъ вамъ вѣрная Анета!
Плещеевъ здѣсь, и будетъ онъ готовъ
Въ одиннадцать часовъ
Исполнить вашу волю,
То есть, вамъ прочитать, какъ должно,
11 іюля. *вашу роль*.

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ.

[послѣ ея дебюта въ роли мертвеца

Графиня, не забудьте слова,
Оставьте маску мертвеца!
Какая страшная обнова
Для столь прелестнаго лица!
Какъ наряжаться въ ваши лѣта,
Съ такою милой красотой—
По образцу другого свѣта,
По страшной модѣ гробовой?
Вчерашняя, скажу вамъ, шутка
Была разительный урокъ,
Урокъ для сердца и разсудка!..
И этотъ тихій уголокъ,
Гдѣ предо мной, въ одно мгновенье
На мѣсто прелести младой,
Явилось грозное видѣнье,
Унылый призракъ гробовой —
Его я не забуду вѣчно.
Нѣтъ! такъ шутить безчеловѣчно!
И это будь въ послѣдній разъ!
Когда, оставивъ въ свѣтѣ насъ,
Вы въ темноту ночную скрылись,
Съ веселымъ прелести лицомъ—
И вдругъ на насъ оборотились
Изъ тьмы ужаснымъ мертвецомъ,
Невольно сердце взволновалось,
И въ быстрой перемѣнѣ сей
Ему житейское сказалось
Всей ненадежностью своей:
«Какъ все желанное невѣрно!
Какъ упованье лицемѣрно,
Какъ счастья перемѣнчивъ видъ!
Душа ли вслѣдъ за нимъ порвется
Оно лицомъ къ ней обернется,—
И передъ ней мертвецъ стоитъ».
Графиня! ваше превращенье
Меня въ сей бросило испугъ;
Но, вдругъ сразивъ воображенье,
Оно жъ и ободрило вдругъ:
И я забылъ свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своимъ устамъ;
Когда померкнувшимъ глазамъ
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободнѣй начали дышать
И сняли привидѣнья маску.
Графиня! будьте просто вы!

Забудьте страшное искусство,
И — въ сердцѣ зарождая чувство,
Не убивайте головы...

МОЙЕРУ.

Счастливецъ! Ею ты любимъ!
Но будетъ ли она любима такъ тобою,
Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
Какъ пламенной моей душою!

Возьми жъ ихъ отъ меня, и страстію своей
Достоинъ будь своей судьбы прекрасной!
Мнѣ жъ сердце и душа и жизнь и все напрасно,
Когда всего нельзя отдать на жертву ей.

КЪ ЭММѢ.

[изъ шиллера].

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины,
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины!
Ахъ! звѣзды це приманить!
Счастью бывшему не быть!

Если бъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
Ты живешь въ сіяньи дня,
Ты живешь не для меня.

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

ВЪ АЛЬБОМЪ ЖЕНЫ С. Н. ГЛИНКИ.

НА СМЕРТЬ КРЕСТНИКА.

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства, исчезъ!
Любовь Создателя его переселила
Съ невѣрныя земли въ пріятный край небесъ!
Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!
Но рокъ... имъ правитъ Божество!...
Для насъ же все еще осталося родство—
Въ утратѣ, дружбою дѣлимой

КЪ МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безъимянный?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Зачѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И въ старину про гостью неземную—
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ виДенъемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жъ вѣсть принесъ ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И, прежнихъ думъ напрасный пробудитель,
О счастіи шепнешь и замолчишь?

О, геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши;
Останься, будь мнѣ жизнію земною;
Будь ангеломъ-хранителемъ души.

ЖИЗНЬ.

[видѣніе во снѣ].

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая плыла;
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ
На холодномъ небѣ мгла;
Тьмою звѣзды обложило;
Бури нѣтъ—одинъ туманъ,
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.

Было время—былъ день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны,
Были зе́лены луга.
И за *ней* вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ *мечтою*
И живыхъ *надеждъ* семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный парусъ свой.
Къ ней *фантазія* летала
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
И съ небесъ къ ней прикликала
Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
Надъ возвышенной главой,
И *хариту* съ молодою
Музой, генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнью,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ!..

Все пропало, измѣнило;
Разлетѣлися друзья;
Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И прискорбно-равнодушна
Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся
Дрогнулъ руль; быстрѣй чел

Смотритъ... ангеломъ прекра
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ ясным
Подарилъ, и въ лодку сѣл
И запѣлъ онъ пѣснь надеж
Жизнь очнулась, ожила,
И съ волненьемъ робки вѣж
На красавца подняла.

Видитъ... мрачность разлет
Снова зеркальна вода;
И привѣтно загорѣлась
Въ небѣ яркая звѣзда;
И въ нее проникла радост
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младо
Съ упованьемъ отдана.

О, хранитель, небомъ дани
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желани
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для *жизни* будетъ сч
Добрый спутникъ, при теб

КЪ СТОЛЫПИНУ.

Вотъ вамъ, слуга Ѳемиды вѣр
Записка съ просьбою усердной,
Состряпать *маклерскій патент*
По просьбѣ жъ *Звѣрева* смирен
Здѣсь въ копіи вамъ приложенн
Неприхотливый мой кліентъ
Получитъ все съ симъ даромъ скр
Онъ съ маклерствомъ головоломн
Давно на опытѣ знакомъ;
Онъ мѣщаниномъ былъ въ Бѣле
Или купцомъ; имѣлъ свой домъ
И торговалъ. Но рокъ во гнѣвѣ
Судилъ кліенту моему
Безжалостно проторговаться,
Войти въ долги и взять суму,
Чтобъ только съ честностью оста
Защитой будьте вы ему!
Слуга закона правосудный,

Я знаю, согласить не трудно
Для васъ съ достоинствомъ законъ.
Прекрасный будетъ маклеръ онъ,
Бѣлевскому полезный свѣту.
Судья, покѣрьте въ томъ поэту!
При первомъ ходѣ на Парнасъ,
Съ торжественнымъ всѣхъ лиръ трезвономъ
Передъ блаженнымъ Аполлономъ—
Поставлю свѣчку я за васъ!

12 августа.

ПРАМАТЕРЬ ВНУКѢ.

Мое дитя, со мною отъ купели
Твой первый шагъ житейскій соверши;
Твои глаза едва еще прозрѣли;
Едва зажженъ огонь твоей души...
Но ризой ты вѣнчальной ужъ одѣта,
Обручена съ священнымъ бытіемъ;
Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта:
Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.

Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моихъ покоишься рукахъ;
И Благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова въ сихъ вратахъ;
Съ надеждою, съ трепещущимъ моленьемъ
Я подхожу къ святынѣ ихъ съ тобой:
Тебя явить предъ вѣчнымъ Провидѣньемъ,
Его рукѣ повѣрить жребій твой.

О, часъ судьбы! о, тихій мой младенецъ!
Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ міровъ,
Ты ждешь, земли недавній уроженецъ,
Чтобъ для тебя поднялся тотъ покровъ,
За коимъ все, что вѣрно въ жизни нашей.
Приступимъ... дверь для насъ отворена;
Не трепещи предъ сею тайной чашей—
Тебѣ несетъ небесное она.

Пей жизнь, дитя, изъ чаши Провидѣнья
Съ младенчески-невинною душой;
Мы предстоимъ святилищу спасенья,
И здѣсь его престолъ передъ тобой;
Къ сей пристани таинственно дорога
Проложена сквозь опыть бытія...
О, новое дитя въ семействѣ Бога,
Прекрасная отчизна здѣсь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ;
Небесному будь въ сердцѣ неизмѣнно—
Небесное тебѣ не измѣнитъ.
Что ни придетъ съ незнаемымъ грядущимъ—
Все будетъ даръ хранительной руки;
Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
Вездѣ къ Нему душой недалеки.

Свершилось!.. Ты ль, посолъ небесъ крылатый,
Исходишь къ ней изъ таинственныхъ вратъ?
Ты ль, Промысломъ назначенный вожатый,
Земной сестрѣ небесный, вѣрный братъ?
Прими жъ ее, божественный хранитель;
Будь въ радости и въ скорби съ сей душой;
Будь жизни ей утѣшный изъяснитель
И не покинь до родины святой.

ЭПИТАФІЯ МИМИ.

Въ могилѣ сей покоится Мими,
Веселыя природы гость мгновенной!
Онъ образцомъ былъ дружбы неизмѣнной
Межъ птицами и даже межъ людьми.

Пока былъ живъ товарищъ легкокрылый,
Мими игралъ, и жизнь любилъ, и пѣлъ;
Но вѣрный другъ изъ свѣта улетѣлъ—
Мими за нимъ покинулъ свѣтъ постылый.

Покойся жъ здѣсь, плѣнительный пѣвецъ!
Намъ доказалъ нежданный твой конецъ,
Что безъ любви—могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь тамъ, гдѣ сердце наше.

23 августа.

ГРАФИНѢ С. А. САМОЙЛОВОЙ.

I.

Напрасно я мечтою льстился,
Напрасно я вчера просился,
Графиня, къ вамъ, поздравить васъ!
Что въ поздравленьи, вы сказали,
И холодно мнѣ отказали—
Благодарю и за отказъ!
Не до меня вамъ—вы съ гостями!
Я знаю, повидаться съ вами
Теперь небесные пришли
Очаровательи земли,
Васъ посѣщавшіе и прежде!
Любовь и *вѣра*—благодать,
Подруга молодой *надежды*,

И *мудрость*, милая ихъ мать,
Вамъ давшая свое названье,
И васъ нарекшая *своей*!
Я ваше не дерзну вниманье
Отвлечь отъ свѣтлыхъ сихъ гостей;
А развѣ тайное желанье
Шепну вамъ издали душой!
И въ немъ вамъ нужды нѣтъ, я знаю!
Но я вамъ благъ земныхъ желаю,
Какъ вѣрный, вшедшій въ храмъ святой,
На жертвенникѣ Провидѣнья
Приноситъ теплыя моленья
Не для небесъ, а для себя;
Моляся душу возвышаетъ,
И все въ молитвѣ заключаетъ,
И мысль награды истребя!
И кто же запретитъ мнѣ сладость
Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтобъ все, что ваша младость
Такъ обѣщаетъ намъ, сбылось,
Чтобъ счастье жизни вамъ далось
Достойнымъ васъ и неизмѣннымъ,
Не тѣмъ ничтожнымъ и пустымъ
Разсѣянно-обыкновеннымъ,
Которое такъ часто зримъ
Желаній вѣтренныхъ предметомъ,
Которое—одинъ обманъ,
Къ молитвамъ хладный истуканъ,
Вотще боготворимый свѣтомъ!
Кто вашу душу прочиталъ,
Тотъ сердца тайнымъ упованьемъ
Иное счастье вамъ создалъ;
Тому любезнѣйшимъ желаньемъ
Сія прекрасная мечта,
И ободряющей звѣздою
Сіяетъ надъ его тропою
Любимой жизни красота!
Васъ небо, вѣрьте, отличило!
Оно недаромъ отворило
Вамъ область опыта, сей свѣтъ!
Прекраснаго въ семъ мірѣ нѣтъ:
Въ него *прекрасное* съ собою
Мы вносимъ съ нашимъ бытіемъ!
Мы лишь въ себѣ его найдемъ!
О, ваше сердце вѣрно встрѣтитъ
Прямую *прелесть жизни* сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
А я, хотя издалека
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать,
И благодарно ихъ считать!

17 сентября.

II.

Вчера я васъ не убѣдилъ
Своею прозою убогой;
Съ холодностью внимали строгой
Вы все, что я ни говорилъ.
Не знаю, быть краснорѣчивымъ,
Умѣлъ ли бъ Цицеронъ при васъ;
Но только знаю, что подчасъ
Хотя и радъ бы стать болтливымъ,
На всѣ растеряны слова,
И бродитъ кругомъ голова!
Но дѣло не о томъ—стихами
Позвольте то мнѣ повторить,
О чемъ ужъ я дерзнулъ просить
Васъ прозы скучными словами.
Вотъ самый вѣрный вамъ разсказъ:
На этихъ дняхъ—въ послѣдній разъ,
Когда изъ Павловскаго сада
Такъ быстро я перескочилъ
На мостовую Петрограда,
Когда я въ Петербургѣ былъ—
Я шелъ Фонтанкой, въ размышленьѣ
И ваше божество, *забвенье*,
Вашъ вѣрный, неразлучный другъ,
Не шло, къ несчастію, со мною;
Я былъ одинъ, или съ мечтою
Вдвоемъ—не помню! только вдругъ,
У Семіоновскаго моста
Служивый Марса молодой,
Пріятный, небольшого роста,
Съ лицомъ, блестящимъ остротой,
Въ измайловскомъ мундирѣ, словомъ
Черкасовъ встрѣтился со мной;
И вижу я, что подъ покровомъ
Его веселости живой
Какъ будто грустное таилось!
Онъ руку дружески мнѣ далъ;
И слово-за-слово открылось
Мнѣ то, что взоръ мой угадалъ!
Увы! по виду онъ виною
Тяжелою обремененъ;

Но вправду—виноватъ ли онъ?
Зачѣмъ коварною судьбою
Ему былъ тотъ альбомъ вручёнъ,
Который вы своей рукою
Весь потрудились исписать?
Его ужасно въ руки брать!
Волшебство—каждая тамъ строчка!
Тамъ каждая въ линейкахъ точка
Коварнымъ хвостикомъ своимъ,
Какъ талисманъ, обворожаетъ
И сердцу гласъ тотъ повторяетъ,
Который, разъ бывъ слышенъ имъ,
Съ нимъ познакомитъ вдохновенье,
И раззнакомитъ съ нимъ—*забвенье!*
Чѣмъ виноватъ Черкасовъ мой?
Повѣрьте, долго онъ сражался
Съ неизбѣжимою судьбой,
И ей бы, вѣрно, не поддался,
Когда бы не поддаться могъ!
Враждующій какой-то богъ
Его невольно въ преступленье
Увлекъ. Отвергнувъ подозрѣнье,
Сестрѣ любезной въ угожденье,
Неосторожнымъ онъ перомъ
Вашъ переписывалъ альбомъ!
А рядомъ съ нимъ мечта сидѣла,
И *шопотомъ* по нотамъ пѣла
Все то, что *вслухъ* пѣвали вы!
И сердце слушало невольно!
А сердца слишкомъ ужъ довольно
Для потрясенья головы!
Ему всегда побѣда въ спорѣ
Съ напрасно-гордой головой:
Но что жъ, когда еще съ судьбой
Она въ коварномъ заговорѣ?
Неосторожный витязь мой,
Занявшись милой перепиской,
Не могъ бѣды замѣтить близкой
И лишь тогда ее узналъ,
Когда ея добычей сталъ!
Судьбы постигнувши коварство,
Онъ вздумалъ, что найдетъ лѣкарство
Отъ яда, выпитаго имъ,
Въ сообществѣ съ подругой думы,
Которою часы угрюмы
Такъ часто мы животворимъ,
Которой дѣйствіе чудесно,
Которая въ досужный часъ
Приводитъ непримѣтно насъ
Къ пріятному самозабвенью,
Насъ покоряетъ размышленью
И намъ, обманутымъ тщетой,
Тщеты обманчивость являетъ—
И призракъ, узнанный душой,
Съ летучимъ дымомъ исчезаетъ;
Короче—въ помощь слабыхъ силъ,
Совѣмъ разстроенныхъ борьбою
Съ необоримою судьбою,
Черкасовъ трубку закурилъ!
Судьба того-то и желала!
Коварная очаровала
Непостоянный трубки дымъ!
Всѣ мысли вдругъ сліялись съ нимъ!
Какъ легкій геній, подымался
Онъ надъ сверкающимъ огнемъ—
И милый образъ отражался
Душѣ обрадованной въ немъ!
И вмѣстѣ съ нимъ душа летала,
И, съ нимъ летая, прилипала
Къ тѣмъ очарованнымъ листамъ,
Которыхъ видъ, очамъ опасной,
Ее плѣнилъ такъ самовластно...
Она съ нимъ и осталась тамъ!
Итакъ, судьбою побѣжденный,
Черкасовъ, вамъ боясь отдать
Альбомъ вашъ, дымомъ окуренный,
Опять для васъ переписать
Его своей рукой рѣшился!
Ужель напрасно онъ трудился?
Графиня! Умоляю васъ:
Не требуйте оригинала!
Его судьба ужъ наказала!
Къ тому жъ—сказать бы въ добрый часъ!—
То въ первый и въ послѣдній разъ!

5 октября.

III.

Графиня, будьте вы спокойны!
Счастливцы-рыцари, которыхъ жребій васъ
Такъ нѣжно занималъ, здоровы въ добрый
И быть здоровыми достойны [часъ,
За то, что въ васъ могли участье возбудить!
Пріятно умереть, слыхалъ я, на дуэли!
Но тотъ, о комъ бы вы съ минуту пожалѣли,
Тотъ будетъ жизнью дорожить.

УТРО НА ГОРѢ.

Взошла заря. Дыханіемъ пріятнымъ
Сманила сонъ съ моихъ она очей;
Изъ хижины за гостемъ благодатнымъ
Я восходилъ на верхъ горы моей:
Жемчугъ росы по травкамъ ароматнымъ
Уже блисталъ младымъ огнемъ лучей,
И день взлетѣлъ, какъ геній свѣтлокрылой!
И жизнью все живому сердцу было.

Я восходилъ; вдругъ тихо закурился
Туманный дымъ въ долинѣ надъ рѣкой;
Густѣлъ, рѣдѣлъ, тянулся и клубился,
И вдругъ взлетѣлъ крылатый надо мной,
И яркій день съ нимъ въ блѣдный сумракъ слился,
Задернулась окрестность пеленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я въ облакахъ исчезъ уединенный...

27 ноября.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

(изъ гете).

Путешественникъ.

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей;
Здѣсь подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близъ тебя

Поселянка.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?

Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Путешественникъ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ;
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Поселянка.

Взойди на верхъ горы;
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Путешественникъ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною;
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка.

Иди впередъ.

Путешественникъ.

Покрытый мохомъ архитравъ,
Я узнаю тебя, творящій геній;
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камнѣ

Поселянка.

Все далѣ, странникъ.

Путешественникъ.

И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время:
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,
Рукой творца нѣмому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

Поселянка.

Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ?
Подобныхъ много
Близъ хижины моей.

Путешественникъ.

Гдѣ? гдѣ?

Поселянка.

Тамъ, на вершинѣ,
Въ кустахъ.

Путешественникъ.

Что вижу? Музы и мариты.

Поселянка.

То хижина моя.

Путешественникъ

Обломки храма.

Поселянка.

Вблизи бѣжитъ
И ключъ студеный,
Въ которомъ воду мы беремъ.

Путешественникъ.

Не умирая, вѣешь ..
Ты надъ своей могилой,
О, геній; надъ тобою

во прахъ
ное созданье...
ртенъ.

Поселянка.

ранникъ, я подамъ
апиться изъ ручья.

Путешественникъ.

ивѣсилъ
божественно-прекрасный.
ıво
рудою обломковъ
чета столбовъ.
, одинокій братъ.
—
ый мохъ одѣвъ главы свя-
щественно, смотрятъ [щенны—
енныхъ
братій;
иповниковъ зеленыхъ,
ми, подъ прахомъ
, и вѣтеръ
, ними шевелитъ.
ворожишь, природа,
созданья своего
нимъ созданьемъ!
ище свое
ю ты раздробила,
ѣяла на немъ.

Поселянка.

младенецъ мой.
. странникъ,
ину мою,
на волѣ отдохнешь?
Подержи дитя;
ъ водой наполню.
лютка, спи.

Путешественникъ.

твой покой...
ышетъ онъ,
й небеснаго здоровья.
ыхъ остаткахъ
рожденный,
гобой его великій геній;
итъ онъ,
дкомъ чувствѣ бытія
нь вкушаетъ.
адеждой.
ѣтъ прекрасный;
цвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

Поселянка.

Услышь тебя Господь!.. А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.

Путешественникъ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ!

Поселянка.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля
Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

Путешественникъ.

Жилище ваше здѣсь?

Поселянка.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ
И умеръ на рукахъ у насъ...
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О, милый!

Путешественникъ.

О, вѣчный сѣятель, природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Минувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, младая поселянка.

Поселянка.

Уходишь, странникъ?

Путешественникъ.
Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца!
Поселянка.
Прости же, добрый путь.
Путешественникъ.
Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?
Поселянка.
Дорога эта въ Кумы.
Путешественникъ.
Далекъ ли путь?
Поселянка.
Три добрыхъ мили.
Путешественникъ.
Прости.
О, будь моимъ вождемъ, природа;
Направь мой странническій путь;
Здѣсь, надъ гробами
Священной древности, скитаюсь;
Дай мнѣ найти пріютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала.
Когда жъ въ вечерній часъ
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучомъ заката позлащенный:
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ навстрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

УЗНИКЪ.

БАЛЛАДА.

«За днями дни идутъ, идутъ...
«Напрасно;
«Они свободы не ведутъ
«Прекрасной;
«О ней тоскую и молюсь,
«Ее зову, не дозовусь.

«Смотрю въ высокое окно
«Темницы:
«Все небо свѣтомъ зажжено
«Денницы;
«На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка
«Летаютъ волны облака.

«И такъ всѣ блага замѣнить
«Могилой;
«И бросить свѣтъ, когда въ немъ жи
«Такъ мило;
«Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать;
«Еще мнѣ рано умирать.

«Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ
«Жила я;
«Лишь мигъ на праздникѣ земномъ
«Была я;
«Душа готовилась любить...
«И все покинуть, все забыть!»

Такъ голосъ заунывный пѣлъ
Въ темницѣ...
И сердцемъ юноша летѣлъ
Къ пѣвицѣ.
Но онъ въ неволѣ, какъ она;
Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлученъ
Стѣною:
Невидимую знаетъ онъ
Душою;
И мысль о ней и день и ночь
Отъ сердца не отходитъ прочь.

Все видитъ онъ: во тьмѣ она
Тюремной
Сидитъ, раздумью предана,
Взоръ томной;
Младенчески прекрасенъ видъ;
И слезы падаютъ съ ланитъ.

И ночью, забывая сонъ,
Въ мечтаньѣ,
Ея подслушиваетъ онъ
Дыханье;
И на устахъ его горитъ
Огонь ея младыхъ ланитъ.

Таясь, страданія однѣ
Дѣлить съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной—

Вотъ жизнь его: другой не ждетъ
Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
И воли:

о въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
только ею свѣтъ.

—онъ мнитъ—давно была
а?
ь душа звала,
а
утнаго тоской,
жизни молодой?

ророчественномъ снѣ
ь я;
ламенной веснѣ
ъ я;
ыла въ живыхъ цвѣтахъ;
вѣялъ въ облакахъ.

сердце ясный взоръ.
встрѣтитъ?
шивъ сей затворъ,
итъ
знь вдвоемъ для насъ?
желанный часъ.»

часъ не прилетѣлъ
ный;
ателемъ удѣлъ
ный
ницѣ младой—
ный, не земной.

ить онъ: затворовъ громъ,
ье,
, голоса... потомъ
анье...
удь его томить—
ждетъ онъ... все молчитъ.

его рѣшенъ...
мый,
дущаго лишенъ,
думы
въ гробъ переселилъ,
докъ, чтобъ поспѣшилъ...

олько занялась
ица —
комъ расперлась
ица.
(мнитъ онъ) скоро къ ней!»
... Свобода у дверей.

принялъ онъ привѣтъ
ды:

Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ;
Дни, годы
Напрасно будутъ проводить...
Погибшаго не возвратить.

Ахъ! слово милое о ней
Кто скажетъ?
Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?
Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ тотъ, кого *своимъ* звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной
Услады;
Задумчивъ, грустію нѣмой
Опъ взгляды
Сердечные встрѣчаетъ ихъ;
Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день—ни съ мѣста онъ;
Безгласный,
Душой въ мечтанье погруженъ,
Взоръ страстный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склоня.

По тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть...

О миломъ вѣсть и въ міръ иной
Призванье...
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится *она*.

Онъ таялъ, гаснулъ, и угасъ...
И мнилось,
Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦІОНА.

отрывокъ изъ овидіевыхъ превращеній.

Цеиксъ, тревожимый ужасомъ тайныхъ,
чудесныхъ видѣній,
Былъ готовъ испытать прорицанье Кларійскаго бога—

Въ Дельфы же путь заграждали Форбасъ и дружины Флегіанъ.
Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣрной супругѣ,
Ей сказать о разлукѣ... сказалъ... ужаснулась и хладомъ
Грудь облилася, блѣдность ланиты покрыла, слезами
Очи затмились, трикраты отвѣтъ начинала—трикраты
Скованный горемъ языкъ измѣнялъ; наконецъ возопила,
Частымъ рыданіемъ томно-печальную рѣчь прерывая:
«Милый супругъ мой, какою виной отъ себя удалила
«Я твое сердце? Ужели не стало въ немъ прежней любови?
«Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальціону;
«Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужъ милѣй въ отдаленьи.
«Странствуй ты по землѣ—тогда бы сердце не знало
«Страха въ печали, была бы тоска безъ заботы... но моря,
«Моря страшусь; ужасаетъ печальная мрачность пучины;
«Волны—я зрѣла вчера—корабельны обломки носили;
«Здѣсь не разъ на гробницахъ пустыхъ имена я читала.
«Другъ, не ввѣряйся надеждѣ безстрашнаго сердца; не льстися
«Дружбой родителя, бога Эола, могущаго силу
«Вѣтровъ смирять и море по волѣ мутить и покоить.
«Разъ овладѣвши волнами, раскованны вѣтры не знаютъ
«Буйству границъ; и земля и моря имъ покорны; сгоняютъ
«Тучи на небо и страшнымъ огнемъ зажигаютъ ихъ нѣдра.
«Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю (а знать ихъ должна; я младенцемъ
«Часто въ жилищѣ отца ихъ видала), тѣмъ болѣ страшусь ихъ.

«Если жъ ни просьбы, ни слезы
тобою не
«Если ужъ въ море далекое должн
пу
«Другъ, возьми съ собою меня:
дѣлимъ с
«Зная, чѣмъ стражду, менѣе бу
дать; что ни вс
«Все заодно; безъ разлуки не
волнамъ пред
Тронутый жалобной рѣчью супру
Лю
Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ
бо
Но постоянный въ желаньи, онъ
своей Г
Вмѣстѣ съ собой произволу опасн
не
Хочетъ ее убѣдить ободрительны
вомъ... н
Нѣтъ убѣжденья печальной душ
нецъ, онъ ска
«Долго разлука и краткая длит
Лю
«Свѣтлымъ клянусь возвратить
допуститъ с
«Прежде чѣмъ дважды луна въ
совершиться у
Симъ обѣтомъ надежду на ско
вратъ ож
Онъ повелѣлъ спустить на волн
и
Снасти устроить и все изготови
леко
Видитъ ладью Гальціона и, вѣще
пред
Будущій рокъ, содрогнулась, сле
емъ п
Нѣжно прижалась къ супругу
безнадежно печ
Томно шепнула: прости!—и пала
ства н
Медлитъ унылый супругъ; но пло
рядами в
Весла, прижавъ ихъ къ могучи
дямъ, и согласнымъ
Вспѣнили влагу. Тронулось су

Влажныя очи, и видитъ его у кормы...
Удаляясь,
Знакомъ прощальнымъ руки онъ послѣдній привѣтъ посылаетъ;
Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
Берегъ уходитъ, и очи лица распознать
ужъ не могутъ;
Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее
судно;
Но когда и оно въ отдаленьи пространства пропало,
Силится взоромъ поймать на мачтѣ играющій парусъ;
Скоро и парусъ пропалъ. И безмолвно въ
чертогъ опустѣлый
Тихо пошла Гальціона и пала на одръ
одинокій...
Ахъ! и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все
раздражало
Грустное сердце, твердя о далеко-плывущемъ супругѣ.
Судно бѣжитъ. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ
неподвижныя верви;
Праздныя весла къ бокамъ ладіи прислонивъ, корабельщикъ
Волю далъ парусамъ и пустилъ ихъ свободно по мачтѣ:
Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, паруса натянулись.
Море браздя, половину пути ужъ ладья
совершила;
Берегъ повсюду равно отдаленъ, повсюду
невидимъ.
Вдругъ, передъ ночью, надулися волны,
море бѣлѣетъ;
Сильный порывистый вѣтеръ внезапно
ударилъ отъ юга.
«Свить паруса!» возопилъ ужаснувшійся
кормщикъ... напрасно!
Вѣтра могучій порывъ помѣшалъ повелѣнье исполнить;
Шумомъ ревущей волны заглушило невнятное слово.
Сами гребцы на работу бѣгутъ; одинъ
убираетъ
Весла, другой чинитъ расколовшійся бокъ,
тотъ исторгнуть
Силится парусъ у вѣтра; а тотъ изъ ладьи
выливая
Въ трещины бьющую воду, волны волнамъ возвращаетъ.
Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и
грознѣй; отовсюду
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, вздымаяся, воетъ;
Кормщикъ бодрость утратилъ, и самъ,
признавая опасность,
Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего остеречься, не знаетъ.
Властвуетъ буря, ничтожны предъ нею
искусство и опытъ;
Вихорь, вопли гребцовъ, скрипѣнье снастей, непрерывный
Плескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ отовсюду... ужасно!
Воды буграми, и море то вдругъ до самаго неба
Рвется допрянуть и темныя тучи волнами
обрызгать;
То, подымая желтый песокъ изъ глубокія
бездны,
Мутно желтѣетъ; то вдругъ черпѣе стигійскія влаги;
То, опадая и пѣной шипящей разбившись,
бѣлѣетъ.
Мчится трахинское легкое судно игралищемъ бури;
Вдругъ возлетитъ и какъ будто съ утесистой горной стремнины
Смотрятъ въ глубокій долъ, въ глубокую
мглу Ахерона;
Вдругъ съ волной упадетъ и, кругомъ
взгроможденному морю,
Видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.
Страшно гремитъ ладія, отшибая разящія волны:
Такъ раздаются удары въ стѣнѣ, тяжелымъ тараномъ
Глухо разимой иль брошеннымъ тяжкимъ
обломкомъ утеса.
Словно какъ пламенный левъ свирѣпѣетъ,
тѣснимый ловцами,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью кидается въ копья:
Такъ яримая вѣтромъ волна, бросаясь на
мачты,

Судно грозится пожрать и реветъ, надъ нимъ подымаясь.
Киль расшатался; утративъ защиту смолы, раздалися
Бренные сшивы досокъ, и вторглась губящая влага;
Вдругъ облака, разступившись, дождемъ зашумѣли; казалось,
Небо упало на море, и море воздвиглося къ небу.
Смокли всѣ паруса, смѣшались съ водами пучины
Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утратило небо.
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ, летая по тучамъ,
Ярко сверкали, и бездна морская въ громахъ загоралась.
Вдругъ поднялся и бѣжитъ, раскачавшись, ударить на судно
Валъ огромный. Подобно бойцу великану, который
Дерзко не разъ набѣгалъ на раскатъ осажденнаго града,
Сбитый, снова рвался, наконецъ, окрыляемый славой,
Силой взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ изъ дружины:
Такъ, посреди стѣсненныхъ валовъ, осаждающихъ судно,
Всѣ перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
Хлещетъ, бьетъ по скрипучимъ бокамъ ладіи утомленной,
Рвется, ворвался, и вдругъ овладѣлъ завоеваннымъ судномъ.
Волны, частью толпятся на приступъ, частью вломились;
Все трепещетъ, какъ будто во градѣ, когда ужъ въ проломы
Бросился врагъ, и стѣна за стѣною, гремя, упадаетъ;
Тщетно искусство; мужество пало; мнится, что съ каждой
Новой волною новая страшная смерть нападаетъ.
Нѣтъ спасенья! тотъ плачетъ; тотъ цѣпенѣетъ, тотъ мертвымъ
Въ гробѣ завидуетъ; тотъ къ богамъ посылаетъ обѣты;
Тотъ, напрасно руки подъемля къ незримому небу,
Молитъ пощады; тотъ скорбитъ объ отцѣ, тотъ о братѣ,
Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ, что покинулъ;
Цеискъ о милой своей Гальціонѣ: одной Гальціоны
Имя твердитъ онъ, тоскуетъ по ней, но, тоскуя утѣшенъ
Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы къ домашнему брегу
Разъ оглянуться, разъ хотѣлъ бы лицомъ обратиться
Къ милому дому... но гдѣ же они? разъяренная буря
Все помутила; сугубою мглою черныя тучи
Небо все обложили, и ночь безпредѣльная всюду.
Вихорь вдругъ налетѣлъ... затрещавъ, подломилась и пала
Мачта за край, и руль пополамъ. И, вставъ на добычу,
Грозенъ, жаденъ, смотритъ изъ бездны валъ-побѣдитель.
Тяжкій, словно Аѳосъ, могучей рукою съ подошвы
Сорванный, словно Пиндъ, обрушенный въ бездну морскую,
Онъ повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой,
Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцовъ, захлебнувшись
Въ вихрѣ пѣнныхъ валовъ, не всплыли и разомъ погибли;
Часть за обломки ладьи ухватились. Цеиксъ руками,
Нѣкогда скипетръ носившими, стиснулъ отбитую доску;
Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою душимый,
Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою Гальціону;
Съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не жизни;
Молитъ онъ волны: тѣло его до очей Гальціоны

Милыхъ донесть, чтобъ родная рука его
схоронила;
Онъ утонаетъ, но только-что волны дыханье отпустятъ,
Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ водамъ: Гальціона!
Вдругъ горой набѣжала волна, закипѣла и, лопнувъ,
Пала къ нему на главу, и его задавила паденьемъ...
Мракомъ задернувшись, въ оную ночь былъ незримъ и незнаемъ
Свѣтлый Люциферъ: невластный покинуть вершины Олимпа,
Онъ въ высотѣ облаками закрылъ печальныя очи.—
Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
Ночи свои въ нетерпѣньи считаетъ, готовитъ супругу
Платья, уборы готовитъ себѣ, чтобъ и ей и ему нарядиться
Въ день возврата, лаская уже невозможнымъ свиданьемъ.
Всѣхъ боговъ призывая, предъ всѣми она зажигаетъ
Жертвенный ладанъ, Юнону жъ богиню усерднѣе молитъ,
Молитъ, увы! о погибшемъ, навѣкъ невозвратномъ супругѣ;
Молитъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ къ ней возвратился, чтобъ вѣрный
Сердца не отдалъ другой... изъ сколькихъ напрасныхъ желаній
Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.
Но мольбы Гальціоны о мертвомъ тревожатъ Юнону:
Жертву и храмъ оскверняетъ рука, посвященная тѣни.
«Вѣстница воли боговъ (сказала Юнона Иридѣ),
«Знаешь, гдѣ Сонъ обитаетъ, безмолвный податель покоя.
«Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ не медля
«Въ образѣ мертваго Цеикса призракъ послалъ Гальціонѣ,
«Истину ей возвѣстить.» Сказала... Ирида въ одеждѣ,
Яркостью красокъ блестящей, дугой въ небесахъ отразившись,
Быстро порхнула къ обители бога, въ скалахъ сокровенной.
Есть въ сторонѣ Киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Мрачной пещерой; издавна тамъ Сонъ обитаетъ лѣнивый.
Тамъ никогда,—ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пору заката,
Фебъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ земли подымаясь,
Влажною стелется мглой, и сумракъ сомнительный свѣтитъ.
Тамъ никогда будитель пернатыхъ съ пурпуровымъ гребнемъ
Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни песъ-сторожитель молчанья
Лаемъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ гусь осторожный;
Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой вѣтки древесной
Шорохъ не слышенъ и слова языкъ человѣчій не молвитъ;
Тамъ живетъ безгласный Покой. Изъ-подъ камня сочася,
Медленной струйкой Летійскій ручей, по хрящу пробираясь,
Слабымъ, чуть слышнымъ журчаніемъ сладко наводитъ дремоту:
Входъ пещеры обсаженъ цвѣтами раскошнаго мака
Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая,
Влажная ночь благодатно кропитъ имъ усталую землю.
Въ цѣломъ жилищѣ нѣтъ ни одной скрипучія двери,
Тяжко на петляхъ ходящей, нѣтъ на порогѣ и стража.
Одръ изъ Гебена стоитъ по срединѣ чертога, задернутъ
Темной завѣсой; наполнены пухомъ упругимъ подушки.
Богъ, разметавшись на ложѣ, тамъ нѣжитъ разслабленны члены.
Ложе осыпавъ, Сны безтѣлесные, легкія Грезы

Тихо лежатъ въ безпорядкѣ, несчетны, какъ нивные класы,
Листья дубравъ иль песокъ, на брегѣ набросанный моремъ.
Входитъ въ пещеру младая богиня, раздвинувъ рукою
Входъ заслонявшіе Сны. Сіянье небесной одежды
Быстро темный чертогъ облеснуло. Встревоженный блескомъ,
Богъ медлительно поднялъ очи и снова закрылъ ихъ;
Силится встать, но слабость голову сонную клонитъ;
Нехотя онъ приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
Всталъ.—Зачѣмъ ты?—спросилъ онъ богиню. Ирида сказала:
«Сонъ, живущихъ покой! о, Сонъ, божество благодати!
«Миръ души, усладитель заботъ, усталаго сердца
«Нѣжный цѣлитель въ тяжкихъ трудахъ и печаляхъ дневныхъ оживитель,
«Сонъ! повели, чтобъ Мечта, подражатель обманчивый правдѣ,
«Въ городъ Иракловъ Трахины, подъ видомъ царя полетѣла
«Тамъ сновидѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ.
«Такъ повелѣла Юнона.» Окончивъ, Ирида младая
Бога покинуть спѣшитъ: невольно ее покоряла
Сонная сила, и тихо кралось въ нее усыпленье.
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла.
Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожденныхъ Видѣній
Выбралъ искусника, всѣхъ принимателя видовъ Морфея:
Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ онъ является лицахъ,
Все выражаетъ: и поступь и тѣлодвиженья и голосъ,
Даже всѣ виды одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ брать лишь одинъ человѣческій образъ.
Есть другой—тотъ является птицей, звѣремъ, шипящимъ
Змѣемъ, слываетъ на Олимпѣ Икелосъ, а въ людяхъ Фоветоръ.
Третій, мечтательный Фантазосъ, дивнымъ своимъ дарованьемъ
Въ камни, волны, пригорки, ниви, во все, что бездушно,
Съ легкостью быстрой влетаетъ. Они царямъ и владыкамъ
Чудятся почью; другіе жъ народъ и гражданъ посѣщаютъ.
Богъ, миновавъ ихъ, изъ легкаго сонмища вызвалъ Морфея
Волю Ириды свершить; потомъ, обезсиленъ дремотой,
Голову томно склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился.
Тихо Морфей на воздушныхъ, безъ шороха вѣющихъ крыльяхъ
Ираемъ летитъ; онъ, скоро полетъ совершивъ, очутился
Въ градѣ Гемонскомъ, и крылья сложилъ, и Цеиксовъ образъ
Принялъ; блѣденъ, подобно бездушному, нагъ, безобразенъ.
Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею лилася
Влага съ его бороды; съ волосъ бѣжали потоки.
Къ ложу тихо склонившись лицомъ, облитымъ слезами,
Онъ сказалъ: «я Цеиксъ; узнала ль меня, Гальціона?
«Смерть уже ль измѣнила меня? Всмотрися—узнаешь;
«Или хоть призракъ супруга вмѣсто супруга обнимешь.
«Тщетны были моленья твои, Гальціона: погибъ я.
«Въ морѣ Эгейскомъ, южный, порывистый вѣтеръ настигнулъ
«Нашу ладью, и долго бросалъ по волнамъ, и разрушилъ.
«Мнѣ въ уста, напрасно твое призывавшія имя,

«Влага морская влилась. Не гонецъ предъ тобой, Гальціона,
«Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣрному нынѣ ты внемлешь:
«Самъ я, въ морѣ погибшій, тебѣ повѣствую погибель.
«Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ, одѣнься въ одежду печали.
«О! да не буду я въ Тартарѣ темномъ бродить неоплаканъ!»
Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ подобенъ
Голосу Цеикса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простиралъ онъ, какъ Цеиксъ.
Тяжко во снѣ Гальціона рыдала; сквозь сонъ протянула
Руки; ловитъ его, но лишь воздухъ пустой обнимаетъ.
«Стой!—она возопила:—помедли, я за тобою.»
Собственный голосъ и призракъ ее пробудили; вскочила
Въ страхѣ; ищетъ, очами кругомъ озираясь, тутъ ли
Видѣнный другъ?.. На крикъ ея прибѣжавшій невольникъ
Подалъ свѣтильникъ — напрасно! нигдѣ его не находитъ.
Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ одежду,
Перси терзаетъ и рветъ на главѣ неразвитые кудри.
— Что съ тобой, Гальціона?—спросила кормилица въ страхѣ.
«Нѣтъ Гальціоны,—она возопила: нѣтъ Гальціоны!
«Съ Цеиксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь утѣшенье:
«Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.
«Руки простерла его удержать, напрасно— то было
«Тѣнь; но тѣнь знакомая, подлинный Цеиксовъ образъ.
«Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ лицѣ выражалось
«Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней.
«Блѣденъ, нагъ, утомленъ, съ волосами, струящими влагу,
«Мнѣ привидѣлся Цеиксъ, и тамъ стоялъ онъ, печальный!
«Вотъ то мѣсто... (и мутно глаза привидѣнья искали).
«Другъ! не того ли страшилося вѣщее сердце, когда я
«Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ не вѣрить?
«Къ смерти навстрѣчу спѣшилъ ты... почто жъ Гальціону
«Здѣсь ты покинулъ? Вмѣстѣ намъ все бы спасеніемъ было.
«Ахъ! тогда ни минуты бы жизни розно съ тобою
«Я не утратила: смерть постигла бы насъ неразлучныхъ.
«Нынѣ жъ, въ отсутствіи, гибну твоею погибелью; море
«Все мое лучшее, всю мою жизнь въ тебѣ погубило.
«Буду безжалостнѣй самаго моря, если останусь,
«Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
«Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отрекаться, о милый,
«Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ въ могилѣ,
«Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетаетъ;
«Розно прахомъ, будемъ хотя именами не розно.»
Тутъ умолкла: печаль оковала языкъ, и рыданье
Духъ занимало, и стоны рвалися изъ поющей груди.—
Быстро утро; она повлеклася на тихое взморье,
Къ мѣсту тому, откуда вслѣдъ за плывущимъ смотрѣла.
Тамъ стояла долго. «Отсюда ладья побѣжала;
«Здѣсь мы послѣднимъ лобзаньемъ простились.» Такъ повторяя
Прошлое думою, взоръ помраченный она устремляла
Въ даль морскую. Вдали, на волнахъ колыхаясь, мелькаетъ

Что-то, какъ трупъ,—но что? Для печальнаго взора не ясно.
Ближе и ближе, видиѣй и видиѣй; уже Гальціона
Можетъ вдали распознать плывущее мертвое тѣло.
Кто бы ни былъ погибшій, но бурей погибъ онъ; и горько
Плача о немъ, какъ бы о чужомъ, она возопила:
«Горе, бѣдный, тебѣ! и горе женѣ овдовѣвшей!»
Тѣло плыветъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.
Вотъ ужъ у брега; вотъ и черты различаетъ ужъ око.
Смотритъ... Кто жъ? Цеикъ.—Онъ! возопила, терзая
Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
Къ тѣлу простерла. «Такъ ли, мой милый, такъ ли несчастный,
«Ты возвратился ко мнѣ?..» Въ томъ мѣстѣ плотина изъ камня
Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго моря;
Въ бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Гальціона
Бросилась... Что же? о чудо! она извилась, и надъ моремъ,
Воздухъ свистящій внезапно-расцвѣтшимъ крыломъ разбивая,
Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною птицей.
Жалобно въ грустномъ полетѣ, какъ будто кого прикликая,
Звонкимъ щелкая носомъ, она протяжно стенала;
Прямо на трупъ охладѣлый и блѣдный она опустилась;
Нѣжно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ будто
Силилась душу его пробудить безотвѣтнымъ лобзаньемъ.
Былъ ли чувствителенъ Цеикъ, волны ль ему, колыхаясь,
Подняли голову—что бы то ни было—онъ приподнялся.
Скоро, надъ ихъ одиночествомъ сжалясь, безсмертные боги
Въ птицъ обратили обоихъ; одна имъ судьба; и поднынѣ
Вѣрны бывалой любви; и поднынѣ ихъ бракъ не разорванъ.
Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и ясныхъ
Мирно, безъ слета сидитъ на плавучемъ гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эолъ, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и воды спокойны.

ОТВѢТЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ

НА ЕГО СТИХИ: ВОСПОМИНАНІЕ.

Ты въ утѣшители зовешь воспоминанье:
Глядишь безъ прелести на свѣтъ!
И раззнакомилось съ душой твоей желанье,
И вѣры къ будущему нѣтъ!

О, другъ! въ твоемъ мое мнѣ сердце отозвалось:
Я понимаю твой удѣлъ!
И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
И мой свѣтильникъ поблѣднѣлъ!

Смѣнилъ блестящія мечтательныя краски
Однообразной жизни свѣтъ!
Изъ-подъ обманчиво-смѣющіяся маски
Угрюмый выглянулъ скелетъ.

На что же, другъ, хотѣть призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы:
Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье;
На небо—взглянемъ изъ тюрьмы!

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

I.

Кто на блистательной видалъ ее чредѣ,
Тотъ все величія постигъ очарованье;
Тому, какъ тайный другъ, сопутникомъ
Благотворящее о ней воспоминанье. [вездѣ

II.

Въ царицахъ скромная, любовь страны
своей,
И въ бурю бѣдъ она душой была спокойна;
И вѣкъ ея свой судъ потомству дастъ объ ней:
«Была величія и счастія достойна.»

КЪ ПОРТРЕТУ БАТЮШКОВА.

Съ нимъ друженъ богъ войны, съ нимъ
друженъ Аполлонъ!
Пѣвецъ любви, отважный воинъ,
По дарованію достоинъ славы онъ,
По сердцу счастія достоинъ.

КЪ ПОРТРЕТУ ГЕТЕ.

Свободу смѣлую припявъ себѣ въ законъ,
Всеозрящей мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ—
И ничему не покорился.

1820.

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ.

20 МАЯ 1820, ВЪ ИСХОДѢ ОДИННАДЦАТАГО ЧАСА.

Уже одиннадцатый часъ!
Графиня, поздравляю васъ
Съ веселымъ вашимъ возвращеньемъ
Изъ той печальной стороны,
Куда вы были сновидѣньемъ
Обманчивымъ отвлечены
Отъ милыхъ свѣта наслажденій,
Отъ ясной младости своей,
Отъ жизни, счастья и друзей!
Повѣрьте мнѣ, тотъ мрачный геній,
Который вѣсть вамъ приносилъ
О вашей тратѣ невозвратной,
Не грозный геній *смерти* былъ,
Но *жизни* геній благодатный!
Онъ вашу душу испыталъ!
Ея невинности прекрасной
Изображеніемъ ужасной
Могилы онъ не испугалъ!
Вы съ тихой твердостью взглянули
На чашу, поданную вамъ,
О свѣтѣ, можетъ-быть, вздохнули,
Но поднесли ее къ устамъ
Съ покорной вѣрой въ Провидѣнье...
Итакъ, забудьте сновидѣнье,
Смутившее напрасно васъ!
Теперь вы заживо узнали,
Сколь мало страшенъ смертный часъ!
Вы на порогѣ томъ стояли,
Къ которому идетъ нашъ путь,
Къ которому невольно мчимся,
Но за который такъ боимся
Изъ бытія перешагнуть!
Смотрите! Геній-испытатель
На семъ порогѣ роковомъ
Стоитъ ужъ въ образѣ иномъ!
Веселый блага прорицатель,
Давъ руку младости живой,
Обнявшись съ милою надеждой,
Онъ ужасъ двери гробовой
Своей волшебною одеждой
Для взора вашего закрылъ!
Онъ факелъ *жизни* воспалилъ,
Онъ свѣтитъ вамъ къ земному счастью!
Онъ васъ къ *прекрасному* влечетъ
Своею дружественной властью!
Идите же, куда зоветъ
Его священное призванье!
Живите, вѣря небесамъ!
Для добрыхъ жизнь очарованье—
Кому жъ и жить, когда не вамъ!

* * *

Минуту насъ она собой плѣняла!
Какъ милый блескъ, пропала изъ очесъ!
Рука Творца ее образовала
Не для земли, а для небесъ.

16 іюня 1820 г.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ
МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Хотя и много я стихами
Писалъ про свѣтлую луну:
Но я лишь тѣнь ея одну
Моими блѣдными чертами
Невѣрно могъ изобразить.

Здѣсь, государыня, предъ вами
Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
Все то, что вѣтреный мой геній,
Летучій невидимка, мнѣ
Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
Шепталъ случайно о лунѣ.

Когда съ усопшимъ на конѣ
Скакала робкая *Людмила:*
Тогда въ стихахъ моихъ луна
Невѣрнымъ ей лучомъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучъ;
И изрѣдка бродящій лучъ
Ужаснымъ блескомъ отражался
На хладной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.
Когда жъ въ саняхъ съ *Свѣтланой*
мчался
Другой извѣстный намъ мертвецъ;
Тогда кругомъ луны вѣнецъ
Сквозь завѣсъ снѣжнаго тумана
Сіялъ на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала взора и привѣта...
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Пришлецъ изъ другого свѣта. –
Я помню: рыцарь *Адельстанъ*,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плылъ, озаряемый луною;
И очарованный челнокъ
По влагѣ волнъ, подъ небомъ яснымъ
Влекомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ
И парусъ пурпурный лелѣялъ;
И, въ небѣ плавая одна,
Сквозь сумракъ тонкаго вѣтрила
Сіяньемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока игривый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,
И цѣпь волшебную златила.—
Но есть еще челнокъ у насъ;
Подъ бурею, въ полночный часъ
Пловецъ невѣдомый съ *Варвикомъ*
По грозно воющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды, протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихорь тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда *рогъ мѣсяца блестящій*
Прорзалъ тучи въ высоту,
И, ставъ надъ бездною кипящей,
Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ...
И на скалу помчался челнъ;
Среди сіяющей пучины
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ—неизбѣжный мститель,
И руку самъ невольно далъ
Своей погибели губитель;
Младенца нѣтъ; Варвикъ исчезъ...
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ успокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой,
Какъ радость, мѣсяцъ молодой.—
Когда жъ невидимая сила
Безъ кормщика и безъ вѣтрила,
Вадима въ третьемъ челнокѣ
Стремила по Днѣпру-рѣкѣ:
Надъ нимъ безоблачно сіяло
Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, надводный темный лѣсъ,
Высокій берегъ—все дремало;
И ярко полная луна
Отъ горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очамъ Вадимовымъ являлась...
Ему луна сквозь темный боръ
Лампадой таинственной свѣтитъ;
И все, что изумленный взоръ
Младого путника не встрѣтитъ,
Съ его душою говоритъ
О чемъ-то горестно-ужасномъ,
О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ...

Съ невольной робостью онъ зритъ
Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
Надъ повалившимся крестомъ
Какой-то легкій вѣетъ пламень,
И сумраченъ сидитъ на немъ
Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
Туманныя уставивъ очи
Неотвратимо на луну;
Онъ слышитъ: что-то тишину
Смутило; древній крестъ шатнулся,
И сонный воронъ встрепенулся;
И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
Пошелъ ко храму, помолился...
Но храмъ предъ нимъ не отворился,
И въ отдаленьи онъ пропалъ,
Сліясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ.
И далѣ трепетный Вадимъ;
И вдругъ является предъ нимъ
На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
Пустынный замокъ; блескъ луны
На стѣны сыплется зубчаты;
Въ кудрявый мохъ облечены
Ихъ неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;
И вотъ уже надъ головой
Луна, достигнувъ полуночи;
И видятъ путниковы очи
Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣной,
Другая къ ней идетъ на стѣну,
Другъ другу руку подаютъ,
Прощаются и врозь идутъ,
Свершивъ задумчивую смѣну...
Но то, какъ дѣвы спасены,
Ужъ не касается луны.—
Еще была воспѣта мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала предъ Москвою
Святая русская война
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь: какъ бранный щитъ,
Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
Нашъ станъ молчаньемъ былъ покрытъ,
И ратникъ въ лиственномъ бивакѣ
Вооруженный мирно спалъ;
Лишь стражу стража окликалъ;
Костры дымились, пламенѣя,
И кое-гдѣ передъ огнемъ,
На яркомъ пламени чернѣя,
Стоялъ казакъ съ своимъ конемъ,
Окутанъ буркою косматой;
Тамъ острыхъ копій рядъ крылатой
Въ сіяньи мѣсяца сверкалъ;
Вблизи улановъ рядъ лежалъ;
Надъ ними ихъ дремали кони;
Тамъ грозныя сверкали брони;
Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали, и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой;
И въ отдаленьи полосами,
Сліянны съ дымомъ облаковъ,
Биваки дымные враговъ
На краѣ горизонта рдѣли;
Да кое-гдѣ, вблизи, вдали
Тѣла, забытыя въ пыли,
Въ ужасномъ образѣ чернѣли
На яркихъ мѣсяца лучахъ...
И между тѣмъ на небесахъ,
Надъ грознымъ полемъ истребленья,
Ночныя мирныя видѣнья
Свершались мирно, какъ всегда:
Младая вечера звѣзда
Привычной прелестью плѣняла;
Неизмѣняема сіяла
Луна землѣ съ небесъ родныхъ,
Не зная ужасовъ земныхъ;
И было тихо все въ природѣ,
Какъ тамъ, на отдаленномъ сводѣ:
Спокойно лѣсъ благоухалъ,
И воды къ берегамъ ласкались,
И берега въ нихъ отражались,
И вѣтерокъ равно порхалъ
Надъ благовонными цвѣтами,
Надъ лономъ трепетныхъ зыбей,
Надъ бронями, надъ знаменами
И надъ безмолвными рядами
Объятыхъ сномъ богатырей...
Твореньe Божіе не знало
О человѣческихъ бѣдахъ
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ, и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.
А рокъ межъ тѣмъ не засыпалъ;
Надъ ратью, молча, онъ стоялъ;

Держала жеребій десница;
И взоръ неизбѣжимый лица
Имъ обреченныхъ замѣчалъ.—
Еще я много описалъ
Картинъ луны: то надъ гробами
Кладбища сельскаго она
Катится по̀ небу одна,
Сіяніемъ невѣрнымъ бродитъ
По дерну свѣжему холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ
На зелень блѣдную наводитъ,
Мелькаетъ быстро по крестамъ,
Въ оконницахъ часовни блещетъ,
И, внутрь ея закравшись, тамъ
На золотѣ иконъ трепещетъ;
То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
Когда встаютъ съ холмовъ туманы,
Задумчиво на дубъ *Минваны*
Глядитъ, и вѣя передъ ней,
Четой сліянною двѣ тѣни
Спускаются къ любимой сѣни,
И шорохъ слышится въ листахъ,
И пробуждается въ струнахъ,
Перстамъ невидимымъ послушныхъ,
Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
То вдругъ на *взморье*—гдѣ волна
Плесская прыщетъ на каменья,
И гдѣ въ тиши уединенья,
Воспоминанью предана,
Привыкла вслушиваться Дума
Въ гармонію ночного шума—
Она, *въ величественный часъ*
Всемірнаго успокоенья,
Творитъ волшебныя для глазъ
На влагѣ дремлющей видѣнья;
Иль, тихо зыблясь, въ ней горитъ,
Иль, раздробившись, закипитъ
Съ волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдругъ огромныя морщины
По влагѣ ярко проведетъ,
Иль огненной змѣей мелькнетъ,
Или подъ шлюпкою летящей
Забрызжетъ пѣною блестящей...
Довольно; все пересчитать
Мнѣ трудно съ музою лѣнивой;
Къ тому жъ ей долгъ велитъ правдивой
Вамъ, государыня, сказать,
Что сколько разъ она со мною,
Скитаясь въ сумракѣ ночей,
Ни замѣчала за луною:
Но все до сей поры мы съ н
Луны такой не подглядѣли,
Какою на небѣ ночномъ,
Въ концѣ прошедшія недѣли,
Надъ чистымъ Павловскимъ
На колоннадѣ любовались;
Давно, давно не наслаждалис
Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ
Все нѣжилось, все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепріимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока
Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучомъ
Все предавалось усыпленью—
Лишь изрѣдка пустымъ путёмъ
Своей сопутствуемый тѣнью,
Шелъ запоздалый пѣшеходъ,
Да сонной пташки содроганье
Да легкій шумъ плеснувшихъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зерцало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тог
Другое небо видно было
Съ такой же ясною луной,
Съ такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій,
Крыломъ неслышнымъ, вѣтеро
Дотронувшись до влаги спящ
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами разсыпалась;
И смутною во глубинѣ
Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ...
Понятное знаменованье
Души въ ея земномъ изгнань
Она небеснаго полна,
А все земнымъ возмущена.

Но какъ назвать очарованье,
Которымъ душу всю луна
Объемлетъ такъ непостижимо?
Ты скажешь: ангелъ невидимо
Въ ея лучахъ слетаетъ къ намъ...
Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
Но вѣстника мы понимаемъ;
Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ,
Невыражаемымъ, но внятнымъ;
Летимъ неволею за нимъ
Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
Къ тѣмъ упованіямъ святымъ,
Которыми когда-то жили,
Когда съ привѣтною мечтой,
Еще не встрѣтившись съ судьбой,
У ясной младости гостили.
Какъ часто вдругъ возвращено
Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
Все улетѣвшее давно!
И видимъ мы воображеньемъ
Тотъ свѣжій лугъ, гдѣ мы цвѣли;
Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
Былое кажется небывшимъ
И насъ манящимъ издали;
И то, что *нашимъ* было прежде,
Съ чѣмъ мы простились навсегда,
Намъ мнится *нашимъ*, какъ тогда,
И вѣренным еще надеждѣ...
Кто жъ изъяснитъ намъ, что она,
Сія волшебная луна,
Другъ нашей ночи неизмѣнный?
Не острой ли она блаженный,
И не гостиница ль земли,
Гдѣ навсегда простясь съ землёю,
Душа слетается съ душою,
Чтобъ повидаться издали
Съ покинутой, но все любимой
Ихъ прежней жизни стороной?
Какъ съ прага хижины родимой
На брошенной своей клюкой
Съ утѣхой странникъ отдохнувшій
Глядитъ на путь, уже минувшій,
И думаетъ: «тамъ я страдалъ,
Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся,
Тамъ утомленный отдыхалъ
И съ новой силою сбирался».
Такъ наши, можетъ-быть, друзья
(Въ обѣтованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаній утѣшенье
Вкушаютъ, глядя изъ луны
Въ предѣлы здѣшней стороны.
Здѣсь и для нихъ была когда-то
Прелестна жизнь, какъ и для насъ;
И ихъ манилъ надежды гласъ,
И ихъ испытывала тратой
Тогда имъ тайная рука
Разгаданнаго Провидѣнья.
Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
Чѣмъ жизнь прискорбна, чѣмъ сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смѣлость, трепетъ страха,
Высокихъ замысловъ мечта,
Великость, слава, красота ..
Все стало бѣдной горстью праха;
И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ
Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то,
Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ,
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Смятеннымъ пламенемъ согрѣто;
Да, можетъ-быть, въ краю иномъ
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и нынѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіёмъ;
И нынѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой;
И, знавшись съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подъ часъ утѣхой неземной
На сердце наше налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой.

ПИСЬМО КЪ А. Г. ХОМУТОВОЙ.

Благодарю васъ всей душою!
Вчера мнѣ милою рукою
Графини Бобринской былъ данъ
Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами,
И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ.
Люблю я страшное подъ-часъ!
Но этотъ томъ теперь сто разъ
Милѣй мнѣ милыми стихами,
Которые шепнулъ шутя
Вамъ богъ парнасскій мимоходомъ,

Лишь для того, чтобъ, ихъ прочтя,
Я сталъ счастливымъ сумасбродомъ
И веселился, какъ дитя.
Я очень радъ, что я вашъ крестникъ;
Благодарю моимъ духамъ—
Безъ нихъ пришло ли бъ въ мысли вамъ
Мнѣ титулъ: гробовой прелестникъ
Прелестными стихами дать!
Онъ мой теперь навѣкъ, по праву!
Его ни за какую славу
Не соглашуся промѣнять.
Еще жъ прибавлю я: вы правы—
Искатели парнасской славы
Мнѣ всѣ завидовать должны.
Они, вѣнцомъ ея плѣняясь,
Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
Карабкаться осуждены.
Моя жъ судьба совсѣмъ иная:
Сама Харита молодая
Своимъ магическимъ перомъ
Мнѣ написала мой дипломъ
На сей вѣнецъ, поэту лестный,
Съ улыбкой славѣ подала,
Съ улыбкой слава приняла
И полетѣла въ путь небесный;
Къ нему я бабочкой прильнулъ
И вслѣдъ за славою порхнулъ...
Хоть я вѣнца и недостоинъ,
Но мнѣй онъ полученъ отъ васъ;
Пускай бранитъ меня Парнасъ—
Я буду въ совѣсти спокоенъ!

P. S. Я честь имѣю вамъ послать
Тафту для траурнаго платья.
Не думайте, что наша братья,
Пѣвцы, не знаютъ исполнять,
Въ жару небесныхъ вдохновеній,
Простыхъ земныхъ препорученій.
Повѣрьте совѣсти моей,
Здѣсь виноватъ не сынъ вашъ крестный,
Не Фебъ, отецъ его небесный,
Но попросту земной лакей.
Третьевадни довольно ясно
Я Санхѣ моему сказалъ,
Чтобъ онъ съ тафтой къ вамъ побѣжалъ...
Но проповѣдовалъ напрасно
Въ пустынѣ я глухимъ ушамъ!
Служитель мой былъ непокоренъ,
Какъ Фебъ, который такъ упоренъ
Пріискивать къ моимъ стихамъ
И смыслъ и риѳму. Въ увѣреньѣ,
Что онъ приказъ исполнилъ мой,
Я прихожу вчера домой—
И что жъ? Тафта, какъ привидѣнье
Ужасное, предстала мнѣ
Въ бумагѣ на моемъ окнѣ!
Я, съ неожиданной досады,
Перекувыркнулся разъ пять
И ужъ хотѣлъ-было кусать
Слугу-лѣнивца для отрады...
Но я его не укусилъ.
Зачѣмъ же медлилъ онъ?—Забылъ?
Нѣтъ не забылъ; совсѣмъ другое:
Все утро дождикъ ливмя лилъ,
И мой посланникъ разсудилъ,
Что существо его земное
Небесной смочится водой,
Что лучше для него въ покоѣ
Погоды подождать сухой,
И что страшнѣе простудиться,
Дождемъ, гуляя, проливнымъ,
Чѣмъ быть здоровымъ и сухимъ
И съ сыномъ Феба побраниться..

КЪ К. Ѳ. ГОЛИЦЫНУ.

Я слова, князь, не позабылъ,
Я вашъ должникъ за Каталани!
И если я не заплатилъ
Еще обѣщанной вамъ дани,
То все я передъ вами правъ!
Собачій вѣрный біографъ,
Я ждалъ отъ васъ нетерпѣливо
Записокъ точныхъ, чтобъ на нихъ
Сослаться въ надписи правдивой,
И честь воздать въ стихахъ моихъ,
Согласно съ истиною строгой,
Покойницѣ четвероногой!
Но я напрасно ожидалъ:
Князь Ѳедоръ, въ шумномъ кругѣ свѣ
Среди веселій пировалъ,
Забывъ собаку и поэта.
Пора напомнить вамъ объ ней!
Чтобъ въ эпитафіи моей
Напрасно пышными стихами
Передъ потомствомъ не солгать,
Чтобъ о собакѣ не сказать
Того, что часто надъ трубами

Временщиковъ и богачей,
И полководцевъ и царей,
Чертятъ безстыдными рѣзцами
На гордыхъ бронзовыхъ доскахъ.
Короче, чтобы могъ въ стихахъ
Я пса покойнаго представить
Въ *его*, а не въ *чужой* красѣ,—
Прошу мнѣ полную доставить
Записку о покойномъ цѣ.
У васъ, я думаю, остался
Въ бумагахъ списокъ послужной.
Во-первыхъ: какъ онъ назывался?
Потомъ: породы былъ какой:
Дворовый, гончій, иль лягавой?
Иль пудель съ головой курчавой?
Иль мопсъ, изнѣженный храпунъ,
Съ наморщенной арапской мордой?
Иль шпицъ? иль догъ, флегматикъ гордый?
Иль быстрый англійскій прыгунъ?
Иль, можетъ-быть, онъ мышеловкой
Коротконогой вамъ служилъ?
Иль трикеой желтопузой былъ?
Или съ кудрявою головкой,
Съ обритой спинкой и хвостомъ,
Для шутки назывался *львомъ*?
Былъ дѣтямъ мирною игрушкой,
И рѣдко ссорился съ подушкой?
Еще знать хочетъ Аполлонъ:
Чему покойникъ былъ ученъ?
Умѣлъ ли подавать онъ лапку?
Умѣлъ ли по приказу шапку
Съ прохожихъ невзначай срывать?
Умѣлъ ли, морду приподнявши,
Моргая носомъ, хвостъ поджавши,
На заднихъ лапочкахъ стоять?
Да, сверхъ того, каковъ былъ свойствомъ:
Привѣтенъ былъ ли для *своихъ*?
Умѣлъ ли лаять на *чужихъ*?
И отличался ли геройствомъ,
Когда случалось вызывать
Ему на рыцарскую драку
За кость соперницу-собаку?
Короче, я желаю знать
Въ подробность все, что съ нимъ случа-
Какою смертью умеръ онъ, [лось,—
Когда и гдѣ похороненъ,
И много ли сиротъ осталось,
Чтобы объ немъ воспоминать,
Чтобы для васъ, ворча и лая,
Покойника изображая,
Его утрату замѣнять?

10 іюля. Павловскъ.

КЪ КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ.

Итакъ, еще намъ суждено
Дорогой жизни повстрѣчаться,
И съ милымъ прошлымъ заодно
Въ воспоминаньи повидаться.
Неволею, внимая вамъ,
Къ давно утраченнымъ годамъ
Я улеталъ воображеньемъ;
Душа была пробуждена—
И ей нежданнымъ привидѣньемъ
Минувшей жизни старина
Въ красѣ минувшей показалась.
И вамъ и мнѣ—въ тѣ времена,
Когда лишь только разгоралась
Денница младости для насъ—
Одна прекрасная на часъ
Веселой гостьей намъ являлась;
Ея живая красота,
Плѣнительная, какъ мечта
Души, согрѣтой упованьемъ,
Въ моей душѣ съ воспоминаньемъ
Всего любимаго слита;
Какъ сонъ воздушный мнѣ предстала
На утрѣ дней моихъ она,
И вмѣстѣ съ утромъ дней пропала
Воздушной прелестію сна.
Но отъ всего, что послѣ было,
Что невозвратно истребило
Стремленье невозвратныхъ лѣтъ,
Ее, какъ лучшій жизни цвѣтъ,
Воспоминанье отдѣлило...
Идя назначеннымъ путемъ,
Съ утѣхой тайной видитъ странникъ,
Какъ звѣздочка, зари посланникъ,
Играетъ въ небѣ голубомъ,
Прорѣчествуя день желанный;
Каковъ бы ни былъ день потомъ,
Холодный, бурный иль туманный—
Но онъ о звѣздочкѣ своей
Съ любовью вспомнитъ и въ ненастье.
Нашлось иль нѣтъ земное счастье—
Но *милое минувшихъ дней*
(На ясномъ утрѣ упованья
Насъ веселившая звѣзда)

Милѣйшимъ будетъ завсегда
Сокровищемъ воспоминанья.

КЪ КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ.

Княгиня! для чего отъ насъ
Вы такъ безжалостно спѣшите?
На *годы* скрыться вы хотите,
Намъ показавшися *на часъ*.
Я знаю: *что, какою* властью
Къ Москвѣ старинной васъ манить!
Я знаю дивный сей магнитъ:
По почтѣ скачете вы *къ счастью*.
Нельзя ль мнѣ на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И какъ его открыть возможно?
Нельзя ль *маршрута* показать,
И мнѣ на случай подписать
Своей рукою *подорожной*?
О благодатной сторонѣ,
Гдѣ это счастіе таится,
Извѣстно по преданью мнѣ;
Порою же объ немъ и снится!
Но милый сонъ, какъ ни зову,
Прійти не хочетъ наяву,
Хотя прійти бы и не трудно!
Въ немъ все и просто и не чудно,
И сверхъестественнаго нѣтъ!
Объ этомъ счастьѣ вздорный свѣтъ
Имѣетъ ложныя познанья;
Его жилищу описанья
Въ печатныхъ книгахъ не найдемъ;
Любимцы же его о немъ
Разсказывать весьма лѣнивы:
Счастливцы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе—крикунъ!
Но мой домашній говорунъ—
Досужное воображенье—
Мнѣ сочинило наугадъ!
Хотя сей богъ на первый взглядъ
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, въ тиши,
Пріятностью, лицомъ, осанкой
Сдружитъ васъ нехотя съ собой!
Онъ жить привыкъ въ ладу съ природой;
Любовь съ довѣрчивой *свободой*
И вѣрный спутникъ ихъ *покой*
Гостятъ безвыходно у бога,
И отгоняютъ отъ порога
Его имъ ввѣренныхъ дверей
Душегубительную *ревность*.
Стыдливость, предъ которой древн
Не воздвигая алтарей,
Въ молчаніи благоговѣла—
Прелестный сторожъ красоты,
Безъ блеска ризъ, безъ наготы,
Сего счастливаго предѣла
Очарованіе хранитъ,
И, угощая въ немъ *харитъ*,
Узнать препятствуетъ *Гимену*
Подругу скуки—*перемѣну*.
Умѣренность, довольства другъ,
Порядокъ, ихъ животворитель,
Занятіе, души хранитель,
Пріятный братъ его *досугъ*,
Съ нимъ неразлучное *веселье*
И легкокрылое *бездѣлье*,
Товарищъ рѣзвости младой,
Живутъ тамъ дружною семьей.
И въ семъ пріютѣ все земное
Пріемлетъ существо иное:
Надежда радостнѣе тамъ,
Живѣе *вѣра* въ Провидѣнье,
Печаль находитъ утѣшенье
Въ сердечномъ словѣ: *пополамъ!*
Тамъ даже *смерть*, пришлецъ жест
Склонясь на одръ неодинокій,
Теряетъ хладный ужасъ свой;
Жизнь уводя одной рукою,
Спѣшитъ разоблачить другою
Лицо *грядущаго* для насъ,
И платитъ намъ за быстрый часъ
Мучительнаго разставанья
Надеждой вѣчнаго свиданья!..
Но виноватъ!.. Безъ нужды вамъ
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
На зло и музѣ и стихамъ,
Вѣрнѣй вы опытомъ узнали!
Назвать бы имя божества,
И вы бы вмигъ, безъ колдовства,
Все остальное угадали!
Сей богъ—докончу въ двухъ слова
Есть богъ *семейственнаго счастья*
Его могу я безъ пристрастья
Хвалить и въ прозѣ и стихахъ:
Я отъ него благодѣяній
До сей поры не получалъ,

А что я знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій.
Извѣстно: должно быть *двоимъ*,
Чтобъ смѣть явиться передъ нимъ—
Для одинокихъ нѣтъ пріема!
Княгиня! васъ прошу теперь!—
Къ нему дорога вамъ знакома! —
Нельзя ль, чтобъ отворилась дверь
Въ его пристанище святое
И для меня,—чтобъ въ добрый часъ
Вдругъ *я* преобразился въ *насъ*,
Чтобъ я *одинъ* вдругъ сталъ *насъ двое!*
Прошу мнѣ спутника найти
Такого, чтобъ къ жилищу бога
Была пріятна съ нимъ дорога,
Чтобъ не пришлось съ полупути
Назадъ бѣжать, не озираясь!
Хоть, вамъ довѣрчиво вѣряясь,
И не боюсь я *не дойти;*
Но все на всякій страхъ желаю
[Чтобъ легче было выбирать]
Попутника вамъ описать,
Какимъ его воображаю.
Скажу вамъ: *онъ*, иль нѣтъ,—*она*
Ужъ не ребенокъ быть должна:
Ребенку надобенъ учитель!
А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ!
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечной;
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей *прекрасно;*
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить:
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не *впередъ* идти, а *рядомъ*.
Что вамъ сказать о красотѣ?
Я не желаю идеала,
Одной знакомаго мечтѣ;
Хочу, чтобы она плѣняла
Не тѣмъ, что можетъ взоръ плѣнять,
Чему легко названье дать,
Да *что есть въ лексиконѣ слово,*
Но что умчитъ стремленье лѣтъ...
Но тѣмъ, чему названья нѣтъ,
Что вѣчно молодо и ново,
И что прекраснѣй красоты!
Какія бъ ни были черты,
Желаю только, чтобъ сіяло
Сквозь ихъ живое покрывало
Мнѣ сердце, чистое, какъ день!
Нѣтъ совершенства, и напрасно
Его желать намъ! Здѣсь прекрасно
Лишь то, въ чемъ слиты *свѣтъ и тѣнь!*
Боюсь разборчивости строгой!
Чтобы идти земной дорогой,
Большой не надобенъ запасъ...
Любовь къ добру—и въ добрый часъ!
Еще бъ я много здѣсь прибавилъ;
Но васъ въ Москву зовущій рокъ,
Къ несчастью, слишкомъ малый срокъ
Моей болтливости оставилъ!
Итакъ, желаю, чтобъ *она*
Со мной *въ дурномъ* была *сходна*,
А въ *добромъ разнилась* со мною;
Страдая вмѣстѣ зломъ однимъ,
Скорѣе зло мы *истребимъ;*
Добро жъ, согласною душою
Дѣля, *въ одно* соединимъ;
Разсудокъ ясный и надежный
Я предпочту неосторожной,
Хотя и милой, *остротѣ;*
Хочу, чтобъ свѣтъ она судила
Въ спокойной сердца простотѣ,
И мыслью вѣрною свѣтила,
Не ослѣпляя, въ тишинѣ,
Какъ другъ-путеводитель мнѣ!
Не *пылкаго* воображенья,
Живого я желаю ей;
Одно—товарищъ заблужденья,
Другое—геній нашихъ дней,
На всѣхъ путяхъ цвѣты находитъ
И краски свѣжія наводитъ
На жизнь, поблекшую отъ лѣтъ...
. . . . . .
. . . . . .

Княгиня, васъ ужъ съ нами нѣтъ!
Мелькнули вы, какъ привидѣнье!
И, бѣдный сирота-поэтъ,
Я остаюсь теперь въ сомнѣньѣ:
Вы сами ль показались мнѣ,

Иль только ваша тѣнь во снѣ
Являлась мнѣ съ воспоминаньемъ
О днях веселыя Москвы,
Съ любезностью, съ очарованьемъ,
Какимъ тогда плѣняли вы,
И съ милостивымъ обѣщаньемъ
Необходимой мнѣ жены?
Какъ жаль, что насъ такіе сны
Лишь мимоходомъ навѣщаютъ,
Лишь только дразнятъ счастьемъ насъ,
И прочь летятъ въ тотъ самый часъ,
Когда остатся обѣщаютъ!
Какъ жаль, что съ вами суждено
Моей судьбою своенравной
Мнѣ быть знакомымъ—такъ давно,
А быть короткимъ—такъ недавно!
Умомъ бы яснымъ и живымъ
Вы сонный умъ мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
Съ слѣпымъ ребячествомъ моимъ,
Не испугавъ воображенья!
Какъ жаль, что ваши наставленья
Не могутъ мнѣ компасомъ быть!
Я признаюсь: опасно плыть
Мнѣ по морю *большого свѣта*
Съ обманчивой звѣздой поэта:
Любуясь милой сей звѣздой
И слѣдуя мечтой послушной
За прелестью ея воздушной,
Я руль позабываю мой,
Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лугахъ
Зрю призракъ береговъ *цвѣтущихъ*
На *неприступныхъ* берегахъ...
Но васъ здѣсь нѣтъ, и васъ напрасно
Въ путеводители мнѣ звать!
Кое-какъ буду путь опасный,
Судьбѣ отдавшись, продолжать!
Беречь свой челнъ отъ потопленья
Среди невѣрной глубины,
И терпѣливо доставленья
Ждать мнѣ обѣщанной жены.

ВАСИЛІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ
ПЕРОВСКОМУ.

Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣла!
Опять о счастьѣ мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины...

Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
И жадным взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаетъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой!
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою мечтой,
Живымъ утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней,
И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей...
Таковъ былъ я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно умануло
На первобытный въ жизни лугъ!
Любовь мелькнула предо мною.
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ!..
Но удались, мой посѣтитель!
Не у меня тебѣ гостить!
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!

Товарищъ! мной ты не забытъ!
Любовь -друзей не раздружитъ.
Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?

Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ!
Давно веселости ужъ нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Угрюмый спутникъ—молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой.
Ты молча радостныхъ дичишься,
И, къ жизни охладѣвъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ.
Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ,
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья!
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ ней;
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ;
Перерывающійся гласъ;
Къ тому, что окружаетъ насъ
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье,
И неприсутствія тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сіи примѣты знаю я!..
Мой жребій далъ на то мнѣ право!
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть ему отравой?
Нѣтъ, милый! ободрись! она
Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена!
Сей ясный взоръ онъ не обманчивъ:
Не прелестью ума одной,
Онъ чувства прелестью приманчивъ!
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой:
Въ ней что-то искреннее дышетъ,
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
Всему въ немъ лучшему родной,
Въ нее участіе ліющій,
И безъ усилія дающій
Ей убѣжденье и покой.
О, вѣрь же, другъ, душѣ прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милаго дано?
Люби! любовь и жизнь—одно!
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши;
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души!

ПИСЬМО КЪ А. Л. НАРЫШКИНУ

Нарышкинъ, человѣкъ случайный,
Дѣйствительный совѣтникъ тайный,
Гофмаршалъ русскаго царя
И заслуженный царедворецъ,
Васъ проситъ русскій стихотворецъ,
Жуковскій [просто говоря],
Чтобъ въ Петергофѣ вы призрѣли
Его земное существо,
И въ тепломъ уголкѣ согрѣли
Съ нимъ то младое божество,
Которое за нимъ летаетъ,
Ему покоя не даетъ
И въ свѣтѣ музою слыветъ.
Онъ вамъ богиню повѣряетъ,
Сказавъ за тайну, что она
Причудлива и прихотлива.
Въ просторѣ жить пріучена,
Зябка и временемъ лѣнива!
Богиня—женщина, и ей
Дана причудничать свобода!
А петергофская природа
Извѣстна сыростью своей!
Легко ей дать пѣвцу потачку
И въ немъ восторгъ воспламенить,
Легко пѣвца и простудить,
И за небесную горячку
Земной горячкой заплатить!
Итакъ, прошу васъ о квартирѣ,
Такой, чтобъ могъ я въ ней порой
Непростуженною рукой
Не по студёной бѣгать лирѣ!
Нельзя ль, чтобъ былъ и камелекъ!

На сѣверѣ, гдѣ часто вьюга
Смѣняетъ теплый вѣтерокъ,
Поэту важная услуга
Въ каминѣ яркій огонекъ!
Другую тайну вамъ открою:
Да я и не одинъ сбираюсь къ вамъ;
Вся сволочь Пинда вслѣдъ за мною
Воздушной тянется толпою;
Привыкнувъ къ теплымъ небесамъ,
И на землѣ тепло мнѣ нужно!
Къ тому же, сверхъ моихъ боговъ,
На всякій случай въ Петергофъ
Беру семью крылатыхъ сновъ,
Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшаевъ, духовъ,
Да для моихъ стихотвореній
Запасъ домашнихъ привидѣній
И своекоштныхъ мертвецовъ!
Короче, ѣду цѣлымъ домомъ!
Хотя меня съ такимъ содомомъ
Вамъ и трудненько помѣстить—
Но, знаю, вы найдете средство!
Позвольте, напримѣръ, спросить:
Нельзя ль мнѣ море дать въ сосѣдство!
Нельзя ль найти мнѣ уголокъ
[Но не забывъ про камелёкъ]
Въ волшебномъ вашемъ Монплезирѣ!
Признаться, вспомнишь лишь объ немъ,
Душа наполнится огнемъ,
И руки сами рвутся къ лирѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда безъ смысла къ Монплезиру
Я рифмою поставилъ лиру,
Тогда сіялъ прекрасный день
На небѣ голубомъ и знойномъ,
И мысль мою плѣнила тѣнь
На взморьѣ свѣтломъ и спокойномъ.
Но всѣмъ извѣстно ужъ давно,
Что смыслъ и рифма не одно —
И я тому примѣромъ снова!
Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
Разсудокъ мокрый доказалъ,
Что Монплезиръ пріютъ прекрасный,
Но только въ день сухой и ясный,
Что отъ дворца онъ далеко,
Что хоть поэту и легко
За вымыслами, за мечтами,
За привидѣньями, чертями
Воображенье посылать,
Но что на прочія посылки—
Чтобъ утромъ кофе для пѣвца
Принесть изъ царскаго дворца,
Чтобъ попросить ножа иль вилки,
Чтобъ просто сбѣгать за водой —
Необходимъ посолъ другой,
Что на сіи препорученья
Небесный геній слишкомъ дикъ,
И что послѣдній истопникъ
Проворнѣе воображенья!
Итакъ, сказавъ мое простя
Плѣнительному Монплезиру,
И давъ ему для рифмы лиру,
Спѣшу для смысла перейти
Поближе къ царскому жилищу!
И здѣсь, какъ тамъ, найдетъ поэтъ
Себѣ мечтательную пищу!
Зато здѣсь ужинъ и обѣдъ
Вѣрнѣй—вѣдь не одной мечтою,
А дѣломъ брюхъ я ихъ привыкъ;
Къ тому же здѣсь, ходя за мною,
Не уморится истопникъ.

ПѢСНЯ.

Отымаетъ наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ
Не одно ланитъ пыланіе
Тратимъ съ юностью живой—
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ,
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ;
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительн
Челнъ безпарусный манитъ?

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ на
Къ наслажденью охлажденная,
Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа загнушена,

И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или прежнее ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ—
То обманъ; то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ;
Сверху листъ благоухающій—
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.
Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши;
Такъ и слезы—освѣженіе
Запустѣвшія души.

ТРИ ПУТНИКА.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

«Прими, пріюти насъ на темную ночь;
Но гдѣ же красавица? Гдѣ твоя дочь?»

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица-дочка моя.—

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ:
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.

И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой:

«Ахъ! если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною бъ отнынѣ любима была!»

Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ и взоръ опустилъ:

«Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!»

Но третій опять покрывало поднялъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:

«Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить!»

ВЪ КОМИТЕТЪ,

УЧРЕЖДЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОНЪ ПАВЛОВСКОЙ ВЕКШИ ИЛИ БѢЛКИ, ОТЪ ДЕПУТАТА ЖУКОВСКАГО.

Прошу меня не осуждать,
Что я промедлилъ судъ свой дать
О надписяхъ покойной бѣлкѣ!
Здѣсь дѣло шло не о бездѣлкѣ!
Я прежде долженъ былъ узнать
О томъ, какой была породы
Покойница съ большимъ хвостомъ,
Какъ жизнь вела, и какъ потомъ
Лишившися своей свободы
[Быть можетъ за грѣхи свои],
Съ домашней вѣточки вскочила
Въ карманъ безжалостный Ильи,
Какъ сдѣлался карманъ могила,
И прочее. Вотъ мой отвѣтъ!
Звѣрокъ покойный былъ поэтъ!
За то, что онъ явиться въ свѣтъ
Дерзнулъ съ своею музой мелкой,
Обиженный имъ Аполлонъ
Велѣлъ, чтобы по смерти онъ
Еще бродилъ по свѣту бѣлкой,
Безумнымъ риѳмачамъ въ урокъ!
Но Фебъ и въ гнѣвѣ своенравенъ:
Поэтъ былъ, какъ поэтъ, безславенъ,
Зато сталъ славенъ, какъ звѣрокъ!
Илья искалъ въ лѣсу забавы,
Но все на свѣтѣ семъ обманъ!
Онъ бѣлку спряталъ въ свой карманъ!
Потомъ карманъ сталъ храмомъ славы
Для осужденнаго пѣвца!
Пока поэтъ искалъ вѣнца
Себѣ въ горячкѣ вдохновенья,
Онъ былъ добычею забвенья!
Но только-что онъ бѣлкой сталъ
И равнодушно промѣнялъ
На рощу, волю и орѣхи
Всѣ стихотворныя утѣхи—
Судьбѣ разгнѣванной на зло
Его безсмертіе нашло!
О ты, задохшійся въ карманѣ
Неумолимаго Ильи,
Хотя, бѣднякъ, стихи твои
И скрыты навсегда въ туманѣ
Забвенья для грядущихъ лѣтъ,
Но для тебя забвенья нѣтъ!
Судьбы напрасно вѣроломство!
Ты бѣлкой перейдешь въ потомство!..

какъ избранный судья,
ь вамъ представить я
пристрастное рѣшенье
надписяхъ сужденье.
есть готово нумеровъ—
хороши! безъ дальнихъ словъ!
охвалой, признайтесь сами,
олжно бременить могилъ:
и же бѣлку задушилъ;
что жъ ее душить стихами!
тому жъ—скажу на всякій страхъ—
все въ прекрасныхъ сихъ стихахъ
ля всѣхъ покажется прекрасно:
отъ, напримѣръ, въ однихъ есть *Dreck!*
Іо въ нашъ благопристойный вѣкъ
Къ могилѣ подойти опасно
Съ такой душистой похвалой;
Въ семъ словѣ, правда, смыслъ простой,
Оно и кратко, и понятно;
И знаемъ мы, что человѣкъ
И всѣ его надежды—Dreck!
Но Dreck для вкуса непріятно!—
Въ другихъ есть Hadzy-Padzy...—Нѣтъ,
Такихъ стиховъ не приметъ свѣтъ!
Они и черствы и не гладки!
Къ тому жъ на камняхъ гробовыхъ
Мы ищемъ надписей простыхъ:
На нихъ не нужны намъ загадки.
Чтобъ Hadzy-Padzy объяснить,
Въ вѣкахъ грядущихъ, можетъ-быть,
Ученость завела бы споры,
И доброй бѣлки мирный прахъ
Надолго бъ поселилъ въ умахъ
Недоумѣнье и раздоры!
Начто жъ могилой бѣлки намъ
Временъ грядущихъ докторамъ
Давать несчастный случай драться
За смыслъ неизъяснимыхъ словъ
И въ толкованьяхъ завираться.
Короче—выборъ мой готовъ:
Для блага докторовъ почтенныхъ
Изъ надписей, мнѣ порученныхъ,
Назначилъ я одну—и вотъ
Ея смиренный переводъ:
«Веселое дитя природы,
Въ лѣсу безпечно я жила,
И въ немъ довольства и свободы
Изображеніемъ была.
...бѣжный камень
Судьбою посланный Илья,
И вмигъ, какъ будто легкій пламень,
Потухла быстро жизнь моя!
И мнѣ пріютъ могила стала,
И камень тяжкій надо мной;
Но счастье здѣсь, и я знавала:
Жила и Божій свѣтъ былъ мой!»

* * *

Что радость?—Бабочка вдали, вблизи *лягушка*.
Судьба? — Капризная и вздорная *ст...ручка*.
Надежда?—легкая *вертушка*.
А жизнь?—ихъ жалкая *игрушка*.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ ВОСПИТАННИЦЪ ИНСТИТУТА, ПРИ ВЫПУСКѢ.

1-й голосъ.

Подруги! часъ разлуки наступилъ—
Покинуть намъ пріютъ нашъ безопасный!
Безпечно здѣсь, со младостію ясной,
Играли мы... то сонъ прекрасный былъ!
И улетѣлъ нашъ сонъ прекрасный!

2-й голосъ.

Хранительная сѣнь,
Пріютъ весны младыя!
Здѣсь годы золотые
Для насъ прошли, какъ день!
Здѣсь намъ подругой было
Веселье каждый часъ,
И счастіе у насъ
Незваное гостило.
Надежда намъ была
Знакома безъ волненья,
Душа безъ нетерпѣнья
Грядущаго ждала!
Когда же долетала
О горѣ вѣсть до насъ:
То былъ намъ чуждый гл...
Душа не постигала.
Покой нашъ сторожилъ
Самъ ангелъ нашъ хран...
И онъ намъ изъяснител...
Судьбы земныя былъ.

3-й голосъ.

Подруги! мы еще не разлучи...
Но близокъ неизбѣжный
Ужъ двери намъ исхода от...

И ждетъ судьба за ними насъ!
и здѣсь ея не знаемъ грозной воли,
Ей чуждъ былъ нашъ пріютъ святой,
тамъ... увы! какія вынемъ доли
Себѣ изъ чаши роковой?

Три голоса.

Приступимъ безъ смятенья
Къ сей чашѣ роковой,
То чаша Провидѣнья,
А не судьбы слѣпой!
Къ знакомому намъ Богу
Смиренно воззовемъ,
И съ вѣрою въ дорогу
Житейскую пойдемъ.

1-й голосъ.

Легко намъ вѣрить въ Провидѣнье!
адымъ понятное сердцамъ,
о давно открылось намъ
святомъ лицѣ благотворенья.

2-й голосъ.

Какъ часто здѣсь видали
Мы ту передъ собой,
Которой имя дали
Сердечное: *родной!*
Отъ насъ она таила
Величество царей,
И матерью входила
Въ семью своихъ дѣтей.
И зримо и незримо—
Хранитель нашъ была,
И мыслію любимой
Въ душѣ у насъ жила.
И мы, на разставаньѣ
Съ пріютомъ дѣтскихъ лѣтъ,
Объ ней воспоминанье
Возьмемъ, какъ благо, въ свѣтъ.
Оно намъ откровенье,
Имъ жизнь объяснена;
Подруги! Провидѣнье
Не то же ль, что она?
И мы въ печальный часъ разлуки,
днимемъ вмѣстѣ къ небу руки,
единимъ въ послѣдній разъ
рдца въ одинъ молящій гласъ!

Хоръ.

О, Провидѣніе святое!
бя, въ торжественный сей часъ,
гда свершается для насъ
редѣленіе земное,
Когда мы въ новый путь идемъ,—
Тебя съ надеждою зовемъ!
Въ твою хранительную руку
Намъ сладостно себя предать,
О, дай во благо намъ узнать
Сей жизни трудную науку!
И твой для насъ да будетъ *совѣтъ*,
Что былъ пріютъ сей съ дѣтскихъ лѣтъ.
Услышь, Хранитель-Провидѣнье,
Услышь молитвы нашей гласъ!
И ту, которая для насъ
Была твое изображенье—
Благослови! благослови
Ее рукой твоей любви!
А мы, прощаясь со слезами
Съ своею милою *родной*,
Ей, въ даръ за все, обѣтъ святой
Приносимъ дѣтскими сердцами:
Въ любви къ добру—ее любить,
И жизнью—ей не измѣнить!

1821.

* * *

Тѣснятся всѣ къ тебѣ во храмъ,
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Тебѣ приносятъ вниманъ,
Тебя гремящимъ славятъ пѣньемъ;
Я одинокъ въ углу стою
Какъ жизнью, полонъ я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебѣ душою!

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ;*
Но съ благодарностію: *были.*

ПЕРИ И АНГЕЛЪ.

повѣсть.

[изъ мура].

Однажды пери молодая
У вратъ потерянаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ;
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,

И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверсты двери,
На крылья одинокой пери;
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена.
«Тамъ духи свѣта обитаютъ;
«Для нихъ цвѣты благоухаютъ
«Въ неувядаемыхъ садахъ.
«Хоть много на земныхъ лугахъ,
«И на лугахъ свѣтилъ небесныхъ
«Есть много и цвѣтовъ прелестныхъ;
«Но я чужда ихъ красоты—
«Они не райскіе цвѣты.
«Обитель роскоши и мира,
«Свѣжа долина Кашемира;
«Тамъ свѣтлы озера струи,
«Тамъ сладостно журчатъ ручьи—
«Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
«Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ
«Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ?
«Направь стремительный полётъ
«Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья,
«Среди ихъ пышнаго блистанья
«Неизмѣримость пролети,
«Всѣ ихъ блаженства изочти,
«И каждое пусть вѣчность длится...
«И вся ихъ вѣчность не сравнится
«Съ одной минутою небесъ.»
И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ пери.
Но ангелъ, стражъ эдемской двери,
Ее прискорбную узрѣлъ;
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ;
Онъ вслушался въ ея стенанья,
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса...
Такъ чистой каплею роса,
Въ сіяньи райскаго востока,
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
Который дышетъ лишь въ одномъ
Саду небесъ (гласитъ преданье).
И онъ сказалъ ей: «упованье!
«Узнай, что небомъ рѣшено:
«Той пери будетъ прощено,
«Которая ко входу рая
«Изъ дальняго земного края
«Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
«Лети—найди—судьба проститъ;
«Впускать утѣшно примиренныхъ».

Быстрѣй комет воспламененныхъ,
Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей,
Которые во тьмѣ ночей
Въ десницѣ ангеловъ блистаютъ,
Когда съ небесъ они свергаютъ
Духовъ, противныхъ небесамъ,
По свѣтло-голубымъ полямъ
Эѳирнымъ пери устремилась;
И скоро пери очутилась
Съ лучомъ денницы молодой
Надъ пробужденною землёй.
«Но гдѣ искать святого дара?
«Я знаю тайны Шильминара:
«Столпы тамъ гордые стоятъ;
«Подъ ними скрытые, горятъ
«Въ сосудахъ геніевъ рубины.
«Я знаю дно морской пучины:
«Близъ Аравійской стороны
«Во глубинѣ потребены
«Тамъ острова благоуханій.
«Знакомъ мнѣ край очарованій:
«Воды исполненный живой,
«Сосудъ Ямшидовъ золотой
«Таится тамъ, хранимъ духами.
«Но съ сими ль въ рай войти дарами=
«Сіи дары не для небесъ.
«Что камней блескъ въ виду чудесъ,
«Престолу Аллы предстоящихъ?
«Что капля водъ животворящихъ
«Предъ вѣчной бездной бытія?
Такъ думая, она въ края
Святого Инда низлетала.
Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла—
Жемчугъ и злато янтарей
Тамъ украшаютъ дно морей;
Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ,
И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
И рѣки въ брачномъ блескѣ тамъ,
Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
Тѣснясь, приносятъ дани злата.
И долы, полны аромата,
И древъ сандальныхъ ѳиміамъ,
И кущи розъ могли бы тамъ
Для пери быть прекраснымъ раемъ...
Но что же? Кровью обагрямъ
Потокъ увидѣла она.
Въ лугахъ прекрасная весна,

ди—братья, братій жертвы—
бражены и мертвы
на бархатѣ луговъ,
ные чистое цвѣтовъ
ньемъ смерти заражали.
и стоны тебя попрали,
словенный солнцемъ край?
ъ садовъ тѣнистый рай,
ъ боговъ святые лики,
народы и владыки
і рукой истреблены?
итель Газны, вихрь войны,
къ по Индіи бѣдою;
путь усыпалъ за собою
прахомъ отнятыхъ коронъ;
ковъ своихъ навѣсилъ онъ
мицъ царскихъ ожерелья;
ль чистую веселья,
ны дѣвъ онъ осквернилъ;
овъ во храмахъ умертвилъ
ютыя ихъ пагоды
священныя обрушилъ воды.
дитъ пери съ вышины:
олѣ страха и войны
ь въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
свѣтлымъ родины потокомъ
ъ одинъ, и за спиной
анъ съ послѣднею стрѣлой;
омъ товарищи сраженны...
мъ безстрашнаго плѣненный,
зи!» Тиранъ ему сказалъ.
оинъ, молча, указалъ
багренны кровью воды,
требителю свободы
лъ отвѣтъ своей стрѣлой.
вердой бронѣ боевой
на скользнула; живъ губитель;
руны братьевъ палъ ихъ мститель;
ль помчался шумный бой.
тихо; воинъ молодой
умиралъ; и кровь скудѣла...
ри къ юношѣ слетѣла
іяньи утреннихъ лучей,
вѣжды гаснущихъ очей
смежить рукой любови,
смертный мигъ, священной крови
шуюся каплю взять.
... и на небо опять
омчало упованье.

«Богамъ угодное даянье
«(Она сказала) я пала:
«Пролита кровь сія была
«Во искупленіе свободы;
«Чистѣйшія эдемски воды
«Съ ней не сравнятся чистотой.
«Такъ, если есть въ странѣ земной
«Достойнее небесъ воззрѣнья:
«То что жъ достойнѣй приношенья
«Сей дани сердца, все свое
«Утратившаго бытіе
«За дѣло чести и свободу?»
И къ райскому стремится входу
Она съ добычею земной.
— О, пери! даръ прекрасенъ твой
[Сказалъ ей стражъ крылатый рая,
Привѣтно очи къ ней склоняя],
Угоденъ храбрый для небесъ,
Который родинѣ принесъ
На жертву жизнь... по видишь, пери,
Кристальныя спокойны двери,
Не растворяется Эдемъ...
Иной желаютъ дани въ немъ. —
Надежда первая напрасна.
И пери, горестно-безгласна,
Опять съ эѳирной вышины
Стремится—и къ горамъ луны,
На лоно Африки слетаетъ.
Предъ ней, рождаяся, блистаетъ
Въ незнаемыхъ истокахъ Нилъ,
Средь тѣхъ лѣсовъ, гдѣ онъ сокрылъ
Отъ насъ младенческія воды,
И гдѣ безплотныхъ хороводы
Слетаясь утренней порой
Надъ люлькой бога водяной,
Тревожатъ сонъ его священный,
И великанъ новорожденный
Привѣтствуетъ улыбкой ихъ.
Средь пальмъ Египта вѣковыхъ,
По гротамъ, хладной тьмы жилищамъ,
По сумрачнымъ царей кладбищамъ
Летаетъ пери... то она,
Унылой думою полна,
Розетты знойною долиной,
Вслѣдъ за четою голубиной,
Къ пріюту ихъ любви летитъ,
Ихъ стоны внемлетъ и груститъ;
То, вѣя тихо, замѣчаетъ,
Какъ яркій свѣтъ луны мелькаетъ

На пеликановыхъ крылахъ,
Когда на голубыхъ водахъ
Мерида онъ плыветъ и блещетъ,
И вкругъ него лазурь трепещетъ.
Предъ ней волшебная страна.
Небесъ далекихъ глубина
Сіяла яркими звѣздами;
Дремали пальмы надъ водами,
Вершины томно преклоня,
Какъ дѣвы, отъ веселій дня
Уставъ, въ подушки пуховыя
Склоняютъ головы младыя;
Ночной упившися росой,
Лилеи съ дѣвственной красой
Въ роскошномъ снѣ благоухали,
И ночью листья освѣжали,
Чтобъ встрѣтить милый день пышнѣй;
Чертоги падшіе царей,
Въ величіи уединенья,
Великолѣпнаго видѣнья
Остатками казались тамъ:
По ихъ обрушеннымъ стѣнамъ,
Ночной ихъ стражъ, сова порхала
И ночь безмолвну окликала,
И 'временемъ, когда луна
Являлась вдругъ, обнажена
Отъ перелетнаго тумана,
Печально-тихая султана,
Какъ идолъ на столпѣ сѣдомъ,
Сіяла пурпурнымъ крыломъ.
И что жъ?... Средь мирныхъ сихъ явленій
Губительный пустыни геній
Пріютъ нежданный свой избралъ;
Въ Эдемъ сей онъ чуму примчалъ
Съ песковъ степей воспламененныхъ;
Подъ жаромъ крылій зараженныхъ
Вмигъ умираетъ человѣкъ,
Какъ быліе, когда протекъ
Надъ нимъ самума вихорь знойной.
О, сколь для многихъ день, спокойно
Угаснувшій средь ихъ надеждъ,
Угасъ навѣкъ—и мертвыхъ вѣждъ
Ужъ не обрадуетъ денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сіяньемъ дремлющимъ луна
Сребритъ тѣла непогребены;
Заразы ядомъ устрашенный,
Отъ нихъ летитъ и воронъ прочь;
Гіена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
Въ опустошенныя жилищи;
И горе страннику, предъ кѣмъ
Внезапно вспыхнувшимъ огнемъ
Блеснутъ вблизи изъ мрака ночи
Ея огромны-злыя очи!...
И пери жалости полна;
И грустно думаетъ она:
«О, смертный, бѣдное твореньe,
«За древнее грѣхопаденье
«Цѣной ужасной платишь ты;
«Есть въ жизни райскіе цвѣты—
«Но змѣй повсюду подъ цвѣтами.»
И тихими она слезами
Заплакала—и все предъ ней
Вдругъ стало чище и свѣтлѣй:
Такъ сильно слезъ очарованье,
Когда прольетъ ихъ въ состраданьѣ
О человѣкѣ добрый духъ...
Но близко водъ, и взоръ и слухъ
Манившихъ свѣжими струями,
Подъ ароматными древами,
Съ которыхъ вѣтвями слегка
Играли крылья вѣтерка,
Какъ младость съ старостью играетъ,
Узрѣла пери: умираетъ,
Къ землѣ припавши головой,
Безмолвно мученикъ младой;
На лонѣ безпривѣтной ночи,
Покинутъ, неоплаканъ, очи
Смыкаетъ онъ; и съ нимъ ужъ нѣтъ
Толпы друзей, дотолѣ вслѣдъ
Счастливца милаго летавшей;
Въ груди, отъ смертныхъ мукъ уставше
Тяжелой язвы жаръ горитъ;
Вотще прохладный ключъ блеститъ
Вблизи для жаждущаго ока:
Никто и капли изъ потока
Ему не броситъ на языкъ;
Ничей давно знакомый ликъ
Въ его послѣднее мгновенье—
Земли прощальное видѣнье—
Прискорбной прелестью своей
Не усладитъ его очей;
И не промолвитъ гласъ родного
Ему того *прости* святого,
Которое сквозь смертный сонъ,
Какъ удаляющійся звонъ

Небесной арфы, насъ плѣняетъ,
И съ нами вмѣстѣ умираетъ.
О, бѣдный юноша!... Но онъ
Въ послѣдній часъ свой ободрёнъ
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здѣсь жизнію была
И съ нимъ одной душой жила,
Отъ яда ночи сей ужасной
Защищена подъ безопасной,
Подъ царской кровлею отца:
Тамъ зной отъ милаго лица
Рука невольницъ отвѣваетъ;
Тамъ легкій холодъ разливаетъ
Игриво брызжущій фонтанъ,
И отъ курильницъ, какъ туманъ,
Восходитъ аивры паръ душистый,
Чтобъ воздухъ зараженный въ чистый
Благоуханьемъ превратить.
Но, ахъ! конецъ свой усладить
Онъ тщетной силится надеждой!
Подъ легкою ночной одеждой,
Съ горячей младостью ланить,
Ужъ дѣва прелести спѣшитъ,
Какъ чистый ангелъ исцѣленья,
Къ нему, въ пріютъ его мученья.
И часъ его ужъ наступалъ,
Но близость друга угадалъ
Страдальца взоръ полузакрытый;
Онъ чувствуетъ: ему ланиты
Лобзаютъ огненны уста,
Рука горячая слита
Съ его хладѣющей рукою,
И освѣжительной струёю
Языкъ засохшій напоёнъ...
Но что жъ?... Несчастный!.. то сквозь сонъ
Одолѣвающей кончины
(Чтобъ страшныя своей судьбины
Съ возлюбленной не раздѣлить),
Ее отъ груди отдалить
Онъ томной силится рукою;
То увлекаемый душою,
Невольно къ ней онъ грудь прижмотъ;
То вдругъ уста онъ оторветъ
Отъ жадныхъ устъ, едва украдкой
На поцѣлуй стыдливо-сладкій
Дотолѣ смѣвшихъ отвѣчать.
И говоритъ она: «принять
«Дай въ сердце мнѣ твое дыханье;
«Мнѣ уступи свое страданье,
«Мнѣ жребій свой отдай вполнѣ.
«Ахъ! очи обрати ко мнѣ,
«Пока ихъ смерть не погасила;
«Пока еще не позабыла
«Душа любви своей земной,
«Любовью подѣлись со мной;
«И въ смертный часъ свою мнѣ руку
«Подай на смерть, не на разлуку...»
Но обезсилена, томна,
Вотще въ глазахъ его она
Тяжелымъ окомъ ищетъ взгляда:
Она ужъ гаснетъ, какъ лампада
Подъ душнымъ сводомъ гробовымъ.
Ужъ быстрымъ трепетомъ своимъ
Скончала смерть его страданье—
И дѣва, другу давъ лобзанье
Съ послѣднимъ всей любви огнёмъ,
Сама за нимъ въ лобзаньи томъ
Желанной смертью умираетъ.
И пери тихо принимаетъ
Прощальный вздохъ ея души.
«Покойтесь, вѣрные, въ тиши;
«Здѣсь, посреди благоуханья,
«Пускай эдемскія мечтанья
«Лелѣютъ вашъ прекрасный сонъ;
«Да будетъ услаждаемъ онъ
«Игрою музыки небесной,
«Иль пѣньемъ птицы той чудесной,
«Которая въ послѣдній часъ,
«Торжественный подъемля гласъ,
«Сама постъ свое сожженье,
«И умираетъ въ сладконѣньѣ...»
И пери, къ нимъ склоняя взглядъ,
Дыханьемъ райскимъ ароматъ
Окрестъ ихъ ложа разливаетъ,
И быстро, быстро потрясаетъ
Звѣздами яркаго вѣнца:
Исчезла блѣдность ихъ лица;
Ихъ существо преобразилось;
Два чистыхъ праведника, мнилось,
Тутъ яснымъ почивали сномъ,
Ужъ озаренные лучомъ
Святой денницы воскресенья;
И ангеломъ, для пробужденья
Ихъ душъ слетѣвшимъ съ вышины,
Среди окрестной тишины
Сіяла пери надъ четою.
Но ужъ востокъ зажжетъ зарею,

И пери, къ небу свой полетъ
Направивъ, въ даръ ему несетъ
Сей вздохъ любви, себя забывшей,
И до конца неизмѣнившей.
Надежду все рождало въ ней:
Съ улыбкой ангелъ у дверей
Пріемлетъ даръ ея прекрасной;
Звенятъ въ Эдемѣ сладкогласно
Деревъ кристальные звонки;
Въ лицо ей дышутъ вѣтерки
Амвросіей отъ трона Аллы;
Ей видны звѣздные фіалы,
Въ которыхъ, жизнь забывъ свою,
Безсмертья первую струю
Въ Эдемѣ души пьютъ святыя...
Но все напрасно! роковыя
Предъ ней врата не отперлись.
Опять уныло: «удались!
(Сказалъ ей стражъ крылатый рая)
«Сей вѣрной дѣвы смерть святая
«Записана на небесахъ;
«И будутъ ангелы въ слезахъ
«Ее читать... но видишь, пери,
«Кристальныя спокойны двери,
«И свѣтлый рай не отворенъ;
«Не унывай, доступенъ онъ;
«Лети на землю съ упованьемъ.»
Сіяла вечера сіяньемъ
Отчизна розы Суристанъ,
И солнце, неба великанъ,
Сходя на западъ, какъ корона,
Главу вѣнчала Ливанона,
Въ великолѣпіи снѣговъ
Смотрящаго изъ облаковъ,
Тогда, какъ рдѣющее лѣто
Въ долинѣ, зноемъ разогрѣто,
У ногъ его роскошно спитъ.
О, сколь разнообразный видъ
Красы, движенья и блистанья
Являлъ сей край очарованья,
Съ эѳирной зримый высоты!
Лѣса, кудрявые кусты;
Потоковъ воды голубыя;
Надъ ними дыни золотыя,
Въ закатныхъ рдѣющи лучахъ
На изумрудныхъ берегахъ;
Старинны храмы и гробницы;
Веселыя веретеницы,
На яркой стѣнѣ ихъ бѣлизнѣ
Въ багряномъ вечера огнѣ
Сіяющія чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающіе съ вышины
На озаренны крутизны;
Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
Ихъ переливное сіянье,
Какъ бы сотканное для нихъ
Изъ радугъ пламенно-живыхъ
Безоблачнаго Персистана;
Святыя воды Іордана;
Сліянный шумъ волны, листовъ
Съ далекимъ пѣньемъ пастуховъ,
И пчелы ликой Палестины,
Жужжащіи среди долины,
Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
Видъ усладительный... но, ахъ!
Для бѣдной пери нѣтъ услады.
Разсѣянны склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падшій солнцевъ храмъ она,
Вечернимъ солнцемъ озаренный;
Его столпы уединенны
Въ величіи стояли тамъ,
По окружающимъ полямъ
Огромной простираясь тѣнью:
Какъ будто время разрушенью
Коснуться запретило къ нимъ,
Чтобъ поколѣніямъ земнымъ
Оставить о себѣ преданье.
И пери въ тайномъ упованьѣ
Къ святымъ развалинамъ летитъ:
«Быть-можетъ, талисманъ сокрытъ,
«Изъ злата вылитый духами,
«Подъ сими древними столпами,
«Иль Соломонова печать,
«Могущая намъ отверзать
«И бездны океана темны,
«И всѣ сокровища подземны,
«И сверженнымъ съ небесъ духамъ
«Опять къ желаннымъ небесамъ
«Являть желанную дорогу.»
И съ трепетомъ она съ порогу
Жилища солнцева идетъ.
Еще багряный вечеръ льетъ
Свое сіянье съ небосклона.
И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ...
Но что же вдругъ въ ея очахъ?

Баалбека ясной,
а, свѣжій и прекрасной,
младенецъ; озаренъ
аката, гнался онъ
крылой стрекозою,
жадною рукою
дотянуться къ ней;
сминовъ и лилей
кится непослушно,
ъ, какъ цвѣтокъ воздушной,
порхающій рубинъ.
младенецъ подъ жасминъ
и въ листьяхъ угнѣздился.
низи остановился
-дышущемъ конѣ
ъ лицомъ, какъ на огнѣ,
дневнаго горѣвшимъ:
кимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
инарета, онъ съ коня
ъ и, на воды склоня
уденыхъ струй напился.
ръ его оборотился,
густыхъ бровей блестя,
тежное дитя,
въ цвѣтахъ сидѣло,
юсь и глядѣло
ости на пришлеца,
ь страшнаго лица
олице не палило.
сумрачное было
тучѣ громовой
й ужасной мглой,
и чертами совѣсть
изобразила повѣсть
жестокихъ и злодѣйствъ:
насильство, плачъ семействъ,
святыни оскверненье,
ьство, богохуленье—
исала жизнь на немъ,
винительнымъ перомъ
ый ангелъ мщенья
етъ преступленья
въ книгѣ роковой.
слѣ милость ихъ слезой
бельной страницы смыла.
вечера смирила
душу—но злодѣй стоялъ
въ, и предъ нимъ игралъ
тихо межъ цвѣтами;

И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи:
Такъ дымный факелъ, въ мракѣ ночи
Разврата освѣщавшій домъ,
Порой встрѣчается съ лучомъ
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался...
Младенецъ набожно поднялся
Съ цвѣтовъ, колѣни преклонилъ,
На югъ лицо оборотилъ,
И съ тихостью предъ небесами
Самой невинности устами
Промолвилъ имя Божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно-сжаты руки...
Казалось, о концѣ разлуки
Съ Эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый херувимъ,
Земли на время поселенецъ.
О, видъ прелестный! сей младенецъ,
Сіи святыя небеса...
И гордый Эвлисъ очеса
(Такимъ растроганный явленьемъ)
Склонилъ бы, вспомнивъ съ умиленьемъ
О свѣтлой рая красотѣ
И о погибшей чистотѣ.
А онъ?... Отверженный, несчастной!
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный, онъ стоялъ...
Увы! онъ памятью леталъ
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единой
Веселый берегъ, гдѣ бъ пристать,
И гдѣ бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той...
И грудь смягчилася тоской;
И онъ подумалъ: «время было,
«И я, какъ ты, младенецъ милой,
«Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
«Какъ ты, молиться имъ умѣлъ,
«И къ мирной алтаря святынѣ
«Спокойно подходилъ... а нынѣ?»...

И голову потупилъ онъ;
И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
Въ душѣ ожесточенной спало,
Чѣмъ сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты—
Все вдругъ предъ нимъ возобновилось,
И въ душу свѣжее втѣснилось;
И онъ заплакалъ... онъ во прахъ
Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ.
О, слезы покаянья! вами
Душа дружится съ небесами;
И въ тайный угрызенья часъ
Виновный знаетъ только васъ
Невинности святое счастье.
И пери въ жалости, въ участьѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Надъ непорочнымъ и виновнымъ
Сіяющее—возвела;
Ея душа полна была
Неизъяснимымъ ожиданьемъ...
На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ приникнувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ
Главу, нагбенную смиреньемъ;
И быстро изъ его очей
Въ мирительную руку ей
Струя горячихъ слезъ бѣжала,
И на небѣ она искала
Отвѣта милости слезамъ...
И все прекрасно было тамъ!
И были вечера свѣтлы,
Какъ яркія паникадилы
Въ небесномъ храмѣ зажжены;
И мнилось ей: изъ глубины
Того незримаго чертога,
Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
Умѣетъ сердце обрѣтать,
Къ землѣ сходила благодать;
И тамъ, казалось, ликовали:
Какъ будто ангелы летали
Съ веселой вѣстью по звѣздамъ;
Какъ будто праздновали тамъ
Святую радость примиренья—
И вдругъ, внезапнаго стремленья
Могуществомъ увлечена,
Уже на высотѣ она;
Уже предъ ней почти пропала
Земля; и пери... угадала!
Съ потокомъ благодарныхъ слезъ
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она воззрѣла...
«Прости земля!»... и улетѣла.

ЛАЛЛА РУКЪ.

Милый сонъ, души плѣнитель,
Гость прекрасный съ вышины,
Благодатный посѣтитель
Поднебесной стороны!
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполнѣ:
Добрымъ вѣстникомъ явился
Здѣсь небеснаго ты мнѣ!

Мнилъ я быть въ обѣтованной
Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
Мнилъ я зрѣть благоуханный
Безмятежный Кашемиръ;
Видѣлъ я: торжествовали
Праздникъ розы и весны,
И пришелицу встрѣчали
Изъ далекой стороны.

И блистая и пленяя—
Словно ангелъ неземной—
Непорочность молодая
Появилась предо мной:
Свѣтлый завѣсъ покрывала
Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты.

Все—и робкая стыдливость
Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной—
Все въ ней было безъ искусства
Неописанной красой!

Я смотрѣлъ—и призракъ мимо
(Увлекая душу вслѣдъ)

Пролеталъ невозвратимо;
Я за нимъ—его ужъ нѣтъ!
Посѣтилъ, какъ упованье;
Жизнь минуту озарилъ;
И оставилъ лишь преданье,
Что когда-то въ жизни былъ!

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистый красоты:
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты:
Онъ поспѣшенъ, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ;
Но въ святомъ воспоминаньѣ
Неразлученъ съ сердцемъ онъ!

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія бываетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой.

И во всемъ, что *здѣсь* прекрасно,
Что нашъ міръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говоритъ;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

ЯВЛЕНІЕ ПОЭЗІИ ВЪ ВИДѢ ЛАЛЛА РУКЪ.

Къ востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые тамъ
Явилась въ блескѣ надъ землею
Обрадованнымъ небесамъ.

Какъ утро юнаго творенья,
Она плѣнительна пришла,
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

Вездѣ любовь ее встрѣчаетъ;
Цвѣтетъ ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняетъ
Обычай родины она.

Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
Востока пламеннымъ вѣнцомъ,
Богиня пѣсенъ молодая
На паланкинѣ золотомъ.

Какъ свѣжей утренней порою
Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

И намъ съ своей улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармонія святая
Ея намъ мнилось бытіе,
И мнилось, душу разрѣшая,
Манила въ рай она ее.

При ней всѣ мысли наши—пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ—все пѣснь въ ней.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. А. ЛЯБЬКВОЙ

[рожденной римской-корсаковой].

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
Тотъ день нечаянный такой
Межъ днями счастія замѣтитъ,
И скажетъ случаю *спасибо* всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо всей душой сказалъ
За то, что мнѣ онъ на дорогу
Попутчикомъ любезнымъ далъ
Пріятное объ васъ воспоминанье!
На чужѣ страннику сей даръ—благодѣянье!
Съ такимъ товарищемъ не скученъ скученъ путь,
Веселый веселѣе вдвое!
Кто жъ разъ увидѣлъ васъ, тому невольно
Вселяется желаніе живое:
Чтобъ въ жизни встрѣтить васъ еще когда-нибудь,
Чтобъ, сѣдя счастія, вы и счастливы были,
Но чтобъ и новаго знакомца не забыли!

Карлсбадъ, 1821. $^{16}/_{28}$ іюня.

* *
*

Узрѣвъ черты сіи плѣнительно-живыя,
Какъ можно тайну угадать!
Всякъ скажетъ: двѣ сестры прелестно-моло-
Никто не скажетъ: дочь и мать! [дыя!

ОБѢТЫ.

[соч. гдзе].

Будьте, о духи лѣсовъ, будьте, о нимфы потока,
Вѣрны далекимъ отъ васъ, доступны близкимъ друзьямъ!
Нѣтъ ихъ, нѣкогда здѣсь безпечною жизнію жившихъ;
Мы, смѣня ихъ, имъ вслѣдъ смиренно ко счастью идемъ.
Съ нами любовь обитай, богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое съ ней!

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

повѣсть.

[изъ байрона].

Замокъ Шильонъ—въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма—находится между Клараномъ и Вильневомъ, у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина, ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой—Монтре, Шателяръ, Кларанъ, Вевe, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими голубыми берегами, на которыхъ, какъ свѣтлыя точки, сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ: своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу: на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, впадающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ не примѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ,
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины—
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брезжитъ свѣтъ:
Лучъ, пенарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонёкъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ

оръ, какъ братъ послѣдній былъ
олей предо мной,
съ мертвымъ я, живой,
а полу тюрьмы.

III.

тѣми были мы
амъ тѣмъ пригвождены,
ѣ, но разлучены;
не могли ступить;
другъ друга различить
ный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
лицо чужое далъ –
галъ брату незнакомъ.
ца намъ въ одномъ:
у голосъ подавать,
у сердце пробуждать
славной старины,
ой пѣснію войны—
о же и одно
юрьмы истощено;
съ страшно одичалъ;
ымъ отголоскомъ сталъ
ремныя стѣны;
лъ звукомъ старины,
, подобно намъ самимъ,
вольнымъ и живымъ!
... по голосъ ихъ и мой
палъ мнѣ, какъ чужой!

IV.

ь троихъ я старшій былъ;
собственный забылъ,
гою одной,
не дать упасть душой.
ршій братъ, любовь отца....
л его лица
ильная краса,
, какъ небеса,
и нашу мать.
мнѣ все, и увядать
ылъ долженъ милый цвѣтъ,
й, какъ тотъ дневный свѣтъ,
ь неба мнѣ свѣтилъ,
ъ я на волѣ жилъ.
, былъ онъ чистъ и живъ:
денчески-игривъ,
еселъ самъ съ собой...
горестью чужой
ихъ его очей
езы, какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ....
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ—
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось—вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ!

VII.

Средній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда—
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
Слезами смачивать должны

Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно занялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окруженъ
Безъ воли былъ.... Зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ.... я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ—
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы....
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
«Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
Не тихъ»..... Но былъ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ,
Въ сырой землѣ тюрьмы, зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ.... вдругъ день отъ дня
Сталъ чахнуть, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка.... Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но *тамъ* былъ страхъ—*здѣсь* скорбь была
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ.... увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ;
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи.... Но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ....
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ—какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ—предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;

ишно вдругъ сперлося въ ней;
по тюрьмѣ бродилъ—
ней покой ужасный былъ;
Ѣялъ отъ стѣны сырой
о холодъ гробовой;
ь на мертваго вперивъ,
лишь смутно, что я живъ.
ько муки въ знаньи томъ,
ы тутъ же узнаемъ,
ому уже не быть!
сей могъ я пережить!
—вѣра ль то была,
дность въ жизни жизнь спасла?

IX.

го потомъ сбылось со мной,
ю... свѣтъ казался тьмой,
ѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
женіи стоялъ,
мяти, безъ бытія,
амней хладнымъ камнемъ я;
лось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
дымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
мутную слилося тѣнь;
было ни ночь, ни день,
кій свѣтъ тюрьмы моей,
ненавистный для очей:
а тьма безъ темноты;
а бездна пустоты
ютяженья и границъ;
и образы безъ лицъ;
шный міръ какой-то былъ,
ба, свѣта и свѣтилъ,
ремени, безъ дней и лѣтъ,
мысла, безъ благъ и бѣдъ,
нь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
кеанъ безъ береговъ,
шный тяжелой мглой,
ный, темный и нѣмой.

X.

ть лучъ внезапный посѣтилъ
ъ... то голосъ птички былъ.
олкалъ; онъ снова пѣлъ;
лось, съ неба онъ летѣлъ;
утѣшно-сладокъ онъ.
арованъ, оживленъ,
авшись, забылся я;
адолго... мысль моя
привычною пошла;
пулся... и была

Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинуть былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю... но опять къ стѣнѣ

Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что зналъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ...
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль брегов...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ
И, при свободномъ вѣткѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ—то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ—
Меня, казалось, охватилъ
Холодный гробъ, казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ—
Шли годы—я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди, наконецъ, пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я—давно
Считать привыкъ я заодно:
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ!
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ же другъ,
Все одиночекъ было мой.

темничный надо мной
ирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
вой мышью при лунѣ
подсматривать любилъ;
цѣпи руку пріучилъ:
ль себѣ невѣрны мы!...
а дверь своей тюрьмы
ю я перешагнулъ—
рьмѣ своей вздохнулъ.

1822.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ вальтеръ-скотта].

свѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
снитый Смальгольмскій баронъ;
утдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
коня, торопясь въ Бротерстонъ.

могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
военное дѣло баронъ;
кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
Шотландію съ Англіей онъ;

желѣзной бронѣ онъ сидитъ на копѣ;
ючилъ онъ свой мечъ боевой;
ытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣд-
пленъ двадцати-фунтовой. [ломъ

три дня домой возвратился баронъ,
паненъ и блѣденъ лицомъ;
силу и копь, опѣненъ, запыленъ,
тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

морскія битвы баронъ не видалъ,
потоками кровь ихъ лилась,
Эверса грозно Боклю напиралъ,
за родину бился Дуглась:

зный шеломъ былъ изсѣченъ на немъ
ъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
не англійской кровью покрытъ.

ивъ у часовни съ копя за стѣной
гаился въ кустахъ, онъ стоялъ;
аза онъ свистнулъ—и пажъ молодой,
условленный свистъ прибѣжалъ. —

я, мой малютка, мой пажъ молодой,
сядь на колѣни мои;
Ты младенецъ, но ты откровенъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дня, мой пажъ моло-
Мнѣ теперь ты всю правду скажи: [дой;
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
И кто былъ у твоей госпожи?

«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ:
(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ).

И на первую ночь непогода была,
И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ [темнотѣ;
И сидѣла одна—я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О, Творецъ, у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечомъ, онъ стоялъ предъ огнемъ
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей,

И послѣдняя ночь безпенастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ:
И къ маяку опа на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): «въ полуночный часъ,
«Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
«Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для [пасъ;
«Онъ теперь на свиданьи иномъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
«Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
«И тайкомъ отопру я для милаго дверь
«Наканунѣ Иванова дня.»

— Я не властенъ придти, я не долженъ [прійти,

Я не смѣю придти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду.... мнѣ товарища нѣтъ. —

«О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
«Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
«И тиха, и темна, и свиданьямъ она
«Благосклонна въ молчаньѣ своемъ.

«Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
«Я крыльцо пересыплю травой,
«И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
«Безопасенъ ты будешь со мной.»

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной. —

«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
«Панихиду онъ позванъ служить:
«Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
«Будетъ три дня поминки творить.»

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ, какъ мертвый, блѣдѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть-можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для
Я приду подъ защитою мглы.— [насъ:
Онъ сказалъ.... и она.... я смотрю.... ужъ
У маяка пустынной скалы.» [одна

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ! —

«Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.»

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути;
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ. —

«Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.»

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей почной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки
Чернецы за его упокой.— [творятъ

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена — и тиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена. —
«Въ добрый часъ, благородный баронъ.
«Что разскажешь ты мнѣ? Рѣшена ли война?
«Поразилъ ли Боклю, иль сраженъ?

— Англичанинъ разбитъ; англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкраморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей. —

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова.... ни слова и онъ;

И пошла въ свой покой съ наклоненной
И за нею суровый баронъ. [главой,

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:
«Не пробудится онъ; не подымется онъ;
«Мертвецы не встаютъ изъ могилъ.»

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой;
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днемъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей....
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

— Воротись, удалися, она говоритъ.—
«Я къ свиданью тобой приглашенъ;
«Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
«Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

«Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
«На дорогѣ измѣной убитъ;
«Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
«Поминаютъ—и трупъ мой зарытъ.

«Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
«И ужасный теперь ему сонъ!
«И надолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
«Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ.

«Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
«Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ:
«И сюда съ высоты не сошелъ бы.... но ты
«Заклинала Ивановымъ днемъ.»

Содрогнулась она, и, смятенья полна,
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ ли, иль нѣтъ?....
Онъ печально потрясъ головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь —
«То убійцѣ скажи моему.
«Беззаконную небо карастъ любовь —
«Ты сама будь свидѣтель тому.»

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожалъ —
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ возжжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ жъ—по таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчитъ. [монахъ:

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?
Та монахиня — кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

[изъ Уланда].

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ.
Всѣ—цвѣточки полевые;
А моя одна—какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгоралося забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцырь!
Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
Сталъ душѣ моей пожаромъ;
Сладкопѣнчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ;
И она—младое утро—
Стала мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ—
И ничто не устояло.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;

Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ, исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ... покрывало подняла...
Трикраты имъ куда-то поманила...
И скрылася... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье...
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

МОРЕ.

элегія.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье.
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

1823.

19-го МАРТА 1823.

Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья;
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!..

АНГЕЛЪ и ПѢВЕЦЪ.

Кто ты, ангелъ свѣтлоокой,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой?

— «Прилетѣлъ я изъ прекра
Полуденной стороны,
Гдѣ безъ зноя небо ясно,
Гдѣ предѣлъ младой весны

Сладко мнѣ твое явленье!
Гость воздушный, въ добры
Полюбуйся на твореньe
И на сѣверѣ у насъ;

Но плѣнительному югу
Для чего жъ ты измѣнилъ?
— «Небомъ данную подругу
Я на сѣверъ проводилъ!

«Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
Сѣнолиственны шумятъ,
Гдѣ на холмѣ пурпуровый
Созрѣваетъ виноградъ.

«Тамъ, сердца обворожая
Тихой прелестью своей,

Непорочно молодая
Расцвѣтала дочь царей!

«Спутникъ ей отъ колыбели,
Тайно зрѣлъ я, какъ въ тиши
Родилися и созрѣли
Красоты ея души.

«Провидѣніе судило
Вамъ питомицу мою!
Даръ примите! Все, что мило
Съ нею вамъ передаю!»

Свѣтлый ангелъ, съ лучезарной
Путеводною звѣздой!
Милый даръ твой благодарно
Принимаетъ сѣверъ мой!

Здѣсь, подъ сѣнію державы
Благотворныя, живетъ
Вѣрный ей, достойный славы
И прославленный народъ.

И любима имъ младая
Будетъ спутница твоя!
Здѣсь готова ей родная
Съ нѣжной матерью семья!

И съ довѣрчивымъ участьемъ,
Съ сердцемъ, гдѣ добро живетъ,
Здѣсь ее дѣлиться счастьемъ
Дружба радостная ждетъ!

И младой душѣ супруга
Жизнь другую дастъ она,
И, союза ихъ подруга,
Будетъ радость имъ вѣрна!..

Ты же, ангелъ, проводившій
Къ намъ ее въ полночный край,
Ты, досель ее хранившій,
И отнынѣ сохраняй!

— «Навсегда съ ея душою
Будетъ вѣрный ангелъ жить,
И хранительной звѣздою
Неизмѣнно ей свѣтить!

«И уже въ странѣ лазурной,
За границею земной,
Духи жизни съ тайной урной
Собрались передъ судьбой!

«Умоляютъ, уповаютъ,
Съ умиленной вѣрой ждутъ,
И цвѣтами обвиваютъ
Полный жребіевъ сосудъ.»

Дай обѣтамъ исполненье!
О, судьба, не измѣни!
Провидѣнье, Провидѣнье!
Защити и сохрани!

Гатчина, 5-го окт. 1823 г.

КЪ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ И ГР. ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ХИЛКОВОЙ [ГЕНДРИКОВОЙ].

Въ Гатчинѣ.

I.

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная графиня,
Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?
Ея высочество великая княгиня
Сейчасъ за тайну мнѣ изволила сказать,
Что вы давно ужъ прочитали
Тотъ розовый романъ,
Въ которомъ нехристи такъ мучатъ христіанъ,
Гдѣ есть Малекъ-Адель, Матильда, Лузиньянъ,
И прочее. Вамъ нѣтъ заботы. Вы узнали,
Чѣмъ кончилась бѣда въ Рихардовыхъ шатрахъ:
Соединился ль онъ съ женою,
И что случилось съ той чудесною сестрою,
Которой нравится герой Малекъ-Адель,
Какъ итальянцу вермишель.
Но я, признаться вамъ, въ великомъ затрудненьѣ
И только-что успѣлъ войти въ Птолемаисъ,
Вокругъ меня еще и драки и волненье,
И нехристи еще шумѣть не унялись;
Въ такомъ опасномъ положеньи
Кому пріятно быть?
Къ тому жъ, хотѣлъ бы я [готовъ и въ томъ признаться]
Скорѣй до свадьбы дочитаться,
Малекъ-Аделя окрестить
И на монахинѣ женить.
Прошу васъ, горю помогите
И розовый романъ Жуковскому пришлите.

II.

Варвара Павловна! графиня! помогите,
Отъ васъ одной отрады жду!
Хотите ль знать мою бѣду?
Прочтите.

Вчера, извѣстно вамъ, мы вмѣстѣ за столомъ
Ея высочества великія княгини
Обѣдали; былъ споръ о томъ и о другомъ;
Потомъ,
Мнѣ помнится, упалъ изъ рукъ графини
[Любезнѣйшей изъ всѣхъ любезныхъ Като-
Неосторожный апельсинъ; [ринъ]
Потомъ нашъ графъ Моденъ, съ пріятнѣйшимъ привѣтомъ,
На зло сосѣдкамъ злымъ, мнѣ въ шляпу по-
Матильду и съ причетомъ: [ложилъ
Съ Агнесой, Глостеромъ, съ угрюмою толпой
Степныхъ разбойниковъ, съ святымъ анахоретомъ,
Съ Малекъ-Аделемъ и съ войной.
И я подумалъ: въ шляпѣ дѣло!
Пришелъ домой,
Но что же? Боже мой!
Ужъ въ шляпѣ у меня несчастіе скипѣло.
Матильда, чтобъ спасти Рихардову жену,
Осталася въ плѣну,
Глазами плакала, а сердцемъ восхищалась,
Что плѣнницей осталась;
Герой Малекъ-Адель, какъ вѣтреный дитя,
Пустился въ разныя проказы:
Разсудка здраваго послушать не хотя,
Забывъ султановы указы,
Матильду онъ съ собой на шлюпку посадилъ;
И въ первый разъ тогда великолѣпный Нилъ
Увидѣлъ, какъ деспотъ Востока
Къ ногамъ невольницы смиренно положилъ
Могущество, любовь, желанье и пророка.
Но были бъ всѣ его труды по-пустякамъ,
Когда бъ не вздумалось Матильдѣ по пескамъ
Пустынным прогуляться,
Чтобъ незнакомому отшельнику признаться
Въ такой винѣ, въ которой безъ вины
Мы были, будемъ, быть должны
Обвинены!
Матильда каялась — но, къ счастью, не успѣла
Докаяться; толпа разбойниковъ степныхъ
Въ часъ добрый налетѣла,
Чтобъ исповѣдь прервать; и тутъ все слѣдомъ имъ,
Какъ будто по звонку, явился
Малекъ-Адель герой
Съ мечомъ, съ верблюдами, палаткой и водой.
Съ разбойниками онъ ни мало не чинился,
Онъ по-просту ихъ всѣхъ оставилъ
гол
Матильду жъ взялъ; съ отцомъ духовн
И былъ таковъ! [не прост
И на пути, въ степи, подъ страшнымъ зн
Полумонахиня была обручена
Съ полукрестившимся героемъ,
И радъ былъ этому проказникъ сат
Но это ли бѣда? бѣда надъ головою!
Султанъ, разгнѣванный сей свадьбою с

Отправилъ палачей за мужемъ и же
Матильда, правда, спасена,
Но другъ Малекъ-Адель!.. Что будетъ несчаст
Я въ шляпѣ роюся напрасно:
Въ ней ничего ужъ болѣ нѣтъ.
Сосѣдки, сжальтеся! мнѣ третій томъ
шл
Или... тогда ужъ не шутите—
Сойдетъ съ ума сосѣдъ!

* * *

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ незваное, ко мнѣ;
На все земное наводнило
Животворящій лучъ оно—
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасн
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясн
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой алтарь священной,
О, геній чистой красоты!

е знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
ь воротится чреда—
ы знакомъ мнѣ, чистый геній,
ѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
еще ея сіянье
ь умѣетъ различать:
мерло очарованье;
е сбудется опять.

1824.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ,

спитанницами ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ
вицъ, при выпускѣ 1824 года.

ги, убѣжище святое,
не утро золотое
ирно радовало насъ!...
ятномъ здѣсь уединеньѣ
ли райское видѣнье,
ій слышали мы гласъ!
кій призракъ улетаетъ,
ій голосъ умолкаетъ....
ъ, спѣшитъ разлуки часъ!

, младенчества обитель,
тъ геній твой хранитель—
хранитель вѣрный твой!
тъ все, что здѣсь бывало,
ъ лелѣяло, плѣняло—
ость, радостный покой,
й трудъ, и отдыхъ ясный,
ихъ лѣтъ союзъ прекрасный—
яемо съ тобой!

уводимыя судьбою,
ословеньемъ и мольбою
ъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,
покоя и свободы,
вни стѣны, пышны воды,
свидѣтель, мирный садъ!
ъ прошли безпечны лѣта!
видаемъ васъ для свѣта!
придемъ уже назадъ!

мы здѣсь—рука съ рукою!
вокъ часъ—и за судьбою
розными пойдемъ!
вмѣстѣ мы вѣрялись счастью;
ь, подъ тайной рока властью,
иное обрѣтемъ!
ь свѣтъ намъ испытанье!

Да будетъ же воспоминанье
Для насъ хранящимъ божествомъ.

Мивувшее не миновалось!
Во глубинѣ души осталось
Оно сокровищемъ святымъ!
И мы, не розно и въ разлукѣ,
Къ житейской приступивъ наукѣ,
Надеждой сердце ободримъ!
Здѣсь, въ тишинѣ уединенья,
Мы были дѣти Провидѣнья—
И въ шумѣ свѣта будемъ съ Нимъ!

Его, его мы призываемъ!
Его храненью повѣряемъ
Здѣсь покидаемыхъ друзей!
Живите, радуйтесь, играйте,
И, намъ подобно, расцвѣтайте,
Подруги нашихъ лучшихъ дней!
И нашу матерь—нашу радость—
Да утѣшая, ваша младость
Объ насъ напоминаетъ ей.

О, наша милая *родная*,
Твою обитель покидая,
Уносимъ въ сердцѣ образъ твой!
И что бъ въ грядущемъ насъ ни ждало,
Повсюду будетъ, какъ бывало,
Для насъ любимою мольбой:
«Чтобъ Небо милую хранило!
Чтобъ долго дней ея свѣтило
Сіяло радостью земной!»

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?....
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекраснъ былъ,
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Снятъ покровъ; любви не стало:
Жизнь пуста, и счастье—сонъ.

Не волшебница ли дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь поэзія была?....
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало
И въ далекое манитъ.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ.

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцвѣтаете,
Глядясь въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
Младой денницей пробужденъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однород
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободныя
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы:
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ непонятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываешь васъ.
Пускай же къ вамъ рѣзвясь ласкает
Какъ вы, минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два непадмепные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія;
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы цвѣтъ другой.

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

ПОѢЗДКА НА МАНЕВРЫ.

Вчера былъ день прекрасной долѣ:
По царской чудотворной волѣ
Я дамъ и фрейлинъ провожалъ
Туда, гдѣ на широкомъ полѣ
Учтивый Марсъ увеселялъ
Гостей несмертоноснымъ боемъ:
Тамъ громъ гремѣлъ, но не разилъ:
Тамъ каждый, кто въ войнѣ героемъ
Не для одной игрушки былъ,
Героемъ могъ быть для игрушки;

ми стрѣляли пушки
ые стрѣлки,
ымъ шагомъ шли полки
у, чтобъ безъ драки
читательныхъ враговъ;
сшибки казаковъ,
оницы атаки,
все, чѣмъ страшенъ бой,—
ги не было одной.
снулъ небесъ свѣтильникъ,
прокрался свѣтъ,
проводникъ-поэтъ;
ый обратясь будильникъ,
дамъ и фрейлинъ онъ,
то сонный Аполлонъ
крыльцу небесъ златому
сныхъ подводить,—
Гагаринъ, можетъ-быть,
ому крыльцу простому
извозчичьихъ коней
ландо, съ одной коляской,
цвесть еще скорѣй;
цанье было сказкой:
невѣрный ѣздовой!
ли опоздали
фрейлинамъ давали),
ія летали;
о солнечныхъ лучей?
ъ фрейлинскихъ очей
лъ поэтъ докучный;
ожиданья скучной,
князь Гагаринъ былъ,
досады онъ руками,
ѣ онъ ходилъ
ыми шагами,
рно, что скорѣй
выходить коней.
го половина,
рокъ пять минутъ:
халъ, а дамы ждутъ.
лулася судьбина
ю съ коляской тутъ!
но перекрестились;
сѣли.... Что жъ? помчались?
новой встрѣтились бѣдой:
рливый ландо
прямился раскрыться;
, ландо упрямъ;
переупрямилъ дамъ,
Принудилъ ихъ пересѣсться
Безъ церемоніи въ другой,
А самъ отправился пустой,
И чуть трагической развязки
Въ семъ фарсѣ не увидѣлъ свѣтъ:
Чтобъ дамамъ угодить, поэтъ
Полѣзъ неловко изъ коляски,
И такъ себя заторопилъ,
Что при неловкости проворной
Едва, съ отвагой стихотворной,
Себѣ онъ шею не сломилъ,—
А все ландо не отворилъ!
Но тѣмъ и кончилось страданье
Гагарина, пѣвца и дамъ,
И небо, внявши ихъ мольбамъ,
Вознаграждая ожиданья,
Безъ остановки привело
Насъ прямо къ Красное Село.
Среди равнины тамъ широкой
Воздвигнутъ рукотворный холмъ;
Скамьи дерновыя на немъ;
Съ него все поле видитъ око.
Лишь дамы на него взошли,
Едва лишь сѣсть на немъ успѣли,—
Перуны Марса загремѣли,
И заклубился дымъ вдали;
Вблизи же насъ, среди равнины
Стояли тихія дружины,
Сомкнувшись, зрѣлись въ тишинѣ;
Былъ слышенъ грохотъ барабановъ;
На горизонтѣ, въ сторонѣ,
Недвижно грозный строй уланов
Изъ-за кустарника сверкалъ,
И вѣтеръ быстрый колыхалъ
Ихъ орифламмы боевыя,—
А вдѣвѣ, изготовясь въ бой,
Колонны конницы густыя
Стояли тучей громовой.
Кони подъ всадниками ржали,
И яркой молніей сверкали
Лучи по мѣднымъ шишакамъ!
И артиллеріи летучей
Громады грозно вслѣдъ полкамъ
Шумящей двигалися тучей...
Но ближе громъ, и ближе дымъ....
И вдругъ, на высотахъ, мы зримъ:
Строй необъятный появился,
Какъ будто выросъ изъ земли!
Весь горизонтъ вдругъ задымился,

И въ пламени, въ дыму, въ пыли,
На всѣхъ концахъ зажглось сраженье!
Въ ужасно-тихомъ отступленьи
Все войско потянулось къ намъ,
Чтобъ наступающимъ врагамъ
Дать строемъ, вмигъ перемѣщеннымъ,
Неожидаемый ударъ!
Открылся взорамъ изумленнымъ
Сраженья весь ужасный жаръ;
Вдругъ артиллерія вскакала
Въ раздвинувшійся интервалъ!
Дымъ облаками побѣжалъ,
Земля отъ грома задрожала!
Остановился мнимый врагъ;
Подъ барабанъ удвоивъ шагъ,
Полки колоннами густыми
Пошли, ружье наперевѣсъ,
Впередъ, впередъ!—и врагъ исчезъ!
Вдругъ воинства какъ не бывало!
И вся окрестность замолчала.
Не слышенъ болѣ пушекъ громъ,
Лишь дымъ вился еще кругомъ,
И дамы на холмѣ шли сами
Въ свои ландо, и за полками
Тихонько имъ пустились вслѣдъ;
Стрѣлковъ уже не видно болѣ...
А князь Гагаринъ и поэтъ
Черезъ пустое битвы поле
Пошли, хоть солнце ихъ и жгло,
Пѣшечкомъ, въ Красное Село.

1826.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ИНСТИТУТА,

НА ПОСЛѢДНЕМЪ ЭКЗАМЕНѢ, ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ИХЪ, 1826 ГОДА ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ.

Разстаемся, разстаемся
Мы съ предѣломъ дѣтскихъ лѣтъ!
Мы судьбѣ, зовущей въ свѣтъ,
Невозвратно предаемся.
Будь, что намъ пошлетъ она...
Въ этотъ часъ не упованьемъ,
Но святымъ воспоминаньемъ
Въ насъ душа напоена.

Здѣсь спокойно протекали
Золотые наши дни—
Какъ младенчество, они
Сномъ плѣнительнымъ пропали!
Часто въ нашъ безпечный кругъ
Матерь милая являлась,
Къ намъ привѣтливо ласкалась,
Намъ была нѣжнѣйшій другъ!

Былъ у насъ другой хранитель,
Честь земли, земли краса;
Онъ ужъ взятъ на небеса!
Небеса его обитель!
И напрасно мы хотимъ
Возвратить его мольбами:
Онъ невидимо надъ нами,
Но для насъ невозвратимъ.

Ахъ, изъ той небесной сѣни,
Гдѣ таишься ты отъ насъ,
Преклонись на дѣтскій гласъ,
Удалившійся нашъ геній!
Утѣшеніемъ слети
Къ сердцу матери томимой!
Будь спутникъ ей незримый,
Снова миръ ей возврати!

1827.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

ВОСПИТАННИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ ПРИ ВЫПУСКѢ 1827 ГОДА.

Миновались, миновались
Дни младенчества для насъ!
Сами прежде разставались
Мы съ подругами не разъ;
Со слезами провожали
Ихъ въ незнаемый намъ свѣтъ
И молитвы посылали
Удалившимся вослѣдъ.

Ахъ! пришло и наше время
Слышать грустное *прости!*
Взять заботной жизни бремя,
Въ свѣтъ незнаемый идти!
О друзья! друзья! внемлите
Удаляющихся гласъ:
Сохраните, сохраните
Память вѣрную объ насъ!

Мы идемъ, куда отселѣ
Небеса насъ поведутъ!
Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
Два спутника насъ ждутъ:
Ободритель—*упованье*,
Геній младости живой,

И любовь—*воспоминанье*,
Стражъ земного неземной.

О, святое *упованье!*
Озаряй намъ жизни даль
Счастью будь очарованье,
Заговаривай печаль:
Міръ невидимо-небесный
Въ мірѣ видимомъ являй,
И въ предѣлъ, душѣ извѣстный,
По землѣ насъ провожай!

Ты же, другъ—*воспоминанье,*
Съ нами будь! Пролей свое
Благодатное сіянье
На земное бытіе!
Говори о томъ, что было
Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ,
Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
То, чего ужъ въ жизни нѣтъ!

Ликъ твой душу утѣшаетъ!
Опъ сй сладостно знакомъ!
Намъ хранительно сіяетъ
Покидаемая въ немъ!
Ты—она! въ твоей святынѣ
Все для насъ заключено!
Гдѣ ни будемъ, намъ отнынѣ
Мысль о пей и жизнь—одно!

КЪ ГЕТЕ.

Творецъ великихъ вдохновеній!
І сохраню въ душѣ моей
)чарованіе мгновеній,
Столь счастливыхъ въ близи твоей!

Твое вечернее сіянье
Не о закатѣ говоритъ!
Ты юноша среди созданья!
Твой геній, какъ творилъ, творитъ.

Я въ сердцѣ упопіу надежду
Еще здѣсь встрѣтиться съ тобой:
Землѣ знакомую одежду
Не скоро скинетъ геній твой.

Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твоею музою я жилъ,
І для меня мой геній Гете
Животворитель жизни былъ!

Почто судьба мнѣ запретила
Себя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ.

Тогда бъ вокругъ меня создался
Иной чудесно-пышный свѣтъ;
Тогда бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: опъ былъ поэтъ!

1828.

НА МИРЪ СЪ ПЕРСІЕЮ.

Мы вспомнили прекрасно старину!
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Арарагъ, и миръ, и славу взяли!

И русскій—въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ міръ дугой завѣта—
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта!

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

Ты памятникъ себѣ святой соорудила,
Бездомнымъ отворивъ пріютъ сей, дочь царей;
Голодныхъ царскою рукой ты накормила;
Нагихъ одѣла ты порфирою своей.

Съ величіемъ земнымъ небесное смиренье
Слияла ты, принявъ Христа за образецъ;
Престолу царскому—краса благотворенье,
И свѣтелъ благостью властителей вѣнецъ.

Изъ сердца твоего любви вода живая
Льетъ исцѣленіе въ сосудъ скорбей земныхъ,
И взоръ сіяетъ твой, страдальца ободряя,
Свѣтлѣе всѣхъ твоихъ алмазовъ дорогихъ.

Богъ далъ тебѣ твой санъ наградъ своихъ залогомъ;
Ты знаешь: сѣемъ здѣсь, а жнемъ на небесахъ;
Здѣсь данный нищему стаканъ воды—предъ Богомъ
Заступнѣе за насъ, чѣмъ славы гордый прахъ.

Ты гласу Божію смиренно покорилась
И безпріютнаго причла къ семьѣ своей,
Призрѣла сироту, съ вдовицею сдружилась—
Благословенна будь предъ Богомъ, дочь царей!

Ты знаешь: на землѣ прекраснѣй чѣмъ богатство,
Прекраснѣй почестей, прекраснѣй красоты
Благотворенія съ несчастьемъ робкимъ братство,
И за богатаго молитва нищеты.

И созданный тобой сей домъ благотворенья
Великолѣпныхъ всѣхъ прекраснѣй онъ палатъ:
Тамъ для скорбящаго ты ангелъ утѣшенья,
Тамъ благость Божію въ твоей боготворятъ;

Тамъ Богу молятся—и тѣ мольбы доступны—
Чтобы отъ бѣдъ земныхъ тебя онъ оградилъ,
Чтобы онъ въ вѣчности покой свой неподкупный
Въ твоей душѣ, ему здѣсь вѣрной, водворилъ.

Но, сердцемъ женщина, а мыслію царица,
И здѣсь ужъ прочную ты славу обрѣла:
Убогій, сирота, недужный и вдовица
Въ потомкахъ возвѣстятъ любви твоей дѣла;

И ихъ исторія внесетъ въ одну страницу
Съ дѣлами славными супруга твоего:
Онъ бодрою рукой взялъ предковъ багряницу,
Сравнилась благостью ты съ бодростью его.

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

ВЪ НОЧИ НАКАНУНѢ Я ПОГРЕБЕНІЯ.

Итакъ, твой гробъ съ мольбой объемлю;
Итакъ, покинула ты землю,
Небесно-чистая душа;
Какъ Божій ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужъ нѣтъ...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святого;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земного;
А ты?.. О! каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ тобою;
Съ твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной...
И вдругъ ко гробу твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою ль мы тебя видали?..
Сей погребальный ѳиміамъ;
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ;
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира, падшая на прахъ...
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія...
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:
Не возмущайтеся душой! *)
О! это ты; сей голосъ твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія царицы
Землѣ навѣки отдадутъ —
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безъимянный знакъ;
Въ земной таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокрость вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія...
Но жизнь прекрасная твоя,
Символъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна.

*) «Въ сію ночь было читано Евангеліе: «*Да не смущается сердце ваше!*»

ельный прощанья часъ
ю, съ горькимъ сокрушеньемъ,
зимымъ умиленьемъ,
ъ послѣдній разъ
бницею твоею...
ю передъ нею
сію говорить,
ъ мой соединить
, въ сіе мгновенье
пянные моленье:
мъ, благодаримъ
изнь твою межъ нами!
твой, царскими дѣлами
, благостнымъ твоимъ
ій, превознесенный;
ь тобой явленный
ыя чистоты;
ь кроткой простоты
танья царской славы;
ь дѣвъ, за жизнь дѣтей,
душой твоей
охранены правы,
ть, съ какою ты
ъ душный мракъ больницы,
страдающей вдовицы
бели сироты...
часть жизни погребая,
милую свою
огилѣ уступая,
скорбную сію,
плачъ сліясь сердцами,
тобою говоримъ:
мъ! благодаримъ!
потомки съ нами
ятъ: *благодаримъ!*

ЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера.]

ювъ градъ священный;
ла сталъ Пергамъ;
насыщенны,
удымъ кораблямъ
эллены — тризну
инувшаго свершить,
инную отчизну,
ь Эллады, плыть.

ойте гимнъ согласной:

Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И посящему Горгону,
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея,
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...
И внезапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей,

(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный, царь Зевесъ фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ петлѣвна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Вѣдушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ слав

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстрю мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

ВИДѢНІЕ.

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окрыленный,
Ангелъ встрѣтился со мной:
Взоръ его былъ грустно ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ, какъ надежда,
Какъ покорность небу, тихъ;
И на крыліяхъ живыхъ—
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира—онъ летѣлъ...
Съ чѣмъ летѣлъ? куда?.. Я знаю!
Добрый путь! благословляю,
Божій ангелъ, твой удѣлъ.
Ждутъ тебя; твое явленье
Будетъ тамъ, какъ Провидѣнье,
Откровенное очамъ;
Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый міръ освѣтишь...
Съ нами былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землей навѣкъ простился,
Онъ опять на небо взятъ;
Ты имъ данъ за ихъ утрату;
Твой чередъ—благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ.

Солнцу разъ сказалъ Борей:
«Солнце, ярко ты сіяешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своихъ лучей!...
Но сравнишься ль ты со мною?
Я сто разъ тебя сильнѣй!
Захочу—пущусь, завою
И въ минуту мракомъ тучъ
Потемню твой яркій лучъ.
Всей землѣ свое сіянье
Ты безъ шума раздаешь,
Тихо на небо взойдешь,
Продолжаешь путь въ молчаньѣ,
И закатъ спокоенъ твой!
Мой обычай не такой!
Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
Всѣмъ верчу, все возмущаю,
Все дрожитъ передо мной!
Такъ не я ли царь земной!...
И труда не будетъ много
То на дѣлѣ доказать!
Хочешь власть мою узнать?
Вотъ, гляди: большой дорогой
Путешественникъ идетъ;
Кто скорѣй съ него сорветъ
Плащъ, которымъ онъ накрылся,
Ты иль я?...» И вмигъ Борей
Всею силою своей,
Какъ неистовый, пустился
Съ путешественникомъ въ бой!
Тянетъ плащъ съ него долой.
Но напрасно онъ хлопочетъ...
Путешественникъ впередъ
Все идетъ себѣ, идетъ,
Уступить никакъ не хочетъ
И плаща не отдаетъ.
Наконецъ, Борей въ досадѣ
Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
Показало солнце лучъ,
И при первомъ солнца взглядѣ,
Оживленный теплотой,
Путешественникъ по волѣ
Плащъ, ему не нужный болѣ,
Снялъ съ себя своей рукой!
Солнце весело блеснуло

И сопернику шепнуло:
«Безразсудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильнѣй!»

УМИРАЮЩІЙ ЛЕБЕДЬ.

День ужъ къ вечеру склонялся.
Дряхлый лебедь умиралъ.
Онъ въ тѣни деревъ лежалъ,
Тихо съ жизнію прощался
И при смерти сладко пѣлъ.
И надъ нимъ сидѣлъ уныло
Голубочекъ сизокрылой,
Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ,
Какъ покойно онъ кончался,
И грустилъ и восхищался.
«Что глядишь на старика?»
Такъ спросила голубка
Легкомысленная утка.
«Ахъ! для сердца и разсудка
Смерть его святой урокъ!» —
Отвѣчалъ ей голубокъ.
«Слышишь, какъ онъ сладкогласно
При концѣ своемъ поетъ!
Кто на свѣтѣ жилъ прекрасно,
Тотъ прекрасно и умретъ!»

ЗВѢЗДА И КОМЕТА.

«Посторонись! дорогу дай!»
(Звѣздѣ бродящая комета закричала)
«Ты неподвижно здѣсь сіяла.
«А я съ моимъ хвостомъ все небо облетала!
«Мой путь издалека! Спѣшу въ далекій край!
«Пусти, лѣнивая! летѣть мнѣ не мѣшай!»
Звѣзда, не давши ей отвѣта,
Осталася въ *своихъ* лучахъ среди небесъ,—
А свѣтомъ *не своимъ* блестящая комета
Промчалась вдаль, а тамъ и слѣдъ ея исчезъ.
На скучное болтанье
Насмѣшника глупца какой отвѣтъ?...—
Молчанье!
Пускай онъ, хвастая, кричитъ,
Не отвѣчайте: замолчитъ!

* * *

Меня ты хочешь знать, я *все* и *ничего!*
Бываю видимъ я для взора твоего
Въ такую только пору,
Когда незрящему ничто не видно взору!
Я безъ лица, когда являюся съ лицомъ;
Безъ словъ, а говорю; кто слышитъ, тѣмъ
не внятенъ;
Лишь тѣмъ, чей запертъ слухъ, мой разговоръ понятенъ;
Творю изъ ничего, не будучи творцомъ;
Кажуся истиннымъ, когда бываю ложнымъ;
Все отъ могущества зависитъ моего,
Все невозможное могу явить возможнымъ,
Все дать могу—и дать не властенъ ничего!
Къ тебѣ я прихожу неслышною стопою:
Я былъ вчера съ тобой, быть-можетъ, и
теперь,
Но ты всегда одинъ въ тотъ часъ, какъ
ты со мною;
Хоть я не человѣкъ, не птица и не звѣрь—
Однако я и звѣрь и человѣкъ и птица!
Не зришь меня въ лицо, но зришь мои
ты лица!
Я громокъ не гремя, пылаю безъ огня,
Безъ блеска быть могу блистательнѣе дня,
Короче—я въ моихъ явленьяхъ незамѣтныхъ
Могу передъ тобой быть въ образахъ
несчетныхъ;
Но знай, когда твоимъ являюся очамъ,
Не существую я, и этотъ *я* ты самъ:
Не будучи ничѣмъ, я все въ себѣ имѣю,
И свойства принимать на свѣтѣ всѣ умѣю!
Бываю тягостенъ, бываю и легокъ,
Могу быть страшенъ, тихъ, пріятенъ и
глубокъ,
То дологъ черезчуръ, то страшно быстротечный,
Бываю смертенъ я, но быть могу и вѣчный.
Хоть обнимаю все, себя не дамъ обнять,
Однако для тебя легко меня поймать!
Переверни меня и буду подъ глазами,
Тогда себя схватить позволю и руками.

МОГИЛА.

Въ лонѣ твоемъ глубокомъ и темномъ
покоится тайно
Весь человѣческій жребій. Скорби рыданье, волненіе
Страсти навѣки въ твой засыпаютъ цѣлебный пріютъ.

Мука любви и блаженство любви не тревожатъ тамъ болѣ
Груди спокойной. О, жизнь, ты полная трепета буря!
Только въ безмолвно-хранительномъ мракѣ могилы безвластенъ
Рокъ... Мы тамъ забываемся сномъ безпробуднымъ, быть-можетъ,
Сны прекрасные видя... О! тамъ не кипитъ, не пылаетъ
Кровь, и терзанія жизни не рвутъ охладѣвшаго сердца.

ЛЮБОВЬ.

На волѣ природы,
На лугѣ душистомъ,
Въ цвѣтущей долинѣ,
И въ пышномъ чертогѣ,
И въ звѣздномъ блистаньи
Безмолвныя ночи—
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
Въ меня ты вливаешь.
Въ веснѣ животворной,
Въ цвѣтахъ благовонныхъ,
Меня ты объемлешь
Спокойствіемъ неба,
Святая любовь!

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Во дни твоей весны,
Не вѣдая тревогъ,
Ты радостью цвѣтешь,
Прекрасное дитя!
Небесная лазурь,
И свѣжіе цвѣты,
И свѣтлая роса,
И зелень молодыхъ
Деревьевъ и полей,—
Все, все, младенецъ мой,
Улыбкою любви
Привѣтствуетъ тебя!

УТѢШЕНІЕ.

Слезы свои осуши, прояснн омраченное сердце,
Къ небу глаза подыми: тамъ Утѣшитель Отецъ!
Тамъ Онъ твою сокрушенную жизнь, твой вздохъ и молитву
Слышитъ и видитъ. Смирися, вѣруя въ благость Его
Если же силу души потеряешь въ страданьи и страхѣ,
Къ небу глаза подыми: силу Онъ новую дастъ!

КЪ СЕСТРАМЪ И БРАТЬЯМЪ.

Рано отъ печальной
Жизни вы сокрылись.
Но объ васъ ли плакать?
Вы давно въ могилѣ
Сномъ спокойнымъ спите.
Васъ, друзья, въ лицо я
Прежде не видала,
Васъ въ печальной жизни
Вѣчно я не встрѣчу.
Но за вами сердцемъ
Я изъ жизни рвуся;
И глубоко въ сердцѣ
Слышится мнѣ голосъ.
«Все—мнѣ говоритъ онъ—
Живо здѣсь любовью;
Ею къ намъ нисходитъ
Самъ Создатель съ неба,
И къ Нему на небо
Ею мы восходимъ.»

ЖАЛОБА.

О, гдѣ вы, прекрасные дни?
Куда улетѣли такъ скоро?
Печаль поселилась въ душѣ,
Веселье дышавшей такъ вольно.
О, гдѣ вы, младенчески дни,
Земное небесъ привидѣнье,
Когда и цвѣтокъ въ волосахъ
Бывалъ намъ сокровищемъ жизни?
Порывисто вѣтеръ подулъ —
Весенняя роза поблекла!
Едва я успѣла расцвѣсть —
Уже безотрадная вяну.

ТОСКА.

Младость легкая порхаетъ
Въ свѣжемъ радости вѣнкѣ,
И прекрасно передъ нею
Жизнь цвѣтами убрана.

Для меня жъ въ благоуханьи
Упоительной весны—
Несказанное волненье,
Несказанная тоска.
Сердце мукой безъимянной
Все проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Все зоветъ какой-то гласъ.

СТРЕМЛЕНІЕ.

Часто, при тихомъ сіяніи мѣсяца, полная тайной
Грусти сижу я одна и вздыхаю и плачу, и душу
Вдругъ обниметъ мою содроганье блаженства; живая,
Свѣжая, чистая жизнь приливаетъ къ душѣ, и глазами
Вижу я то, что въ гармоніи струнъ лишь дотолѣ таилось.
Вижу незнаемый край, и мнѣ сквозь лазурное небо
Свѣтится издали радостно ярко звѣзда упованья.

1829.

МЫСЛИ.

[изъ гете].

I.

Чистъ душой ты былъ вчера,
Нынѣ дѣйствуешь прекрасно—
И отъ завтра жди добра:
Бывшимъ будущее ясно.

II.

Будь несолнечепъ нашъ глазъ—
Кто бы солнцемъ любовался?
Не живи духъ Божій въ насъ—
Кто бъ божественнымъ плѣнялся?

ПАМЯТНИКИ.

[изъ гете].

I.

То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято!
Для самыхъ позднихъ внуковъ тамъ зву-
Его благое слово, и живетъ [читъ
[illegible] тѣло.

II.

[съ англійскаго].

Кто скрытъ во глубинѣ сихъ грозныхъ пирамидъ?
Внимай! Забвенье здѣсь со смѣхомъ говоритъ:
Они мои! я ихъ пожрало!
Воспоминанье здѣсь оковы разорвало.

СМЕРТНЫЙ И БОГИ.

Клеанту умъ вскружилъ Платонъ.
Мечталъ ежеминутно онъ
О той гармоніи свѣтилъ,
О коей мудрый говорилъ.
И сталъ Зевеса онъ молить,
Хотя минуту усладить
Его симъ таинствомъ небесъ...
«Несчастный!—отвѣчалъ Зевесъ:—
О чемъ ты молишь? Смертнымъ, вамъ
Внимать не должно небесамъ,
Пока вы жители земли!»
Но онъ упорствовалъ. «Внемли!
Отецъ, тебя твой молитъ сынъ!»
И неба мощный властелинъ
Безумной просьбѣ уступилъ,
И слухъ безумцу отворилъ:
И сталъ внимать онъ небесамъ,
Но что жъ послышалося тамъ?...
Земныхъ громовъ стозвучный стукъ,
Всѣхъ молній свистъ, изъ мощныхъ рукъ
Зевеса льющихся на насъ,
Всѣхъ яростныхъ ураганъ гласъ
Слабѣй жужжанья мошки былъ
Предъ сей гармоніей свѣтилъ!
Онъ поблѣднѣлъ, онъ въ прахъ упалъ.
«О, что ты мнѣ услышать далъ?
То ль небеса твои, отецъ?..»
И рекъ Зевесъ: «Смирись, слѣпецъ!
И знай: доступное богамъ
Вовѣки недоступно вамъ?
Ты слышишь бурю грозныхъ силъ...
А я—гармонію свѣтилъ.»

* * *

Вѣки идутъ, и вѣки уходятъ; а нѣ
Го
Все раздаются, и вѣченъ Гомеровъ вѣк
Долго думавъ, природа вдругъ созда
созда
Молвила такъ: одного будетъ Гомера

* * *

ъ угостилъ у себя Геродотъ
дружелюбно.
а ему книгу оставила въ даръ.

1831.

СИДЪ.

ОТРЫВОКЪ.

, гердерова перевода].
спанцы, вмѣстѣ съ религіею,
естью и свободою предковъ
готѳовъ, сохранили и употребле-
ѳманскаго.
необразованные люди, характера
ые, отважные, неспособные по-
рабскому игу.
лина была особенною малою

долинахъ властвовали графы,
и визиготѳскіе вѣрняи наблю-
удія въ мирные дни и предво-
народнаго войска во дни военные.
ла монархія, сіи графы были
военачальниками и покровите-

ей былъ составленъ бо́льшею
переселенцевъ, покинувшихъ
, дабы, среди безплодныхъ уте-
религію и законы отцовъ своихъ.
ло отдаваемо никакихъ отлич-
ей фортунѣ: подъ кровлею бѣд-
часто находили человѣка, побѣ-
сраженіи. Вѣроятно, что въ сіи
шла въ испанскіе нравы сія
спесь, замѣчаемая нынѣ въ
ихъ.
ликій, король кастильскій, въ
вѣка соединилъ подъ державу
всѣ христіанскія области полу-
него зависѣли Астурія, Наварра
; онъ первый принялъ титулъ
ліи и можетъ быть почитаемъ
икомъ королевскихъ домовъ

короля родился Донъ-Родриго
Діега), прозванный Сандомъ
(господиномъ) отъ побѣжден-
навровъ. Наименованный глав-
чальникомъ арміи отъ короля
), онъ получилъ еще прозваніе
(вопителя).
наваръ, недалеко отъ Бургоса,
отцомъ его Донъ-Діегомъ, былъ
рожденія. Съ женской стороны
онъ отъ древнихъ графовъ
ь. Знаменитый породою, онъ
гатство мужествомъ и оружіемъ.
о сохранились въ народныхъ
пѣсняхъ, или романсахъ, изъ которыхъ здѣсь предлагается извлеченіе.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ФЕРДИНАНДА.

I.

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ-Родриго побѣдилъ,
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали.—
«Ошибаетесь, друзья!
Донъ-Родриго отвѣчалъ имъ.
«Не ко мнѣ посольство ваше:
«Неприлично господиномъ
«Называть меня въ томъ мѣстѣ,
«Гдѣ господствуетъ Великій
«Фердинандъ, мой повелитель:
«Все его здѣсь, не мое.»
И король, такимъ смиреньемъ
Сида храбраго довольный,
Говоритъ посламъ: «скажите
«Вы царямъ своимъ, что, если
«Господинъ ихъ Донъ-Родриго
«Не король, то здѣсь по праву
«Съ королемъ сидитъ онъ рядомъ,
«И что все, чѣмъ я владѣю,
«Завоевано мнѣ Сидомъ».
Съ той поры не называли
Знаменитаго Родрига
Мавры иначе, какъ Сидомъ.

II.

Полныхъ семь лѣтъ безъ успѣха
Неприступную Коимбру
Осаждалъ Донъ Фердинандъ.
Никогда бъ не одолѣлъ онъ
Неприступныя Коимбры,
Крѣпкой башнями, стѣнами...
Но является Санъ-Яго
Рыцарь Господа Христа:
На конѣ онъ скачетъ бѣломъ,
Съ головы до ногъ въ доспѣхахъ
Свѣжихъ, чистыхъ и блестящихъ.
«Симъ ключомъ, который блещетъ

«У меня въ рукахъ (сказалъ онъ),
«Завтра утромъ на разсвѣтѣ
«Отопру я Фердинанду
«Неприступную Коимбру.»
И король вступилъ въ Коимбру;
И мечеть ея назвали
Церковью Маріи Дѣвы:
Тамъ былъ рыцаремъ поставленъ
Донъ-Родриго, графъ Биварскій.
Самъ король своей рукою
Мечъ къ бедру его привѣсилъ,
Далъ ему лобзанье мира;
Только не далъ акколады,
Ибо то ужъ для другого
Было сдѣлано имъ прежде;
И, въ особенную почесть,
Конь въ блестящей збруѣ Сиду
Подведенъ былъ королевой,
А инфанта золотыя
На него надѣла шпоры.

III.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діего...
Что сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ:
Посрамленъ навѣки древній,
Знаменитый домъ Лепесовъ;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ,
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко
Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:
«Что ты дѣлаешь, родитель?
«Умертвить ли насъ замыслилъ?»
Нѣтъ душѣ его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему, Родригу,
Въ немъ опять она воскресла;
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
«Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
«Развяжи! когда бъ ты не былъ
«Мой отецъ, я не словами
«Далъ себѣ тогда бъ управу;
«Я бы собственной рукою
«Внутренность твою исторгнулъ;
«Мнѣ мечомъ или кинжаломъ
«Были пальцы бы мои!»
— Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя—мнѣ исцѣленье;
Грозный гнѣвъ твой—мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее.—
И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду,
И его благословилъ.

IV.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.
Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьи первый онъ.
Но того онъ не страшится:
Сынъ Гидальга благородный,
Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ—одной управы,
Отъ земли—простора битвѣ,
А отъ чести—подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.
Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
«Знаю, добрый мечъ,—сказалъ онъ:—
«Что тебѣ еще постыдно
«Быть въ рукѣ незнаменитой;
«Но когда я поклянулся
«Не нанесть тебѣ обиды,
«Ни на шагъ въ минуту боя
«Не помститься... пойдемъ!

V.

площади дворцовой
дѣлъ Донъ-Гормаса
зъ провожатыхъ.
ъ съ нимъ въ разговоръ:
омасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
шѣ Донъ-Діега,
ъ рукою дерзкой
старцева лица?
и ты, что Донъ-Діего
гомокъ Лайна Калва,
ь крови благородней,
ита его честней?
и, что пока дышу я,
етъ никто изъ смертныхъ—
огъ одинъ Всевышній—
то безъ наказанья,
нулъ съ нимъ сдѣлать ты?»
едва ли ты, младенецъ,
, Гормасъ надменно)
изни половину.—
ердо! половина
почесть благороднымъ
ь, какъ то прилично;
і половина:
зою горделивыхъ,
цней каплей крови
обиду чести.»
ъ? Чего, младенецъ, хочешь?—
твоей хочу я.»
ь розогъ. дерзкій мальчикъ;
ебя накажутъ,
казливаго пажа.—
ведный, какъ вспыхнулъ
мъ отвѣтъ Сидъ!

VI.

отся, тихо льются
мъ Донъ-Діега;
ъ своимъ семейнымъ
гъ, все позабывъ.
своемъ онъ мыслитъ,
ъ лѣтахъ Родрига,
номъ поединкѣ,
ствѣ врага.
ная радость
посрамленныхъ;
ъ нею убѣгаютъ
ность съ надеждой;
щія, младыя

Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погруженный,
Донъ-Діего не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечомъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньи.
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: «Ѣшь, родитель!»
Говоритъ, придвинувъ пищу.
Но сильнѣе плачетъ старецъ.
— Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ?
«Я, родитель! смѣло можешь
«Ты поднять свое святое,
«Благородное лицо».
— Спасена ли наша слава?
«Мой родитель, онъ убитъ.»
— Сядь же, сынъ мой, Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой.—
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,
Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діего,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

VII.

На престолѣ королевскомъ
Возсѣдалъ король-владыка,
Внемля жалобамъ народа
И давая всѣмъ управу.
Твердый, кроткій, правосудный,
Награждалъ онъ добрыхъ щедро,
И казнилъ виновныхъ строго:
Наказаніе и милость
Вѣрныхъ подданныхъ творятъ.
Въ черной траурной одеждѣ
Входитъ юная Химена,
Дочь Гормаса; вслѣдъ за нею
Триста пажей благородныхъ.
Дворъ въ безмолвномъ изумленьи.
Преклонивъ свои колѣна
На послѣднюю ступеню

Королевскаго престола,
Такъ Хименa говоритъ:
«Государь, прошло полгода
«Съ той поры, какъ мой родитель
«Подъ ударами младого
«Супротивника погибъ.
«И уже я приносила
«Передъ тронъ твой королевскій
«Умиленную молитву.
«Были мнѣ даны тобою
«Обѣщанья; но управы
«Не дано мнѣ и понынѣ.
«Между тѣмъ, надменный, дерзкій,
«Издѣвается Родриго
«Надъ законами твоими,
«И, его надменность видя,
«Ей потворствуешь ты самъ.
«Государь праволюбивый
«На землѣ есть образъ Бога;
«Государь неправосудный,
«Поощряющій строптивость,
«Сердцу добрыхъ не любезенъ,
«Не ужасенъ и для злыхъ.
«Государь, внемли безъ гнѣва
«Симъ словамъ моей печали:
«Въ сердцѣ женщины почтенье
«Превращается отъ скорби
«Часто въ горестный упрекъ».
И король на то Хименѣ
Такъ отвѣтствуетъ безъ гнѣва:
— Здѣсь твоя печаль не встрѣтитъ
Ни желѣза, ни гранита.
Если я сберегъ Родрига,
То сберегъ его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будетъ время—будешь плакать
Ты отъ радости по немъ.

VIII.

Въ часъ полуночи спокойной,
Тихій голосъ, нѣжный голосъ
Унывающей Хименѣ
Говорилъ: «отри, Химена,
«Слезы грусти одинокой.»
— Отвѣчай, откройся, кто ты?
«Сирота, меня ты знаешь!»
— Такъ! тебя, Родриго, знаю!
Ты, жестокій! ты, лишившій
Домъ мой твердыя подпоры!..
«*Честь то сдѣлала*, не я!»

IX.

Въ храмѣ Божіемъ Родриго
Такъ сказалъ своей Хименѣ:
«Благородная Химена,
«Твой отецъ убитъ былъ мною,
«Не по злобѣ, не измѣной,
«Но въ отмщенье за обиду,
«Грудь на грудь и мечъ на мечъ.
«Я тебѣ за мужа чести
«Мужа чести возвращаю;
«Я тебѣ въ живомъ супругѣ
«Все даю, что прежде въ мертвомъ
«Ты отцѣ своемъ имѣла:
«Друга, спутника, отца.»
Такъ сказавъ, онъ обнажаетъ
Крѣпкій мечъ свой и, поднявши
Остріе къ святому небу,
Произноситъ громогласно:
«Пусть меня сей мечъ накажетъ,
«Если разъ нарушу въ жизни
«Мой обѣтъ: любить Химену,
«И за все моей любовью
«Ей воздать, какъ здѣсь предъ Богомъ
«Обѣщаюсь и клянуся!»
Такъ свершилъ свой бракъ съ Хименой
Донъ-Родриго, графъ Биварскій,
Славный Сидъ Кампеадоръ.

X.

Сидъ во всѣхъ за Фердинанда
Битвахъ былъ побѣдоносенъ.
Наконецъ, для Фердинанда
Часъ послѣдній наступаетъ:
На своей постелѣ смертной
Онъ лежитъ лицомъ къ востоку;
Онъ въ рукахъ, уже холодныхъ,
Держитъ свѣчу гробовую;
Въ головахъ стоятъ прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
«Есть ли гдѣ законъ, родитель,
«Человѣческій иль Божій,
«Позволяющій наслѣдство,
«Дочерей позабывая,
«Сыновьямъ лишь оставлять?»

Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
— Я даю тебѣ Замору,
Крѣпость, твердую стѣнами,
Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
Кто когда-нибудь замыслитъ
У тебя отнять Замору!—
Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь! Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ДОНЪ-САНХА КАСТИЛЬСКАГО.

I.

Только-что успѣлъ Донъ-Санхо
Вмѣстѣ съ братьями въ могилу
Опустить съ мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Какъ уже онъ на конѣ,
И гремитъ трубой военной,
И вассаловъ собираетъ,
И войной идетъ на братьевъ.
Первый, съ кѣмъ онъ началъ ссору,
Былъ Галиціи властитель,
Старшій братъ его Донъ-Гарсій;
Но сраженный въ первой битвѣ,
Съ малочисленной остался
Онъ дружиною кастильцевъ.
Вдругъ явился Донъ-Родриго.
— Въ добрый часъ, мой благородный
Сидъ!—сказалъ ему Донъ-Санхо:—
Во-время ко мнѣ поспѣлъ ты!—
«Но ты самъ, король Донъ-Санхо,
«Здѣсь не во-время! (сурово
Отвѣчалъ ему Родриго);
«Лучше было бы, съ молитвой
«Руки сжавъ, стоять смиренно
«У родителева гроба.
«Я исполню долгъ вассала;
«Стыдъ же примешь ты одинъ.»
И Донъ-Гарсій побѣжденный
Скоро въ плѣнъ достался Сиду.
— Что ты дѣлаешь, достойный
Сидъ?—сказалъ съ упрекомъ плѣнникъ.
«Если бъ я теперь вассаломъ
«*Былъ* твоимъ, я то же бъ сдѣлалъ,
«*Госу*дарь, и для тебя.»
Заключенъ, по волѣ брата,
Въ башню крѣпкую Донъ-Гарсій.
За него король леонскій
Возстаетъ и посылаетъ
Вызовъ къ Сиду, *къ мужу чести,*
Подымающему руку
На безчестно-злое дѣло.
— Ополчись, мой благородный
Сидъ!—Донъ-Санхо восклицаетъ.
Ополчись, мой Сидъ могучій,
Перлъ имперіи священной,
Цвѣтъ Испаніи, зерцало
Чести рыцарской! Леонцы
Идутъ противъ насъ войною;
Вѣютъ львы на ихъ знаменахъ;
Но у насъ, въ землѣ кастильской,
Много замковъ укрѣпленныхъ:
Будетъ, гдѣ ихъ запереть.—
«Государь, святое право
«За Альфонса; лишь фортуной
«Онъ неправъ!» такъ отвѣчаетъ
Королю Донъ-Санху Сидъ.
Донъ-Альфонсъ разбитъ и прогнанъ;
Онъ бѣжитъ къ толедскимъ маврамъ.
Какъ свирѣпый ястребъ—алча
Новой пищи послѣ первой,
Имъ отвѣданной добычи—
Когти острые вонзаетъ
Въ беззащитную голубку:
Такъ Донъ-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Безпомощную насильно
Запираетъ въ монастырь.

II.

Мирно властвуетъ Урака
Въ крѣпкомъ городѣ Заморѣ.
Крѣпкимъ городомъ Заморой
Завладѣть Донъ-Санхо мыслитъ.
Онъ къ стѣнамъ его подходитъ.
Нѣтъ въ Испаніи другого:
Въ твердомъ выбитый утесѣ,
Имъ покрытый, какъ бронею
Смѣлый рыцарь, окруженный
Свѣтло-влажными руками
Быстрошумнаго Дуера,
Онъ стоитъ—и замки, башни
(Въ цѣлый день не перечесть ихъ),
Какъ вѣнецъ его вѣнчаютъ.
И сказалъ Донъ-Санхо Сиду:

— Добрый Сидъ, совѣтникъ мудрый,
Дома нашего подпора,
Отъ меня къ сестрѣ Уракѣ
Ты посломъ иди въ Замору.
Предложи мѣну Уракѣ;
Пусть свою назначитъ цѣну:
Но скажи ей въ осторожность:
Если нынѣ отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра самъ возьму я силой
То, о чемъ теперь прошу.
«Что за стѣны!» Донъ-Родриго
Мыслитъ, глядя на Замору.
«Чѣмъ на нихъ смотрю я долѣ,
«Тѣмъ грознѣй и неприступнѣй
«Мнѣ являются онѣ!»
— Что за стѣны! повторяетъ
Про себя король Донъ-Санхо.
Это первыя, которыхъ
Не заставилъ содрогнуться
Приближающійся Сидъ.
— Что за стѣны! размышляетъ
Конь могучій Бабіека,
Замедляя ходъ, и гриву
Опуская до земли.

III.

Тихо въ городѣ Заморѣ:
Онъ печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
Церкви города Заморы
Въ ткани черныя одѣты:
И на нихъ печальный трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И Урака, затворившись
Въ замкѣ города Заморы,
О сестрахъ и братьяхъ плачетъ,
И печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И она вздыхала тяжко
Въ ту минуту, какъ явился
Передъ городомъ Заморой
Донъ-Родриго, вождь кастильскій.
Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до замка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ... тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.
Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
«Стой, Родриго! ты вступаешь
«На безславную дорогу;
«Благородный Сидъ, назадъ!»
И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду
Обѣщался быть надежной
Дочерей его защитой;
Дни, когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,—
Дни прекрасныя Коимбры.
«Стой, Родриго! ты вступаешь
«На безславную дорогу;
«Благородный Сидъ, назадъ!»
Бодрый Сидъ остановился.
Онъ впервые Бабіеку
Обратилъ и въ размышленьи,
Прошептавъ: *назадъ!* поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.
Но разгнѣванный Донъ-Санхо
Такъ отвѣтствуетъ Родригу:
— Безразсудны Государи,
Осыпающіе честью
Неумѣренной вассаловъ:
Лишь мятежниковъ надменныхъ
Для себя они готовятъ.
Ты съ Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Нынѣ умъ твой дерзновенный
Не въ ладу съ моимъ совѣтомъ;
Съ глазъ моихъ пойди, Родриго;
Изъ кастильскихъ выйдь предѣловъ;
Всѣ мои покинь владѣнья.—
«Но которыя владѣнья,
«Государь, велишь покинуть?
«Завоеванныя ль мною,
«Сохраненныя ли мною
«Для тебя?»—Тѣ и другія!—
Сидъ минуту былъ задумчивъ;
Но потомъ онъ улыбнулся,
Вкругъ себя спокойный бросилъ
Взоръ, и сѣлъ на Бабіеку.

ся Сидъ... молчанье
нѣ царствуетъ, какъ въ гробѣ.

IV.

трудная осада.
было поединковъ;
рыцарей кастильскихъ,
ышенью дамъ Заморы,
брошено съ сѣдла.
ьмуть они Заморы.
пляются къ Донъ-Санху
знатные вельможи.
рь, отдай намъ Сида
ить они); безъ Сида
лвать ни въ чемъ удачи!»
ль послалъ за Сидомъ;
домашними своими
ъ о томъ, что дѣлать,
говался Сидъ.
шиться былъ совѣтъ ихъ,
амъ король Донъ-Санхо
етъ себя виновнымъ.—
окоряетъ призванью;
король къ нему навстрѣчу
етъ; съ Бабіеки
ь Сидъ, его увидя,
цѣлуетъ руку.
поры на поединки
ть гораздо рѣже
рыцари Заморы
съ рыцарей кастильскихъ:
і былъ готовъ сразиться
ь пятью одинъ, хоть съ чортомъ,
ы только не съ Родригомъ.
изъ города Заморы
ь витязь неизвѣстный.
шной ставкѣ королевской
дши, такъ сказалъ онъ:
звѣть мой: *покориться*,
меня не умертвили!
арь, я знаю вѣрный
ъ сдать тебѣ Замору.»
высокія ограды
же время старый рыцарь
чалъ: «Король Донъ-Санхо,
и вы, кастильцы, знайте,
зъ города Заморы
лъ къ вамъ предатель хитрый:
сбудется злодѣйство,
ни въ чемъ *не обвиняйте*».

Но съ предателемъ Донъ-Санхо
Ужъ пошелъ къ стѣнамъ Заморы.
Тамъ, предъ входомъ потаеннымъ
Неприступныя ограды,
Видя, что король Донъ-Санхо
Съ нимъ одинъ и безоруженъ,
Острый свой кинжалъ предатель
Весь вонзилъ въ него и скрылся.
И король смертельно раненъ.
Вкругъ него толпятся слуги;
И никто изъ нихъ не молвилъ
Слова правды; лишь единый
Добрый, старый, вѣрный рыцарь
Такъ сказалъ ему: «помысли
«О душѣ своей и Богѣ;
«Остальное все забудь!»
И уже король Донъ-Санхо
Предалъ въ руки Бога душу.
Много рыцарей кастильскихъ
Вкругъ него стоятъ и плачутъ;
Болѣ всѣхъ скорбитъ и плачетъ
Благородный Донъ-Родриго.
«О король мой! о Донъ-Санхо!
(Восклицаетъ онъ), да будетъ
«Проклятъ день тотъ ненавистный,
«День, въ который ты замыслилъ
«Приступить къ стѣнамъ Заморы!
«Не боялся тотъ ни Бога,
«Ни людей, кто беззаконно
«Далъ тебѣ совѣтъ нарушить
«Честный рыцарства законъ.»

— —

КУБОКЪ.

БАЛЛАДА

[изъ шиллера].

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой
«Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
«Брошу мой кубокъ туда золотой:
«Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
«Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
«Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.

«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
«Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?

И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ...
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ...
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо
И каждый, очей отвести [шумитъ...
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«*Красавецъ* отважный, прости!»

Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ поетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
«Сказавъ: *кто вѣнецъ возвратитъ,*
«*Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!*
«Меня твой престолъ не прельститъ.
«Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
«Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
«Глотала ея глубина:
«Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
«Съ ея неприступнаго дна...»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ, «онъ живъ! повто- [ряетъ:
«Чудесніе подвига нѣтъ!
«Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
«Спасъ душу живую красавецъ отважной».

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...

И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной!

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви каралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ'
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья немова.

«И я содрогался... вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.»

Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой;
«Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
«Въ которомъ алмазъ дорогой,
«Когда ты на подвигъ отважишься снова
«И тайны всѣ дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
— Довольно, родитель! его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
«Когда съ нимъ воротишься, ты;
«И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
«Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она*;
Онъ видитъ: въ *ней* жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно...
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

ПЕРЧАТКА.

повѣсть.

[изъ шиллера].

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,

Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ вскалъ...
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
«Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
«Ты любишь такъ, какъ говоришь,
«Ты мнѣ перчатку возвратишь.»

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ береть,
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: «не требую награды.»

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

[изъ гебеля.]

«Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!..» И только успѣла Суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ и сама принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. «Моя череда!» говоритъ Воскресенье;
Легкой рукою, тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; всѣ спятъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слились, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь

Съ темной своей колокольней, внутри
озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ,
какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни.—Спокойно на паперти
сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и мол-
чанья, чтобъ утро
На небѣ тропулось... тропулось утро; во
тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и
звѣзды
Начали тускнуть... пѣтухъ закричалъ.
Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, ти-
хонько шепнуло:
«Солнышко, встань!..» И разомъ подер-
нулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье,
и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ при-
летѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучомъ полились, облака
зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ан-
гелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ
Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя
на солнцѣ,
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И тор-
жественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-
трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—
и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... въ
деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слы-
шится пѣнье.

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНІЕ.

БЫЛЬ.

[ИЗЪ ГЕБЕЛЯ].

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ го-
родѣ горномъ Фалунѣ,
Утромъ однимъ молодой рудокопъ, на
свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей ска-
залъ: черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ недологъ) мы будемъ мужъ и
жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ! «И въ на-
шей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселятся», ска-
зала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ свя-
щенникъ въ приходской
Церкви: *кто законное браку препят-
ствіе знаетъ,
Пусть объявитъ объ немъ*, тогда съ за-
прещеньемъ явилась
Смерть. Наканунѣ брачнаго дня, идя въ
рудокопню
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудокопъ ни-
когда не снимаетъ
Чернаго платья), женихъ постучался въ
окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей:
доброе утро! но *добрый
Вечеръ!* онъ ужъ ей не сказалъ, и назадъ
не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой,
ни на третій, ни послѣ...
Рано по утру одѣлась она въ вѣнчальное
платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не
пришелъ онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала
горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда
не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уни-
чтоженъ былъ страшнымъ
Землетрясеньемъ; война семилѣтняя кон-
чилась; умеръ
Францъ императоръ; былъ іезуитскій ор-
денъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія Терезія;
умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала сво-
бодна; въ могилу
Легъ императоръ Іосифъ Второй; револю-
ціи пламя
Вспыхнуло; добрый король Людвигъ, воз-
веденный на плаху,

Умеръ святымъ; на русскомъ престолѣ
не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и
рухнулъ;
И на далекой скалѣ океана изгнанникомъ
умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покры-
вались жатвой,
Пашни сочной травою, холмы золотымъ
виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мо-
лолъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ
рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что
близко Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ да-
внишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ
онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; каза-
лось, что умеръ
Съ часъ не болѣ, иль только прилегъ от-
дохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ тем-
ной земныя утробы
Выпесенъ былъ—отецъ, и мать, и друзья,
и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось ни-
кого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бъ помнилъ, когда съ
нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени,
чуждый живому;
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди
равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока
не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который
однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, по-
шелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ.
Подпираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая
старушка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаетъ же-
ниха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она пред-
стоявшимъ сказала:
«Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ
долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще
передъ смертью»
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы
пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался.»—У всѣхъ
разгорѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей
невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ,
сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся
на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья,
ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его по-
несли, съ умиленьемъ
Друга давнишнія младости въ землю она
проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали;
когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла,
и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдастъ
и въ другой разъ!»

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера].

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ веселъемъ гордымъ преклонялъ:
«Сколь щедро взысканъ я богами!
Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ.—

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украшенъ новой;

Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ!

«Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.»
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! Судьба очарованьемъ:
Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали...
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ!
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
«Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала!»

Испуганъ гостъ нежданной вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣнняемо казалось,
Я Силой вышней былъ хранимъ.
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя Власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда жъ въ несчастьѣ рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ.—

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
«Моимъ избраннымъ достояньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ Властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ...»
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ нежданной вѣстію бѣжитъ:
«Найденъ твой перстень драгоцѣнный!
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножомъ моимъ открытъ!»

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: «бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою..
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера].

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;

Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ береть.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ гдѣ—утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда:
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Анда
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?..
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

По когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна,—
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И, умершіе для взора,
Вникъ они весны привѣтъ,

Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы почной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О! привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

ДОНИКА.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ САУТИ].

Есть озеро передъ скалой огромной;
На той скалѣ давно стоялъ
Высокій замокъ и громадой темной
Прибрежны воды омрачалъ.

На озерѣ ладья не попадалась;
Рыбакъ страшился удить въ немъ;
И ласточка, летя надъ нимъ, боялась
Къ нему дотронуться крыломъ.

Хотя съ стада отъ жажды умирали,
Хотя съ палилъ ихъ лѣтній зной:
Отъ береговъ его они бѣжали
Смятенно-робкою толпой.

Случалося, что вѣтеръ и осокой
У озера не шевелилъ:
А волны въ немъ вздымалися высоко,
И въ нихъ ужасный шопотъ былъ.

Случалося, что, бурею разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
Была спокойнѣе стекла.

И каждый разъ — въ то время, какъ могилой
Кто въ замкѣ угрожаемъ былъ —
Пророчески, гармоніей унылой
Изъ бездны голосъ исходилъ.

И въ замкѣ томъ, могуществомъ великій,
Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доники:
Лицо — какъ день, глаза — какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
Счастливецъ этотъ былъ Эвраръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ совокупитъ
Святымъ союзомъ навсегда.

Былъ вечеръ тихъ, и небеса алѣли;
Съ невѣстой шелъ рука съ рукой
Женихъ; они на озеро глядѣли
И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листахъ деревъ... ни знака
Малѣйшей зыби на водахъ...
Лишь лаяньемъ Доникина собака
Пугала пташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
И въ темныхъ таяла очахъ;
На жениха съ тоской она глядѣла:
Ей въ душу вкрадывался страхъ

Все было вкругъ какой-то полно тайной;
Безмолвно гасъ лазурный сводъ;
Какой-то сонъ лежалъ необычайной
Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
И тихій голосъ издала:
Гармонія вдали небесъ высокой
Отозвалась и умерла...

При звукѣ семъ Доника поблѣднѣла;
И стала сумрачно-тиха;
И вдругъ... она трепещетъ, охладѣла,
И пала въ руки жениха.

Оцѣпенѣвъ, въ безумствѣ изступленья,
Отчаянный онъ поднялъ крикъ...
Въ Доникѣ нѣтъ ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый ликъ.

Онъ рвется... плачетъ... вдругъ пошевели-
Ея уста... потрясена [лись
Дыханьемъ легкимъ грудь... глаза откры-
И встала медленно она. [лись...

И мутными глядитъ кругомъ очами,
И къ другу на руку легла,
И слабая, невѣрными шагами
Обратно въ замокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея ланиты,
Не свѣжей розы красотой,
Но блѣдностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
Какой-то острый лучъ сверкалъ,
И съ блѣдностью ланитъ, глубоко впавшихъ,
Онъ что-то страшное сливалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ея прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И выла жалобно вдали.

Но нѣжная любовь не измѣнила:
Съ глубокой нѣжностью Эвраръ
Скорбѣлъ объ ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася мольбамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы всѣ померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчъ.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ...
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна, какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ... окруженъ лучами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицомъ, улыбкою, очами...
И въ немъ Доннку онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ...
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ САУТИ].

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ; народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданнаго чуда:
«Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
«Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ».
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые,—кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ приплецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.

ъ епископъ къ себѣ возвратился,
сѣлъ, пировалъ, веселился,
къ невинный, и снова не видалъ...
о болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
портреты, и видитъ, что съѣли
о живописный портретъ,
о холстины и признака нѣтъ.

ѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
ъ чудесную вѣдомость слышитъ:
круга мышами полна,
цахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.»

другое въ ушахъ загремѣло:
тебя за вчерашнее дѣло!
твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
всѣхъ осаждаютъ сторонъ.»

ъ до Рейна отъ замка подземной;
ѣ епископъ дорогою темной
у выйти изъ замка спѣшитъ:
ской башнѣ спасусь!» говоритъ.

ъ Рейнскихъ водъ подымалась;
стрымъ утесомъ казалась,
ъ пѣны торчащимъ, она;
ругомъ ограждала волна.

ю лодку епископъ садится;
причалилъ, дверь заперъ, и мчится
гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
ѣ одинъ затворился онъ тамъ.

ъ стали казалися слиты,
шетками окна забиты,
угунные, каменный сводъ,
келѣзною запертый входъ.

не знаетъ, куда пріютиться;
зажмуривъ глаза, онъ ложится...
ъ испугашъ степаньемъ глухимъ:
ли ярко два глаза надъ нимъ.

онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
угъ грѣшника давитъ и мучитъ;
кошка; невесело ей:
а приближенье мышей.

колѣни епископъ и крикомъ
ятъ въ наступленіи дикомъ.
ступникъ... а мыши плывутъ...
ближе... доплыли... *ползутъ*.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и писком;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

ЗАМОКЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

[изъ Уланда].

Ты видѣлъ ли замокъ на брегѣ морскомъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

«Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ морскомъ;
Сіяла надъ нимъ одиноко луна;
Надъ моремъ клубился холодный туманъ.»

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сливался ли гласъ
Веселаго пѣнья, торжественныхъ струнъ?

«Былъ вѣтеръ спокоенъ; молчала волна;
Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣснь;
Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея.»

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

«Царя и царицу я видѣлъ... Вдвоемъ
Безгласны, печальны сидѣли они;
Но милой ихъ дочери не было тамъ.»

АЛОНЗО.

БАЛЛАДА.

[изъ Уланда].

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ замку Бальби приближался,
Полонъ пѣсней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
Струны звонкія поцѣлуемъ,

Обомлѣетъ, затрепещетъ
И съ альтана взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ замокъ Бальби,
И подъ окнами поетъ онъ
Все, что сердце молодое
Въ тайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсенъ
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожій
Прошепталъ съ лицомъ печальнымъ:
«Не тревожь покоя мертвыхъ;
Спитъ во гробѣ Изолина.»

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова:
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ внезапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ —
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви замка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробѣ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Всѣхъ проникъ внезапный трепетъ:
Оживленная изъ гроба,
Изолина поднялася...

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь внезапно въ жизни,
Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала,

И, не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?...

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ, и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу...

Небеса кругомъ сіяютъ,
Безмятежны и прекрасны...
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безотвѣтн

ЛЕНОРА.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ БЮРГЕРА].

Ленорѣ снился страшный сонъ,
Проснулася въ испугѣ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли
«И вѣренъ ли подругѣ?»
Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой.
Съ музыкой, пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь братной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ?
«Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»
И дочь свою цѣлуетъ.
— О, другъ мой, другъ мой! все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!—

«Прости ее, небесный Царь!
«Родная, помолися;
«Онъ благъ, Его руки мы тварь:
«Предъ нимъ душой смирися.»
— О, другъ мой, другъ мой! все какъ сонъ!..
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ Нимъ мой крикъ былъ тщетенъ...
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.—

«Дитя, отъ жалобъ удержись;
«Смири души тревогу;
«Пречистыхъ Таинъ причастись,
«Пожертвуй сердцемъ Богу.»
— О, другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.—

«Но что, когда онъ самъ забылъ
«Любви святое слово,
«И прежней клятвѣ измѣнилъ,
«И связанъ клятвой новой?
«И ты, и ты объ немъ забудь;
«Не рви тоской напрасной грудь;
«Не стоитъ слезъ предатель;
«Ему судья Создатель.»

— О, другъ мой, другъ мой! все прошло!
Пропавшее пропало!
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало...
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!—

«Небесный Царь, да ей проститъ
«Твое долготерпѣнье!
«Она не знаетъ, что творитъ:
«Ея душа въ забвеньѣ.
«Дитя, земную скорбь забудь:
Ведетъ ко благу Божій путь;
«Смиренным рай награда...
«Страшись мученій ада.»

— О, другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай!
Съ нимъ розно—все мученье!
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая!—

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала...
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
Въ ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали!

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
«Ты ждешь ли друга, спишь ли?
«Меня забыла ты, иль нѣтъ?
«Смѣешься ли, грустишь ли?»
— Ахъ! милый... Богъ тебя принесъ!
А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился...
Ты какъ здѣсь очутился?—

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней...
«Я ѣду издалека.
«Не медли, другъ; сойди скорѣй:
«Путь дологъ, мало срока.»
— На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ...
Побудь со мной на волѣ.—

«Что нужды намъ до тьмы ночной!
«Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ!
«Часы бѣгутъ; конь борзый мой
«Копытомъ землю роетъ;

«Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
«Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
«Не въ пору сонъ и нѣга:
«Сто миль намъ до ночлега.»

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой!
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило!—
«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ...
«Гладка дорога мертвецамъ!
«Мы скачемъ, не боимся:
«До свѣта мы домчимся.»

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный?—
«Далеко онъ... пять, шесть досокъ...
«Прохладный, тихій, темный.»
— Есть мѣсто мнѣ?—«Обоимъ намъ.
«Поѣдемъ! все готово тамъ:
«Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
«Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ-летитъ!
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.
«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ
«Гладка дорога мертвецамъ! [намъ!—
«Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

«Но кто тамъ стопетъ? Что за звонъ?
«Что ворона взбудило?
«По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
«Голосятъ надъ могилой.»
И виденъ ходъ: идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальной,
Какъ вой совы печальной.

«*Зайдите гробъ* въ полночный часъ:
«*Слезамъ теперь* не мѣсто;
«За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
«Зову съ моей невѣстой.
«За мной, пѣвцы! за мной, пастуръ!
«Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
«Намъ дай на обрученье,
«Пастуръ, благословенье.»

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ...
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ!... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.
«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ
«Гладка дорога мертвецамъ! [намъ.—
«Да что же такъ дрожишь ты?»
— О мертвыхъ все твердишь ты!—

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушныхъ рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
«Ко мнѣ! за мной, вы плясуны!
«Вы всѣ на пиръ приглашены!
«Скачу, лечу жениться...
«Ко мнѣ! повеселиться!»

И летомъ, летомъ легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далѣ, далѣ!... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все, какъ тѣнь, и все, какъ сонъ,
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ
«Гладка дорога мертвецамъ! [намъ.—
«Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

ой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
«Я чую, ночь свѣжѣе;
ой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
«Мой конь, несись быстрѣе!..
конченъ путь; исполненъ срокъ;
ашъ близко, близко уголокъ;
«Въ минуту мы у мѣста...
«Пріѣхали, невѣста!»

воротамъ конь во весь опоръ
Іримчавшись, сталъ и топнулъ;
окъ бичомъ стегнулъ затворъ—
Затворъ со стукомъ лопнулъ;
і кладбище видятъ тамъ...
ь быстро мчится по гробамъ;
Іучи лупы сіяютъ,
ругомъ кресты мелькаютъ.

ито жъ, Ленора, что потомъ?
) страхъ!... въ одно мгновенье
окъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
глазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета...
)на въ рукахъ скелета!

ь прянулъ... пламя изъ поздрей
Волною побѣжало;
здругъ... все пылью передъ ней
Расшиблось и пропало.
вой и стонъ на вышинѣ!
крикъ въ подземной глубинѣ!
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой летаетъ,
ись надъ ней, толпа тѣней
И такъ ей припѣваетъ:
ерпи, терпи, хоть ноетъ грудь!
ворцу въ бѣдахъ покорна будь!
«Твой трупъ сойди въ могилу!
«А душу Богъ помилуй!»

ПОКАЯНІЕ.

БАЛЛАДА.

ь папа готовъ литургію свершать,
яя въ святомъ облаченьи,
ргуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Ѣмъ *грѣшникамъ их прегрѣшеньи.*

И папа обрядъ очищенья свершалъ;
Во прахѣ народъ простирался;
И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
Горѣ во святомъ еиміамѣ,
И страхъ соприсутствія Божія былъ
Разлитъ благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочетъ сказать—
Устамъ не покорствуютъ звуки;
Сосудъ живоносный онъ хочетъ поднять—
Дрожащія падаютъ руки.

«Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
«И бремя на немъ святотатства!
«Нѣтъ части ему въ разрѣшеньи моемъ:
«Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

«Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
«Въ душѣ, погубленной отнынѣ;
«И онъ обрѣтетъ осужденье одно
«Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

«Бѣги жъ, осужденный; отвергнись отъ насъ;
«Не жди моего заклинанья;
«Бѣги: да свершу невозбранно въ сей часъ
«Великій обрядъ покаянья.»

Съ толпой на колѣняхъ стоялъ пилигримъ,
Въ простую одѣтъ власяницу;
Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
Далекой отчизны, какъ нищій;
И цѣлые сорокъ онъ дней и ночей
Почти не касался до пищи.

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
Усерднѣй никто не молился...
Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гласъ—
Онъ блѣденъ поднялся и скрылся.

Спѣшитъ запрещенный покинуть онъ Римъ.
Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
Къ Шотландскимъ идетъ онъ горамъ голы-
Къ озерамъ отечества яснымъ. [бым,

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
Въ старинную дѣдовъ обитель:
Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
И ждали, что скажетъ властитель.

По прежній властитель, дотолѣ вождемъ
Ихъ бывшій ко славѣ побѣдной,
Ихъ припялъ съ унылымъ, суровымъ ли-
Съ потухшими взорами, блѣдной! [цомъ,

Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ замокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельникомъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, вѣдомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покрова ни въ холодъ, ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздился, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о *погибшихъ* соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи теплом:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною кленовъ оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ
Багряной горѣлъ онъ громадой. [сіялъ—

По грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса рощи и воды.

Есть мѣсто... туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогой онъ ходитъ;
Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захолустьѣ, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачася лѣниво,
На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заглохшихъ крапивой;

И черны обломки: пожаръ тамъ прошелъ;
Золою, стопившейся въ камень,
И падшею кровлей задавленный полъ,
Рѣшетки, стерпѣвшія пламень.

И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердитъ, пробуждая въ немъ
О тайнѣ сей мрачной пустыни. [страхъ,

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
Округи могучій властитель;
Но нравился болѣ ей скромный вассалъ,
Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
И пастырь надъ ними молился...

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ
Обиды, любви, обезумленъ виномъ,
Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горитъ;
Стенаньямъ смѣется губитель;
Все пышетъ, валится, трещитъ и гремитъ,
И въ пеплѣ святыни обитель.——

Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
На горныхъ вершинахъ сіяло;
Сводъ неба глубокій былъ теменъ и чистъ;
Торжественно все утихало.

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки пѣли хвалебный канонъ,
И было ихъ сладостно пѣнье.

Попрежнему грустенъ, попрежнему дикъ
(Ужъ годы прошли въ покаяньѣ)

о, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
шелъ, погруженный въ молчанье.

ръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
і миротворной красою,
і земли усыпленьемъ святымъ,
ѣздныхъ небесъ тишиною.

хъ его обнималъ теплотой,
лъ ароматъ онъ цѣлебный,
ъ долеталъ издалека порой
льниковъ голосъ хвалебный.

ествомъ, давно позабытымъ, поднялъ
ебо онъ взоръ свой угрюмой,
смотрѣлъ и недвижимъ стоялъ,
нный тайною думой...

ъ содрогнулся—какъ будто о чемъ
номъ онъ вспомнилъ—глубоко
лъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ шу-
лъ, какъ мертвецъ, одиноко. [темъ

пустя, безнадежно унылъ,
нно стиснувши руки,
ъ туда онъ, буда приходилъ
годы вседневно для муки.

ъ... у входа часовни сидитъ
ецъ въ размышленьи глубокомъ:
ценъ лицомъ; на него онъ глядитъ
ающимъ внутренность окомъ.

сказалъ наконецъ онъ: Христосъ
сохрани и помилуй!
нику душу привѣтъ сей потрёсъ,
лучъ воскресенья могилу.

ѣтствуй мнѣ, кто ты? (чернецъ во-
мнѣ повѣдай судьбину; [просилъ)
ты странникъ; быть-можетъ, хо-
шая обѣтъ, въ Палестину? [дилъ,

гробамъ чудотворцевъ святыхъ
приносилъ поклоненье?
ю мощей не принесъ ли какихъ.
ощихъ грѣшнымъ спасенье?

не принесъ я; къ гробамъ не хо-
ающимъ насъ благодатью; [дилъ,
ъ Палестины... но въ Римѣ я былъ,
реданъ навѣки проклятью.»

клятія вѣчнаго нѣтъ для живыхъ:
вѣрный за падшихъ Заступникъ.

Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
Грѣхахъ предо мною, преступникъ.—

«Что сдѣлать невластенъ святѣйшій отецъ,
«Владыка и Божій намѣстникъ,
«Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
«Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?»

— Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ,
Гдѣ вѣдома участь земного.
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
Ужаснаго дѣла ночного.—

При словѣ семъ грѣшникъ на землю упалъ...
Всѣ члены его трепетали...
Онъ исповѣдь началъ... но что онъ сказалъ,
Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ
Смотря сквозь древесныя сѣни; [былъ,
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
Двѣ легкія вѣяли тѣни.

Двумя облачками казались онѣ;
Все выше, все выше взлетали;
И все неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
Во храмѣ свершалъ поминанье.

И пѣньемъ торжественнымъ полонъ былъ
И тихо дымились кадилы, [храмъ,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
Служили небесныя Силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступ-
Пречистыхъ Даровъ причастился, [пилъ,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
Сжалъ набожно руки... и скрылся.

ИСПОВѢДЬ БАТИСТОВАГО ПЛАТКА.

Я родился простымъ зерномъ;
Былъ заживо зарытъ въ могилу;
Но Богъ весны своимъ лучомъ
Мнѣ возвратилъ и жизнь и силу.

И долговязой коноплей
Покинулъ я земное нѣдро;
И былъ испытанъ я судьбой,—
Ненастье зная, зная ведро.

Зной пекъ меня, билъ тяжкій градъ,
И вѣтеръ гнулъ въ свирѣпой злобѣ—
Такъ, что я жизни былъ не радъ
И горевалъ о прежнемъ гробѣ.

Но было и раздолье мнѣ!
Какъ веселился я, бывало,
Когда въ часъ ночи, при лунѣ,
Вокругъ меня все засыпало!

Когда прохладный вѣтерокъ
Меня качалъ, ко мнѣ ласкался,
Когда веселый мотылекъ,
Блестя, на колосъ мой спускался

Но время юности прошло;
Созрѣлъ я—и пошла тревога!
Однако жъ, на землѣ и зло—
Не зло, а только милость Бога.

Пока я цвѣлъ и созрѣвалъ
Съ моими сверстниками въ полѣ—
Я ни о чемъ не помышлялъ,
И думалъ вѣкъ прожить на волѣ.

Но роковой ударилъ часъ!
Вдругъ на поле пришли крестьянки
И вырвали съ корнями пасъ
И крѣпко стиснули въ вязанки.

Сперва насъ заперли въ овинъ,
И тамъ безжалостно сушили,
Потомъ, оставя стволъ одинъ,
Насъ безголовыхъ потопили—

И мяли, мяли насъ потомъ...
Но описать всѣ наши муки
Нельзя ни словомъ, ни перомъ!..
Вотъ мы ткачу достались въ руки —

И обратилъ его челнокъ
Насъ вдругъ, для превращеній новыхъ,
Въ простой батистовый кусокъ
Изъ нитокъ тонкихъ и суровыхъ.

Тогда нежалостливый рокъ
Мнѣ благосклоннымъ оказался:
Я, какъ батистовый *платокъ*,
Княжнѣ Урусовой достался.

По маслу жизнь моя пошла!
[Съ батистомъ масло хоть не ладно,
Но масла муза мнѣ дала,
Чтобъ могъ я выразиться складно]—
О, какъ я счастливъ, счастливъ былъ!
Готовъ въ томъ подписаться кровью:
Княжнѣ Софіи я служилъ
Съ надеждой, вѣрой и любовью.

Но какъ судьба намъ невѣрна!
За радость зло даетъ сторицей!
Вотъ что случилося: княжна
Каталась разъ съ императрицей—

И захотѣла, торопясь,
Остановить она карету...
И я попалъ, несчастный, въ грязь,
А изъ грязи—въ карманъ къ поэту.

И что же? Совѣстный поэтъ
Меня—иной завладѣть не смѣя—
Вдругъ въ лотерею отдастъ!..
Спаси жъ меня, о лотерея!

Спѣши княжнѣ меня отдать,
И, кончивъ тѣмъ мое мученье,
Дай свѣту цѣлому познать,
Что цѣль твоя: *благотворенье!*

КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ САУТИ].

Пять чернецовъ въ далекій путь идутъ;
Но имъ назадъ уже не возвратиться;
Въ отечествѣ имъ болѣ не молиться:
Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
Ты насъ въ своихъ молитвахъ помяни,
А надъ тобой Христосъ съ Пречистой Дѣвой!

Послушай, три пророчества тебѣ
Мы, отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смирись, своей покорствуя судьбѣ.

Въ Марокко мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ въ послѣдній часъ
Прославимъ мы Того, кто самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Коимбру наши грѣшныя тѣла
Перенесутъ: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ мучениковъ доля
Для христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ

исъ двоихъ, король иль ты, умреть
ночь: на утро новый день взойдетъ,
ь очей онъ болѣ не освѣтитъ.

же, королева, Богъ съ тобой!
вно за тебя молиться станемъ,
ы живы; и тебя помянемъ
ночь, когда конецъ настанетъ твой.

ернецовъ, одинъ послѣ другова
ловивъ ее, въ свой путь пошли,
Африку смиренно понесли
ый даръ ученія Христова.

ь Альфонзо, знаетъ ли что свѣтъ
нецахъ? Какая ихъ судьбина?
ъ ли умъ царя Мирамолина
е ихъ? Или уже ихъ нѣтъ?»

ршилося великое ихъ дѣло:
бесную они вступили дверь;
Господомъ стоятъ они теперь
нцѣ, въ одеждѣ мученикова бѣлой.

тѣла, подъ зноемъ, подъ дождемъ,
въ пыли, истерзанны мученьемъ;
ные почтить ихъ погребеньемъ
ютъ, трепеща передъ царемъ.—

ь Альфонзо, изъ земли далекой
намъ о мученикахъ вѣсть?
на ль имъ погребенья честь?
нился ли Мирамолинъ жестокой?»

рѣпый мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
погребенья честнаго истлѣли,
расклевалъ ихъ вранъ иль псы ихъ
съѣли,
ихъ костей земля не приняла.

кіи тамъ молніи пылали;
кій громъ всечасно падалъ тамъ;
пющимъ въ нетлѣніи тѣламъ
съ, ни вранъ коснуться не дерзали.

олинъ, симъ чудомъ пораженъ,
лъ: намъ такіе страшны гости!
ро, братъ мой, взялъ святыя кости;
на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ.—

итари коимбрскіе цвѣтами
ями богатыми блестятъ;
ницы коимбрскія кипятъ
щими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждутъ.

— Пойдемъ, жена моя Урака, время!
Насъ ждутъ; собрался весь духовный чинъ.—
«Поди, король Альфонзо, ты одинъ,
«Я чувствую болѣзни тяжкой бремя».

— Но мощи мучениковъ исцѣлятъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградятъ.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедляй процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой,
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ народомъ.—

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ; все кипитъ народомъ;
Дорога вся—какъ цѣпь людей одна.

«Король Альфонзо, назади со мною
«Не оставайся ты; спѣши впередъ,
«Чтобъ первому, предупредя народъ,
«Почтить святыхъ угодниковъ мольбою.

«Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
«И нуженъ мнѣ хоть мигъ отдохновенья:
«Послѣдую тебѣ безъ замедленья...
«Спѣши жъ впередъ со свитою, мой другъ.»

Немедленно король копю далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ назади остался весь народъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій вепрь имъ путь перебѣжалъ.
Лови! лови! (къ своимъ нетерпѣливый
Кричитъ король) и конь его ретивый
Черезъ поля за вепремъ поскакалъ.

И вепря онъ гонялъ. Той порою
Медлительно во срѣтенье мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь народъ валитъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святыя раки;
Уже онѣ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь народъ.

Но гдѣ жъ король?.. Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ, глядитъ... со свитою своей,
Окончя ловъ, король Альфонзо скачетъ.

«Угодники святые, за меня
«Вступитеся! (она гласитъ, рыдая)
«Мнѣ помоги, о Дѣва Пресвятая,
«Въ послѣдній часъ рѣшительнаго дня.»

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуетъ;
Народъ поетъ; всѣ улицы шумятъ;
Не радостенъ лишь королевинъ взглядъ;
На праздникѣ одна она тоскуетъ.

Проходитъ день, и праздникъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ;
Святымъ мощамъ молился онъ въ слезахъ;
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится...вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣньемъ;
Онъ видитъ: въ храмъ съ молитвой, съ тихимъ пѣньемъ
Толпа гостей таинственныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ неземной,
И свѣтятся преображенны лицы.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять иноковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платья,
И вѣтви пальмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто велъ пришельцевъ незнакомыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою нимъ ведомыхъ.

Предъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалося, свершали погребальный
За упокой души они обрядъ.

Скажите, кто вы? (чудомъ изумленной,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духовникъ)
О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

«Угодниковъ святыхъ ты слышишь гласъ
«Мы братья ихъ, пять чернецовъ смиренныхъ
«Сопричтены за муки въ ликъ блаженныхъ
«Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

«Исполнили мы королевѣ данный
«Обѣтъ: ее теперь возьметъ земля;
«Поди отсель, увѣдомь короля
«О томъ, чему ты зритель былъ избранный.

И скрылось все... Оставивъ храмъ, чернецъ
Спѣшитъ къ Альфонзу съ вѣстію печальной...
Вдругъ тяжко звонъ раздался погребальной:
Онъ королевинъ возвѣстилъ конецъ.

ДВѢ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА.

День былъ ясенъ и тепелъ; къ закату сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ. Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ;
Глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ въ воздушномъ пространствѣ,
Вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки;
Легкими кольцами дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись,
Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали, и тонкой
Струйкой нити вились; Фрицъ работалъ, а Енни
Вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шафкой.
Всѣ молчали: какъ будто ангелъ тихій провѣялъ.
«Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ? Разскажи намъ
Сказку; вечеръ ясный такой; намъ всѣмъ будетъ
Слушать». — Сказку? — старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки

ль:—все бы вамъ сказки! не лучше ль
послушать вамъ были?
ь разскажу вамъ, и быль не одну, а
двѣ. — Опростивши
бку и снова набивъ ее табакомъ, изъ
мошенки
ушка вынулъ огниво и, трутъ на
кремень положивши,
ко ударилъ сталью въ кремень; по-
сыпались искры,
ъ загорѣлся, и трубка опять зады-
милась. Собравшись
ыслями, дѣдушка такъ разсказывать
съ важностью началъ:
ѣти, смотрите, какъ все передъ нами
прекрасно, какъ солнце,
инно съ неба спускаясь, все осыпаетъ
лучами.
ъ золотомъ льется; жатва—какъ
тихое море;
ы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ го-
рятъ; по дорогамъ
ъ и движенье; поднявъ паруса, на-
груженныя барки
ро бѣгутъ по водамъ; а наша при-
ходская церковь.....
ся, какъ огни, межъ темными ли-
пами блещутъ;
гъ мелькаютъ кресты на кладбищѣ,
и въ воздухѣ тепломъ
цы вьются, мошки блестящею пылью
мелькаютъ;
онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жуж-
жаньемъ..... прекраснъ
Господень! сердцу такъ радостно,
сладко и вольно!
ешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ
мірѣ Господнемъ
несчастью? Анъ нѣтъ! и не только
несчастье — злодѣйство
го находитъ въ немъ. Видите ль тамъ,
на высокомъ пригоркѣ,
къ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ
расцвѣтаетъ зеленый
щъ, и солнце его золотитъ, и звон-
кую пѣсню безпечно,
въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ
пастухъ. А на Рейнѣ
Видите ль вы небольшой островокъ? Мо-
лодая изъ кленовъ
Роща на немъ расцвѣла; подъ тѣнью ея
разостлавши
Сѣти, рыбакъ готовитъ свой ужинъ, и
дымъ голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взгля-
нуть, такъ прекрасный
Рай. Ну слушайте жъ: очень недавно,
тамъ на пригоркѣ,
Близко развалинъ замка, стояла гости-
ница, чистый,
Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣской
чернаго вепря.
Въ этой гостиницѣ каждый прохожій въ
то время могъ видѣть
Бѣдную Эми. Подлинно, бѣдная! дико по-
тупивъ
Голову, въ землю глаза неподвижно уста-
вивъ, по цѣлымъ
Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира
на камнѣ.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко
вздыхала;
Жалобъ никто отъ нея не слыхалъ, но,
Боже мой! всякій,
Разъ поглядѣвши ей, бѣдной, въ лицо,
узнавалъ, что на свѣтѣ
Все для нея миновалось: мертвою блѣд-
ностью щеки
Были покрыты, глаза изъ глубокихъ
впадинъ сверкали
Острымъ огнемъ; одежда была въ безпо-
рядкѣ; какъ змѣи,
Черные кудри по голымъ плечамъ раски-
даны были.
Вѣчно молчала она и была тиха, какъ
младенецъ;
Но порою, если случалось, что вѣтеръ
просвищетъ,
Вдругъ содрогалась, на что-то глаза упи-
рала, и пальцемъ
Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ
безумнымъ.
Бѣдная Эми! Такою ль видали ее? Без-
заботно
Жизнью, бывало, она веселилась, какъ
вольная пташка.

Помню и я, и старые гости *чернаго вепря*,
Какъ насъ радушной улыбкой и ласковымъ словомъ встрѣчала
Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ ей друзьями
Были въ нашей округѣ. Кто веселость и живость
Всюду съ собой приносилъ? Кого, какъ любимаго гостя,
Съ криками вся молодежь встрѣчала на праздникахъ? Эми.
Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ былъ? Кого нашъ священникъ
Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ поставлялъ? Кто, шумя, какъ ребенокъ
Рѣзвый, на игрищахъ, былъ такъ набожно тихъ за молитвой?
Словомъ: кто бѣднымъ былъ другъ, за больными ходилъ, съ огорченнымъ
Плакалъ, съ дѣтьми игралъ, какъ дитя? Все Эми, все Эми.
Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротивъ. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и красивъ; но худые
Слухи носились объ немъ: онъ съ людьми недобрыми зналъ;
Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шинкахъ, за картами, кто былъ
Первый? Брандъ. Колдовствомъ ли какимъ онъ понравился Эми,
Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на землѣ испытанье.
Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, здѣсь въ страданьяхъ очистившись, прямо
Въ рай перешла,—не знаю, но Эми была ужъ невѣстой
Бранда, и всѣ жалѣли объ ней. Ну, послушайте жъ: вечеръ
Былъ осенній и бурный; въ гостиницѣ *чернаго вепря*
Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало въ каминѣ.
«Что за погода!—сказалъ одинъ.—Не раздолье ль въ такую
«Бурю сидѣть у огня и слушать, какъ вѣтеръ холодный
«Рвется въ окошницы?»—Правда, другой отвѣчалъ: ни за что бы
Я теперь отсюда не вышелъ; ужасъ, не буря
Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна, что хоть оба
Выколи глаза; плохо тому, кто въ дорогѣ! — «Желалъ бы
«Знать я, найдется ль такой удалецъ, чтобъ теперь въ тотъ старинный
«Замокъ сходить? Онъ близко, шаговъ съ три сотни, не болѣ;
«Но, признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
«Время пойти туда, гдѣ, быть-можетъ, въ потемкахъ
«Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя — извините; съ живыми
«Сладить можно, а съ мертвымъ и смѣлость не въ пользу; храбрися,
«Сколько угодно душѣ, а что ты сдѣлаешь, если
«Вдругъ предъ тобою длинный, блѣдный, сухой, съ костяными
«Пальцами станетъ, и два ужасные глаза упрутся
«Дико въ тебя, и ты ни съ мѣста, какъ камень? А въ этомъ
«Замкѣ, всѣ знаютъ, нечисто; и въ тихую ночь тамъ не тихо;
«Что же въ бурю, когда и мертвецъ повернется въ могилѣ?»
— Страшно, правда! а я объ закладъ побьюся, что наша
Эми не струситъ и въ замокъ одна одинешенька сходитъ. —
«Бейся, пробьешь.»—Изволь, по рукамъ! ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть къ свадьбѣ? Сходи же
Въ замокъ, и вѣтку намъ съ клена, который между обломковъ
Тамъ растетъ, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвыхъ и бреднямъ не вѣришь. Согласна ли, Эми?—«Согласна,
Эми сказала съ усмѣшкой.—Бояться тутъ нечего, развѣ
Бури; а противъ ночныхъ привидѣній защитой молитва.»

Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины были
Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, какъ черныя горы, задвинувъ
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входитъ безъ всякаго страха въ средину развалинъ;
Кленъ недалеко; вдругъ вѣтеръ утихъ на минуту; и Эми
Слышитъ, что кто-то идетъ живой, а не мертвый; ей стало
Страшно.... слушаетъ.... Вѣтеръ снова поднялся и снова
Стихъ, и снова послышалось ей, что идутъ; въ испугѣ
Къ грудѣ развалинъ прижалася Эми. Въ это мгновенье
Вѣтромъ раздвинуло тучи, и мѣсяцъ очистился. Что же
Эми увидѣла? Два человѣка—двѣ черныя тѣни —
Крадутся между обломковъ и тащатъ мертвое тѣло.
Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного сорвалася
Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ прикатилась; а мѣсяцъ
Въ ту минуту пропалъ и все опять потемнѣло.
— Стой! (послышался голосъ) шляпу вѣтромъ умчало.
«Послѣ отыщешь; прежде окончимъ работу: зароемъ
Кладъ свой!» другой отвѣчалъ, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглавъ пустилась къ гостинницѣ Эми. Блѣдпѣе
Смерти, въ двери вбѣжала она, и долго промолвить
Слова не въ силахъ была; отдохнувъ, наконецъ разсказала
То, что ей въ замкѣ привидѣлось. «Вотъ обличитель убійцамъ!»
Шляпу поднявши, громко промолвила Эми; но тутъ же
Въ шляпу всмотрѣлась.... «Ахъ!» и упала на полъ безъ чувства:
Брандово имя стояло на шляпѣ. Мнѣ нечего болѣ
Вамъ разсказывать. Въ этотъ мигъ помутился разсудокъ
Бѣдной Эми. Господь милосердый недолго страдать ей
Далъ на землѣ: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видѣли столбъ съ колесомъ на пригоркѣ близъ замка: прохожимъ
Онъ приводилъ на память и Бранда и бѣдную Эми.
Все исчезло теперь, и гостиницы нѣтъ! лишь могилка
Бѣдной Эми цвѣтетъ, какъ цвѣла, и надъ нею спокойно.—
Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выколачивать трубку.
Внучки также молчали и съ грустью смотрѣли на церковь:
Солнце играло на ней, и темныя липы бросали
Тѣнь на кладбищѣ, гдѣ Эми давно покоилась въ гробѣ.
— Вотъ вамъ другая быль, сказалъ, опять раскуривши
Трубку, старикъ. Каспаръ былъ бѣденъ. Къ буйной, развратной
Жизни привыкъ онъ, и сердце въ немъ сдѣлалось камнемъ. Но жаднымъ
Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Каспаръ. На злодѣйство
Трудно ль рѣшиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Такъ и случилось. Каспаръ на ночную добычу
Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ? Вдоль берега вьется
Противъ этого острова, мимо утеса, дорожка.
Тамъ, у самой дорожки, подъ темнымъ утесомъ, въ ночное
Позднее время Каспаръ засѣлъ и ждалъ: не пройдетъ ли
Кто-нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освѣщенный
Полной луной островокъ отражался въ водѣ, и густые

Клены, глядясь въ нихъ, стояли тихо,
какъ черныя тѣни;
Все покоилось.... Волны изрѣдка въ берегъ
плескали,
Въ листьяхъ журчало, и пѣлъ соловей.
Но злодѣйскимъ
Замысломъ полный, Каспаръ не слыхалъ
ничего; онъ иное
Жадным ъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ
напослѣдокъ онъ слышитъ:
Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій
прохожій.
Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ берлоги, Каспаръ; и недолго
Длилась борьба между ними: бѣдный путникъ съ тяжелымъ
Стономъ упалъ на землю, зарѣзанный.
Мертвое тѣло
Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ
кровавыя руки;
Брызнули волны, раздавшись подъ трупомъ, и снова слились
Въ гладкую зыбь; все стало попрежнему
тихо, и сладко
Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ беззаботно съ добычей
Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не
было; совѣсть молчала.
Скоро истратилъ разбойникъ добытое
кровью, и скоро
Голымъ сталъ онъ попрежнему. Годы
прошли; объ убійствѣ,
Кромѣ Бога, никто не провѣдалъ; но слушайте далѣ.
Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ гостинницѣ. Входитъ
Старый знакомецъ его, арендарь Веньяминъ; онъ садится
Подлѣ Каспара; онъ крѣпко, крѣпко задумчивъ; и вправду,
Было о чемъ призадуматься: денно и
ночно работалъ,
Честно жилъ Веньяминъ, а все понапрасну: тяжелый
Крестъ достался ему: семью имѣлъ онъ
большую;
Всѣхъ одѣнь, напой, накорми.... а чѣмъ?
и вдобавокъ
Новое горе постигло его; жена отъ тяжелой
Скорби слегла въ постель, и деньги пошли
за лѣкарство;
Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже,
да хуже; и часто
Нечего ѣсть; жена молчитъ, но таетъ,
какъ свѣчка;
Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ, остальное помѣщикъ
Въ домѣ силою взялъ, въ уплату за долгъ,
и изъ дома
Выгнать грозился. Эта бѣда съ Веньяминомъ случилась
Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ гостинницѣ встрѣтилъ.
Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола;
опершись на колѣно
Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ
онъ, какъ мертвый.
«Что съ тобой, Веньяминъ,—спросилъ Каспаръ.—Ты какъ будто
«Въ воду опущенъ. Послушай, сосѣдъ,
не распить ли намъ вмѣстѣ
«Кружку вина? Веселѣе на сердцѣ будетъ;
отвѣдай.»
Кружку взялъ Веньяминъ и выпилъ.
—Тяжко приходитъ
Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и
хилыя кости
Не на чемъ ей успокоить: злодѣи послѣднюю взяли
Нынче постелю. А дѣти—Господи Боже
мой! лучше бъ
Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ
нынѣшней ночью
Въ замокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ
на мягкихъ подушкахъ,
Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ.... а
я, воротяся
Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что
найду тамъ? Бездушный!
Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ?
У него ли
Мало добра?.... Пускай же Всевышній
Господь на судилищѣ страшномъ
Такъ же съ нимъ немилостивъ будетъ
какъ онъ былъ со мною! ——
Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился,
какъ злой искуситель;

Въ кружку сосѣду вина подливалъ онъ,
и скоро зажегъ въ немъ
Кровь, и потомъ изъ гостиницы вышелъ
съ нимъ вмѣстѣ. Ужъ было
Поздно. «Сосѣдъ,—Веньямину онъ тихо
шепнулъ:—господинъ твой
«Нынѣшней ночью одинъ въ свой замокъ
поѣдетъ; дорога
«Близко, она пуста; а мщенье, знаешь
ты, сладко.»
Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ;
но тяжкая бѣдность,
Горе семьи, досада, хмѣль, темнота, обольщенье
Словъ коварныхъ.... довольно, чтобъ слабое сердце опутать.
Такъ ли, не такъ ли, по вотъ пошелъ
Веньяминъ за Каспаромъ;
Противъ знакомаго острова сѣли они подъ
утесомъ,
Близко дороги, и ждутъ; ни одинъ ни
слова; не смѣютъ
Вслухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ
окружала
Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало
на небѣ,
Листъ едва шевелился, безъ ропота волны
лилися,
Все покоилось сладко, и пѣлъ соловей.
Душа Веньямина
Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣсть проснулась, и онъ содрогнулся.
— Нечего ждать, онъ сказалъ; ужъ поздно;
уйдемъ; не придетъ онъ. —
«Будь терпѣливъ,—злодѣй возразилъ:—
пождемъ и дождемся.
«Долѣ зато дожидаться его возвращенья
придется
«Въ замкѣ женѣ; да будетъ напрасно ея
нетерпѣнье.»
Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ
груди Веньямина;
Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ:—
теперь прояснилась
Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу
оставаться! —
«Что ты?—воскликнулъ Каспаръ.—По*слушался совѣсти*; бредитъ.
«Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто
глухое;
«Кто насъ увидитъ?» Морозъ подралъ
Веньямина по кожѣ.
— Кто насъ увидитъ? А развѣ нѣтъ свидѣтеля въ небѣ?—
«Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной
темнотѣ не примѣтитъ
«Насъ ни земной, ни небесный свидѣтель.» Тутъ неоглядкой
Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И
въ это мгновенье
Темное небо яркимъ, страшнымъ лучомъ
раздвоилось;
Все кругомъ могильная мгла покрывала;
на томъ лишь
Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ,
было, какъ въ ясный
Полдень, свѣтло. И вотъ предъ глазами
его повторилось
Все, что онъ нѣкогда тутъ совершилъ во
мракѣ глубокой
Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ
упавшаго въ воду
Трупа; онъ черный трупъ на волнахъ
освѣщенныхъ увидѣлъ;
Волны раздвинулись, трупъ нырнулъ въ
нихъ, и все потемнѣло....
Дѣти, долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ
утесомъ, какъ дикій
Звѣрь, гнѣздился Каспаръ сумасшедшій.
Не вѣдалъ онъ крови;
Былъ безобразенъ: лицо—какъ кора, глаза
—какъ два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцахъ—
какъ черные когти,
Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой,
изможденный,
Чахлый, всѣ ребра наружу, онъ въ страхѣ
все жался къ утесу,
Все какъ будто хотѣлъ въ немъ спрятаться, и все озирался
Смутно кругомъ; но порою вдругъ выбѣгалъ, и на небо
Дико уставивъ глаза, шепталъ: *онъ видитъ! онъ видитъ!*—
Дѣдушка, былъ досказавъ, посмотрѣлъ
усмѣхаясь на внучекъ.

— Что же вы такъ присмирѣли?—спросилъ онъ.—Видно разсказъ мой
Былъ не на шутку печаленъ? Постойте жъ, я кое-что вспомнилъ,
Что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ. Слушайте. Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ. Городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей. Заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай — удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: «чей это домъ, въ которомъ такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?» Но видно прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то-есть не зналъ ни полслова;
Какъ бы то ни было, *каннитферштанъ!* отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: *не могу васъ понять*. Простодушный
Нѣмецъ напротивъ вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о комъ онъ спрашивалъ. «Видно богатъ не на шутку
Этотъ *Каннитферштанъ!*» сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань—
Новое диво! тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего,—такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но, наконецъ, на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Ость-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы,
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ; и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: «какъ назывался
Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало?» Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:
Каннитферштанъ! «Опять! смотри пожалуй! Какой же
Этотъ *Каннитферштанъ* молодецъ! Мудрено ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ, и разставить въ горшкахъ золоченныхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?» Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только-что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ *Каннитферштанъ*, какъ вдругъ передъ нимъ—погребенье.

Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный,
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: «конечно покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?»
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и, вздохнувши, сказалъ онъ:
«Бѣдный, бѣдный *Каннитферштанъ!* отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не то же ль, что рано иль поздно
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ».—И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, *когда опустили*
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о *Каннитферштанѣ*, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣсной могилѣ.

ДѢТСКІЙ ОСТРОВЪ.

Какъ весело, весело!
Опять собрались мы
Подъ свѣтлыми сѣнями
Завѣтнаго острова!
Вкругъ свѣта оплавайте—
Нигдѣ не найдете вы
Подобнаго острова!
Не море широкое
Шумя разливается
Вкругъ нашего острова;
Не бездной глубокою
Отрѣзанъ отъ твердыхъ онъ
Береговъ матерой земли.
Къ ней крѣпко привязанный
Канатомъ хранительнымъ,
Всегда намъ доступенъ онъ;
И плотикъ съ веслами,
Безъ вѣтра попутнаго,
Безъ паруса, кормщика,
На островъ привозитъ насъ—
Увозитъ насъ съ острова...
У нашего острова
О бурѣ не слыхано!
И воды окружныя
При вѣтрѣ порывистомъ
Едва покрываются
Чешуйкой блестящею,
Какъ будто ласкаяся
Къ зеленому берегу.

22 іюля.

ОСТІОВЪ.

Цвѣтетъ и расцвѣтаетъ
Мой милый островокъ,

Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листами
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядятъ, какъ будто очи
Блестящія небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы,
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ радость;
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша младость
Играетъ съ нами тамъ.

ПЕРИ.

Передъ дверію Эдема
Пери тихо слезы льетъ:
Никогда не возвратиться
Кй въ утраченный Эдемъ!
Внемлетъ гласъ она знакомый:
То, блаженствуя, поютъ
Херувимы славу Бога...
Такъ пѣвала и она!

Свѣтлый ангелъ, стражъ Эдема
На печальную воззрѣлъ;
Онъ сказалъ ей: «Упованье!
Не навѣкъ погибла ты.
Полети на землю, Пери—
Возвратися отъ земли
Съ даромъ, сладостнымъ для неба...
И отворится Эдемъ.»

Пери быстро полетѣла;
Облетаетъ небеса;
Облетаетъ поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вотъ предъ нею пышный Гангесъ,
Онъ катится по лугамъ,
Но луга облиты кровью,
И кипитъ на нихъ война.

Грозны воины Махмуда
Разорили тѣ страны—
И послѣдній ихъ защитникъ
Ужъ врагами окруженъ.
Лукъ съ послѣднею стрѣлою
Держитъ онъ въ своей рукѣ...
—«Покорись, и дамъ пощаду!»
Говоритъ ему Махмудъ...

На своихъ сраженныхъ братій
Юный воинъ указалъ,
И отвѣтствовалъ не словомъ,
А свистящею стрѣлой.
Но впервые измѣнила
Неизбѣжная стрѣла...
И безстрашный подъ мечами
Палъ, но палъ свободнымъ онъ.

Пери къ юношѣ слетаетъ
И, надъ мертвымъ наклонясь,
Каплю крови, за свободу
Проліянныя, беретъ.
И она къ дверямъ Эдема
Понесла прекрасный даръ;
Ангелъ принялъ даръ прекрасный...
Но дверей не отворилъ.

Пери снова полетѣла:
Облетаетъ небеса,
Облетаетъ поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вотъ предъ нею храмъ Балбека;
Межъ обломками его
На цвѣтахъ сидитъ младенецъ,
Самъ прекрасный, какъ цвѣтокъ.

Смотритъ Пери: близъ младенца
Путникъ, съ сумрачнымъ лицомъ—
У ручья остановился
Пламя жажды утолить.
На челѣ его глубоко
Жизнь морщины провела,
И тяжелой думой совѣсть
Отразилась страшно въ нихъ.

На младенца онъ уставилъ
Неподвижно мрачный взоръ...
Вдругъ раздался съ минаретовъ
Гласъ вечернія мольбы.
На колѣни сталъ младенецъ,
Руки набожно сложилъ,
И съ молитвою невинной
Взоръ поднялъ на небеса.

Сердце мертвое злодѣя
Потряслось при видѣ семъ,
И росою умиленья
Оживилося оно.
Близъ невиннаго младенца
Онъ съ молитвой палъ во прахъ—
И раскаянія слезы
Полилися изъ очей.

Пери слезы тѣ святыя
Жадно въ руку приняла,
И съ слезами покаянья
Полетѣла къ небесамъ...
Райски двери отворились
Сами радостно предъ ней—
И торжественное пѣнье
Огласило небеса.

22 августа.

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

ПОВѢСТЬ.

[ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ.]

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Кипятся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Здѣсь по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ! — говорятъ: — посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу;
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти
Въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель.
Слава ему!»—И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говоритъ начинаетъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родосса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить.» — Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: первый
Рыцарскій долгъ есть покорность. — «И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ, сынъ мой, ты нарушилъ: ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить.» — «Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ,

Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: *дерзай!* и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
«Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
«Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
«Грозныхъ чудовищъ разить; по дерзкою силой искусство,
«Мужествомъ мудрость должны управлять.» И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ, вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, къ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое бронеи чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ.
Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но, наконецъ, побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ приталъ я къ Родоссу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и, ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.

Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня; гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ и се въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ святыхъ причастился: потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу
Душу мою и поѣхалъ Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли поздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи онъ грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ всемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечомъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула черпымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся оземь и, тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.»
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздались
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали.—
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный

Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй, отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ Всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ орденъ священный;
Тамъ, облачася крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ — удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ.»
Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи: онъ твой, онъ награда смиренью.»

СУДЪ БОЖІИ.

ПОВѢСТЬ.

[ПОДРАЖАНІЕ ШИЛЛЕРУ].

Былъ непорочень душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Савериской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна
Свойствомъ, тиха въ обращеньи была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра, до поздней ночи, всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой господжа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣніе:
«счастьемъ завиднымъ
«Богъ наградилъ васъ, графъ государь: онъ далъ вамъ въ супругѣ
«Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ ангелъ
«Божій, прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спокойно:

«Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться
къ ней.» Заблистали
Грозно у графа глаза.—Что смѣешь ты
бредить?—сказалъ онъ.
—Женская вѣрность слово пустое; на ней
опираться
То же, что строить на зыбкой водѣ; берегися, какъ хочешь:
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньи:
Кто помыслитъ дерзнетъ о женѣ Саверискаго графа!—
«Правда, — коварно отвѣтствовалъ Роберть:—подобная дерзость
«Только безумному въ голову можетъ зайти.
Лишь презрѣнья
«Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,
«Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
«Въ сердцѣ развратномъ желанья таить.»
—Что слышу!—воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва.—О комъ
говоришь ты? И живъ онъ?—
«Всѣ объ немъ говорятъ, государь; а я
изъ почтенья
«Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно,
молчалъ: что самимъ вамъ
«Въ тайнѣ угодно держать, то должно и
для насъ быть священной
«Тайной.»—Злодѣй, говори!—въ изступленьи ужасномъ воскликнулъ
Графъ.—Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ
правды! Кто этотъ
Дерзкій? —«Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ,
лицомъ миловиденъ
(Такъ шипѣлъ предательски Роберть, а
графа бросало
Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ). Возможно ль, чтобъ сами
«Вы не видали того, что каждому видно?
За нею
«Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной,
забывая
«Все, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
«Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ
любовью преступной.
«Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается
«Въ нѣжной любви.»—Признается! — «И
даже молитъ о взаимномъ
«Чувствѣ дерзаетъ. Конечно, графиня, по
кротости сердца,
«Скрыла отъ васъ, государь, безуміе
такое, и самъ я
«Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ:
чего вамъ страшиться?»
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила
его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной
палатѣ:
Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ
адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава,
кипя, клокотало;
День и ночь работники тамъ суетились
вкругъ горновъ,
Пламя питая; взвивалися вихрями искры;
свистали
Страшно мѣхи; колесо подъ водою средь
брызжущей пѣны
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный,
гремя неумолкно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ.
Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ:—исполните въ точность
Волю мою; того, кто первый придетъ къ
вамъ и спроситъ:
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?
безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ
не осталось.—Съ свирѣпымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать
графскому слову.
Души ихъ были суровѣй желѣза; рвенье
удвоивъ,
Начали снова работать они и, убійствомъ
заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый паушникъ
позвалъ Фридолина.

Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ,
не медля ни мало,
Въ лѣсъ войти и спросить отъ меня у
литейщиковъ: все ли
Сдѣлано то, что я приказалъ?—Исполнено
будетъ,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ
ужъ идти, но подумавъ:
Можетъ-быть, дастъ ему и она порученье
какое—
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа;
не угодно ль
Будетъ и вамъ, чего приказать?—Ему съ
благосклоннымъ
Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой,
къ обѣднѣ хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ;
сходи, помолися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ,
то покайся.
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ;
и еще изъ деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ звонкимъ
Голосомъ звалъ христіанъ на молитву.
Отъ встрѣчи Господней
Ты уклоняться не долженъ, сказалъ
онъ и въ церковь съ смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ
церкви пусто и тихо:
Жатва была, и всѣ поселяне работали
въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто
не явился,
Быть на время обѣдни прислужникомъ
въ храмѣ. *Господу Богу*
Прежде свой долгъ отдай, потомъ господину. Съ такою
Мыслью усердно онъ началъ служить:
священнику ризы,
Столу и *Синтумъ* подалъ; потомъ приготовилъ святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ
умиленно
Долгъ исправлять министранта: и тамъ
и тутъ на колѣни,
Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро
Провозглашаемо было великое *Sanctus;*
когда же
Тайну священникъ свершилъ, предстоя
алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя-Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то
возвѣстилъ и смиренно
Палъ на колѣни предъ Господомъ, въ грудь
себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что
уставлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Напослѣдокъ, окончивши службу святую,
Громко священникъ воскликнулъ: *vobiscum*
Dominus, вѣрныхъ
Благословилъ; и церковь совсѣмъ опустѣла;
тогда онъ,
Все въ порядокъ приведши,—и чаши, и
ризы, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и
вдобавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ.
Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ горномъ,
Черны отъ дыма, стоятъ два работника.
Къ нимъ обратясь,
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ, онъ
спросилъ. И, оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали
на пламень
Горна. «Онъ тамъ! (прошепталъ сиповатый
ихъ голосъ) какъ должно,
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ». Съ
такимъ ихъ отвѣтомъ обратно
Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его
издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ.—Несчастный!
откуда идешь ты?—
«Изъ лѣсу прямо.» — Возможно ль? ты
вѣрно промѣшкалъ въ дорогѣ.—
«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ,
графъ государь; повелѣнь-

«Ваше принявъ, у моей госпожи, по обыч-
ному долгу,
«Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и
ея приказанья?
«Выслушать въ церкви обѣдню она при-
казала. Исполнивъ
«Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе
ваше.»
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи
мнѣ,—спросилъ онъ:—
Что отвѣчали тебѣ?—«Непонятенъ отвѣтъ
былъ. Со смѣхомъ
«Было на горнъ мнѣ указано. Тамъ онъ!
(сказали) какъ должно,
«Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ!»—
А Робертъ?—спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ.—Ты съ нимъ не встрѣ-
чался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ.—«Государь, ни въ лѣсу, ни въ
полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
«Роберта.»—Ну,—вскричалъ уничтожен-
ный графъ, опустивши
Въ землю глаза.—Самъ Богъ рѣшилъ пра-
восудный!—И, съ кроткой
Лаской за руку взявъ Фридолина, съ нимъ
вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ и ей (хотя сокровен-
наго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, пред-
ставляя
Милаго юношу, робко предъ ними скло-
нившаго очи:
Онъ, какъ дитя, непорочень; нѣтъ ангела
на небѣ чище;
Врагъ коваренъ, но съ нимъ Господь и
всевышнія Силы.

СКАЗКА

О ЦАРѢ БЕРЕНДѢѢ, О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

Жилъ былъ царь Берендей *до колѣнъ бо-
рода*. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи
съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то
прискорбно.
Нужда случилась царю осмотрѣть свое го-
сударство:
Онъ простился съ царицей и восемь мѣ-
сяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣ-
сяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на
полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; раз-
били палатку;
Душно стало царю подъ палаткой, и смерть
захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было без-
водно...
Какъ быть, что дѣлать? А плохо прихо-
дить; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется
на счастье
Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ ко-
лодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него:
онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на по-
верхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за
ковшикъ—не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За ян-
тарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою,
то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; по ручка, проворно виляя и
вправо и влѣво,
Только что дразнитъ царя и никакъ не
дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши
время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа
и слѣва—
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши,
какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на
поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бы-
валъ. Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя!—и,
недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и
струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что
въ водѣ утонулъ

Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трястъ, вертитъ головою—
Держитъ его да и только. «Кто тамъ? пустите!» кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь».
Царь подумалъ: чего жъ я не знаю? я, кажется, знаю
Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
«Ладно!—опять сиповатый послышался голосъ:—смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа».
Съ этимъ словомъ исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,
Только ужъ вотъ онъ близко столицы; навстрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ—
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ царицей
Рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный, какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ.
«Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ;
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ... Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку, и, горе
Скрывъ про себя, попрежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣтили, что крѣпко
Царь былъ печаленъ—онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и спа не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ
Росъ не по днямъ—по часамъ; и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ, наконецъ, и царь Берендей о томъ, что случилось,
Вовсе забылъ... но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами
Тоже зелеными. «Здравствуй, Иванъ Царевичъ,—сказалъ онъ:—
Долго тебя дожидался мы; пора бы насъ вспомнить».

—Кто ты?—Царевичъ спросилъ. — «Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, долгокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья».—И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ же Царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.
— Батюшка царь-государь, — говоритъ онъ:—со мною случилось
Чудо.—И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. «Бѣда, мой сердечный
Другъ, Иванъ Царевичъ!» воскликнулъ онъ, горько заплакавъ.
«Видно, пришло намъ разстаться!..» И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ.—Не плачь, не крушися, родитель,—
Такъ отвѣчалъ Иванъ Царевичъ:—бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду, а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама государыня-матушка. Если жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня.—Снарядили, какъ должно,
Въ путь Ивана Царевича. Далъ ему царь золотыя
Латы, мечъ и коня вороного; царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали... съ Богомъ поѣхалъ
Въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго солнце
Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло; вода наравнѣ съ берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый
Берегъ и частый тростникъ—и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростника не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ Царевичъ смотритъ, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ; рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ Царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, оземь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выйти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ...

Жалко стало Ивану Царевичу. Вотъ онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: Иванъ Царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся. Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ Царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и, краснѣя,
Руку ему подастъ и, потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: «благодарствуй,
Добрый Иванъ Царевичъ, за то, что меня ты послушалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, по и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья Царевна;
Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея царя, упади на колѣни,
Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ— не пугайся;
Станетъ ругаться — не слушай; ползи да и только; что послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ.—И Марья Царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня, и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ Царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза, какъ два изумруда; руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ Царевичъ. Кощей же затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи Царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ Царевичъ къ престолу;
Царь шумитъ, а Царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ
Стало царю и смѣшно: «добро ты, проказникъ, сказалъ онъ,
Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то [illegible] тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ
Къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое послушанье
Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Нынѣ ужъ поздно; поди». Тутъ два придворныхъ проворно
Подъ руки взяли Ивана Царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постелю, и скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по утру
Царь Кощей къ себѣ Ивана Царевича кликнулъ
«Ну, Иванъ Царевичъ,—сказалъ онъ:— теперь мы посмотримъ

Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регулярный
Садъ, и въ саду пруды съ карасями; если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нѣтъ, то прошу не пенять... головы не удержишь!»—
Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ Царевичъ подумалъ,
Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй! Съ тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ пригорюнясь; ужъ вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла—и слышитъ онъ голосъ: впусти! Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей Царевной.—Здравствуй, Иванъ Царевичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался?—«Нехотя будешь задумчивъ,—сказалъ онъ:—
Батюшка твой до моей головы добирается.»—Что же
Сдѣлать рѣшился ты?—«Что? Ничего. Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь».—
Нѣтъ, мой милый Иванъ Царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать; а завтра поранѣе встань; ужъ дворецъ твой построенъ
Будетъ; ты жъ только ходи съ молоткомъ, да постукивай въ стѣну.—
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ каморки
Вышелъ Иванъ Царевичъ... глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хитрецъ не на шутку,—
Такъ онъ сказалъ Ивану Царевичу:—вижу, ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь догадливъ.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь
Три раза мимо пройти, и къ третій мнѣ разъ безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью Царевну, узнать; не узнаешь—
Съ плечъ голова; Поди».—Ужъ выдумалъ, чучела, мудрость,
Думалъ Иванъ Царевичъ, сидя подъ окномъ. Не узнать мнѣ
Марью Царевну... какая жъ тутъ трудность?—А трудность такая,
Молвила Марья Царевна, пчелкой влетѣвши:—что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью
Можетъ насъ различать.—«Ну что же мнѣ дѣлать?»—А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья.—И пчелка исчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана Царевича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза.—Ну, искусникъ,—
Молвилъ Кощей:—изволь-ка пройтиться три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ

Марью Царевну. Пошелъ Иванъ Царевичъ; глядитъ онъ
Въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ
Въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ въ другой разъ—все мошки
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ—крадется мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то подъ нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ:
«Вотъ она, Марья Царевна!» сказалъ онъ Кощею, подавши
Руку красавицѣ съ мошкой. — Э! Э! да тутъ, примѣчаю,
Что-то не чисто, Кощей проворчалъ, на царевича съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узналъ ты
Марью Царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость;
Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
Будетъ горѣть та соломинка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво; да только
Знай напередъ: не сошьешь—долой голова; до свиданья.
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ Царевичъ, а пчелка
Марья Царевна ужъ тамъ.—Отчего опять такъ задумчивъ,
Милый Иванъ Царевичъ? спросила она.—«Поневолѣ
Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку; шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы многихъ
Этихъ безсмертныхъ».—Иванъ Царевичъ, да что же ты будешь
Дѣлать?—«Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ, съ собакой! какая мнѣ нужда!»
— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся,
Иль вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать. ужъ другого
Способа нѣтъ.—Такъ сказавъ, на окошко Марья Царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ Царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключомъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потомъ, они поднялись и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
То же озеро, низкій берегъ, муравчатый [illegible] свѣжій
Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро [illegible] гуляетъ
Конь Ивана Царевича. Только почуялъ [illegible] могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, запрыгалъ и помчался
Прямо къ нему и, примчавшись, какъ вкопанный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ Царевичъ, не думая долго,
Сѣлъ на коня, царевна за нимъ, и пустились стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ
Слугъ доложить Ивану Царевичу: что-де такъ долго
Мѣшкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходятъ:
Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери имъ слюнки

Словно какъ самъ Иванъ Царевичъ, от-
вѣтствуютъ: *буду*.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ
къ Кощею;
Ждать, подождать, Царевичъ нейдетъ; по-
сылаетъ въ другой разъ
Тѣхъ же пословъ разсерженный Кощей, и
та же все пѣсня:
Буду; а нѣтъ никого.— Взбѣсился Кощей.
«Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь
разломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтив-
ца!»—Бросились слуги...
Двери разломаны... вотъ тебѣ разъ; никого
тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости
не лопнулъ.
Ахъ! онъ воръ окаянный! люди! люди!
скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ!.. я всѣхъ пере-
вѣшаю, если
Онъ убѣжитъ!.. Помчалась погоня...—Мнѣ
слышится топотъ,—
Шепчетъ Ивану Царевичу Марья Царевна,
прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ
съ коня и, припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: «скачутъ и
близко».—Такъ медлить
Нечего,—Марья Царевна сказала, и въ ту
же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ Царевичъ
желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а
большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ.
Быстро погоня
Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ
примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мости-
ка виденъ;
Далѣ жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится
на три дорога.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились ра-
зумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ
услышавъ.

«Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они!
догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ
былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!»... Опять помчалась погоня...
— Мнѣ слышится топотъ,—
Шепчетъ опять Ивану Царевичу Марья
Царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла и, припавши ухомъ
къ землѣ, говоритъ ей:
«Скачутъ и близко».—И въ ту же минуту
Марья Царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ Царевичемъ, съ ними
и конь ихъ, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ: въ лѣсу томъ дорожекъ,
тропинокъ числа нѣтъ;
Но лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя сѣ-
доками несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися
къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились
въ догонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ
Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними ска-
четъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну только бъ схватить;
анъ нѣтъ, не дается.
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево
царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились
въ погоню; и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пу-
стыми руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣп-
ная собака,
Началъ метаться Кощей.—«Вотъ я жъ его
плута! коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня
отвертится!»
Снова Ивану Царевичу Марья Царевна
тихонько
Шепчетъ:—мнѣ слышится топотъ—и снова
онъ ей отвѣчаетъ:
«Скачутъ и близко».— Бѣда намъ! Вѣдь это
Кощей, мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница его
кончается:

Далѣе жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ. Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами.—Послушавшись Марьи Царевны, снимаетъ
Съ шеи свой крестъ золотой Иванъ Царевичъ, и въ руки
Ей подаетъ, и въ минуту она обратилася въ церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню— и въ ту же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. «Не видалъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной?» онъ спросилъ у монаха.—Сейчасъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ Царевичъ съ Марьей Царевной; входили
Въ церковь они—Святымъ помолились, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ поклониться,
Если ко мнѣ ты заѣдешь.—«Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!»
Крикнулъ Кощей, и, коня повернувъ, какъ безумный, помчался
Съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же Царевичъ съ своею
Марьей Царевной поѣхали далѣ, уже не бояся
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось
Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану Царевичу смерть захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать.—Иванъ Царевичъ,—сказала
Марья Царевна:—не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце
Поетъ во мнѣ: бѣда приключится.—«Чего ты боишься,
Марья Царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ».—Заѣхать нетрудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь
Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь остороженъ: царь и царица и дочь ихъ царевна
Выдутъ навстрѣчу тебѣ, и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру, и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги
Буду тебя дожидаться я три дни: когда же на третій
День не придешь... но прости, поѣзжай.— И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ Царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья Царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій—
Нѣтъ Ивана Царевича. Бѣдная Марья Царевна!
Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли и
Встрѣтить его и царь, и царица, и дочь ихъ царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки, какъ ясныя звѣзды; и бросился прямо
Въ руки Ивану Царевичу; онъ же его красотою
Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать; и въ эту минуту затмилась
Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ Царевнѣ.
Горе взяло ее. «Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ
Не зачѣмъ болѣ». И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья Царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
«Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ

Кто-нибудь въ землю меня», сказала она,
и росники
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали.
Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у
дороги увидѣлъ;
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно
онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ
той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ—а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано; нѣтъ
нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой—а обѣдъ
ужъ состряпанъ и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися, и
ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему
напослѣдокъ
Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки
старушки
Началъ совѣта просить, что дѣлать. «А вотъ
что ты сдѣлай,—
Такъ отвѣчала ему ворожейка:—встань ты
до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и
въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ
твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой.
Что будетъ, увидишь.»
Цѣлую ночь напролетъ старикъ пролежалъ
на постелѣ,
Глазъ не смыкая. Заря занялася, и стало
въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ и началъ
летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось,
повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ.
Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ
платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица
Марья Царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ
возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ Царевичъ прекрасный,
Бросилъ меня, и я имъ забыта.—«Иванъ
твой Царевичъ
Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ, и гости
Съѣхались всѣ». — Заплакала горько
Марья Царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ, въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ
на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и
фартукахъ бѣлыхъ;
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья Царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ и сладкимъ, какъ флейта,
Голосомъ молвила:—поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана Царевича.—Поваръ,
Запятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда
онъ увидѣлъ
Марью Царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ
привѣтливымъ взглядомъ:
«Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все,
что угодно,
Дѣлай; Ивану Царевичу самъ поднесу я
пирогъ твой.»
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости,
какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ,
Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ
Царевичемъ, гости

Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ Царевичъ—новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по̀ столу ходитъ; голубка за нимъ, и воркуетъ:
«Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ Царевичъ забылъ о Марьѣ Царевнѣ!»
Ахнулъ Иванъ Царевичъ, то слово голубки услышавъ;
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью
Марья Царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный, пляшетъ.
Нечего медлить: поѣхалъ Иванъ Царевичъ съ своею
Марьей Царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ
Въ царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли ихъ съ веселъемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать, честнымъ пиркомъ, да за свадебку: съѣхались гости,
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

СКАЗКА.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
—Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь:
У тебя родится дочь.—
«Благодарствуй, добрый ракъ;
«Не ждала тебя никакъ...»
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ конечно былъ пророкъ,
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ
(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано).
«Что жъ тутъ дѣлать? Царь сказалъ,
Такъ и быть!» И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собралися пировать
Гостьи, званныя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь въ золотѣ ходить;
«Будешь чудо красоты;
«Будешь всѣмъ на радость ты
«Благонравна и тиха;
«Дамъ красавца жениха
«Я тебѣ, мое дитя,

гвоя пройдетъ шутя,
накомыхъ и родныхъ...»
десять молодыхъ
ь, одаривъ
я наперерывъ,
ь: въ свой чередъ
няя идетъ;
она сказать
а слова—глядь!
ля стоитъ
евной и ворчитъ:
я не была,
рокъ принесла:
надцатомъ году
чаешь ты бѣду;
ъ возрастѣ своемъ
веретеномъ
ешь, мой свѣтъ,
ль во цвѣтѣ лѣтъ!»
зши такъ, тотчасъ
крылася изъ глазъ;
наяся тамъ
олвила: «не дамъ
ти ругаться ей
ревною моей;
то не смерть, а сонъ;
лѣтъ продлится онъ:
азначенный пройдетъ,
на оживетъ;
долго въ свѣтѣ жить;
внуки веселить
съ нею мать, отца
ого ихъ конца».
гостья. Царь груститъ:
сть, не пьетъ, не спитъ:
смерти дочь спасти?
итобъ отвести,
ь такой указъ:
ется отъ насъ
емъ царствѣ сѣять ленъ,
сучить, чтобъ веретенъ
было въ домахъ:
корѣй, какъ можно, пряхъ
зъ царства выслать вонъ».
давъ такой законъ,
ить и ѣсть и спать,
жить да поживать,
олѣ, безъ заботъ.
одятъ: дочь растетъ;

Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ:
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ...
Что-то, что-то будетъ съ ней!
Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
Дай, сказала наконецъ,
Осмотрю я нашъ дворецъ.
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Восходитъ вверхъ, и видитъ тамъ,
Старушоночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушоночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
«Веретенцо, не лѣнись;
«Пряжа тонкая, не рвись;
«Скоро будетъ въ добрый часъ
«Гостья жданая у насъ».
Гостья жданая вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла, и въ мигъ оно
Укололо руку ей...
Все исчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ:
Все утихнуло кругомъ;
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ,
И съ царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ
Мухи сонныя сидятъ;

У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Сонным пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ;
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда слѣда—
И приблизиться бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.
Вотъ ужъ полный вѣкъ протёкъ;
Словно не жилъ царь Матвѣй—
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ),
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили—но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный, страшный боръ
Ни старикъ, ни молодой,
За царевной ни погой.
Время жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній, царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ;
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ, онъ видитъ, теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
«Разскажи про этотъ боръ
«Мнѣ, старинушка честной!»
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ-давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь
Какъ со всякимъ то жъ, да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.
Былъ дѣтина удалой,
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры вонзилъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпор
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ.
Что жъ явилося очамъ
Сына царскаго? Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой:
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Плящутъ, блещутъ мотыльки:
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;

Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ наконецъ
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье—чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ:
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопанный сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ *волшебный* овладѣлъ
Прежде сна *простого* имъ:
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ,
И, упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу:
Приближается къ крыльцу:
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ идти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь наверхъ загороженъ.
Какъ же быть? подумалъ онъ,
Гдѣ пробраться во дворецъ?
Но рѣшился наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ:
Пышно все, но всюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ,
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя, лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ
Пламя сонное очей;
Ночи темныя темнѣй,
Заплетенные косой
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
Грудь, какъ свѣжій снѣгъ, бѣла;
На воздушный, топкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ;
Губки алыя горятъ;
Руки бѣлыя лежатъ
На трепещущихъ грудяхъ:
Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
Ножки—чудо красотой.
Видомъ прелести такой
Отуманенъ, распаленъ,
Неподвижно смотритъ онъ:
Неподвижно спитъ она.
Что жъ разрушитъ силу сна?
Вотъ, чтобъ душу насладить,
Чтобъ хоть мало утолить
Жадность пламенныхъ очей,
На колѣни ставши, къ ней
Онъ приблизился лицомъ:
Распалительнымъ огнемъ
Жарко рдѣющихъ ланитъ
И дыханьемъ устъ облитъ,
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она:
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ;
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися, ведетъ
Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ песъ;
На конюшнѣ свой овесъ
Доѣдаетъ добрый конь;

Поваръ дуетъ на огонь,
И треща огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ царевной наконецъ
Сходитъ съ верху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
Но усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

РУССКАЯ ПѢСНЬ

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

[НА ГОЛОСЪ «ГРОМЪ ПОБѢДЫ РАЗДАВАЙСЯ!»].

Раздавайся громъ побѣды!
Пойте пѣснію старины:
Бились храбро наши дѣды;
Бьются храбро ихъ сыны.

Пробуждай, вражда, измѣну!
Подымай знамена, бунтъ!
Не прорвать вамъ нашу стѣну,
Нашъ желѣзный русскій фрунтъ!

Мы подъ тѣми же орлами;
Тѣ же съ нами знамена;
Ляхъ, бунтующій предъ нами,
Помнитъ русскихъ имена.

Гдѣ вы? гдѣ вы? Строемъ станьте!
Проситъ боя русскій крикъ.
Въ стѣну слейтесь, тучей гряньте,
Грудь на грудь и штыкъ на штыкъ.

Нѣтъ врага... но здѣсь Варшава!
Развернися, русскій станъ!
Братья, слышите ли? Слава!
Бьетъ на приступъ барабанъ.

Съ Богомъ! Часъ ударилъ рока,
Часъ ожиданный давно.
Сборъ гремитъ—а издалека
Русь кричитъ: Бородино!

Чу! какъ пламенныя тромбы,
Поднялися и летятъ
Наши мстительныя бомбы
На кипящій бунтомъ градъ.

Что намъ ваши палисады!
Здѣсь не нужно лѣстницъ намъ!
Мы штыки вонзимъ въ ограды
И взберемся по штыкамъ.

Спи во гробѣ, Забалканскій!
Честь тебѣ! Стамбулъ дрожалъ!
Путь твой кончилъ Эриванскій,
И на грудь Варшавы сталъ.

«Эриванскій! князь Варшавы!»
Кликъ одинъ во всѣхъ устахъ.
О, какъ много русской славы
Въ сихъ волшебныхъ именахъ!

За Араксомъ паши грани;
Арарата чудный плѣнъ,
И орлы средь Эривани,
И разгромъ варшавскихъ стѣнъ.

Споръ рѣшенъ! дана управа!
Пала бунта голова!
И святая наша слава,
Слава русская жива!

Соберитесь подъ знамена,
Братья, долгъ свой сотворя!
Возгласите славу трона,
И поздравьте съ ней царя.

На него надежна вѣра:
Въ мирный часъ—онъ въ душу лье—
Пламень чистаго примѣра;
Въ часъ бѣды—онъ самъ впередъ!

Славу, взятую отцами,
Сбережетъ онъ царски намъ,
И съ своими сыновьями
Нашимъ дастъ ее сынамъ.

РУССКАЯ СЛАВА.

Святая Русь, славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!
Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ...
Но вышелъ Святославовъ сынъ,
И поднялъ знамя благодати.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой:

вослѣдъ бѣжали гладъ и моръ:
грабежъ и мщенье были славой:
усскихъ русскихъ кровь текла;
ъ половчанинъ безъ страха;
и грады кучей праха;
ь бѣдою поросла...
сь въ бѣдѣ крѣпка была
і великой Мономаха.

ра: татаринъ злой шагнулъ
убежъ хранительныя Волги;
все: народъ, терпя, согнулъ
одъ стыдъ мучительный и долгій!
тнымъ Русь давя ярмомъ,
къ носился въ край изъ края:
ась въ прахъ глава святая
й подъ ханскимъ топоромъ...
тала Русь передъ врагомъ.
ва грянула Донская.

ра: коварный, вражій ляхъ
кій тронъ накликалъ Самозванца;
ъ все: и Русь въ его цѣпяхъ,
позвать дерзнула чужестранца;
ла русская земля;
ихъ напомнилъ плѣнъ татарскій:
шенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
гамъ презрѣннымъ короля...
икнулъ Мининъ, и съ Кремля
рокинулъ князь Пожарскій.

ра: привелъ къ намъ рати шведъ:
ретью ихъ бѣжали мы толпами;
далась наука намъ побѣдъ;
ихъ мы нашими костями;
удная была пора:
лецъ и бунтовщикъ лукавый
лись вырвать знамя славы
укъ могучаго Петра...
ло русское *ура!*
ъ имъ съ пушками Полтавы.

ра: Екатерининъ вѣкъ.
ожила вся древней Руси слава,
когда громилъ Царьградъ Олегъ,
Дунай подъ лодкой Святослава.
лкъ, Чесма, Кагульскій бой,
во градѣ Леонида,
новленная Таврида.
Измаила роковой.

И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ
И Араратъ, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ ляхъ на пиръ кровавый;
Но пиръ былъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ...
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный моръ
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятежники знамена посрамили;
Явился ЦАРЬ: ихъ облилъ страхъ;
Губители оцѣпенѣли.
Но гдѣ жъ ОНЪ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
Они воззрѣть, и пали въ прахъ?...
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ ОНЪ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ ангелы слетѣли.
Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Сномъ непорочности ночія,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
ОТЕЦЪ твой будетъ честь царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

СКАЗКА.

[ОТРЫВОКЪ].

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про
мышей и лягушекъ.

Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть исподлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Вприпрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ, какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: «какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!»
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно. Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку, провѣдать,
Кто незваные гости; когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся, когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши и
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
«Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите жъ,—
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ:— никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый.»
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ.
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,

спилъ бодро впередъ и ждалъ ска-
куновъ; и какъ скоро
ка съ своими къ болоту приблизился:
«здравствуй, почтенный
ь,—сказалъ онъ ему:—прошу не взы-
скать, что безъ спросу
й воды напился я; мы всѣ отъ
охоты устали;
то же время здѣсь никого не нашлось;
благодарны
, мы вамъ за прекрасный напитокъ;
и сами готовы
ымъ добромъ за ваше добро запла-
тить: благодарность
добродѣтель возвышенныхъ душъ.»
Удивленный такою
ю рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка:
—милости просимъ
амъ, благородные гости; нашъ царь,
о прибытіи вашемъ
ивъ, весьма любопытенъ узнать:
откуда вы родомъ,
вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ
сюда пригласить васъ
имъ на бесѣду. Рады мы очень, что
вамъ показалась
по вкусу вода: а платы не тре-
буемъ; воду
лъ Господь для всѣхъ на потребу,
какъ воздухъ и солнце.—
я шубка учтиво отвѣтствовалъ: «цар-
ская воля
ъ исполнена; радъ я къ его вели-
честву съ вами
гѣ пойти, но только сухимъ путемъ,
не водою;
ать я не умѣю; я царскій сынъ и
наслѣдникъ
гва мышинаго.» Въ это мгновенье,
спустившись съ пригорка,
Квакунъ со свитой своей прибли-
жался. Царевичъ
я-шубка, увидя царя съ такою
толпою,
олько струсилъ: ибо не вѣдалъ,
доброе ль, злое ль
у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался
зеленымъ
Платьемъ, глаза на-выкатъ сверкали, какъ
звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ
Бѣлая-шубка,
Вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣ-
дилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь
благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ:—любезному
гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ
дальняго, вѣрно,
Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать
не случалось.—
Бѣлая-шубка, царю поклоняся опять, на
зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь
продолжалъ:—разскажи намъ
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и
откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно,
когда не таяся
Правду всю скажешь: я царь и много
имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогого
гостя дарами.—
«Нѣтъ никакой мнѣ причины,—отвѣтство-
валъ Бѣлая-шубка:—
Царь-Государь, утаивать истину. Самъ я
породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой,
отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь
Долгохвостъ Ириній
Третій; владѣетъ пятью чердаками, на-
слѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ рас-
ширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети
ветчины
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ
царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью
бѣлую-шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ
приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя
Долгохвоста,

Петръ Долгохвостъ, по прозванію *Хватъ*.
Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ, молодыхъ мышенятокъ,
Бѣгало по полю взапуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ, какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы;
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: «ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ—добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай». Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай Богъ ноги; но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налились;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ запутывалъ.—Видишь,
Левъ-государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ.—И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня ничего: я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою овца, съ овцою голодный
Волкъ, собака съ волкомъ, съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подчасъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.»
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.

—Гость дорогой,—сказалъ онъ ему:—признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта!
Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза!
Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали.—
«Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ.
Вотъ напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же сдуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались; въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только-что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было пѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ!
Открылся въ подполѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на-выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышонкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко накрѣпко мнѣ запретили

Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ вымощенный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрекъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и вилястъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ собирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ, и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись.
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Трескуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ.—Тебя помиловалъ Богъ,— онъ сказалъ мнѣ:—
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ.—
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подполье
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово

Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ
нашъ подпольный
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ;
такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ
маятникъ, стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на
поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья;
глядимъ мы, и вправду
Котъ Мырлыка въ ветчинѣ виситъ на
бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы;
какъ палка
Вытянутъ весь; и спина и хвостъ, и
переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ
не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мур-
лыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, по-
гулялъ; погуляемъ
Нынче и мы». И шесть смѣльчаковъ
тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины
лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись
въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только
къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися
когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ
по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ.
Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ;
мертвецъ—да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему
подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за
хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погро-
зитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у
него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень.—Берегите-
сь,— тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мур-
лыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ
ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него улпела),—берегите-
сь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ
безъ веревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него.—
То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись.—Смѣйтесь,
чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять:—а я не
товарищъ
Вамъ.—И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ
своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы при-
нялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить.
Наконецъ, поустави,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ
мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ,
на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ
надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и
вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка котъ
сибирскій,
«Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы
какъ у турка:
«Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ,
за то и повѣшенъ,
«Радуйся, наше подполье!»... Но только
успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ
покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная
травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ,
а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободран-
нымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной
мордой; иному

Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу; но премудрый
Крыса Опуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

. . . . . .

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВУ.

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчно юный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.

Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ геній вдохновенья
Всегда крылатый стережетъ.

Державина струнамъ родныя, пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ.

Ты намъ воспѣлъ: «какъ буйные титаны,
«Смутившіе Астреи нашей дни,
«Ея орломъ низринуты, попраны;
«Въ прахъ! въ прахъ! рекла... и гдѣ они?»

И нынѣ то жъ, пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы руку подаешь.

Я помню дни—магически мечтою
Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ—
Тогда, явясь, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзіи поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ:
«Наступитъ ли и мнѣ чреда?»

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ не земной,
Онъ, для меня живое Провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный Ангелъ обиталъ...

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы:
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

А ты цвѣти, пѣвецъ, нашъ вдохновитель,
Младый душой подъ снѣгомъ старыхъ дней:
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

ДВѢ ЗАГАДКИ.

I.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему—онъ прочь стремится,
И въ то же время недвижимъ:
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

II.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ:
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая
И умирать имъ не дано.
Онѣ одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юности ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь—*овенъ* прекрасный;

Ихъ сторожитъ огромный *песъ*;
Есть *левъ* межъ ними неопасный
И *дѣва*—чудо изъ чудесъ.

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

Зелень нивы, рощи лепетъ,
Въ небѣ жаворонка трепетъ,
Теплый дождь, сверканье водъ,
Васъ назвавши, что́ прибавить?
Чѣмъ инымъ тебя прославить,
Жизнь души, весны приходъ?

ПѢСНЯ.

Къ востоку, все къ востоку
Стремленіе земли—
Къ востоку, все къ востоку
Летитъ моя душа;
Далеко на востокѣ,
За синевой лѣсовъ,
За синими горами
Прекрасная живетъ.

И мнѣ въ разлукѣ съ нею
Все мнится, что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мнѣ она явилась
Когда-то въ древни дни,
Что мнѣ объ ней остался
Одинъ блаженный сонъ.

* *
*

Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ
Являлась каждою весной,
При первомъ жаворонковъ пѣньѣ,
Младая дѣва-красота.
Откуда гостья прилетала
И кто была—не знали тамъ.
Она, какъ милый сонъ, являлась,
Какъ милый пропадала сонъ!
Одушевительная благость
Ея—счастливила сердца,
Но видъ небесно-величавый
Благоговѣнье пробуждалъ.
И всѣмъ она цвѣты дарила,
Не обдѣляя никого; —
Сѣдой старикъ и отрокъ юный
Всѣ милый получали даръ.
Когда случайно ей встрѣчалась
Чета любовниковъ младыхъ,
Имъ подавала, улыбаясь,
Она избранный лучшій цвѣтъ...

ПѢСНЯ.

Розы расцвѣтаютъ—
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ зимой непастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцвѣтетъ.

Розы расцвѣтаютъ—
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой расцвѣтетъ.

* *
*

Тронься, тронься, пробудись!
Милый мраморъ, оживись!
Образъ сладостный, безъ жизни —
Пламенѣй огнемъ души!..

* *
*

Я на тебя съ тоской гляжу.
Въ груди огонь, въ душѣ молчанье.
Хочу сказать... Но что скажу?
О, другъ, пойми мое молчанье!
Тиха любовь къ тебѣ моя:
Она всѣхъ чувствъ успокоенье,
Хранитель-геній бытія,
Души надежда и спасенье.

* *
*

Чего ты ждешь, мой трубадуръ?
Тебя невѣрная забыла.
Напрасно здѣсь ее искать:
Ея здѣсь нѣтъ, она далеко.
Навей на арфу кипарисъ:
Увяла роза упованья;

Пой муку сердца и любви:
Ты, трубадуръ, навѣкъ безъ милой!

«Я позабытъ! покинутъ я!
Кому теперь на свѣтѣ вѣрить?
Пойдемъ, пойдемъ въ кровавый бой;
Пускай паду на полѣ чести.
Жить безъ нее, жить безъ любви—
Такая жизнь тяжелѣ смерти.
Пусть знаетъ свѣтъ, что трубадуръ
Погибъ съ тоски, погибъ отъ милой!»

ПѢСНЬ БЕДУИНКИ.

Въ степь за мной послѣдуй, царь!
Трона тамъ ты не найдешь,
Но найдешь мою любовь,
И въ младой моей груди
Сердце полное тобой!

Я твоя, когда твой взоръ
Для меня одной горитъ
Первымъ пламенемъ любви...
Будь чиста твоя любовь,
Какъ рождающійся ключъ.

Если жъ, царь, ты для меня
Сердце, вѣрное тебѣ,
Оскорбилъ и пренебрегъ...
Не ходи за мною въ степь!
Не мути моей души!

МЕЧТА.

Всѣмъ владѣетъ обаянье!
Все покорствуетъ ему!
Очарованнымъ покровомъ
Облачаетъ міръ оно;
Сей покровъ непроницаемъ
Для затменныхъ нашихъ глазъ;
Самъ спадетъ онъ. Съ упованьемъ,
Смертный, жди, не испытуй.

ПРИМѢЧАНІЯ.

На кончину ея величества королевы Виртемберг ской. [Элегія].

Вел. кн. *Екатерина Павловна* (1788—1819) была четвертою дочерью Павла Петровича и любимой сестрой импер. Александра I. Въ 1808 г. Франціей сдѣланы были дипломатическія предложенія о бракѣ великой княжны съ Наполеономъ; но предложенія эти были отклонены, по настоянію княжны, — и въ слѣдующемъ году Ек. Павловна вступила въ бракъ съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ. Екатерина Павловна вмѣстѣ съ мужемъ поселилась въ Твери, и здѣсь при ея дворѣ Карамзинъ читалъ императору Александру отрывки изъ своей *Исторіи*. По предложенію вел. княгини, Карамзинымъ была написана и его знаменитая *Записка о Старой и Новой Россіи*, — которая Ек. Павловной была передана государю... Въ 1812 г. супругъ Екатерины Павловны скончался; спустя четыре года, въ 1816 г. она вступила во второй бракъ съ наслѣдникомъ принцемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ, въ томъ же году занявшимъ Виртембергскій престолъ; спустя три года, въ 1819 г. неожиданно послѣдовала смерть великой княгини.

Я съ благодарностью сердечной извѣщаю...

Едва ли настоящее стихотвореніе, какъ и два слѣдующихъ, не было обращено къ гр. *А. Вл. Бобринской*, которая лѣтомъ 1819 г. жила въ Павловскѣ, устраивала у себя нерѣдко балы, и въ домѣ которой Жуковскій въ это время часто бывалъ за-просто. Предполагаютъ, что у гр. Бобринской онъ познакомился и съ родителями гр. С. А. Самойловой, къ которой обращены нѣкоторыя изъ нижеслѣдующихъ, относящихся къ этому же году, стихотвореній поэта.

Циркулярное посланіе къ чувствительнымъ сердцамъ...

Совершенно тожественный текстъ читаемъ въ бумагахъ поэта, въ И. П. Б-кѣ (папка № 26), также въ автографѣ почти бѣловомъ, съ собственноручно же написаннымъ на оборотѣ слѣдующимъ заглавіемъ-адресомъ: *„Циркулярное посланіе къ чувствительнымъ сердцамъ, въ которомъ изображается горестное состояніе нѣкоего стихотворца, принужденнаго употребить собственныя двѣ ноги для путешествія въ жаркое время на званый обѣдъ и желающаго перемѣнить сіе горестное состояніе на радостное и роскошно прокатиться въ императорской линейкѣ, услаждаясь въ ожиданіи земного обѣда небеснымъ завтракомъ разговора съ любезными грація̀ми двора ихъ императорскихъ величествъ и высочествъ."*

Цвѣтъ завѣта.

Время написанія стихотворенія указывается самимъ авторомъ въ письмѣ къ Максимовичу, при посылкѣ къ нему этого стихотворенія. Относительно содержанія стихотворенія поэтъ замѣчаетъ въ томъ же письмѣ къ Максимовичу:

„Посылаю вамъ для вашего „Кіевлянина" мой старый еще неизвѣстный стихотворный грѣхъ. Эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснить для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны по желанію, на заданный предметъ, и получили бы особенный интересъ, если бъ можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарій. Теперь же они безъ интереса для читателя: и, посылая ихъ вамъ, доказываю только мою готовность исполнить ваше желаніе—пріютить меня въ вашемъ альманахѣ"... „Комментарій" этотъ даетъ А. И. Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вяземскому: „Посылаю тебѣ — пишетъ онъ — стихи Жуковскаго, написанные по заказу великой княгини. Она же дала и тему на нѣмецкомъ: „Ländler Gras"; у нѣмцевъ—цвѣтъ завѣта. Чего не выразитъ чародѣй Жуковскій! Въ семъ „Цвѣтѣ" соединяется воспоминаніе прошедшаго съ таинственностью будущаго. Онъ часто означаетъ какую-нибудь эпоху или минуту жизни, напримѣръ, свиданіе или разлуку. Знаменованіе его скорѣе понять, нежели объяснить можно. Но намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ"... Вел. кн. Александра Ѳеодоровна, супруга наслѣдника престола Николая Павловича и ученица Жуковскаго—условилась съ своей сестрой присылать другъ другу первые весенніе цвѣты, которые каждая изъ нихъ увидитъ... Подъ новымъ „товарищемъ" (въ 10 строфѣ) разумѣется в. кн. Александръ Николаев., которому въ это время было годъ съ нѣсколькими мѣсяцами. Отвѣчая на это письмо, Вяземскій дѣлаетъ дополно мѣткую характеристику всей поэзіи Жуковскаго и ея превосходства сравнительно съ произведеніями Дмитріева, Мерзлякова: „Знаешь ли, что въ Жуковскомъ вѣрнѣйшая примѣта его чародѣйствія? — Способность, съ которою онъ себя, т. е. поэзію, переноситъ во всѣ недоступныя мѣста. Для него дворецъ преобразовывается въ святыню, все скверное очищается передъ нимъ; онъ говоритъ помазаннымъ слушателямъ: „Хорошо, я буду говорить вамъ, но по-своему!" и эти помазанные его слушаютъ. Возьми его *Славянку*, стихи къ великой княгинѣ *На рожденіе*, стихи на смерть другой... *Цвѣтокъ* (Цвѣтъ завѣта) его прелестенъ. Былъ ли такой языкъ до него? Нѣтъ! Зачинщикомъ ли онъ новаго у насъ поэтическаго языка? Какъ думаете вы, ваше высокопревосходительство, милостивый государь Иванъ Ивановичъ, вы, у коего умъ прохолодилъ душу, а душа, не совсѣмъ остывшая, ему на зло согрѣваетъ умъ, вы, который вообще правильный и образцовый стихотворецъ, а иногда порывами и поэтъ? Какъ думаешь ты о томъ, пуншевая стеклянка, не постигающая тайны языка стихотворнаго, но посвященный на тайны поэзіи, ты, который пропилъ

всѣ свои поэтическія пожитки въ „Бесѣдѣ“ московской, Аполлономъ разжалованный Мераляковъ? Что вы ни думали бы, а Жуковскій васъ переживетъ. Пускай языкъ нашъ и измѣнится, нѣкоторые цвѣтки его не повянутъ. Стихотворныя красоты языка могутъ со временемъ поблекнуть, поэтическія — всегда свѣжи, всегда душисты. Въ старомъ цвѣтникѣ французовъ Маротъ еще благоухаетъ и понынѣ“...

Въ альбомъ жены О. Н. Глинки, на смерть крестника.

С. Н. Глинка (1775—1847), извѣстный издатель „Русскаго Вѣстника“; Жуковскій, однако, не раздѣлялъ его ultra-патріотическихъ увлеченій... Въ одномъ изъ писемъ къ А. И. Тургеневу, Жуковскій, упоминая объ Олеаріи, замѣчаетъ: „Я желалъ бы имѣть его. Я его читалъ, но хочу нѣсколько разъ почитать то, что онъ пишетъ о русскихъ. Хотя, признаться, онъ и не очень привѣтливъ, но я не думаю, чтобы онъ выдумывалъ, и, вопреки Глинкѣ, начинаю быть увѣреннымъ, что нынѣшнее время лучше старины, даже и со стороны нравственности. Грубость не есть чистота нравовъ“... (Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 69). „Я очень далекъ отъ восхищенія à la Glinka“ — замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ (Ib., стр. 81).

Къ Столыпину.

Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (1778—1825), впослѣдствіи сенаторъ, принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени.

Праматерь внукѣ.

Въ изд. 1849 г. отнесено къ 1818 г., хотя здѣсь же, въ примѣчаніи, указывается: „Стихи сіи написаны на первое причащеніе ея имп. выс. в. кн. Маріи Николаевны“. Вел. кн. Марія Николаевна, впослѣдствіи герцогиня Лейхтенбергская, род. 6 августа 1819 г., † 9 февр. 1876 г.

Гр. О. А. Самойловой.

Софья Александровна Самойлова (род. въ 1797 году) воспитанница Екатерининскаго института, затѣмъ фрейлина императрицы. 1818-й годъ вмѣстѣ съ императрицей проводитъ за границей, возвращается оттуда къ 1819 году, лѣто 1820 г. проводитъ въ Павловскѣ,—а осенью этого же года дѣлается невѣстой гр. А. Б. Бобринскаго, за котораго и выходитъ замужъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года. Кн. Вяземскій даетъ слѣдующую характеристику гр. Самойловой: „Она была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности... Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой она была фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Императрица Александра Ѳеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею, часто видалась и вела постоянную переписку... Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнью, домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственною дѣятельностью; она, такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проницательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились немногіе, но избранные“...

(Ост. Арх. I, 469).

Начало знакомства съ С. А. Самойловой Жуковскаго, повидимому, относилось къ 1819—1820 гг. „Съ ея родителями,—замѣчаетъ г. Кульманъ:—онъ могъ познакомиться у гр. Бобринской, у которой онъ часто бывалъ, и которая лѣтомъ 1819 года устраивала въ Павловскѣ много баловъ...“ Графиней Самойловой поэтъ нашъ, повидимому, сильно увлекся лѣтомъ 1820 года между гр. Самойловой и поэтомъ произошло даже, повидимому, какое-то объясненіе. Въ „запискахъ“ своихъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій 8 октября 1820 года замѣчаетъ: „При отъѣздѣ моемъ Жуковскій, какъ сказывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. Въ бытность твою здѣсь, пишетъ онъ дочери, ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканію его дружбы ея она не отвѣтствовала, и заявленіе его къ ней дружбы приписала, какъ видно, другому чувствованію, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Какъ доведено было до этого и что далѣе имъ было сказано, я знаю; но на эти слова, она, сказываетъ,—молчала, и будто показались у ней на глазахъ слезы. Какъ ты это растолкуешь? По мнѣнію К. И., отъ которой я это слышалъ,—онъ это говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule.—А буде она подлинно плакала, то мнѣ кажется отъ досады.—И подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай, ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ!“ (Хроника недавней старины, СПБ., 1876, стр. 241—242. Ср. Кульмана, „Извѣстія“ V, стр. 1115).

Не безъ основанія г. Кульманъ сближаетъ съ этимъ новымъ романическимъ эпизодомъ въ жизни поэта нѣкоторые намеки его въ *посланіи къ Оболенской*, — гдѣ поэтъ между прочимъ рисуетъ идеалъ своей жены...

Къ гр. Шуваловой.

Графиня *Ек. П. Шувалова*, вышедшая впослѣдствіи замужъ за гр. Шлиффена (Schliffen), была фрейлиной вел. кн. Александры Ѳеодоровны.

Подробный отчетъ о лунѣ.

Печатаемъ по изд. 1849 г. — гдѣ къ стихотворенію присоединено авторомъ слѣдующее *примѣчаніе:*

„Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государынѣ императрицѣ угодно было дать замѣтить поэту красоту ночи, и онъ, исчисливъ разныя, прежде имъ сдѣланныя, описанія луны, признается въ стихахъ своихъ, что ни которая изъ этихъ описанныхъ лунъ не была столь прелестна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія рощи и воды...“

Письмо въ стихахъ къ А. Г. Хомутовой. [Благодарю васъ всей душой...].

Напеч. было лишь по смерти автора въ „Отеч. Зап.“, 1855, № 1, — съ слѣдующимъ примѣчаніемъ отъ редакціи:

„Полученіемъ этихъ стихотвореній мы обязаны любезной снисходительности Анны Григорьевны Х.....й, къ которой они написаны по слѣдующему случаю. Въ 1820 г., на вечерѣ у графини Б., Василій Андреевичъ Жуковскій увидѣлъ и просилъ дать ему прочесть какую-то нѣмецкую книгу, въ которой много говорилось о мертвецахъ, привидѣніяхъ, предчувствіяхъ и проч. Пріятельница графини Б., Анна Григорьевна, бывшая тутъ, на другой день напомнила графинѣ о просьбѣ Василія Андреевича и, запечатавъ книгу, написала на конвертѣ, вмѣсто адреса, слѣдующіе стихи:

Pourquoi toujours par des fantemes
Voulez vous effrayer les hommes.
Notre tenebreux enchanteur?
Il suffit que votre génie
Les fasse tous mourir d'envie
Sans les faire mourir de peur.

Жуковскій отвѣчалъ на нихъ стихами же:

Благодарю васъ всей душою, и проч.

Кромѣ того, имѣя отъ кого-то порученіе переслать Аннѣ Григорьевнѣ траурную матерію для платья, онъ прибавилъ въ PS:

Я честь имѣю вамъ послать, и проч.

Подлинникъ этихъ стихотвореній хранится у Анны Григорьевны Х.....й?—*Ред.*“ („Отеч. Зап.“, 1855, янв., стр. 1—2).

Къ кн. Ѳ. Голицыну.

Каталони (Cataloni, по мужу Valabrèque), знаменитая итальянская пѣвица († 1849), имѣвшая необычайный успѣхъ въ Парижѣ, Лондонѣ,—бывшая и у насъ, въ Россіи. Въ 1806 г., въ Лондонѣ, ея гонораръ за одинъ сезонъ въ театрѣ достигъ небывалой для того времени суммы—180 тысячъ франковъ. „Я не очень здоровъ, пишетъ Карамзинъ Дмитріеву, въ іюнѣ 1820 г., паъ Царскаго Села—однако жъ слушаемъ Каталони, здѣсь и въ Павловскомъ. Прекрасное, удивительное пѣніе!.." (Письма къ Дмитріеву, стр. 290, 0135).

Къ кн. А. Ю. Оболенской.

Къ ней же.

Гр. *Анр. Юрьевна Оболенская* († 15 февр. 1829) была дочь Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго; въ 1815—1823 гг. жила въ Москвѣ,—лѣтомъ 1820 года пріѣзжала въ Петербургъ, къ отцу. Мужъ ея, кн. А. П. Оболенскій, былъ губернаторомъ въ Калугѣ. Ему принадлежитъ значительная часть „Записокъ", вошедшихъ въ „Хронику недавней старины". (СПБ., 1876).

Посланіе къ В. А. Перовскому.

Василій Алексѣевичъ Перовскій (род. въ 1795 г.; ум. въ 1857), впослѣдствіи графъ, былъ побочнымъ сыномъ графа А. К. Разумовскаго. Старшій братъ его, Алексѣй Алексѣевичъ, больше извѣстенъ подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ: Антоній Погорѣльскій. Жуковскій былъ близокъ съ обоими братьями, но особенно съ младшимъ, съ которымъ его рано сблизили и ихъ общественныя отношенія. Какъ и Жуковскій, В. А. Перовскій былъ близокъ къ семьѣ в. кн. Николая Павловича. Въ 1818 г. Перовскій былъ адъютантомъ вел. князя; позднѣе, въ 30 гг., онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Оренбургъ. Ко времени этого губернаторства относится пріѣздъ въ Оренбургъ Пушкина и Жуковскаго; оба останавливались у Перовскаго. Перовскій и Жуковскій были въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ связаны самой идеальной трогательной дружбой: „чистая, какъ горный хрусталь, душа поэта, его нѣжное, любящее сердце, выдающійся умъ и крупный поэтическій талантъ,—замѣчаетъ г. Захарьинъ:—встрѣтились съ душою столь же благородною и свѣтлою, съ сердцемъ столь же искреннимъ и любящимъ, но болѣе мужественнымъ и закаленнымъ въ житейскихъ буряхъ и вдобавокъ, съ умомъ столь же обширнымъ и яснымъ, къ коему присоединялся, какъ бы взамѣнъ поэтическаго таланта, весьма сильный здравый смыслъ..." Идеальная дружба двухъ замѣчательныхъ лицъ выдержала наиболѣе сильную пробу: оба они оказались одно время влюбленными въ одну и ту же дѣвушку—гр. С. А. Самойлову, которая, повидимому, къ обоимъ имъ была одинаково равнодушна, и вскорѣ вышла замужъ за гр. А. А. Бобринскаго... Именно съ этимъ романическимъ эпизодомъ и связано разсматриваемое стихотвореніе. Перовскій первый признался въ своемъ чувствѣ; Жуковскій на откровенность отвѣчалъ великодушіемъ, — и въ своемъ посланіи уступаетъ своему другу дорогу, желая ему успѣха и счастія..

Письмо къ А. Л. Нарышкину и объясненіе къ нему.

(Александръ Львовичъ Нарышкинъ (род. 1760; † 1826), оберъ-гофмаршалъ, главный директоръ театровъ, извѣстный своими остротами.

Пери и ангелъ.

Однажды пери молодая...

Пери—воображаемыя существа, ниже ангеловъ, но превосходящіе людей, не живутъ на небѣ, но въ цвѣтахъ радуги, и порхаютъ въ бальзамическихъ облакахъ; питаются одними испареніями розъ и жасминовъ и подвержены общей участи смертныхъ. Индѣйцы и другіе восточные народы представляютъ ихъ себѣ въ видѣ женщинъ, коихъ отличительное свойство составляютъ красота и благотворительность.

Сѣвера долина Кашемира...

Кашемиръ—озеро, усѣянное множествомъ острововъ, изъ коихъ на одномъ растутъ платановыя деревья, отъ которыхъ онъ и названъ *Шахъ-Шейміра*.

Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей...

Магометане думаютъ, что падающія звѣзды суть огненныя палицы, коими добрые ангелы отгоняютъ злыхъ, дерзающихъ приближаться къ небесной области.

Я знаю тайны Хильминара...

Сорокъ столповъ. Такъ персіяне называютъ развалины Персеполя. Полагаютъ, будто дворецъ въ немъ и всѣ зданія въ Балбекѣ построены геніемъ для сохраненія многочисленныхъ сокровищъ въ ихъ подвалахъ, которыя и донынѣ тамъ находятся.

Тамъ острова благоуханій...

Острова Пахаія.

Сосудъ Ямхидовъ золотой...

Чаша Ямхида, найденная, какъ полагаютъ, въ развалинахъ Персеполя.

Свирѣпый Газна, вихрь войны...

Махмудъ Газна, или Газни, завоевалъ Индію въ началѣ II столѣтія.

На псовъ своихъ надѣвали они...

Повѣствуютъ, что султанъ Махмудъ содержалъ 400 сѣрыхъ лягавыхъ собакъ. На каждой изъ нихъ былъ ошейникъ, украшенный дорогими каменьями, а покрывала, обшитыя золотою бахромою съ жемчугами.

Стремится—и къ горамъ луны...

Горы Лунныя, въ древности montes lunae. При подошвѣ ихъ полагаютъ источникъ Нила.

И великанъ новорожденный...

Нилъ, извѣстный въ Абиссиніи подъ названіемъ Абеи и Алави, т. е. великанъ.

Розетты водною долиной...

Сады Розетты наполнены голубями.

На пеликановыхъ крылахъ...

О пеликанѣ на Меридовомъ озерѣ упоминаетъ Савари.

Печально тихая султана...

Султана—прекрасная птица, названная такъ по ея величавости и блестящему синему цвѣту перьевъ; носъ и ноги у ней также синіе. Она служила украшеніемъ храмовъ и дворцовъ у грековъ и римлянъ.

Гіена лишь, бродя всю ночь...

Жаксонъ упоминаетъ о моровой язвѣ, случившейся въ восточной Аравіи, во время его тамъ пребыванія. Птицы въ сіе время удалялись отъ человѣческихъ жилищъ; гіены, напротивъ того, приходили на кладбища.

И умираетъ въ сладкопѣньѣ...

Фениксъ — баснословная птица, которая, проживъ тысячу лѣтъ, приготовляетъ себѣ костеръ и, пропѣвъ трогательную пѣснь, машетъ крыльями и сгораетъ на немъ отъ лучей солнечныхъ.

Въ Эдемѣ души пьютъ святыя...

На берегу квадратнаго озера находится тысяча чашъ, составленныхъ изъ звѣздъ. Души, предопредѣленныя наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, пьютъ изъ нихъ кристальныя воды.

Отчизна розъ, Суристанъ...

Ричардсонъ полагаетъ, что Сирія получила свое названіе отъ Сюри (Suri), прекраснаго и нѣжнаго рода розановъ, которыми страна сія всегда славилась.

Веселья вертепицы...

Брюсъ пишетъ, что число ящерицъ, которыхъ онъ видѣлъ однажды на дворѣ храма Солнца въ Балбекѣ, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ; что ими были покрыты камни его развалинъ, стѣны и земля.

На нашій Солнцевъ храмъ она...

Храмъ Солнца въ Балбекѣ.

Въ концѣ текста замѣчено: „съ англійскаго".

Уже упоминавшійся нами выше Томасъ Муръ (Thomas Moor, 1779—1852) принадлежалъ къ лучшимъ, наиболѣе блестящимъ представителямъ англійскаго романтизма. Имя его ставится здѣсь рядомъ съ именемъ Байрона. Это былъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и трудолюбивыхъ писателей своей страны. Блестящій поэтъ,—Муръ въ то же время является даровитымъ историкомъ, критикомъ и публицистомъ. Его замѣтки къ своимъ сочиненіямъ показываютъ, какъ много онъ работалъ надъ своимъ образованіемъ,—надъ пріобрѣтеніемъ этой замѣчательной эрудиціи въ области классиковъ и Востока... Дружескія связи съ знаменитостями, какъ въ области литературы и искусствъ, такъ равно и въ лондонскихъ аристократическихъ салонахъ—придали еще больше блеску его собственной славѣ. Муръ много путешествовалъ,—жилъ то въ Америкѣ, то въ Италіи и Франціи... Важнѣйшія произведенія Мура—*Ирландскія Мелодіи* (*Irish Melodies*, 1807—1834), послѣ своего перваго появленія въ 1807 г. много разъ дополнявшіяся авторомъ, и *Лалла-Рукъ, восточная повѣсть* (*Lalla Rook, oriental romance*, 1817). Въ „Ирландскихъ Мелодіяхъ" Муръ выступилъ, какъ лучшій представитель народности въ литературѣ и искусствѣ, и въ этомъ отношеніи шелъ какъ бы непосредственно по слѣдамъ Гердера. Въ своемъ произведеніи поэтъ воспользовался собранными и изданными незадолго передъ тѣмъ мелодіями народныхъ пѣсенъ Ирландіи, написалъ къ нимъ слова, тѣсно примыкающія по содержанію и характеру къ этимъ мелодіямъ,—и въ результатѣ получилось произведеніе, возбудившее всеобщій восторгъ и сдѣлавшееся въ Ирландіи народной книгой. Пѣсни проникнуты глубокой и страстной любовью къ „зеленому Эрину",—къ Ирландіи и ея населенію. „Все, что пережилъ несчастный ирландскій народъ въ долгіе годы униженія, его горе и стоны, его живость и одушевленіе, его вопиственность, его смѣхъ сквозь слезы,—все нашло выраженіе въ звучныхъ стихахъ Мура"... Совершенно другимъ характеромъ отличается *Lalla Rook*. Произведеніе это должно быть поставлено рядомъ съ знаменитыми поэмами Байрона, сюжеты которыхъ взяты авторомъ съ Востока. Надъ своей поэмой авторъ работалъ около пяти лѣтъ (1812—1817), изучалъ Востокъ по книгамъ,—но такъ хорошо проникся характеромъ и всѣмъ бытомъ страны, что, когда поэма вышла въ свѣтъ, „многіе ориенталисты не хотѣли вѣрить, что Муръ не былъ на востокѣ и не зналъ восточныхъ языковъ". Поэма Мура переведена на персидскій языкъ, и говорятъ, персы считаютъ ее за свое собственное національное произведеніе... Слава поэмы уже задолго предшествовала ея появленію; издателемъ автору было заплачено за нее 3.000 ф. стерл. (около 5.000 рбл. за строчку)... Сюжетъ поэмы—путешествіе прекрасной Лалла Рукъ, дочери владѣтеля Индіи, Аурангзеба, изъ столицы Индостана Дели въ Кашемиръ, гдѣ ее ждетъ ея женихъ, наслѣдный принцъ Бухарскаго ханства, Алирисъ,—котораго она еще никогда не видала, но съ которымъ заочно уже обручена. Произведеніе состоитъ собственно изъ четырехъ отдѣльныхъ небольшихъ поэмъ,—искусно вплетенныхъ въ общую канву сюжета": I. *Хорассанскій пророкъ подъ покрываломъ;* II. *Рай и Пери;* III *Отвлоненники* и IV. *Свѣтъ гарема*. Въ каждой изъ этихъ четырехъ поэмъ содержаніе совершенно различное, отдѣльное и самостоятельное. Въ первой—историческое: разсказывается объ одномъ восточномъ лжепророкѣ, который за свои коварства наконецъ обличается вѣрнымъ послѣдователемъ Ислама. Сюжетъ второй разсказъ о пери, особомъ вымышемъ ангелоподобномъ существѣ, которое нѣкогда вмѣстѣ съ другими свѣтлыми духами наслаждалось небеснымъ блаженствомъ, но потомъ утратило его: чтобы вернуть свое утраченное счастье, пери, для умилостивленія небесъ, приноситъ имъ въ даръ въ первый разъ кровь воина, отдавшаго свою жизнь за родину, во второ... годъ любви, наконецъ слезу раскаявшагося грѣшника;—только послѣдняя отворяетъ ей двери рая... Содержаніе третьей поэмы—опять историческое: разсказъ о возстаніи Гафеда и гибели его возлюбленной,—поэма изображаетъ борьбу одного племени съ арабскимъ пророкомъ, насильственно обращавшимъ въ магометанство... Четвертая поэма—она бѣднѣе всѣхъ остальныхъ по сюжету,—разсказываетъ исторію любимой одалиски кашемирскаго царя Солимана, Нурмагань, потерявшей любовь своего повелителя и желающей снова вернуть ее: благодаря чарующимъ звукамъ лютни и своего голоса, не безъ помощи также и волшебницы, Нурмагань успѣваетъ въ этомъ. Пѣсни Нурмагань, полныя чистой духовной любви, побѣждающая Солимана,—въ поэмѣ какъ бы противополагается пѣснямъ другой одалиски, соперницы Нурмагань—которыя дышатъ огнемъ лишь одной чувственной страсти... Эти четыре поэмы вложены авторомъ въ уста странствующаго пѣвца Фераморза, который какъ бы случайно присоединяется къ свитѣ путешествующей принцессы,—услаждаетъ ее во время путевыхъ остановокъ своимъ пѣніемъ и разсказами, и подъ конецъ такъ увлекаетъ молодую, поэтически настроенную, принцессу, что та начинаетъ страшиться своего брака съ ожидающимъ ее въ Кашемирѣ, совершенно невзвѣстнымъ ей женихомъ: ея сердце полно любовью къ пѣвцу... По окончаніи пути, наканунѣ представленія жениху, Лалла Рукъ проводитъ тяжелую, мучительную ночь; эти внутреннія муки придаютъ, однако, принцессѣ лишь новую прелесть, и когда, съ наступленіемъ утра, придворныя дамы явились одѣвать ее подъ вѣнецъ—принцесса предстала имъ въ красотѣ еще небывалой... Тщетно, на пути къ жениху, въ окружающихъ массахъ народа принцесса ищетъ глазами прелестнаго пѣвца,—чтобы хоть въ послѣдній разъ взглянуть на него. Его нигдѣ нѣтъ... Вотъ она уже переплыла озеро и по водамъ чуднаго канала миновала арки дворцовыхъ галлерей, остановилась у ступеней мраморной лѣстницы, по которой ей нужно войти въ залу, гдѣ на тронѣ ожидаетъ ее ея женихъ,—приближается уже къ ступенямъ трона,—Алирисъ сходитъ съ него навстрѣчу невѣстѣ, хочетъ взять ее за руку,—но она съ крикомъ падаетъ къ его ногамъ: Лалла Рукъ узнала въ царственномъ женихѣ своемъ прекраснаго пѣвца Фераморза... Все произведеніе англійскаго поэта дышетъ поразительными красками неподражаемой поэтической живописи, „которая часто нѣсколькими ударами кисти создаетъ удивительныя, очаровательныя своими контрастами картины,—вноситъ все волшебство западной романтики въ самую среду Востока, вовсе не уничтожая притомъ мѣстнаго колорита, вѣрность котораго съ восторгомъ восхваляли такой знатокъ, какъ Байронъ... Именно это превосходное произведеніе показываетъ, прибавляетъ историкъ,—что англійскій романтизмъ избралъ направленіе, которое такъ высоко ставитъ его надъ романтизмомъ нѣмцевъ, Шлегеля и Фуке"... Стихотвореніе Жуковскаго представляетъ переводъ второго разсказа: *Рай и Пери*. Къ поэмѣ Мура Жуковскій обратился за границей, въ Германіи, живя въ Берлинѣ, но случаю нѣлаго ряда праздниствъ, бывшихъ здѣсь при прусскомъ дворѣ, въ январѣ 1821 года, во время пребыванія въ Берлинѣ великой княгини Александры Ѳеодоровны. Особое, вышедшее тогда же, изданіе: Lallah Roukh, divertissement mêlé de chants et de danses (Berlin, 1822)—въ ряду превосходныхъ иллюстрацій представляетъ бывшія во время этихъ празднествъ разнообразныя процессіи, группы, картины и т. п. Въ празднествахъ принимали ближайшее участіе: великая княгиня Александра Ѳеодоровна, игравшая главную роль Лалла Рукъ, великій кн. Николай Павловичъ, игравшій роль жениха Алириса, принцъ Вильгельмъ, братъ прусскаго короля—Аурунгзебъ и т. д.,—множество лицъ двора и высшей берлинской знати.

Поэмой Мура и упомянутыми берлинскими празднествами вызваны были и два слѣдующія, читаемыя у насъ въ текстѣ, стихотворенія: *Лалла Рукъ* и *Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла Рукъ*—свидѣтельствую-

щія, между прочимъ, о томъ очарованіи, которое производила на поэта личность великой княгини.

Шильонскій узникъ. Повѣсть. Лорда Байрона.

Не можемъ не привести нѣсколькихъ замѣчаній объ этомъ произведеніи Жуковскаго, встрѣчающихся въ письмахъ А. С. Пушкина. Въ сентябрѣ 1822 года, извѣщая Гнѣдича о полученіи изданныхъ подъ его наблюденіемъ „Кавказскаго Плѣнника“ и „Шильонскаго Узника“, Пушкинъ пишетъ ему: „Пріѣхали Плѣнники, — и сердечно васъ благодарю... Переводъ Жуковскаго — est un tour de force. Злодѣй! въ боренъяхъ съ трудностью сплачъ необычайный! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ — чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни „Свѣтланы“, ни „Людмилы“, ни прелестныхъ элегій 1-ой части „Спящихъ Дѣвъ“. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать“... Въ слѣдующемъ году, по поводу своихъ „Братьевъ Разбойниковъ“, Пушкинъ замѣчаетъ въ письмѣ къ Вяземскому: „Вотъ тебѣ и „Разбойники“... Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ *Шильонскаго Узника*. Это несчастіе для меня. Я сошелся съ Жуковскимъ нечаянно: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года“... Въ письмѣ къ брату: „То, что изъ „Шильонскаго Узника“—прелесть!..“ („Соч.“ Пушкина, изд. Литер. фонда, VII, стр. 41—42, 58, 88).

Замокъ Смальгольмъ. Баллада. Изъ Вальтеръ-Скотта.

ПРИМѢЧАНІЯ АВТОРА.

Замокъ Смальгольмъ (Smaylholm или Smallholm-Tower), гдѣ полагается сцена происшествія, описаннаго въ сей балладѣ, извѣстенъ любителямъ шотландскихъ древностей и живописныхъ видовъ. Онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ сѣверныхъ предѣловъ графства Роксбургскаго и въ самой срединѣ пустынныхъ утесистыхъ горъ, называемыхъ *песчаными скалами* (Sandiknowecrags). Доселѣ цѣло главное зданіе, огромная четвероугольная башня; окружающій ее широкій дворъ былъ обнесенъ стѣною, нынѣ упадшею, и сверхъ того защищаемъ почти отовсюду глубокимъ оврагомъ и болотомъ; приближеніе къ оному возможно только съ западной стороны, и то по крутой, каменистой тропинкѣ. Комнаты замка, какъ во всѣхъ пограничныхъ шотландскихъ крѣпостцахъ, расположены по одной въ каждомъ ярусѣ и соединяются узенькими лѣстницами; стѣны въ девять футовъ толщины; кромѣ внутреннихъ деревянныхъ дверей, входъ загражденъ извнѣ желѣзною рѣшеткою; на кровлѣ два *бартизана*, или платформа, кои могли служить и для обороны въ случаѣ осады, и для прогулки и обозрѣнія окрестностей. Одна изъ ближайшихъ къ замку горъ господствуетъ надъ прочими; она называется *Watchfold (сторожевая)*; тутъ, въ смутныя времена безпрестанной войны съ Англіей, зажигался маякъ и стоялъ караулъ. У стѣны, внѣ двора, и теперь еще видны развалины часовни.

Вальтеръ-Скоттъ, авторъ сей баллады, въ младенчествѣ своемъ жилъ въ сосѣдствѣ Смальгольма, иногда и въ самомъ замкѣ, который принадлежитъ одному изъ его родственниковъ, и, по чувству благодарности поэтической, захотѣлъ прославить его стихотворною сказкою: формы оной (между прочимъ, частыя рифмы на полустишія) заимствованы имъ изъ народныхъ *былевыхъ пѣсенъ* южной Шотландіи (Border tale); содержаніе имѣетъ сходство съ однимъ старинымъ преданіемъ, донынѣ сохранившимся у суевѣрныхъ ирландцевъ.

Ангелъ и пѣвецъ.

Стихотвореніе написано было къ музыкальному вечеру, бывшему въ Гатчинѣ 6 окт. 1823 г., въ числѣ другихъ празднествъ, по случаю пріѣзда вюртембергской принцессы Шарлотты, невѣсты в. кн. Михаила Павловича.

Къ Гете.

Стихотвореніе находится въ письмѣ А. И. Тургенева къ его брату Н. И. Тургеневу отъ 8 сентября 1827 года; приводимъ относящуюся сюда начальную часть письма:

„Лейпцигъ. 8 сентября 1827 г.

„Въ полночь пріѣхалъ Жуковскій. Мы свидѣлись въ 6 час. утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажился три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гете, отъ котораго и я получилъ милое слово чрезъ канцлера Мюллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковскій жалѣетъ, что меня не было съ нимъ у Гете. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гете и Шиллеръ образовали его, а съ ними вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его, между прочимъ и твоими письмами, и что здѣсь началось европейское его образованіе; и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многаго бы лишился, что пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ; но Гете — незамѣнимъ. Я не знаю, что я чувствую, глядя на Жуковскаго и видя его любовь и къ тебѣ. Мы уже много о тебѣ говорили. Онъ читалъ выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ твоихъ Штейну, переведя ихъ прежде. Не говорю тебѣ о мнѣніи Штейна; ты его знаешь. И Гр. Головкинъ говорилъ съ нимъ и просилъ его оправдать его предо мною и увѣрить, что онъ не изъ тѣхъ, кои думали бы о тебѣ, какъ о виновномъ; но что мнѣ въ его мнѣніи? Съ кѣмъ онъ согласился въ приговорѣ? Я этого не знаю, но предвижу; ибо ни Гр. Стр., ни онъ самъ ничего мнѣ не сказали въ его оправданіе, какъ о судьбѣ твоемъ; но Богъ съ нимъ. Для него лучше, если совѣсть не совсѣмъ умерла въ немъ: для насъ все равно. Я прочелъ Жуковскому нѣсколько строкъ изъ твоего сочиненія объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Онъ хочетъ имѣть оригиналъ твой, и я даю. У меня останутся двѣ копіи. Вотъ стихи Жуковскаго, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гете:

„Творецъ великихъ вдохновеній“...

(слѣдуетъ текстъ стихотворенія).

Въ первый разъ съ Гете Жуковскій видѣлся еще въ 1821 году. По поводу этого свиданія Жуковскій тогда же писалъ в. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ (въ ноябрѣ 1821 г.): „Отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня: тамъ имѣлъ счастіе представиться ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гете; онъ находился въ Іенѣ, и чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта. Но свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну: оно было туманное, хотя онъ принялъ меня съ лаской“... Недѣли двѣ спустя послѣ свиданія Жуковскаго съ Гете, послѣдній въ особомъ письмѣ (отъ 16 ноября н. ст. 1821 г.), выражая сожалѣніе по поводу краткости свиданія, между прочимъ писалъ нашему поэту: Wenn ein unerwartet hereintretender, schnell entwickelter neuer Freund sogleich sich wieder entfernt, überdenken wir erst was wir hätten sagen, wonach wir uns erkundigen, was mitteilen sollen. Dass dieses doppelt und dreyfach der Fall gewesen, als Sie und Ihr werther Geleitsmann mich in der stillen nächtlichen Einsiedeley zurückliessen, darf ich nicht betheuren; indessen nehmen Sie gegewärtiges Blatt als wiederholtes Willkommen und Lebewohl“. (Письмо напеч. въ Goethe-Sahrbuh, herausgegeben Von L. Geiger, IV, Frankfurt an Main, 1883, стр. 177).

Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Въ изданіи восьмомъ (1885) замѣчено: „Относится къ апрѣлю 1828 года, и написано по случаю открытія на Васил. островѣ нынѣ существующаго Дома призрѣнія бѣдныхъ имени императрицы Александры Ѳеодоровны“.

У гроба государыни Маріи Ѳеодоровны.

Супруга Павла I и мать императоровъ Александра Павловича и Николая Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна пріобрѣла широкую извѣстность своею благотворительностью.

„Императрица Марія Ѳеодоровна,—замѣчаетъ изслѣдователь:—оставила неизгладимые слѣды своей полезной жизни. Послѣднія тридцать лѣтъ ея были посвящены неусыпной дѣятельности на пользу бѣдныхъ, сиротъ и страждущихъ. Никакой министръ не могъ сравняться съ нею въ дѣятельности. Управленіе воспитательными и богоугодными заведеніями, ею на себя взятое, не было лишь временнымъ, внушеннымъ порывами состраданія, а безпрерывнымъ, стройнымъ трудомъ. Стоитъ только прочитать обнародованную „Русскимъ Архивомъ“ переписку этой неутомимой руководительницы многочисленныхъ учрежденій съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ С. И. Гагаринымъ, почетнымъ опекуномъ М. Восп. дома Н. И. Барановымъ, съ начальникомъ Парижскаго училища глухонѣмыхъ аббатомъ Сикеромъ, а также съ А. В. Куракинымъ, чтобы убѣдиться, какой ревностный, порою мелочный трудъ несла государыня. Кромѣ благотворительности,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь:—эту личность отличаетъ и другое качество, дорогое каждому ревнителю просвѣщенія. Императрица Марія Ѳеодоровна сгруппировала вокругъ себя избранное общество ученыхъ и поэтовъ. Въ Павловскѣ на литературныя ея собранія съѣзжались Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ и др. Литературный кружокъ, собранный императрицею, не служилъ лишь поверхностному развлеченію. Она дѣйствительно любила литературу и знала цѣну умственнаго труда. Въ письмѣ, которымъ она сочла долгомъ напутствовать обоихъ младшихъ сыновей своихъ, в. к. Николая и Михаила Павловичей, при отправленіи ихъ въ 1814 году во Францію, она настоятельно требуетъ, чтобы и во время хлопотъ путешествія юные князья не забывали умственной работы. Въ ея наставленіяхъ слышится голосъ собственнаго опыта, вынесеннаго изъ жизни, подѣленной между энергической практикой и изящнымъ досугомъ, посвященнымъ наукѣ и искусству. „Исполнивъ тѣ обязанности службы, которыя вашъ военный наставникъ найдетъ для васъ нужными, употребляйте,—пишетъ она:—въ пользу часы досуга, посвящая ихъ ежедневнымъ занятіямъ, чтенію, настоящему умственному труду. Вамъ нужно укрѣпить вашъ разсудокъ, надобно питаться высокими образцами, которые представляетъ древность и исторія, надобно наполнить свою голову этими великими примѣрами и стараться пріобрѣсть твердость началъ и возвышенность души, обработать себѣ высокій нравственный характеръ и идти по слѣдамъ великихъ людей... Праздность и умственная лѣнь убиваютъ душевныя способности и заглушаютъ зародыши самыхъ лучшихъ надеждъ“... Ей больно было бы, если бъ сыновья ея дали о себѣ понятіе, что „военныя бездѣлицы интересуютъ ихъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ“... Въ самыхъ военныхъ заботахъ ей пріятнѣе видѣть сыновей своихъ изучающими все, что касается до главнаго—„сбереженіе солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красивой одеждѣ, безполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника“... (Загаринъ, В. А. Жуковскій и его произведенія. Изд. 2. М. 1883, стр. 186—188. „Рус. Арх.“, 1868, стр. 351—353).

Исповѣдь батистоваго платка.

Стихотвореніе это оставалось до сихъ поръ не изданнымъ. Автографъ его, довольно четко написанный, хотя съ значительными помарками и исправленіями рукою поэта, имѣется въ собраніи бумагъ поэта, переданномъ П. В. Жуковскимъ въ Имп. публ. библ. (по „опис.“ Бычкова, № 36, л. 9).

Русская пѣснь на взятіе Варшавы.

Напеч. было въ „Сѣв. Пчелѣ“, 1831, № 201. (заглавіе: *Русская пѣснь на взятіе Варшавы*, и далѣе прибавлено въ скобкахъ: *„На голосъ: Громъ побѣды раздавайся!“*) и въ томъ же году особой брошюрой, вмѣстѣ съ стихотвореніями Пушкина: *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*, подъ общимъ заглавіемъ: „На взятіе Варшавы“ (СПБ., 1831). Въ концѣ текста въ брошюрѣ стихотвореніе помѣчено *6 сентября 1831 года*. Ту же дату оно имѣетъ въ „перечнѣ“ стихотвореній 1831 г.: *На взятіе Варшавы. 6 сентября*. Въ собраніе сочиненій при жизни поэта не было вносимо.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1819.

На кончину ея величества, королевы Виртембергской. Элегія. 3
Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 5
«Я съ благодарностью сердечной извѣщаю...». 10
«Я только что хотѣлъ гонца къ вамъ послать...». . . . . —
«Считаю вызовъ вашъ я милостью судьбы...». . . . . —
Циркулярное посланіе къ чувствительнымъ сердцамъ, въ которомъ изображается горестное состояніе нѣкоего стихотворца... 11
Гр. С. А. Самойловой. (Графиня признаюсь). . . . . —
Цвѣтъ завѣта. 13
*Отвѣты на вопросы въ игрѣ «секретарь» (на слова: *звѣзда* и *корабль*, *быкъ* и *роза*). 14
Ея превосходительству, В. Н. Ушаковой, ихъ сіятельствамъ, графинѣ Самойловой, графинѣ Шуваловой, княжнѣ Козловской и княжнѣ Волконской, отъ нѣкотораго жалкаго стихотворца прошеніе. (Больной, покинутый поэтъ). . 15
Гр. С. А. Самойловой (Ужъ думалъ я, что я забытъ). . . . . —
«Варвара Павловна, Элиза и Лизета...». 16
Къ гр. Шуваловой, [послѣ ея дебюта въ роли мертвеца]. . . . . —
Мойеру (Счастливецъ! ею ты любимъ). . 17
Къ Эммѣ. *Изъ Шиллера*. . . . . —
Въ альбомъ жены С. Н. Глинки, на смерть крестника. . . . . —
Къ мимопролетѣвшему знакомому генію. —
Жизнь (Видѣніе во снѣ). 18
Къ Столыпину (Вотъ вамъ, слуга Осмиды вѣрный). . . . . —
Праматерь внукѣ. 19
Эпитафія Мими. . . . . —
Къ гр. С. А. Самойловой.
I. «Напрасно я мечтою льстился...». —
II. «Вчера я васъ не убѣдилъ...». . 20
III. «Графиня! Будьте вы спокойны». . 21

стр.

Утро на горѣ. 22
Путешественникъ и поселянка. *Изъ Гете*. —
Узникъ. Баллада. 24
Цеиксъ и Гальціона. Отрывокъ изъ Овидіевыхъ «Превращеній». 25
Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихотвореніе: «Воспоминаніе». 32
Близость весны (На небѣ тишина). . . —
Къ портрету императрицы Елизаветы Алексѣевны.
I. «Кто на блистательной...». . . . 33
II. «Въ царицахъ скромная...». . . —
Къ портрету Батюшкова. . . . . —
Къ портрету Гёте. . . . . —

1820.

Къ гр. Шуваловой (Уже одиннадцатый часъ). . . . . —
«Минуту насъ она собой плѣняла...». . —
Подробный отчетъ о лунѣ. Посланіе къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ . . . . . —
Письмо къ А. Г. Хомутовой. 37
Къ К. О. Голицыну (Я слова, князь, не позабылъ). 38
Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской. . . . 39
Къ ней же (Княгиня! для чего отъ насъ). 40
Посланіе къ В. А. Перовскому (Товарищъ, вотъ тебѣ рука!). 42
Письмо къ А. Л. Нарышкину и «объясненіе» къ нему. 43
Пѣсня (Отымаетъ наши радости) . . . 44
Три путника. *Изъ Уланда*. 45
Въ комитетъ, учрежденный по случаю похоронъ Павловской векши, или бѣлки, отъ депутата Жуковскаго. . . . . —
«Что радость?—Бабочка...». 46
Прощальная пѣснь воспитанницъ института при выпускѣ. (Подруги! часъ разлуки наступилъ). . . . . —

1821.

«Тѣснятся всѣ къ тебѣ во храмъ...». . 47
Воспоминаніе (О милыхъ спутникахъ). . —
Пери и ангелъ. Повѣсть. *Изъ Мура*. . —
Лалла Рукъ. 54
Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла Рукъ. . 55

стр.

Въ альбомъ Е. А. Алябьевой. . . . . —
«Узрѣвъ черты сіи...». . . . . —
Обѣты (Будьте, о духи лѣсовъ). . . . 56
Шильонскій узникъ. Повѣсть. *Изъ Байрона.* . . . . . —
Замокъ Смальгольмъ. Баллада. *Изъ Вальтеръ-Скотта.* 61
Побѣдитель. *Изъ Уланда.* 63
Привидѣніе. . . . . —
Море. Элегія. 64

1823.

19 марта 1823. (Ты предо мною). . . —
Ангелъ и пѣвецъ. . . . . —
Къ В. П. Ушаковой и гр. П. А. Хилковой (Гендриковой). 65
«Я музу юную, бывало...». 66

1824.

Прощальная пѣснь пѣтая воспитанницами Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 г. 67
Таинственный посѣтитель. . . . . —
Мотылекъ и цвѣты. 68
Поѣздка на маневры (Вчера былъ день прекрасной долѣ). . . . . —

1826.

Хоръ дѣвицъ Екатерининскаго института, на послѣднемъ экзаменѣ, по случаю выпуска ихъ 20 февраля 1826 г. . . 70
Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ, 1827 г. 71
Къ Гёте (Творецъ великихъ вдохновеній). 71

1828.

На миръ съ Персіей. . . . . —
Государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (Ты памятникъ себѣ святой соорудила). . . . . —
У гроба государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. 72
Торжество побѣдителей. Баллада. *Изъ Шиллера.* 73
Видѣніе. 75
Солнце и Борей. . . . . —
Умирающій лебедь. 76
**Звѣзда и комета. . . . . —
**«Меня ты хочешь знать... . . . . —
Могила. . . . . —
Любовь. 77
Къ младенцу (Во дни твоей весны). . . —
Утѣшеніе. . . . . —
Къ сестрамъ и братьямъ. . . . . —
Жалоба. . . . . —
Тоска . . . . . —
Стремленіе. 78

стр.

1829.

Мысли. *Изъ Гете.* . . . . . —
Памятники.
а) «То мѣсто...». *Изъ Гете.* . . . . —
б) «Кто скрытъ...». *Съ англійскаго.* . . —
Смертный и боги. . . . . —
«Вѣки идутъ...». . . . . —
«Нѣкогда музъ угостилъ...». 79

1831.

Сидъ. Отрывокъ. *Съ Гердерова перевода.* —
Кубокъ. Баллада. *Изъ Шиллера.* . . . 85
Перчатка. Повѣсть. *Изъ Шиллера.* . . 87
Воскресное утро въ деревнѣ. *Изъ Гебеля.* 88
Неожиданное свиданіе. Быль. *Изъ Гебеля.* 89
Поликратовъ перстень. Баллада. *Изъ Шиллера.* 90
Жалоба Цереры. Баллада. *Изъ Шиллера.* 91
Донника. Баллада. *Изъ Саути.* 93
Судъ Божій надъ епископомъ. Баллада. *Изъ Саути.* 94
Замокъ на берегу моря. *Изъ Уланда.* . 95
Алонзо. Баллада. *Изъ Уланда.* . . . —
Ленора. Баллада. *Изъ Бюргера.* . . . 96
Покаяніе. Баллада. 99
**Исповѣдь батистоваго платка. . . . 101
Королева Урака и пять мучениковъ. Баллада. *Изъ Саути.* 102
Двѣ были и еще одна. 104
Дѣтскій островъ. 111
Островъ. . . . . —
Пери. 112
Сраженіе съ змѣемъ. Повѣсть. *Подражаніе Шиллеру.* 112
Судъ Божій. Повѣсть. *Подражаніе Шиллеру.* 116
Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери. . . . 119
Спящая царевна. Сказка. 128
Русская пѣснь на взятіе Варшавы. . . 132
Русская слава. . . . . —
Война мышей и лягушекъ. Сказка. Отрывокъ. 133
Къ Ив. Ив. Дмитріеву (Нѣтъ, не прошла). 140
Двѣ загадки. . . . . —
Приходъ весны (Зелень нивы). . . . 141
Пѣсня (Къ востоку, все къ востоку). .
«Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ...».
Пѣсня (Розы расцвѣтаютъ). . . . . —
«Тронься, тронься...». . . . . —
«Я на тебя съ тоской гляжу...». . . . —
«Чего ты ждешь, мой трубадуръ...». —
Пѣснь бедуинки. 142
Мечта. . . . . —
Примѣчанія. 143

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

ь приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

IV.

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. МАРКОА, Измайловскій просп., № 29.

1832.

—

СУДЪ ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬѢ.

повѣсть.

(Отрывокъ).

[подражаніе вальтеръ-скотту].

I.

Ужъ день прохладно вечерѣлъ,
И сводъ лазоревый алѣлъ;
На немъ сверкали облака;
Дыханьемъ свѣжимъ вѣтерка
Былъ воздухъ сладко растворенъ;
Играя, вѣя, морщилъ онъ
Пурпурно-блещущій заливъ;
И, бѣлый парусъ распустивъ,
Заливомъ тѣмъ ладья плыла;
Изъ Витби инокинь несла,
По легкимъ прыгая зыбямъ,
Она къ Кутбертовымъ брегамъ.
Летитъ веселая ладья;
Покрыта палуба ея
Большимъ узорчатымъ ковромъ;
Рѣзной, высокій стулъ на немъ
Съ подушкой бархатной стоитъ;
И мать игуменья сидитъ
На стулѣ въ помыслахъ святыхъ;
Съ ней пять монахинь молодыхъ.

II.

Впервой покинувъ душный плѣнъ
Печальныхъ монастырскихъ стѣнъ,
Какъ птички въ вольной вышинѣ,
По гладкой палубѣ онѣ
Играютъ, рѣзвятся, шалятъ...
Все веселитъ ихъ, какъ ребятъ:
Той шаткій парусъ страшенъ былъ,
Когда имъ вѣтеръ шевелилъ,
И онъ, надувшися, гремѣлъ;
Крестилась та, когда бѣлѣлъ,
Катясь къ ладьѣ, кипучій валъ,
Ее ловилъ и подымалъ
На свой изгибистый хребетъ;
Ту веселилъ зеленый цвѣтъ
Морской чудесной глубины;
Когда жъ изъ пѣнистой волны,
Какъ черная незапно тѣнь,
Предъ ней выскакивалъ тюлень,
Бросалась съ крикомъ прочь она,
И долго, трепетна, блѣдна,
Читала шопотомъ псаломъ;
У той былъ рѣзвымъ вѣткомъ
Покровъ развѣянъ головной,
Густою, шелковой струей
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко межъ власовъ,
И дѣвственный поймать покровъ
Ея заботилась рука,
А взоръ стерегъ исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Завѣтной прелестью грудей.

III.

Игуменья порою той
Вкушала съ важностью покой,
Въ подушкахъ нѣжась пуховыхъ,
И на монахинь молодыхъ
Смотрѣла съ ласковымъ лицомъ.
Она вступила въ Божій домъ
Во цвѣтѣ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Не оглянулася на свѣтъ,
И, жизнь навѣки затворя
Въ безмолвіи монастыря,
По слуху знала издали
О треволненіяхъ земли,
О томъ, что радость, что любовь
Смущаютъ умъ, волнуютъ кровь,
И съ непроснувшейся душой,
Достигла старости святой,
Сердечныхъ смутъ не испытавъ;
Тяжелый инокинь уставъ
Смиренно, строго сохранять,

Души спасенія искать
Блаженной Гильды по слѣдамъ,
Служить ея честнымъ мощамъ,
И день и ночь въ молитвѣ быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампадъ, горящихъ у иконъ:
Въ такихъ заботахъ провелъ
Былъ вѣкъ ея. Богатый вкладъ
На обновленіе оградъ
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана
Была на славу отъ нее:
Сіяло пышное шитье
Тамъ на покровѣ гробовомъ,
И обложенный жемчугомъ
Былъ вылитъ гробъ изъ серебра;
И много дѣлала добра
Она убогимъ и больнымъ,
И возвращался пилигримъ
Отъ стѣнъ ея монастыря,
Хваля небеснаго Царя.
Имѣла важный видъ она,
Была худа, была блѣдна;
Былъ величавъ высокій ростъ;
Лицо являло строгій постъ,
И покаянье тмило взоръ.
Хотя въ ней съ самыхъ давнихъ поръ
Была лишь къ иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
Въ монастырѣ она блюла,
Но для смиренныхъ сестръ была
Она лишь ласковая мать:
Свободно было имъ дышать
Въ своей келейной тишицѣ,
И мать игуменью онѣ
Любили дѣтски всей душой.
Куда жъ той позднею порой
Черезъ заливъ плыла она?
Была въ Линдфарнъ приглашена
Она съ игуменьей другой;
И тамъ ихъ ждалъ аббатъ святой
Кутбертова монастыря,
Чтобы, соборомъ сотворя
Кровавый судъ, проклятье дать
Отступницѣ, дерзнувшей снять
Съ себя монашества обѣтъ,
И, сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забыть Спасителя Христа.

IV.

Ладья вдоль берега летитъ,
И берегъ весь назадъ бѣжитъ;
Мелькаютъ мимо ихъ очей
Въ сіяньи западныхъ лучей:
Тамъ замокъ на скалѣ крутой
И бездна пѣны подъ скалой
Отъ расшибаемыхъ валовъ;
Тамъ башня, сторожъ береговъ,
Густымъ одѣтая плющомъ;
Тамъ холмъ, увѣнчанный селомъ;
Тамъ золото цвѣтущихъ нивъ;
Тамъ зеленѣющій заливъ
Въ тѣни зеленыхъ береговъ;
Тамъ Божій храмъ, среди деревъ
Блестящій яркой бѣлизной.
И островъ наконецъ святой
Съ Кутбертовымъ монастыремъ,
Облитый вечера огнемъ,
Громадою багряныхъ скалъ
Изъ водъ вдали предъ ними всталъ,
И, приближаясь, тихо росъ,
И вдругъ надъ ихъ главой вознесъ
Свой брегъ крутой со всѣхъ сторонъ.
И островъ, и не островъ онъ;
Два раза въ день морской отливъ,
Песокъ подводный обнаживъ,
Противный брегъ сливаетъ съ нимъ:
Тогда поклонникъ пилигримъ
На богомолье по пескамъ
Пѣшкомъ идетъ въ Кутбертовъ храмъ;
Два раза въ день морской приливъ,
Его отъ тверди отдѣливъ,
Стираетъ силою воды
Съ песка поклонниковъ слѣды.—
Несъ вѣтеръ къ берегу ладью;
На самомъ берега краю
Стоялъ Кутбертовъ древній домъ,
И волны пѣнились кругомъ.

V.

Стоитъ то зданіе давно;
Саксоновъ памятникъ, оно
Межъ скалъ крутыхъ крутой скалой
Восходитъ грозно надъ водой;
Всѣ стѣны страшной толщины
Изъ грубыхъ камней сложены;
Зубцы, какъ горы на стѣнахъ;
На низкихъ тягостныхъ столбахъ
Лежитъ огромный храма сводъ;

...детъ широкій ходъ,
...конечный рядъ
...съ вѣтвями аркадъ;
...башни на углахъ
...къ стражи на часахъ.
...крѣпость превозмочь
...вражеская мочь
...нехристей датчанъ;
...ами океанъ
...хъ разитъ, дробитъ;
...ніе стоитъ
...съ давнишнихъ поръ;
...разбойниковъ напоръ,
...ада, бурь, валовъ,
...озную годовъ
...ъ, какъ встарину,
...ю глубину
...адою гнететъ;
...гдѣ растреснулъ сводъ,
...гѣ ликъ разбитъ святой,
...астетъ вездѣ сѣдой,
...углы оточены
...треніемъ волны.

VI.

...монáхини плывутъ;
...ь къ берегу, поютъ
...льды пѣснь онѣ;
...въ поздней тишинѣ,
...ходящій съ вышины,
...гармоніей волны,
...онко пробѣжалъ;
...хоръ имъ отвѣчалъ,
...изъ святыхъ воротъ
...ми, крестами ходъ
...инокинь честныхъ;
...лъ явленье ихъ
...согласный звонъ,
...ъ звучно повторенъ
...ближнихъ, дальнихъ скалъ,
...юдъ на брегъ созвалъ.
...игуменья сошла,
...ье всѣмъ дала,
...ясь костылемъ,
...святой Кутбертовъ домъ
...ругвей и крестовъ.

VII.

...въ трапезницѣ готовъ;
...инать: потомъ
...монастырскій домъ
Толпой осматривать идутъ;
Смѣются, рѣзвятся, поютъ;
Заходятъ въ кельи, въ древній храмъ,
Творятъ поклоны образамъ,
И молятся мощамъ святымъ..
Но вечеръ холодомъ сырымъ
И рѣзкій съ моря вѣтерокъ
Собраться нудятъ всѣхъ въ кружокъ
Къ огню, хозяекъ и гостей;
Жужжатъ, лепечутъ; какъ ручей,
Веселый льется разговоръ;
И наконецъ межъ ними споръ
О томъ заходитъ, чей святой
Своею жизнію земной
И болѣ славы заслужилъ,
И болѣ Небу угодилъ?

VIII.

«Святая Гильда (говорятъ
Монахини изъ Витби) врядъ
Отдастъ ли первенство кому?
Извѣстна жъ болѣ потому
Ея обитель съ давнихъ дней,
Что три барона знатныхъ ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюсъ, Гербертъ
И Перси; судъ сей былъ простертъ
На ихъ потомство до конца
Всего ихъ рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
Съ тѣхъ поръ должны къ намъ приходить
Три старшихъ въ родѣ каждый годъ,
Въ день Вознесенья, и народъ
Тутъ видитъ, какъ игуменъ ихъ
Становитъ рядомъ у честныхъ
Мощей угодницы святой,
Какъ надъ склоненной ихъ главой
Прочтетъ псаломъ, какъ наконецъ
Съ словами: *все простилъ чернецъ!*
Имъ разрѣшеніе дастъ;
Тогда *аминь!* гласитъ народъ.
Къ намъ повѣсть древняя дошла
О томъ, какъ нѣкогда жила
У насъ саксонская княжна,
Какъ наша вся была полна
Округа ядовитыхъ змѣй,
Какъ Гильда, внявъ мольбамъ своей
Любимицы святой княжны,
Явилась, какъ превращены

Всѣ змѣи въ камень, какъ съ тѣхъ поръ
Находятъ въ нѣдрѣ нашихъ горъ
Окаменѣлыхъ много змѣй.
Еще же древность намъ объ ней
Сказаніе передала:
Какъ разъ во гнѣвѣ прокляла
Она пролетныхъ журавлей,
И какъ съ тѣхъ поръ до нашихъ дней,
Едва на Витби налетитъ
Журавль, застонетъ, закричитъ,
Перевернется, упадетъ,
И чудной смертью отдаетъ
Угодницѣ блаженной честь.»

IX.

— А нашъ Кутбертъ? Не перечесть
Его чудесъ. Теперь покой
Нашелъ ужъ гробъ его святой;
Но прежде... что онъ претерпѣлъ?
Отъ датскихъ хищниковъ сгорѣлъ
Линдфарнъ, пріютъ съ давнишнихъ дней
Честныхъ угодника мощей;
Монахи гробъ его спасли,
И съ гробомъ странствовать пошли,
Изъ земли въ землю, по полямъ,
Лѣсамъ, болотамъ и горамъ;
Семь лѣтъ въ молитвѣ и трудахъ,
Съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,
Они скиталися; въ Мельросъ
Ихъ напослѣдокъ Богъ принесъ;
Мельросъ Кутбертъ живой любилъ,
Но мертвый въ немъ не разсудилъ
Онъ для себя избрать пріютъ,
И чудо совершилось тутъ:
Хоть тяжкій гробъ изъ камня былъ,
Но отъ Мельроса вдругъ поплылъ
По Твиду онъ, какъ легкій челнъ.
На югъ теченьемъ быстрыхъ волнъ
Его помчало; миновавъ
Тильмутъ и Риппонъ, въ Вардилавъ,
Преподнъ не встрѣтя, наконецъ
Привелъ свой гробъ святой пловецъ;
И выбралъ онъ въ жилище тамъ
Святой готическій Дургамъ;
Но гдѣ святого погребли,
Ту тайну знаютъ на земли
Лишь только трое; и когда
Которому изъ нихъ чреда
Разстаться съ жизнію придетъ,
Онъ на духу передаетъ
Ее другому; тотъ молчитъ
Дотоль, пока не разрѣшитъ
Его молчанья смертный часъ.
И мало ль чудесами насъ
Святой угодникъ изумлялъ?
На нашу Англію напалъ
Король шотландскій, злой тиранъ;
Пришла съ нимъ рать галвегіанъ,
Неистовыхъ, какъ море ихъ;
Онъ рыцарей привелъ своихъ,
Разбойниковъ, залитыхъ въ сталь;
Онъ весь подвигнулъ Тевьотдаль;
Но рать его костьми легла:
Для насъ Кутбертова была
Хоругвь спасеніемъ отъ бѣдъ.
Имъ ободренъ былъ и Альфредъ
На пораженіе датчанъ;
Предъ нимъ впервой и самъ норманъ
Завоеватель страхъ узналъ,
И изъ Нортумбріи бѣжалъ.—

X.

Монахини изъ Витби тутъ
Сестрамъ линдфарнскимъ задаютъ
Съ усмѣшкою вопросъ такой:
«А правда ли, что вашъ святой
По свѣту бродитъ кузнецомъ?
Что онъ огромнымъ молоткомъ
По тяжкой наковальнѣ бьетъ
И имъ жемчужины куетъ?
Что на работу ходитъ онъ,
Туманной рясой облаченъ?
Что на приморской онъ скалѣ,
Чернѣе мглы, стоитъ во мглѣ?
И что, покуда молотъ бьетъ,
Онъ вѣтеръ на море зоветъ?
И что въ то время рыбаки
Уводятъ въ пристань челноки,
Боясь, чтобъ бурею ночной
Не утопилъ ихъ вашъ святой?»—
Сестеръ линдфарнскихъ оскорбилъ
Такой вопросъ; отвѣтъ ихъ былъ:
— Пустого много бредитъ свѣтъ;
Объ этомъ здѣсь и слуху нѣтъ;
Кутбертъ, блаженный нашъ отецъ,
Честной угодникъ, не кузнецъ.—

XI.

Такъ весело передъ огнемъ
Шелъ о житейскомъ, о святомъ
Между монахинь разговоръ.

зко былъ иной соборъ,
ъ иной происходилъ.
зданьемъ монастырскимъ былъ
хъ—страшнѣй темницы нѣтъ;
Кольвульфъ, покинувъ свѣтъ,
произвольнымъ мертвецомъ
убокомъ подземельѣ томъ.
въ монастырѣ оно
чья кельей названо;
ъ въ ужасной кельѣ той,
ни разу лучъ дневной,
здухъ Божій не входилъ,
ъ Секегельмъ опредѣлилъ
щу осужденныхъ быть;
конецъ тамъ хоронить
ртвыхъ стали, а живыхъ:
ственной судьбинѣ ихъ
ъ невѣдомый тайникъ;
ь, и казнь, и жертвы крикъ—
адно поглощалось имъ;
и случаемъ какимъ
гный столпъ изъ глубины
одилъ до вышины,
изъ внемлющихъ не зналъ,
дѣ и отъ чего стенялъ;
ли только межъ собой,
мъ, глубоко подъ землей,
юбѣ мучится мертвецъ,
ившій дней своихъ конецъ
покаянія во злѣ,
рощенный на землѣ.

XII.

въ монастырѣ о томъ
нѣ казни роковомъ
ранилася молва,
ъ онъ былъ? Одинъ иль два
а знали то, да самъ
аббатъ; и къ тѣмъ мѣстамъ
ишь съ ними доступъ былъ;
вязкой на глазахъ входилъ
ртвой самъ палачъ туда,
съ совершенія суда.
зрѣлся тѣсный, тяжкій сводъ;
о, ниже внѣшнихъ водъ,
выдолбленъ въ утесѣ онъ;
робовыми замощенъ
ми полъ неровный былъ;
ь покинутыхъ могилъ
луистертою рѣзьбой,
Полузатоптанныхъ землей,
Являлся тамъ; отъ мокроты
Скопляясь, капли съ высоты
На камни падали; ихъ звукъ
Однообразно тихъ, какъ стукъ
Ночного маятника, былъ;
И блѣдно, трепетно свѣтилъ,
Пуская дымъ, борясь со мглой,
Огонь въ лампадѣ гробовой,
Висѣвшей тяжко на цѣпяхъ;
И тускло на сырыхъ стѣнахъ,
Покрытыхъ плѣснью, какъ корой,
Свѣтъ, поглощенный темнотой,
Туманнымъ отблескомъ лежалъ.
Онъ въ подземельѣ озарялъ
Явленье страшное тогда.

XIII.

Три совершителя суда
Сидѣли рядомъ за столомъ;
Предъ ними разложенъ на немъ
Уставъ бенедиктинцевъ былъ;
И, чуть во мглѣ сіяя, лилъ
Мерцанье блѣдное ночникъ
На ихъ со мглой сліянный ликъ.
Товарищъ двумъ другимъ судьямъ,
Игуменья изъ Витби тамъ
Являлась, и была сперва
Ея открыта голова;
Но скоро скорбь втѣснилась ей
Во грудь, и слезы изъ очей
Невольно жалость извлекла,
И покрываломъ облекла
Тогда лицо свое она.
Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ, блѣдна,
Съ суровой строгостью въ чертахъ,
Обрѣтшая въ постѣ, въ мольбахъ
Безстрастье хладное одно,
(Въ душѣ святошествомъ давно
Прямую святость уморя)—
Тильмутскаго монастыря
Пріорша гордая была;
И ряса, черная, какъ мгла,
Лежала на ея плечахъ;
И жизни не было въ очахъ,
Чернѣвшихъ мутно безъ лучей
Изъ-подъ сѣдыхъ ея бровей.
Аббатъ Кутбертовой святой
Обители, монахъ сѣдой,
Изсохнувшій полумертвецъ

И ужъ съ давнишнихъ поръ слѣпецъ,
Межъ ними сгорбившись сидѣлъ;
Потухшій взоръ его глядѣлъ
Впередъ, ничѣмъ не привлеченъ,
И грозной думой омраченъ,
Ужасенъ блѣдный былъ старикъ,
Какъ каменный надгробный ликъ,
Во храмѣ зримый въ часъ ночной,
Нѣмого праха стражъ нѣмой.
Предъ ними жертва ихъ стоитъ:
На головѣ ея лежитъ
Лицо скрывающій покровъ;
Видна на бѣлой рясѣ кровь;
И на столѣ положены
Свидѣтели ея вины:
Лампада, четки и кинжалъ.
По знаку данному, сорвалъ
Монахъ съ лица ея покровъ;
И кудри черныхъ волосовъ
Упали тучей по плечамъ.
Пріорши строгія очамъ
Былъ узницы противенъ видъ;
Съ насмѣшкой злобною глядитъ
Въ лицо преступницы она,
И казнь ея ужъ рѣшена.

XIV.

Но кто же узница была?
Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой
Окутавшись, какъ пеленой,
Тильмутская обитель вся
Вдругъ замолчала; погася
Лампады въ кельяхъ, сестры въ нихъ
Всѣ затворились; пустъ и тихъ
Сталъ монастырь; лишь главный входъ
Святыхъ обители воротъ
Не запертъ и свободенъ былъ.
На колокольнѣ часъ пробилъ.
Лампаду и кинжалъ беретъ,
И въ платьѣ мертвеца идетъ
Матильда смѣло въ ворота;
Предъ нею ночь и пустота;
Обитель сномъ глубокимъ спитъ;
Надъ церковью луна стоитъ
И сыплетъ на дорогу свѣтъ;
И виденъ на дорогѣ слѣдъ
Въ густой пыли копытъ и ногъ;
И слышенъ ей далекій скокъ...
Она съ волненьемъ вдаль глядитъ;
Но тамъ ночной туманъ лежитъ;
Все тише, тише слышенъ скокъ;
Лишь по дорогѣ вѣтерокъ
Полночный ходитъ, да луна
Сіяетъ съ неба. Вотъ она
Минуты двѣ подождала;
Потомъ съ молитвою пошла
Впередъ—не встрѣтится ли съ нимъ?
И долго шла путемъ пустымъ;
Но все желанной встрѣчи нѣтъ.
Вотъ наконецъ и дневный свѣтъ,
И на небѣ зажглась заря...
И вдругъ отъ стѣнъ монастыря
Послышался набатный звонъ;
Всю огласилъ окрестность онъ.
Что ей начать? Куда уйти?
Среди открытаго пути,
Окаменѣвъ, она стоитъ;
И страшно колоколъ гудитъ;
И вотъ за ней погоня вслѣдъ;
И ей нигдѣ пріюта нѣтъ;
И вотъ настигнута она,
И въ монастырь увлечена,
И скрыта заживо подъ спудъ;
И ждетъ ее кровавый судъ.

XV.

Передъ судилищемъ она
Стоитъ, почти умерщвлена
Терзаньемъ близкаго конца;
И блѣдность мертвая лица
Была видней, была страшнѣй
Отъ черноты ея кудрей,
Двойною пышною волной
Обвившихъ ликъ ея младой.
Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
Глава на грудь наклонена;
И если бъ мутный лучъ въ глазахъ,
И содроганіе въ грудяхъ
Не измѣняли ей порой,
За ликъ бездушный восковой
Могла бъ быть принята она:
Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
Она ждала судьбы своей
Отъ непрощающихъ судей.
И казни страхъ ей весь открытъ:
Въ стѣнѣ, какъ темный гробъ, прорытъ
Глубокій, низкій, тѣсный входъ;

азъ въ тотъ гробъ войдетъ,
ыйти никогда;
черепкѣ вода,
лѣба съ ночникомъ
въ гробѣ томъ;
лмъ факеломъ въ рукахъ,
опершись, монахъ,
земный, передъ нимъ,
мраченъ, недвижимъ,
съ на лицѣ стоитъ;
полу лежитъ
льный снарядъ:
ирка, известка, млатъ.
менъ съ мѣста всталъ,
цую поднялъ,
лагословилъ...
факелъ свой вонзилъ,
ѣ подошелъ монахъ;
въ его рукахъ
борется, кричитъ.
съ ней, уже тащитъ,
ный на крикъ и плачъ,
въ гробъ палачъ...

XVI.

ій наверхъ вели;
а судьи пошли,
былъ свирѣпо дикъ;
лкій, томный крикъ
ы ихъ провожалъ;
аги ихъ ускорялъ;
ановился стонъ;
... умолкнулъ онъ.
льный воздухъ имъ
ханіемъ живымъ
груди оживилъ.
ночного бдѣнья былъ,
ѣ пѣли. И во храмъ
; по имъ и тамъ,
жный поющихъ ликъ,
ися подземный крикъ.
ю храмѣ хоръ отпѣлъ,
колоколъ велѣлъ
нѣ на упокой...
гласъ въ тиши ночной
изъ глубокой мглы
ибріи скалы
ись; услыша звонъ,
отъ селянинъ сквозь сонъ
и голову поднялъ,
Молиться объ умершемъ сталъ,
Не домолился и заснулъ;
Имъ пробужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Варквортской пустыни жилецъ;
Въ шевьотскую залегшій сѣнь,
Вскочилъ испуганный олень,
По вѣтру ноздри распустилъ,
И чутко ухомъ шевелилъ,
И поглядѣлъ по сторонамъ
И снова легъ... и снова тамъ
Все, что смутилъ минутный звонъ,
Въ глубокій погрузилось сонъ.

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ уланда].

Разъ Карлъ Великій пировалъ;
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ;
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ:
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ;
И гости вдоволь пили, ѣли;
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
«Свершить намъ должно подвигъ трудный.
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ».

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ, сказалъ: возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ

Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою.

Въ арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились,
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышетъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышетъ

И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней,
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучомъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца,
И мыслитъ: что же ты за диво?
Будитъ мнѣ для тебя отца,
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелый:
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился –
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый
«Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится.»—

Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ—
Зато за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я—мой конь ученъ;
Пускай я слабъ—мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу.

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
Оно осталось съ остріемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струею;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый:
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по пятамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ;
Свистя, кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ,
(Осьмое чудо красотою)
Искусной выломалъ рукою.

И въ платье скрылъ онъ взятый [illegible]
Потомъ струей ручья лѣснова

ца и съ рукъ, съ коня и съ латъ
кровь и прахъ, и сѣвши снова
ораго коня, шажкомъ
ился своимъ путемъ
мѣсто, гдѣ отецъ остался;
еще не просыпался.

мъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
ій скоро погрузился,
ъ, покуда самъ Милонъ
сумерки не пробудился.
ой, мой сынъ Роландъ, вставай;
мой шлемъ, мой мечъ подай;
вечеръ; всюду мгла тумана;
не встрѣтимъ великана.»

ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
ткана ищетъ снова;
ъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ—
случившемся ни слова.
ъ они въ долинѣ той,
ркій совершился бой;
виденъ былъ потокъ кровавый;
ови валялся трупъ безглавый.

ъ глядитъ; своимъ глазамъ
рить онъ: что за причина?
ишь туловище тамъ;
же голова, дубина?
ицырь, мечъ, рука и щитъ?
ободранный лежитъ
къ мертвеца нагого;
ъ не видно остального.

осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
ка уродливая груда!
и разу не видалъ
тѣ я такого чуда:
о трунъ?.. Вопросъ смѣшной!
великанъ; другой
ъ дать хищнику управу;
палъ честь мою и славу».—

й Карлъ глядѣлъ въ окно
алъ: страшно мнѣ по чести;
щари мои? Давно
ъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
?.. Не герцогъ ли Гемонъ
ѣдетъ? Такъ, и держитъ опъ
опье передъ собою
убленною головою.

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приближась, голову нѣмую
Стряхнулъ съ конья передъ крыльцомъ,
И Карлу такъ сказалъ: плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался.

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій.
«Со мною талисмана нѣтъ:
«Но вотъ вамъ дорогія мощи.»
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
«Кому достался талисманъ,
«Не знаю я; но великанъ
«Меня оставилъ въ часъ кончины
«Наслѣдникомъ своей дубины.»

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечомъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
«Все это съ мертвеца я снялъ;
«Мнѣ отъ побѣды мало чести;
«О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти.»

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
«Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ:
«Но обманулся я въ надеждѣ:
«Былъ талисманъ украденъ прежде.»

Вотъ наконецъ и графъ Милонъ.
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ,

И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ...
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье.

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ...
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
«Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?»
Роландъ въ отвѣтъ: прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался.

ПЛАВАНІЕ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

БАЛЛАДА.

[изъ Уланда].

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ
И съ нимъ двѣнадцать перовъ плыло,
Ихъ путь въ Святую Землю былъ;
Но море злилося и выло.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
«Дерусь я на сушѣ смѣло;
«Но въ злую бурю по волнамъ
«Хлестать мечомъ плохое дѣло.»

Датчанинъ Гольгеръ молвилъ: «радъ
«Я веселить друзей струнами;
«Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
«Между ревущими волнами?»

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:
«Мнѣ жалко новаго меча:
«Здѣсь утонуть ему безъ пробы.»

Нахмурясь, Ганелонъ шепнулъ:
«Какая адская тревога!
«Но только бъ я не утонулъ!..
«Они жъ?.. туда имъ и дорога!»

«Мы всѣ плывемъ къ Святымъ Мѣстамъ!
Сказалъ, крестясь, Тюрпинъ-Святитель.
«Явись и въ пристань по волнамъ
«Насъ грѣшныхъ проведи, Спаситель!»

«Вы, бѣсы! графъ Рихардъ вскричалъ:
«Мою вы вѣдаете службу;
«Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ—
«Явите вы теперь мнѣ дружбу.»

«Ужъ я ли, вымолвилъ Наимъ,
«Не говорилъ: нажить намъ горе?
«Но слово умное глухимъ
«Есть капля масла въ бурномъ морѣ».

«Бѣда! сказалъ Ріоль сѣдой,
«Но если море не уймется,
«То мнѣ на старости въ сырой
«Постелѣ нынче спать придется.»

А графъ Гюи вдругъ началъ пѣть,
Не тратя жалобъ безполезно:
«Когда бъ отсюда полетѣть
«Я птичкой могъ къ своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вамъ? Ей, ей!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
«Мнѣ сладкое вино вкуснѣй,
«Чѣмъ горькая вода морская.»

Ламбертъ прибавилъ: «что за честь
«Съ морскими чудами сражаться?
«Гораздо лучше рыбу ѣсть,
«Чѣмъ рыбѣ на обѣдъ достаться.»

«Что Богъ велитъ, тому и быть!
Сказалъ Годефруа; съ друзьями
«Я радъ добро и зло дѣлить;
«Его святая власть надъ нами.»

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ, и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекѣ земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

ОРМАНДСКІЙ ОБЫЧАЙ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

[ИЗЪ УЛАНДА].

ЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

БАЛЬДЕРЪ, мореходецъ.
РИХАРДЪ, рыбакъ.
ГОРИЛЬДА.

Бальдеръ.

овье, мой хозяинъ добрый.
я ли? Я благодаренъ бурѣ,
насъ въ спокойный твой заливъ:
имъ радушнымъ угощеньемъ,
о огня, въ пріютѣ мирномъ,
ъ я не былъ.

Рихардъ.

Въ добрый часъ;
ты, и мы довольны; въ нашихъ
ь хижинахъ какая роскошь?
намъ по сердцу гость такой,
рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
ь въ старину приплыли наши
оихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
го славнаго сохранено
іяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
ъ я тебѣ, мой благородный
ъявить, что есть у насъ обычай,
здѣсь каждый иноземецъ,
и былъ онъ, богатый иль убогій,
ье платитъ.

Бальдеръ.

Радъ исполнить
обычай; мой корабль, стоящій
въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ
собранныхъ по берегамъ
луденныхъ: есть золотые
ть вина сладкія, есть птицы,
я взоръ блистаньемъ перьевъ:
ь сѣверныхъ издѣлья есть:
мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ.

онялъ ты, мой гость почтенный:
ій нашъ обычай не таковъ:
кій, кто почлегъ далъ иноземцу,
раво требовать, чтобъ гость
у разсказалъ, иль пѣснь спѣлъ,
чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
ти держусь я старины,
Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость.

Бальдеръ.

Иная сказка сладостнѣй вина,
Душистѣе плода, пестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ,
плѣняетъ
Нашъ слухъ: итакъ, не вовсе я ошибся.
Хоть въ памяти немного у меня
Разсказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
На палубѣ, въ морскую тишину
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разсказывалъ.

Рихардъ.

Но прежде
Еще по кубку выпьемъ (*Пьютъ*). Начинай.

Бальдеръ.

Два сѣверныхъ породы славной графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
И много битвъ на сушѣ и водахъ,
И много бурь они видали вмѣстѣ;
И много разъ, на югѣ и востокѣ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.
Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдіи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало небо:
Они супругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишась ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ
Союзомъ утвердить святую дружбу,
Чтобъ вѣчная осталась память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ были
Повѣшены два перстня дорогихъ:
Въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи
Невѣстины лазурный, а въ другомъ
Былъ камень, розовый, какъ молодыя
Румяныя ланиты жениха.

Рихардъ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

Бальдеръ.

Да, большой рубинъ.
Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ
Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣлъ мечомъ, и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ; онъ былъ долженъ замки
И области наслѣдственныя предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же была младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели;
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
Весенній; на берегъ морской изъ замка
Съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею
Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камешки блестящіе сбирали
Онѣ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
На свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами
Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку уложили
Въ цвѣты и, отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка неприметно изъ руки,
Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега; хотятъ его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалося оно дотолѣ, тянетъ
Какою-то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу подъемлютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріѣхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому лугу
Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался,
И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
Но, холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
И сѣдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ,
И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

Рихардъ.

Бѣдное дитя,
Спаси тебя хранитель ангелъ твой!

Бальдеръ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдъ;
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ, [довъ;
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ, по долгомъ и напрасномъ
Искапіи нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардъ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышешь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился.

Бальдеръ.

Нѣтъ. Послушай далѣ
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ копя и прилѣпился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю
Бросался въ волны и боролся съ моремъ
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился... на землѣ его надежды
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,

Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный
Корабль свой онъ украсилъ парусами
Пурпурными и рѣзьбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

Рихардъ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

Бальдеръ.

Можетъ быть. Па этомъ брачномъ,
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Немало бурь; и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственныя пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли;
Немало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ всѣ на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечомъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда!
Пропали мы! *Женихъ морской,* помилуй!
Я кончилъ свой разсказъ.

Рихардъ.

Благодарю;
Мнѣ старику расшевелилъ онъ душу.
Но, кажется, не достаетъ конца
Разсказу твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попасться могъ навстрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

Бальдеръ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

Рихардъ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О рыцаряхъ, о герцогахъ нормандскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ *безстрашный,*
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаяся съ нечистыми духами.
Но *память у меня теперь плоха,*
И въ головѣ отъ старости все смутно;
И такъ не взыщешь ты, когда, на мѣсто
Меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и свѣти
Мои чинитъ при свѣтѣ ночника.
Она поетъ, какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсень знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда *поетъ.*

Тихой утренней порою
Надъ прозрачною водою,
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.

Ждетъ... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.

И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасный
Съ камнемъ алымъ перстенекъ
На приманчивый крючокъ.

Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгого перстенька
Бѣлоснѣжная рука;

И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжный,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.

Дѣва очи опустила:
«Не тебя въ волнахъ ловила
«Я, красавецъ молодой;
«Возврати мнѣ перстень мой.»—

Дѣва съ ясными очами,
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ поймалъ я;
Буду твой, ты будь моя—

Бальдеръ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лицо,
Горящее застѣнчивымъ румянцемъ,

Сквозь волны золотыхъ кудрей сіясть,
И предо мной опять животворитъ
Минувшіе, младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
Въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нея?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я... я твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище, мнѣ посланное небомъ.
Храни ее могучею рукою:
Въ ней вѣрное прижмешь ты къ сердцу
сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

БРАТОУБІЙЦА.

ВАЛЛАДА.
[ИЗЪ УЛАНДА].

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дикъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ;
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Гласъ отвѣтственный хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,
И на палубѣ читаетъ
Ave Maria пловецъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ:
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кипятъ толпами,
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убрался вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади, въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшные въ молчаньи;
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецомъ бредетъ одинъ:
Щеки впалы, тускло око;
Полонъ мрачный лобъ морщинъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый
Тѣло чахлое гнететъ,
И, къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ;
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ,
Что какой-нибудь угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей,
Видъ небесъ пугаетъ очи,
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ, какъ бы дорогой терній,
Тяжко къ храму всходитъ онъ;
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.
Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями:
Дѣвы ликъ сквозь ѳміамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна,
И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей дѣвы слѣдъ,
И она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами;
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ вослѣдъ, передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ:
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ,
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ:
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на усталомъ конѣ
Ѣхалъ и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было темно, такъ темно, что хоть выколи глазъ.
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну; — и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Слъ онъ на камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путемъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней.

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ.

Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой. —
Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
«Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
«Объ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить»,

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ ему: «на!
«Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
«Вотъ тебѣ объ перчатки; отдай черезъ годъ». —
Слышу; прости, до свиданья, отвѣтствовалъ тотъ. —

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется; ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведетъ
Сзади слуга въ поводахъ вороного коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги паладинъ:
Кто вороного коня твоего господинъ? —

«Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
«Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;
«Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ;
«Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ».
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
«Горе мнѣ!» въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

«Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
«Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
«Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй;
«Только молись о душѣ осужденной моей».

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ пріору сказалъ:
«Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще не достоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть».

Вижу ты въ шпорахъ, конечно бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конемъ.
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идетъ;
Вотъ, наконецъ, совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодого коня:
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей, какъ изъ печи, огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.

Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздок
прискакал
Чернаго, злого коня за узду онъ держал
Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдл
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся
зем
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчат
надѣ
Сѣлъ на коня, и, какъ вихорь, съ ни
конь улетѣ

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ, уединенный
Въ невыразимый сонъ
Душою погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины.

И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

1833.

УЛЛИНЪ И ЕГО ДОЧЬ.

БАЛЛАДА.

Былъ сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко брегу Рино горный вождь
Примчался съ дочерью Уллина.—

Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;
Уллинъ съ дружиной недалекъ;
Намъ слышны крики; мчатся кони.—

«Ты видишь ли, какъ зла вода?
«Ты слышишь ли, какъ волны громки?
«Пускаться плыть теперь бѣда:
«Мой челнъ некрѣпокъ, весла ломки».—

Рыбакъ, рыбакъ, подай свой челнъ;
Спаси насъ: сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ —
Ея не будетъ отъ Уллина!

Гроза сильнѣй, пучина злѣй,
И ближе, ближе шумъ погони;
Имъ слышенъ тяжкій храпъ коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

«Садитесь, въ добрый часъ; плывемъ».
И Рино сѣлъ, съ нимъ дѣва сѣла;
Рыбакъ отчалилъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла.

И смерть отвсюду имъ: открытъ
Предъ ними зѣвъ пучины жадный;
За ними съ берега грозитъ
Уллинъ, какъ буря, безпощадный.

Уллинъ ко брегу прискакалъ;
Онъ видитъ: дочь уносятъ волны;
И гнѣвъ въ груди отца пропалъ,
И онъ воскликнулъ, страха полный:

«Мое дитя, назадъ, назадъ!
«Прощенье! Возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь отвѣтъ шумятъ
На зовъ отчаянный Уллина.

Реветъ гроза, черна, какъ ночь;
Летаетъ челнъ между волнами;
Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
Съ простертыми къ нему руками.

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челнъ пожравъ, слились
При крикѣ жалобномъ Уллина.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

БАЛЛАДА.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ;
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ:
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенье
Узникъ брошенный, страдалъ?

«Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать, къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

«Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ».

И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:
Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
Чистымъ чистое угодно;
Даръ, достойнѣйшій небесъ:
Нивы колосъ первородный,
Сокъ оливы, плодъ древесъ.

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка;
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля.
Ихъ она благословляетъ,
И, колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: «прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, не знающихъ тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился;
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей;
Упали во прахъ передъ дивной Цереро́й;
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.
Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье;
И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
И Ѳемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ;
Богъ, ремеслъ изобрѣтатель,
Онъ людей дружитъ съ огнемъ;
Учитъ ихъ владѣть клещами;
Движетъ мѣхомъ, златомъ бьетъ,
И искусными руками
Первый плугъ имъ создаетъ.

И вослѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ,
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:

Чтобъ пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;
Цѣпью смѣряна равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся нимфы, ореады
(За Діаной по лѣсамъ,
Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаетъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И сіяя низлетаютъ
Орлы легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земного онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку, онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно-мѣрный звонъ;
И веселыя Камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ;
Держатъ петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ;
И чудесное творенье
Довершаетъ, въ честь богамъ,
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмѣ дѣву красоты;
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирляндою цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмѣ Зевсовомъ царица
Мать Церера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

«Въ лѣсѣ ищетъ *звѣрь* свободы,
«Правитъ всѣмъ свободно *богъ*,
«Ихъ законъ—законъ природы.
«*Человѣкъ*, пріявъ въ залогъ
«Зоркій умъ—звено межъ ними—
«Для гражданства сотворенъ:
«Здѣсь лишь нравами одними
«Можетъ быть свободенъ онъ».

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ;
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

БАСНЯ.

[изъ ГЕТЕ].

Съ утеса молодой орелъ
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло,
И съ высоты упалъ
Онъ въ масличную рощу.

Тамъ онъ томился
Три долгихъ дня,
Три долгихъ ночи,
И содрогался
Отъ боли; наконецъ
Былъ исцѣленъ
Живительнымъ бальзамомъ
Всеисцѣляющей природы.
Влекомый хищничествомъ смѣлымъ,
Пріютъ покинувъ свой,
Онъ хочетъ крылья испытать...
Увы! они едва
Его подъемлютъ отъ земли,
И онъ въ унынiи глубокомъ
Садится отдохнуть
На камнѣ у ручья;
Онъ смотритъ на вершину дуба,
На солнце, на далекій
Небесный сводъ,
И въ пламенныхъ его глазахъ
Сверкаютъ слезы.

По близости, между оливъ,
Крылами тихо вѣя,
Летали голубь и голубка.
Они къ ручью спустились,
И тамъ по золотому
Песку гуляли вмѣстѣ.
Водя кругомъ
Пурпурными глазами,
Голубка наконецъ
Примѣтила сидящаго въ безмолвномъ
Унынiи орла.
Она товарища тихонько
Крыломъ толкнула;
Потомъ, съ участiемъ сердечнымъ
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
«Ты унываешь, другъ;
О чемъ же? Оглянись, не все ли,
Что намъ для счастья
Простого нужно,
Ты здѣсь имѣешь?
Не дышатъ ли вокругъ тебя
Благоуханiемъ оливы?
Не защищаютъ ли зеленой
Прозрачной сѣнiю своей
Онѣ тебя отъ зноя?
И не прекрасно ль блещетъ
Здѣсь вечеръ золотой
На муравѣ и на игривыхъ
Струяхъ ручья?
Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
Покрытымъ свѣжею росою;
Ты можешь пищу
Сбирать съ кустовъ и жажду
Въ струяхъ студеныхъ утолять.
О, другъ! повѣрь,
Умѣренность прямое счастье;
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны». —
О, мудрость! прошепталъ орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты разсуждаешь, какъ голубка.

КНЯЗЮ ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Другъ человѣчества и твердый другъ закона,
Смиренный въ почестяхъ и скромный средь похвалъ,
Предстатель ревностный за древнiй градъ у трона—
Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
Любовь высокую къ святой землѣ отчизны,
Самозабвенiе и непрерывный трудъ,
Въ день брани—мужество, въ день мира—правый судъ,
И чистоту души и жизнь безъ укоризны...
Вельможа-гражданинъ! тебѣ въ потомствѣ [мзда!
И зависти на зло уже сiяетъ снова
Знакомая Москвѣ безсмертiя звѣзда
Еропкина и Чернышова!

12 апрѣля 1833 г.

1834.

ПѢСНЬ НА ПРИСЯГУ НАСЛѢДНИКА.

На древней высотѣ Кремля,
Въ великiй праздникъ Воскресенья,
Узрѣла Русская Земля
Прекрасный день его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ немъ привѣтствуетъ народъ
Россiи свѣтлую надежду.

И умилительный обрядъ,

Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасный день его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ царскій сынъ,
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ нимъ отецъ и властелинъ;
Присягу сына царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ воними
Словамъ души его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да, долго свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочитъ благостью отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, царя храни!

II.

Слава на небѣ солнцу высокому—
На землѣ государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ государю наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,
И великому князю съ княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ—
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному—
Слава русскому царству великому!
Веселися ты, солнце небесное—
Многи лѣта царю благовѣрному!

III.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское *ура*—
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: *многи лѣта,*
Православный русскій царь!

ИЗЪ ОПЕРЫ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

ПОСЛѢДНЯЯ СЦЕНА.

Москва (Красная площадь. Между Спасскими и Иверскими воротами тѣснится народъ. Вся площадь полна. На кровляхъ домовъ и на стѣнахъ люди. Изъ Иверскихъ воротъ въ Спасскіе ходъ).

Хоръ въ отдаленіи.

I.

Славься, славься, святая Русь!
Нынѣ восходитъ на русскій тронъ
Нашъ русскій, нашъ русскій законный
Гряди къ намъ во славѣ, [Бѣлый-царь!
Нашъ царь православный, нашъ царь-государь!

II.

Славься, славься, ликуй, Москва!
Блескомъ одѣнься, престольный градъ!
Къ тебѣ свѣтоносцемъ твой царь грядетъ...
Царя-государя привѣтствуй, народъ!

(Черезъ сцену идетъ войско).

III.

Славься, славься побѣдой, рать!
Ты отстояла святой престолъ!
Торжественнымъ кликомъ спѣши принять
Царя-государя, могучая рать.

(Входитъ семейство Сусанина).

Антонида.

Ахъ, если бъ жилъ родимый нашъ!

Ваня.

Если бъ жилъ!..

Антонида.

Жить бы ему въ сей красный день.

Сабининъ.

Надо бы жить ему!

Ваня.

Жить бы ему...

Хоръ.

О чемъ у васъ
Тоска-печаль,
Когда вся Русь
Въ веселіи
И въ радости?

Женихъ.

Добрые люди,
Мы поминаемъ
Душу отца.
Онъ за Россію,
За государя
Жизнь положилъ!

Хоръ.

Кто онъ?

Женихъ.

Сусанинъ!

Хоръ.

Буди Сусанину
Вѣчная память.

Антонида.

Погибъ, погибъ
Родитель нашъ;
Мучительски
Истерзанный,
Въ глухомъ лѣсу,
Покинутый,
Безъ сродниковъ,
Безъ ближняго.
Одинъ, одинъ,
Терзался, гасъ
И умеръ онъ.

Хоръ.

Онъ погибъ за царя;
Не забудетъ о немъ
Благодарная Русь!

Антонида.

Не мнѣ, дочери, —
Вѣтру бурному
Довелось принять
Вздохъ послѣдній его!
Не къ моей онъ груди, —
Къ непривѣтной землѣ,
Умирая, приникъ.

Хоръ.

Онъ погибъ за царя;
Не забудетъ его
Благодарная Русь!

Дѣти Сусанина.

Успокой, успокой,
Царь небесный, его.
Царь увѣнчанъ,—а онъ,
Кѣмъ Россіи спасенъ
Царь, избранникъ ея,
Кто за Русь житія
Не жалѣлъ своего—
Нѣтъ его! нѣтъ его!..

Хоръ въ Кремлѣ.

Славься, славься, державный Кремль!
Пѣснью вѣнчальной звучи, греми!—
Свершилось, свершилось, бѣдамъ конецъ
Нашъ царь-государь воспріялъ свой вѣнецъ

Дѣти Сусанина и хоръ.

Буди Сусанину
Вѣчная память!

Весь народъ.

Славься, славься, нашъ русскій царь,
Господомъ данный царь-государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ!
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ!

Финалъ.

Ура царю!
Возсѣлъ, во славѣ онъ возсѣлъ па [тронъ,
На славный русскій тронъ!
Въ вѣнцѣ глава,
Греми, Москва! ура царю!
Греми ура! Царю! Москвѣ!
Ура! ура!..

1835.

Д. В. ДАВЫДОВУ,

ЕРЙ посылкѣ изданія: «Для немногихъ».

Мой другъ, усастый воинъ,
Вотъ рукопись твоя;
Промедлилъ правда я,
Но право, я достоинъ,
Чтобъ ты меня простилъ!
Я такъ заваленъ былъ
Бездѣльными дѣлами,
Что дни вослѣдъ за днями
Бѣжали на рысяхъ,
А я и знать не знаю,
Что дѣлалъ въ этихъ дняхъ.
Все кончивъ, посылаю
Тебѣ твою тетрадь;
Сердитый лобъ разгладь
И выговоровъ строгихъ
Не шли ко мнѣ, Денисъ!
Терпѣньемъ ополчись
Для чтенья риѳмъ убогихъ
Въ журналѣ «Для немногихъ».
Въ немъ много пустоты;
Но, другъ, суди не строго,
Вѣдь изъ *немногихъ* ты
Таковъ, какихъ *немного*.
Спи, ѣшь и объѣзжай
Коней четвероногихъ,
Какъ хочешь—только знай,
Что я, другъ, какъ *не многихъ*
Люблю тебя.—Прощай.

1836.

ПОЧНОЙ СМОТРЪ.

[изъ цедлица].

Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція*—тотъ ихъ пароль,

Тотъ лозунгъ—*Святая Елена.*
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

1837.

КЪ СВОЕМУ ПОРТРЕТУ

Воспоминаніе и я—одно и то же:
Я образъ, я мечта;
Чѣмъ старѣ становлюсь, тѣмъ я
Кажусь моложе.

ЕРМОЛОВУ.

Жизнь чудная его въ потомство перейдетъ:
Дѣлами славными она безсмертно дышетъ.
Захочетъ—о себѣ, какъ Тацитъ, онъ напи-
И лихо лѣтопись свою переплететъ. [шетъ,

Москва. 1837, декабря 10.

ИЗЪ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННАГО ГР. РОСТОПЧИНОЙ.

I. роза.

Утро одно—и роза поблекла; напрасно, о дѣва,
Ищешь ея красоты; иглы однѣ ты найдешь.

II. лавръ.

Вы, обуянные Вакхомъ, пѣвцы Афродитиныхъ оргій,
Бойтесь коснуться меня: дѣвственны вѣтви мои.
Дафной я былъ. Отъ объятій безумно-любящаго бога
Лавромъ дѣва спаслась. Чтите мою чистоту.

III. надгробіе юношѣ.

Плавалъ, какъ всѣ вы, и я по волнамъ ненадежныя жизни.
Имя мое Аноним. Скоро мой кончился путь.
Буря внезапу возстала; хотѣлъ я противиться бурѣ,
Юный, безспильный пловецъ; волны умчали меня.

IV. голосъ младенца изъ гроба.

Матерь Илиѳа и матерь Земля одни благосклонны
Были минуту мнѣ. Та помогла мнѣ жизнь получить,
Тихо другая покрыла меня; ничего остального—
Кто я, откуда, куда—жизнь не повѣдала мнѣ.

V. младость и старость.

О веселая младость! о печальная старость!
Та—поспѣшно отъ насъ! эта—стремительно къ намъ!

VI. фидій.

Фидій!—иль самъ громовержецъ въ тебѣ нисходилъ отъ Олимпа,
Или взлеталъ на Олимпъ самъ ты его посѣтить!

VII. судьба.

Съ свѣтлой главой, на тяжкихъ свинцовыхъ ногахъ между нами
Ходитъ судьба! Человѣкъ, прямо и смѣло иди!
Если, ее повстрѣчавъ, не потупишь очей и спокойнымъ
Окомъ ей взглянешь въ лицо—самъ просвѣтлѣешь лицомъ;
Если жъ, испуганный ею, предъ нею падешь ты—наступитъ
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптанъ въ грязи!

VIII. завистникъ.

Завистникъ ненавидитъ
Любимое богами;
Безумецъ, онъ въ раздорѣ
Съ любящими богами;
Изъ всѣхъ цвѣтовъ прекрасныхъ
Онъ пьетъ одну отраву.
О! какъ любить мнѣ сладко
Любимое богами!

IX. покойнику.
[А. С. ПУШКИНУ].

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью

Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ... И спросить
мнѣ хотѣлось: что видишь?..

1838.

STABAT MATER.

Горько плача и рыдая,
Предстояла въ сокрушеньи
Матерь Сыну на крестѣ;
Душу, полную любови,
Сожалѣнья, состраданья,
Растерзалъ ей острый мечъ.
Какъ печально, какъ прискорбно
Ты смотрѣла, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!
Какъ молилась, какъ рыдала,
Какъ терзалась, видя муки
Сына—Бога твоего!
Кто изъ насъ не возрыдаетъ,
Зря святую Матерь Бога
Въ сокрушеніи такомъ?
Кто души въ слезахъ не выльетъ,
Видя, какъ надъ Богомъ-Сыномъ
Безотрадно плачетъ мать;
Видя, какъ за насъ Спаситель
Отдаетъ себя на муку,
На позоръ, на казнь, на смерть;
Видя, какъ въ тоскѣ послѣдней,
Онъ, хладѣя, умирая,
Духъ свой Богу предаетъ?
О святая! Мать любови!
Влей мнѣ въ душу силу скорби,
Чтобъ съ тобой я плакать могъ!
Дай, чтобъ я горѣлъ любовью—
Весь проникнутъ вѣрой сладкой—
Къ Искупившему меня;
Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову,
И позоръ Его, и муки
Неизмѣнно я носилъ;
Чтобъ, во дни земной печали,
Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
Былъ любовью ко Христу;
Чтобъ кончину мирно встрѣтилъ,
Чтобъ душѣ моей Спаситель
Славу рая отворилъ!

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НАШЕМУ КАПИТАНУ «ГЕРКУЛЕСА».

Тише вѣтеръ, тише волны!
Лягъ на море тишина!
Покажи намъ ликъ твой полный,
Путеводная луна!
Звѣзды яркія, свѣтите
Изъ небесной бездны намъ,
И безвредно проведите
Насъ къ желаннымъ берегамъ!

Мая 28-го 1838 года.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Вѣнокъ вашъ, скромною харитою сплетенный
Изъ маковыхъ цвѣтовъ, колосьевъ золотыхъ
И васильковъ небесно-голубыхъ,
Приличенъ красотѣ невинной и смиренной.
Богиня, можетъ быть, самихъ васъ симъ вѣнкомъ
И тихій жребій вашъ изобразить хотѣла.
Безъ блеска милой быть природа вамъ велѣла!
Не то же ль самое, что съ милымъ васильком?
Пріютно онъ растетъ среди прекрасной нивы,
Скрывается въ семьѣ колосьевъ полевыхъ,
И съ благотворною, непышной пользой ихъ
Соединяетъ тамъ свой цвѣтъ миролюбивый!
А макъ? Имъ означать давно привыкли *сонъ*.
Напрасно! нѣтъ! не сонъ безпечный и лѣнивый,
Но сладостный *покой* изображаетъ онъ,
Покой, сокровище души, ея хранитель,
Желанный спутникъ нашъ на жизненномъ пути,
Покой, не сердца хладъ, но сердца оживитель,
Который здѣсь мы всѣ такъ силимся найти,
Который вамъ даетъ природа безъ исканья!
Княжна, будь вашъ вѣнокъ вамъ вмѣсто предсказанья:
Въ немъ образъ вижу я сердечной чистоты,
Невинной прелести и счастья съ тишиною,
И будетъ ваша жизнь, хранимая судьбою,
Прекраснаго вѣнка прекрасные цвѣты.

---

* * *

Плачь о себѣ: твое мы счастье схоронили;
Ее жъ на родину изъ чужи проводили.

Не для земли *она* назначена была.
Прямая жизнь ея теперь лишь началася—
Она уйти отъ насъ спѣшила и рвалася,
И здѣсь въ свой краткій вѣкъ два вѣка прожила.
Высокая душа такъ много вдругъ узнала,
Такъ много тайнаго небесъ вдругъ поняла,
Что для нея земля темницей душной стала,
И смерть ей выкупомъ изъ тяжкихъ узъ была.

1839.

ПОЭТУ ЛЕНЕПСУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ КО МНѢ, ПИСАННОЕ НА СЛУЧАЙ ПОСВѢЩЕНІЯ САРДАМА Е. И. В. В. К. НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ.

Пѣвецъ Батавіи! съ радушіемъ пріемлю
Я братскій твой привѣтъ!.. Хотя языкъ мнѣ твой
И чуждъ, но онъ языкъ поэзіи святой,—
И гласу твоему я слухомъ сердца внемлю.
Твое отечество давно въ родствѣ съ моимъ:
Нашъ Петръ ему былъ другъ. Работникомъ простымъ
Въ сардамской хижинѣ великій царь таился,
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Здѣсь былъ его рукой корабль застроенъ тотъ,
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемо средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Плыветъ подъ флагомъ славы—
Корабль великія россійскія державы.
И нынѣ правнукъ молодой
Великаго Петра былъ внукою Петровой
По-царски угощенъ въ той хижинѣ простой,
Гдѣ праотецъ ихъ жилъ такъ бѣдно и су-
И пѣсня русская и русское *ура!* [рово;
Въ сардамскомъ домикѣ Петра
Съ народной пѣснію Голландіи слилися,
И два народа въ этотъ часъ,
Какъ бы услышавши великой тѣни гласъ,
На дружбу братски обнялися!..
Съ почтеніемъ смотрю на твердый твой на-
Я видѣлъ южные народы: [родъ!
Природа пѣжитъ ихъ; тамъ ясны цѣлый
Небесъ лазоревые своды, [годъ
Тамъ благовонныя долины и лѣса,
Тамъ горъ подоблачныхъ, могучая краса,
Тамъ море вѣчно голубое,
И изобиліе повсюду золотое,
И человѣкъ его изъ полной чаши пьетъ,
И для него не слышенъ тамъ полетъ
Дней, исчезающихъ въ бездѣйственномъ покоѣ.
Но здѣсь явленіе иное:
У моря бурнаго отважные отцы
Отчизну дикую для внуковъ съ боя взяли,
И, грозною нуждой испытанны, бойцы
На крѣпостномъ валу плотинъ могучихъ стали;
И съ той поры идетъ безперерывно брань
Съ стихіей, славно побѣжденной;
Вотще громадой раздраженной
Вашъ врагъ разрушить хочетъ грань,
Ему поставленную вами:
Въ борьбѣ съ свирѣпыми волнами,
Какъ сталь подъ молотомъ, вы крѣпнете въ бою;
Вы твердо на валу стоите,
И крѣпость древнюю свою
Врагу постыдно не сдадите!
Неистощимый есть въ стѣнахъ ея для васъ,
Вѣками собранный, оружія запасъ:
Спокойно-ясный умъ, святая вѣра, нравы,
Довѣренность къ себѣ, свободы стражъ—законъ,
И мнѣнье строгое, и мнѣньемъ чтимый тронъ,
И благодатныя преданья древней славы.

Амстердамъ. 7/19 апрѣля 1839 года.

ВЪ САРДАМСКОМЪ ДОМИКѢ.

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

[ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ГРЕЯ].

Колоколъ поздній кончину отшедшаго дня возвѣщаетъ;
Съ тихимъ блеяньемъ бредетъ черезъ поле усталое стадо:
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь, уснувшій

Міръ уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ окрестность,
Мало по малу теряясь во мракѣ, и воздухъ наполненъ
Весь тишиною торжественной: изрѣдка только промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да рогъ отдаленный,
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только съ вершины той пышно плющемъ украшенной башни
Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной обвиняетъ
Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,
Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго царства.
Здѣсь подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ свѣжею тѣнью
Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы покрыты,
Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую келью,
Спятъ непробудно-смиренные предки села. Ни веселый
Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки ранней
Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха, ни отзывный
Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ бѣдной постели.
Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется; не будетъ
Ихъ вечеровъ услаждать хлопотливость хозяйки; не будутъ
Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ подслушать, нейдутъ ли
Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна тянуться, чтобъ первый
Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ часто серпамъ ихъ
Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ острый
Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело въ полѣ
Къ трудной работѣ они выходили; какъ звучно топоръ ихъ
Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя деревья!
Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полезною жизнью,
Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ презирая;
Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ простую
Лѣтопись бѣднаго; знатность породы, могущества пышность,
Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство плѣняетъ, все будетъ
Жертвой послѣдняго часа ко гробу ведетъ насъ и слава.
Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ смиреннымъ ихъ память
Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ храмахъ, по сводамъ высокимъ,
Въ блескѣ торжественномъ свѣчъ, въ благовонномъ дыму ѳиміама,
Имъ похвала не гремитъ, повторенная звучнымъ органомъ?
Надпись на урнѣ, иль дышущій въ мраморѣ ликъ не воротятъ
Въ прежнюю область ея отлетѣвшую жизнь, и хвалебный
Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха, и въ хладно-нѣмое
Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкательства лепетъ.
Можетъ быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ не замѣтной, истлѣло
Сердце, огнемъ небеснымъ нѣкогда полное; стала
Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить, иль восторга
Пламень въ живыя струны вливать. Но наука предъ ними
Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ, не раскрыла,
Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пламень, и сила
Геніемъ полной души ихъ безплодно погибла навѣки.
О! какъ много чистыхъ, прекрасныхъ жемчужинъ сокрыто
Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ океана! Какъ часто

Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти незамѣтно и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ!
Быть можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмой и неславный,
Или Кромвель неповинный въ крови сограждан. Всемогущимъ
Словомъ сенатъ покорять, бороться съ судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать—
то рокъ запрстилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во злѣ ограничилъ:
Не далъ имъ воли стремиться къ престолу стезею убійства,
Иль затворять милосердія двери предъ страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, или стыда на ланитахъ
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласомъ поэзіи славя могучій развратъ и фортуну.
Чуждые смутъ и волненій безумной толпы, изъ-за тѣсной
Грани желаньямъ своимъ выходить запрещая, вдоль свѣжей,
Сладко-безшумной долины жизни, они тихомолкомъ
Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ безмятеженъ.
Кажется, слышишь, какъ дышетъ кругомъ ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира. Чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзьбою прохожаго молятъ почтить ихъ
Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука неграмотной музы
Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ начертавши,
Вмѣсто надгробій, слова изъ Святого Писанья, чтобъ скромный
Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научался. И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенію эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа, удаляясь,
Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи, темнѣя,
Ищутъ прощальной слезы; изъ могилы намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое пламя.
Ты же, заботливый другъ погребенныхъ безъ славы, простую
Повѣсть объ нихъ разсказавшій, быть можетъ, кто-нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ тобой, и быть можетъ,
Вотъ что разскажетъ ему о тебѣ старожилъ посѣдѣлый:
«Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ поспѣшнымъ
«Шагомъ, росу отряхая съ травы, всходилъ на пригорокъ
«Встрѣтить солнце; тамъ, на мшистомъ, изгибистомъ корнѣ
«Стараго вяза, къ землѣ приклонившаго вѣтви, лежалъ онъ
«Въ полдень, и слушалъ, какъ ближній ручей журчитъ, извиваясь;
«Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, случалось,
«Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ онъ, за солнцемъ
«Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы поздню пѣсню;
«Такъ же не разъ мы видали, какъ шелъ онъ вдоль лѣса съ какой-то

«Грустной улыбкой, и что-то шепталъ
про себя, наклонивши
«Голову, блѣдный лицомъ, какъ будто
оставленный цѣлымъ
«Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или
безнадежнымъ
«Горемъ любви. Но однажды поутру его
я не встрѣтилъ,
«Какъ бывало, на холмѣ, и въ полдень
его не нашелъ я
«Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло
и другое
«Утро и третье; но онъ не встрѣчался
нигдѣ, ни на холмѣ
«Рано, ни въ полдень подлѣ ручья, ни
въ долинѣ
«Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру
печальное пѣнье
«Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди;
здѣсь на камнѣ,
«Если умѣешь, прочтешь, что о немъ
тогда написали:
«*Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый
счастью и славѣ;*
«*Но при рожденьи онъ былъ небесною
музой присвоенъ,*
«*И меланхолія знаки свои на него
положила.*
«*Былъ онъ душой откровенъ и добръ,
его наградило*
«*Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ
онъ—слезу; и въ награду*
«*Онъ получилъ отъ неба самое лучшее—
друга.*
«*Путникъ, не трогай покоя могилы:
здѣсь все, что въ немъ было*
«*Нѣкогда добраго, всѣ сю слабости
робкой надеждой*
«*Преданы въ лоно благого Отца, правосуднаго Бога.*

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель: *)
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней, крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена....
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну

*) «Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батареѣ, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь, и въ этой церкви гробница Тучкова».

По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ?

Гдѣ наѣзникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Лапской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И *тебя* мы пережили,
И *тебя* мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій *императоръ*,
Міра свѣтлая звѣзда,
И *твоя* пришла чреда!

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ... отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И *сію* какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ...
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ;
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Арарата
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Аракъ;
Эрзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,

…ъ былъ у стѣнъ Царьграда;
…цкихъ береговъ,
… сѣверныхъ орловъ,
…орожъ на Босфорѣ,
…ъ завѣтномъ морѣ,
…нашъ говоритъ:
…лъ русскій станъ разбитъ.»

…дневное свѣтило
…ясно, какъ всходило
…й день Бородина;
…олонны собрана,
…передъ ратью,
…бесной благодатью,
…имъ въ виду колоннъ
…спитъ Багратіонъ.

…палъ, Москву спасая,
умирая,
…вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
…нъ здѣсь, одѣтъ
…дивною бронею,
…ою землею;
…въ гробѣ сонъ
…кдь Багратіонъ.

…часъ тогда здѣсь бились!
…ирясь, ломились
… Бородина;
…ихъ тишина,
…лная, объемлетъ,
…дто бы подъемлетъ
…ба голосъ свой
…шая къ живой.

…ое мгновенье!
…екъ, свершивъ моленье,
…шій алтарю:
…вѣчная царю!
…грянулъ залпъ единый
…я вершины,
…ъ великій гласъ
…имъ армія слилась.

…ѣчная, нашъ славный,
…репкій, нашъ державный,
…сительный герой!
… изрекъ святой;
…трона роковое
…сь въ дивномъ боѣ
…ъ Бородина:
…ія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать*.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.

Молитвой нашей Богъ смягчился;
Царевнѣ жить еще велѣлъ:
Опять къ намъ ангелъ возвратился,
Который ужъ къ Нему летѣлъ.
М. Маркусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый ангелъ, къ намъ;
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять—ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ;
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.

И неизбѣжное свершалось,
Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
Невозвратимо удалялось
Святое, милое отъ насъ.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился
Преображенный, къ небесамъ...
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженства рая
Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила;
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьемъ нашихъ душъ полна.

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
Опять для насъ твоя краса;
Ты повидался съ небесами
И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
Начнется, ангелъ, для тебя;
Ты заглянулъ въ святыни рая—
Но землю избралъ самъ, любя.

И въ новомъ къ намъ переселеньѣ
Сталъ ближе къ вѣчному Отцу,
Его очами на мгновенье
Увидѣвъ тамъ лицомъ къ лицу.

И чище будетъ жизнь земная,
Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
Ты къ намъ принесъ съ собой изъ рая
Надежду, вѣру и любовь.

1842.

1-ое ІЮЛЯ 1842.

Встаетъ Христовъ знаменоносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ;
Сѣдластъ бѣлаго коня,
И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По свѣтозарнымъ небесамъ,
По громоноснымъ облакамъ
Летитъ въ знакомый край полночи;
Горятъ звѣздами чудны очи;
Прекрасенъ блескъ его лица;
Въ рукѣ могучей два вѣнца:
Одинъ вѣнецъ изъ лавровъ чистыхъ,
Другой изъ бѣлыхъ розъ душистыхъ.

Зачѣмъ же онъ на Русь летитъ?..
Онъ съ тѣхъ временъ, какъ Русь стоитъ,
Всегда пророчески являлся,
Какъ скоро Божій судъ свершался,
Во славу иль въ спасенье намъ.
Онъ въ первый разъ явился тамъ—
Какъ вождь, сподвижникъ и хранитель—
Гдѣ вѣнценосный напъ крститель
Во Іордань днѣпровскихъ водъ
Свой вѣрный погрузилъ народъ,
И стала Русь земля Христова.
Тамъ у Крещатика святого
Союзъ свой съ нами заключилъ
Великій ратникъ Божьихъ силъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ.
Когда свирѣпый бѣдоносецъ
На Русь половчанинъ напалъ,
Передъ врагомъ невѣрнымъ сталъ
Онъ вмѣстѣ съ бодрымъ Мономахомъ,
И надолго, объятый страхомъ,
Врагъ заперся въ своихъ степяхъ.
Но нашъ великій Мономахъ,
Тѣхъ дней послѣднее свѣтило,
Угасъ, и время паступило
Неизглаголанное золъ:
Пожаръ усобницъ и крамолъ
Повсюду вспыхнулъ; братъ на брата
Пошелъ войной и супостата
Губить отчизну подкупилъ,
И, обезумясь, потащилъ
Самъ русскій матерь-Русь ко гробу...
Тогда Господь на нашу злобу
Свой гнѣвъ карающій послалъ:
На насъ ордынецъ набѣжалъ,
И опозорилъ Русь святую,
Тяжелую, двухвѣковую
На шею цѣпь набросивъ ей;
Тогда погибла честь князей:
Топоръ ордынца своенравно
Ругался ихъ главой державной;
И прежней славы самый слѣдъ
Исчезъ... одинъ во мглѣ сихъ бѣдъ,
Въ шуму сихъ страшныхъ вражьихъ оргій,
Нашъ Божій ратникъ, нашъ Георгій
Намъ неизмѣнно вѣренъ былъ;
Звѣздой надежды онъ свѣтилъ
Намъ изъ-за тучи испытанья;
О бодрыхъ праотцахъ преданья
Унывшимъ внукамъ онъ берегъ;
Его къ намъ милующій Богъ
Ниспосылалъ, чтобъ подкрѣплялъ насъ,
Когда въ огнѣ скорбей ковалъ насъ
Въ несокрушаемый булатъ
Тяжелый испытанья млатъ.
И, мученикъ побѣдоносный,
Онъ плѣнъ мучительно-позорный
Терпѣть насъ мужески училъ;
Въ бояхъ же нашъ сподвижникъ былъ;
Онъ съ Невскимъ опрокинулъ шведа—
И стала Невская побѣда
Въ началѣ долгихъ рабства бѣдъ
Святымъ пророчествомъ побѣдъ,

Создавшихъ снова нашу силу;
Онъ былъ Тверскому Михаилу
Утѣшнымъ спутникомъ въ Орду,
Предсталъ съ нимъ ханскому суду,
И братскую страдальцу руку
Простеръ, чтобъ онъ во славу муку
За Русь и вѣру воспріялъ;
Когда Донской народъ созвалъ,
Чтобъ дать ордынцу пиръ кровавый,
Въ день воскресенья нашей славы,
Надъ нашей ратью въ вышинѣ
Побѣдоносецъ на конѣ
Явился грозный, и, блистая,
Какъ въ небѣ туча громовая,
Воздвигнулось знамя со крестомъ
Передъ испуганнымъ врагомъ,
И первый русскій бой свободы
Однимъ великимъ днемъ за годы
Стыда и рабства отомстилъ.
Срокъ искупленья наступилъ;
Въ насъ запылала жизнь иная;
Преображенная, младая,
Свершивъ дорогу темныхъ бѣдъ,
Дорогой свѣтлою побѣдъ
Пошла къ своей чредѣ Россія;
И все, что времена лихія
Насильно взяли, то она,
Въ благія славы времена,
Сама взяла обратно съ бою;
И вмѣстѣ съ ней рука съ рукою
Ея побѣдоносецъ шелъ.
Орды разрушился престолъ;
Казань враждебная исчезла;
За грань Урала перелѣзла
Лихая шайка Ермака,
И передъ саблей казака
Съ своими дикими ордами
И златоносными горами
Смирилась мрачная Сибирь...
Тогда святой нашъ богатырь,
Съ нашествіемъ и плѣномъ сладивъ,
И съ Руси слѣдъ послѣдній сгладивъ
Стыда и бѣдъ, взмахнулъ мечомъ,
И быстро обскакалъ кругомъ
Ея врагамъ *доступной* грани:
И начались иныя брани
На всѣхъ концахъ ея тогда;
Чудотворящая звѣзда
Петрова знаменіемъ славы
Намъ возсіяла въ день Полтавы,
И свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ
Свою торжественно развилъ
Хоругвь съ крестомъ надъ Русью славной;
Изъ Бельта флотъ ея державный
Намъ путь открылъ во всѣ моря;
Смирился Каспій, отворя
Ей древнія свои пучины;
Горами смерзшіяся льдины
И неподвижный свой туманъ
Ей Ледовитый океанъ
Воздвигъ на полночь твердой гранью;
Могучею покрыла дланью
Весь сѣверъ Азіи она;
Ея съ побѣдой знамена
Черезъ Кавказъ переступили,
И грозно пушки огласили
Предъ ней Балканъ и Арарать,
И дрогнулъ въ ужасѣ Царьградъ.
Отмстились древнія обиды:
Законно взяли мы съ Тавриды,
Что было взято съ насъ Ордой;
И за отнятое Литвой
Намъ Польша съ лихвой заплатила
Въ кровавый день, когда рѣшила
Судьба межъ двухъ родныхъ племенъ
Споръ, съ незапамятныхъ временъ
Сосѣдствомъ гибельнымъ зажженный,
И роковымъ лишь погашенный
Паденьемъ одного изъ двухъ.
И все свершилося: потухъ
Для насъ въ побѣдахъ пламень брани;
Несокрушаемыя грани
Намъ всюду создала война:
Жизнеобильна и сильна,
Въ могуществѣ миролюбива,
Въ избыткѣ славы нестроптива,
Друзьямъ сподвижникъ, врагъ врагамъ,
Надежный царствамъ и царямъ
Союзникъ въ дѣлѣ правды, славы,
Россія всѣ зоветъ державы
Въ могучій съ ней союзъ вступить,
Чтобъ миротворной правдой слить
Въ одно семейство всѣ народы.

Небесные покинувъ своды,
Зачѣмъ же нынѣ посѣтилъ
Насъ свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ,
Сподвижникъ нашъ побѣдоносный?

Давно ордынскій плѣнъ поносный
Забытъ; иноплеменный врагъ
На нашихъ нивахъ и поляхъ
Не разливаетъ разоренья;
Мы сами для побѣдъ иль мщенья,
Какъ то бывало въ старину,
Не мыслимъ начинать войну—
Зачѣмъ же нынѣ вдругъ предсталъ онъ?
Зачѣмъ поспѣшно осѣдлалъ онъ
Лихого бѣлаго коня,
И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По небесамъ, по облакамъ,
Нежданый вдругъ примчался къ намъ?—
Не бранный гость, а мироносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ,
Теперь пришелъ, не звать насъ въ бой,
А вмѣстѣ съ нами нашъ святой
Семейный пиръ царевъ отправить,
И русскій весь народъ поздравить
Съ прекраснымъ царской жизни днемъ,
Съ такимъ поздравить торжествомъ,
Какого царство не видало,
Какого прежде не бывало
Подъ кровлей царскаго дворца.
И два въ рукахъ его вѣнца:
Одинъ вѣнецъ царю въ подарокъ;
Изъ свѣжихъ лавровъ онъ, и ярокъ
Нетлѣнный блескъ его листовъ;
Онъ не увянетъ, какъ любовь
Къ царю, какъ царская держава,
Какъ честь царя, какъ Руси слава.
Царицѣ въ даръ вѣнецъ другой
Изъ бѣлыхъ розъ—ихъ блескъ живой
Съ ея душою сходенъ ясной;
Какъ роза бѣлая, прекрасно
На тронѣ жизнь ея цвѣтетъ
И благодатное лѣтъ
На все любви благоуханье;
Родной семьи очарованье,
Народа русскаго краса,
Свѣтла, чиста, какъ небеса,
Да долго намъ она сіяетъ,
Насъ радуетъ, насъ умиляетъ,
Незаходимою звѣздой
Горя надъ русскою землей!..

Серебряную свадьбу правя
Царя великаго, и славя
Его домашній царскій бытъ,
Которымъ онъ животворитъ
На всѣхъ концахъ своей державы
Семейные благіе нравы—
Любви супружней образецъ,
Дѣтей заботливый отецъ—
Народъ о томъ лишь Бога молитъ:
«Да нѣкогда царю дозволитъ,
«Чтобъ онъ съ царицею своей,
«Всѣхъ сыновей и дочерей
«И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
«И тратъ въ семьѣ не испытавши,
«Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
«На праздникъ *свадьбы золотой*.»

1843.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ.

КОРСИКАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

[ИЗЪ МЕРИМЕ].

Въ кустахъ, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккіо, со всѣхъ
Сторонъ звучали голоса и часто
Гремѣли выстрѣлы; то былъ отрядъ
Разсѣянныхъ егерей; они ловили
Бандита стараго Санпьеро; но,
Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки
Имъ не давался онъ, хотя навылетъ
Прострѣленъ пулей былъ. И вотъ, на верхъ
Горы взбѣжавъ, онъ хижины достигнулъ,
Въ которой жилъ съ своей семьей Маттео
Фальконе; но къ несчастью въ это время
Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома:
Онъ у воротъ стоялъ и на долину
Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ,
Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Санпьеро
Бросается къ нему и говоритъ:
Спаси меня; я раненъ; егеря
За мною гонятся; они ужъ близко!—
«Да я одинъ; отца нѣтъ дома; съ нимъ
Ушла и мать.»—Что нужды! спрячь меня
Скорѣй.—«Да что отецъ на это скажетъ?»—
Отецъ тебя похвалитъ: отъ меня жъ
На память вотъ тебѣ монета.—Мальчикъ,
Монету взявши, ввелъ на дворъ Санпьеро;
Онъ спрятался тамъ въ сѣно; Фортунато жъ
(Такъ звали мальчика) проворно сѣномъ
Его закрылъ, и кровь втопталъ въ песокъ,

покойный принялъ. Въ этотъ мигъ
ъ на дворъ съ своими Гамба (главный
щикъ; онъ былъ родственникъ
дался ли тебѣ Саппьеро? [Маттео).
ика спросилъ онъ; вѣрно здѣсь
видѣлъ.—«Нѣтъ, я спалъ.»—
Ты лжешь;
трѣляютъ, спать нельзя.—«Да мой
трѣляетъ громче васъ, а я
не просыпаюсь.» — Отвѣчай же,
елъ Саппьеро? Ты его
идѣлъ; правду говори, не то
станется.—«Попробуй тронуть
ть пальцемъ; мой отецъ Маттео
е, знаешь?»—Твой отецъ тебя
то лжешь ты, высѣчетъ.—«Анъ
нѣтъ,
ъчетъ».—Да гдѣ же твой отецъ?—
ѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
динъ.»—Къ товарищамъ тогда
умѣньи обратившись, Гамба
кровавый слѣдъ привелъ насъ
прямо
ъ вѣрно здѣсь; но этотъ домъ
атъ не стану я; съ Маттео
е ссориться опасно.—Гамба
нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
спрятанъ былъ; а Фортунато,
дто безъ намѣренья цѣпочкой
его играя, непримѣтно
сть отъ мѣста рокового
. Гамба, вынувъ изъ кармана
казалъ: я ужъ давно тебѣ
ь, Фортунато, приготовилъ.
тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ?—
сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ
скоро
ать лѣтъ мнѣ будетъ.»—А тебѣ
ишь только десять. Эта пѣсня
Вотъ посмотри сюда, какіе
ные часы.—И онъ на солнцѣ
ихъ, и они сверкали ярко.
жадными за ними бѣгалъ
ленный ихъ блескомъ Фортунато...
съ эмалью, стрѣлки золотыя,
ой узорный циферблатъ...
же, гдѣ Саппьеро?—«А часы
мнѣ?»—Дамъ.—И Гамба поднялъ
Часы, какъ чаша роковыхъ вѣсовъ, [выше
Надъ головой ребенка, раза два
Шатнувшися, они остановились.
Онъ искушенія не выпесъ; въ немъ
Вся внутренность зажглась; какъ въ
лихорадкѣ,
Онъ задрожалъ, и, правую тихонько
Подпявши руку, вдругъ, какъ звѣрь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закинувъ за спину ее, въ молчаньи
На сѣно Гамбѣ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Фортунато,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Саппьеро изъ-подъ сѣна тутъ же
Былъ вытащенъ: съ презрѣньемъ поглядѣлъ
На мальчика, и, въ руки егерямъ [онъ
Отдавшися, сказалъ: другъ Гамба, ты
Ужъ въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки; я идти не въ силахъ;
Весь кровью изошелъ я; признаюсь,
Стрѣлять ты мастеръ, и въ меня такъ ловко
Попалъ, что ужъ теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ.—И о немъ, какъ о родномъ
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялися.
Ему хотѣлъ монету Фортунато
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ
Онъ мальчика, который, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголъ.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей незваныхъ
Увидѣлъ въ хижинѣ; поспѣшно онъ
Свое ружье на выстрѣлъ приготовилъ,
И подалъ знакъ женѣ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Смѣло
И осторожно онъ подходитъ. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
Въ его лицо всмотрѣвшися, онъ дуло
Ружья нацѣленнаго опустилъ.
«Маттео—Гамба продолжалъ, къ нему
Навстрѣчу вышедъ—мы лихого
Поймали звѣря; но добыча эта
Намъ дорого досталась: двое изъ нашихъ
Легли.»—Кого?—«Саппьеро, твоего
Пріятеля; вѣдь онъ и у тебя
Укралъ двухъ козъ.»—То правда: по
большая

Семья у бѣдняка; а голодъ, знаешь,
Не свой братъ. — «Вотъ стрѣлокъ! Отъ
насъ бы вѣрно
Онъ ускользнулъ, когда бъ не Фортунато,
Мальчишка твой, помогъ намъ.»—Форту-
нато!
Маттео вскрикнулъ.—Фортунато! мать
Со страхомъ повторила.—«Да! Санпьеро
Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато
Его и выдалъ намъ; за это всѣ вы
Получите спасибо отъ начальства.»—
Холоднымъ потомъ обдало Маттео;
Онъ въ хижину вошелъ. Тамъ егеря
Вкругъ старика, который чуть дышалъ,
Отъ раны изнемогши, суетились;
И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
На ихъ работу; но какъ скоро шумъ
Услышалъ и, глаза поднявъ, увидѣлъ
Въ дверяхъ стоящаго Маттео, громко
Захохоталъ, и страшенъ былъ тотъ хохотъ.
Онъ плюнулъ на стѣну и, задыхаясь,
Глухимъ, осипымъ голосомъ сказалъ:
Будь проклятъ этотъ домъ; Іуды здѣсь
Предатели живутъ!—Какъ полотно,
Маттео поблѣднѣлъ и кулакомъ
Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ, какъ
мертвый,
Стоялъ безгласно. Вотъ ужъ старика
Уклали на носилки, понесли
Изъ хижины: вслѣдъ за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышелъ;
И вотъ ужъ всѣ пропали за кустами...
Маттео ничего не замѣчалъ;
Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
Подкравшися, хотѣлъ отцову руку
Поцѣловать; Маттео взвизгнулъ: прочь!
У мальчика подрѣзалися ноги;
Не въ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
Къ стѣнѣ прижавшись, плакалъ и дрожалъ.
«Моя ль въ немъ кровь?» сверкнувши
на жену
Глазами тигра, закричалъ Маттео?—
Вѣдь я жена твоя, она сказала,
Вся покраснѣвъ.—«И онъ предатель!»—
Тутъ
Рыдающая мать, взглянувъ на сына,
Увидѣла часы.—Кто далъ тебѣ ихъ?
Она спросила.—«Дядя Гамба.»—Вырвавъ
Съ свирѣпымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у
Часы, ударилъ оземь ихъ Маттео, [сына
И въ дребезги они разбились. Долго
Потомъ, какъ будто въ забытьи, стучалъ
Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ очнувшись,
сыну
Сказалъ: за мной!—И онъ пошелъ; за нимъ
Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ мышкой,
Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
Схвативъ его за полу платья: онъ
Твой сынъ! твой сынъ! кричала. Вырвавъ
Изъ рукъ ея, онъ прошепталъ: а я [полу
Его отецъ, пусти.—Поцѣловавши
Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Ихъ проводить; когда жъ они изъ глазъ
Вдали исчезли, плача и рыдая
Передъ Мадонною она упала.
Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю онъ ружьемъ
Копнулъ: земля рыхла. «Стань на колѣни,
Ребенку онъ сказалъ, читай молитву.»
Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
Къ отцу, и завизжалъ: отецъ, прости
Меня; не убивай меня, отецъ.—
«Читай молитву.»—Мальчикъ, задыхаясь,
Проленеталъ со страхомъ: Отче нашъ
И Богородицу. «Ты кончилъ?»—Нѣтъ,
Еще одну я знаю литанею;
Ее мнѣ выучить отецъ Франческо
Велѣлъ.—«Она длинна; но съ Богомъ.»—
Дуломъ
Ружья подперши лобъ, онъ руки сжалъ
И про себя за сыномъ повторилъ
Его молитву. Кончивъ литанею,
Сынъ замолчалъ. «Готовъ ты?» — Ахъ,
отецъ,
Не убивай меня.—«Готовъ ты?» — Ахъ!
Прости меня, отецъ.—«Тебя проститъ
Всевышній Богъ.» И выстрѣлъ загремѣлъ.
Отъ мертваго отворотивъ глаза,
Пошелъ назадъ Маттео. На погахъ онъ
Былъ твердъ; но жизни не было въ его
Лицѣ; съ подпорой старости своей
И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ

упомъ, чтобы могилу вырыть
схоронить. Ему навстрѣчу,
въ выстрѣлъ, кинулась жена:
тя! нашъ сынъ! что сдѣлалъ ты,
» — Долгъ свой. Тамъ онъ на полянѣ
По немъ поминки будутъ: онъ,
истіанинъ, умеръ съ покаяньемъ;
его младенческую душу
тъ и успокоитъ. Ты же,
берешься съ силой, объяви
ятю нашему, мою
льную волю, чтобъ онъ нынче жъ
ъ на житье съ женой переселился.

КАПИТАНЪ БОПЪ.

ПОВѢСТЬ.

блѣ купеческомъ Медузѣ,
плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
питаномъ Бопъ, морякъ искусный,
вѣкъ недобрый; онъ своихъ
акъ притѣснялъ, былъ такъ без-
стыдно
нъ, такъ ругался дерзко всякой
й, что его весь экипажъ
но ненавидѣлъ; наконецъ
былъ вспыхнуть бунтъ и капи-
тану бъ
овать... Но Богъ рѣшилъ иначе.
занемогъ опасно капитанъ;
раблемъ команду принялъ штур-
манъ;
же, всѣми брошенный, лежалъ
тѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
мощи издохъ, какъ зараженный
и это съ злобнымъ смѣхомъ было
явлено. Ужъ дни четыре,
ый болѣзнію, лежалъ
нъ, и никто не смѣлъ къ нему
тобы хоть каплею воды
къ изсохшій освѣжить,
ову повисшую его
й подпереть, иль добрымъ словомъ
ную душу ободрить;
ъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
лаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
дверь его вошли, и что ему
умильный голосъ: «каковы
итанъ?» — То мальчикъ Робертъ
лѣтъ двѣнадцати; ему [былъ,
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?» — Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ боль-
ной.
«Я, капитанъ.» — Ахъ, Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. — «Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить.» — Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» — Это также было
Ему позволено. Потомъ больного Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ
крикомъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча бъ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Не примиренный, если бъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ капитанъ?»

Онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою!.. Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего иного
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человѣкъ.—«Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь.»—Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?—Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда
Попрежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
Послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на кораблѣ найдется
Евангелье; попробуй, поищи.—
И подлинно, евангелье нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость. Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.
«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?»—
Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется.—Робертъ
Раскрылъ евангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ,
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало,
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.

На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я... что съ моей душою,
Съ моею бѣдною душою будетъ!
Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?—
«Нѣтъ, капитанъ; я ни какой другой
Молитвы, кромѣ *Отче нашъ* не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ.»—Ахъ! Робертъ,
Молися за меня; стань на колѣна;
Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это онъ тебя благословитъ.
Молися, другъ, молися о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ.—
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая: Царь небесный,
Помилуй грѣшника меня. И оба
Рыдали.—Ради Бога на колѣна
Стань, Робертъ, и молися за меня.—
И увлеченный жалостію мальчикъ
Сталъ на колѣна и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
«Ты моего больного капитана.
«Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него
«Молился—я молиться не умѣю.
«Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный
«Боится, что ему погибнуть должно—
«Ты, Господи, не дай ему погибнуть.
«Онъ говоритъ, что быть ему въ аду—
«Ты, Господи, возьми его на небо;
«Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
«Его душой—Ты, Господи, вели,
«Чтобъ ангелъ Твой вступился за него.
«Мнѣ жалокъ онъ; его больного всѣ
«Покинули; но я, пока онъ живъ,
«Ему служить не перестану; только
«Спасти его я не умѣю; сжалься
«Надъ нимъ Ты, Господи, и научи
«Меня молиться за него.»—Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ

Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до почи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,
Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокій
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое,
Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья исходитъ.
Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
Со мною было! Я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я—кого же? Самого
Спасителя Христа; Онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я и приползъ къ Его
Ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Іисусъ Христосъ, помилуй. И тогда
Мнѣ показалось, будто на меня—
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя капитана онъ взглянулъ...
О, какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ Нему поднять
Осмѣлился глаза... и что же? Онъ...
Да, Робертъ!.. Онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О! что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на Него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ...
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А Онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ Его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой при-
И нѣжной жалостію на меня... [скорбной
И вдругъ Его уста пошевелились,
И я Его услышалъ голосъ... чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И Онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!
Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись...
Но сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: *Тотъ* меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
Что Онъ сказалъ на Вечери Святой,
Переломивши хлѣбъ и влившій въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой Искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ...—При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
«Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.»—
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Родного жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребенокъ...
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь

Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь.—Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ евангеліе слушалъ.
Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постелѣ, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: капитанъ!—отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постелѣ. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
По прежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничь
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

———

1844.

—

ДВѢ ПОВѢСТИ.

Подарокъ на новый годъ издателю «Москвитянина».

[Изъ шамиссо и рюккерта].

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, Кирѣевскій, сталъ и москвичъ
И «Москвитянинъ». Въ добрый часъ, приняться
Давнымъ давно пора тебѣ за дѣло.
Меня жъ взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поется; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ. Но все однако
На новый годъ мнѣ *должно* подарить
Тебя и твой журналъ. Другъ, даровому
Копю, ты знаешь самъ, не смотрятъ въ зубы.
И такъ прошу принять мой лептъ вдовицы.

Недавно мнѣ случилося найти
Преданіе о древнемъ Александрѣ
Въ Талмудѣ. Я хочу преданье это
Здѣсь разсказать такъ точно, какъ оно
Разсказано въ еврейской древней книгѣ.
Черезъ песчаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежомъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;

Ее и мигъ покоя раздражалъ;
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился; и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастію; что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
Туда! туда! съ мечомъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской.
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной;
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки. Куда же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ
Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечомъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. Стой, сказалъ привратникъ чудный,
Кто бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.
«Я царь земли, воскликнулъ Александръ,
Прогнѣванный нежданнымъ запрещеньемъ.» —
Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ.—
«Я Александръ!» —Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ. На это Александръ:
«Итакъ, назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ. Но крайней мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ.» На это стражъ:
Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно
Твой темный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возьми.—Онъ взялъ; и въ путь пошелъ обратный;
А на пути, созвавши мудрецовъ,
Передъ собою знаменье велѣлъ
Имъ изъяснить. Мнѣ! повторялъ онъ въ гнѣвѣ,
Мнѣ! Александру! даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости!—Сынъ Филипповъ,
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,
Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить и дастъ тебѣ отвѣтъ.
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ;
Въ другую чашу кость отъ положилъ,
И... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ: онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу—
Ни на волосъ она не опустилась. [Затрепеталъ на тронѣ царь могучій;
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій;
И онъ спросилъ: какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить?—
Щепоткою земли, сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку:
И чаша съ костью быстро поднялася,
И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: великій государь,
Былъ нѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ;
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній
Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ сожрать голоднымъ взоромъ.
Все золото земное всыпьте въ чашу,

Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото... все будетъ мало; но
Покрой его щепоткою земли—
И пропадетъ его ненасытимость;
Сквозь легкій прахъ грузъ ужъ не пробьется
Онъ жаднымъ взоромъ. Ты жъ, великій царь,
Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
Значеніе и времени и жизни.
Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ въ истлѣвшей этой кости.
Но царь внималъ съ поникшей головой;
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ;
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва;
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
Греми труба! впередъ, мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ.
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверзтымъ
Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь, и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался
Сильнѣйшей жаждою побѣды новой,
И наконецъ они ему щепоткой
Земли глаза покрыли—онъ утихъ.

Но кажется, почтенный Москвитянинъ,
Что мой тебѣ подарокъ въ новый годъ,
Некстати мраченъ: гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,
Тщета величій... въ новый годъ дарить
Такимъ добромъ неловко; виноватъ,
И вотъ тебѣ разсказъ повеселѣе.

Жилъ на востокѣ царь; а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задалъ царь такой вопросъ Кериму:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки
Сначала на день, послѣ на два, послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
«Вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ.
Мой слабый умъ его обнять не можетъ;
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить».
И въ путь Керимъ отправился искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ, какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ: «свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ—садись
Кто хочетъ и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ,
А на столахъ предъ ними безъ числа
Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя,
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства.
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно;
И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
Насытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
Сидѣли съ нимъ, простясь, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ: спасибо
За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.»
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Не мало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ.—Керима тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ набожный, смиренномудрый.
Ему убѣжищемъ была пещера:
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И немедля
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ: «послушай; черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,

Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды;
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
Въ испугѣ прянулъ; онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустого водоема:
Тамъ змѣй ворочался, и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за который онъ
Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема
Входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажали
Всѣ вѣтви корня, а когда земля
Шумѣла, падая на дно, оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень
Перегрызутъ, и скоро ль съ пошей кустъ
Къ нему на дно обрушится. Но что же?
Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
На ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу;
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя,
И въ сторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ мышей — а самъ, рукой добравшись
До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать
И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:
Кто этотъ жалкій путникъ? *Человѣкъ.*
Пустыня жъ съ водоемомъ *свѣтъ;* а путь
Черезъ пустыню наша *жизнь* земная;
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель, *грѣхъ:*
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной,
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта *смерть*—
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? Ихъ названье *день* и *ночь;*
Безъ отдыха, смѣняяся, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть;
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувствъ, желаній утоленьемъ,
Забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ,
И смерть—внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи—
Мышей грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все забылъ—тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?»
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: святой отшельникъ, твой
Разсказъ замысловатъ, но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ;
Не такъ печальна наша жизнь, какъ степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти;
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Плѣняется безпечно человѣкъ.
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,

Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
Задамъ ему на всякій случай мой
Вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ?—На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
Одинъ *нѣмой* сказалъ *слѣпому:* если
Увидишь ты *арфиста,* попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впадшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ *слѣпой:*
Такого мнѣ *арфиста* ужъ случалось
Видать здѣсь; я *безногаго* за нимъ
Отправлю; онъ его въ одну минуту
Найдетъ. *Безногій* побѣжалъ и скоро
Нашелъ *арфиста;* былъ *арфистъ* безъ рукъ,
Но онъ упрямиться не сталъ, и такъ
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался; то *слѣпой* увидя,
Всплеснулъ руками; вслухъ *нѣмой* хвалить
Сталъ музыканта, а *безногій* началъ
Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочилъ *дуракъ:* онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо ихъ
Прошла тихонько *мудрость,* и, увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ. Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдой
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный,
И жизни таинство ему открылъ.
И предъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицомъ, и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ; а царь спросилъ:
«Что жъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь?»—Снерва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мной
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, что, милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Что жъ на дорогѣ добраго, худаго
Мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать—оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: *уродить*
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,
Тебѣ отчетъ принесть въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ; потомъ
Примолвилъ: такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ и, печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой
Обители твоей, какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть *странствіе по свѣту*
Такое жъ какъ мое, *во исполненье*
Верховной воли высшаго царя.
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.

И для тебя, мой добрый Москвитянинъ,
Какъ и для всѣхъ, въ обѣихъ повѣстяхъ
Полезное найдется наставленье.

Хотя урокъ, такъ безуспѣшно данный
Эдемской костью Александру, болѣ
Земнымъ царямъ приличенъ; но и ты,
Какъ журналистъ, воспользоваться имъ
Удобно можешь: будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наѣзднивъ правды;
Съ журналами другими не воюй;
Ни съ *Библіотекой для чтенья*, ни
Съ *Записками*, ни съ *Сѣверной Пчелою*,
Ни съ *Русскимъ Вѣстникомъ*; живи и
Давай другимъ; и обладать одинъ [жить
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повѣсти я толковать
Тебѣ не стану; мнѣ давно извѣстно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смиренно вѣдаешь: *куда*, *зачѣмъ*
И *кто* тебѣ по ней идти велитъ.

1845.

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

ПОВѢСТЬ.

[изъ шамиссо].

Усталый шелъ крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ,
Былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдую передъ тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно дол-
Но тяжестью не всѣ кресты равны; [женъ;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ и моя душа
Погибнетъ. Такъ въ безсмыслін онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
«Передъ тобою всѣ кресты земные
«Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
«Захочешь взять, тотъ и возьми.» И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ, рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, за то
И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ нелегокъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: Господи! позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ. И взялъ. Но что же?— Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО.

СКАЗКА.

Однажды жилъ, не знаю гдѣ, богатый
И добрый человѣкъ. Онъ былъ женатъ,
И всей душой любилъ свою жену;
Но не было у нихъ дѣтей; и это
Ихъ сокрушало, и они молились,

Чтобы Господь благословилъ ихъ бракъ;
И къ Господу молитва ихъ достигла.
Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на полянѣ
Тамъ дерево тюльпанное росло.
Подъ этимъ деревомъ однажды (это
Случилось въ зимній день) жена сидѣла
И съ яблока румянаго ножомъ
Снимала кожу; вдругъ ей острый ножъ
Легонько палецъ оцарапалъ; кровь
Пурпурной каплею на бѣлый снѣгъ
Упала; тяжело вздохнувъ, она
Подумала: о! если бъ Богъ намъ далъ
Дитя, румяное, какъ эта кровь,
И бѣлое, какъ этотъ чистый снѣгъ!
И только что она сказала это, въ сердцѣ
Ея какъ будто что зашевелилось,
Какъ будто изъ него утѣшный голосъ
Шепнулъ ей: сбудется. Пошла въ раздумьи
Домой. Проходитъ мѣсяцъ—снѣгъ растаялъ;
Другой проходитъ—все въ лугахъ и рощахъ
Зазеленѣло; третій мѣсяцъ миновался—
Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ;
Прошелъ четвертый—всѣ въ лѣсу деревья
Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
Въ густыхъ вѣтвяхъ запѣли голосисто,
И съ ними весь широкій лѣсъ запѣлъ.
Когда же пятый мѣсяцъ былъ въ исходѣ—
Подъ дерево тюльпанное она
Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжо
Благоухало, что ея душа
Глубокою, невѣдомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился мѣсяцъ—стали наливаться
Плоды и созрѣвать; она же стала
Задумчивѣй и тише; наступалъ
Седьмой—и часто, часто подъ своимъ
Тюльпаннымъ деревомъ она одна
Сидитъ, и плачетъ, и ее томитъ
Предчувствіе тяжелое; насталъ
Осьмой—она въ концѣ его больная
Слегла въ постелю, и сказала мужу
Въ слезахъ: когда умру, похорони
Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ; мѣсяцъ
Девятый кончился—и родился
У ней сынокъ, какъ кровь, румяный, бѣлый,
Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
Что умерла. И мужъ похоронилъ
Ее въ саду подъ деревомъ тюльпаннымъ.
И горько плакалъ онъ объ ней; и цѣлый
Проплакалъ годъ; и начала печаль
Въ немъ утихать; и наконецъ утихла
Совсѣмъ; и онъ женился на другой
Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
Но не была ничѣмъ жена вторая
На первую похожа; въ домъ его
Не принесла она съ собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрѣла, въ ней смѣялася душа;
Когда жъ глаза на сироту, на сына
Другой жены, невольно обращала,
Въ ней сердце злилось: онъ какъ будто ей
И жить мѣшалъ; а хитрый искуситель
Противъ него пашептывалъ всечасно
Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
Сиротка росъ и ни одной минуты
Веселой въ домѣ не было ему.
Однажды мать была въ своей каморкѣ,
И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
Съ тяжелой, кованной желѣзомъ кровлей
И съ острымъ нутянымъ замкомъ; сундукъ
Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
Марлиночка (такъ называли дочь):
Дай яблочко, родная, мнѣ.—Возьми,
Ей отвѣчала мать.—И братцу дай,
Прибавила Марлиночка.—Сначала
Нахмурилася мать; но врагъ лукавый
Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
Когда твой братъ воротится домой
(А изъ окна ужъ видѣла она,
Что мальчикъ шелъ, и чудилося ей,
Что будто на нее съ нимъ вмѣстѣ злое
Шло искушенье); кованый сундукъ
Закрывъ, она глаза на двери дико
Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
Малютка и вошелъ, ея лицо
Бѣлѣе стало полотна; поспѣшно
Она ему дрожащимъ и глухимъ
Сказала голосомъ: вынь для себя
И для Марлиночки изъ сундука
Два яблока. При этомъ словѣ ей
Почудилось, что кто-то подлѣ громко
Захохоталъ; а мальчикъ, на нее
Взглянувъ, спросилъ: зачѣмъ ты на меня
Такъ страшно смотришь?—Выбирай скорѣе!
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ея глаза

Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчикъ
За яблокомъ нагнулся головой [робко
Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ
Скорѣй! И кровлею она тяжелой [шепнулъ:
Захлопнула сундукъ, и голова
Малютки, какъ ножомъ, была желѣзнымъ
Отрѣзана замкомъ и, отскочивши,
Упала въ яблоки. Холодной дрожью
Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
Изъ шкапа шелковый платокъ достала,
И, голову отрѣзанную къ шеѣ
Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
Такъ плотно, что примѣтить ничего
Не можно было, и потомъ она
Передъ дверями мертваго на стулъ
(Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
Его спиной придвинувъ) посадила;
И наконецъ, какъ будто не была
Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать.
Марлиночка въ испугѣ прибѣжала [Вдругъ
И шепчетъ: посмотри туда; тамъ братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ; онъ такъ бѣлъ;
И держитъ яблоко въ рукѣ; но самъ
Не ѣстъ; когда жъ его я попросила,
Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.
На то сказала мать: поди къ нему
И попроси въ другой разъ; если жъ онъ
Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
И на тебя не взглянетъ, подери
Его покрѣпче за ухо; онъ спитъ.
Марлиночка пошла, и видитъ: братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, бѣлъ какъ
снѣгъ;
Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
Какъ прежде, яблоко въ рукахъ, но самъ
Его не ѣстъ. Марлиночка подходитъ
И говоритъ: дай яблочко мнѣ, братецъ.
Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
Тихонько братца дернула; и вдругъ
Отъ плечъ его отпала голова
И покатилась. Съ крикомъ прибѣжала
Марлиночка на кухню. Ахъ! родная,
Бѣда! бѣда! я братца моего
Убила! голову оторвала
Я братцу.—И бѣдняжка заливалась
Слезами и кричала крикомъ. Ей
Сказала мать: Марлиночка, ужъ горю
Не пособить; намъ надобно скорѣй
Его прибрать, пока не воротился
Домой отецъ; возьми и отнеси
Его покуда въ садъ, и спрячь тамъ; завтра
Его сама въ оврагъ я брошу; волки
Его съѣдятъ, и косточекъ никто
Не сыщетъ; перестань же плакать; дѣлай,
Что я велю.—Марлиночка пошла;
Она, широкой бѣлой простынею
Обвивши тѣло, отнесла его,
Рыдая, въ садъ, и тамъ его тихонько
Подъ деревомъ тюльпанным положила
На свѣжій дернъ, который покрывалъ
Могилку матери его... И что же?
Могилка вдругъ раскрылася, и тѣло
Взяла, и снова дернъ зазеленѣлъ
На ней, и расцвѣли на ней цвѣты,
И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,
И весело запѣла, и взвилась
Подъ облака и въ облакахъ пропала.
Марлиночка сперва оторопѣла;
Потомъ (какъ будто кто въ ея душѣ
Печаль заговорилъ) ей стало вдругъ
Легко-- пошла домой и никому
О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
Спросилъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ
онъ? Мать,
Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала:
Ранехонько ушелъ онъ со двора,
И все еще не возвращался. Было
Ужъ за полдень; была пора обѣдать,
И накрывать на столъ хозяйка стала.
Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
Не шевелясь и молча; день былъ свѣтлый;
Ни облачка на небѣ не бродило,
И тихо блескъ полуденнаго солнца
Лежалъ на зелени деревъ, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая съ могилы братца птичка
Летала да летала; вотъ она
На кустикъ сѣла подъ окошкомъ дома,
Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
Расправивъ крылышки, запѣла громко:
Зла мачиха загрызала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду

Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянулъ; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:
Пропой еще разъ, милая пичужка.—
«Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка
Сказала, подари цѣпочку мнѣ,
И запою.»—Услышавъ это, мастеръ
Богатую ей бросилъ изъ окна
Цѣпочку. Правой лапкою схвативши
Цѣпочку ту, свою запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,
Спорхнула съ кустика съ своей добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,
Спустилася и тамъ опять запѣла:
Зла мачиха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
Башмачникъ въ это время у окна
Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ
Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ,
И видитъ, что сидитъ на кровлѣ птичка
Чудесной красоты. Ахъ! птичка, птичка,
Сказалъ башмачникъ, какъ жаль прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню
Пропѣть?—«Я даромъ дважды не пою,
Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ
Сафьянныхъ башмаковъ.» Башмачникъ тотчасъ
Ей вынесъ башмаки. И лѣвой лапкой
Ихъ взявъ, свою опять запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,
Спорхнула съ кровли съ новою добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На мельницу, которая стояла
Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ
Прохладныя долины, прилетѣла.
Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ колесъ,
И съ громомъ въ ней мололъ огромный жерновъ;
И въ воротахъ ся рубили двадцать
Работниковъ дрова. На вѣтку липы,
Которая у мельничныхъ воротъ
Росла, спустилась птичка и запѣла:
Зла мачиха зарѣзала меня;
Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ
Глаза и пересталъ рубить дрова.
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Оставили еще работу двое.
Сестрица же Марлиночка меня—
Тутъ пятеро еще, глаза на лицу
Оборотивъ, работать перестали.
Близъ матушки родной моей въ саду;—
Еще тутъ восемь вслушалися въ пѣсню;
Остолбенѣвши, топоры они
На землю бросили и на пѣвицу
Уставили глаза; когда жъ она
Умолкнула, послѣднее пропѣвъ:
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла,
Всѣ двадцать разомъ кинулися къ липѣ
И закричали: птичка, спой намъ
Еще разъ пѣсенку твою. На это
Сказала птичка: «дважды пѣть не стану
Я даромъ; если же вы этотъ жерновъ
Дадите мнѣ, я запою.»—Дадимъ,
Дадимъ, въ одинъ всѣ голосъ закричали.
Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ
Подпявъ съ земли они его надѣли
На шею птичкѣ; и она, какъ будто
Въ жемчужномъ ожерельѣ, отряхнувшись,
И крылышки расправивши, запѣла
Звучнѣй, чѣмъ прежде, и, допѣвъ, спорхнула
Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро,
На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпь,
А въ лѣвой башмаки. И такъ она
На дерево тюльпанное въ саду
Спустилась. Той порой отецъ сидѣлъ
Передъ окномъ; попрежнему въ углу
Марлиночка; а мать на столъ сбирала.
Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ свѣтелъ
И теплъ майскій день!—«А мнѣ, сказала
Жена, такъ тяжело, такъ душно!
Какъ будто бы сбирается гроза.»—
Марлиночка жъ, прижавшись въ уголокъ,
Не шевелилася, сидѣла молча,
И плакала. А птичка той порой,
На деревѣ тюльпанномъ отдохнувши,
Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.
Какъ на душѣ моей легко! опять
Сказалъ отецъ, какъ будто бы кого
Родного мнѣ увидѣть.—«Мнѣ жъ, сказала
Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожитъ;

И кровь по жиламъ льется какъ огонь.»—
Марлиночка жъ ни слова; въ уголку
Сидитъ, не шевелясь, и тихо плачетъ.
Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, запѣла:
Зла мачиха загрызла меня;
Услышавъ это, мать въ оцѣпенѣньи
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтобъ не видать и не слыхать; но въ уши
Гудѣло ей, какъ будто шумъ грозы,
Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,
Какъ молнія, и потъ смертельный тѣло
Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.
Отецъ родной не выдастъ о томъ.
Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая
Тамъ птичка! какъ поетъ! а день такъ тихъ,
Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,
Что скажешь: вся земля въ цвѣты одѣлась.
Пойду и посмотрю на эту птичку.—
Останься, не ходи, сказала въ страхѣ
Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ
Въ огнѣ.—Но онъ пошелъ. А птичка пѣла:
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпанным погребла.
И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая
Упала передъ нимъ. Смотрите, онъ
Сказалъ, какой подарокъ дорогой
Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла
Жена отъ страха устоять на мѣстѣ,
И начала, какъ въ изступленьи, бѣгать
По горницѣ. Опять запѣла птичка:
Зла мачиха загрызла меня—
А мачиха блѣднѣла и шептала:
О! если бъ на меня упали горы,
Лишь только бъ этой пѣсни не слыхать!—
Отецъ родной не выдастъ о томъ;
Тутъ повалилася она на землю,
Какъ мертвая, какъ трупъ окостенѣлый.
Сестрица же Марлиночка меня—
Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
Сказала: побѣгу, не дастъ ли птичка
Чего и мнѣ. И, выбѣжавъ, глазами
Она искала птички. Вдругъ упали
Ей въ руки башмаки; она въ ладоши
Отъ радости захлопала. Мнѣ было
До этихъ поръ такъ грустно, а теперь
Такъ стало весело, такъ живо!—
Нѣтъ, простонала мать, я не могу
Здѣсь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть. И она вскочила;
На головѣ ея стояли дыбомъ,
Какъ пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
Она въ безумьи кинулась... но только
Ступила порогъ, тяжелый жерновъ
Бухъ!.., и ея какъ будто не бывало;
На мѣстѣ же, гдѣ казнь надъ ней свершилась,
Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
Когда къ печезъ огонь, живой явился
Тамъ братецъ; и Марлиночка къ нему
На шею кинулась. Отецъ же долго
Искалъ жены глазами; но ея
Онъ не нашелъ. Потомъ всѣ трое сѣли,
Усердно Богу помолясь, за столъ;
Но за столомъ никто не ѣлъ, и всѣ
Молчали; и у всѣхъ на сердцѣ было
Спокойно, какъ бываетъ всякій разъ,
Когда оно почувствуетъ живѣй
Присутствіе невидимаго Бога.

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

СКАЗКА.

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ, и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній; а меньшему дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,
Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? Такъ онъ вслухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
А Котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
Ходить за дичью по болоту—самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой. Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ Котомъ своимъ хозяинъ,
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ Котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То, мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,

То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ Кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею Котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ, онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а Котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.
Побѣдою довольный, во дворецъ
Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
Чтобы о немъ немедля доложили.
Велѣлъ ввести Кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
Я кролика, великій Государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина,
Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина); имѣетъ честь
Онъ вашему величеству свое
Глубокое почтенье изъявить,
И проситъ васъ принять его гостинецъ.—
Скажи маркизу, отвѣчалъ король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ.—Королю
Откланявшися, Котъ пошелъ домой;
Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому, что онъ
Былъ въ кабинетѣ принятъ королемъ
И съ нимъ наединѣ (и ужъ конечно
О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
Бесѣдовалъ; а Котъ былъ такъ учтивъ,
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю Котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ.
И ихъ немедленно онъ къ королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота и, перепелокъ самъ принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ напъ Котъ
Недѣли три, четыре къ королю
Отъ имени маркиза Карабаса
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
Сбирается прогуливаться въ полѣ
Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи. Такой
Совѣтъ принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по горло.
А въ это время былъ король ужъ близко.
Вдругъ началъ Котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ!—Что сдѣлалось? подъѣхавъ,
Спросилъ король.— «Маркиза Карабаса
«Ограбили и бросили въ рѣку;
«Онъ тонетъ.»—Тутъ, по слову короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ маркиза.
А королю Котъ на ухо шепнулъ:
Я долженъ вашему величеству донесть,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли
(А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ).
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ
снялъ

Съ себя мундиръ и далъ его маркизу
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
И Котъ его представилъ королю;
И королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундиръ
(Хотя на немъ и не совсѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому, что брюхо было
У королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ—короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ Котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбиравшихъ сѣно; Котъ имъ закричалъ:
Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски.—Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасный лугъ
Принадлежитъ?—Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный
Богатые луга у васъ, марѣкизъ, [Котъ).
Король замѣтилъ. А маркизъ, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные. Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій Котъ увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ
Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски.—Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? онъ
Спросилъ жнецовъ.—Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизъ, у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
Попрежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А Котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ наконецъ въ великолѣпный замокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и Котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ замокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи; и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: какую нужду
Вы, Котъ, во мнѣ имѣете? На это
Котъ отвѣчалъ: почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто бы вы
Умѣете во всякій превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вамъ? «Это правда; сами, Котъ,
Увидите.»—И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой,
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ Кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, Котъ
Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ напримѣръ, въ мышенка превратиться?
«Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,
Что жъ тутъ мудренаго?»—И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ; Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ цапъ! и съѣлъ мышонка.
Король тѣмъ временемъ, подъѣхалъ къ [замку,
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ,
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ ли угодно, Государь,
Пожаловать на перепутьи въ замокъ
Къ маркизу Карабасу?—Какъ, маркизъ,
Спросилъ король, и этотъ замокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ.—
И приказалъ король своей коляскѣ

Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ жъ руку предложилъ маркизъ,
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ въ пространной галереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ
(На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ, не вошли, и всѣ домой
Отправились). И, сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ?—Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

СКАЗКА О ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ
и
сѣромъ волкѣ.

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ царстве
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ, должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ;
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья;
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночного вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ такъ же,
Какъ Климъ царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ когда, настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала

Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичъ,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его расцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
Попрежнему ѣсть, пить и спать. Но въ
Желанье сильное зажглось: добыть [немъ
Воровку яблокъ чудную жаръ-птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ, Климъ царевичъ
И Петръ царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю достаньте
Жаръ-птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя достанъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.

На это царь сказалъ: Иванъ царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство?—Но Иванъ царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: *кто*
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ; кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ, а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ.
Вправо,
Подумавши, новоротить рѣшился
Иванъ царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса сѣрый волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И сѣрый волкъ пропалъ. Иванъ царевичъ,
Повѣсивъ голову, пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
Попрежнему явился сѣрый волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
«Мнѣ жаль, Иванъ царевичъ, мой сердеч- [ный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?»
И сѣрому Иванъ царевичъ волку
Все разсказалъ. А сѣрый волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать жаръ-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иванъ царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.

«Пріѣхали, Иванъ царевичъ! волкъ
Сказалъ; но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду».—Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ.
Вынувъ
Изъ клѣтки золотой жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И, позабывъ, что сѣрый волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; по отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь (онъ назывался
Далматомъ) такъ сказалъ: откуда ты?
И кто ты?—Я Иванъ царевичъ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть [садъ
Тамъ яблоки: за ней меня послалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ.—На это царь
Далматъ сказалъ: царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жаръ-
И я тебѣ ее руками бъ отдалъ [птицу;
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай, я тебѣ мою жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвра-
То по всему разславлю свѣту я, [тишься,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ.
Повѣсивъ голову, Иванъ царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ сѣрый волкъ
Оставленъ. Сѣрый волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ
Царя Афрона прибыли они, [царство
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились.—Ну, Иванъ царевичъ,
Послушай, сѣрый волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюха спять крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова понадешь въ бѣду. —
Въ конюшню царскую Иванъ царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совсѣмъ о томъ, что сѣрый волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюха вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ царевичъ то жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: хорошій ты
Царевичъ! такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйну бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня .
Золотогрива дать я не намѣренъ,
Лишь поѣзжай за тридевять земель
Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ разславлю,
Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ.
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ
Туда Иванъ царевичъ, гдѣ его

Ждалъ сѣрый волкъ. И сѣрый волкъ сказалъ:
Ой ты, Иванъ царевичъ! если бъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло.
И сѣрый волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужъ тридевять земель,
И вотъ они уже въ тридесятомъ царствѣ;
И сѣрый волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна—съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и няпюшки—пошла
Прогуливаться въ садъ; а сѣрый волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки и няпюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, каммергеры,
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ—все напрасно:
Ужъ сѣрый волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко и слѣдъ
Давно простылъ; царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ сѣрый волкъ
Ее сердечную перепугалъ).
Вотъ по-немногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ царевичъ,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба-службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый волкъ сказалъ:
Иванъ царевичъ, здѣсь должны умненько
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай, и, получивъ
Коня золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытномъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь оземь,
Сталъ сѣрый волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону,
И, получивъ коня золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворцѣ жъ царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ; когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ: сѣрый волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться; онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ въ двери.
Всѣ принялись кричать: держи, держи!
Лови, лови!—Куда ты? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный сѣрый волкъ;
И ужъ, сошедъ съ коня золотогрива,
Иванъ царевичъ пересѣлъ на волка,
И ужъ впередъ они опять, какъ вихрь,
Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство

Далматово они. И сѣрый волкъ
Сказалъ: въ коня золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жаръ-птицу,
Попрежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ волкъ устроилъ.
Немедленно велѣлъ золотогрива
Царь осѣдлать, и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ, и царь Далматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,
Ногами вверхъ, и, по плеча ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками и, напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами; вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ припялися громко
Кричать: лови, лови! трави, трави!
Но было некого травить; на волкѣ
Уже попрежнему сидѣлъ Иванъ
Царевичъ; на копѣ жъ золотогривѣ
Царевна и подъ ней золотогривъ
Гордился и плясалъ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали; и мало ль, долго ль
Ихъ длилася дорога—наконецъ
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ сѣрымъ волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости;
И сѣрый волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: теперь, Иванъ царевичъ,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть;
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ и лаской твоею
Доволенъ я, покуда живъ, тебя
Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ: съ этимъ словомъ волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами, далѣ
Поѣхалъ на копѣ золотогривѣ,
И ѣхали они дня три, четыре;
И вотъ, подъѣхавши къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ, увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли... кто же? Климъ
И Петръ царевичи. Иванъ царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ; а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій приняв̀ши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
Злодѣи братья: мигомъ острый мечъ
Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и, взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня золотогрива,
Какъ добрые, отправилися въ путь.
А между тѣмъ, недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ воро-
Носился, каркая и распустивши [пономъ
Широко крылья, хищный воронъ.—Вдругъ,
Откуда ни возьмись, явился сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,

мощь подоспѣлъ; еще бъ минута,
о бъ поздно. Угадавъ, какой
умыселъ у ворона, онъ далъ
а мертвое спуститься тѣло;
ько тотъ спустился, разомъ цапъ
хвостъ; закаркалъ старый воръ.
меня на волю, сѣрый волкъ,
ъ онъ.—Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
не принесетъ твой воронепокъ
и мертвой мнѣ воды. И воронъ
ь летѣть скорѣе воронепку
твою и за живой водою.
полетѣлъ, а сѣрый волкъ, отца
комъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
разговаривать, и старый воронъ
но могъ ему поразсказать
, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
птицъ и межъ людей. И слушалъ
большимъ вниманьемъ сѣрый волкъ,
рости его необычайной
ся, но однако все за хвостъ
ржалъ и иногда, чтобъ онъ
бывался, мялъ его легонько
густыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
ла и прошла; и занялась
когда съ живой водой и мертвой
ухъ пузырькахъ проворный воронепокъ
я. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки,
она отца пустилъ на волю.
ь онъ съ пузырьками подошелъ
жавшему недвижимо Ивану
ичу: сперва его онъ мертвой
вспрыснулъ—и въ минуту рана
крылася, окостенѣлость
ла въ мертвыхъ членахъ, заиграл
ецъ на щекахъ; его онъ вспрыснулъ
і водой—и онъ открылъ глаза,
велился, потянулся, всталъ
вилъ: какъ же долго проспалъ я?
но бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
ичъ, сѣрый волкъ сказалъ, когда бъ
теперь тебѣ прямую службу
лужилъ; но эта служба, знай,
диняя; отнынѣ о себѣ
ся самъ. А отъ меня прими
ь и поступи, какъ я тебѣ скажу.
ъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
ѣтъ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель
И подданные всѣ его теперь
Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
Съ жаръ-птицей и конемъ золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое
Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выйти жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавить только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не пролагалъ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой подпебесной въ ступѣ,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ;
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь, и внизъ по лѣстницѣ сойди;
Тамъ за двѣнадцатью дверями заперть
Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ царевичъ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
И сѣрый волкъ помчался къ лѣсу; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ царевичъ съ
грустью,

Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицомъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ, онъ слышитъ, конь заржалъ,
и ржанье
Такъ было сильно, что, съ петлей сорва-
вшись,
Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ
стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичъ свист-
Почуявъ сѣдока, на молодецкій [нулъ;
Свистъ богатырскій конь изъ стойла
прянулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива, словомъ конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу.
Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ копю
Все объяснилъ и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ. И взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Былиночки съ земли не подымая.
Но, такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ
дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;
Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ... и
Два лѣшая дерутся на дорогѣ, [что жъ?
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало?—Вотъ за что,
Сказалъ одинъ; три клада намъ достались:
Драчунъ дубинка, скатерть самобранка,
Да шапка невидимка—насъ же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты
Разумный человѣкъ; подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить?—А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ; пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь въ запуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы?—Согласны, закричали
Рогатые; и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичъ: лѣшіе за ней
Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичъ, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ лѣшимъ оставивъ

юнзволъ, начать ли снова драку
юмириться. Богатырскій конь
лъ еще до захожденья солнца
емучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичъ
ся древности его огромныхъ
ь и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
вечернею; и все въ немъ тихо:
ья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
лыхнется листъ, не шевельнется
ика; нѣтъ живого ничего
змолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
чій топотъ конскій. Наконецъ
царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
урьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ:
избушка,
ика, къ лѣсу стань задомъ, ко мнѣ
передомъ. И передъ нимъ избушка
ернулась; онъ въ нее вошелъ;
еряхъ остановясь, перекрестился,
ѣ четыре стороны потомъ,
должно, поклонился и, глазами
ику всю окинувши, увидѣлъ,
а полу ея лежала Баба
уперши ноги въ потолокъ
уголъ голову. Услышавъ стукъ
еряхъ, она сказала: фу! фу! фу!
диво! русскаго здѣсь духу
ихъ поръ не слыхано слыхомъ,
дано видомъ, а нынче русскій
ужъ въ очахъ свершается. Зачѣмъ
ловалъ сюда, Иванъ царевичъ?
сю ль волею? Донынѣ
ни дубравный звѣрь не проходилъ,
тица легкая не пролетала,
огатырь лихой не проѣзжалъ;
какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
ичъ?—Ахъ, безмозглая ты вѣдьма!
лъ Иванъ царевичъ Бабѣ
сначала накорми, напой
ты, молодца; да постели
лю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
ъ разспрашивай. И тотчасъ Баба
поднявшись на ноги, Ивана
ича, какъ слѣдуетъ, обмыла
парила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:
Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду жъ свою разскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.
Иванъ царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и проспалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, опъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ! добрый молодецъ Иванъ царевичъ,
Затѣялъ ты пешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на морѣ на Окіанѣ,
На островѣ великомъ на Буянѣ
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заяцъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его пріѣдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатиголовый входъ
Въ тотъ замокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться, у тебя на то [
Дубинка есть: она его уйметъ.
А ты, надѣвши шапку невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли самогуды:
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Дапиловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ. Иванъ царевичъ,
Простившись съ Бабою Ягою, сѣлъ

На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свиснулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Окіанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Окіану
Иванъ царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ
И что въ томъ неводѣ морская щука
Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчьи говоритъ: Иванъ
Царевичъ вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
Иванъ царевичъ, тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлеснувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ царевичъ
Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
Онъ видитъ, длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и недалекъ;
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ: о чемъ, Иванъ царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебѣ корабль; сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись,
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.
И въ гриву конскую Иванъ царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутого берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбь и сильными прыжками,
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ
вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ царевичъ медлить; опь,
Коня пустивъ по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ
Который росъ у берега морского [дубу,
На высотѣ муравчатаго холма.
И, къ дубу подошедъ, Иванъ царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырской,
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ—дубъ скрыпнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе,
Дубъ покачнулся и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ царевичъ
Всей силою рванулъ его—и съ трескомъ
Онъ повалился, изъ земли коренья
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ царевичъ кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ царевичъ
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувырнулась утка;
И изъ нея вдругъ выпало яйцо,
И прямо въ море; и пошло, какъ ключъ,
Ко дну. Иванъ царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла и, къ берегу съ яйцомъ во рту
Тихохонько приближась, на пескѣ
Яйцо оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой

ъ замокъ былъ; ея подошва
ена была стѣной желѣзной;
вороть желѣзной той стѣны
адцатиголовый змѣй лежалъ;
ь его двѣнадцати головъ
шесть спали, шесть не спали, днемъ
ью по два раза для надзора
нясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
и вдалекѣ остановиться
гѣлъ: змѣй подымался, и отъ зубъ
жъ не было спасенья—онъ
невреднмъ и только самъ себя
умертвить; чужая жъ сила сладить
имъ ни какая не могла. Но конь
осторожепъ; онъ подвезъ Ивана
ича къ горѣ со стороны
ивной воротамъ, въ которыхъ змѣй
ъ и караулилъ; потихоньку
ъ Царевичъ въ шапкѣ невидимкѣ
халъ къ зубью; шесть его головъ
ѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
увъ рты, оскаливъ зубы; шесть
хъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
ли на землѣ, не шевелясь,
мъ объятыя хранѣли. Тутъ
ъ царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
шую спокойно на сѣдлѣ,
улъ ей: начинай! Не стала долго
ка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
гѣя кинулась, и ну его
ловамъ и спящимъ и неспящимъ
ить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
сюда бросаться; а дубинка
ебѣ колотить да колотить;
только онъ одну разинетъ пасть,
ее схватить—анъ нѣтъ, прошу
ропиться, ужъ она
другую чешетъ морду; всѣ онъ
адцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
ать—опа по всѣмъ его зубамъ,
енпымъ какъ будто на показъ,
гъ и всѣ зубы чистить; взвывъ
ъ посы наморщивъ, онъ зажметъ
ты и лапами схватить дубинку
будетъ—она тогда его
гъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
въ наступленіи, какъ одурѣлый,
ся, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю—все па-
Не торопясь, отчетливо, спокойно, [прасно!
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя и, когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ
сильно,
Что разорвался на двое и, съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ копя оставивъ,
И разостлавши скатерть самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцомъ
Въ Кощеевъ замокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы;
Вотъ наконецъ добрался и до замка
Кощеева Иванъ царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалеко
Играютъ гусли самогуды; въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ идти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,
Но онъ и самъ пожаловалъ. Приближась,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ же

Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я... Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣломъ ему
Собакѣ; не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей
И глупымъ сватовствомъ своимъ пре-
Царевнамъ; злого сна не наводи [краснымъ
На царства! крѣпче бей его, дубинка.—
«Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?»—А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ царевичъ, шапку невидимку
Снявъ съ головы своей, и въ тожъ мгновенье
Ударилъ оземь онъ яйцо; оно
Разбилось въ дребезги; Кощей безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли самогуды,
Жаръ-птицу и коня золотогрива.
Когда жъ они съ крутой горы спустились
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ замкомъ, и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ царевичъ далъ
Коямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли самогуды; ночью
Свѣтила имъ жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ.
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Катались по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ дорогой,
И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало; на полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичомъ, взмахнутымъ и за-
снувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ концемъ и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча;
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы:
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ: люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ царевичъ наослѣдокъ прибылъ
Съ царевной Еленою прекрасной.
И, на широкій въѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ сонными строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ царевичъ:
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ

и храпѣлъ министръ его двора
открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ
адомъ; и придворные чины, [во рту
вытянувшись, сонные стояли
дъ царемъ, уставивъ на него
глаза, потухшіе отъ сна,
подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
заснувшею улыбкой на губахъ.
ъ царевичъ, подошедъ съ царевной
ою прекрасною къ царю,
алъ: играйте, гусли самогуды;
играли гусли самогуды...
гъ все очнулось, все заговорило,
ыгало и заплясало; словно
на минуту не былъ прерванъ пиръ.
арь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
передъ нимъ съ царевною Еленой
красною стоитъ Иванъ царевичъ,
любимый сынъ, едва совсѣмъ
обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
ѣлъ на сына, глазъ не отводя,
ѣловалъ его и миловалъ,
апослѣдокъ такъ развеселился,
руки въ боки, и пошелъ плясать
царевною Еленою прекрасной.
омъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пу-
шить въ колокола и бирючамъ [шекъ,
ицѣ возвѣстить, что возвратился
ъ царевичъ, что ему полцарства
рь же уступаетъ царь Демьянъ
ловичъ, что онъ именованъ
ѣдникомъ, что завтра бракъ его
царевною Еленою свершится
придворной церкви и что царь Демьянъ
ловичъ весь свой народъ зоветъ
свадьбу къ сыну, всѣхъ воеиныхъ,
статскихъ,
истровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
тыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
цовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
ъ нищихъ. И на слѣдующій день
Бсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
ловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
вѣнчали, тотчасъ поздравленье
принесли всѣ знатные чины
ихъ половъ; а народъ на площади
щовой той порой кишѣлъ, какъ море;
а же выпелъ съ молодыми царь
нему на золотой балконъ, отъ крика:

Да здравствуетъ нашъ государь Демьянъ Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ Царевичемъ и съ дочерью царевной Еленою прекрасною! всѣ зданья
Столицы дрогнули, и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости—вся его столица;
Въ домахъ остались одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло—хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ: уха, какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кастрюляхъ;
Огромножирныя, длиною въ сажень,
Изъ Волги стерляди на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ грудями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной, какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрусталь-
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ [ныхъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И рейнское, и всякія наливки—
Короче молвить, скатерть самобранка
Такъ отличилася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція—дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила: во дворцѣ
Держала караулъ; она жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину прямо
На съѣзжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ

За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что отъ воровства
Навѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели—дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ
Все во дворцѣ кипѣло, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли самогуды
Явили все усердіе свое:
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужъ музыки наслышались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ
подъ графской
Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель сѣрый волкъ! Его
Встрѣчать бѣгомъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахромою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью—такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ; не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И, гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили, и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня жаръ-птица освѣтила.
И до утра столица пировала.
Былъ почевать оставленъ сѣрый волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житье, и увѣрялъ,
Что всякую получитъ почесть онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, сѣрый волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски сѣрый волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ

Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а сѣрый волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, няпчился съ его
Дѣтьми, самъ, какъ дитя, рѣзвился съ ними,
Меньшимъ разсказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ напослѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и сѣрый волкъ
Въ могилу. Но въ его пашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

ПОВѢСТЬ ОБЪ ІОСИФѢ ПРЕКРАСНОМЪ.

I.

Іаковъ жилъ въ землѣ, гдѣ Исаакъ
Его отецъ жилъ прежде; въ Хананейской
Землѣ богатой; сыновья его
Пасли въ горахъ обильныя стада.
Межъ ними самый младшій былъ Іосифъ.
Онъ родился Іакову подъ старость,
И болѣ всѣхъ любилъ его отецъ.
Онъ пеструю одежду далъ ему
И веселился, видя красоту
Его лица. А братьямъ было то
Завидно; въ сердцѣ ихъ кипѣла
Вражда къ Іосифу; и никогда
Они привѣтственнаго слова брату
Не говорили. Разъ приснился сонъ
Ему—и братьямъ разсказалъ Іосифъ
Тотъ сонъ. Послушайте, онъ говорилъ,
Привидѣлося мнѣ, что будто всѣ
Мы въ полѣ; будто всѣ мы вяжемъ
Снопы; вдругъ снопъ мой поднялся, а ваши
Передъ моимъ, какъ будто поклоняясь
Ему, легли. На это братья всѣ
Сказали: видно, хочешь ты надъ нами
Господствовать и нашимъ быть царемъ?
И болѣе съ тѣхъ поръ его они
Возненавидѣли. Потомъ ему
Опять приснился сонъ. Его отцу
И братьямъ разсказалъ Іосифъ: мнѣ
Привидѣлось, что солнце и луна
Съ одиннадцатью свѣтлыми звѣздами
Мнѣ поклонились. Но отецъ ему
Велѣлъ умолкнуть, говоря: что можетъ
Твой сонъ знаменовать? Иль мыслишь ты,
Что и отецъ и мать и братья въ землю
Тебѣ поклонятся? И братья пуще
Противъ него за этотъ чудный сонъ
Озлобились; отецъ же про себя
Его слова на памяти сберегъ.
И скоро братья на поля Сихема
Отцовскія стада перевели.
Тогда, призвавъ Іосифа, Іаковъ
Ему сказалъ: твои всѣ братья нынѣ
Въ Сихемѣ на лугахъ стада моихъ
Овецъ пасутъ; поди, мой сынъ Іосифъ,
Туда, провѣдай, здравствуютъ ли братья
И овцы; и объ нихъ мнѣ принеси
Извѣстіе. Покинувши долину
Хевронскую, пошелъ въ Сихемъ Іосифъ.
Онъ не нашелъ тамъ братьевъ; но ему,
Искавшему ихъ, человѣкъ
Прохожій встрѣтился и у него
Спросилъ: кого ты ищешь? Онъ ему
Сказалъ въ отвѣтъ: ищу своихъ я братьевъ.
И тотъ ему отвѣтилъ: я слыхалъ
Ихъ говорящихъ здѣсь: мы въ Дофаимъ
Пойдемъ отсюда.—И за ними вслѣдъ
Пошелъ Іосифъ въ Дофаимъ, и ихъ
Нашелъ онъ въ Дофаимѣ. Издали
Увидѣвши идущаго его,
Они сказали: вотъ идетъ сновидецъ!
И замыслъ погубить его ихъ сердце
Проникъ. Другъ другу такъ они сказали:
Когда придетъ онъ, мы убьемъ его
И бросимъ тѣло въ этотъ водоемъ,
И скажемъ, что его съѣлъ дикій звѣрь.
Тогда увидимъ, сбудется ли сонъ,
Которымъ хвасталъ онъ! Услышавъ ихъ
Слова, Рувимъ, чтобы изъ рукъ ихъ брата
Спасти, имъ такъ сказалъ: не убивайте
Его на вашу душу; рукъ своихъ
Не обагряйте кровью; а живого
Его спустите въ этотъ водоемъ
И тамъ оставьте. Такъ онъ говорилъ,
А втайнѣ былъ намѣренъ отвести
Его къ отцу. Когда жъ къ нимъ подошелъ
Ихъ братъ Іосифъ, пеструю съ него

Одежду снявши, въ водоемъ они
Его спустили; былъ тотъ водоемъ
Глубокъ, но безъ воды. Потомъ всѣ вмѣстѣ
Обѣдать начали. Но въ это время,
Поднявъ глаза, увидѣли они
Толпу людей. Измаильтяне шли
Изъ Галаада; на своихъ верблюдахъ
Коренья пряные, бальзамъ и мирру
Они везли въ Египетскую землю.
Увидя ихъ, сказалъ Іуда братьямъ:
Какая будетъ польза намъ, когда
Его мы умертвимъ; онъ наша кровь,
Онъ братъ нашъ; лучше продадимъ его
Купцамъ измаильтянскимъ. Братьямъ
Совѣтъ понравился. Когда жъ купцы [этотъ
Приблизились, они, изъ водоема
Іосифа немедленно извлекши,
Его за двадцать золотыхъ монетъ
Купцамъ тѣмъ продали; и ими онъ
Былъ уведенъ въ Египетскую землю.
Когда жъ Рувимъ, который не случился
При этомъ торгѣ, ввечеру пришелъ
Къ пустому водоему, чтобъ оттуда
Взять брата, въ водоемѣ брата онъ
Ужъ не нашелъ; свою отъ скорби ризу
Съ себя сорвавъ, онъ началъ горько пла-
И говорилъ: я брата не нашелъ! [кать,
Куда теперь пойду я!—Тѣ же, взявъ
Іосифову ризу и козленка
Зарѣзавъ, кровью облили ее,
И повелѣли отнести ту ризу
Къ Іакову и такъ ему сказать:
Вотъ что нашли въ лѣсу мы! посмотри,
Не риза ли, которую ты далъ
Іосифу?- Іаковъ посмотрѣлъ
И во мгновенье въ лоскутѣ кровавомъ
Онъ пеструю Іосифову ризу
Узналъ. И онъ воскликнулъ: это платье
Іосифа! звѣрь лютый съѣлъ его!
Іосифа похитилъ лютый звѣрь!
И пепломъ голову свою Іаковъ
Осыпалъ, и сорвалъ съ себя одежды,
И вретищемъ облекся: и о миломъ
Іосифѣ дни многіе онъ плакалъ.
И сыновья и дочери отца
Сошлися утѣшать: но утѣшенья
Не принималъ онъ и твердилъ: хочу
Я въ землю! къ милому хочу я сыну!
И объ Іосифѣ безъ утѣшенья
Іаковъ плакалъ.—А Іосифъ былъ
Въ Египтѣ далекѣ. Въ Египтѣ былъ онъ
Пентефрію, евнуху Фараона,
Измаильтянскими купцами продапъ.

II.

Но былъ съ Іосифомъ Господь. И въ домѣ
Пентефрія онъ жилъ благополучно,
Понеже зналъ Пентефрій, что Господь
Іосифу успѣхъ во всякомъ дѣлѣ
Ниспосылалъ, и въ милости великой
У господина былъ Іосифъ: ввѣрилъ
Ему весь домъ свой, всѣ свои поля,
И все свое имущество Пентефрій.
И водворилъ свою щедроту, ради
Іосифа, въ Пентефріевомъ домѣ
Господь. Но восхотѣлъ онъ напослѣдокъ
Іосифа подвергнуть испытанью,
И допустить благоволилъ, чтобъ въ сердцѣ
Пентефріевомъ злою клеветой
Противъ Іосифа великій гнѣвъ
Былъ возбужденъ. И гнѣвомъ ослѣпленный
Іосифа Пентефрій повелѣлъ
Въ темницу заключить, гдѣ содержались
Царевы узники. Но и въ бѣдѣ
Великой былъ Іосифъ сердцемъ веселъ
Предъ Господомъ. И былъ во мглѣ темничной
Господь съ Іосифомъ. Передъ темничнымъ
Старѣйшиною далъ ему свою
Онъ милость; и возлюбилъ его
Старѣйшина темницы; скоро
Ему надзоръ за узниками всѣми
Онъ ввѣрилъ; и его главой поставилъ
Надъ стражами другими, и надъ всею
Темницей царскою—и было все
Въ рукахъ Іосифа: понеже былъ
Съ Іосифомъ Господь его отцовъ.

III.

Случилося тогда, что Фараона
Прогнѣвали и царскій виночерпій,
И царскій хлѣбодаръ. Ихъ царь велѣлъ
Окованныхъ въ темницу заключить.
Темница же та самая была,
Въ которой столько времени томился
Іосифъ. И старѣйшина темничный
Ему въ надзоръ обоихъ ввѣрилъ знатныхъ
Царевыхъ узниковъ. Въ одну имъ ночь
Тревожные привидѣлися сны.
Когда пришелъ по утру къ нимъ Іосифъ,

Увидѣлъ онъ, что были оба мрачны.
И онъ спросилъ ихъ: отчего такое
Уныніе на вашихъ блѣдныхъ лицахъ?
Они сказали: видѣли мы сны;
Ихъ знаменье тревожитъ насъ. Іосифъ
Отвѣтствовалъ: намъ сны отъ Бога. Что жъ вамъ
Приснилось?—Я видѣлъ, такъ сказалъ
Великій виночерпій, будто я
Стою передъ лозою виноградной,
Что та лоза три отрасли пустила,
Что зрѣлыя на ней висѣли грозды,
Что въ правой я рукѣ цареву чашу
Держалъ, а лѣвою рукой давилъ
Въ нее царю душистый сокъ изъ гроздьевъ.
И виночерпію сказалъ Іосифъ:
Три на лозѣ отростка значатъ три дня;
По истеченьи трехъ дней вспомнитъ царь
Тебя, и ты попрежнему возвышенъ
Въ свой знатный будешь санъ, и будешь въ пирѣ,
Попрежнему, какъ царскій виночерпій,
Напитокъ подносить царю. Когда же
То сбудется съ тобою, помяни
При счастіи меня и сотвори
Со мною милость: извлеки изъ мрака
Меня темничнаго, гдѣ заключенъ
Я, никакого зла не сотворившій.
То слыша, въ свой чередъ и хлѣбодаръ
Іосифу сказалъ: а мнѣ приснилось,
Что будто я на головѣ несъ три
Корзины съ царскимъ хлѣбомъ, что отвсюду
Слетѣлись птицы, что онѣ обсѣли
Корзины, и что весь расклевали ими
Былъ царскій хлѣбъ. — На то сказалъ Іосифъ:
Пройдетъ три дня, и Фараонъ велитъ
Твою взять голову, и ты на древѣ
Повѣшенъ будешь, и слетятся птицы
И расклюютъ твой трупъ. Три дня прошли,
И праздновалъ свое рожденье царь;
И пригласилъ въ свои палаты всѣхъ
Вельможъ на пиръ великій; вспомнилъ онъ
О виночерпіи, и повелѣлъ
Ему опять вступить въ высокій санъ свой,
И сталъ опять въ цареву руку чаши
Съ виномъ онъ подавать. А хлѣбодаръ,
Какъ предсказалъ ему Іосифъ, былъ
На третій *день казненъ*. *По виночерпій*
Объ узникѣ Іосифѣ забылъ,
И на-долго въ темницѣ онъ остался.

IV.

Два года протекли. Вдругъ царь встревоженъ
Былъ чуднымъ сномъ. Приснилося ему,
Что при рѣкѣ стоялъ онъ, и что семь
Коровъ большихъ, красивыхъ, тучныхъ, вышли
Изъ той рѣки, и стали на прибрежномъ
Лугу пастись, и злаками питались.
Что изъ рѣки другія семь коровъ
Ужасныхъ видомъ, злыхъ и тощихъ, вышли,
И бросились на первыхъ, и сожрали
Ихъ всѣхъ, и отъ того ихъ чрево стало
Пустѣй, чѣмъ было прежде. И въ испугѣ
Проснулся царь; но скоро онъ опять
Заснулъ, и сонъ другой ему приснился.
Онъ видѣлъ семь колосьевъ, на одномъ
Растущихъ стеблѣ, и колосья были
Полны прекрасныхъ, крупныхъ зеренъ; вдругъ
Другіе семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ,
Межъ первыми, на томъ же стеблѣ вышли,
И жирные колосья были разомъ
Безплодными поглощены. Въ испугѣ
Опять проснулся царь; и онъ ужъ болѣ
Заснуть не могъ. Его душа смутилась.
Когда жъ настало утро, онъ велѣлъ
Созвать гадателей и мудрецовъ,
Дабы они ему истолковали
Значенье сна. Но ни одинъ не могъ
Его истолковать. Тутъ виночерпій
О юношѣ, съ которымъ онъ былъ запертъ
Въ темницѣ, вспомнилъ и сказалъ царю:
Я тяжко согрѣшилъ, великій царь!
Я за добро, оказанное мнѣ,
Неблагодарностью воздалъ жестокой.
Мы были, я и хлѣбодаръ, твои
Рабы, заключены по волѣ царской
Твоей въ темницу; тамъ мы были сномъ.
Какъ нынѣ ты, устрашены. Въ темницѣ жъ
Былъ съ нами юноша, еврей, невольникъ
Пентефрія, вельможи твоего.
Онъ наши сны истолковалъ, и все
Намъ сказанное имъ сбылося: я
Тобою былъ помилованъ; а царскій
Твой хлѣбодаръ тобой былъ преданъ казни.
И повелѣлъ представить Фараонъ

Къ себѣ Іосифа. Былъ изведенъ
Изъ мрачной онъ темницы; былъ омытъ,
Благоухающимъ натертъ елеемъ,
Очищенъ, въ ризу новую одѣтъ,
И такъ его представили царю.
И царь сказалъ: я видѣлъ сонъ, но мнѣ
Его никто истолковать не можетъ.
Ты, говорятъ, пророчественнымъ духомъ
Исполненъ.—Я, отвѣтствовалъ Іосифъ,
Ничто; одинъ лишь Богъ Всевышній можетъ
Царю открыть въ грядущемъ зло и благо.
И царь ему сказалъ: приснилось мнѣ,
Что близъ рѣки стоялъ я, и что вдругъ
Изъ той рѣки семь добрыхъ, тучныхъ вышло
Коровъ, и что за ними слѣдомъ вышли
Другія семь коровъ, но злыхъ и тощихъ,
И что послѣднія сожрали первыхъ
И отъ того страшнѣй лишь отощали
Потомъ я семь колосьевъ, на одномъ
Цвѣтущихъ стеблѣ, тучныхъ и зернистыхъ
Во снѣ увидѣлъ, и межъ ними вдругъ
На томъ же стеблѣ семь другихъ колосьевъ
Безплодныхъ выросли, и во мгновенье
Безплодные пожрали плодоносныхъ.
Вотъ что приснилось мнѣ. Я вопросилъ
Гадателей и мудрецовъ; но сна
Изъ нихъ никто не могъ мнѣ объяснить.
Тогда сказалъ Іосифъ Фараону:
Въ обоихъ снахъ одно знаменованье;
Господь имъ хочетъ отворить
Передъ тобой временъ грядущихъ тайну.
И нынѣ знай, великій царь: семь тучныхъ
Коровъ и семь колосьевъ полныхъ значатъ
Семь лѣтъ обилія; а тощихъ семь
Коровъ и семь пустыхъ колосьевъ—семь
Голодныхъ означаютъ лѣтъ. Сперва
Семь лѣтъ во всей Египетской землѣ
Великое плодорожденье будетъ;
Потомъ семь лѣтъ безплодія настанетъ.
И голодъ всю Египетскую землю
Обыметъ, и во дни великихъ бѣдствій
О временахъ благихъ забудутъ люди.
И надлежитъ тому свершиться скоро,
Понеже ты двукратно видѣлъ сонъ.
Но посланъ онъ отъ Бога во спасенье
Тебѣ и всей Египетской землѣ.
Моими онъ теперь тебѣ устами
Смиренными, царь мудрый, говоритъ:
Немедленно тобою долженъ быть
Мужъ многоопытный и мудрый избранъ;
Надъ всей землей Египетской его
Поставь, и купно съ нимъ назначь повсюду
Мѣстоначальниковъ. Пускай отъ всѣхъ
Земныхъ плодовъ, въ теченіе семи
Обильныхъ лѣтъ, часть пятую они
Сбираютъ и хранятъ по городамъ;
Пускай пшеницею и всякимъ житомъ
Запасные наполнятся амбары,
Дабы во дни обилія на дни
Безплодія въ Египетской землѣ
Соблюдено богатство пищи было,
Чтобъ голодомъ народъ твой не погибъ.—
Такъ говорилъ передъ царемъ Іосифъ.
Царю и всѣмъ вельможамъ царскимъ былъ
Его совѣтъ благой угоденъ. Царь
Помыслилъ: гдѣ и скоро ли найдется
Мужъ опытный и боговдохновенный?
И, обратясь къ Іосифу, сказалъ онъ:
Могу ли я кого избрать премудрѣй
И опытнѣй тебя? Ты откровенье
Пріялъ отъ Бога. Будь же ты отнынѣ
Въ моемъ дому; велѣньямъ устъ твоихъ
Да покорятся всѣ! Однимъ престоломъ
Тебя я выше буду. Поставляю
Тебя надъ всей Египетской землей.
И снявъ свой царскій перстень, Фараонъ
Украсилъ имъ Іосифову руку,
Облекъ его пурпурною одеждой,
Златую цѣпь надѣлъ ему на шею,
И повелѣлъ, чтобъ въ царской колесницѣ
По городу всему его возили,
И чтобъ предъ нимъ шелъ царскій провозвѣстникъ
Народу власть его провозглашать.
И властвовать въ Египетской землѣ
Іосифъ началъ; юноша цвѣтущій,
Изъ узника, забытаго въ темницѣ,
Въ единый мигъ онъ сдѣлался могучимъ
Правителемъ Египетской земли,
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

V.

Семь первыхъ лѣтъ роскошнѣйшую
Въ Египетской землѣ давали нивы: [жатву
Былъ собранъ тамъ запасъ неисчислимый
Пшеницы, ржи и всѣхъ земныхъ плодовъ.
По городахъ, въ селеніяхъ, на полѣ,

Амбары полные сокровищъ нивныхъ
Безчисленны стояли. И когда
Прошли семь лѣтъ обильныхъ, и за ними
Семь лѣтъ безплодныхъ наступили — голодъ
По всей землѣ потоками разлился.
И возопилъ египетскій народъ
Къ царю въ своей бѣдѣ. Но царь народу
Отвѣтствовалъ: къ Іосифу идите,
Онъ дастъ вамъ пищу. И открылъ Іосифъ
Всѣ житницы. И не одинъ народъ
Египетскій отъ голода нашелъ въ нихъ
Спасеніе: изъ ближнихъ и далекихъ
Земель во множествѣ стекаться стали
Въ Египетъ люди, и цѣною малой
Изъ царскаго великаго запаса
Іосифъ хлѣбъ имъ продавалъ. И всѣ
Премудраго Египетской земли
Правителя народы прославляли...

14/26 марта 1845.—9/21 [іюня].

ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА.

[прем. солом. глава XVII].

Великъ, неизглаголанно великъ
Твой судъ, Господь!
Онъ въ помѣшательство ввергаетъ нечестивыхъ.
Святой народъ возмнили притѣснить
Они, безумцы, связанные тьмою,
Опутанные долгой ночью.
И, бѣглецы отъ промысла, они
Подъ кровлями лежали тайно;
Подъ мрачной неленой забвенья
Они укрыться мнили
Съ своими темными грѣхами...
И были вдругъ великимъ трепетаньемъ
Проникнуты; отвсюду
Ихъ несказанныя видѣнья обступили;
Въ вертепахъ ихъ все стало страшно;
Имъ слышались невѣдомые шумы;
И дряхлые съ лицомъ печальнымъ мертвецы
Смотрѣли имъ въ глаза;
И былъ огонь безсиленъ
Давать имъ свѣтъ; и звѣзды не могли
Разсѣять мглу ихъ страшной ночи;
И лишь одинъ невыразимый,
Самогорящій, страха полный огнь
Предъ ними вдругъ воспламенялся;
И вверженные въ трепетъ
Страшилищемъ, которое и было
И не было, они за нимъ
Еще страшнѣйшее живое мнили видѣть.
И были ихъ волхвы невластны
Подать имъ помощь; кто жъ изъ нихъ пытался
Болящую имъ душу исцѣлить.
Былъ самъ объятъ болѣзнью страха,
И трепеталъ; и слышались ему
Звѣриный бѣгъ, змѣиный свистъ,
И въ воздухъ онъ, которымъ тягостно дышалъ,
Боялся очи устремить...
Въ своемъ свидѣтельствѣ сама
Свое пріемлетъ осужденье злоба:
И страхъ двойной рождаетъ совѣсть,
Томимая виною сокровенной;
Тревожитъ все того, въ комъ вѣры нѣтъ
Въ спасенье, чье неутѣшимо сердце;
Ему гроза грядущія бѣды
Ужаснѣе самой бѣды наставшей.
И тѣмъ, которые въ ту ночь
(Изъ адовыхъ исшедшую вертеповъ)
Смятеннымъ сномъ объяты были,
Мечталися бѣгущія за ними
Страшилища, и силились напрасно
Они уйти...
На нихъ лежалъ тяжелый ужасъ!
И тотъ, на комъ лежалъ тотъ ужасъ,
Какъ брошенный въ темницу узникъ
Былъ скованъ безъ желѣзъ;
И кто бъ онъ ни былъ, пахарь иль пастухъ,
Иль дѣлатель трудовъ пустынныхъ,
Отъ неизбѣжнаго не могъ онъ убѣжать;
Всѣ были вдругъ
Опутаны одною цѣпью тьмы;
Свисталъ ли вѣтеръ, мимо пролетая,
Былъ слышенъ ли въ густыхъ
Древесныхъ сѣняхъ говоръ птицъ,
Шумѣли ль быстрольющіяся воды,
Иль громъ отъ падающихъ камней былъ,
Или играющихъ животныхъ
Теченіе, невидимое оку,
До слуха достигало,
Иль рыкъ звѣрей пустынныхъ раздавался,
Или изъ дебрей горныхъ
Отзывный голосъ говорилъ —
Все въ трепетъ ихъ ввергало несказанный.
Небесный свѣтъ по всей землѣ сіялъ,
И каждый, всюду, невозбранно,
Могъ трудъ обычный мирно совершать:
На нихъ же темная лежала ночь,

Прообразитель той великой почи,
Которой нѣтъ конца;
А сами для себя они
Тяжелѣ тьмы, на нихъ лежавшей, были.

1848.

КЪ РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ.

Не тревожься, великанъ!
Мирно стой, утесъ нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкругъ ревущій океанъ!
Вихрей бунтъ встревожилъ воды;
Всемъ дикой непогоды
Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ буря злится;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумѣвшій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подзвѣздной
Твой орелъ, пространства князь,
Надъ бунтующей смѣясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молніи въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной—
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами пѣны
Многоглавыя встаютъ
И толпою всей бѣгутъ
На твои ударить стѣны.
Ты же, бездны господинъ,
Мощный первенецъ творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступенъ, тихъ, одинъ;
Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ;
Ихъ гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги!

1849.

ЧЕТЫРЕ СЫНА ФРАНЦІИ.

[вольный переводъ].

1789.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый,
Сынъ Франціи, дофинъ.
Младенцемъ королева
Любуясь, говоритъ:
Онъ Франціи надежда;
Расти, мое дитя!
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ отецъ!
И лѣтъ проходитъ мало...
Сынъ Франціи, дофинъ,
Избитый, умираетъ
У Симона въ когтяхъ...
А мать на гильотинѣ,
Всей Франціи въ виду,
Ругательной рукою
Подъ ножъ кладетъ палачъ...

1812.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый;
И честь ему отдать
Сѣдые гренадеры
Становятся во фрунтъ:
Ему завоевала
Полсвѣта храбрость ихъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*
Онъ будетъ императоръ,
Когда умретъ отецъ!
И лѣтъ прошло не много...
Дней новыхъ Прометей,
Угаснулъ императоръ
Въ неволѣ на скалѣ;
А сынъ, томимый прошлымъ
Величіемъ отца
И сномъ временъ чудесныхъ,
Исчахъ въ тоскѣ души...

1830.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ, Людовика
Святого милый внукъ.
Еще лилися слезы
На гробъ его отца,
Когда онъ Богоданнымъ
Отъ всѣхъ былъ нареченъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*

Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ король!
И лѣтъ проходитъ мало...
Въ изгнаніи король;
Въ изгнаньи Людовика
Святого милый внукъ.
Ему съ клейнодомъ право
Осталося одно:
Надежды трость, чтобъ тверже
Онъ шелъ дорогой бѣдъ.

1848.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Дитя... Его былъ прадѣдъ
Филиппъ Egalitè;
И весело играетъ
Дитя на мѣстѣ томъ,
Гдѣ весело играли
Предмѣстники его.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*
Наслѣдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ король!..
Дитя, не вѣрь ихъ крику:
Встрѣчаетъ крикомъ крикъ
И ходъ къ коронованью
И къ плахѣ страшный ходъ;
Не вѣрь тому, что крадетъ
Здѣсь воръ и точитъ моль;
Не вѣрь своей коронѣ...
Вѣрь Богу одному.

18...

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Народъ самодержавный;
Имъ созданный король
И имъ же сокрушенный,
Сказалъ вѣнцу: *прости!*
Близъ мѣста, гдѣ на плаху
Взведенъ былъ Людовикъ,
Сломивъ рѣшетку сада,
Ура! кричитъ толпа:
Разрушены заграды;
Теперь твое—мое!
И дней проходитъ мало...
Разстрѣлянъ царь-народъ;
На тѣнь горы ступила
Наполеона тѣнь...
Что далѣ?.. Богъ не дремлетъ!
Въ одинъ—мы зрѣли—годъ
Свершилося полвѣка!
Онъ близко—день суда!

* * *

Шагаетъ по широкой
Террасѣ Тюльери.
Кровавый, страшный призракъ,
И вопитъ день и ночь
Онъ граду: *горе! горе!*
И внемля грозный вопль,
Трепещетъ ожиданьемъ
Оцѣпенѣлый градъ;
А сѣдостью голодной
Озлобленная чернь,
Грабежъ желанный чуя,
Тайкомъ свой точитъ ножъ.
Но вдругъ изъ мрака ночи
Сверкнулъ граненый штыкъ,
Заговорилъ—всѣхъ бунтовъ
Смиритель—барабанъ...
Исчезъ кровавый призракъ
И спрятала свой ножъ
Благимъ совѣтомъ пушки
Наставленная чернь.

* * *

Гуляетъ по широкой
Террасѣ Тюльери
Двойникъ Наполеона,
Пока лишь президентъ,
Но скоро императоръ
Наполеонъ Второй;
Уже орлы смѣняютъ
Повсюду пѣтуха;
Свободу и равенство
И братство на стѣнахъ
Народъ самодержавный
Замазывать спѣшитъ;
И все, что опрокинулъ
Бунтующій февраль
Воскрешено волшебствомъ
Второго декабря:
Воскресли дюки, перы,
Полиціи министръ,
И шитые мундиры,
И съѣзды въ Тюльери.

* * *

Дала намъ мелодраму
Ты, Франція, свою;
Полвѣка представленье

Тянулося ея;
Теперь, пять актовъ кончивъ,
Дать хочешь водевиль;
Но долго ль представленье
Протянется его?
Неопытный директоръ
Театра невпопадъ
Созвалъ двухъ несовмѣстныхъ
Актеровъ вмѣстѣ пѣть:
Народъ самодержавный
Съ владыкою штыкомъ.
Имъ спѣться невозможно:
Они не знаютъ нотъ,
Ни такта — будутъ соло
По одиночкѣ выть,
То штыкъ самоуправный,
То бунтовщикъ-народъ...

* * *

О, Франція! такая ль
Должна развязка быть
Шестидесятилѣтнихъ
Накликанныхъ тобой
На всѣ страны волненій,
Кровавыхъ сѣчь и золъ?
Судъ Божій правъ: изъ чаши,
Въ которой буйно ты
Цареубійства ужасъ,
Безвѣрія чуму,
И бѣшенство разврата
Въ одинъ смѣшала ядъ —
Святой воды здоровья
Не можешь ты испить;
Ни ты, ни зараженный
Твоимъ безумствомъ свѣтъ!
Но есть спасенья чаша;
Она передъ тобой,—
Къ ней, къ ней сострахомъ Божьимъ
И съ вѣрой приступи!..

1849. Мая 4/16. Баденъ-Баденъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ ПРИВѢТСТВІЕ ОТЪ РУССКИХЪ, ВСТРѢТИВШИХЪ ЕЕ ВЪ БАДЕНѢ.

Посланникомъ отъ нашихъ добрыхъ русскихъ
Я выбранъ, чтобъ—въ цвѣтахъ благоухающихъ
Полудня—вамъ, благословенной гостьѣ
Ихъ сѣвера, привѣтъ ихъ передать.
Благодарю соотчичей моихъ
За этотъ выборъ; онъ глубоко мнѣ
По сердцу; весело на чужѣ мнѣ
Предъ дочерью царя Россіи нашей,
Мнѣ, устарѣлому ея поэту,
Сказать за нихъ и за себя, что мы
Свою царевну здѣсь встрѣчаемъ съ тою
Любовію, какая согрѣваетъ
Такъ душу намъ, когда мы помышляемъ
О нашемъ славномъ, мирномъ и могучемъ
Отечествѣ, и о его великомъ
Царѣ. Въ живыхъ цвѣтахъ здѣсь подношу я
Вамъ, русская великая княгиня,
Встрѣчальный русскій нашъ привѣтъ. А самъ
Съ растроганной душою [послѣ долгой
Съ отечествомъ разлуки] вамъ смотрю
Въ лицо, столь мнѣ знакомое, которымъ
Отъ колыбели вашей до цвѣтущихъ
Лѣтъ милой младости, день за день, я
Такъ любовался. Тамъ, въ царевомъ домѣ,
Въ его семьѣ, подъ тайнымъ обаяньемъ
Той Прелести, которая была
Мнѣ и поэзіей и сердца идеаломъ,
Какъ быстро для меня промчались годы!
Но жизнь изъ свѣтлаго того предѣла
Перевела меня въ уединенный
Пріютъ семейный, далеко отъ шума
Мірского. И со мною на просторѣ
Тамъ милое минувшее мое,
Въ воспоминаніи дружася съ настоящимъ,
Въ отечество чужбину превращая,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило. Но теперь внезапно,
Здѣсь въ очарованномъ явленьи вашемъ,
Оно лицомъ къ лицу передо мною
Явилось вновь, прекрасное, какимъ
Бывало нѣкогда. Въ часъ добрый! Я,
Имъ вдохновенный, за себя, за всѣхъ
Здѣсь собранныхъ царя любящихъ рус-
И за мою жену съ двумя моими [скихъ
Дѣтьми, молитву приношу къ святому
Хранящему вашъ путь далекій Богу,
Чтобъ до конца его Онъ сохранилъ,
Чтобъ съ вашего страдающаго сердца
Отеческой рукой тревоги сгладилъ,

И чтобъ, при радостномъ на Русь святую
Моемъ возвратѣ, я царю и царству
Могъ вѣсть сказать, что Божьей благодатью
Вамъ все то спасено, въ чемъ ваше сердце
Свои сокровища земныя заключило.

1851. 1/13 іюля. Баденъ-Баденъ.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

[посвящены павлу и александрѣ жуковскимъ].

I. ПТИЧКА.

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужъ нѣтъ!
Гдѣ же ты, птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты;
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

II. КОТИКЪ и КОЗЛИКЪ.

Тамъ котикъ усатый
По садику бродитъ,
А козликъ рогатый
За котикомъ ходитъ;
И лапочкой котикъ
Помадитъ свой ротикъ;
А козликъ сѣдою
Трясетъ бородою.

III. ЖАВОРОНОКЪ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны!

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно!
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя!

IV. МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

[сказочка].

Жилъ маленькій мальчикъ:
Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
Лицомъ былъ красавчикъ,
Какъ искры глазенки,
Какъ пухъ волосенки;
Онъ жилъ межъ цвѣточковъ;
Въ тѣни ихъ листочковъ
Въ жары отдыхалъ онъ,
И ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
Въ листочекъ атласной
Лилеи прекрасной;
Проворную пчелку
Въ свою одноколку
Изъ легкой скорлупки
Потомъ запрягалъ онъ,
И съ пчелкой леталъ онъ,
И жадныя губки
Съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ
Въ цвѣты луговые.
Къ нему золотыя
Цикады слетались,
И съ нимъ забавлялись,
Кружась съ мотыльками,
Жужжа и порхая,
И ярко сверкая
На солнцѣ крылами.

Ночною жъ порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась,
И въ небѣ съ луною
Одна за другою
Звѣзда зажигалась,
На лугъ благовонный
Съ лампадой зажженной
Лазурно-блестящій
Къ малюткѣ являлся
Свѣтлякъ; и сбирался
Къ нему въ круговую
На пляску ночную
Рой эльфовъ летучій;
Они—какъ бѣгучій
Источникъ волнами—
Шумѣли крылами,

Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонкихъ былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣ росинкахъ,
Какъ искры сверкали,
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,
Сходило — смолкали
И вмигъ исчезали
Плясуньи почныя;
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись,
И въ сонъ погрузившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ крови, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небеснаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ...
. . . . . .

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ!
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, пережившій, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожать плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ:
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебныхъ призраковъ явленьемъ
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной! Ты жъ, старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ея ласкаемъ царскою рукою, —
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты:
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты:
И почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ царевой силы — вѣковой зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба — вьется подъ короной
Царской, отъ окрестныхъ бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзивший бездну поднебесной:
Лебеди, услышавъ голосъ, приумрѣли,

И стремимы тайной силой, полетѣли
На́ голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля — весь воспламененный
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый!
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... И его не стало
Въ высотѣ... И навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекраснъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ неогнящій...

РОЗЫ.

Розы цвѣтущія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня!
Свѣтлое, чистое цвѣственной кисти созданье, глубокой
Смыслъ заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ.
Розъ разновидныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
Стеблѣ — не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ —
Крестъ, претворяющій чудно своей жизнодательной силой
Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ?
Вѣры хранительный стебель, цвѣтущія почки надежды,
Цвѣть благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слились,
Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну:
Все, что плѣняетъ, какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ, какъ терпъ,
Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ Промыслъ тайной рукой.
Розы прекрасныя! въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ здѣсь вы
Будете свѣжи всегда: нѣтъ увяданья для васъ;
Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью сердца о милой
Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ живъ ароматъ.

Отдѣлъ второй.

1805—1808.

БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЪ
ИЛИ
СТРАШНЫЯ РАЗВАЛИНЫ.

ОПЕРА КОМИЧЕСКАЯ.

Горюнъ, Разбойникъ, бывшій богатырь и обладатель развалившагося замка.
Милолика, жена его, подъ разными видами.
Алеша Поповичъ, богатырь.
Барма Кудрявая Голова, его оруженосецъ.
Громобой, вельможа кіевскій, живущій въ своемъ замкѣ близъ Кіева.
Любимира, его дочь.
Ксенія, ея мамка.
Торопъ, первый служитель Громобоя.
Добрыня Никитичъ, **Чурило Пленковичъ**, **Василій Богуслаевичъ**, **Еруслань Лазаревичъ**, **Илья Муромецъ**, **Калита** } богатыри.
Соловей, пѣвецъ.
Силуянъ, содержатель гостиницы близъ Кіева.
Ольга, его дочь.
Проворъ, его мальчикъ.
Добрада, благодѣтельная волшебница.
Служители, воины богатыря Калиты, судіи сраженія, служители Громобоя, служители.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

[гостиница].

Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, Чурило Пленковичъ, Еруслань Лазаревичъ, Василій Богуслаевичъ сидятъ и пьютъ вино большими чарами. Соловей, *пѣвецъ, сидитъ* между ними съ балалайкою и поетъ. Служители, оруженосцы, **Барма Кудрявая Голова**, **Силуянъ**. **Проворъ** разноситъ вино.

Веселый хоръ.

Пейте сладкое вино,
Пойте пѣсни хоромъ!
Кто не любитъ пить вино,
Тотъ живетъ напрасно!
Въ добрый часъ
Наливай!
Чашу вмѣстѣ разопьемъ!
Душу, сердце оживимъ!
Кто красавицей любимъ,
Кто пылаетъ страстью,
Тотъ блаженство испыталъ,
Тотъ прямой другъ славы!
О, любовь, жизнь сердецъ
Спутникъ воина въ бою-
Въ насъ свой пламень изливай
Кто съ людьми, какъ нѣжный братъ
Страждущихъ помога —
Тотъ приди въ нашъ тѣсный кругъ!
Мы того съ весельемъ
Въ знакъ любви
Обоймемъ —

Другомъ, братомъ назовемъ,
Съ нимъ союзъ свой заключимъ!

Чурило Пленковичъ. Прекрасно поешь, пріятель! Откуда ты?

Соловей. Изъ Новагорода! Теперь иду изъ Кіева; былъ на этомъ великолѣпномъ праздникѣ, который давалъ великій князь Владиміръ своимъ боярамъ! Видѣлъ ваши богатырскія игры—скажу откровенно, что больше всѣхъ удивилъ меня богатырь Алеша Поповичъ!

Алеша *(который сидѣлъ задумавшись).* Что? Кто меня спрашиваетъ?

Соловей. Я говорю, что вы передъ всѣми отличились на играхъ богатырскихъ въ Кіевѣ. Я замѣтилъ еще больше. Не погнѣвайтесь, если скажу, что вы очень умильно поглядывали на прекрасную Любиміру, дочь боярина Громобоя, что вы даже краснѣли, когда нечаянно встрѣчались съ нею глазами, что она сама краснѣла, что вы одни ее занимали, что всѣ прочіе богатыри ею не замѣчались, что...

Барма *(подаетъ ему чарку).* Выпей, добрый человѣкъ; я вижу, что ты и пѣть и говорить большой охотникъ!

Соловей. Ошибаешься! *(Выпиваетъ однимъ духомъ все вино).*

Проворъ. Чтобы тебѣ лопнуть, опивало!

Барма. Молчи, дурачина! Развѣ не знаешь, что такое горло много барыша приноситъ!

Проворъ. Не вѣрю! Эти господа умѣютъ пѣть, а не платить.

Василій Богуслаевичъ. Чурило Пленковичъ, Еруславъ Лазаревичъ—пора намъ ѣхать.

Еруславъ *(встаетъ).* Пора, пора, Василій Богуслаевичъ!

Чурило *(къ своимъ оруженосцамъ).* Сила! Пресвѣтъ! Сѣдлайте коней; готовьтесь *(Нѣкоторые оруженосцы выходятъ).*

Илья. Въ Кіевъ, Чурило Пленковичъ? Конечно, плѣнила тебя какая-нибудь красная дѣвушка! О, на прошедшихъ богатырскихъ играхъ было множество красавицъ! Трудно выбирать въ такой кучѣ.

Чурило. Я не смотрѣлъ на нихъ! И было ли время смотрѣть!

Илья. Не смотрѣлъ! Право? Какой чудакъ! Для чего же ты живешь на свѣтѣ. По моему мнѣнію, человѣкъ, у котораго сердце не забьется при видѣ красавицы, конечно, безъ нужды бременитъ землю. Я бы совѣтовалъ ему поскорѣе утопиться!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Сила оруженосецъ.

Сила. Осѣдланы лошади, господинъ богатырь!

Чурило. Простите, товарищи! Алеша Поповичъ, мы должны ѣхать ко двору князя Владиміра!

Василій Богуслаевичъ. Если до завтра здѣсь пробудешь, то, можетъ быть, еще увидимся...

Еруславъ. И найдемъ тебя не такимъ печальнымъ *(цѣлуются).*

Алеша. Кто знаетъ, что быть можетъ!

Илья *(Чурилѣ).* Скажи кіевлянамъ, Чурило Пленковичъ, что я ихъ покорный слуга, что я даю богатырское слово служить имъ вѣрою и правдою.

Чурило. Скажу, скажу; за другихъ хлопотать мое дѣло. *(Всѣ три уходятъ).*

Илья. Постойте!.. еще по чаркѣ! *(Бѣжитъ за ними).*

Барма *(беретъ чарку и кувшинъ).* Вотъ настоящій богатырь! Пьетъ до упаду! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е

Алеша Поповичъ. Соловей. Силуянъ.

Соловей. Вы, господинъ богатырь, всѣхъ побѣдили на послѣднихъ игрищахъ!

Алеша. Побѣдилъ—и остался побѣжденнымъ!

Соловей. Что вы говорите? Я васъ не понимаю!

Алеша. Ахъ, братъ, какъ прекрасна эта Любимира!

Соловей. Подлинно, прекрасна! Какіе глаза! Какая поступь! Какой румянецъ!

Алеша. Далеко ли замокъ вельможи Громобоя?

Соловей. Неужели хотите къ нему ѣхать? Не думаете ли посвататься?

Алеша. Попробую счастія!

Соловей. Жаль мнѣ васъ! Этотъ старикъ есть самый скаредный скупецъ! Богатырь Калита — почему богатырь, не знаю—прельстилъ его своимъ золотомъ, своими сокровищами! Онъ женихъ Любимиры; уже всѣ условія сдѣланы.

Алеша. Женихъ? условія сдѣланы? Милосердные боги, для чего я не богачъ!..

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Милолика, въ видѣ стараго путешественника.

Милолика. Здравствуйте, добрые люди! Благодарю боговъ, что нашелъ на дорогѣ эту гостиницу! Силы мои истощились; ужасъ прошедшей ночи едва не умертвилъ меня...

Алеша. Нашой виномъ этого добраго старика *(Силуянъ подноситъ ему вина)*. Кто ты? Откуда идешь?

Милолика. Изъ великаго Новагорода; ходилъ молиться Перуну; прошедшею ночью застигла меня ужасная гроза на дорогѣ: я спрятался въ одно развалившееся строеніе, которое не далеко отсюда, подлѣ лѣса...

Силуянъ *(всплеснувъ руками)*. Ахъ, бѣдный человѣкъ! Знаешь ли, куда занесла тебя нелегкая? въ «страшныя развалины»!.. Такъ у насъ называютъ эту кучу камней — чудное дѣло, что ты живъ остался!

Алеша. Садись, старикъ, выпей еще чарку: вино подкрѣпляетъ силы.

Милолика. Благодарю тебя, добрый, незнакомый человѣкъ!

Алеша. Скажи мнѣ, Силуянъ, что это за развалины?

Силуянъ. Это проклятыя развалины. Тамъ дѣлаются страшныя чудеса. Тамъ видятъ огромныхъ волотовъ съ огненными глазами, рогатыхъ лѣшаевъ, русалокъ, которыя кричатъ, воютъ, плачутъ, смѣются! Иногда цѣлую ночь не заснешь отъ этихъ неугомонныхъ сосѣдей. Сказываютъ, что на томъ мѣстѣ стоялъ когда-то замокъ одного богатыря, котораго прозвали Горюномъ разбойникомъ за то, что онъ разбойничалъ по дорогамъ; говорятъ, что онъ былъ другъ одного злого чародѣя людоѣда, безбожника, сожженаго молніей Перуна,—говорятъ...

Алеша *(смѣется)*. Ха-ха-ха!.. Что еще говорятъ?..

Силуянъ. Не смѣйтесь, послушайте! Этотъ Горюнъ разбойникъ долго проказничалъ на семъ свѣтѣ; не было отъ него проходу ни встрѣчному, ни поперечному, всѣхъ душилъ и рѣзалъ; наконецъ, вдругъ онъ и жена его, Милолика, пропали, не знаемъ, ни вѣдаемъ куда... Съ тѣхъ поръ замокъ опустѣлъ, почти развалился и сдѣлался жилищемъ привидѣній, волотовъ, лѣшаевъ, русалокъ.

Алеша. Чудная сказка! Я любопытенъ видѣть этотъ прекрасный, пустой замокъ!

Силуянъ. Покорно прошу дослушать! *(Силуянъ и Соловей поютъ)*.

Романсъ.

Тамъ пышный замокъ прежде былъ,
Тамъ жилъ Горюнъ съ женой;
Онъ былъ разбойникъ, людоѣдъ,
Ужасный человѣкъ!
Полвѣка, болѣе, прошло,
Какъ онъ пропалъ ни вѣсть куда!
Безбожникъ—въ бѣшенствѣ своемъ
Зарѣзалъ бѣдную жену!

Она красавица была,
Жила въ тоскѣ, въ слезахъ;
И въ гробѣ ей покоя нѣтъ:
Ея печальный духъ
Скитается и день и ночь,
Пугаетъ робкихъ бѣдняковъ,
Пугаетъ дерзкихъ смѣльчаковъ,
Но зла не сдѣлала никому!

Въ развалинахъ богатый кладъ
Для смѣлаго сокрытъ;

Тамъ кучи золота, сребра
И камней дорогихъ.
Кто бѣдной успокоитъ духъ—
Тотъ будетъ счастливъ и богатъ!
Тотъ всѣ сокровища возметъ!
Желаю счастья смѣльчаку!
(Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Алеша Поповичъ. Милолика. Потомъ **Добрада** волшебница.

Алеша. Чудная повѣсть!

Милолика. Вы хотите, господинъ богатырь, ѣхать къ боярину Громобою, хотите свататься за дочь его Любимиру?

Алеша. Хочу! Кто тебѣ сказывалъ?

Милолика. Желаю вамъ счастія! Но прежде, нежели его получите, вы должны будете побѣдить множество препятствій! Много испытать ужаснаго!

Алеша. Что ты говоришь, старикъ?

Милолика. Мужество и непоколебимость приведутъ васъ къ вашей цѣли! Безъ нихъ ни въ чемъ не успѣете!.. Не забудьте о бѣдномъ, страждущемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ, богатырь! Однимъ его искупленіемъ пріобрѣтешь желаемое счастіе. *(Громъ гремитъ. Является Добрада въ бѣломъ лучезарномъ платьѣ).*

Избранный Чернобогомъ,—
Страданья Милолики
Ты, юный богатырь, прервешь!
Скорѣй сверши уставъ боговъ!
Въ награду смѣлости своей
Съ любезной будешь сопряженъ!
(Исчезаетъ).

Алеша. О, Перунъ!.. Что это значитъ? Что я слышалъ?.. Не сонъ ли меня обманываетъ!

Милолика. Нѣтъ, не сонъ! Ты видѣлъ передъ собою Добраду, благодѣтельную волшебницу, твою покровительницу! Мужайся, молодой человѣкъ! Ступай въ замокъ Громобоя!.. Но прежде искупи страждущій духъ Милолики: на этомъ подвигѣ основано все твое счастіе.

Алеша. Кто мнѣ за него поручится? *(Громовой ударъ. Милолика является въ своемъ настоящемъ видѣ,—въ видѣ духа женщины).*

Духъ. Я, богатырь! Успокой меня во гробѣ! Ужасные боги осудили меня на страданіе: мучусь, скитаюсь по свѣту и не нахожу нигдѣ спокойствія... Успокой меня во гробѣ и будешь счастливъ! *(Исчезаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Алеша Поповичъ. Скоро потомъ **Барма Кудрявая Голова.**

Алеша *(пораженный ужасомъ).* Боги! Какое чудесное явленіе!.. *(Смотритъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ духъ).*

Барма *(входитъ).* Ну, можно сказать... *(Останавливается; про себя).* Что это мой богатырь такъ уставилъ глаза въ полъ?.. Что ему чудится?

Алеша. Такъ, ѣду къ боярину Громобою! Если онъ пренебрежетъ меня ради моей бѣдности, то исполню повелѣніе духа! Любимира будетъ моя, непремѣнно будетъ!

Барма *(струсивъ, про себя).* Духъ, духъ... Что онъ говоритъ о духѣ?.. Поскорѣе убираться отсюда... *(Хочетъ бѣжать, Алеша кличетъ его).*

Алеша. Барма!

Барма *(не оборачиваясь).* Не слышу ничего!

Алеша. Куда ты бѣжишь; остановись! Мы ѣдемъ къ боярину Громобою! Хочу жениться на его дочери!

Барма. Въ самомъ дѣлѣ! Въ добрый часъ! Желаю вамъ счастія! Пора одуматься. Мнѣ давно наскучило шататься съ вами по бѣлому свѣту!..

Алеша. Когда смеркнется, ступай за мною въ «страшныя развалины».

Барма *(испугавшись).* Куда?.. Какъ?.. въ страшныя развалины?.. Въ эти развалины, которыя подлѣ лѣса—гдѣ живутъ привидѣнія, горные духи, огненные змѣи?..

Алеша *(улыбаясь).* Да — я хочу къ нимъ въ гости...

Барма. Прекрасная выдумка! *(Въ слезахъ).* Но знаете ли, господинъ богатырь, что вмѣсто угощенья намъ свернутъ головы или повѣсятъ насъ ребромъ на крюкъ!

Помилуйте, образумьтесь, неужели хотите жениться на чародѣйкѣ!

Алеша. Я тебѣ сказалъ, что мы въ сумерки ѣдемъ на «страшныя развалины»!

Барма. Но за что хотите вы меня изувѣчить и уморить?.. Добрые люди говорятъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ опаснѣе и злѣе чародѣекъ и волшебниковъ...

Алеша. Замолчи, уродъ!

Барма. Я вамъ скажу...

Алеша. Я буду дожидаться тебя у воротъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Барма и **Проворъ** *(изъ боковой двери).*

Барма *(глядитъ за нимъ вслѣдъ).* Дожидаться у воротъ... Конечно—изволь дожидаться—прождешь долго... Развѣ я сумасшедшій? Кто меня понесетъ къ лѣшаямъ и русалкамъ?

Проворъ *(ударивъ его по плечу).* Что ты говоришь, пріятель?

Барма. Ай! ай! Господинъ волотъ, не гнѣвайтесь! Онъ хочетъ задушить меня!..

Проворъ. Опомнись: я—Проворъ.

Барма *(вылупя глаза).* Проворъ!.. Да! ты—Проворъ...

Проворъ. Отчего же ты такъ испугался?

Барма. Бездѣлица! Мнѣ пришелъ въ голову вздоръ... Скажи мнѣ, Проворъ—знаешь ли «страшны развалины»?

Проворъ. Какъ не знать... Духи меня попугали...

Барма. Такъ это правда!

Проворъ. Я шелъ однажды подъ вечеръ мимо лѣса. Что же! Вдругъ все вокругъ меня загорѣлось! Страшный великанъ, съ синимъ лицомъ и огненными глазами...

Барма. Съ синимъ лицомъ, огненными глазами...

Проворъ. Да!—пробѣжалъ мимо меня и завылъ дикимъ голосомъ...

Барма. О нѣтъ, не пойду съ вами, господинъ богатырь! Извините меня! Я не охотникъ до такой прекрасной музыки...

Арія.

Напрасно! Я, право, не глупъ!
Съ духами боюсь говорить!
Они не умѣютъ ни съ кѣмъ пошутить!
Зайди къ нимъ—не выйдешь! Простись съ
Нѣтъ, лучше останусь я здѣсь... [головой...
И лучше съ виномъ подружусь!
Есть духи. Людьми ихъ зовутъ,
Которыхъ не ночью искать—
Мнѣ съ тѣми встрѣчаться не страшно нигдѣ,
Для ихъ избавленья и я—богатырь!
Я имъ—всепокорный слуга!
Я имъ радъ душевно служить! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Проворъ. Скоро спустя **Ольга.**

Проворъ. Барма Кудрявая Голова говоритъ правду: безопаснѣе водиться съ живыми, тѣлесными духами, то-есть съ людьми, нежели съ этими страшными привидѣніями, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ и выходитъ холодный потъ на тѣлѣ.

Ольга *(вбѣгаетъ).* Это ты, Проворъ! Богатыри поѣхали!

Проворъ. Скоро назадъ будутъ—черезъ два часа; много если черезъ три!

Ольга. Пѣвецъ Соловей остался: я просила его сказать за насъ доброе словечко отцу, Силуяну.

Проворъ. То-есть объ нашей свадьбѣ?.. Сомнѣваюсь, чтобы онъ согласился.

Ольга. Почему же сомнѣваешься?

Проворъ. Потому, что я совершенный бѣднякъ! Ничего не имѣю! Голъ какъ соколъ!.. Послушай, Ольга, сказываютъ, что тамъ, подъ «страшными развалинами» погребено сокровище! Что, если бы я...

Ольга. Что ты говоришь, Проворъ!.. Надобно побѣдить двадцать волотовъ, разогнать кучу лѣшаевъ и русалокъ, чтобы достать это сокровище...

Проворъ. О нѣтъ! покорный слуга... Я съ ними не слажу... Лучше отказаться отъ сокровища!

Ольга. Не безпокойся, мой милый! батюшка когда-нибудь согласится! Онъ все говоритъ: не время, вы еще молоды! Современемъ скажетъ: теперь время, въ добрый часъ, мои дѣти... Мы бѣдны! Что за бѣда, развѣ мало бѣдныхъ! Станемъ работать; когда любишь другъ друга, то и работа кажется забавою! Не такъ ли, Проворъ?

Проворъ. Такъ, моя милая Ольга! Мы станемъ любить другъ друга, очень любить,—и вѣрно будемъ счастливы!

ДУЭТЪ.

Проворъ и Ольга.

Проворъ.

Дай руку мнѣ, мой милый другъ!
Со мною будешь ты счастливо жить,
Съ тобой—веселье я въ жизни найду!
Годъ или два—я твой навѣкъ!

Ольга.

Проворъ, твоей я быть хочу!
Когда же будешь печаленъ, угрюмъ—
Моей любовью утѣшу тебя!
Мигъ насъ смутитъ—мигъ помиритъ!

Оба.

Минутныя ссоры—приправа любви,
Мы будемъ браниться и весело жить!
Когда же насъ Лада дѣтьми наградитъ—
Мы будемъ другъ друга сильнѣе любить!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Палаты боярина Громобоя. **Громобой, Алеша Поповичъ.**

Алеша. Ты ли бояринъ Громобой?

Громобой. Я! Чего ты хочешь, незнакомый человѣкъ?

Алеша. Я богатырь Алеша Поповичъ; служу съ честью князю Владимиру. Дочь твоя Любимира мнѣ понравилась: будь мнѣ отецъ, отдай за меня прекрасную Любимиру!.. Я видѣлъ ее въ Кіевѣ на прошедшихъ богатырскихъ играхъ; она какъ солнце свѣтилась между другими кіевскими красавицами... Я подумалъ: неужели отецъ не захочетъ счастья такому неоцѣненному сокровищу; скажу ему, что люблю его прекрасную Любимиру—люблю, какъ должно совѣстному богатырю; онъ знаетъ, что одна любовь дѣлаетъ жену счастливою, и отдастъ мнѣ дочь свою... Такъ я думалъ, вельможа Громобой! Скажи—неужели обманулся я въ своихъ мысляхъ?..

Громобой. Обманулся, богатырь Алеша Поповичъ! Я люблю свою дочь, это правда; радъ жениху честному человѣку; но желаю, чтобъ дочь моя не нуждалась: ты бѣденъ!

Алеша. Но развѣ одно богатство дѣлаетъ человѣка счастливымъ? Ты забылъ любовь и душевное спокойствіе! Я могу прокормить и жену и дѣтей. Чего же для тебя больше?..

Громобой. Этого мало... Дочь моя не можетъ быть твоею! Никогда не будетъ!

Алеша. Никогда!.. Ты видно не знаешь, что такое любовь, жестокій человѣкъ! Ты видно ни во что ставишь счастіе твоей дочери, которымъ готовъ пожертвовать кучѣ золота!.. Погуби ее, безжалостный! Можетъ-быть, со временемъ откроются глаза твои, но это будетъ уже поздно...

Громобой. Любимира имѣетъ жениха. Богатырь Калита, богатый, честный человѣкъ, за нее сватается,—я ихъ помолвилъ, и ни за что не перемѣню слова. *(Уходитъ).*

Алеша. Онъ не оставилъ мнѣ никакой надежды!.. Бѣдный я человѣкъ! Лада мнѣ жестоко отмстила! Я прежде смѣялся надъ любовью, называлъ ее сумасшествіемъ, думалъ объ однихъ сраженіяхъ, гонялся за дикими звѣрями, побивалъ войска и побѣждалъ богатырей—теперь люблю страстно и пламенно!.. Чувствую даже, что сила руки моей уменьшилась... *(Молчаніе).* Мнѣ ли, богатырю, страдать, какъ ребенку!.. Но развѣ нѣтъ никакой надежды?.. а волшебница Добрада?.. а сокровище, сокрытое въ страшныхъ развалинахъ?.. *(Думаетъ).* А! Чувствую новую живость въ душѣ моей! Такъ, все сдѣлаю; всѣ препятствія уничтожу! Любимира моя!.. Но должно ее увидѣть, и потомъ начать дѣйствовать!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Теремъ Любимиры. **Любимира** сидитъ за пяльцами передъ окномъ и шьетъ.

Ксенія.

Ксенія. Что такъ пріуныла, мое милое дитя? Я тебя не узнаю! Ты совсѣмъ на себя не похожа!

Любимира. Ахъ, мамушка! Сама не знаю, что со мною дѣлается! Не глядѣла

бы на бѣлый свѣтъ! Такъ скучно, такъ грустно!

Ксенія. Хочешь ли, отгадаю, что у тебя на сердцѣ... Ты не даромъ была на кіевскихъ игрищахъ. Богатырь Алеша Поповичъ тебѣ понравился. Я видѣла, какими глазами ты на него смотрѣла,— какъ ты вся попунцовѣла, когда онъ на тебя взглянулъ...

Любимира. Кто тебѣ это сказывалъ, мамушка! Какой волшебникъ научилъ тебя узнавать тайныя скрытныя чувства?..

Ксенія. О! Я все знаю, отъ моихъ глазъ ничто не утаится! И пора знать! Я довольно пожила на семъ свѣтѣ... Я еще тебѣ скажу болѣе: богатырь любитъ тебя всѣмъ сердцемъ.

Любимира (*съ робостію*). Ахъ! Что ты говоришь?.. Неужели?.. Какъ бы я была рада!.. Но почему ты знаешь?

Ксенія. Знаю! Повѣрь мнѣ! Онъ смотрѣлъ на тебя такъ пристально, такъ нѣжно... Надобно быть слѣпою, чтобъ этого не замѣтить.

Любимира. Милая мамушка! (*Задумывается*). Видно мнѣ не суждено быть счастливою; батюшка назначилъ мнѣ другого жениха! Этотъ несносный богатырь Калита... О! какъ я его ненавижу!

Ксенія. Что дѣлать, мое дитя! Надобно покориться! Наша доля терпѣніе и покорность.

Любимира. Хорошо это говорить, но какъ тяжело исполнять. Я никогда не буду счастлива.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же. Добрада, въ видѣ маленькой дѣвочки съ лирою.

Добрада. Здравствуй, красавица! Здравствуй, старушка! Скажите мнѣ, гдѣ я найду Любимиру прекрасную?

Ксенія. Вотъ Любимира прекрасная! Кто ты, малютка? какъ зашла въ нашъ теремъ?

Добрада. Меня послалъ богатырь Алеша Поповичъ!

Любимира. Ахъ, мамушка!

Ксенія. Богатырь Алеша Поповичъ? Что это значитъ?.. Кто ты, говори!

Добрада. Я дочь одного кіевскаго пѣвца... Знаю множество прекрасныхъ пѣсенъ... Самыхъ прекрасныхъ... Хотите ли, спою вамъ одну?

Любимира. Спой, милая! Охотно буду тебя слушать!

Добрада играетъ на лирѣ и поетъ.

Романсъ.

Съ горемъ въ сердцѣ на брегѣ ручья
Сидѣла Пламира въ слезахъ.
Слезы катились въ быстрый ручей,
И орошали травку, цвѣтки...
Бѣдняжка! что сдѣлалось съ ней!..

Арфу въ руки, запѣла она
Печально о нѣжной любви!
Тише и тише лился ручей,
Трепетомъ тихимъ шумѣли листы:
Любовью лишь счастливы мы!

Вдругъ подходитъ къ ручью богатырь —
Прелестный, какъ богъ Свѣтовидъ!
Въ сердцѣ Пламиры—пламень, любовь!
Милый другъ сердца здѣсь передъ ней!
Пламира! предайся ему.

(*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Любимира. Ксенія. Потомъ богатырь **Алеша Поповичъ.**

Любимира. Что это значитъ? Странное явленіе! Голосъ этой дѣвочки такъ меня трогалъ...

Ксенія. Боярышня, Любимира—я слышу стукъ! Идетъ мужчина... Ахъ, небо, что это?

Любимира (*прячется въ ея объятія*). Мамушка! Богатырь Алеша Поповичъ!.. Какъ онъ зашелъ въ нашъ теремъ?..

Богатырь. Прости меня, Любимира прекрасная! Мое сердце и добрый духъ привели меня къ тебѣ... Я не могъ... забыть тебя съ той минуты, какъ увидѣлъ на кіевскихъ игрищахъ. Я люблю тебя! Но ты обѣщана другому...

Любимира. Ахъ, мамушка, что мнѣ ему сказать?..

Ксенія. Бѣдненькая, какъ ты робка! Подними на него глаза, поговори съ нимъ...

Любимира. Я боюсь, сама не знаю чего... Но сердце мое трепещетъ такъ сильно...

Богатырь. Я видѣлъ твоего отца, боярина Громобоя... Жестокій человѣкъ! онъ лишилъ меня всякой надежды! Но я хочу знать, что думаетъ Любимира? Неужели она предпочтетъ богатства нѣжнѣйшей любви, пламенному сердцу, которое боготворитъ ее!..

Любимира *(съ живостью)*. Ахъ, нѣтъ... *(Оторотѣвъ)*. Что мнѣ ему сказать, мамушка!

Богатырь. Если я не долженъ надѣяться любви твоей—то удалюсь! Оставлю Кіевъ; поѣду побивать враговъ отечества и, можетъ-быть, на сраженіи найду смерть, конецъ моимъ мученьямъ...

Ксенія. Что ты на это скажешь? Глупенькая, она молчитъ, краснѣетъ!.. Я буду говорить за тебя! Добрый богатырь, Любимира тебя любитъ, желаетъ быть твоею, но повелѣніе отца для нея свято!.. Можетъ ли честная дѣвушка противиться волѣ родителя!

Богатырь. Любимира! *(беретъ за руку)*. Ты меня любишь, прекрасная Любимира?

Любимира. Прекрасный богатырь, чего ты отъ меня требуешь?..

Богатырь. Скажи одно слово, любезная! Одно слово... оно рѣшитъ мою участь— оно оживитъ мое мужество! Ты будешь моя! Никакая сила, никакое могущество не похитятъ тебя изъ моихъ объятій... Хочу знать только, любимъ ли я тобою? Долженъ ли дѣйствовать для полученія руки твоей?

Любимира. Ахъ! можно ли тебя не любить?..

Богатырь *(прижимаетъ ее къ сердцу)*. Прелестная, невинная Любимира! Ты восхищаешь мою душу!.. Клянусь именемъ Перуна, ты будешь моя, или я самъ погибну!.. Прими этотъ поцѣлуй въ увѣреніе чистѣйшей, благороднѣйшей любви!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же. Богатырь **Калита** вбѣгаетъ въ бѣшенствѣ и разлучаетъ любовниковъ. За нимъ **Громобой, Торопъ,** нѣсколько служителей.

Калита. Измѣнница!

Любимира. Спасите меня!.. Богатырь Калита!..

Калита. А! вижу, что я пришелъ не въ свое время!.. Безстыдная!.. безсовѣстная! *(Къ Алешѣ Поповичу)*. А ты, богатырь, какъ позволяешь себѣ обольщать молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ? Развѣ забылъ ты, что никакой мужчина не долженъ ходить къ нимъ въ теремъ! Безчестный человѣкъ!.. Я накажу тебя! узнаешь...

Алеша. Богатырь Калита! совѣтую тебѣ замолчать!

Калита. Защищайся! *(Обнажаетъ мечъ)*.

Любимира. Помогите! Спасите насъ! *(Хочетъ бѣжать)*.

Калита. Постой измѣнница!.. Я хочу повергнуть твоего обольстителя мертваго къ ногамъ твоимъ! *(Устремляется на Алешу Поповича, который выбиваетъ изъ рукъ его мечъ)*.

Алеша. Даю тебѣ жизнь! не хочу пользоваться своимъ преимуществомъ...

Калита *(въ бѣшенствѣ)* Оруженосцы! конюшіе! служители! *(Они являются)*. Возьмите его, умертвите, бросьте въ рѣку! *(Окружаютъ Алешу Поповича)*.

Алеша *(махая мечомъ)*. Никто не подходи! первый, кто приблизится, погибнетъ!

Калита. Трусы, берите его!

Громобой *(съ обнаженнымъ мечомъ)*. Что здѣсь происходитъ?..

(Сраженіе. Алеша Поповичъ окруженъ, обезоруженъ. Громовой ударъ. Всѣ остаются неподвижными. Посреди является духъ, въ видѣ воина, покрытаго черными латами, съ закрытымъ забраломъ шлема).

Духъ *(Остановка въ музыкѣ при громовомъ ударѣ)*. Калита! развѣ мало

одного убійства! взгляни сюда!.. Кто это?.. Узнай Мирославу, преступникъ! *(Громовой ударъ — задняя декорація подымается, виденъ черный мысъ; на землѣ лежитъ женщина, окровавленная, съ кинжаломъ въ груди. Геній смерти въ покрывалѣ, съ потупленною головою, обративъ факелъ жизни, погашаетъ его).*

Калита. О, Перунъ! Я погибъ! *(Падаетъ на землю. Духъ и Алеша Поповичъ исчезаютъ. Занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Гостиница. **Илья Муромецъ, Чурило Пленковичъ, Василій Богуслаевичъ, Еруслань Лазаревичъ** за столомъ. **Проворъ.**

Еруслань. Вина, мальчикъ!

Проворъ. Видно, вы очень торопились, что такъ скоро назадъ пожаловали изъ Кіева! — Сейчасъ принесу все, что вамъ угодно! *(Выходитъ).*

Чурило. Кто могъ думать, чтобы это сдѣлалось съ богатыремъ Алешею Поповичемъ!.. Какъ вообразить, чтобы такой уродъ, каковъ Калита, могъ перебить у него дорогу! Любимира достанется въ когти этому негодяю!

Василій Богуслаевичъ. Онъ богатъ; ослѣпилъ старика Громобоя своими деньгами! вотъ истолкованіе загадки; но про него разсказываютъ страшныя вещи!

Чурило. Да, и я слышалъ! Онъ любилъ Мирославу—дочь нашего добраго, стараго богатыря Добрыни Никитича! Она его не любила, не хотѣла объ немъ и слышать! Что жъ?.. За недѣлю передъ симъ эта красавица пошла гулять въ рощу, на берегъ Днѣпра—и не возвращалась! Ее нашли мертвую, съ кинжаломъ въ груди... Отецъ въ отчаяніи...

Еруслань. Подозрѣваютъ Калиту!

Илья Муромецъ. Вотъ какова любовь *ваша! Смотрите, какія проказы она дѣлаетъ!..*

Проворъ *(съ виномъ).* На здоровье вамъ, честные богатыри! Только не лѣнитесь пить! Мы виномъ богаты!

Еруслань. Давай, давай, мальчикъ! *(Пьетъ)* Ты, мнѣ кажется, весельчакъ?

Проворъ. Ваша правда! Люблю смѣяться и пѣть... Если прикажете, повеселю и васъ пѣснею!

Еруслань. Пой, пой!

Проворъ *(поетъ).*

. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, кромѣ Проворa. Скоро потомъ Барма.

Барма *(входитъ въ слезахъ).* Охъ, охъ, мой добрый господинъ! Бѣдный богатырь Алеша Поповичъ!.. Я говорилъ ему: не ходи, будетъ худо... Онъ не послушался! Теперь поминай, какъ звали.

Еруслань. Что ты, Барма? Гдѣ твой богатырь?

Василій Богуслаевичъ. Вѣдь ты ѣздилъ съ нимъ къ боярину Громобою?

Барма. Ѣздилъ, ѣздилъ... но безъ него назадъ пріѣхалъ! Ахъ, бѣдный Барма Кудрявая Голова! Не видать тебѣ господина такого добраго, милостиваго, ласковаго! Что съ нимъ сдѣлали!.. Чѣмъ онъ виноватъ! Какое преступленіе любить прекрасную дѣвушку, которая сама насъ любитъ?..

Илья Муромецъ. Говори толковитѣе, безмозглый! *(трясетъ его за шиворотъ съ силою).* Гдѣ богатырь Алеша Поповичъ?

Барма. Эй, эй— не душите меня!.. Гдѣ ему быть? вы видите, что его здѣсь нѣтъ!

Чурило. Не вызвалъ ли его на поединокъ бѣшеный Калита?.. Говори, негодяй, или я тебѣ раскрою натрое голову! *(Толкаетъ его).*

Барма *(кричитъ).* Помилуйте! Я ничего не знаю!.. Богатырь пропалъ... Какой-то чародѣй утащилъ его!..

Чурило. Этотъ болванъ съ ума сошелъ! Алеша Поповичъ нашъ другъ и названный братъ... Надобно узнать, что съ нимъ сдѣлалось. Разошлемъ гонцовъ!

Всѣ. Разошлемъ!.. Скорѣе! скорѣе!

Чурило. А если бездѣльникъ Калита измѣнническимъ умертвилъ его, то отмстимъ

за своего товарища... Этотъ негодяй давно намъ солонъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Барма. Скоро потомъ **Алеша Поповичъ.**

Барма. Подите, подите! Попадетесь и вы въ когти какого-нибудь волота... Что теперь будетъ со мною, горемыкою... *(Входитъ Алеша Поповичъ и останавливается въ дверяхъ).* Счастье, что всѣмъ извѣстна моя трусость!

Алеша *(приближается).* Это правда! и мнѣ извѣстна!

Барма *(дрожитъ, падаетъ на колѣни и закрываетъ глаза рукою).* Ай! ай! ай!.. Пропалъ я! Духъ моего господина!.. Помилуй! не гнѣвайся! во всемъ признаюсь!..

Алеша. Что съ тобою сдѣлалось, Барма?.. Ты съ ума сошелъ!.. Барма! Барма! *(Толкаетъ его).*

Барма. Я не Барма!.. Не тотъ Барма... другой...

Алеша. Бредишь, дуракъ!

Барма. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ!.. Я, можетъ быть, немножко похожъ на него... съ затылка... Но я не Барма. *(Про себя).* Хотѣлъ бы превратиться въ осла, въ медвѣдя---только бы отъ него избавиться...

Алеша. Мы ѣдемъ сейчасъ въ Кіевъ! Слышишь ли! Вставай!

Барма *(не открывая глазъ).* Говорятъ, что я не Барма... Оставь меня въ покоѣ.

Алеша. Кто же ты, бездѣльникъ?

Барма. Кто я?... я кто?... Я богатырь... я называюсь... называюсь *(опомнясь).* Ахъ, милостивый государь! повѣрьте, что я не Барма, который имѣлъ честь называться вашимъ покорнымъ конюшимъ и оруженосцемъ тогда, когда вы изволили жить на семъ свѣтѣ.

Алеша. Когда я жилъ на семъ свѣтѣ!

Барма. Да, господинъ духъ! на семъ свѣтѣ! Тамъ, гдѣ вы теперь, совсѣмъ не нужны оруженосцы!

Алеша. Что ты бредишь, сумасшедшій!.. Открой глаза! Погляди на меня!

Барма. Извините! Я боюсь глядѣть въ лицо привидѣньямъ!

Алеша. Привидѣньямъ!.. *(Про себя)* Что ему вошло въ голову? *(Громко)* Приказываю тебѣ на меня глядѣть, или узнаешь, что я шутить не охотникъ! *(Берется за мечъ).*

Барма *(выглядываетъ изъ-подъ руки).* Кажется онъ!.. да, онъ... точно! Какъ живой... *(Говоритъ, запинаясь).* И будто вы не привидѣніе, господинъ богатырь?..

Алеша. Кто набилъ тебѣ голову такимъ вздоромъ?.. Всмотрись въ меня, похожъ ли я на привидѣніе?

Барма *(ощупываетъ его).* Да! Настоящій живой человѣкъ! Мясо и кости; ноги, руки, какъ у меня! *(Встаетъ).* Но... прошу мнѣ сказать, не васъ ли унесъ ужасный волотъ изъ терема боярина Громобоя?.. Не вы ли вдругъ пропали изъ глазъ двадцати человѣкъ?..

Алеша *(беретъ его за горло).* Плутъ, молчи! Если еще разъ объ этомъ меня спросишь, то раздавлю тебя, какъ клопа!

Барма *(кричитъ).* Ай! ай! ай! Помогите—онъ душитъ меня!.. Хочетъ съѣсть!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же. Силуянъ вбѣгаетъ.

Силуянъ. Что вы здѣсь дѣлаете, господинъ богатырь! Помилуйте!.. Не обезславьте моего дома убійствомъ!

Алеша. Силуянъ, я долженъ оставить на время гостиницу. Скоро возвращусь назадъ. До вечера я долженъ совершить важный подвигъ!.. Этого негодяя поручаю тебѣ! Ты отвѣчаешь за него жизнью!.. Онъ долженъ будетъ за мною слѣдовать *(Уходитъ).*

Силуянъ. Прекрасно! Быть сторожемъ этого шалуна! отвѣчать за него жизнью! Развѣ я мало заботъ имѣю...

Барма. Не трудись пожалуй, только корми меня, пои хорошенько — не тронусь съ мѣста!

Силуянъ. Есть ли чѣмъ платить за питье и пищу?..

Барма. Есть у меня самый здоровый желудокъ!.. Чего тебѣ больше!

Силуянъ. Съ однимъ желудкомъ у меня сытъ не будешь!

Кто безъ денегъ здѣсь живетъ—
Тотъ ни пьетъ, ни ѣстъ!
Тотъ какъ тѣло безъ души!..
Въ деньгахъ все найдешь—
Умъ, любезность, красоту!
Всѣхъ милѣй богачъ.
Златомъ красится уродъ;
Злато умъ дастъ!
Злато славный чародѣй,
Имъ счастливы мы!
Съ нимъ по маслу жизнь течетъ,
Съ нимъ нѣтъ скуки здѣсь!..
Если деньги въ кошелькѣ—
Я скачу, пою;
Если пусто въ кошелькѣ—
Я повѣсилъ носъ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Барма. Потомъ **Добрада**, въ видѣ молодой пѣвицы съ маленькою арфою.

Барма *(смотритъ ему вслѣдъ).* Ты лакомъ до денегъ, кто въ этомъ сомнѣвается! Только мнѣ очень не весело быть у тебя подъ присмотромъ съ голоднымъ брюхомъ!.. Хорошъ мой богатырь! Оставить меня безъ денегъ, и забыть, что у меня самый тощій и самый жадный желудокъ... Это что за красавица?.. въ какомъ странномъ нарядѣ!

Добрада. Здравствуйте, Барма!

Барма. Почему ты меня знаешь?

Добрада. Я все знаю! Я пѣвица и ворожея.

Барма. Ворожея! Пѣвица!.. Право?.. Зачѣмъ же ты сюда пришла?

Добрада. Поглядѣть на тебя!

Барма. Поглядѣть на меня! Только за тѣмъ? Хотѣлъ бы я, чтобы ты пришла и меня накормить...

Добрада. Изволь! я спою тебѣ пѣсню!

Барма. Ты кормишь людей пѣснями?

Добрада. Хорошая пѣсня стоитъ обѣда!

Барма. Неужели? Это для меня новость!.. Однако совѣтую тебѣ вмѣсто хорошей пѣсни повеселить меня хорошимъ кускомъ жареной телятины!

Добрада. Слушай и пой вмѣстѣ со мною.

Барма. Пѣть вмѣстѣ съ тобою? Провалъ тебя возьми! Я хочу обѣдать!.. Убирайся отъ бѣды или пусти меня... *(Хочетъ идти. Добрада его удерживаетъ).*

Арія.

Милый мой Барма, останься!
Жить однимъ желудкомъ стыдно—
Лучше пѣсни пѣть!
Сердце музыка смягчаетъ—
Отъ обжорства жъ умираютъ!
Кто лишь пьетъ и ѣстъ—
Тотъ искусство жить не знаетъ!
Тотъ сердечныхъ наслажденій
Въ вѣкъ не испытаетъ!..
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный—
Въ память дружбы, самой нѣжной,
И прямой любви!
Позабудь ты свой желудокъ:
Жить однимъ желудкомъ стыдно—
Лучше пѣсни пѣть! *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Барма *(одинъ).* Покорный слуга! благодаренъ за совѣтъ—и желаю тебѣ самой ему послѣдовать! Скоро бы ты оскалила зубы и перестала пѣть пѣсни! Провалитесь вы, совѣтники, которые кормятъ одними складными словами, одними пѣсенками! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Склуянъ. Соловей. Проворъ.

Соловей. Правда ли, что богатырь Алеша Поповичъ хочетъ непремѣнно посѣтить «страшныя развалины»?

Силуянъ. Правда, правда! Посѣтить ихъ не трудно—а трудно остаться въ нихъ съ цѣлыми руками и ногами! Я бы на его мѣстѣ, не былъ такъ любопытенъ!

Проворъ. А сокровище? Развѣ забылъ ты, что тамъ хранится сокровище!.. Не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для моей невѣсты!

Силуянъ. Неужели хочешь отважиться на искупленіе духа?

Проворъ. Не совѣмъ!.. Однако я думаю, что отецъ могъ бы отдать за меня дочь свою и безъ сокровища... Я честный

малый; не лѣнивъ работать, и конечно не умру съ голода...

Соловей. Силуянъ, онъ говоритъ правду!

Силуянъ. Придетъ время, все сладимъ! Утро вечера мудренѣе. Погодите.

Проворъ. Противъ этого нѣтъ слова! Но подумай, что мы съ каждымъ днемъ становимся старѣе...

Силуянъ. И умнѣе! Женишься не на одинъ день, не на два, а на всю жизнь: надобенъ умъ, постоянство. Многіе думаютъ, что женитьба игрушка! Суются въ воду, не спросясь съ бродомъ, и пропадаютъ!

ТЕРЦЕТЪ.

Силуянъ. Соловей. Проворъ.

Женитьба, право, не пустякъ—
А жизни цѣль!
Жена, прямой намъ другъ—
Есть рѣдкій кладъ!
Съ такой женой
Нашъ вѣкъ пройдетъ—
Въ веселіи, любви,
Какъ быстрый мигъ!
Женитьба иногда
Есть точный адъ!
Супругамъ безъ любви—
Несносно жить!
Прощай любовь,
Прощай и все!..
Женитьба безъ любви—
Есть точный адъ!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Теремъ Любимиры. **Любимира** одна.

Любимира. Такъ! чего бы это ни стоило! Я буду твоею, прекрасный богатырь! Предатель Калита не получитъ руки моей. Скорѣй умру... *(Громъ гремитъ. Слышна музыка. Голосъ:).*

О! Любимира, ободрись!
Не смерти, счастья ожидай!
Въ любви блаженство ты найдешь!
Любезный—будетъ твой супругъ!

Любимира. Боги! какой голосъ!.. *(Слышны шаги).* А! мои мучители идутъ! Сокроюсь отъ нихъ! *(Хочетъ уйти въ боковую дверь).*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Любимира. Громобой. Богатырь **Калита.**

Громобой. Останься! или наше присутствіе тягостно для твоей совѣсти?

Любимира. Однимъ преступникамъ должно бояться присутствія людей—не мнѣ, невинной!

Громобой. Любимира... я еще хочу быть твоимъ отцомъ... Бойся меня раздражать!

Любимира. Помню, что вы мой отецъ; но вы для чего забываете, что я—ваша дочь? для чего хотите моего несчастія?

Громобой. Покорность приличнѣе всего дочери... Вотъ богатырь Калита! онъ хочетъ забыть прошедшее; онъ любитъ тебя—будь его женою!

Любимира. Батюшка, сжальтесь надо мною! Не губите меня!.. я люблю богатыря Алешу Поповича!

Громобой. Этого чародѣя! который повелѣваетъ духами, который такъ неожиданно исчезъ передъ нашими глазами! Любимира, одумайся!.. Повинуйся отцу своему: я ручаюсь тебѣ, что никогда не раскаешься въ своемъ повиновеніи...

Любимира. Но я не могу любить богатыря Калиту!

Громобой. Это послѣднее твое слово?..

Любимира. Послѣднее!

Громобой. Ты отвѣчаешь рѣшительно?

Любимира. Рѣшительно!

Громобой. Хорошо!—и я говорю рѣшительно: ты сію же минуту, противъ своей воли, будешь женою богатыря Калиты!

Любимира *(на колѣняхъ).* Батюшка! Сжальтесь! Тронтесь моими слезами! я у ногъ вашихъ... Я ваша дочь... Изъ человѣколюбія, не говорю изъ отеческой любви—сжальтесь надо мною!..

Громобой. Безумная! всѣ твои слова напрасны!.. Ты будешь брошена въ погребъ, ты будешь въ немъ заключена по тѣхъ поръ, пока не согласишься на мое требованіе... Торопъ! Служители!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прежніе. Торопъ. Служители.

Торопъ. Что изволитъ приказать бояринъ?

Громобой. Бросьте ее въ погребъ!

Торопъ. Кого?.. Нашу боярышню?..

Громобой. Скорѣе! дѣлайте, что приказано! *(Служители хотятъ схватить Любимиру. Гремитъ громъ; всѣ неподвижны).*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Прежніе. Добрада, въ видѣ генія съ арфою.

Добрада *(Вбываетъ съ легкостью, киваетъ головою предстоящимъ и уводитъ изъ горницы Любимиру. Они приходятъ въ себя).*

Громобой. Что это было? Гдѣ моя дочь?

Калита. Гдѣ ваша боярышня, бездѣльники?.. Вы въ заговорѣ! вы отдали ее въ руки моему сопернику! *(Вынимаетъ мечъ).*

Торопъ. Развѣ не видѣли вы, господинъ богатырь, того, что случилось передъ вашими глазами? Духъ ее похитилъ... Мы всѣ были неподвижны!

Калита *(Громобою).* Это хитрость богатыря Алеши Поповича!.. Побѣжимъ вслѣдъ за нею! Я накажу измѣнника...

Громобой. Скорѣе! поспѣшимъ *(Хотятъ идти).*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Милолика, въ видѣ старушки, идетъ къ нимъ навстрѣчу на костыляхъ.

Милолика. Здравствуй, бояринъ! Куда спѣшишь?

Громобой. Пусти меня, старая! *(Хочетъ идти).*

Милолика. Постой, постой — я пришла съ важною вѣстью!.. Дочь твоя, Любимира прекрасная, пробѣжала мимо меня съ видомъ отчаянія; въ совершенномъ безумствѣ! Жестокій отецъ! — воскликнула она сердце нечувствительное, безжалостное!.. Гдѣ найду спасенія! Волны Днѣпра, сокройте меня отъ моихъ гонителей!.. — Она побѣжала ко Днѣпру.

Громобой. Къ Днѣпру!..

Калита. Старая вѣдьма, вѣстница несчастія! Кто ты?..

Милолика *(перемѣнивъ голосъ).* Ты меня не знаешь! Я пришла предостеречь тебя, богатырь Калита!.. Трепещи!.. Ты будешь семь разъ убійцею невинныхъ — для искупленія твоей матери, которой духъ осужденъ богами на долговременное странствіе!.. Шесть убійствъ уже совершились: седьмое совершится съ твоею смертію...

Громобой. Ужасно! ужасно!

Калита *(вынувъ мечъ).* Обманщица! Я заставлю тебя молчать!..

Милолика. Удержись, безсильный!.. Взгляни сюда! Вотъ Любимира — она бросается въ волны Днѣпра... Одно мое могущество можетъ спасти ее!

(Ударъ грома. Сцена перемѣняется. Поле, рѣка, утесъ надъ рѣкою — на утесѣ Любимира, которая смотритъ нѣсколько минутъ въ отчаяніи на волны, ломаетъ руки въ горести, наконецъ бросается въ рѣку. Духъ является изъ воды, спасаетъ Любимиру и улетаетъ вмѣстѣ съ нею. Все исчезаетъ. Сцена опять представляетъ горницу).

Громобой. Непонятное существо! Кто ты?..

Милолика. Избавительница твоей дочери *(принимаетъ свой настоящій видъ)* — и мать этого преступника! *(Исчезаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

(Лѣсъ. Мѣсяцъ свѣтитъ).

Алеша Поповичъ. Барма. Добрада передъ ними, съ факеломъ, въ видѣ мальчика.

Добрада. Идите за мною! мы скоро будемъ на мѣстѣ!

Барма *(ворчитъ).* Да, пора бы дойти! У меня ноги не служатъ — пятки истерлись!

Алеша. Далеко ли еще, мальчикъ?

Добрада. Не далеко!.. При окончаніи подвига ожидаетъ васъ счастіе!

Барма *(про себя).* Провалъ тебя возьми, пустомеля! *(Рука бьетъ его по зубамъ).* Ай! ай! Что это?.. Господинъ богатырь! помилуйте!

Алеша. Что ты шумишь, Барма!

Барма. Меня бьютъ по зубамъ! а кто не знаю!.. Что это за шутки!

Алеша. Замолчи, дуракъ!

Барма. Не хочу молчать! Это твои проказы, мальчишка! Я тебя... *(Опять рука бьетъ его по зубамъ).* Ой! ой! ой! Еще!.. Господинъ богатырь! Уймите проказниковъ!..

Алеша *(идетъ къ нему съ сердцемъ).* Замолчишь ли ты, неугомонный!

Барма. Молчу!.. Не говорю ни слова!..

Добрада. Богатырь! Теперь я долженъ васъ оставить... Идите одни!

Алеша. Но куда?

Барма *(скоро).* Я думаю, назадъ въ гостиницу! Тамъ мягкія постели! вкусное вино! сытный ужинъ!..

Добрада. Ты долженъ трудиться для счастія людей, чтобы заслужить свое собственное счастіе. Поди въ лѣвую сторону—тамъ увидишь развалины; въ полночь къ нимъ достигнешь... Мужество! Постоянство! Помни, что Любимира будетъ твоею наградою!

Алеша. Твои слова оживляютъ мое сердце! Иду, куда надобно. *(Хочетъ идти).*

Барма. Эй, господинъ богатырь! Мнѣ куда прикажете дѣться—неужели остаться одному въ дремучемъ лѣсу—я не знаю ни пути ни дороги!

Алеша. Иди за мною.

Добрада. Имѣешь ли довольно смѣлости, чтобы послѣдовать за господиномъ своимъ въ «страшныя развалины»?

Барма. Куда?—въ «страшныя развалины»?.. *(Дрожитъ).* Ахъ! отъ одного имени ихъ волосы становятся дыбомъ на головѣ моей,—нѣтъ не пойду туда!

Добрада. Ну, поди назадъ въ гостиницу!.. Я тебя оставляю, храбрый богатырь! Исполни все съ неустрашимостью! Ты будешь счастливъ! *(Исчезаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Алеша Поповичъ. Барма.

Алеша. Чудныя вещи!

Барма. Очень чудныя!.. Вы сыграли со мною изрядную шутку, милостивый государь!.. *Если бы я зналъ это прежде,* то поискалъ бы себѣ другого господина... Таскаться за вами по лѣсамъ, по...

Алеша. Молчи, дурачина! Развѣ ты не знаешь, какъ я управляюсь съ болтунами...

Барма. Я знаю, что вы больно деретесь, но какая отъ этого польза!

Алеша. Полночь приближается! время идти!—нечего дожидаться!

Барма *(рыдаетъ).* Какъ... вы... хотите... идти! меня оставить! одного въ лѣсу!

Алеша. Иди за мною, если оставаться не хочешь!

Барма *(въ сторону).* Легко сказать, иди за мною! Что жъ дѣлать—надобно идти! Если увижу духа или привидѣніе, зажмурюсь! *(Вслухъ, плача.)* Настала моя послѣдняя минута...

Алеша *(идетъ впередъ).* Стыдно быть такимъ трусомъ! Пойдемъ.

Барма *(трясется).* Да, стыдно—я самъ это знаю! Но... *(Видитъ дерево и начинаетъ кричать во все горло.)* Ай, ай, ай! Какой ужасный великанъ!

Алеша *(оборачивается).* Гдѣ? Я ничего не вижу!

Барма. Посмотрите сюда!.. вотъ здѣсь...

Алеша. Дурачина! Это дерево! Иди за мною.

(Громовой ударъ. Страшный голосъ говоритъ:)

Голосъ. Оруженосецъ, удались! Ты недостоинъ участвовать въ подвигахъ богатыря!

Алеша. Дождись меня здѣсь. Мы увидимся. *(Уходитъ).*

Барма. Господинъ богатырь, господинъ богатырь, возьмите и меня съ собою! Здѣсь я пропаду... какъ мнѣ одному ладить съ чародѣями!

(Ужасный духъ съ дубиною и огромнымъ фонаремъ въ рукахъ является).

Духъ. Иди за мною! Я провожу тебя въ гостиницу!

Барма. Нѣтъ, покорный слуга, я до такихъ проводниковъ не охотникъ... Я не хочу въ гостиницу, хочу къ своему богатырю.

Духъ. Пойдемъ къ богатырю!

Барма *(дрожитъ).* Не хочу и къ богатырю. Хочу... *(въ сторону.)* Куда бы мнѣ хотѣть?.. *(Вслухъ).* Хочу остаться одинъ!

Духъ *(подымая дубину).* Пойдешь ли за мною, уродъ?

Барма. Иду, иду!.. *(Про себя).* Какой же онъ чудакъ,—хочетъ быть непремѣнно моимъ проводникомъ... Если я не попаду въ преисподнюю, то могу назвать себя счастливымъ человѣкомъ. *(Идетъ торопливо вслѣдъ за духомъ).*

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

(Внутренность развалившагося замка. Все въ безпорядкѣ. На стѣнахъ мохъ, трава. Окна, двери обрушились. Въ горницѣ, пространной, со сводомъ, видны признаки скораго бѣгства. Разбросанныя платья; на столѣ горятъ два свѣтильника, на полу кинжалъ. Впереди большое окно. Алеша Поповичъ входитъ и скоро потомъ духъ).

Алеша *(осматриваясь).* Все здѣсь въ безпорядкѣ, все показываетъ поспѣшность, съ какою послѣдній обладатель замка долженъ былъ спастись отъ какихъ-нибудь непріятелей, его преслѣдовавшихъ... Кинжалъ... окровавленное покрывало... Здѣсь совершилось убійство... *(Страшный порывъ вѣтра. Громъ и молнія. Является духъ. Алеша обнажаетъ мечъ).* Удержись! Мой мечъ очарованъ, никакое волшебство не можетъ ему противиться!.. Отвѣчай, кто ты и чего требуешь?

Духъ *(глухимъ голосомъ).* Я духъ прежней обитательницы сего замка, Милолики! Мое происхожденіе славно; князья были моими предками; но участь моя несчастна! Супругъ мой, прежде могучій богатырь, потомъ злодѣй, разбойникъ, убійца, былъ извѣстенъ подъ именемъ Горюна-разбойника... Я умерщвлена предательски; духъ мой страждетъ и не находитъ спокойствія!

Алеша. Кто умертвилъ тебя? И отчего *твой духъ страждетъ?*

Духъ. Меня умертвилъ супругъ мой! Я спасла одного несчастнаго юношу, котораго онъ измѣннически заманилъ въ свой замокъ, затѣмъ, ограбивъ, закололъ... Разъяренный Горюнъ пронзилъ въ мое сердце этотъ кинжалъ, и бросилъ мое тѣло въ источникъ, который течетъ въ глубинѣ лѣса... Ищу и не нахожу спокойствія; одна надежда мнѣ осталась, надежда на твою могучую руку...

Алеша. Но скажи, какъ могу тебя избавить?

Духъ. Должно открыть убѣжище моего супруга! Онъ исчезъ неизвѣстно какъ и куда, послѣ умерщвленія жены своей! Замокъ его опустѣлъ и безпрестанно разрушается... Только тогда успокоюсь въ объятіяхъ Чернобога, когда мои кости будутъ погребены въ одномъ мѣстѣ съ прахомъ моего супруга. Это условіе ты можешь исполнить. Другое, ужаснѣйшее—мнѣ самой отъ боговъ предоставлено...

Алеша. Какое?

Духъ. Я имѣю сына! Страшный жребій насъ съ нимъ ожидаетъ! Онъ никогда не зналъ ни отца ни матери — никогда и не узнаетъ! Такъ опредѣлила судьба. Онъ долженъ семь разъ сдѣлаться убійцею въ 34 года своей жизни; когда же они пройдутъ, онъ долженъ—въ отмщеніе—умереть отъ руки своей матери!

Алеша. Ужасная участь!..

Духъ. Поспѣши, юноша, меня избавить! Тебѣ все возможно—если только имѣешь мужество и невиненъ въ душѣ своей!

Алеша. Помогать страждущимъ есть моя должность. Боги видятъ мое сердце! Оно не осквернено порокомъ!

Духъ. О, я счастливая! Скоро засну покойнымъ сномъ въ тихомъ убѣжищѣ гроба!.. Скоро и ты, о могучій богатырь, получишь Любимиру, въ награду за свою добродѣтель!

Алеша. Не обмани меня надеждою! Я бѣденъ; а боярынъ Громобой корыстолюбивъ...

Духъ. Будешь богатъ! и получишь согласіе боярина Громобоя!.. Коль семи раз-

валинами сокрыто великое сокровище. Оно тебѣ назначено... *(Слышно тихое дуновеніе вѣтра).* Но полночь наступаетъ — богатырь Алеша Поповичъ, не забудь меня! *(Молнія и громъ. Духъ исчезаетъ. Алеша падаетъ на колѣни и подымаетъ свой мечъ кверху).*

Алеша. Клянусь не успокоиваться сномъ, не знать никакой радости въ жизни—до тѣхъ поръ, пока не избавлю тебя, страждущій духъ Милолики! Никакая опасность не ужаснетъ меня; никакое страданіе, никакой трудъ не побѣдятъ моего мужества!.. Но когда сей гибельный подвигъ свершится, когда останусь побѣдителемъ—о боги! тогда да будетъ наградою моей Любимира! *(Сладостная гармонія раздается; слышится тихій, пріятный звукъ флейты. Добрада, въ видѣ свѣтлаго генія, является съ пальмовою вѣтвію позади богатыря).*

ФИНАЛЪ.

Добрада.

Безсмертные тебѣ внимаютъ!—
Велѣнью ихъ покоренъ будь!
Твой путь—опасный, многотрудный—
Къ блаженству вѣрному ведетъ!

(Добрада уводитъ его съ собою. Колоколъ протяжно бьетъ двѣнадцать часовъ. Во время боя входитъ Барма и говоритъ).

Барма. Этотъ доброхотный проводникъ привелъ меня къ «страшнымъ развалинамъ»—я совсѣмъ не просилъ его—гдѣ же богатырь? — поминай, какъ звали... Видно, проклятыя привид... *(Тотчасъ послѣ двѣнадцатаго удара въ колоколъ, раздается громъ, буря реветъ; являются страшныя привидѣнія, огромные великаны, русалки, чудовища, мышаи. Барма прячется подъ столъ. Привидѣнія бѣгаютъ по горницѣ).*

Страшный хоръ.

Собирайтесь, собирайтесь! полночные
Ужъ воетъ страшный вихрь! [духи!
Ужъ вѣтры и громы лѣса поражаютъ—
Земная ось дрожитъ!

Барма *(выглядываетъ).* Ой! ой! ой! пропалъ я!.. Какъ бы мнѣ вырваться изъ этой прекрасной компаніи...

Хоръ привидѣній.

Всѣ. Кто здѣсь? Кто?.. Какой смѣльчакъ!

Барма. Ахъ! пропалъ! съѣдятъ меня!

Всѣ *(пляшутъ).*

Съ нами, съ нами, гость незваный!
По горамъ и по долинамъ,
Черезъ рѣки и лѣса,
Понесемся, полетимъ!
Съ нами, другъ, собирайся въ путь!
Будь проворнѣй, будь смѣлѣй!..

(Громовой ударъ. Является Добрада, подаетъ знакъ — всѣ привидѣнія дѣлаются неподвижными. Столъ, подъ которымъ сидитъ Барма, исчезаетъ, а самъ Барма является верхомъ на огромной летучей мыши, которая подымается съ нимъ на воздухъ и вылетаетъ въ окно. Стукъ и трескъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Гостиница. **Чурило Пленковичъ. Василій Богуслаевичъ. Ерусланъ Лазаревичъ. Илья Муромецъ. Силуянъ.**

Чурило Пленковичъ *(Силуяну).* Ты точно знаешь, что онъ пошелъ на «страшныя развалины?»

Силуянъ. Точно знаю! Я посылалъ туда нынче поутру своего мальчика искать его, но онъ не нашелъ ни богатыря, ни оруженосца—ни слуху, ни духу, какъ канули на дно! *(Три раза стучатъ въ дверь).*

Илья Муромецъ. Что это? Стучатся въ двери?

Чурило Пленковичъ. Силуянъ, отвори!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(Силуянъ отворяетъ дверь. Входитъ Милолика, въ видѣ богатыря, одѣтаго въ черную броню, имѣя въ рукахъ бѣлый пергаментный свитокъ, обернутый въ черный крепъ).

Черный богатырь. Могучіе богатыри, Чурило Пленковичъ, Василій Богуслае-

вичъ, Еруславъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ! Зову васъ въ замокъ боярина Громобоя; будьте судіями богатыря Калиты, который долженъ сражаться не на животъ, а на смерть... Придете ли? Будете ли свидѣтелями поединка?

Всѣ богатыри. Придемъ! Будемъ!..

Василій Богуслаевичъ. Кто ты, незнакомый человѣкъ?

Черный богатырь. Я обвинитель богатыря Калиты! Этотъ злодѣй умертвилъ предательски дочь старика Добрыни Никитича!.. Придите въ замокъ Громобоя, тамъ вы меня узнаете. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же, кромѣ Чернаго богатыря.

Василій Богуслаевичъ. Итакъ, наше подозрѣніе основательно! Калита убійца Мирославы!

Чурило Пленковичъ. Пойдемте въ лѣсъ, братцы, поищемъ Алешу Поповича; онъ, вѣрно, еще бродитъ между «страшными развалинами». Надобно ему сообщить это важное извѣстіе.

Силуянъ. Совѣтывалъ бы вамъ не ходить туда, милостивые государи! Можетъ худо случиться!

Чурило Пленковичъ. Кто хочетъ спасать друга, тотъ не думаетъ объ опасности. Готовы ли вы, товарищи?

Всѣ. Пойдемъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Силуянъ. Ольга.

Силуянъ. Хорошо, что я не богатырь...

Ольга *(обнимаетъ).* Батюшка! Онъ воротился...

Силуянъ. Кто? богатырь?

Ольга. Какой богатырь! Проворъ!.. Онъ ходилъ на «страшныя развалины»! вѣдь вы сами его посылали... Къ счастію, ничего дурного съ нимъ не случилось! Какъ я рада!

Силуянъ. Дурочка! Теперь день! Чего ты боялась?

Ольга. Какъ не бояться! Я люблю Провора! Очень люблю!.. Сдѣлайте милость, батюшка, не посылайте его больше туда! Не правда ли, вы не пошлете?

Силуянъ. Ой вы, нѣжныя сердчишки! Не бойся, твой Проворъ останется въ покоѣ, не пойдетъ на «страшныя развалины»... Будь только ты умна, веди себя порядочно—недѣли черезъ двѣ и свадьбу сыграемъ!

Ольга *(обнимаетъ его).* Недѣли черезъ двѣ? Ахъ, батюшка! Какъ вы милы, какъ я васъ люблю!.. Видно, вы сами по опыту знаете, какъ тошно любя дожидаться... Только смотрите, не перемѣните своего намѣренія!

Силуянъ. Не перемѣню, не перемѣню, будь спокойна, дурочка! *(Уходитъ).*

Ольга *(одна. Прыгаетъ).* Недѣли черезъ двѣ! Черезъ двѣ недѣли!.. Что можетъ быть этого веселѣе!.. Охъ, когда бы здѣсь былъ мой Проворъ!

Арія.

Проворъ мой прекрасенъ, любезенъ, уменъ!
Всѣмъ дѣвкамъ завидно смотрѣть на меня!
Найдите себѣ такого жъ, какъ онъ;
Красавца женой всѣмъ весело быть!..
Невѣстой пріятно и весело быть!
День цѣлый мечтаешь о другѣ своемъ;
А ночью его же находишь во снѣ!
Во снѣ ль, наяву ль—вездѣ милый другъ!..
Когда-то счастливый увижу я день!
Когда-то я буду навѣки его!
Какъ тяжко желать, надежду питать,
Не видя конца желаньямъ своимъ!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Силуянъ. Проворъ.

Силуянъ. Ты не нашелъ богатыря?

Проворъ. И слѣду нѣтъ! Я доходилъ до самыхъ «страшныхъ развалинъ»—звалъ его по имени — все было тихо, никто мнѣ не отвѣчалъ—одни только кукушки въ лѣсу завывали.

Силуянъ. Какая причина? Жаль бѣднаго богатыря; видно, намъ ужъ не видать его на бѣломъ свѣтѣ! Зачѣмъ нелегкая понесла его въ эту пропасть!

Проворъ. Неужли вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что привидѣнія ему что-нибудь сдѣлали?

Силуянъ. Не только думаю—увѣренъ

въ этомъ! Съ привидѣніями и духами шутить не совѣтую. Послушай, что мнѣ разсказывала объ нихъ моя покойная бабушка:

Романсъ.

Прохожій шелъ дорогой;
Его застигла ночь!
Онъ въ хижинѣ убогой
Хотѣлъ ее провесть!
Приходитъ—все безмолвно,
Все пусто, нѣтъ жильцовъ!
Убѣжище спокойно,
Сказалъ онъ—и заснулъ.
Но полночь лишь настала—
Поднялся страшный вой;
И въ хижинѣ предстала
Колдунья на клюкахъ!
Прохожій пробужденный
Вскочилъ и закричалъ,
Какъ будто изступленный:
Кто ты, за чѣмъ пришла?.
Старуха засверкала
Глазами на него,
Клюкою замахала—
Явилось сто духовъ!
Прохожаго схватили
Взвились съ нимъ къ облакамъ—
Что жъ тамъ съ нимъ учинили,
Узнать никто не могъ!..

(Уходитъ).

Проворъ. Желалъ бы знать, откуда берутъ люди смѣлость! Идти въ гости къ духамъ, привидѣніямъ, лѣшаямъ, русалкамъ! Гдѣ это видано и слыхано?.. Признаться, я бы не желалъ встрѣтиться ни съ духомъ, ни съ привидѣніемъ!.. Одинъ взглядъ на этихъ господъ уморилъ бы меня въ одну секунду! Правду сказать, желалъ бы получить сокровище, которое—сказываютъ—спрятано въ «страшныхъ развалинахъ»: но боюсь, чтобы мнѣ тамъ не свернули шеи! Лучше быть не богатымъ, но съ головою! Два раза не жить на семъ свѣтѣ!..

Арія.

Вся наша жизнь какъ лѣтній день!
Заря прекрасная лишь мигъ:
Мелькнетъ на травкѣ лишь роса,
И вдругъ съ туманомъ улетитъ!
Сберутся черны облака
Завоетъ вѣтръ и пыль взовьетъ!
Иль грозный жаръ начнетъ палить
Долины, горы и лѣса—
Сгустится воздухъ, загремятъ
Ужасны громы въ облакахъ,
И дождь рѣкою зашумитъ,
Потопитъ нивы и луга,
Надежду, счастье поселянъ,
Съ полей богатство унесетъ...
Какъ сладокъ вечеръ послѣ бурь,—
Но ахъ, и вечеръ только мигъ!
Свѣтило мирное блеснетъ,
Въ душѣ веселье оживитъ—
Но мрачна ночь сокроетъ все!
По бурномъ днѣ наступитъ тьма!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Лѣсъ. **Барма** сидитъ на обломкѣ утеса. Потомъ **Алеша Поповичъ.**

Барма. Я опять здѣсь — но какъ отсюда выбраться?.. Куда ни погляди, лѣсъ, густой, непроходимый! Что дѣлать! О, бѣдный Барма, Кудрявая Голова! Куда тебѣ дѣваться? Бѣдный мой богатырь Алеша Поповичъ! Что съ тобою сдѣлали эти уроды съ страшными харями!..

Алеша (*входитъ поспѣшно*). Голосъ моего оруженосца!.. Барма! Барма! Ты ли это? Какъ ты здѣсь очутился?..

Барма. Пріѣхалъ сюда на летучей мыши—васъ, вѣрно, привезли на слонѣ?

Алеша. Вранъ! Пойдемъ отсюда! Надобно выйти изъ лѣсу! Ты знаешь дорогу?

Барма. Не знаю! Я здѣсь не бывалъ отъ роду! Но вотъ идутъ прохожіе, спросимъ у нихъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и нѣсколько служителей.

Алеша (*подходитъ къ нимъ*). Не можете ли показать намъ дорогу изъ лѣсу?

Одинъ служитель. Это онъ!.. Мы его ищемъ!..

Другой служитель. Голубой панцырь, бѣлыя перья на шлемѣ!

Третій. Онъ, онъ! возьмемъ его!..

Барма. Господинъ богатырь,—эти люди не добрые! Пойдемъ отъ нихъ подалѣ!

Одинъ служитель (*обнаживъ мечъ*

имѣетъ съ другими). Богатырь! Вы должны сдаться! Мы имѣемъ повелѣніе привести васъ къ своему господину.

Барма *(ползетъ въ кустарникъ).* Здѣсь будетъ жарко! Мое дѣло сторона.

Алеша *(обнаживъ мечъ).* Разбойники! Чего вы отъ меня хотите?

Одинъ служитель. Хотимъ взять васъ! Сдайтесь добровольно!

Алеша. Попробуйте взять меня. *(Отбивается. Его переспариваютъ и берутъ).*

Одинъ служитель. Попался ты намъ, убійца нашей доброй боярышни!..

Алеша. Я убійца?.. Это клевета!.. Ведите меня къ своему господину!

Другой служитель. Ведите его къ богатырю Добрынѣ Никитичу!

Алеша. О, Любимира! *(Его уводятъ. Барма выглядываетъ изъ-за кустовъ и осматривается съ торопливостью).*

Барма *(одинъ).* То-то молодецъ! Насилу его взяли! И я не трусъ! Я бы имъ не дался въ руки!.. Но въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться, и для того подалѣ, подалѣ! *(Осматривается).* Не раненъ ли я однако жъ? Иногда можно умереть и глядя на сраженіе... Меня жъ кусали такіе сердитые овода, такъ больно, что на моемъ мѣстѣ и камень бы вскрикнулъ— а я имѣлъ духъ молчать!.. О, я человѣкъ терпѣливый и смѣлый!.. Пойду за ними издали—можетъ быть... *(Хочетъ идти).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Барма и **Добрада**, въ видѣ лѣсниковой дочери.

Добрада. Здравствуй, пріятель! Откуда ты?

Барма. Прямо изъ сраженія! Мы дрались, какъ отчаянные!.. Кровь лилась ручьями, и шумѣла, какъ Днѣпровскіе пороги! Тысячи тысячъ побиты! Всѣ убѣжали... Я одинъ остался, какъ видишь, непобѣдимымъ!

Добрада. На которомъ мѣстѣ происходило сраженіе?

Барма. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ.

Добрада. Гдѣ жъ убитые?

Барма. Всѣхъ схоронили!

Добрада *(про себя).* Постой, хвастунъ, я тебя накажу за твое самохвальство!

Барма. Не знаешь ли дороги изъ лѣсу? Проводи меня!

Добрада. Погоди, я пришлю къ тебѣ свою сестру,—она укажетъ тебѣ дорогу.

Барма. Сестру! Молода ли она?

Добрада. Дѣвочка, 16-ти лѣтъ!

Барма *(про себя).* Прекрасно! *(Вслухъ).* А хороша ли!

Добрада. Какъ весеннее утро!

Барма. Въ самомъ дѣлѣ! Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Пришли ее сюда поскорѣе! Съ красавицею въ лѣсу не страшно!

Добрада. Но смотри, обходись съ нею честно! Бѣдненькая влюблена...

Барма. Влюблена *(про себя)*, тѣмъ лучше! *(Вслухъ).* Но скажи мнѣ, знаешь ли ты, что такое любовь!

Добрада. Какъ не знать! Развѣ я не живой человѣкъ!

Арія.

Любовь—веселіе души!
Съ любовью жизнь, какъ вѣчный май!
Кто жизнь проводитъ безъ любви,—
Тотъ землю только бременитъ!...
Любовь приходитъ, не спросясь!..
Вздохнешь и скажешь: *я люблю!*
Слезами сердце облегчишь!
Люби—коль хочешь счастье знать!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Милолика, въ видѣ лѣсниковой дочери.

Барма *(одинъ).* Я это знаю! Дѣвушка не успѣетъ научиться говорить, какъ любовный вздоръ полѣзетъ къ ней въ голову!.. Но вотъ и ея сестра... Подлинно! Красавица!

Милолика. Тебя надобно проводить изъ лѣсу?.. Сестрица меня послала!

Барма. Меня, моя милая! Но... *(Про себя).* Ха-ха-ха! Такой дѣвки я еще не видывалъ! *(Вслухъ)* Ты, ты...*(пожимаетъ ей руку)* ты очень мила! Какъ тебя зовутъ?

Милолика *(весело).* Меня зовутъ Марою!

Барма. Милая Мароа! знаешь ли, что ты прекрасное твореніе!

Милолика. Благодарствую, добрый человѣкъ! Мнѣ говорятъ, что я хороша! Пойдемъ!

Барма *(тихо)*. Охъ! эта дѣвка очень мнѣ по сердцу. *(Громко)* Послушай, милая, поди сюда! Сядемъ подъ это дерево! Отдохнемъ немного!

Милолика. Нельзя! Боюсь!

Барма. Ха-ха-ха! Чего же боишься, плутовка! *(Треплетъ ее по щекѣ)*. Какая полная, румяная щечка!.. Я думаю, очень весело цѣловать ее... Попробую! Поцѣлуй меня, Мареушка. *(Хочетъ обнять ее—Милолика превращается въ дряхлую, безобразную старуху, и говоритъ осипшимъ голосомъ)*.

Милолика. Я здѣсь, мое сокровище!

Барма. Эхъ! Что это?.. *(Бѣжитъ отъ нее)*. Что за уродъ!

Милолика. Сядемъ подъ дерево!

Барма. Нельзя! *(Оглядывается)*. Куда дѣвалась моя красавица?..

Милолика. Ты, конечно, говоришь о моей дочери.

Барма. Что? Она твоя дочь? Нельзя статься! У такой старой вѣдьмы, какова ты, не можетъ быть такой прекрасной дочери!

Милолика *(встаетъ)*. Какъ, негодяй! Ты еще смѣешь говорить грубости!.. Сюда! *(Страшный аккордъ въ музыкѣ. Являются духи съ бичами)*. Покажите этому незваному гостю дорогу изъ моего владѣнія!.. Бѣги отселѣ и чувствуй мое мщеніе. *(Уходитъ. Духи окружаютъ Барму, бьютъ его бичами въ тактъ и гонятъ съ театра)*.

Хоръ.

Ругателямъ награда—бичъ!
Бѣги отсель!
Языкъ держать бы на цѣпи—
Не былъ бы битъ!
Бѣги, бѣги, болванъ! бѣги!..

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Огромная палата. Впереди двери съ занавѣсомъ, черезъ которыя входятъ въ другую горницу, одѣтую чернымъ сукномъ, и въ которой стоитъ пышный катафалкъ. На катафалкѣ мертвая Мирослава. **Добрыня Никитичъ. Алеша Поповичъ**, связанный, вводится служителями.

Добрыня *(отдернувъ занавѣсъ)*. Смотри, злодѣй! Вотъ что ты сдѣлалъ!

Алеша. Старый и честный богатырь Добрыня Никитичъ, я тебя не понимаю—можешь ли подозрѣвать меня въ этакомъ ужасномъ дѣлѣ—я невиненъ, клянусь богами!

Добрыня. Погляди на эту несчастную жертву яростнаго твоего изступленія, и почувствуй, если можешь, терзанія совѣсти! Не ты ли ее обольстилъ насильственно; не ты ли умертвилъ ее, когда безъ всякой обороны эта невинная гуляла въ моихъ рощахъ, на берегу Днѣпра. Ея подруги описали мнѣ лицо убійцы, его одежду; я разослалъ своихъ вѣрныхъ служителей—они искали тебя долго, наконецъ нашли въ томъ же лѣсѣ, гдѣ ты совершилъ убійство, гдѣ обольстилъ мою невинную дочь и лишилъ меня моего счастія, всѣхъ моихъ радостей при старости... Я почиталъ тебя честнымъ человѣкомъ; я не воображалъ, чтобы страшный убійца и обольститель невинности былъ храбрый, могучій богатырь Алеша Поповичъ—но я наученъ опытомъ не вѣрить людямъ!.. Они не могутъ удивить меня никакимъ злодѣйствомъ...

Алеша. Удивляюсь тому, что отъ тебя слышу!.. Богатырь, Добрыня Никитичъ! Ты долженъ быть не такъ поспѣшенъ въ своихъ обвиненіяхъ! Ты долженъ вспомнить, что я почти не видалъ твоей дочери Мирославы прекрасной. Могу ли быть ея убійцею и обольстителемъ! Вотъ тебѣ рука моя—она не осквернена кровью невинности, она готова отмстить за твою несчастную дочь!

Добрыня. Позднее мщеніе!.. Но тебя все обвиняетъ. Мои служители узнали тебя! Скажите, друзья, видали ли вы его? Не онъ ли приходилъ въ мое отсутствіе къ Мирославѣ! Не онъ ли скитался часто около моего замка, и въ густотѣ лѣса, дожидаясь ея выхода?..

Одинъ служитель. Онъ, онъ! Мы его знаемъ.

Алеша. Дѣлайте со мною, что хотите! Но еще разъ клянусь богами—я невиненъ!

Добрыня. Клятвопреступникъ! Не обременяй себя новыми преступленіями, призывая имя боговъ въ свою защиту! Служители, бросьте его въ погребъ! (*Служители окружаютъ Алешу Поповича*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Гостиница. **Проворъ**, потомъ **Барма**.

Проворъ. Богатыри отправились къ боярину Громобою. Въ гостинницѣ все такъ тихо, какъ будто бы все померло...

Барма (*вбѣжитъ,—бѣжитъ по театру; запыхавшись, долго не можетъ говорить*). Провалъ возьми эту службу—настоящая каторга!.. Нѣтъ, господинъ богатырь! Я вашъ покорный слуга! Ищите себѣ другого оруженосца—съ вами жизнь не жизнь, а мученье.

Проворъ. Гдѣ твой господинъ, Барма?

Барма. Кто его знаетъ!.. Можетъ быть, теперь посаженъ на колъ и зѣваетъ на галокъ!.. Подѣломъ ему! Зачѣмъ дружился съ чародѣями...

Проворъ. Что такое сдѣлалось съ тобою?

Барма. Спроси у моей спины! Она тебѣ скажетъ!

Проворъ. Тебя посѣкли?

Барма. Такъ посѣкли, что съ самаго начала свѣта эдакаго сѣченья видомъ не видано.

Проворъ. На! Запей свое горе, пріятель!.. Вино укрѣпляетъ человѣка. (*Даетъ ему чарку вина*).

Барма (*пьетъ*). Такъ—ты говоришь правду... И—сказать безъ хвастовства—не будь я такъ смѣлъ, то бы теперь воронъ костей моихъ не собралъ...

Проворъ. Развѣ ты встрѣтился съ какимъ-нибудь духомъ или чародѣемъ?..

Барма. Я видѣлъ сто тысячъ духовъ!—Слушай! Мы подходимъ къ лѣсу! Все тихо, все спокойно, ни одинъ листочекъ *не шелохнется*... Я не трусъ!—шелъ впереди, показывалъ своему богатырю дорогу; онъ держался за мою полу...

Проворъ. Потомъ что?

Барма. Потомъ?.. Я остался одинъ—богатырь пошелъ далѣе. Теперь-то слушай...

Проворъ. Говори, говори.

Барма. Вдругъ со всѣхъ сторонъ зашумѣла буря, лѣсъ загорѣлся, и ко мнѣ навстрѣчу выѣхалъ зеленый огненный баранъ, верхомъ на горбатой старухѣ, у которой изо рту торчали огненные клыки—ты знаешь, что я смѣлый человѣкъ, но, признаться, увидя такихъ гостей, я задрожалъ, какъ осиновый листъ—хотѣлъ бѣжать, ноги подкосились, меня схватили, помчали, начали тормошить... Я думалъ, что меня занесутъ на край земли; ничуть... Прихожу въ себя—на дворѣ утро, все тихо... Я лежу на камнѣ—мой богатырь подлѣ меня...

Проворъ. Чудеса! Удивительно!

Барма. Еще не все!

Проворъ. Что жъ далѣе?

Барма. Выбѣгаютъ изъ лѣсу тысяча человѣкъ! Приступаютъ къ моему богатырю, хотятъ его схватить, онъ зоветъ меня на помощь,—я бросаюсь, какъ бѣшеный, на разбойниковъ, колю, бью, рѣжу, только что головы сыплются! Благодаря моей и господина моего храбрости, оставалось только сто человѣкъ—мы бы и съ ними управились, но у богатыря моего выбили изъ рукъ мечъ, отсѣкли носъ и четверть головы... Онъ долженъ былъ сдаться; его взяли—а я пошелъ домой!

Проворъ. Жаль богатыря! Гдѣ-то онъ теперь?

Барма. Вѣчная ему память!.. Но слушай: иду, иду—вдругъ выходитъ ко мнѣ навстрѣчу дѣвушка! Я молодецъ не промахъ! Тотчасъ къ ней; прошу ее проводить меня изъ лѣсу—она соглашается, и какая дѣвушка не согласится на мою просьбу? слово за слово — хочу съ ней короче познакомиться, хочу ее поцѣловать, и только что протянулъ губы — вообрази пріятель!

Проворъ. Что такое?

Барма. Вмѣсто красавицы, очутилась передо мною старуха, скаредная, беззубая, хромая, кривая, губастая — я ахнулъ, ударилъ ее объ землю и бѣжать изъ лѣсу! Но, видно, эта старуха чародѣйка...

Проворъ. Что она сдѣлала?

Барма. Лишь только я побѣжалъ, поднялся въ лѣсу шумъ, свистъ, гарканье—страхъ что такое! Вдругъ окружило меня нѣсколько тысячъ уродовъ, одинъ съ плетью, другой съ дубиною, третій съ цѣлымъ дубомъ — и начали меня провожать изъ лѣсу! Я бѣжалъ безъ памяти, стукался лбомъ объ деревья—такъ крѣпко, что каждое дерево ломалось, и тамъ, гдѣ я бѣжалъ, деревья лежатъ рядами—не знаю, какъ я очутился здѣсь—только впередъ не пойду въ этотъ лѣсъ ни за какія деньги, и не стану цѣловаться съ молодыми дѣвками!

Проворъ. Самъ виноватъ, пріятель; если бы ты поцѣловался съ старухою, то твоя спина была бы здорова.

Барма. Поцѣловаться съ старухою! Легко сказать! Но если бы ты видѣлъ эту старуху—провалъ ее возьми—хромая, горбатая, кривая вѣдьма, на которую и глядѣть тошно! — желалъ бы, чтобы ты встрѣтился съ этою красавицею и поцѣловалъ ее!

Арія.

Красотка шестнадцатилѣтня,
Невинность и сердцемъ и взглядомъ—
По чести, прелестнѣй всего!
Съ такою красоткой не стыдно
Проворствомъ своимъ похвалиться!
Съ красоткой—и я богатырь!
Не струшу, не струшу никакъ!
Но если беззубая вѣдьма,
Старуха забредитъ любовь—
Пропалъ я, какъ ракъ на мели!
Легко ли прельщаться уродомъ?
Съ уродомъ шутить, цѣловаться?
Раздуй ихъ, проклятыхъ, горой!
Барма—имъ покорный слуга!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Проворъ. Ольга. Добрада, въ видѣ лѣсниковой дочери.

Проворъ (*одинъ*). Не ходить бы тебѣ въ лѣсъ, пріятель! Чародѣи—не свой братъ!

Ольга съ Добрадою. Проворъ, эта маленькая дѣвочка тебя спрашиваетъ!

Проворъ. Маленькая дѣвочка? меня? Чего ей хочется?

Добрада. Не ты ли нынче былъ въ лѣсу? Не съ тобою ли встрѣтился старикъ, нищій?

Проворъ. Такъ, я былъ въ лѣсу, встрѣтился и съ нищимъ, которому далъ кусокъ хлѣба и нѣсколько мелкихъ денегъ.

Добрада. Смотри—никакое благодѣяніе не остается безъ награды! Старый нищій даритъ тебѣ этимъ мѣшкомъ золота за твой кусокъ хлѣба и твои деньги...
(*Подаетъ ему полный мѣшокъ денегъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же. Силуянъ. Соловей.

Проворъ. Радуйся, Проворъ! Теперь честнымъ пиркомъ да за свадебку! Будь дѣтей полна изба—не стану тужить! Всѣмъ на часть достанется!

Силуянъ. Дѣти, откуда взялись эти деньги?

Ольга. Батюшка, батюшка! послушайте, какое чудо! Проворъ нынче по утру подалъ нищему...—а этотъ нищій подарилъ его мѣшкомъ золота!

Соловей. Удивительно! Но доброе дѣло всегда награждается!

Силуянъ. Кто ты, дѣвочка!

Добрада. На что тебѣ знать мое имя, добрый человѣкъ! Живи спокойно въ своемъ семействѣ и будь счастливъ! вотъ все, чего тебѣ желаю!

Каноиъ изъ пяти голосовъ.

Гдѣ радость въ хижинѣ простой
Съ невинностью живетъ,
Гдѣ дружбою составленъ кругъ —
Тамъ счастіе цвѣтетъ;
Тамъ нѣтъ тоски и нѣтъ заботъ,
Тамъ все любовь живетъ!

Друзья людей блаженны здѣсь!
Ихъ взоръ боговъ хранитъ!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Палата Громобоя. **Громобой. Калита.**

Громобой. Ахъ! Если бы я могъ оживить дочь мою! Чѣмъ бы для нее не пожертвовалъ?.. Боги, возьмите все мое имущество и возвратите мнѣ мою Любимиру!

Калита. Эта потеря была тебя недостойна, бояринъ Громобой. Завтра мы поѣдемъ съ тобою въ Кіевъ; тамъ будемъ веселиться при дворѣ князя Владимира—веселость разсѣетъ твои печальныя мысли!

Громобой. Ты никогда не бывалъ отцомъ, богатырь Калита!.. Это видно: иначе говорилъ бы другое... Ахъ, какъ тяжело родительскому сердцу, когда милое дитя отъ него оторвано!

(*Входитъ служитель*).

Служитель. Кіевскіе богатыри стоятъ у воротъ твоего замка и желаютъ тебя видѣть.

Громобой. Милости прошу— зови ихъ. (*Служитель уходитъ*). Боги, неужели мое сердце трепещетъ отъ радости безъ причины?.. Что если они спасли мою Любимиру! если хотятъ возвратить мнѣ мою дочь!

Калита. Это невозможно! Она утонула въ Днѣпрѣ; мы сами видѣли...

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же. Чурило Пленковичъ, Василій Богуславевичъ, Еруславъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ входятъ, обнимаются съ **Громобоемъ** и смотрятъ презрительно на **Калиту.**

Чурило. Здравствуй, старый бояринъ Громобой!

Всѣ. Добраго тебѣ здоровья, старый человѣкъ!

Громобой. Зачѣмъ пожаловали ко мнѣ, богатыри кіевскіе?..

Чурило. Бояринъ Громобой, выслушай насъ: въ домѣ твоемъ живетъ убійца! Мы *присланы* сюда обличить этого злодѣя и сразиться съ нимъ не на животъ, а на смерть!

Громобой. Кто же этотъ убійца?

Всѣ. Богатырь Калита!

Калита. Клевета! Кто обличитъ меня? Я готовъ сражаться!

Чурило. Я твой обвинитель: я буду сражаться съ тобою! Бояринъ Громобой, приготовь мѣсто для сраженія, призови свидѣтелей; боги будутъ судить насъ!

Всѣ. Боги будутъ судить преступника!
(*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

(*Темная, глубокая тюрьма или погребъ, въ который брошенъ Алеша Поповичъ. Горящій факелъ, воткнутый въ землю, освѣщаетъ стѣны, почернѣвшія отъ сырости*).

Алеша Поповичъ, потомъ **Милолика,** въ видѣ бѣлаго старика.

Алеша. Бѣдная участь человѣческая! Нынче счастливъ, завтра погибаешь!
(*Вьется вьюрокъ; старикъ сѣдой, худощавый, блѣдный, съ длинною бѣлою бородою, съ фонаремъ, является передъ нимъ*).

Старикъ. Не бойся ничего—я здѣсь, я спасу тебя!

Алеша. Ты присланъ отъ богатыря Добрыни? Признаетъ ли онъ меня невиннымъ? Хочетъ ли освободить меня?

Старикъ. Ошибаешься! Я не знаю богатыря Добрыни!

Алеша. Какъ же ты узналъ, что я страдаю въ его темницѣ?

Старикъ. Не спрашивай ни о чемъ! Слѣдуй за мной или будетъ поздно!

Алеша. Нѣтъ, я не тронусь съ мѣста по тѣхъ поръ, покуда не узнаю, кто ты, чего отъ меня хочешь и за что я здѣсь?

Старикъ. Упрямый! Ты погибнешь отъ своего упрямства!

Алеша. Какъ? Погибну?.. Почему я долженъ погибнуть?

Старикъ. Тебя почитаютъ убійцею дочери богатыря Добрыни. Тебя поймали въ томъ лѣсу, гдѣ совершилось убійство.

Ты одинакого роста, виду—съ настоящимъ убійцею! Латы твои похожи цвѣтомъ на его латы! Добрыня тебя знаетъ, но всѣ обстоятельства противъ тебя соединились—все обвиняетъ тебя—огорченный отецъ жаждетъ мщенія!.. Но слышишь ли, враги твои приближаются!

(*Отходитъ въ сторону*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Прежніе. Добрыня Никитичъ съ своими служителями, которые имѣютъ въ рукахъ зажженные факелы.

Добрыня. Рѣшился ли ты, злодѣй, признаться въ своемъ преступленіи? Говори—не хочу быть несправедливымъ, осуждая тебя.

Алеша. Я невиненъ! я не знаю никакого преступленія за собою!

Добрыня (*людямъ своимъ*). Умертвите жъ его! Скорѣе!.. (*Служители бросаются на Алешу Поповича съ поднятыми булавами; старикъ является посреди ихъ и восклицаетъ*).

Старикъ. Удержитесь! Онъ невиненъ!

Всѣ (*въ ужасѣ*). Привидѣніе! (*Цѣпи спадаютъ съ богатыря Алеши*).

Алеша. Я свободенъ! Чудо спасло меня!

Старикъ. Богатырь Добрыня Никитичъ, ты самъ едва не сдѣлался убійцею невиннаго! Знай, что обольститель и настоящій убійца твоей дочери есть богатырь Калита, этотъ безсовѣстный человѣкъ, обремененный ужасными преступленіями. Сію минуту начнется смертный поединокъ. Алеша Поповичъ сразится съ нимъ не на животъ, а на смерть. Боги суть заступники справедливаго.

(*Исчезаетъ. Громовой ударъ. Поле. Мѣсто для поединка огорожено черными перилами. Впереди черныя скамьи, на которыхъ сидятъ богатыри, судьи поединка, въ черныхъ латахъ. У входа вдружены въ землю два копья, обвитыя чернымъ крепомъ. На двухъ деревьяхъ висятъ оружія для соперниковъ: шлемъ, панцырь и булава на каждомъ. Тихая, унылая гармонія раздается; бьютъ въ литавры и трубы, обтянутые сукномъ. Тихіе голоса поютъ*).

Преступникъ будь наказанъ;
Злодѣйство, обличись!
Да кровію злодѣя
Загладится оно!

Громобой (*какъ судія поединка*). Приблизьтесь, честные богатыри! Вотъ висятъ оружія! Щиты, панцыри, булавы, мечи—изберите и вооружитесь!

(*Алеша и Калита выходятъ на сцену. Каждый беретъ мечъ и щитъ. Оруженосецъ Калиты держитъ булаву подль богатыря своего; Алеша оставляетъ свою булаву на деревѣ*).

Алеша. Я обвиняю этого злодѣя въ убійствѣ Мирославы прекрасной! Мы должны сразиться не на животъ, а на смерть. Боги рѣшатъ между нами!

Калита. Ты—клеветникъ! выходи!

Громобой. Богатыри! начинайте сраженіе!

Калита. Но прежде говорю въ присутствіи всѣхъ богатырей, что я невиненъ! Клянусь богами...

Чурило. Не клянись, а докажи мечомъ свою невинность!

Алеша. Выходи!

Всѣ богатыри. Погибель убійцѣ! Побѣда мстителю!

(*Бьютъ въ литавры. Богатыри становятся одинъ противъ другого, покрывшись щитами, обнаживъ мечи. Хотятъ начать сраженіе. Является блѣдный человѣческій образъ, смертная блѣдность изображена на лицѣ его; онъ медленно приближается, становится противъ Калиты, устремляетъ на него неподвижные глаза и говоритъ медленно*).

Духъ. Богатырь Калита! Боги справедливы! Я буду свидѣтелемъ поединка!

Всѣ (*въ ужасѣ*). Что это?

Громобой. Духъ убіенной!

Калита. Выходи, обвинитель! За тебя сражаются духи, я одинъ— но моя невинность со мною!

(*Опять звучатъ литавры, музыка*

раздается, сраженіе начинается, во время котораго тихіе голоса поютъ:)

Преступникамъ ужасенъ
Боговъ безсмертныхъ судъ!
Рукой ихъ да сорвется
Личина съ ихъ чела!

(Богатыри сражаются. Духъ во время сраженія стоитъ неподвижно и не спускаетъ глазъ съ Калиты. Алеша Поповичъ ломаетъ мечъ свой и остается безоружнымъ. Калита вырываетъ булаву изъ рукъ оруженосца и, поднявъ ее, бьжитъ къ Алешѣ Поповичу, который закрывается щитомъ. Духъ исчезаетъ. Неизвѣстный старикъ является посреди соперниковъ и удерживаетъ руку Калиты).

Старикъ. Стой, убійца! Признайся немедленно, ты ли умертвилъ Мирославу?

Калита (*роняетъ булаву*). Боги! Какой ужасъ меня объемлетъ! Дрожу! Кровь во мнѣ леденѣетъ! Отъ этого страшнаго голоса волосы на головѣ моей становятся дыбомъ!.. Такъ—боги меня обличаютъ!.. Я убійца Мирославы!

Старикъ. И боги да накажутъ тебя! (*Является въ видѣ Милолики.*) Умирай отъ кинжала своей матери! (*Колетъ его кинжаломъ*).

Калита (*падаетъ*). Моя мать!!. (*Весь въ ужасѣ*).

Духъ Милолики (*поднявъ кинжалъ*). Совершилось! Искупленіе мое близко! (*Идетъ медленными шагами мимо изумленныхъ зрителей. Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Гостиница.

Барма за столомъ ѣстъ и пьетъ, потомъ

Соловей.

Барма (*пьетъ съ большою жадностью*). Теперь дѣлайте, что хотите, духи, привидѣнья и старухи колдуньи—я не боюсь васъ! за добрымъ обѣдомъ и съ полною чаркою вина я храбрый богатырь!

Соловей. Хлѣбъ да соль, пріятель!

Барма (*съ набитымъ ртомъ*). Милости просимъ!

Соловей. Видно ты немного усталъ и проголодался! Изрядно тебѣ бока помяли!

Барма. Не подходи ко мнѣ! Я проглочу тебя и съ балалайкою!

Соловей. Знаешь ли, кто заплатилъ за твой обѣдъ?

Барма. Не знаю и знать не хочу! Лишь бы только наѣсться до сыта!

Соловей. Неизвѣстный никому старикъ, съ посохомъ въ рукѣ, отдалъ кошелекъ съ золотыми деньгами Силуяну, говоря: корми до сыта Барму Кудрявую Голову!

Барма. Неужели? Кто бы таковъ былъ этотъ доброхотъ? (*пьетъ*) За здоровье моего благодѣтеля!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и богатырь Алеша Поповичъ.

Богатырь. Благодарствую, Барма!

Барма (*струсивъ, въ сторону*). Онъ опять тутъ!.. Что за пропасть!

Алеша. Тебѣ, какъ я вижу, здѣсь не худо?..

Барма (*набивъ ротъ*). Изрядно! изрядно!.. Не угодно ли покушать вмѣстѣ со мною?..

Алеша. Мнѣ некогда! Я имѣю важныя дѣла?..

Барма. Желаю вамъ ихъ счастливо кончить!

Алеша. Обѣдай проворнѣе и ступай за мною въ лѣсъ!

Барма. Кто?..

Алеша. Ты!

Барма. Я?.. Извините, никакъ не могу васъ послушаться! Я цѣлую ночь не спалъ, голова болитъ! Горло засохло и спина очень чешется!..

Алеша. Бездѣльникъ! развѣ ты не оруженосецъ мой, развѣ не долженъ всюду за мною слѣдовать?..

Барма. Я все знаю! Но я не обязанъ имѣть дѣла съ проклятыми духами, которые безъ милости мучатъ честныхъ людей— я...

Алеша. Дуракъ! я не къ духамъ тебя

зову! Я долженъ посѣтить одного пустынника, который живетъ въ ближнемъ лѣсу, на берегу Днѣпра.

Барма. Пустынника! вы хотите, чтобы я проводилъ васъ къ пустыннику! О, это другое дѣло! Я готовъ идти *(пьетъ)*.

Алеша. Я буду дожидаться тебя у воротъ гостиницы *(идетъ)*.

Барма. Подите, сейчасъ догоню васъ.

Соловей *(Барму, который встаетъ и утирается скатертью)*. Но, пріятель—что, если этотъ пустынникъ какой-нибудь злой духъ? Если онъ захочетъ позабавиться, и тебя изжаритъ себѣ на ужинъ?..

Барма *(опять садится за столъ)*. Я пойду въ лѣсъ! Остаюсь за своимъ столомъ!—только и всего.

Алеша *(за кулисами)*. Барма, скорѣй!

Барма. Иду, иду! *(сидитъ и пьетъ)*.

Соловей. Ты разсердишь богатыря! Совѣтую тебѣ идти съ нимъ .. Развѣ онъ захочетъ погубить тебя? Поди, Барма!

Барма. Ой, не хочется! Здѣсь за столомъ сытно, а тамъ въ лѣсу страшно! *(пьетъ)*.

Алеша *(входитъ)*. Долго ли мнѣ дожидаться тебя, мошенникъ? Что ты здѣсь дѣлаешь?.. Онъ ѣстъ и не трогается съ мѣста! Прошу покорно...

Барма *(съ полнымъ ртомъ падаетъ на колѣни, плачетъ и говоритъ)*. Ахъ, господинъ богатырь, оставьте меня здѣсь! Помилуйте! не берите меня съ собою! Тамъ меня съѣдятъ, какъ жаренаго барана...

Алеша. Плутъ! я вижу, ты вздумалъ шутить надо мною!.. Погоди!.. *(хватается за мечъ)*.

Барма *(вскочивъ, бѣжитъ въ двери)*. Иду, иду! Ничего не боюсь!

(Алеша гонитъ его; оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Соловей *(одинъ)*. Счастливъ я, что судьба избавила меня отъ всѣхъ трудныхъ опасностей богатырскаго званія! Какое блаженство, что я лишь пѣвецъ; Спокойно, безпечно я жизнь провожу!

Гремящая слава награда героямъ;
Но я не завистливъ, сей славой не льщусь!
Желаю награды отъ милыхъ красавицъ!
Въ любовныхъ походахъ—и я богатырь!
За полною чарой, на шумныхъ пирахъ,
Питьемъ и весельемъ я радъ побѣждать;
Когда же увяну, когда посѣдѣю,
И старости скучной отдамся въ полонъ—
Тогда съ балалайкой, за полною чарой,
О прежнемъ весельѣ, вздохнувъ, помяну!

(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Комната въ замкѣ Громобоя. **Громобой** сидитъ на большихъ креслахъ. Потомъ **Торопъ**.

Громобой. Что мнѣ осталось дѣлать, бѣдному одинокому старику! Безъ дѣтей, безъ наслѣдниковъ, безъ роду и племени. На что я копилъ богатство, на что берегъ сокровища, безпокоился, мучился? Кто мнѣ бѣдному закроетъ глаза? Кто пожалѣетъ обо мнѣ, когда меня не будетъ? О, злодѣй Калита! отъ тебя одного я несчастливъ! Боги жестоко наказали меня!

Торопъ *(входитъ)*. Боярынъ, слѣпая старушка нищая, съ маленькимъ мальчикомъ, просится неотступно къ тебѣ!

Громобой. Я никого не хочу видѣть, не хочу ни съ кѣмъ говорить! Одинъ въ уединенной горницѣ проведу бѣдственный остатокъ своей жизни! Кто мнѣ можетъ быть нуженъ, и кому до меня нужда, когда нѣтъ со мной моей доброй, милой Любимиры...

Торопъ. Итакъ, ты приказываешь отослать эту бѣдную старушку безъ всякой помощи, безъ подаянья?

Громобой. Нѣтъ, Торопъ; накорми ее досыта; дай ей сколько хочешь денегъ—я не хочу, чтобы убогій и несчастный отходилъ безъ всякой отрады отъ моихъ воротъ...

Торопъ. Милость твоя несказанна! Пойду, обрадую старушку.. Но вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе и **Любимира**, въ видѣ слѣпой нищей старушки и **Добрада**, въ видѣ мальчика, ея провожатаго.

Громобой. Откуда вы, бѣдные люди?

Любимира. Мы съ Волхова! Мужъ мой служилъ въ войскѣ Святослава! Онъ погибъ вмѣстѣ съ нимъ на Днѣпровскихъ порогахъ; я попалась въ плѣнъ злодѣямъ печенѣгамъ, которые выкололи мнѣ глаза и пустили скитаться по бѣлому свѣту, котораго уже не увижу, никогда не увижу...

Громобой (*тронутый*). Бѣдная женщина!

Любимира. Я побираюсь! Этотъ мальчикъ, сынъ моего племянника, сирота, безъ отца и безъ матери, меня не покидаетъ...—Наградите его, Боги! — проситъ за меня милостыню и водитъ меня по дорогамъ! Безъ него куда бы я дѣвалась, бѣдная!

Громобой (*беретъ мальчика за руку*). Нѣтъ! онъ не будетъ скитаться по большимъ дорогамъ! онъ останется со мною! Сдѣлаю его своимъ наслѣдникомъ! Ахъ, моя бѣдная Любимира, можетъ ли кто-нибудь замѣнить тебя?.. Но хочу какое-нибудь утѣшеніе! (*Треплетъ мальчика по щекѣ*). Хочешь ли со мною остаться?

Добрада. А моя бабушка? Куда ей дѣваться! Можно ли ее покинуть!

Громобой. Торопъ! Отведи эту старушку въ теремъ, чтобы ей ни въ чемъ не было недостатка! слышишь ли!.. Друзья мои, вы останетесь со мною! Вы замѣните мою потерю — если только что-нибудь на свѣтѣ можетъ замѣнить ее! Ахъ! по крайней мѣрѣ, рука благодарнаго человѣка закроетъ мнѣ глаза!

Любимира. Что жъ скажетъ объ этомъ ваша дочь Любимира, если вдругъ, возвратясь въ свое жилище, найдетъ вмѣсто себя чужихъ людей...

Громобой (*изумленный*). Любимира— моя дочь, говоришь ты?..

Добрада. Что, если она жива...

Громобой (*державшій Добраду на рукахъ, ставитъ ее на землю*). Жива?.. О, если бы она была жива!.. (*Добрада подаетъ знакъ; нищенское платье спадаетъ съ Любимиры; она является въ натуральномъ своемъ видѣ. Добрада исчезаетъ*).

Любимира. Она жива! она у ногъ вашихъ! батюшка!..

Громобой. Любимира! Боги! (*Обнимаетъ ее съ горячностью*).

Торопъ. Что это за чудо! боярышня!..

Громобой. Прижмись къ моему сердцу, милая дочь! Почувствуй, какъ оно бьется отъ радости, неописанной, неизреченной. Теперь чувствую, что отецъ, лишенный дочери, со всѣмъ своимъ богатствомъ, есть самый бѣдный, несчастный человѣкъ. Торопъ, бѣги въ ближнюю гостиницу—тамъ найдешь богатыря Алешу Поповича, найдешь многихъ другихъ богатырей, зови ихъ всѣхъ ко мнѣ и все приготовь для помолвки... (*Торопъ уходитъ*). Хочу радоваться! Хочу веселиться! Моя дочь, моя Любимира возвратилась! Съ нею возвратилось мое спокойствіе, мое счастье!

Любимира. О батюшка! (*Цѣлуетъ его руку*).

Громобой. Я былъ самый бѣдный человѣкъ, потому что потерялъ было дочь свою. Теперь она опять со мною! Я опять богатъ! Пойдемъ, моя милая, я покажу тебя всѣмъ! Чтобы всѣ со мною радовались. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Гостиница.

Богатырь **Илья Муромецъ. Силуянъ.**

Силуянъ. Кажется мнѣ, господинъ богатырь, что я дѣло сдѣлаю.

Илья. Что такое?

Силуянъ. Я говорю о своей дочери. Отдамъ ее замужъ за Провора; малой хоть куда!

Илья. Желаю ей счастія!

Силуянъ. Кажется, будетъ счастлива! Дѣвка не глупая, не вздорная, рукодѣльница!.. Къ тому же не ребенокъ! Дѣвкамъ непадобно долго засиживаться подъ крыломъ отца и матери. Птичка, оперившись, просится вонъ изъ гнѣзда. Лучше научить ее летать, нежели дать ей убиться. Не правда ли?..

Илья. Правда, Силуянъ; ты, видно, говоришь по собственному опыту!

Силуянъ. Нечего таить! Самому скучно безъ жены! Моя покойная сожительница шесть лѣтъ, какъ скончалась—съ тѣхъ поръ мнѣ тошно жить на свѣтѣ! Все кажется такъ пусто, такъ уныло!

Илья. Что ты говоришь?

Силуянъ. Сущую правду! Только бы дочь выдать замужъ—самъ женюсь!

Илья. Но ты уже не молодъ!

Силуянъ. Не молодъ!.. Какой вздоръ! Быть хорошимъ мужемъ никогда не поздно!

Арія.

Любить не поздно никогда!
Любовь и въ старости любовь!
Ребенокъ, въ цвѣтѣ лѣтъ весеннихъ,
Любовью тайною пламенѣетъ,
И далѣ, далѣ—наконецъ,
Вздохнетъ и сердце подаритъ.
Едва увидитъ бѣлый свѣтъ,
Ужъ сердце дѣвушки горитъ!
Ужъ грудь ея любовь волнуетъ!
Ужъ кровь ея кипитъ, пылаетъ—
И далѣ, далѣ—наконецъ,
Давай ей мужа иль бѣда!..
Любовь есть сильный чародѣй,
Съ любовью—молодецъ старикъ!
И старымъ любо цѣловаться,
И старыхъ красота плѣняетъ!
Отъ колыбели до клюки—
Любовь за нами вслѣдъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Ольга. Проворъ.

Проворъ. Ну, Ольга, на нашей улицѣ праздникъ! Отецъ соглашается, завтра свадьба!

Ольга. Нечего говорить, какъ я рада! Но сколько труда намъ стоило согласить батюшку! Ты знаешь, что онъ скупенекъ! Если бъ не эти золотыя деньги, которыя прислалъ тебѣ чудный принцій, то едва ли бы мнѣ быть за тобою замужемъ.

Проворъ. Я бы ушелъ съ тобою.

Ольга. Куда?

Проворъ. Свѣтъ развѣ малъ? Нашли бы много мѣста!

Ольга. А чѣмъ бы мы стали жить! воздухомъ что ли?.. Нѣтъ, Проворъ, все лучше родительское позволеніе.

Проворъ. Конечно, милая—развѣ я ему не радъ!

ДУЭТЪ.

Проворъ.

Навѣки завтра буду твой!
Счастливый день!
Какая радость вѣчно жить,
Мой другъ, съ тобой!
Какое счастіе съ своимъ
Сравню тогда!
Кому завидовать могу,
Чего желать, искать?

Ольга.

Навѣки завтра быть твоей! —
Счастливый день!
Тебя любить, тобой дышать
О, милый другъ!
Какое счастье на землѣ
Сравню съ своимъ!
Какое благо предпочту
Твоей любви!..

Оба.

О! завтра блаженный счастливый день!

Проворъ. } Я завтра твой!
Ольга. } Ты завтра мой!

Прошло ожиданье, печалямъ конецъ,
Конецъ тоскѣ!
Мы будемъ супруги, прямая любовь
До самаго гроба насъ будетъ живить!..
(*Прыгаютъ, пляшутъ и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

(*Лѣсъ на крутомъ берегу Днѣпра; на высотѣ пустынничья хижина*).

Алеша Поповичъ. Барма Кудрявая Голова.

Алеша. Мы пришли на назначенное мѣсто! Вотъ пустынничья хижина, которой мы ищемъ.

Барма (*ворчитъ про себя*). Да, вижу! — Но когда этому конецъ будетъ? Мы шатаемся, какъ угорѣлые! Не лучше ли бы во сто разъ было, когда бы мы сидѣли дома...

Алеша. Этотъ дурачина еще умничаетъ!

Барма. Я не умничаю!

Алеша. Пошелъ, постучись у дверей?

Барма. Я? Не лучше ли вамъ? Вы богатыри, а я простой оружеиосецъ! (Про

себя) Лучше быть въ сторонѣ и наготовѣ бѣжать, если какая-нибудь бѣда приключится!

Алеша. Трусъ! (*Идетъ къ хижинѣ и стучится*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Прежніе. Милолика, въ видѣ пустынника.

Пустынникъ. Милости прошу, дѣти мои, войдите въ жилище нищеты и уединенія!

Алеша. Благодаримъ, добрый пустынникъ!

Пустынникъ. Что вамъ надобно? Ищете ли убѣжища отъ непогоды? Томитесь ли голодомъ или жаждою? Подъ моимъ соломеннымъ кровомъ ожидаетъ васъ гостепріимство! Чистая ключевая вода и земляные плоды—вотъ все, чѣмъ могу утолить вашъ голодъ и жажду.

Барма (*про себя*). Не вкусный обѣдъ!

Алеша. Я люблю простую пищу гостепріимнаго человѣка и предпочту ея пышнымъ обѣдамъ гордыхъ богачей—дружелюбіе всего для меня привлекательнѣе!

Барма (*про себя*). Чего добраго! Влюбленный сытъ однимъ воздухомъ!

Пустынникъ. Кто ты, странникъ?

Алеша. Я богатырь Алеша Поповичъ!

Барма. А я—его оруженосецъ, славный Барма Кудрявая Голова, смѣлый, храбрый, умный, проворный...

Алеша. Зажми ротъ, глупецъ! (*Пустынніку*). Меня послали къ тебѣ, отецъ мой!

Пустынникъ. Хочешь ли знать свою будущую участь, богатырь?

Алеша. Хочу ли? Какой вопросъ! Хочу знать, что будетъ со мною и Любимирою.

Пустынникъ. Смотри! (*Подымается задняя декорація. Сквозь флеръ виденъ пышный, блестящій храмъ — кумиръ Лады; передъ нимъ пылающій жертвенникъ; жрецъ приноситъ жертву; передъ жертвенникомъ стоитъ Любимира вмѣстѣ съ юношею, имѣющимъ образъ Алеши Поповича, въ брачныхъ вѣнцахъ. Громобой ихъ благословляетъ*).

Алеша. Боги! Это я! Это Любимира! О счастіе! Она будетъ моею! (*Все исчезаетъ*).

Барма (*въ ужасѣ*). Нѣтъ, провалъ ихъ возьми! Они всю землю вверхъ дномъ оборотятъ! Бѣжать мнѣ поскорѣе отсюда. (*Хочетъ бѣжать*).

Алеша. Куда ты? Останься!

Барма (*плача*). Развѣ хотите вы уморить меня? или не видите, что я въ лихорадкѣ!..

Пустынникъ. Я открывалъ тебѣ будущее; теперь открою прошедшее (*Подаетъ знакъ — занавѣсъ опять подымается. Громъ и молнія. Сквозь флеръ видно море, волнуемое бурею. Корабль, на которомъ плыветъ юноша въ латахъ, имѣющій образъ богатыря Алеши Поповича, борется съ волнами,—корабль ударяется объ камень, разсыпается въ дребезги. Юноша тонетъ. Является старикъ посреди волнъ, спасаетъ его и выноситъ на берегъ; юноша становится на колѣна и подымаетъ руки къ небу. Все опять исчезаетъ. Барма отъ страху падаетъ на землю и визжитъ*).

Алеша. Старецъ, что значитъ бурное море?

Пустынникъ. Это бурное море изображаетъ твою жизнь. Нѣсколько разъ ты подвергался погибели и нѣсколько разъ судьба тебя спасала!.. Болѣе ни о чемъ у меня не спрашивай, юноша! Священная должность, которую тридцать лѣтъ исполняю, отзываетъ меня отселѣ.

Алеша. Какая должность?

Пустынникъ (*подымаетъ подземную дверь*). Здѣсь, въ глубокомъ подземельи, томится одинъ несчастный; уже тридцать лѣтъ страдаетъ онъ за свои преступленія, желаетъ смерти, которая бѣжитъ отъ него, проклинаетъ жизнь и живетъ! Онъ по тѣхъ поръ будетъ томиться, пока смѣлый, отважный юноша не согласится добровольно подать ему руку помощи!

Алеша. Что я слышу...

Пустынникъ. Дождись меня здѣсь! Я скоро возвращусь! (*сходитъ въ подземелье*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Алеша Поповичъ. Барма.

Алеша. А! Какая мысль! Что, если я близко своей цѣли! (*Кличетъ*). Барма!

Барма (*припавъ къ землѣ*). Молчите, господинъ богатырь, я уже не живой, а мертвый! Дайте покой хоть мертвому!

Алеша. Встань и слѣдуй за мною.

Барма (*приподнявъ голову*). Куда? въ гостиницу?

Алеша (*грозно*). Встанешь ли ты, негодяй!

Барма (*вскочивъ*). Я всталъ! что прикажете?

Алеша. Иди за мною, не отступай ни на пядь; слышишь ли?.. Я предчувствую, что скоро все совершится! (*Приподымаетъ дверь*).

Барма. Что еще? Не хотите ли отправиться въ подземное государство?

Алеша (*сходитъ внизъ*). Барма! за мною!

Барма (*кричитъ*). Иду, иду!.. (*Тихо*). Какъ бы не такъ! Развѣ я сумасшедшій! Чего я не видалъ подъ землею... (*Наклоняется и кричитъ въ дверь*). Далеко ли вы, господинъ богатырь! Гдѣ вы? Я ничего не вижу... (*Пламя вылетаетъ изъ земли; черный, ужасный духъ выставляетъ голову и восклицаетъ громозвучнымъ голосомъ*).

Духъ. Назадъ, малодушный! (*Дверь со стукомъ затворяется*).

Барма. Покорный слуга! Я не сержусь за грубый отказъ! Я знаю пословицу: не ходи куда не зовутъ! Но куда дѣвался пустынникъ?

(*Глядитъ въ хижину, которой дверь отворяется и въ которой видна Добрада въ такомъ же платьѣ, какъ пустынникъ; она сидитъ на скамьѣ и плететъ корзину*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Барма. Добрада.

Барма (*подходитъ къ хижинѣ и кланяется*). Съ позволенія сказать, — если смѣю спросить...

Добрада (*встаетъ*). Чего тебѣ хочется, незнакомый человѣкъ?

Барма (*тихо*). Что за пропасть! Старикъ, видно, ушелъ куда-то!

Добрада. Не нужна ли тебѣ моя помощь, добрый человѣкъ? (*Выходитъ изъ хижины*).

Барма (*про себя*). Это карликъ! Мальчикъ съ пальчикъ!

Добрада (*толстымъ голосомъ*). Не заблудился ли ты?.. (*Женскимъ голосомъ*). Барма!

Барма (*оборачивается во всѣ стороны*). Ась!.. какая дѣвушка меня кличетъ?

Добрада. Не удивляйся, въ этомъ лѣсу много дѣвушекъ, самыхъ прекрасныхъ и милыхъ!

Барма. Пустыннику съ ними не скучно, я думаю.

Добрада (*женскимъ голосомъ*). Ахъ, Барма, милый Барма! ахъ!

Барма. Добрый человѣкъ! подлѣ меня вздыхаютъ! и какъ нѣжно! Кто это?

Добрада. Одна изъ лѣсныхъ красавицъ. Она называетъ тебя по имени!

Барма. Одна изъ лѣсныхъ красавицъ? Но куда годятся эти красавицы, которыя смущаютъ бѣдныхъ пустынниковъ?..

Добрада. Ахъ, нѣтъ! ты судишь объ нихъ несправедливо! всѣ они очень добродѣтельны! (*вздыхаетъ*). Одинъ только порокъ имѣютъ...

Барма. Какой порокъ?

Добрада. Очень малорослы! не выше меня. Но всякій нѣжный взглядъ мужчины прибавляетъ имъ росту!

Барма. Ха-ха-ха! чудныя творенья! (*Добрада превращается въ малорослую дѣвушку*).

Добрада. Я здѣсь, Барма!

Барма. Добро пожаловать!.. Подлинно великаньша! Скажи мнѣ, чего ты хочешь?

Добрада. Хочу тебя видѣть и на тебя любоваться!

Барма. Покорный слуга! Но я не охотникъ до такихъ малорослыхъ уродовъ, какова ты, понимаешь ли!

Добрада. Я не уродъ! мой Сила меня любитъ. Я въ глазахъ его красавица!

Барма. У тебя есть Сила, то-есть сердечный другъ? не такъ ли? Скажи жъ мнѣ, хорошъ ли собою этотъ Сила?

Добрада. Лучше тебя! Не такой огромній болванъ, а маленькій, тоненькій, миленькій! Пойдемъ со мною въ гостиницу, я покажу тебѣ его!

Барма. Пойдемъ, пойдемъ! Я радъ вырваться изъ этихъ проклятыхъ очарованныхъ мѣстъ...

Добрада. Пойдемъ, полюбуйся на моего Силу!..

Арія.

Мой Сила прекрасенъ, какъ утренній свѣтъ!
Онъ веселъ, любезенъ, такъ точно, какъ я,
Играетъ и шутитъ со мною одной!
О, Сила мой лучше на свѣтѣ всего!..
Лишь встанетъ съ зарею, чтобъ въ поле идти,
Придетъ, поцѣлуетъ съ улыбкой меня;
Воротится съ поля и тотчасъ ко мнѣ!
Нигдѣ мнѣ покою, нигдѣ не дастъ!
По праздникамъ пляшетъ съ одною со мной!
Гдѣ я не бываю, тамъ нѣтъ и его!
Съ одною со мною онъ веселъ и милъ—
Со мною жъ въ разлукѣ онъ грустенъ, угрюмъ!

(*Вертится съ Бармою и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Подземная пещера. **Горюнъ Разбойникъ** въ цѣпяхъ. Онъ блѣденъ, сухъ, борода по колѣно. Богатырь **Алеша Поповичъ** стоитъ въ отдаленіи.

Горюнъ. Еще разъ насытитъ меня рука моего благотворителя! Можетъ быть, этотъ разъ послѣдній... Ахъ! когда кончится моя жизнь и вмѣстѣ ея мученія! (*Алеша выступаетъ*). Боги! Что я вижу? Человѣкъ или привидѣніе?..

Алеша. Человѣкъ! Твой избавитель! Утѣшься, несчастный! Конецъ твоего страданія близокъ!

Горюнъ. Ты меня знаешь?

Алеша. Неисповѣдимы судьбы боговъ! Ты—Горюнъ Разбойникъ!

Горюнъ. Ужасное имя! Мучительное воспоминаніе! Такъ! я этотъ несчастный!

Алеша. Успокойся! Я пришелъ снять съ тебя сіи тяжкія оковы! Какъ ты очутился въ этой пещерѣ?

Горюнъ. Пересвѣтъ богатырь есть мое настоящее имя! Я потерялъ его и слишкомъ заслужилъ то ужасное прозваніе, которымъ память моя теперь осквернится. Убійство и грабежъ были моею забавою! моею единственною силой бытія... Жена моя спасла отъ кинжала моего одного юношу, моего плѣнника, указавъ дорогу изъ моего жилища — я въ бѣшенствѣ закололъ Милолику и самъ скрылся, боясь, чтобы меня не стали преслѣдовать; но грозные духи мщенія привлекли меня въ этотъ ужасный лѣсъ, невидимою силой повергли меня въ глубокое подземелье, заковали въ оковы,—въ которыхъ томлюсь тридцать лѣтъ, хранимый однимъ милосердіемъ стараго пустынника, который приноситъ ко мнѣ пищу...

Алеша. Несчастный! Успокоеніе Милолики требуетъ того, чтобы ты оставилъ мѣсто своего заточенія. Слѣдуй за мной!

Горюнъ. Но мои оковы!

Алеша. Они спадутъ съ тебя! Иди смѣло! Высшее существо намъ помогаетъ! (*Оковы спадаютъ съ Горюна; онъ подымается и выходитъ впередъ*).

Горюнъ. Я свободенъ! не сонъ ли это? Великодушный незнакомецъ! Дай мнѣ твою руку! Дай облить ее слезами!

Алеша. Слѣдуй за мною, бѣдный страдалецъ; ты долженъ исполнить послѣднее повелѣніе духа!

Горюнъ. Ахъ! Я больше не увижу своего благотворителя! Часто, въ минуты ужаснѣйшаго отчаянія, онъ проливалъ отраду въ растерзанное мое сердце...

(*Громовой ударъ*).

Голосъ духа. Ободрись, несчастный! Боги открываютъ тебѣ путь къ примиренію!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

(*Сильнѣйшій громовой ударъ. Глухой лѣсъ. Источникъ, спадающій съ утеса. Въ сторонѣ видны развалины замка*).

Горюнъ. Гдѣ мы! Боги! мое прежнее жилище! Развалины моего замка! Ахъ! этотъ источникъ напоминаетъ мнѣ послѣднее ужасное дѣло мое, убійство Милолики!

Алеша. Здѣсь, въ этомъ источникѣ, сокрыты кости жены твоей. Духъ Милолики—такъ опредѣлила судьба—по тѣхъ поръ будетъ страдать и странствовать, пока прахъ твой не будетъ подлѣ ея костей покоиться... Рѣшись, Пересвѣтъ!

Горюнъ. Я готовъ на все! (*Громовой ударъ. Страшная гроза шумитъ. Все покрыто мракомъ — одни молніи блистаютъ. Горюнъ бросается на колѣни и подымаетъ къ небу руки*).

ФИНАЛЪ.

Мелодрама.

Горюнъ. Боги! вы ужасны въ громѣ своемъ—ужасны для преступника!.. Онъ трепещетъ, падаетъ во прахъ — и не смѣетъ надѣяться пощады!

Хоръ духовъ.

Мирный сонъ въ безмолвномъ гробѣ!
Онъ открытъ—сойди въ него!
Ободрись, не ужасайся!
Смерть, о труженикъ, есть сонъ!

Мелодрама.

Горюнъ. Такъ — безъ трепета покоряюсь судьбѣ (*встаетъ*). Покой, мирный, безмятежный покой—тебя призываетъ! Гробъ, открой мнѣ свое нѣдро! (*Приближается къ источнику*).

Хоръ духовъ.

Блеститъ во мракѣ мощный лучъ!
Ярится вихрь—реветъ гроза—
Ужъ часъ насталъ.

(*Громъ убиваетъ Горюна. Онъ падаетъ въ источникъ. Страшный громовой ударъ. Быстрая музыка переливается въ тихое, унылое адажіо. — Милолика является въ видѣ веселаю, преображеннаго духа, окружается облакомъ надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ исчезъ Горюнъ — оливковая вѣтвь въ рукахъ ея*).

Мелодрама.

Милолика. Я получила свою награду — миръ и спокойствіе меня ожидаютъ. Юный богатырь, ты мужественно сражался! Должно заплатить тебѣ за всѣ твои необычайные подвиги... Подъ тѣми развалинами найдешь великое сокровище: оно принадлежитъ тебѣ! Спѣши въ объятія Любимиры!.. Лада увѣнчаетъ тебя вѣнкомъ неувядаемой любви. Я стремлюсь въ обители блаженства; въ обители безсмертныхъ...

(*Она улетаетъ, сопровождаемая небеснымъ гимномъ, который поетъ слѣдующее:*).

Хоръ.

Лети, лети въ страны небесны —
Тамъ ждетъ тебя вѣнецъ!
Тамъ провосудіе безсмертныхъ
За горести воздастъ!

Облака закрываютъ лѣсъ. На блестящемъ, лучезарномъ облакѣ является Доброда въ натуральномъ своемъ образѣ, окруженная духами; всѣ въ бѣлой, свѣтлой одеждѣ. На срединѣ театра является пылающій жертвенникъ. **Громобой, Любимира, всѣ богатыри и прежніе.**

(*Любимира бѣжитъ въ объятія Алеши Поповича; Громобой обнимаетъ ихъ обоихъ и соединяетъ ихъ руки*).

Хоръ (*со время говорю всѣ падаютъ на колѣна*).

Богъ любви насъ да хранитъ,
Нашъ союзъ вѣнчаетъ!
Огнь его сердца живитъ,
Душу восхищаетъ!
Гдѣ любовь, тамъ счастья тронъ,
Тамъ въ тоскѣ—отрада!
О любовь!—ты нашъ законъ,
Счастье и награда!

(*Занавѣсъ опускается*).

1808—1819.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Не прилично ли будетъ намъ, братія,
Начать древнимъ складомъ
Печальную повѣсть о битвахъ Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по вымысламъ Бояновымъ.
Вѣщій Боянъ,
Если пѣснь кому сотворить хотѣлъ,
Растекался мыслію по древу,
Сѣрымъ волкомъ по земли,
Сизымъ орломъ подъ облаками
Вамъ памятно, какъ пѣли о браняхъ первыхъ временъ:
Тогда пускались 10 соколовъ на стадо лебедей;
Чей соколъ долеталъ, тотъ и первую пѣснь пѣлъ—
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу;
Сразившему Редедю передъ полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боянъ же, братія, не 10 соколовъ на стадо лебедей пускалъ!
Онъ вѣщіе персты свои на живыя струны вскладывалъ!
И сами они славу князьямъ рокотали.
Начнемъ же, братія, повѣсть сію
Отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря.
Натянулъ онъ умъ свой крѣпостью,
Изострилъ онъ мужествомъ сердце,
Ратнымъ духомъ исполнился,
И навелъ храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце,
Увидѣлъ онъ воевъ своихъ тьмою отъ него прикрытыхъ.
И рекъ Игорь дружинѣ своей:
«Братія и дружина!
Лучше намъ быть порубленнымъ, чѣмъ даться въ полонъ.
Сядемъ же, други, на борзыхъ коней,
Да посмотримъ синяго Дона!»
Вспала князю на умъ охота,
Знаменье заступило ему желаніе
Отвѣдать Дона великаго.
«Хочу, онъ рекъ, преломить копье
Конецъ поля половецкаго съ вами, люди русскіе!
Хочу положить свою голову
Иль испить шеломомъ Дона!»
О, Боянъ, соловей стараго времени!
Какъ бы воспѣлъ ты битвы сіи,
Скача соловьемъ по мыслену древу,
Взлетая умомъ подъ облаки,
Свивая всѣ славы сего времени,
Рыща тропою Трояновой черезъ поля на горы!
Тебѣ бы пѣснь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія!
Галки стадами бѣгутъ къ Дону великому!
Тебѣ бы пѣть, вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ.
Ржутъ кони за Сулою,
Звенитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
Стоятъ знамена въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ милаго брата Всеволода!
И рекъ ему буй-туръ Всеволодъ:
«Одинъ мнѣ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Сѣдлай, братъ, борзыхъ коней своихъ—
А мои тебѣ готовы!
Осѣдланы предъ Курскомъ!
А куряне мои бодрые кмети—
Подъ трубами повиты,
Подъ шеломами взлелѣяны,
Концомъ копья вскормлены!
Пути имъ всѣ вѣдомы,
Овраги имъ знаемы,
Луки у нихъ натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
Ища себѣ чести, а князю славы!»
Тогда вступилъ князь Игорь въ златое стремя
И поѣхалъ по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозой шумя на него, птицъ пробудила!
Ревъ въ стадахъ звѣриныхъ.
Дивъ кличетъ на верху древа:
Велитъ прислушать землѣ незнаемой,
Волгѣ, Поморію и Посулію
И Сурожу и Корсуню
И тебѣ, истуканъ Тьмутараканскій.

И половцы неготовыми дорогами побѣжали
къ Дону великому:
Кричатъ въ полночь телѣги, словно распущенны лебеди.
Игорь ратныхъ къ Дону ведетъ!
Уже бѣда его птицъ окликаетъ!—
И волки угрозою воютъ по оврагамъ,
Клёктомъ орлы на кости звѣрей зовутъ,
Лисицы брешутъ на червленые щиты...
О, Русская земля! Ужъ ты за горами
Далеко!
Ночь меркнетъ.
Свѣтъ-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекотъ соловьиный заснулъ,
Галочій говоръ затихъ.
Русскіе поле великое червленными щитами
Ища себѣ чести, а князю славы. [огородили,
Въ пятницу на зарѣ потоптали они нечестивые полки половецкіе,
И, разсѣясь стрѣлами по полю, помчали
красныхъ дѣвъ половецкихъ,
А съ ними и злато и наволоки и драгія оксамиты!
Ортмами, япончицами и мѣхами и разными узорочьями половецкими
По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить.
А стягъ червленый съ бѣлой хоругвію,
А чолка червленая со древкомъ серебрянымъ
Храброму Святославичу!
Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо—
Далеко залетѣло!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ, черный воронъ, невѣрный половчанинъ!
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ!
А Кончакъ ему слѣдъ прокладываетъ къ Дону великому!
И рано на другой день кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
Черныя тучи съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыть четыре солнца!
И въ нихъ трепещутъ синія молніи—
Быть грому великому!
Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту-то копьямъ поломаться,
Ту-то саблямъ притупиться
О шеломы половецкіе,
На рѣкѣ на Каялѣ у Дона великаго!
О, Русская земля! далеко ужъ ты за горами!
И вѣтры, Стрибоговы внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрые полки Игоревы!
Земля гремитъ,
Рѣки текутъ мутно,
Прахи поля покрываютъ,
Стяги глаголютъ!—
Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ!
Русскіе полки отступили.
Бѣсовы дѣти кликомъ поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червленными!
Ярый туръ Всеволодъ!
Стоишь на оборонѣ,
Прыщешь на ратныхъ стрѣлами,
Гремишь по шеломамъ мечомъ харалужнымъ!
Гдѣ ты, туръ, ни проскачешь, шеломомъ златымъ посвѣчивая,
Тамъ лежатъ нечестивыя головы половецкія!
Порублены каленными саблями шлемы аварскіе
Отъ тебя, ярый туръ Всеволодъ!
Какою раною подорожитъ онъ, братья,
Онъ, позабывшій о жизни и почестяхъ,
О градѣ Черниговѣ, златомъ престолѣ родительскомъ,
О красной Глѣбовнѣ, миломъ своемъ желаніи, свычаѣ и обычаѣ?
Были сѣчи Трояновы,
Миновались лѣта Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тотъ Олегъ мечомъ крамолу ковалъ,
И стрѣлы онъ по землѣ сѣялъ!
Ступалъ онъ въ златое стремя въ градѣ Тьмутараканѣ—
Молву объ немъ слышалъ давній великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ!
А князь Владиміръ всякое утро уши затыкалъ въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславича слава на судъ привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храбраго юнаго князя.

Съ той же Каялы Святополкъ послѣ сѣчи взялъ отца своего
Между угорскою конницей ко святой Софіи въ Кіевъ.
Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялось и выростало междоусобіемъ,
Погибла жизнь Дажь-божихъ внуковъ!
Въ крамолахъ княжескихъ вѣкъ человѣческій сокращался!
Тогда по Русской землѣ рѣдко оратаи распѣвали,
Но часто враны кричали,
Трупы дѣля межъ собою;
А галки рѣчь свою говорили,
Собираясь летѣть на обѣдъ!
То было въ тѣхъ ратяхъ и тѣхъ походахъ!
Но битвы такой и не слыхано!
Отъ утра до вечера,
Отъ вечера до свѣта
Летаютъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ мечи о шеломы,
Трещатъ харалужныя копья
Въ полѣ незнаемомъ,
Среди земли Половецкія!
Черна-земля подъ копытами
Костьми была посѣяна,
Полита была кровію,
И по Русской землѣ взошло бѣдой!
Что мнѣ шумитъ?
Что мнѣ звенитъ?
Такъ задолго рано передъ зарею?
Игорь полки заворачиваетъ!
Жаль ему милаго брата Всеволода!
Бились день,
Бились другой,
На третій день къ полдню
Пали знамена Игоревы!
Тутъ разлучилися братья на брегѣ быстрой Каялы!
Тутъ кроваваго вина не достало!
Тутъ пиръ докончали храбрые воины русскіе:
Сватовъ попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникаетъ трава отъ жалости,
А древо печалію
Къ землѣ приклонилось!
Уже не веселое время, братья, настало!
Уже пустыня силу прикрыла —
И встала обидаи въ силахъ Дажь-божихъ внуковъ!
Дѣвой ступи на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синемъ морѣ у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствія,
Миновалися брани князей на невѣрныхъ!
Братъ сказалъ брату: то мое, а это— мое же!
И стали князи про малое спорить, какъ бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать—
А невѣрные со всѣхъ странъ набѣжали съ побѣдами на землю Русскую!..
О! далеко залетѣлъ ты, соколъ, сбивая птицъ къ морю!
А безстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслѣдъ за нимъ крикнули Карна и Жля,
и по Русской землѣ поскакали,
Мча разореніе въ пламенномъ рогѣ!
Жены русскія всплакали, приговаривая:
«Ужъ намъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслію смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядѣть!
А злата-сребра много потратить!»
И застоналъ, друзья, Кіевъ печалію,
Черниговъ напастію,
Тоска разлилася по Русской землѣ;
Обильна печаль потекла среди земли Русской!
Князи сами на себя крамолу ковали!
А невѣрные сами съ побѣдами врывались въ землю Русскую,
Дань собирали по бѣлкѣ съ двора.
Такъ то сіи два храбрые Святославича.
Игорь и Всеволодъ, пробудили коварство;
Едва усыпилъ его мощный отецъ ихъ.
Святославъ грозный, великій князь кіевскій.
Гроза Святославъ!
Притрепеталъ онъ враговъ своими сильными ратями
И мечами булатными!
Наступилъ онъ на землю Половецкую,
Притопталъ холмы и овраги,
Возмутилъ озера и рѣки,
Изсушилъ потоки-болота—
А Кобяка невѣрнаго изъ луки моря,
Отъ желѣзныхъ великихъ половецкихъ,
Вихремъ исторгнулъ.
И Кобякъ очутился въ городѣ Кіевѣ
Въ гридницѣ Святославовой!
Нѣмцы и венеды,

Греки и моравы,
Славу поютъ Святославу,
Каютъ Игоря князя,
Погрузившаго силу на днѣ Каялы, рѣки половецкія,
Насыпавъ ее золотомъ русскимъ!
Тамъ Игорь князь изъ златаго сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кощеево!
Уныли въ градахъ забралы,
И веселіе поникло.
И Святославу мутный сонъ привидѣлся:
«Въ Кіевѣ на горахъ въ ночь сію съ вечера
Одѣвали меня, рекъ онъ, чернымъ покровомъ на кровати тесовой;
Черпали мнѣ синее вино, съ горечью смѣшанное;
Сыпали мнѣ пустыми колчанами
Жемчугъ великой въ нечистыхъ раковинахъ
И меня пѣжили!
А кровля безъ князя была на теремѣ моемъ златоверхомъ!
И съ вечера цѣлую ночь граяли враны зловѣщіе,
Слетѣвшись на склонъ у Пленьска въ дебри Кисановой...
Ужъ не послать ли мнѣ къ синему морю?»
И бояре князю въ отвѣтъ рекли:
«Печаль намъ, князь, умы полонила!
Слетѣли два сокола съ золотаго престола
Поискать города Тьмутараканя
Или выпить шеломомъ Дону!
Ужъ соколамъ и крылья невѣрныхъ саблями подрублены,
Сами жъ запутаны въ желѣзныхъ опутяхъ!
Въ третій день тьма наступила!
Два солнца померкли!
Два багряныхъ столпа угасли!
А съ ними и два молодые мѣсяца, Олегъ и Святославъ,
Тьмою подернулись!
На рѣкѣ на Каялѣ свѣтъ темнотою покрылся.
Гнѣздомъ леопардовъ простерлися половцы
И въ море ее погрузили,
И въ хана вселилось буйство великое!
Нашла хула на хвалу!
Неволя ударила на волю!
Вверглися Дивъ на землю!
Вотъ ужъ и готскія красныя дѣвы
Вспѣли, на брегѣ синяго моря;
Звоня золотомъ русскимъ,
Поютъ онѣ время Бусово!
Величаютъ месть Шураканову!
А наши дружины гладны веселіемъ.
Тогда изронилъ Святославъ великій слово златое, съ слезами смѣшанное:
«О, сыновья мои, Игорь и Всеволодъ!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себѣ искать славы!
Не съ честію вы побѣдили!
Съ нечестіемъ пролили кровь невѣрную!
Ваше храброе сердце въ жесткомъ булатѣ закалено!
И въ буйствѣ закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной сѣдинѣ!
Уже не вижу могущества моего сильнаго, богатаго, многовойнаго брата Ярослава!
Съ его черниговскими племенами,
Съ монгутами, татринами и шельбирами,
Съ топчаками, ревутами и ольберами!
Они безъ щитовъ съ кинжалами засапожными
Кликомъ полки побѣждали,
Звеня славою прадѣдовъ.
Вы же рекли: «мы одни постоимъ за себя!
«Славу передню сами похитимъ!
«Заднюю славу сами подѣлимъ!»
И не диво бы, братья, старому стать молодымъ!
Соколъ ученый
Птицъ высоко взбиваетъ,
Не дастъ онъ въ обиду гнѣзда своего!
Но горе, горе! князья мнѣ не въ помощь!
Времена обратились на низкое!
Вотъ и Романъ кричитъ подъ саблями половецкими,
А князь Владиміръ подъ ранами!
Горе и бѣда сыну Глѣбову!
Гдѣ жъ ты, великій князь Всеволодъ?
Иль не помыслишь прилетѣть издалеча отцовскій златой престолъ защитить?
Силенъ ты веслами Волгу разбрызгать,
А Донъ шеломами вычерпать!
Будь ты съ нами, и была бы чага по полатѣ
А кощей по резанѣ!
Ты же по суху можешь съ чадами Глѣба удалыми
Стрѣлять живыми самострѣлами.
А вы, безстрашны, Рюрикъ съ Давыдомъ,
Не ваши ль позлащенные шеломы въ крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкаетъ,

Словно какъ туры, каленными саблями
ранены, въ полѣ незнаемомъ?
Вступите, вступите въ стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйнаго Святославича!
Ты, галицкій князь Осмомыслъ Ярославъ!
Высоко ты сѣдишь на престолѣ своемъ
златокованномъ!
Подперъ угрскія горы полками желѣз-
Заступилъ ты путь королю, [ными,
Затворилъ Дунаю вороты,
Бремена черезъ облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная!
Гроза твоя по землямъ течетъ!
Ворота отворяешь ты Кіеву,
Стрѣляешь въ султановъ съ златаго
престола отцовскаго черезъ далекія земли!
Стрѣляй же, князь, въ Кончака, невѣрнаго
кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйнаго Святославича!
А ты, Мстиславъ, и смѣлый Романъ!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на
подвиги,
Высоко взлетаете вы на дѣло отважное,—
Словно какъ соколъ на вѣтрахъ ширяется,
Птицъ одолѣть замышляя въ отважности!
Шеломы у васъ латинскіе! Подъ ними
желѣзные панцыри!
Дрогнули ими многія земля и области
Литва, Деремела, ятвяги, [ховы!
И половцы, копья свои повергнувъ,
Главы подклонили
Подъ ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря князя солнце свѣтъ
свой утратило!
И древо свой листъ не добромъ сронило!
По Роси по Сулѣ грады подѣлены!—
А храброму полку Игоря уже не воскрес-
Донъ тебя, князя, кличетъ! [нуть!
Донъ зоветъ князей на побѣду!
Ольговичи, храбрые князи, доспѣли на
бой!
Вы же, Ингварь, и Всеволодъ, и всѣ три
Мстиславича,
Не худого гнѣзда шестокрильци,
Не по жеребью ли побѣды власть себѣ вы
[похитили?
На что вамъ златые ваши шеломы,
Ваши польскія копья, щиты?
Заградите въ поле врата своими острыми
стрѣлами
За землю Русскую, за раны Игоря, смѣ-
лаго Святославича!
Не течетъ уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю!
Ужъ и Двина болотомъ течетъ
Къ онымъ грознымъ полочанамъ подъ кли-
комъ невѣрныхъ.
Одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвенѣлъ своими острыми мечами о шле-
мы литовскіе,
Утратилъ онъ славу дѣда своего Всеслава,
А самъ подъ червленными щитами на кро-
[вавой травѣ
Положенъ мечами литовскими.
И на семъ одрѣ возгласилъ онъ:
«Дружину твою, князь Изяславъ,
«Крылья птицъ пріодѣли!
«И звѣри кровь полизали!»
Не было тутъ брата Брячислава, ни дру-
гого Всеволода.
Одинъ изронилъ ты жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла
Черезъ златое ожереліе!
Голоса пріуныли,
Поникло веселіе,
Трубятъ городенскія трубы!
Ты, Ярославъ, и вы, внуки Всеславли,
Пришло преклонить вамъ стяги свои!
Пришло вамъ въ ножны вонзить мечи
поврежденные!
Отскочили вы отъ дѣдовской славы!
Навели нечестивыхъ крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
Бывало намъ прежде какое насиліе отъ
земли Половецкія!
На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ,
Бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ милой.
Онъ, подпершись клюками, сѣлъ на коня,
Поскакалъ ко граду Кіеву
И коснулся древкомъ копья до златаго
престола кіевскаго,
Лютымъ звѣремъ въ полночь поскакалъ онъ
Синею мглою обвѣшенный, [изъ Бѣлграда,
По утру же стрикузы водрузивши, раз-
двигнулъ врата Новугороду,
Славу расшибъ Ярославову!
Волкомъ помчался съ Дудутокъ къ Немигѣ!

На Немигѣ стелютъ снопы головами,
Молотятъ цѣпами булатными,
Жизнь на току кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла!
Кровавые бреги Немиги не добромъ были посѣяны,
Посѣяны костями русскихъ сыновъ!
Князь Всеславъ людей судилъ,
Князьямъ онъ рядилъ города,
А самъ въ ночи волкомъ рыскалъ;
До пѣтуховъ онъ изъ Кіева успѣвалъ къ Тьмутаракани,
Къ Херсоню великому волкомъ онъ путь перерыскивалъ!
Ему въ Полоцкѣ рано къ заутрени звонили
Въ колокола у святыя Софіи—
А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ!
Пусть и вѣщая душа была въ крѣпкомъ его тѣлѣ,
Но часто страдалъ онъ отъ бѣдъ!
Ему и вѣщій Боянъ древней припѣвкой предрекъ:
«Будь хитеръ, будь смышленъ,
«Будь по птичью гораздъ,
«А Божьяго суда не минуешь!»
О, стонать тебѣ, земля Русская,
Вспоминая времена первыя и первыхъ князей!
Нельзя было стараго Владимира пригвоздить къ горамъ кіевскимъ!
Стяги его стали нынѣ Рюриковы,
А другіе Давыдовы!
Нося на рогахъ ихъ, волы нынѣ землю пашутъ;
А копья поютъ на Дунаѣ».
Голосъ Ярославнинъ слышится, на зарѣ одинокой чечоткою кличетъ:
«Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
Оботру князю кровавыя раны на отвердѣвшемъ тѣлѣ его!»
Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая:
«О, вѣтеръ, ты вѣтеръ!
Къ чему же такъ сильно вѣешь?
На что же наносишь ты стрѣлы ханскія
Своими легковѣйными крыльями
На воиновъ лады моей?
Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью?
Мало ль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянью?
На что жъ, какъ ковыль траву, ты развѣялъ мое веселіе?»
Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, припѣваючи:
«О, ты Днѣпръ, ты Днѣпръ, ты слава-рѣка!
Ты пробилъ горы каменны
Сквозь землю Половецкую!
Ты, лелѣя, несъ суда Святославовы къ рати Кобяковой!
Прилелѣй же ко мнѣ ты ладу мою,
Чтобы не слала къ нему по утрамъ по зарямъ слезъ я на море!»
Ярославна по утру плачетъ на стѣнѣ городской, припѣваючи:
«Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!
Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!
Что жъ такъ простерло ты свой горячій лучъ на воиновъ лады моей?
Что въ безводной степи луки имъ сжало
И заточило имъ тулы печалію?» жаждой
Прыснуло море ко полуночи;
Идутъ мглою туманы;
Игорю князю Богъ путь указываетъ
Изъ земли Половецкой въ Русскую землю,
Къ златому престолу отцовскому.
Пріугасла заря вечерняя!
Игорь князь спитъ не спитъ;
Игорь мыслію поле мѣряетъ
Отъ великаго Дона
До малаго Донца.
Конь къ полуночи;
Овлуръ свиснулъ за рѣкою,
Чтобъ князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумѣла трава;
Половецкія вежи подвигнулись!
Прянулъ князь Игорь горностаемъ въ тростникъ,
Бѣлымъ гоголемъ на-воду!
Взвернулся князь на быстра коня!
Соскочилъ съ него бѣсомъ-волкомъ,
И помчался онъ къ лугу Донца;
Полетѣлъ онъ, какъ соколъ подъ мглами,
Избивая гусей-лебедей къ завтраку и обѣду и ужину.
Когда Игорь князь соколомъ полетѣлъ,
Тогда Овлуръ волкомъ потекъ за нимъ,
Сбивая съ травы студеную росу:
Притомили они своихъ борзыхъ коней!

Донецъ говоритъ: «Ты, Игорь князь!
Не мало тебѣ величія,
Кончаку нелюбія,
Русской землѣ веселія!»
Игорь въ отвѣтъ: «Ты, Донецъ рѣка!
И тебѣ славы не мало!
Лелѣявшему на волнахъ князя,
Подстилавшему ему зелену̀ траву
На своихъ берегахъ серебряныхъ,
Одѣвавшему его теплыми мглами
Подъ навѣсомъ зеленаго древа,
Охранявшему его на водѣ гоголемъ,
Чайками на струяхъ,
Чернядьми на вѣтрахъ.
Не такова, примолвилъ онъ, Стугна рѣка.
Худая про нее слава!
Пожираетъ она чужіе ручьи!
Струги межъ кустовъ раздираетъ!
А юношѣ князю Ростиславу
Днѣпръ затворилъ брега темные.
Плачетъ мать Ростиславова
По юношѣ князѣ Ростиславѣ.
Увянулъ цвѣтъ жалобою,
А деревья печалію къ землѣ преклонило».
Не сороки застрекотали —
Вслѣдъ за Игоремъ ѣдутъ Гзакъ и Кончакъ.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползкомъ только ползали,
Дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ кажутъ,
Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ проре-
Молвилъ Гзакъ Кончаку: [каютъ!
«Если соколъ къ гнѣзду долетитъ,
Соколенка мы разстрѣляемъ стрѣлами злачеными!»
Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку (sic)
«Если соколъ ко гнѣзду долетитъ,
Соколенка опутаемъ красною дѣвицей!»
И сказалъ опять Гзакъ Кончаку:
«Если опутаемъ красною дѣвицей,
То соколенка не будетъ у насъ,
Не будетъ и красныя дѣвицы!
И начнутъ насъ бить птицы въ полѣ половецкомъ!»
Пѣлъ Боянъ пѣснотворецъ стараго времени,
Пѣлъ онъ походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери Когановой:
«Тяжко—сказалъ онъ—быть головѣ безъ [плечъ!
Худо тѣлу, какъ нѣтъ головы!»
Худо Русской землѣ безъ Игоря!
Солнце свѣтитъ на небѣ —
Игорь князь въ Русской землѣ!
Дѣвы поютъ на Дунаѣ,
Голоса долетаютъ черезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
Къ святой Богородицѣ Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады!—
Пѣснь мы спѣли старымъ князьямъ,
Пѣснь мы спѣли князьямъ молодымъ:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду̀!
Слава Владиміру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христіанъ полки невѣрные!
Слава князьямъ, а дружинѣ—аминь!

1817—1821.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Карлъ Седьмый, король французскій.
Королева Изабелла, или **Изабо**, его мать.
Агнеса Сорель.
Филиппъ Добрый, герцогъ бургундскій.
Графъ Дюнуа.
Ла Гиръ.
Дю Шатель.
Архіепископъ реймскій.
Шатильонъ, бургундскій рыцарь.
Рауль, лотарингскій рыцарь.
Тальботъ, главный вождь англичанъ.
Ліонель, **Фастольфъ**, } англійскіе вожди.
Монгомери, валліецъ.
Французскіе, бургундскіе, англійскіе рыцари.
Чиновники орлеанскіе.
Англійскій герольдъ.
Тибо д'Аркъ, земледѣлецъ.
Алина, **Луиза**, **Іоанна**, } его дочери.
Этьенъ, **Арманъ**, **Раймондъ**, } ихъ женихи.
Бертрандъ, поселянинъ.
Черный рыцарь.
Угольщикъ.
Его жена.
Пажи.
Солдаты.
Народъ.
Придворные.
Епископы.
Маршалы.
Чиновники.
Дамы, дѣти и пр.

Дѣйствіе *происходитъ* въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокій, вѣтвистый дубъ.

Тибо д'Аркъ, Этьенъ, Арманъ, Раймондъ, Алина, Луиза, Іоанна.

Тибо.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцовъ своихъ владѣемъ;
А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришлецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Истоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта,
Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовитъ гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
И такъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ:
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;

У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же заодно... такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—
Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

Луиза.

Арманъ.

Арманъ (*подавая ей руку*).

Твой навсегда.

Луиза.

А ты, сестра?

Тибо.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо—Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ.

Алина.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

Тибо.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьте,
Что надобно.

(*Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ*).

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ, ихъ судьба счастлива,
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

Раймондъ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

Тибо (*указывая на Раймонда*).

Вотъ юноша прекрасный, честный; съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,
Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

Раймондъ.

Не принуждай ея, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іоанны есть прекрасный
Небесный плодъ: прекрасное свободно,
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величіи надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленьи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

Тибо.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пустынным;
И въ страшный часъ—въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку—
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжитъ, чтобъ горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ?
Зачѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;

И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Однажды мнѣ случилось запоздать;
Меня вела дорога мимо дуба;
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что?.. не знаю! тихо
Изсохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило... сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

Раймондъ (*указывая на образъ въ часовнѣ*).

Не вѣрю я; не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

Тибо.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ
Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на головѣ;
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я—ея отецъ—и обѣ сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король предъ нею на колѣняхъ...
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность;
Убожества она стыдится; Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами...
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею врагъ въ свои насъ ловитъ сѣти.

Раймондъ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ правахъ
Твоей смиренныя Іоанны? Старшимъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служитъ;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше... правда,
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
На все, къ чему она коснется, сходитъ
Непостижимое благословенье.

Тибо.

Непостижимое... такъ, правда! ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи.
Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно...
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долгъ... Оставь сей дубъ;
Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
И, тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искуситель
Передъ самимъ Создателемъ явился.
(*Бертрандъ входитъ съ шлемомъ въ рукахъ*).

Раймондъ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

Бертрандъ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

Тибо.

Подлинно; откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣдъ и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?
(*Іоанна, которая досихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ, что вокругъ нея происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе*).

Бертрандъ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзныя издѣлья въ Вокулёрѣ;
На площади толпилась тьма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь толпу
Съ усиліемъ я продирался... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,

Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема;
Вотъ шлемъ, не дорогъ онъ, возьми.—На
Я отвѣчалъ ей, къ латникамъ пойди; [что?
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ
шлемѣ.—
Но я никакъ не могъ отговориться;
Возьми, возьми! она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ.
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло...
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

Іоанна (*ухватясь за него поспѣшно*).

Отдай мнѣ шлемъ.

Бертрандъ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

Іоанна (*вырывая шлемъ*).

Отдай, онъ мой и мнѣ принадлежитъ.

Тибо.

Іоанна, что съ тобой?

Раймондъ.

Оставь ее;
Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бъ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

Тибо.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

Бертрандъ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войска
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началася.

Тибо.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной...

Бертрандъ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинутъ къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ
шумомъ;
И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами
поставилъ:
Изъ Литтиха, изъ Гено, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ,
Блистающихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

Тибо.

О горестный, погибельный раздоръ;
На Францію оружіе французовъ!

Бертрандъ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжи-
Ихъ хитрыми словами на погибель [гаетъ
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

Тибо.

Сразя ее проклятіемъ Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

Бертрандъ.

Заботливо осадой управляетъ

Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбури;
Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣриной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечомъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье,
Сразить мечомъ, кто встрѣтится съ мечомъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбури
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ; и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчислены подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзится и вспыхнетъ.
(*Іоанна слушаетъ съ великимъ безпрестанно усиливающимся вниманіемъ и наконецъ надѣваетъ на голову шлемъ.*)

Тибо.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ла Гдѣ Дюнуа, отечества надежда? [Гиромъ?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ—
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ.
И что король? Уже ль онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

Бертрандъ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнитъ; ниспосланный имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу;
Все скрылося; всѣ вызывы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ замкахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь.
Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатью знаменами идетъ.

Іоанна (*поспѣшно*).

Кто этотъ рыцарь?

Бертрандъ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

Іоанна.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что̀ слышно?

Бертрандъ.

На переходѣ одинъ отъ Вокулера
Стоитъ онъ лагеремъ.

Тибо.

Молчи, Іоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смышлишь.

Бертрандъ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая—
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшилися граждане Вокулера
Могучему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

Іоанна (*вдохновенно*).

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ онъ въ силѣ!..
Могущій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!...
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ...
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится—
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

Бертрандъ.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

Іоанна.

Есть чудеса!.. Взовьется голубица,

И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего Бургунда
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ
Съ ругателемъ святыни Салисбури;
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ, какъ агницы, передъ нею...
Господь въ ней будетъ! Богъ всесильный
Пошлетъ свое дрожащее созданье: [брани
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ... *зане Онъ Всемогущій!*

Тибо.

Какой въ ней духъ пророчитъ?

Раймондъ.

Этотъ шлемъ
Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лицо ея преобразилось.

Іоанна.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ
Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?..
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
Былъ первый крестъ, спасенья знакъ, воздвигнутъ;
Здѣсь прахъ лежитъ Святого Людовика;
Іерусалимъ отсюда завоеванъ...

Бертрандъ.

Вы слышите?.. Откуда вдругъ открылся
Такой ей свѣтъ?.. О! дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

Іоанна.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій, защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ и ангель утѣшенья
На вражеской землѣ?.. Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И власть и милость; стать передъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ страха...
Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
Предъ кѣмъ отцовъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ, земли не взлюбитъ нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

Тибо.

Да защититъ Всевышній короля
И Францію! Намъ мирнымъ поселянамъ
Мечъ незнакомъ; намъ браннаго коня
Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
Надъ древними гробами Сенъ-Дени...
Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не тронетъ;
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай кони притопчутъ наши нивы —
Съ младой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

(*Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ*).

Іоанна (*долго стоитъ въ задумчивости*).

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости:
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости.
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремить не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
«Въ желѣзо грудь младую заковать;
«Страшись надеждъ, не знай любви земныя:
«Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
«Не быть тебѣ душой семьи родныя;
«Цвѣтущаго младенца не ласкать...
«Но въ битвахъ Я главу твою прославлю;
«Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
«И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
«Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
«И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
«Поставишь ихъ надменной власти грани,
«Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
«Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
«И Карла въ Реймсъ введешь принять корону.»

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье,
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ *Имъ*.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Дюнуа, Дю Шатель.

Дюнуа.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
Намъ короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинныя жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи
Съ покорностью врагу... а мы, мы здѣсь
Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
Священные спасенія часы.
Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ—
Спѣшу свою Нормандію покинуть,
Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ поле...
Но что жъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ;
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Заботится разгадывать загадки,
И лишь пиры даетъ своей Агнесѣ.
Какъ будто все спокойно!.. Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ... и я, и я разстанусь;
Пора судьбѣ на власть его предать.

Дю Шатель.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и король Карлъ.

Король.

Друзья, скажу вамъ новость:
Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой; онъ...
Онъ проситься въ отставку... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

Дюнуа.

Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше время;
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.

Король.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить...
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ раздорѣ.

Дюнуа.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ,
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...
Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться—стыдъ.

Король.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ;
Смущать его не стану... Дю Шатель,
Король Рене прислалъ ко мнѣ пословъ;
Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой...
(*Къ Дюнуа*).
Къ чему твой смѣхъ?

Дюнуа.

Ты цѣпи золотыя
Куешь словами.

Дю Шатель.

Государь, твоя
Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ...

Король.

Найди; пѣвецъ высокій
Безъ почести отселѣ не пойдетъ;
Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ цвѣтетъ;
Онъ жизни вѣтвь безсмертно-молодую
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ;
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ;
Пусть объ руку идетъ съ монархомъ онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.

Дю Шатель.

О государь, до сихъ поръ я щадилъ
Твой слухъ: для насъ была еще надежда;
Но все сказать велитъ необходимость:
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрачено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы [войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудною рукою содержать.

Король.

Но развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

Дю Шатель.

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

Дюнуа.

А срокъ придетъ... ни денегъ, ни залоговъ!

Король.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

Дюнуа.

Пока щадитъ ихъ Богъ и мечъ Тальботъ;
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ—
Тогда паси овецъ съ своимъ Рене.

Король.

Насчетъ Рене ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнное.

Дюнуа.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ упало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасетъ своихъ овецъ.

Король.

То ясная забава, шутка, праздникъ,
Который онъ душѣ своей готовитъ:
Средь ужасовъ существенности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ то время старины,
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.
Въ сихъ временахъ живетъ незлобный старецъ;
И въ той красѣ, какой онѣ плѣняютъ
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древнихъ пѣсняхъ—
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ
Онъ мыслитъ ихъ переселить на землю.
Онъ учредилъ верховный *судъ любви*,
Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,
Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ—
И онъ меня избралъ *царемъ любви*.

Дюнуа.

Не столько я еще забытъ природой,
Чтобъ отвергать владычество любви;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,

И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Моимъ отцомъ былъ Орлеанскій принцъ—
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклонныхъ;
Зато не зналъ и крѣпкихъ вражьихъ замковъ.
Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ старыхъ книгахъ
Случалось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, а герои
За круглый столъ садились въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Беретъ ея награду... Мѣсто боя
Передъ тобой—сразись за тронъ наслѣдный;
Опасность ждетъ—стань съ рыцарскимъ мечомъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь—
Тогда твой часъ, тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

Король (*вошедшему пажу*).

Что скажешь?

Пажъ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана.

Король.

Впусти.

(*Пажъ уходитъ*).

Они пришли просить защиты...
Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же, орлеанскіе чиновники.

Король.

Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все такъ же ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

Чиновникъ.

Ахъ! государь, мы въ крайности; погибель
Часъ отъ часу неизбѣжнѣй; сбиты
Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Немногіе приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй—голодъ.
Въ такой бѣдѣ высокій Рошепьеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ старинным,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подоспѣетъ войска,
Могущаго осаду отразить.

(*Дюнуа показываетъ досаду*).

Король.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

Чиновникъ.

Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

Дюнуа.

Возможно ль? Какъ Сантраль могъ согласиться
На гнусный этотъ договоръ?

Чиновникъ.

О, нѣтъ!
Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить,
Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

Дюнуа.

Его ужъ нѣтъ?

Чиновникъ.

Сражаясь на стѣнѣ,
За короля онъ съ честію погибъ.

Король.

Сантраль погибъ! Ахъ! въ немъ однимъ
Мнѣ войско храбрыхъ. [погибло

(*Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, который показываетъ изумленіе и негодованіе*).

Что еще случилось?

Дюнуа.

Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

Король (*къ Дю Шателю*).

Ты слышишь?

Дю Шатель (*пожимая плечами*).

Что могу я?

Король.

Обѣщай

Продать, что есть; въ залогъ полкоролевства.

Дю Шатель.

Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

Король.

Они мое надежнѣйшее войско;
Уже ль теперь, теперь меня покинутъ?

Чиновникъ (*на колѣняхъ*).

О государь, спаси твой Орлеанъ.

Король (*въ отчаяніи*).

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?
Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?
Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;
Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью
Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Агнеса съ ларчикомъ въ рукахъ.

Король (*бѣжитъ къ ней навстрѣчу*).

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;
Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;
Отчаянье въ мою тѣснится душу;
Но ты моя... не все еще погибло.

Агнеса.

О государь!
(*Смотря на предстоящихъ въ смятеніи*).
Что слышу?.. Дюпуа,
Уже ли?

Дюпуа.

Правда.

Агнеса.

Какъ! такая крайность?
Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

Дю Шатель.

Все правда.

Агнеса (*отдавая ему ларчикъ*).

Вотъ вамъ деньги; здѣсь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
Въ монету; замки всѣ мои въ залогъ;
Въ залогъ мои прованскія помѣстья;
Все въ золото, чтобъ войско успокоить!
Скорѣй! бѣги, не медли, Дю Шатель.

Король.

Что, Дюпуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
Я бѣденъ? Нѣтъ... Взгляните на нее;
Она со мной породою равна;
Кровь Валуа не благороднѣй крови
Ея отцовъ; престола украшеньемъ
Была бъ она... но ей престолъ не лестенъ.
Моею быть—одно ея желанье.
Дарами ль я ее осыпалъ?... Нѣтъ!
Весенній первый цвѣтъ иль рѣдкій плодъ—
Вотъ всѣ мои дары... Все въ жертву мнѣ,
И ничего на жертву отъ меня.
И что жъ теперь?.. Послѣднее ввѣряетъ
Она моей обманчивой судьбѣ.

Дюпуа.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступитъ;
Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ.
Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ
Съ тобою погубить.

Агнеса.

Не вѣрь ему;
Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью...
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
И золота и перловъ? Мнѣ ли пынѣ
Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдемъ, всѣ лишнія убранства жизни
Отбросимъ прочь... О другъ! дай мнѣ при-
Высокаго пожертвованья быть; [мѣромъ
Преобрати свой дворъ въ военный станъ,
И золото въ желѣзо; брось отважно
Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
Пойдемъ! бѣды и бѣдность пополамъ;
Пора намъ сѣсть на браннаго коня;
Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу грудь;
Пусть кровлею намъ будутъ облака;
Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.
Безропотно снесетъ суровый ратникъ
Свою бѣду, когда король примѣръ
И твердости и самоотверженья.

Король (*усмѣхаясь*).

Итакъ, должно обѣщанное сбыться:
Давно, давно монахиня въ Клермонѣ
Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
И мой престолъ наслѣдный завоюетъ.
Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,
Ея искалъ я въ материнскомъ сердцѣ...

Но здѣсь она, спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

Агнеса.

Ты побѣдишь мечомъ своихъ друзей.

Король.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу англичанъ
Мой родственникъ бургундскій герцогъ;
Узнаю все; къ Филиппу я Ла Гира [скорo
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
Всечасно жду отвѣта.

Дюнуа (*смотря въ окно*).

Рыцарь здѣсь;
Сейчасъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

Король.

Желанный гость!.. Друзья, теперь рѣшится:
Къ побѣдѣ ль намъ идти, иль уступить?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Король.

Скажи, Ла Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй, двумя словами!

Ла Гиръ.

Твой мечъ—вотъ вся теперь для насъ надежда.

Король.

Итакъ, непримиримъ надменный герцогъ.
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

Ла Гиръ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выданъ
Былъ Дю Шатель: онъ мыслитъ и понынѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.

Король.

Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы...

Ла Гиръ.

Тогда и миръ отвергнутъ.

Король.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту
У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?..

Ла Гиръ.

Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть,
какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужъ мое.
Когда же Карлъ столь жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:
У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.

Король.

Но что жъ? ужель въ нарламентѣ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды?

Ла Гиръ.

Нѣмѣетъ онъ предъ дерзкимъ буйствомъ партій;
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены на вѣки отъ престола.

Дюнуа.

Безумное властительство толпы!

Король.

Но видѣлся ль ты съ матерью моею?

Ла Гиръ.

Съ твоею матерью?..

Король.

Что королева?

Ла Гиръ.

Скажу ли все?.. Былъ день коронованья,
Когда вошелъ я въ Сенъ-Дени; граждане,
Какъ на тріумфъ, разубраны всѣ были;
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ—
И въ нихъ вступалъ съ надменностью британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и, словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

Агнеса.

Рукоплескалъ... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце!

Ла Гиръ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ
Святого Людвига, какъ близъ него

Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой
Произносилъ предъ нимъ обѣтъ подданства.

Король.

Невѣрный братъ! предатель нашей чести!

Ла Гиръ.

Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Входя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
«Не добрый знакъ!» послышалось въ народѣ,
И поднялся отвсюду громкій хохотъ.
Но что же?.. Вдругъ твоя родная мать...
О вѣчный стыдъ!.. приблизилась... скажу ли?

Король.

Скажи.

Ла Гиръ.

И на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.

Король.

О сердце матери!

Ла Гиръ.

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но что жъ она?.. Взглянувши на толпу,
Сказала всѣхъ: французы, я для васъ
Больную вѣтвь здоровою смѣнила;
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына,
Несчадіе безумнаго отца.

Дюнуа.

Чудовище!

Король.

Вы слышали, друзья?
Чего жъ вамъ ждать? Спѣшите возвратиться
Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
Что самъ король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
Не у меня спасенья имъ искать.
Пускай идутъ съ покорностью къ бургундцу:
Онъ милостивъ; его прозванье: *Добрый*.

Дюнуа.

Возможно ли?.. Покинуть Орлеанъ?

Чиновникъ.

О государь, не отнимай отъ насъ
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцевъ Орлеана;
Въ твоемъ вѣнцѣ онъ самый лучшій перлъ;
Онъ вѣрностью къ законнымъ королямъ
Всегда былъ знаменитъ.

Дюнуа.

Но развѣ мы
Разбиты?.. Мы ль покинемъ поле чести,
За Орлеанъ меча не обнаживъ?
Какъ? Не проливъ ни капли крови, ты
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Изъ сердца Франціи твой лучшій городъ?

Король.

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
Вездѣ мои разбиты войска; я
Парламентомъ отвергнутъ; мой Парижъ
И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
И кровные преслѣдуютъ меня;
И все мой врагъ—сама родная мать...
Мы перейдемъ не медля за Луару;
Не устоять противъ руки небесъ;
Она теперь на насъ за иноземца.

Агнеса.

Что слышу?.. Мы ль, въ самихъ себѣ от-
Отечества постыдно отречемся? [чаясь,
Достойно ли тебя такое слово?
Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
Минутно твой геройскій духъ смутило.
Войди въ себя; будь снова твердый мужъ;
Съ величіемъ бѣдѣ противостань,
И побѣдишь...

Король (*въ горестной задумчивости*).

Усилія напрасны;
Ужасная свершается судьба
Надъ родомъ Валуа; его самъ Богъ
Отринулъ; мать злодѣйствами погибель
Накликала на мой несчастный домъ;
Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
Сразила смерть... то Божій приговоръ:
Погибнетъ все шестого Карла племя.

Агнеса.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
О! вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ

Былъ пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданный возведенъ;
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
Отечеству раздоромъ нанесенныхъ;
Пожаръ войны гражданской ты потушишь;
Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

Король.

Не я... крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
Счастливить могъ бы я народъ спокойный—
Но съ дикостью бунтующей не слажу;
Не мнѣ мечомъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, запершіяся въ злобѣ.

Агнеса.

Народъ твой слѣпъ; онъ призракомъ обманутъ;
Сей тяжкій сонъ не можетъ продолжиться;
День недалекъ: пробудится любовь
Къ законнымъ королямъ—въ груди фран-
Она всегда жива и неизмѣнна— [цузовъ
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ...
Не отходи жъ отъ поприща побѣдъ,
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ—скорѣй всѣ переправы
Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
Ведущіе за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару

Король.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отвергнутъ.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу;
Всѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣпой уподобясь,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

Дюнуа.

О Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?.. Послѣдній
Твой подданный отважно отдастъ
И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
И ненависть свою; все жертва партій
Во времена войны междуусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя кидаются къ мечу;
И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанесть,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
За идола иль Бога своего.
Итакъ, отбрось изнѣженную жалость—
Она душѣ монарха неприлична;
Пускай война сама свой огнь потушитъ;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тронъ себя щадить не долженъ—
Таковъ законъ и вѣчный жребій свѣта;
Иного мы, французы, не признаемъ;
И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

Король (*къ чиновникамъ*).

Подите! вамъ защитой небеса;
А я для васъ ничто.

Дюнуа.

Да отвратится жъ
Навѣки Богъ побѣды отъ тебя,
Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ
Себя оставилъ—мы должны разстаться.
Не Англія съ бунтующимъ бургундцемъ—
Твой робкій духъ тебя сгонятъ съ трона.
Природный даръ французскихъ королей
Геройство—ты жъ не мужемъ быть рожденъ.
(*Къ чиновникамъ*).
Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!
Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.
(*Хочетъ идти*).

Агнеса.

О государь! останови его;
Онъ на словахъ жестокъ, по сердцемъ вѣренъ,
Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любитъ;
Онъ за тебя лилъ кровь... прольетъ и
Признайся, Дюнуа, ты далеко [нынѣ...
Былъ заведенъ досадой благородной...
А ты прости его суровой дружбѣ...

Ахъ! дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашимъ миротворцемъ.
(*Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ отвѣта*).

Король (*къ Дю Шателю*).
Мы перейдемъ Луару; на суда
Вели скорѣй все нагружать...

Дюнуа (*поспѣшно Агнесѣ*).
Прости.
(*Уходитъ съ чиновниками*).

Агнеса.
Стой, Дюнуа!.. Теперь мы беззащитны!..
Бѣги за нимъ, Ла Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Король, Агнеса, Дю Шатель.

Король.
Ужели тронъ единственное благо?
Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело?..
О, нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ;
Покорствовать; жить милостью вассаловъ;
Отъ грубой ихъ надменности зависѣть—
Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый.
Не легче ли судьбѣ своей поддаться?
(*Къ Дю Шателю*).
Исполни мой приказъ.

Дю Шатель (*на колѣняхъ*).
О Государь!

Король.
Ни слова! рѣшено, поди.

Дю Шатель.
Нѣтъ! нѣтъ!
Склонись на миръ съ Филиппомъ, Государь;
Другого нѣтъ спасенья для тебя.

Король.
Какой совѣтъ!.. Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

Дю Шатель.
Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженье... нынѣ
Я за тебя жъ несу ее на плаху.
Иного средства нѣтъ; предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

Король (*съ горестью*).
Какъ! до того ль дошло?.. Мои друзья,
Которымъ вся душа моя открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираю
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

Дю Шатель.
О, нѣтъ!..

Король.
Молчи! не раздражай мен
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять—
Я не спасусь погибелію друга...
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

Дю Шатель.
Иду.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Король, Агнеса.

Король.
Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.

Агнеса.
Какой должна я страшный встрѣтить де
Король идти въ изгнанье осужденъ;
Семейный домъ покинуть долженъ сы
И съ милою разстаться колыбелью...
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Агнеса.
Ла Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа?
(*Смотритъ на него пристально*).
Но что?
Сверкаетъ взоръ твой... говори, Ла Ги
Иль новая бѣда?

Ла Гиръ.
Бѣды прошли:
Намъ небеса опять благопріятны.

Агнеса.
Возможно ль? Какъ?

Ла Гиръ (*королю*).
Скорѣе орлеанскихъ
Чиновниковъ вели позвать.

Король.
Зачѣмъ?

Ла Гиръ.

Судьба войны на нашей сторонѣ:
Дано сраженіе; мы побѣдили.

Король.

Ла Гиръ, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный

Ла Гиръ.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

Агнеса.

О, сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приноситъ:
Согласіе и миръ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, архіепископъ, Дюнуа, Раулъ.

Архіепископъ.

Графъ, государь,
Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.
(*Король и Дюнуа обнимаются*).

Король.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ стращусь;
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

Архіепископъ (*Раулю*).

Говори.

Рауль.

Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ хвабрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулера.
Но только мы достигли фермантонскихъ
Высотъ и въ долъ, Іонной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захва-
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна; [ченъ;
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ
Свершается неслыханное чудо: [мигъ
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилося,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
«Будь онъ морскихъ песковъ неисчисли- [мѣй...
«За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!»
И вмигъ она изъ рукъ знаменоносца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ
Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ — какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши всѣ остались невредимы.

Король.

Неслыхано! чудесно!

Агнеса.

Кто она?

Рауль.

Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.
(*Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою*).
Вы слышите... шумитъ народъ... Она!

Король (*къ Дю Шателю*).

Введи ее сюда.
(*Архіепископу*).

Но что мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?
Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественно ль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

Голоса за сценою.

Да здравствуетъ спасительница, дѣва!

Король.

Идетъ.

(*Къ Дюнуа*).

Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано всезнанье—
Она сама откроетъ короля.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прежніе, Іоанна, за нею **чиновники орлеанскіе** и множество **рыцарей,** которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

Дюнуа (*съ важностію*).

Ты ль, дивная...

Іоанна (*прерываетъ его величественно*).

Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.
(*Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ передъ нимъ кольно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены*).

Король.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

Іоанна.

Я видѣла тебя... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.
(*Приближается и говоритъ таинственно*).
Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ — не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выдти... я твою молитву
Тебѣ скажу.

Король.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну—
Тогда твое признаю назначенье.

Іоанна.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній—
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король (*отступая съ трепетомъ*).

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?

(*Всѣ въ изумленіи*).

Іоанна.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
(*Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ*)
Скажу ль твою послѣднюю молитву?

Король.

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

Архіепископъ.

Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Іоанна.

Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу, какъ столицей

И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустын-[ныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
«Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
«Господь тебя къ иному призываетъ.
«Возьми мое святое знамя, мечъ
«Мой опоясь и имъ неустрашимо
«Рази враговъ народа моего,
«И проведи помазанника въ Реймсъ,
«И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ».
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
«Дерзай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
«Доступно все великое земли,
«Когда земной любви она не знаетъ».
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лиліи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: «встань,
«Господь тебя къ иному призываетъ».
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
«Возьми твой крестъ, покоряй небесамъ;
«Въ страданіи земное очищенье;
«Смиренный здѣсь — возвышенъ будетъ [тамъ».
И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.
(*Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками*).

Архіепископъ (*по долгомъ молчаніи*).

Должно молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
Единый Богъ подобное творитъ.

Король.

Достоинъ ли я милости такой?..
Всевидящій, Необольстимый, Ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

Іоанна.

Покорности всегда Господь доступенъ;
Смирился ты—тебя Онъ возвеличилъ.

Король.

Итакъ, съ врагомъ могу еще бороться?

Іоанна.

Я Францію во власть твою предамъ.

Король.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

Іоанна.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

Король.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

Іоанна.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.
(*Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гремятъ копьями и щитами*).

Дюнуа.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ; [слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ.
Намъ вождь ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ—этотъ мечъ.

Ла Гиръ.

Будь міръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ [съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

Король.

Такъ, я тебѣ свое вѣрную войско,

Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы,
Покинутый строптивымъ полководцемъ—
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

Іоанна.

Постой, дофинъ,
Орудіе могущества земного
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

Король.

Гдѣ?

Іоанна.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружій—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лиліи золотыя
Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

Король.

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

Іоанна.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву
Съ Спасителемъ-Младенцемъ на рукахъ,
И подъ Ея стопами шаръ земной:
Въ Ея рукѣ такое было знамя.

Король.

Исполню все.

Іоанна (*къ архіепископу*).

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.
(*Становится на колѣни*).

Архіепископъ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

Пажъ.

Герольдъ отъ графа Салисбури.

Іоанна.

Введи; Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, герольдъ.

Король.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

Герольдъ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

Дюнуа.

Презрительный ругатель, какъ дерзаешь
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь, на его землѣ, не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

Герольдъ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

Король (*къ Дюнуа*).

Спокойся, другъ... доканчивай, герольдъ!

Герольдъ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И, гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

Король.

Въ какой?

Іоанна.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

Король.

Говори.
Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

Іоанна.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

Герольдъ.

Графъ Салисбури, вождь британцевъ.

Іоанна.

Лжешь,
Герольдъ; одни живые говорятъ;
Итакъ, твой вождь здѣсь говорить не можетъ.

Герольдъ.

Но вождь мой живъ—и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

Іоанна.

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Латурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти;
Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.

Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣ-
Печальными его похоронами. [чень
Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

Герольдъ.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

Іоанна.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель—выбирайте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любовію народа окруженный...
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;
Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достигнешь ты—ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.

(*Уходитъ; всѣ за нею*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

Тальботъ, Ліонель, герцогъ Бургундскій, Фастольфъ, Шатильонъ, солдаты.

Тальботъ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По высотамъ разставить стражу; правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бъ они имѣли крылья—намъ
Нельзя теперь бояться нападенья:
Но все нужна предосторожность; врагъ
Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.

(*Фастольфъ уходитъ съ солдатами*).

Ліонель.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтобъ французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ...
О, Орлеанъ! могила нашей славы,
Честь Англіи погибла предъ тобой!
Постыдное, презрительное бѣгство!
Повѣрятъ ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатье, Креки и Азинкурѣ?

Герцогъ.

Утѣшимся, не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

Тальботъ.

Нѣтъ, силой нашего безумства... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

Герцогъ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

Тальботъ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились
съ воплемъ:
«Пропали! адъ за Францію воюетъ!»
И не тогда ль смятенье стало общимъ?

Ліонель.

Вы первые бѣжали, это правда.

Герцогъ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

Тальботъ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

Герцогъ.

Какъ?.. Я ль одинъ виною пораженья?

Ліонель.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ...

Герцогъ.

Такъ! но потому,
Что вы безъ насъ его бъ и не видали.
Кто намъ открылъ во Францію дорогу?
Кто руку намъ защитную простеръ,
При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?
Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?
Кто покорилъ ему сердца французовъ?..
Не будь моя могучая рука
Вожатый вашъ—вы дыма бъ не видали,
Встающаго вдали съ французской кровли.

Ліонель.

Такъ, будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда—
Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

Герцогъ.

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На вѣрнаго союзника пролить.
Но кто жъ у васъ похитилъ Орлеанъ?
Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться—
Кто помѣшалъ?.. Корысть и зависть ваша.

Тальботъ.

Не для тебя его мы осаждали.

Герцогъ.

Уйди я съ войскомъ... что бъ тогда вы были?

Ліонель.

Все то жъ, что въ день побѣды Азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

Герцогъ.

Но цѣну дорогую
За мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ.

Тальботъ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

Герцогъ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
За тѣмъ ли я отечества отрекся
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства пришельцевъ?
Зачѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно—
Вѣрнѣй служить родному королю.

Тальботъ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ... повѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

Герцогъ.

Великій Боже,
Что слышать мнѣ досталось?.. Шатильонъ,
Собрать полки! сейчасъ отступимъ...
(*Шатильонъ уходитъ*).

Ліонель.

Съ Богомъ.
Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечъ одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся; кровь француза
Съ британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, королева Изабелла.

Королева.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ?
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель.
Въ согласіи теперь спасенье наше...
Останови полки свои, Филиппъ;
А ты, Тальботъ, достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу...
Тебя зову на помощь, Ліонель,
Скажи вождямъ мирительное слово.

Ліонель.

Нѣтъ! я молчу; мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

Королева.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?
Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ король на тронѣ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега...
Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

Тальботъ.

Союзника надежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

Герцогъ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

Королева.

Какъ, герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь рукѣ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Безуміе повѣрить, чтобъ дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ свой стыдъ простить отъ сердца могъ.
Надъ бездной онъ, и пасть въ нее готовъ...
Ты ль самъ свое твореньe уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

Герцогъ.

О мирѣ я съ дофиномъ и не мыслилъ;

Но какъ молчать?.. Могу ль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

Королева.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбенъ вождь: побѣдой онъ обманутъ;
Въ несчастіи мы всѣ несправедливы;
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

Тальботъ.

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;
Я убѣжденъ совѣтомъ королевы.
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

Герцогъ.

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велитъ мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.
(*Даютъ другъ другу руку*).

Ліонель (*смотря на нихъ про себя*).

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой.

Королева.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразитъ ли неуспѣхъ? Пускай дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ
Въ сообщники зоветъ... напрасно губитъ
Онъ душу; адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ—
За васъ его разгнѣванная мать.

Ліонель.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно женщинъ.

Тальботъ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ въ станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

Герцогъ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядитъ неблагосклонно ратникъ.

Королева (*смотря на каждаго съ изумленіемъ*).

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталъ, ругаться надо мной!

Герцогъ.

Нѣтъ, королева, ратъ теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

Королева.

Возможно ль? Васъ едва я примирила —
И вы меня согласны ужъ отречься.
Но знать хочу, въ союзѣ мы иль нѣтъ?
Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

Тальботъ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

Герцогъ.

Я за отца убійцамъ отомщаю;
Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

Тальботъ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и Божеству
Противны.

Королева.

Проклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

Герцогъ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

Королева.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній;
Онъ мать свою на ссылку осудилъ.
Мнѣ, мнѣ его простить? Скорѣй погибну!
Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный...

Тальботъ.

Вы честь свою готовы посрамить.

Королева.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ — и будь онъ сынъ—
Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питавшую его,
Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:
Сама своей рукою истреблю
Я бытіе, дарованное мною.
Но вы за что ведете съ нимъ войну?
На тронъ его какое ваше право?
Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ
Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
О, нѣтъ! корысть и зависть вашъ законъ.
Но мнѣ онъ сынъ — властна я ненавидѣть.

Тальботъ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

Королева.

Ругатели презрѣнные, не вамъ

Правдивый свѣтъ коварствомъ обманутъ.
На Францію разбойнически руку
Простерли вы, британцы—но по праву
Здѣсь шагу нѣтъ земли, подвластной вамъ;
Вы хищники. А ты, бургундскій герцогъ,
Ты, обезславленный прозваньемъ: *Добрый*,
Не ты ль врагамъ свою отчизну продалъ?
Не ты ль отцовъ наслѣдіе пришельцу,
Грабителю отдалъ на разграбленье?
А все твердитъ языкъ вашъ: справедливость.
О, лицемѣры, васъ я презираю.
На мнѣ личины нѣтъ; съ лицомъ открытымъ
Иду на судъ; пусть судитъ свѣтъ... Простите!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тальботъ, герцогъ, Ліонель.

Тальботъ.

Вотъ жэнщина!..

Ліонель.

Что дѣлать, полководцы?
Все ль отступать, иль, быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья?

Герцогъ.

Мы слабы; всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуетъ ужасъ.

Тальботъ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ—
Незапное могущество мгновенья;
Но робкаго воображенья призракъ
Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство и стать
Въ лицо врагу.

Герцогъ.

Подумайте.

Ліонель.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна;
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь.

Тальботъ.

Такъ, рѣшено, и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, передъ которой
Все наше войско въ страхѣ цѣпенѣетъ.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда она со мною выйдетъ въ бой—
Тогда одинъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ (и, вѣрьте, не посмѣетъ),
Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

Ліонель.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ
Не обнаживъ меча, се живую [поединокъ.
Въ виду всего ихъ войска принесу
Въ британскій станъ.

Герцогъ.

Не слишкомъ на себя
Надѣйся, Ліонель.

Тальботъ.

Сведи насъ Богъ—
Ее ласкать рука моя не станетъ.
Теперь пойдемъ; истраченныя силы
Возобновимъ минутою покоя;
Но только день займется — на сраженье.
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Темная ночь. Вдали показывается **Іоанна** въ шлемѣ, въ панцырѣ; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею **Дюнуа, Ла Гиръ,** множество **рыцарей** и **солдатъ**. Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.

Іоанна (*окружающимъ ее рыцарямъ*).

(*Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину театра*).

Мы стражу обошли—и вотъ ихъ лагерь;
Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора
Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи;
Пусть въ ужасѣ погибельную близость
Узнаетъ нашу врагъ... Ударьте разомъ,
Воскликнувъ: Богъ и дѣва!

Солдаты (*гремя оружіемъ*).

Богъ и дѣва!

Стражи (*за сценою*).

Къ оружію!

Іоанна.

Огня! зажечь шатры!
Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!
Извлечь мечи! рубить и истреблять!
(*Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать*).

Дюнуа (*удерживая ее*).
Іоанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала—
Довольна будь, отъ боя удались,
И намъ оставь кровавую расправу.

Ла Гиръ.
Такъ, пролагай для войска путь побѣды;
Неси предъ нимъ святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся;
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ богъ сраженій,
Обманчивъ онъ и слѣпъ и безпощаденъ.

Іоанна.
Кто путь мнѣ заградитъ? Кто остановитъ
Мной властвующій духъ?.. Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ *должна* Іоанна быть;
Не въ *этотъ часъ*, не *здѣсь* она падетъ;
Ей Короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она *всего* не совершила—
Ея главы не тронетъ вражья сила.
(*Уходитъ*).

Ла Гиръ.
Другъ Дюнуа, пойдемъ за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Англійскіе **солдаты** бѣгутъ чрезъ сцену, потомъ **Тальботъ.**

Одинъ солдатъ.
Дѣва! Дѣва!

Другой.
Кто?

Первый.
Дѣва въ лагерѣ!

Другой.
Не можетъ быть!
Какъ въ лагерь ей зайти?

Третій.
На облакахъ
Примчались, съ ней всѣ бѣсы заодно!
(*Множество бѣжитъ чрезъ сцену*).
Спасайтеся!.. бѣгите!.. все пропало!

Тальботъ (*за ними*).
Куда вы?... Стой! Не видятъ и не слышатъ.
Разрушена покорность, страхъ бунтуетъ:
Какъ будто адъ всѣ ужасы свои
Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство
Постигло всѣхъ; и робкій и безстрашный
Бѣгутъ; врагу отпора нѣтъ; весь лагерь
Внезапная погибель охватила.
Ужель во мнѣ одномъ осталась память,
А все вокругъ меня въ чаду безумства?
Итакъ, опять бѣжать отъ малодушныхъ,
Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами!—
Но кто жъ сія владычица судьбы,
Ужасная рѣшительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный духъ, и силу малодушнымъ?
Обманщица ль подъ маскою геройства
Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приведетъ?
И женщина ль — о вѣчный стыдъ! — исторгнетъ
Изъ рукъ моихъ награду славы?

Солдатъ (*бѣжитъ чрезъ сцену*).
Дѣва!
Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

Тальботъ.
(*Гонится за нимъ съ мечомъ и убиваетъ его*).
Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!
Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Сцена открывается. На высотахъ виденъ пылающій англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Чрезъ нѣсколько времени является **Монгомери.**

Монгомери.
Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, вездѣ погибель!
Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечомъ
Дорогу заслонивъ, навстрѣчу смерти гонитъ;
А здѣсь ужасная... повсюду, какъ пожаръ
Губительный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
Зачѣмъ переплывалъ я море?.. Бѣдный! бѣдный!
Обманутый любимою мечтой, я здѣсь
Искалъ въ бою прекрасной славы... что жъ нашелъ?
Моей судьбы неодолимая рука

Меня въ сей бой на гибель привела...
Почто
Не на брегу моей Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ матерь я
покинулъ
Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?
(*Іоанна является на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара*).
О страхъ!.. Что вижу я?.. Ужасная идетъ;
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она, какъ мрачное страшилище изъ ада...
Куда спасусь?.. За мною огненныя очи
Ужъ погнались; уже бросаетъ на меня
Издалека неизбѣжимыхъ взоровъ сѣть;
Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣсту, силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ—хоть
вся душа
Противится — смотрѣть на смертоносный
образъ.
(*Іоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается*).
Подходитъ... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко мнѣ
Приблизилась?.. Моля о жизни, обниму
Ея колѣни; можетъ быть, ее смягчу;
Въ ней сердце женщины; слезамъ она
доступна.
(*Хочетъ идти къ ней навстрѣчу; Іоанна быстрыми шагами къ нему подступаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Монгомери, Іоанна.

Іоанна.

Стой! ты погибъ; британка жизнь тебѣ дала.
Монгомери (*падаетъ предъ нею на колѣни*).
Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;
Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ;
Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой
отецъ
Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ
Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много
нивъ
Обильныхъ у него; и злато и сребро
Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,
Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

Іоанна.

Обманутый, погибшій, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую достался; изъ нея
Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ;
Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,
Когда бы трепеталъ подъ тяжкой лапой
тигра,
Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ—
Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.
Но встрѣча въ дѣвою смертельна.... Я
вступила
Съ могуществомъ, нездѣшнимъ, строгимъ,
недоступнымъ,
Навѣкъ въ связующій-ужасно договоръ:
Все умерщвлять мечомъ, что мнѣ сраженій Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

Монгомери.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой яснотихъ;
И, зримая вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый,
кроткій ликъ...
Ахъ! женской прелестью и нѣжностью
твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею.

Іоанна.

Не уповай на нѣжный полъ мой; не зови
Меня ты женщиной... Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, не знающимъ земного сочетанья,
Не пріобщаюсь я породѣ человѣка.
Престань молить.... подъ этой броней
сердца нѣтъ.

Монгомери.

Душевластительнымъ, святымъ любви
закономъ,
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись; на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ
цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О! если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви —не разрывай
жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердецъ.

Іоанна.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,
Нечтимыхъ мной и мной отверженныхъ; вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять — твой часъ насталъ.

Монгомери.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждутъ сына... о своихъ ты вспомни, вѣрно
И день и ночь они тоскуютъ по тебѣ.

Іоанна.

Несчастный! ты жъ родителей напомнилъ мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣстъ,
Безбрачно овдовѣвшихъ!.. Пусть теперь узнаютъ
И матери британскія, какъ тяжко тратить
Надежду жизни, милыхъ чадъ! пусть ваши вдовы
Поймутъ, что значитъ скорбь по милыхъ невозвратныхъ!

Монгомери.

Увы! погибну ли на чужѣ, не оплаканъ?

Іоанна.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю — истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?..
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободно-дышущимъ французамъ дать неволю,
И Францію великую, какъ чолнъ покорный,
Пустить вослѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ...
О, вы безумцы! нашъ державный гербъ прибитъ
Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлимо-вѣчной... Часъ
Возмездія ударилъ; ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный путь святого моря,
Сей грани, Божествомъ уставленной межъ нами,
Которую безумно вы переступили.

Монгомери (*опускаетъ ея руку*).

Итакъ, погибнуть, смерть ужасную увидѣть?

Іоанна.

Умри, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною!.. Смотри,
Кто я? Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,
Привыкшувшей носить невинно-легкій посохъ...
Но вдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна... *должна* — не выборъ сердца, голосъ
Небесъ меня влечетъ—на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
Носить повсюду смерть, потомъ... быть жертвой смерти.
И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею;
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но наконецъ
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши жъ свою и ты... берись за бодрый мечъ,
И бой начнемъ за милую добычу жизни.

Монгомери (*встаетъ*).

Итакъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы—сразимся; мнѣ, быть можетъ,
За Англію назначено тебѣ отмстить.
Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;
А ты, призвавъ на помощь весь твой страшный адъ,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

(Схватываетъ мечъ и щитъ и нападаетъ на нее. Вдали раздается военная музыка. Чрезъ нѣсколько минутъ Монтомери падаетъ).

Іоанна.

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ... прости, несчастный!

(Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленіи).

О Благодатная! что ты творишь со мною?
Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, готовясь
Сразить живущее созданіе, трепещетъ,
Какъ будто храмъ божественный ниспровергая;
Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшенъ...
Но только повелитъ мой долгъ—готова сила;
И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,
Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Іоанна, рыцарь, *съ опущеннымъ забраломъ.*

Рыцарь.

Ты здѣсь, отступница?.. Твой часъ ударилъ;
Тебя давно ищу на полѣ ратномъ;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

Іоанна.

Кто ты?.. Тебя послалъ не добрый ангелъ
Навстрѣчу мнѣ... по виду, не простой
Ты ратникъ; мнится мнѣ, ты не британецъ;
Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

Рыцарь.

Проклятая! не княжеской рукѣ
Тебя бы поразить; подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть—не съ честью пасть
Подъ герцогскимъ Бургундіи мечомъ.

Іоанна.

Итакъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

Рыцарь (*поднимая забрало*).

Я!.. Трепещи, конецъ твой наступилъ;
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
Лишь робкихъ ты досель одолѣвала—
Мужъ твердый ждетъ тебя...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, Дюнуа, Ла Гиръ.

Дюнуа.

Постой, Филиппъ;
Не съ дѣвами, но съ рыцарями бейся;
Мы защищать пророчицу клялися;
Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ мечъ.

Герцогъ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
Ни васъ рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.
Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ла Гиръ;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ
Отступницы коварной промѣняли...
Я жду васъ, бьемся... Тотъ въ защитѣ Бога
Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.
(*Обнажаютъ мечи*).

Іоанна (*становится между ними*).

Стой!

Герцогъ.

Прочь!

Іоанна.

Ла Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!
Не должно здѣсь французской литься крови;
И не мечомъ рѣшить сей споръ; иное
На небесахъ назначено; я говорю,
Остановитесь; мнѣ внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

Дюнуа.

Зачѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
Онъ далъ готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

Іоанна.

Ни слова, Дюнуа... Ла Гиръ, умолкни.
Я съ герцогомъ бургундскимъ говорю.
(*Всѣ молчатъ*)
Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
Сей Дюнуа—сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый—твой землякъ и сослуживецъ;
И я сама—твоей отчизны дочь;
Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣни
Передъ тобой почтительно желаемъ,
И для тебя нашъ мечъ безъ острія.
Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьимъ шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго монарха.

Герцогъ.

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
Но не меня тебѣ поймать; мой слухъ
Обороненъ отъ сѣти словъ коварныхъ;

Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянутъ...
Что медлишь, Дюнуа?.. Сразимся; биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

Дюнуа.

Сперва слова, потомъ удары; стыдно
Бояться словъ; не та же ль это робость,
Свидѣтельство неправды?

Іоанна.

Насъ не крайность
Влечетъ къ твоимъ стопамъ, и не пощады
Съ покорностью мы просимъ... оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ
неплѣ,
И поле все покрыли ваши трупы;
Ты всюду громъ трубы французской внемлешь...
Всевышній произнесъ: побѣда наша!
Но лаврами прекраснаго вѣнца
Съ тобою мы готовы подѣлиться...
О! возвратись; врагъ милый, перейди
Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда.
Небесъ посланница, сама я руку
Тебѣ даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь въ святое наше братство;
Господь за насъ! всѣ ангелы Его—
Ты ихъ не зришь—за Францію воюютъ;
Лилеями увѣнчаны они;
И бѣлизнѣ сей чистой орифламмы
Подобится святое наше дѣло;
Его символъ: Божественная Дѣва.

Герцогъ.

Прельстительны слова коварной лжи—
Ея жъ языкъ простой языкъ младенца;
И адскій духъ, вселившійся въ нее,
Невинности небесной подражаетъ.
Нѣтъ! страшно ей внимать... Къ мечу! мой слухъ,
Я чувствую, слабѣй моей руки.

Іоанна.

Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
Союзникъ мой... но развѣ миротворство,
Прощеніе обидъ есть дѣло ада?
Согласіе ль изъ тьмы его исходитъ?
Что жъ человѣчески-прекраснѣй, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама съ собой природа въ спорѣ, небо
Съ неправой стороны и адъ за правду?
Когда же то, что я сказала, *свято*—
Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?
Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
Чтобы душѣ неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я передъ лицомъ монарховъ не бывала,
Языкъ мой чуждъ искусству словъ... но
что же?
Теперь тебя должна я убѣдить—
И умъ мой свѣтелъ, зрю дѣла земныя;
Судьба державъ, народовъ и царей
Ясна душѣ младенческой моей;
Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

Герцогъ (*смотритъ на нее съ изумленіемъ*).

Что я? и что со мной?.. Какая сила
Мой смутный духъ незапно усмирила?..
Обманчивъ ли сей трогательный видъ?
Нѣтъ! чувствую, не адскій обольститель
Меня влечетъ; мнѣ сердце говоритъ:
Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

Іоанна.

Онъ тронутъ... такъ, онъ тронутъ; не напрасно
Молила я... лицо его безгнѣвно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорѣй... покинуть мечъ... и сердце къ
сердцу!
Онъ плачетъ... онъ смиряется... онъ нашъ!
(*И мечъ и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ къ герцогу, обнимаетъ его въ сильномъ движеніи; Ла Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объятія герцога*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Дворецъ короля Карла въ Шалонѣ на Марнѣ.

Дюнуа, Ла Гиръ.

Дюнуа.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дѣло,
Бѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Ужель теперь любовь насъ разлучитъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

Ла Гиръ.

Принцъ, выслушай.

Дюнуа.

Ла Гиръ, ты любишь дѣву;
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить
У короля Іоанниной руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ла Гиръ, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной...

Ла Гиръ.

Спокойся, Дюнуа.

Дюнуа.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ;
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

Ла Гиръ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступи.
Но вспомни, кто она; дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? и съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

Дюнуа.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы сапомъ
И принцу ли безславно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли;
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Намъ въ ангельскомъ величествѣ она.

Ла Гиръ.

Пускай рѣшитъ король.

Дюнуа.

Нѣтъ! ей одной
Рѣшить. Она свободу намъ спасла—
Пускай сама останется свободна.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, король, Дю Шатель, Шатильонъ, Агнеса.

Ла Гиръ.

Вотъ и король.

Король (*къ Шатильону*).

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

Шатильонъ.

Такъ, государь; въ Шалонѣ всенародно
Желаетъ пасть Филиппъ, бургундскій герцогъ,
Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать тебя, какъ короля,
Законнаго владыку своего;
За мною вслѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

Агнеса.

Онъ близко, день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

Шатильонъ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣни герцогъ;
Но мыслитъ онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

Король.

Моя душа летитъ къ нему навстрѣчу.

Шатильонъ.

Желаетъ онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вашей встрѣчѣ.

Король.

Минувшее навѣки позабыто;
Лишь ясные дни въ будущемъ я вижу.

Шатильонъ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

Король.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

Шатильонъ.

Не исключать и королевы, если
На миръ съ тобой она согласна будетъ.

Король.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конецъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

Шатильонъ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

Король.

Мнѣ слово свято.

Шатильонъ.

Пусть архіепископъ
Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердитъ.
(Посмотрѣвъ на Дю Шателя).
Здѣсь есть одинъ... присутствіемъ своимъ
Онъ возмутитъ свиданья сладость.
(Дю Шатель удаляется молча).

Король.

Другъ,
Поди; пускай смиритъ Филиппа время;
Дотоль его присутствія чуждайся.
(Смотритъ за нимъ вослѣдъ, потомъ бѣжитъ къ нему и обнимаетъ его).
О вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести.

Шатильонъ *(подавая свитокъ).*

Здѣсь прочія означены статьи.

Король.

Все напередъ безспорно утверждаю.
Что дорого за друга?—Дюнуа,
Возьми съ собой сто рыцарей избранныхъ,
И къ герцогу съ привѣтствіемъ спѣши.
Должны надѣть зеленые вѣнки
Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ; городъ
Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласитъ,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?.. Трубятъ!
(Звукъ трубы).

Пажъ *(вбѣгая поспѣшно).*

Бургундскій герцогъ въ городъ
Вступаетъ.

Дюнуа.

Рыцари, къ нему навстрѣчу!
(Уходитъ съ Ла Гиромъ и Шатильономъ).

Король.

Агнеса, плачешь?.. Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для этой радостной минуты;
Сколь много жертвъ досталось смерти
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли. [прежде,
Но стихнула свирѣпость бури; день
Смѣнилъ ночную тьму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

Архіепископъ *(смотря въ окно).*

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры...

Король.

О, добрый мой народъ! огонь во мщеньи!
Огонь въ любви!.. Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что этотъ самый герцогъ
Его отцовъ и чадъ убійцей былъ.
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись; восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Герцогъ Бургундскій, Дюнуа, Ла Гиръ, Шатильонъ, два **рыцаря** изъ свиты герцога и прежніе. Герцогъ останавливается въ дверяхъ; король дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему подойти, но герцогъ его предупреждаетъ; онъ хочетъ преклонить колѣна, но король принимаетъ его въ объятія.

Король.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ навстрѣчу
Хотѣли мы; твои кони крылаты.

Герцогъ.

Они къ стопамъ монарха моего
Несли меня...
(Увидя Агнесу).
Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?.. Позвольте мнѣ обычай нашъ
Арарскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословитъ.
(Цѣлуетъ ее въ лобъ).

Король.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

Герцогъ.

Васъ, государь, молва не обманула:
Моя земля отечество красавицъ.

Король.

Но про тебя молва гласитъ иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ,
И вѣрности не вѣришь.

Герцогъ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;

Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.
(Увидя архіепископа, подаетъ ему руку).
Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите; кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ праведной стези не покидай.

Архіепископъ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусилъ вполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

Герцогъ *(Агнесѣ).*

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ
Оружіе противъ меня... ужели
Вамъ такъ была нужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войнѣ вы жертвовали ими—
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.
(Беретъ у одною изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ и подаетъ его Агнесѣ; она смотритъ въ недоумѣніи на короля.

Король.

Возьми; то мнѣ залогъ, вдвойнѣ священный,
Прекрасныя любви и примиренья.
(Агнеса плачетъ; король тронутъ; всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ).

Герцогъ *(посмотря на всѣхъ, бросается въ объятія къ королю).*

О, государь!
(Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ла Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ).
И васъ я могъ отречься?
И вамъ я недругъ былъ?

Король.

Молчи! ни слова!

Герцогъ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Пришельцу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

Король.

Спокойся; все забыто; этотъ мигъ
Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

Герцогъ.

Заглажу все; повѣрьте, все заглажу;
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Франція во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить.

Король.

Въ союзѣ мы—какой же врагъ опасенъ?

Герцогъ.

О, вѣрьте, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали...
(Указывая на Агнесу)
Но для чего жъ ее вамъ не прислать?
Кя слезамъ кто бъ могъ не покориться?
Теперь всему конецъ! самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ сердцу;
Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь,
При васъ свое я странничество кончилъ.

Архіепископъ.

Въ союзѣ вы—и Франція, какъ фениксъ,
Подымется изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженныя селенья, города
Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.
Но падшіе раздора жертвой—ихъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты *были*
И *будутъ*; расцвѣтетъ *другое* племя,
Но *прежнее* все жертвой бѣдъ увяло...
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ: для васъ, монархи,
Урокъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно уже—
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку—не покорится
Напрасному призванью человѣка;
И не всегда къ намъ вовремя, какъ нынѣ,
Спасеніе небесное нисходитъ.

Герцогъ.

О, государь! при васъ небесный Ангелъ.
Но гдѣ жъ она? Что медлитъ?...

Король.

Гдѣ Іоанна?
Почто въ торжественно-счастливый мигъ
Не видимъ мы создательницы счастья?

Архіепископъ.

Ея душѣ противенъ, государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремитъ
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества—она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней Его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Прежніе, Іоанна, въ панцырѣ, но безъ шлема; на головѣ ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

Король.

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

Герцогъ.

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

Іоанна.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометой бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.
(Осматриваясь)
Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи;
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;
Лишь одного несчастнаго я зрѣла...
Тоскуетъ онъ при общемъ торжествѣ.

Герцогъ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

Іоанна.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи...
И онъ у ногъ твоихъ. О! доверши
Прекрасный подвигъ твой; вѣтъ прими-
Когда душа не вся еще свободна! [ренія,
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

Герцогъ.

Я понимаю.

Іоанна.

Такъ! и ты простишь;
Не правда ль, другъ?.. Войди же, Дю Шатель;
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощенъ.

Герцогъ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна?.. Знаешь ли, чего ты просишь?

Іоанна.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветъ въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ добро нисходитъ свыше.

Герцогъ.

Не властенъ я упорствовать предъ нею;
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ...
Приближься, Дю Шатель... Не оскорбись,
О, тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитеся, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо... но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ
солнца;
Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чув-
Игралище всесильнаго мгновенья. [ствомъ,

Король *(Іоаннѣ).*

О! какъ тебя благодарить, Іоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отняты земли,
И все тобой... Что дамъ тебѣ въ награду?

Іоанна.

Будь въ счастьи человѣкъ, какъ былъ въ
На высотѣ величія земного [несчастьи;
Не позабудь, что значитъ другъ въ бѣдѣ:
То испыталъ ты въ горькомъ униженьи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извлекъ спасительницу Богъ...

Вся Франція твою признаетъ власть;
Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
Потомки отъ тебя своею славой
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу;
И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
Онъ сохранитъ къ себѣ въ душѣ народа;
Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

Герцогъ.

Пророчица, поставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ:
Продлится ли величіе его?

Іоанна.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
Близъ трона ты, и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть; подъ облака
Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни остановитъ...
Но не страшись, не рушится твой домъ;
Онъ дѣвою для славы сохранится;
И скиптроносные монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри, отъ ней родятся;
Могучіе, они съ двухъ славныхъ троповъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей непереплытыхъ.

Король.

О! если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ—
Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

Іоанна *(помолчавъ).*

Владыки міра,
Страшитеся раздора; не будите
Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ;
Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ; отъ нея
Ужасное родится поколѣнье;
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ...
Но я молчу... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастіе, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрыть.

Агнеса.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій...
Скажи и мнѣ пророческое слово.

Іоанна.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину...
Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

Дюнуа.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
Откройся намъ, небесная. О! вѣрно
Тебя ждетъ лучшее земное счастье,
Въ награду за твое смиренье.

Іоанна *(задумчиво и смиренно показавъ на небо).*

Счастье
На небесахъ у Вѣчнаго Отца.

Король.

Повѣрь его монарху твоему;
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки... да свершится
Теперь же долгъ мой; на колѣни!
(Іоанна становится на колѣни; король вынимаетъ мечъ и прикасается имъ къ ней).

Симъ
Прикосновеніемъ меча, Іоанна,
Король тебѣ даруетъ благородство;
Возстань, твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой; мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

Дюнуа.

Моя она; ее и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ—честь не возвышаетъ
Моей любви, ни доблести ея;
Передъ лицомъ монарха моего, я
Въ присутствіи святого мужа церкви,
Готовъ ее наречь моей супругой,
Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволитъ.

Король.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
Творишь ты... Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель непобѣжденномъ,
Любовь произвела.

Ла Гиръ.

Краса Іоанны

Есть кроткое души ея смиренье;
Она всего великаго достойна—
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность,
Простой удѣлъ, любовь простого сердца
Съ моей рукой я предлагаю ей...

Король.

И ты, Ла Гиръ? Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,
Іоанна... ты враговъ со мной сдружила,
Мой тронъ возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвѣчай.

Агнеса.

Ея душа внезапностью смутилась,
И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.
О! дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой часъ; какъ нѣжная сестра,
Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,
Чтобъ женское съ заботливостью женской
Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
Рѣшить наединѣ.

Король.

Пойдемъ.

Іоанна.

Постойте;
Нѣтъ, государь, мои пылаютъ щеки
Не пламенемъ смятеннаго стыда;
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицомъ мужей...
О, рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую паству?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
Лишь чистою свершится дѣвой онъ;
Я на землѣ вопительница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

Архіепископъ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины; храня законъ
Природы, Божеству она угодна;
И, совершивъ указанное небомъ,
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча;
Не дѣвственной рукѣ имъ управлять.

Іоанна.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могучій духъ;
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ,
И покорюсь тогда его велѣнью;
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить: еще монархъ мой не увѣнчанъ;
Еще слей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не король.

Король.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

Іоанна.

И медлить намъ не должно; врагъ повсюду;
Дорогу намъ онъ мыслитъ заградить;
Но сквозь него промчу къ побѣдѣ васъ.

Дюнуа.

Когда же все, Іоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,
Склонишь ли ты вниманіе тогда...

Іоанна.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
Изъ грозныя борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

Король (*взявъ ее за руку*).

Теперь тебѣ лишь голосъ Духа внятенъ;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ;
Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется радость;
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства...
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты;
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ донынѣ только неба,
Съ любовію искать земного друга;
Всѣхъ нынѣ ты для счастія спасла—
И *одному* тогда ты будешь счастьемъ.

Іоанна (*посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ*).

Иль, утомясь божественнымъ явленьемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,

И благовѣстницу верховной воли
Низвесть во прахъ ничтожности земной?
О, маловѣрные! сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
А я для васъ лишь женщина... безумцы!
По женщинѣ ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда, Господне мщенье
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной;
О, нѣтъ! тогда мнѣ лучше бъ не родиться;
Ни слова болѣе; не раздражайте
Моей душой владѣющаго Духа;
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ и осквернѣнье.

Король.

Умолкните; ея не преклонить.

Іоанна.

Вели, вели гремѣть трубѣ военной;
Спокойствіе меня тѣснитъ и мучитъ;
Стремительно зоветъ моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности хладной;
И строгій гласъ твердитъ мнѣ: довершай.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, рыцарь (*вбѣгаетъ поспѣшно*).

Король.

Что сдѣлалось?

Рыцарь.

Близъ Марны непріятель;
Онъ строится въ сраженье.

Іоанна (*вдохновенно*).

Бой и брань!
Теперь душа отъ узъ своихъ свободна...
Друзья, къ мечамъ; а я устрою войско.
(*Уходитъ поспѣшно*).

Король (*Ла Гиру*).

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса
Они хотятъ сорвать съ меня корону.

Дюнуа.

Ихъ мучитъ не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

Король (*герцогу*).

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

Герцогъ.

Будешь
Доволенъ мной.

Король.

Я самъ дорогой чести
Хочу идти предъ войсками моими,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: *прости!*

Агнеса (*подаетъ ему руку*).

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесахъ живетъ моя надежда;
На то ль даны столь явные залоги
Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть?..
Ты побѣдишь; то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

(*Всѣ уходятъ*). Сцена перемѣняется; видно открытое поле; на немъ разсыпаны группы деревьевъ: за сценою слышны военные инструменты, выстрѣлы, стукъ оружія; сражающіеся пробѣгаютъ черезъ сцену; наконецъ все тихо: сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тальботъ выходитъ раненый, опираясь на **Фастольфа**, за нимъ **солдаты**, скоро потомъ **Ліонель**.

Тальботъ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите;
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

Фастольфъ.

Несчастный день! враждебная судьба!
(*Къ Ліонелю*)
Зачѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

Ліонель.

Да сохранитъ насъ Небо! встань, Тальботъ:
Не время намъ о ранахъ помышлять;
Вели ожить природѣ; одолѣй
Бунтующую смерть.

Тальботъ.

Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франціи британская держава;
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣе не встать. Потерянъ Реймсъ—
Парижъ спасайте.

Ліонель.

Нѣтъ для насъ Парижа;
Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

Тальботъ (*срывая съ себя повязку*).

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки;
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

Ліонель.

Мнѣ ждать нельзя; Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно: насъ тѣснятъ ужасно;
Ряды разстроены; за дѣвой вслѣдъ
Они бѣгутъ—и все, какъ буря, ломятъ.

Тальботъ.

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О, гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь;
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно;
Будь проклятъ тотъ, кто въ замыслахъ великихъ
Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

Ліонель.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ...

Тальботъ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ—намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты...
Иль наша жизнь, вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

Ліонель.

Тальботъ, прости; дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда останусь цѣлъ... теперь иду;
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ;
Простимся до другого свѣта; кратокъ
Разлуки мигъ за долгую любовь (*Уходитъ*).

Тальботъ.

Минута кончитъ все; отдамъ землѣ
И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ
Весь гибнетъ человѣкъ — и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣнье ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Король, герцогъ, Дюнуа, Дю Шатель и солдаты входятъ.

Герцогъ.

Сраженье рѣшено.

Дюнуа.

Побѣда наша.

Король (*замѣтивъ Тальбота*).

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ
Въ боренiи съ послѣднею минутой?
По бронѣ онъ не ратникъ рядовой.—
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!
(*Къ Тальботу приближаются солдаты*).

Фастольфъ.

Не приближайтесь, прочь! почтенье къ смерти
Того, кто былъ такъ страшенъ вамъ живой!

Герцогъ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови.
(*Приближается къ нему: Тальботъ, взглянувъ на него, быстро умираетъ*).

Фастольфъ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутитъ послѣдній взоръ героя.

Дюнуа.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Котораго желаньямъ исполинскимъ
Всей Франціи обширной было мало!
(*Преклоняетъ мечъ передъ королемъ*)
Теперь привѣтствую васъ королемъ;
Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семъ тѣлѣ.

Король *(посмотрѣвъ молча на мертваго).*
Не мы его сразили—нѣкто высшій!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ.
(Къ воинамъ)
Возьмите.
(Трупъ Тальботовъ выносятъ).
Миръ его великой тѣни;
Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.
Фастольфъ *(подавая мечъ королю).*
Я плѣнникъ вашъ.
Король *(возвращая ему мечъ).*
Нѣтъ, рыцарь; и война
Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца...
Но Дю Шатель... моя Агнеса въ страхѣ;
Спѣши ее обрадовать побѣдой;
Скажи, что я и живъ и невредимъ,
Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью.
(Дю Шатель уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Дюнуа.
Ты здѣсь, Ла Гиръ? но гдѣ Іоанна?
Ла Гиръ.
Какъ?
Она не съ вами? Я ее покинулъ
Въ сраженьи близъ тебя.
Дюнуа.
Я побѣжалъ
На помощь къ королю; я былъ въ на-
Что ты остановишься при ней... [дждѣ,
Герцогъ.
Недавно
Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ
Ея распущенное знамя...
Дюнуа.
Боже!
Страшусь я; гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ-быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется,
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.
Король.
Спѣшите.
Дюнуа.
Я бѣгу.
Ла Гиръ.
И я.
Герцогъ.
Мы всѣ.
(Всѣ уходятъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ.

Рыцарь въ черномъ панцырѣ съ опущеннымъ забраломъ. **Іоанна** преслѣдуетъ его, онъ останавливается.

Іоанна.
Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты
Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечомъ; но самъ теперь по-
гибнешь.
Черный рыцарь.
Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.
Іоанна.
Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Которой цвѣтъ ты носишь; истребить
Тебя съ лица земли неодолимо
Влечетъ меня могучее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если бъ
Передо мной Тальботъ не палъ въ сра-
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ. [женьи,
Черный рыцарь.
Иль смолкнулъ гласъ пророческаго Духа?
Іоанна.
Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.
Черный рыцарь.
Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты—стой! не далѣ! будь довольна
Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;

етъ насъ, но вѣрность ненавидитъ,
кому не служитъ до конца.

Іоанна.

ты мнѣ велишь съ моей дороги
, забывъ начатый мною подвигъ?
ду его, исполню свой обѣтъ.

Черный рыцарь.

ая, ты все ниспровергаешь;
ѣнъ бой тебѣ—но удержись
боя; мнѣ повѣрь, пока не поздно.

Іоанна.

ыпущу меча я изъ руки,
ь враги не втоптаны во прахъ.

Черный рыцарь.

и же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
твой путь; ты видишь, блещетъ куполъ
ныя величественной церкви—
ее вступить ты можешь съ торже-
ствомъ,
ей увѣнчать монарха, свой обѣтъ
инить, но... Іоанна, не входи
церковь; мнѣ повѣрь и возвратись.

Іоанна.

го же ты, прельститель двуязычный?
инишь меня смутить и ужаснуть
ичивымъ пророчествомъ...
*Черный рыцарь хочетъ уйти; она
заступаетъ ему дорогу).*
Постой;
гствуй мнѣ, иль гибни...
Хочетъ ударить въ него мечомъ).

Черный рыцарь.

*Прикасается къ ней рукой и она
остается неподвижна).*
Умерщвляй
лишь смертное.
ромъ и молнія; рыцарь исчезаетъ).

Іоанна.

*но молчитъ въ изумленіи, потомъ
опомнившись говоритъ).*
То былъ не здѣшній,
живой... то было привидѣнье,
здебный духъ, изникнувшій изъ ада,
ы смутить во мнѣ святую вѣру.
нѣ съ мечомъ владыки моего
трашенъ? Нѣтъ, иду; зоветъ побѣда;
ь на меня весь адъ вооружится;
ь Богъ—моя надежда не смутится.
етъ идти; ей навстрѣчу Ліонель).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Іоанна, Ліонель.

Ліонель.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ—я Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.
*(Нападаетъ на нее; черезъ минуту
она выбиваетъ изъ руки его мечъ).*
О счастіе!
*(Борется съ нею; Іоанна во время
борьбы срываетъ съ него шлемъ, и
онъ остается съ непокрытою го-
ловою; поднявши мечъ, чтобы его
поразить, она говоритъ):*

Іоанна.

Умри! святая Дѣва
Моей рукой тебя приноситъ въ жертву.
*(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются
съ глазами Ліонеля; пораженная ви-
домъ его, она стоитъ неподвижна; и
рука ея опускается).*

Ліонель.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я въ твоихъ рукахъ.
*(Она подаетъ ему знакъ рукою,
чтобы онъ бѣжалъ).*
Бѣжать
Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнью? Скорѣй погибнуть!

Іоанна *(отвративъ глаза).*

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ...

Ліонель.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

Іоанна.

Убей меня
И удались

Ліонель.

Что слышу?

Іоанна (*закрывъ лицо руками*).

Горе мнѣ!

Ліонель (*приближаясь къ ней*).

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощаженъ; за что же мнѣ
Пощада одному?

Іоанна.

(*Собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить; но опять взглянувъ на него, опускаетъ руку*).

Святая Дѣва!

Ліонель.

Почто зовешь Святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ Она; ты небесами
Отвержена.

Іоанна (*въ сильнѣйшемъ отчаяніи*).

О горе! горе! что
Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.
(*Ломаетъ въ горести руки*).

Ліонель.

(*Смотритъ на нее съ участіемъ и подходитъ ближе*).

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
Ты трогаешь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты? откуда?

Іоанна.

Прочь! бѣги!

Ліонель.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образъ
Тѣснится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной; оставь союзъ свой страшный;
Оставь погибельный свой мечъ.

Іоанна.

Увы!
Носить его я недостойна.

Ліонель.

Брось.
Его; иди со мной.

Іоанна (*въ ужасѣ*).

Съ тобой? О небо!

Ліонель.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу... но поспѣши;
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.
(*Беретъ ее за руку, вдали показываются Дюнуа и Ла Гиръ*).

Іоанна.

О Боже! Дюнуа... они ужъ близко;
Бѣги, тебя найдутъ.

Ліонель.

Я твой защитникъ

Іоанна.

О, нѣтъ! Бѣги! Умру, когда погибнешь

Ліонель.

Иль дорогъ я тебѣ?

Іоанна.

О, Пресвятая!

Ліонель.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

Іоанна.

Нѣтъ, никогда.

Ліонель.

Сей мечъ въ залогъ, что
Тебя найду.
(*Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ*).

Іоанна.

Ты смѣешь, безразсудный!

Ліонель.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся.
(*Уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Дюнуа, Ла Гиръ, Іоанна.

Ла Гиръ.

Она! она!

Дюнуа.

Іоанна,
Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

Ла Гиръ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжитъ?

Дюнуа.

Оставь
Его; Іоанна, битва рѣшена;
Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Бѣжитъ толпой навстрѣчу королю.

Ла Гиръ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ.

Дюнуа.

Ты ранена.
(*Іоанна падаетъ къ нимъ на руки*).
Снять панцырь! рана
Въ плечѣ и легкая.

Ла Гиръ.

Но льется кровь.

Іоанна.

Пускай она съ моею льется жизнью.
(*Лишается памяти*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

Іоанна.

(*Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ*):

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ.
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.
И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что розняла война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.
Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(*Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію*)

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(*Помолчавъ, съ большею живостію*).
Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младый валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье.
Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ твоя погибель;
Орудія слѣпого хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

(*Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ*).

Ахъ! почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты...
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?..
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я ль сама то избрала?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Агнеса, Іоанна.

Агнеса.

(Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но одумавшись падаетъ передъ нею на колѣни).

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ тобою...

Іоанна (*стараясь ее поднять*).

Встань,
Агнеса, ты свой санъ позабываешь.

Агнеса.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ—сердце
Предъ Божествомъ излить себя стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ ангелъ ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья;
Стоитъ король въ торжественной одеждѣ;
Сбираются кругомъ монарха перы,
Чтобы пести регаліи во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
Повсюду кликъ и звонъ колоколовъ...
Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?
(*Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально*).
Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видѣла величіе небесъ
И счастію земному неприступна.
(*Іоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ*).
О! если бъ ты узнала сладость чувства;
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцырь,
И грудь открой чувствительности женской...
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

Іоанна.

Чего ты требуешь?

Агнеса.

Обезоружь
Себя, покинь твой мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

Іоанна.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой...
Навстрѣчу смерти... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

Агнеса.

Іоанна,
Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О! вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный... но любить героя
Еще прекраснѣе..

(*Іоанна отвращается въ сильномъ волненіи*).

Ты ненавидишь
Его?.. Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть... лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты сердцемъ
Спокойна... Ахъ! когда бъ оно смягчилось!

Іоанна.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу.

Агнеса.

Чего жъ тебѣ не достаетъ для счастья?
Все рѣшено: отчизна спасена;
Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честитъ и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество сихъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

Іоанна.

О! если бъ скрыться
Могла во тьмѣ подземной я отъ васъ!

Агнеса.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
И нынѣ кто жъ взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потупить должно?...
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ, низкой предъ
Не смѣющей и мыслію постигнуть [тобою,
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновленный
Престола блескъ, не шумный пиръ народа
Мнѣ радости причина; нѣтъ, *одинъ*
Живетъ въ моей душѣ—иному чувству
Въ ней мѣста нѣтъ — *онъ*, сей боготво-
Его народъ привѣтствуетъ; *его* [римый;
Бѣгутъ встрѣчать; предъ *нимъ* цвѣты
бросаютъ—
И онъ, для всѣхъ *единственный*—онъ *мой*.

Іоанна.

Счастливица, завидую тебѣ;
Ты любишь тамъ, гдѣ любитъ все; ты смѣешь
Свободно, вслухъ изречь свое блаженство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Ихъ общій пиръ есть пиръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,
Ликующій съ тобой въ однѣхъ стѣнахъ—
Прекрасное твое онъ чувство дѣлитъ;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ;
Любовью все твоей озарено.

Агнеса *(падая въ ея объятія)*.

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ;
Іоанна, ты... любви ты не чужда;
Что чувствую, ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается...

Іоанна *(вырываясь изъ ея объятій)*.

Прочь, прочь! бѣги меня; не заражайся
Губительнымъ сообществомъ моимъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

Агнеса.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
Но кто жъ тебя постигнулъ? Кто проникъ
Во глубину твоей великой тайны?
Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу,
Что чистотѣ души твоей понятно?

Іоанна.

Нѣтъ, нѣтъ, *ты* чистая, святая *ты*;
Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Іоанна, Агнеса, Дюнуа и **Ла Гиръ** со знаменемъ Іоанны.

Дюнуа.

Мы за тобой, Іоанна; все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ монарху, ты должна
Передъ нимъ нести святую орифламму.
Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Предъ лицомъ всей Франціи признать,
Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

Іоанна.

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

Дюнуа.

Кому жъ, Іоанна? Чья рука посмѣетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи; имъ должна ты
И торжество побѣдное украсить.

Ла Гиръ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ, король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна.
(Хочетъ подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ).

Іоанна.

Прочь, прочь!

Ла Гиръ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ!
Узнай его, оно твое, ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы Небесной.
(Развертываетъ знамя).

Іоанна *(въ ужасѣ смотря на знамя).*

Она, Она!.. въ такомъ являлась блескѣ
Она передо мной... Смотрите, гнѣвомъ
Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный.

Агнеса.

Ты внѣ себя; опомнись, ты видѣньемъ
Обманчивымъ испугана; тотъ образъ...
Онъ слабыя земной руки созданье;
Сама жъ *Она* небесъ не покидала.

Іоанна.

О грозная! карать ли ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сразятъ
Онѣ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила Твое святое имя.

Дюнуа.

Что слышу я! какой языкъ ужасный!

Ла Гиръ *(къ Дю Шателю).*

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

Дю Шатель.

Я вижу то, чего давно боялся.

Дюнуа.

Какъ? Что ты говоришь?

Дю Шатель.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

Ла Гиръ.

Іоанна,
Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

Іоанна.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.
(Слышенъ маршъ).

Дюнуа.

Возьми его, возьми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдемъ.
(Принуждаютъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Площадь передъ каѳедральною церковью.

Вдали множество народа. **Бертрандъ, Арманъ, Этьенъ** выходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ **Алина и Луиза.** Вдали слышенъ маршъ.

Бертрандъ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ
Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

Этьенъ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

Арманъ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Франція; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

Бертрандъ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?
Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону;
А нашъ король, нашъ истинный король,
Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
Парижскаго, который въ Сенъ-Дени

илости пришельца коронованъ;
не французъ, кто въ этотъ славный день
удетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
акричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе, Луиза, Алина.

Луиза.

ица, мы увидимъ здѣсь Іоанну;
бьется сердце!

Алина.

Мы ее увидимъ
еличествѣ и въ почести, и скажемъ:
аша милая сестра Іоанна.

Луиза.

меня глаза не убѣдили,
ѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
ъ та, которую всѣ называютъ
Орлеанской дѣвою, была
а Іоанна, безъ вѣсти отъ насъ
авшая.

Алина.

Увидишь и повѣришь.

Бертрандъ.

ите, идутъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ереди идутъ музыканты; за ними
въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками
укахъ; потомъ два герольда; отрядъ
овъ съ галебардами; **чиновники**
арадныхъ платьяхъ; два **маршала**
езлами; **Бургундскій герцогъ** съ
мъ; **Дюнуа** со скипетромъ; другіе
можи съ короною, державою, ко-
вскимъ жезломъ; за ними **рыцари**
рденскихъ одеждахъ; пѣвчіе съ
льницами; два **епископа** съ свя-
ампулою; **архіепископъ** съ кре-
ъ; за нимъ **Іоанна** съ знаменемъ;
идетъ медленными, неровными
ами, наклонивъ голову; ея сестры,
я ее, знаками показываютъ ра-
ъ и удивленіе; за Іоанною слѣ-
ъ **король** подъ балдахиномъ, ко-
й несутъ **бароны**; за королемъ
ворные чиновники; потомъ опять
дъ воиновъ. Когда всѣ входятъ
ъ церковь, маршъ умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Луиза, Алина, Арманъ, Этьенъ, Бертрандъ.

Алина.

Видѣлъ ли сестру?

Арманъ.

Что шла предъ королемъ, въ богатыхъ
Со знаменемъ въ рукахъ? [латахъ,

Алина.

Да; то Іоанна,
Сестра.

Луиза.

На насъ она не поглядѣла;
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала
Подъ знаменемъ своимъ... мнѣ стало
Я не могла обрадоваться ей. [грустно;

Алина.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ
И въ почести; но кто бъ могъ то подумать
Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

Луиза.

Отцу не даромъ снилось,
Что въ Реймсѣ онъ, и мы передъ Іоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та
Которая привидѣлась ему. [церковь,
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были...
Ахъ! мнѣ она жалка, мнѣ тяжко видѣть
Ее въ такомъ величіи.

Бертрандъ.

Пойдемъ.
Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь обрядъ.

Алина.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой
Мы встрѣтимся. [Іоанной

Луиза.

Мы видѣли ее,
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

Алина.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

Луиза.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ

Прилично ей; на что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?
И съ нами бывъ, она была не наша.

Алина.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

Бертрандъ.

И самъ король насъ не стыдится; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ король все выше.

(Трубы и литавры въ церкви).

Арманъ.

Въ церковь! въ церковь!

(Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ народа).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тибо въ черномъ платьѣ, за нимъ **Раймондъ**, который старается его удержать.

Раймондъ.

Воротимся, мой добрый Аркъ, уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Уныніе обидно для веселыхъ...
Чего намъ ждать? Зачѣмъ здѣсь оставаться?

Тибо.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лицо?

Раймондъ.

Ахъ! поскорѣй... прошу тебя, уйдемъ.

Тибо.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣднымъ?
Несчастная, она свой жребій знаетъ...
Но часъ насталъ ее спасти, я имъ
Воспользуюсь *(Хочетъ идти).*

Раймондъ.

Куда? Чего ты хочешь?

Тибо.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

Раймондъ.

Ахъ!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь.

Тибо.

Такъ!
Жила бъ душа—пускай погибнетъ тѣло.
(Іоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окружаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и препятствуетъ ей приблизиться).
Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонитъ; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее...

Раймондъ.

Прости, отецъ;
Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.
(Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Іоанна, народъ; потомъ ея **сестры.**

Іоанна *(приближаясь).*

Я не могу тамъ оставаться—духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,
Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды
Дрожатъ и пасть готовы на меня; [храма
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ
Въ святилищѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснусь...
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.
Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо мной...
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потерянаго счастья.

Алина *(выходя изъ толпы).*

Жанета!

Луиза *(подбѣгая къ ней).*

Милая сестра!

Іоанна.

О, Боже!
Итакъ, я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ степи сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

Алина.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

Іоанна.

О, милыя! вы изъ такой далекой,

Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и васъ какъ будто отреклася.

Луиза.

То воля Божія была.

Алина.

Молва
О чудесахъ твоихъ сошла и къ намъ:
Мы не могли противиться стремленью,
И, родину спокойную покинувъ,
Пришли сюда взглянуть на славный празд- [никъ,
Пришли твое величіе увидѣть.
Мы не однѣ...

Іоанна.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь...
Онъ здѣсь... но гдѣ же онъ? Зачѣмъ онъ скрылся?

Алина.

Отца здѣсь нѣтъ.

Іоанна.

О Боже! нѣтъ!.. ужели
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенье
Свое прислалъ мнѣ...

Луиза.

Онъ не зналъ, что мы
Сюда пошли...

Іоанна.

Не зналъ? Но для чего жъ
Не зналъ онъ?.. Вы молчите, вы глаза
Потупили?.. Скажите, гдѣ отецъ?

Алина.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла...

Луиза *(дѣлая ей знаки).*

Алина!

Алина.

Онъ
Задумчивъ сталъ.

Іоанна.

Задумчивъ?

Луиза.

Будь спокойна;
Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожитъ;
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,
Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

Алина.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

Іоанна.

Ахъ! счастлива; я съ вами, я вашъ голосъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безпечно;
Тамъ счастлива была я, какъ въ раю...
И не видать ужъ мнѣ такого счастья.
(Скрываетъ лицо на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и Бертрандъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ подойти).

Алина.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все такъ же
Смиренна и тиха; и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.
(Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смотритъ на нихъ неподвижными глазами и впадаетъ въ задумчивость; потомъ говоритъ въ изумленіи).

Іоанна.

Гдѣ я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Реми;
Подъ деревомъ друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вкругъ меня
Знакомыя, привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ мнѣ только снилось;
То были тѣни; вкругъ меня они
Носилися подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ
Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Реми; признайтеся, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

Луиза.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,
Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.
(Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздрагиваетъ).

Бертрандъ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

Арманъ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

Іоанна.

Ахъ! убѣжимъ; я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

Луиза.

Такъ, милая, пойдемъ.

Іоанна.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить—
Вы любите меня.

Алина.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

Іоанна.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покаяньемъ
Безумное величіе мое.

(Трубы).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Король выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ, **Агнеса, архіепископъ, герцогъ Бургундскій, Дюнуа, Ла Гиръ, Дю Шатель, рыцари, придворные, народъ.**

Народъ *(кричитъ во время шествія короля):*

Да здравствуетъ король!

(Гремятъ трубы; по мановенію короля герольды подаютъ знакъ и все умолкаетъ).

Король.

Народъ мой добрый,
Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону,
Народа мечъ ее завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна,
Но миръ ее оливою украситъ.
Благодаримъ защитниковъ престола,
А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній
былъ—
И первое будь наше слово: милость.

Народъ.

Да здравствуетъ король!

Король.

Досель незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей,
Но видимо изъ рукъ Его пріяли
Мы свой вѣнецъ.
(Указывая на Іоанну).
Народъ, передъ тобою
Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ,
Да будетъ ей воздвигнутъ здѣсь алтарь.

Народъ.

Да здравствуетъ спасительница дѣва!

(Трубы).

Король *(къ Іоаннѣ).*

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но, если ты сошла на время съ неба,
Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной
То просвѣти земныя наши очи; [дѣвы,
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Безсмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь
небо
Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.
(Всеобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Іоанну).

Іоанна *(вдругъ восклицаетъ).*

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тибо выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ Іоанны.

Множество голосовъ.

Ея отецъ!

Тибо.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

Герцогъ.
Что это значитъ?
Дю Шатель.
Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.
Тибо *(къ королю).*
Ты думаешь: могущество небесъ
Тебя спасло—ты, государь, обманутъ;
Народъ, ты ослѣпленъ; вы спасены
Искусствомъ адовымъ.
(Всѣ отступаютъ въ ужасѣ).
Дюнуа.
Безумство!
Тибо.
Нѣтъ!
Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,
Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель
Себя явилъ въ такой ничтожной твари?
Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятого:
Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?
(Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Іоанну; она стоитъ неподвижно.)
Агнеса.
Она молчитъ!
Тибо.
Она должна молчать
Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревле
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придумано; тамъ вѣчность продала
Она врагу, чтобъ славою минутной
Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.
Герцогъ.
Ужасно!.. Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать!
Дюнуа.
Безумецъ, кто жестокому безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣритъ?
Агнеса *(къ Іоаннѣ).*
Ахъ! отвѣчай; молю тебя, прерви
Ужасное твое молчаніе; мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;
Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.
(Іоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ).
Ла Гиръ.
Она испугана; внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея; самъ Божій ангелъ
Отъ клеветы такой оцѣпенѣетъ...
Приди въ себя, очувствуйся; невинность
Имѣетъ взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнія, сразитъ онъ клевету;
Іоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать со-
Срамящее святую добродѣтель. [мнѣнье,
(Іоанна молчитъ; Ла Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; движеніе въ народѣ увеличивается).
Дюнуа.
Почто дрожитъ народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна.
Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;
И здѣсь бросаю я перчатку; кто
Отважится назвать ее виновной?
(Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ).
Тибо.
Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя, и въ клеветѣ
Изобличи отца.
(Другой сильнѣйшій ударъ, народъ разбѣгается во всѣ стороны).
Герцогъ.
О! защити,
Создатель, насъ! какіе страшны знаки!
Дю-Шатель *(королю).*
Уйдите, государь.
Архіепископъ.
Я вопрошаю
Во имя Бога: что велитъ тебѣ
Молчать—твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящій Божій голосъ?
Возьми сей крестъ—когда онъ за тебя.
(Іоанна стоитъ неподвижна; новые сильные удары грома; король, Агнеса, архіепископъ, герцогъ, Ла Гиръ и Дю Шатель уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Дюнуа, Іоанна.

Дюнуа.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчаніе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;
Пренебреги его—но мнѣ откройся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.
(Онъ подаетъ ей руку; она отворачивается съ трепетомъ; Дюнуа смотритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Іоанна, Дю Шатель, Дюнуа, потомъ **Раймондъ.**

Дю Шатель.

Іоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ; тебѣ отворены
Ворота; не страшись—никто тебя
Не оскорбитъ; король твоя защита...
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь не при-
Какой конецъ!.. [лично;
(Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іоанна остается одна; наконецъ является Раймондъ; онъ останавливается въ отдаленіи, смотритъ на нее въ горестномъ молчаніи; потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку).

Раймондъ.

Воспользуйся минутой;
На улицахъ все пусто; дай мнѣ руку;
Иди за мной; я буду твой защитникъ.
(При взглядѣ на него, она подаетъ первый знакъ чувства; смотритъ быстро ему въ лицо, потомъ на небо; потомъ съ живостью беретъ его за руку и они уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Густой, дикій лѣсъ; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

Угольщикъ и его **жена.**

Угольщикъ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла дня ночь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война—предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ—лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны
Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди, что битва загорится.

Жена.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отчего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

Угольщикъ.

Ужъ имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва сгала въ Реймсѣ вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣ не помощникъ,
И все пошло вверхъ дномъ.

Жена.

Смотри, смотри,
Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, Іоанна, Раймондъ.

Раймондъ.

Здѣсь хижина, Іоанна;
Иди за мной, мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,
Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаясь.
(Гроза мало-по-малу утихаетъ; становится ясно).
Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Іоанна.

Угольщикъ.

Вы устали; отдохните
У насъ; чѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

Жена.

На ней военный панцырь:
Къ чему это?.. Но, правда, въ наше время
И женщинѣ всего приличнѣй латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилася опять у англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?..

Угольщикъ.

Замолчи;
Поди, изъ хижины ей принеси
Напиться.

(Она уходитъ въ хижину).

Раймондъ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны, и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла, на небѣ ясно, солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

Угольщикъ.

Конечно, вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитеся: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

Раймондъ.

Бѣда намъ; какъ отъ нихъ
Спастись?

Угольщикъ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ
Воротится изъ города; онъ васъ [скоро
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ французскій лагерь; намъ тропинки всѣ
Знакомы здѣсь.

Раймондъ *(Іоаннѣ).*

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ.

(Іоанна трясетъ головою).

Угольщикъ.

Отчего она
Такая грустная?.. Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Угольщикова **жена** выходитъ изъ хижины со стаканомъ воды, **сынъ** ихъ и **прежніе**.

Жена.

Нашъ мальчикъ; онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ.

(Подаетъ Іоаннѣ стаканъ).

Угольщикъ.

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

Сынъ *(увидя, что мать его подаетъ стаканъ Іоаннѣ, и узнавъ ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ).*

Прочь! Что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?.. Вѣдь это чародѣйка.

Угольщикъ и жена его вмѣстѣ.

Помилуй насъ Небесный Царь.

(Крестятся и убѣгаютъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Раймондъ, Іоанна.

Іоанна *(съ кротостію).*

Ты видишь!
Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжитъ; бѣги и ты;
Спасайся, другъ; покинь меня.

Раймондъ.

Тебя
Покинуть! мнѣ! теперь!.. но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?

Іоанна.

Я не одна;
Есть проводникъ; ты слышалъ громъ небесный;
Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
Моей, и не искавъ ея, дойду.

Раймондъ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ: англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отмстить. А тамъ французы; и они
Противъ тебя... Куда же ты пойдешь?

Іоанна.

Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.

Раймондъ.

Кто жъ тебѣ здѣсь пищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ

Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И нищетѣ?

Іоанна.

Я знаю всѣ коренья
И травы — отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровенныхъ...
Для человѣка здѣсь немного нужно;
Природа жизнію богата.

Раймондъ.

Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра Церкви...

Іоанна.

Другъ,
И ты меня винишь?

Раймондъ.

Я принужденъ;
Твое безмолвное признанье...

Іоанна.

Какъ?
Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное, твореньe,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!..
(*Раймондъ молчитъ*).
Ахъ! это тяжело.

Раймондъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?

Іоанна.

Волшебница!

Раймондъ.

А эти чудеса,
Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

Іоанна.

Съ какою же иной?

Раймондъ.

Но для чего же
Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?
Теперь ты говоришь; а при народѣ,
При королѣ, гдѣ ты должна была
Отвѣтствовать, была ты какъ нѣмая.

Іоанна.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,
Которую мой Богъ, мой повелитель,
Назначилъ мнѣ.

Раймондъ.

Но развѣ дать отвѣта
Ты не могла отцу?

Іоанна.

Отъ Бога было,
Что было отъ отца; и испытанье
Отеческое будетъ.

Раймондъ.

Голосъ неба
Твою вину свидѣтельствовалъ имъ.

Іоанна.

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

Раймондъ.

Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься — и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

Іоанна.

То не обманъ; то было испытанье.

Раймондъ.

И этотъ стыдъ стерпѣла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О! я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
Въ моей груди поворотилось сердце;
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить...
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасомъ такимъ?

Іоанна.

Была ли въ я посланницею Бога,
Когда въ Его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь;
Я въ нищетѣ — но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить —
Но знать себя въ степи я научилась;
Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,
Гдѣ вкругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидовалъ, а я
Была несчастнѣй всѣхъ... Но все прошло;
И я исцѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушеньемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила; во мнѣ спокойно;

Пусть будетъ то, чему быть должно—я
Ужъ слабости не вѣдаю въ себѣ.

Раймондъ.

Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду;
Пускай твою невинность свѣтъ узнаетъ.

Іоанна.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день—
И буду я оправдана предъ ними;
И кто теперь меня клянетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

Раймондъ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ случай...

Іоанна (*съ кротостью взявъ его за руку*).

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ—но я безсмертное глазами
Здѣсь видѣла... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце—завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Королева Изабелла съ **солдатами** и **прежніе**.

Королева (*еще за сценою*).

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

Раймондъ.

Боже!
Погибли! непріятель!
(*Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ въ ужасѣ*).

Королева.

Что случилось?
Что испугало васъ? Куда бѣжите?
(*Увидя Іоанну, невольно содрогается*).
Что вижу я?
(*Одумавшись, быстро къ ней подходитъ*).
Остановися, сдайся;
Ты плѣнница моя.

Іоанна.

Сдаюсь.
(*Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи*).

Королева.

Въ оковы!
(*Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руку; на нее налагаютъ цѣпи*).
Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженьи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная, для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду;
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ мужемъ.
(*къ Іоаннѣ*).
Зачѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

Іоанна.

Меня изгнали.

Королева.

Какъ, тебя изгнали?
Мой сынъ тебя изгналъ?

Іоанна.

Къ чему вопросы?
Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

Королева.

Изгналъ; за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ;
И королемъ французскимъ сдѣланъ: въ
Я сына узнаю... Вы! отведите [этомъ
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его;
Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ
И въ вашей робости—ея волшебство;
Она сама безумная: она
За короля пожертвовала жизнью—
И королевскую теперь награду
Пускай узнаетъ.—Прямо къ Ліонелю
Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ
Передаю окованное счастье
Французовъ... Я сама за вами скоро
Послѣдую; идите.

Іоанна.

Къ Ліонелю?
Нѣтъ, лучше умертви меня.

Королева.

Идите.
(*Уходитъ съ частью солдатъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Іоанна, солдаты.

Іоанна (*къ солдатамъ*).

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я

Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи; вонзите ихъ мнѣ въ сердце, бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный;
О! вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразила безпощадно,
Что я лила ручьями кровь британцевъ,
Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены;
Отмстите мнѣ; убійцу умертвите;
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

Начальникъ.

Исполните, что велѣно.

Іоанна.

О Боже!
Ужель мнѣ быть несчастною вполнѣ?..
Владычица, иль ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена тобою?
Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій ангелъ;
Спятъ чудеса; и небо затворилось.
(*Слѣдуетъ за солдатами*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Французскій лагерь.

Дюнуа, архіепископъ, Дю Шатель.

Архіепископъ.

Спокой твое негодованье, принцъ;
Король насъ ждетъ; ужель теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
Когда рука могучая въ защиту
Отечеству нужна?

Дюнуа.

Но что причиной
Намъ новыхъ бѣдъ? Что подняло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончена война...
Спасительницу вы изгнали—сами
Теперь спасайтеся; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужъ болѣ нѣтъ.

Дю Шатель.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ
Подумай... [отвѣтомъ

Дюнуа.

Дю Шатель, молчи; тебя
Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

Архіепископъ.

Но кто жъ изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?..
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ, и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; Бургундскій герцогъ
Себя винитъ; въ отчаяньи Ла Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

Дюнуа.

Она обманщица? О! если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла —
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота—
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

Архіепископъ.

Лишь чуду свыше
Разсѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для ока смертнаго непостижимой;
Но что ни совершись — все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланницу изгнали;
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнитъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Пажъ, прежніе, потомъ **Раймондъ.**

Пажъ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ; онъ
Усильно проситъ, чтобъ ему вамъ лично
Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесъ.

Дюнуа.

Скорѣй ввести
Его сюда!.. извѣстіе о ней!
(*Бѣжитъ навстрѣчу къ Раймонду*).
Гдѣ, гдѣ она?

Раймондъ.

Благодаренье Богу,
Что съ вами здѣсь святой нашъ архипастырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсненныхъ;
Онъ будетъ мой заступникъ. [

Дюнуа.

Гдѣ Іоанна?

Архіепископъ.
Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

Раймондъ.
Ахъ! вѣрьте мнѣ,
Не хитрая волшебница она.
Свидѣтель Богъ и всѣ Его святые:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

Дюнуа.
Но гдѣ она? Скажи.

Раймондъ.
Я былъ ея проводникомъ; въ арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она
Все исповѣдала передо мною;
Я въ мукахъ умереть готовъ, и царства
Небеснаго пускай мнѣ не видать,
Когда она, какъ ангелъ, не безгрѣшна.

Дюнуа.
Самъ Божій день души ея не чище;
Но гдѣ она?

Раймондъ.
О! если вамъ Господь
Къ ней душу обратилъ—то поспѣшите
Ее спасти; она у англичанъ
Въ плѣну.

Дюнуа.
Въ плѣну!

Архіепископъ.
Несчастная!

Раймондъ.
Въ Арденахъ,
Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали,
Попалась намъ навстрѣчу королева;
Она ее велѣла оковать,
И въ непріятельскій послала лагерь...
Погибнуть въ мукахъ ей; о! поспѣшите
Съ защитою къ защитницѣ своей.

Дюнуа.
Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!
Вся Франція бѣги за нами въ бой;
Въ залогѣ честь; обругана корона;
Разрушена престола оборона;
Въ рукахъ врага палладіумъ святой;
Все за нее; всей крови нашей мало.
(Обнажаетъ мечъ).
Спасти ее, во что бы то ни стало.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Башня; наверху ея отверстіе.

Іоанна, Ліонель, Фастольфъ, потомъ **королева.**

Фастольфъ *(входя).*
Не укротить бунтующій народъ;
Какъ бѣшеный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ
Ты плѣнницу ему на жертву; силой
Его не одолѣть; убей ее,
И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
Другимъ ничѣмъ не усмирится войско.

Королева *(входитъ).*
Ужъ лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ...
Слышишь
Ихъ крикъ?.. Дождешься ли, чтобъ силой
Они сюда вломились? Мы погибнемъ;
Ея не защититъ; отдай ее.

Ліонель.
Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшенъ приступъ;
Мой замокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его
Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
Бунтовщиковъ поддамся... Отвѣчай,
Іоанна, мнѣ; рѣшися быть моею —
И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ.

Королева.
Стыдись, британскій вождь.

Ліонель.
Твои
Отвергнули тебя; неблагодарной
Отчизнѣ ты ничѣмъ ужъ не должна;
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули—они не смѣли
За честь твою сразиться; я жъ осмѣлюсь
Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя
Сразиться...—Мнѣ казалось прежде,
Что жизнію моей ты дорожила;
Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою—
А нынѣ я единственный твой другъ.

Іоанна.
Изъ всѣхъ враговъ народа моего
Ты ненавистнѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами
Быть общаго не можетъ; не могу
Тебя любить... Но если ты наклоненъ
Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;

Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
Немедленно покинуть; возврати
Мнѣ всѣ ключи французскихъ городовъ,
Похищенныхъ войной; отдай всѣхъ плѣн-
Безъ выкупа; вознагради за все, [ныхъ
Что здѣсь разорено, и дай залоги
Священной вѣрности—тогда тебѣ
Отъ имени монарха моего
Я предлагаю миръ.

Королева.

Ты смѣешь намъ,
Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

Іоанна.

Рѣшись завременно; ты *должена* будешь
Рѣшиться; Франціи не одолѣть;
Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ
будетъ.
Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
О родинѣ; подумай о возвратѣ;
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества ужъ нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

Военачальникъ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженье;
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;
Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

Іоанна.

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,
Британія! теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

Фастольфъ.

Безумная, твоя напрасна радость;
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

Іоанна.

Пускай умру—народъ мой побѣдитъ;
Для храбрыхъ я ужъ болѣ не нужна.

Ліонель.

Я презираю ихъ; во всѣхъ сраженьяхъ
Мы съ ними ладили, доколѣ эта
Рука за нихъ не поднялась. Межъ ними
Одна была достойна уваженья;
И ту они изгнали... Другъ, пойдемъ;
Теперь нашъ часъ; пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здѣсь останьтесь; вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

Фастольфъ.

Какъ? намъ ее
Покинуть за собой?

Іоанна.

Стыдися, воинъ,
Ты женщины окованной робѣешь.

Ліонель *(Іоаннѣ).*

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

Іоанна.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

Королева.

Въ тройную цѣпь ее закуйте; жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжитъ.
(На Іоанну налагаютъ цѣпи, которыя окружаютъ и руки ея и все тѣло).

Ліонель.

Іоанна, ты сама того хотѣла;
Еще не поздно; будь за насъ и знамя
Британское возьми, и ты свободна;
И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признаютъ волю.

Фастольфъ.

Пойдемъ, пойдемъ.

Іоанна.

Не трать напрасно словъ;
Они идутъ; спѣши обороняться.
(Трубы; Ліонель уходитъ).

Фастольфъ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду...

Королева *(вынимая кинжалъ).*

Будь спокоенъ;
Я ей не дамъ торжествовать.

Фастольфъ *(Іоаннѣ).*

Теперь
Ты знаешь жребій свой; молися къ небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Іоанна, королева, солдаты.

Іоанна.

Я буду за него молиться; кто
Языкъ мой окуетъ?.. Но что я слышу?

Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
Побѣда Франціи! Британцамъ гибель!
Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Іоанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бывало;
Она въ цѣпяхъ—но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

Королева *(одному изъ солдатъ).*
Взойди на башню; съ ней все поле видно;
Разсказывай, что тамъ случится....
(Солдатъ всходитъ на башню).

Іоанна.
Дружно!
Мужайся, мой народъ! то бой послѣдній;
Еще побѣда—и врага не стало!

Королева.
Что видишь тамъ?

Солдатъ.
Сошлись... Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ жандармы.

Іоанна.
Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

Солдатъ.
Бургундскій герцогъ
Ударилъ на мостъ.

Королева.
Смерть тебѣ, предатель!

Солдатъ.
Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней—дерутся, грудь на грудь—
Бургунды съ нашими перемѣшались.

Королева.
Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

Солдатъ.
Все въ пыли
Смѣшалось; ничего не различишь.

Іоанна.
Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я—ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

Солдатъ.
Теперь во рву ужасная тревога...
Тутъ всѣ вожди...

Королева.
А наше знамя?

Солдатъ.
Вѣетъ.

Іоанна.
О! если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ
Сраженіемъ повелѣвалъ. [мой

Солдатъ.
Бѣгутъ!
Бѣгутъ! побѣда!

Королева.
Кто бѣжитъ?

Солдатъ.
Французы!
Бургундцы; поле все покрылось ими.

Іоанна.
О Боже! до того ль меня покинешь?

Солдатъ.
Какой-то раненый упалъ... на помощь
Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

Королева.
Французъ,
Иль нашъ?

Солдатъ.
Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа.

Іоанна *(въ отчаяніи порывается изъ цѣпей).*
А я въ цѣпяхъ!

Солдатъ.
Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантіи съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо
На нашихъ.

Іоанна *(съ живостью).*
То король, мой государь!

Солдатъ.
Конь испугался—прянулъ—и упалъ—
Онъ бьется подъ конемъ—онъ въ стременахъ
Запутался—къ нему помчались наши—
Ужъ близко—вотъ они—онъ окруженъ.
(Іоанна сопровождаетъ каждое слово его отчаяннымъ движеніемъ).

Іоанна.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?
Королева *(съ рупательнымъ смѣхомъ).*
Теперь пора... Защитница, спасай!
Іоанна *(бросившись на колѣни).*
Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
На небеса твои, съ надеждой, съ вѣрой,
Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
Всесиленъ Ты—тончайшей паутинѣ
Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
Всесиленъ Ты—тройнымъ желѣзнымъ узамъ
Тебѣ легко дать бренность паутины;
Ты повелишь, и цѣпь сія падетъ;
И сей тюрьмы разступится стѣна;
Ты дивный Богъ, съ Тобой слѣпецъ Самсонъ
И въ слабости могущество низринулъ;
Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ—
И на врага упали своды храма.

Солдатъ.

Побѣда!

Королева.

Что?

Солдатъ.

Король взятъ въ плѣнъ.

Іоанна *(вскочивъ).*

Нѣтъ! съ нами
Богъ!

Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близъ стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ и убѣжала; всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Прежніе, кромѣ **Іоанны.**

Королева *(послѣ долгаго молчанія).*

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?
И эту цѣпь она перервала!
Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

Солдатъ *(съ башни).*

Она на крыльяхъ; вихремъ мчится.

Королева.

Гдѣ
Она?

Солдатъ.

Ударила въ средину битвы;
Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—вдругъ
И тамъ и тутъ и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она—тамъ раздвоитъ
Толпу—тамъ сломитъ строй—все передъ ней
Бѣжитъ и падаетъ—французы стали,
Опять построились—о горе! наши
Разсыпались—оружіе бросаютъ—
Знамена пали—

Королева.

Какъ? Ужель она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

Солдатъ.

Она пробилась къ королю—и сильной
Рукою вырвала его изъ битвы—
Къ ней бросился Фастольфъ—онъ опрокинутъ—
Вождь окруженъ—его схватили.

Королева.

Стой;
Ни слова болѣе, сойди!

Солдатъ.

Бѣгите!
Спасайтеся! Они хотятъ ударить
На замокъ нашъ.

(Сходитъ съ башни).

Королева *(вынимая мечъ).*

Обороняйтесь! стойте!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Ла Гиръ вбѣгаетъ съ **солдатами; королевины солдаты** бросаютъ оружіе.

Ла Гиръ *(почтительно входя къ ней).*
Поддайтеся побѣдѣ, королева;
Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вамъ... Куда велите
Васъ проводить?

Королева.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;
Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.

(Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ла Гиромъ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Поле сраженія; назади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди **король** и **герцогъ Бургундскій;** на рукахъ у нихъ лежитъ **Іоанна,** смертельно раненая и неподвижная; они

тихо подвигаются впередъ; **Агнеса** вбѣгаетъ.

Агнеса *(бросаясь къ королю).*
Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

Король.
Освобожденъ... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!
(Указываетъ на Іоанну).

Агнеса.
Іоанна! Боже! умираетъ.

Герцогъ.
Скончалась; улетѣлъ нашъ ангелъ; тихо.
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ, и райскій миръ сіяетъ
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

Король.
Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земного;
И съ высоты преображенный ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

Агнеса.
Она жива; она глаза открыла.

Герцогъ.
Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встаетъ.

Іоанна *(осматриваясь).*
Гдѣ я?

Герцогъ.
Съ твоимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Іоанна.

Король.
Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

Іоанна *(долго смотрѣвъ неподвижными глазами).*
Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

Король.
Ты ангелъ чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затменьи.

Іоанна *(осматриваясь съ веселой улыбкою).*
Итакъ, опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

Король *(отвративъ глаза).*
Подайте знамя... вотъ оно; возьми.
(Она беретъ его, подымается и стоитъ никѣмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ).

Іоанна.
Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворенны врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ — на персяхъ вѣчный Сынъ—
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда... земля ушла изъ глазъ;
Минута скорбь, блаженство безконечно.

Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она, мертвая, на него опускается — всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи. — Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ, что она совершенно ими закрыта.

Vol. 4

ПРИМѢЧАНІЯ.

Судъ въ подземельѣ.

Напеч. было въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1834, т. III, стр. 1—19 (заглавіе: *Судъ въ подземельѣ. Послѣдняя глава недоконченной повѣсти*), съ помѣткой въ концѣ текста: *„Верне, на берегу Женевскаго озера, 1832,“* и съ примѣчаніемъ къ заглавію: „Первая глава еще не написана; сія же послѣдняя заимствована изъ Вальтеръ-Скоттова *Марміона*“.

Марміонъ или битва при Флоддень-Фельдѣ (Marmion, a tale of Flodden-field), историческая эпопея Вальтеръ Скотта (род. 1771; † 1832), вышла въ 1808 г., и имѣла необычайный успѣхъ. Историческую основу ея составляетъ битва, проигранная въ 1513 г. шотландцами англичанамъ. Изображеніе самой битвы неподражаемо художественно... Романическая сторона поэмы заключается въ разсказѣ объ одномъ гордомъ, преступномъ рыцарѣ, увлекающемъ юную монахиню, Констанцію Беверлей, которая бросаетъ монастырь и слѣдуетъ за рыцаремъ въ платьѣ пажа; но скоро она ему надоѣдаетъ, онъ хочетъ ее бросить и жениться на благородной дамѣ, невѣстѣ другого. Констанція, узнавъ объ этомъ, покушается убить своего соблазнителя, — тотъ выдаетъ ее духовному суду, какъ бѣглую монахиню... Описаніе этого суда и составляетъ сюжетъ отрывка, переведеннаго Жуковскимъ (Всеобщ. ист. лит., Корша-Кирпичникова, IV, 619).

Уллинъ и его дочь.

Баллада переведена изъ Кемпбелля: *Lord Ullin's daughter. — Т. Кемпбелль* (Thomas Campbell, 1777—1844), англійскій поэтъ, принадлежалъ къ представителямъ англійскаго романтизма. Обладалъ основательнымъ классическимъ образованіемъ. Большой поклонникъ нѣмецкихъ романтиковъ, Кемпбелль старался соединить съ романтическими сюжетами богатство классическаго содержанія, а равно классическую правильность стиля. Очень многое въ произведеніяхъ Кемпбелля сближаетъ его съ Греемъ, авторомъ извѣстной элегіи.

Кн. Дм. Вл. Голицыну.

Кн. *Дмитрій Владимировичъ Голицынъ* (род. 1771; † 1844) въ теченіе 25-ти лѣтъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія.

„Изъ оперы Жизнь за Царя.“

Это произведеніе Жуковскаго, вѣроятно, относится къ *концу 1834 г.*—Первое представленіе *Жизни за Царя* на петербургской сценѣ состоялось 27-го ноября 1836 г. Исторія созданія знаменитой оперы не только вышеприведеннымъ отрывкомъ либретто, но и самымъ происхожденіемъ отчасти тѣсно связана съ именемъ Жуковскаго... Мысль о большой національной операѣ впервые зародилась у М. И. Глинки (1804—1857) въ Италіи, въ Миланѣ, въ 1832 г., во время его заграничнаго путешествія, и съ того времени уже не покидаетъ геніальнаго композитора. Въ Вѣнѣ, Берлинѣ въ его головѣ начинаютъ роиться цѣлыя аріи и мотивы, вошедшіе впослѣдствіи въ знаменитое произведеніе. Въ апрѣлѣ 1834 г. Глинка вернулся въ Россію, и мысль о русской операѣ уже окончательно созрѣла. Оставалось перейти отъ мыслей и набросанныхъ темъ къ дѣлу... Это и было исполнено въ теченіе зимы 1834 — 1835 г. Приводимъ относящіеся сюда отрывки изъ „Записокъ“ М. И. Глинки: „Я жилъ тогда (по возвращеніи изъ-за границы, въ зиму 1834—1835 г.) домосѣдой... несмотря на это, однакоже, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще людей доступныхъ изящному. *Назову здѣсь нѣкоторыхъ*: А. С. Пушкинъ, князь Вяземскій, Гоголь, Плетневъ были постоянными посѣтителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою *Женитьбу*. Князья Одоевскій, Вельегорскій и другіе бывали тоже нерѣдко. Когда я *изъявилъ* свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое намѣреніе и *предложилъ мнѣ* сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи (повидимому, Жуковскимъ былъ набросанъ передъ Глинкою и сценаріумъ будущей оперы); я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: *Ахъ, не мнѣ бѣдному, витязю буйному*... Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ нѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. государя цесаревича. Баронъ Розенъ ретиво приступилъ къ дѣлу, и изъ уваженія къ В. А. Жуковскому, мнѣ нельзя было избѣгнуть его содѣйствія. Жуковскій хотя не писалъ для либретто, однако не измѣнилъ внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснялъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремлѣ, вмѣстѣ ѣздили мы въ мастерскую (atelier) Роллера, и Жуковскій внимательно разсматривалъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно...“

Ночной смотръ.

І. Хр. Фонъ-Цейдлицъ (1790—1862) отчасти продолжалъ традиціи нѣмецкаго романтизма, но принадлежалъ собственно къ болѣе позднѣй, съ другимъ характеромъ и направленіемъ, группѣ австрійскихъ писателей. Произведенія его относятся къ области лирики и драмы. Въ ряду лирическихъ его сочиненій *Ночной смотръ (Die nächtliche Heerschau)*—одно изъ лучшихъ, наиболѣе прославившихъ имя автора, стихотвореній.

Посвящается нашему капитану „Геркулеса“.

Напеч. по автографу въ „Рус. Архивѣ“ 1877 г., т. II,—съ точной датой, находящейся на автографѣ: *мая 26-го 1838 года*. Печатаемъ по тексту журнала. При напечатанномъ текстѣ отъ редакціи замѣчено: „Стихи эти сообщены въ „Рус. Архивъ“ г. Шульцомъ, списавшимъ ихъ съ своеручнаго подлинника, изъ альбома вице-адмирала Сергѣя Петровича Тыринова, который въ 1838 г. командовалъ пароходомъ „Геркулесъ“. На пароходѣ этомъ плылъ Жуковскій изъ Швеціи въ Россію“ (Рус. Арх.“, 1877, II, стр. 368).

„Плачь о себѣ...“

Стихотвореніе *Плачь о себѣ* написано по поводу необыкновенно ранней смерти молодой, талантливой *гр. С. Ѳ. Толстой* († 24 апр. 1838,—17-ти лѣтъ), дочери извѣстнаго въ свое время „дуэлиста“ и „американца“ гр. Ѳ. И. Толстого, и тогда же было напечатано въ видѣ эпиграфа къ обширной критико-біографической статьѣ о сочиненіяхъ преждевременно скончавшейся молодой писательницы съ указаніемъ, что стихотвореніе это находится „въ письмѣ къ гр. Ѳ. И. Толстому“ („Отеч. Зап.“, 1840, т. XII, № 10, стр. 15). Статья написана по поводу изданія: *Сочиненія въ стихахъ и прозѣ графини С. Ѳ. Толстой. Переводъ съ нѣмецкаго и англійскаго. Двѣ части. Москва. 1839.* Авторъ статьи даетъ восторженную и нѣсколько поэтизированную характеристику личности Сарры Толстой, отличавшейся дѣйствительно необыкновенными дарованіями, — и въ этомъ отношеніи его статья является лучшимъ комментаріемъ къ стихотворенію Жуковскаго. Печатаемъ стихотвореніе по тексту статьи, гдѣ въ немъ нѣтъ двухъ послѣднихъ стиховъ, читаемыхъ въ текстѣ, изданномъ г. Ефремовымъ; приводимъ эти два стиха здѣсь:

Но въ мигъ святой, какъ дочь на вѣкъ смежила вѣжды,
Въ отца проникнулъ вдругъ день вѣры и надежды...—

Гр. Ѳ. И. Толстой († 1846), прозванный въ кругу друзей „американцемъ“, по отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его, былъ человѣкъ съ большими дарованіями, но „не любившій стѣснять себя какими-либо нравственными правилами“... Именно къ нему относились, говорятъ, извѣстные стихи Грибоѣдовской комедіи:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ—вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ...

Впрочемъ, гр. Толстой-американецъ былъ принятъ въ кружкѣ лучшихъ людей того времени, считался пріятелемъ Пушкинымъ, кн. Вяземскаго и др. Дочь его, гр. С. Ѳ. Толстая была рождена отъ цыганки.

Сельское кладбище.

Печатаемъ по изд. 1849 г.,—гдѣ стихотвореніе сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ автора: „Греева элегія переведена мною въ 1802 г. и напечатана въ „Вѣст. Евр.“, который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое первое напечатанное стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу (онъ умеръ въ 1803 г.). Находясь, въ маѣ мѣсяцѣ 1839 г., въ Виндзорѣ, я посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегію (оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора); тамъ я перечиталъ прекрасную Greeву поэму и вздумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Этотъ второй переводъ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу, въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ (я его уже нѣтъ!)“.

Бородинская годовщина.

Напеч. въ „Отеч. Зап.“, 1839, т. V, съ помѣткой: *Бородино, 26 авг. 1839 г.* и тогда же вышло отдѣльной брошюрой (М., 1839); позднѣе—въ „Современникѣ“ 1840 г., т. XVI, съ присоединеніемъ къ стихотворенію отрывка изъ *письма* Жуковскаго къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ. Въ изд. 1849 г. отнесено къ 1839 г. Печатаемъ по изд. 1849 г. Обстоятельства написанія этого стихотворенія, подробно излагаются въ названномъ сейчасъ письмѣ Жуковскаго къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ, отъ 5-го сентября 1839 г., а также въ письмѣ его къ наслѣднику цесаревичу, отъ 29-го января 1840 г.

Въ первомъ письмѣ, между прочимъ, говорится:

„Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ государь угостилъ свою армію. Палатою для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его, и бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ немного».

Молитвой нашей Богъ смягчился...

Стихотвореніе написано по случаю выздоровленія опасно-болѣвшей вел. кн. Ольги Николаевны.—М. А. Маркусъ († 1865), отрывокъ изъ стихотворенія котораго приведенъ эпиграфомъ — дейбъ-медикъ, лѣчившій великую княжну.

1-е іюня 1842 г.

Стихотвореніе сопровождается слѣдующими примѣчаніями автора: „Сіи стихи, написанные на праздникъ серебряной свадьбы русскаго царя, служатъ въ то же время изъясненіемъ картины, на которой изображенъ Георгій побѣдоносецъ, съ двумя вѣнками въ рукахъ, одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый“.

Маттео Фальконе.

Проспе́ръ Мериме (р. 1803; † 1870) — извѣстный французскій писатель, членъ академіи, позднѣе сенаторъ и личный другъ Наполеона III. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ произведеній Мериме была извѣстная его *Guzla* (1827), — почти геніальная поддѣлка подъ мотивы простонародныхъ славянскихъ пѣсенъ; мистификація Мериме, какъ извѣстно, ввела въ обманъ даже Мицкевича и Пушкина. Отъ славянскихъ мотивовъ Мериме перешелъ къ феодальной эпохѣ. Къ этому времени, между прочимъ, относится его разсказъ *Matteo Falcone*, переведенный Жуковскимъ. Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ произведеній Мериме была извѣстная его *Кармэнъ*. Мериме всегда особенно привлекали дикіе оригинальные нравы, далекіе отъ цивилизаціи, отличающіеся яркостью или самобытностью; въ этомъ отношеніи ему особенно удались типы, почерпнутые имъ во время путешествія по Корсикѣ... Среди французскихъ писателей это былъ первый, старавшійся познакомить съ русской литературой своихъ соотечественниковъ. Передъ Пушкинымъ онъ почти благоговѣлъ, и считалъ его величайшимъ поэтомъ новѣйшаго времени; чтобы читать сочиненія Пушкина въ подлинникѣ, Мериме выучился по-русски... Нѣсколько сочиненій Пушкина имъ было переведено на французскій языкъ. Другимъ великимъ писателемъ Мериме считалъ Гоголя; ему онъ посвятилъ также особый этюдъ. Въ 1853 г. имъ былъ переведенъ *Ревизоръ*. Мериме былъ въ близкихъ отношеніяхъ также съ Тургеневымъ,—былъ его большимъ почитателемъ, и, между прочимъ, написалъ предисловіе къ французск. переводу „Отцовъ и дѣтей“.

Двѣ повѣсти.

Стихотворенія *А. Фонъ-Шамиссо* (1781—1838), „онѣмечившагося француза“, носятъ яркіе слѣды французскаго изящества. Шамиссо родился во Франціи, въ Шампани; при самомъ началѣ революціи замокъ его отца былъ разрушенъ, и вся семья эмигрировала въ Германію. Послѣдняя стала для будущаго поэта новымъ отечествомъ,—и французскіе стихи, которые онъ сначала писалъ, имъ скоро были замѣнены нѣмецкими, хотя вообще поэтъ всю жизнь и говорилъ, и писалъ по-нѣмецки „съ ошибками“. Сначала Шамиссо служилъ въ военной службѣ; въ 1812 году, 32 лѣтъ онъ записывается студентомъ на медицинскій факультетъ въ берлинскомъ университетѣ, въ 1815 г., на русскомъ кораблѣ, отправляется въ 3-хъ-лѣтнее кругосвѣтное путешествіе, позднѣе служитъ хранителемъ ботаническаго сада въ Берлинѣ, и подъ конецъ дѣлается членомъ берлинской академіи наукъ... Шамиссо — истинный и искренній поэтъ. Онъ ученикъ романтиковъ, отъ нихъ онъ усвоилъ свободу фантазіи и любовь къ формамъ средневѣковой романтической поэзіи, а нерѣдко и сюжетъ своихъ произведеній; отсюда же — любовь Шамиссо къ ужасному; но вообще, по содержанію и характеру своихъ произведеній, Шамиссо очень далекъ отъ крайностей нѣмецкаго романтизма. Въ нѣмецкую форму Шамиссо внесъ французскую ясность, смѣлость ума и трезвый политическій смыслъ... У него не всегда удачны сюжеты; но онъ—мастеръ въ ихъ поэтическомъ изложеніи, и вообще выступаетъ блестящимъ художникомъ въ своихъ поэтическихъ разсказахъ. Важнѣйшее произведеніе Шамиссо—*Чудесная исторія Петра Шлемиля* (1814), переведенная на всѣ европейскіе языки и представляющая собою нѣчто въ родѣ легенды о Фаустѣ, гдѣ бѣднякъ за неразмѣнный рубль продаетъ чорту свою тѣнь...

Фр. Рюккертъ (1788—1866), нѣмецкій поэтъ и ученый, профессоръ восточныхъ языковъ и литературы сначала въ эрлангскомъ, потомъ берлинскомъ университетахъ—въ нѣмецкой литературѣ имѣетъ значеніе преимущественно, какъ необыкновенно талантливый и неутомимый переводчикъ на нѣмецкій языкъ произведеній восточныхъ литературъ, и въ этомъ отношеніи является представителемъ совершенно особой стороны нѣмецкаго романтизма, „восточно-этнографической“. Вдохновенный, главнымъ образомъ, широкими воззрѣніями Гердера и Гёте, примыкая отчасти къ романтикамъ, въ частности къ братьямъ Шлегелямъ, но вообще далеко нераздѣляя многихъ основныхъ ихъ положеній, сходясь преимущественно съ ними въ одномъ — ex oriente lux—Рюккертъ отмежевалъ себѣ область Востока, и обладая здѣсь обширными знаніями ученаго, поставилъ себѣ задачей: усвоить нѣмецкой, а черезъ нее и всей европейской литературѣ, восточную поэзію и ея „мудрость“,—и выполнилъ эту задачу блиста-

тельно. „Никто такъ прекрасно и завлекательно не раскрылъ намъ поэзіи Востока, — замѣчаетъ одинъ изслѣдователь: — какъ Рюккертъ своими пересозданіями. Отъ китайцевъ онъ перенесъ къ нѣмцамъ предестную книгу пѣсенъ *Ши-Кинга*; изъ Индіи блестящій лотосовый цвѣтокъ: *Наль и Дамаянти* и глубокіе *Браманскіе разсказы*; изъ Персіи — *Восточныя розы*, съ запахомъ вина и нарда и шопотомъ поцѣлуевъ, и героическую поэму *Рустема и Зураба*, поражающую насъ своею простою предестью; изъ пустынь Аравіи— *Амрилькаиса* и драгоцѣнную *Гамасу*; изъ городовъ и караванъ-сараевъ Сиріи — *Абу-Самда* Харири, этого геніальнаго восточнаго Эйленшпигеля..." Въ своихъ произведеніяхъ оригинальныхъ, которыхъ у Рюккерта также очень много—онъ выступаетъ главнымъ образомъ, какъ блестящій версификаторъ. Рнемы, стихи давались Рюккерту необыкновенно легко. Онъ вводилъ въ нѣмецкую поэзію рнемы самыхъ разнообразныхъ видовъ и родовъ—персидскія „газели", санскритскія „шлоки", арабскія „макамы" и т. д., и т. д. Впрочемъ, все это чаще всего отличалось истинной, неподдѣльной поэзіей и самыми яркими красками той мѣстности, куда онъ переноситъ въ своихъ произведеніяхъ читателя...

Сказка объ Иванѣ-царевичѣ и о сѣромъ волкѣ.

По поводу этого и другихъ подобныхъ своихъ произведеній, Жуковскій въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу замѣчаетъ: „Мнѣ хочется собрать нѣсколько сказокъ, большихъ и малыхъ, народныхъ, но не однѣхъ русскихъ, чтобы послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ дѣтямъ. Я полагаю, что сказка для дѣтей должна быть чисто сказкою, безъ всякой другой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи. Надобно, чтобы въ дѣтской сказкѣ (не для перваго, а для второго возраста) все было нравственно-чисто; чтобы она своими сценами представляла воображенію одни свѣтлые образы, чтобы эти образы никакого дурного, ненравственнаго впечатлѣнія послѣ себя не оставляли— этого довольно. Сказка должна быть такъ же жива и возбудительна для души, какъ дѣтскія игры возбудительны для силъ тѣлесныхъ. При воспитаніи, сказка будетъ занятіемъ чисто пріятнымъ и образовательнымъ; и ея польза будетъ въ ея привлекательности, а не въ тѣхъ нравственныхъ правилахъ, которыя только остаются въ памяти, рѣдко доходятъ до сердца и могутъ сравниться съ фальшивыми цвѣтами, которые (если ихъ дать преждевременно въ руки) своею мертвою красотою, дѣлаютъ насъ не столь чувствительными къ живой, благовонной свѣжести цвѣтовъ естественныхъ. Не знаю, впрочемъ, отвѣчаютъ ли тѣ сказки, которыя мною составлены, тому идеалу дѣтскихъ сказокъ, которыя я имѣю въ мысли. Если не отвѣчаютъ, то онѣ все же будутъ привлекательнымъ чтеніемъ „для дѣтей взрослыхъ, то-есть, для народа". „Какъ образецъ" такихъ сказокъ, Жуковскій и прислалъ изъ-за границы свою „Сказку объ Иванѣ-царевичѣ".

Повѣсть объ Іосифѣ Прекрасномъ.

Повѣсть Жуковскаго объ Іосифѣ Прекрасномъ, повидимому, принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ нашего поэта, которыми онъ былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни по переводу и изложенію Св. Писанія, хотя, можетъ-быть, въ извѣстной степени имѣетъ связь и съ болѣе ранними педагогическими занятіями Жуковскаго съ вел. кн. Александрой Ѳеодоровной. Въ собраніи бумагъ поэта, находящемся въ Имп. публ. библіотекѣ, имѣются двѣ тетрадки (по „опис." И. А. Бычкова, № 94), каждая въ нѣсколько листовъ, съ собственноручно написаннымъ поэтомъ заглавіемъ: *Библейскія повѣсти*, заключающія въ себѣ, первая—двѣ „повѣсти": 1) Исаакъ и 2) Исавъ и Іаковъ; вторая—Исторію Авраама.

Четыре сына Франціи.

Въ бумагахъ поэта, хранящихся въ Имп. публ. библ. имѣется бѣловой списокъ произведенія (по „опис." г. Бычкова, № 26); списокъ писанъ писцомъ, но съ собственноручными поправками поэта. На стихотвореніи—заглавіе рукою того же писца: *Четыре сына Франціи. Стихи, сочиненные въ 1846 году. Вольный переводъ.* На оборотѣ заглавнаго листа списка читается слѣдующее: „Первыя четыре строфы этихъ стиховъ, которыхъ авторъ, какъ мнѣ сказывали, дѣвица Цедлицъ, сочинены въ 1846 г.; послѣдняя изъ нихъ заключаетъ въ себѣ пророчество, исполнившееся въ февралѣ 1848 г. Пятая строфа прибавлена мною въ началѣ 1849 года. Она изображаетъ промежутокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ которые повторилось многое, совершившееся въ продолженіе послѣдняго полувѣка: мы видѣли паденіе королевскаго трона во Франціи, видѣли изгнаніе короля: была провозглашена республика; и съ нею самодержавіе народное, и самодержавный народъ былъ разстрѣлянъ на улицахъ Парижа; теперь видимъ тѣни прежней горы, прежняго терроризма, называемаго нынѣ соціализмомъ и тѣнь Наполеона въ нынѣшнемъ президентѣ республики. Скажешь, что на сценѣ Франціи, послѣ ужасной, полувѣковой трагедіи играютъ ея коротенькую, смѣшную пародію. Развязка пародіи еще неизвѣстна; представленіе еще не окончилось; но оно, вѣроятно, кончится скоро".

Царскосельскій лебедь.

Стихотвореніе написано было въ концѣ 1851 г., что видно изъ письма Жуковскаго къ Плетневу, отъ 7-го декабря 1851 г., гдѣ поэтъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Посылаю вамъ новые мои стихи, біографію лебедя, котораго я зналъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ вел. кн. Марію Николаевну, которая была для меня явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка выучила ихъ наизусть; но вышелъ не простой Лебедь..."—„При послѣднихъ словахъ теперь невольно сжимается сердце,— прибавляетъ Плетневъ, приводя эти слова письма:— это въ самомъ дѣлѣ вышелъ не простой Лебедь, а предсмертная пѣснь нашего Лебедя..."

Розы.

Стихотвореніе было напеч. въ „Рус. Бесѣдѣ" 1856, № 1, стр. 12, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Стихотвореніе это написано В. А. Жуковскимъ не задолго до его кончины, по слѣдующему случаю: къ 29-му января, ко дню рожденія поэта, былъ присланъ ему рисунокъ изъ разноцвѣтныхъ розъ, стебли которыхъ расположились въ видѣ креста. Въ письмѣ, при которомъ былъ присланъ рисунокъ, выражалась скорбь объ усиленіи тѣлесныхъ страданій поэта, и потомъ сказано: „Вѣнокъ изъ розъ въ его соединеніи съ крестомъ, изъ которагс цвѣты произрастаютъ и къ которому они снова возвращаются, живо представлялъ намъ образъ друга страдающаго, но сохранившаго среди самыхъ страданій живость и свѣжесть души." Письмо заключалось сими словами: „Пусть же поэтъ переложитъ въ слова мысли наши, которыя мы едва могли выразить образно, и впишетъ ихъ самъ въ вѣнокъ, для него сплетенный". Замѣтимъ, что рисунокъ, назначаемый къ 29-му января, опоздалъ и былъ полученъ Жуковскимъ въ мартѣ,—а въ апрѣлѣ уже не стало поэта".

Богатырь Алеша Поповичъ или страшныя развалины.

„Комическая опера" *Алеша Поповичъ или страшныя развалины* Жуковскаго, по общему характеру своему, принадлежитъ къ тому теченію въ нашей литературѣ, которое уже довольно замѣтно начинаетъ пробиваться у насъ съ 80-хъ годовъ XVIII ст., особенно усиливаясь въ нач. XIX в. Разумѣемъ такія произведенія, какъ „историческія представленія" оперы императрицы Екатерины II, *Сѣтованіе* (1787) Богдановича, позднѣе *Илья Муромецъ* (1794) Карамзина, *Бова* (1801) Александра Радищева, *Алеша Поповичъ* (1801) и *Чурила Пленковичъ* (1801) Николая Радищева, *Бахаріане или Неизвѣстный* (1803) Хераскова, *Добрыня* (1804) Н. Львова и мн. др. Наиболѣе блестящимъ образчикомъ этого теченія можно считать *Руслана и Людмилу* (1817—1820) Пушкина... Произведенія собственно литературныя стояли здѣсь въ непосредственной связи съ первыми проблесками пробужденія интересовъ къ старинѣ этнографической, хотя послѣдняя носила на себѣ еще слишкомъ сказочный характеръ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1832.

Судъ въ подземельѣ. Повѣсть. Отрывокъ. *Подражаніе Вальтеръ-Скотту.* . 3
Роландъ оруженосецъ. Баллада. *Изъ Уланда.* 9
Плаваніе Карла Великаго. Баллада. *Изъ Уланда.* 12
Нормандскій обычай. Драматическая повѣсть. *Изъ Уланда.* 13
Братоубійца. Баллада. *Изъ Уланда.* . . 16
Рыцарь Роллонъ. Баллада. *Изъ Уланда.* 17
Старый рыцарь. Баллада. 18

1833.

Уллинъ и его дочь. Баллада. 19
Элевзинскій праздникъ. Баллада. *Изъ Шиллера.* . . . . . —
Орелъ и голубка. Басня. *Изъ Гете.* . . 21
Князю Дм. Вл. Голицыну. 22

1834.

Пѣснь на присягу наслѣдника. . . . —
Народныя пѣсни. 23
I. «Боже, царя храни!
Сильный, державный...»
II. «Слава на небѣ солнцу высокому...»
III. «Боже, царя храни!
Славному долги дни...»
Многолѣтіе. . . . . —
Изъ оперы «Жизнь за царя». Послѣдняя сцена. 24

1835.

Д. В. Давыдову. 25

1836.

Ночной смотръ. *Изъ Цедлица.* . . . —

1837.

Къ своему портрету. 26
Ермолову. . . . . —
Изъ альбома, подареннаго гр. Ростопчиной: . . . . . —
I.
II. Лавръ.
III. Надгробіе юношѣ.
IV. Голосъ младенца изъ гроба.
V. Младость и старость.
VI. Фидій.
VII. Судьба.
VIII. Завистникъ.
IX. Покойнику (А. С. Пушкину).

1838.

Bat mater. 27
Посвящается нашему капитану «Геркулеса». . . . . —
Предсказаніе. . . . . —
«Плачъ о себѣ...» . . . . . —

1839.

Поэту Ленепсу. 28
Въ Сардамскомъ домикѣ. . . . . —
Сельское кладбище. Элегія. *Второй переводъ изъ Грея.* . . . . . —
Бородинская годовщина. 31
«Молитвой нашей Богъ смягчился...» . . 33

1842.

1-е іюля 1842 г. 34

1843.

Маттео Фальконе. Корсиканская повѣсть. *Изъ Мериме.* 36
Капитанъ Бопп. Повѣсть. 39

1844.

Двѣ повѣсти. Подарокъ на новый годъ. издателю «Москвитянина». *Изъ Шамиссо и Рюккерта.* 42

1845.

Выборъ креста. Повѣсть. *Изъ Шамиссо.* 47
Тюльпанное дерево. Сказка. . . . . —
Котъ въ сапогахъ. Сказка. 51
Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. 54
Повѣсть о Іосифѣ Прекрасномъ. . . . 67

1846.

Египетская тьма. *Изъ Кн. Премудрости. Соломона.* 71

1848.

Къ русскому великану. 72

1849.

Четыре сына Франціи. . . . . —

1851.

Ея императорскому высочеству, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ привѣтствіе отъ русскихъ, при встрѣчѣ ея въ Баденѣ. 74

1848—1851.

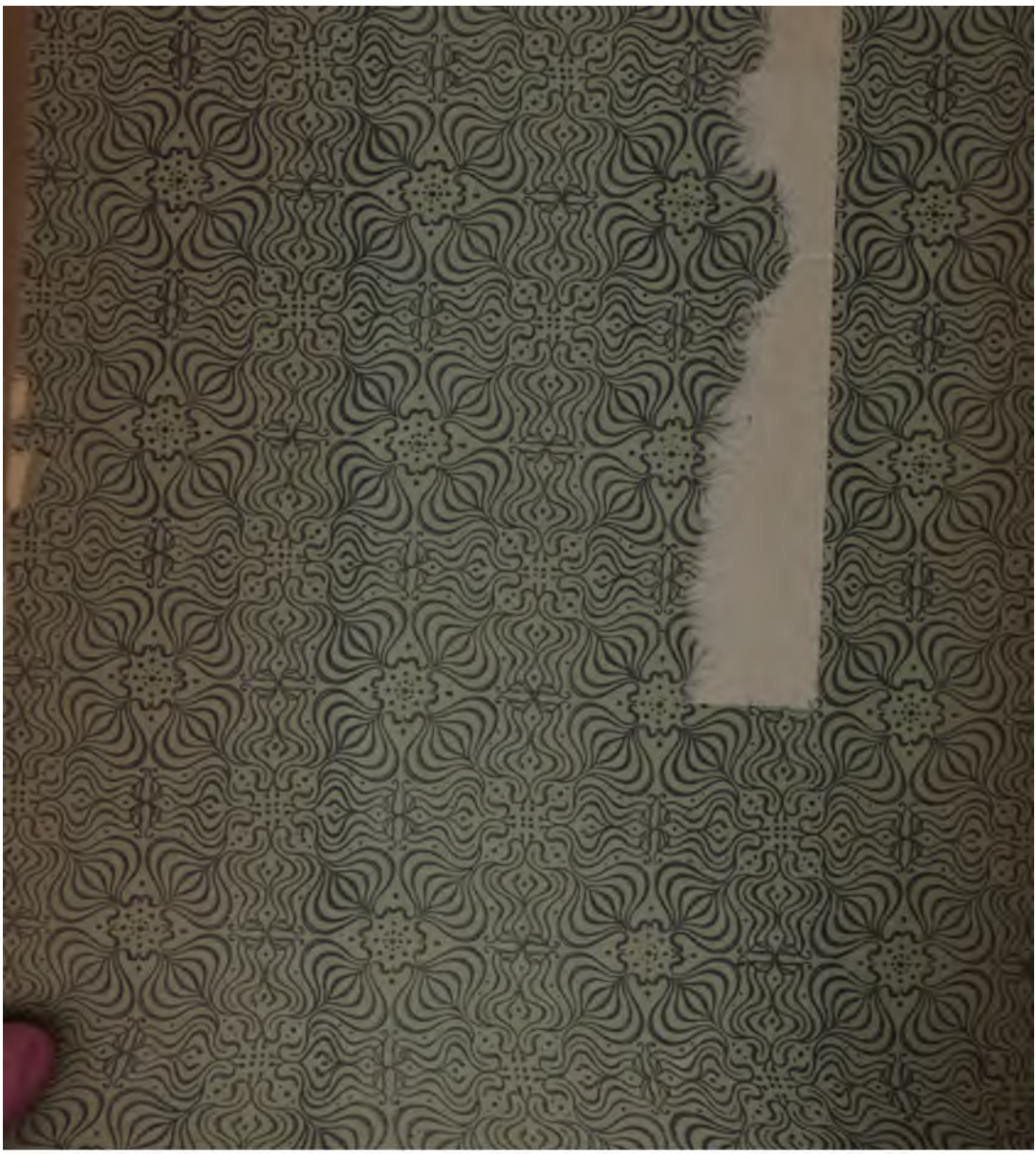
Четыре стихотворенія для дѣтей. . . . 75
I. Птичка.
II. Котикъ и козликъ.
III. Жаворонокъ.
IV. Мальчикъ съ пальчикъ. Сказочка.
Царскосельскій лебедь. 76

1852.

Розы. 77

Отдѣлъ второй.

Ок. 1805—1808 гг. **Богатырь Алеша Поповичъ, или «Страшныя развалины». Опера комическая. 78
1808—1817. Слово о полку Игоревѣ. . 110
1817—1821. Орлеанская дѣва. Драматическая поэма. Изъ Шиллера. . . . 117
Примѣчанія. 174



JAN 24 '89

FEB 24 '89

APR 13 1973

DEC 12 1971

DOC JAN 29 1990

DOC OCT 16 1990

Stanford University Library
Stanford, California

In order that others may use this book, please return it as soon as possible, but not later than the date due.